

Николай Прокудин

ВЕРНУТЬСЯ ЖИВЫМ

*30-й годовщине вывода Советских войск из Афганистана
посвящается.*

«Северо-Запад»
Санкт-Петербург
2019

*Издание выпущено на средства гранта Фонда «Русский мир»,
при непосредственной поддержке победителя конкурса Санкт-Петербургской
общественной организации ветеранов войн «Перевал»*

Прокудин Н. Н.

П 79 **Вернуться живым.** — СПб.: «Издательство «Северо-Запад»,
2019. — 72* с.

ISBN 978-542619-501-1

Роман-трилогия о войне в Афганистане **«Вернуться живым»** — одна из лучших книг, написанных о войне, и вошла в 100 книг для библиотек МО РФ в 2010 году (под названием «Район десантирования»). Роман выдержал четыре издания. Эта трилогия об Афганской войне, такой, какая она была на самом деле. Все события показаны через призму восприятия пехотного лейтенанта Никифора Ростовцева. Смерть, кровь, грязь, жара, морозы и бесконечная черед боевых действий. Но главное — это люди, их героизм и трусость, самоотверженность и эгоизм.

Боевой опыт, приобретенный ценой пролитой крови, бесценен. Потому что история человечества — это история войн. Нельзя исключить, что опыт лейтенанта Ростовцева поможет когда-нибудь и тому, кто прочитает эти книги — хотя дай нам Бог мирного неба над головой.

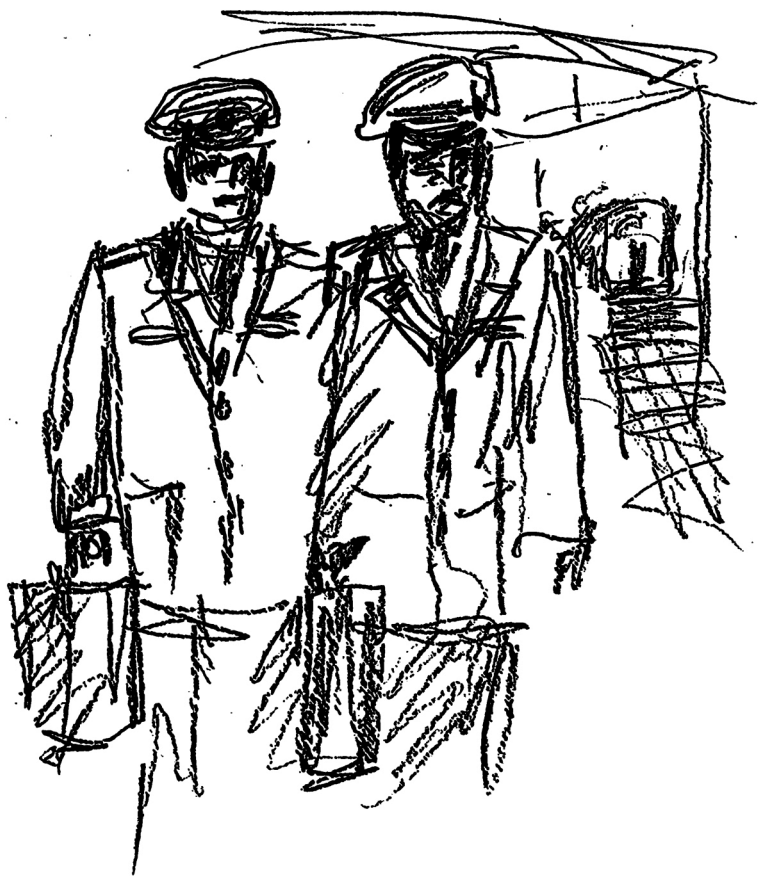
«...Вчерашний бой я видел снова и снова, как в кино. Убитые наши, подстреленные душманы, раненый офицер, кровь, пули, взрывы, едкий страх перед надвигающейся со всех сторон смертью, четыре часа непрерывной перестрелки. Война перестала быть прогулкой, альпинизмом, туризмом, приключением, она стала жестокой реальностью...»

ББК 84(2Рос-Рус)6

Художник Ю. Зверлин

РОМАНТИК

The word "РОМАНТИК" is written in a bold, black, sans-serif font. It is centered horizontally and partially overlaid by several thin, dark grey diagonal lines that sweep across the image from the bottom-left towards the top-right. The lines vary in thickness and position, creating a sense of motion and depth. The background is a light, neutral grey.

ОТ АВТОРА

Прошло уже много лет с тех пор, когда кончилась последняя война последней империи мира — никому не нужная война в Афганистане.

Один за другим умирают или трагически погибают мои друзья, с которыми я вместе воевал. Все меньше остается живых участников тех далеких событий...

Обновленная Россия ведет новую войну, и опять армия и правительство противостоят целому народу.

Война с партизанами — самая тяжелая и самая «грязная», она имеет тенденцию постепенно перерасти в агрессию против всей нации, от мала до велика. Достаточно вспомнить, что в 1980 году в Афганистане действовало около 20 тысяч моджахедов (душманов), а в 1987 году их было уже порядка 300 тысяч. Грустная статистика...

Книга выходит в свет, когда нет больше цензуры советского времени, поэтому автор имеет возможность изобразить войну такой, какой ее увидел молодой пехотный лейтенант, без прикрас и ложного героизма. Кому-то эта книга может показаться грубоватой, но ведь настоящая война всегда груба и жестока, а армейская среда — это не институт благородных девиц. Естественно, что девяносто девять процентов «неблагозвучных» выражений автор оставил «за кадром», но есть эпизоды, где без них не обойтись, чтобы не погрешить против правды.

Все время нас учили: «тяжело в ученье — легко в бою». Но почему-то это самое «тяжело» становилось правилом и в ученье, и в бою. Словно кто-то невидимый ставил перед собой цель сделать существование людей в армии невыносимым. Бытовые условия, боевые задачи — все напоминало эксперимент по выживанию.

Главные герои книги — это те, кто жарился под палящим беспощадным солнцем и промерзал до костей на снегу; те, кто месил сапогами грязь и песок по пыльным дорогам и полз по-пластунски, сбивая в кровь руки и

ноги о камни; те, кто оросил своим потом все горные вершины хребтов Гиндукуша и бескрайнюю пустыню.

Эта книга посвящается самым обыкновенным офицерам, прапорщикам, сержантам и солдатам, людям, воевавшим не по картам и схемам в тиши уютных кабинетов, а на передовой в любую погоду и в любое время дня и ночи. Многие из них погибли или стали инвалидами, кто-то умер уже после войны от ран и болезней, тяжелого наследства прошлых сражений.

Не может меня не волновать, что сейчас армейское руководство и правительство страны продолжают делать те же ошибки в проведении так называемой «антитеррористической операции», что и раньше во время Афганской войны. Как и прежде существует миф о непобедимой и всемогущей армии, который не имеет ничего общего с реальным состоянием дел. Читателям, далеким от этих проблем, книга может показаться «пасквилем» на Вооруженные Силы, но ведь автор являлся участником всех событий, о которых пишет, и стремление показать правду — главная его цель.

Кроме того, в книге показаны сложные, порой противоречивые межнациональные отношения в армейском быту. Существование таких отношений привело в дальнейшем к тому, что военные невольно становились носителями национализма в обществе.

Армия давно больна и больна серьезно. За прошедшие годы запущенная вялотекущая болезнь стала коматозным состоянием. Коррупция, воровство в Вооруженных Силах — это давняя беда армии. Нынешнее состояние армии — это следствие отношения государства к людям в погонах, а рост числа преступлений — следствие качества призывников на военную службу.

Ветераны нашей армии, особенно те, кто участвовал в локальных конфликтах — самые несчастные, бесправные люди. Их жертвы, боль утрат, физические и психологические страдания неинтересны обществу. Страну, в основной массе, не волнуют их проблемы. «А кому сейчас легко?» — могут сказать люди.

Вернувшись с очередной войны, ветераны остаются наедине со своими бедами. Психозы, стрессы, нервные срывы, пьянство, наркотики, преступления...

Душа болит за тех, кто погиб на Афганской войне, но еще больше за тех, кто продолжает погибать сейчас, в наше «мирное» время.

Книга посвящается нашей самой неприспособленной и самой бесправной армии современного цивилизованного мира.

Глава 1

На пороге войны

Ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке кабульского аэродрома. Это был крепкий немецкий чемодан, огромных, ну прямо гигантских размеров, который называют «мечта оккупанта». В нем легко уместились бушлат, шинель повседневная, шинель парадная, китель повседневный и парадный, хромовые сапоги и еще много всякой ерунды. Я глубоко вдохнул раскаленный июльский воздух Кабула. Я — это молодой лейтенант Никифор Ростовцев, год назад окончивший училище, затем год прослуживший в богом забытом гарнизоне Туркмении. Служил не в самом гиблом месте, были места и похуже. Но когда пьянство и дурь гарнизона окончательно осточертели, все-таки добился перевода за границу. Моей «заграницей» стал уже много лет воюющий Афганистан. Что там на самом деле происходит, ни я, ни мои сослуживцы толком не знали. Вроде бы и война, а вроде бы и не совсем. В полку служило немало офицеров, участвовавших во вводе войск, но ввод-то когда был — пять лет назад, да и служили наши танкисты всего месяца по два. Многое забылось, не о чем и рассказать.

После трехдневных проводов, вылившихся в грандиозную попойку, в которой участвовало большинство офицеров батальона, и двухдневного кутежа со знакомой девицей я очень устал. Приятели до моего убытия на нее только облизывались и сейчас с нетерпением ожидали моего отъезда.

Поезд проходил через город Теджен в три ночи, а наш гарнизон стоял в тридцати минутах езды от него. Бахнув на прощанье по последней рюмке, закусив арбузом и обнявшись с друзьями, я привязал чемодан к багажнику мотоцикла дружка-взводного, и вдрызг пьяные мы отчалили. На вокзале еще раз обнялся с моим провожатым, взводным Серегой, и тот как мог быстро помчался назад сменить меня на диване. Только пожелал на прощание:

— Ник, постарайся вернуться живым!

«Хорошо, — подумал я, — постараюсь!»

Билет был куплен перед самым отходом поезда. Все места в купе оказались заняты спящими пассажирами. Ругаться с туркменом-проводником желания не было, и я сел на откидное сиденье. Ночь на чемодане у открытого окна взбодрила, но в то же время усилилась нервная дрожь перед неизвестностью. Не каждый день отправляешься воевать на край света.

Громадный штаб округа напоминал айсберг из стекла и бетона. Множество подъездов, бесчисленное количество полковников и генералов, снующие «Волги» и «УАЗы». Рука от козырька не отрывалась — поприветствовал одного, второго, третьего... сотого. Вскоре появился у меня новый попутчик. Это был лейтенант, по фамилии Мелешенко, похожий на добродушного пасечника. Он не имел ни малейшего желания ехать «за речку». В течение трех дней хитрый хохол пытался увильнуть, но тщетно. Пушечное мясо требовалось в огромных количествах, а ехать вместо него желающих не было. Николай (так звали моего нового знакомого), узнав, что я еду по собственной воле и с желанием, слегка покрутил у виска пальцем. Об Афганистане он не мечтал, но раз уж так вышло, то там, «за речкой», надо попасть на должность замполита роты охраны в госпитале, на склад, или кого-то в этом роде. «Главное — можно хорошо устроиться даже там».

В окружной гостинице, где я остановился, суетились командированные с войны старшие офицеры и отпускники из той неизвестной жизни — «заграничной». Для оформления загранпаспорта потребовалось несколько дней, эти дни потихоньку прожигались мною, но уже без вреда для печени и желудка. Кино, прогулки, продолжительный сон на мягкой кровати. В конце концов, для получения документов мы с Миколой были вызваны в Управление кадров.

В небольшом конференц-зале набились человек пятьдесят офицеров в званиях повыше наших. Мужики радостно обсуждали свои радужные перспективы: в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии. Я и мой попутчик Николай были чужие на этом празднике жизни и карьеры, поэтому дремали на последнем ряду и изредка отбивались от попыток «припахать» нас по какой-нибудь мелочи.

Перед обедом зашел в зал деловитый полковник и объявил, что одному из руководителей Управления присвоили генерал-майора! Поэтому необходимо помочь в рамках разумного и организовать подарок. Тут же проявился инициативный и бодрый, очень радостный подполковник из числа «заграничников», он пустил фуражку по широкому кругу. Начал почему-то с нас.

— Лейтенанты, давайте гоните по «четвертаку». Сбросимся! Активней! — тоном, не терпящим возражений, произнес он.

— Вот дела! — заржал Никола. — Ни копейки не дам. У вас своя свадьба, у нас своя! В жопу!

Ехидно улыбаясь, Мелещенко развалился в кресле и закрыл глаза.

— Ну наглец! А вы, товарищ лейтенант, тоже отказываетесь? Вы что хотите вылететь из списков за границу? Я это быстро вам обоим органирую! — забрызгал слюной этот холеный секретарь парткома полка.

— Ага, тоже ни хрена не дам! — подтвердил я.

Николай сладко потянулся и громко на весь зал произнес:

— Все время, дурак, думал, как от Афгана сачкануть! Оказывается, нужно не взятку дать, а с подарком начальника кинуть!

Мы дружно засмеялись. Это окончательно взбесило инициативного подполковника. Отходя от нашего ряда, он громко произнес:

— Придурки! Идиоты!

На это Николай ответил вполне внятно и обещающе:

— А за придурков, выйдя на свежий воздух, можно и по морде схлопотать! Вполне легко. И твоя фотография в загранпаспорте будет не соответствовать лицу владельца.

Окружающие на нас злобно посмотрели, но связываться не стали. Однако посланный подальше подполковник не удержался и доложил про двух нахалов пришедшему за «бакшишем» (подарком) кадровику. Тот скривился, махнул равнодушно рукой, но паспорта мстительно нам выдал лишь в конце дня. Получая последние наставления, я с удивлением узнал о необходимости сделать медицинские профилактические прививки.

Прививки делали на пересыльном пункте. Оттуда же рано утром и отъезд. Черт! Не люблю я эти уколы...

Пересыльный пункт в городских закоулках Ташкента мы отыскивали с большим трудом. Вначале зарегистрировались на рейс в Кабул, затем разыскали медпункт. В медпункте, кроме санинструктора сержанта, никого не было. На вопрос о прививках он ответил, что надо шприцы прокипятить, а у него ужин, поэтому прийти нужно через полтора часа. Я раздраженно хлопнул дверью. Решили отложить эту болезненную процедуру с укалыванием задницы, плеча и лопатки до завтра, до утра.

По пересылке бродили или трезвеющие, или пьянеющие командированные и такие, как мы, новички. У народа выяснили, что можно везти с собой две бутылки водки. Мне уже этого добра не хотелось, но ведь там же коллектив ждет. Коллектив, в который предстоит влиться.

На последние деньги я в магазине приобрел водку, закуску и отправился спать в гостиницу. Практически не заснув ни разу, в три часа ночи я встал и пешком пошел к общаге, где договорился встретиться с Николаем. Тот выполз из дверей в веселой компании трех нетрезвых девах. Сволочь! Молчал и не приглашал три дня в гости. Вот жадина!

Наши чемоданы с трудом поместились в такси: один запихнули в ба-

гажник, другой — в салон. Водитель зарядил сумму по максимуму, но с Коляна, как оказалось, лишнего не возьмешь. Хотя если бы у меня деньги были, я б их ему отдал, вдруг никогда не пригодятся, а если и пригодятся, то когда? Девчонки дружно визжали и махали вслед нашей машине, не поймешь чем. Лифчиками? Трусиками?

На пересылке мы с трудом достучались до медика. Вышел все тот же сержант, пообещал сделать прививки через час. Но нам ехать на аэродром надо было минут через двадцать. На эти доводы сержант резонно предложил решить вопрос за «червонец» с каждого.

Микола развернулся и послал подальше его и прививки, на что санитар-инструктор сказал, что без штампа об их наличии нас на самолет не пустят.

Вот черт! Замкнутый круг. А денег только три рубля. Не улететь: следующий борт только завтра. Но как жить сутки без денег?

— Сержант, у нас «трояк» на двоих остался, бери и ставь отметку, а прививка нам не нужна! Договорились? — начал уламывать его я.

Медик в ответ принял канючить про тяжелую службу, нехватку витаминов, ранение в Афганистане, при этом демонстрируя отсутствие одного пальца на руке.

В конце концов, видя мои пустые вывернутые брючные карманы, он смирился с «трояком».

Весело загрузившись в автобус, мы услышали от водителя, что проезд к самолету платный — рубль с носа.

Ну и жулье! Мародеры, можно сказать.

У кого были деньги, весело ругаясь, кидали их в лежащую на моторе «пазика» кепку. А у кого, как у меня, не было — матерились и отказывались платить. Водитель предложил в свою замусоленную, лежащую на моторе кепку бросать хотя бы мелочь: все равно она нам не нужна. Кое-какая мелочь имелась, и кепка ею в основном быстро наполнилась.

Радостный водитель собрал монеты разного достоинства в карман и быстро помчал по ночному Ташкенту на военный аэродром. Пройдя уни-зительный таможенный досмотр — нам вывернули даже карманы, — выбрались из зала на бетонку.

Нас поджидал старенький, обшарпанный, с закопченными двигателями грузовой самолет АН-12. Бывалые ребята начали ругаться. Нам не повезло! Намучаемся. Вот если бы ИЛ-76, вот была бы красота, а не полет. А в этом только кабина герметичная, а борт продувался всеми ветрами! Значит, в полете уши будет давить и кислорода не хватать.

После еще одного тщательного досмотра вещей и проверки документов всех нас, офицеров и прапорщиков, числом человек восемьдесят загрузили во чрево самолета. Какой-то генерал и пара полковников прошли в гермокабину, туда же сели несколько сильно накрашенных женщин.

Хмельные прапорщики заржали:

— Новенькие, необъезженные! Пополнение! Обновление малинника! Бортмеханик задрал люк, приказал не курить и не бродить по самолету, если не хватит на всех воздуха — дышать через свисающие сверху кислородные маски. Но этих масок свисало мало, гораздо меньше, чем было сидящих на лавках и сиденьях людей.

Прапорщик-бортмеханик сел на свое откидное сиденье и демонстративно пристегнул парашют. Что-то сказал по связи, а потом уставился вверх и о чем-то задумался.

Расположившиеся рядом два откормленных дородных прапорщика громко возмутились.

— Иван! Ты бачишь, шо делается? Этот летун парашют пристегнул, а нам их даже не выдали!

— Та ни! То не парашют, то имитация, мешок для самоуспокоения.

— Да парашют, я тоби говорю. Боится, наверное.

— А шо вин его одев? Думае выпрыгнуть, если собьют? А нас бросить?

— Наивный! Кто ж его выпустит живым? Вместе с нами и упаде.

Вокруг одобрительно засмеялись другие пассажиры. Летчик злобно посмотрел на болтающих и смеющихся вояк, еще раз рывкнул нервно: «Не курить!» — и убежал вместе с парашютом в кабину пилотов, задрав за собой люк отсека.

— Ну вот, как в гробу запечатал, сволота. Видно, обиделся! — подытожил один из прапорщиков.

— Это новенькие, недавно экипаж из Белоруссии прилетел, нервничают, — авторитетно сказал какой-то офицер.

— Ничего, пусть понервничают, — отозвался другой. — Они туда-сюда с комфортом летают, а я второй год там по горам как ишак ползаю.

Вскоре после взлета в салоне началась массовая пьянка. Пили то, что сумели пронести под видом компотов и чая. На самом деле это были подкрашенные спирт, водка, самогон. Мы с Николаем из-за отсутствия этого резерва могли только дремать и завидовать, что с успехом и делали, лежа на огромных чемоданах.

Сон не шел. Было душно, не хватало воздуха. Потом над горами, когда поднялись на максимальную высоту, стало холодно, а воздуха — еще меньше. Пришлось по очереди дышать кислородом через маску.

— Подлетаем! — пьяно заорал кто-то. — Баграмка! Сейчас будет Кабул на горизонте за горами.

Все сидящие возле иллюминаторов прильнули к ним.

Я видел внизу унылый пейзаж, такой же, как и в Туркмении. Затем за хребтом появился большой город, и самолет, резко накренившись на крыло, начал кружить над ним, постепенно снижаясь.

— Самый опасный момент, — сказал авторитетно сосед, старший лейтенант. Он возвращался из отпуска, и все было уже не впервой. — Сбивают чаще всего на взлете и на посадке.

В ответ я понимающе кивнул. Начала бить дрожь, пальцы и руки нервно подергивались. Еще бы! Страшновато. Особенно нервировало натужное завывание двигателей и скрип корпуса самолета.

— Скрыпучий який, зараза! — проямлил совсем опьяневший тучный прапорщик. — Иван, не развалится этот летак?

— Та ни, не развалится! А если и развалится, падать-то вже совсем низенько, — хохотнул такой же пьяный собутыльник.

Самолет ударился колесами о бетонку, слегка подпрыгивая, промчался по полосе аэродрома, двигатели ревели на реверсе. Пробежка, торможение, разворот — все, приехали.

Народ радостно заорал: «Ура!» — и захлопал в ладоши. У кого оставалось спиртное — выпили «на посошок».

Подали трап, скомандовали: быстро выгружаемся. Вот тут мой ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке кабульского аэродрома.

* * *

Грузный прапорщик встретил всех вновь прибывших во дворе пересыльного пункта. Нехотя мы построились в одну шеренгу и выслушали дурацкий инструктаж толстой тыловой крысы.

— Товарищи офицеры и прапорщики! Вы попали на территорию пересыльного пункта №***! Это военный объект со строгой дисциплиной, здесь действует жесткий распорядок дня, обязательный для всех, — вещал с умным видом старший прапорщик.

Откормленная физиономия лоснилась нагулянным жирком, чистая, отутюженная полевая форма явно не знала пыли гор и песков пустыни. Новенькие хромовые сапоги блестели на солнце, видно было по всему: их хозяин был доволен службой и не утруждался боевыми действиями. Мы смотрели на этого военного франта, и его речь нам казалась не правдоподобной.

— Вы, товарищи, прибыли в район боевых действий, а тут, как и везде на фронте, постоянные артиллерийские обстрелы противника. Мятажники регулярно обстреливают район нашего пересыльного пункта. В случае обстрела всем залечь в окопах и щелях, вырытых за модулями-казармами. Модуль — это сборно-щитовой домик, он легко пробивается осколками, поэтому рекомендую успеть занять место в окопе. Если услышите пулеметную стрельбу, не пугайтесь, это бьет пулеметчик ДШК из капонира. На войне как на войне! Всем вести себя достойно, выполнять распоряжения администрации пересыльного пункта. Я пользуюсь властью помощника коменданта гарнизона, могу буянящих и на гауптвахту определить. Не болтаться, ждать дальнейшего распределения.

Распаясь от собственного красноречия и тылового героизма, комендант воспарил до самых высот верховного командования. Он прикрикнул на офицера, что-то спросившего его, затем рявкнул на подвыпившего прапорщика.

В конце концов, стоять под палящим солнцем и выслушивать бредни зарвавшегося «полководца» надоело какому-то подполковнику, и он прервал лекцию оратора нетерпеливым окриком:

— Комендант, не забывайтесь! В строю стоят старшие офицеры!

— Да, да! Разойдись! Получить постельное белье, сдать продаттестаты и предписания.

Рядом с нами обильно потел молодой майор, нетерпеливо слушавший инструктаж. Он нервно постукивал ботинком о кожаный чемодан.

— Редкостный болван этот комендант, — произнес он. — Пора отсюда сваливать как можно быстрее, а то еще, чего доброго, эти герои тыла чемодан сопрут. Вы, коллеги, куда направляетесь?

— Мы в распоряжение политуправления армии, — ответил Николай. — Ему вроде в Шиндант, а мне в Кундуз, но не знаем только точно, где эти места находятся.

— Здорово! И я в еду в Шиндант, в политотдел дивизии. Меня знакомые по Академии ребята должны подхватить, могу подвезти в штаб армии. Боюсь, что иначе вы тут надолго застрянете, если только сдадите этому чинуше ваши документы.

— Будем только рады составить компанию, — воскликнул я, — сейчас вещи в каптерку забросим и готовы ехать вместе с вами.

Николай зашипел мне на ухо:

— Куда ты спешишь? Мы что обязаны сами куда-то бежать, торопиться? Пусть за нами приезжают и забирают. Мне в Афгане быть ровно два года, а время уже пошло. Давай отдохнем, поспим, послушаем народ, где лучше, где хуже. Куда спешить, братан?

— Коля! Ты можешь тут хоть мхом покрыться, хоть замполитом пересылки стать! А я не собираюсь слушать бред этого бездельника-прапорщика и выполнять его дурацкие приказы. В полк — и чем быстрее, тем лучше! От судьбы все равно не уйдешь. Ты со мной?

— Да ладно, уболтал, с тобой, с тобой. Замполитом пересылки — это ты сильно сказал! Заманчивая перспектива! Но, наверное, такие теплые места давно «блатными» захвачены. Но у меня «волосатой лапы» нет. На такие должности, я думаю, в Москве распределяют. Год за три — и участник боевых действий, и риск минимальный. Ох, и жирное местечко, и сало будэ всегда. — Миколай даже мечтательно закрыл глаза.

Действительно, вскоре пришел автобус из штаба армии, и майор пригласил нас с собой в дорогу. За ним приехал какой-то моложавый подполковник, они обнялись, расцеловались.

— «Однокашник», вместе в одной роте в училище были, — пояснил майор и обратился к подполковнику: — Возьмем ребят в Политуправу? Они, как и я, в Шинданта направляются.

— Пусть едут, места хватит на всех. Потом их с собой и заберешь. Ребята, галстуки можно снять, верхнюю пуговицу рубашки расстегнуть. Расслабьтесь.

Мы обрадовались существующему тут послаблению. В ТуркВО такой приказ существовал на бумаге, но в моем полку в Туркмении командир полка без галстука и без кителя формы не признавал. Даже при +45°. Вот где был дурдом!

В Политуправлении армии все резко переиграли.

— Обоих направляем в восьмую мотострелковую дивизию, в восьми-десятый мотострелковый полк. Это наш «придворный» полк.

— А как же Шинданта? — удивился я.

— А никак. В этом полку два заменщика пару месяцев пересидели, давно домой пора уехать. Те, кто по плановой замене должны прибыть служить, куда-то пропали в Союзе: то ли болеют, то ли что-то выдумывают, или время тянут, не надыхаются.

— А где полк расположен? — поинтересовался осторожно Микола.

— Где, где. За забором, вон за тем кишлаком. Прямо в Кабуле.

— Как в Кабуле? — охнул я. — Мне не сюда, я в хочу в Шинданта, и должен убыть туда, куда предписанием определено.

Николай толкнул мою ногу под столом и сделал выразительные страшные глаза.

— В Кабул так в Кабул. Это даже хорошо! — ворковал он. — В столицах тоже кто-то служить должен.

— Товарищ полковник! — сделал я еще одну попытку отвертеться от «придворного» полка. — Я сюда рвался воевать, а не в «парадном» полку околачиваться, поэтому прошу направить меня согласно предписанию.

— Чудак, — совсем обалдел старый полковник и с интересом принялся разглядывать меня, как будто только увидел.

— Доброволец, что ли?

— Так точно, доброволец, писал рапорт еще в училище, а затем из полка просился.

— Ну вот, ты как раз в такой полк и попал!

— Шо? В смысле? А как понять? — поинтересовался Мелешенко. — Воевать-то полк, надеюсь, не воюет? Город охраняет, наверное?

— Нет, полк город не охраняет, а как раз именно воюет. Не весь полк, конечно, но один батальон на боевые ходит, а два батальона по заставам стоят.

— А... не весь, понятно, — задумался Николай. — Не весь воюет, это хорошо...

— Не весь, не весь, — ободряюще улыбнулся ему полковник, — только

один батальон, но тот воюет очень много. Ну, вот ваши документы, спросите на КПП попутку и в полк. Счастливо! Но если есть очень сильные возражения, могу направить в батальон покойного майора Козловского. Слышали про такой?

Тут уже я возразил:

— Нет, большое спасибо, лучше в восьмидесятый.

— Тогда счастливой службы, удачи, ребята!

— Что за батальон такой, почему я не слышал? — поинтересовался Никола, выходя в коридор.

— Это расстрелянный в горах целый батальон. Я некоторое время в Термезе служил и знаю эту страшную трагедию.

Вместо выведенного в Союз танкового полка отправили на его место мотострелковый полк. А через пару месяцев из того мотострелкового полка почти весь батальон этого вот Козловского уничтожили. Точных подробностей не знаю, но вдов в военном городке было очень много. Погибло больше ста солдат, прапорщиков и офицеров. Вот почему мне знакома эта фамилия. Ничего хорошего в таком невезучем подразделении быть не может.

— Нет, нет, нам такая организация, конечно, ни к чему! — согласился Мелешенко.

* * *

Мы быстро покинули здание штаба и огляделись. Еще по дороге в штаб, в автобусе, подполковник рассказал, что командование армии расположено в бывшем королевском дворце, который штурмовали в декабре семьдесят девятого. Во дворце был сильный бой, бушевал пожар, тут же и самого Амина, семью и свиту убили. То, что дворец недавно горел, было совершенно незаметно, даже следов пуль и осколков не было видно. Старинное, красивое здание. Афганское министерство обороны также размещалось в старинном дворце, но немного ниже, и тоже на самой окраине города.

Штаб нашей сороковой армии, возвышаясь над окрестностями, стоял на живописном холме, окруженном парками и аллеями. Внешний вид слегка портили маскировочные сети, блиндажи, окопчики, капониры и понастроенные модули-казармы. Вокруг была натянута колючая проволока, накренились уродливые заборы, всюду торчали таблички «Осторожно! Мины», «Прохода нет», «Мины», «Стой! Граница поста».

Мне было не до обзоров и экскурсий. Мы с Мелешенко, озираясь по сторонам и расспрашивая дорогу, двинулись к контрольно-пропускному пункту.

Автоматчик у шлагбаума ничего вразумительного объяснить не мог, зная только размещение своего батальона охраны.

Дежурный небрежно махнул рукой в сторону домиков и объяснил, что до нашего полка рукой подать и можно пешком добраться при желании.

— Пойдете по дороге до перекрестка и налево, мимо музея, а там вдоль забора. Дальше прямо, прямо, мимо зенитного полка и упретесь в ворота полка. Только с дороги не сходите на обочину, за канавой «паутина» растянута и все кюветы заминированы. Либо без ног останетесь, либо вообще погибнете. А хотите, ждите машину, может, кто и подьедет. А идти не много, километра два всего-то.

Солнце пекло, и нас обдавали пылью часто проезжающие по делам машины. Попутных в наш полк не было. Болтаться туда-сюда возле шлагбаума мне быстро надоело.

— Николай! Пойдем пешком, а то совсем изжаримся. Есть охота, в полку нас хоть накормят.

— Пойдем, — вздохнул Мелешенко, — только не беги, пойдем не спеша, я потею.

Туфли и брюки быстро покрылись толстым слоем придорожной пыли, но идти было гораздо веселее, чем топтаться на месте.

Мы миновали продуктовый «дуكان» (афганский магазинчик), продавец покричал, приглашая зайти, но денег у нас не было. А жаль. На импровизированном прилавке стояли бутылки напитков кока-кола и фанты, лежали арбузы, бананы и дыни. Жажда только усилилась. Вдоль дороги бегали оборванные, грязные мальчишки и швыряли камни вслед проезжающим машинам.

— Дикари, — улыбнулся Мелешенко. — Интересно, что орут эти туземцы? Думаю, нас матерят.

— Наверное. Главное, чтоб камни в спину не кидали.

За поворотом вытянулась прямая как стрела дорога, а вдалеке были видны вышки и заборы воинских частей.

Медленно идти не получалось. Злые нищие мальчишки действительно кидали издали камни, мужчины угрюмо смотрели на нас — все это ускорило переход к полку. Не сговариваясь, мы уже не шли, а почти бежали.

Вот такая вышла пешая прогулка.

Глава 2

Образцово-показательный полк

Переступив порог полка, я увидел асфальтированную дорогу, бетонные дорожки, вдоль них ровненько посаженные березки, камуфлированную БМП на постаменте из серого камня.

«Н-н-да, дела, — подумал я, — влип в показуху».

Рядами стояли щитовые домики, романтики палаток не присутствовало. Огромный заасфальтированный плац привел в еще большее уныние. Ангары-столовые, большой клуб, фонарные столбы с освещением.

«Это куда же я попал? Тут, наверное, парады проводят, а войны и не будет. Стоило ли ехать „за речку“, этого и в Союзе хватает. Вот не повезло, а ведь должен был ехать в Шиндант. Что потом расскажешь об Афгане? Как маршировал по плацу?»

Колян радостно потер руки:

— Вот это да! Попали в хорошее место, — и сжал мои плечи. — Служба как на Родине! Все цивилизно!

Мое настроение было прямо противоположным. Хотелось в какую-нибудь дыру, чтоб подальше от начальства, поменьше парадности, побольше войны. Так и басмачей не увижу.

Дежурный по полку, рассмотрев предписания, отправил в строевую. Строевик удивленно посмотрел на нас и спросил, откуда мы взялись.

— Откуда? Служить прибыли к вам в полк!

— Да я понимаю, что не плясать. Как вы тут очутились? Кто привез с пересылки?

— Как, как, пешком, — продолжал кипятиться Николай, явно опасаясь, что могут отправить в другое место, а ведь ему по предписанию предназначалась какая-то далекая дыра.

— Пешком у нас не ходят. Пешком у нас в покойников превращаются и в цинковом гробу потом домой едут. У нас для этого машины, БМП, БТРы ходят, вертолеты летают! Ясно?

— Ясно. Мы туда попали или не туда? — с надеждой спросил я.

— Туда, туда. Заменщики заждались уже, где были-то?

— Да мы вообще не сюда планировались, — попытался я ухватиться за последнюю соломинку.

Ой, определенно не нравилось мне тут!

— Не туда, не сюда! А будете служить здесь! В героическом восьмидесятом мотострелковом полку.

Кроме асфальта и фонарей, я ничего героического не видел.

— Эх, «зелень»! У нас в полку служили два Героя Советского Союза!

— Давно, наверное, это было, — ехидно продолжал я разговор.

Колян тем временем больно ткнул меня локтем по ребрам и зашипел:

— Молчи, место очень хорошее, еще отправят обратно.

— Так, разговорчивые! Шагайте в курилку, сейчас вас заберут те, кто так долго ждал своей замены. Идете в первый батальон: один, — и ткнул в меня, — в первую роту, другой — в третью мотострелковую роту.

— Крыса штабная! — шипел, сидя на лавочке, Николай. — Ты видел его харю? Боевой офицер! Вояка! Из штаба, наверное, даже на плац не выполняет!

— Да! Не нравится мне тут! Выпьют кровушки и нервов попортят! — поддержал я.

— Зато живы будем! Лучше плац истоптать, чем пулям кланяться. — Николай сменил возмущение на счастливое умиление и сказал: — А я уже думал: пропал Микола! Загубили! Нет, мы еще поживем, послужим Родине...

К нам в беседку ворвались два офицера, они, видно, стремительно мчались, и теперь пыхтели, как два разъяренных бизона.

— Кто меняет старшего лейтенанта Алексеева?

— Ну я, лейтенант Никифор Ростовцев, — ответил я и оказался в его объятьях.

— Мужики, где вы были так долго? Я Федор Алексеев, — представился он в ответ.

— Да мы вообще не сюда шли, — ответил, вздыхая, я.

— А теперь повезло и попали сюда, — подытожил Микола. — И мне здесь нравится, цивилизованно все. Тишина, порядок.

— Да, сейчас тишина, — усмехнулся второй офицер. — А вот батальон вернется с боевых, и жизнь закипит! А меня зовут Сергей Никитин. Я из третьей роты, замполит. Ты меня меняешь? — ткнул он пальцем в Николая.

— Да, я, — ответил Микола и осторожно поинтересовался: — А на каких таких боевых батальон?

— На обыкновенных боевых. Все в рейде, возле Пагмана воюют.

— А где это?

— Да тут рядом с городом.

— А, возле Кабула, это хорошо, что недалеко, — вновь довольно вздохнул Никола.

— Да тут в окрестностях Кабула накостыляют еще больше, чем вдали от него. Особенно в Баграмской «зеленке» или возле Чарикара, — ответил Алексеев.

— Вот те на! — выдохнул Микола и выпучил глаза, он побагровел и надулся.

— Колян, спусти воздух, ты сейчас лопнешь! — воскликнул я и хлопнул его по спине. На душе стало веселей. Значит, и здесь воюют.

— Так что, батальон боевой? — радостно спросил я.

— Еще какой боевой! Теперь это ваш батальон, а мы наконец-то домой едем — замена! Хватит, навоевались! Пошли в модуль койки делить.

Мы побрели в щитовой домик. Мелещенко шел убитый горем, едва шаркая ногами, плечи опущены, в глазах тоска. Веселое настроение улетучилось без следа, мое же, наоборот, улучшилось. Все ж пореже буду топтать по этому плацу. Ну и хорошо!

Вот и пришли. Нас посадили в захламленной комнате за стол, а сами заменщики забегали, засуетились, принялись трясти какими-то неизвест-

ными иностранными деньгами. В комнату входили и выходили люди, здоровались, смеялись, чему-то радовались. Жара стояла невероятная — зашумело в голове и заломило в висках. Год адаптации в Туркмении спасал, но не совсем. Окна в комнате были заклеены фольгой, и поэтому, чтобы не сидеть в полумраке, под потолком одиноко и уныло горела засиженная мухами лампочка.

Праздничная суета продолжалась уже больше часа. Какие-то люди забегали, убегали, снова прибегали. Я с интересом огляделся. Комната была большая, в ней стояли восемь кроватей, в центре — огромный стол, несколько шкафов и тумбочек. Мы потихоньку перебрались на чью-то кровать и принялись дремать. Полуденный зной сморил меня, и сквозь липкую дремоту через пелену полузакрытых глаз видно было, как стол постепенно заполняется банками, бутылками, тарелками, что-то непрерывно резали, раскладывали, что-то открывали.

Постепенно я очнулся, стряхнул сон и предложил товарищу:

— Колян, давай сгоняем на пересылку за вещами?

— Давай. А может, зря их сюда попрем: окажется, что все ж не в этот полк? — с чуть ощутимой последней надеждой в голосе ответил Микола.

— Нет, не окажется. Они, видишь, уже в нас так вцепились, что не отдадут никому, ни под каким предлогом.

— Мужики! А вещи наши на пересылке забрать как? — спросил я заменщиков.

— Да к черту их. Что там?

— Как что, шинели, форма всякая, — ответил я.

— К черту! На хрена тебе здесь шинели. Вы, может, еще и парадки привезли? — опять спросил Никитин.

— Ага! Даже парадную шинель. Сказали брать всё.

— Вот дают штабы! Армия пять лет воюет, а их все по полной форме присылают сюда. Мудаки тыловые. На хрена они вам сегодня, потом как-нибудь заберете, — высказался Алексеев.

— Да! Когда на партучет в дивизию поедете, тогда и возьмете, — подержал заменщик Микола.

— Да там водка, — вздохнул Колян.

— И у тебя тоже?

Алексеев с надеждой глядел на меня, и я оправдал его ожидания.

— Ну да! По пузырю!

— Не выжрали? Молодцы! Орлы! Ну это другой разговор. Сейчас вам попутный транспорт организуем!

Через полчаса мы тряслись в клубной машине с пухлым начальником клуба, который тоже мчался за своей заменой на пересылку и при этом возмущался:

— Представляет! Неделю лежит себе на койке и в ус не дует, а я тут извожусь! А он там парится. Я ему сейчас устрою веселую жизнь!

На пересылке мы забрали свои чемоданы, и послали подальше прапора-коменданта, который попытался продолжить нас поучать на примере своего огромного боевого «пересылочного» опыта.

Два клубных капитана бродили в обнимку вокруг машины. Один был безмерно счастлив, а другой — несколько смущен и растерян.

— Сергей! Стол ждет! Представляете, лейтенанты, мы с ним в одном батальоне учились! Это моя замена!

— Ребята, меня, кстати, Володей зовут. Я старый начальник клуба.

— Сергей. Начальник клуба, видимо, новый, — произнес худощавый капитан, на носу которого держались запотевшие тонкие металлические очки. — Прибыл из Ленинградского округа, а вы откуда, ребята?

— Я из Туркестанского, а Микола из Прикарпатского, вчера прилетели.

Познакомились, поздоровались и в машину. Автомобиль обратно не ехал, а летел, словно на крыльях!

— Никифор, — позвал меня Микола. — Я одну бутылку достану, а вторую с ротным надо будет выпить.

— Конечно. Так и говорим, что у нас всего по одной бутылке, а то парни с боевых действий придут, а мы с тобой пустые.

— Интересно, а почему тут спиртное и есть ли оно вообще? — задумчиво произнес Коля. — Совсем без водки тоска...

* * *

К нашему приезду застолье уже началось, и мест почти не было.

— Ребята! Скорей сюда, по правую руку. Мы вас теперь не отпустим от себя уже ни на шаг, чтоб не украли.

Все пьяно заржали.

Водка из чемоданов под крики «Ура!» перекочевала на стол. В этой компании таких приезжих, как мы, было еще пятеро: начальник клуба, два взводных лейтенанта из роты Миколы, еще один капитан, новый командир разведроты и лейтенант-минометчик.

Участниками застолья оказались зам начальника штаба полка, который в штабе поучал нас насчет сухого закона на войне, строевик и много незнакомых офицеров. Сидели пара помятых теток, какие-то непонятные гражданские личности.

Все орали что-то друг другу, чокались, пили, курили и никто никого не слушал.

В течение первого часа все было более-менее организовано, а потом начался полный хаос. Ветераны поучали нас, как жить. С нами кто-то знакомился, обнимал, кто-то что-то говорил. Шум, гам, сигаретный дым клубился под потолком. Неожиданно заорал японский магнитофон, и все перешло в пьяную анархию.

— Танцы, — завопил кто-то нетрезвым голосом.

Танцы! Громко сказано, ведь они, эти дикие пляски, танцы напоминали отдаленно. Столы совсем уже захламлились пустыми бутылками, банками и окурками в тарелках, недоеденными кусками.

— Полк пришел! — раздался истошный вопль из дверного проема. — Ура!!!

Стулья с громким стуком полетели на пол, и все бросились на улицу. Ночной воздух был наполнен клубящейся пылью, стелившейся над расположением полка. Техника шла краем полка, где-то вдалеке, и за пылью была не видна. Слышался могучий лязг гусениц боевой техники, и стоял непрерывный рев двигателей.

Все куда-то убежали, а на крыльце остались лишь мы, те, кто был в зеленых форменных рубашках — одни новички. Ребята нервно курили. Я не курил, поэтому отправился в казарму знакомиться с ротой.

* * *

Через некоторое время в пустую казарму, по которой я бродил (казарму моей роты ребята показали по дороге к общежитию, поэтому я знал, где она находится), ввалились несколько грязных, пыльных солдат, обвешанных оружием, боеприпасами, вещами. Они уставились на меня как на «марсианина» и, обойдя стороной, водрузили все свое имущество возле коек. Принялись что-то оживленно обсуждать.

Откуда-то прибежал маленький прапорщик-армянин и, разоравшись, послал всех прочь. Солдаты начали носить оружие в оружейку, вещи — в каптерку. Бойцы все прибывали. Разгрузившись, они сели тесными кучками и принялись ужинать.

Все кровати были аккуратно заправлены, но без наволочек и простыней. И только на двух были наволочки. Я подошел ближе и увидел на каждой койке фотографии в траурных рамках, а на белых простынях, завернутых уголком, высохшие букеты цветов.

Прапорщик спросил:

— Вы кто будете, товарищ лейтенант?

Я ему объяснил, что я новый зам командира роты по политчасти. Мы пожали друг другу руки.

— Старшина! Это кто? Что случилось? — обратился я с вопросом.

— Ширков и Спица, наводчик-оператор и механик БМП. В прошлом рейде парни погибли. На Панджшер тогда ходили. Броня сопровождала колонну «наливняков», солдаты погибли геройски. Гранатометчики из «зеленки» машину расстреляли, пять пробоин в бортах. Механик выполз без ног и умер в госпитале, а наводчик вел огонь из горящей машины, стрелял, пока не взорвалась башня. По полгода всего прослужили в части, только весной пришли. Первые потери в этом году в нашей роте.

Старшина вздохнул и нервно постучал по ладони плеткой.

— Новый ротный пришел из дорожного охранного батальона, принес несчастье. Фамилия предыдущего командира — Беда, но он был очень даже везучим. Славный был командир. Из-за баб погорел — недавно сняли с должности. Мои слова командиру роты не передавай. Его, правда, во время того обстрела не было, потому что пехота сидела в горах. А на броне командовал только техник роты, да на каждой машине по экипажу, отстреливаться некому.

— И часто такое? — кивнул я в сторону фотографий.

— В батальоне вообще-то часто, а в роте у нас нет. Рота была счастливая, умелая. Будем надеяться, что и тебе повезет.

К казарме шли офицеры, и старшина побежал им навстречу. Доложил и кивнул на меня, объяснил, кто я и зачем прибыл.

Среди всех выделялся высокий рыжеволосый капитан, он что-то выговаривал двум лейтенантам. Они хмуро взглянули на меня, и я поздоровался, представился.

— Ну что ж, уже хорошо! Будет кому с солдатами заниматься и мероприятия проводить, а то все без замполита. У твоего предшественника три месяца одна только замена была на уме да как барахло скупать!

Пауза затянулась, но помолчав, он хмуро продолжил:

— А я вот хоть и заменщик, а во все в рейды хожу с чокнутым контуженым замом и одним молодым взводным — «зеленым» лейтенантом. Итак, сейчас быстро знакомимся, укладываешь солдат спать, а завтра на подъем подойдешь, старшине поможешь. Я — капитан Кавун Иван. С остальными знакомься сам.

Я замаялся, и тогда он ткнул пальцем по очереди в других командиров.

— Это лейтенант Сергей Острогин, вот прапорщик Тимоха Федорович, это прапорщик Голубев, кличка Сизый. Ну, пока отложим все разговоры отложим. До завтра!

Офицеры, о чем-то переругиваясь, ушли спать, старшина провел проверку, и солдаты захрапели. Был второй час ночи. В казарме клубилась пыль, стоял тяжелый запах пота и грязи. Уныло я побрел в общежитие. Было пусто. Все куда-то убежали. С трудом нашел себе свободную койку, лег и утонул в глубоком сне.

* * *

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели в светомаскировке окон. На моих часах было уже время подъема, и я пошел в казарму. Вид у меня был довольно помятый. Брюки помялись, сапоги пропылились, рубашка пропотела, на щеках щетина двух дней (побриться нечем). В общем, даже в зеркало смотреть не было желания. Мне было неудобно, но больше всего угнетала неопределенность. Вещи не разобраны — места нет, ходишь в рубашке, как зеленый попугай среди нормально одетых, а я так не люблю выделяться, бросаться в глаза.

Обитатели казармы еще храпели, в том числе и дневальные, я ушел в каптерку к старшине и разбудил его. Взглянув на часы, он с визгом выскочил в коридор и начал орать на бойцов, стоящих в наряде по роте.

Сержантов эти крики и вопли разбудили и завели, они принялись поднимать подчиненных и тоже орать.

Постепенно началась утренняя суэта с одеваниями, умываниями, заправкой постелей.

Казарма представляла собой щитовое строение с открытым спальным помещением, оружейной комнатой у входа, тут же находились канцелярия, каптерки, бытовка, умывальник. В конце казармы за спальным помещением — ленинская комната! Ну и ну! И тут плакаты, планшеты, портреты. Я думал, что все будет по-походному, чисто символически, а тут все стационарно сделано — капитально! Мороки будет... Не ожидал, не ожидал.

Старшина позвал в каптерку.

— Лейтенант! Давай по-человечески знакомиться, без суеты! Я, Гога Веронян, старшина этой славной боевой роты. Уже полтора года как в Афгане, скоро домой поеду. Ротный, ты его вчера видел, мужик нормальный, тоже ветеран, но и ему скоро домой. Он в роте четыре месяца, до этого был в третьем батальоне, его перевели, когда старого ротного сняли. А капитан Беда теперь зам начштаба батальона. Взводных пока двое, «зеленые» только-только прибыли. Заместитель ротного старлей Грошиков и командир гранатометно-пулеметного взвода, как и я, полтора года отвоевали. Техник роты с весны, — гортанным голосом тараторил прапорщик. — Рота в рейды ходит каждый месяц, солдаты боевые, но сейчас много дембельнется, вместо них на днях молодежь прибудет. Как вы воевать дальше будете, не знаю! Одного взводного еще не хватает, он скоро придет. Сплошной молодняк...

Так за кружкой чая я понемногу узнавал, куда я попал и с кем служу.

В дверь постучали, и заглянувший в каптерку солдат выпалил:

— Нового замполита в штаб вызывают!

* * *

В штабе полка меня и моего нового приятеля Миколу отправили в партком. В кабинете сидел седой, с сильными залысынами майор.

— Секретарь парткома майор Цехмиструк! — представился он. — Заходите, хлопцы, заходите, садитесь, разговор есть к вам малоприятный. Вы чего дисциплину нарушаете, водку пьянствуете?

— Шо? Кто набрехал? — возмутился Микола.

— Сорока на хвосте принесла! Вы только за стол сели, а батька Цехмиструк уже об этом знал! Молодые люди, вы сюда прибыли выполнять интернациональный долг, воевать. А что творите? Сразу с первого дня пьянствовать. Нехорошо это...

— Так ведь с заменщиками по чуть-чуть, — продолжил Микола робкую попытку оправдаться.

— А-а, не пьянства ради, а для укрепления воинской дисциплины и сплочения воинского коллектива?

— Ага! — глупо ухмыльнулся Мелещенко.

— Ты хоть и хохол, как и я, а спуску не получишь, учти, — продолжал майор нас распекать. — Я вам пока даю дружеский совет, между нами «мальчиками». Указ вышел о борьбе с пьянством и алкоголизмом — знакомы с ним?

Мы дружно закивали. Башка с утра слегка трещала, было душно в кабинете, желудок был пуст, и организм требовал завтрака, а нотаций слушать не хотелось.

— Так вот, трезвость — норма жизни политработника! Зарубите на носу. Исправляйтесь! Еще спасибо позже мне скажете! Ну, шагайте на завтрак и крепко подумайте о своей службе в полку!

Мы угрюмо вышли из штаба.

— И какая сука успела стукнуть с утра? — возмущался Николай.

— А может, не с утра, а еще с вечера? — спросил я, размышляя вслух. — Долго ли умеючи. Тем более стучать — не воевать. Легче и для карьеры полезнее. Может, орден или медаль получит...

— Дать бы в рыло, ведь за столом, гад, наверняка с нами сидел и пил вместе.

— Ну, о себе он в парткоме, наверное, промолчал из скромности, — усмехнулся я.

* * *

В канцелярии роты сидел веселый и довольный ротный.

— Что, уже взгрели?

— Да вот, вчера по чуть-чуть для приличия и знакомства, а стук на весь полк.

— Эти крысы штабные что-что, а доносы хорошо организовали. У нас на полк два замполита полка, партком, начальник особого отдела и особисты в батальонах. Наш капитан-особист уже месяц как ловит меня, хочет мою трофейную «Беретту» отобрать.

— «Беретту»? Пистолет, что ли? Трофейный? Ну-у-у!

— Показываю один раз, и ты ее никогда не видел. Понял?

— Понятно.

Кавун извлек из металлического ящика небольшой вороненый, изящный пистолет, я такого действительно не видел. В армии, кроме ПМ, на вооружении в линейных частях других пистолетов не встретишь.

— Мне его спецназовцы подарили еще на заставе, когда стоял на Джелалабадской дороге в третьем батальоне. Кто-то натрепался, вот теперь

пытаются изъять, но где этот пистолет, не знают. Потом этот особист какому-нибудь своему проверяющему от себя подарит как сувенир. А мне жалко, как память хочу оставить, да отдать придется, в Союз не вывезешь. Жалко, был бы наградной, провез бы, а то так просто по дружбе подарили.

Иван задумался.

— А ты мне перед заменой подари, — предложил я нахально.

— Ну, ты что-нибудь учудишь с ним, а за мной хвост в Союз потянется. Нет. Я лучше особисту подарю, может, прикроет, когда что-нибудь в роте случится. Но пока время не пришло.

— Ваня! Давай сегодня вечером после отбоя за знакомство мою вторую бутылку водки приговорим с офицерами. Надо ж представиться колллективу.

— Никифор! Знаешь, я сам не пью, печень болит после желтухи. Нагрузки в горах большие, тяжело. Офицеры — взводные молодые, оба, как и ты, только из Союза, обойдутся, а с прапорщиками не надо. Лучше заму отдай, Сереге Грошикову, он это дело любит, свою контуженую голову поправляет. Вчера только из госпиталя возвратился.

Дверь открылась и на пороге с широкой глупой улыбкой, касаясь головой дверной притолоки, стоял заместитель ротного. Легок на помине. Шагнул в канцелярию, слегка задев макушкой о косяк дверной коробки, поздоровался.

— Черт! Двери низкие, не по людям сделаны.

— Ну, мы-то легко проходим, а жирафы должны сгибаться, — рассмеялся ротный. — Выздоровел после вчерашнего? Не хулиганил?

— Не издевайся, я же недавно из Союза, хулиганить рано. Как рота? Все нормально с утра?

— Вот знакомься — замполит Никифор Ростовцев. Сейчас взводные подойдут из столовой, не видел еще?

— Нет. Как они? Старшина говорит — бестолковые, да? — поинтересовался Грошиков.

— Есть такое дело. Ну, будем учить. Это был первый рейд. Не научатся, не поумнеют — не выживут.

— Ты, замполит, внимательней к нам, ветеранам, прислушивайся, приглядывайся! Вникай во все и учись. Тебе бестолковым быть нельзя. Во второй роте один был бестолковый, месяца не прожил. Потом, при случае, узнаешь все про эту грустную историю, — подытожил разговор Сергей, уже обращаясь ко мне и оценивающе разглядывая меня. — Маловат ты и худой какой-то.

— Рост средний, зато я мишень небольшая и по моему силуэту труднее попасть. А худой оттого, что в Туркмении больше года — весь высох! Кроме того, я вторую неделю по дорогам мотаюсь, толком ни пожрать, ни поспать.

— Ха! Ну, у нас тоже не поспишь и много не поешь. Не туда попал, не на курорт, — рассмеялся ротный, — готовься — через неделю в рейд. Занимайся с людьми, получай обмундирование, надо за тобой автомат быстрее закрепить. Слушай, Серега, он тебе «пузырь» привез!

— Да ну? Вот молодец! А почему мне? А сам как же, или не пьешь?

— Уже не пьет. Вчера выпил, сколько надо было для приличия с Алексеевым, и сразу стукнули в партком, штабные козлы.

— Ага, а мне, значит, можно!? Хотя мне плевать. Я контуженый. Пусть стучат. Гони водку, замполит! Выпьем с Колобком и Голубевым за твоё здоровье. Чтoб ты сто лет жил и не болел!

Я вздохнул и с грустью пошел в каптерку. Там достал из чемодана заветную «Столичную» и почти торжественно вручил Сергею. Он сгреб её своей огромной лапой и, высоко подпрыгивая на длинных ногах, убежал, крикнув на бегу:

— Спасибо, братан!

— Вот так! До завтра его уже не увидим. Колобок не наш, он прапор, комсомолец батальона, а вот Голубева мы перехватим, это командир ГПВ (гранатометно-пулеметного взвода), пусть, старый черт, людьми занимается. Оружие почистить нужно.

Первый день закрутился каруселью. Мы с Миколой представлялись командиру полка, начальнику штаба, зам комполка, обоим замполитам, комбату, заместителям комбата. Знакомства, беседы, беседы, беседы...

* * *

Секретарь парткома после общего построения задал глупый вопрос, от которого мы вообще ошалели:

— А когда вы собираетесь встать на партучет в дивизии? Чего молчим, товарищи лейтенанты?

Коля глупо улыбнулся и переспросил:

— А что, нужно куда-то ехать? А далеко?

— Штаб дивизии в Баграме, там и парткомиссия и партучет. На БТРе ехать часа два-три, как повезет.

— Это не опасно? — поежился Мелешенко.

— Вообще на дорогах все время стреляют, но, в принципе, опасно везде. Это же война. Я сам уже три раза за два месяца туда мотался. — И на лице партийного начальника отобразилась вся глубина тоски и ужаса от воспоминаний о пережитых поездках.

Он был крепкий мужик, лет сорока, очень высокий, наверное метр девяносто, голова с глубокими залысинами, волосы тронуты сединой. Морщинистое лицо, довольно огрубелое, видно, служба была не в теплых местечках. Почти пенсионер и такая напасть — военные приключения. Седой как лунь — и всё майор.

— Я, хлопцы, если честно, кроме штаба дивизии еще нигде не был. Сами понимаете, документация, прием в партию, собрания. Но у нас два батальона стоят на дорогах, нужно будет скоро проехать по подразделениям, — продолжил он, грустнее с каждым словом. — Один стоит в «зеленке» и на дороге к Баграму, а второй — по дороге на Джелалабад. Пока туда никак не вырваться. Ну а вы давайте-ка побыстрее в дивизию. Кстати, сегодня туда вылетают проверяющие из штаба ТуркВО. Они у нас в полку сегодня работают. Через час с аэродрома вертолет заказан, ехать не хотят, они лететь желают. Клубный автобус уходит от штаба полка через полчаса. Берите документы и вперед, если в батальоне возражать не будут, — майор ободряюще улыбнулся.

Мы побежали за документами. Микола радостно скакал рядом и вослицал:

— Отлично, лучше слетаем под охраной с комиссией округа! Чего мы будем трястись в БТРе. Бежим быстрее!

Ехать в дивизию в форменных рубашках, а не в полевой форме не хотелось. Надоело быть новичком, а, переодевшись, не так бы бросался в глаза. Но раз есть оказия, что ж отказываться от удачной возможности.

Объяснив ситуацию Кавуну и получив добро, через двадцать минут я стоял уже у штаба.

Николая нигде не было, но, к моему удивлению, он оказался вместе с начальником клуба в подъехавшем автобусе.

Пухлый капитан Володя позвал меня в салон.

— Вот, ребята, сейчас снимусь с партучета в дивизии и домой! Квартира в Питере, возвращаюсь туда навсегда. Как надоела эта жара, скорей к родным дождикам.

Мы понимающе улыбнулись.

Из штаба важно и неторопливо вышли два полковника и в сопровождении командира полка направились к нам.

— Вы кто такие? — поинтересовался строго один из них.

За нас ответил начальник клуба и разъяснил, что мы хотели бы попросить их взять нас на борт вертолета.

— Ну хорошо! Летите, — снизошел до нас один из холеных проверяющих.

— А где охрана? — удивился строгий полковник.

— Охрана? — озадаченно почесал затылок тучный подполковник, командир нашего полка и, выпучив глаза на прапорщика, старшего машины, заорал: — Где охрана? Бегом в артдивизион, начштаба сюда! Почему охрана еще не здесь? Где два автоматчика? Быстро!

Начальник клуба утащил нас в глубину автобуса и, давась от смеха, пояснил, что этот наш командир полка Филатов, веселый мужик. Он, конечно, и не думал давать охрану. У водителя есть автомат, а у прапорщика

гранаты валяются в бардачке. Эта казарма артдивизиона ближайшая, потому туда и послал прапорщика.

Вскоре примчался растерянный майор-артиллерист вместе с двумя вооруженными автоматами солдатами. У одного из них лицо было помятое и заспанное.

— Наряд по батарее, наверное, снял, — засмеялся капитан.

— Почему опаздывает охрана офицеров штаба округа? — принялся орать подполковник. — Я же приказал стоять им здесь еще полчаса назад! Разгильдяи! Я с вами разберусь, товарищ майор!

Командир кричал, не позволяя опомниться начальнику штаба артдивизиона, а тот не мог понять, за что его «дрючат».

— Солдаты, быстро в автобус, а вы ко мне в кабинет!

И пожав руки полковникам, командир закрыл за ними дверцу автобуса. Мы тронулись в путь, а командир похлопал по плечу артиллериста и отправил его в полном недоумении обратно в казарму.

Мы оглянулись и увидели всю эту картину: обалделый майор, так и не понявший, за что получил нагоняй, вытирал пот с лысины и пухлого лица.

— Выкрутился «кэп», — прошипел начальник клуба. — У нас по Кабулу с охраной не ездят. Это для вот этих тыловых пыль в глаза пускаем. Они из-за одного своего присутствия здесь себя героями считают.

Наконец поехали. Мы с интересом рассматривали город: узенькие улочки, глиняные дома, немногочисленные дворцы, встречались и роскошные особняки. По пути попался район пятиэтажек нашей советской постройки. Капитан время от времени комментировал поездку как заправский гид.

Проверяющие задумчиво молчали, а солдаты дремали, обхватив автоматы. Солдат спит, а служба идет.

На аэродроме мы подъехали прямо к вертолету, нас внесли в полетный лист — и сразу взлет. Прильнув к иллюминатору, я с любопытством туриста рассматривал афганский пейзаж с высоты полета птицы. Но только поднялись, как, перемахнув через горный хребет и пролетев над частью широкой долины, сели у скопления казарм на вертолетной площадке дивизии.

Нас принял неприятного и надменного вида подполковник, по фамилии Байдаковский.

Он «докопался» до внешнего вида, до мятой формы и все время бубнил и бубнил. Распекал за все подряд. Как объяснил подполковник, он здесь недавно и не допустит распушенности и расхлябанности, будет жестко бороться с анархией боевиков из рейдовых батальонов. Наконец, он от нас отвязался. Пока нас «дрючили» и воспитывали, пока мы сидели в кабинете партучета, стало смеркаться. Дежурный по штабу пояснил, что сегодня никаких попуток в Кабул не будет, может, завтра.

А что же нам делать? Где ночевать? Да и есть ужасно хотелось. Мы потерянно брели обратно в политотдел. И о чудо! Начальник клуба, наш знакомый капитан, вырулил прямо навстречу.

— Мужики! Я с ног сбился вас искать! Где шараетесь? Я тоже завис тут до завтра.

— Володя! Ты ужинал? Мы уже очумели от голода!

— Вы без меня и от бессонницы бы охренели. Пошли в столовую, что-нибудь придумаем.

Он поболтал с кем-то из местных, и недовольная официантка, презрительно глядя на нас, принесла ужин.

— Ребята, сейчас быстро едим, потом идем в клуб на концерт, а затем в общаге найдем, где перекантоваться до утра.

В клубе уже не было свободных мест, но Володя согнал трех молодых солдат, и мы уселись в уголке.

Концерт шел часа полтора. Но больше всего запала в душу песня «Ку-кушка»:

«Десять, девяносто, сто — сколько жить осталось лет, считает».

И еще одна песня — более бодряя:

Мы выходим на рассвете,
Над Баграмом дует ветер,
Раздувая наши флаги до небес.
Только пыль встает над нами.
Гордо реет наше знамя,
И родной АКМС наперевес.

* * *

— Товарищи лейтенанты! Вы прибыли в полк не дурака валять, а служить. Чем вы занимались? Что вы делали все это время? Документацию приняли? С людьми познакомились? Боевые листки после боевых действий выпущены? Пьянствуете? — кричал майор Золотарев, замполит полка.

Он продолжал нести какую-то чепуху, этот круглый майор, свежий выпускник Политической академии. На душе закипала злобная ярость, я готов был его придушить от внезапно нахлынувшей ненависти. Люди воюют, занимаются делом, а тут такой бред.

И я и Микола пообещали все упущения устранить, и мы дружно выскочили из душного кабинета.

Вот так встреча с начальством после возвращения из Баграма!

— Вот сволочь! Ты смотри, какой холеный, гладкий. Гад блатной. Тридцать лет, а уже замполит полка, — поддержал я возмущение приятеля.

Майор Золотарев нам обоим жутко не понравился. Скользкий, бегающий взгляд, он был какой-то весь мешковатый, говорил монотонно, про-

тивным дремлющим голосом, речь как у новобранца, призванного в армию из сельской глубинки.

Удивительно, но с Миколой они лицом были в чем-то похожи. Как старший и младший братья. Вскоре второй замполит по спецпропаганде продолжил накачку о том, чем надо заняться. Чем? Ленкомнатой, наглядной агитацией...

Секретарь парткома и секретарь комитета комсомола потребовали восстановления партийной и комсомольской документации. Пропагандист — оформить планы работы с личным составом за этот год. Какие могут быть планы, меня же полгода не было тут? А в ответ: «Принимать надо было хозяйство от предшественника».

Да, дела! У Миколы ситуация не лучше. Не было ничего — совершенно никаких документов.

Я перерыл бумажки, убогое наследство Алексеева. Какие-то листочки, обрывки, начатые тетрадки, да и написана в них была сплошная белиберда. Ну и влип. От чего уехал, к тому и приехал.

Нашел пару сержантов, числившихся комсоргами, заставил под диктовку заполнять дневники комсгруппиров. Бред! Они смотрели на меня круглыми глазами, как на мудака. Я и сам себя ощущал полным идиотом. Люди с боя пришли, а я какую-то ахиною диктую.

Нашелся солдат, умеющий рисовать и с хорошим почерком, опять же под мою диктовку он сделал четыре боевых листка для взводов. На обороте старой стенгазеты выпустили новый номер. Другого ватмана не нашлось.

А в ленкомнате работы!

Неделю писал, писал, писал. Диктовал, диктовал. Разгроб весь завал за семь месяцев.

Неустроенность продолжала лежать на душе камнем. Спал в каптерке рядом со старшиной, там поставили вторую койку для меня: мое место было занято еще никак не уехавшим домой Алексеевым.

Каждую ночь город обстреливали реактивными снарядами. Некоторые из них падали на территорию полка. Стреляли из-за горы, возвышавшейся над нашей частью, с противоположной стороны. Между казармами после второго обстрела, когда осколками ранило троих гражданских служащих и прапорщика, командир полка приказал вырыть щели-укрытия. Снаряд пробил крышу модуля, когда эти ребята сидели за очередной бутылкой водки. Не все даже поняли, что произошло. Это избавило их от болевого шока.

— Видимо, большой караван пришел из Пакистана — реактивные снаряды совсем не экономят, — задумчиво произнес Кавун ночью во время очередного обстрела.

— А почему, Ваня, наша артиллерия их никак не накроет? — поинтересовался я.

— Попробуй их вычислить! Район большой, а там нет ни одного нашего поста, вот и нет для орудий точной корректировки. С вечера на ослухах и барбухайках (машинах) подвезут сто-двести «эрэсов», а затем с доски неприцельно стреляют. Два «духа», провод, батарейка — вот и все. Шума много — толку мало. Неприцельно, неэффективно, но очень громко и на мозги капает. Главное, на психику давит, и отчетность наглядная каждый день. Утром все иностранные корреспонденты докладывают на Запад про успехи повстанцев. Еще бы! Еженощные обстрелы столицы!

— Часто так обстреливают?

— Нет, такого еще не бывало. Что-то они замышляют. Но я думаю: эта наглость долго продолжаться не будет, ответные меры предпримем. Вот тут-то и начнется наша с тобой работа, Ник!

Какое-то время я, как и все ночью, сидел в окопчиках, но потом надоело. Утром, не выспавшись, работать тяжело, и старшина предложил дрыхнуть в каптерке на матрасах.

— Если будет прямое попадание в казарму, то в окно, возможно, успею выпрыгнуть. А в принципе, могут и в блиндаж попасть.

Ротный принял волевое решение — тоже больше не прятаться. Я составил ему компанию на соседней стопке одеял.

Тут начался новый аврал — пополнение. Пополнение было худое, затурканное, замученное. Солдаты стояли и смотрели на нас, офицеров, затравленными, испуганными глазами.

Быстро отправили дембелей в Союз, чтоб не мучили молодежь, не мешались.

Когда я уже завывал от бессильной злобы на этот «бумажный дурдом» и нервотрепку, пришел из штаба ротный и объявил:

— Все! Завтра на боевые! Радуйся, замполит, отдохнешь от бумажек. На войну!

Ура! На войну. Завтра. Ну и дурак же я! Чему радуюсь? Зачем сюда поперся? Война! А вдруг убьют?.. Напросился сам, и обвинить было некого. Доброволец хренов...

Глава 3

Первый рейд

Рота гудела и суетилась, как растревоженный улей. Завтра выход в боевой рейд, операция в районе поселка Пагман. Меня била мелкая дрожь возбуждения от неизвестного, неизведанного. Завтра могут и убить — «вот пуля пролетела и ага!». Готов ли я морально и физически, сам не мог этого понять.

— Замполит! Нервничаешь? — поинтересовался ротный.

— Да, есть немного. Не знаю, что взять, что надеть?

— Ну ничего, мы со старшиной оденем. Итак! Я тебе подарю свою вторую песочку — костюм такой, очень удобно ходить в жару, он как из парусины. Дам лифчик-нагрудник. Спальник и кроссовки есть?

— Спальник мне подарил Алексеев, а кроссовки я куплю.

— Вот и хорошо, а остальное имущество старшина выдаст. Давай шуруй в каптерку.

Старшина-армянин, довольный вниманием к нему, обрадованно засуетился вокруг меня. Выдал фляжки, вещмешок, ложку, котелок.

— Давай, замполит, не дрейфь! Веронян тебя и соберет, проводит и обратно дождетя. Все живыми вернетесь, все будет хорошо.

Получил закрепленный за мной АКС-74, взял четыре гранаты, две пачки патронов в лифчик и четыре рожка, снаряженных патронами, пару сигнальных ракет. Кинул в рюкзак мешочек с еще парой сотен патронов.

Взводные проверяли готовность бойцов, продолжалась суета, и конца ей было не видно. Носили сухпай в БМП, стоящие в автопарке, пополняли боекомплект, носили баки с водой, вещи и грузили, грузили, грузили. Из каптерок волокли старые матрасы, чайники, какое-то огромное количество барахла. Сначала мы сами выявляли недостатки. Проверяли снова и снова, осматривали экипировку.

После обеда начальник штаба построил батальон. Зло шевеля усами, он ходил по ротам, орал, язвил, ругал командиров рот и дал время на устранение еще уймы недостатков.

Через час построил батальон вновь и доложил комбату о готовности.

Наш комбат, подполковник Цыганок, бродил между ротами ленивой походкой, всем видом показывал, что он болен, устал и делает одолжение этому батальону, проверяя его. Затем пошел докладывать в штаб о готовности.

На боевые вел начштаба майор Подорожник. А комбат сачковал, зная, что через месяц уходит на повышение.

Через час теперь уже офицеры управления полка изучали готовность тех, кто шел в рейд. Командование строевой смотр решило повторить, но времени не хватило, сроки выхода сократили.

Ротный показал мне бронемашину, на которой предстояло ехать старшим.

— Садись на башню, самое идеальное место, а бойцы сами знают, где и как ехать. Главное — это будь всегда на связи.

Я забрался на машину, сел на край люка, солдаты разместились на броне, и вскоре полк начал медленно вытягиваться в колонну.

Между колесными машинами вставали наши БМП-2 для защиты тыловых подразделений. Техника не спеша выдвигалась из полка и растягивалась по дороге. Когда головные машины миновали дорогу к штабу армии, замыкание колонны полка еще подтягивалось из парка.

Ко мне на броню сел старший лейтенант из управления полка — секретарь комитета комсомола Артюхин.

— Григорий! Ты что меня пасти будешь?

— Да нет, я от замполита полка послан с батальоном, ну и с тобой веселей будет. Матрас в десантное отделение бросил?

— Да, бойцы в каждый отсек их накидали.

Гриша Артюхин раньше служил в разведбате, а в Афгане находился уже год, он был старше меня года на четыре, очень самоуверенный и меня просто раздражал своими нравоучениями. Я с ним познакомился в день отъезда Алексеева, оказалось, они вместе учились. Он украдкой показал мне и Мелещенко несколько фотографий, от вида которых я оказался в шоковом состоянии. Это были снимки ущелья, заполненного трупами наших солдат и афганцев. В основном афганцев. Они лежали вповалку друг на друге, истерзанные и окровавленные. Григорий пояснил, что это Панджшер — лагерь пленных. «Духи» всех расстреляли, отступая, когда разведка его обнаружила, и наши попытались штурмом освободить лагерь. Работа подручных Ахмад Шаха, его банда «потрудилась». Кошмар и ужас.

Уже вечерело, мы входили в центр Кабула. Множество разных будок-кунгов выехали из штаба армии, еще больше тыловых машин, поэтому мы ползли очень медленно.

Августовское солнце нещадно палило, броня была раскалена, несмотря на то что день заканчивался и солнце медленно клонилось к горам. Полк застрял напротив здания афганского министерства обороны. Стояли долго, бойцы дремали, привалившись друг к другу, держась за автоматы, засунутые прикладами между фальшбортами.

— Ники! Я завтра выплущу, а тебе чего рядом сидеть? Ложись в десант, потом поменяемся, — предложил старший лейтенант.

— А связь?

— Я на связи посижу, давай шлемофон, — успокоил Григорий.

В левом десантном отделении было пусто, я бросил рядом автомат, лифчик не расстегнул, захлопнул люк, но сон не шел. Лежал, скрючившись, и нервничал, а вдруг из гранатомета в борт бахнут, вдруг подрыв, а вдруг нападение. Было душно, неудобно, непривычно.

Колонна двигалась короткими рывками, метров по сто-двести. Трясло, качало, и тут меня понемногу сморило, что-то снилось мирное и домашнее.

Резко распахнулся люк. В кроссовки кто-то пнул. Спросонья схватился за автомат и начал отбрыкиваться ногами.

— Ника! Ник! — пытался разбудить меня «комсомолец». Он принял-ся усиленно трясти меня за ногу и вытягивать наружу.

Голова постепенно начала соображать, и реальность возвратилась со всей своей гнетущей тяжестью бытия. Свежий воздух заполнил десантное отделение, мозги прояснились. Тельняшка, мокрая от пота, липла к

телу. Выбрался на асфальт. Колонна стояла в центре города. Мы все еще в Кабуле!.. Звездное небо было чистым, ни облачка, ни тучки. Ночная прохлада освежала, город спал, и только техника злобно урчала, загаживая выхлопными газами воздух. В ответ лаяли собаки.

Мы поменялись местами с Григорием, я сел на башню, свесив ноги в люк, надел шлемофон, повесил на крышку люка автомат, огляделся. Бойцы по-прежнему дремали. Механик нервно курил: спать нельзя, и поэтому ему было досадно. Наводчик-оператор храпел в башне, откинувшись на сиденье. Зам комвзвода Назимов, из старослужащих, лежал на башне между люками, задрал ноги на пушку. Интересно, как это он держался во время движения и не упал?

Я поднял голову вверх, посмотрел внимательно и обомлел. Черное небо все в звездах было огромным и бесконечным. Чем больше я в него глядел, тем больше казалось, что оно опускается все ниже и ниже, а я влетаю в него. Эта картина успокаивала. Чаще всего по ночам люди спят и не видят звезд. А вот когда на них долго смотришь, как я сейчас, то словно летишь среди звезд.

Действительно, возникало ощущение полета в бесконечность, бесконечность, которую трудно понять. Она реальна и нереальна.

Колонна продолжала медленно ползти. На перекрестке стояли БТРы комендантской службы, на земле сидели «царандоевцы» (афганское МВД) и грелись у костров.

Дремота из-за унылого движения техники со скоростью пешехода не исчезала. Даже ночная прохлада сон не разгоняла. Механик-водитель во время остановки заботливо накиннул мне на плечи бушлат. Спасибо! В наушниках слышно было, как время от времени начальник штаба батальона кого-то ругал, но в основном раздавалось только шипение радиостанции.

Под утро я уткнулся лбом в люк и оказался в мире непонятных и жутких сновидений.

* * *

Солнце выбралось из-за горного хребта быстро, как будто спешило излить свою огненную злобу на пришедших чужаков. Ветер приносил утреннюю свежесть, пока было прохладно. Колотила мелкая нервная дрожь.

Вся долина, куда собиралась техника батальона, медленно заполнялась машинами множества штабов.

Вдруг раздался грохот и налетел огненный смерч. Это установки «Град» и «Ураганов» начали сеять смерть в горах, вдаль посылая снаряды. Огненные хвосты исчезали сериями в небе. Не хотелось бы попасть туда, куда эти снаряды упадут. Они были похожи на кометы, только не падающие, а взлетающие. Но где-то эти рукотворные кометы обрушатся на землю и будут сеять смерть.

Батальон рассредоточился на ротные колонны, занял оборону, экипажи принялись строить небольшие укрепления из камней вокруг машин.

Пехота, матерясь и подгоняя друг друга, начала строиться возле брони повзводно и поротно. Ротные ушли на командный пункт полка. Пока мы разбирались с солдатами, капитан Кавун вернулся.

— Офицеры, ко мне! Прапорщик тоже! — сказал он специально для командира гранатометно-пулеметного взвода Голубева (старый пройдоха попытался прилечь в тени возле пулемета). — Задача такая: рота действует отдельно. На трех машинах нас подбросят вот к этой отметке. — Ротный ткнул в точку на карте. — Седлаем хребет над шоссе и контролируем соседний кишлак, все подходы к дороге. Ждем удара со стороны горы Курук, ну и вообще отовсюду. Рядом не будет никого. Техника сразу уйдет, и мы останемся одни, — продолжил ротный.

Ваня почесал затылок и, сморщив веснушчатый нос, простонал:

— Эх, где же моя долгожданная замена!

* * *

Вот уже десять минут как мы ползли по склону все выше и выше. Первый подъем в горы.

— Ну как дела, Ника? — спросил командир роты.

— Тяжеловато, жарко! — промямлил я ему в ответ, желая болтать не было.

— Это все ерунда пока. Разминка. Вот когда тысячи на три будем ползти или совершим марш километров на тридцать по хребтам, вот тут ты маму-папу вспомнишь, пожалеешь, что родился. А пока тренируйся, приывкай, — посоветовал он и дружески похлопал меня по спине.

В ложине двигались два силуэта. Кавун взглянул в бинокль и задумчиво сам себя спросил:

— Что за черт этих баб здесь носит?

Вдруг раздался выстрел, и одна из женских фигур завалилась на бок, узел, который она несла, упал к ногам.

— Кто стрелял?! — заорал Иван. — Какая сволочь бабу убила? Кто?

— Я стрелял! — заодно крикнул, закидывая снайперскую винтовку за спину, солдат. — Еще неизвестно: может, под этой паранджой не ханумка, а «дух» бородатый.

Это все произнес Тарчук, один из двух спецназовцев, которые после госпиталя попали к нам в батальон перед самым рейдом. Их прислали на доукомплектование, и кто они такие, толком было неизвестно. Ротный подошел к нему вплотную, зло взглянул в глаза снайперу и резким ударом в челюсть сбил его с ног.

— Без моего разрешения даже не дыши! Еще один такой выстрел, мудака, и ты труп! За эту бабу нам таких п...лей могут навалить. А роте тут

целую неделю сидеть. Если что случится, я тебе вторую ноздрю разорву. — Одна из ноздрей солдата была рассечена, вся правая щека в шрамах от осколков. — Тут тебе не анархия, спецназ забудь. Я для тебя царь и бог. — И слегка пнув в бок снайпера, ротный переступил через него.

Тарчук что-то прошипел, я склонился над ним и тихо спросил:

— Что шипишь, как гадюка? Зубы мешают? Добавить?

Такой ласки от меня солдат не ожидал. Он сел, сплюнув кровь себе под ноги, и ехидно пробормотал:

— Руки распускает ротный, неуставные взаимоотношения. А замполит не замечает, да?

— Нет, замечаю, могу добавить. А пикнешь, пойдешь под трибунал за бесчинство над местным населением. Заткни пасть, вытри физиономию и шагай в гору.

Я с трудом догонял ушедшего вперед капитана. Пот лил ручейками по лицу и спине, снаряжение тянуло назад, ноги вверх идти не хотели, но все же, преодолевая тяжесть в ногах, добрался до легко шагавшего командира.

— Товарищ капитан! Может, не надо было ему морду разбивать? Стуканет в полку, шуму не оберемся!

— Обойдемся без товарищей капитанов! Называй меня по имени! Уверю тебя, этот не доложит. «Ноздря» будет молчать. Ты не понимаешь еще, какая сволочь к нам в роту попала? Убийца! Мало ли за что его к нам сослали. После госпиталя в спецназ не забрали и сбагрили нам. А почему? То-то и оно, что сволочь, видно, большая, вот его из спецназа и сплавил. Наркоша наверняка! Присмотрись. Надо и нам от него избавиться. Устроил, гад, приветствие от «шурави» местным аборигенам...

Через полчаса рота выбралась на небольшое плато. Командир разделил роту по трем точкам. Первый взвод и ГПВ посадил чуть выше, второй взвод и зам комроты — на левую вершинку, третий взвод и управление с приданными саперами, минометчиками с минометом, артиллерийским корректировщиком — справа и по центру плато.

Солдаты бодро и дружно взялись строить из камней что-то непонятное.

— Иван, что они городят?

— А это СПС называется — стрелково-противопульное сооружение. В таких СПСах спать будем, а если нападение, то из них отбиваться. В горах окопы не роют.

— Понятно, а я-то думал: как мы оборону будем занимать?

Я все ломал голову: что же будет дальше?

Ночь приближалась. Вокруг на многие километры других наших подразделений больше не было.

Вопросов было много, но я не знал на них ответов. Как быть с охраной? А если все заснут и нас перережут во сне? Почему ротный не отдает приказы?

Кавун заулыбался в ответ на мою высказанную вслух тревогу.

— Ник! Они все знают и без меня, чего воздух сотрясать. Зам комвзвода сейчас распределяет по времени и по количеству постов солдат. Мы, то есть ты и взводные, ночью будете их проверять, чтоб не спали и охраняли мой сон заменика.

И он заулыбался своей широкой и красивой улыбкой.

— Пошли обедать!

— Да я еще ничего не достал и не открывал сухпай.

— Эх! Всему тебя предстоит учить! Солдаты давно приготовили еду. Отдай зам комвзвода свои банки в общий котел, а они все сделают и позовут. Санинструктор, чай готов? — рывкнул Ваня.

— Чай, чай, опять чай, — проворчал сержант Степан Томилин. — Я шо, кашевар, что ли? Наверное, узбеки уже усэ сварили.

— Так уточни! А то сам будешь кипятить. Ты что не беспокоишься о здоровье командира-заменника? Чем недоволен, Бандера?

— Чем недоволен, чем недоволен? — забурчал Степан. — Один идиот выстрелил, а теперь п...лей получит вся рота! А мне потом перевязывать. Вбыв бы дурака!

— Степан, не философствуй, не бубни, не разглагольствуй. Сказано про чай узнать, а не насчет придурков возмущаться.

Томилин, ворча под нос, ушел к разведенному за грудой камней костру и, все еще ворча и чертыхаясь, пришел с двумя кружками.

— Чай подан! — произнес он с достоинством и высокомерием опытного официанта ресторана «Метрополь». — Сейчас будет еще и каша.

— А бифштекс? А фрукты? Витамины где, Бандера? — с наигранным изумлением произнес Кавун.

— Нема ничего бильше.

Иван, притворившись раздосадованным, вздохнул и подытожил:

— Да, Степан, не видать тебе дембеля, если будешь меня так плохо лелеять. Я же до замены не дотяну. Печень больная после желтухи, чем будешь ее спасать, медицина?

— Може вашей сгущенкой!

— Ну вот, — улыбаясь, продолжал театр одного актера командир, — сгущенка опять моя, нет чтоб своей лечить!

— Свою я и сам зым, тоже пора здоровье беречь к дембелю.

— Здоровье беречь! Тебе, земляк, еще год по горам ползать!

— Не год, а восемь месяцев!

— Эх, если б мне столько еще было, я б, Степан, повесился!

— А шо тогда замполиту делать з его двумя рокими? — съехидничал сержант.

— Два раза повеситься! — весело заржал капитан. — Лейтенант! Ты даже представить не можешь, сколько тебе не то что до замены, до отпуска! Ну не грусти, пей чай и береги здоровье. Расслабься.

Я сразу загрустил от нахлынувших мыслей о предстоящих двух годах с их бесконечными походами по горам.

— Кто-то идет к нам и непонятно як! — доложил подошедший зам комвзвода сержант Дубино.

— Как это «не понятно как»? — переспросил ротный.

— А так! Вы посмотрите.

В распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону на одной ноге, опираясь на костыль и палку, скакал парнишка. Прыгал, поднимаясь к нам, да так ловко, что вскоре был уже рядом и что-то кричал.

— Просит не стрелять, — перевел пулеметчик-таджик.

— Зибоев, скажи, пусть хромает сюда, не тронем. Всем по СПСам и не торчать столбами, чтоб не сосчитал. Зибоев, переводить будешь!

Через пару минут на вершину выбрался мальчишка без правой ноги ниже колена, опирающийся на самодельные костыли. Весь черный то ли от загара, то ли от грязи. Сверкая белыми зубами, сразу начал что-то быстро-быстро рассказывать.

— Говорит, что они из кишлака — того, вон рядом у дороги, просят больше не стрелять, кишлак не трогать, его не обижать, овец не убивать, — перевел солдат.

Кавун заверил его, что все будет нормально, стрельбы не будет, если в нас ночью тоже не будут стрелять.

— А зачем ханумку убили? — перевел вопрос Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера и с простодушным видом ответил:

— Переведи ему: не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. А если кто-то не верит, захочет отомстить, разнесем весь кишлак. Пусть садится чай пить.

Мальчишка ловко сел на землю, опираясь на костыль. Солдаты выделили ему банку с налитым в нее кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар.

Я глядел на мальчишку, и мне было дико от этого зрелища. Пастушок без ноги, совсем ребенок, лет одиннадцать-двенадцать. Но как ловко передвигается. Вот он — один из кошмаров войны, невинная жертва этой «мясорубки». Война становилась все реальней, принимала все более ясные очертания.

— Что с ногой? Ты, наверное, душман? Ногу «шурави» отстрелили? — пошутил санинструктор. — Хочешь, пришью. Я медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро трещать переводчику.

— На мину наступил года три назад, давно привык, обойдется без пришивания ноги, — перевел Зибоев.

Паренек встал на ногу, подхватил костыли, попрощался и заторопился вниз к отаре и второму пастуху.

— Парламентер! Все обсмотрел, всех сосчитал, чертенюк, если «духи»

рядом — все будут про нас знать, — подвел итоги переговоров командир. — Офицеров ко мне на совет.

Когда командиры собрались, Иван поставил задачу на ночь:

— Охранение усилить! Офицерам проверять посты всю ночь. Пастушка — это «духовская» разведка. Еще, твою мать, бабу убили зазря! Тарчука самого бы вместо нее прибить на месте. Мины собрать с взводов к миномету, ленты к АГС и «Утесу» снести, не забыть. Связистам не спать, быть постоянно на связи, поставить растяжки из сигналок и гранат, но подальше, а то свои, засранцы, подорвутся. Да ставить их, как стемнеет, и чтоб из кишлака не видно было, где. И поаккуратней, чтобы сами ставящие не подорвались. Про ханумку я начальству не докладываю, и ты, замполит, не сообщай. Местные, может, тоже жаловаться не будут, тут ведь территория «духовская». Думаю, все обойдется.

Вечерело. Солнце заползло за горный хребет. На душе было мутрно. Мы убили женщину. Ни за что. Мальчик бегаёт без ноги и пасёт отару овец. Все это «благодаря» нашей интернациональной помощи. А «духов» я еще не видел.

Солнце резко упало за вершину горы, и природа вся задышала. Сразу подул легкий свежий ветерок, трава ожила, послышалось стрекотание сверчков.

Кавун окликнул меня из укрытия:

— Ник, ты чего не ложишься? Сейчас Бандера, толстожопый, разляжется, тебе места не будет. Надо скорей устраиваться, пока он с радиостанцией на всю лежанку не развалился!

— Так уж и «толстожопый»? Я просто в тазовой кости широкий, — отшутился Томилин.

— Степан! Ты почему на Бандеру не обижаешься? — поинтересовался я.

— А чего обижаться, хороший быв чоловик. Люди его любят.

Я опешил. Вот те раз. Этот хохол с Западной Украины меня озадачил своим заявлением.

— Томилин! Ты же комсомолец! Бандера — бандит!

— Ну, так уж и бандит, у нас у сели тильки так не считают.

Ротный громко заржал:

— Томилин, ты ж комсомолец! Это ж как в анекдоте: и пулемет застрочил с новой силой без патронов. Ха-ха. Вот так, замполит, хохол хохлу рознь. Правильно, Степан?

— Я не хохол, я украионец! — поправил важно Томилин с сильнейшим украинским акцентом.

— А я хохол, — уточнил ротный, — и жить буду там, где лучше.

— Вань, — чуть позже толкнул его я и спросил: — А в чем разница: хохол, украинец?

— Ах-ха-ха! Об этом у начальника штаба батальона Василия Ивановича спроси. Майор Подорожник любит на эту тему разглагольствовать. Все. Спать давай.

Я лежал и смотрел в черное-черное небо. Сон не шел. Было неудобно. Война под боком, внизу «духовской» кишлак, где-то рядом банда, их, может, больше, чем нас, а мы спокойно завалились и спим, выставив небольшое охранение. Снимают часовых и перережут как баранов.

Легкий ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя было просто замечательно. Только камушки кололи в спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок. Неудобно, непривычно. Закрыл глаза, но глаза сами собой открывались. Небо было настолько великолепным, а звезды такими необыкновенно яркими и близкими, что опять возникло ощущение полета. Было никак не уснуть. Ворочаться не получалось, так как наши тела были спрессованы малым пространством укрытия. Я расстегнул молнию на спальном мешке и вылез, стараясь не помешать сопящим соседям.

Надел кроссовки, взял автомат и стал обходить посты. Все три поста управления меня окликнули. Солдаты еще не спали, и бодрствовали не только часовые.

Лейтенант Саня Корнилов болтал с арткорректировщиком, подсев к ним, я попил душистого чая, и мы долго травили анекдоты. Но жутковатые, неприятные ощущения не пропали. Александр, как и я, пошел в первый раз на боевые и чувствовалось, что нервничает не меньше. Обговорили очередность проверки постов, завел часы на четыре утра — мое время проверки и вернулся к своему «ложу». Храпел санинструктор выразительно, но после солидного тычка в бок сразу ответил:

- На связи. Усэ нормально. Не сплю.
 - Ну и не спи, а то храпишь, как паровозный котел.
 - Так я шо, я ведь слышу усэ. Сна ни-ни, та вы ж ошиблись.
 - Глаза закрыл, наверное, сало тебе привиделось, вот и захрапел.
 - Не, я дивчин люблю бильше сала.
- Со второй попытки я уснул быстрее.

* * *

Утром запиликал будильник на электронных часах, и я нехотя открыл глаза. Вылезать из теплого пухового укрытия не хотелось совсем. Еще было темно, но уже намечался рассвет. Все было пронизано сыростью выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь во всем теле и физические страдания.

Связист ответил в полудреме, что все нормально, недавно взводный бродил, проверял, во взводах все тихо и спокойно.

На постах бойцы тряслись от холодной сырости, а молодые солдаты еще и от страха.

Сколько я в низину ни вглядывался, видно ничего не было: туман накрыл ущелье. Если бы курил, то покурил бы, а так попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, я пересчитал проведённые в этой дикой стране дни. Меньше месяца.

После завтрака ротный собрал офицеров.

— Солдат нужно чем-то занять. Чтоб они не бездельничали, пусть строят ячейки для стрельбы лежа, и еще СПСы для круговой обороны, да по очереди чистят оружие.

Я пошел по взводам. Поговорил с молодежью. Многие боятся, устали. Как и я, плохо представляют, что может случиться в любой момент.

Зам командира роты Сергей Грошиков позвал к себе в гости. Он сидел выше нас и хорошо устроился с прапорщиком Голубевым. Они играли в карты, а третьего им, видно, не хватало.

— Ник, в «кинга» сыграем? — предложил Сергей. — А то мы двое старых контуженых война скучаем, как два дурака, умного не хватает.

— А как тебя контузило?

— Старая история. В Панджшере это было еще в прошлый год. Шли на вершину, а тут камушек из-под моей ноги выскользнул, сволота! Лечу по гладкой стене вниз головой, лицом вверх, как Иисус Христос, руки в разные стороны. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить, метров тридцать скользил в ущелье, пока голова на какой-то валун не наткнулась. Ни как меня нашли, ни что дальше было — ничего не помню. Когда через полчаса или даже час вытащили и промедола (обезболивающего) два шприц-тюбика вкололи, очухался и ржу прямо как идиот. Твой предшественник Алексеев думал, что я от страха тронулся. А меня заклинило, я ведь на голове стоял полчаса. Руки не работают, ноги не идут, голова «не варит». Одежда в крови, лицо в крови. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда в Ташкент. Оказалось, сотрясение мозга и трещина черепа, маленькая-маленькая, компрессионный перелом позвоночника, хорошо, что без смещений. Вот что значит голова дубовая — все выдержала! — и Сергей раскатисто засмеялся.

— А на меня стена дувала рухнула от взрывной волны, — поддержал байки у костра прапорщик. — Присыпало очень хорошо, очнулся — ничего не слышу. Водку пить запретили. Три месяца терпел, а тут еще, когда понемножку начал клясть, борьбу за трезвость начали. Вот уж действительно, пришла беда, отворяй ворота,

Голубев грустно вздохнул, а Грошикова финал рассказа прапорщика развеселил. Он вновь залился раскатистым смехом.

— Ты еще, замполит, с Колобком плохо знаком. Тот дважды контужен, и у него вместо мозгов одно сплошное мозговое месиво, — подытожил Сергей.

Как же незнаком — знаком. На третий вечер приезда в полк и на второй день всеобщего загула дверь нашей ротной офицерской комнаты в

общаге распахнулась от сильного пинка. Так праздновали возвращение из рейда. На пороге стояли, обнявшись, Сергей и Колобков, в тельняшках и трусах. В руках по бутылке водки. Врубили музыку на всю катушку, и начались дикие пляски аборигенов. Ах! Ох!!! Схватили каждый по трофейной сабле и давай фехтовать, а затем рубить металлические дужки коек. Бам! Бам! Бам! Когда умаялись, рухнули без чувств на койки и уснули. Мои глаза стали квадратными, потом круглыми и нормальную форму приняли не скоро. Я просто обалдел от этого «представления»...

* * *

— Ну ладно, давайте играть, — сказал я. — А во что? В покер?

И тут к нашему укрытию подбежал солдат с радиостанцией.

— Товарищ старший лейтенант! Вас командир роты!

— Второй слушает!

— Внизу родник, можешь сходить за водой. Прикрытие твоё.

— Понял. Выдвигаюсь.

— Ник, за водой пойдём? Голубев будет отсюда прикрывать, а мы водички попьём. Пойдешь? — предложил Сергей.

— Пойдем! Тогда от родника я вернусь к себе.

Три бойца собрали фляжки со всего взвода и, поставив для прикрытия пулеметчика на вершине, спустились к роднику.

Бойцы наполняли фляжки, умывались. Мы тоже умылись. Серега, глупо и нагло улыбаясь, вдруг заявил:

— Не люблю замполитов, хочешь сейчас тебя грохну? Из этого автомата?

Я понял, что это его очередная идиотская шутка, и поддержал игру.

— Стреляй, псих, — сказал я как можно равнодушной.

Он отсоединил магазин и направил на меня автомат.

— Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Стало неприятно и как-то не по себе.

— Хватит глупостей, придурок!

Но Грошиков, ухмыляясь, нажал на спусковой крючок, раздался выстрел. Серега посерел в одно мгновение, потом побелел как лист бумаги, руки у него задрожали, автомат упал в ручей.

— Я ж-ж жив? — с трудом выдавил я из себя.

— Ник! Прости болвана, идиота! Я не понял, как получилось, что патрон был в патроннике!!! О! Идиот! — И он врезал себе в лоб кулаком-кувалдой. — А что ты жужжишь?

— Да как говорится, сама б-б... и шутки б-б...ские. Спасибо, что не попал.

— Хорошо я взял выше плеча! Ну я дурак, ну дурак. — Он продолжал находиться в шоке, как и я.

— Видел дураков, но ты дурак самый отменный!

— Как я не попал?! Как я не попал? Боже!

— Переживаешь или жалеешь, что промазал? — спросил я, мои руки и ноги при этом подергивались мелкой дрожью, сердце стучало, как молот, но вида не подавал, что страшно.

Бойцы сидели как вкопанные и ошалело смотрели на нас. Было тихо, словно на кладбище, лишь недалеко журчал ручей. Пауза затянулась.

— Ротный на связи, — вымолвил солдат с радиостанцией и протянул наушник Грошикову.

Дрожащими пальцами Сергей взял наушник, ответил в ларингофон:

— Второй на связи! — Выслушав ротного, сказал: — У нас все нормально, поднимаемся! И уже мне крикнул: — Поднимаемся через КП роты.

Нагруженные флягами, солдаты медленно брели вверх по склону.

— Никифор, прости меня. Я хотел пошутить, глупо получилось. — Серега обнял меня за плечи, сжал руку. — Прости, честное слово, все получилось глупо. С меня по возвращению накрытый стол.

— Да пошел ты, дурак, отвали к черту.

— Как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Ну, все забыли! Хорошо?

Наверху стоял ротный, усмехаясь, смотрел на нас, руки в карманах, лицо злое-презлое.

— Что было?

— Да я нечаянно замполита чуть не убил. Патрон в патроннике оказался. Глупо вышло.

— Мозги через дырку в башке все вытекли? Или чуть-чуть еще есть?

— Ну я пошутил, глупо получилось.

— Вижу, что неумно, на редкость неумно. В полку между рейдами все караулы будут твои. Чтоб дурь не кипела.

— Понял. Разрешите идти к себе, товарищ капитан?

— Давай, давай, и быстрее, товарищ старший лейтенант, а то еще в меня пальнешь, — насмешливо, все так же недобро глядя, произнес Ка-вун.

Ротный взглянул мне в глаза и вздохнул:

— С кем воюем! Ну и офицеры! Зеленые мальчишки и круглые идиоты. Пойдем чай пить. Вояка... Как самочувствие?

— Да ничего, терпимо, могло быть и хуже.

— Могло... Списали бы на снайпера. Вот так. Как все было?

— Ай, нелепость, глупая шутка. Идиотизм какой-то. Первый рейд — и погибнуть от пули своего же ненормального офицера.

— Кстати! Убивают, как правило, в основном новичков в первые месяцы и заменщиков, а также перед отпуском и после отпуска. Концентрации нет. Ну, вот мы с тобой в равном положении: и ты, и я в периоде

повышенной убиваемости. Да только я об этой войне все знаю: знаю, когда пригнуться, когда упасть, где упасть, куда наступить, и мне всего месяц-другой остался! А тебе еще... Кто знает, что тебе предстоит? Эх, послужишь с мое, все испытаешь.

— А что было у тебя, Ваня? Самое жуткое?

— Самое жуткое? Я тогда был ротным в третьем батальоне, стоял на дороге к Джелалабаду. В зону нашей ответственности ввели спецназ из Союза. Удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Они вошли батальоном в одно из ущелий, а поверху пустили лишь взвод. Взвод зажали, перебили за полчаса, а затем взялись за передовую роту. Мой пост был очень близко, ближе всех. Я примчался туда с тремя БМП, но пробиться в ущелье не получилось: не было дороги. Когда мы подошли, бой еще шел, к нам выбрались несколько человек. Потом подошли еще спецназовцы, и мы полезли в ущелье, но уже с хорошим прикрытием, да и вертушки помогали. Войти вошли, а добраться до них смогли только на следующий день. Вытаскивали их потом трое суток, одни трупы выносили, да еще под огнем, раненых почти не было. И вот когда спасаешься, прикрываясь покойником, и с другой стороны лежит такой же убитый пацан мордой в песок, и пули свистят со всех сторон, тогда и маму вспомнишь, и Бога позовешь. А когда жрать хочешь, то жрешь, привалившись к мертвому телу, и банку для удобства на него поставишь. Вот так-то. Первые седые волосы в моей рыжей шевелюре я после этого обнаружил.

Капитан чуть помолчал и вновь продолжил:

— Мертвых устали выносить. Столько крови никогда больше не видел и, надеюсь, не увижу. А Грошиков только харахорится и бравирует, а опыта никакого. Из полутора лет он девять месяцев по госпиталям да отпускам. Надежды на него, как на опытного командира, нет. Взводные — все новички, служат по одному месяцу. Ты такой же. Голубев — прапорщик опытный, но трусит после контузии. Вот такие дела. Держись меня, учись, запоминай. Старайся выжить!

— Иван, ты нас все пацанами называешь, а самому-то лет сколько?

— Двадцать семь. Но из них два года — каждый год за три, понятно? Уже возраст!

Мне уже было значительно легче. После чая и консервов стало почти хорошо. Удивительно, но после шока аппетит разыгрался не на шутку.

— Ложись-ка спать, я твои три часа контроля на себя беру, — сказал Иван.

Еще неделю мы охраняли дорогу. Убитую женщину афганцы унесли и похоронили, а пастухи больше к нам не приближались. По шоссе время от времени проходили колонны машин и боевой техники на большой скорости. Прямо под нашим расположением ржавело несколько остовов сгоревших машин и БТР — результаты засад мятежников.

На седьмые сутки в полночь получили задачу сниматься с позиции, создав заставу из десяти человек с тяжелым оружием и минометом. Остаться выпало Грошикову и Голубеву с расчетом АГС и минометом. Выход к кишлаку остальной части роты — на три часа ночи.

Кавун собрал офицеров.

— Мужики, у нас всего двадцать восемь человек, и мы оставляем вам восемь бойцов. Со всех уходящих снять лишний груз, весь сухой паек и флаги с водой оставить тут. Выложить побольше гранат, запас патронов, «мухи». Берем минимум боеприпасов, в разумных пределах, конечно, каждый выгружает от всего имущества половину. Уходим как можно тише и быстрее. На окраину кишлака придет броня к четырем утра. Если что случится, нужно будет продержаться минут тридцать-сорок до подхода техники. На сборы даю ровно час, всем тихо спускаться на КП роты, а вашу заставу оставим тут на моей точке. Грошиков, растяжки, поставьте по всему периметру, сколько вам сидеть здесь — не знаю.

В три попрощались с заставой, и Серега Грошиков проводил меня напутствием:

— Ну, после моего неудачного выстрела жить будешь очень долго. Ха-ха!

Двинулись. Быстрее, быстрее. Охранение метрах в пятидесяти, затем остальные. Идем тихо, почти беззвучно, мешки и вещи с вечера уложили хорошо, чтоб не стучали и не гремели.

На окраине кишлака прозвучал одиночный выстрел, пуля с визгом от ricochetнула от асфальта и улетела в темноту. Затем раздалась очередь. Поверх голов залегших на обочине бойцов роты просвистели пули, и донесся гортанный крик.

Капитан Кавун передал по живой цепочке свистящим шепотом:

— Не стрелять, в бой не ввязываться, тихо!

— Не стрелять... Не стрелять...

— Не стрелять... — прошептала как один вся цепочка солдат.

— Кто их знает, сколько тут «духов», а может, это «царандой»? Обойдемся без перестрелки, — прошептал Иван.

Мы, как призраки, стелясь по земле, уползли на окраину кишлака. Сколько «духов» может оказаться поблизости? Вступать в бой нельзя. Рота отползала все дальше и дальше.

На шоссе послышался шум приближающейся техники. Техника подходила все ближе и ближе. Наконец из темноты из-за поворота вырвались яркие огни фар, броня затормозила возле нас, пушки повернули к жилищам. Рота загрузилась за пару минут по машинам, которые мгновенно развернулись и умчались. Как будто нас здесь и не было.

* * *

Наших бойцов заменили десантниками через неделю. Больше с этой стороны «эрэсами» город не обстреливали.

Пока мы прикрывали дорогу, третья рота, прочесывая местность, навралась на банду и потеряла убитыми двух солдат. Отступающих после боя десятков «духов» прямой наводкой накрыли танкисты.

А нам повезло: мы были как на курорте. Мелещенко в первом бою остался жив и шел ко мне навстречу, широко раскрыв объятия. На нем была дурацкая панама, в которой он походил на пасечника. (После этого кличка Микола-Пасечник надолго закрепилась за ним.)

— Никифор, шо было, шо было! Пока вы там тащились, мы воевали!

Проходящий мимо Кавун заржал, услышав возбужденный рассказ насмерть перепуганного Мелещенко.

— Вояка! Штаны сухие? Все в порядке?

— Насмехаешься! А бой был такой ужасный, вот я попал в историю! Думал, в Кабуле будэ спокойно...

Мы с Иваном вместе рассмеялись над его грустной физиономией. Не повезло человеку с распределением.

* * *

Дивизия уходила. Суэта закончилась, колонна за колонной мы выдвигались на дорогу. Батальон разбросали ротами для охраны тылов. Жарища стояла невообразимая. Пыль, поднятая техникой, окутывала нас, как одеяло, обволакивала, забивалась в глаза, нос, рот.

Афганские солдаты, бредущие мимо нас, в восторге глядели на начальника штаба батальона, майора Подорожника, величественно восседавшего на броне. Его усы топорщились в разные стороны и были каждый с банан средних размеров.

Проходивший мимо усатый афганский офицер остолбенел. Замер как вкопанный, затем что-то забормотал, округлив глаза, и поднял вверх одобритительно оттопыренный большой палец. Солдаты-афганцы окружили БМП и приветственно махали нашему майору. Василий Иванович Подорожник значительно и важно подкрутил усы и изрек:

— Бача! Вот когда такие же отрастишь, воевать хорошо научишься. Переводчик, переведи ему!

Сержант-таджик перевел, наши союзники одобритительно заулыбались.

— Карашо, командир, — произнес восхищенно афганец и, помахав рукой, пошел дальше.

Гордый начальник штаба оглядел неподвижную технику нашей роты и дал команду начать движение.

Лязгая и скрипя железом, техника ползла по грунтовке к Кабулу. Доб-

равшись до асфальта, колонна двинулась быстрее и веселей. Снаряды расстреляны, продукты съедены, топливо истрачено — ехать легко.

Я с интересом разглядывал местность. В этой дикой, богом забытой стране мне предстояло выживать два года, если повезет.

Небольшие обработанные поля вокруг глиняных домов и всюду глиняные дувалы (заборы), огораживающие плохо ухоженные сады. Виноградники вокруг кишлаков. Время от времени мы проезжали мимо разбитых домов с провалившимися крышами, разрушенными дувалами, а вдоль дороги валялись сгоревшие автомашины различных марок и бронетехника, что наводило на грустные мысли. Сколько жизней оборвалось и с той и с другой стороны?..

* * *

К вечеру, когда техника стояла в парке, оружие сдали в оружейку. Помылись в контейнере, изображавшем душевую. Меня позвал старшина Гога Веронян:

— Никифор, зайди, мы ждем тебя.

В каптерке сидел ротный, на столе стояла бутылка коньяка «Арарат», немного закуски.

— Давай по сто граммов выпьем за успешное возвращение. Ты в рубашке родился. Ротный сказал: Грошиков чуть не застрелил тебя. Дурак чокнутый. Мудак — что с него возьмешь!

— Старшина, я, сам знаешь, после гепатита, печень надо беречь, наливай грамм пятьдесят, а Нику — полную рюмку.

Старшина плеснул в стеклянный стакан армянской «огненной воды».

— За боевое крещение, и чтоб так было каждый раз, оставайся живым! — изрек тост Иван.

Старшина налил нам по второй, сам вторую пить не стал.

— Теперь за замену! — И Ваня хряпнул по второй.

Старшина быстро налил чуть-чуть и тоже выпил. Я засмеялся:

— Что до замены немного?

— До февраля, а в худшем случае до апреля.

— Сглазить боишься?

Ротный усмехнулся:

— Да, что с ним в каптерке будет? Разве что матрасами завалит.

Прапорщик начал горячиться и быстро трещать, захлебываясь от возмущения.

— Ваня! Я что никогда не ходил с вами? Я ходил, а кто из старшин ходит? Никто. Работы сколько! Имущество все никак не списать. После капитана Беды столько осталось хвостов еще, а тебе ведь роту сдавать.

— Да ладно, не верещи! Главное, чтоб у меня с заменой проблем не было. Без тебя как-нибудь обойдемся. Хотя и трудно мне с вами. Взводные все новые, замполит только пришел, техник — «стакан», а зам «кон-

туженый». А до замены ты, Ники, должен меня оберегать. Дома дочка и жена ждут. Хорошо бы каждый раз так спокойно обходилось.

Глава 4

Джелалабадская операция

Целую неделю проводились занятия по натаскиванию молодых солдат, подготовка их к боевым действиям. Механики и наводчики-операторы готовили технику: заряжали боекомплект, проверяли и ремонтировали ходовую часть и движки.

Как-то утром командир полка срочно собрал всех офицеров.

— Товарищи офицеры, послезавтра выход в Джелалабад. Полк там еще не был, район новый для нас, задачи будут известны только завтра, сегодня получить карты и готовиться к выходу. Начальникам служб — обеспечить всем необходимым, пополнить боезапас, продукты получить на трое суток, составить списки убывающих и подать в штаб.

Началась суета. Солдаты, как шустрые муравьи, стали таскать туда-сюда мешки, коробки, вещи, боеприпасы. Составили списки, подали в штаб. Получили команду разбить роту по восемь человек для десантирования вертолетами.

Второй замполит полка, татарин, по кличке Муссолини, вызвал всех своих подчиненных к себе.

— Получить листовки для распространения среди местного населения, агитационные ракеты (в них тоже листовки); выпустить боевые листки, назначить актив и подать списки актива, провести собрания, инструктажи.

Какой бред! Зачем эти боевые листки? Сам-то, наверное, соображает, что это маразм. Отрывать людей сейчас от дела собраниями, стенгазетами... Если я попытаюсь сделать пятую часть из того, что сказано, ротный и офицеры пошлют подальше. За выполнение третьей части я б на их месте дал в морду, а за претворение в жизнь всей программы — можно бы и пристрелить. Главное — это не нужно никому, в том числе и самому подполковнику Мусалиеву. Затем «комсомолец», парторг и «пропагандист» добавили свои умные распоряжения.

Старший лейтенант Мелентий Митрашу, зам командира второй роты, как более опытный, возмущался меньше всех.

— Мужики, не сотрясайте воздух: он сам понимает, что в наших глазах он мудака, но ему ж тоже такую же ахинею рекомендуют начальники. Пойдем лучше пообедаем, да вовремя доложим о сделанном. Обед — главное дело на войне. Я в Панджшерской операции в прошлом году наголодался. Привезут солдат, а уже через месяц почти все в госпиталях — заболели. Дистрофия и гепатит. Один солдат из вертушки выбрался, мешок тяжелый,

автомат, еще много всего на него навешано, а лезть по крутой горе метров восемьсот. Снизу вверх посмотришь — голова кружится. Так вот, этот боец-писарь сразу ствол в рот и на спусковой крючок нажал — слизняк. Решил лучше сразу смерть, чем мучения смертельные без конца и края. Так вот, когда от истощения умерли несколько человек, прибыла медкомиссия из Кабула, всех с гор спустили к броне и давай рост мерить да вес. А я исхудал, форма оборванная была, без знаков различия и звездочек, хэбэ на мне еле висело. Встал на весы — 65 килограммов, а рост 189 сантиметров. Медсестра врачу говорит: «Дефицит веса двадцать килограмм». Врач как засуетился. Скорей в госпиталь! В вертолет его! Как фамилия солдата?

Мелентий усмехнулся, вспоминая давнюю историю, покачал головой и продолжил:

— Старший лейтенант Митрашу, говорю, Мелентий Александрович. Зам комроты по политчасти. Полковник-медик череп почесал, похмыкал и изрек: «Вообще-то страшного ничего нет, все в пределах нормы, возвращайтесь в роту». Вот так-то, такие дела. А как хотелось на белых простынях поваляться, поесть, отоспаться, медсестру обнять какую-нибудь. По этому еда в нашей жизни — задача первостепенной важности.

— Ну, тогда пойдем «почуфаним», — подытожил Мелещенко.

— Пойдем поедим, — поддержал его оду чревоугодию Мелентий. — Вообще, от сильного напряжения и стрессов слишком часто крыша съезжает у солдат. Эх, в той Панджшерской операции я был совсем зеленым, только из Союза приехал и попал во второй батальон. Он тогда тоже был рейдовый, это он потом встал в Баграмской «зеленке» по заставам. У одного бойца мозги с катушек слетели — бросил мешок и пошел в долину к «духам». Ротный догнал и попытался его остановить, успокоить, а тот, молча, автомат наставил ему в живот и дал очередь. Мы все были гораздо выше, быстро спустились, перевязали командира, стали выносить на площадку для приземления вертушки. Смотрим, а солдат уже в долине и убегает все дальше и дальше. Навели на квадрат артиллерию и ударили «Градами». Реактивные снаряды легли хорошо, кучно. Позже тело подобрали и в Кабул вывезли, списали эту гниду на «духов». А ротный выжил, кишки малость укоротили, но выжил. Только в Афган он уже не вернулся. Эх, хороший был командир! Душевный...

— Мелентий, а как ты в батальон наш попал? — поинтересовался я.

— Ты про Масленкина слышал?

— Слышал, что погиб парень. Часто все его вспоминают, намекая на какую-то трагедию, но толком никто ничего не говорит.

— История такая. В декабре прошлого года он прибыл, а в январе через месяц операция проводилась в Пагмане. Спустился Масленкин в кишлак с десятью солдатами за водой. Дело темное, как было на самом деле — никто не знает. Ротный доложил, что разрешил ему за водой спуститься, а кто говорит, что сам надумал в кишлак сходить за барашком: мол, сержанты

упросили. Вообще, до кишлака было далеко, и пространство было не простреливаемое с гор, совсем неприкрытое. В долине нарвались на «духов». Патронов с собой взяли мало, только то, что в лифчиках, а некоторые были с единственным магазином. Батальон был разбросан далеко по задачам. В роте взвод от взвода находился на большом расстоянии. Один сержант только и уполз по арыку, отстреливаясь, а остальных постреляли и порезали. Лейтенанту мошонку на лицо натянули и член в рот вставили. Кишлак мы через неделю отбили, тела вытащили, дома все с землей сровняли. Но кому от этого легче? Солдат изуродовали, но тому Масленкину досталось хуже всего. Так-то. Опыта у парня не было: первый раз шел в рейд. Поэтому, парни, повнимательней будьте, не лезьте туда, куда собака свой конец не сунет. Набирайтесь опыта. Убивают всегда новичков. Выдержал вначале, прировнялся — будешь жить. Повоюешь, и живым заменишь.

Вот такие невеселые истории поведал Мелентий Александрович перед боевыми действиями, зато поучительные.

* * *

За продовольственными складами разметили площадку для вертолетов. Вертушки я раньше видел в основном только в кино, а в Афгане летал один раз — становиться на партучет — из Кабула в Баграм.

Задачи ротам поставили уже на площадке. Секретность! Отметили точки на картах, разбили нас для десантирования по восемь человек. Через три часа ожидания появились вертолеты, и началось... Посадка — взлет, посадка — взлет... пыль, песок. Посадка — взлет. Батальонный разведвзвод разделили пополам, одна половина со мной.

Посадка. Ветер раздувает волосы, глаза запорошило пылью. Наклоняясь до земли, бредем к открытому люку.

Взлетели, а парашютов-то нет! Глянул вниз с замиранием сердца — земля все дальше и дальше. Страшно. Люди не видны, летим высоко. Постепенно наступило успокоение, и мысли приобрели философское направление.

Собьют? Не собьют? А если и собьют, может, сядем? А если погибнем? Ну не сейчас же, ведь могут убить в любой момент (погибают и в мирное время: машиной задавит, кирпич на голову, инфаркт).

Ладно, чепуха все это. Вон даже опытные солдатики хоть и бравурируют, но заметно нервничают.

Батальон впервые десантировался на вертолетах.

Разведчику Гостенкову места на лавке откинутого сиденья не хватило, и он развалился на днище, вытянув ноги. Весь обвешанный и обмотанный лентами, в тельняшке, обняв ПК, он был похож на матроса-анархиста из старого кинофильма.

Постепенно началось снижение.

Вертолеты один за другим на бреющем полете стелились по изгибу речушки в ущелье. Вдруг вертушка оказалась над широкой долиной, похожей на зеленый остров между угрюмыми серыми скалами.

Внизу шел бой, и мы, высадившись, сразу же втянулись в него. Откуда били по нам, было неясно, мы же стреляли во все стороны от площадки. Под прикрытием шквального огня батальон занимал позиции, расплываясь все шире по долине.

Ротный веселыми воплями встретил меня.

— Ну, что рейнджер! Впереди «духи» уходят по ручью. Человек десять уже ускакали на лошадях. Прямо как в кино «Белое солнце пустыни». Кто только будет Суховым? Наверное, комбат. И где, черт возьми, таможенник капитан Верещагин с пулеметом! Ха-ха.

Минометы били в глубь «зеленки», стреляли без треног с руки, толком не зная куда, а пехота понемногу ползла вперед — от куста к кусту, от бугра к бугру, от камня к камню. Пули свистели, рикошетили от бульжников. Попались по пути первые трупы животных и бородатых «духов».

А у нас в батальоне раненые. Опять раненые во второй роте. Кого-то унесли в приземляющиеся вертушки. Одних сюда, а других уже обратно.

Вот полк весь уже здесь. Разведбат и восемьдесят первый полк расположились по гребням ущелья. Десантники где-то рядом за перевалом.

Проползли открытое пространство и скорее в кишлак, который уже трясет разведка. Несколько «бородатых» валяются в овраге, на краю кишлака. Эти уйти не успели и бились до последнего патрона.

А что же я? Второй бой и никого не завалил, толком «духов» и не видел. Стрелял куда попало, впрочем, как и вся остальная рота.

Василий Иванович Подорожник вызвал Кавуна, и вскоре тот вернулся хмурым и озабоченным.

— Ну вот, попали в переделку, черт. Тут «духов» больше, чем нас, раз в пять. Нога «шурави» никогда не ступала на эту помойку. Тебе задача — берешь трех бойцов и вон за крайним жилищем на горке занимаешь оборону. Ночью не спать. Ты в боевом охранении от нашей роты. Вот тут и тут будут от второй и третьей роты заставы. Не постреляйте друг друга. Бери людей из второго взвода. Ну, удачи! Костры не разводить! Маскироваться...

— Когда выходить? Пожрать бы, — вздохнул я.

— Выходить сейчас, а то совсем стемнеет. Скорее. На месте осмотришься. Перекусите в дозоре холодными консервами. Быстрее бери солдат.

Тропинка вилась между заборов, выложенных из камней, все круче и круче, все выше забиралась моя группа. В сумерках выбрались на вершинку. Кишлак как на ладони, все в нем шевелилось. Огни, дым, суета. А мы жевали сухари и холодную кашу с мясом, вернее с присутствием мяса.

Солнце рухнуло за горы, и темнота навалилась, словно нас укрыли темным одеялом. Подул ветер, свежесть перешла в прохладу, которая сменилась мерзкой сыростью. Постепенно и я, и бойцы замерзли, не согревали и бушлаты. Вот так-то. Конец августа — днем жара, а ночью холод собачий. Как говорится, из огня да в полымя. У меня бушлата не было, не взял по неопытности, поэтому накрылся расстегнутым спальным мешком.

Всю ночь на пролет мы дрожали на ветру, а утром выпала роса, так еще и промокли.

С рассветом спустились к своим злые, как черти. Но поспать и погреться не удалось. Командир полка ревел, как разбуженный медведь-шатун, и разгонял подразделения по задачам. Я поздоровался с нашими офицерами и тут же занял свое место в хвосте колонны. Ротный велел подгонять всех отстающих, и мы вместе с санинструктором побрели в замыкании. Бандера — Томилин шел, как всегда бурча и ругаясь тихо себе под нос.

Печочки солдат растянулись во все стороны, роты выходили на задачи. Где-то впереди по ущелью была артиллерия, в небе кружились вертолеты и с высоты посылали куда попало «нурсы». Защищали для нас район. Как далеко предстоит идти! Полдня рота ползла по горам, жарясь под лучами жестокого солнца. Грязь, пыль, пот. Солдатские х/б быстро пропитались им насквозь: больше всего тяжелого вооружения у расчетов. Особенно мешают движению навешанные на мешки ленты к пулеметам, мины к минометам и «мухи». Первый час я шел налегке, но постепенно, когда молодежь начала сдавать и выбиваться из сил, нагрузил на себя, что мог. Сначала повесил на шею ленту к пулемету, затем взял чей-то гранатомет. Расстрелять бы их куда-нибудь и выбросить. Да пока не в кого. И так несколько часов пути: вверх-вниз.

К обеду добрались до убогих полуразрушенных артиллерией домов. Привал! Какое счастье!

— Офицеры, ко мне, — крикнул озабоченно Кавун. — Отцы-командиры! Задача: повзводно прочесываем местность, ищем оружие и боеприпасы. Нам придаются саперы, самим никуда не лезть. С нами работает командир саперов — старший лейтенант Шпилов. Опытный офицер — весь боевой опыт отражен на физиономии, — заулыбался Кавун. — Выполнять при поиске и разминировании его указания. Инструктируй народ!

Плотный, с квадратным лицом сапер действительно имел внушительный вид. Подбородок был рассечен глубоким шрамом, такой же шрам пересекал щеку, а лоб и нос были испещрены следами осколков. Лицо багровое то ли от ожога пороховым зарядом, то ли от постоянного обветривания. Коренастый, широкоплечий — настоящий боевой офицер.

— Господа офицеры! Если не хотите иметь рожу, как у меня, и вообще хотите иметь лицо и руки, то никуда не лезьте. Рыть землю носом будут саперы, а вы их охраняйте. Ну, и помогайте выносить, если что найдем.

— Да, вот еще что — таскаем все сюда. Здесь и площадка хорошая для вертолетов, если будет что вывозить — вывезут. За работу! — командовал ротный.

Вскоре появились первые результаты. Шпилов оказался мастером своего дела. В тайнике в камнях обнаружил цинки с патронами, ящик с гранатами. В сарае первый взвод обнаружил ДШК и больше сотни выстрелов (зарядов) к гранатометам и безоткатному оружию, несколько сотен ящиков патронов к пулемету, больше сотни мин «итальянок». В еще одной хибаре оказался миномет и сотни мин к нему. На наши доклады в ответ был слышен радостный визг комбата и комполка. И тут нам повезло по-царски. Солдаты нашли склад спальных мешков, очень легких, хотя и не очень теплых, поролоновых, а не пуховых, как у меня и ротного. Но это была огромная удача. Сотни спальных мешков, склад с продовольствием, склад с медикаментами! Горы трофеев все росли и росли. Вскоре к нам спустилась группа с КП полка, и, набрав спальных мешков для штаба, все очень довольные трофеями удалились. Пришли такие же ходоки от управления батальона и из других рот, нагрузились продуктами, спальниками. Санинструкторы выбрали таблетки, порошки, бинты. Явился медик-прапорщик Айзенберг, по кличке «Папа-доктор», со своими санитарями. В куче медикаментов лежали сотни пакетов итальянского кровезаменителя. Наш был разлит в пятисотграммовые стеклянные банки, часто бился и разливался, да к тому же, вливая его, необходимо было емкость держать на весу.

— Смотри-ка, как хитро придумано. — Почесал задумчиво затылок прапорщик. — Иглу втыкают в живот, а пакет под зад или под спину, жидкость и поступает, постепенно выдавливаясь. А мы как мудаки должны стоять с банками под обстрелом.

— Да, они раненому «духу» втыкают один пакет с иглой и оставляют еще несколько в запас. Бросят «духа» в пещере или травой закидают и уходят. «Душок» оклемается, отлежится днем, а ночью, если выживет, его забирают или уползет сам, — включился в разговор Степан. — Мы в Панджшере одного такого нашли, весь пакетами обложен. Ему не повезло, никакие лекарства не помогли. Скончался от второй порции моего свинца. Весь магазин в него всадил за недавно уничтоженную БМП, за сгоревших ребят.

Степан грустно вздохнул и закурил.

— Степа, ты у нас не скорой помощью работаешь, а патологоанатомом, — улыбнулся Кавун.

С КП полка по тропинке примчался авианаводчик с охраной и пришел сажать вертолеты.

Через полчаса прилетела первая пара «Ми-8», и вертолеты сели на разные ярусы возделанных полей. Солдаты, как муравьи, забегали и быстро заполнили их трофеями. Затащили пулемет, несколько запасных стволов

к нему, цинки с патронами, миномет и несколько старых винтовок «Бур» с патронами. В небе тем временем кружили два «Ми-24» и осуществляли прикрытие. Пара вертушек, загрузившись, взлетела и на их место села следующая. В них принялись грузить мины «итальянки», снова патроны, ящики с гранатами. Когда приземлилась третья пара, из вертолета выско-чил борттехник и направился к нам.

— Командир, что будем вывозить? Что грузить?

— Вон еще цинков сто с патронами, штук сорок выстрелов к гранато-мету, эрэсов штук сорок, мин столько же.

— Черт! Сколько же вы нагребли этого барахла?

— Да уж немало!

— А что-нибудь повкуснее?

— Что у нас вкусенького? Ящик печенья, бочка варенья. Но мы «маль-чиши-плохиши» и ничего этого не дадим!

— Братцы! Ну правда, что-нибудь подарите, чего не жалко.

— Ладно, у нас есть десять мешков муки и пять мешков сахара, меш-ки с рисом, ящик чая. Но носите все это сами.

К вертолету потянулась вторая цепочка, но уже из вертолетчиков. Заб-рав половину продуктов, вертолетчики улетели.

Третья пара вертушек прилетела через полтора часа, но загружать боеприпасы никто не стал. Затасили мешки и ящики, затем медикаменты и спальники, те, что батальон не разобрал по ротам.

На прощание все тот же шустрый борттехник подбежал и пожал нам руки.

— Спасибо, ребята! Ох, и порадуетесь эскадрилья сегодня! Все, что осталось, подрывайте. Больше не прилетим.

— Что, брагу будете делать? — улыбнулся Голубев.

— И брагу тоже. А то спирт кончился. До встречи. Если что, вызывайте! И вертушки умчались.

Не вывезенные цинки с патронами остались валяться на земле, еще много мин, и выстрелов к «безоткатке», а солдаты все продолжали носить из развалин кишлака новые найденные боеприпасы.

— Что с этим всем делать будем? — поинтересовался Шипилов.

— Крот! А ты прекрати рыть землю носом, — огрызнулся Кавун.

— Капитан! Я же не нарочно. Мин как грибов в тайге. Я столько тро-феев никогда в жизни не видел. Так как проблему решаем?

— Как? А ты как предлагаешь?

— Я предлагаю: все пороховые заряды высыпаяем в эту кучу мин, цин-ки вскрываем и патроны рассыпаем туда же, подожжем, пусть стреляют. А снаряды, ракеты, гранаты складываем в избушку, самую крепкую. Я их в ней и подорву, когда будем уходить. Пусть в космос летят! Устроим знат-ный фейерверк

— Давай, крот, действуй, руководи! — согласился ротный.

Солдаты сложили все, что осталось, в кучу, снарядами нашпиговали самый крепкий дом, начали собираться отходить в горы.

Бойцы распотрошили ящики, тюки, коробки, набивая вещмешки чаем, сахаром, рисом и выбрасывая консервы с кашей.

— Степан! Что за чай? — поинтересовался я.

— О, это такая изумительная вещь. Самый замечательный, настоящий! — ответил сержант.

Я зачерпнул горсть мелких темно-зеленых горошин величиной с черный перец.

— Эти шарики — чай?

— Чай! Потом сварим, увидите и попробуете.

Все, что не смогли нести, рассыпали и сожгли. Степан тщательно растоптал два мешка лекарств — этого всего не забрать, тяжело.

Рота двинулась в горы, а внизу остались лишь три сапера и Шипилов.

Вскоре взлетел на воздух дом со снарядами, затем загорелась куча с патронами и минами. Треск выстрелов, разрывы патронов и гранат раздавались часа полтора, пока мы шли на точку для ночевки. Саперы догнали роту на гребне холмов и разместились вместе с нами на ночь. Все вымотались за день, и солдаты с большим трудом смогли нести охранение.

* * *

Утром в роту пришла группа управления батальона, затем разведрота и командир полка со своей свитой.

Командир полка толстый, как бегемот, ежеминутно вытирал пот со лба. Тяжело ему в сорок два года со своими ста десятью килограммами живого веса по горам ходить. Красный, как помидор, с трясущимися от усталости мясистыми губами и щеками, он пыхтел, как паровоз.

— Ваня! Кавун! Вода есть? — прошептал Филатов с громким присвистом.

Ротный протянул командиру фляжку, и подполковник опустошил ее в три приема. Литр за минуту!

— Ваня! Молодцы! Вся рота — молодцы. Тебе орден «За службу Родине», Шипилову — «Красную Звезду», офицерам и солдатам — медали. Всем! Такие результаты во всей армии никто не выдал. Молодцы!

И пошagal дальше, опустошив, между прочим, еще и мою фляжку, которую ротный ему щедро выделил. Сзади шел крепкий солдат с огромным мешком и двумя автоматами. Ординарец. Нам он осклабил улыбой-гримасой и побрел за своим шефом.

— Не повезло солдату. Этот наш «боров» сам еле-еле идет, а если, не дай бог, ранят, ни за что на руках с гор не вынести. Только вертолетом, — усмехнулся прапорщик Голубев. — Меня, худенького, эвакуировать будет гораздо легче, но я уверен: до этого не дойдет. Разве что бухого, как свиню, но в таком виде бываю только в полку.

Мимо проходили рота за ротой на новые задачи. Нас оставили на месте, а остальные весь день прочесывали ущелье. Но больше Шпилов почти ничего не нашел. Несколько десятков цинков с патронами, десяток «эрэсов», еще миномет и мины к нему да несколько старых ружей.

Два дня рота «парилась» наверху, а батальон шараялся впустую по долине.

Мы сидели, лежали, спали, ели, пили. Все время пили замечательный чай. Чай, какого я в жизни никогда ранее не пробовал, больше не доводилось и впоследствии.

Шарики чая в кипятке раскрывались как цветочки и становились ароматными, душистыми. Чай был зеленым, я, правда, к такому чаю привык еще в Туркмении. Это было прекрасно!

Утром на третьи сутки двинулись в дорогу и мы. Батальон ждал роту в большом кишлаке. Все было вытряхнуто из домов на улочки: мука, рис, барахло, лавки, циновки. Я подобрал старинный радиоприемник, английский. Ему лет сорок, а может, и больше. Раритет. А тут в глуши он все работал и работал, люди его слушали. Единственная связь с цивилизацией. Сам ведь не знаю уже неделю, что в мире происходит. Как прошел последний футбольный тур? Выиграл ли «Спартак» у киевлян?

Я поставил приемник на край дувала и пошел по улице. За спиной раздавалась автоматная стрельба. Это Дубино пустил очередь в приемник.

— Зачем, сержант?

— Пусть не слушают «духовскую» пропаганду.

— Они дикари, но и ты далеко от них не ушел. С пальмы ты не спукался, потому что в Бульбении они не растут, но на елке или ты, или твои близкие предки жили совсем недавно.

— Предки это кто?

— Ты все равно не поймешь. Не забивай голову. Иди дальше, сержант.

Минометчики поймали двух лошадей и погрузили на них минометы.

Хитрецы. Переход, судя по расстоянию на карте, предстоял долгий. По хребту вверх, затем спуск в ущелье, подъем еще на хребет, марш по гребню и вновь спуск уже в долину, и наконец, бросок к технике по пересохшему руслу реки. Идти километров пятнадцать. Хорошо хоть сухой паек съели, все легче перемещаться. Разведчики и управление полка двинулись в горы, наша рота опять шла в замыкании. Бойцы грелись у костра, в который бросали корзины, циновки. В нем горело что-то подозрительно знакомое. Я подошел поближе и увидел свой немецкий пуховый спальник. Ротный мне, как не ходившему раньше по горам, выделил «ординарца» из взвода (Корнилова) для заботы обо мне. О ротном заботился медик Степан. Вот этот заботливый «ординарец» и сжигал мой драгоценный спальник.

— Ты что делаешь, гад? — заорал я.

— Чтоб «духам» не достался. Я его выбросил, — глядя мне в глаза, ответил глупо ухмылявшийся солдат.

— А с чего он «духам» бы достался-то?

— Да у него же замок сломался, я вам новый трофейный взял. А этот белый — тяжелый, и спать в нем жарко. А зеленый — легкий, новый, — принялся нахваливать спальник «ординарец»-узбек.

— Вот черт! Ну подsunул второй взвод дегенерата! Легкий, новый! А зимой что я буду делать в этом легком поролоновом? Он белый, потому что зимний!

Солдат глуповато хмыкнул, закосил глазом в сторону и принялся бочком-бочком литься к костру. Спальник трещал и вонял гусиным пухом. Хорошо горел. Пропал подарок моего предшественника. Вот черт! (Больше я себе никогда «ординарцев» не брал.)

Ротный направился ко мне, посмотрел в костер, заматерился, плюнул в огонь и, похлопав успокаивающе по плечу, отошел в сторону, командуя:

— Подъем! Начать движение. Первый взвод идет первый, затем пулеметчики, в конце второй и третий. Ник, берешь Дубино и Степана и в замыкании. Не отставайте! За нами никого, и «духи» наверняка будут наблюдать за отходом. Вперед, не отставать!

Взводный Голубев по примеру минометчиков загрузил на другого коня станок от пулемета. Рога по узкой тропинке двигалась все выше и выше и достигла середины этого серпантина, вьющегося к вершине. В этот момент почти с самого гребня сорвалась лошадь с минометом, кувыркаясь и ударяясь о камни и уступы, затем полетела в пропасть.

Комбат заорал на все ущелье и принялся крыть всех матом. Командир батареи Вася Степушкин, маленький, худенький, светловолосый капитан, как-то съезжился и вжал голову в плечи. Получив нагоняй, он принялся организовывать экспедицию по подъему минометов. Это после того как два миномета просвистели до самого дна ущелья, впереди труп животного.

Догнали нас солдаты с минометами уже на самой вершине. Гимнастерки от пота побелели и стали как корка.

Пришлось разгрузить свою лошадь и Голубеву. Нелегко было тянуть все тяжелое вооружение минометчикам и пулеметчикам.

На привале Подорожник перестроил порядок движения. Теперь тылы уходили первыми, затем вторая и третья роты. Мы шли последними.

Замыкал движение разведвзвод. Сам Василий Иванович отходил с нашей ротой. «Решил приобщиться к нашему подвигу, поближе к „героям“», — пошутил ротный. Наконец после всех спусков и подъемов вышли на высокогорное плато. Тут размещалась кошара с овцами и низенькое строение из камня, почти нора, обложенная каменным забором. У входа в «нору» жала женщина с грудным ребенком, рядом ползали еще пара ребятишек. У забора стоял высокий голубоглазый, чернобородый пуштун и что-то вос-

торженно говорил, приветствовал, предлагая лепешки. Я и ротный взяли одну и разломил пополам, пожали ему руку и пошли дальше.

Абориген погладил руки комбата, помахал солдатам и что-то все горланил вслед. Едва мы скрылись за холмом, как раздался выстрел, и тут же послышался истеричный, дикий женский крик, полный ужаса.

Комбат развернулся и вместе с Айзенбергом побежал назад.

Кавун остановил роту, и мы заняли оборону. Маты Подорожника были слышны даже нам.

Минут через десять появились разведчики, которых подгонял наш Чапай. Не покладая рук Подорожник весь путь бил кулаком по голове и пинал ногами какого-то разведчика. Как выяснилось, это был Тарчук. Перед рейдом доукомплектовали разведзвод, и он, как бывший спецназовец, попросился к ним, а мы не возражали. Кавун с радостью преподнес этот «подарок», а старший лейтенант Пыж не ведал, что это «данайский дар».

— Сволочь! Убийца! Мерзавец! — ревел комбат. — Ты зачем человека убил?!

— Не человека, а «духа», — пытался что-то мямлить в оправдание солдат, вытирая кровь с разбитых губ и носа.

— Кто приказал стрелять в человека?

— Никто! Мы, отходя, всегда пастухов убивали! Они все на «духов» работают!

— Здесь тебе не спецназ. Это армейский батальон, и ты, гнида, служишь в доблестном первом батальоне. Мразь! Убийца!

Солдат стоял и молчал, затравленно глядя исподлобья. Он был заметно испуган и не ожидал такого поворота событий.

— Негодяй! Этот мужик меня лепешкой угостил, руку жал. А ты его, как собаку, просто так, мимоходом застрелил! А там ребятишек трое. Теперь с голоду умрут.

Убить человека просто так, ради удовольствия — это выше моего понимания. В голове не укладывается, откуда взялся этот выродок. Ведь простой деревенский парень. А за месяц из озорства или еще, черт знает, зачем, как мух, застрелил двух человек. Изувер какой-то!

— Дать миномет уроду, пусть трубу тащит! Автомат забрать, гранаты тоже. Нагрузить минами мешок, пусть корячится. Сволочь!

Комбат кипел, усы от негодования дрожали, он готов был сам застрелить этого мерзавца.

— Такому все равно в кого стрелять. Застрелит и ребенка, и беременную женщину. Нравится, наверное, война.

* * *

Переход длился только один день, а казалось, целую вечность, да еще двигаться приходилось под раскаленным солнцем. Хорошо, что броня за-

шла в сухое русло и встретила нас. В колонне ночью произошла катастрофа: в пропасть улетел БТР с командиром танкового батальона. Погибли два офицера и два солдата, трое было ранено. Кошмар!

* * *

Потом был двухсуточный марш. Еда на броне, костерки, разведенные у гусениц в колее. Пыль, пыль, пыль...

Колонна ползла со скоростью черепахи. Техника растянулась на многие километры. Мы уходили из района почти последними. Цепочка машин петляла и ползла, как гигантская змея. Правда, эта змея громыхала и пилила колесами и траками.

Ротный подозвал меня перекусить. Техника стояла, не заглушая моторов, впереди что-то застряло.

— Какая мощь! Что скажешь, «замполь»? — спросил ротный.

— Да, впечатляет!

— Впечатляет... Вот смотри: тут собраны несколько бригад материального обеспечения, бригада РЭБ, полк связи, артиллерийский полк, артиллерийская бригада, батальоны связи, и еще черт знает что. Штабы, штабы, штабы. Сплошные кунги и будки на колесах. А в горы идут четыре «кастрированных» батальона. Мы в боях по отношению к «духам» всегда в меньшинстве. Одна надежда, что если прижмут, вызвать авиацию или артиллерию на себя, может, повезет и свои не зацепят.

— У меня из головы не выходит убитый афганец. Если мы тут убиваем просто так, то какую тогда интернациональную помощь оказываем? Этот пастух всю ночь не выходит у меня из головы. Так и стоит передо мной: руки жмет, лепешку сует. Глаза добрые. Рядом баба с детьми.

— Ну, этого ты видел глаза в глаза, а представь: прилетели вертолеты или авиация, бросили бомбы, пустили «нурсы» — и привет кишлаку вместе с детьми, стариками, ханумками. «Духи» или не «духи» — никто не разбирается. Посмотри, сколько вокруг развалин, тут жили до нас люди, взгляни, у каждого кишлака, за каждым домом свежие могилы, а за пять лет их, наверное, около миллиона.

— Кошмар. Неправда. Не может быть!

— Правда. Это война ради войны. Нужно армию где-то обкатать, вот и обкатывают. У американцев был Вьетнам для проверки армии и техники, а мы тут проверяем.

— Но до бесконечности это продолжаться не может.

— Не может. А может, и может. Как остановить войну? Как генералам и политикам сохранить лицо? Войну начать легко, а вот закончить трудно, очень трудно. Особенно вот такую партизанскую. Партизаны и каратели.

— Не ожидал оказаться карателем. Я ехал добровольцем сюда, как в тридцатые ехали в Испанию.

— Ошибся. Мы тут воюем с целым народом, почти со всей страной.

* * *

Колонна без конца и края тянулась и тянулась. Авангард уже вошел в Кабул, а мы все ехали и ехали. Несколько раз наносили удары прямо с дороги по окрестностям в ответ на выстрелы мятежников. Но это были вылазки сумасшедших. Шла исполинская сила. Артиллерия и авиация тотчас же перепыхивали тот квадрат, где что-то шевелилось.

* * *

В полку сразу началась неразбериха. Приказы сменяли один другой. Разгружаться — не разгружаться. Отдыхать — не отдыхать. Подать наградные списки, помыть людей, навести порядок. Солдаты сложили мешки, оружие поставили в оружейку, а боеприпасы не сдали. Ожидался новый выход. Куда — было не ясно. Обстановка в штабе была очень нервная, и никто ничего не мог понять. Командир полка приказал представить ротного и взводного сапера к орденам, отличившихся солдат и офицеров нашей роты — к медалям. Целую ночь писари трудились над представлениями на награды. Командир роты сиял.

— Ну вот, за полгода в первый раз в этом батальоне отметили. А то все чужак и чужак, «выкормыш с дороги». Замечательно было бы получить орден «За службу Родине» третьей степени! Такого ни у кого в батальоне нет. Красота. Ну а всем вам зеленым салагам «За отвагу» — это что-то! По месяцу прослужили и уже к медалям. Ладно, я пойду, разомнусь беленьким, а вы тут порядок наводите. Завтра, если поступит команда, сдадим боеприпасы.

Допоздна наводили порядок, мыли бойцов, чистили оружие. Ушли в общежитие глубокой ночью.

* * *

— Всем встать! Бездельники! Где ротный? Почему зарядки в роте нет? Кто ответственный? Через пять минут построение. Со всеми офицерами и прапорщиками! — проорал начальник штаба батальона Подорожник, бегая по комнате, и затем с силой пнул дверь и выскочил наружу.

Ротный был более-менее нормальный, только заспанный. Старшина храпел в каптерке, дежурный его не добудился. Вот и скандал — нет зарядки! Техник в шесть тридцать утра на ногах еле-еле стоял, а командир ГПВ даже на ноги встать не мог, пришлось строиться без него.

В других ротах было еще хуже, ряды офицеров поредели, а стоящие на ногах качались. Наша рота держалась лучше всех.

— Товарищ капитан! Почему боеприпасы не сдали?

— Так вы же приказали не сдавать.

— Я ночью отдал другой приказ, и дежурный по роте его получил.
— Не знаю, разберусь!
— Разберись! Орденопросцы-орденоносцы! Хрен всем, а не ордена и медали. Бездельники! Техник в стельку пьян. Где ваш командир ГПВ?
— У него болит желудок...
— Желудок переполнен водкой? Ко мне его!
— Где ваши награды?
Быстро послали писаря в роту, и он примчался с пачкой бумаги.
— Вот, товарищ майор, — протянул я их начальнику штаба.
Подорожник взял пачку, посмотрел фамилии в листах и демонстративно медленно порвал все листочки на четыре части и сунул мне обрывки в руку.
— Навести порядок, сдать боеприпасы, привести солдат и себя в божеский вид, построение через два часа. — И усатый полководец ушел отдыхать.

Комбата Цыганка нигде не было видно, опять в дивизию убыл, все должность в штабе пробивает, поэтому майор Подорожник выслуживался. Жил в ожидании повышения, а мы невольно ему мешали подрасти.

Командир роты собрал офицеров и задумчиво начал констатировать:
— Ах, Василий Иваныч! Какая сволочь! Завидует. Нашел причину докопаться. Выждал чуть-чуть и ужалил. Все раньше боялся, что я его подсижу. Мы результат за весь полк дали, а он с третьей ротой был, и нет ничего. Зам комбата был со второй, и тоже нет трофеев. Ну и хрен с ним. Сорвался такой красивый орден, а по большому счету нам орден не надо — замену давай.

— Может, отойдет, охладится? Успокоится? — спросил я.

— Да уж нет. Не успокоится. Злопамятный хохол, все бесится, что на боевые за комбата ходит, а не назначают никак на должность. Хрен ему по всей морде. Я вот тоже хохол, но не злопамятный. Вполне даже добрый. Не настоящий, наверное. Ну да ладно, спать хочется больше, чем получить еще один орден! Пошли все в задницу!

Глава 5 **Украденная корова,** **или Дурака и могила не исправит**

После Джелалабада я чувствовал себя в полку гораздо уверенней. В роте солдаты меня признали, а с офицерами я сдружился. Понемногу я привык к обстановке, освоился. Бытовые условия, конечно, отвратительны, но могло быть и хуже. Больше всего бесило то, что лишний раз помыться было невозможно. С боевых как-то вернулись пыльные, грязные, а в полку воды ни холодной, ни горячей. Душевые заработали только утром. Солдаты и офицеры кое-как быстро помылись, а через полчаса, когда я только сел за оформление наградных на бойцов, прозвучала сирена: «Тревога!»

Весь полк пришел в движение.

Срочный выход в Чарикарскую «зеленку». Начало марша через два часа. Едва технику разгрузили, а уже надо снова пополнять боеприпасы, получать продукты, экипироваться.

ЧП! С заставы второго батальона украли четырех солдат. Нужно попытаться отбить, хотя бы их тела.

Пехота носилась как угорелая. Броня потихоньку выползала из парка и строилась в колонну, а бойцы на медленном ходу загружали машины. За пару часов все более или менее было готово, и полковая колонна помчалась по Кабулу. Шла только броня и минимум колесных машин. Город проскочили быстро, регулировщики из комендатуры и афганцы обеспечивали «зеленую улицу». По Баграмской дороге боевые машины мчались на всех парах. Кишлачная зона, мимо которой мы двигались, безмолвствовала. Вдоль трассы сидело множество вооруженных афганцев в форме и не в форме. Кто его знает, кто они такие. Они не стреляют, и мы не стреляем. Сидят, значит, так и надо. На мой вопрос, кто это, ротный коротко ответил:

— «Духи».

— Как «духи»? С чего ты взял?

— А так — «духи»! Только мирные. Сегодня они за нас. А кем были вчера и кем будут завтра — неизвестно.

Колонна полка подошла к окраине Чарикара и замерла на обочине дороги. Я зашел на заставу поболтать с Витькой, замполитом местной роты. Солдаты показали, где его можно найти — в полевой ленкомнате. Там вдруг наткнулся на разглядывавшего развешанные по стенам плакаты майора Золотарева. За столами сидели несколько офицеров из второго батальона.

— Садитесь, товарищ лейтенант, — кивнул мне на свободную лавку замполит полка.

Я сел и загрустил. Вот незадача: попался на глаза, теперь не отвяжешься.

Зам комбата по политчасти в рейд не пошел: опять давление подскочило, а я назначен за него и пока не попадался сегодня начальству. А вот сам же и нарвался. Все время как на войну идти, так этот майор Сидоренко болеет и болеет. А я почему-то отдуваться должен. Ну почему? Два месяца служу, а видел его раз шесть.

Тут зашли в помещение еще офицеры, замполиты рот и батальонов полка.

Оказалось, совещание, а я случайно забрел чуть-чуть раньше, чем меня оповестили.

— Товарищи офицеры, — грозно нахмурил брови наш начальник, — вы видите, какой тут бардак? Полный развал! Сарай, а не ленкомната, боевых листов нет, документация в завале, солдаты распушены и неопрят-

ны. Анархия на заставах. А где замполиты батальона и роты? Чем занимаются? Хорошо, что коров сами не воруют!

Трое унылых офицеров поднялись и стояли красные, потные, смущенные.

— Ввожу в курс дела всех, кто не знает, — продолжал Золотарев монотонное свое бурчание. — Четверо солдат под руководством командира выносной заставы — прапорщика — украли корову и тащили ее к себе. Местные жители, видимо, услышали и захватили «героев» апрельской революции. Прапорщик убежал, сумел добраться до заставы, ранен, в госпитале отняли ногу.

Наступило гнетущее молчание. Мы все были в шоке.

— Товарищ майор! Разрешите возразить? — спросил какой-то капитан.

— Можете не возражать. Я знаю, что вы скажете. Вы не владеете обстановкой. Эти негодяи попались второй раз. Позавчера, оказывается, они уже украли эту корову. Их афганцы поймали, побили и отпустили. Побили потому, что солдаты были не вооружены. В этот раз они взяли автоматы, но почти не было боеприпасов. По магазину всего. Патроны кончились быстро. А у прапорщика был нагрудник с магазинами, вот он и отбился, убежал отстреливаясь. Мерзавец! Всех бросил.

Задача перед полком: пройти «зеленку» от Чарикарской дороги. Восемьдесят первый полк пойдет от Баграма вместе с разведбатом. Десантники сорок пятого полка наступают со стороны гор. Но сначала артподготовка, будем бить, пока не отдадут тела. Всем по местам, по подразделениям! Ваши командиры сейчас получают указания на предстоящий бой.

Мы дружно встали и вышли в гробовой тишине из комнаты.

— Как дела? Что было на самом деле? — спросил Мелентий у парня из пятой роты.

— Б...ство! А кто его знает что? Прапор был на заставе старший. Солдаты толком ничего не говорят. Их сейчас особисты трясут. Но все вроде так и есть, а может, и не совсем. Прапор сказал, что побежал за ними вдогонку, чтобы вернуть.

— Что с бойцами? — спросил я.

— Уже давно трупы. Их убили еще в винограднике. Прапорюга Фролов, уползая, слышал, как бойцов добивали. Гады! Звери! Скоты!

Артиллерия, танки, минометы принялись утюжить «зеленку». Артполк, разместившийся за дорогой, повел интенсивный огонь. Взрывы, словно огромные фонтаны, взметались в виноградниках. После выстрелов орудий крупного калибра целые дома взлетали и рассыпались. Кишлаки застелило пеленой из пыли и дыма. «Ураганы» и «Грады» непрерывно выплескивали залпы огня, заряжались и отправляли новую партию смертоносного груза в кишлак.

Мы шли к ротам, как вдруг примчался «газик» с афганцами, облепившими машину со всех сторон. Они выгрузили из машины три скрюченных тела. Я подошел вместе с другими офицерами поближе.

Тела лежали в неестественных позах, без штанов, в крови и грязи. Оскальпированы и кастрированы. Кожа свисала ломтями с рук и ног.

— Н-да... Сварили, да еще раскаленным шомполом, как шашлык, проткнули. Мерзавцы!

Лейтенант-переводчик заговорил с ополченцами и, услышав ответ, перевел:

— Четвертого пока не нашли, автоматы «духи» не вернут. Мятажники ушли из кишлака. Эти солдаты — воры и жулики, грабили часто местных жителей. Воровали кур, овец, теперь украли корову. Вот и попались. А еще они сняли с мальчишки пастуха часы. Он прибежал домой и рассказал обо всем, а в кишлаке отдыхала банда. Бойцам жутко не повезло. Эти болваны почти не сопротивлялись, патронов совсем мало взяли.

У дороги сгрудились штабные. Наш комполка Филатов разъяренно пыхтел. Толстые мясистые щеки и губы нервно дрожали. Вид истерзанных солдат привел его в ярость, и он, как раненый слон, готов был растоптать все на своем пути. Его душа жаждала мести и крови.

— Артиллерист! — заорал «батя». — Огонь из всех стволов! Беспрестанно, пока снаряды не кончатся. Снести, сровнять с землей эти чертовы дома. — Наши — гады, но и эти — звери. Огонь! Огонь!

Командование отдало приказ наносить удары до тех пор, пока не выдадут последнее тело и оружие.

Солдаты из подразделений, кто посмелее, сбегали и посмотрели на убитых, возвращаясь в глубоком шоке.

Во взводах стоял гул, все были возбуждены и негодовали. Батальон приготовился стереть в порошок лежавший перед нами кишлачок.

В роты распределили усиление: по два огнеметчика, по одному минометному расчету. Полковая бронегруппа, растянувшаяся вдоль дороги, развернула орудия. Танки, самоходные орудия, БМП, минометы «Василек» — из всех стволов стреляли, буквально утюжили подходы к селению, конкретно, его западную окраину.

Несколькими колоннами подразделения проходили мимо молчаливых развалин. Ни малейших признаков жизни не наблюдалось. Мы осматривали дом за домом, двор за двором. Ни одно живой души. Сарай и подвалы забрасывались гранатами и дымовыми шашками. Все вокруг наполнилось едким дымом. Он клубился и поднимался из виноградников, из дворов. Кязиры (как ходы сообщений) нейтрализовали таким вот удушающим способом. Есть ли там мирные жители, были ли там боевики? Кто знает... Колодцы глубокие, криков не слышно, и выбраться никто не сумеет при всем желании. Солдаты продвигались осторожно и, не спеша, ос-

матривали все вокруг. Саперы шли впереди, снимая растяжки. Вдруг немного правее раздалась выстрелы. Третья рота наткнулась на банду, и завязался бой. Мы ускорили движение и тоже наткнулись на группу из отходящих душманов. Короткая перестрелка — и «духи» ретировались, унося раненого или убитого, судя по крови на тропинке.

Ротный по связи передал приказ:

— Стоять. Темнеет. Занимаем оборону на ночь, соседи — третья рота справа, разведдивизия слева.

Взводы заняли оборону в брошенных строениях и принялись обживать.

Я, Сергей Острогин и лейтенант-минометчик подошли к огнеметчикам.

— Чего не стреляете, сержант? — спросил Сергей.

— Да вы ж не приказываете, мы и не дергаемся. Прикажете — стрельнем.

— Мужики! А покажите как, мы сами и бабахнем, — предложил им я.

Солдаты показали принцип действия, быстро все объяснили и выдали каждому по огнемету. Огнемет представлял собой толстую трубу с зарядом внутри (сюда целишься, сюда нажимаешь, отсюда летит, там взрывается, если попал, то кто-то сгорел).

Я осторожно взял огнемет в руки, тщательно прицелился в виднеющееся на переднем плане высокое строение. Полчаса назад там было видно какое-то движение. Выстрел — заряд влетел в окно, и большущее сооружение сложилось, как карточный домик.

— У-ух ты! — единым выдохом произнесли все стоящие на крыше.

— Ура-а-а, — послышались восхищенные крики взвода.

— Теперь я, дай я! — заорал минометчик.

— Подожди! — одернул его Серега. — Иди вон из миномета стреляй. Предоставь шанс нам самим пошалить!

Серж прицелился в другой дом — эффект тот же. Ура-ура-ура-ура! Бойцы смотрели на нашу стрельбу, как в кино, любовались эффектом объемного взрыва. Детский сад. Мы, правда, тоже не далеко ушли.

— Не высовываться! Всем в укрытие, — заорал подошедший Кавун. — Вы тут что за цирк устраиваете?

— Да, вот изучаем «шмель». Новое оружие осваиваем, — ответил я.

— Ну что ж, теперь и я освою.

Ротному показали как, и он выстрелил под наше дружное «ура». На связь вышел Подорожник.

— Что за пальба? Чем вы там таким мощным стреляете?

— Подавили три огневые точки противника из «шмелей».

— Подавили... что-то я огневых точек не наблюдал. Разве оттуда по вам стреляли?

— Еще как.

— Больше не развлекаться. Хватит чужие дома ломать!

Подорожника наконец-то утвердили в должности командира батальона, и он в первый раз в рейде в новой должности, немного психовал.

— Да в общем-то больше их целых и нет, — сказал ротный и, повернувшись к солдатам, добавил: — Будем уходить — я выстрелю последний заряд. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан. Стреляйте, не жалко, нам же легче: тащить не надо.

Иван, улыбаясь, хлопнул по плечу Острогина.

— Сергей! Ну что, угощайте чаем и ужином.

— Сейчас, сейчас. Плов, наверное, узбеки уже заканчивают делать.

Все спустились вниз, оставив на крыше наблюдателя. Не спеша попили свежий, горячий, настоящий чай, не из пакетиков. Усталые, мы полулежали у самодельного стола из перевернутых ящиков.

Блаженство. Душа отдыхала. Ноги и спина гудели все тише и тише. Наступало расслабление, наваливалась дремота.

Командир тяжело вздохнул:

— Да, мужики, нам сегодня пока везет. А вот вторая рота на засаду нарвалась, два «карандаша» ранено. И третья рота попала на растяжки в винограднике — семеро раненых. Даже на КП батальона снайпер убил нашего минометчика.

— Кого? — встрепенулся лейтенант-минометчик.

— Субботина, прямо в висок.

— Субботина... Хороший был солдат... Жалко-то как. Вот б...и.

— Валера! Будем уходить, все мины в «зеленку». Может, кого завалим. Нечего их туда-сюда таскать. Понятно?

— Понятно, товарищ капитан, — ответил лейтенант Радионов.

— Валера! А ты не родственник нашего высокого начальства? — спросил я у минометчика.

— Нет, даже не однофамилец. У нас первые гласные в фамилии разные.

— Н-да... — задумчиво произнес Острогин, — с гласной тебе явно не повезло. А то ты бы сейчас не с нами в «зеленке» валялся, а где-нибудь в кабинете, в штабе, наградные на себя выписывал. Вот что значит — не совпасть в гласной!

Мы дружно засмеялись. Валерий тоже смеялся, но довольно грустно.

Наступила ночь. Темная-темная, жуткая. Артиллерия продолжала изредка из чего-нибудь стрелять, в воздухе висели то световые мины, то «факела» (осветительные снаряды), то осветительные ракеты.

Время от времени трассы очередней вспарывали небо. Кто и зачем лупил в темноту — неизвестно. Наверное, от страха или от тоски. Посте-

ленно наступала прохлада, и с ней появилось множество комаров. Комары — это еще одно издевательство над усталым солдатом. Они проникали везде. Я забрался в спальник и закрыл лицо капюшоном от масхалата. Пищали эти гадости над самым ухом, время от времени бросались в атаку, заползали под одежду и кусали, кусали, кусали.

Нервы не выдержали, я встал, подсел к костру к бормочущим по-своему трем узбекам. Два однофамильца Якубовых и круглолицый снайпер Исаков о чем-то весело вели свое непрерывное «хала-бала». Среди них очень выделялся Гурбон Якубов. Здоровенный парень с большой кудрявой головой и пухлыми губами, добрый и очень веселый. Все время что-то писал по-узбекски в тетрадь или блокнот.

За мной следом поднялся и ротный. Тоже не выдержал налета комаров.

— Якубов, чай есть? — спросил я, присаживаясь.

— Нальем, товарищ лейтенант. Есть, есть хороший чай, — затараторил Гурбон.

— Дружище, ты откуда родом? Хорошо по-русски говоришь.

— Я из Ферганы, из самой Ферганы! Был шеф-поваром в ресторане, работал в Интуристе. Я очень хороший повар, а стал в армии простым автоматчиком. Жаль, что не в полковой столовой поваром служу.

— Ну что ж, будешь главным поваром третьего взвода, шеф-поваром третьего взвода, первой роты, первого батальона.

Бойцы дружно засмеялись. Якубов — громче всех, и его щеки тряслись, как огромные узбекские лепешки-лавашаи.

— А что ты все пишешь то в блокнот, то в тетрадь? Вроде не письма. Донесения Ахмат Шаху или Гульбеддину Хекматияру? — спросил ротный.

— А кто это? Я их не знаю, — заинтересовался солдат. — Это афганское начальство?

— Да это местные главари бандитов. Наверное, пишешь, сколько у кого патронов, как зовут командира роты и сколько боевых листов у замполита в походной ленинской комнате, — продолжал Кавун, улыбаясь.

— Да нет, что вы, товарищ капитан! — испугался солдат и быстро затараторил: — Я пишу в блокнот, что вижу вокруг В основном о природе, о своих ощущениях.

— А-а, ты сообщаем наше передвижение, маршруты выдаешь! — воскликнул я с издевкой и с напускным подозрением.

— Что вы, что вы, товарищ лейтенант! Я описываю, где был, что видел, что было за день.

— Ну а вот и шпион! В роте много пособников душманам, — грустно подытожил ротный. — Все смотрит, все записывает, все сообщает. Завтра расстреляем.

Якубов рухнул на колени.

— Товарищи офицеры, я об Афганистане пишу, о войне, интересно ведь.

Смеялись и хохотали все, кто не спал.

— Так, Якубов! Писать мемуары разрешаю, но особисту не показывай. Все, что сотворишь, на цензуру к замполиту. Будешь великим узбекским писателем — пришли книгу с автографом, — закончил со смехом Ваня.

— Есть прислать книгу, — серьезно ответил Гурбон.

— Н-да... — задумчиво выдавил из себя ротный. — Были писатели-баталисты, а теперь пошли повара-баталисты. Где чай-то, Якубов, акын ты наш доморощенный?

Солдат засуетился, стал протягивать сахар, галеты, кружки, чайник. Предложил плов. Мы поели еще раз, попили чайку. Хорошо! Вкусно!

— Гурбон! Не знаю, какая у тебя будет книга и какой ты будешь писатель, но готовишь ты просто замечательно! — воскликнул я.

Другие узбеки смеялись, давно догадавшись, что мы разыгрывали Якубова. Он и сам уже это понял и весело хохотал вместе с нами. Отойдя от костра, Иван задумчиво проговорил:

— Вот как плов сделать из ничего, чай приготовить, суп сварить — узбеки мастера. Но воевать — не любят страшно. А их третья часть роты. А теперь еще и повар-мемуарист на нашу голову. Пошли спать, замполит. Завтра рано вставать наверняка. Пошлют, думаю, дальше прочесывать «зеленку». Наверное...

* * *

На рассвете меня растолкал связной от ротного.

— Товарищ лейтенант! К командиру.

Я нехотя натянул кроссовки, взял автомат и, почесывая укушенные руки и шею, побрел к Кавуну.

— Все! Уходим! Поднимаем солдат — и готовность к отходу. Хорошо, что штурм и прочесывание кишлаков отменили. А то вчерашние потери увеличились бы. Уходя, все минирруем и поджигаем.

Рота зашевелилась. Заметно было, что солдаты радовались приказу, вперед идти не хотелось никому. Сарай с сеном задымился, все, что могло загореться, загорелось. Саперы поставили сюрпризы, взводы потянулись из оставляемых укреплений. Я открыл дверь в дом, выдернул чеку из запала гранаты и сунул ее в стакан. Стакан поставил на ребро двери, в угол — привет входящему. До свидания, ребята! Сюрприз от «шурави».

Откуда-то из глубины кишлака раздались выстрелы, пули застучали по дувалам. Что-то упало, бабахнув в стороне, там, где мы были недавно. Рядом разорвались несколько минометных мин. Уф! Успели уйти!

— Минометчик! Ответь тем же. Все мины расстрелять! — приказал ротный Радионову.

Минометчики установили миномет и взялись расстреливать оставшийся боезапас. Под эту «музыку» рота начала вытягиваться из укреплений в сторону дороги. Взвод за взводом, гуськом, шаг в шаг, след в след, нога в ногу, один за другим. Быстрее, быстрее из этой проклятой, ненавистой, жутко опасной и стреляющей со всех сторон «зеленки».

Дорога. Броня. Свои!.. Живы!

Над головами пролетали снаряды, разрывались в глубине кишлачной зоны. Обработка огнем и металлом продолжалась.

Комбат собрал офицеров у командирской машины.

— Задачу выполнили, выдвигаемся через полчаса. Проверить еще раз личный состав, оружие и доложить. А то обратно в кишлак полезем, если кого забыли.

— Почему уходим так быстро? — поинтересовался Женька Жилин, командир третьей роты. — Что, разве там работы уже нет?

— А твоя рота достаточно наработала! Виноградники очень хорошо облазили! Семь раненых. Или вы еще не все растяжки и ловушки ногами зацепили?

— Да что мы!

— Не пререкаться.

— Я и не...

— Молчать! Такие потери на ровном месте! Позор офицерам роты! Почему это ваше стадо носилось по арыкам и виноградникам? Почему не было управления?!

— Эх...

— Молчите? Вот и хорошо, что понимаете свою вину. Уходим, потому что последнее тело «духи» ночью подкинули. Оружие не вернули, да и не вернут. А полк должен готовиться к новой крупной операции. Выход через неделю. Потому и уходим в спешке. Но потом еще вернемся поработать.

— По машинам! — скомандовал зам комбата Лонгинов, и все заспешили по местам.

— Вернемся сюда еще не раз, — грустно вздохнул Острогин. — Будь она неладна эта Баграмская «зеленка», проклятое место.

* * *

Сережка Ветишин оказался в нашей роте совершенно случайно. Лейтенант Корнилов уехал в командировку сдавать технику, Грымов приболел, Грошиков повез сопровождать в Союз «груз 200» — получилась брешь среди офицеров.

Кавун подсуетился и выпросил в штабе полка молодого «летеху», толь-

ко прибывшего из Союза. Умолял выделить на некоторое время, хотя бы на один рейд.

Этот лейтенант проходил по прямой замене из резерва ТуркВО во второй батальон. Но командование второго батальона об этом еще не знало, иначе бы мы парнишку ни за что не заполучили.

— Сережка! Если будешь себя хорошо вести, тогда мы тебя оставим в своем хозяйстве, — пообещал Острогин.

— Я же не вещь! — возмущился Ветишин. — Как это вы меня оставите себе? Я, может быть, еще не захочу.

— Захочешь! Мы тебе понравимся. Отличный коллектив роты, шикарный гарнизон, частые экскурсии в «тропические оазисы», пешие прогулки по высокогорным «альпийским лугам», восхождения к снежным вершинам, воздушные путешествия на вертушках, регулярные стрельбы! Где еще такое найдешь? Не служба, а отдых и спортивные развлечения.

— Как интересно, — криво усмехнулся лейтенант Ветишин, — но что-то очереди из молодых офицеров, стучащихся в двери вашей канцелярии, я не заметил. Кроме меня, конкуренты на замещение вакансий есть?

— Скажу тебе честно — нет! — вздохнул я. — И вряд ли когда-нибудь будут.

— Лейтенант, а никто еще и не говорил, что мы тебя возьмем в эту славную роту! — воскликнул Кавун и продолжил обработку: — Поначалу нужно оценить твои способности и возможности в деле. А скоро нам предстоит дивный рейд в район Бамиана, где стоят статуи Будды, вырубленные в скалах, которым около двух тысяч лет. Возможно, мы их увидим. Мечтал ты, лейтенант, о таком?

— Честно? Никогда. Мечтал о службе в Венгрии или в Чехословакии!

— Но попал-то в Центральную Азию! — продолжил свою речь ротный. — А я, как опытный командир, прослуживший и на заставе и в рейдовом батальоне, скажу следующее: «Пусть у нас тяжело, пусть опасней, чем на посту у дороги, но все же это не одиночество на заставе в глубине „зеленки“. Засунут тебя в нее, и выберешься оттуда уже только в отпуск или в госпиталь по болезни. Застава — это глиняная хибара, два десятка солдат с тремя БМП, а вокруг на многие километры кишлаки, виноградники и „духи“. „Духи“ мятежные и „договорные“ отряды самообороны, которые сегодня друзья, а завтра уже враги».

— Через какое-то время завоешь, как волк на луну по ночам, — засмеялся Веронян. — Можно будет биться головой о стенку, выть, орать, материться, но все время сидеть безвылазно на одном и том же месте. Это как маленькая тюрьма.

Старшина говорил хрипло, с сильным армянским акцентом, и этот акцент почему-то особенно помогал ему сгущать краски и без того мрачной картины.

Ветишин непроизвольно передернул плечами, поежился и воскликнул:

— Ребята! Уже хочу к вам! На все согласен!

— Ха-ха-ха! — дружно засмеялись офицеры.

— Лейтенант, принимай взвод, все будет хорошо, — улыбнулся техник роты Федарович. — Что не знаешь — объясним, чего не умеешь — научим.

— Но-но! Не портить мальчишку! — воскликнул Кавун. — Чему ты, «старик», и пьяница Голубев можете научить, я знаю.

— Ну какой же я старик? Мне всего-то тридцать шесть лет, — возмутился Федарович.

— Ну и что, тридцать шесть лет. Ты на себя в зеркало взгляни повнимательнее. По морщинам тебе все шестьдесят! Нужно меньше пить!

— Ну что вы все время с замполитом об одном и том же: меньше пить, меньше пить! Я тут, можно сказать, веду не жизнь, а монашеское существование. Ни водки, ни женщин.

— Тимофей! Тебе сколько же водки требуется? — ужаснулся я.

— Еще столько же, и желаю не по двадцать чеков. А ночью по сорок чеков — это вообще разорение. Хочу по шесть рублей, как дома.

— По сорок чеков не бери, — ухмыльнулся Иван. — И не ходи к бабам или работягам-спекулянтам ночью за горячительными напитками. А то так и вернешься домой без магнитофона и без дубленки. Джинсы купить будет не на что, только мелочь на презервативы останется.

— Да черт с ним, с магнитофоном, главное — домой живым вернуться, а не в «ящике». Страшно, вот и пью, чтоб успокоить нервы. У меня, между прочим, трое детей дома, а я тут с вами гнию заживо.

— Без нас ты бы уже давно окочился! — рявкнул Кавун. — Я тебе, однако, лечебно-трудовой профилакторий устрою. Получку буду изымать и отдам перед отъездом замполиту, а то скоро твоя печень совсем откажет. Скажи спасибо, что пить мешаем!

— Ну спасибо! Разрешите выйти, товарищ капитан?

— Иди! — смилостивился ротный.

И техник, красный как рак от злости, вышел из канцелярии.

— Обиделся на правду. Но ничего, критика полезна, пусть злится на себя. Тебя эти слова, Голубев, тоже касаются. Хватит водку жрать по ночам! — продолжил возмущаться ротный.

— А когда ее пить, родимую? Днем нельзя, выходных нет, но после рейда стресс снять ведь необходимо. Придумали Постановление в Политбюро и правительство, а люди должны страдать.

— Сизый! Ты тоже свободен. Иди во взвод к бойцам и прекрати пьянствовать. Все, шагай отсюда, да и вы все остальные.

Мы вышли из казармы на свежий воздух. Солнышко грело, но не припекало. Красота!

— Лейтенант, тебе сколько лет? Ты такой юный, как первокурсник, — поинтересовался, присаживаясь на лавочку в беседке, Острогин.

Сергей действительно выглядел лет на восемнадцать. Розовый, как поросенок, голубоглазый, русоволосый, кудрявый ангелочек!

— Ребята, что вы, мне на днях будет двадцать один год. Я давно совершеннолетний и вполне взрослый.

— Девчата знакомые, наверное, сохнут по твоим ясным глазам, — прохрипел прокуренным голосом Голубев. — Эх, где моя молодость?

— Сизый, тебе тридцать девять лет, а ты из себя корчишь древнего старика, — ухмыльнулся я. — Смотри, накаркаешь раннюю старость!

— Откуда к нам, Сергей, ты попал? — продолжал интересоваться Острогин.

— Из резерва, три месяца сидел в учебном центре. Нас там триста лейтенантов было, на случай непредвиденных обстоятельств. Вот и сейчас кого-то во втором батальоне убили, я приехал вместо него.

— Не повезло тому парню, — вздохнул Острогин. — Ну что ж, пойдем в бытовку, кинешь там свои вещи, койку Корнилова займешь, пока его нет. Все взводные и техник живут там, а ротный и замы, как «белая кость», в общежитии. Ночевать с нами тебе придется всего два дня, потом уходим в рейд.

* * *

— Товарищи офицеры! Разрешите войти, порядок навести? — поинтересовался заглянувший солдат.

— Чего тебе, Колесников? Какие проблемы? — удивился Острогин.

— Прибраться хочу. Помыть пол и протереть пыль.

— А ты что разве дневальный? По-моему, нет, — усомнился я. — Кто в наряде? Исаков, Алимов и Ташметов? Ну-ка, быстренько сюда Исакова!

В бытовку осторожно заглянул Исаков.

— Слушаю.

— Дневальный, почему Колесо прибежал убираться в бытовке вместо тебя?

— Мне не полегено.

— Не понял, — приподнял удивленно брови Сергей. — Повтори!

— Не буду мыть пол. Ведро, тряпка — для женщин.

Острогин взял тряпку в руки, намочил в ведре, выжал и протер угол, потом протянул Исакову:

— Теперь твоя очередь!

— Нет, не буду! Я не женщина. Нет.

Острогин ткнул тряпкой в грудь дневальному.

— Солдат, выполняй приказ — наводить порядок! Я тебе приказываю! Товарищ солдат, я вам приказываю наводить порядок.

— Не буду, это дело русских, я не буду ничего делать.

— Ну, толстомордый, сам виноват, — воскликнул Острогин. — Сейчас ты у меня похудеешь, я с тебя спесь соблю.

Сергей сделал подсечку и повалил на пол узбека, сунул в его руки тряпку и принялся тереть ими пол. Солдат вырывался, брыкался и отбивался, громко визжа и сильно лягаясь ногами. Ведро опрокинулось, и вода разлилась по бытовой комнате.

— Наводи порядок по-хорошему, дружище Исаков, — предложил я. — Тебе же лучше будет, все равно заставим выполнить приказ.

— Нэ буду, гады, сволочи, «анайнский джалян», пидо...

— Ах ты, мразь, — рявкнул Голубев и, схватив его за воротник, потянул физиономией по мокрому полу.

Солдат извернулся и ударил прапорщика ногой, подсек, свалил на пол и принялся душить. Мы дружно схватили разгильдяя за руки, за ноги и начали драить пол этим нерадивым дневальным. Визги, хрипы, маты, вопли. Когда в бытовой комнате вместо относительного беспорядка, установился полный бедлам, скрутили ему руки за спину и повели в караульное помещение в камеру. Узбекские земляки собрались в коридоре и оживленно обсуждали происшедшее.

Начальник караула лейтенант Мигунько испуганно спросил:

— Что произошло, ребята?

— Бунт на корабле! Пусть посидит денек, успокоится, подумает, — усмыльнулся Острогин.

— Я вас всех перестреляю, особенно тебя, лейтенант, ты покойник, — рычал и плакал Исаков, растирая по щекам слезы, слюни и сопли. Все лицо у него было исцарапано, нос разбит.

У Ветишина набухла ссадина над бровью, у Острогина сбиты были в кровь костяшки на руке, у нас с Голубевым исцарапаны подбородки и щеки.

— Щенок, я тебя в пропасть из вертолета сброшу, — зарычал прапорщик Голубев. — Ишь ты, вояка выискался, только рис, чай да кур способен в кишлаках воровать, чмо болотное.

— Я снайпер, а не чмо, у меня два «духа» на счету, — рыдал Исаков. — Справились, да? Всех поубиваю.

— Ну все, приятель, через неделю заберем, когда успокоишься. Не успокоишься — тогда через месяц, — сказал я, и мы вышли из камеры.

— Мужики! — заволновался начальник караула. — Так не пойдет! Вы завтра уйдете воевать, а этого «бабуина» куда я дену? Решите что-нибудь в штабе батальона с арестом на семь суток.

— Решим, решим, все будет в порядке, я сейчас принесу записку об аресте. Договорюсь с Лонгиновым. Отсидит недельку, а дальше будет бесменным дневальным по роте. Никаких боевых действий, только в наряды. А то действительно подстрелит «летеху», а он между прочим, Сережка, твой подчиненный.

— Ник, я знаю, уже один раз с ним беседовал. Ох, и взвод достался, из пятнадцати человек — всего два славянина.

— Если сейчас не слошим «мафию», то этот «бухарский халифат» нам

устроит веселую жизнь. Молодежь совсем «затуркали»: каждый день синяки то у Свекольникова, то у Колесникова, то у Царегородцева. Всем достается, — задумчиво процедил я сквозь зубы.

* * *

— Алимов! Ташметов! Тактагуров! Все ко мне! — прокричал Острогин, входя в казарму. — Взять тряпки, веники, ведра и мыть казарму от начала и до конца, я лично буду контролировать. Возражения есть?

— Нет. Никаких. Разве трудно? Мне никогда не трудно, — принялся быстро лопотать Алимов.

Схватил ведро, тряпку и начал убираться в бытовке. Остальные взяли за канцелярию и умывальник.

— Вот то-то! Видал, Сережка? Никому битым быть не хочется! Правильно, Алимов? — воскликнул Осторогин.

Солдат заискивающе улыбнулся и кивнул в ответ.

— Снять всем ремни, сейчас буду бляхи выгибать, раздеться по поясу! — продолжал Острогин. — Гимнастерки ушиты — разошьем, каблуки заточены на сапогах — срубим. Будете образцовыми солдатами.

Через полчаса у тумбочки дневального стоял этот Алимов в огромной пилотке и в широченной гимнастерке, болтающейся, как парашют, и глупо улыбался. Разогнутая бляха сломалась, и поэтому ремень он держал в руках вместе со штык-ножом. Каблуки на сапогах отсутствовали, и теперь солдатик, и так небольшого расточка, стал еще короче.

В роту ворвался майор Подорожник.

— Что случилось? Что за мордобой? В чем дело? Под суд отправлю всех, сукины сыны! Не смей солдата пальцем трогать! Что за клоун возле тумбочки дневального?

— А если он не выполняет приказ и молодежь лупит каждый день? Национальную рознь сеет, между прочим, русских, говорит, ненавижу.

— Стой, комиссар, успокойся. Не надо политику разводить. Сейчас наговоришь на такую статью УК, что хоть святых выноси. Вас наказывать пока не буду, накажу позже. Солдата завтра с гауптвахты забрать, нечего ему в комнате пыток для допроса пленным сидеть, он все же не «дух», а солдат Советской Армии. Сейчас же написать объяснительные записки и сдать их мне лично. Решение по вам приму после рейда.

Чапай ушел, злобно шевеля усами, а мы долго возмущались:

— Разберусь как попало, накажу как-нибудь! Всегда мы у Подорожника виноватые, — вздохнул Острогин. — Не любит он первую роту, ой не любит.

Все узбеки нашей роты и еще несколько ходоков из других подразделений собрались в ленинской комнате и что-то оживленно обсуждали.

— Посторонние, марш отсюда! — скомандовал я.

— Это земляки пришли, — злобно прошипел Хайтбаев. — Поговорить не имеем права?

— Имеете право, но после дембеля, в Ташкенте или в Термезе. Кыш, я сказал! Марш все отсюда!

Что-то ворча под нос, пятеро посторонних солдат встали и вышли. Человек пятнадцать бойцов напряженно смотрели на меня.

— О чем задумались? Какие проблемы? Бунт организовываешь, Хайтбаев? Или зачинщик ты, Алимов?

— Нет-нет! — забормотал солдат. — Все хорошо.

— Хайтбаев, тебе, как боссу «мафии», я обещаю такую характеристику, что в свой государственный университет никогда не вернешься! Ишь ты, что удумали: русских молодых солдат каждый день избивать и за себя работать заставлять!

В помещение ворвался ротный и с ходу отвесил три затрешины: Такагуруву, Алимову и Хайтбаеву. Остальные невольно вжали головы в плечи.

— Ах, «анайнский джалап», кутаки несчастные, я вам устрою сладкую жизнь! После рейда узбекский наряд по роте целый месяц! В полном составе! Касается всех! Якубовых, Хафизова, Рахманова и прочих участников бандитского сообщества. Исакову — никаких боевых действий. Вечный дневальный — через день! Чмо должно быть на хозяйственных работах, а не воевать. А вы за него в горах будете дружно отдуваться! Разговор окончен, разойдись.

Ваня угрюмо посмотрел на офицеров, сидящих за столом.

— Мужики! Ну вы начудили. Шуму-то, шуму! На весь батальон панику нагнали. Мало мне склок с Подорожником — еще добавили. Никак не даете уехать домой спокойно. Обязательно было мыть пол этим Исаковым? Да еще перед выходом в рейд? Балбесы. Теперь всем успокоиться и переключиться в мозгах на войну! До чего же надоела эта извечная проблема: офицеры — славяне и солдаты с Востока. И мы должны их заставлять служить и работать. Вот отсюда, из армии, корни национализма в стране. Ну что все злые и приуныли? Веселее, жизнь продолжается! Замполь, не докладывай, сами разберемся. Лейтенант Ветишин! Ты у нас всего на один боевой выход, что будет дальше, не знаю, но будь внимателен! Почему-то «мусульмане» тебя невзлюбили. Наверное, очень молодо выглядишь, не чувствуют командира! Малейшее неповиновение — давить в зародыше! Ну, с богом! Выводить взвода на строевой смотр.

Глава 6

Бамианская мясорубка

В этом районе полк не работал ни разу, потому что территорию контролировали наши десантники.

Пехоту выбросили вертолетами рано утром в центр горного хребта.

Начиналось все очень хорошо. Солнышко, сверчки, ветерок, тишина. Выползли на задачу, когда было еще прохладно, закрепились, залегли. Ротному растянули над «эспсом» плащ-палатку: тень под палящими лучами — это великая вещь.

— Замполит, заползай, отдохнем, пока тихо!

— Да я с бойцами пойду, осмотрю склоны, может быть?

— Ну осмотри. Молодость, все несет тебя куда-нибудь, мину на ноги ищешь.

Побив кроссовки о камни, обойдя взводные опорные пункты и разомлев от нахлынувшей жары, двинулся обратно. Когда вернулся назад, то сразу спрятался в спасительную тень укрытия командира.

В стороне от нас начался монотонный бой.

— Что там, Иван?

— Да Василия Ивановича молотят! Майор Подорожник с третьей ротой нарвался на «духов», укрепрайон штурмует. Орет, вертолеты вызывает. Посмотри в бинокль, — и протянул его мне.

Друг напротив друга возвышались две горные вершинки. На одной были наши, а через распадок — «духи». «Бородатые» били из безоткатного орудия и гранатометов. Наши из двух АГСов и миномета, и пулеметы работали без остановок. Бой разгорался все сильнее.

— Комбат нас на помощь не вызывает?

— Нет, сказано наблюдать за левым флангом.

— Потери есть?

— Уже есть. И раненые и убитые. Что творится в эфире, не передать словами! Подорожник и Женька Жилин на все лады голосят по связи. Сейчас артиллерия заработает, выручат.

Артиллерия наконец-то накрыла высоту, однако ответная стрельба не уменьшилась, и не стихла. Разрывы ложились по всему укрепрайону мятежников, но им уходить в светлое время возможности не было. Мы их на открытом месте уничтожим быстрее. В промежутках, когда прекращала огонь артиллерия, на высоту заходили вертолеты и били, били, били. Вертолеты сменяли штурмовики, и после вновь работала артиллерия.

— Товарищ командир, кто-то идет к нам, — в укрытие засунул голову Витька Свекольников.

Мы вылезли и увидели проходящих, группу бойцов, но не из нашего полка. Они с завистью глядели в нашу сторону: им-то еще предстояло топать. Они молча прошли мимо, не останавливаясь и не задерживаясь ни на минуту.

— Это из восемьдесят первого полка, — уверенно сказал ротный. — На карте комбата видел у них дурацкую задачу — одна точка прямо за нами. Ее какой-то идиот запланировал. Все, театр окончен, ложимся, отдыхаем.

Третья рота продолжала бой, а нам опять везло. Если б знать заранее, что эта тишина подла и обманчива...

Где-то вдали с другой стороны тоже постреливали, но как-то вяло. Солнце и легкий ветерок, спокойствие и забытие. Навалилась обволакивающая дремота. Веки тяжелели, мозги тупели, голова, руки, ноги наливались свинцовой ленью.

Тишина, спокойствие...

* * *

— Командир! Командир!!! — дикий вопль разбудил нас в укрытии. Перед «эспсом» на коленях стоял солдат и что-то визжал несвязное.

— Ты кто? Чего орешь? — спросил, продирая глаза, ротный.

— Я Джумаев. Мы мимо вас проходили. Пятая рота восемьдесят первого, спасайте! Там всех убивают!!! — Лицо солдата, серое от пыли и залитое потом, было перекошено от ужаса.

— Как убивают? Кто? Кого? Стрельбы нет никакой, — удивился я.

— Вам не слышно, но там почти всех наших убили и ранили «духи».

— Чего ж связь молчит? Где командир? — заорал Кавун.

— Убит, нас окружили, помогите, это рядом, совсем рядом, — продолжал верещать солдат.

— Рота, подъем! Первый и второй взвод, за мной, Сизый и ГПВ с нами! Остается третий — наблюдать!

Солдаты схватили оружие, боеприпасы, и мы помчались вместе с Джумаевым на помощь гибнущим. На ходу ротный доложил по связи обстановку, матеря командование соседей.

Перебежав через хребет и узкую ложину, мы попали под прицельный огонь, это «духи» стреляли издалека.

На небольшом пятачке, за грудой камней лежал солдат и поливал автоматным огнем противника, чуть выше стрелял еще один боец. «Бородатые» отвечали гораздо более плотным огнем, они били с хребта напротив и сверху по нашему склону.

Пули с визгом улетали вверх, ударяясь о камни, голову поднять было совершенно невозможно. Страшная картина открылась передо мной.

Солдаты лежали вдоль спуска, окровавленные, без признаков жизни, мешки и оружие валялись тут и там. Я подполз к одному телу, потрогал его безжизненную руку, заглянул в лицо. Глаза открыты, в них бесконечность и боль, смерть. Солдат лежал холодный, безмолвный. Отмучился. Рядом валялась снайперская винтовка. Отложив автомат и взяв снайперку, посмотрел в оптический прицел. На большом валуне через ущелье стоял бородатый мятежник и что-то орал, размахивая автоматом. Приплясывая на камне, он время от времени стрелял в нашу сторону, казалось, пел и танцевал.

«Оборзел, козлиная», — подумал я, прицеливаясь. Ба-бах — и вместе с выстрелом удар, словно кто-то злобно врезал мне кулаком в глаз. На

прицеле не было смягчающей резинки наглазника. Железка вместе с отдачей ударила прямо в бровь. Держась за глаз, я потихоньку завыл от боли.

— Ты ранен? — подползая ко мне, встревоженно спросил Сережка Ветишин. — Что случилось?

— Да, вот эта херня, зараза такая, прямо в глаз. Посмотри, там, на выступе был «дух».

— Был. Теперь под валуном лежит. Вон еще один бежит к нему на помощь! — И Серега, прицелившись, стрельнул.

— А-а-а, у-у-у. Твою мать, больно! — закричал Серега, бросил винтовку и тоже схватился за лицо.

Превозмогая боль, он взглянул в бинокль и расплылся в кривой улыбке.

— Еще один лег! К черту эту снайперку, все глаза повышибаем. — И Ветишин осторожно потер бровь.

Мы ползли по хребту вверх, мимо трупов и стонущих раненых. Огонь усилился. Мятежники взбесились, увидев, что добыча, почти добитая и так легко доставшаяся, уходит из рук. Нашей помощи, а тем более такой дружной и эффективной они не ожидали.

Откуда-то снизу летели гранаты и разрывались невдалеке. Бах-бах. В ответ мы бросили несколько своих гранат. Бах-бах-бах.

Выстрел из гранатомета пришелся в разрушенный СПС. Осколки просвистели над моей головой. Тьфу! Пронесло.

Чумазый солдат лежал за ручным пулеметом и вел непрерывный огонь. Рядом, раскинув руки, лицом вверх лежало большое тело офицера. В голове, точнее во лбу, зияло пулевое отверстие.

— Кто?

— Зам командира роты. Тяжелый очень! Дальше я его тащить не мог, всех рядом ранило. Мы несли «Утес» и старлея, а снайперы и гранатометчики поливали нас сверху. Всех повалили. Спасибо, вы спасли! Выручили. Еще минут пять — и крышка, обошли бы со всех сторон.

Под рукой оказалась «муха», взведенная, но не отстрелянная. Присев за камнями, я выстрелил в «духовское» укрытие.

— Бу-бух!!! А-а-а. Аллах-акбар. А-а-аа!!!

Крики и стоны раненых. Может, кого и убил. Человек пять-шесть наших вели огонь по скоплению мятежников на вершине, остальные солдаты ползком вытягивали раненых и убитых.

К нам подполз здоровенный сержант.

— Ты кто? — спросил я у него.

— Я — Карабод, сержант, зам комвзвода.

— Как все получилось? Куда вы побежали?

— Мы утром вылезли туда, где сейчас «духи» окопались. Поставили пулемет, бахнули по какому-то пастуху. Нам нужно было еще чуть дальше пройти, чтобы быть ближе к своим: вся рота сидит через ущелье за изгибом. Только двинулись, а по нам как дали из миномета и гранатометов.

Стреляли несколько снайперов! Старшего лейтенанта сразу сразило пулей в лоб. Мы его на руки и побежали вниз, к вам. Душманы как «реактивные» нас нагнали, прижали, начали расстреливать сверху и снизу, подошли совсем близко. Что было, что было...

— Что ж по связи не вышли на нас? Мы и боя-то не слышали, вы ведь за склоном горы.

— Да связиста убили сразу, а я частот не знаю, ну и не до того было. Этот проклятый «Утес» и раненых тащили, еще и перепугались все. Офицер-то сразу вырублен, без командира хреновато. Совсем хреново.

Пули продолжали свистеть и с визгом выбивали искры из камней, рикошета, разлетались по сторонам. Патроны пока не кончались. Отлично! Можно жить! Солдаты стреляли короткими очередями. Вскоре и «духи» очереди веерами пускать перестали. Экономят, как и мы, патроны. Огневых точек стало заметно меньше, значит, уходят. Отползают, утаскивая раненых и убитых.

Артиллерию на них не навести, мы лежим друг от друга в тридцатипятидесяти метрах. Специально сразу не уходят, сидят, пока не стемнеет, чтоб снарядами не добились.

Перестрелка все никак не стихала, время почти шестнадцать часов. Уже три часа, как мы ведем бой. Желудок вдруг включил свой двигатель, внутри заурчало. Хм, с утра не поел, теперь надумал. Эх, съесть бы чего, а то меня желудочный сок изнутри растворит. Это, наверное, от нервов.

Первый толковый бой, первый убитый рядом. Трупы лежат вплотную, на расстоянии протянутой руки.

Позиция моя была еще та, аховая, и не сменить. Груда камней, под ней остывало тело солдата, затем лежал я и с другой стороны еще одно тело. Дальше за вторым трупом лежит сержант, как его, кажется Карабод и еще один боец.

— Сержант, у тебя есть что-нибудь пожрать? Тебя как звать?

— Василием! Мой мешок где-то там дальше, где я до вашего подхода отстреливался.

— А есть хочешь?

— Еще как! С утра — ни крошки во рту. Вообще, в мешках у ребят что-нибудь имеется. Им-то уже ни к чему.

Последние слова он произнес с грустью, словно пожалел не только их, но и себя, ведь сам мог лежать на их месте. Вот тут или чуть дальше. Но пока повезло, а могло и не повезти. А как будет дальше? Ведь этот бой не последний.

Он раскрыл ближайший мешок, вынул штук шесть маленьких баночек с мясом, вскрыл их открывалкой и разделил на троих. Вот что всегда при мне, так это ложка, которая засунута вместе с сигнальной ракетой за магазин от АКМа! Сержант достал свою ложку из-за отворота пыльного

сапога. Я обтер ложки ароматизированной салфеткой из набора и поставил баночку на спину солдата. На тело. На мертвое тело... Больше ставить некуда. Карабод сделал то же самое. Пулеметчик был не голоден, есть с нами не захотел, и мы с сержантом приговорили мясные консервы вдвоем. Время от времени он и я посылали очередь за очередью вперед и по бокам: ближе нас к «духам» нет никого. Стреляли для остротки.

Я вдруг услышал какой-то хрип. Прислушался. Хрип повторился, и еще, еще, еще.

— Хр-хр-хр-х-х-хы.

Перебравшись через мертвых солдат к лежащему офицеру, увидел, что его тело содрогалось мелкой дрожью, глаза были закрыты, а рот чуть приоткрыт. Ожил?!

Он действительно с хрипом дышал! Лейтенант был жив! Несмотря на это ужасное ранение в голову. Кровь чуть запеклась вокруг раны, и от пулевого отверстия по лбу шла бороздка запекшейся крови, коркой засохшей в волосах. Живой...

— Парни! — зашипел я лежащим в стороне солдатам. — По цепочке быстро найти ротного, передать, что офицер лежит с пулей в голове, но еще живой.

Минут через пять подполз Кавун, быстро взглянул на раненого и посмотрел выразительно мне в глаза, затем выдал длинный витиеватый мат.

— Да, дела! Минут через десять вертушка раненых заберет. Пятерых мы вытащили на площадку, с этим можем не успеть. Как же его нести? Волоком нельзя — голову повредим, да и пуля может сдвинуться. Давай, лейтенант, бери этих двух бойцов и наших мусульман-пулеметчиков, — Он махнул головой в сторону лежащих рядом двух пулеметчиков-таджиков. — Даете море огня, бейте на психику, бросок двух-трех гранат, из гранатомета еще долбанешь по вершине. Изображай атаку. «Ура» кричи, матерись, вопи. Сейчас начнет темнеть, и дождь помаленьку накрапывает, они нас не заметят. Собьем «духов» с толку.

Дождь действительно пошел, мелкий-мелкий, как пыль. Ротный продолжил:

— Может, отойдут. Не успеем загрузить раненого старлея, сегодня вертушки больше не будет. Минут через двадцать солнце совсем зайдет.

Солнце действительно уже почти закатилось за горную вершину, и лишь багрянец пробивался сквозь пелену сырости.

— Зибоев, Мурзаилов! Ползком к камням и с криком « ура » расстреливаете по ленте пулеметной! Ясно? — спросил я.

Солдаты кивнули головами, однако желания выполнять приказ на их лицах не читалось, но они слышали все, что я сказал.

Карабод и солдат, вооруженный пулеметом, тоже чудом оставшийся живым и невредимым, поняли наш замысел, но восприняли его с сомнением. Что-то пробурчали, но не возражали.

— Ура! Ура! Ура!!!
— Бам! — выстрел из «мухи».
— Трата-та-та, — отвечает пулемет.
— Бах-бах-бах, — брошена граната.
— Та-та-та, — вторят автоматы. — Ура! Ура! Ура!!!

На четвереньках, пригибаясь и беспрестанно стреляя, мы продвигались вперед к вершине. После выстрела из «мухи» и взрыва гранат ответный огонь прекратился.

Бросок вперед на четвереньках, полуползком — и мы на вершине. Там никого. Бинты, кровь, патроны, упаковки лекарств, стреляные гильзы. Никого! Ушли. Только сквозь пелену дождя, в мутном мареве слышен топот убегающих врагов. «Духи» бегут!

Очередь, очередь, очередь, еще, еще, еще... в темноту. Гады! Сволочи!!!

Я схватил пулемет у Зибоева и с криком «А-а-а» расстрелял половину ленты вниз в сумерки. Потом выпустил ракету в воздух, чтоб свои случайно не накрыли по ошибке.

Вертолет уже приземлился на площадке, солдаты быстро грузили раненых.

Сержант Карабод и второй солдат бросились обратно к командиру, осторожно положили его на плащ-палатку и с помощью наших бойцов понесли быстрее к вертушке.

Эх, не успели! Не успели... Еще на полпути к площадке вертолет взлетел и, раскачиваясь, удалился в надвигающиеся тучи. Быстро смеркалось.

Вдруг кто-то вылез из ущелья и закричал:

— Нэ стреляйте, я свой.

— Ползи сюда! — подозвал ротный. — Кто такой? Что это за свой выискался?

— Я из восьмьдесят первого. Меня ранило, командиры! Гогия моя фамилия.

— Степан! — окликнул ротный санинструктора. — Осмотри и перевяжи грузинского героя!

Мы присели возле охающего солдата, который поведал жуткую и невероятную историю.

Он и еще один солдат несли раненого по склону с левой стороны. По ним ударили из автоматов и гранатомета. Напарника наповал, раненый получил еще несколько пуль и привалил грузина своим телом. Гогию тоже ранило. «Духи» подошли, взяли автоматы, полоснули очередями по лежащим, но все пули принял мертвый солдат, которого тащили. От страха Гогия обоссался, но молчал. Ногой кто-то пнул его в бок, вырвал автомат. Тут мы сверху кинули гранаты, начали стрелять, «духи» убежали. Со всех сторон грохот, голову не поднять, да еще придавило телом. От страха вырубился.

— Товарищ капитан! Что-то раны найти не могу, весь в крови, но вроде в чужой!

— Смотри хорошо, может, внутреннее кровоизлияние?

— А вот царапин несколько. Где болит?

— Нога, пятка болыт! — ответил гортанным голосом раненый.

— Да там, действительно осколок торчит большой в подошве ботинка, сейчас сниму. Во! Осколок ботинок пробил и в пятку попал, но только рассек кожу, кровь уже засохла! Грузин, ты шо, это усе? Чи ни? Это и все твое ранение?

— Нога болна!

— Нога! Болна! Как тресну по башке, чурка. Болна!

— Я не чурка, я грузин.

— Вставай, нечего ползать! — зло заорал санинструктор.

— Товарищ капитан, да его пару раз поцарапало! Обосрался!

— Воняет?

— Да нет, я в переносном смысле. Трус он!

— Ну, трус не трус, а повезло, могли и яйца запросто отрезать.

— Валяй бегом к сержанту Карабоду и помогай своим. Где убитые лежат, видишь, Степан? Надо их выносить.

Все взялись за дело.

Уже в темноте мы подняли обоих мертвых солдат из ущелья, собрали разбросанное имущество, оружие, понаставили растяжек-гранат и вернулись к себе на точку. Карабод и три солдата его взвода стояли над командиром, натянув палатку, защищая его от хлынувшего вдруг ливня.

— Да, жаль, не успели к вертолету. Как мы раньше не заметили, что он живой?

— Иван, ведь с такой раной, по-моему, ничем не помочь. Что увезешь, что не увезешь.

— Ника, когда получишь пулю в лоб, не дай бог, конечно, и будешь валяться в грязи, тогда посмотрим, что ты скажешь!

— Ворон! Каркаешь!

— Ну а ты тоже брякнул! Надеяться нужно до последнего. Наш закон — раненых и убитых не бросать! У «духов» такой обычай, кстати, тоже. А раненого любого, даже безнадежного, надо спасать, чудеса в жизни бывают всякие.

Итог боя был трагический: из разбитой роты шесть убитых и шесть раненых, да оцарапанный Гогия, но он был не в счет. Всю ночь по очереди нашими солдатами, эти бойцы стояли над раненым старшим лейтенантом, укрывая его от ливня. На рассвете прилетел вертолет и всех «соседей» увез. Старший лейтенант скончался через три дня в госпитале. А вдруг выжил бы, если б сразу вывезли. Вот так-то... Прав ротный... Стало пять

раненых, не считая Гогии, и семь убитых. У нас в роте потерь не было, нет даже раненых. Тем утром ротный мне с грустью сказал:

— Запомни! Чаще всего убивают в первых рейдах и последних. Никогда не откладывай отпуск и особенно берегись после отпуска!

— Это ты к чему?

— Железобетонные, проверенные кровью и смертью приметы! Старлей в отпуск должен был ехать, дочка родилась. Бойцы сказали: уговорил его командир роты отпуск перенести. У человека уже мозги на дом переключились, а его в рейд! Это уже из области психологии. Бдительность потерял, концентрацию. Расслабился. — Иван принялся жевать сухарь, глядя вдаль.

— А чего ты так задумчиво на меня смотришь? — удивился я.

— Да у меня этот рейд последний, тьфу, тьфу, крайний, надеюсь, — вздохнул Иван.

— Кстати, Ваня! Я спал ночью в свободные от проверки постов часы вполне спокойно, кошмары с видениями окровавленных трупов не мучили. Переживания нахлынули, когда под утро пришла очередь бодрствовать.

— Сволочь ты, равнодушная, — вздохнул ротный.

Вчерашний бой я видел снова и снова, как в кино. Убитые наши, подстреленные душманы, раненый офицер, кровь, пули, взрывы, едкий страх перед надвигающейся со всех сторон, смертью четыре часа непрерывной перестрелки. Война перестала быть прогулкой, альпинизмом, туризмом, приключением, она стала жестокой реальностью. Ко мне прикоснулась война и обдала своим смердящим, трупным дыханием.

* * *

Наступило утро — и новая задача. Вертолеты перебросили батальон через два глубоких ущелья. Эта горная гряда уходила к заснеженным вершинам. Наш маршрут к ним. Задача — пройти над кишлаком до самого начала речушки, протекающей от заснеженных скал. Патроны, гранаты, выстрелы к гранатомету, «мухи» нам забросили на площадку вертолетом. Свои все кончились вчера. Обвязавшись пулеметными лентами, солдаты опять стали похожи на матросов-анархистов.

— Хреновая задача! — сказал Кавун, собрав офицеров. — Ситуация следующая: разведка будет чесать кишлак с двух сторон, а мы прикрываем их сверху. Рядом никого. Третья рота, сильно потрепанная во вчерашнем бою, будет от нас в десяти километрах. Наш бой не в счет, так считает комбат. Слушать меня внимательно! Как прочешут разведчики ущелье — отходим к нашему полку. Идти двадцать километров. Лучше — бежать. Но это вряд ли удастся. Сейчас десять утра, к шестнадцати выход на зада-

чу. Острогин с первым взводом в голове колонны. — Серега при этих словах поморщился. Его взвод — это он, три солдата и зам комвзвода. — С ним идут еще два сапера. Дальше вся колонна. Замполит и санинструктор в конце. Подгонять, лечить, оживлять подышающих. Воодушевлять словом и делом!

Все хмыкнули. Тяжело вздохнули... Задача нелегкая. Своих подразделений рядом нет, а «духов» сколько? Кто знает...

Вчерашняя трагедия перед глазами. Та же ситуация, только нас не шестнадцать, а тридцать пять.

— Их, мудаков, ничему жизнь не учит, — рявкнул Острогин.

— Кого их? — ласково поинтересовался командир роты.

— Всех начальников. Что сказал на этот приказ руководства наш Чапай?

— Подорожник был строг и заботлив. Матом не ругался. Сказал: «Милый Ваня, не будешь ли так любезен, сходить во-о-он туда, а?» Пожелал успехов в ратном труде. Напомнил, что мы коммунисты и комсомольцы. А если серьезно, то насчет мудаков из «верховного командования» он с нами солидарен. «Кэп» (комполка) тоже в бешенстве, но решает ведь даже не он. Армейская операция! Ну а крайние — мы. Потерь много. Один минометчик убит, а в третьей роте четверо ранено. Им сильно досталось! «Килькоед» Мелещенко в шоке от свиста пуль, но тебе, Ник, дружка успокаивать некогда. Трогаемся, в путь. Орлы, мать вашу, пехоту ноги кормят — вперед, марш!

* * *

Часа через четыре наконец-то «протрубили» привал. Осталась гораздо меньшая часть пути, но никто не обольщался по этому поводу. Высота была уже как на ладони. Толкать и подгонять «умирающую» роту я устал и готов был сменить в голове колонны Острогина. Хорошо, что идем без минометчиков, а то еще и мины пришлось бы мне за них тащить. Почему-то комбат наш миномет отдал разведчикам. Погода баловала. Легкий ветерок, тучки, совершенно не жарко.

Я отошел чуть в сторону от привала. «Лучше нет красоты, чем пописать с высоты». Встал на край, глянул вниз... и отпрыгнул назад. Лежа, подполз обратно к краю пропасти. Глубоко внизу вдоль русла реки текла другая живая река. Люди, коровы, лошади, козы, овцы. Уходят оттуда, куда идем мы. В бинокль посмотрел и увидел, что в толпе много вооруженных людей.

Пулей примчался к своим.

— Ротный! Скорей, там «духи» по ущелью уходят!

— Как увидел?

— Да, чуть не обделал их с обрыва.

— Рота, без мешков за мной! — скомандовал капитан.

Перебежав, мы залегли вдоль обрыва, ротный посмотрел в бинокль. Нас пока не заметили — везет. Улыбаясь удовлетворенно, он отдал приказ:

— По цепи передать! По моей команде выстрелить по два магазина и по гранате РГО бросить в ущелье. Снайперам выбрать достойные мишени. Потанцуем!

— Иван! Вроде там мирных жителей очень много? — с сомнением произнес я.

— А мы их не тронем, — ухмыльнулся он, — стреляй только в вооруженных. Мы вчера тоже были с утра очень мирные и никого не трогали.

— Огонь!

«Бух, бух, та-та-та-та-та, бабах», — огнем полыхнула рота. «Ах-ах-ах», — отозвалось ущелье эхом.

«Ба-ба-бах, та-та-та-та». Это продолжалось минут пять. Вначале внизу все бросились врассыпную, часть мятежников попадали убитыми, через какое-то время кто-то из оставшихся в живых начал стрелять в ответ.

— Прекратить огонь! Отходим! — скомандовал ротный. Злые огоньки мести плясали в его глазах. — Это им за вчерашнее! Офицеры, бойцы, подъем! Сворачиваемся, живо уходим на задачу. Быстрее к мешкам. Бегом!

Я в последний раз взглянул вниз. Жуткая картина. Люди валяются или ползают в крови. Хрипы, вопли, стоны. Редкий ответный запоздалый огонь. На этот раз не повезло «духам».

— Ну, замполит, молодец! Как шикарно нам «духов» нассал? Удачно пустил струю. Сейчас по связи доложу, пока Подорожник не визжит из-за нашего концерта.

После коротких переговоров неудовлетворенный и злой Иван распорядился:

— Вперед! Руководство бесится, что мы еще не на задаче! Офицеры, вперед, вперед! Первый взвод не задерживаться, шустрее.

И вот рота уже под горкой. Еще чуть-чуть осталось. Короткая передышка.

— Второй взвод! Ветишин! Занять оборону здесь! Прикрываешь тылы. Первый взвод быстро наверх! Затем, после его доклада — второй! Следом пулеметчики! — распорядился Иван.

— А можно ГВП останется с третьим взводом? — хитро улыбаясь, спросил Голубев. — Место больно хорошее. И тыл надежнее прикроем.

— Нет, нельзя! Пулеметы поставим наверху. У-у-у, Сизый — старый сачок.

— Ну, не такой уж и старый. Просто я заменщик!

— Самозванец выискался. Это я заменщик! А тебе еще ходить до конца года, трубить как медному котелку.

— Я и не...

Вдруг наверху началась ураганная стрельба, и разговор прервался на полуслове. Шквал выстрелов там, где уже был первый взвод.

— Серега! Что там? — заорал ротный по радиосвязи.

— «Духи»! «Духи» обходят со всех сторон! — доложил Острогин. — Мы на пяточке в старом «эспсе». Обложили, твари. Их просто тьма. Спасайте! Быстрее!

— Ну, вот абздец! Вперед в гору, замполит! Все вперед! В гору! — дико заорал Кавун.

Я бросил на бегу мешок — мешает, с ним тяжело. На середине горной дистанции меня обогнал худющий солдат — Ларионов.

«Он же из пулеметчиков и вроде должен быть сзади, — мелькнула мысль. — Ведь его взвод далеко позади ползет!»

Оглянулся. Пехота лезла, пыхла, сопела, хрипела, чертыхалась, материлась, рычала. Бежали, пока без обстрела. Сверху шел бой, но нас огонь не задевал, «духи», видимо, идущую подмогу не видели: мы были укрыты склоном. Ротный и арткомректировщик карабкались чуть ниже меня. Вдруг грохнул короткий выстрел. Ларик поглядел мне сверху в глаза и как заорал:

— Я его завалил! Завалил!

— Кого? — рявкнул я.

— «Духа»! Он за валуном! — ликовал солдат и уже шепотом, продолжил: — Выскочил, гад, прямо на меня, а я первым успел выстрелить.

За валуном лежал здоровенный бородач в униформе и хрипел. Больно, однако, мужику!

— Сейчас «помогу» ему, — сказал я солдату, осторожно выглядывая, и дал длинную очередь, начиная с того, что болталось между ног у бородача, и до груди.

Бородач издал предсмертный рык и, широко раскинув ноги, затих. До него было всего метров семь. Еще чуть-чуть и он бы нас опередил, а там вся рота как на ладони. Собирай потом наши окоченевшие трупы третья рота. Сзади подполз «наркоша» Васька Владимиров.

— Ларик, с меня орден! Молодец! Как ты его? — удивился я.

— Да он оглянулся и что-то скомандовал, а я в этот момент его и снял. А если б он не обернулся? Верняк, нас бы всех уложил. Он, видно, командовал этими «духами». Мятежники залегли за валунами.

— По гранате за камни! — крикнул я обоим бойцам и кинул свою гранату.

«Бам-бам-бах-ах-ах» — взорвались гранаты, и тем же ответило эхо в ущелье. «А-а-а-аллах! Шайтан», — донеслись крики и стоны. «Трата-тата-та, шелк-шелк», — в ответ раздались выстрелы. Пули защелкали вокруг и рикошетами от камней с визгом разлетались в стороны. Снизу выполз ротный с несколькими бойцами.

— Что тут? Что творится?

— Ларионов «духа» завалил, я его добил. Остальные за валунами, — ответил возбужденным голосом.

— Молодцы! Замполит! Бери бойцов, пулемет и ползи выше к Сереге! Собьют его, собьют и нас, будет тогда, как вчера! Понял?

Я кивнул в ответ. Вот зараза! Опять я крайний, как всегда не везет.

— Васька, Мурзаилов, Ларик, Керимов! За мной! — скомандовал я бойцам и сам пополз первым.

Мысли путались в голове. Все как вчера. Все как вчера. Наша очередь. Обрезанные яйца, отрезанные головы, нам всем пришел полный «абздец». А жить-то хочется. Сил все меньше, а ползти надо, хоть ноги почти как ватные и легкая дрожь в руках.

Вдруг навстречу из-за камня выполз пулеметчик Хафизов с трясущимися руками и ногами.

— Ты откуда? Где взвод? Где все?!

— Т-та-там, — ткнул он пальцем неопределенно и туда же отвел бегающие глаза. — Командир, не знаю! Не знаю, где все.

— Назад, сволочь, застрелю!

Он поплелся с нами, но все равно полз самым последним. Вдруг мы наткнулись еще на одного труса.

— Хайтбаев! Скотина, а ты почему здесь? Взвод там, ты прядешься здесь!

Сержант забился, как крыса, в щель между камнями, обняв автомат.

Этот вождь «узбекской мафии» лежал с перекошенным лицом и весь трясся.

— Шлепну как собаку, гадина! Назад к взводу!

— Не ори, лейтенант, не пойду! Там смерть.

— На счет два — ты труп! Раз... — И я ткнул ствол автомата ему в нос.

Кровь тонкой струйкой потекла по губам и подбородку. Второй раз считать не пришлось. Злобно ругаясь и что-то шипя на родном языке, затравленно глядя мне в глаза, он выполз из своей щели. За следующим выступом лежал свернувшийся в калачик Алимов. Ну и дела, все тут! Рядом лежал Колесо и, закрыв глаза, стрелял из автомата, куда-то в небо.

— Колесников! Очнись! От тебя воняет! Почему взводного бросили, сволочи! Где Острогин и саперы?

Алимов, весь трясясь, показал рукой в сторону груды камней, а Колесников промычал:

— Мы не дошли, «духи» обстреляли. Не пройти, отсюда бой ведем.

— Вижу, как ведете, и чего еще ваши жопы на кожу для барабанов не пустили? Лечь всем в цепь и вести прицельно огонь по «духам»! Серега-а! Серега-а.

— Да, я здесь, — заорал он в ответ издали. — Я тут с саперами. «Духи» нас давят! Ура замполиту! Родной ты мой! Вылез! Ник, я тебя люблю-ю! Живем!!!

— Наверное, живем. Ты там с кем? Сколько с тобой бойцов?

— Только два сапера. «Духи» с обеих сторон залегли. Молотят. Где мой взвод, не видел? Все узбеки разбежались. Ну не гады ли?

— Я их тут на пригорке собрал. Все живы. Только обделались твои «орлы»!

До Серегиного укрытия было метров тридцать и приходилось лежать громко орать, но это нас обоих подбадривало. Свистящие над головой пули настроения не поднимали. Мандраж во всем теле усиливался. Была какая-то нервная дрожь. Всего ломало и выворачивало. Я снял бушлат и прополз по камням и колючей траве немного вперед. Затем оглянулся и прикрикнул на солдат:

— Колесо! Будешь заряжать с Алимовым магазины! Васька! Ларик! Хафизов! Хайтбаев! Огонь! Держаться! Всем — огонь огонь!

По нам несколько раз выстрелили из гранатометов или «безоткатки». Одна из гранат прошла чуть выше над головами, другие взорвались в камнях, не долетев. Не попали, мерзавцы. Это хорошо...

Вдруг с вершины, метрах в двухстах от нас, заговорил кто-то в громкоговоритель.

— «Шурави!» Сдавайтесь! Не тронем. Сдавайтесь, а то все будете мертвый! Совсем-совсем мертвый. Сдаётся, будете живой. Командир, сдавайся! Не тронем! Выходи! Мусульман, стреляй русский офицер!

Серега заорал в ответ:

— Иди сюда сам, попробуй возьми в плен! Давай, друг, скорей! Вперед!

Под эти свои дикие вопли он вместе с саперами палил во все стороны. Стреляли мы, стреляли в нас, горы отвечали эхом, постоянно что-то орало в мегафон «духи».

Сайд Мурзаилов выполз на пригорок с ПК, взялся за дело, и «духи» сразу приуныли. Хафизов с ручным пулеметом, поборов страх, прикрыл правый фланг, отогнал духов. Закрепились — теперь нас уже не сбить! Колесо и Алимов не успевали перезаряжать магазины. Этот ад продолжался уже черт знает сколько. Голова гудела от грохота и гари. Несмотря на начавшийся дождь, было жарко. Все тело горело и пылало. Возбуждение боя захватило, понесло, страх пропал. Горный костюм промок насквозь. Я что-то кричал, командовал, куда-то стрелял, переползал, швырял гранаты. Вдруг автомат заклинило. Патрон перекосило! Достал шомпол, разобрал автомат, патрон не выбить — никак! Зараза! Кто-то зарядил в магазин патрон 7,62 вместо 5,45? И как он в магазине поместился?

— Бойцы! Огонь! Я сейчас отползу, и быстро вернусь. Держаться!

Я сполз чуть вниз в укрытие и продолжил вышибать шомполом из ствола перекошенный патрон. Минут через пятнадцать это удалось и я с сожалением стал возвращаться на огневую позицию. Вдруг мне навстречу выползли один за другим все бойцы.

— Куда! Куда, сволочи! Назад! Парни, назад! Ползите обратно на горку!

— Товарищ лейтенант! Ты куда ушел? Одним нам там страшна, сап-сем страшна, — забубнил верзила Мурзаилов.

— Да тут я, тут, сказал же — держаться!

— Мы испугались, — промычал Хафизов.

— Назад! Возвращаемся! Огонь! Всем огонь! Не отступать!

И тут раздался топот сапог, шум камней, крики:

— Свой, не стреляйте.

Это подбежал Сергей с саперами. Он громко матерился.

— Вы куда все делись?

— А ты какого хрена примчался? — удивился я.

— Когда вы объявились, думаю: все, ура, спасены. Да и «бородатые» чуть отползли. Кричим, переговариваемся, душа поет, а как тебя не стало слышно и огневая поддержка стихла, «духи» вдруг как попрут. Им же трупы и раненых вытащить надо. Я в одного верзилу весь магазин выпустил, а он орет, идет и не падает! Стреляю, а он, скотина, не валится! Патроны кончились — вот мы и дали деру. Отступили.

— Много мы их перебили?

— Ник! Да черт знает! Там целая лавина пошла. Человек двадцать.

— Ладно, здесь будем держаться, пока сможем. Если собьют — крышка нам всем.

Снизу закричал ротный:

— Мужики, сейчас вертушки подойдут, поддержат! Не отползать, держаться. Не бежать!

— Товарищ замполит! Патроны кончились, я снарядил все магазины, — пробубнил Колесо, дергая меня за рукав. — Запас кончился.

— Колесников! Надо говорить «товарищ лейтенант»! Пентюх! Чему тебя учили!

— А меня в Союзе учили подметать, землю копать да строить дома. Я стрелял всего один раз в учебке и эти уставы не изучал.

— Колесо, ползи за патронами к ротному. Хватит болтать!

А «духи» тем временем продолжали поливать нас свинцовым дождем. Они патронов не жалели. По-прежнему что-то кричали в мегафон, что-то обещали. Автомат начал заедать от толстого слоя нагара, и при смене пустых магазинов на заряженные приходилось затворную раму досылать ногой. После этого он, как это было ни удивительно, все равно стрелял! Да, это тебе не американская М-16! Та уже давно бы зачахла и отказала.

* * *

Внезапно в воздухе появился «крокодил». Вертолетчик явно не понимал, где и кто из нас находится. Кто внизу: свои, чужие? Рота дружно зажгла дымы. «Ми-24» сразу радостно принялся утешить господствующие над нами высоты.

Дружное «ура» пронеслось над нашими позициями после первого залпа неуправляемыми ракетами.

— Ура! — заорал и я. Слезы радости и счастья брызнули из моих глаз. Спасены!

Погонов и Гудков вытащили к валунам «Утес» и АГС и молотили по противоположной вершине. Наша радость была недолгой. По вертолету начали стрелять пулеметы, и вертолет, плюнув «нурсами», еще разок развернулся и ушел на базу.

Я шустро пополз на четвереньках к ротному.

— Ваня! Куда он улетает? Что случилось?

— Летуны сказали, что топливо кончается.

— Другие прилетят?

— Вряд ли. Нам только все начальники орут: держись, Иван! От комбата до комдива. Комдив только что сыночком называл. Призывал держаться. Обещал, помощь идет...

— Какая?!

— Третья рота и разведвзвод. Но им плестись часа два-три.

— Что ж, выгашат нас, как мы вчера ту битую роту восемьдесят первого полка.

— Не паникуй! Ползи наверх. Чего тут околачиваешься? Держаться! Побежим — ляжем все вдоль склона. Давай назад к бойцам. Держаться! Помни, что тебе яйца отрежут обязательно. Ха-ха-ха! Любят они, гады, замполитам яйца отрезать.

Да! Замогильный юмор ротного спокойствия не прибавил. Зацепив несколько пачек патронов, я выполз на край плато. Вот с краю Серега стрелял и матерился, чуть в стороне, бойцы лежа вели огонь одиночными и изредка очень короткими очередями. Теперь мы вели бой, уже толком не видя противника. Смеркалось. Дождь усиливался, холодало. Поток воды постепенно превратился в мокрый мелкий снежок.

Чертыхаясь и сопя, к нам на пяточок выполз сам Ваня Кавун.

— Мужики, — он обнял нас с Острогиным за плечи, — артиллерия прицельно бить не может, рота лежит вплотную с «духами». Вот-вот патроны кончатся: АГС уже все расстрелял, «Утес» тоже, и «мух» больше нет. Минут через двадцать стрелять будет просто нечем. Снежная пелена сейчас нас прикрывает, и «духи» толком ничего не видят. Я принес последний мешочек патронов, заряжайте магазины, сейчас пойдете в атаку. Как вчера — в психическую. Надо сбить их с плато. Вернуть СПС, тот, где ты, Сергей, сидел. Сбросить их, мерзавцев, вниз. Тогда артиллерия сможет точнее бить вокруг плато.

— Как в атаку? — удивился взводный. — С кем идти в атаку? Три узбека, я, замполит и Колесо?

— А Мурзаилов? Это же ПК! Сила! Пулемет! Смотри, какой гигант-боец! Голыми руками всех задушит.

— Да у пулеметчика и половины ленты не осталось! — возразил Серега. — Тоже мне огневая поддержка.

— Саперы и Васька с вами пойдут! Надо, братцы, надо, а я, Степа, Ларик и артиллерист, прикроем с фланга. Придавим огнем высотку слева.

— Взять только этот рубеж? Берлин брать не надо? — переспросил я. — Почему опять я иду в атаку? Каждый день в атаку, и в атаку, ну сколько можно?

— Крайняя атака. Взять СПС и все. Ну замполит, ну шутник! — хлопал меня по плечу Кавун. — Закрепиться в камнях. И дальше никуда наступать не надо. По магазину каждый выпускает и броском — вперед! Потом гранаты кидайте. Еще раз говорю: пошуметь, как вчера!

— Да граната всего одна осталась Ф-1, — засмеялся я. — Больше ни у кого нет.

— На, возьми еще две, мои гранаты. Больше нет ничего. С богом, ребята! — ротный ткнул кулаком меня в бок и уполз.

Мы собрали бойцов и стали готовиться. Серега схватил меня за руку.

— Ну что, Ника? Рискнем! Делать-то больше нечего, деваться нам некуда.

— Бойцы! Даем залп и вперед! Захватываем укрепления! — скомандовал я. — Конечно, ураганного огня не получится, но по магазину расстрелять, и с криком «ура» атакуем! Ползем вначале на четвереньках, потом короткими перебежками вперед, и стреляем короткими очередями. Оставить немного патронов, чтобы было чем добивать раненых «духов». Ха-ха.

В заключение тирады я нервно рассмеялся.

— У кого есть штык-ножи или лопатки, взять с собой. Может, рукопашная будет, — продолжал мою пламенную речь Острогин.

— Ну дела! Блин горелый! — только и вымолвил Колесников.

— Не ссы, Колесо, все будет в ажуре, — засмеялся недобро Васька. — Прорвемся!

Штурмовая группа растянулась в линию, и мы проползли метров пять. «Духи» монотонно вели ленивый огонь, видно сэкономили патроны.

— Вперед! В атаку! — заорал я, что было сил. — Ура! Суки, гады, сволочи! А-а-а! Ура!

Сидя, лежа, с колена вокруг меня стреляли солдаты. Саид встал в полный рост и выпустил длинную очередь из пулемета, а затем, что-то выкрикивая по-таджикски, пошел вперед, не переставая стрелять. Мы с Сергеем швырнули по гранате в духовское укрытие и, подгоняя солдат, бросились к укреплению.

— Быстрее! Ура-ура-а-а!!! Быстрее!

— Ура-а-а... — понеслось из восьми или девяти глоток.

В несколько прыжков наша группа одолела ровный участок, не переставая стрелять.

Сейчас, сейчас, сейчас будет схватка, — стучала и вертелась в мозгу единственная связная мысль. Рукопашная! Ужас какой — зарубить или заколоть человека!

Морально я к этому был не готов часа три назад, но в этот момент заколот бы и зарубил любого. Если не зарежут или не застрелят меня самого. Вот сейчас очереди в упор, в грудь, в живот, в голову — и мы все ляжем тут. Но что это? Камни не отвечают огнем, СПС молчит. Слышен шум осыпающихся камней, вниз, в ущелье. Они бегут!

— Гранату! Гранату кидай вниз! — заорал Серега. — Скорей бросай свою «эфку», Ник!

Я метнул гранату в распадок. «Бах-бах-ах-ах-х-х», — эхом ответил гулкой взрыв.

Вся штурмовая группа залегла на краю плато и принялась короткими очередями стрелять в ущелье и по сторонам. Взводный пустил осветительную ракету: по склону удалялись чьи-то силуэты.

— Они отступили. Ушли! Серега! Будем жить! Мы спасены! — я обнял его.

— Задушишь! Ник! Ура! Удрали! Колесо, ротному передай — «духи» ушли. Бегом, солдатик, родной ты мой!

Группа заняла оборону. Оборону — это громко сказано. Опросив солдат, выяснили, что патронов у всех штук по пять-шесть на ствол. У меня было — пять, у Сереги — три, у Васьки — семь, у саперов — ни одного, а для ПК только три патрона в ленте. Гранат нет, «подствольники» уже давно без гранат. Да, знай «духи», при каких обстоятельствах они отступали, наверняка вернулись бы и взяли бы нас голыми руками минут через десять. Бойцы стояли и на краю обрыва радовались жизни.

Ротный подбежал, весь занесенный снегом. Пурга усиливалась, и капитан был похож на Деда Мороза.

— Мужики! Орлы! Герои! Занять здесь круговую оборону! Саперам и первому взводу правее, Мурзаилов, иди к ГВП, вы будете там, левее, где главарь убитый лежит.

— А где мы разместимся? — спросил я. — Внизу?

— Нет! КП роты в центре. Второй взвод выдвинем тоже вверх, туда, откуда мегафон орал, а третий в центре с нами.

Через полчаса вся рота собралась на плато и расплзлась по задачам. Снег валил сплошной стеной, не было видно ни зги, ничего ближе пяти метров. Но этот снег стал нашим спасением, чудом и несказанным везением! Душманы не подозревали, как они были близки к победе. Хотя кто знает, может, и у них боеприпасы кончались, да и раненых нужно уносить. Бродя по вершине, я с трудом нашел свой промокший бушлат. С каждой минутой становилось все холоднее и холоднее.

— Офицеры! Какие потери во взводах? Доложить! — дрожащими от мороза губами командовал Кавун.

— В первом потерь нет, — ответил Острогин.

— Во втором нет ни раненых, ни убитых, — радостно пропел Ветишин.

— У меня все целы, — изрек Голубев.

— За третий доложу я сам — тоже без потерь! — констатировал ротный и подвел итоги боя: — Приданные саперы и артиллеристы живы, рота без потерь! Вот это да! Ну мы молодцы! Такой бой выдержали! И ни единой царапины! «Духов»-то было гораздо больше! Чудеса! Так я в Бога начну верить.

— Что с помощью? — спросил Острогин. — Идет, не торопится?

— А ничего! Разведвзвод и третья рота где-то заблудилась в пурге, видишь, как метет! Комбату сообщили, что не видят, куда топать. Ракеты бесполезно пускать: не разглядят.

— Да! Прямо снежная буря поднялась! И кто бы мог подумать несколько часов назад на солнепекке. А сейчас как на севере!

— Замполит, не надо теперь тебе ехать в отпуск в Сибирь. Тут как в тундре, и мы сейчас можем все замерзнуть! Час от часу не легче. Бойцам спать не давать! Положить всех кучнее, пусть греются. Тормозить и теребить. Охранению меняться через час, пусть ходят по периметру попарно. Главное — не обморозиться. Что с боеприпасами?

— У меня нашелся полупустой магазин и граната, — ответил я.

— У меня два патрона, — улыбнулся, оскалив, зубы Голубев.

У остальных офицеров было не больше. У бойцов ни у кого не было боеприпасов больше магазина, «мух» не осталось, пулеметы без патронов, АГС с четырьмя выстрелами.

— Да, дела! — подытожил ротный. — В эфир об этом не сообщаем, боюсь, информацию духи перехватят. Но если они утром полезут нас прощупать, мы даже налегке до своих не добежим, уж очень далеко. Артиллерист! Организуй беспокоящий огонь по вершине над нами и огонь по обоим ущельям! Работай с батареями!

— Хорошо, сейчас сделаю привязку и попробую артиллерию нацелить точнее, — ответил старший лейтенант.

На ночь мы укрылись с Кавуном в его спальнике, свой мешок в пурге я так и не нашел. Половина вещей роты осталась на склоне, и под снегом их было не отыскать. Теперь на смену жаркому бою пришла пытка стужей. Всю ночь офицеры по очереди бродили по высоте, будили солдат, трясли, толкали: не спать, не спать! Сон — это практически неминуемая смерть или сильное обморожение. Ужасная метель продолжалась всю ночь. Я дрожал всем телом, сна не было ни в одном глазу, был только страшный

пронизывающий холод. Снег и ветер, сырая обледенелая одежда. Эти муки становились невыносимы. Тело ломило, суставы скрипели от сырости. Лишь к рассвету сон все же сморил меня, и я провалился в него, словно в пропасть.

Утро пришло с ярким солнцем. Ветер разогнал тучи, и солнце без малейших помех начало отогревать наши промерзшие тела и души. Вершина ожила. Нет больше мучений — теперь мы могли чувствовать себя туристами в Альпийских горах. Только очень усталыми и голодными.

Солдаты принялись окапываться, строить укрепления, разыскивать вещи. Нашелся в снегу и мой брошенный на бегу вещмешок, а недалеко от него станок от АГС. Вчера стреляли без него, прямо с камня и с рук.

Внизу в ущелье виднелся кишлак, в который вечером отступили «духи», но никакого движения в нем не было. Видно, смотались оттуда еще до рассвета. Ротный второй взвод поднял повыше по склону, первый спустил пониже. Систему обороны создали, но патронов-то, как и прежде, нет. Несколько минут боя — и нас сметут с хребта как пыль.

— Ваня! Что сказал Подорожник? — спросил я у сидевшего за радиостанцией командира.

— Да ни хрена хорошего! Не отходить! Сидеть, держать оборону, обещает, что скоро придут разведчики с боеприпасами. Третья рота в бурне ушла в сторону, и теперь собирает своих заблудившихся.

— Ну, Женька! Как же так? Ведь не пацан, опытный офицер!

— Кто их знает как так. Может, заблудились, может, испугались. Да и в принципе, я думаю, опасность миновала. «Духам» не до нас: раненые, убитые. Боеприпасы за два дня боев тоже, наверное, на исходе. Поскольку они не знают, что с патронами в роте совсем «жопа», думаю, они сегодня не сунутся. Мы не трусы, а боевое подразделение, они это поняли.

— А вертушки? — удивился я. — Почему к нам вертолетом не забросить помощь?

— Вертолетчики после обстрелов из пулеметов не хотят сюда соваться. Тем более что в роте ни убитых, ни раненых нет. Сейчас позавтракаем и будем наблюдать за окрестностями, греясь на солнышке. Курорт, мать его так!

* * *

Я задумчиво жевал сухарь и ковырялся в банке с кашей, наблюдая за часовым. Молодой боец по кличке Колесо маячил по склону уже который час.

— Часовой!

— Я!

— Пойди-ка сюда, дружище.

— Да. Слушаю.

Мокрый, грязный, измученный солдат с тоской смотрел мне в глаза.

— Колесо, ты чего третий час круги нарезаешь по сопке?

— Я на посту.

— А смена определена каждый час. За кого стоишь?

— Ни за кого. За себя. Я и не устал.

— Кто с тобой на посту должен стать по часам.

— Хафизов, Хайтбаев, Керимов.

— Понятно. Опять «мафия узбекская». Сержанта ко мне. Быстро. Мухой!

— Да я ничего, постою...

— Я же сказал: мухой! Ментелем! Сержанта сюда.

Сержант Хайтбаев не спеша, озираясь по сторонам и ругаясь про себя, приблизился ко мне. На руках надеты кожаные перчатки, толстый воротник свитера вылез из х/б. Одет не по форме, выделяется передо мной.

— Да, слушаю.

— Не понял, повтори.

— Слюшаю, что нада, замполит?

— Ты еще и хамишь?

Коротким ударом в зубы я свалил наглеца с ног в снег. Непедагогично, зато надежно и практично.

— Сволочь! Чего ты, мразь, выпендриваешься? Вчера взводного в бою бросили, трусы поганые, сбежали. Ты побежал первый, а сегодня над солдатом молодым издеваешься, который честно бился.

Сержант, что-то бормоча на родном языке, поднялся и угрожающе зашипел. Ну прямо как гремучая змея.

— Не шипи, скотина. Сейчас ты на пост заступаешь, Хайтбаев! Стоишь часовым до вечера!

— Убью! — прошипел, злобно сверкая глазами, этот недоносок.

Он потянул на себя автомат, но я ударом ботинка в пах сшиб его в снег и придавил грудь каблуком. Все сильнее вдавливая его в снег, я быстро соображал, как дальше быть. Сержант шипел, хрипел, выл и извивался. Я продолжил воспитательную работу: несколько ударов сапогом по почкам и голове его успокоили. Сержант затих.

— Встать! Сволочь! Будешь рыпаться — пристрелю как собаку, и спишем на боевые потери! С сегодняшнего дня ты больше не младший сержант, а в полку приказ на тебя оформлю. И не таких обламывали. Марш на пост, сволочь!

Колесников наблюдал за происходящим в стороне и явно был рад такому исходу, хотя и искренне напуган.

Уже бывший сержант угрюмо побрел к своим землякам, растерянно наблюдавшим за нашей «милой» беседой.

— Хафизов, Керимов! Ко мне!

Солдаты дружно затрусили в мою сторону.

— Итак, тусы и бездельники! Скоро у вас начнется новая жизнь. Можно сказать, она уже началась. Получите нового зам комвзвода, и «мафиозного» землячества в роте не будет. Сходи, Хафизов, порадуй Алимова. А потом как обрадуешь — заступаешь на пост, к трупам главаря. А ты, Керимов, на другой пост, к обрыву. Ночь делите на троих, а Колесо сегодня отдыхает за бессонную ночь. Исполнять!

Грусть и печаль появилась на лицах дорогих «азиатов». Меня радовало их уныние. Борьба с землячеством в роте велась, но пока успехов было мало. Воевать узбекское братство не любило и не хотело, да и работать тоже. А вот покурить, поспать, пожрать, что-нибудь спереть — первые мастера. Готовы болтать на своем языке «хала-бала» целыми днями. Главное — бездельничать и отлынивать от работы. Пять человек сбивают с толку всех.

После полудня наблюдатели заметили приближающуюся подмогу. Медленно передвигая ноги в глубоком снегу, брела цепочка бойцов. Вскоре первый разведчик выбрался к нам на вершину.

— Встречайте спасителей, — радостно прокричал Мачану, сержант-молдаванин. — Подкрепление к пехоте прибыло!

— Устали ждать! — ответил им ротный. — Притомились в разведке?

— Торопились, как могли. Несли очень много боеприпасов, — ответил командир разведвзвода старший лейтенант Коля Пыж.

— Разведчики! Герои! Спасли первую роту от разгрома, — с пафосом произнес Острогин.

— Мужественная разведка выручила зачуханную пехоту! — поддержал иронию взводного Кавун.

— Ладно, ладно, хватит. Делите патроны и гранаты, вот вам лента к «Утесу» и лента к гранатомету, — смущенно проговорил Николай.

Сибирский богатырь, разведчик Гостенков, вынул из мешка два цинка с патронами. Ого, молодец земляк! Ватников высыпал несколько гранат и положил две «мухи». Два чеченца выложили из мешков по цинку патронов, это была пища пулеметам ПК. Старый знакомый ефрейтор Тарчук раздал патроны снайперам, а зам комвзвода высыпал из мешка сигнальные ракеты. Взводный также принес на себе цинк патронов. Два таджика-разведчика вскарабкались на горку, и тяжело дыша, бросили на снег ящик с двумя цинками патронов.

Боеприпасы поделили по взводам, и солдаты защелкали магазинами, снаряжая их патронами. Это уже кое-что, можно еще раз повоевать. Хватит часа на полтора.

Следующим утром поступила команда возвращаться к основным силам батальона. Ущелье уже прочесали разведбат и саперы, поставили мин-ловушек, больше здесь делать нечего. Пора к своим. Ну наконец-то.

Кавун, я и разведчик пошли сфотографироваться возле убитого главаря. Его документы уже давно были у нас, но кто он — не прочесть, а китайский автомат АКМ подарили разведчику Пыжу. Теперь фото на память.

— Иван! Посмотри! У «духа» ушей нет, — воскликнул я, разглядывая труп.

— А они были? — усмехнулся ротный.

— Издеваешься?

— Угу. Их нужно у дембелей искать. Ларик или Васька срезали. Трофей на дембель! Думаю, их не найти, прячут всегда так хорошо, что не найти. Вот черти! Главное, чтобы на строевом смотре каком-нибудь не всплыли перед проверяющими начальниками!

— Что будем делать? Обыскивать?

— Нет. Уходить на базу. Больше ничего не предпринимай, бесполезно, пустая трата времени. Возьми нагрудник духа, это твой трофей. Бойцам уши, тебе — лифчик!

Развязывать нагрудник у трупа я не захотел, для этого тело «духа» тогда надо переворачивать. Ротный финкой решительно срезал веревки и протянул мне нагрудник:

— Держи, Ник, на память! А то твой ведь старый и весь разорванный.

Я заложил под мертвое тело врага Ф-1 с выдернутым из запала кольцом.

— Пусть забирают вместе с сюрпризом, — иронически произнес Иван, наблюдая за моими действиями. — Растешь прямо на моих глазах. Мужаешь!

— Верно! Забирать обязательно придут, и где-нибудь тут обязательно похоронят, чтобы поближе к Аллаху. Если повезет, сразу похоронят еще кого-нибудь с помощью твоей гранаты, — заулыбался разведчик Пыж.

Я осмотрел трофей. Нагрудник был залит чужой кровью, но это не беда, зато новенький, крепкий. Пакистанского производства. Да и кровь чужая — вражеская.

— Духи были одеты с иголочки, да и вооружены и экипированы тоже хорошо. Не простая банда, — задумчиво произнес Пыж. — Верно, вам свезло столкнуться с самими «Черными призраками», или еще по-другому кличут, «Черными аистами», духовским спецназом...

— Ну все, хватит болтать! Снимаемся отсюда, — скомандовал ротный. — Ты, Пыж, пришел налегке, поэтому нас прикрывай. А когда мы спустимся, быстро снимайся с горки. Не хочу возвращаться — выручать.

Вот и вновь тяжелая дорога. Теперь по колено в снегу опять работать выюнными животными. В конце дня мы выбрались к указанному району, но нашего батальона там уже не было. Роту встретил лишь один взвод третьей роты, который страховал наш отход. Пять минут привал, и снова в путь. Мы быстро спускались по хребту, все ниже и ниже. Ощущение присутствия противника, оставшегося за нашей спиной, давило на созна-

ние, это чувство непроходящей опасности, подгоняло каждого солдата. Снег все тоньше и тоньше, все теплее и теплее воздух. Ну вот, ушли, оторвались, не догонят! Бушлаты сняты и привязаны к мешкам, морозов уже не предвидится. Часть людей все-таки слегка обморожены в первую ночь после боя. Парадокс! Солнце в зените, жара и обмороженные лица, руки и ноги наших солдат...

Натякаемся на стадо «зеленых» — так именуют солдат афганской армии. Грязные и замученные, они сидят у костров и что-то едят. Несколько мешков с крупами, луком и рисом лежат на земле, а рядом связанные и жалобно блеющие овцы. Это — будущий шашлык и плов. Афганцы радостно помахали руками, дружески поздоровались. К нам подошел их командир, старый знакомый по прошлым боям, он сносно болтал по-русски.

— Ваш батальон уже ушел дальше, опять придется догонять!

Роту гостеприимно пригласили поесть, но некогда, надо двигаться. Как радушный хозяин, командир батальона «сарбозов» показал рукой на большие горки из консервов.

— Возьмите себе, мои солдаты не хотят тащить этот сухой паек. Видите сами — продуктов у нас и так много, а это добро пропадет.

— Вот спасибо, друг! Конечно, консервы возьмем, — поблагодарил ротный и обнял его за плечи, — а тебе от нас тоже подарок. — И Иван великодушно подарил афганскому комбату трофейную финку.

— Вань! Ты чего отдал финку «зеленому»? Лучше бы мне ее подарил, — возмутился я.

— Она мне уже не сгодится! Сейчас домой, а там замена. Ну а этот «братан» нам гору консервов дарит, а я в долгу остаться не могу! А ты себе сам другую добудешь в бою.

Банки консервов были болгарского производства. Оказалась вкуснятина! Мясо с бобами, мясо с картофелем, мясо с овощами! У нас таких продуктов прежде никогда не было. Бойцы дружно высвободили мешки от остатков нашего сухпая и разбирали новое невиданное угощение. Ура! А затем снова в путь.

Дойдя до новой задачи, рота просидела на месте три дня, поглощая консервы и нахваливая Минконсервоощплодпром Болгарии. Наконец-то все обошлось без стрельбы. Хоть три дня спокойных. Хорошо когда спокойно — курорт!

* * *

Батальон спускался по хребту к расположению инженерно-саперного полка. Вокруг него были расставлены растяжки, много прочих «сюрпризов». Возле таких ловушек стояли саперы с указками, поэтому колонна шла медленно, собираясь невольно возле этих указок. Солдаты осторожно перешагивали через растяжки и затем быстро шли дальше, вновь ску-

чиваясь у следующего сюрприза. Так мы преодолели по узкой тропе несколько проходов. Метрах в тридцати от меня шел майор Подорожник и вся группа управления батальона. Разведчики батальона передвигались за управлением, за ними — наша рота. Я видел спину комбата, который размахивал руками и что-то выговаривал Лонгинову.

Перешагивая через проводки, чувствовал, как сердце невольно замирало, ноги и грудь становились холодными, в висках молотом стучала кровь. Конечно, чуть задел провод — и прыгающая смерть, мина-лягушка, начиненная множеством рваных металлических осколков, взлетит и взорвется. Сразу разорвут тишину стоны и крики.

Не дай бог. Не дай бог.

Вдруг впереди раздался громкий щелчок, и в небо взлетел цилиндрический предмет. Затем послышался вялый хлопок, и предмет развалился в воздухе на куски. Чудо. Мина была старая, не сработала, не взорвалась.

Все инстинктивно присели, затем быстро встали и, матерясь, пошли дальше. В стороне от тропы комбат «молотил» провинившегося солдата, зацепившего ногой растяжку.

— Ватников, сволочь! Мудило. Из-за тебя чуть несколько десятков человек не пострадало! Разведчик хренов! Пыж! В наряд его по роте на семь суток!

Пыж с грустной миной на лице забрал у Ватникова автомат, повесил на свое плечо. Солдат совсем ослаб и морально, и физически. А во всем обвинили взводного.

— Шагай, вояка! — легонько толкнул Пыж изможденного бойца.

Тело солдата, да, именно тело, шаркая сапогами, побрело по хребту. Что-то в нем надломилось: губы тряслись, глаза — пустые, никого вокруг не видит, руки дрожат, ноги подкашиваются. Не человек — настоящий робот-полуавтомат, а ведь на гражданке был спортсменом! Черт побери! Вот так нелепо смерть чуть-чуть не достала людей, когда казалось, все было уже позади.

На броне нас встретили как героев. Командир полка подполковник Филатов обнял Кавуна и по очереди всех офицеров роты. Никого не забыл, даже нас, молодых.

— Ваня! Кавун! Вы — герои! Офицерам — ордена, и отличившимся солдатам тоже! Медалей не жалеть. Лично тебя к «Красному Знамени». Заслужил! По данным разведки, вы больше двадцати трупов организовали «духам» за два дня боев. Расчихвостили «черных призраков» — это же был действительно «духовский» спецназ! Командарм лично благодарность объявил всей роте. Ну молодцы, ну герои!

Целый день мы ходили как чумные от знаков внимания. Все начальники из управления полка подходили и жали нам руки, хлопали по плечу, выражая искреннее восхищение.

А комсомолец батальона, дважды контуженный прапорщик Колобков, подбежал ко мне, обнял и даже расцеловал.

— Молодец! Премного слышан о тебе лично! Не подвел политрабочих! Уважаю! Перестал в моих глазах быть салагой.

— Ловлю на слове! — ответил я скромно.

— Да, объявляю на весь полк! Замполит первой роты — настоящий боевик, а не какая-то «зелень»!

Я с блаженством влез на БМП и лег на башню в излюбленном месте: пушка между ног, голова между люков. Полный вперед! Домой! Живыми! Возвращаемся в наш «дурдом», сходить с ума. Лишь бы ненадолго...

Глава 7

Дорога на Баракибарак

Осеннее утро до восхода солнца совсем не ласковое, поэтому дрожь пробирает все части моего тела. Воздух наполнен неприятной, проникающей всюду влагой. Хорошего настроения и так нет, а от вездесущей сырости становится еще грустнее. Однако первые лучи солнца, спускающиеся в долину из-за горных вершин, облегчают страдания души. Поставленная комбатом боевая задача обрадовала еще больше. Она чепуховая: засесть на ближайшей вершине невысокого хребта и прикрывать проход автоколонны. Рота за ротой растянулись в цепочки, а затем поползли в горы в разные стороны, как ручейки, извиваясь по складкам хребтов. Мы прошли мимо развалин придорожной халупы. Двери выбиты, ворота покосились, стены обрушены во многих местах. Двор уныл: деревья засохли, колодец завален, пыль да песок с глиной. Кругом пахнет смертью. В овражке перевернутый, давным-давно сгоревший БРДМ, а на обочине на боку лежат два закопченных «наливняка». Здесь была устроена засада. Она принесла смерть. Когда это произошло? Пять лет назад? Год? Кто знает. А этот покинутый дом? Тоже результат боя? То ли «духи» отомстили за развалины, то ли наши превратили окрестные дома в руины, отомстив за засаду. Вот мы и будем тут сидеть, чтоб техника прошла опасное место без потерь. Броня встала вдоль дороги, а мы — марш-марш наверх. Подъем невысокий, всего метров триста. Это хорошо, потому что утренней прохлады уже как никогда и не бывало. За полчаса солнце высушило росу, раскалило воздух и начало жестоко припекать. Сразу стало тяжело передвигаться, и пехота запыхтела под тяжестью снаряжения. Идти вверх всего ничего, а пока поднимались, моя тельняшка стала мокрая от пота насквозь.

На вершине узкого каменистого хребта годных для лагеря площадок было совсем мало. Подразделения расползлись по точкам и распределились по постам. Третья рота ушла в глубину горного массива, а на сосед-

ней господствующей высоте засел комбат с управлением батальона. Разведка, связисты, гранатометчики и «обоз», понукаемые Подорожником, шустро возводили укрепления. Хорошо, что мы от него далеко.

Дорога блестящей полосой лежала у подножия, влево бежала в Кабул, вправо — туда, где я еще не бывал, на Баракибарак.

Боевая техника стала сползать с дороги и, маневрируя по проселкам, рассредоточиваться в долине. Вдалеке виднелся кишлак, к нему-то полковая разведка и направилась. Артиллерия произвела несколько залпов, «обработав» окраину зеленой зоны. Затем все стихло, и часа два ни стрельбы, ни движения. Правильно, пусть лучше «духи» уйдут в укрытие по кяризам, чем наши с многочисленными потерями будут гонять их по лабиринтам кишлака. А в колодцах их потравят дымками, авось достанут...

Итак, внизу сонное царство, наверху у нас тоже тишина. В этот раз вместо ротного в рейде командует контуженый Грошиков. Еще в полку он, смеясь, клятвенно пообещал, что в этот раз, если в меня стрельнет, то наверняка попадет. Ваня Кавун слегка приболел или сачкует в ожидании замены. И на этот раз офицеров опять некомплект, поэтому я нахожусь не с Грошиковым, а команду вторым взводом.

Бойцы организовали завтрак. Я съел с аппетитом из баночки разогретую кашу, попил из другой баночки чай и опять в СПС на боковую. Солнце палит и день кажется бесконечным. Горячий, тягучий, безразмерный день. Минуты идут за минутами, которые нехотя складываются в долгие часы. Зной, зной, зной и ни дуновенья ветерка. И это называется октябрь! Я уже весь коричневый от палящих лучей.

В полдень подошел ко мне сержант и сказал, что взводный лейтенант Корнилов зовет в гости на чай.

Лениво поднимаюсь. Послать летеуху к черту и лежать дальше? Смертельно надоело бездельничать. Бока от камней болят. Обул кроссовки и перребрался по каменной гряде к той площадке, где расположился лейтенант.

— Чего тебе, взводяга? — спросил я у Корнилова. — Отдыхать мешаешь.

— А поболтать, з-замполит?

— О чем?

— Ну, в смысле анекдотов.

— Думать надо, а мозги уже растаяли. Наверное, не вспомню ничего: ни армейских, ни политических, ни даже про Чапаева.

— А я про это и не люблю. Я люблю про «б-баб-с». — У него — была дурацкая привычка в разговоре часто сдваивать согласные.

— Саня, про «баб-с» — это лишнее возбуждение твоего неокрепшего ума при нашей импотентной жизни. Давай лучше чайку попьем да на горы посмотрим. И потоскуем, повоем. У-у-у!

— Как это на горы потоскуем?

— А ты посмотри, какое зыбкое знойное воздушное марево стоит над горами. Над морем в зной тоже такое марево. Вот сиди на камушке и представляй безбрежный океанский простор.

— К-короче, предлагаешь мечтать.

— Точно. Предлагаю.

Мы сели на раскаленные камни — неудобно! Сидишь, прямо как на раскаленной сковородке. Неудобно мечтать о хорошем.

— Исаков, принеси-ка, б-будь любезен, б-бронезилет.

— Зачем?

— Т-товарищ с-солдат. Я сказал — б-быстро! Пока я твое мясистое мурло не намял.

Солдат что-то забормотал по-своему, непонятное, и нехотя побрел к нам, волоча по камням бронник.

— С-солдат, поаккуратней с имуществом. И еще раз скажешь свое «ананенский джальяп», так этот «джальяп» в т-твоих зубах и застрянет. П-поял?

— Так точно, — ответил солдат уже без злобы и с заискиванием смотрел на взводного.

— Вот т-так и смотри, л-ласково и п-преданно, в глаза к-командиру. Шагай на пост, с-смени Джураева.

Мы уселись на развернутый бронник, а узбек побрел уныло на пост, продолжая что-то бормотать.

— Вот в-видишь, идет и бубнит, весь с-свет ругает и себя за дерзость и нас за то, что не вовремя и не там сели п-помечтать.

— Год только прослужил, а видишь, Саша, пыгается зубы показать.

— Вырвем.

За спиной что-то тихо заурчало. Мы посмотрели вниз: на шоссе растянулась длинная колонна камазов-«наливняков». Сашка стал разглядывать технику в бинокль. Впереди шел БРДМ сопровождения, который внезапно открыл огонь из пулемета по нашим позициям. Пехота дружно рухнула за камни в мертвое, не простреливаемое пространство. А эта сволочь (между прочим, наша сволочь!), продолжала поливать по нам свинцовым дождем!

Это продвигалась колонна бригады обеспечения, а не афганской армии, поэтому в ответ стрелять не стали, да и для этого еще до оружия надо добраться. Кругом пули свистят и визжат.

— Пусти ракету, дескать, мы свои, а то этот мудака не успокоится. Там ведь внизу старые «горелики» валяются, вот он для остратки и долбит поверху, на всякий случай.

Корнилов прополз к обрыву и пустил две ракеты, затем кинул мне «дым» и «факел». Я их тоже быстро зажег, но пулеметчик то ли не видел сигналы, то ли не верил, что на вершине наш пост, поэтому продолжал

молотить. Корнилов вышел по связи на Грошикова, тот — на комбата, комбат — опять на нас. Мы объяснили, что тут творится, что это за бесполовая стрельба. Комбат доложил в штаб полка, но результата это не дало. В конце концов, пулемет стрелять закончил и бронемашина умчалась вслед уходящей колонне. Мы успокоились, и уселись вновь мечтать и загорать. Красота! Тишина и покой...

Со стороны Кабула в небе медленно приближалась пара вертушек «Ми-8». Вдруг вертолет, летевший первым, пустил ракеты по высоте. «Нурсы» вонзились в камни, метров на десять ниже нашей лежанки. Весь взвод в считанные секунды укрылся в СПСы. Вторая серия ракет прошла там, где мы с Сашкой только что отдыхали, а к ракетам добавился еще и пулеметный огонь.

— Ч-черт! Т-точно п-попали. К-кучно с-стреляют!

Позиции батальона заволокло клубами дыма, все желали жить и подали сигналы, что на горах сидят свои. Комбат начал опрашивать, все ли целы. Удивительно, но все, никого даже не зацепило! Вертушки сделали еще два круга и улетели вслед за сопровождаемой колонной.

— Во всем виноват этот козел из БРДМа! Это он на нас вертолеты сопровождения направил! Наверняка он, больше некому, — сказал я.

— Д-да уж, точно, больше некому, — согласился Корнилов. — По нему из гранатомета в ответ надо было долбануть, но потом не д-докажешь, что сам не в-верблюд.

— Еще правильнее было бы вертушку завалить. Чего они, бараны, без разбора молотят? Неужели не знают, что операция армейская проводится? Ты представь, Сашка, если бы первые ракеты пришлись метров на десять выше — легли бы трупами мы все. Тут такая фаршированная тушенка была бы!.. Фарш из нас тобой и котлеты из всего твоего взвода.

— Н-не хочу быть ни «фаршем», ни «паштетом», ни «рагу»! Хочу домой ж-живым, а не в ящике.

— Козлизм! Получается, не так «духи» опасны, как свои.

— Да уж, кому как не т-тебе это знать. Вообще от тебя, Ник, н-надо подальше держаться. Ты п-пули притягиваешь. Иди-ка лучше, под-добрूपоз-здорову, к с-себе. Отдыхай.

— Ну, спасибо за гостеприимство! Нет, мил-человек, я от тебя не уйду без кружки чая. А подать мне галеты!

— Джураев! Б-быстро лейтенанту кружку чая, он нас покидает. Д-да поскорее, а то, не ровен час, еще штурмовики прилетят. Б-без тебя было т-так тихо и спокойно. А я еще хотел, д-дурак, с т-тобой в карты п-поиграть. Н-нет уж лучше п-попью.

Солдат вскипятил чай в пустой банке из-под компота, принес сухарь, галету и сахарок. Я с наслаждением все выпил, съел, потянулся.

— Саня, а может, все же в картишки?

— Н-нет, нет уж. Иди, иди с богом. От тебя одни н-неприятности.

Забросив автомат за спину и повесив на грудь лифчик с магазинами, я побрел к себе. Проверил бойцов, как обычно поменял молодых часовых на старослужащих, и прилег на спальник, прижавшись к камням. Сержант над камнями растянул плащ-палатку, поэтому прямые лучи не палили, но от духоты можно было задохнуться. Вода во фляжке была такая теплая, что лучше и не пить. Сон опрокинул в пропасть забытья, но чей-то противный голос опять вернул меня к реальности.

— Товарищ лейтенант! Ротный зовет! — меня за ногу теребил унылый солдат. Грязные потоки пота струйками стекали по его лицу.

— Солдат! Ты почему такой грязный? У тебя салфетка освежающая есть?

— Есть.

— Ну так протри физиономию и руки протри, а то заразу какую-нибудь быстро подхватишь. Ты — Свекольников, или ты привидение?

— Так точно! Свекольников!

— Хочешь быть здоровым и выжить в армии: «не чмырей», «не будь чмошником», а то задолбят сержанты и старослужащие. Ты, верно, бывший студент?

— Да, почти год учился, пока в армию не забрали. А в Афган я добровольцем пошел, сам рапорт писал.

— Придурок, как и я!

— Почему?

— Потому что, значит, не я один такой чокнутый «дятел». Есть еще добровольцы на этой войне...

Солдатик грустно засмеялся.

— Напомни, как тебя зовут!

— Витька.

— Эх, Витька, ты Витька! Виктор — победитель! Мойся, стирайся, не унывай, не отчаивайся, и все будет хорошо. Домой вместе уедем. Понял меня? Обещаю!

— Понял, товарищ лейтенант!

— Чего тебе от меня надо? — переспросил я солдата.

— Командир роты зовет.

— В Кабул? В медсанбат? К своей малярийной инфекции?

— Нет, на высоту, на КП роты.

— На высоте сидит зам комроты Грошиков. Но вообще, ты прав, в данный момент он — ротный. «И. О. ротного» не звучит, а зам комроты непонятно, ведь я тоже зам. Ротного, — принялся я разглагольствовать из-за нежелания бродить под лучами палящего солнца.

— Вы же замполит?

— Эх, Витька, это и есть зам ротного, но только по политической части.

— Понятно, а я думал, как это так — «замполит»?

— И не поймешь: где тебя готовили и чему учили? Ни стрелять не

умеешь, ни маршировать, ни обратиться, как положено. Чего это «длин-ноногому» нужно от меня?

— Не знаю, он не сказал. А почему я не умею ничего, так мы вместо подготовки в Туркмении дома строили.

— Да это я так, сам с собой рассуждаю. Знаю сам, как вас обучают, сам участвовал в этом процессе. Ну иди, скажи: сейчас приду.

Грошиков встретил меня радостным ржанием и восклицаниями.

— Ник! Жив и не ранен! Везучий! Как они все старались и лупили по тебе! Живучий, гад!

— А ты что хотел, чтоб попали?

— Что ты, что ты! Собрать тебя надо было бы по частям, упаковывать да тащить вниз. Только лишняя головная боль и морока. Ладно, живи.

— Сволочь ты! Вместо сочувствия — издеваешься.

— Почему же издеваюсь? Я откровенно рад, что ты жив, дышишь и не являешься в данную минуту «грузом 200».

— А уж как я этому рад, ты и представить не можешь. Это ты, наверное, их специально на нас навел. Самому до меня не дострелить, подстраховался, да и из вертолета ракетой надежнее!

— Х-ха-ха-ха! Молодец, замполит, не унываешь. Но тебе везет. Не убьют — будешь жить! Гы-гы! Точно! Ха-ха! Это я тебе говорю. Чаю хочешь?

— Чаю, чаю. Надоело уже чай хлебать.

— Ну извини, водки нет!

— Я и не прошу, я не люблю эту заразу. Предпочитаю коньяк.

— Вот еще и носом крутит — коньяк ему подавай.

— Чего бурчишь? Ведь и водки у тебя тоже нет. Да и в этом пекле водку пить — самоубийство!

— А баночку сока хочешь в виде премии за живучесть?

— Сок? Конечно, хочу! Спрашиваешь.

Грошиков достал из мешка стограммовую баночку яблочного сока, пробил дырки, и мы распили ее на двоих, по-братски.

Вдруг раздался сильный грохот. Там, в долине, где ползала наша техника, к небу взметнулся столб черного дыма и пыли. Сергей схватил наушники радиостанции и стал напряженно вслушиваться в эфир.

Повернувшись ко мне, он с ужасом произнес:

— МТЛБ разнесло на куски. Там был старший лейтенант Быковский и еще два «карандаша». Всех грохнуло! Фугас! Суки духи! Давай дуй к взводу, комбат будет по связи на все точки выходить. Быстрее беги, да под ноги смотри...

Я мчался к взводу и соображал: «Сашка! Это ведь тот Сашка, с которым почти одновременно в полк приехали. Такой здоровый парень, жизнерадостный! И вот его уже нет. А ведь еще пару дней назад за одним столом завтракали в столовке, шутили, анекдоты травили. Знать, духи фугас заложили солидный — метров на тридцать столб дыма поднялся!»

Едва я прибежал, как меня вызвали на связь. Комбат спросил, как обстановка, как дела, как самочувствие после обстрела вертолетами, и приказал усилить наблюдение, повысить бдительность и т. д. и т. п.

Ночь прошла спокойно, день тоже. Рискнул и сходил к Корнилову, поиграть в карты. Переживали гибель минометчиков, погрузили, поболтали.

— С-слушай, Ника, душа требует разрядки. П-пострелять, что ли, в ущелье? А то по нам лупили, а мы даже ни р-разу не выстрелили.

— Давай сделаем так: часов в двенадцать ночи из всех стволов жакнем в ущелье, — согласился я. — Сначала мой взвод, а потом ты огнем поддержишь. Для успокоения нервов. А то у меня на душе так гадко.

— Ага! Д-давай. Повеселимся.

* * *

Ровно в полночь со всех постов мы принялись молотить в ущелье. Взвод Корнилова также присоединился, и все огневые точки дали салют погибшим. Постреляли минут пять, пустили для вида пару осветительных ракет. Тут на связь вышел комбат.

— Что за стрельба?

— Да часовой что-то в лощине заметил, — ответил я.

— Ну так вот, в пять часов сбор, на точке оставить по одному бойцу тебе и соседу. Проходишь мимо него, и все дружно ко мне! — распорядился Подорожник. — Полная выкладка, ничего не оставлять. Развеетесь, прогуляетесь, заодно и проверите, что там в лощине творится. Времени на передвижение — один час. Опоздаете — будете тренироваться. Сейчас оружие почистить. Как понял, прием?

— Вас поняли, — вздохнул я и отправился к Корнилову.

— Ну, попали! Завтра нас усатый «вдует» на всю катушку. Короче, Чапаю говорим, что тебе тоже было видно какое-то движение.

— Да, понятно-понятно. Почудилось, — согласился Сашка.

— Почудилось, причудилось, привиделось. Но вот, скажу тебе: пару магазинов выпустил, швырнул гранату, хоть знал, что никого внизу нет, а чуть-чуть на душе после гибели наших полегчало. Вроде как будто кого-то завалили.

— Мне т-тоже полегче стало. Ну что, утром в путь?

— Жди меня, только не стреляй с перепугу!

* * *

В пять утра бойцы засуетились, подгоняемые двумя сержантами. Барахло сложили еще с ночи, осталось только бушлаты да плащ-накидки приторочить к мешкам.

И в путь. В предрассветных сумерках идти неудобно. Кроссовки скользят по сырым камням, идем, то и дело спотыкаясь и чертыхаясь.

Дубино костерил на чем свет стоит себя, солдат, комбата. Меня он тактично не упоминал.

Взвод Корнилова нас уже поджидал, сидя на мешках.

— Ну, погнали?

— П-погнали.

Нам еще повезло, что Чапай был рядом. Мы послали в дозор двух бойцов и под их прикрытием поднялись, затем спустились и вновь поднялись. Вот и весь марш-бросок. Забрел рассвет, лучи солнца играли на вершинах. Еще не жарко, но уже и не прохладно. Поднимаясь по склону к лежбищу управления батальона, мы брели под насмешливыми взглядами охранения. На выложенных для укрытия валунах сидели и пили чай командир взвода связи и прапорщик, Айзенберг, начальник батальонного медпункта.

Прапорщик почесал переносицу, снял с длинного носа очки, подул, протер их и, усмехаясь, спросил:

— Ну что, взвились соколы орлами? Не запыхались?

— Да есть немного. Доложи майору Подорожнику, что мы прибыли, — тяжело выдохнул я.

— Чапай велел — не беспокоить. Приказал встретить вас и засечь время прибытия. Уложились вовремя. Передаю его приказ: вернуться на позиции, организовать наблюдение, осмотреть склоны, собрать трупы врагов. Если оные обнаружатся. Больше не чудить. Это все. Конец напутствия.

— Папаша (так его звали все офицеры) — а где лекарство от нервов? Грамм двести, девяностошестьпроцентного, не выделишь?

— Нет, не выделю. Кто лечится даром, тот лечится — даром! Как сказал комбат: «Гуляйте в зад». Могу дать из сострадания одну сигаретку.

— Спасибо, не курю.

— Я тоже не курю, — подал голос Сашка, — но рюмку хряпну.

— А как же борьба с алкоголизмом? Согласно постановлению ЦК КПСС и Правительства в Советском Союзе весь народ в едином порыве начал борьбу с пьянством, — нравучительно произнес седой прапор.

— Так это в Советском Союзе. Вот как приедем в него, так и начнем бороться, — засмеялся Сашка.

Мы дружно посмеялись, перекинулись еще парой фраз и решили убраться, пока лихо, в лице комбата, не пробудилось.

— Ну ладно, Сашка! Бежим отсюда, пока Подорожник не одумался и воспитывать не начал.

— А чего тебя воспитывать? Ты же замом его числишься в этом рейде. Штатный замполит майор Сидоренко болен, так что воспитывать будут только взводного, — улыбнулся в усы связист.

— Н-ну, я так и знал. Снова взводный — крайний. Маленького все обидеть норовят. Лучше быстрее сматываемся, — пробормотал Сашка.

И мы уныло побрели обратно на задачи. Солнце начало припекать, чтоб не «свариться», нужно было спешить.

* * *

Несколько дней мы медленно «варились» и «поджаривались» под палящим солнцем, а по ночам пробивала дрожь от холода. В горах стояла тишина. Время от времени что-то происходило в эфире, нас это не касалось. Техника работала в кишлаках, поддерживая десантников местной бригады. Однажды рано утром получили приказ на спуск. Быстро на броню, бросок к площадке подскока — и теперь уже вертушками в горы. Едва высадились, как по этой площадке ударили из «эрэсов». Видимо, реактивные снаряды с какой-то крыши пускали по наклонной доске.

Рассредоточившись, рота из всего, что стреляло, принялась молотить по кишлаку. «Духи», наверное, даже и пожалели, что связались с этими «шурави». У нас и задачи даже не было чесать эту «зеленку», они сами навалились.

«Духи» отвечали недружным огнем из стрелкового оружия — «эрэсы», наверное, кончились. Пулеметами мы быстро придавили тех, кто пытался бегать по кишлаку.

Грошиков подозвал меня к себе:

— Ники! Возьми пулеметчика Мурзаилова и держи под контролем протекающий внизу ручей. К тебе со всех взводов спустятся на водопой. Смотри, чтоб «душки» не обошли и вас не накрыли. Сейчас все внимание на кишлак, ты без прикрытия, поэтому будь осторожен. Водой-то нас не успели снабдить, а что будет дальше — неизвестно. А раз есть ручей, то запасемся водичкой.

— Все понял, шеф! Если что, спасайте!

— Спасем, спасем.

Я подполз к камням, за которыми лежал пулеметчик. Солдат время от времени пускал по строениям короткие прицельные очереди и что-то бурчал на родном языке.

— О чем говоришь, Саид?

— Ни о чем, это я пою, товариш лэйтенант.

— Н-да. Довольно оригинальное пение, гортанное. Песня горца?

— Да, я в горах вирос и всю время там жил.

— Ну и молодец. Бери пулемет и патроны и за мной к ручью. Приказ ротного. Родничок будем прикрывать.

— Хорошо, товариш лэйтенант. Вода — это хорошо! Жизнь!

Этот верзила, заросший щетиной, с обветренным с детства горными ветрами лицом был похож на снежного человека. Только вместо дубины

на плече нес пулемет, который в его руках был не больше карабина. Настоящий «ёти» из легенд.

Мы собрали свои фляжки для воды и быстро спустились к роднику. Утолив жажду горной водичкой из родника и наполнив фляжки, прилегли за бугорок. Вскоре к водопою начали подходить один за другим солдаты, обвешанные пустыми флягами. Впереди всех шел Витька Свекольников, ни нагрудника, ни подсумка с магазинами на ремне у него почему-то не было.

— Солдат! Ты почему без патронов?

— Как без патронов? У меня магазин в автомате.

Я взялся за магазин и отсоединил его от автомата. В рожке торчал один патрон, второй — в патроннике. Я с силой хлопнул два раза пустым магазином ему по лбу.

— Ты что, гад, делаешь. Идет бой, а ты ходишь без патронов! Теперь у тебя не автомат, а дубинка. Бегом в гору, за патронами!

Еще три перепачканных солдата дружно засмеялись.

— Чего ржете? Колесо, а у тебя где патроны?

— В магазине, — гордо произнес солдат и отстегнул его от автомата.

Патронов в магазине не было вообще. Солдат побледнел и, повернувшись, рванул в гору. Догнав его в два прыжка, я вклепил ему звонкого пинка под зад, отчего тот получил ускорение и переменял бег на скачки на четырех конечностях.

— Кайрымов, автомат к осмотру! (Чего смотреть — два патрона.)

Я зло посмотрел в его глупое лицо.

— Кругом! Бегом!

Очередной пинок ускорил и его движение. Мурзаилов, лежа у пулемета, издавал гортанные звуки, напоминающие рычание льва, но это был всего лишь смех.

У Алимова в снайперской винтовке был также только один патрон. Ни гранат, ни патронов. Две затрешины каждому, и все посыльные вернулись на гору без воды.

Через пятнадцать минут эти же водоносы пришли, обвешанные подсумками или торчащими изо всех карманов автоматными магазинами.

— Быстро набирать воду и помыться! Вы что думаете: это моя глупая прихоть? Без боеприпасов спускаетесь в ущелье! А если мы на засаду нарвемся? Год назад в батальоне из третьей роты одиннадцать осло...бов, вот также за водичкой спускались налегке. Яйца их и уши у «духов» до сих пор в трофеях.

— Да тут же рядом, — начал оправдываться Алимов.

— Рядом не рядом, но вы и гораздо дальше так же пошли бы. Магазин пристегнут, а что в нем — неважно. Даже один полный рожок — это на две минуты легкой перестрелки. А что дальше?

— Воду тяжело нести, фляжек много, — вздохнул Свекольников.

— А твое тело тащить будет еще тяжелей. Запомнить на будущее: патронов много не бывает! Лучше подсумок с магазинами на боку бьет по яйцам, чем вовсе без подсумка и без яиц!

Солдаты затравленно и уныло смотрели на меня. Царегородцев готов был от усталости умереть на месте. Но что поделаты: им нужно учиться воевать, чтобы выжить в течение этих двух лет в боевом батальоне.

— Всем помыться еще раз хорошенько и наверх.

— Да что мыться снова! Пока в гору залезешь, перепачкаешься, — вздохнул Царегородцев.

— Царь, мыться, мыться, чтоб быть на человека похожим, иначе враз желтуху или еще что подцепишь и в госпиталь загремишь.

— Да уж, чем по горам таскаться под пулями, лучше в госпитале болеть, — проямлил Царегородцев.

— Дурак ты, братец. Здоровье потеряешь — не вернешь. А здесь — школа жизни. Через полгода будет полегче. Терпи, Царь. По взводам вперед!

Солдатики ополоснули руки, лица и побрели в горку, а чуть позже, когда они вскарабкались, и мы с Мурзаиловым.

— Нэ переживайте, товаришш лэйтенант. Молодые, глупые. Повоюют немного — поймут. Нэ поймут — умрут.

На вершине заканчивалась суета с разбором фляжек.

— Ник! Нам новая задача: пройти сквозь кишлак, взять пленных и трофеи. Все хибары велено сжечь. Ты идешь в замыкании. Кишлак небольшой, работы нам на часик. Как мы его пройдем, быстро спускайся и бегом по вон той дорожке за нами в погоню. Сигнал — красная ракета. Дарю тебе Мурзаилова с пулеметом. Внимательно наблюдайте вокруг, потому что наши далеко. С той стороны броня подойдет, на ней и уедем. Это «духовский» район — не спать, а то всем крышка. Ни тебя, ни нас вытащить будет невозможно.

Рота спустилась в долину при огневой поддержке моего взвода и принялась прочесывать кишлачок. Там было всего-то с десяток домов, и через пару часов из всех дворов появились дымы и огонь. Время от времени слышались одиночные выстрелы, короткие очереди или взрывы гранат.

Вдруг земля в нескольких местах на хребте вздыбилась от разрывов мин. С господствующей вершины раздался треск очередей.

— Мурзаилов! Видишь, откуда бьют?

— Да, вижу.

— Вот и стреляй короткими очередями туда, экономя патроны. Прижми минометчиков, не давай прицельно стрелять.

Я взял радиостанцию и передал, что нас обрабатывают «духи». По высоте ударила полковая артиллерия. Накрыли гаубицы кого или нет — неизвестно, главное, миномет замолчал. Снизу подали сигнал, и мы по-

мчались к своим. Через кишлак бежали, не задерживаясь. Вдоль дувалов и в арыке лежали несколько трупов мужчин, у дороги валялась лошадь, а за ней и всадник в неестественной позе. Вот ты и не ускакал... Трупный запах начинал витать в воздухе. Быстро разлагается! Конечно, немудрено в такую жару моментально протухнуть...

Броня подошла к окраине кишлака, и рота усаживалась на технику. Возле командирской машины стояли семеро бородатых и не бородатых аборигенов, положив руки за голову.

— Вот, видел, замполит, сколько наловили? — улыбался Сергей Грошиков. — Сейчас их разведке сдадим, пусть морочатся. Подгоняемые прикладами и пинками пленники влезли на бронемашину, и колонна быстро двинулась к полковому лагерю.

Когда сидишь на башне и твои ноги отдыхают, когда пыльный ветер обдувает твоё лицо, когда много еды, воды, становишься почти счастливым. Можно даже подремать, помечтать, пофилософствовать.

Например, какого черта я здесь забыл? За каким хреном меня сюда занесло? Ведь полстраны и знать не знает, где этот Афганистан. А что мы здесь воюем, и подавно никто в Союзе не знает. В газетах написано, что я, мои солдаты и вся армия сажаем деревья, строим школы, восстанавливаем дома и мечети, помогаем убирать урожай.

Сколько же урожая я помог собрать, давая гусеницами виноградники, а как удобно ремонтировать жильё, стреляя по нему из гранатомета. Радости у местных жителей от моего присутствия не наблюдалось, глаза счастьем не светились. Никто нам был не рад. Я совсем не так себе представлял все это.

Интернациональная помощь — это как война в Испании, где полмира помогало в борьбе с фашизмом.

А что тут? Мы воюем с местным населением, а также добровольцами или наемниками со всего света. Негры, арабы, европейцы. А наши успехи такие же, как и успехи американцев во время войны во Вьетнаме. Чем больше воюем, тем больше сражается против нас. На место убитого отца встает сын, за погибшего брата мстит младший брат. Так может продолжаться до бесконечности. За пять лет ситуация только ухудшилась. Контроль осуществлялся над несколькими процентами территории страны, да и то только там, где находились военные городки, посты и заставы.

В официальной пропаганде, которую я тоже толкаю на политзанятиях, говорилось: если бы мы сюда не вошли, то в Афган вошли бы американцы. Это, конечно, вряд ли, а если бы и вошли, то по горам вместо меня ползали бы Биллы и Джоны. Хотя им Вьетнама по самые гланды хватило надолго.

Вероятно, Брежневу и компании захотелось расширить лагерь социализма. Экзотического социализма, в условиях средневековья. Есть же со-

циализм в Туркмении и Таджикистане. Почему бы не построить его еще в одной азиатской стране? А то как же так: Ленин, Сталин, Хрущев лагерь расширяли, а при товарище Брежневе — все по-прежнему?

Ну а затем генсеки стали умирать один за другим, совсем обветшало руководство страны. А что делать с этой войной — никто не решил. Но до того как умереть, не успевали придумать. Пришел к власти, опубликовал мемуары и умер. Да и наша военная верхушка просто так эту войну не отдаст. Должности, звания, награды. Одних героев-генералов уже не один десяток! Стрелки на карте в тиши уютного кабинета рисовать — не в атаку ходить и под бомбежкой трястись. Небольшая война — самое выгодное дело для высокого командования из министерства и генштаба: уважение появляется у руководства страной (не даром хлеб едят, деньги получают), растет военный бюджет. В общем, за непонятные, придуманные высокие идеи отдуваются солдаты и младшие офицеры. Вот теперь Сашку Быковского и экипаж его МТЛБ сожрал молох войны...

Руки грязные, рот забит пылью и песком, потное тело чешется, помыться бы... Несбыточная мечта... И несбывшаяся. Пока доползли до своих, уже стемнело, полевую баню свернули. Вот так всегда: все — для тыла, все — для штабов, все — для победы. А для фронта? Хрен с маслом!

* * *

Рано утром роты подтянулись к вертолетной площадке. Успели только пополнить запас патронов и гранат, получить паек на трое суток, набрать воды во фляжки.

Офицеры и сержанты шумят на солдат, я тоже внес свой вклад в суету, подогнав несколько бойцов легкими затрещинами. Не успеваем, поэтому торопимся.

Поздоровавшись с разведчиками, вдруг заметил висящего на ручке заднего люка БМП одного из вчерашних наших пленников.

Он стоял на цыпочках, голова свесилась на грудь, руки были скручены за спиной, а от связанных запястий была протянута петля на шею. Легкий ветерок шевелил на голове волосы и бороду.

— Что с ним, Петро? — спросил я у взводного-разведчика.

— Злой был очень и ругался, подвесили к дверце, надо было на цыпочках стоять. А он, гад, ругался и плевался. Ну я ему и дал по «кокам». Зачем он встал на прямые ноги, так ведь дышать невозможно, — ухмыляясь, ответил Турецкий.

— Ну вы живодеры!

— Ладно-ладно, умник, пойди с ними поговори по-хорошему, может, чего расскажут. Этот как встал на ноги и захрипел, так остальные наперебой все рассказывать начали.

— Хотя бы сняли его, а то завоняет и закоченеет.

— Ваш «дух» — вы и снимайте. Нам он уже ни к чему.

— Да пошел ты к черту!

Я сплюнул в песок и, закинув поудобнее автомат через плечо, двинулся за ротой. Рядом проходил афганский батальон. «Зеленые» с ужасом смотрели на подвешенного. Мусульманин не должен быть повешенным — приняв такую смерть, в рай к Аллаху не попадешь! Их командир что-то громко говорил нашему командиру полка, оживленно жестикулируя.

Подполковник Филатов, как африканский носорог, налетел на команду разведроты.

— Мудаки! Вы что вытворяете?! Почему «дух» висит? почему выставили его на всеобщее обозрение?! — с этими словами «кэп» врубил разведчику мощную оплеуху.

Галеева назначили ротным неделю назад, это был его первый рейд — и такой прокол.

— Ты что, всех нас под монастырь подвести хочешь, п...к х...в? Царандовец доложит в штаб, что мы тут над пленным зверствуем, и ты с роты слетишь, а я — с полка! Я тебя в порошок сотру, морду разобью, б..., п...ст. — Далее нецензурная брань продолжалась минут пять.

Все это время командир тряс Сашку Галеева за грудки с такой силой, что его голова раскачивалась, как маятник. Ротный был на две головы выше, да и подбородок поднимал вверх, поэтому дать по физиономии командир никак не мог, а мог только треснуть пару раз в грудь.

Офицеры-разведчики пулей метнулись за броню и наблюдали, высунув головы, как жирафы.

Два солдата-разведчика подбежали и, срезав веревку, оттащили труп к ложбине. Через пару минут над телом уже возвышалась груда камней. Вот теперь полный порядок.

Вертолеты садились и улетали с площадки один за другим. Пригнувшись и закрываясь капюшоном масхалата от густой пыли, я заскочил в вертолет. Борт взвился в воздух, и началась дикая болтанка. Мы летели по ущелью, раскачиваясь из стороны в сторону, с борта на борт. Я сидел, вцепившись руками в сиденье, мои бойцы испуганно смотрели в иллюминаторы, только снайперу не хватило места, и он лежал на мешке, катаясь по днищу и глупо улыбаясь.

Каменистая площадка в обрамлении гигантских валунов была довольно унылой. Роте повезло: задача стояла самая легкая. Все три точки совсем рядом с площадкой приземления. Одно угнетало и не радовало: в помощь и для контроля был придан зам комбата Лонгинов, по кличке Ходячий Бронежилет. Этот высокий и стройный капитан на боевых действиях почему-то никогда не снимал с себя бронежилет. В горах он носил легкий вариант, а в «зеленке» и на броне — тяжелый бронник, вооружался с ног до головы, таскал почти «цинк» патронов, кучу гранат. Спортсмен, люби-

тель альпинизма, «деревянный по пояс», он сразу нагнал на офицеров роты тоску и уныние. Только его нам не хватало для полного счастья! Лонгинов принялся подавлять ротного психологически. Сергей заметно нервничал и, отозвав офицеров в сторону, развернув для вида карту, начал давать указания:

— Мужики! Этот «дятел» сейчас будет мозги всем нам пудрить, а потом комбату про все недостатки доложит. Чтоб на постах солдаты были в касках и службу несли в бронниках! Особенно касается бронников! И чтоб по точкам бесцельно не бродили, не загорали. Ясно! Все — по указанным точкам!

Что оставалось делать? Только выругаться и выдвинуться по задачам. Не успел я со своим взводом организовать оборону, как был вызван Грошиковым.

На высоте в командирском укреплении стоял, широко расставив ноги, зам комбата. В тельняшке и бронежилете, с биноклем на груди он смотрелся очень внушительно. Ну и чудака на букву М!

— Товарищ лейтенант! Очень медленно ходим! Приказы надо выполнять побыстрее, — возмутился капитан Лонгинов.

— Да я и так весь вспотел, так сильно торопился.

— Потеем мы все, а ваши шуточки сейчас из вас выйдут с очень большим потом. И нечего ухмыляться! Взять одного сапера, пулеметчика, санинструктора. Еще четырех солдат и пройти через кишлак. Восемь человек вполне достаточно! Кишлячок просматривается с гор полностью, мы вас, если что, прикроем. Займитесь делом, найдите что-нибудь. Нужны трофеи, результаты. Вторая рота нашла миномет. Поработайте, и вы должны поработать, а не только языком молоть!

Медик Степан при этих словах о спуске вниз громко выдохнул и заматерился. Я огрызнулся:

— Но я тоже языком не мелю попусту, а с взводом работаю, да еще за батальон отдуваюсь.

— Вы это можете мне не говорить, за кого вы работаете. Это ж надо так умудриться: исполнять три должности и ничего не делать?!

— Это не вам судить, делаю или нет.

— Но-но, не хамить.

— А я и не хамлю. А как исполняющий обязанности замполита батальона считаю, что я работаю как замполит роты хорошо. И хотел бы получить задачу от командира своей роты.

— Во как! Завышенная самооценка у некоторых. Посмотрим, какой результат будет в «зеленке». Время на выход — тридцать минут. Уточняйте задачу у командира.

За широкой спиной капитана активно жестикулировал Грошиков. Он тряс кулаком, делал большие круглые глаза и строил мне страшные рожи. Лонгинов, он же Бронежилет, оглянулся и возмутился:

— Вы что, товарищ старший лейтенант, паясничаете? Думаете, не замечу?

— Я не паясничаяю, а замполиту батальона внушения делаю.

— Ну, это не замполит батальона, а случайность и недоразумение.

— Между прочим, эта случайность из рейда в рейд с нами ходит, а что-то штатный замкомбата с батальоном в горы не поднимается.

— Разговорчики! Старших — не обсуждать! Выполняйте мое распоряжение!

Сергей отвел меня в сторону и сказал тихим, успокаивающим голосом:

— Ник! Не обращай внимания на дурака, не кипятись. Он ищет повода до тебя докопаться. Главное — не нарвись внизу на засаду, не влезьте на минное поле. Пусть сапер ходит везде впереди! Я думаю, там ничего нет, но если что найдешь — молодец! Только будь постоянно на связи, почаще выходи в эфир с докладами, и наш Бронежилет будет счастлив как ребенок.

— Серега! Дай нам ПК, а то людей маловато, а мифическое прикрытие с гор — это для зеленых дураков, но уже не таких, как я. Я теперь кое-что уже понимаю. Ведь внизу, если что случится, вы нам толком не можете. Только разве что трупы собрать. Потом, через неделю.

— Ладно, давай аккуратнее. — Серега похлопал меня по плечу и пошел к Бронежилету.

Почему опять я? Почему этот заносчивый капитан меня так всегда достает? Откуда такая неприязнь? Я, правда, никогда в долгу не остаюсь, но что могу противопоставить заму комбата?

* * *

Кишлак был небольшой, вытянутый вдоль ручья, полтора десятка дворов. Частые ряды виноградников, немного ухоженных террас с клевером, пшеницей, кукурузой, коноплей. Тишина. Жителей не было. Дом за домом мы осматривали местность, и не было ни души, ни оружия, ни боеприпасов, ни животных. Ничего. В центре стоял самый большой «дувал», за забором росли орешник, шелковица, яблони. Это оказался «дукан». Много мешков с сахаром и мукой, ящики с чаем, корзины с яблоками.

Сержант под прилавком нашел автомат и радостный подбежал ко мне с обнаруженной находкой.

— Вот нашел, товарищ лейтенант! Я такого и не видел ни разу.

Это был итальянский автомат «Беретта» и полный магазин патронов к нему. Больше ничего, кроме двух старых ружей (мультиуков) и кривой длинной сабли, в деревне не нашлось.

Бронежилет находкам обрадовался, доложил о результатах в полк и приказал:

— Сжечь все, что горит, раз есть оружие, значит, есть и «духи». Поджечь склад с удовольствием и возвращаться «на базу».

Легко сказать «сжечь все, что горит». А чему тут гореть? Разве что соломе. Сарай с сеном загорелись быстро, соломенные крыши тоже. Склад продуктовый подорвал сапер тротиловой шашкой, пластиком свалили огромный старый орешник, ну это уже из баловства.

Когда мы поднялись наверх, Бронежилет подпрыгивал от счастья.

— Где трофеи? — воскликнул Лонгинов и, выхватив из моих рук автомат, принялся заряжать, разряжать, разбирать, опять собирать, щелкать всем, что щелкает. Поставил вертикально пару камней на валуне, сверху пустую банку и стал стрелять, пока не кончились патроны.

— Молодец, лейтенант, молодец, замполит! Можем, когда стараемся!

— А мы всегда стараемся!

— Не оговаривайся. Даже поощрение в штывки принимаешь, замполит!

— Товарищ капитан! Я солдат все время учу, что нет такого обращения, как «замполит»! Есть звание «товарищ лейтенант». Замполит, замполит...

— Ступай к взводу, а то снова меня заведешь, настроение испортишь, — рявкнул Лонгинов.

За его спиной Серега опять махал руками, качал головой и делал круглые глаза. Я развернулся и, забрав своих солдат, ушел во взвод. Говорить с ним бесполезно, лучше пойти поспать. Единственный плюс от этого прочесывания кишлака — поели плов, попили чай, виноград, орехи, яблоки — скрасили сухой паек. Теперь лечь и хорошо выспаться.

Выспаться не удалось. Рано утром рота получила задачу пройти по хребту вдоль всего ущелья, а это двадцать километров, и соединиться с афганским батальоном. Пока «зеленые» будут работать внизу, нам оседлать высоты и прикрывать сверху.

Как назло день выдался жарким, солнце нещадно пекло, а укрыться негде. Мой взвод отправили снова в ущелье, продвигаться вдоль ручья и осматривать покинутые дома, а остальная часть роты шла по горам.

Первый двор пустой, второй тоже, третий, четвертый, в пятом ворота оказались заперты, и на стук вышел... белобородый старик. Ходячее привидение!

Сержант Худайбердыев сразу схватил деда за бороду:

— Аксакал — душман! Анайнский джалап.

Это было узбекское нецензурное выражение, которое местные жители понимали.

— Стой-стой, убери руки, гад! — закричал я на сержанта.

Только получив пинка под зад, Худайбердыев выпустил бороду старика и начал кричать:

— Товарищ лейтенант! За что? Они все «духи». Его надо пристрелить.

— Не ушел, значит, не «дух». Да он к тому же очень старый.

— Да они все на вид старые, а ему наверняка всего-то лет пятьдесят. Не ушел, значит, это шпион.

Пока мы ругались, дед упал мне в ноги и что-то кричал, воздев руки к небу, слезы текли из глаз по щекам. Я поднял его за руку, похлопал по спине. Видно, понял аксакал, что солдаты могут пристрелить, а, почувствовав во мне начальника, он что-то быстро затараторил:

— Командор... командор... командор. — Это все, что было мне понятно.

— Успокойся, дед, шагай во двор, — подтолкнул я его легонько во двор.

Бойцы уже суетились по дому, заглядывая во все двери, во все сараи, подвалы, кяризы.

— Ханумки! — радостно закричал один из узбеков. — Ура!

— А ну назад, всем выйти за ворота.

Я еле-еле сдерживал мусульманский интернационал. Казахи, таджики, узбеки что-то бормотали по-своему, не желая уходить.

— Нужно под паранджу заглянуть! Может, это и не бабы, а «духи» маскируются, — кипятился Худайбердыев, — а то мы отойдем, а нам в спину стрелять начнут.

— Начнут стрелять в спину, если ты к женщинам под юбку будешь лезть!

Сержант сердито сопел, видно, очень хотел аборигенок посмотреть и пощупать. Только-только выгнав солдат со двора и успокоив старика при помощи таджика-переводчика, я вдруг услышал за забором дикий смех и свист.

Худайназаров скакал на белом-белом жеребце, другой солдат тащил ишака за ухо. Аксакал опять стал причитать и, схватив меня за руку, что-то быстро говорить.

— Мурзаилов! Успокой его. Скажи: никуда мы не заберем скотину. Эй вы, балбесы! Отпустите животных, мы уходим. Надо своих догонять.

— Товарищ лейтенант! Надо с собой коня и ишака забрать. Пусть пулеметы и миномет везут, а то мы сами как ишаки загружены, — закричал сержант.

— Папуасы! Оставьте животных! Худайбердыев! Вперед во главе колонны. Прекратить мародерство.

— Какой-такой мародерство? Трофеи это!

— Сейчас по башке обоим настучу, тебе и Алимову. Быстро слазь с коня — мы уходим!

— Можно тогда хотя бы их застрелить? Нельзя же «духам» выючных животных оставлять! — продолжал канючить сержант.

— Эй вы, убийцы, быстро взяли мешки и бегом отсюда. Никого не убиваем, ни в кого не стреляем. Пленных в горы не берем.

Узбеки, что-то сердито говоря друг другу, нехотя побрели вдоль дувала, вверх к подножью вершины, на которую предстояло забраться. Высота небольшая, но метров на двести предстояло подняться. Обрадованный старичок, счастливый от того, что ничего не забрали, и что остался живой, улыбаясь и заглядывая мне в лицо, быстро говорил и гладил меня по руке.

— Дедок, шуруй домой. Буру бача, буру! — прикрикнул я, улыбаясь, и махнул рукой в сторону дома. — Пошел вон, старый осел!

Аксакал принялся кланяться и что-то громко бормотать.

— Мурзаилов! Что он говорит?

— Он вас благодарит, хвалит весь ваш род, желает счастья и много красивых жен.

— Какой добрый и щедрый старик. Спасибо, жен не надо — не прокормить. Главное, чтоб в спину не стреляли, когда отойдем от кишлака.

Через полчаса, забравшись на высоту и заняв оборону, я с удовольствием наблюдал за фигурами солдат и офицеров, ползущими вдаль по крутому хребту. Целый день мы брели по долине, и теперь можно было немного подремать. Особенно радовался я мучениям Ходячего Бронези-лета. Его колоритна фигура в горной экипировке с двумя автоматами и огромным рюкзаком виднелась далеко-далеко. «Беретту» он нес лично, никому не доверяя. (Оба трофейных ружья капитан сломал, а саблю я забрал себе.) Добравшись до моего взвода и чуть отдышавшись, Лонгинов сразу принялся орать:

— Что там за скачки были? Вы что, ковбои на родео? Никакой дисциплины и организации!

— Да все нормально. Пока я с местным населением объяснялся, эти юные натуралисты с животным миром общались. Местное население претензий не имеет, радуется жизни.

— О вашем командовании и отвратительном управлении взводом мы в полку поговорим особо! А пока, лейтенант, занять вон то, дальней плато за господствующей над кишлаком высотой.

— Это еще километра три по хребту! Я думал, что мы уже на задаче и можно готовиться к ночному отдыху, — чертыхнулся я вслух.

— Умничать будем в полку на подведении итогов. И умничать будут те, кто вернется живыми и здоровыми.

— Постараюсь вернуться, вашими молитвами, товарищ капитан, — улыбнулся я ехидно.

— Ну, ухмылки ваши сейчас быстро сойдут с лица. Приказываю, с расчетами пулеметов через пятнадцать минут сидеть на краю хребта над кишлаком! Время пошло. Бегом, марш!

Вот сволочь. Еще и издевается. Тут ходу на полчаса, не меньше. Придется бежать. Рота села отдыхать, а мы двинулись. Четыре бойца пыхтели

рядом. Моему быстрому передвижению мешала трофейная сабля. Ее я решил привезти в полк и повесить на стене над койкой. Для форсу! Сталь — так себе, лезвие в зуббуринах, но ручка из кости очень красивая. Вот только бежать с ней в одной руке, а с автоматом — в другой очень неудобно. Особенно несподручно спускаться по каменным осыпям, петляя по тропинке, прыгая с валуна на валун.

Быстро сбегав со склона на плато, мы уже вскоре поднимались на маленький пригорок. Солнце быстро садилось за дальний горный хребет. Темнело в горах очень быстро. В тот момент, когда, казалось, еще минута — и мы на нужном пятачке, откуда-то засвистели пули, и у самых ног, и вокруг нас защелкали рикошеты, и донеслось гулкое эхо автоматных очередей. Бойцы кубарем покатались за спасительную каменную гряду.

— Зибоев! Откуда стреляли?

— Нэ знаю, кажется, сбоку, — ответил пулеметчик.

Молодой младший сержант Лебедков показал рукой в сторону параллельной каменной гряды.

— Вон пещера, может, оттуда били? Очень кучно. Пули прямо за пятками легли, в вас метили.

— Ну, сержант, рывком за гряду, там оглядимся и отобьемся. Вперед!

Мы вскочили и бросились к небольшим камням. За ними шел пологий спуск, и сбоку нас было не достать. Вновь засвистели пули, рикошетили от камней, я навзначь ласточкой нырнул за камни, бойцы упали рядом. Все мое тело от головы до пяток была нервная дрожь.

— Все целы? Не ранены, не зацепило?

— Целы.

— Нет.

— Нет, — дружно забормотали и при этом матерились солдаты.

— Юра! Огонь из автоматов всем расчетом по пещере! Зибоев! С пулеметом ползи на правый фланг и молоти по всему, что зашевелится.

Вчетвером начали вести огонь по пещере и вдоль всего склона. Расстреляв по паре магазинов, я приказал прекратить огонь. Надо послушать, осмотреться, откуда по нам бьют.

— Расчет, за мной на задачу, ползком! Быстрее! — скомандовал я и пополз первым.

— А пулемет как же? С ним ползти, особенно со станком, неудобно, — занял сержант.

— Ничего! Жить хочешь — поползешь со станком не то что на спине, а в зубах!

Со стороны Зибоева раздалось несколько очередей и радостные вопли. Я на карачках перебежал к нему и увидел, что в ущелье, возле большого валуна валялся убитый осел. В этом направлении по огромным камням пулеметчик и стрелял короткими очередями.

— Что там?

— «Дух» за камнем спрятался. От камня к камню перебегает, гад. Нэ уйдешь, шайтан.

Действительно, от камня к камню то переползал, то перебежал какой-то человек, и в конце концов он спрятался за холмом.

— Быстрее на задачу, мы его из «Утеса» достанем.

Когда вся группа выскочила на склон, пулемет уже стоял на станке и пулеметчики приготовились к бою.

— Парни, выбирайте себе мишени в этом бандитском гнезде. Все, что бегаёт, должно лежать!

Два пулемета и два автомата принялись обрабатывать кишлак. Первой упала корова, затем ишак, затем человек, затем еще человек. Зажигательные 12,7-миллиметровые пули подожгли несколько стогов, пару сараев. Постепенно по нам с нескольких точек открыли ответный огонь. В бинокль я увидел, что большая группа мужчин убегает из кишлака в дальнее ущелье, на ходу изредка огрызаясь автоматным огнем.

Ну, да ничего! Вот должна подойти на помощь вся рота, тогда будет гораздо легче подавить сопротивление.

— Перенести огонь вон в ту дальнюю лощину. Видите: народ бежит? Достанем?

— Достанем, — успокоил меня братец-мусульманин и принялся молотить из ПК, посылая очередь за очередью.

Вскоре закончилась лента, он быстро заменил ее полной и продолжил вести интенсивный огонь. «Утес» стрелял реже, выцеливая, у нас к нему было всего две ленты, и вторая из них уже заканчивалась. Я выбрал двор, в котором что-то копошилось, оттуда вроде стреляли, и бахнул туда из «Мухи». За спиной послышался топот приближающейся роты. Бойцы подбегали, падали на землю за камни, рассредоточивались и сразу начинали вести огонь.

Я посмотрел в бинокль: далеко в лощине лежали человек двадцать. Может, убитых или раненых, а может, кто-то и залег, замер, притворился мертвым.

Подбежал зам комбата и сразу заорал:

— Прекратить огонь, прекратить огонь! Стоп! Стоп!

— Как прекратить огонь?! Эти козлы нас отметелили, мы тут как ящерицы ползали, чудом уцелели, а теперь — прекратить огонь? Оттуда из распадка, где теперь только тела валяются, пять минут назад отстреливались. Это, кроме того, что нас чуть не перебили из пещеры, когда мы выдвигались сюда. А по вам разве не стреляли? — удивился я.

— Замполит! Кончай войну. Прости меня, засранца, но это я по тебе стреляю! — заорал прямо в мое ухо Грошиков.

— Серега! Это уже не смешно! Как это ты стрелял? Ты что, действительно, конченный дурак?!

Сергей обхватил меня за плечи и потащил в сторону. Бронежилет смотрел в бинокль и делал вид, что его произошедшее не касается.

— Ты понимаешь, какая штука вышла, — тихо забормотал он, — прости меня, контуженого идиота. Виноват этот чертов Бронежилет Ходячий! Он смотрел-смотрел в карту, потом устался в бинокль и как заорет: «„Духи“ впереди замполита, их главарь бежит с саблей!» Он же не видел ее у тебя. Ну он схватился за автомат да давай стрелять. Я тоже не ожидал, что ты так буквально исполнишь его приказ и примешься бежать к кишлаку. Вы действительно за пятнадцать минут к задаче вышли! Я подумал, «духи» убегают или засаду на вас делают. Ну, мы ротой и давай по тебе колотить. Счастье, что сразу не попали, а после того, как первыми очередями не завалили вас, я решил в бинокль посмотреть, поправку на ветер сделать. Смотрю: твою мать, это ты мечешься. Виноваты сумерки — плохо видно. А так, если бы не посмотрел в бинокль, еще пара очередей и лежать бы вам всем на том гребне.

— Долбаный Бронежилет и ты тоже. Мудаки, что с вас возьмешь.

Я с ужасом смотрел на него. Мои глаза невольно округлялись и расширялись.

— Ты чего шары выпучил? — заулыбался Серега. — Все уже позади. Два раза я тебя не подстрелил, но в третий раз точно дострелю!

Он громко и глупо заржал.

— Дурак ты, поручик, и шутки дурацкие. Я из-за тебя целый кишлак уничтожил! Куча народа по полям валяется, все горит, а ты ржешь!

— Но они же отстреливались, значит, все это было не зря! А если и зря, то не все. Ха-ха-ха.

— Сволочь ты, поручик, а еще друг. Чуть не убил меня и даже не переживаешь. Гандон!

— Да переживаю, переживаю. Не такой я и гандон! — Грошиков обнял меня и принялся мять ребра так, что они захрустели. — Могу даже слезу пустить и на колени встать. Прошу прощения.

Серега хоть и встал на колени, но головой при этом почти доставал до моего подбородка. Дурило длинноногое!

— Ну, Сергей, теперь моя очередь стрелять в ответ. Молись, чтобы я тоже промахнулся. Но это очень трудно сделать, ты ведь такой длинный.

— Вот тебе и благодарность за то, что в него не попали!

Бронежилет тем временем докладывал комбату обстановку в нашем районе. Что-то доказывал, что-то возражал, а потом благим матом призвал офицеров к себе.

— Грошиков! Уводи роту обратно на вершину хребта. Ночевка будет там. Сейчас прилетят «крокодилы», обработают кишлак, а затем будет бить артиллерия.

— Рота, сбор, быстро уходим! — заорал Сергей. — Быстрее, быстрее, быстрее! А то еще зацепят вертолеты замполита по ошибке.

Да, это они могут, бухнут и глазом не моргнут, с такой высоты мы для них что муравьи ползающие, свои или «духи» — им не разобрать. Едва-едва рота убралась на безопасное расстояние (хотя разве можно быть в безопасности, когда в небе наши асы, уничтожающие внизу все живое), как налетели четыре вертолета и принялись сеять в долине смерть и разрушение. Хотя все, кому надо было, уже сбежали. Затем ущелье, куда убежали «духи», обработала артиллерия. Под ее грохот мы наспех построили укрепления и улеглись на ночевку.

Но не тут-то было. Часа не прошло, как новый приказ: сниматься со стоянки и двигаться по хребту до ручья для соединения с афганским батальоном.

Серега в задумчивости почесывал череп.

— Н-да, ночью мне еще ни разу не приходилось бродить по горам. Вот, черт бы их побрал, всех штабных начальников. Без отдыха, без сна. Часов до четырех придется идти. Ну ладно. Командиры взводов! Организовать укладку мешков, чтоб ничто не звенело, не гремело. Идти бесшумно, без криков, без матов. Ругаться только шепотом.

С этой минуты вся вершина, как живая, зашипела. Солдаты, сержанты и офицеры шипели друг на друга. Через полчаса колонна вышла. Я теперь брел, подгоняя отстающих. В замыкании трое: я, Мурзаиллов с ПК и санинструктор. Едва какой-нибудь «умирающий» солдат падал без сил, пулеметчик занимал оборону, я со Степаном приводил его в чувство.

Нашатырь, вода, затрешины — все, чем богаты. Времени долго отдыхать нет, отстанем — заблудимся, пропадем.

Бойцы роты перемещались тихо, как призраки, без шума, без стуков, без матов. Часа в три ночи мы наконец выбрались к ручью. Темно, не видно ни зги. Пулеметчиков разместили на высотках, сидим — ждем. А вдруг вместо афганского батальона придут «духи»?

Ожидание было совсем недолгим. Вскоре вдоль ручья появились тени, которые материализовались в людей. Афганцы. Знакомый по десантированию комбат! Наши таджики криком остановили их, и ротный пошел на переговоры. Сергей вернулся через несколько минут.

— Все нормально, это отличные ребята, они все понимают. Комбат-молодец, учился у нас, в Ташкенте!

— Что он будет делать? Какой у него приказ? — переспросил Бронешилет.

— Им приказано идти с нами и действовать совместно. Мы идем впереди, они — за нами. Двигаем! Замполит, ты снова замыкаешь с пулеметчиком и санинструктором. Смотри только не уйди к «зеленым», а то обратно не примем.

— А ты меня еще раз с «духами» не попутай, — огрызнулся я в ответ.

Вот так, опять на марше в хвосте. Да еще ночью. Самое главное — с ослабевшими солдатами не отстать и не потеряться. Прохладная ночь радовала душу, и идти было легко и более-менее приятно. Если только может быть приятным марш по горной местности с полной выкладкой.

Еще до первых лучей восходящего солнца мы вернулись на ту же точку, откуда весь предыдущий день топали по горам. Здесь ничего не изменилось. Пустые банки по склонам, запах человеческого кала и мочи. Хорошо бы в темноте не наступить на кучу дерьма, своеобразные мины-ловушки вокруг позиций. К этим минам на ночь добавляем сигнальные мины. После проверки укрытий саперами (нет ли настоящих мин-ловушек) можно спать. Блаженство вытянуть ноги и расслабиться...

...Завтрак. Баночка с компотом, еще меньших размеров баночка со свининой, сухарь, галета, кружка чая. Те, кто курят, закурили. У кого есть сигарета — сигарету, у кого нет целой сигареты — курит окурочек или «бычок», свой или чужой. Если дадут. Какое счастье быть некурящим! Смешно и одновременно грустно наблюдать, как мой боец-связист нашел несколько совсем мелких-мелких окурочков, распотрошил их, собрал в кучку и со светящимися радостью глазами, дрожащими пальцами свернул из газетки самокрутку. В роте некурящих мало. Я, Острогин, Степа-санинструктор и Витька Свекольников. Все остальные мучаются и страдают. Страдают оттого, что курят всякую дрянь и курят ее часто. На марше дымят, на привалах дымят, а когда лежат на горе, так от безделья махорят почти каждые пятнадцать минут. Закурят и тоскуют по дому, задумчивые и печальные. Как старики на завалинке в деревне.

В ущелье вошла наша разведрота, и афганцы, весело помахав нам на прощанье, спустились к ним на помощь.

Вскоре они скрылись в ущелье. Им предстояло войти в кишлак вправо по ручью, туда, где находилось большое скопление домов. Эти домики мы не проверяли, позавчера Лонгинов мне не велел их обследовать.

Через час из-за горной гряды показались дымы. Что-то подожгли, очень хорошо горело. Вскоре раздались выстрелы, взрывы. Серега вдруг выскочил из «эспса» и, громко матерясь, начал командовать по связи. Я подбежал к нему.

— Что случилось?

— Беда с разведкой! Засада! У них уже куча раненых. Берем пулеметы, санинструктора, твой взвод. Тебя, само собой разумеется. Товарищ капитан, вы ротой покомандуете без меня?

Это он уже Бронежилету.

— Покомандую. А надо ли самому? Может, там замполита хватит с командиром ГПВ?

— Нет, не хватит. Я там нужнее. Мой опыт — великое дело! На сборы — три минуты, брать только боеприпасы и воду.

Побежали: вниз, вверх — и вот мы оседлали гребень. Пулеметы установлены, «Утес» собран. Взводный Голубев сам лично его зарядил и начал прицеливаться. На противоположном склоне вокруг пещеры лежали раненые разведчики. Из пещеры велась интенсивная стрельба. Разведка была зажата так, что голову не поднять. Скальная стена нависала над ущельем, узкая тропка стелилась вплотную к ней. Раненых не вытащишь, ведь стрелял «дух» и вправо, и влево. Просто беда!

— Пулеметам — огонь по всем дырам: непонятно, откуда он, собака, бьет. Автоматчику, снайперу — всем огонь! Огонь! — зло орал Грошиков.

Бешеный огонь заставил «духа» или «духов» заткнуться и затихнуть.

— Разведка, что у вас? — спросил по связи Сергей.

— Засада! — ответил Галеев по связи.

— Это я вижу! Как дела, какие потери?

— Шестеро ранено, один убит. Прижали нас на тропе. Головы не поднять. Видите: две щели в камнях?

— Видим.

— Вот оттуда «дух» и бьет. Он стоит, обложен камнями — достать тяжело. Прикройте нас пулеметным огнем, сейчас взводный по верхнему козырьку подползет, тогда прекратите стрельбу. Турецкий бросит гранату сверху, только так можно «духа» достать. Не зацепите Петра.

Мы принялись стрелять, не жалея патронов. Пулеметы били по расщелинам очень точно, но, несмотря на наш бешеный огонь, афганец продолжал «огрызаться». Я посмотрел в бинокль: взводный подползал по каменному козырьку все ближе и ближе.

— Прекратить стрельбу! — заорал Серега.

Петя подполз совсем близко и бросил в пещерку одну за другой две гранаты. Бах! бах!!! Солдаты подбежали к пещере и снизу за ноги потянули стрелка. Вытащить никак не получалось. Наконец выдернули и давай его пинать. До нас доносились мат и дикие вопли солдат и этого мятежника.

Удивительно, он, несмотря на множество ранений, он был еще жив. Два разведчика, матерясь, распорол афганцу живот ножами и бросили тело в ущелье. Эхо донесло что-то гортанное, нечленораздельное.

Взяв санинструктора и пехоту, мы отправились вниз, сверху нас прикрывали пулеметы. Один взводный и шесть солдат были серьезно ранены. Перевязали их наспех и потащили наверх на площадку. Пещера, где засел мятежник, оказалась складом, а он его охранником-смертником. Из склада вынесли более сотни реактивных снарядов и множество выстрелов к гранатометам, патроны, мины. Все это добро перед отходом саперы подорвали. Когда мы уже вернулись на горный хребет, в небе появились вертушки. Прилетевший вертолет забрал погибшего и раненых. Разведчики заняли нижнюю площадку, а мы обнялись на прощание с Турецким и Галеевым, ушли обратно к себе. Весь вечер, пока не заснул, перед глаза-

ми стояли израненные тела разведчиков и окровавленный афганец, звереющие солдаты, кромсавшие тело столько бед принесшего врага.

Утром роту с площадки сняли вертолеты. Вот и вся война, возвращаемся в полк. Броня ждет команды начать движение, выстроившись в ротные колонны. Полк стоял вдоль речушки, протекающей в зарослях кустарника. Я подошел к пологому берегу помыть руки. Разулся и, блаженствуя, подержал ноги в мутной грязной воде. Грязной, но прохладной. Приятно. Огляделся вокруг: на том берегу — и справа, и слева — стояли афганцы и поили скот, женщины полоскали белье, мылись. На нашем берегу солдаты умывались, стирали носки, портянки. И то, что сверху по течению воду пили овцы, нисколько не смущало женщин, невозмутимо стирающих белье.

Я вернулся к машинам, офицеры и прапорщики роты стояли тесным кружком и о чем-то оживленно беседовали, громко смеялись.

— Над чем ржем, отцы-командиры? — предчувствуя подвох и опасаясь, что это надо мной.

— Смеемся над тем, как ты саблю трофейную сломал, — ответил взводный Эдик.

— Вот смеху-то было бы, если бы тупой Бронежилет меня там завалил...

— Это точно! Тебе нужно держаться подальше не только от Грошикова, но теперь и от Бронежилета, — улыбнулся Острогин.

— Насколько подальше? На дальность прямого выстрела из автомата или на пушечный выстрел?

— Ну, что-то близкое к пушечному выстрелу. Главное, чтоб он по ошибке вертушки не навел. Ха-ха, — засмеялся Голубев. — Длинному еще полгода служить, так что все это время ты в зоне повышенного риска.

— Это точно! Он в меня стреляет чаще, чем «духи»!

— Эй, солдат, — окликнул Эдуард проходившего мимо бойца. — Свекольников — водички принеси. Бегом!

Довольно неприятный тип этот Эдик. Грубый и хамоватый с солдатами, наглый и надменный с офицерами. Ярко выраженный карьерист, по трупам пойдет. Здоровый, как буйвол, с широким торсом и мощными руками. «Супермен» хренов.

Солдатик очень быстро вернулся с полной фляжкой и протянул ее командиру взвода. Грымов сделал три больших глотка и сморщился. Передал фляжку Острогину. Серега взял ее и только собрался было глотнуть, но я его придержал.

— Витька! А ты откуда воду принес? Не из речки случайно? — заорал на него я.

— Из речки, — глупо улыбнулся солдат.

— Н-да, там ты видел, какая вода течет?

Острогин с фляжкой в руке, вытаращив глаза, молча и тупо смотрел на молодого бойца.

— Видел, — ответил чумазый Свекольников.

— Ну, какая она? — спросил Сергей угрожающе.

— Грязная...

— А какого же черта ты ее набрал и командирам пить даешь? Эдик, в речке той и ноги моют бойцы, и носки стирают, а местные скотину поят и белье стирают. Сплошной гепатит с холерой вперемешку.

Надменный Эдик мгновенно стал белый, как мел.

— Убью! Убью, гад такой! Задушу...

Солдата как ветром сдуло, от греха подальше, словно его и не было.

— Итак, Эдик, выбирай: малярия, гепатит или холера, — засмеялся техник, предлагая варианты заболеваний.

Острогин, все еще державший фляжку в руках, зашвырнул ее в кусты.

— Серега, не разбрасывайся ротным имуществом, — крикнул весело Грошиков, — болеть ведь не тебе же, Эдику!

* * *

Болеть, действительно, пришлось не Острогину, а Эдику, выпившему ту мутную воду. Болеть долго и серьезно. Гепатит оказался очень «жестким», в тяжелой форме. Витькина ли фляга воды свалила его, или в горах зараза какая прилипла — неизвестно, но только на пару месяцев взводного мы лишились. И без того с офицерами в роте был постоянный некомплект, а тут опять потеря. Не офицерский коллектив, а настоящий проходной двор! Такая нелепость...

Больше всего страдал Свекольников: боялся возвращения лейтенанта. Он переживал и мучился от того, что выступил в роли «отравителя», и от страха расплаты, которая может наступить после выписки из госпиталя офицера.

Мы же отнеслись ко всему философски. А может, Грымову повезло. А то вдруг завалили бы его «духи» за эти месяцы? Мишенью-то Эдик был уж очень большой и приметной.

Глава 8

Проклятые Черные горы

С каждой минутой я все больше и больше ненавидел идущего впереди меня сержанта. Парень был из тех, на ком «природа отдыхала». Маленького роста, рыжеватый, с веснушками, которых хватило бы на пятерых, с торчащими ушами, да еще и кривоногий. Вещмешок отвис и при ходьбе стучал ему по заду, а сапоги были явно на пару размеров велики,

и поэтому он шлепал ими, запинался, спотыкался. Мы с этим олухом все больше отставали от уходящей роты. Рота спешила и почти бежала, все быстрее и быстрее вниз с хребта в район, где стоит наша техника. Автомат у бойца висел на одном плече, на другом он нес ствол от пулемета «Утес». Силуэты солдат начинали таять в раскаленном мареве воздуха. Разрыв между нами и ротой постепенно увеличивался. Два часа я его подгонял пинками и матами, но это помогало все меньше, скоро нас нагонят «духи», и тогда нам крышка, как только они выйдут на прицельную дальность, так здесь мы оба и ляжем. Умирать сегодня не хотелось. А когда хотелось? Да никогда!

— Эй, сержант, отдай мне ствол, а то скоро умрешь совсем. И какой «козел» поставил тебя учиться в учебке на пулеметчика? — хрипло проговорил я.

— Я не виноват: куда послали, там и служил, — ответил сержантик.

В глазах его была затравленность, переходящая в ужас, он начинал понимать гибельность нашего положения. Связи у нас нет, рота быстро движется к технике, а я и этот «осколок» советской военной угрозы, ползем как черепахи.

Как всегда в мою задачу входит собирать, подгонять и выводить отступающих доходяг. Сейчас мне достался этот молодой сержант из гранатометно-пулеметного взвода Юра Юревич. Это был его первый рейд, который мог стать последним.

— Товарищ лейтенант, я не виноват, это старшина дал мне такие вельки сапоги. Я ему гаварыл, что они хлябают, а он сказал: других няма.

— Ладно, «бульба» недоделанная, хватай автомат и бегом, быстро как только можешь.

Глаза его радостно загорелись. Мое решение облегчить его ношу сержанта очень обрадовало, однако скорости ему не прибавило. Теперь мешал вещмешок, который почему-то все ниже отвисал, а автомат болтался и цеплял ноги. Юра все свои усилия сосредоточил на борьбе с ним.

— «Бульбаш», ты не надейся, что я и автомат за тебя понесу, у меня всего две руки, два плеча.

— Да я ничего и не думаю, — задыхаясь, ответил Юревич, но в серых глазах мелькнула наглая надежда (подлая мыслишка).

— Стоп! Быстро переобувайся и перебери шмотки в вещмешке.

Он вытряхнул содержимое из мешка: две минометные мины в самом низу, четыре гранаты, мешочек с патронами, сверху одежда и пара банок сухая, пустые фляги.

— Меняем местами барахло. Клади мины — в самый верх. Быстрее перематывай портянки.

Я посмотрел в сторону вершины хребта, там были уже видны фигуры наших преследователей. Пора чуть охладить их пыл. Дав длинную очередь для острастки — пусть не спешат, — догнал сержанта.

— Бегом, бегом, пехота зачуханная! Мать твою!

И в довершение тирады дал ему под зад «сочного» пинка. Сержант приободрился и поскакал гораздо резвее. Теперь со стволом пулемета уже не успевал за ним я сам. Тельняшка мокрая насквозь, рюкзак хоть и полупустой, а остатки боезапаса тянут плечи к земле. К земле давил и двенадцатикилограммовый ствол. Как он его нес предыдущие пятнадцать километров? Теперь мне предстоит бег по хребту со стволом!

Дышать становилось тяжелее. Черт меня дернул на эту войну. Где были мозги? Доброволец хренов. Так и пропаду ни за что. Хорошо, если легко, а если с мучениями?

Солнце медленно садилось и палило не так ужасно, как в полдень, но все равно палило. Хотелось пить, но воды не было. Кончилась еще утроем. Мои семенящие шаги и легкая трусца Юревича совпадали по частоте, а его надрывное дыхание и мое тоже сливались в один хрип. Загнанные боевые лошади. Когда же ротный заметит, что мы гибельно отстали? А, может, видит, материт, но надеется, что успеем уйти, и не хочет всех угробить?

Сзади послышались первые выстрелы, очереди пока не долетали, но так долго не может продолжаться. Проклятый ствол! Снова переходим на бег. Выстрелы придают ускорение. Хочется жить.

Впереди возникла гряда небольших камней, ствол с плеча на землю — очередь по горному склону повыше и еще одна — поближе. Меняю пустой магазин в лифчик-нагрудник, полный — в автомат. Теперь меняю ношу: ствол пулемета в руку, автомат на плечо, легче не становится, вновь возвращаю ствол на плечо. Чтоб треснул тот, кто придумал такой тяжелый пулемет, хорошо хоть он разборный. Быстро догоняю Юревича, руки для подзатыльника заняты, потому вновь отвешиваю ускоряющий пинок.

Это действует, но только минут на пять. Главное, чтоб он не упал и не совсем не отказался идти. Тогда «кранты», его не бросишь, а сил тащить нет. Тогда нас «духи» нагонят быстро. Финалом будет короткая перестрелка, и придется себя любимого подорвать гранатой. А не хочется. Прямо жутко не хочется.

— Юрик, милый, давай скачками, быстрее! Пошел на хрен с подкоком и притопом. Жить не хочешь, что ли?

Умоляющие глаза на грязном лице говорили, что хочет, но почти не может хотеть жить. Больше всего бесили эти хлюпающие сапоги, в которых он был как мальчик-с-пальчик и кот в сапогах одновременно.

Пули внезапно зарылись в каменистый склон совсем рядом. Вот это уже совсем плохо. Это уже полный абздец. Как они быстро бегут, гады. Видимо, преследователи спешат налегке.

Но эта «духовская» очередь придала силы и сержанту, и мне. Минут пятнадцать мы неслись, как метеоры, с хрипом, с клекотом рваного дыхания в горле, слюна пересохла в запекшейся глотке. Сердце бешено рва-

лось из груди. Молотом бьет пульс в висках, ноги как чугунные, но бежать необходимо. Проклятый ствол! Бросить нельзя: пулемет без него — кусок железа, а запасного ствола в горах нет.

Не останавливаясь, разворачиваюсь и пачусь спиной. Даю очередь вдоль склона из автомата, зажато прикладом под мышкой, не прицельно, но пусть «духи» сильно не спешат и не радуются добыче прежде времени.

До меня долетел вопль дикой радости Юревича.

— Наши! Вижу наших! Скорее, товарищ лейтенант!

Ну вот, теперь он меня подгоняет...

Два бойца сидели и ждали нас на склоне, который резко переходил в обрыв к горной речушке.

Это был Дубино, земляк моего сержанта-недотепы, и Саид-пулеметчик.

Тем временем наша рота нашла брод и перебиралась через реку.

АГС, поставленный на вершине с другой стороны каньона, издал несколько хлопающих звуков. Это ротный нас прикрывал, а это уже хорошо, просто отлично. Живем! Спасены!

Вот почему рота пропала из виду, они просто были в ущелье, и я их не видел.

Дубино набросился на Юревича.

— Ну ты, уеб...к! Не позорься, сопли в кулак и вперед! Урода! Почему ствол у лейтенанта?! — И бац! — затрещина.

Что он мог сказать? В ответ — только плачущее хмыканье. Дубино — сержант поопытнее. Воюет на полгода больше, чем я, бывал во многих переделках, и это меня успокаивает. Вместе обязательно выберемся.

— Саид! Прикрывай наш спуск. Три-четыре очереди, с перерывами, и затем догоняй. Пять минут на все. Не задерживайся, мусульманин. Юревич, быстро вниз! — отдавал я на бегу приказы бойцам.

Эх, теперь мне уже гораздо легче дышать и командовать.

— Товарищ замполит, отдайте ствол — я понесу, — приходит мне на помощь Дубино.

— Васька! Сколько раз говорить, не замполит, а товарищ лейтенант!

— Да какая разница.

— Большая! К тебе же подчиненные как к сержанту обращаются, а не как к командиру отделения.

— Ну и что, пусть хоть как обратятся, главное, чтоб я понял.

— Так положено по уставу. Ты же к ротному «ротный» не обращаешься?

— Нет, он за это в лоб даст.

— Вот видишь. Придется и мне тебе двинуть, может, поймешь.

— Да ладно, я запомнил.

— Не ладно, а так точно! Ты не Дубино, а дубина.

— Ну так точно...

— Да не ну, а так точно!
— Ну что вы прикапываетесь, а, товарищ замполит?
— Эй, Дубино, ты и есть дубина! Ну какой ты, к черту, сержант!
— А я и не просился. Поставили, вот я и сержант, а вообще я пулеметчик, учебку не заканчивал, на сержанта не запрашивался.
— Отставить разговорчики, сержант.
— Ладно, отставить так отставить, товарищ замполит.
— Дубино!
— Да что Дубино! Дубино!
— Ничего, пошел вон! Бери ствол и пулей вниз за своим земляком.
— Товарищ замполит, — подал голос пулеметчик, — мене стрелять? Тьфу, еще один чудила! Этого таджика из глухого таджикского кишлака воспитывать уже не хотелось, да и силы кончились, пусть обращается как вздумается, как умеет.
— Стреляй! И тоже пулей вниз.
Довольный, с хитрой улыбкой Саид-пулеметчик выпустил очередь в сторону «духов», практически не целясь.
— Чего не целишься?
— А куда, я ныкого нэ выжу!
— Ладно. Стреляй и не залеживайся, спускайся.
Мы с Дубино догнали Юревича уже в речушке. На том берегу он, виновато глядя на нас, зашмыгал носом.
— Васька! Отдай ствол, дальше я сам понесу.
— На, уеб...ще, сам чуть не пропал и замполита чуть не погубил.
— Ну не пропал же, не погубил же. — Солдат хмыкнул, утер нос и довольный жизнью зашлепал по берегу со стволом на плече.
На пригорке копошились несколько солдат, и цепочка вытягивалась вверх по склону. Это были не опытные бойцы, а в основном молодые солдаты, только пришедшие в роту, слабые, обессилевшие, мечтавшие упасть и никуда ничего не тащить. Сплошное пушечное мясо! Люди, пока мало готовые к войне.
— Эй вы, трупы, вперед, — зарычал Дубино.
Мы вдвоем принялись подгонять наверх весь этот балласт роты. На берегу речушки с пулеметом залег Зибоев (еще один брат-мусульманин). Пулемет ПК на оставленном нами склоне строчить прекратил, и Саид быстро-быстро спускался к нам.
Времени в обрез, скорей нужно уходить. В этой суевающейся толпе вдруг произошло какое-то замешательство. Идущий в цепочке солдат с горганным криком рухнул на камни. Моментально к нему подскочил санинструктор Степан. Лежащий солдат закатил глаза, протяжно и жалобно застонал. Впалые щеки приобрели землистый цвет, из горла вырывались лишь хрипы. Вдруг он громко застонал:
— Ооой! О-о! О-о-о!

— Грузин, сволочь, не умирай! — заорал медик.

— Чмо болотное, открой глаза! — рявкнул Дубино.

— Дыши, дыши, гад! — принялся хлопать солдата по щекам я и переживал, чтобы солдат не умер.

Дубино, я и санитар Бандера тщетно пытались привести его в чувство. Остальные новобранцы сели вдоль склона, испуганно и затравленно глядели на упавшего Тетрадзе.

— Колесо! — крикнул я ближайшему. — Бегом за водой!

Степан вколот лежащему промедол, вылил на лицо и в рот флягу воды. Мы с трудом сняли с головы раскаленную каску, стащили вещевой мешок, станок от «Утеса», бронежилет, расстегнули гимнастерку. Колесников принес в каске воды, плеснул ее на голову и грудь. Потом принес еще раз. Грузин открыл глаза, увидел наши злые рожи и тут же снова закрыл глаза.

— Ооо-о-о!

— Ну хватит, чучело, стонать! Вставай давай, вставай, не умрешь! — Меня уже бесили эти стоны.

Пулеметчик спустился с гребня склона и залег на нашем берегу реки. Нам надо срочно уносить ноги, а тут такая беда...

— Дубино! Этих доходяг живо наверх, а я — к пулеметам!

Юревич со стволом резво полез вверх по склону, чтоб не досталось нести снаряжение помирающего Тетрадзе. Всем остальным Дубино распахал станок от «Утеса», бронежилет, мешок, мины от миномета, сам взял автомат.

— Наверх, живо! Быстрее, засранцы, шевелить ягодицами! — рявкнул сержант.

У берега речушки лежали оба «брата-мусульманина» и о чем-то мирно, как дома, беседовали на своем языке.

— Мурзаилов! Ждем несколько минут, и как только последние доходяги выберутся, тогда уходим и мы!

Пулеметчик нехотя прервался и с уверенностью бывалого солдата на ломаном, гортанном языке, отдаленно напоминающем русскую речь, начал костерить молодежь, горы, жару, солнце. На его сером, обветренном, заросшем щетиной лице появилась ободряющая улыбка. Как он умудрялся постоянно зарастать щетиной до самых глаз? Загадка. Недаром он с высокогорного Памира.

По ручью никто не шел, «духов» нигде пока не видно, поэтому нужно быстрее уходить. Мы дали в обе стороны вдоль ручья несколько длинных очередей из пулеметов и тоже побежали. На вершине склона нагоняем выползающих измученных солдат.

Смотрю на их лица, вглядываюсь в их глаза. Выдержат ли? Смертельная тоска и усталость. Пот струится по лицам и телам ручьями, гимнас-

терки белые от засохшей соли (это едкий солдатский пот). Пыльные сапоги и ботинки хлопают растоптанными подошвами. Они карабкаются, как вьючные мулы. Хрипы, кашель, мат. Малообстрелянная молодежь пока плохо справляется с выпавшей на ее долю войной. Ну ничего. Через три-четыре месяца это будут нормальные солдаты — те, кто выживут! Те, кто не будут стараться «закосить» и сбежать куда-нибудь в тыловое подразделение (в санчасть или же госпиталь).

Сержанты загаскивали на вершину склона выдохшихся. Я тоже от протянутых рук не отказался.

Ротный взглянул насмешливо.

— Дополз? Я думал, ты пропал с этим маломерком и вертушки нужно вызывать — выручать.

— Да это еще ничего — наш грузин чуть дуба не дал. Еле-еле откачали. Давай бойцов немного разгрузим, постреляем по «духам»?

— Сейчас доложу Подорожнику обстановку и отдолбимся.

— Связист! Связь с комбатом!

Я пошел вдоль лежащих ничком солдат. Вроде силы их покинули, умирают и никогда не оживут, но дай команду и, проклиная все, пройдут еще и еще много километров, сколько надо, и будут идти, пока не выйдут на задачу. А куда денешься?

— Артиллерист! Ставь миномет, комбат дал добро пострелять по «духам». Наводи по тому склону и молоти вдоль хребта метров на пятьсот, расстреляй все мины. АГС и «Утес», лупите по той стороне ущелья, как только разглядите движение. Огонь пятнадцать-двадцать минут, и живо рвем отсюда к броне.

Бойцы радостно притащили мины к расчету, а после команды взводного минометчика принялись плюхать эти мины на ту сторону ущелья. Движение «духов» быстро прекратилось. АГС и «Утес» отстрелялись, теперь оставалось по ленте, на всякий случай.

Кавун посмотрел в бинокль на результаты работы и, улыбнувшись, хлопнул меня по плечу.

— Уходим! Ты вместе с Зибоевым и Мурзаиловым опять прикроешь роту. Через десять минут догоняй, подбирая отстающих доходяг.

Пехота ушла, а мы лежали и вглядывались в противоположный берег. Желания догонять «шурави» после ураганного огня у мятежников больше нет. Полежали, расслабились, отдышались, отдохнули.

— Убегаем, мусульмане, и быстро! Очень быстро!

Радостно подхватив пулеметы, солдаты побежали догонять своих, да так, что за ними и не успеть!

Через тридцать минут на последнем гребне я поравнялся с колонной роты. Перед нашими глазами открылась необычайная картина. Огромное скопление нашей техники, которая вся в оранжевом обрамлении.

— Ого! Чем их повара кормили? — заржал Кавун. — Пронесло бойцов чем-то необычайным, экзотическим.

— Скорей вниз, может, нам тоже этого продукта осталось, — мечтательно произнес я и жадно облизнул губы. — Жрать хочется весь день: ни банки в мешке, ни сухаря в кармане.

— Ну ты — раб желудка, Ник! — засмеялся и весело хлопнул меня по плечу Серега Острогин.

— Все, хватит болтать, всем быстро вниз. «Трупы» гнать, то есть доходя, как можно скорей, через полчаса ни одной машины там не будет, и мы начнем запрыгивать на ходу. Вперед, пехота, внизу — жратва и отдых, а кто отстанет — я не виноват! — громко и торопливо скомандовал ротный.

Мы спускались все быстрее и быстрее. Бежать без мин и пулеметных лент с пустыми мешками, конечно, гораздо легче. Повстанцы были на приличном расстоянии и стреляли лишь для острастки, подгоняя нашу последнюю роту, спешащую к своим. Ну ничего, наведем на «духов» с брони авиацию. Хватит нас гонять как зайцев.

Одного я так и не понял, зачем мы приходили сюда, если бежим без оглядки и боимся опоздать? Зачем мы тут бродили десять дней? Стреляли, взрывали, сжигали? Кто, зачем и как все это планирует?..

* * *

А началась эта операция красиво, как в кино. Прямо реклама советской военной мощи. Нас привезли на аэродром, построили, пересчитали, проинструктировали, еще раз проинструктировали, еще раз пересчитали, опять проинструктировали, еще раз пересчитали... Это было почти бесконечно.

К вечеру транспортные самолеты стали прогревать двигатели. Старые АН-12 постепенно заполняли тремя батальонами. И это все от нашей дивизии. Стратегия этой операции была замысловатой и необычной — десантирование в район Черных гор, что под Джелалабадом. Вся хитрость заключалась в скрытой и быстрой переброске пехоты самолетами, а броня неспешно выдвигалась в этот район позднее. Вначале нас бросали к границе с Пакистаном, отрезая «духам» отход, а затем мы должны были прочесывать горы и кишлаки, постепенно возвращаясь к основной дислокации бронегруппы.

Самолеты загружались солдатами «под завязку», да не просто «под завязку», а так, что бойцы стояли один к одному, как карандаши в коробке, бросив под ноги мешки (лететь всего минут сорок). Некоторые стояли на самом краю поднимающейся откидной аппарели. Наш первый батальон грузился последним, а первая рота — самой последней в батальоне. Я с интересом наблюдал за этим процессом. Суетливо подгонял вместе с

ротным солдат и вскоре с удивлением обнаружил, что ни мне, ни Кавуну, ни комбату и еще паре офицеров места нет в самолете, как мы ни пытались туда втолкнуться.

Седой генерал — комдив Максимов, — звучно крикнув, командовал садиться вместе с ним в салон — гермокабину. Жизнь становилась еще веселей. В забитом чреве грузового самолета, стоя и потея, некомфортно лететь я, конечно, не желал. А с комфортом — с удовольствием! Только заскочили в командирский салон и сели в уголке, как транспортник тотчас же помчался по бетонке и взлетел.

Почему-то в самолете сразу же раздались рычание, визги, вопли, шум, гам. На шум прямо по головам солдат бросился «бортач», через двадцать минут этот прапорщик вернулся, трясущийся, бледный и весь взмокший. Он доложил генералу, что боковой люк начал почему-то отходить в сторону и открываться. Еле-еле его притянули на место и закрыли. Может, на земле не закрыли хорошо, может, кто-то что-то нажал. Шутники!

Кровь отхлынула от лица комдива, и он смертельно побледнел.

Мы все похолодели. Если бы люк совсем отошел на вираже, то вышло бы не один десяток солдат. Отбомбился бы лайнер пехотой по Кабулу. В гробовой тишине мы летели до Джелалабада и только на месте, построившись и проверив людей, дали волю чувствам и матам. Эта красивая операция могла обернуться катастрофой. Набили бойцами самолеты, как селёдками бочки, и доложили в Москву о выдающейся стратегической операции.

Александры Македонские, Наполеоны хреновы! Наверное, керосин экономят, раз нас перевозят как скотину. Сначала разворуют все, а потом экономят. Форменное свинство!

Древний Джелалабад мы даже не увидели, потому что рано-рано утром влезли в вертушки и полетели к границе в неприступные горы. Задачи подразделениям поставили перед самым вылетом. Перебрасывали нас в Черные горы, где уже вовсю шел тяжелый бой в укрепрайоне. Десантники и местная бригада бились, зажатые со всех сторон. Ротный пришел с совещания и застонал, заломив панаму: замена опять под угрозой!

— Братцы! Там «мясорубка»! Не хочу! Один штурмовик и «крокодил» сбиты. Теперь мы пойдем штурмовать горы, уничтожить систему ПВО.

Распределили десанты по вертолетам, подали списки Подорожнику и на загрузку.

Борты уходили один за другим в мутное небо. Холодное раннее утро, голодный желудок, чужая страна и незнакомая местность — все это совсем не настраивало на веселый лад. Бомбежка была слышна даже на аэродроме, да и армейская артиллерия била непрерывно.

Быстрый воздушный подскок на вертолетах к площадке. Мою группу выбросили немного в стороне от батальона, над нами возвышался какой-

то бугор. Взводный Пшенкин, с которым я оказался вместе, был почти заменщик, но к нам попал после госпиталя из третьего батальона и в рейд шел в первый раз. Полтора года старший лейтенант «парился» на горной заставе и теперь попал в «переплет».

— Саня! Жмем быстрее вверх, пока эта горочка пустая и, кажется, нет «духов», — прокричал я сквозь шумы винтов удалявшегося вертолета, указывая рукой на сопку.

Пыль и сухая трава, поднятые вертушкой, забивали рот, нос, глаза. На плато ниже нас вертолеты садились под непрерывным огнем противника. Один из вертолетов улетел, оставляя за собой дымовой шлейф. Бойцы, спрыгивая на землю, сразу вступали в бой. Вершина, которая возвышалась над остальными холмами и господствовала над плато, изрыгала плотный бесконечный пулеметный огонь по нашим не подготовленным позициям. Да их и позициями-то трудно было назвать. Все зарывались куда могли, строили, лежа, где высадились, сооружая под обстрелом укрытия из камня.

На укрепрайон боевиков пикировали пара за парой штурмовики, непрерывно меняя друг друга, и наносили ракетно-бомбовые удары. Однако ответный огонь по самолетам и вертолетам не стихал. В воздухе крутили карусель четыре «Ми-24», которые также били по вершине.

Наш взвод оказался в тылу у «духов», и они нашу группу почему-то не заметили. Расчет АГС попал с нами, поэтому, разместившись на высоте, бойцы быстро закрепили гранатомет на станок.

— Саня, противника видишь? — спросил я взводного. — Начинай бить по ближайшему холму к нашей высотке.

— А может, тихо отсидимся? Если басмачи на нас полезут, то не уйти. Где рота — ведь непонятно, а рядом своих больше нет. Собыют с горки и перестреляют!

— Мы отсидимся, а там, в лощине, комбата задавят. Бьем по духам из всех стволов! Десант из низины выбьют и за нас возьмутся, — не согласился я и подозвал молодого солдата, недавно прибывшего к нам с пополнением. — Эй! Снайпер! Керимов! Всех, кого увидишь на горе — мочи! Не давай продвигаться наверх! Чтоб никто через лощину не переполз, понял? Всем остальным рассредоточиться!

Бойцы расползлись по холму.

— Дубино! — окрикнул я зам комвзвода. — Распредели солдат: двух наблюдать за тылом, двух — на левый фланг и ты с ними, двое — со мной, гранатомет со взводным будет. И связиста мне! Я пошел на склон, а ты Сашка, командуй АГСом.

— Хорошо. Но смотри, сам башку лишний раз под пули не подставляй, — попросил меня Пшенкин.

По карте мы определили наше местонахождение. Я вышел на связь, доложил и услышал в ответ сердитый голос ротного:

— Какой вас хрен туда занес? Как будешь оттуда выбираться? Мы в пяти километрах на хребте над вами.

Вот это высадили летуны! Пять километров в горах — это пятнадцать километров по равнине. Ого!

— Не хрен занес, а вертолет «Ми-8»! — ответил я Кавуну. — «Духи» у нас как ладони, и пока взвод не засекли. Мы закрепились, предлагаю долбануть им во фланг!

— Подожди, спрошу у старшего.

В разговор тут же вмешался комбат.

— «Бакен-02». — Это был мой позывной. — Как видишь обстановку?

— Вижу все очень хорошо, — откликнулся я. — Внизу бой, наши прижаты.

— Это я и прижат! Понял? Чем можешь?

— АГС и десять стволов, отвлеку часть огня на себя, накрою две-три точки «духов».

— Помогай быстрее! Много «трехсотых» и есть «ноль двадцать первые». Быстрее давай огня!

Ну, вот само собой и разрешилось: вызываем огонь на себя. АГС выплюнул большинство выстрелов ленты и накрыл два укрепления «духов», а снайпер завалил пару «басмачей». Наш дружный огонь расшевелил этот большой человеческий «муравейник» напротив наших позиций. Такой наглости афганцы, очевидно, не ожидали. Прямо под боком сидит группа русских и расстреливает героев-моджахедов. В бинокль видно было, как мелкие отряды человек по десять перебежками двинулись к нам. Ага! Испугались окружения, каналы! Мы ведь им отходные пути отрезали.

— Бойцы, мордой в землю не зарываться! Снайпер, прикрой меня. Я из нижнего укрытия буду бить, и немного отвлеку огонь на себя, а ты снимай духов по одному. Дубино, тоже прикрывай меня огнем!

Идея, как отвлечь на себя внимание банды, была простая. Если снять у АКСУ пламегаситель, то автомат стреляет в горах так громко, что кажется, это бьет крупнокалиберный пулемет. Пусть душманы подумают, что тут работает мощная огневая точка, и огонь перенесут с гребня на меня, тогда ребятам будет легче. Ну, право, не дурак ли?!

Укрывшись в валунах и соорудив из камней бруствер, я выпустил по направлению «духов» пару магазинов. Толку от этой пукалки на таком расстоянии никакого, но шума как от автоматической пушки. Моя стрельба произвела должный эффект. Что тут началось! Пули градом сыпались на валуны, с визгом улетали во все стороны рикошеты. Сам я стрелял лежа, приподняв руку с автоматом, попасть в меня мог только рикошет, но все равно было жутковато.

Снайпер сверху время от времени производил отстрел наступающих. Дубино, даже не знаю, прицельно ли — также вел ответный огонь. Не понимая толком, что у нас за вооружение, афганцы прекратили перебеж-

ки. Но затем, когда гранатомет, самое наше мощное оружие, перестал работать, они опять поползли из всех щелей.

— Взводный, что слышно? — заорал я. — Почему молчит АГС? Дубино! Там остальные еще живы?

— Да живы мы! Взводный на связи, говорит, просто кончились все гранаты. «Духи» все лезут и лезут. Товарищ лейтенант, я вас прикрою трохи, а вы выползайте, а то отрежут вам отход.

Снарядив расстрелянные магазины патронами, я, как ползучий уж, выбрался из своего укрытия. Хорошо, что в небе начало смеркаться. Пули свистели, но меня враги вроде бы не видели, поэтому я и выбрался целым.

В глазах сержанта было веселье и одновременно ужас.

— Это было что-то! Я такой стрельбы еще не слыхав. Вы прикалываетесь, а нам тут не меньше вашего досталось, а может быть и больше. Они, наверное, ползут за мощным пулеметом, трофей хотят взять, а тут всего-то плевательница, АКСУ.

— Васька! — оборвал я его. — Стреляйте экономно, сейчас поговорю с комбатом, будем рвать когти отсюда, пока это возможно.

Взводный Пшенкин лежал в окопчике и переговаривался с Кавуном по связи. Тот наблюдал нас в бинокль и ставил задачу на выход.

— Что говорит? — спросил я у Пшенкина.

— Все роты уже отползли в укрытия, надо уходить и нам, как стемнеет. Конечно, если раньше духи не обложат нас со всех сторон. Можем опоздать с отходом...

Авиация работать уже закончила. Теперь по укрепрайону била артиллерия, а разведка, пехота и десантники отступили на ночь на дальние выскочки. Мы остались вблизи «духов» совсем одни.

— Ну что, Саша, добьем последнюю ленту гранатомета по «духам» и быстро уходим! Задержимся на лишние десять минут — и нам кранты — будет уже не выбраться. Командуй взводом, а я и Дубино прикроем отход! Только минут на пять, не больше!

Черт, опять придется отходить в замыкании! — подумал я с сожалением. Теперь хотелось быстро драпать!

— Ладно, только не отставай, не засиживайся: если не успеете проскочить, то сам понимаешь, помочь тебе будет невозможно, — как бы извиняясь, сказал Пшенкин.

— Не отстану! Жить хочется не меньше твоего.

Я переполз к валунам, за которыми укрывались зам комвзвода с двумя бойцами. Солдаты время от времени неприцельно, для острастки и шумового эффекта, били вниз по склону и по противоположному холму. С каменной гряды и из распадка отвечали более интенсивным огнем: патроны враг не жалел. Темнело все быстрее.

«А в сумерках и проскочим», — мелькнула в голове мысль, и я уверовал в спасение.

— Ну что, товарищ лейтенант? Надеюсь, мы не долго тут будем отвлекаться? — с надеждой спросил Дубино; в глазах сержанта появилась явная тревога.

— Итак, бойцы, — довел я приказ своей группе. — Мы с Дубино некоторое время прикрываем отход, а вы бегом к гранатометчикам.

Обрадованные молодые солдаты быстро уползли за камни на карачках, как большие худые пауки.

— Товарищ замполит, и мяне, и сэбэ погубите! Может, усе зараз уйдемо?

— Не дрейфь, «бульба», успеем, прорвемся! Хватит болтать, заряжай магазины, — оборвал я нытье сержанта. — По два рожка расстреляем и драпаем.

Нагло и в открытую «духи» не перебежали, но все равно потихоньку перекатывались и переползали ближе и ближе. Как только мы прекратим стрелять, они, конечно, поймут, что добыча уходит, и сразу начнут преследование. Небо становилось все сумрачнее, в глубокой лощине сгущался туман, поднимаясь к вершинам. Солнце уже скрылось за хребтом, и только на западе еще оставалось чуть заметное красное свечение. Значительно похолодало, усилился ветер. Тоже хорошо, по холодку легче уходить.

Минуты за четыре мы расстреляли плановые четыре магазина патронов, на всякий случай я бросил в распадок гранату. Взрыв отозвался вместе с гулким эхом криками проклятий. На пятую минуту терпения у меня не хватило.

— Васька, если хочешь жить, то беги как можешь быстро! Даже еще быстрее, чем можешь.

Мешок за спиной, полный продуктов, тянет назад, лифчик-нагрудник сдавливает грудь и живот. Дышать тяжело, даже когда еле идешь, а когда бежишь — сердце вырывается из груди. Вскоре в лощине мы нагнали свой взвод. Совсем стемнело. Впотьмах мы чуть не заблудились и не промахнулись тропой.

— Саня, Сашок, это мы! — громко и радостно вскрикнул я, опасаясь, что ненароком, свои с перепугу расстреляют.

— Ну, молодцы, я боялся, что вас отсекут от нас! — обрадовался Пшенкин.

Бег по пересеченной местности с оружием, боеприпасами, экипировкой да еще с автоматическим гранатометом только называется бегом. Прибавить скорость было совершенно невозможно. Стрелковое оружие гранатометчиков тащили другие солдаты, а ведь у каждого еще по две минометные мины для приданного миномета. Вот она каторжная работа горной пехоты. Все свое ношу с собой и не свое — тоже!

Совсем стемнело. Ночь в горах обрушивается на землю столь стремительно, что просто не успеваешь подготовиться к ее приходу. Темень — хоть глаза выколи, до восхода луны ничего не видно в метре. А луны на небе, к нашему счастью, не было. Мы шли вроде по верному направлению, но могли и сбиться.

Ночь нас пока спасает, но может и предать, если заблудимся. Выпустишь сигнальную ракету — обнаружишь себя, и можно не успеть уйти. «Духи» бегают налегке, а мы нагружены, как ишаки.

Там, где несколько минут назад был наш взвод, уже закрепились мятежники. Они, не зная, где мы точно находимся, вели некоторое время огонь во все стороны, но вскоре эта беспорядочная стрельба прекратилась.

— Васька, поставь пару растяжек на тропе, — приказал я зам взвода. — Может, нарвутся, это их задержит.

Поясню незнающим, растяжка — это когда к кольцу запала гранаты привязываешь нитку или веревку. А эту нитку — к какому-нибудь камню или ветке. Чуть дернул ниточку, и через четыре секунды — взрыв.

И все же нам повезло, ловушка нашла свою жертву. Минут через шесть-семь сзади раздался взрыв, затем крики и стоны.

— Кому-то не подфартило, — глубокомысленно сказал Дубино.

Сразу после взрыва «духи» открыли ураганный огонь, стреляли не прицельно, пули свистели в воздухе, рикошетили от камней с ледяными душами взвизгиваниями.

Взвод уходил, пригибаясь к земле, все быстрее и быстрее. Солдаты втягивали головы, испуганно озираясь, было жутко и неприятно. Однако наши растяжки на тропе чрезмерное рвение преследователей охладили. Огонь из автоматов не приближался. Остановились? Очевидно, у них появились убитые и раненые. Может, зацепило? Вторую растяжку «духи» пока не задели: то ли не дошли, то ли сняли, то ли обошли.

Ротный по связи дал ориентир: пускаю две ракеты — красную и зеленую. У подножья высотки нас встретят свои.

Недалеке впереди разрезали черное небо ракеты. Ура, мы от роты были совсем близко. Минут через пятнадцать на подъеме натолкнулись на наше подкрепление — это первый взвод Острогина спустился на помощь.

Всё, спасены!

* * *

На высоте командир роты был вместе с комбатом. Группа управления батальона вышла в наше расположение. Сейчас к чему-нибудь да и придерутся. Например, к форме.

— Ну что, все целы? Что за взрыв был недавно, докладывай, «комиссар»! — рявкнул Подорожник.

— Все на месте, все целы, оружие в наличии, а на растяжке «духи» подорвались, — отрапортовал я ему весело.

Взводный благоразумно пристроился за моей спиной. Ну Пшенкин, ну жук! Все шишки теперь мне достанутся. Комбат был службист, брюзга и умел, даже если не за что, найти повод и взгреть.

— Ну у тебя и вид, «комиссар». — «Комиссар» он всегда выговаривал ехидно и грассируя буквами «р» и «с». — Чисто партизан. Что на тебе одето и обуто?! Какой пример солдатам?! Комбат по форме одет, начштаба — по форме. А в ротах что ни офицер, то нарушитель формы одежды, все в кроссовках, в тельняшках! Ты с какого авианосца сбежал, лейтенант? — начал постепенно распалаться майор.

Брызгал ли он при этом слюной, в темноте было не видно, но что шутовские чапаевские усы, торчащие в разные стороны, сильно дрожали — это было заметно.

— Батальонного замполита в горы не загонишь, а ротный замполит как анархист одет! Всем охвицерам привести себя в порядок! Командир роты! Усилить охранение и наблюдение. Вести ночью беспокоящий огонь и пускать раз в полчаса ракету. «Духи» вокруг орудуют, а тут не офицеры, а сброд какой-то! «Зеленые», мальчишки! — рывкнул Подорожник.

Скрипя зубами и продолжая ругаться, он ушел.

— Он чего с цепи сорвался, Иван? — спросил я шепотом ротного. — Мы их переползания весь день прикрывали, огонь на себя отвлекали, еле-еле из окружения ушли, а он как на врагов набросился! Старый мудак!

— Да не кипятись! — равнодушно и даже легкомысленно ответил Кавун. — Весь день наш Чапай со взводом связи под пулями лежал, терпелся страху, напалзлся — вот на нас зло и срывает, вместо благодарности. Ты же знаешь: его любимый конек — форма, порядок, устав. Ничего, обгешется, еще сам тельняшечку попросит достать и кроссовки наденет.

— Пока это произойдет, он нас всех изведет до смерти.

— Есть будешь? — поинтересовался Кавун.

— Угощаешь? — спросил я, немного успокоившись.

— Угостил бы, да нечем. Каждый ест свое, а я съем твое! Ха-ха. Завтра подъем в пять утра, и в пять тридцать мы уже будем там, откуда ты сейчас драпал. Штурм укрепрайона в шесть тридцать, по холодку.

— Вот по холодку нам и наваляют, и остывать телам долго не придется.

К нам подтянулись остальные офицеры роты, и после короткого инструктажа командир роты приказал:

— Треть солдат на охранение, смена через два часа, от взвода по посту, офицерам распределиться для проверки. Заменщики, то есть я, отдыхают. Отбой! Замполит может спать в моем СПСе. Сегодняшним боем ты эту честь заслужил.

Мы полезли через камни, выстроенные кольцом, руками неумелого солдата, и наше укрытие тотчас рассыпалось, завалив спальный мешок Кавуна.

— Балбес, который это сооружение построил, живо ко мне!

Из темноты показалась фигура солдата. Не солдат, а грязное привидение. Эх! Опять это Витька Свекольников! Этот молодой солдат-первогодок, прибывший только два месяца назад из Союза, был не солдат, а ходячее недоразумение.

— Я, товарищ капитан, строил, строил, оно качалось, но я старался, честное слово, — виновато произнес он.

— Я, да я! головка от патефона!

— Свекольников, почему опять такой грязный? — грозно насупил я.

— Да вчера мылся. — Вечная виноватая улыбка не сходила с лица солдата. — Это сажа налипла, когда чай варил на костре, да пыль.

— Чай варил, как будто тобой чай варили!

— Свекольников, мы пойдем, чай в первом взводе попьем, а ты все восстанови, да чтоб ночью нас не прибило. Сильно устал? — посочувствовал Кавун.

— Есть немножко! — вздохнул Витька.

— В общем, строить нам дом и ложиться спать возле нас! Ты себе тоже создай укрытие. А Дубино скажи, что освобождаю от охранения; будешь на связи. Охранять ночью нас будешь. Если меня «духи» ночью уволочут — вернусь, тебе яйца отрежу. Понял?

— Понял, — широко заулыбался Свекольников.

В темноте блестели зубы и глаза, а что лицо чумазое, заметно было даже в темноте. Лицо чернее черной ночи, а ведь не негр! Да, война в горах — не сахар. Воды — в обрез, на трое суток две-три фляги, и этой водой не помоешься. К нашему сухпайку в последнее время стали давать гигиенические салфетки, которые пахли спиртом и одеколоном. Одной из них можно протереть лицо, шею, пошоркать руки. Лицо ототрешь, а руки — чисто символически. Зубы не почистишь, это можно сделать, лишь когда к технике спустишься. Вот тогда и помоешься и попьешь вволю.

В первом взводе у костерка, спрятавшись за камнями, сидели два узбека и кипятили в чайничке воду. Он был маленький, на литр кипятка, взятый в каком-то кишлаке, и давно весь покрылся сажей толщиной в палец. Вода уже закипела. Солдаты о чем-то разговаривали на родном языке.

— Ну что, бабаи, согрели чай? Чего молчим? Заварку покруче навести — и все свободны! Разводите свои «хала-бала» во сне!

Улыбки стерлись с лица. Якубов-маленький разлил жидкость по кружкам и уже хотел уходить, но ротный остановил его, схватив за рукав.

— Якубов! Ты почему все время волком глядишь? Глаза у тебя недобрые, взгляд мне твой не нравится! Подобрей, или сгною в нарядах!

— По-рюски не понимай, капитан! — ответил тот и, закинув за спину автомат, заковылял в темноту.

— Вот и пойми их: о чем говорили — не поймешь, глядит волчонком, в глазах — неприязнь. Прижмешь — улыбается, а отвернешься — жди нож в спину. «Узбекская мафия» в роте сильна. Нужно ее искоренять, а у меня замена на носу. Так что это твои заботы, и будут заботами нового ротного. Я и так уже в Афгане пересидел, переслужил, — выдал глубоко-мысленно ротный.

— Ваня, не все они — гнусы. Вон Якубов-большой, которого Гурбонном зовут — отличный боец, Рахмонов — хороший механик, — слабо возразил я.

Это было чисто символическое возражение. Мусульмане, за исключением таджиков, воевать не любили и не хотели. Чай погонять, плов сварить, мясо пожарить — это они любят, а воевать — нет. Да и война со своими — единоверцами, им тем более была неприятна. Вот если б где-нибудь в Европе против «бледнолицых», может, все было бы по-другому, но и то вряд ли. Не солдаты они, хлопкоробы.

— Узбек — не солдат, узбек — дехканин, — подытожил Кавун. — У меня в роте, когда я стоял на посту, на дороге, такой случай был. Ночью «духи» поперели на выносной пост. Сержант-узбек побежал, и все остальные узбеки побежали. Их на склоне потом духи и перестреляли. А за пулеметом остался русский солдат. Он и бился до последнего патрона, и подорвал себя последней гранатой. Но если б все отстреливались, то «духи» бы не подобралась даже к посту. Все бы выжили. Вспомни, в Бамиане кто струсил? Хайтбаев! Как шакал, ползал, скулил. А ведь сержант! Кто сбегал от Острогина? Хафизов! А ведь у него был пулемет! А с пулеметом Сергей ту высоту бы удержал. Таджики — это бойцы, настоящие солдаты. Вон, «братья-мусульмане»: что Зибоев, что Мурзаилов — это настоящие орлы! А узбек — не солдат. Русский царь где их всегда использовал? В трудовой армии: окопы рыть, дороги строить. А у нас их в роте тридцать процентов, а всего мусульманского «интернационала» процентов шестьдесят. Вот и бьемся: офицеры, зам комвзвода да несколько солдат. Хорошо, не бегут и в спину не стреляют, и то ладно. Да, к сожалению, они нас, русских, не любят.

— Ваня, ты ж украинец? — засмеялся я.

— Я не украинец, повторяю, а хохол! Разницу уже знаешь? Нет еще? У Подорожника не спросил? Я тебе уже ведь говорил. Расскажет, поинтересуйся, — вновь рассмеялся ротный. — Ладно, давай пить чай. А все очень просто: украинец — живет на Украине, а хохол — там, где лучше.

Чай был отменный, хорошо заварен. Откуда-то взяли пара лепешек и сахар.

— Вот видишь: чай, лепешки сделали — мастера. Передвижная чай-хана. А воевать — это не они, — с грустью закончил ротный.

Чай в горах на свежем воздухе, под звездами, когда нет изнуряющей жары, обдувает легкий прохладный ветерок — это верх блаженства. Да если он заварен мастерски, да еще настоящий, а не помой, то так бы всю ночь сидел и пил. И лепешки были хороши. Теплые камни грели тело, вытянутые ноги сильно гудели. Шесть часов отдохнут мои конечности, а завтра вновь их разбивать и стаптывать. Сколько придется пройти, никто не знает. Пройти-то что, а вот штурмовать мощный укрепрайон, где несколько пулеметов — вот где беда!

— Ваня, какие сегодня потери были в батальоне? — спросил я с уныло.

— У нас в роте, сам знаешь, никаких, а в разведроте и у десантуры имеются. У разведчиков — один убит и трое ранено. В третьей роте тоже троих зацепило, в разведзвезде зацепило одного, один ранен во взводе связи. Еще нашу вертушку сбили и штурмовик повредили.

— Я в бинокль наблюдал, как штурмовик заходил на бомбометание, а «дух» даже не прячется, а стоит и стреляет в упор из ДПШ. Там сзади пещерка, он на минуту скроется, а как самолет пролетает над укреплениями, выбегает и вслед — очередь за очередью.

— В этих Черных горах за месяц уже четыре летательных аппарата сбили, вот нас и притащили сюда! Жуткие места. Граница с Пакистаном рядом. Оружие и боеприпасы в Афганистан рекой текут, не экономят. Караван приходит за караваном.

— Как думаешь, возьмем завтра высоту? Или опять поползаем под ней и отойдем.

— Думаю, поверь моему опыту заменщика, ловить им нечего. Мы сегодня их крепко обложили, вокруг по всем высоткам сидим, они, не будь дураками, ночью по распадку уйдут к границе. Чего им упираться? Свое дело «духи» сделали, нам вломили по первое число. Не дураки они, отступят! Хотя всякое может быть. Вот если не уйдут, то завтра будет еще та «мясорубка». Эх! Где ты, замена? Заменщик! Сволочь! Где ты? — с тоской в голосе закончил свою речь командир.

Вернувшись, мы услышали сопение связиста.

— Свекольников, кто на связи? — грозно рявкнул ротный.

— Я! Связь нормальная, все в порядке, — забормотал испуганный солдат.

— Ты же спал, храпел? — удивился я. — Как ты что-то слушал?

— Да нет, у меня же наушник на ухе, я все слышу. Я чуткий.

— Ну ладно, «чуткое ухо»! Завалишь связь с комбатом — вешайся, чумазый! — пригрозил, шутя, капитан и полез в спальный мешок.

Я снял кроссовки, сунул их к входу из укрытия, нагрудник развязал и положил под голову, а автомат — под руку.

— Скорпионы, кыш отсюда! — шутливо сказал Иван и быстро захрапел.

Сон сразу пропал. Зачем он их упомянул? Я этих тварей страшно бо-

юсь. Ладно, пуля или осколок — это война, но умереть от укуса дурацкого скорпиона! Бр-р-р-р.

— Свекольников, скорпионов боишься? — поинтересовался я шепотом, поворочавшись с полчаса.

— Боюсь, конечно, но вроде не слышно, чтоб ползали, — ответил солдат.

— Чудик! Как ты их услышишь. Они ж не слоны, чтоб топать, это же насекомые!

Солдат коротко хохотнул и замолчал.

— Витька, — продолжил я воспитательную беседу, — как ты в Афган попал? Отец — профессор, мать — директор школы... Что же не отмазали от войны-то?

— Да они и не знают. Я им письма якобы из Забайкалья пишу. Родители думают, что я в Монголии служу. У матери сердце слабое, она не выдержит, а мне очень хотелось себя испытать, проверить характер. Мир хотел поглядеть.

— Испытал? Проверил? Ты такой же придурок, как и я, только званием пониже. Второй доброволец в роте.

— Нет, я не придурок, я по жизни романтик, — возразил солдат.

— Вот-вот, и я романтик, только романтика наша смертью пахнет. И говном! Всю высоту засрала за три часа. Чуешь, как воняет?

Свекольников прыснул и, не сдержавшись, громко засмеялся. Кавун открыл глаза и покрыл нас матом.

— Эй, романтики хреновы! Спать мешаете старому воину. Лейтенант, валяй проверять посты, а ты, чумазый, слушай свою шарманку и, не дай бог, заснешь! — И, сладко потянувшись, он продолжил смотреть свои сны заменщика.

Ну вот, провел воспитательную работу, поговорил по душам с солдатом и доболтался. Я нехотя собрался и побрел по вершине по взводам. Один за другим меня окликнули все четыре поста. Тревожно вглядываясь в темноту, солдаты стерегли покой роты. Я расспросил всех, кто кого меняет, на всякий случай. «Старики» не любят стоять в охране, гоняют за себя молодежь. Не проконтролируешь, так они на всю ночь поставят салагу, а он возьмет и заснет. Вырежут всех, в том числе и того лентяя, который сачкует, но разве ж объяснишь это ленивому узбеку или «старикку». Все мы надеемся на наше русское «авось».

Ветерок приносил не только бодрость, но и тревогу. Время от времени по укрепрайону били «Грады», вели огонь артиллерийские орудия. Иногда часовые давали от испуга очередь в темноту, тогда вспыхивали ракеты, раздавался треск нескольких очередей, и, наконец, все стихало.

«Духи» себя не обнаруживают, их позиции как вымерли. Зализывают раны. Что-то будет завтра?

Растолкав Острогина и напомнив ему про очередь на дежурство, я осторожно, чтоб не наступить на какого-нибудь ленивого бойца, не постоившего себе укрытие, побрел спать.

Свекольников опять дремал, но не спал. Болтать уже не хотелось. Руки, ноги и спина требовали отдыха, а голова — хорошего сна...

* * *

Подъем начался раньше, чем мы ожидали. Утренний воздух был довольно прохладным, конечно, ведь уже ноябрь. От холода изо рта шел пар, воспалившееся горло побаливало, спальник покрылся росой, а на камнях проступил даже иней.

Ротный неласково пихал меня в левый бок ногой и торопил.

— «Духи» по наблюдению вроде ушли, идем чесать местность, разведка уже спустилась. Поднимать роту — быстро! На сборы пятнадцать минут! Офицеры — ко мне!

Наскоро поставив нам задачу, Кавун сориентировал офицеров по карте. Через пятнадцать минут вершина была пуста, и бойцы цепочкой поползли на плато. Пока подразделения добрались до укрепления «духов», разведчики и саперы уже осматривали высоту.

Засохшей крови и окровавленных бинтов было очень много, но ни живых, ни раненых, ни убитых мятежников не нашли.

— С собой, как и мы, всех тащат, — уважительно сказал капитан Кавун. — Видишь, Ник, законы войны у нас с ними одинаковые. Никого не бросили! Трупы куда-то забрали, схоронили.

Действительно, мертвых они унесли, а оружие не смогли, бросили. На вершине осталось несколько пулеметов, безоткатное орудие, миномет, много боеприпасов.

Вскоре на вершину поднялась группа управления полка. Толстый, пыхтящий командир полка, забравшись наверх, с ходу выпил полфляжки воды. Пухлые щеки и губы Филатова тряслись от напряжения. «Батя» был командиром, уважаемым всеми офицерами и солдатами, но наблюдать его передвижения по горам было очень весело. Кроме автомата, остальное имущество таскал здоровенный сержант-ординарец Леха. Мы ему искренне сочувствовали. Следом выполз замполит полка, это тоже мужик не худенький, и внешне похожий на пончик с губами-пельменями. За четыре месяца он в первый раз выбрался на боевые, наверное, пошел за орденом.

Штабные с удовольствием фотографировались у трофеев. В это время комбату и ротным начали ставить новые задачи. Замполит полка и пропагандист собрали всех ротных замполитов и принялись нести всякую чушь.

Ну какой, к дьяволу, может быть боевой листок, идущий по рукам от взвода к взводу, или комсомольские собрания во взводах на какую-то за-

умную тему. Политические вожди в перерывах между боями ставили нам задачи по спецпропаганде и идеологии и, наверное, сами не верили в их необходимость. Но говорили эту чушь, потому что получили приказ от вышестоящих «умников».

В это время вся вершина, облепленная солдатами, уже зашевелилась, и полк двинулся в путь. Командир полка обматерил Золотарева за долгую болтовню, и мы радостно побежали по своим ротам. Погрузка на вертолеты осуществлялась в километре отсюда, на следующем хребте. Десантные батальоны уже выдвинулись туда. Трофеи распределили по ротам, и солдаты потащили их, как волокут муравьи добычу к муравейнику. Боеприпасы сложили в штабель, и саперы, уходя последними, все это добро подорвали. Неунывающий командир взвода саперов старлей Игорь Шипилов опять оставался в замыкании со своими подчиненными. Мы пожелали друг другу удачи, обменялись крепким рукопожатием и разошлись. Сапером предстояло заминировать район, понаставить ловушек и сюрпризов.

Через час вертолетчики перебросили всех на следующую задачу, поближе к границе. Взвод Пшенкина ротный отправил к распадку на скалистую вершину, взвод Острогина расположился на склоне горы, а управление роты разместилось на вершине. Командир оставил меня при себе.

На изогнутой высоте находились когда-то давным-давно возведенные «духовские» укрепления. Строить новые было лень, сапер проверил шупом наличие сюрпризов, и солдаты радостно их заняли. «Привязываясь» к карте, Кавун и минометчик поспорили, где мы находимся, и, в конце концов, сориентировались. Ориентирование в горах и пустыне — сложнейшее дело! По нашим прикидкам получалось — высадили совсем не там. Командир доложил комбату и его заместителю Лонгинову, который действовал с третьей ротой.

— Артиллерист, доложи-ка своим «стволам», где мы сейчас, — приказал Кавун минометчику.

— Товарищ капитан! Что я буду лезть сейчас в эфир, начальник артиллерии занят, да и он наверняка знает, где мы находимся, — ответил лейтенант Радионов.

Его вместе с расчетом миномета придали роте, и он «загорал» на высотке вместе с нами. Лентяй! Корректировщик хренов!

Внизу ущелья стояло какое-то жилище. Довольно высокие стены окружали большой дом: через такой дувал без лестницы не перелезть. Во дворе гуляла скотина, на каменных террасах что-то росло. Вдоль ущелья пролетала пара вертолетов. Когда они промчались над этими хижинами, со двора им вслед вдруг раздалась длинная автоматная очередь. Придурок какой-то. Совсем очумел, наверное, от одиночества. Страх потерял? Или тут край непуганых идиотов?

— Валерка! Бабахни из миномета по этой хибаре, а то они там охренели от веселой жизни! — скомандовал командир.

Но еще до того, как миномет начал стрелять, «крокодилы» вернулись. Пролетая на бреющем полете, вертолетчики выпустили несколько ракет во двор и по его окрестностям. Снайперы! Все ракеты — в точку. Крыша дома загорелась, а со двора больше не стреляли. Вместо ответной стрельбы раздался дикий женский крик. Крик и вой нескольких голосов нарушили тишину, наступившую после ухода вертолетов. Крыши дома и сарая, а также сено во дворе с треском горели, а женские рыдания перешли в дикую истерику.

— Ну вот, теперь стрелять из миномета не нужно! — глубокомысленно изрек Кавун. — А жаль, мины придется тащить на себе, если, конечно, позже не расстреляем.

Иван был сильно озадачен происшедшим. В доме, оказалось, были женщины и дети. Жители, видимо, не успели уйти. Батальон высадился внезапно, территория мятежная, а наших в этом районе, может, никогда и не было. Старые пустые консервные банки нигде не валялись, говоря об отсутствии «шурави». Гора чистая, незагаженная, но это ненадолго. Скоро этот «недостаток» будет исправлен. Пустые ржавые банки — первый признак присутствия «шурави».

— Чего он стрелял, идиот? Ушел бы, как стемнело. Мы к дому, может, и не спустились бы. Задачи на прочесывание долины пока не установили, — задумчиво проговорил Ваня, почесав рыжую бороду.

— Эх! Дал мужик сгоряча очередь из автомата, теперь ни его самого, ни жилища. Скотина дохлая по всему двору лежит, и все вокруг горит! Чем думал человек? — согласился с ним я. — Рядом целая толпа солдат, а он чудака стреляет! Дурак? Фанатик?

Слегка перекусив, попили чаю, курящие закурили. Я даже на войне не желал начинать курить. Хотя, когда приехал, все курящие говорили — тут закуришь. Но, глядя, как в конце боевых, когда кончаются сигареты, «курилки» начинают из окурков мастерить самокрутки — мне становилось противно. Солдаты собирали «бычки», закручивали собранный табак в газету или в какую-нибудь бумажку, затягивались по очереди. Офицеры стреляли друг у друга курево, курили на двоих-троих одну сигарету. Мучились, бедолаги, без табака, стонали, скрипели зубами, матерились. Ну уж нет! Обойдусь без этого счастья. К тому же чистые легкие, когда много ходишь по горам, работают гораздо лучше.

Мы с Кавуном легли в лучший СПС. Стены в нем были выложены в два камня толщиной — сделаны душманами на совесть. Бойцы, кому достались места, легли в старые укрытия. Молодые построили для себя пару укреплений. Человек шесть самых ленивых узбеков легли вповалку в лощинке и о чем-то болтали.

— Эй, лентяи, прекратить свои «хала-бала»! — прикрикнул Кавун. — Спать мешаете, бабай, шайтан вас поберит!

Болтовня прекратилась, слышно было негромкое шипение нашей радиостанции и радиостанции арткарректировщика. Укрытие для ночлега напоминало небольшой колодец. Черное звездное небо над головой — черную дыру. Ветер не проникал сквозь толстые каменные стены. В ущелье давно догорели сено и дом. Выла собака. Женщина продолжала рыдать, но уже гораздо менее истерично. Грусть... Тоска...

* * *

Рано утром сон улетел со скоростью падающих на нас снарядов. Вокруг укрытий горела трава, разрывы вздымались осколками густо по всему плато. Шрапнель свистела в воздухе, с шипением и визгом врзалась в толстые стены СПСа. Спустя пять минут новый, еще более жуткий удар: нас накрыли залпы «Градов».

Казалось, вспыхнула и загорелась земля. Антенну радиостанции перебило осколками, ее верхнее колено упало на мою голову. Земля под нами тряслась и вздрагивала, как живая, от новых и новых разрывов. Но это ведь бьют не «духи» и не пакистанцы, это наши «боги войны» сеют вокруг смерть!

— Болван артиллерийский, убью! Скорей, выходи на КП артиллерии, пусть прекратят стрельбу! — закричал Кавун Радионову.

Минут десять еще падали снаряды, потом огонь затих. Видно, разобрались и поверили нашему артиллеристу, что бьют не туда. Мы вылезли из укрытия и провели переключку: никто не убит и не ранен. Обалдеть! Во взводе Пшенкина все целы, хотя его вершина полностью выгорела. К счастью, узбеки успели выскочить из открытой ложины и забиться кто куда по укрытиям. Высота, где ночевала третья рота, горела, как и наша. Оттуда по связи матерился зам комбата. На Радионова сыпались все шишки.

Командир полка отборно матерился со штабными из дивизии, комбат ругался с полковыми артиллеристами, в эфире стоял сплошной мат. Счастье, что мы не погибли, никого не ранило, не убило. Ни я, ни ротный не могли в это чудо поверить. Мы сидели на стене укрепления, которое нас спасло, и благодарили Аллаха и «духов» за крепкую постройку. Все сухие колючки догорели. Солнце взошло и принялось припекать. Тут в небе появилась пара штурмовиков. Я с интересом и тревогой наблюдал за их приближением. Внезапно самолеты вошли в пике.

— Ложись, — заорал капитан Кавун, и все бойцы рухнули за каменные стены. Две бомбы взорвались между нашей и третьей ротой. Осколки вновь ударили по валунам.

— Козлы, ишаки, мудаки чертовы, — стонал от злости Иван, теребя рыжую бородку.

В воздух взлетели сигнальные ракеты, все взводы зажгли дымы и огни. Штурмовики развернулись и возвратились на второй заход. Каждый из солдат запустил по ракете, получился настоящий фейерверк: жить хочется всем. Самолеты еще покружили чуть-чуть, поверили, что мы — свои, и, помахав крыльями, улетели.

В это время в небе зависли две пары вертолетов. «Крокодилы» прилетели. Это было уже чересчур!

— Они что, все охренели там?! — заорал Кавун. Капитан выхватил радиостанцию у перепуганного связиста. — Уберите вертолеты, они опять заходят на штурмовку!

Четыре «Ми-24» встали в карусель, немного покружили, наблюдая за нашими дымами и ракетами, а потом улетели. И опять — удача! Бомбы штурмовиков никого не зацепили.

— Не поймешь: то ли нам повезло, то ли бомбить не умеют, — сказал, улыбаясь, Острогин, подходя к ротному. — Артиллеристы все вокруг перепыхали, но ни одного прямого попадания. Даже стены не завалило! — продолжил смеяться он.

— Вот и верь после этого в эффективность бомбометания и артналетов по мятежникам! — улыбнулся в ответ Кавун.

Трава и колючки вокруг нас понемногу догорели, ветер погнал огонь вниз по склону. Каменные островки укрытий резко выделялись на этом пепелище. Продолжалась свистопляска по радиосвязи. Командиры всех рангов запрашивали данные о потерях, мы отвечали об отсутствии таковых, нам не верили, переспрашивали. Замполиты узнавали о потерях, о моральном состоянии, тоже не верили в отсутствие жертв.

Пехота ругалась с артиллерией и авиацией, артиллерия ругала своих корректировщиков в ротах и батальонах. Авиация спрашивала: как мы там оказались, мы отвечали, что они нас тут и высадили. Авиация уточняла позиции пехоты, пехота материла авиацию. Перепалка не прекращалась. Приказ на прочесывание местности так и не поступил, а день клонился к завершению. По-прежнему оставалось только вести наблюдение. Это означало: есть, дремать, охранять себя. Сутки завершились распоряжением усилить наблюдение, выставить посты и быть готовыми к прорыву мятежников. Так и пролежали пять дней.

* * *

Однажды утром, еще в предрассветных сумерках, поступил приказ на пеший выход. Авиация, наверное, обиделась на оскорбления за бомбежку, и вертолеты снимать полк с этих далеких и высоких гор так и не прилетели. Выходить самим — это тяжелейший переход. Тридцать километров по горам! А это спуски, обрывы и крутые подъемы. Быстро позавтракали,

собрали спальники, уложили по мешкам боеприпасы, остатки пайка. Воды почти не было, так как спуститься за водой нам не разрешило командование. Может, по дороге что-то попадет: родник или ручей. Наша первая рота уходила в замыкании полковой группы. Переход обещал быть ужасным, потому что боеприпасы к тяжелому вооружению почти не расстреляны.

Постепенно взводы вытянулись в цепочки, цепочки взводов растянулись в роту. Солдаты запыхтели и потащили все, что сюда привезли с комфортом на вертолетах. Солнце постепенно вышло из-за вершин в зенит. Промежуток между ночной прохладой и пеклом — считанные минуты. Мы шли медленно, второй час в движении, а наша высокая гора, где мы провели несколько дней, еще не скрылась из виду. Вдруг в ущелье бойцы заметили группу местных жителей: это были двое мужчин и четыре женщины с детьми. Ротный позвал Мурзаилова.

— Ну-ка, брат-мусульманин, останови аборигенов, оклики на фарси!

Пулеметчик по-таджикски что-то крикнул, женщины присели, сбившись в стайку, как напуганные птицы. Мужчины громко заверещали в ответ.

— Что они говорят? — спросил Кавун.

— Они говорят, командыр, что они — мирный, идет с женами домой.

— Пшенкин! Спустись с двумя солдатами, проверь их на наличие оружия. Если все нормально — мужиков к нам наверх, будут станочки пулеметные нести. А их женщины пусть идут домой или тут ждут. Но будь осторожен, чтоб под паранджой не оказались бородастые рожи.

Рота заняла оборону, молодежь радовалась передышке. Воды давно не было ни у кого. Если солнце не ослабит свое жжение, у кого-нибудь может случиться тепловой удар. Я двигался в замыкании и подгонял более слабых. Мне, конечно, гораздо легче идти. Ни бронежилета, ни каски, ни мин, ни пулеметных лент. Моя «муха» давно расстреляна, продукты кончились, воды нет. Только свой спальник тащу да боеприпасы.

Я год до Афгана служил в Туркмении и Узбекистане, много лет жил в Киргизии, но к такой жаре все равно трудно привыкнуть. Чувствовал себя скверно. А каково же этим молодым пацанам, особенно из центра России? На почерневших от солнца и грязи лицах, там, где текли по щекам капельки пота, оставались светлые бороздки. Глубоко запавшие глаза, включенные волосы, лица перекошены гримасами страдания и усталости. Такое вот лицо усталого русского, да и не русского солдата. Грустно. Кто сэкономил папироску, принялся курить и переругиваться со «стрелками» окурков.

Да! Видок у нас у всех аховый... Оборванцы! Вон, Колесников скатился по камням, теперь идет практически без брюк, задница прикрыта рваными кусками ткани. То-то достанется в полку от армянина-старшины.

Вероян, конечно, поорет для приличия, но оденет. А куда денешься? Сфотографировать бы солдата таким, какой он есть на самом деле, да в цветной военный журнал «Советский воин» — в раздел «Тяготы войны», но кто ж такой снимок напечатает? А солдат выглядит очень живописно: снайперская винтовка, пулеметная лента сверху вещмешка, снизу болтается привязанная мина к миномету, и... почти голый исцарапанный в кровь солдатский зад.

Вскоре привели местных мужиков, они шли не сопротивляясь.

— Все нормально, командир. Местные с женами домой возвращаются, — доложил Пшенкин.

— Зачем идут и откуда? Наверное, душманы? — улыбаясь, недобро спросил ротный.

— Нист, нист, душман, — забормотал испуганно один из афганцев.

— Конечно, нет, кто ж признается, — согласился капитан. — Объясни ему, Мурзаилов, мы их не тронем, пусть только помогут нести станок от пулемета, а потом отпустим домой с миром.

Афганцы выслушали пулеметчика и выглядели обреченно. Нам не верили, но что они могли сделать. Не откажешься. Одеты они были в видавшие виды халаты, сандалии на босу ногу, грязные шаровары и такие же чалмы на головах. По лицу возраст их не определишь — тридцать лет или пятьдесят, не понять. Взвалили они на себя пулеметные станки и, улыбаясь, с надеждой смотрели нам в глаза: не убили сразу, жен не тронули, может, отпустят живыми?

* * *

— Рота, подъем! Вперед! — скомандовал Кавун.

Взводные и зам комвзвода принялись подгонять солдат. Особо и подгонять не нужно, все понимают, спасение в быстром отступлении на броню. Сзади своих нет никого, и с воздуха никто не прикрывает, и батальон ушел далеко вперед.

Ну что же, передохнули, перекусили, перекурили. До чего ж тяжело поднимать измученное тело с земли, когда на тебе имущество весом, почти что равным твоему собственному. Особенно сочувствовал тем, кто несет «Утес», АГС или миномет. Но минометчики все же по очереди несут свою дурацкую трубу. И до чего же каторжный труд в гранатометно-пулеметном взводе! Сочувствую, но ничем не могу помочь...

Запытели, поднапряглись — встали, сдвинулись и пошли быстрее, быстрее, быстрее. Даже порой бежим трусцой на полусогнутых ногах по крутым спускам. Так и идем.

Вскоре Острогин заметил в бинокльдвигающуюся за нами на большом расстоянии группу моджахедов. Командир роты приказал артилле-

ристу поставить миномет и придержать преследователей. Откуда они взялись? Видно, давно следили за нами. Они у себя дома, а мы на вражеской территории, как оккупанты. Миномет выплюнул несколько мин, и противник залег за камнями. Видимый противник опасен, но не так, как невидимый. Главное — не нарваться на засаду.

Бойцы роты, осознавая, что нас преследуют, заметно прибавили ходу, не желая отставать друг от друга. А мне опять ползти сзади с выдохшимися, тянуть, подгонять, помогать. И тут выдохся этот коротышка пулеметчик. Как я его ненавидел в эти часы отступления! Чертов недоросль, маломрок в больших сапогах...

...Уже когда мы форсировали речку и окончательно оторвались от «духов», рота сбавила беспорядочный бег на шаг. Хотя скорей это они нас отпустили: не хотели вступать в бой. «Уходят, ну и уходите, Аллах с вами», — думают, наверное, бородатые мятежники.

Горы стали пониже, лагерь с техникой полка все ближе и ближе. Командир объявил привал и подозвал офицеров:

— Ребята! Афганцев отпускаем, пусть топают к женам, а то они истонались. Детей куча и одеты бедно, может, и правда, они мирные крестьяне. Вообще-то — бедные-то они бедные, а жен по две-четыре на каждого. Вот халява, разлюли малина. Мне б так.

— Не справишься, — засмеялся я, — ты же после гепатита, наверное, и с одной не сладишь.

— Но-но, «зелень», не смей думать плохо о начальстве! — улыбнулся мечтательно Кавун. — Ислам, что ли, принять, есть хорошие моменты в их религии. Хватит болтать, «бачи» свободны, а то увидит какой-нибудь начальник из штабных, что носильщики-афганцы пулеметы тащат, так нас затрахает, спасу не будет!

— Или чего доброго их какой-нибудь болван контуженый застрелит, — поддержал я.

Командир гранатометно-пулеметного взвода Голубев неодобрительно посмотрел на нас и, сплюнув, произнес:

— Лучше бы шлепнуть. Все они «духи»!

— Вот видишь, зам! Контуженый Голубев говорит шлепнуть, а там, на позициях дивизии, контуженых точно будет гораздо больше. Эй, идите сюда! «Буру бача!» «Замполь», дай им пинка под зад, пусть бегут быстрее, не будем брать грех на душу, пусть живут.

Я через переводчика таджика объяснил старшему мужику о решении командира. Что тут началось! Афганцы бросились целовать мне руки и благодарить добрых солдат, офицеров, восхвалять Аллаха. Затем, осмелев, более старый принялся мне что-то толковать, показывая на свою руку и стуча по моим наручным часам.

— Мурзаилов! Что он хочет? — спросил я солдата.

— Да, все нормально! Ничего страшного, часы свои просит, обратно чтоб отдали.

— А кто забрал, ты, «абрек»? — грозно спросил я у переводчика.

— Нет, не я, — отвернулся, насупившись, он.

— А кто? — продолжал я допрос, хотя краем глаза заметил, что один из сержантов снял с руки часы и положил их в карман.

— Худайбердыев! Ко мне! Вытащи то, что сейчас в кармане спрятал.

— Нет ничего там, товарищ лейтенант!

По бегаящим глазам было видно, что врет. Понятно, пока абориген помогал ему тащить станок, этот сержант у него часы стянул. Я сунул руку в карман сержантских брюк и вынул хорошие японские часы «Seiko». Сержант злобно посмотрел на меня, что-то пробормотал про «дембель».

— Сгною, гад, за мародерство, а главное — за твой злобный взгляд и вранье. Ну-ка, быстро схватил станок пулемета и вперед.

— У, сволочь! Он еще в нас стрелять будет. Посмотрите. Застрелить его надо, — прорычал сержант.

— Ага, а часы тебе как трофеей вернуть надо. За часы человека готов убить?

— Они все не люди, а «духи»! Ничего, еще жизнь вас тут попинает. Скоро изменишься, лейтенант, — прошипел сержант и побрел, согнувшись под тяжестью станка.

— Вот подумай-ка. Казах, мусульманин, а единоверца готов за паршивые часы расстрелять. Хлопнуть человека, как назойливую муху. Ведь дома в мирное время, наверное, и мысли такие б не возникли в его голове. Что сделала война с людьми!

Сзади на почтительном расстоянии, которое постепенно сокращалось, передвигалась группа «духов». Артиллерию после ошибочного обстрела ротный вызывать побоялся. «Духи», может, не догонят, а свои точно снарядами завалят.

* * *

Мы сидели вместе с Пшенкиным на башне и жевали галеты, заедая апельсинами. «Броня» разворовала склад с апельсинами. Когда техника стояла в саду, то бойцы неожиданно заметили ящики с апельсинами. Они живо загрузили ими все десанты и кабины. Охранял склад только один сторож. Он выстрелил в воздух из ружья, а в ответ раздалась очередь из автоматической пушки. Больше он не появлялся. Пропал урожай.

Потом неделю, пока мы лазили по горам, тыловые и технари жрали апельсины и дристалы. Вот теперь десяток этих апельсинов катался в корбке возле пулемета на нашей башне.

— Сашка! А как ты попал к нам? Ты ведь в третьем батальоне служил.

— Почему служил, я к вам на один рейд. Случайно загребли, в наказание. Сволочи, стукачи заложили. Катьку-пулеметчицу помнишь, застал?

— Ну помню. Когда приехал, то пили вместе за одним столом с замениками. Она тогда сидела, пила, плясала, орала. Чокнутая баба!

— Вот-вот. Я в сентябре из отпуска приехал, ну с ней и переспал. На заставу вернулся, оказалось, триппер подхватил. Лечиться там, на посту, нереально, пост-то далеко на дороге, вот комбат и отправил в полк. Я уже выздоровел, а тут как-то пьяный сидел у женского модуля и попался на глаза начальнику штаба Ошуеву. Наш герой меня и загреб. Выбирай: или гарнизонная гауптвахта, или взводным в рейд в вашу первую роту. Чего я на гауптвахте забыл? И надо же было вашему Корнилову ноги повредить. Черт! Устал я с вами, совсем устал. Приедем домой, сразу вернусь на родную заставу. Начальства — никого, тишина, спокойствие. Ешь, спишь и дни до замены считаешь. Ты только про триппер — никому! Хорошо?

— Значит, не останешься у нас?

— Нет-нет. Спасибо за такое счастье. Вы тут сами загибайтесь. Жаль, что Катька уехала, я ей даже морду набить не успел. Зараза ходячая!

Я только весело засмеялся, слегка сочувствуя несчастью Пшенкина.

Капитан Кавун принес большой мешок с трофейными апельсинами в нашу комнату и строго-настрого мне приказал:

— Витаминчики не трогать! Это мне для поправки здоровья!

— А как же дружба и войсковое товарищество? — возмутился я. — Где доля заместителей?

— Да никак! Тебе, «замполь», один, нет, даже два апельсина в день выделяю! И то как некурящему. А бухарик Грошиков и водкой обойдется.

Я, конечно, не удержался, и самостоятельно, в два раза увеличил точную норму апельсинового довольствия.

— Что-то резерв фруктов быстро сокращается. Грабишь? — поинтересовался Иван спустя несколько дней, явно что-то подозревая.

— Как можно? Просто помогаю заменить. С последним съеденным тобою апельсином прибудет сменщик! Я тебе это обещаю.

— Так какого же черта ты их за день не сожрал?

Я доел апельсины, и он действительно вскоре уехал домой. Без замены. Где-то затерялся его сменщик. Замену ему нашли в батальоне в лице старшего лейтенанта Сбитнева. На мое горе комбатом окончательно утвердили Подорожника, и Василий Иванович начал поедом меня кушать и с аппетитом и в отсутствие оного! А за что? Кто знает...

Глава 9

Партийная конференция, или Крепчающий маразм...

Начался декабрь. Перерыв между боевыми несколько затянулся. После второго похода на Джелалабад мы накрепко засели в полку. Для дивизии были дела поважнее. Особенно важные дела у нашего полка: дивизионная партийная конференция. В ходе этой конференции предстояли выборы партийной комиссии, и показуха развернулась не на шутку.

Каждый день солдаты выпускали то стенгазеты, то сатирические «молнии», то боевые листки. Все эти опусы мы приносили в штаб на рецензию и проверку пропагандисту, секретарю парткома, обоим замполитам.

Переписывали и вновь создавали партийную и комсомольскую документацию. Одновременно обновляли ленинские комнаты, изготовили новые походные ленкомнаты на плащ-палатках (палатки при этом дырявились, что очень бесило старшин в ротках). На территории полка нагромождали щиты наглядной агитации, строили аллею героев. Красили заборы, бордюры, казармы, штаб, клуб, размечали плац, белили деревья.

За два дня был возведен обновленный постамент, на который водрузили другую бронемашину, недавно списанную БМП-2, отреставрировали на плацу просторную трибуну. Офицеры, прапорщики и солдаты бегали как угорелые с шести утра и до двадцати четырех часов, а времени не хватало. Наша «помощь» приехала из штаба дивизии в виде группы новых проверяющих. Они усилили контроль за готовностью к работе партийного форума. На отчетно-выборную конференцию, шутка ли, приехал адмирал флота. Адмирал флота в песках Афганистана! Адмирал был не простой, а политический — первый зам начальника главы политуправления — вот как!

Спустя неделю бестолковой суеты и беготни под чутким руководством штаба дивизии нас «взбодрила» очередная группа офицеров, теперь из политуправления армии. Понаехали новые проверяющие и все забраковали. Ленинские комнаты, все газеты, все боевые листки забраковали, даже покраску заборов, казарм, мусорных бачков не признали качественной. Все началось заново, но еще более энергично, с привлечением дивизионных художников и писарей со всех полков. Еще через пару дней прибыла помощь в виде проверяющих офицеров из штаба округа! И вновь, даже сделанное-переделаное, все не так. Естественно, офицеры на совещаниях были выставлены бездельниками, лентяями, дилетантами, политически близорукими людьми, почти ревизионистами и оппортунистами.

Вскоре появился очень голенький майор, высокий, стройный, тщательно выбритый, чистенький — хлыщ. Кандидат на должность секретаря парткомиссии, если, конечно, его изберут коммунисты. Не подумал и сказал глупость! А кого же у нас не выбирают, если его предлагают и рекомендуют сверху. Альтернативы нет!

Этот тип начал ходить и командовать с утроенной энергией, накопленной во время учебы в академии. Мы уже всю наглядную агитацию переделывали по три раза. Но ведь полк не только этим занимался. Мы создавали всеобщую показуху. Столовые мыли и перемывали заново, казармы чистили и драили, постельное белье меняли и заменяли на новое, все кругом бесконечно красили и перекрашивали. Оружейные комнаты вылизали до блеска. Всюду бирки и на них — кто ответственный, чья казарма, курилка, мусорка, пожарный щит и т. д. А еще ротная документация, журналы боевой подготовки. Учет всего, что поддается и не поддается учету. Конспекты офицеров, конспекты солдат. А еще планы, таблицы, схемы, расписания занятий. Писари валились с ног, глаза у них были красными от бесконечных ночных бдений над бумагами. После нуля часов спать никто не ложился, и до середины ночи все были чем-то заняты. Это сумасшествие не прекращалось ни на минуту. Солдаты и офицеры мечтали о скорейшем выходе на боевые действия.

Наконец, подготовка вышла на финишную прямую. Сумасшедшая суeta трех недель подходила к своему апогею. Началась тренировка выступающих, написание плакатов для клуба, размещение походного магазина. Походный магазин — это большая палатка, в которой ставятся столы-прилавки для продажи дефицитов, и работает мини-кафе. Вот именно на меня эту задачу и повесили. К клубу привезли лагерную палатку, совсем новенькую. Командир дивизии, седой генерал Максимов, лично указал место, где ее установить, в какую сторону у нее будет вход, и напоследок благословил: «Действуй, сынок!»

Наши командиры бесились от бесконечного ожидания неминуемо приближающегося мероприятия. Но конференция все откладывалась — ждали адмирала, хотя по плану через пять дней после конференции выход на боевые.

* * *

Так вот, получил я новенькую палатку, получил столы, стулья, молодой ротный неохотно выделил восемь солдат.

— Знаешь, Ник, такое ощущение, что мы все в дурдоме. Рядом ведь наш дуكان (магазин) стоит в пятидесяти метрах. Зачем палатку снимать с хранения и портить?

— Сбитнев! Это, как нам сказал начальник политотдела, событие чрезвычайной политической значимости, а мы с тобой политически близоручие люди.

Володя, чтобы назначили ротным, недавно стал кандидатом в члены партии, поэтому как бывший разгильдяй высмеивал все «исторические

мероприятия». Кавун прохладился на Украине, а мы тут суетились как проклятые.

И вот, несмотря на отсутствие опыта в установке огромных палаток, немного помучившись, я все-таки ее поднял, установил, выровнял, развесил отбеливатель (утеплитель), разместил плакаты, столы и стеллажи. Чувствовал себя абсолютно счастливым, а вначале боялся, что не получится. Сержанты и солдаты были довольны так же, как и я, теперь они лежали по углам и дремали в полумраке.

Вдруг полог палатки распахнулся, и в палатку ворвался какой-то незнакомый офицер. Это был майор, как я разглядел по звездочкам на погонах. Пришлось встать со стола, где я сидел и бездельничал, и сделать вид, что очень интересуюсь чтением плакатов.

— Кто тут старший? — завизжал майор с порога.

Ага, вспомнил! Это был тот самый — высокий, холеный красавчик — кандидат в секретари парткомиссии. Палатка наполнилась запахом приятного мужского одеколona, и весь он был начищен, отутюжен, тщательно выбрит. Солдаты проснулись и принялись ползать по полу и создавать видимость расправления швов и морщин на отбеливателе-утеплителе.

— Я тут старший! Лейтенант Ростовцев! — и приложил руку к козырьку.

— Почему торговый центр стоит здесь, а не там? — махнул он рукой в неопределенном направлении. — Почему дорожки к нему не посыпаны? Вход необходимо развернуть в сторону штаба полка! Быстро действовать! Даю на устранение сорок минут!

— Ни х... себе, — ляпнул из угла сержант Дубино.

— Дубино! Заткнись! — рявкнул я.

— Почему хамите сержанту? — обрадовался майор возможности докопаться до меня.

— Дубино — это фамилия такая. Именно его фамилия, — усмехнулся я.

— Вы еще и смеетесь надо мной! Издеваться! Дискредитировать партийное руководство! — зашелся в крике красавчик.

— Никто не издевается. Просто все устали, две недели почти без сна, и это пришли после боевых.

— Быстро выполнять приказ, лейтенант!

— Нет, я ваш приказ выполнять не буду. Я не знаю, во-первых, кто вы. Во-вторых, комдив лично все объяснил, и как ставить в том числе, указал и разметил.

— Ах, не будешь выполнять приказ?! Не знаешь, кто я?! Да я Ромашинца — секретарь партийной комиссии! Это я руковожу всем этим мероприятием. Немедленно выполнять! — майор продолжал орать и делать при этом страшные глаза — напугать хотел, наверное, до смерти.

— Ну, предположим, вы еще не секретарь парткомиссии. Мы вас еще

не избрали, — буркнул я, набравшись наглости, а сам подумал, может, еще действительно его не изберем? Какой мерзкий тип!

Ха! Наивный оптимист! Не изберем! Если прислали, значит, изберем: других ведь кандидатур, как всегда, не будет!

— Да я тебя в порошок сотру! Ты кто по должности, лейтенант? — начал брызгать обильной слюной секретарь.

— Зам командира первой мотострелковой роты по политчасти.

Мне за него стало страшно, еще припадок хватит, отвечай потом перед командованием...

— Ты у меня взводным станешь, я тебе устрою. Выполнять приказ! — не успокаивался майор. — Даю сорок минут. Объявляю вам строгий выговор за хамство.

— Есть, строгий выговор, — ответил я, — только не понял, за что и от кого. Вы, собственно, кто?

— Молчать! — вскричал майор. — Я секретарь партийной комиссии!

Лицо его стало красным, глаза чуть из орбит не выскочили. Еще немного воплей — и пена изо рта хлынет от бешенства. Крутанувшись на точеных каблуках хромовых сапожек, он повернулся на сто восемьдесят градусов и выскочил из палатки.

— Ложись! Отдыхать! — скомандовал я солдатам и загрустил.

Вот, ишак, упал на мою шею, откуда взялся такой негодяй. Тут война, люди гибнут сотнями, а такая сволочь сидит в штабе и изводит всех, да еще орденов нахватает. Майор на полковничьей должности! Сейчас станет подполковником, а под вывод досрочно — полковником в папахе!

Так оно и произошло позднее. Я действительно угадал!

Сержант Дубино подошел ко мне и извиняющимся тоном спросил:

— Товарищ лейтенант! Переставлять будем але не?

— Дубино, и надо же было тебе ляпнуть матом вслух! С тебя все пошло.

— Ну вот, нашли крайнего. Чуть что, сразу Дубино. Фамилия что ли моя всем нравится? Да он уже по приходу злой был, як пёс! С порога зайшёвся.

— Да я понимаю все. Но мне от этого не легче...

Вскоре в палатку вбежал полковой писарь. Оглядевшись, он подбежал ко мне, взгляд нагло-ехидный.

— Товарищ лейтенант! Вас в штаб! В строевую часть срочно вызывают!

— Кто и зачем?

— Да капитан Бочонкин. Какой-то майор из-за вас форменный скандал закатил.

— Ну ладно, не болтай языком! Ты, посмотрю, прямо изнемогаешь, выполняя боевую задачу. Иду-иду.

Я вошел в штабной домик. Кабинеты гудели, как улей. Трещали пишущие машинки, трезвонили телефоны, люди бегали по коридору, из ка-

бинета в кабинет, с бумажками, папками, гроссбухами. Строевик встретил меня удивленным и недоуменным возгласом.

— Лейтенант! Ты чего натворил?

— В смысле?

— В прямом. Тебя только и осталось под трибунал отдать. Прибежал тут новый секретарь парткомиссии, как с цепи сорвался! Начал с порога орать и топтать ногами, служебную карточку твою требовать. А она, между прочим, до сих пор не пришла с предыдущего места службы почему-то. Я ему объясняю, а он слушать не хочет, требует новую завести. Пока я ее «создавал», он вот тут, прямо у моего барьерчика топтался и багровел. Стул предлагал — не садится. Боялся, наверное, что злость через жопу пройдет. Вот, гляди, что он тебе в нее вписал: «За попытку срыва отчетно-выборной конференции соединения — строгий выговор». Так что тебе, как замполиту, можно дальше уже не служить. После этого только сорвать с тебя погоны и расстрелять! — при этих словах он добродушно засмеялся, затягиваясь сигаретой с фильтром.

— Вот спасибо, обрадовали! А то я думал: наградной на орден опять вернулся без реализации! В третий раз переписываем...

— Ты шутишь или как?

— Да какие шутки! Выговор-то он мне уже объявил — факт, а вот если еще и наградной лист вернется, тогда труба. Его заверял старый секретарь парткомиссии, а теперь будет подписывать наградные политработников Ромашица! Он-то точно его зарубит.

— Да что стряслось-то, объясни? Клуб поджег? Аллею героев снес? В клубе на сцене кучу навалил?

— Что издеваться-то? Палатку под магазин не так поставил. Спорить начал, сказал, что он пока еще не партийный босс, еще не избран и всякое на выборах бывает.

— Ха-ха-ха! Ну ты даешь! «Не избран еще и всякое бывает». Запомни, в армии, «всякое» не бывает! Что, другого изберем, что ли? Шутник. Ну ладно, я результат твоей шутки положу к остальным служебным карточкам. Пока для истории. Весь полк ознакомлю: повеселю честной народ.

— Он, гад, орать начал, ногами топтать, а мне комдив лично все как надо указал: где ставить, в какую сторону вход. Ладно, пойду, скоро генерал проверять заявится.

Я вернулся на «объект». Бойцы как и прежде дремали, усталость этих суматошных дней их просто подкосила. После Джелалабада ни минуты отдыха, да и там мы не на курорте были.

— Дубино! Собирай солдат и на ужин, затем в роту, а я тут один буду отдуваться перед начальством.

Все ушли, а я загрустил по причине взыскания, могильной плитой рухнувшего на меня.

«Да и черт с ним, после Афгана уволюсь, к дьяволу, из армии! Долой дурдом!»

Вблизи раздались знакомые голоса, и, распахнув полог входа, ворвался потный и большой, как слон, командир полка Филатов, следом вошел генерал и «начпо», полковник Севостьянов, шаштаба Ошув, а затем замполит Золотарев, это самый майор Ромашница и еще несколько штабных. Я встал из-за стола и направился докладывать, но командир полка махнул на меня кулаком, и я замер, сливаясь с белым фоном утеплителя.

Генерал огляделся и произнес: «Ну, вот, тут все хорошо. Дорожку только песочком посыпать и добавить пару столов. Все. Идем дальше!»

Ромашница злобно посмотрел на меня, ничего не произнес, я вышел вместе со всей толпой. Основной замполит полка Золотарев подозвал меня и промямлил:

— Дорожки посыпать, столы взять в клубе, поставить охрану на ночь, чтоб ничего не украли. Сейчас телефонную линию протянут связисты. Ну а вы ступайте в роту — работать. Потом нам на совещании расскажете, что у вас тут был за эксцесс. Ростовцев, с вами одни неприятности. Совещание в двадцать три ноль ноль. Идите. Трудитесь, пока...

Пока... Это что, угроза?

Я отправился в роту, взял одного солдата, точнее вырвал его у ротного (каждый человек — на вес золота: «работы» — непечатый край), старшина выдал ему спальник.

— Колесо! Двигай обратно в нашу палатку и дежурь у телефона. Гляди, чтоб ни тебя, ни палатку, ни столы не сперли. Не проспи! И не кури, а то палатку спалишь ненароком!

— Есть, товарищ лейтенант. Я палатку изнутри завяжу и у телефона лягу на столе.

Солдат, замученный работой и бессонными ночами, схватив в охапку спальный мешок, радостно затрусил в сторону клуба. Я же, взяв блокнот для указаний, отправился на очередное совещание.

Немного опоздал, но руководства все еще не было. Комсомольский полковой вождь Артюхин делился какой-то радостью и оживленно разговаривал с полковым партийным вождем. Остальные офицеры устало дремали. Из нашего батальона я прибыл самым последним. Наш новый замполит батальона капитан Грицина глазами указал мне на место рядом с собой. Я присел, и он мне зашептал:

— Что там произошло у тебя? Все говорят, но толком никто не знает.

— А что произошло у меня, Константин Николаевич?

— Какой у вас скандал был с секретарем парткомиссии?

— Каким секретарем парткомиссии? — ответил я вопросом на вопрос, словно испорченный телефон. — Мы его еще не избрали, майор какой-то из дивизии, Ромашница, докопался.

— Ромашница это и есть секретарь парткомиссии!

— Он мне то же самое говорил, но я-то знаю, что он врет! Мы его еще не избрали и не голосовали за него. Я бы его точно не избрал, и если бы альтернатива выбора была, голосовал бы против.

— Сейчас придет Золотарев и всех нас вздует. Ты не представляешь, какую крамолу ты говоришь. Такие кандидатуры в отделе ЦК рассматривают, в ГлавПУре! Ты оспариваешь мнение ГлавПУра?

— Не уверен в правильности выбора ЦК. Хлыщ холеный и блатной. Наверное, или папа генерал, или с дочкой генерала спит.

В кабинет бесшумно вошел Золотарев, и первый его вопрос был ко мне:

— Что случилось у вас с майором Ромашницей?

— Да ничего не было. Он отменял приказ комдива, грубил, орал, хотя он пока формально никто.

— Ну, это ваше личное мнение. И теперь ваши проблемы... Приступим к совещанию.

Офицеры сочувственно мне улыбались и подмигивали. Ну, и понеслось дальше. Бред, маразм. Опять исправлять, переделывать, восстанавливать, заводить новые документы. И еще задача: готовить докладчиков к конференции. Мне, к счастью, ни одного выступающего не доверили. Зато доверили подготовить умного сержанта с легкой обязанностью, перед выступлениями руководителей менять стаканы со свежим чаем на трибуне. Остывший чай уносить, а свежий подносить. Пара пустяков. Сержанта подстричь, одеть в новое обмундирование, чтобы был «с умным, нормальным лицом, русский, коммунист».

— А у меня русского сержанта коммуниста нет, есть только хохол.

— Есть разница? — живо осведомился Золотарев. — Как вы понимаете, я имею в виду типичное славянское лицо.

— Для этого сержанта есть разница. Он с Западной Украины. Он в полку никого, кроме себя, хохлом не считает, даже секретаря парткома.

— Да ну! — воскликнул майор Цехмиструк. — А я думал, хохлее меня нет. А на второе место я ставил Миколу Мелешенко. Надо с твоим сержантом познакомиться поближе...

— Нет-нет! На первом — комбат, вы — второй, я — третий, — живо откликнулся Микола, добровольно уступая пальму первенства в хохлизме, и счастливо заулыбался.

— Мелешенко! Ты чего лыбишься? Кажи, Мыкола, вот ты все время такой сытый и подозрительно счастливый! Я предполагаю, что где-то тайком от нас, земляков, сало достаешь и каждый день в одиночку употребляешь, — с осуждением произнес Цехмиструк и погрозил пальцем. — Признавайся!

— Нет, товарищ майор, он на кильку перешел, — приснул Мелешенко. — Это новый вид украинского наркотика...

— Товарищи политработники! Прекратите базар! За работу! Марш по подразделениям, — рявкнул замполит полка и на этом закончил совещание.

— Ну-ка, ну-ка, Расскажи, Мелентий Александрович, — заинтересовался Цехмиструк, выходя из кабинета и обнимая Мелентия за плечо. — Шо там за история с килькой? Дюже люблю байки за хохлов!

— Да! Тут случилась такая смешная история... Рота ушла на стрельбище, а Микола остался в роте стенгазету выпускать. Выпускал-выпускал, писал-рисовал, картинки клеил, видно, устал и проголодался. Взял банку килек в томате у старшины-землячка, открыл ее, идет по коридору и вилочкой рыбку накальвает, нажевывает. А тут на беду Подорожник зашел. В роте никого, дневальный туалет моет, а Микола с баночкой. Команду «смирно» никто не подал. В казарме тишина, тут они нос к носу с Василием Ивановичем и столкнулись.

Подорожник подходит к Николаю, а на того столбняк напал.

— Шо делаем? — спрашивает Чапай, то есть Подорожник.

— Кильку ем, — отвечает Колян.

— Ах, килечку! Рота на стрельбах, а он килечку трескает! Килечник! Килькоед!

Ну и понеслось. Старшина через окно сбежал, услышав шум, а в каптерке на столе оказалась еще одна открытая банка кильки. Василий Иванович как увидел ее, еще сильнее взвился. В общем, вечером на совещании офицеров батальона «гвоздем программы» были Микола и две злощастные банки с килькой. Мол, нормальные хохлы едят сало, а этот недоделанный хохол — килечек жрет. А Николай возьми да и брякни, что сало в полку нет, а килька есть, вот он и заменяет. Подорожник в бешенстве как заорет:

— Шо? Килька — заменитель сала?!!!

Кильку и Кольку на совещании обсуждали минут пятнадцать. Он сразу получил несколько прозвищ: «Килечник», «Килькоед», «Колька-килька». На любой вкус.

Николай стоял чуть в стороне и слушал рассказ, зеленея от злости.

— Ну-ну, насмехайтесь, издевайтесь, злорадствуйте! Пошли вы все к черту, еще друзья-товарищи называются. — И, развернувшись, он зашагал в роту. Вокруг все прыснуло от смеха.

— Зря хорошего хлопца обидели, — вздохнул Цехмиструк.

— Ничего, переживет, жлобина, — рубанул Мелентий. — К этому хорошему хлопцу, главное, спиной не поворачиваться. Куркуль и жлоб!

Утром началось действие, ради которого весь полк стоял на ушах три недели. Открыл работу партийный форум.

Я представил замполиту полка для осмотра нашего Степана Томилина.

— Хорошо. Только почему без наград? — поинтересовался Золотарев.

— А у мэнэ их нема.

— А ты к наградам представлен?

— Так точно, к двум медалям.

— Вот и отлично, товарищ лейтенант, возьмите в роту чью-нибудь медаль, и пусть выходит с наградой на груди. Так будет представительнее.

Нас обоих отправили за кулисы. Ему предстояло выносить стакан, а мне в этот стакан наливать чай, кидать сахарок и кусочек лимона. А еще один капитан из штаба дивизии стоял у края сцены за занавесом и давал команду на выход с чаем отмашкой руки. Этот капитан, регулирующий действия Степана, оказался инструктором дивизии по культмассовой работе («балалаечник»). На сцене восседал президиум во главе с адмиралом и командармом.

Вышло не все так просто, как предполагалось.

Степан занервничал. Он брал трясущейся рукой стакан и медленно двигался к трибуне на цыпочках с напряженным каменным лицом. Движения при этом у него были скованными, как у неисправного робота. В первый выход в зале раздалось несколько смешков. Степа стушевался. Во второй выход количество смеющихся увеличилось, в третий — их стало еще больше. Зал не слушал доклад, коммунисты ждали выхода Степана. Замполит полка сообразил: что-то происходит не так, как задумано, но что именно, он не мог понять. Золотарев выскочил к нам за кулисы во время очередного прохода Степана на «бис». Он в ужасе схватился за голову.

— Ты что творишь, негодяй? Ты с какой рожей ходишь по сцене?! У тебя вид, как будто сейчас лопнешь от напряжения! Ну чего ты двигаешься, как ходячий памятник! Над тобой весь зал смеется. Спокойно, сержант. Расслабься, улыбнись и иди. Понял?

— Поняв, — обреченно вымолвил Томилин, понимая, что окончательно пропал.

В пятый раз он, выходя на сцену, напряженно оскалил вымученную улыбку и послал ее залу. Теперь в клубе многие откровенно заржали. Начальник политотдела раздраженно замахал руками на Степана: уйди, уйди... Даже адмирал в президиуме проснулся.

Золотарев вновь выскочил из зала и зашипел на меня:

— Марш отсюда! Чтоб я больше этого идиота не видел! Шуты гороховые! Уничтожу! Обоих...

На этом карьера выносивщика чая командованию для Степана закончилась. Мы пробками вылетели из клуба. Я ругался и одновременно дико смеялся. Красный от гнева и смущения Томилин матерился и громко возмущался.

Едва мы отошли от клуба, как раздался громкий взрыв, затем второй, и от дороги поднялся столб дыма. Дежурный по полку выбежал из штаба и влетел в клуб. Оттуда выскочили командир полка, начальник штаба и помчались к въезду в полк, мы побежали следом. Из санчасти выехала санитарная машина.

Произошло же следующее.

Для встречи высокого руководства и обеспечения безопасности командования вдоль дороги разместили бронемашину, танки и разведывательные подразделения. Машины заехали на минное поле вдоль дороги. Поставили их для солидности, чтоб показать вышестоящему начальству заботу. На бронемашине находились только экипажи. Один механик захотел до ветру, и вместо того чтобы все «свои дела» сделать прямо с машины, прыгнул на землю. Нелепая случайность: он одной ногой наступил прямо на противопехотную мину. Взрывом эту ногу оторвало, а тело отбросило в сторону, где он, упав головой, задел вторую мину. Вот и прозвучали два взрыва. Теперь этот солдат лежал весь запутанный в проволоке-паутине, без ноги и без головы. Быстро подогнали танк, сапер зацепил труп «кошкой» и вытащил на дорогу.

Вот так грустно, вернее даже трагически закончилась отчетно-выборная партийная конференция дивизии.

Адмирал продремал первую половину дня, после перерыва его увезли в штаб армии на обед, и в полк больше он не вернулся. И то верно, хватит, отметился в действующей армии.

А разведчика кое-как собрали, за исключением головы. Без нее и отправили в «цинке» домой. Командованию разведроты крепко досталось за нарушение мер безопасности. А кто виноват? Всех солдат проинструктировали, что вдоль дороги минные поля и писать надо, не сходя с БМП. Возможно, парень застенялся женщин: недалеко кишлак, по которому ханумки бродят, а позади торговая база с нашими тетками. И вообще, бог его знает, почему он спустился. Но адмирал так и не узнал, во что обошлась его охрана, точнее показуха: почетный эскорт и караул для солидности. Ведь это место днем совершенно безопасное.

Ромашницу благополучно избрали секретарем парткомиссии, а выговор в моей служебной карточке так и остался жечь мою карьеру «синим пламенем». Однако пока что этот скандал продолжения не имел. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Вскоре новые заботы заслонили вчерашние неприятности. Весь личный состав полка забегал, готовясь к выходу на боевые действия в Баграмскую «зеленку». Меня опять назначили исполнять обязанности замполита батальона, так как капитан Грицина срочно заболел и попал в медсанчасть. Очередной мой начальник опять сачковал.

Через пять дней я уже сидел на броне, пыль и песок летели в лицо, и, несмотря на опасность, я чувствовал себя счастливым. Радовался окончанию всей этой дури. Был конец декабря, скоро Новый год, и праздник предстояло провести явно не возле елки, а вокруг чужих виноградников, в далеком афганском кишлаке.

Глава 10

Новый год в горах

Мой самый любимый и самый веселый праздник — Новый год! Мы принялись к нему готовиться за неделю. Новый ротный старший лейтенант Сбитнев смотрел, ухмыляясь, на наши приготовления, но не мешал. Комнаты офицерского общежития украшались игрушками, в казарме повесили гирлянды, а на окна налепили всякую мишуру. Острогин у родственников в советском посольстве достал по бутылке шампанского и сухого вина.

Но надежды торжественно отметить это событие рухнули 27 декабря. Объявили тревогу! Приказ: выход в Баграмскую «зеленку». Необходимо завести на заставы боеприпасы, продукты, заменить солдат. Вот вам, друзья, и семейный праздник... А раньше отдать этот приказ было нельзя? Мы двадцать дней дурака валяли, адмирала ублажали. Теперь вернемся домой в январе...

Володя Сбитнев (меня мучил вопрос: каково с ним будет воевать?) был воспитанником третьей роты, а особым умением она не отличалась. Он собрал офицеров и весело сказал:

— Ну что, отпраздновали? Мороженое, мандарины, бананы, шампанское, конечно, не пропадут! Надеюсь, все вернемся, а на старый Новый год все эти деликатесы и употребим. Выходим на войну все кто есть: замполит, Острогин, Голубев и даже Серега Недорозий. Особо хочу попросить капитана Недорозия! Тебя хоть и отправляют обратно в Союз, но все равно предлагаю прогуляться с нами в «зеленку», потому что больше некому. Не возражаешь? Замполит пойдет со вторым взводом, пусть он и выполняет обязанности замполита батальона, но командовать вторым взводом тоже больше некому! Грымов в госпитале, когда вернется, да и вернется ли обратно, неизвестно. Только старшину не берем, как заменика оставим дома. Пусть живет. Правильно?

— А нам, значит, жить обязательно? — подал голос Острога.

— Обязательно! Только еще полтора года, мсье Острогин, в Афгане послужите, чтоб потом могли честно штаны в полку протирать.

— Интересное кино! — подал голос я. — Мы одновременно заменяем через полтора года. Все будем штаны в полку протирать? А в рейд кто тогда отправится? Тот, кто придет в третий взвод, и молодой старшина?

— Ха-ха-ха, — заржал Серега. — Во будет потеха, все начнем сачковать, а ротный будет нас под автоматом на боевые гнать.

— Его самого придется гнать, тот же Цехмиструк скажет: «Товарищ, ты же коммунист!» — улыбнулся я.

— Разговорчики! Выход завтра! Живо собирайте манатки! — рывнул Сбитнев.

Недорозий схватил меня за руку в коридоре и попросил о помощи.

— Ник! У меня нет ни хэбэ, ни бушлата, ни шапки. Дашь что-нибудь?

— А, не переживай, капитан, оденем! Серега, все будет хорошо. Не бойся, пошли экипироваться к старшине.

* * *

Этот капитан Серега появился в роте как-то внезапно. Материализовался из ничего, как привидение. Однажды в дверях канцелярии нарисовалась какая-то серая личность в форме капитана-десантника и огорошила наш славный коллектив.

— Я капитан Недорозий! Прибыл для прохождения службы в вашу роту, на должность командира взвода.

Мы дружно переглянулись. Лейтенанта Ветишина у нас забрали, а прислали капитана. Вот те раз! Вереница взводных промелькнула перед глазами за пару месяцев. Третьим взводом кто только ни руководил! Ветишин, Корнилов, Пшенкин, теперь еще капитан-десантник. Кто будет следующий? Летчик? Моряк?

— Тебя как звать? — спросил Острога.

— Сергей.

— Опять Сергей! А ты откуда к нам? — поинтересовался старший лейтенант Сбитнев. Перспектива иметь в подчинении старого капитана его не прельщала.

— Из Кандагара, из спецназа. Неделю был командиром группы.

— Во! Неделю! А что ж к нам, транзитом? Ссылка?

— Я с комбригом характером не сошелся.

— Характерный, значит? Нам только очень характерных не хватало. И без того балбесов полный комплект, — вздохнул я и пожал руку десантнику.

— Да нет! Я с ним в Забайкалье служил слишком долго, от лейтенанта и до капитана. Сюда приехал, а он после академии и уже комбриг.

— А сколько долго служил? — спросил Сбитнев.

— С этим примерно лет десять, а всего в Забайкалье прослужил пятнадцать лет.

Наступила гробовая тишина. Пятнадцать лет в ЗаБВО! Как в забвении! И все капитан и капитан.

— Серега! Пойди в каптерку, вещи положи, сдай старшине продо-

вольственный и вещевой аттестаты, чтоб тебя на довольствие поставил, — распорядился командир роты.

Когда за ним закрылась дверь, мы грустно переглянулись.

— Зубр! В Забайкалье пятнадцать лет. Ссылный! Каторжник! — вздохнул Сбитнев.

— Да, вот так сюрприз! Этого нам только не хватало в нашем дружном, молодом, боевом коллективе, — согласился я. — Думаю, он запойный.

Однако случилось то, чего мы совсем не ожидали. Сергей поначалу рьяно взялся за дело. Был очень деятельным, исполнительным. Быстро познакомился с солдатами взвода, сержантами, проверил технику, принялся за документацию. Работяга!

Через пару дней Недорозий пришел ко мне и сообщил, что уезжает в Баграм. Пришла пора встать в политотделе на партучет. Вернется, наверное, завтра.

Назавтра Сергей не приехал. Как не приехал и послезавтра. Ни через три дня, ни через пять, ни через семь. Готовясь к партийному форуму, я забегался, замотался, но вскоре вспомнил про капитана, подошел к ротному через неделю и спросил:

— Володя, что будем делать? Недорозий-то пропал, из политотдела никаких вестей.

— Черт! Точно! А ты звонил куда-нибудь? Узнавал?

— Звонил. На партучет он встал, а куда делся дальше, никто не знает.

— Может быть, его в спецназ забрали? — с надеждой в голосе пробормотал Сбитнев. — Ладно, я пошел к комбату, а ты докладывай замполиту и сходи к особисту.

Спустя полчаса полк построили на плацу. Начались активные поиски. Пересчитали, проверили всех по списку полка. Разведчики обыскали все модули, все загатники, боевое охранение, позиции зенитчиков. Нет нигде нашего капитана, и никто ничего о нем не знает. Нас всех повели на ковер к кэпу. Шум, крик, Филатов рассыпал матюки. Мы с ротным и комбат — в дураках. А новый замполит батальона капитан Грищина почему то ни при чем, остался в стороне. Начальники ругались, а мы, как могли, отбивались. Кто его нам прислал, те пусть и разберутся, почему десантника-спецназовца пехоте всучили. Мы его видели всего два дня. Пусть ищут пропажу в парткомиссии, в политотделе, у десантников. Стрелы гнева от батальона были с трудом, но переведены в другую сторону. Начальника строевой части сделали крайним и назвали дураком: зачем принял в полк такого сомнительного кадра? Секретаря парткома тоже выставили крайним: почему этот Недорозий оказался коммунистом и зачем он поехал становиться на партучет самостоятельно?! Так все так катались...

Шум эхом прокатился по всему штабу, а мы потихоньку слиняли в роту.

Поиски длились уже вторую неделю. Капитана искали в дивизии, обшаривали посты охранения, словом — искали везде. От командира полка досталось несколько раз и кадровикам, и замполиту полка, и секретарю парткома. Делать нечего, доложили в армию. Теперь поиски расширились и спецназовца искали по всей армейской группировке. Разведбат дивизии прочесывал арыки вдоль Баграмской дороги, дуканы, опрашивали информаторов.

Прошли две недели, и на пороге казармы появился особист батальона капитан Растяжкин под руку с пропащим Недорозием. Виновато улыбаясь, он вошел и поздоровался. Затем начал переминаться с ноги на ногу, смущаясь краснеть, вздыхать и сопеть.

— Во! Привидение, что ли? — воскликнул Сбитень. — Недорозий! Ты ли это? Жив?

Мы все раскрыли рты. Особист Растяжкин поздоровался со всеми нами и, ухмыляясь, сказал:

— Передаю из рук в руки под расписку, впредь не теряйте! Пока, ребята.

Капитан Растяжкин ушел по своим делам, а мы вздохнули и уныло переглянулись. Пауза затягивалась. Серега переминался с ноги на ногу и продолжал виновато улыбаться. Его серо-синее исхудавшее личико было все в багровых жилочках, веночки просвечивают, кожа истончилась, наверное, пил и почти не закусывал.

— Ну, черт, дружище Растяжкин! — всплеснул руками Сбитнев. — Оставил растяжку и ушел! Утер всем нос! Вот это особист! Где он тебя отыскал? Садись, капитан, в ногах правды нет. Садись...

Недорозий сел и, стесняясь самого себя, спросил:

— Можно сигареточку? — попросил пропащий горемыка. — А то на гауптвахте не давали почти сутки курить.

Руки и пальцы капитана нервно подрагивали, глаза бегали.

— В запое был? — спросил я.

— Да, — честно признался взводный. — Ушел слегка в штопор.

— Слегка? На две недели?! — с ужасом и восхищением одновременно воскликнул малопьющий Острогин.

— На две... — ответил потерянным голосом Недорозий. — Сначала я встретил друзей в Баграме, они завезли в Кабул в разведцентр. Там я все время и пребывал. Тяжело мне, все болит.

— А как тебя вычислили? — опять поинтересовался ротный.

— Да пописать из-за стола не вовремя вышел на улицу. Рядом по той же надобности стоял, то есть ссал, какой-то майор, оказалось, чекист. Узнал по ориентировке. Повязали. Выясняется — я в розыске. А зачем? Я уже собирался к вам. Прибежали какие-то «держиморды» из комендатуры, заломили руки, наручники надели и засунули в каме-

ру. Сутки сидел, пока этот Растяжкин не приехал. Ни попить не давали, ни поесть, ни покурить.

— Голова болит, товарищ капитан? — спросил жалостливо и сочувственно прапорщик Голубев, тоже большой любитель выпить.

— Уже нет. За сутки все прошло. Есть хочется и курить. Немного трясет.

— Ну кури, — протянул сигарету ротный. — Достался же ты нам как «бесценный подарок» от десантников.

— Серега, ты — кадр, каких мало, — рассмеялся Острогин, — мы уже думали, ты без скальпа, без яиц валяешься где-нибудь в «зеленке». Замполит похоронку сочинять собрался, мол, пал смертью храбрых... А ты — жив, здоров, и лишь немного помят с перепоя.

— А что, лучше бы я лежал без головы?

— Не знаю, Сергей. Для тебя, может, и нет, а для батальона, может быть, и да. Нас тут имели целую неделю за эти твои фокусы, — зло сказал я. — Сейчас с тобой будут разбираться все кому не лень. Уже очередь стоит поиметь. Могут даже как дезертира посадить, а могут звездочку снять и из партии выбросить.

Сергей открыл рот от удивления. Потом его обратно закрыл и не сказал больше ни слова. Загрустил. Наконец-то задумался.

Командир полка на совещании офицеров орал, как раненый вепрь. Филатов тряс за грудки нашего капитана, даже растоптал ногами его голубую фуражку. Командование приняло решение отправить Серегу обратно в Забайкальский округ. Спецназовцы его назад не принимали, отказывались, гады, а командование имело право в течение первого месяца откомандировать офицера обратно в Союз. Чем и воспользовались. В дивизии он был не нужен нигде, десанникам спихнуть не удалось, в авиацию — тоже. Решили так: лети, милый, домой, с соответствующей характеристикой.

Отправку наметили после Нового года. А пока возвратили в роту, под наш круглосуточный надзор. Ротный приставил смотреть за ним сержанта Томила: быть с ним везде, куда бы ни пошел — в туалет, в штаб, в столовую. А я был назначен ответственным за этим контролем. Весь отлаженный контроль нарушил очередной рейд. Оставлять в полку Недорозия одного нельзя — сбежит, а взять с собой мы не имеем права. Что с ним делать?

Я подошел к комбату, комбат отправил в штаб. В строевой части ответили, что документы будут готовы только после праздников. Наши проблемы — это только наши проблемы. Замполит полка раздраженно сказал: «Что хотите, то и делайте, но чтоб он никуда не исчез. С собой брать не разрешаю, но и не запрещаю. Под вашу полную ответственность. А можете посадить его на гауптвахту до возвращения из Баграма».

Сергей выбрал рейд. Так Недорозий опять стал командиром взвода. Сбитнев решил, что третий взвод будет действовать вместе с управлением роты. Дров он не наломает, потому что круглые сутки окажется под присмотром. Главное, чтоб случайно не погиб. Он ведь уже откомандирован домой! Если погибнет, у всех будут проблемы с прокуратурой.

* * *

Колонна медленно втягивалась в Баграмскую «зеленку». Впереди шел танк с минным тралом, и под ним время от времени взрывались мины. За танком шла бронемашина, на которой сидел Острогин. Он молотил из пушки и пулемета по дувалам. Следом за взводом Острогина шел я со вторым взводом. Рота вошла полностью в кишлак, когда под БМПшкой Сереги Острогина взметнулся взрыв.

— Ба-бах!!!

Комья грязи полетели во все стороны. Хороший взрыв, мощный!

— П...ц Острогину! — невольно вырвался у меня громкий мат. — Серега! Острога!

Я дико заорал и, соскочив с башни, помчался к подорванной БМП, совсем забыв про мины. Машина стояла, завалившись правым боком в арык, с разорванной гусеницей, оторванным катком и полностью залепленная грязью. Вокруг валялись шмотки бойцов, копошились солдаты. Все с ног до головы в грязи, они матерились, кашляли, отплевывались.

— Острога! Сергей! Где взводный?!

— Я здесь, я здесь! — ответил Острогин, выплевывая песок и отфыркиваясь.

— Жив?

— Жив, даже не ранен. Башка только гудит.

Сергей стоял весь в грязи, оборванный, но живой. И улыбался.

— Серега! Живой, сволочь! — я обнял его и от радости заплакал. — Я боялся, что тебе крышка! Неужели, думаю, тебе, подлецу, конец пришел?! Как же мы без тебя?

— Рано хоронишь! Мы еще поживем!

— Поживем, Серега, поживем, повоюем! Я так рад за тебя, что ты цел. Солдаты все в порядке?

— Сейчас проверим! — Серега стал окликать бойцов.

Повезло, все были живы, только наводчика оглоушило.

— Чудеса! — только и смог сказать я.

К нам подбежал ротный.

— Все живы?

— Все! — широко улыбаясь, доложил взводный. — Все целы, никто не ранен. Под десантом взорвалась мина. Гусеница разворочена. Машину надо эвакуировать.

В-у-у-бам!!!

В следующую секунду все мы лежали физиономиями в грязь. Тело сжеживалось, сжималось, втягивалось в жижу, тяжелую и липкую. Эта грязь пахла смертью, но она давала и спасение. Возникло желание превратиться в змею и уползти. Осколки разорвавшейся минометной мины просвистели и врезались в деревья, дувалы, шлепнули по броне. Не зацепило никого. Счастье, удача — на нашей стороне. Одновременно справа по колонне ударили из автоматов несколько «духов». Откуда стреляли, непонятно, нам было не видно издалека. В арыке, вблизи от подорванной машины, лежали разведчики. Бойцы стреляли во все стороны, а их поддерживала огнем броня нашей роты. Разрывы мин больше не повторялись, огонь из автоматов постепенно прекратился, но пехота неплохо потюжила «зеленку», прежде чем двигаться сквозь нее дальше.

Вот и застава. Танк в окопе, МТЛБ с минометом «Василек», БМП, пулеметы — все их вооружение оцетинилось в разные стороны вокруг высоких, толстых глиняных стен, за которыми находился усиленный мострелковый взвод.

У ворот испуганно жались друг к другу шестеро афганцев. Это был не «царандой», не солдаты, но почему-то все вооруженные.

Навстречу нашей колонне вышел лейтенант — начальник заставы.

— Привет, ребята!

— Привет! Что за черти? — спросил я его, пожимая протянутую руку и кивая в направлении аборигенов.

— А-а, «духи», эти мирные. Прибежали, чтоб вы не замочили их, перепутав вон с теми, что по вам стреляют.

Грязные, непонятно во что одетые, в сандалиях на босу ногу, они приветливо махали нам, пожимали руки солдатам и излучали дружелюбие.

— А где наш Серега Ветишин? — спросил ротный. — Подать мне Сережку!

— На следующей заставе. Туда еще около километра, пройти по кишлаку и вдоль канала. К нему без вас, орлов, нашему батальону вообще не пройти. Посты почти месяц как обложили со всех сторон, каждый день происходят обстрелы. Раненых вертушками вывозят под прикрытием «крокодилов». А по дороге не пройти, не проехать, поэтому вся надежда на вас — рейдовых. Потом, когда вы уйдете снова, начнется блокада. Живем сутками под прицелом снайперов.

— Ну что ж, немного поможем, ведь мы — это «новогодний подарок» вам от командования полка, — засмеялся Острогин.

— Что ж, парни, не расслабляться, — скомандовал Сбитнев. — Вперед, в пекло, на помощь к Сережке! Пока, лейтенант! Увидимся...

Броня двинулась дальше: пачкать гусеницы, мять виноградники. На машинах сидели только экипажи, а пехота брела по колено в грязи за ма-

шинами по проторенной колее. Рота подбадривала себя автоматным огнем, сея смерть во все стороны. Пушки и пулеметы брони работали не смолкая. Пули сбивали ветки с деревьев, прорывали заросли кустарника, снаряды прошивали стены дувалов. Где-то в глубине этих зарослей ползут, сидят, лежат «духи», которые наблюдают за нами. Выжидают, возможно, целятся, а возможно, уходят подальше. Пока на время...

Вот и канал, идем вдоль канала.

— Ник! Ты со своим взводом остаешься здесь! — прокричал по связи ротный. — Мы пойдем дальше. Быстро занимай оборону! Укрепишься — доложи.

Эх, я так и знал, что Вовка сунет меня мордой в самое дерьмо. Сидеть в какой-то халупе с тринадцатью бойцами. Теперь я в самом пекле. Рота ушла дальше, на пост к Сережке Ветишину, взвод Острогина балдеет на первой заставе у разбитой БМП. Ему повезло больше всех: рядом — высокие стены, много бойцов, танки. Ротный, Недорозий и Ветишин, сутками будут в карты резаться на заставе. Только я да Голубев вынуждены сидеть в убогих хибарах между заставами. Вот невезуха! Я подогнал все три бронемашинки к стенке дувала, пулеметную точку разместил на крыше дома, а бойцов распределил по трем постам. Тринадцать бойцов и я — всего четырнадцать человек. Не так уж мало, но и не так уж много. С какой стороны посмотреть. Но все равно тоскливо и уныло. Туман, серая пелена со всех сторон. Сверху слякоть, снизу грязь. Не празднично как-то! Нет новогоднего настроения...

— Владимиров и Якубов — за мной! Посмотрим, что у нас в тылу творится. Дубино! Остаешься вместо меня, будь на связи, и внимательно следите за каналом.

— Понятно, — буркнул сержант.

— Не «понятно», а отвечай «есть» и «так точно»!

— Есть, товарищ лейтенант. Вы все время к словам придираетесь.

— Ни придираюсь, а к порядку тебя приучаю.

Дубино пробурчал, мол, поздно учить, пора домой, и ушел руководить бойцами.

Моя группа двинулась по длинному извилистому лабиринту дувалов. Ход сюда, ход туда. Арыки, тропа, стены. За стенами — виноградники, огороды, сады, сарай. И никого. Ни одной живой души. Двор за двором, сарай за сараем, дом за домом, виноградник за виноградником. Никого, ни души. По крайней мере, никто не стрельнул, не бросил гранату. Но никто не встретил и хлебом-солью. Нам здесь не рады — это факт.

Растяжки нами расставлены, сюрпризы приготовлены для встречи незваных гостей. Можно возвращаться, отдыхать.

В укреплении бойцы разожгли костер, что-то варили. Пахло чем-то

вкусным. Курятина? Точно, мои разгильдяи где-то уже поймали кур, общипали, приготовили. Вокруг благоухало ароматным чаем. Жить уже веселее. Хороший сытный обед, чай, свежий воздух, тишина... Курорт! Санаторий! Существование стало более-менее сносным. А что другое я ожидал? На войне, как на войне. Война — это в основном ужасная тоска. Когда не стреляют. А когда стреляют — тоска с ужасами. В этом месте в ходе театральной постановки должен раздаться грустный смех.

Сон... Антракт... Занавес...

— Ник! Ник, черт возьми! Ты почему на связь не вышел?

Голос ротного был злой и противный. Связист, гад, проспал.

— Не можешь службу организовать?

— Могу.

— Так организуй! Организуй, иначе всю ночь через каждые пятнадцать минут будешь докладывать лично.

— Все понял, организую, связь будет.

— Конец связи.

— До связи.

Да, так прямо и разбежался — «каждые пятнадцать минут». Наверное, самого вздул комбат. Точно, наверняка Сбитнев сам проспал. Колесо и я просто под горячую руку попали.

— Колесо! Проспал?

— Чуть-чуть задремал. Минут пять.

— Может, десять?

— Может.

— Может, двадцать?

— Х-х, может.

— Колесников, черт бы тебя побрал! Не мог проспать в другой раз? Еще уснешь — убью! Спишь только днем. Понял?

— Есть, спать днем.

Бойцы на постах лениво переключались. Звездное небо, черная тьма со всех сторон, ни огонька в кишлаках.

Часовые окликают друг друга, связист вызывает экипажи БМП и отвечает начальству. Двор, костерок во дворе, часовые, пускающие раз в час ракеты. Мы как бы на островке добра во враждебном безбрежном океане зла, вокруг — только ненависть и смерть.

Утром пришел прапорщик Голубев в сопровождении пулеметчика. Рожа мятая, заспанная, усталая. Все же возраст дает о себе знать. Как-никак он постарше нас лет на пятнадцать.

— Ну что, досталось ночью от ротного?

— Угу.

— Ерунда. Но ты не слышал, как взгрел его комбат!

— Догадался еще ночью.
— Нам прилетело бумерангом, — хихикнул прапорщик.
— Подорожник сидит у дороги, там хорошие укрепления, у него теплый кунг. «Духовской зеленки» рядом с ним нет. Ему хорошо. Лучше, чем нам.
— Это точно. А как тебе одному тут?
— Мне могло быть и лучше. А ты что, не один?
— Со мной техник, нас двое. Дежури́м по очереди. У нас два поста.
— Да, ротному получше, чем нам. В компании с Серегами ему гораздо веселей.

— Как Новый год будем встречать? Бутылка есть?
— Ты же знаешь, я на войне не пью и тебе не разрешаю. Не советую ни тебе, ни Федаровичу.

— Эх, начальники, души старого прапорщика не понимаете.

Что там понимать его душу? Душа старого пьяницы! Вся его беспутная жизнь запечатлелась на лице в виде глубоких борозд, они, словно шрамы, испещрили лоб. Впалые щеки, редкая борода, нездоровый землистый цвет лица. Хроник-язвенник. Они с техником Тимофеем Федаровичем словно близнецы: похожи и лицами, и привычками. Выпитая водка годами углубляла морщины и увеличивала их число на помятом лице, добывала желудок и печень. А Голубев знай себе пил и жаловался на последствия желтухи и тифа.

— Ну ладно, я пошел обратно, грусти в одиночку, — вздохнул прапорщик и скрылся в тумане.

С его уходом я опять задумался. Послезавтра ночью Новый год. Надо хоть как-то отметить его? А чем?

— Эй! Владимиров, Дубино! Компот мы сварить способны?

— Способны. А зачем? — спросил «одессит» Владимиров.

— Новый год! Выпьем компот в двенадцать ночи.

— Лучше б водки или самогонки, — вздохнул почти гражданский человек Владимиров, одним словом — дембель.

— Тебя, «наркоша», гражданка быстро сломает с твоими взглядами на жизнь. В Новый год нормальные люди пьют шампанское! При его отсутствии мы с вами пьем компот...

Бойцы нашли алычу, сушеный виноград, на деревьях висела перезревшая айва. Сахар собрали из пайков. Будет замечательный компот!

Дубино грустно посмотрел на бак с компотом и вздохнул.

— Може брагу лучше сделать? Это мы мигом...

— Васька, дома в деревне будешь брагу и самогон гнать, а здесь — компот. На войне трезвость — норма жизни солдата!

Сержант вздохнул и побрел к костру.

Среди ночи меня разбудил ехидный голос ротного:

— Спишь опять?

— Нет, брожу по кишлаку!
— Шутишь, ну-ну. Шути. Через полчаса снимаемся. Сначала выхожу я со взводом, затем Голубев, а потом после нас уходишь ты. Понял?
— Понял. Чего ж не понять.
— Куда идем? Домой?
— Начальство скажет, когда выйдем из «зеленки».

Ночную тишину растревожил шум техники, как бы засаду нам «духи» в потемках не организовали на выходе из кишлака. Хорошо только то, что сейчас три часа ночи, и прознать про наше отступление аборигены не успеют.

— Зам комвзвода! Буди солдат, только тихо! — принялся я тормошить сержанта.

— А, шо! Товариш лейтенант, «духи»? Напали? — сонно запричитал Дубино.

— Нет, все в порядке, просыпайся скорее.

Сержант Дубино понемногу приходил в себя, начинал соображать.

— Нэ напали? Тады шо?

— Тады-тады, туды-сюды. Уходим через полчаса. Солдат буди без криков, собирать манатки тихо-тихо. Собрать шмотки и по машинам. Один дзорный остается на крыше. Как техника пойдет мимо нас, тогда и мы заведем машины, а наблюдатель пусть быстро спускается, и на мою машину садится.

— Поняв, поняв. Усе поняв.

— Ну, раз «кусэ поняв», то командуй, «бульба»!

Взвод зашевелился. Хорошо, что уходим, а то «духи» наверняка Новый год испортили бы обстрелами. А так домой, праздновать в общаге гораздо лучше.

Мимо нас, растревожив гулом ночной сон кишлака, помчались БМП. Вот ротный, вот Недорозий, вот гранатометчики. Мы рванулись следом. Наконец застава, на этот раз пронесло — проскочили без засады. Не оставиваясь на посту, сразу уходим к большой дороге и дальше в поле. Там развернут командный пункт полка. Артиллерия сразу начала обрабатывать оставленную нами «зеленку», прикрывая отход батальона.

Офицеры собрались вокруг ротного. Поздоровались, переглянулись и дружно засмеялись. Очень уж Недорозий выглядел ошарашенным, взъерошенным и напуганным. Тяжело быть взводным на войне после тридцати пяти, его ровесники полки и батальоны возглавляют.

— Ну как, Серега? Понравилось на боевых? — спросил Острогин.

— Да в общем-то ничего, но могло быть и лучше, главное — почище. Да и местный народ встречает неласково, нет цветов, оркестра, теплоты и дружелюбия.

— Ну ничего, вернешься в Читу, там тебе будет и дружелюбие, и взаимопонимание, — улыбнулся Сбитнев. — Ребята, идем домой пить шампанское?

— Неужели в Кабул? — спросил недоверчиво Недорозий.

— Пойдем домой, но только чуть позже. Ты, Серега, настоящей прелести войны еще не ощутил! словно турист ездил на БМП да чуток в грязи повалялся. Теперь твой турпоход переходит в новую фазу, оценишь новые острые ощущения. Идем в горы в район Ниджараба. Это рядом, совсем рядом. Горы невысокие, пустышные. Прикрываем с высоты ущелье, а в кишлаках будут работать десантники.

— Ни хрена себе! — крикнул Острогин. — Новый год в горах, в снегу! Бр-р-р! Я, как южный человек, протестую! Я не выдержу. Сколько издевательств и сразу все одновременно! И подрыв, и заснеженные горы!

— Ладно, Серега, живи и помни мою доброту! Останешься с техникой, и следить за техником, чтоб он не запил! А я, так и быть, покомандую твоим взводом, — сказал ротный.

— Хороший каламбур, он мне нравится так же, как и твоя идея! — обрадовался Острогин. — Я буду мысленно с вами, ночами не спать, за вас переживать, страдальцев.

— Во, гад! Уже издеваться начинает. А как его взвод без него? — поинтересовался я. — Может, я броней порулю. Еще ни разу не сачковал, все время на себе кого-нибудь тащу да за бездельников взводных работаю.

— Не переломись, Ник! — похлопал меня по спине Острогин. — Мы тебе памятник при жизни поставим, стихи посвятим, а если что с тобой случится, то и песню о тебе, павшем герое, сложим.

— Дурацкие шутки в сторону, — оборвал ротный. — Солдатам обязательно взять спальные мешки, шапки, теплые вещи, рукавицы! В горах ночью будет дикий холод, вершины в снегу. Я — с первым взводом, замполит — со своим взводом.

— Не со своим, а со вторым. Я не командир этого взвода. Я за замполита батальона нынче...

— Хорошо, пусть будет не со своим — а со вторым. Это дела не меняет. Недорозий — с родным третьим, гранатометчики идут тоже со мной, а пулеметы отдаю взводам. Радуйтесь! Занимаем всего три высоты.

— Радуюсь, радуюсь, — воскликнул я. — Щедрость великого и могучего султана безгранична!

— Идем от предгорья и до задачи пешком. Нам дают миномет, — завершил постановку задач Сбитнев.

— О-о-о, боль наша невероятна, грусть наша безмерна. Надеюсь, мины несут сами минометчики? — осторожно поинтересовался я.

— Нет, несет пехота! Но только до моей задачи, и оставляют вместе с пулеметными лентами. Дальше идут налегке, все дальше, и дальше, и дальше. Радуйтесь!

— Недорозий не умеет, а Остроге все равно. Доволен я один. Радуюсь!..

— Ники, теперь хватит радоваться. Иди к замполиту полка и не вздумай сказать, что командуешь взводом. А то нажалуешься, а мне втык будет за это.

— О-о! К замполиту... Заряжаться энтузиазмом и интузизмом. Воодушевляться и потом воодушевлять. Наполниться бредом по самое горло и затем излить его на вас, каналы.

— Иди, иди. Да поскорей возвращайся. А то без обеда останешься, — напутствовал Острогин.

У штабного бронетранспортера стояла группа офицеров, которых уже инструктировал Золотарев. Я подошел последним и тут же получил нагоняй.

— Товарищ лейтенант! Вы остались за замполита батальона, а опаздываете! Донесения вовремя не подаете, информации об обстановке не сообщаете! Списки отличившихся за батальон отсутствуют!

— Да у нас замполиты батальона почему-то все меняются или болеют, а я все время за них отдуваюсь. Почему так?

— Я не об этом спрашиваю? Где списки?

— Ну, я только из «зеленки» вылез. Какие списки?

— Вы первым делом списки должны подать и донесение написать.

— Когда написать?

— Когда прибыли.

— Так я десять минут, как прибыл.

— Разговорчики отставить. За десять минут должны были и написать.

— Бред.

— Не понял, что вы сказали?

— Брал, говорю, брал доклады от взводов и рот, а я очень медленно пишу.

— А мне послышалось...

— Послышалось, слышалось. С гор будем спускаться, на ходу писать донесение?

— Когда хотите, тогда и пишите, а придете, сразу итоговое донесение представить. Вот танкисты и артиллеристы все успевают. А лучше всех ремрота и рота связи. Берите пример с них!

— Я их даже с собой для примера могу в горы взять.

Мелентий Митрашу дернул меня за рукав и зашипел: «Не нарывайся, не связывайся».

— Опять демагогию разводите, лейтенант?

— Нет. Рассуждаю вслух.

— Рассуждать будете в одиночку, без нас! — оборвал замполит полка. — Всем подать донесения, выпустить боевые листки, провести беседы, подвести итоги первого этапа. С первым батальоном разберемся в полку. Политработники отдельные забываются, видно возгордились. Ишь, герои-боевики выискались какие!

Я открыл было рот, потому что все во мне кипело, но только охнул от тычка в бок. Это острый локоть Мелентия Александровича пресек мои попытки поспорить с руководством.

— Все свободны!

Мелентий принялся меня поучать.

— Ник, чего ты с придурком этим связываешься? Лучше промолчи!

— Мелентий, да что он придирается? Гад! Специально достает. А на меня зачем батальон свалил, ты ведь старший лейтенант!

— А ты — замполит первой роты! Тебе расти нужно, а я скоро домой!

— Дд-да, тебе расти, командуй, — поддакнул ему Микола.

— А ты вообще, жучара, закрой рот! Почему донесение вовремя мне не представил? — накинулся я на Мелещенко. — Выговор объявлю, когда в полк придем.

— В полку уже вместо тебя найдутся настоящие начальники.

— Вот именно. В рейд эти начальники ходить не ходят, а я за них отдуваюсь.

— Ничего! — успокоил Митрашу. — Скоро нам третьего по счету замполита батальона пришлют. Отдохнешь.

— Может, тебя назначат?

— Спасибо, не хочу за вас, балбесов, отдуваться. Я уж лучше в отпуск схожу и буду на замену готовиться.

— Счастливчик, — вздохнул Микола. — Ну пошли, «почуфаним»!

— Иди один.

Мы с Саней прыснули от смеха и пошли к своим ротам.

— Ну и словечко «почуфаним».

— Рассказываю всю родословную Мелещенко, — ухмыляясь, сказал Мелентий. — У Миколы был брат, который учился со мной в одной роте в училище, по имени Гриша. Так вот, Микола — младший брат этого Гриши. Придет к братьям посылка с родины, с Украины, полная сала. Счастье у братиков — прямо глаза светятся от радости.

Приходит в роту младшенький к старшему: «Братуха, пойдем, почуфаним!» Зайдут в класс, сядут за стол, нарежут сала, чесночку, лука и как зачавкают! Рожи их счастливые, лоснятся, как у двух жирных котов, объевшихся сметаной. Жлобы. Все вдвоем сожрут, перешептываясь, ни на кого не обращая внимания. И каким образом этого Миколу в Афган загнали, да еще в боевой батальон зацепили, ума не приложу! Тьфу.

Он сплюнул под ноги, словно прогоняя неприятные воспоминания.

— Так ведь в Кабуле в отделе кадров Миколе пообещали, что будет служить возле штаба армии.

— Ах вот как его обманули. Ну, с батальоном понятно, обманули, а вот как в Афган заслали? Как он не вывернулся?

— Не знаю, не знаю, надо будет спросить.

— Ну что, по ротам или на обед в столовую?

— По ротам. Никифор, не лезь нигде на рожон. Тебе еще полтора года до замены. Войны на твой век хватит.

— Спасибо за заботу. Но думаю, после бойни под Бамианом хуже уже не будет. Ты в такую переделку за два года попадал?

— Нет, Ник, бог миловал! Но и ты не расслабляйся. Как в песне поется — «вот пуля пролетела и ага!» Ну, будь здоров!

Погода все ухудшалась. Моросил мерзкий мелкий-мелкий дождь, похожий на мокрый туман. Всепроникающая сырость ухудшила настроение. Богом забытые места. Пока я дошел до своей роты, тактическая обстановка резко изменилась. Машины вновь заревели двигателями. Получен приказ на срочное выдвижение из долины. С таким трудом входили и вот уходим. А куда?

Вышли к аэродрому в базовый лагерь к дивизионным тылам. Задачу поставили такую, что в животе похолодело. Батальон занимает не сопки, господствующие высоты в районе Ниджераба. Горы покрыты снегом, температура порядка минус десять, сильнейший ветер. Может, задача на день, а то до Нового года осталось всего ничего. Есть совесть у командования или нет?

Рота поднималась выше и выше, снег становился все глубже и глубже. Сбитнев отправил меня на самый верх. Холод стоял собачий. Какие могут быть «духи» в такую погоду в промерзших горах? Мы разбили лагерь, вырыли в снегу лежанки, окружив их камнями. Три круглосуточных поста: у одного поста — я, у другого — зам комвзвода Дубино, у третьего — сержант Полканов.

Мокрый снег, ветер, вокруг ни черта не видно. Холодно. Бр-р-р.

Сутки прошли в наблюдении и дрожании от холода. Все сырое: одежда, обувь, тело. Днем пришел новый приказ: сидеть на задачах и не двигаться, затаиться. Ну и хорошо, что в Новый год будем вести себя спокойно на точках и никуда не двигаться. А нам и не хочется в такой собачий холод лазить по горам. Весь день я пролежал в бушлате на снегу, глядя в небо, и понемногу мерз. В небесах — сумрачно, по сторонам — белым-бело. В долине броня стоит, люди суетятся, костры горят. Гораздо теплее и веселее. Комедия ошибок и парадоксов какая-то: центр Азии, где люди от жары умирают, а мы тут от холода дубеем. Для этого ведь Сибирь существует!

К ночи похолодало еще больше, однако тучи ветром разогнало, и небосвод стал огромным и звездным. Мириады звезд еще больше подчеркивали ничтожность и быстротечность существования человека, тем более на войне. Время шло к полуночи. В тылах активизировался народ. Костры загорелись ярче, люди-человеки быстрее замельтешили у техники. Из

долины послышались звуки радио через «колокол» клубной машины, и вдруг ударили Кремлевские куранты!

Вверх, к звездам понеслись трассы пулеметного и автоматного огня, артиллеристы повесили «люстры» — осветительные снаряды и мины. Кто-то выстрелил из орудия, кто-то бахнул из БМП. Небо озарилось свечением от ракет и стрелкового огня. Над всеми задачами, где расположились наши роты, началась стрельба. Дал в небо очередь и я, выпустив целый магазин. Солдаты стреляли сидя, лежа, а пулеметчик, стоя, рассекал очередями из ПК черную бездну и громко матерился. Трассы пуль разрисовали черное небо. Бойцы кричали: «Ура!» — и подбрасывали шапки. Комбат по связи сердито стал ругаться, хотя только что его обслуга тоже палила очередями. Конечно, ему в «кунге» там хорошо, а тут одна радость — трассеры в небо пускать.

Над Баграмом и Кабулом также было все в огнях. Мы в горах стрелять закончили быстро, патроны сэкономили, а вот внизу успокоились не сразу. Минут пятнадцать то там, то там снова и снова стреляли. Я лег в спальник, продырявил баночку с соком и выпил за наступивший Новый год. Вот она романтика... Новогодняя ночь — ночь настоящего кошмара. Лег одетым прямо в спальный мешок, постелив бушлат под себя, чтоб не примерзнуть к ткани спальника. Проклятый холод, дрожь бьет все части тела ночь напролет. Минутное забытие — и снова пробуждение. Как в бреду. Время от времени издаешь окрик: «Часовой!» Бойцы с постов тебе отвечают. Если нет ответа, приходится превозмогать лень и холод, надевать полусапожки, выбираться из мешка и идти на пост и пинать спящего бойца. Рычать ему в лицо, стучать по башке, натирать снегом грязную от сажи физиономию, грубо материть. Возвращаться на лежбище еще противнее. Надо разуваться, снимать бушлат, застегивать спальник, пытаться принять удобную позу, чтобы в спину впивалось как можно меньше камней.

Среди ночи приказ — усилить посты. Приходится выставлять еще один пост. Утром все бойцы разбиты и измучены. После восхода солнца только и начинается отдых. Завтрак, а затем легкая дремота, переходящая в сон с громким храпом измученных бойцов.

Вечером роты спускаются вниз на броню, и полк передвигается обратно в Баграм. Непонятно. Ну загнали нас на Новый год в горы, а зачем? Поиздеваться? А может, спасти от потерь? Кто знает?

* * *

Утром вновь входим со стрельбой в кишлак и возвращаемся на оставленные посты. Проверили — мин нет. Осматривая развалины, заметили четверых «духов». Они нас тоже. Постреляли друг в друга. Враги убежали, унося раненого, словно растворились в винограднике. Кровь на тропе

дорожкой уходила в глубокий кяриз. Приказал Владимирову понаставить больше растяжек. Ночью сработали две из четырех. Бах, бах!!!

Утром на тропинке — капли запекшейся крови. Кто это был? «Духи»? Жители вылезли из кяризов? Тел нет. Мимо нас все время проходят машины под конвоем бронегруппы. Доставляют продукты, боеприпасы, вывозят солдат из «зеленки» в дивизию на дембель, вместо них едет молодежь. Бедняги будут сидеть в этой дыре два года, не высовывая носа. Если «повезет» и заболеют, побывают в госпитале.

Дурацкое сидение в кишлаке заканчивается через неделю. Сбитнев вызывает к себе, и мы, собрав пожитки, взвод за взводом, пробираемся к его посту.

— Ну что, замполит! Как тебе, не скучно быть взводным?

— Да нет, командир! Счастлив не видеть тебя целую неделю, а также рожи прочих взводных.

— Что ж, предоставляю тебе возможность не видеть нас еще какое-то время. Твой взвод и ГПВ идут во главе роты. Двигаемся вдоль канала до дороги на Чарикар. Вести огонь можно и вправо, и влево. наших там нет, и, наверное, никогда еще не было. Пробьемся этим путем на пост их второго взвода, завезем боеприпасы и уходим!

— Приказ понял, командир! Мы «разорвем» всех «духов», прорвемся к заставе. Чего бы нам это не стоило!

— Ну-ну, шути-шути! Давай двигай, рейнджер. Посмотрим, как будешь шутить на дороге у канала.

Сапер, пулеметчик Зибоев и прапорщик Голубев шли впереди, за ними четыре БМП. Время от времени наши лупили из пушек и пулеметов вправо и влево. «Зеленка» молчала, но было очень неуютно, и в животе от страха крутило.

«Духи» внезапно вышли из-за дувала лоб в лоб на Голубева. Прапорщик первым выпустил длинную очередь и завалил пару мятежников. Бойцы залегли за стеной, и началась перестрелка. Пули и осколки свистели над головами, но, к счастью, не цепляли никого. К нам добрался первый взвод. Острогин упал возле меня и обрадованно хлопнул меня по плечу.

— Что, жив, курилка? «Духов» много?

— А хрен их знает! Головы не поднять, чтоб их пересчитать.

— Так политдонесение и пошлем без точных данных?

— Главное, что листовки никак не раскидать обманутым дехканам! Ха-ха! Контрпропаганда срывается! Ну ничего, на винограднике развесим. А ну, Серега, подай снаряженный магазин!

И я, ухмыляясь, всадил длинную очередь в стреляющие развалины.

Внезапно вокруг начали рваться мины. Минометы! Фонтаны земли взметнулись вокруг нас. Ужасный свист осколков. Комья земли забарабанили по броне.

— Бойцы, отходим, — заорали мы с Сергеем одновременно.

Осколки со свистом плюхались вокруг, и стало по-настоящему страшно.

— Быстрее к броне! — проорал Острогин. — Уходим к ротному вон в тот дом, он там. — Сергей показал на большой дом с высоким забором, разбитым осколками.

Мы метнулись к броне, и тут же были засыпаны вокруг новой партией мин. Черт! Дьявол! Солдаты метались по арыкам между виноградниками и заборами. «Духи» минометным огнем отрезали наше отступление. Разрывы вздымались плотными рядами. Чудом без потерь мы отползли к бронемашинам и, скрываясь за ними, попятнулись дальше в укрытие.

Во дворе дома на поваленном бревне сидел старший лейтенант Сбитнев и по радиостанции докладывал обстановку.

— Ну что, герой! Бежали от превосходящих сил противника? — ухмыльнулся Вовка.

— Командир! — усмехнулся я. — Мы бились, как львы, но шакалов много! Временное отступление, но сейчас отдышимся и прорвемся в «Сталинград».

— Сейчас поработает артиллерия вокруг нас, а затем идем на прорыв. Все ясно?

— Да, ясно. Володя, добавь нам еще пулеметчика для интенсивности огня в «зеленке».

— Бери, Ник, для группы прорыва и для тебя лично ничего не жалко! Шутки в сторону: как только артиллерия стихнет, короткими перебежками возвращайтесь на позиции, откуда отошли, за вами пойдет техника. Вперед, удачи!

Едва-едва два взвода выскочили из двора в виноградник, как по нам сразу раздались выстрелы из развалин. Виноградник наполнился пороховой гарью от разорвавшихся мин, свистом пуль и осколков. Мы лежали лицами в землю, и грязь падала сверху нам на спины. Серия взрывов прозвучала за высоким дувалом, оттуда послышались вопли солдат. Мина разорвалась прямо возле меня, и Хайтбаеву разнесло щеку и бок. Он рухнул мне на руки, а кровь хлестала из ран сержанта мне на нагрудник. Я был весь в крови, но эта кровь была не моя. При помощи другого солдата я заволок раненого за ворота и положил у тыльной стены. Во дворе был хаос. Множество солдат корчились от боли, а те, кого не зацепило, перевязывали раненых.

— Где ротный? Сбитнев!!! — заорал я. — Володя!

Сквозь пелену дыма увидел, что санинструктор склонился над бревном, а на его коленях лежала голова ротного, вся в крови. Ротный что-то хрипел.

— Что с ним, Степа?

— Челюсть разбита осколками и посекло руку. Будэ житы. Не страшно, но лицо может измениться.

Я склонился над ротным:

— Вова, как ты? Сбитень, держись!

— Дай сигаретку, закурить хочу.

— Я ж не курю.

— Найди! Все у тебя не как у людей. Не куришь, не пьешь, наверное, и баб не любишь, — прохрипел ротный.

— Томилин, сигарету ротному, — заорал я.

— Да и я ведь не курю! — ответил сержант, перевязывая уже Хайтбаева.

— Дубино! Сигарету ротному! Вечно у тебя, Томилин, не как у людей! — рывкнул я на санитаря.

Дубино сунул сигарету в окровавленный рот Сбитнева, прикурил ее. Ротный поманил меня рукой, чтоб я к нему наклонился.

— Давайте прорываться. Как хочешь, но «духов» надо отбросить! — прохрипел он мне в ухо и закашлялся, при этом кровь захлюпала во рту, и капли брызнули мне в лицо.

Я выдернул окурок из его зубов.

— Вовка, похоже, с сегодняшнего дня курить ты уже бросил. Без зубов вообще курить неудобно. Ну у тебя и рожа. Теперь тебе будет очень удобно и легко свистеть.

— Ты, сволочь, мне и так больно, а ты смеешься, издеваешься.

— Не смеюсь, а сочувствую. Подбадриваю.

— Когда тебе яйца оторвут, я тоже посочувствую, что тебе теперь будет легко плясать и танцевать.

— Со мной учился один парень в училище, у него было полмизинца. Очень удобно в носу ковырять. А у тебя тоже будут плюсы: легко и быстро по утрам чистить поредевшие зубы.

— С глаз уйди моих, — зашипел командир. — Вперед! Под пули, марш! Может, тебе тоже скоро будет больно, и чего-нибудь будет не хватать. Ник, надо вырваться!

В его глазах застыли слезы. Я погладил его по голове. В русых волосах набилось много мелких комочков глины и пыль. Он протянул мне ладонь, и мы пожали друг другу руки. Сбитнев махнул рукой и закрыл глаза.

— Томилин! Степан! Всем вколи промедола, не жмись, и перевязывай, — приказал я, убегая к винограднику.

Из-за «Урала» вышел зам комбата — Бронежилет Ходячий. Про него мы совсем забыли, а ведь он тут нами рулит! Где-то отсиживался? Я побежал быстрее вперед, чтоб не объясняться с этим контролирующим. Два взвода ползли по арыкам между виноградными лозами к высокому дувалу. В небе появились четыре «крокодила». Лишь бы по нам не бабахнули. Я перевернулся на спину и пустил красную ракету в сторону «духов», может, заметят целеуказания.

Заметили! Отстрелялись очень точно, и после ракетного залпа мятежники за дувалами взвыли. Рота короткими перебежками достигла вражес-

ких позиций. Трупов нет, только кровь и бинты. Враги ушли. За нашей спиной послышался лязг техники: танки и БМП вовремя пришли на помощь. Танкисты принялись расстреливать все подозрительное вокруг. Рота вытянулась в колонну и двинулась к посту под прикрытием танков.

Сергей оглянулся на уходящую технику и подбежал ко мне, громко крича из-за контузии.

— Надо отступать скорей, пока «духи» из кяризов не повылазили опять!

— Согласен, сажаем пехоту на танки, и уходим!

Танками командовал новый комбат танкового батальона Ахматов.

— Романыч, привет, спасибо за помощь! — прокричал я, наклонившись к нему. — Надо сваливать быстрее, сейчас они очухаются и дадут жару.

Развернув пушки влево и ведя огонь на ходу, танки двинулись на прорыв. Пехота вцепилась в поручни, привязанные к башне шины и ящики и стреляла во все стороны. Десять минут показались часом. Вот и пост — скорее под его защиту. С его позиций велся ураганный огонь по кишлаку и за канал, душманы отвечали тем же.

Все успокоилось через два часа, «духи» сделали свое черное дело и ушли, а артиллерия и авиация для профилактики отстреляла запланированный боезапас. Вскоре над постом установилась тишина. Не шумел никто. Технику заглушили, а бойцы приходили в себя от горячки боя. Бронежилет (Лонгинов) сидел за радиостанцией и переговаривался с комбатом.

— Офицеры, ко мне, бегом! — вдруг дико закричал Лонгинов.

— Что случилось? — спросил Острогин, который стал исполнять обязанности командира роты.

— Сейчас прилетят два «Ми-8» эвакуировать раненых. Срочно занять оборону за дувалами, открыть огонь по всему подозрительному. Обеспечить посадку вертолета. Будет два захода, у нас девять раненых, у танкистов — один, и на заставе — один. Всему личному составу выдвинуться из заставы в окопы на выносные посты. Вперед, выполнять приказ.

Вертолеты под нашим прикрытием увезли раненых, «духи» даже не стреляли в ответ на наш огонь. Может, ушли в кяризы? Артиллерия хорошо обработала «зеленку», а кому захочется с автоматом под снарядами бегать.

— Ну, вот мы опять без командира, — вздохнул Острогин.

— Ненадолго Вована хватило, — ответил я так же грустно. — Всего на один бой! Принимай командование, Серега!

— А почему я? Может, ты покомандуешь? Ты ведь зам командира роты, — попытался свалить все на меня Острогин.

— Нет, я исполняю обязанности замполита батальона, да и ты — старший по званию, уже месяц как старший лейтенант!

— О, а старший по званию Недорозий, он у нас целый капитан!

— Ага, он капитан, но одной ногой уже в Забайкалье, а здесь присутствует только его тень, — сострил я.

— Какая тень? Вон стоит и улыбается, живой, здоровый, опытный десантник, капитан спецназа.

— Нет-нет, ребята, спасибо, командуйте сами, а то что-нибудь не так, и вовсе под трибунал попаду. Лучше я спокойно поеду домой в Забайкалье!

— О! А может, Ветишина сразу с поста заберем, и пусть он командует? — высказал новую идею Острогин.

— Серега! Ты чего дурака валяешь? Командуй, дел-то — выйти из «зеленки» и домой.

Наши разговоры услышал капитан Лонгинов.

— Вы что анархию устраиваете? Бардак какой-то в роте. Острогин! Вы тут ерундой не занимайтесь. Принимайте руководство, а в батальоне разберемся, кто из вас будет новым командиром роты!

— Ну вот, Серега, ты на пути к командованию батальоном. Жду распоряжений!

— Вот мой первый приказ: перекур двадцать минут и обед! — изрек Острогин две мудрые фразы.

— Хороший приказ, — обрадовался я. — Умираю от голода.

Вот закончился год, тяжелый год. Первые потери при мне в роте, что будет дальше?.. Кончилось везение?..

А может, еще осталось чуть-чуть. В Бога не верю, в черта-дьявола — тоже. Кого просить о поддержке? Инопланетян? Кто-нибудь, спаси меня и сохрани!

Глава 11

Верить и надеяться

Дверь в комнату почему-то была приоткрыта. От легкого пинка она распахнулась, и я зашел в «кубик», бросил нагрудник на тумбочку и упал на кровать, свесив ноги. Закрыв глаза, хотелось выть. Кажется, удача кончилась, можно сказать, отвернулась от роты. Сколько было потерь за полгода в третьей роте, во второй, в минбатарее, в АГСе, в разведвзводе, в «обозе», в других батальонах. Все-таки «рыжий» был прав: ушел из роты и увел удачу. Вот теперь он в Союзе жизнью наслаждается, а мы тут будем кровью захлебываться. Упали две минометные мины — и скосило девять человек...

Что было дальше? Погрузив в вертушку всех раненых, рота сделала рывок к заставе и укрылась за ее высокими стенами. Броня оцетинилась пушками и пулеметами, и стреляли по всему подозрительному в соседнем кишлаке.

Время от времени танкисты стреляли за канал, но редко, экономили снаряды: предстояло еще к «бетонке» пробиваться. Авиация вела беспрерывную штурмовку «зеленки». Штурмовики пара за парой пикировали, нанося ракетно-бомбовые удары, штурмовиков меняли «крокодилы». Когда авиация улетела для загрузки, на «зеленку» навалилась артиллерия группировки. Фонтаны разрывов вырастали среди домов и садов один за другим. Над кишлаками висела сплошная пелена дыма и пыли вперемешку с туманом и морозящим дождем.

Острогин предложил зайти погреться к начальнику заставы. Голубев решил пострелять напоследок из тяжелого оружия по «зеленке». Это был его последний, вернее как принято говорить, крайний рейд. Пришла ему замена! Дома он будет начальником склада, эта должность его уже ожидает. Пулемет на себе носить больше никогда в жизни не придется...

— Хочу проститься с «духами», с солдатами поговорить, Лебедкова и Юревича потренировать, — пояснил Голубев. — Сержанты они молодые, толком еще ничего не умеют. Вся старая гвардия — Гудков, Погонов, Стрекалов, мои первые помощники — уходят следом за мной через месяц. Пойду постреляю, потренирую молодых сержантов!

— Давай, старый, учи уму-разуму, а мы на заставе погреемся! — Сергей похлопал одобрительно прапорщика по плечу.

Втроем вломились в комнату отдыха, где начальник заставы пил чай с минометчиками и командиром танковой роты.

— О, пехота пожаловала! — заулыбался лейтенант Барашков. — Замерзли?

— С вами замерзнешь! Минами забросают, а потом сочувствуют. Вот признайся, Барашков, по твоей наводке нас отбомбили? Ощущение было такое, что это били «Васильками». Случайно не наша минометная батарея по твоей наводке стреляла? Признавайся, Андрей!

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал командир минометной батареи белобрысый капитан Степушкин.

— Вот! На ловца и зверь бежит! Василий, это ты нас накрыл? Скажи честно!

— Да что вы заладили! Комбат, комполка, все болтаете, что попало. Мы вместе с начартом полка стреляли, он подтвердит.

— Вместе были, вместе и били, — вздохнул Острогин.

— Ну, честное благородное, не виноват. Не стрелял я по вам. — И капитан быстро перекрестился.

— Нас там так зажали, прямо обложили со всех сторон! Мы с Никифором, как зайцы, метались по арыкам и виноградникам. Куда не прыгнешь, всюду разрывы. Вперед — не пускают, назад — отсекают, прямо — огненный мешок. Но самый удачный залп был по дому, отличная кучность.

— Нет-нет! Мы открыли огонь из «Васильков», когда вы заверещали об обстреле.

— Не знаю, не знаю! — гнул свою линию Острогин. — Вся пехота считает, что надо бить физиономии минометчикам.

— Пошли к черту, все настроение перебили чайку попить! — Василий вышел, громко хлопнув дверью. За ним, бочком-бочком, следом подался Барашков.

— Обидели мужиков, может, и зря? — вздохнул танкист капитан Скворцов.

— Зря не зря, а ты на рожу Сбитнева бы посмотрел. В одну щеку осколок вошел — в другую вышел. Язык будет двойной, как у змея. Он зубов половину челюсти выплюнул. А солдат сколько покалечило? Довежут ли всех живыми до госпиталя? Его счастье, что нам Васька под горячую руку раньше не попал, и основную часть злобы мы на «духов» выплеснули! Я своими руками, желательно тупым ножом, яйца бы отрезал тому, кто по нам стрелял.

— И я тоже. Вопрос — кому именно? — поддержал Сергея.

— Ребята, угомонитесь. По сто грамм будете? — примирительно встрял в разговор лейтенант, хозяин дома. — Меня зовут Эльдар, я начальник заставы. Будьте как дома. Давайте выпьем за знакомство! Спасибо, что пришли и помогли, «духов» в округе распугали.

Мы назвали себя, пожали руки, но от выпивки отказались.

— Ну, вот и познакомились! Очень рад вам, ребята! Тут так тяжело нам было в последний месяц! И мне, и Сережке Ветишину головы не поднять! За водой не выйти, не проехать, но теперь притихнут на полгода, до лета.

— Ну, Серегу Ветишина мы у вас уже забрали, будем его сами мучить. Раз такое дело и здесь теперь курорт начнется, а он парень молодой, то пусть пашет в полку, — огорчил я лейтенанта новой вестью.

— Почему это забираете? По какому праву, а как же мы?

— Это наш парень, — заулыбался Острогин, — мы его воспитывали, а его у нас на «большую дорогу» забрали. Не дадим испортить парнишку! Приказ командира полка.

— Это точно! Не дадим, сами съедим, — завершил я тираду.

— Ну, узурпаторы! Им гостеприимно по сто грамм предлагаю, тушенкой угощаю, а они кореша уводят. Я с ним учился в одном батальоне и вместе жили в учебном центре в Келите. Такая подлянка с вашей стороны. Удружили...

Танкист громко рассмеялся тому, как мы обрадовали хозяина, забрал наши стаканы и перелил самогонку в свою кружку. Выпил залпом, закусил куском сала и, продолжая весело хихикать, Скворцов ушел прочь.

— Ребята, я вам больше самогонки не предложу за такую пакость. Сережку у меня увели. Ну спасибо, удружили!

— Не за что, — ответил Острогин. — Нам в рейды ходить не с кем. Офицеры-заменщики, раненые или больные! Вот такая у нас веселая жизнь!

— С боевых вернемся, и этого вот капитана заберут, в Союз в ссылку отправят! — ткнул я пальцем в задремавшего Недорозия. — Не удивляйся, Эльдар, это длинная история.

— Так что, если командир полка в начале рейда еще думал, возвращать Серегу или нет обратно к нам в роту, то теперь он сам приказал ему быстро шмотки собрать! — ухмыльнулся Острогин. — Сейчас Ветишка со второй ротой выбирается к Баграму, а в полку мы на него навалимся, запашем как молодого.

Недорозий слушал нас, борясь со сном. Он тяжело кряхтел и сопел из своего угла, куда он тихонько забился. Начальника заставы позвал какой-то прапорщик, а Сергей еще сильнее принялся вздыхать и бормотать.

— Серега, ты чего там? — спросил Острогин. — Уснул?

— Мужики, разве нельзя было выпить за знакомство, а потом байки про нашу «черную неблагодарность» рассказывать.

— Сергей! Ты что? — строго воскликнул я. — Забыл, трезвость — норма жизни в сороковой армии?! Не дай бог, потеряешься тут на заставе! Тогда зависнешь в Афгане еще на полгода, а нас за тебя будут дрючить. А может, махнуть тебя на Ветишина? Хочешь?

Сергей с тоской оглядел глиняные стены кубрика, задумчиво посмотрел в самодельное окно и нервно передернул плечами.

— Нет, ребята, спасибо. В Союз так в Союз. Хватит приключений на старости лет! Чем в тридцать шесть сидеть взводным в кишлаке и выть на луну по ночам, я лучше в Забайкалье вернусь! Там в магазинах такой отличный, вкусный питьевой спирт продают! Домой! Пора домой.

Вернулся чем-то рассерженный Эльдар. Матюгнулся и пнул табурет, налил самогонку во все стаканы.

— Парни! Хлопнем понемногу с грусти?

— А что случилось? — поинтересовался Острогин.

— Комбат, гад, в отпуск отправляет. Я всего-то семь месяцев в Афгане! Мне потом полтора года в «зеленке» безвылазно гнить? Что я в январе-феврале дома буду делать?

— Снеговиков лепить, снегурочек любить! — засмеялся Острогин.

— Я планировал в июне, денег на счету совсем мало. К Хидиятулину в гости, что ли, съездить?

— К кому? — ошалел я.

— К футболисту! Я с ним в одной роте служил в Закарпатье.

— Да я знаю, что к футболисту, с детства болельщик. А как ты с ним в одной роте оказался?

— Это он в моей роте оказался. Он перед чемпионатом ногу сломал, его из ЦСКА отчислили, и по разным спортклубам военных округов начали гонять. Прибыл во Львов местный клуб, по приказу поднимать на ноги команду округа. А командующий был чудила, говорит: «Выведешь клуб из первой лиги в высшую, я тебе старшего лейтенанта присвою — дос-

рочно!» Ну а он в ответ: «В жопу ваше звание — я футболист сборной страны и играть буду только в Москве». Тогда его, как младшего лейтенанта, в нашу орденоносную «Железную дивизию» — взводным. Игорек — так мы его называли — офонарел: вместо сборной — взводным в Закарпатье!

— Я слышал про «дурдом» в той дивизии, — заулыбался я.

— Это очень мягко сказано — за год столько здоровья и нервов потерял. Рота сокращенного состава, взводных двое — я да Игорек. Он то в Москву, то в Киев в спорткомитеты ездил, добивался увольнения из армии, а мне через сутки начальником караула. За себя и за того парня. Правда, мячик хороший подарил, бутсы, майку с эмблемой ЦСКА, гетры, спортивный костюм. Командир полка бесился, а сделать ничего не могли, вот всю злость на мне и ротном срывали. Потом, когда Игорь уволился, я к нему в Москву звонил, он меня в гости приглашал. Я собирался съездить, а меня — в Афган, как только разнарядка пришла. Комполка отомстил за дружбу с футболистом. Скотина!

В помещение ворвался испуганный Голубев.

— Ребята, там Бронежилет Ходячий рвет и мечет, офицеров требует.

— Эльдар, спасибо за предложение, пей сам, а наши стаканы спрячь — Лонгинов сожрет! — забеспокоился я.

— А, Семен! Знаю, знаю. Это «подарок» второго батальона вам. Бывший мой ротный. Хорошая кличка — Бронежилет Ходячий. Надо рассказать ребятам. Гнус, каких свет мало создал.

— А теперь, когда он эту должность получил, стал гнус в квадрате! Ну прощай, может, свидимся! — попрощался Сергей и потянул за рукав окончательно разомлевшего и задремавшего Недорозия.

— Подъем, по коням! — заорал я, и мы с гиканьем и свистом побежали на вздрючку.

Вздрючка не удалась. На пороге столкнулись со Свекольниковым, спешащим с радиостанцией в руках.

— Комбат!

Острогин взял наушники и, выслушав, нам сообщил весть:

— Выходим. Через пять минут — прорыв. Сейчас артиллерия долбит по дороге вдоль канала. Как только она умолкает, мы быстро проскакиваем этот опасный участок до бетонки. Танкисты впереди, затем минометчики, пехота в промежутках. Ник! Ты, как всегда, в замыкании, на последней машине.

— Спасибо, удружил!

— Не за что. Зато я возьму на себя Бронежилета.

Огрызаясь во все стороны огнем из пушек пулеметов и автоматов, колонна выдвинулась от заставы. Кишлак несколько раз ответил автоматными очередями, выстрел из гранатомета разбил привязанный к башне

танка деревянный ящик. Ранило танкиста, слегка зацепило одного солдата-минометчика. Но прорыв прошел более-менее удачно, без жертв. Могло быть и хуже. Ненавижу Баграмскую «зеленку».

* * *

В полку было много новостей. Ваня прислал письмо из Союза. А еще говорят, что рыжим не везет. Жив, здоров и зовет всех в гости. Грошиков прямо из санчасти уехал на Суруби в третий батальон, принимать под командование роту. Очень переживал, что замена может затянуться из-за повышения в должности. Сменщика у Голубева «украли» в штабе дивизии и перебросили куда-то в тылы.

Голубь сизокрылый орал и матерился, бегал по казарме, пинал двери, швырялся табуретками.

— Больше не пойду. Никуда не пойду! У меня был заменщик. Куда его дели? Суки! Я не собираюсь подыхать в этой дыре, в этом долбаном средневековье! Где мой заменщик! Крысы штабные! Сволочи тыловые! Перекупили, украли. Гады-ы-ы.

Сизый заплакал, слезы потекли по испещренным глубокими морщинами щекам.

— Сизый! Успокойся! — схватил я его за руку и потянул в каптерку. — Старшина, пузырь есть?

— Есть, — ответил Веранян, — для замены готовил, на стол поставить — водка, коньяк.

— Доставай водку, будем его в чувство приводить, — попросил я старшину и добавил:

— Гога, пожалуйста, не жадничай. У Голубева нервный срыв. Не выпьет — инсульт может случиться. Налей ему грамм двести и составь компанию. Но только чуть-чуть, тебе сегодня работать. Семен, посиди, расслабься, все будет хорошо. Разберемся, обещаю: найду тебе замену. Найду!

Солдат помыли, вещи разгрузили, сдали донесения в штаб, и наконец-то я добрался до своей конуры. Еще в октябре нас переселили, собрали весь батальон в одном модуле. Штабным построили новое общежитие, но они туда не перебрались. Многие свои комнаты сохранили, как и прежде.

Комбат и управление батальона заняли две комнаты, а для прочих офицеров выделили только три помещения. Теснота! Но в тесноте, да не в обиде. Прапорщикам батальона тоже досталось два кубрика, но старшины отказались покидать каптерки, а минометчики затаились в общежитии артдивизиона. В нашей каморке стояли шесть кроватей. Два громадных шкафа создавали тамбур, остальное имущество — стол, заваленный тарелками, ложками, кружками, тумбочки и табуретки. Ничего лишнего. Све-

томаскировка из фольги закрывала окна, в комнате был полумрак и легкий сквозняк.

Сейчас что-то в комнатенке не так. Но что?

В помещение ворвался Габулов и сразу заорал:

— Замполит! Чего валяешься? Балдеешь? Кайфуешь, плесень?

— Кайфую. Эдуард, чего ты орешь?

— Чего ору? Ограбили нас, вот чего ору!

— Кого нас? Тебя?

— Меня, меня! Может, и тебя, чемодан проверь!

— А с чего ты взял?

— Старшина доложил, что кто-то замок дверной отжал, а потом испугался и через окно вылез. У меня в чемодане две полочки лежали — пятьсот чеков! Украли! Я уже прибежал, проверял. Ты что, не заметил, что дверь не закрыта?

— Да, как-то даже не обратил внимания!

— Вот то и не так, поимели нас в наше отсутствие, пидо...сы! Убил бы, гниду.

Я встал, вытащил свой огромный чемодан из-под кровати. Замки были взломаны и открыты. Брать в них было нечего, но пропала коллекция монет. В Джелалабадской операции в хибаре бойцы нашли большую шкапулку с мелочью. Монеты афганские, индийские, иранские, пакистанские, арабские — всякие-всякие. Я выбрал для коллекции по паре одинаковых, не больше. Набралось штук триста. Теперь их нет. Еще пропала новая тельняшка.

В кубрик ввалились Мелещенко и капитан третьей роты Женька Жилин. Ребята о чем-то оживленно переговаривались.

— Парни, пойдем мыться, душ свободен, бойцы все помылись!

— Помылись, помылись! Смотрите, что у вас пропало! Мне тут не до мытья, все чеки украли, скоты!

Ребята переглянулись, открыли тумбочки, закрыли.

— У нас чемоданы — в каптерке, — ухмыльнулся Мелещенко. — Пойдем, Женя, в душ, мы за мылом и полотенцами вообще-то зашли, да и шмотки забрать. Комбат приказал всем офицерам жить в казарме.

— Когда приказал? — удивился я.

— Сейчас встретился в коридоре и распорядился: всем офицерам и прапорщикам переселяться.

— Да у меня каптерка забита под завязку! Куда размещаться?

— В расположении спать. В какой каптерке? В расположении возле солдат. У входа ротный, у ленкомнаты замполит, взводные с взводами, — грустно улыбнулся Евгений.

— Скоты, сволочи! — завизжал Габулов. — Совсем решили в грязь втоптать. Если я солдат, я буду спать в коридоре, в казарме, а если я командир роты, я буду спать в своем кубрике! Пошли все на х..!

— Пока что идем туда все мы, — засмеялся Микола.
— А комбат где будет спать, с разведвзводом? — спросил я.
— Нет, комбата это не касается, только ротное звено.
— Ну жизнь, унижают на каждом шагу. Мудаки! — продолжал бушевать Габулов.
— Ник! Ты идешь? — спросил Мелещенко.
— Пойдем, ополоснемся без строя, — вздохнул я, — может, в следующий раз по команде, офицерской колонной с песнями придется идти.

Душевая представляла собой морской контейнер, внутри которого были проведены трубы, накручены краны и раструбы для мытья, на пол брошены сколоченные в виде решетки доски.

Навстречу нам вышли Афонасий Александров и Юра Луковкин. По простому: Афоня и Лука.

— Мужики, опоздали, вода только для моржей, чуть теплая. Зам по тылу пришел и сказал, что не будет ждать, пока офицеры соизволят собраться, — сказал Афоня. — Сука этот Ломако!

— Вот сволота тыловая! Знает ведь, что пока рапорта и донесения не сдашь, из казармы не уйти. Гад! — завозмущался Микола.

— Ну что, рискнем, поморжуем? — спросил я приятелей и пошел в контейнер.

Ругаясь на чем свет стоит, мы разделись и принялись быстро смывать с себя грязь, пыль и пот под прохладными и тонкими струйками воды.

В душевую вошел краснощекий зам по тылу полка Ломако.

— Здравствуйте, товарищи офицеры! Как душ?

— Пошел в жопу, — раздалось из темноты.

— Но-но, кто это хамит?

— Конь в пальто, иди сюда, копытом в грудь лягну! — продолжал тот же слегка пьяный голос. — Тебя бы в холодную воду после двух недель ползанья в «зеленке» засунуть, я бы послушал с удовольствием маты!

Из полумрака выдвинулся зампотех танкового батальона.

— А, подследственный, — смущенно забормотал тыловик, — ну-ну, поговори, пока на свободе. — Майор проходил по делу о хищении дизельного топлива. Он попался на мелочи, на продаже нескольких тонн. Но особысты взяли с поличным, и требовалось списать на кого-то все грехи.

— Вот эти молодые лейтенанты промолчат, а я тебе скажу, уж кто жулик, так это ты: сколько спирта ушло, сколько тушенки?

Мы дружно засмеялись, а Ломако, прошипев что-то под нос, выскок из контейнера. Вода становилась все холоднее.

Смыв грязь и при этом сильно замерзнув, мы побрели в казарму. Настроение было паршивейшее.

В канцелярии, к моему удивлению, сидел сияющий Эдуард Грымов, живой и здоровый.

— О-о-о! — вырвалось у меня. — Взводных — полный комплект!

— Да нет, — перебил меня Острогин, — лейтенант Грымов назначен уже заместителем командира роты, а пока исполняет обязанности ротного. Пока!

— Да, пока! — пожимая мне руку, многозначительно произнес Грымов.

Я посмотрел ему в глаза и задумался. Он был ужаснейший карьерист, и Эдуард этого и не скрывал. И характер у Грымова гнуснейший! Ох, и хлебом с ним лиха... Видно, Сбитнева он уже списал со счетов, перешагнул через него, как через преграду, и чувствует себя почти ротным.

— Я сейчас из штаба, от командира полка. Решил за пять минут почти все вопросы, которые Сбитнев полмесяца не решал или не мог решить. Хромоногую Корнилова вместо Ветишина отправляют на дорогу, хватит у нас за штатом висеть, как хомут на шее. Из госпиталя сразу отправится туда, раз по горам ходить не способен. Назначение Грошикова в роту состоялось позавчера, как и моя с ним рокировка. Недорозий уже выведен за штат. Окончательно. Теперь будем ждать нового взводного. Наконец-то роту офицерами укомплектуем.

Эдуард по-хозяйски принялся распоряжаться всем, как будто он уже стал командиром роты. Очевидно, возвращение Володи из госпиталя в его планы действительно не входило. Он поставил на нем жирный крест.

— Тебе, замполит, нужно побольше с людьми работать, на полигон почаще с ротой выходить, хватит бумагу марать, — это Грымов в конце совещания принялся за меня.

— Товарищ лейтенант, — ответил я ему официально, — мне придется эту «бумагу марать» и за себя, и за замполита батальона. Уже второй замполит с батальона при мне ушел, а нового пока нет.

— Уже есть. Твой старый знакомый — старший лейтенант Артюхин. Два капитана не удержались — сбежали, теперь старший лейтенант попытается. Хотя, говорят, он уже почти капитан и недели через две появится. Но я не позволю тебе прикрываться батальонными делами, заруби на носу. Будешь получать взыскания за роту от меня, если в роте не будешь работать.

И он выразительно посмотрел на всех. Вот, мол, я какой!

Неделя началась хуже некуда. Наконец-то отправили в Союз нашего капитана-десантника: и смех, и грех. Перед завтраком Ветишин подошел ко мне и доложил:

— Проводил Серегу Недорозия, с подъема проводил в штаб, пожал руку, помахал вслед автобусу. Сопровождать к самолету поехал лично особист батальона Растяжкин.

— Вот это да! Особист? Не может быть!

— В общем, тот в командировку едет, ну и взялся присмотреть за ним до Ташкента. Но я со вчерашнего вечера хожу под впечатлением от этого Забайкальского «монстра».

— Кого?

— Сереги! Он мне после отбоя одеколон пить предложил.

— Вот дает!

— Вот-вот! Взял он бутылек «Тройного» у старшины и предложил распить в канцелярии. Я отказался, а «спецназовец» налил себе в кружку и содержимое залпом выжрал. Сигаретку закурил, песню мурлычет. Меня чуть не вывернуло, на крыльчке подышал, минут пятнадцать — полегчало. Возвращаюсь, а он собрал пакетиков двадцать чайных из сухая и чифир сварил на плитке — смакует. Выставил его под предлогом, что свет спать мешает, лег на сейф на матрас и думаю: «Не капитан, а бич какой-то!» И вроде чего-то не хватает, что-то пропало. Утром побрился, а одеколону нет. На полочке «Миф» стоял и французский «О'Жен». А сегодня их нет. Заглянул в ленкомнату: в столе — кружка и пустые флаконы. Я еще думал, провожая, чего от него так морем пахнет, а это мой одеколон «Миф» на водорослях.

— Хороший коктейль он себе приготовил, — засмеялся Острогин. — Мой «Миф», твой «О'Жен» — классно погулял капитан. «Бумеранг» вернули в Забайкалье, пусть радуются, а то думали сбегать такого кадра!

— Хотел бы я увидеть физиономию комбрига, который выслал его к нам на два года, а он через два месяца возвращается. Ха-ха-ха, — я рассмеялся, и все офицеры засмеялись, представляя живую картину «Не ждали!».

Из штаба примчался свирепый Грымов.

— Острогин! Быстро собирай взвод, получить оружие, гранаты, патроны, снаряжение, шмотки. Вот список всего, выноси на плац, через два часа проверит начштаба батальона.

— Куда меня? В Забайкалье, как капитана Недорозия?

— Нет, на гору Курук пост создавать. С каждой роты выделяем по взводу на три новых поста. С тобой расчет миномета из трех бойцов и даю Зибоева с пулеметом. Сколько у тебя своей пехоты?

— Вместе с писарем роты шесть солдат и сержантов.

— Без писаря! Ему и тут работы до боевых невпроворот. Итого: ты, сержант и восемь солдат. Хватит вполне!

— Вполне хватит, что бы что? Геройски погибнуть? — рассердился Острогин.

— Нет, для строительства заставы и двух выносных постов. Через неделю тебе замполит довезет продуктов, воду и все остальное. Сейчас тебя проверят и на аэродром. Крутись сам, нам нужно на полигон на занятия, старшина всем снабдит.

Вскоре завязалась ожесточенная схватка между Сергеем и Вероняном.

Гога старался сплавить все старое, подозревая, что ничего в роту обратно не вернется, а Острогин хотел все новое или хотя бы целое. Шум-гам, крик, визг старшины.

— Чертов «ара», сейчас будет Серого обжуливать, — вздохнул Ветишин, — а он как на горку без замены?

— На месяц. Потом ты его заменишь, затем замполит, — ответил Эдик. — Если разрешат, я слетаю, думаю: там будет как в доме отдыха.

Механики отправились в парк, а вся оставшаяся рота двинулась на стрельбище. До полигона два километра, по плану пристрелка, так началась десятидневная программа боевой подготовки. Эти планы все время меняются: то недельные, то восьмидневные, то десятидневные, то двухнедельные. Расписание под копирку писать не получается, каждый раз что-то новое.

Не успели мишени расставить, примчался посыльный за мной и за Грымовым. Срочно на плац!

Быстрым шагом вернулись. Целая толпа тыловых и штабных вокруг трех групп пехоты.

— Вы где болтаетесь? Все брошено на старшину и этого лейтенанта! Полный развал! — орал заместитель командира полка.

— Не лейтенанта, а старшего лейтенанта! — огрызнулся Сергей.

— Как старшего лейтенанта? — сбился с мысли майор Губин.

— А так, приказ пришел два месяца назад, а ни зачитать, ни погоны вручить! Ни в полку, ни в батальоне не соизволили. Строевик сказал номер приказа, вот и все.

Слегка смутившись, майор, тут же вновь перейдя на крик, «перевел стрелки» на меня.

— Замполит, эта ваша вина!

— Да нет, я два раза напоминал в батальоне, а от себя лично Острогина поздравил!

— А где приемник для заставы, где боевые листки, где походная ленинковая комната? — вновь напал майор Губин. — Бездельничаете?

— Мы на стрельбище были, занятия проводили, — вступился Грымов. — Я лично его забрал работать с людьми, занятия плановые, Ростовцев на учебном месте по гранатометанию руководит.

— Обоим будет взыскание сейчас за пререкания. Быстро устранять недостатки!

Пришлось отдать единственный приемник роты «Маяк». Вручилержанту целую пачку листовок, газет, брошюр, боевых листов и ящик с походной ленинской комнатой. Пишите, ребята!

Уф-ф-ф! Улетели...

Рота совсем обезлюдела. Голубев, так как его заменщик на должности в дивизии пристроился, решал вопрос об отъезде домой самостоятельно. Комбат согласился Сизого отпустить, если мы найдем ему в полку замену. Эх-ма, где ж его найти, балбеса, на такой взвод! Перед обедом мы повели со старшиной солдат наполнять фляжки отваром из верблюжьей колючки. Профилактика от гепатита и дизентерии! У котла орудовал черпаком здоровенный прапорщик. Я знал, что он недавно прибыл и служит в нашем батальоне, зовут Игорем, а какую должность занимает, не знал.

— Игорь, ты чего тут черпаком в котле мешаешь?

— Да вот, бурду варю, всем раздаю.

— Игорек! Ты кто по должности? — ласково спросил я богатыря.

— Техник взвода обеспечения, а вообще, «куда пошлют» и «что изволите». Надоело хуже некуда! Еще по пьянке комбату нагрубил, теперь живым съест.

— Старшина! Возьми черпак, я с человеком одно дело обсудить хочу, пожалуйста!

— Вах! Возьми черпак! Он больше меня, мне делать нечего, что лы? Сэржант! Дубино! Разливай чай!

— Игорь! Пойдешь к нам в первую роту командовать гранатометным взводным? Голубева мы домой отпустили, а где замену найти, не знаем. Выручай! В рейд скоро идти некому будет, — сказал я.

— А из АГСa пострелять дашь?

— Настреляешься вволю, хоть завтра стреляй!

— А из ПК и «Утеса»?

— Из всего, что стреляет!

— Но мне их в горы таскать придется?

— Игорь! Для тебя это ведь как автомат или пистолет, ты такой здоровый!

— Я потомственный шахтер, из Донбасса! Кайло, кувалда, отбойный молоток — все знакомо! Уговорил! Только заведи меня быстрее от комбата, ради бога!

— Сейчас же пойду решать вопрос, только извини, как твоя фамилия, а то все Игорь да Игорь.

— Бодунов — моя фамилия, Игорь Владимирович.

— Бодунов от слова «бодаться» или от «бодуна».

— Нет-нет. Я к пьянству не то чтобы равнодушен, но все в меру.

Понятие «мера» впоследствии оказалось у каждого свое. Но это выяснилось позднее...

Капитан Головской, зам по тылу батальона, не возражал, а комбат сморщил нос и скривился, как от зубной боли.

— Что, одного пьяницу решили поменять на другого?

— А есть варианты? Есть другие кандидатуры пулеметы таскать на

себе? — вопросом на вопрос ответил я ему. — Он, можно сказать, добровольно, с желанием идет.

— Ну что ж, бери-бери. Потом не жалуйся, на полную катушку будешь получать за него. Забирай, а в штабе полка я все утрясу.

— Игорь, бросай черпак, марш в роту, — заорал я, подбегая к полевой кухне, обрадовал я через полчаса Бодунова.

— Что, все? Так быстро? Я думал: шутка и треп.

— Мужчины шутят всерьез, особенно распоряжаясь чужой жизнью.

— Сержант, бери черпак! — воскликнул прапорщик весело. — Моей жизнью уже распорядились! Колесо фортуны крутанули в неизвестном направлении. Может, к счастью и удаче.

Полегчало. Из четырех взводов командирами укомплектовали три. Осталось решить вопрос с командиром роты. Не хотелось, чтобы Эдик стал ротным. Злопамятный и недобрый, самовлюбленный человек.

* * *

На совещании офицеров батальона нас ошарашил нововведением комбат и зачитал приказ командира полка:

— Всем офицерам и прапорщикам перейти на казарменное положение, чтоб за личным составом следили, были ближе к людям. Поставить койки в расположении и спать рядом со своими взводами! Новое веяние эпохи. Перестройка! Всем перестраиваться!

— А зачем эта глупость, — заорал командир второй роты, — совсем втоптали в грязь офицеров! За сержантов работаем, везде ответственные, солдат яму копает, рядом — офицер. Ответственные, старшие, надсматривающие, проверяющие. Надоело!

— Надоело, пишите рапорт, что вам тяжело с личным составом, и поможем перейти на должность с меньшим объемом работы, — парировал Подорожник.

Началось великое переселение из общаги. В минометной батарее, второй и третьей ротах офицеры поселились в бытовках, а в нашей бытовке организовали показуху для проверяющих. Жилья нам не нашлось. В итоге Ветишин так и спал на длинном металлическом ящике, сворачивая на день матрас, старшина жил в каптерке, технику и Бодунову поставили койки в расположении. Эдик Грымов промолчал, он ночевать уходил то в свою комнату, то к танкистам. Я же надувал резиновый матрас и стелил поверх его спальный мешок. Свинство — жить в полку и спать в спальнике. Правда, ночи были прохладными, поэтому в спальном мешке даже лучше, чем в кровати.

Острогин голодал на горке. Получив продукты и воду на взвод, я вылетел к нему на пост. Вертолет перебросил нас через ущелье на плоский хребет. Внизу под брюхом садящегося вертолета скакали и кричали радостные чумазы солдаты.

— Ура!!! Ура!!!

— Ник, что привез? — кричал радостный Острогин. — Чем обрадуешь, дорогой?

— Привез все, что просил! Воду, еду, патроны, мины, — ответил я, улыбаясь. — Сергей, как я рад тебя видеть, наглая морда!

— А уж как я рад!

— Сережка, какова жизнь отшельника? Уже одичал?

— Да почти. Что в полку нового?

— Дурдом, как всегда. Боевых не предвидится недели две. Как тремя взводами воевать дальше будем — ума не приложу. Ободрали батальон, словно липку. Я у тебя отдохну дня три, устал как собака, выпускали агитацию, документацию снова и снова делал и переделывал. Только напишешь, заставляют переделывать, а еще и за батальонное начальство кручусь. Нет ведь ни замполита, ни «комсомольца» батальона. Эдик бирки в оружкомнате переделывает в третий раз за неделю, представляешь? В третий раз! Старшина газоны перекопал, все, что можно, покрасил: табуретки, кровати, двери. Обои собирается клеить и казарму снаружи красить.

— А что случилось, что такое?

— А-а-а! Ты же не в курсе! Комиссия Министерства обороны едет, смотреть быт и все остальное, а что именно — никто не знает. Вот все переделываем и обновляем полк. В очередной раз наводим марафет!

— Ну почему опять мы? Почему! Мало, что ли, войск в сороковой армии?

— Войск-то много, но туда же надо ехать, рисковать, а тут сразу из штаба армии — в войска.

— Точно, и без риска, и кайф на всю катушку — поймать вояк боевых.

— Инспектирующие, наверное, становятся участниками боевых действий. Ладно, Серега, меня будут иметь через неделю, дай душу отвести, поймать тебя. Я ведь какой-никакой, а проверяющий! Показывай позиции, район обороны, секторы обстрела, жилье.

Острогин с бойцами за неделю поработал на славу! Вырыл и построил два блиндажа: в одном — жилое помещение, во втором — столовая, штаб, склад.

Солдаты выложили на каждого по укрытию, капонир миномету, отрыли окоп для установки ДШК.

— Сергей, предлагаю проделать ходы сообщений к СПСам, а то под огнем не пройти, ну и стенку возвести по периметру из камней, все лишнее укрытие. Сделаем два рубежа обороны.

— Давай, как раз твоих рук рабочих не хватало.

Целый день солдаты прокапывали траншею к своим укрытиям. Мы с Сергеем складывали стену дугой вдоль блиндажей. С одной стороны пост стоял на обрыве глубиной метров тридцать, а вот к югу склон был более пологий и хорошо просматриваемый. Над постом возвышалась небольшая высотка, и хребет делился посередине: одна половина уходила все выше, другая — сходила на ноль к дороге.

— Сергей, как быть с высоткой? Займут, гады, ее и перестреляют твой пост. Чего там не расположился? Куда смотрел?

— Смотрел туда, куда сказали! А приказ был разместиться именно тут, ну а выше сядешь — сверху другая высота, а за той — следующая.

Мы сидели, пили чай, думали, что же делать. Сегодня — все нормально, а завтра — вдруг сверху ударят..

— Серый, предлагаю заминировать ее, к черту! У тебя есть две «Мон-50» и пара противопехоток. Поставим и «сигналки» растянем!

— Хорошо, сейчас начнет смеркаться, я пойду с сапером, и в сумерках все оборудуем.

* * *

Ночью сработали «сигналки» сразу в двух местах. Часовые с постов открыли огонь, и все отдохавшие выскочили из блиндажей и, укрывшись за стеной, принялись обстреливать округу.

— Миномет! Три мины на вершину, затем три мины по склону. Пулеметчики, огонь по долине! — заорал Острогин, не переставая стрелять в район, откуда летели сигнальные ракеты.

— Сергей! Вызывай артиллерию, пусть «факел» повесят и немного постреляют, поугаюют, только подальше, а то нас же и накроют.

— Сейчас пугнем!

От дороги раздалось несколько очередей и одиночных выстрелов. По этим огневым точкам вел огонь пулемет и автоматчики. Попали или нет, но только через полчаса огонь прекратился, бросили стрелять и мы. Артиллерия засветила «факел», и как только стало светло, Хафизов заметил в ущелье какое-то движение.

— «Духи»!

— «Духи»! «Духи» с тылу! — заорал Колесников.

— Не ори, кидай гранаты — в ущелье! — рявкнул я.

Штук пять гранат разорвалось внизу, послышались какие-то крики, шум. Но все быстро стихло. Выпущенные осветительные ракеты обзору не помогли, никого не было видно.

— Наверное, ушли, мы их вовремя заметили, — предположил, шмыгая носом, Колесников.

— Я заметил, а ты смотрел неизвестно куда, — возразил Хафизов.

— А Хафизов без Хайтбаева стал настоящим воякой, — улыбнулся я. — Сергей, его наградить уже пора!

— Я ему Бамиан еще долго не прощу. Бросили меня, шкуры трусливые, — возразил Острогин. — Но вообще-то молодец!

— Благодарность заработал, объявляю от своего имени, — закончил я обсуждение трусости солдата в давней истории.

Затихла стрельба, и к нам подбежал минометчик.

— Товарищ старший лейтенант! Зацепило.

— Кого, куда? — вскричал я.

— Меня! Пулей! В руку возле плеча. Снизу, гады, стреляли и в самом конце попали, когда я миномет разворачивал.

— Вот, черт, зараза! Перевязывайся быстро, сейчас йодом рану обработаю.

Ничего страшного не произошло, зацепило чуть-чуть, но нужно эвакуировать на всякий случай.

Доложили. Обещали утром вертолет.

— Черт, хороший минометчик! Жалко остаться без путевого солдата! Когда еще замену ему пришлют, — вздохнул взводный.

— Сергей! Давай дежурить всю ночь по очереди, на всякий случай.

— Давай. А то уснут, черти, а нас вырежут! Не хочется умирать.

Больше «сигналки» не срабатывали, наступила тишина. Может, «духи» явились прощупать оборону, может, пришлые приехали из эрэсов по городу пострелять, а мы на пути оказались.

Рано утром прилетел «Ми-8» и разгрузил еще боеприпасы, воду, забрали раненого, но пришлось улететь и мне. Прямо перед его прилетом начальник штаба батальона вышел на связь и приказал возвращаться.

— Вот тебе и отдохнул, расслабился. Весь выходной строили стену, а ночью стрелял, — огорчился я.

— Если бы не стена, раненый мог быть не один! Да и не только раненый, — ответил Сергей. — Придется стенку поднять повыше, хорошо защищает при обстреле.

Мы пожали друг другу руки на прощание, и я заскочил в вертолет.

Острогин просидел на посту еще две недели, а затем командование приняло решение разбросать по трем постам вторую роту, а остальных людей вернуть в роты для боевых действий.

В полку комиссию Министерства обороны сменила комиссия из ГлавПУРа. Перед их приездом весь полк превратился в сплошной агитационный центр. Стенды вдоль дорожек, фотоаллея героев, переделанные ленкомнаты и прочее, прочее, прочее... Уф-ф-ф!

ГлавПУР сменила комиссия генштаба — проверка мобилизационных документов.

Мобилизационных документов в Афгане... Это что-то! Кого мы тут будем мобилизовывать? Афганских дехкан? Но все принялись составлять планы, рисовать на картах схемы, районы сосредоточения, таблицы со всеми степенями готовности.

Затем приехала еще какая-то комиссия, вскоре еще, и они уже работали одновременно.

Командир полка кипел от возмущения и злости, был готов взорваться, а весь гнев выливал на наш первый батальон. А на кого же еще? Танкистов в полку — одна рота, артиллеристов — одна батарея. Все остальные на дорогах вместе с другими батальонами. Разведрота ушла поскорей в «зеленку» вместе с разведбатом, чтоб не доставали. Счастливики. Встали где-то на отшибе Баграма и чай гоняют. А нас тут как «сидоровых коз» все дерут. Проверяющие все умничают и совсем не чувствуют разницы между Таманской дивизией и нашим полком.

* * *

Однажды серым январским днем вбежал в канцелярию радостный старшина.

— Новый взводный прибыл!

— Ура!!! — закричали мы в четыре глотки.

— Наконец-то будет кому в караул ходить, не только мне одному, — высказался Ветишин.

— Не Недорозий случайно вернулся? — спросил я и посмотрел на хитрую физиономию «ары».

— Нет, но похож на него.

— Алкаш? — охнул я.

— Нет, тоже спецназовец!

— Ой, — ойкнул Ветишин и устался на дверь.

В дверном проеме стоял уса́тый старший лейтенант, в полевой форме, высокого роста, улыбался приятной улыбкой.

— Старший лейтенант Марасканов! Игорь! Прибыл для окончания прохождения службы в Афганистане.

— В смысле для окончания? — удивился Эдуард. — Не из Забайкалья ли?

— Нет, из Кандагара из спецназа. Сослан к вам.

— Опять ссыльный! Ну почему все ссыльные — к нам? С триппером — к нам, с мениском — к нам, с больной головой — к нам, любителей одеклона — к нам. Доколе! — простонал я. — За что сослали?

— За то, что не сошелся с начальником политотдела во взглядах на комсомольскую работу.

— Политический, вах-вах! — захохотал и заулыбался старшина.

— Вот это хорошо! Политических я люблю, сам диссидент и вечный оппозиционер, — обрадовался я и принялся жать руку старлею.

Все здоровались, знакомились.

— Игорь, обязанности ротного исполняет лейтенант Грымов.

При этих моих словах Эдик скривился.

— Сколько в Афгане? — поинтересовался Грымов.

— Полтора года!

— Фью... — присвистнули все.

— Ребята, я за прошлый год еще в отпуске не был, завтра убываю домой! Ждите меня к марту.

— Черт! А караулы? Опять я! — завыл Ветишин.

— Вай! Один, совсем один! — передразнил старшина.

— Кстати, Сергей, иди готовь караул! — усмехнулся Грымов.

— Игорь, ну почему ты не отгулял отпуск? — воскликнул я.

— Не дали, я был секретарем комитета комсомола, поссорился с руководством — не переизбрали. Пока переводили с места на место — в пехоту, в дивизию, в полк, — год новый начался. Полтора года в Союзе не был!

— Ну что ж, сегодня принимай взвод, а завтра можешь отправляться. Жили без одного взводного и еще поживем, — подытожил разговор Эдуард.

— Игорь, пойдем, буду твоим гидом, — улыбнулся я.

Вечером мы надули два матраса и легли спать на пол. Как уже надоела эта не половая, а напольная жизнь!

— Давно так маетесь? Это какой-то протест? — спросил Игорь.

— Да, в принципе, протест, но о нем никто не знает. В казарме курсантом и солдатом спал пять лет — хватит. Лучше буду упрямо спать на полу, чем позволю себя уравнивать с солдатом. Ветишин спит на сейфе, тоже неудобно. Через неделю рейд — мучиться осталось немного.

Когда Острогина сняли с горы, то он принялся громко возмущаться:

— Полк не узнать, роту не узнать, все раскрашено, все обновлено. Так и заблудиться можно.

— Не заблудишься, у тебя всего три маршрута: караул, столовая, полигон. Действуй! — усмехнулся Грымов. — Товарищ старший лейтенант, только не расслабляйтесь, а сразу за дело. Жизнь меняется.

Раньше до своего назначения Эдик и Сергей были приятелями, а тут Грымов сразу начал общаться с ним официально. На следующий день Острогин получил от Грымова первый выговор за подготовку караула, через неделю — строгий выговор за беспорядок во взводе.

— Топчет и топит Сережку, как конкурента, не топит потенциального претендента на командование ротой. Эдуард-то лейтенант, а Острога старлей! — высказал предположение Ветишин.

— Может быть, и так, а мой выговор тоже как конкуренту? За внеш-

ний вид! Я ему еще устрою выговор, припомню, когда Сбитнев вернется, — зло ответил я.

— Он просто бездушный карьерист! — согласился Ветишин.

— Посмотрим, как он на боевых командовать будет. Там видно будет, какой он ротный, — подытожил я.

— Набить бы морду ему, да и дело с концом! — рявкнул Бодунов.

— Бодунов! Ты как прапорщик сиди на своем месте, помалкивай и не суешься. Будем работать как работали, хамить и грубить не будем, дождемся вестей от Сбитнева, надеюсь, вернется, — закончил я разговор.

* * *

Батальон мучили строевыми смотрами пять дней, и все время было что-то не так. Строились, укомплектовывались, расходились, снова строились. Наконец-то вырвались на простор большой дороги. Йя-ха-ха-а!

Из полка вышел только наш батальон, немного штабных и разведроты. Поставили нам задачу: вместе с батальоном восемьдесят первого полка прочесать кишлак сразу у входа в Баграмскую «зеленку». Артиллерия дивизии ударила, не съезжая с дороги, мы вошли, «почистили» округу, нашли немного боеприпасов, из кяриза вытащили разобранный ДШК. Забросали все кяризы дымовыми минами, и столбы дыма распространились по ходам сообщений. Укрытия под землей превратились в ад.

Если кто-то из душманов там сидел, то прекратил кашлять, чихать и дышать довольно быстро. Навсегда.

Я сидел у огня, разведенного возле высокой стены в глубине двора. Костров было три: на одном кипела вода, на втором варился суп из курятины, на третьем — плов также с курятиной. Загнанные до смерти куры «умерли от страха» при виде «шурави», как объяснил начальнику штаба батальона Гурбон Якубов-старший. Этот новоиспеченный сержант любил повторять, что на гражданке работал поваром в ресторане. Спору нет, он умел хорошо готовить, но еще больше любил поесть. Старшим он считался, потому что был крупнее по размерам, а младшим считался другой Якубов — Махмуд, потому что был маленький. Братьями они не были, просто однофамильцы, и даже из разных областей.

Якубовы что-то резали, подсыпали в плов и суп, напевали и почти приплясывали вокруг костров.

— Гурбонище! Что ты там подсыпаешь? Отраву?

— Что вы, товарищ лейтенант! Эта спэции, спэции! Понимаете?

— Понимаю! То ты книгу пишешь, а на самом деле донос на нас, то ты гадостью какой-то всех отравить хочешь, а говоришь «специи».

— Шутите или, правда, думаете так на меня?

— Шучу-шучу. Где специи взял?

— Земляк-повар в полку дал, где тут в кишлаке возьмешь?
Гурбон продолжал приплясывать и что-то петь:
— Э-э-э. Тулук-кыс. Аших-пыс.
— Что ты там поешь? Что вижу, о том пою?
— Опять смеетесь! Нет, о девушке пою.
— О девушке петь, конечно, интереснее, чем о пригоревшем плове.
— Пачиму пригоревшем? Пачиму обижаете?
— Да вари, вари, шучу. Гурбонище, объясни, как тебя, шеф-повара крупнейшего ресторана Бухары, загребли в Афган? Откупиться не мог?
— Мог! Но хотел посмотреть, как тут люди живут, что такое война.
— Гурбон, ты — третий романтик в роте.
— А кто второй, вы?
— Нет, первый! Второй — Свекольников!
— Почему Свекольников?
— Потому, как и ты, доброволец, тоже на людей посмотреть решил. Страну изучить. Путешественники-первооткрыватели!
— А вас послали сюда, да?
— Меня — нет, сам захотел!
— Вот видите, а надо мной все время смеетесь!
— Я не смеюсь, я подшучиваю.
У-у-ф — бабах! Разорвалась мина прямо посреди двора, за ней — вторая, за дувалом — третья.
— Ложись! Всем к стенам, — заорал я. — Раненые есть?
Ни раненых, ни убитых не оказалось — повезло.
На крыше интенсивно заработал «Утес». Бодунов сидел за станком и посылал очередь за очередью.
— Игорь! Ты что-нибудь видишь или просто так, для профилактики?
— Вон в тех развалинах какой-то дымок.
— Сейчас ориентирую минометчиков!
Я доложил Грымову обстановку и дал координаты, куда требуется ударить. Минометчики «Васильками» обработали квадрат и всю полосу виноградников перед позициями.
Нас в кишлаке очень мало: разведрота и наш батальон из двух рот. Задача, конечно, минимальная: потрепать «духов» в кишлаке, если получится, найти склады с оружием и боеприпасами. Совсем обнаглели: прямо из виноградника били по заставе и подожгли три «наливняка». Обгорелые остовы машин валялись на обочине дороги и за неделю — три обстрела колонн. И посты вдоль трассы каждую ночь обстреливают.
Помочь им хочется, только силенок не хватает, очень мало людей, чтоб прочесать всю территорию. Мы вклинились на триста метров от дороги. Завтра-послезавтра саперы поставят ловушки, заминировать выходы из кyarизов и домой. Прочесывая развалины, мы нашли пятьдесят-шестьдесят цинков с патронами к пулемету, несколько выстрелов к гранатомету, не-

сколько мин противопехотных и противотанковых. Сколько-то «духов» погибло в перестрелках и артобстрелах, сколько-то завалено в подземных ходах и задохнулось. Может быть, на месяц-другой заставам станет полегче.

— Гурбон, как плов и шурпа? Готовы? — окликнул я младшего сержанта, отрывая взгляд от бинокля.

— Плов готов, а шурпа разлилась. Шайтан! Осколком казан пробило и перевернуло все. — Сержант почти плакал. Толстые мясистые щеки подергивались, лицо покраснелось, в глазах стояла боль. Подвязать фар-тук, надеть белый колпак — повар-лагманщик.

— Эй, бешбармак ходячий, плов готов, лагман сварил? — окликнул его настрелявшийся из пулемета Бодунов.

— Опять обижаете, товарищ прапорщик! Какой бешбармак, вы что меня бараном обозвать хотите?

— Нет-нет! Что ты, Якубов! Я просто неудачно пошутил. Еда готова? Драгоценный ты наш!

— Готова! — расплылся в улыбке Гурбон. — Плов, чай, обед из двух блюд.

— Всего из двух? Я настрелял из пулемета на пять блюд. Протестую!

— Якубов, у тебя сало в банках есть? Из сухпайка? Если есть, выдели его прапорщику — будет вместо салата!

— А почему мое сало?

— Потому что ты — мусульманин, тебе салом питаться нельзя. Вот и пожертвуй шахтеру из Донбасса.

— Нет, товарищ лейтенант! Сало я и сам съем. Оно в баночке, мелко нарезано: Аллах ночью не поймет, что это такое.

— Ага! Сало кушать из банки — это то же самое, наверное, как водку пить пиалой и наливать из чайника!

— Откуда знаете?

— В ТуркВО год служил. Я когда с узбеками и туркменами пьянствовал, то только таким образом пили.

— Пожалуйста, кушайте на здоровье, положил самые вкусные куски мяса, самый лучший рис, — улыбаясь широкой доброй улыбкой, приговаривал Гурбон, протягивая насыпанный с горкой плов в широкой тарелке.

Плов был сказочный, прямо таял во рту.

— Ну, Гурбон, не плов, а сказка! Настоящий праздник желудку!

— В следующий раз, если барашек будет, то приготовлю бешбармак и лагман, — обрадованно затараторил сержант, продолжая раздавать тарелки с едой солдатам.

— Эх, не повезло нам, Игорь! Если бы не проклятый «духовской» осколок от мины, мы бы еще и шурпы отведали сказочной!

Игорь почесал вздувшийся живот, задумался.

— Ник, пойду, постреляю еще немного, нет возражений?

— «Утес» оставь в покое на сегодня, постреляй из ПК, ладно?

— Хорошо, как прикажете. Эй, Зибоев! Сейчас я сменю тебя на крыше, готовься к обеду!

Солдат радостно заулыбался и принялся рыться в мешке в поисках кружки и ложки, а Бодунов полез наверх. Вскоре раздалась короткая очередь по кишлаку. Из глубины виноградников время от времени кто-то стрелял по нему в ответ.

* * *

Ночь прошла спокойно, а днем — вновь бой. Так пролетела неделя, затем другая. Боезапас сокращался, БМП каждый день расстреливали снаряды и патроны, топливо подходило к концу. Пора было выходить к тылам.

Офицеры управления батальона сидели на заставе и успокаивали роты. А чего успокаивать? Сажу в своем закутке с тремя бронемашинами, наблюдаю бегающих в развалинах «духов», веду перестрелки, отбиваюсь от обстрелов по ночам. От взвода до взвода расстояние — двести метров, и каждый сам за себя. Можно поддержать огнем, но реально помочь в случае ночного штурма — вряд ли.

Игорь Бодунов целыми днями сидел за пулеметом и, глядя в прицел, искал цель. Находя ее, стрелял. Совсем оглушил, черт деятельный. Я забрался на крышу и смотрел по сторонам в бинокль. Легкая дымка, пасмурно, сыро.

— Игорь, какие успехи сегодня?

— Да кто его знает. Вроде попал в двоих, они куда-то бежали, что-то тащили. Вчера я хоть наверняка видел, что автоматчика срезал. А эти сегодня, кажется, уползли.

— Растешь на глазах! Из кашевара в снайпера превратился за месяц! За полгода на орден настреляешь!

— С нашим Грымовым не получится. Он меня почему-то сразу невзлюбил.

— А ты меньше огрызайся, не груби, он хотя и временно, но ротный.

— Временно! Он себя уже мысленно назначил на должность.

Мимо дувала прошла группа саперов во главе с моим старым приятелем Шипиловым.

— Игорек! Ты куда идешь? Там же «духи»? — заорал я.

— О, Никифор! Привет! Чего орешь? У меня приказ.

— Приказ приказом, а сначала спроси умных людей, куда идти.

— Ну и куда идти прикажешь?

— А никуда, дуй к нам! Чайку попьем, пловом угошу. Меня от него уже тошнит. Каждый день на завтрак, обед и ужин. Скоро узбеком стану. Повар отличный, но очень любит плов. Я ему говорю, чтоб сделал что-

нибудь другое, а он в ответ: «Но ведь вкусно!» Я ему: «Вкусно». «Тогда ешьте. Будет невкусно — стану делать что-нибудь другое, если продукты будут».

— Повар толстый?

— Толстый! И от жирного плова у него даже щеки трещат!

— Сделай из него шашлык — вот тебе смена блюда, да и продукты искать не надо. Ха-ха-ха.

Саперы засмеялись и начали заходить во двор дома, видно было, что обрадовались возможности увильнуть от минирования «зеленки».

— Игорьек! Повар — очень хороший сержант, поэтому жалко, пусть живет. Слышишь, Гурбон, я дарую тебе жизнь!

— Вах, спасибо, товарищ лейтенант! За это всю жизнь готов вас кормить. Приедете в Бухару, я таким пловом угощу! Язык проглотите.

— О-о! Вот видишь, и тут плов, и там плов обещает. А язык проглочу, как работать буду? Он неисправим. Угощай саперов, покажи чудеса восточного гостеприимства.

— Много не дам, их семь человек, сейчас весь казан опустошат.

— Не жмись, мы с Бодуновым от своей доли отказываемся, лучше айву пожую.

Мы присели у костра.

— Ник! Когда к девчонкам на торговую базу пойдем? Хочу любви, прямо зубы скрипят.

— Эх, Игорь! В полку целыми днями меня в роте и батальоне так имеют, что скоро забудешь, что сам мужчина. Не женщины ли мы уже? Через КПП не выйти, как туда выберемся?

— Я все продумал! Через позиции зенитно-ракетного полка! Там идет тропинка, через колючку и паутину проходы сделаны. Я все точно узнал, даже один раз прошел и познакомился с продавщицей в магазине. Она как на мое лицо все в шрамах взглянула, сразу была сражена моим героическим видом.

— Наверное, быстренько магазин заминировал, карту минных полей проглотил и проход известен только тебе?

— Там столько девчонок, там столько этих «ягодок», что у меня мин не хватит. А глаза у всех — жгучие, голодные! Я чуть не сгорел. Обещал на следующий вечер заскочить, а тут боевые действия в этой проклятой долине. Она, ласточка, наверное, все глаза проглядела.

— Ну-ну. Привираешь...

— Ребята, возьмите меня с собой! — облизнулся Бодунов. — Прапорщик компанию не испортит?

— Тетка! Такие, как ты, никакую компанию не испортят. Берем! Только бы из этой дыры выбраться да из полка улизнуть.

— Игорьь, только ротному ни слова. Он чокнутый, женщин ненавидит, презирает. Больной какой-то.

— Это точно, — зло усмехнулся Шипилов. — Какие ребята великолепные вашей ротой командовали! А этот... Он еще всех вас подставит! Неприятный тип.

Мы с Бодуновым переглянулись.

— А ты когда свое мнение о нем составил? — удивился я.

— С первого дня, как в полку с ним познакомился. Заносчивый, самовлюбленный и высокомерный. И злой.

Игорь покушал и стал прощаться.

— Спасибо за обед! Отличный ты парень, сержант! Адресок оставь замполиту, после войны обязательно приедем, покушаем твой плов!

— Вот видите, товарищ лейтенант, гостям понравилось.

— Гостей не фаршируют вареным рисом, как утку.

— Как можно так о плове — «вареный рис». Пло-о-ов!

— Плов, плов... Гурбон, хватит харю наедать у котла, потом в горах треснешь под собственным весом!

Только я это сказал, как на связь вышел комбат. Подорожник был чем-то раздражен, налетел с претензиями, а в конце брюзжания приказал подержать саперов:

— Вы там сами решите, где и сколько ловушек поставить. Главное — быстрее. Не задерживайтесь.

Я с грустью посмотрел на своих солдат, они все прислушивались.

— Саперы, радуйтесь! Приказано вам помочь, — молвил я солидным басом. — Что ж, поможем, чем сможем. Бодунов, лезь на крышу и наблюдай, если нападут, не жалея патронов!

Собрал группу прикрытия: Гурбон, Зибоев, Якубов-маленький и Васинян.

Солдаты нехотя принялись собираться. Патроны, гранаты, «Мухи», ПК.

— Операторам сесть в БМП и наблюдать, и если что, огонь! Нас, главное, не зацепите.

Еще один старый знакомый, сержант-сапер Аристархов, шел первым, затем Шипилов и остальные саперы следом за взводным. Пехота следом. Отошли на сто метров и принялись за работу. Мины-сюрпризы, растяжки.

— Игорь! Ты почему не командуешь до сих пор ротой? Тебе уже на второй орден послали, опыта — на троих!

Шипилов скривился, и все шрамы побагровели.

— Знаешь, замполит, не хочу менять обстановку. В полку мне не вырасти: саперная рота всего одна, ротный капитан — рост только по трупам, сам понимаешь! Мне этого даром не надо. А куда-то ехать не хочу. Да и к бабам мы с тобой еще не прогулялись. Ха-ха-ха...

«Пах-х!!!» — щелкнул одиночный выстрел, и впереди метрах в пяти упал со стоном сапер.

— Евлохов! Евлохов!!! — заорал Игорь и бросился к солдату.

— Зибоев, огонь по развалинам! Всем, всем — огонь! — скомандовал я. Все принялись стрелять по кустарнику и развалинам. Сзади поддер-

жала огнем БМП, с крыши заработал пулемет. «Духи» дали несколько очередей и затихли. Сделали свое черное дело и ушли. Комбат матерился по связи, пообещал накрыть квадрат, как только уползем.

Бойцы подхватили под руки и за ноги раненого, ползком принялись отходить за разрушенный дувал.

К нам устремилась БМП. Евлохов хрипел, лицо быстро становилось серо-зеленым, на глазах выступили слезы. Игорь разрезал ему гимнастерку на груди, из раны сочилась кровь тонкой струйкой. Такой же тонкой струйкой уходила из солдата жизнь.

— Игореха, возьми мой бинт, подложи под спину. Рана, наверное, сквозная, скорее, а то кровью истечет, перематывай грудь потуже.

Открыли задний десантный люк, и с трудом втащили раненого на сиденье. Перебегая от кочки к кочке, от куста к кусту, отстреливаясь на ходу, добрались до взвода.

Бодунов уже вколол раненому свой шприц промедола из аптечки и ошалело взглянул на меня.

— Видели стрелявшего духа?

— Нет. Бахнул откуда-то из кустарника и все.

— Я заметил одного, убежал, гаденыш, по арыку, но теперь отбежался и валяется теперь в канаве. Может, схожу за его автоматом? — спросил прапорщик.

— Сходишь, а потом всем батальоном вытаскивать придется. Лезь-ка на крышу и смотри за трупом, они сейчас приползут забирать.

Игорь сорвался с места и через минуту злобно орал с крыши и стрелял из пулемета. Комбат приказал срочно везти раненого к дороге: там скоро сядет вертолет. Бойцы бросили матрас на броню, положили сверху Евлохова и, поддерживая его со всех сторон, уехали.

Шипилов махнул на прощание и отвернулся, склонившись над раненым. Прилетел вертолет, сел на дороге и быстро улетел в Баграм.

— Если повезет, выживет, — грустно сказал Бодунов.

— Игорь, надо верить и надеяться до последнего момента.

* * *

Фортуна отвернулась от старшего лейтенанта Шипилова. В полку по возвращению из рейда ему стало совсем плохо. Зашевелились осколки в лице, заныли шрамы, неделю Игорь провалялся в медпункте.

Однажды начальник инженерной службы полка послал его старшим машины, на склад за инженерными боеприпасами. Когда «Урал» подъезжал к полку, прямо напротив торговой базы грузовик взлетел на воздух. Солдату-водителю оторвало руку выше локтя, правую, но он выжил. Шипилова очень тяжело ранило: осколки в голове, шее, спине, разорвана почка, перебит позвоночник. Осколки по всему телу. Три дня мучений — скончался.

Эх, Игорь, Игорь... Так и погиб возле заветного магазина, а веселенькая знойная продавщица никогда об этом не узнает.

Взорванный «Урал» притащили в парк, провели расследование. Сначала домыслы пошли, что они заезжали в дуканы что-то покупать, а «духи» магнитную мину прицепили. Потом другая версия — выстрелили из гранатомета из-за дувалов. Все оказалось гораздо грустнее и нелепее. Армейские саперы, любопытные мудаки, вскрыли кассетную мину. Мина новая, экспериментальная — интересно посмотреть. Она взвелась в боевое положение. Закрыли снова в упаковку и загрузили в машину. Игоря не предупредили, а тот, может, и сообразил бы, что везти ее нельзя. А от сотрясения в дороге она сработала. Гораздо хуже было бы, взорвись мины на полковом складе. Весь полк могло разнести! Жаль, такого парня потеряли! Он был единственный сын у родителей. Оборвался род Шипиловых...

Глава 12

Предсказание

Нервная обстановка совершенно вымотала меня, я был на грани нервного срыва. Сил уже нет совершенно, особенно я опустошен морально. Нервы совсем стали ни к черту. В роте постоянно давит на психику Эдуард, в батальоне комбат своими придирками извел. От майора Золотарева и прочих проверяющих жизни нет никакой. Замучила эта дурь несусветная. Перестройка, перестройка, все в духе нового времени. А на самом деле все по-старому. Новая тупость: «Доложить, сколько офицеров и прапорщиков перестроились!»

Мы на боевых действиях, а в Москве прошел пленум ЦК. Возвращаемся, а очередной проверяющий брызгает слюной: «Почему нет материалов на стендах, почему фотографии нового командного состава отсутствуют?» Полный бред.

Старшина в третий раз за полгода переклеивает все обои на стенах казармы, перекрашивает двери и окна. Перед каждой проверкой обновляется документация роты, а после проверки переделывается все опять! И так вновь и вновь.

Однажды рано утром комбат примчался в роту и принялся орать прямо с порога: «Почему территория не убрана, внешний вид наряда зачуханный, замполит роты — не брит?» Подумайте, какой кошмар — не брит в 6.30 утра! И сразу выговор! Вот это да! Выговор за тельняшку, легкую щетинку на лице и ободранные ботинки. А как я живу, где сплю, на мой быт, конечно, наплевать.

Досталось не только мне, но и Мелешенко. Опять Коля во время зарядки жевал бутерброд и попался на глаза Подорожнику. Василий Иванович с ходу выговор объявил — ответственный по подразделению должен

проводить зарядку. А где это сказано? Зарядку должен проводить старшина, он ее и проводит. А Николай просто нарвался на плохое настроение комбата. Третий, получивший выговор, — Ветишин. Сережка слишком поздно выходил утром из женского модуля — не успел спрятаться. А комбат возвращался выпить чашечку кофе к подруге.

Серега прибежал словно ошпаренный, весь красный, руки и губы трясутся.

— Серж, что с тобой? — ужаснулся я.

— Да Иваныч сказал, что оставит во время следующего рейда в полку начальником караула. Говорит, хорошо обжился, сиди и дальше в полку возле девочек. Что это с ним сегодня? Орал как ненормальный.

— Сергей, он в казармах погром устроил, перевернул половину кроватей и тумбочек. Что было...

— Вон, Луковкин идет, может, он что знает. Юрик! Что с комбатом?

— Да бог его знает, а может, черт, — ответил Лука. — Как с цепи сорвался. Наверное, подруга давно не дает. Пойдемте быстрее на завтрак, через двадцать минут начинается построение офицеров батальона.

В столовой от паршивой еды настроение еще больше ухудшилось. Злая официантка не желала нести завтрак на наши столы.

— Точно, поругался с Наташей, вот комбат и бесится. А она по столовой бегает, словно злая фурия. Крайние мы. Ну и дела...

* * *

— Товарищ лейтенант, вы способны почистить туфли? — язвительно поинтересовался у меня комбат.

— Способен. Я их сегодня утром чистил, но без крема, потому что крем в комнате, в модуле. А я туда уже третьи сутки попасть из казармы не могу. Сплю в роте и из нее никак не выбраться.

— Прекратите болтать. Не брит до сих пор, даже после выговора.

— А чего ему бриться, выговор-то уже объявлен, теперь неделю будет так ходить, — съязвил замполит батальона Артюхин.

Ох уж этот Гриша Артюхин! Каждый день гонит меня в отпуск, и каждый же день кидает задачи, которые пока не выполню, в отпуск не поеду. Но я этому рад, потому что в феврале отпуск — не отдых.

— Будет получать взыскания каждый день, пока карточка не кончится, а как закончится, вкладыш примусь заполнять. И все записи будут одинаковые: «За неопрятный вид». Всем, кто попался мне под горячую руку, выйти из строя!

Мы с Миколой шагнули вперед, за мной вышел Ветишин и встал рядом, грустно вздохнул, затем к нам пристроился Лука.

— Начальник штаба! Запиши всем четверым по выговору, а также Острогину.

— За что мне? — возмущенно взвизгнул Сергей. — Я сегодня вас вижу в первый раз. Я вас, товарищ майор, со вчерашнего дня не встречал и вы меня тоже. За что выговор? Молчим?

— Где ваши носки, товарищ старший лейтенант?

— Носки?

— Да, носки, или будете утверждать, что вы их надели, а я слеп? Будем пререкаться?

— Нет, не будем. Просто чистые носки кончились, а личного времени, чтобы постирать нет. У солдат есть, а у меня, у командира взвода, нет. Я живу в казарме, там стоит моя койка, все туалетные принадлежности украли бойцы, одеколон выпил Недорозий, носки тоже пропали. Какая-то скотина последние вчера увела! Даже зубную щетку и пасту сперли. Я вот вот взорвусь от возмущения, и мне плевать на ваши взыскания, я устал от унижения, устал от уравниловки. Я четыре года курсантом жил в казарме, почему это тут должно продолжаться?

— Всем выговор, Острогину — строгий выговор.

Офицеры загудели, а Сергей вполголоса сказал: «Да пошел ты!» Но начальник штаба крикнул: «Разойдись!» — и заглушил высказывание Острогина.

Я уже закипал и хотел поддержать «бунт на корабле», но не успел.

* * *

— Серега, пойдем попьем лимонада, — предложил я. — Нужно много охладиться, а то взорвемся от избытка отрицательной энергии. В магазин «SI-SI» завезли.

— Пойдем, угощаю, — вздохнул взводный, и мы зашагали к магазину.

— Ребята, ребята, постойте, а я? А меня угостить, я ведь тоже пострадал сегодня, — заорал нам вслед Ветишин.

— Ладно, иди, сегодня хвосты не обрубаю. Если после покупки носков останутся деньги, угошу и тебя.

— Парни! Ну почему у ваших родителей такая убогая фантазия? Каждый второй или Серега, или Саша? Это что коллективная мания шестидесятых годов?

— Зато тебя так обозвали, что и не запомнишь, не выговоришь.

— Я — сибирский старовер.

— Понятно, — улыбнулся Острогин, — это те, которые замороженные в тайге живут.

Я обнял за плечи взводных и воскликнул:

— Иду между двух Сергеев — к удаче!

— Ник, я приглашаю тебя на гадание, хочешь узнать свою судьбу? — предложил Ветишин.

— Глупость, конечно, но я совсем не против, если это будет сопровождаться чаепитием. А кто будет воровать?

— Ник, гадать и предсказывать будет библиотекарьша.

— Это кто, Наташка? Блондинка крашенная? — удивился Острогин.

— Балда, ты в октябре выслали домой! Ты что, не знал? — хмыкнул я.

— Нет. А за что выгнали?

— За невнимательность, увлеченность и самоотдачу!

— Ну ты загнул, Ник, как это?

— За частую самоотдачу! Девушка, если помнишь, была довольно занятая и симпатичная. Артюхин тогда еще в штабе дивизии служил и к нам зачастил. В библиотеке часами просиживал и все вздыхал. О поэзии, о смысле жизни и еще черт знает о чем разговаривали. А чеченец, сержант Коздоев из разведки, был гораздо шустрее Гриши. Помните его?

— Помню, а как же, отменнейшая сволочь!

— Так вот, он подошел к делу гораздо прагматичнее, перевел все на материальную основу — подарил часики и предложил пять тысяч «афшек», на том и сговорились. Видимо, позже проболтался, а может, сам друзьям предложил поучаствовать в «скачках», но только Артюхин что-то пронюхал. Явился в читальный зал, дверь оказалась запертой, но изнутри слышался подозрительный шум. Гриша бегом к Золотареву, тот кликнул Цехмиструка, вместе вызвали начальника клуба. В окошко заглянули, но ничего не разглядели, тогда открыли замок запасным ключом. Дружной компанией зашли внутрь, и чуть было не рухнули в проходе. На столе, задрвав ноги, лежала полуголая Наташка, стонущая и пищущая, а потный Коздоев сверху «кочегарит, дровец подбрасывает».

— Гы-гы, — захохотал Острогин. — Представляю физиономию секретаря парткома! Старый онанист, наверное, дар речи потерял!

— Они все онемели. Начальник клуба, Серега, как самый тактичный, тихонько вышел, а остальные остались. Шум страшный, стол трещит и шатается, стучит о стену, милая парочка так увлеклись, никого не замечают! Минуты две так стояли, смотрели: бесплатная порнуха! Цехмиструк покраснел, вспотел, смутился и тоже выбежал на улицу, а замполит и Гриша наблюдали весь процесс. Больше всего их взбесило то, что не остановились, не прервались! Все расценили это как цинизм и обоюдную наглость! Сержант глаза скосил и продолжил, пыхтя, свое дело, а Наталья сделала вид, что ничего не слышит, не видит, и вообще ее ничто не касается.

— Может, подруга, и правда, вся отдалась любимому занятию и увлеклась. Видно, была, заводная штучка? — ухмыльнулся Ветишин. — Я ее не застал в полку, наверное, позже приехал.

— Не знаю, не опробовал ее. Золотарев их согнал со стола, не оценив «шоу». Коздоева, на ходу одевающегося, потащили к начальнику штаба, он его какой-то дальний родственник. Они там, в горах, все меж собой родня. А Наталью в партком. Библиотекарь — работник идеологического фронта!

— Ах-ха-ха! Девчонка-то на другой фронт приехала! — зашелся хохотом Серж. — Ты-то откуда все знаешь, под столом сидел? В полку вместе в это время были, но я ни ухом ни рылом?

— Начлуба рассказывал, мы с ним в один день приехали, из одного училища, поэтому приятельствуем.

— В партком, говоришь, повели, гы-гы! — продолжал смеяться Ветишин.

— Серега, не для того повели, о чем ты думаешь, а как с членом партии беседовать. Пришили аморалку, а она заговорила о пылкой и страстной любви, потребовала даже извинений. Но Коздоев рассказал о деньгах, и все встало на свои места. Наташке дали двадцать четыре часа на сборы — и с треском в Союз. А характеристику ей Артюхин лично написал, за растоптанные чувства.

— Ой, как неласково и строго! За что так? Полезным делом человек занимался! — произнес Острогин.

— Полезным, очень, если бы не за деньги. А еще лучше с Золотаревым. Или если бы просто так с солдатом по согласию, а то за «бабки»! Проституция! Коздоев все в подробностях выложил, что дело было поставлено уже на конвейер, но сорвалось, — закончил я рассказ о той гнусной истории.

— Сержант — сволочь! И так хорошеньких мордашек почти нет, одни «крокодайлы»! Последних куколок выгоняют! Извращенцы проклятые! Педики! — согласился молодой летеха.

— Раньше я был постоянным читателем библиотеки, Наташа всегда находилась на боевом посту, а старую Вальку днем с огнем не найти. Где она шатается?

— Ха! Был постоянным читателем библиотеки или библиотекарши?

— Без двусмысленных намеков! Коздоеву на столе я конкуренцию не составлял!

— А на чем?

— Да пошел ты... — выругался я.

— Ну ладно, продолжай! — взмолился Острогин.

— Не составлял нигде, да и «пайсы» — столько не соберешь, тариф большой. Артюхин всех офицеров отшивал, мне намекал, что много читаю, а Мелещенко и Шерстнева открытым текстом на ... послал. Они с Олегом Шерстневым друг друга перед клубом за грудки трясли. А опасность от сержанта исходила: этот с материальным предложением подошел, «дверочка-щелочка» и открылась безо всякой лирики... Эх! Всего два месяца девчонка продержалась в полку! Но гонору поначалу было много! Я думал, недотрога!

— Хм, еще какая дотрога, — хмыкнул летеха.

— Продолжай треп, как события развивались, — потребовал Острогин. — Какое взыскание ей вынес Цехмиструк? По партийной или по половой линии?

— Нет, парткому ничего не обломилось. Вмешался в процесс Иван Грозный. Филатов рывкнул, что не допустит больше борделя в клубе, а то

офицеры и солдаты в одной очереди окажутся. Пожадничала Натаха, сглюпила, надо было на Артюхина запасть. До сих пор бы с книжек афганскую пыль сдувала. А так, где-то в Центральной России страдает, ее, бедолагу, такой характеристикой в дорогу снабдили, что только по прямому назначению работать. Хрен, куда примут с такой характеристикой и резолюцией: «Выслана из Афганистана за разврат и аморальное поведение».

— Вечно ваши политорганы ни себе, ни людям. Все потому, что органы без органов! Закрутила бы с любым из замполитов полка или обоими сразу. Какие орлы-то пропадают! Один «Борман», а другой «Муссолини». Осталась бы тогда служить, работать и подрабатывать, — хмыкнул Острога.

— Эх, хорошая штука любовь... — вздохнул Ветишин.

— А народ и правда, говорил, что Золотарев был в списке желающих, но что-то обломилось ему. После всей этой истории командир приказал выбрать на пересылке самую страшную из библиотекарей и привезти в полк. Цехмиструк поехал, выбрал. Старше, сказал, не было! Смеется, гад! Так и появилась в полку гадалка-ворожея...

— Эта старая карга ворожея? — воскликнул Острогин.

— Какая старая, какая карга? Ей всего-то лет сорок пять — сорок семь от роду, — засмеялся я. — Просто выглядит неважно.

— Сережка! Веди нас на ведьмин шабаш, я согласен. Хоть в вертеп, хоть к черту в пасть! Все надоело! Хочу хотя бы чай попить в компании женщин, — заорал Серж. — На большее не претендую.

Вечером Острогина загнали в наряд — помощником дежурного по полку, вместо заболевшего Афони. Поэтому пить чай пошли только мы вдвоем с Ветишиным. Но с конфетами, купленными Острогиным...

Валентина, раскинув карты по столу, что-то бормотала, перекладывала, перетасовывала. Затем взяла мою руку и принялась рассматривать ладонь. Внимательно посмотрела в глаза и вынесла приговор:

— Парень! Тебе повезло. Очень повезло, у тебя длинная-длинная линия жизни. Жить будешь очень долго, все будет очень хорошо.

— Я останусь жив?

— Судя по всему — да. Только одно беспокоит — тут есть маленькая-маленькая прерывистая черточка на линии жизни. Если в молодости ты избежишь смерти, то жить будешь до девяносто семи лет!

— Избегу смерти в Афгане?

— Да нет, угроза твоей жизни после войны. Тут тебя даже не зацепят. Постарайся выжить после войны. А здесь у тебя не будет и царапины.

В комнате стоял полумрак, на столе горела свеча, и все было очень таинственно, чарующе, завораживающе и впечатляюще. Четыре женщины хихикали в сторонке и явно посмеивались над нами.

— А почему девяносто семь, а не сто? Почему?

— Потому что, если скажу сто — не поверишь. Круглые даты назы-

вать — это ложь. Девяносто лет — это я тебе гарантирую. Главное, берегись в молодости, после войны. Верь мне — это обязательное условие! Я только наполовину хохлушка, а наполовину — настоящая цыганка! Все секреты и таинства мне известны!

— Да ты всем, наверное, по девяносто семь — девяносто восемь лет обещаешь? — усмехнулся Сергей.

Валентина резко взяла ладонь лейтенанта, взглянула и так же резко отвела в сторону.

— Тебе я этого не скажу, Сережа!

Даже в полумраке было заметно, как лейтенант стал резко бледнеть, и его руки задрожали.

— Сережа, не дрожи! Тебя на войне не убьют, успокойся. Не убьют! Но линия жизни у тебя не длинная. Вот так-то. Не всем везет. Но и тебя в Афганистане не убьют! Только ранят...

— Ты всем говоришь, наверное, не убьют, а ребят все убивают и убивают! — заорал вдруг Сережка.

— Нет, я в этом случае ничего не говорю, я никогда не вру и не обещаю лишнего, — вздохнула гадалка. — Карты обещают вам успех, удачу, карьеру, звания. Но жизнь у обоих будет не одинаковая по продолжительности. Но оба вернетесь домой! А всех, кто ко мне приходил, и кого должны были убить — уже убили. Я пока больше ни одной руки с печатью смерти не видела из тех, кто приходил сюда.

— О-ах! И командир полка приходил? И замполиты были тут? — удивился я, шумно выдохнув.

— Нет. Тут не были. По пьянке как-то вызвали к себе, и я им гадала и предсказала судьбу. Все трое рыдали от счастья, а потом упились до полусмерти. Я даже испугалась, что ошиблась, и они умрут от слоновьей дозы спирта. Но обошлось, как видите, живы по-прежнему.

Валентина говорила и говорила завораживающим голосом, а сама тем временем все раскладывала и раскладывала карты. Собирала, перекладывала и вновь собирала. Осмотрела мою голову и продолжила гадание.

— Судя по форме макушки, быть тебе много раз женатым.

— Сколько раз? — удивился я.

— Больше чем два раза! Макушка очень запутанная.

«...Ну да, все верно, до девяносто семи лет времени очень много», — подумал я про себя.

— Ну, вот и все. Пьем чай, а больше сказать интересного мне вам нечего, — завершила гадание колдунья.

...Быстро проглотив чашку ароматного чая, я задумчиво побрел в казарму. Если ведьма не врет, значит, все будет хорошо...

ЗВЕЗДОПАД

The word "ЗВЕЗДОПАД" is written in a bold, black, sans-serif font. It is surrounded by several thin, grey, diagonal lines that create a sense of motion or a starburst effect, particularly on the right side and below the text.

Глава 1

Смертельная болезнь

Прошло всего полгода, как я попал на эту необъявленную войну, а кажется, минула вечность. Бесконечная череда боевых действий и бессмысленная глупость военной показухи в промежутках между боями. Но оглянешься — а вроде лишь недавно прибыл из солнечного и цветущего Ташкента в мрачный средневековый Кабул. Почти как путешествие на машине времени!

Эх, Никифор Ростовцев, бедная твоя голова да несчастные ноги... И на кой черт тебя сюда занесло? Нет тут никакого интернационализма, и не было в помине, словечко просто красивое придумали для оправдания этой бессмысленной войны!

Итак, продолжаем...

* * *

— Ник, привет! Как здоровье? — схватил меня за руку на плацу прапорщик Айзенберг, при этом очень внимательно и сочувственно посмотрев мне в глаза.

— Здоровье? Здоровье — хорошее, самочувствие — плохое. Скоро лопну от злости, пора куда-нибудь в горы уйти, подальше от этих проклятых проверок и комиссий. А что вид у меня неважный? — разозлился я.

— Да нет, нет! Я просто так, — начальник батальонного медпункта отвел глаза в сторону.

— Впервые за полгода, «папа», ты моим здоровьем интересуешься. Даже удивительно.

В столовой мне дружески помахал рукой старший лейтенант Митрашу и присел на лавку рядом и заботливо поинтересовался:

— Ник, как самочувствие?

Обычно так спрашивают у тяжело и неизлечимо больного. Ему-то, какое дело?

— Да иди ты к черту! Парторг полка, медик, теперь ты — далось вам мое здоровье. За месяц никто ни о чем не спросит, а тут вдруг все интересуются, кто не попадется на глаза. Прямо настроение испортили с утра.

Ну вот, осерчал на друга и на его участие ответил грубостью. Нервы расшалились? Действительно, заболел? Психически...

В проходе с подносом двигался, вернее катился, пухлый, почти круглый, начмед полка Дормидович. Он поставил поднос на наш столик и вежливо попросил Митрашу:

— Мелентий, не будешь так любезен, уступить мне место, я с лейтенантом Ростовцевым хочу побеседовать.

— Да, да, конечно, — засуетился Митрашу и подозрительно быстро убежал, унося свои грязные тарелки.

— Товарищ лейтенант! Как дела? Почему прививочки не делаем и все время отлыниваем? Вчера опять через черный ход сбежал...

— Ой, да не сбежал, а потихоньку удалился. Я терпеть не могу эти уколы. Ни разу не прививался и не болею, а все, кто зад истыкал прививками, уже и тифом, и энтероколитом, и гепатитом, и малярией, и дизентерией, и паротитом переболели. Какую болезнь я еще забыл и не назвал? Холеру и чуму!

— Прививки — дело обязательное для всех, не мной это придумано, не мне и отменять, делать их необходимо всем без исключения. А вы с Острогиным, да еще Афоня из третьей роты всячески отлыниваете. Я что, Цербер? Приходится загонять офицеров в клуб и заставлять становиться в очередь со спущенными штанами. Вы дружной компанией опять удрали, а я не мальчишка за вами бегать! Хорошо еще флюорографию сделали, не поленились, наверное, потому что не больно?

— Ага! Флюорография — это один снимок в год, а на уколы по несколько раз каждый месяц направляете. Если все вколоть, что вами назначено и прописано, то не задница, а сплошное решето получится.

— Вот подобными рассуждениями свое здоровье и загубите. Но мы по-прежнему будем вас вылавливать и заставлять делать вакцинацию. Все равно поймаю и вколю целый букет лекарств. Уверяю, получишь задолженность в полном объеме! Я, вообще-то, по другому поводу. Как общее состояние здоровья? Как самочувствие, ничего не беспокоит?

— Да что это за утро такое: не беспокоит, не болит? Что случилось?

— Попрошу вас сегодня взять медицинскую книжку и съездить в штаб армии, в гарнизонную поликлинику. Что-то не нравится мне «флюшка», там какое-то затемнение выявлено на левом легком.

— Затемнение? Такое небольшое овальное?

— Да! А что? Давно это у тебя?

— Ах, черт, балбес я балбес! Это перед съемкой, когда я грудью к

аппарату прислонился, личный номер на веревочке забросил на плечо, чтобы не мешал. А он, наверное, сполз еще ниже на спину.

— Да? Правда? Ох, прямо тяжелый камень с моей души снял! А я уже командованию полка доложил о вашем заболевании. Мы с терапевтом смотрели, смотрели в медпункте, решили, что пятно — раковая опухоль. А метастазы — это, очевидно, шнурок?

— Вероятно.

— Но ничего не напишешь, все равно необходимо сделать контрольный снимок. Порядок есть порядок! Чистая формальность.

— Не обойтись без него никак? Это не ловушка с прививками?

— Что за глупость. Нет, не ловушка. Только повторный снимок. Это приказ! Таков порядок.

— У меня сегодня работы на целый день. И из батальона никто не отпустит.

— Передай комбату, что это распоряжение командира полка. Сейчас же после завтрака подходи к санчасти, и тебя на машине подбросят до развилки, в штаб армии. В кафе сходишь, мороженого покушаешь, вопросы, может, какие личные решишь, в магазинах дефициты всякие купишь.

— Что ж, если приказ, то, пожалуйста, отправлюсь сразу, прямо из-за стола. Незапланированный день отдыха...

* * *

Я догнал на плацу Мелентия.

— Ты чего темнил, о здоровье интересовался, кругами ходил. Не мог откровенно сказать о распространении слухов в полку про мою «раковую опухоль»?

— Да неудобно как-то. А что стряслось? У тебя на самом деле рак?

— Ничего особенного, я жетон за спину перебросил, он и засветился на снимке пятном. Нет никакой опухоли. Паникеры!

— О, Ник, как я рад! А то сплетники уже заговорили — будто не жилец ты, и вот-вот умрешь.

— Угу, я всех вас переживу. Лучше скажи, как, когда и где будешь орден обмывать? Красная Звезда не каждый день вручается, а сегодня даже торжественное построение по этому поводу. За что получил?

— В общем, ни за что-то конкретное, а за целый год службы в нашем первом батальоне, по сумме боев. Очень жалко, что выстраданный первый орден за Панджшер украли. Я его заработал, когда в горах полгода умирал безвылазно и чуть дистрофиком не стал!

— Украли? Из чемодана, из сейфа?

— Нет, в штабе полка или в дивизии нагло увели.

— Как это так получилось?

— Это была кошмарная операция! Вначале ротного подстрелили, затем

взводного «духи» ранили, позже еще два взводных заболели. Из офицеров в роте остался я один. Должность заместителей командиров роты ввели на полгода позже, перед твоим приездом. Остался один я, да еще пара прапорщиков — все руководство потрепанной и замученной роты. В других — положение было не лучше. Ужас как тяжело было воевать! В разгар кампании решили поощрить рейдовые батальоны наградами. Представили и меня, в том числе к Красной Звезде. После Панджшерской операции второй батальон из гарнизона закинули в «зеленку» на посты. Зимой приезжает начальник штаба батальона ко мне на заставу и поздравляет: «Видел наградные списки в дивизии, пришел тебе орден, накрывай стол командованию». Я, конечно, очень обрадовался. Поехал в магазин, закупил фрукты, овощи, мясо, водку, зелень. Закатали пир для офицеров и прапорщиков. Через неделю попадаю в полк, а строевик мне нахально говорит: «Нет, никакого ордена не было». Помнишь, служил до капитана Бочонкина, такой красавчик, холеный? Вспомнил? Мордатый, надменный начальник строевой части капитан Шалавин! Надо сказать, фамилия соответствует его сущности на сто процентов. Не выходя из штаба полка, получил он два ордена, но главное — за определенную «мзду» солдат увольнял пораньше. Плати пять тысяч «афгани» и езжай домой, да еще не как простой стрелок, а как сержант, командир отделения или механик, и вдобавок на три месяца до установленного срока. И преступления вроде нет — не подкапываешься. Жулик и разгильдяй звание получал и увольнялся, прослужив ровно два года, а не два года и три месяца, как все рядовые в Афганистане служат. Вот и весь фокус. Послал меня этот Шалавин подальше, и даже разговаривать не стал.

— А как же ты так лопухнулся? Надо было орденские книжки посмотреть, список награжденных потребовать, — возмутился я.

— Объясняю: в строевой отдел приходят перечень фамилий награжденных, незаполненные орденские книжки, ордена и список их номеров. Только уже здесь, в части, вписывается номер ордена и фамилия того, кто награжден, в орденскую книжку. А список всех награжденных — секретный, его обратно отправляют в штаб. Вот меня в нем вроде бы и не оказалось. Документ этот Шалавин показать наотрез отказался, сказал, что его якобы вернули в наградной отдел штаба армии. А там все повязаны, одна шайка-лейка. Прапорщики-делопроизводители через год по одному или два ордена себе тайком оформляют, в зависимости от степени наглости. Все следы, в конце концов, замели, да и не я один был такой. А бывшие командир полка, начальник штаба и замполит, наверное, в доле были, вот и покрывали строевика. Недели через две комбат Папанов приезжал, беседовал с руководством, вернулся и представил мои документы вновь на орден. Сказал, что все напутал начальник штаба батальона — никакого ордена не было. Не было и точка! Но по лицу видно — оправдывается и скрывает, что произошло на самом деле. Иначе, почему сразу опять бумажки оформил? Ну как можно такую фамилию, как моя, спутать? Что у нас в полку каждый

второй Митрашу? А новое представление через месяц строевик вернул без реализации, как неправильно оформленное. Потом меня перебросили в первый батальон вместо погибшего Масленкина. перевели в наказание: за грубость и неуважение к офицеру, старшему по званию и должности, то есть к капитану Шалавину. Он как-то пьяный мне на плацу попался и принялся отношения выяснять. Дал я ему в глаз и слегка попинал. Судить меня не стали, огласки побоялись. А представление мое к ордену прошло только после замены Шалавина, с приходом Бочонкина и сменой руководства полка. И не поздравляй раньше времени, опять «сглазишь». Когда вручат, тогда только поверю. После вручения наград, вечером, после отбоя, милости прошу к столу в бытовку второй роты.

* * *

Штаб армии находился в движении, как муравейник в хорошую погоду. Тут располагалась группа представителей Генерального штаба, часть наших советников, служивших в Афганской армии, а также разведывательный центр, полк связи и множество других управленцев и тыловиков.

Я потихоньку от начальства надумал решить личный вопрос — вдруг получится. Знакомый подполковник отдела кадров узнал меня и удивленно спросил:

— Тебе чего, лейтенант?

— Да вот документы от пропагандиста привез, и хочу с вами побеседовать по личному делу.

— О чем?

— Нельзя ли перевестись в другую часть?

— Какую часть? Куда? Воевать уже надоело? Устал от первого батальона?

— Да нет. Устал, но не от войны, а от нашего образцового полка. В спецназ или десантуру, куда-нибудь подальше от Кабула нельзя ли перейти?

— В спецназе капитанские должности, а это повышение, его надо заслужить!

— Заслужить повышение? Так я с капитанской на старлейскую в Афган прибыл, добровольно, да вроде бы никто и не спрашивал, согласен на понижение или нет.

— Это совсем другое было дело — выполнение интернационального долга, но если бы какие иные обстоятельства открылись. Для повышения повод необходим, заслуги нужны, награды.

— Меня к ордену полгода назад представили, возврата не было, по срокам в апреле-мае должен прийти.

— Ну вот, как наградят, так и приходи, подумаем под коньячок. Понятно?

— Легче легкого, хоть ящик, лишь бы из этого «дурдома» сбежать.

— Думаешь, в спецназе легче? Там боевых выходов, может, даже больше, чем в восьмидесятом полку.

— Я не от войны бегу, а от показухи вперемешку с войной.

— Ну-ну, беги. Подумаем, попробуем. Все же, может, лучше не срываться с места? Как в коллективе обстановка?

— Рота отличная, батальон хороший, но я морально устал без отдыха после боев, психовать начинаю, скоро «крыша поедет». Бирки, планы, писанина, в третий раз ленинскую комнату переделываю, сколько же можно?

— Хорошо, хорошо, иди, еще думай, пока время есть.

* * *

В поликлинике возле кабинета флюорографии вдоль стены сидела длинная очередь из солдат и офицеров. Я взял номерок на прием и решил прогуляться в «стекляшку», кафе-мороженое.

Порция пломбира в чашечке напомнила детство. Лимонад, пирожное, музыка... Все столики заняты штабными офицерами, вольнонаемными женщинами. Никто никуда не торопится, отдыхают люди, веселятся, в распорядке работы заведения вечером предусматривались даже танцы. А у нас никакого луча света в конце туннеля. Настоящая каторга... Однажды на мой вопрос об отсутствии выходных после рейда я получил строгое внушение от инспектирующего: «В воюющей армии отдыха и праздников быть не может! — указал в ответ солидный полковник. — Выходные планируйте после войны, в Союзе!» А, стало быть, рядом, в километре от полка — для кого-то имелся полный набор развлечений.

Все места в кафе оказались заняты, и пришлось перекусить прямо у стойки. И тут мы чужие на этом «празднике жизни».

* * *

Очередь к врачу тем временем дошла и до меня.

— Что случилось, что беспокоит, товарищ лейтенант? — спросил толстый, круглолицый майор, встревоженно читая направление из медпункта.

— А ничего не болит. Произошла нелепая случайность, скажем так: недоразумение. Мне кажется, что затемнение на снимке — это личный номер. Я его не снял, вот и получилось пятнышко.

Медик заулыбался, вглядываясь в снимок.

— А хочешь, мы сейчас его увеличим и сможем прочитать?

— Хочу!

— Сейчас, подожди немножко.

Он поколдовал над аппаратурой и торжественно объявил:

— МО СССР номер Р-307648. И еще что-то нацарапано неразборчиво. Правильно?

— Точно, нацарапанное — это имя и фамилия. Я же говорил об этом в полку, но медицина решила перестраховаться.

— Правильно сделали, порядок есть порядок! Как служба, как воюешь? Тяжело? — участливо спросил рентгенолог. — Нет желания отдохнуть в отпуске на курорте? Могу помочь с путевочкой в санаторий: Крым, Сочи или еще куда-нибудь. В полку такой возможности нет и не будет.

— Конечно, конечно, хочу! В отпуск вот-вот выгонят.

— А чтобы путевка была наверняка — пойми, я ведь не сам все решаю, нужно для ускорения процесса две с половиной тысячи «афошек».

— Да у меня нет «пайсы».

— Как нет? В рейдовом батальоне и нет «афганей»? Вы же деньгами сорите. Можно чеками.

Я сердито встал, взял медкнижку и пошел к выходу, обернувшись, со злостью ответил:

— Это мародеры деньгами сорят и тыловое ворье, а у нас боевое подразделение, а не шайка грабителей. А если и пьют, то свою получку пропивают.

И вышел, хлопнув дверью, не прощаясь.

Балбес, теперь за свой счет отдыхать придется, не сдержался. Но ведь какое мурло сидит тут в тепле и чужие деньги считает, ребят, которые из «зеленки» не вылезают, обирает. Крыса тыловая!

* * *

— Ник! Живой! А сказали: ты издох, — весело встретил Острогин мое возвращение. — Гуляешь по штабам, а мы тут в рейд собираемся.

— Куда? Когда? — обрадовался я скорой перспективе удрать из полка.

— В район Дехи-Нау, послезавтра!

— Вот это хорошо, наконец развеемся. Скорей бы, подальше от показухи и глупостей. Над чем корпишь?

— Журналы боевой подготовки за все взводы необходимо до выхода представить. Эдик расписание занятий и ротный журнал унес показывать. Кстати, тебя уже несколько раз спрашивал Муссолини.

— Зачем?

— Планы какие-то принести и листовки получить.

— Черт! Знают же, что в поликлинику ездил и полковые документы отвозил, даже мороженого спокойно не поесть.

— Мороженого? Где? — изумился Серж.

— В кафе. Там и мороженое, и танцы, и коньяк вечером подают.

— А как же фраза «Мы все на фронте, а на фронте не отдыхают». И про сухой закон забыли? Так?

— «Каждому свое», как в Бухенвальде. А еще медик путевку на курорт купить предлагал.

— Купил?

— Нет, у него сдачи не нашлось! Я так хотел его пухлую физиомордию по столу размазать. В полку, говорит, таких путевок не бывает. Они у них все в штабе «застревают»...

— Ерунда. Подойди к начмеду и попроси, я вчера уже оформил путевку в Ялту. В июне поеду отдыхать: море, девочки, сухое вино... Мечта! Завидуй! Облизывайся!

— Завидую, прохиндей! Как выпросил?

— Да никак. Пришел, поговорил по душам — и порядок! Я с ним в Панджшер на броне входил...

— Трепач. Пойди, попроси... Все у тебя легко! Связи кругом: дядюшка в посольстве, папа в Совмине. Граф, как ты на войне очутился с такими «волосатыми лапами»? Не понимаю. Настоящий граф и князь! Ладно, перебьюсь без путевки, в Сибирь поеду загорать.

— Иди к начмеду, он звонил, тебя спрашивал, а путевку обязательно попроси, гарантирую, все будет нормально — поможет.

* * *

— Как дела? Все хорошо? — встретил меня с надеждой в голосе Дормидович.

— Так, как я и думал, пятно на спине — это номерок. Но рентгенолог — сволочь!

— Почему ты его так не возлюбил? Что такое?

— За взятку путевку в санаторий предлагал — в любое место и в любое время.

— Ох, негодяй! Из штаба носа не высовывает, а на ребятах наживаетесь! А куда хочешь поехать?

— Да это просто так, к слову, я у него ничего даже и не просил, он сам навязывался. Вообще-то, готов хоть куда, меня в конце месяца отправляют в Союз. А куда? На море делать нечего, может, в Пятигорск?

— Есть путевка в Кисловодск, отложить для тебя?

— С боевых вернусь и зайду оформить, если можно?

— Конечно, подходи. Рад, что ты здоров, удачи и долгих тебе лет жизни.

— Спасибо!

Довольный, я вышел из санчасти. Повезло! Выяснилось, что здоров, а теперь и хороший отдых обеспечен. Ура!

* * *

Вечером комбат производил предварительный осмотр офицеров перед выходом на боевые.

— Предупреждаю в последний раз! Командирам быть в уставной фор-

ме — то бишь в х/б. Замполитов это тоже касается! Не бродить в горах как анархист Ростовцев: то в «песочник» вырядится спецназовский, то в маск-халат. И Луковкину запрещаю выделяться, рейнджер нашелся, выпендри-вается в горном костюме.

— Товарищ майор, могу подарить один комплект, — встрял Юрик в речь Василия Ивановича. — А то вы ходите в выцветшей «афганке» — не солидно.

— Вам слова никто не давал. Еще раз перебеешь меня — получишь выговор. Далее: тельняшки, футболки, кроссовки носить запрещаю! Только сапоги и ботинки, нательное белье, все в касках и бронежилетах. Прежде чем требовать, сами должны являться примером подчиненным, особенно замполиты! Капитан Лонгинов, проведение строевого смотра офицеров и прапорщиков назначаю в семь тридцать утра.

— Сразу с мешками и оружием? — встревоженно спросил лейтенант Шерстнев. — Не успеем.

— Ба! Шерстнев, попался ты наконец-то мне на глаза! Пожалуйста, не ходи моей тропой, не люблю, когда облизывают чашку комбата. Моя чашка священна!

Стоявшие в строю громко засмеялись.

— О чем вы, товарищ майор?

— Прапорщики могут быть свободны, — распорядился Подорожник оставив одних офицеров.

— Вот так, опять обломили на самом интересном месте, — громко вздохнул Бодунов.

Прапорщики нехотя ушли, сгорая от любопытства, а Чапай продолжил:

— Зашел я сегодня в одно место, а там сидит за столом Шерстнев, в моих тапочках, и чай пьет из моей любимой чашки! Сегодня тапочки одел, кружку облизал, а завтра что будет, а, Олежек? Что еще оближешь?

— Ничего другого не будет, — смущенно пробормотал лейтенант.

— А женщина может понадеяться, поверить. Даже думать не могли об этом, ишь, молочный брат объявился. Жилин, ты его чаще в караул ставь. Все караулы третьей роты с сегодняшнего дня Шерстнева. Это мой приказ!

— За что? Я к ней туда случайно заглянул, чай попить с вареньем. В первый раз, ей-богу!

— Куда, куда ты заглянул? Что за гнусный намек?

— Ха-ха-ха, — вновь засмеялся весь офицерский строй.

— Вот теперь второго раза точно не будет, под халатик не залезешь, и котлеты комбата будут в целостности и сохранности.

— Вы не правильно поняли, я оговорился, не то хотел сказать. Только одну котлетку съел и то чуть не подавился под вашим строгим взглядом.

— Я тебе эту котлетку до замены не забуду. Оговорился он! Разойдись!

Все гурьбой обступили Олега. Похлопывали по плечу, смеялись, успокаивали, как могли.

— То-то Василий Иванович взбешен, сам не свой от злости почему-то, а это наш Олежка его с кровати «стюардессь» теснит, — ухмыльнулся Афоня.

— Никого я не теснил, даже и не думал, это случайно получилось.

— Все в жизни случайно и совсем не специально, — улыбался Никола Мелешенко. — Теперь комбат заест нашу третью роту на боевых. Ну ты и смельчак! Подорожнику дорогу перешел, в кровать залез.

— Болваны, сразу у всех черные мысли, — оправдывался Шерстнев.

— Нет, не у всех, — усмехнулся лейтенант Арамов. — Я уверен: у тебя были только чистые помыслы — объесть комбата, отомстить за обиды через желудок. Ха-ха-ха!

— А ну вас, идите к черту! — И Олег ушел, громко матерясь.

— Попал Шерстнев в немилость и надолго, — глубокомысленно изрек Афоня. — Не ложись не в свои сани, особенно без презерватива! Молочный брат комбата! Смельчак! Ха-ха-ха...

* * *

В казарме стоял невероятный шум и галдеж. Рота суетилась, комплектуя мешки и набирая боеприпасы.

Что же делать с обувью? Имеются только кроссовки и туфли, мои облегченные сапоги сгорели у костра в Баграмке — подошва правого «дутьша» полностью расплавилась.

— Ветишка, Серега!

— Что? — откликнулся взводный.

— Тебе на сборах по горной подготовке новые ботинки выдали?

— Выдали.

— Не уступишь?

— Они сорок третьего размера. Тяжелые. Подков с шипами на них накручено штук по шесть на каждый, но по леднику ходить будет удобно. А нам, судя по карте, снежные вершины придется штурмовать. Бери!

— Великоваты немного, но выбирать не из чего. Давай, черт с ними. Сам в чем пойдешь?

— В полусапожках. Пошли в каптерку, мои бахилы старшина куда-то спрятал.

Шипов и подковок на подошве, действительно, было очень много. Тяжелые, гады, каждый ботинок весом килограмма полтора. Ноги мои ноги, как вас мне жаль.

Осторожно постучав, в дверь кто-то вошел. Я оглянулся и обомлел. Словно явление Христа народу — в проходе стоял самодовольный Сашка Корнилов. Он опирался на палочку и при этом слегка раскачивался.

— Откуда ты взялся, Саня? Мы тебя списали.

— От в-верблюда! Из отпуска по б-болезни, после двух операций. М-мениски оперировали на обеих ногах, которые я повредил в горах. Теперь п-прибыл для дальнейшего прохождения службы. Н-назначен во второй б-батальон замом командира шестой роты. По горам х-ходить здорово не позволяет.

— А что, комиссовать не могли? — удивился я. — Служил бы в Союзе.

— Н-нет, признали г-годным. В полку, п-правда, п-пожалели, вошли в мое п-положение — перевели на заставу, колени-то еще п-побаливают. А как д-дела в роте? К-кто вами командует?

— Эдик Грымов.

— Ух ты? Б-быстро растет!

— Ротный вообще-то пока не он, а Сбитнев! Помнишь взводного из третьей роты? Но он в госпитале, ранен в лицо, ему осколком полчелюсти снесло.

— Д-дела.... А п-почему не граф Острогин?

— Почему, почему? Потому! Серж ведь как истинный «граф» то в одном месте характер покажет, то в другом. Одним словом, неблагонадежен, не внушает доверия руководству. Я тебя, Сашка, честно говоря, со времен последнего твоего рейда в Майданхшехре не чаял больше увидеть.

И я, улыбнувшись, вспомнил давние события.

* * *

Это было еще осенью. Сашка в тот раз ушиб колено, выпрыгивая из вертолета, а после еще и оступился. Позже на подъеме к поставленной задаче еще раз подвернул ногу и совсем захромал. Вздыхал, стонал, скрипел зубами, но шел — а куда денешься! — благо высота была рядом от места десантирования. Неделию Корнилов лежал на вершине, и даже прочесывать кишлак с его взводом пошел я.

Возвращаться с гор к броне пришлось километров двадцать пешком, и не по прямой, а вниз-вверх. Эх, жаль, вертолеты не прилетели.

— Лейтенант, Корнилов! Берешь провожатым Худайбердыева и спускаешься впереди роты, — распорядился капитан Кавун. — Через нас пройдет весь батальон, и только потом мы. Чтобы тебе не отстать, иди-ка ты, дружище, впереди всех.

Здоровенный сержант подхватил вещмешок взводного, и они ушли по хребту, в сторону приближающейся к долине полковой техники. Идти по горам и без груза тяжело, а навьюченному — и подавно. Внизу, в ущелье, лежал, растянувшись до самой дороги, огромный кишлак. Возле домов бродил скот, женщины работали на крошечных земельных участках,

повсюду бегала детвора. Почему-то население не ушло, наверное, не успели, настолько мы внезапно и быстро окружили район, блокировав вершины и проходы.

Пехота неделю просидела наверху, осматривая только отдельные дома и развалины, а населенный пункт прочесали афганцы: «ХАД» (госбезопасность) и «царандой» (МВД). Они немного постреляли, что-то сожгли. Затем ушли восвояси дикой, галдящей толпой, напоминающей цыганский табор.

И вот взвод за взводом батальон проходил через мои позиции. Впереди двигалось управление батальона и новый замполит, капитан Грицина, он приветливо помахал мне рукой. Капитан только сменил ушедшего на повышение майора Сидоренко. Неплохой мужик, но очень суетливый. Да еще с зам комбатом Семеном Лонгиновым сдружился и стал брать с Бронежилета пример. В рейд Константин Николаевич шел в первый и, как оказалось, последний раз. Натянул на себя мужик сдуру, тяжелый двенадцатикилограммовый бронежилет, каску, высокие горные ботинки, к автомату прицепил подствольник и взял снаряжение с гранатами к нему. В мешке тащил тысячу патронов — он весь цинк по совету Бронежилета высыпал.

Сумасшедший! Рост у него был довольно приличный. Наверное, не меньше метр девяносто, но силы замполит все же не рассчитал. Я слышал, как Бронежилет его на плацу инструктировал, мол, взять нужно с собой восемь гранат, патронов побольше, «муху», бинокль, дымовые шашки, ракеты.

Но тяжелый бронежилет в горы нести на себе — это уже слишком. С дуру Грицина мог бы и артиллерийский, двадцатичетырехкилограммовый, с толстыми пластинами для защиты паха, нацепить. Эти «латы», когда на броне едут, пушкари иногда на себя одевают. Тот, кто очень боится. В таком бронике зам по тылу полка Ломако, чтобы получить боевой орден, проехался единственный раз старшим колонны «наливняков»: в Хайратон и обратно. Неделю потом о своем «подвиге» в полку при каждом удобном и неудобном случае офицерам напоминал.

И вот ушел батальон, а затем и наша рота. Часов через пять мы спустились с хребта. Я вновь в замыкании роты, команду «умирающими».

Степа-медик нес вещмешок Царегородцева, а я — его автомат, самого же солдата под руку тащил сержант Назимов. Хорошо, что ослабел и «умер» только один боец. В долине медленно передвигался взвод обеспечения. Последним шел высокий сержант с двумя мешками за спиной и двумя бронежилетами, далее еще один с двумя автоматами и «мухой». Во главе этого мини-отряда, загребая ногами песок, судорожно дергая при передвижении всем телом, шествовал замполит батальона. Гимнастерка на спине Грицины насквозь пропиталась потом.

— Константин Николаевич, что случилось? — взволнованно и с участием в голосе спросил я. — Чем помочь?

— Все х...хр...х..., нормаль..., хр...но, — тяжело ответил Грицина еле слышно и с надрывом. Хриплое дыхание вырывалось изо рта, на губах хлопьями пена, бледное лицо цвета серой застиранной солдатской простыни. Он слабо махнул рукой и побрел вперед. До техники оставалось метров пятьсот, ну да ладно, сам доплетется.

Возле машин нас встретил капитан Лонгинов, как всегда самодовольный, похожий на древнего рыцаря из музея Средневековья, в своем никогда не снимаемом бронежилете и каске. Здоровья у этого человека на троих!

— Как дела, Николаич? — с легкой насмешкой поинтересовался он у Грицины, с трудом передвигающего ноги.

— Семен., х...хр...х. Это было хр...х... ужасно... — И, схватив поднесенную полулитровую кружку с компотом, осушил ее до дна. — Семен, хр...х... — это кошмар. Ноги хр...х..., онемели, мышцы, хр..., как камень.

Бронежилет снисходительно улыбнулся в ответ и резко переключил свое внимание на меня.

— Все вышли? Никто не отстал?

— Нет, вот Царегородцева вынесли, позади больше никого нет. Лонгинов поднес к глазам бинокль и нацелил его в сторону мятежного кишлака.

— Еп...ть. Есть еще люди! Твою мать! Замполит, ты говоришь: никого? Ты посмотри, что творится: ваши мародеры из кишлака выбирают-ся! — И протянул мне бинокль.

Мимо убогих строений, опираясь на автомат и какой-то тонкий шест, медленно топал Сашка Корнилов, поддерживаемый сержантом. Шли они, не спеша, о чем-то мирно беседуя, да и как можно было торопиться, хро-мая на обе ноги.

— Лейтенант! Ты, почему спустился в кишлак? — заорал в бешенстве капитан, когда они подошли к нам поближе.

— А что н-надо было идти обратно в г-горы? — ухмыльнулся Сашка.

— Вы должны были следовать в составе колонны батальона по хребту, по горам. Это «духовской» кишлак, а вы, как последние идиоты, поперлись в него. Кто разрешил?

— Ротный с-сказал, идите вперед, а то х-хромаешь, отстанешь, — ответил лейтенант, как всегда сдвигая буквы в словах. — А с-сержант — мой сопровождающий. Я еле-еле д-двигаюсь, обе ноги п-пов-редил.

— Вы, товарищ лейтенант, лучше бы голову повредили, может, она думать бы начала. Ротный! Кавун, ко мне!

Иван подошел и спросил:

— Что произошло? Что за крик?

— Почему твой лейтенант самовольно по кишлакам бродит?

— Чего ты на меня орешь? — резко ответил Иван на крик Бронежилета.

Они были ровесниками, и оба еще недавно находились на равных должностях и почему-то не терпели друг друга.

— Я на вас, товарищ капитан, не ору, — сразу понизил тон Лонгинов и перешел на «вы». — Разберитесь с офицерами, не рота, а сброд.

— Полегче на поворотах, не сброд, а лучшая рота в полку. Разберемся, товарищ капитан.

Лонгинов ушел, поддерживая под руку Константина Николаевича, и о чем-то переговариваясь, а Иван внимательно посмотрел в глаза обоим «следопытам» и рявкнул:

— Сержант, отнеси все вещи на свое БМП! Уйди с глаз долой!

Подождав, когда Худайбердыев отошел подальше, взял за пуговицу Сашку и, притянув к себе, сказал:

— Дуракам порой везет. Идиот! Пойми, там «духов» больше, чем извилин в твоих мозгах!

— Что всего-то д-десяток «духов»? — попытался смягчить ситуацию глупой шуткой Корнилов.

— Дать бы по твоей физиономии хорошенько. Не строй из себя законченного идиота. Чтобы вас обоих найти, в случае чего, целая армейская операция нужна! Горло перережут и в яму с отбросами кинут. Как и не было вас на земле никогда. Иди и думай...

— Иван! Т-ты же сам велел: иди в-вниз, в-вперед роты. Вот я и п-п-пошел.

— Думал, что сказал для умных, а оказалось...

По прибытии в полк Корнилов исчез — быстро и надолго растворился в армейских госпиталях. Зачем он нарисовался сейчас, спустя полгода? Посмеяться, порадоваться своей удаче? Стоит и ухмыляется. И замполит Грицина внезапно исчез из батальона. Константин Николаевич после того похода тоже слег: сердце не выдержало, а потом нашел «лазейку» и перевелся в штаб другого полка.

— Зачем ты, Саня, сейчас пришел, чтобы злорадствовать? Может, заведуешь или скучаешь по нашему коллективу? — накинулся я на него. — На заставе два года сидеть почти безвылазно тоже не сахар, а тоска смертельная. Это как два года в колонии общего режима. От однообразия такой жизни можно чокнуться, завьть и на стенку полезть.

Корнилов продолжал молча улыбаться.

— Сашка, извини, но мне с тобой трепаться некогда, завтра уходим, а дел невпроворот.

— Да, да, п-понимаю! У вас «с-своя свадьба, у нас своя». А ж-жалось... Х-хорошо, зайду как-нибудь позднее... — И он ушел с грустным лицом. Сдваивать буквы в словах так и не прекратил! Ноги прооперировали в госпитале, а от этого почему не излечили?

Глава 2

Прогулка по леднику

Ох и красотища! Если бы я был художником или туристом, то наверняка так бы и выразился. Горные вершины стояли в снежном обрамлении, блестяли и искрились в солнечных лучах.

«Какой кошмар! — однако, подумал я, так как был пехотинцем. Опять спать в снегу, как в прошлый Новый год».

— Эдик, нет возражений, если я пойду с взводом Игоря Марасканова?

— А почему именно с ним?

— Он в роте человек совсем новый, только из отпуска вернулся, душа его расслаблена и настроена еще на мирный лад. Людей не знает, местность ему не знакома.

— Что ж, иди, если не хочешь быть на КП роты. Ты почему-то постоянно дистанцируешься от меня, — угрюмо произнес Грымов. — Какая-то несовместимость у нас с тобой, словно каменной стеной отгораживаешься. Командир роты с заместителем так служить не должны. Придется кому-то уйти — и явно не мне.

— Надеюсь не мне тоже, потому что с командиром роты Сбитневым у меня полное взаимопонимание. А от тебя одни подлости.

— Надеешься на возвращение Сбитнева? Ну-ну... — произнес он угрожающим тоном. — Сейчас я командир...

— Уверен, что он вернется. Вот тогда и посмотрим, кто в роте из нас лишней.

Тяжелый, недобрый взгляд Грымова не сулил ничего хорошего. Ну да ладно, переживем, я не собираюсь подстраиваться под этого высокомерного выскочку.

— Что ж, иди с третьим взводом. Я вам тогда ставлю задачу — закрепиться на высоте три тысячи восемьдесят метров. Вот эта точка, подойди, Игорь, посмотри отметку на карте, — и Эдуард пунктиром указал маршрут движения.

Старший лейтенант Марасканов с удивлением захлопал глазами, тяжело вздохнул, но ничего не произнес. Когда взвод двинулся к вершине, он, недоумевая, спросил:

— Интересно, почему это Грымов задачу поменял? Мой взвод должен на километр ближе к роте быть и метров на триста пониже, а теперь мы на самом удаленном участке.

— Это — тайны «мадридского двора», все наши «дворцовые интриги». Я решил с тобой идти, вот он и загнал нас сразу в самую трудную точку. Не любит, когда ему правду говорят.

— И что ты сказал?

— То, что он Сбитнева почти похоронил. Просто взял и списал, как боевую потерю. Ну и черт с ним, Игорёшь, прогуляемся еще несколько лишних километров.

Снег лежал, твердый, хорошо смерзшийся, спрессованный, однако перегруженные солдаты все равно проваливались в него по колено. Вытгивая ногу из одного следа, ставили ее в другой, и постепенно от распада до вершины образовались две параллельные цепочки из круглых ямок. Бойцы-пулеметчики вспарывали снежный наст, будто плугом, глубоко проваливаясь через каждые пару шагов, едва не по пояс под тяжестью неподъемного вооружения.

Вот сержант Лебедков, пунцово-красный как вареный рак, полз на четвереньках под тяжестью гранатомета. Эти лишних двадцать пять килограммов не разделишь на двоих, все достается одному. Поэтому гранатомет в чехле пристегнут к спине, вещмешок болтается на груди, автомат — в руках. Ползет как трактор, пашущий целину. Через пару часов сержант совершенно выбился из сил, и пришлось взять его автомат.

— Юра, давай напрягайся, не отставай, еще немного и пойдем на спуск, он пологий, как по катку съедем.

— С горочки катить хорошо, но ведь затем вновь вверх лезть, и чем глубже скатимся, тем тяжелее подниматься опять, — вздохнул сержант.

— Чем я тебя могу приободрить? Каким словом? Маши крыльями «лебедь» и курлычь, может, получится да взлетишь!

Лебедков тяжело вздохнул и, сплюнув, прохрипел:

— С этой «дурой» взлетишь, как же, только шею сломаешь! Разве что противопехотная мина подкинет в небо.

На ближайшей вершине короткий привал, а таких подъемов придется преодолеть еще два. Кошмар! Вот это романтика, мать ее!!! Огляделись, отдышались.

— Вперед, вперед, быстрее! — заорал Грымов. — Комбат недоволен, что отстаем, все роты уже на задачах, одни мы еле тащимся.

— У них точки поближе, а нам от техники сегодня приходится дальше всех топтать, — простонал Острогин. — Почему такая несправедливость, почему я в тыловики или технари не пошел?

— Серж, ты лучше тогда в финансисты б двинул, получку без очереди получали бы, — усмехнулся Ветишин.

— А еще лучше «ГСМщиком», спирт всегда под рукой, и нам отливало бы, — мечтательно произнес Бодунов.

— Ребята, если бы Острогин занимал эти должности, то с нами бы он и не здоровался. Вы посмотрите: он среди нас как граф или князь какой держится, а возле этих материальных ценностей простых пехотинцев в упор замечать не будет, — улыбнулся я. — Дворянская морда.

— Ну почему ты так о людях плохо думаешь, по себе судишь, а? Кто тебя бесплатно минералкой и лимонадом поит, салатами, шпротами и лососиной кормит? Кто? Молчишь! Вот тебе, неблагодарный, я точно спирта не отлил бы!

— Иди Серж, лучше отлей за камень, пока на горе сидим, и не выступай, а не то сейчас вниз пойдем, некогда будет, — съехидничал я.

— Бывают у Никифора умные мысли, пойду, пока руки окончательно не замерзли, штаны расстегну самостоятельно.

— Можно подумать, даже если ты настоящий граф, кто-то будет тебе помогать и это концевое изделие из штанов вытаскивать, — язвительно произнес Грымов, до сих пор не встретивший в разговор. — Беги быстрее за камень, да смотри, чтоб ветром на нас брызги не принесло...

Солдаты, подстелив под задницы и спины бронежилеты, поехали, как на санях, в распадок. У кого не получалось — катились кубарем.

— Лебедков, дай-ка мне свой броник! — велел Эдуард.

— Товарищ лейтенант, а как же я? Как спущусь?

— Поедешь на АГС: садись верхом, держись за ствол — и вниз со свистом.

Грымов стянул бронежилет с сержанта и, усевшись на бронежилет, с громкими воплями покатился, но вскоре наскочил на камень и закувыркался до впадины.

— Сережка, что тебе это напоминает? Какую картину? — поинтересовался я у Ветишина. — Узнаешь?

— «Переход Суворова через Альпы».

— А мне — «перелет Грымова через Гиндукуш».

— Ха-ха-ха... — дружно засмеялись мы дружно.

— Что ж, ребята, покатимся или поедем? — спросил Марасканов.

— Ехать не на чем, я побегу, — ответил Острогин и попытался проскакать по снежному насту. Ничего из этого не вышло, и он кубарем укатился, теряя вещи, вниз до самого дна.

— Ты как хочешь, Игорь, а я покачусь, ползти по пояс в снегу не хочу.

— Что ж, попробуем.

Я отшвырнул мешок подальше, и он, подпрыгивая, улетел в ущелье. Затем, прижав автомат к груди и закрыв глаза, лег на наст и покатился сам. Снег забил глаза, рот, нос, но через две минуты под громкий смех тоже оказался внизу. Все отфыркивались, отряхивались от снега, выбивали его из обуви. Спуск каждого вновь прибывшего солдата и офицера встречался дружным хохотом.

Веселье быстро закончилось: предстоял тяжелый подъем на очередную вершину.

* * *

Неделю рота прочесывала плато. За это время с природой произошли разительные перемены. Резко потеплело, снег и лед таяли, отовсюду потекли по расщелинам ручейки, соединяющиеся в речушки, которые, сли-

ваясь, превращались в мощные потоки воды. Ни снега, ни льда, как и не бывало, только кое-где в овражках белели небольшие пятна.

— Чего ты приперся? — неласково крикнул я Острогину, поднимающемуся из лощины на нашу заснеженную точку. — Почему не разыскиваешь трофеи?

— А ты сам почему не ищешь? Ты замполит, у нас в роте первейшая розыскная собака! У тебя нюх! — огрызнулся «граф», тяжело дыша.

Я показал ему большой кукиш, но он и не думал обижаться.

— Отцы-командиры, лучше пойдем делать исторические кадры: «купание красных офицеров» в горной реке зимой! — заорал Серж, когда добрался до нас. — Я захватил с собой в рейд фотоаппарат, а Ветишин подойдет через несколько минут. Будет классный групповой портрет на фоне этих «альпийских видов». А ты грубишь.

— «Купание красных офицеров» — это как «Купание красного коня»? — поинтересовался я. — Нас потом овсом кормить еще больше начнут. А чего ты Сережку бросил? Разве он без тебя справится?

— Да чего там справляться, саперы разминировали избушки, одна только и нашлась мина в этой долине «духов». Мина совсем древняя, года три как установлена, старая, ржавая.

— Уходить будем — поставим новую, — усмехнулся я.

— Нашли еще чего-нибудь? — спросил Марасканов.

— Пока ничего. «Летеха» с взводами сейчас вон те дальние овечьи кошары осмотрит и вернется к нам, — показал Серж рукой на дальний распадок. Пусто там, ничего нет, либо унесли все, либо не было никаких боеприпасов. Без покойного Шипилова совсем ничего не находим. Вот у кого нюх был! А как вы тут на отшибе, не замерзли? Там где расположился мой взвод, даже лед уже совсем подтаял, а тут снег кое-где белеет, а лед, хоть в хоккеей играй.

— Да ничего, терпимо. В Кандагаре, конечно, теплее было! Признаться, я снега уже два года не видел, почти забыл, как он выглядит, — улыбнулся Игорь.

— Игорек, а что случилось с тобой, почему к нам «сослали» из спецназа? — поинтересовался Острогин.

— Глупая история. За острый язык и несдержанность. Солдат солдата топором зарубил. Расследование провели. Наш начальник политотдела принялся орать, что комсомолец убил комсомольца, работа воспитательная не ведется, каких-то протоколов собраний не оказалось. Я вспылил, принялся спорить. Ну а он припомнил взводного, которого осудили за «мародерство» тремя месяцами раньше, дескать, наблюдается увеличение грубых нарушений дисциплины членами ВЛКСМ. И вот я не переизбран и отправлен в ссылку в пехоту. Вообще-то, если бы не послал его подальше — все бы обошлось, но я не сдержался. Вот и в отпуск летом вовремя не уехал, и со званием кинули, уже капитаном должен был стать, а в результате — вновь взвод и по-прежнему старший лейтенант.

— Игорь, как старлей ты нам больше нравишься! С капитаном из спецназа мы уже послужили, до сих пор запасы одеколона батальон восстановить не может. Очень ты нам симпатичен, и дружный коллектив первой роты радушно принимает тебя в свои ряды. Уверен, с честью оправдаешь наше доверие и к концу года возглавишь роту, — торжественно произнес я.

— Большое спасибо, ребята, но ваше доверие я лучше оправдаю в Союзе. Осталось лишь три месяца служить в Афгане. Вы уж как-нибудь без меня, пожалуйста, обойдитесь.

— Это настоящая катастрофа! А как я отлично пристроился! У Игоря здоровья — вагон! Громадный ватный спальник сам в горы приволок, я же налегке шел с транзистором. Эх, скоро придется опять собственный лежак носить.

— А что места на двоих хватает? — удивился Острогин.

— Конечно, я худощавый, Игорь тоже стройный, рядом можно еще летеху Ветишина положить. Мы не то что ты: культурист, атлет, Геракл. Жрешь за троих, спишь за двоих, нос отхватил на четверых. Повернешь им — проткнешь, а мозгов взял — на одного...

— Но-но, замполит, интеллект попрошу не трогать. Мой ум, как и мой красивый греческий нос — неприкосновенны и неповторимы. Ты посмотри, какой профиль, как на древнеримском барельефе! — гордо произнес Серж.

— Одно слово — граф, — согласился я. — Как тебя такого породистого сохранили до сих пор. Почему предков в восемнадцатом году не шлепнули?

— Родственников лишь сослали в Казахстан, в этом, наверное, им повезло. А если бы история тогда повернулась по-иному, то вы у меня на конюшне бы работали или на плантациях. Я бы вас по праздникам порол!

— Серж, у тебя фамилия вообще-то не дворянская, а больше каторжная — Острогин! Тюрьмой отдает и ссылкой, — возразил Игорь.

— Что это вы моего тезку обижаете? — вступился за «графа» тихонько поднявшийся на точку Ветишин. — За что такого золотого парня обижаете?

— Вот хотя бы одна родственная душа пришла! Эх, брат ты мой, Сережка! Буду фотографировать только тебя, пошли они к черту. Крестьяне, холопы!

— По повадкам замполит тоже из дворян. Спальник носить не хочет, дрыхнет в чужом, одевается не как все — в «песочник» или «горник», умные речи произносить пытается, — вставил словечко Ветишин. — Не по породе умничает...

— Нет, я к графским мордам, Серж, не примазываюсь, моя порода совсем другая, мы из обыкновенных разбойников, ссыльнокаторжных, — отмахнулся я.

— Ребята, завидую я вам, — вмешался в разговор Марасканов, смеивив тему.

— А чему тут завидовать? — удивился я.

— С такими теплыми спальными мешками можно год в горах, не спускаясь, воевать. У нас в Кандагаре их не было вовсе, а у счастливых — трофейные. А тут на всю роту ватные, теплые, большие.

— Вот то-то и оно, что большие, — усмехнулся я. — Большие и тяжелые! Дружище Игорь, когда я в прошлом году в полк прибыл, то солдаты парами спали на одном бушлате, накрывшись вторым, да еще плащ-накидку одну подстелят, а другую от солнца и дождя на СПС растянут. И никаких спальников! Но в декабре разведрота шестьдесят восьмого полка возле Рухи попала в засаду и почти вся полегла. На помощь бросили рейдовый батальон наших соседей из Теплого Стана и разведбат. В Кабуле стояла солнечная погода, тепло, а в горах началась снежная буря. Температура минус пятнадцать! Пехота обута не в валенки, а в сапоги и ботинки, одеты легко, по-летнему, спальных мешков почти ни у кого, только у старослужащих — трофейные. В результате померзли: больше шестидесяти обмороженных, в том числе и с ампутациями конечностей и даже со смертельными исходами. Примчалась комиссия из Москвы, а в полках теплых вещей нет, хотя воюем уже пять лет. Оказалось, все это добро лежит на армейских складах, но «крысы тыловые» почему-то не удосужились выдать в войска. Зато теперь есть и свитера, и бушлаты нового образца, и ватные штаны, и спальные мешки, и горные костюмы. Но чтобы получить это имущество, надо было потерять людей и искалечить десятки бойцов. Нашему батальону очень повезло во время тех морозов. Сначала объявили готовность к выдвижению, но из-за приезда адмирала на партконференцию дивизии полк оставили напоказ. А то на горном леднике полегли бы и роты нашего доблестного восьмидесятого полка, в том числе и ваш покорный слуга с ними. Наш граф Острогин своего монументального носа точно бы лишился. Как-то раз в районе Бамиана рота попала в ливень, а затем в снежную бурю — неприятнейшие ощущения. Мокрые насквозь до нитки были, запорошенные снегом, замороженные, как сырое мясо в холодильнике. Бр-р-р. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Острогин ходил синий, как залежалый, замороженный цыпленок, общипанный культурист — «кур турист». На его красивом носу намерзла длинная сосулька.

— Прекратить трогать мою гордость, это основа моего классического римского профиля, — вскричал возмущенный Сергей и со всей силы треснул меня в бок.

Я ткнул его в ответ, завязалась общая борьба, которая быстро угасла.

— Ну что, все в сборе! Можно фотографироваться, пока приглашаю, и никто позировать не мешает, — сказал Острогин со снисходительной барской добротой в голосе.

Чистый теплый горный воздух, солнышко, хрустальная вода, белый, чистейший снег. Швейцарский курорт, а не район боевых действий.

— Кто первый на съемку? В очередь на исторические кадры становись! — весело заорал Сергей, снимая крышку с фотообъектива. — Наверное, самый молодой?

Ветишин осторожно потрогал водичку рукой, тотчас же принялся отряхивать ее и зафыркал, как теплолюбивый домашний кот:

— Фр-р-р! Черт! Как ошпарило! Серж, а если я буду имитировать обливание и мытье, получится на фотографии реализм? Я склонюсь над ледяной водой, раздетым по пояс, будто плещусь, а ты меня щелкни.

— Трус! А ну, не сачкуй, — заорал Острогин и принялся подталкивать Сережку к ручью. — Быстро в воду!

Лейтенант скинул куртку, тельняшку, осторожно шагнул в ручей, пригнулся над водой и заорал:

— Камера, мотор, съемка! Скорее!!!

И Ветишин тут же получил легкий пинок под зад от меня. В результате Сережка упал в ручей, опираясь на четыре точки, обмакнув в воду нос и лоб.

— «Золотой» кадр, снято! Следующий! — радостно воскликнул Острогин.

— Давай, давай, замполит, теперь ты показывай личный пример. Сибиряк «комнатный».

— Даю! Показываю!

Я снял тельняшку и осторожно принялся мыть руки, при этом завываю все громче и громче под щелканье фотоаппарата.

В это время «летеха» подкрался сзади и, зачерпнув котелком воду, плеснул на мою голую спину.

— Сволочь! У-у, гад! — завопил я истошным голосом.

— Вот поделом тебе, не будешь обижать маленьких, — ехидно улыбнулся Ветишин.

— Бери фотоаппарат, Ники! Очередь геройствовать моя и Игорька, — распорядился «граф».

— Предлагаю съемки по очереди, а в финале совместный групповой портрет! — предложил я.

Щелк, шелк, шелк.

— Теперь обтирание снегом! «Ветиша», сними мой мужественный поступок, — вскрикнул я и, сделав глубокий вдох, бросился в сугроб. — У-ух-у. Хорошо! Ха-рра-шо!

— Замполит, а ты чего там рычишь, как медведь в зимней берлоге? Прекращай барахтаться, пленка давно кончилась! — радостно воскликнул Острогин.

— Негодяй! А чего же ты клацал, когда я натирался?

— Понравилось, как ты позируешь. Ты был просто неотразим. Надо послать в журнал «Огонек» или «Советский воин», с подписью под снимком «Коммунистам подвластно все», или «Повесть о настоящем замполите».

— А под твоей фотографией должен стоять заголовок «Повесть о самом несчастном взводном».

— Это почему же?

— А что за счастье? Высылка лишённого наследства графа из сытой Германии в нищий и убогий Афган без права на амнистию.

— Опять крестьяне притесняют дворян! Меня не ссылали, я сам приехал. Презренный смерд, фотографий не получишь!

— Ну ты же знаешь, мой принцип: что не дают, стянуть или реквизировать.

— Беда с этим парнем, я ношу с собой фотоаппарат, а у него фоток больше, чем у меня раза в два. Жулик! Проходимец!

— Ладно, мсье герцог, вас и всю свиту угощаю бесплатным чаем. Помните мою доброту.

* * *

Неделю ходили-бродили роты по горкам и лощинам, но без толку. Немного мин, немного боеприпасов, ни одного уничтоженного «духа».

Операция с треском провалилась. Безрезультатно действовали и другие части.

В конце концов командование приняло решение возвращаться. То ли в наказание за отсутствие результатов, а может, в целях экономии топлива, но идти пятнадцать километров к броне пришлось пешком. Вертолеты за нами не прислали. Вот жалость-то, а для меня настоящая беда. В моих ботинках-бахилах можно ходить по леднику и по снегу, взбираться по крутым обледенелым скалам, но топать по песку и камням — невозможно!

Уже через пару часов ноги налились свинцовой тяжестью. Шипы и подковы вгрызались в почву, цеплялись за неровности рельефа и бороздили землю как плуги. В такой ситуации не кому-то помогать, а меня самого в пору бы нести. Опять Царегородцев быстро выдохся, да еще Остапчук, сачок, «крысеньш» госпитальный, умирает. Отлеживался восемь месяцев по медсанбатам и госпиталям, еле-еле разыскали и вытащили обратно в роту, но он через два дня вновь в санчасть слег. Только перед самым рейдом из-за недостатка людей удалось все же вырвать его из «лап» медицины.

Муталибов и Томилин приволокли Остапчука силой, в больничном халате. В первом взводе всего пятеро солдат — воевать некому, а этот рожу наел — каска не налезает, под подбородком не застегивается. Верещал он как поросенок про здоровье ослабленное, про остаточные явления гепатита.

— Остапчук! — зарычал я. — Еще слово о гепатите, и будешь зубы выплевывать. Почему за тебя, гадина, другие отдуваться должны? Чем они хуже?

* * *

И вот теперь этот «сачок» совсем издох, еле ползет, и приходится, чуть ли не нести его на себе. Я и сам еле живой с этими кирзовыми колодами на каждой ноге. Такое ощущение, что пудовые гири привязаны.

К черту форму одежды! К дьяволу комбата с его придираками! Даешь свободу ногам! Я сел на камень и достал из мешка кроссовки. Быстро переобулся, напевая от радости. Дойду до брони, а там что-нибудь обую для построения, если оно будет. Но что делать с этими бахилами на ноги монстра? Нести в мешке? Ни за что на свете! Просто выбросить? Жалко...

Поставим сюрприз с гранатой. С такими мыслями я достал из нагрудника РГО, разжал усы у запала, засунул ее в ботинок и отошел чуть в сторону от тропы. Затем аккуратненько поставил обувку за камни, засунул руку внутрь и выдернул чеку из запала. Вот он — мой привет нашим недругам. Завтра-послезавтра кому-нибудь понравятся мои ботинки, возьмет их этот кто-то — и ка-а-ак бабахнет! Сейчас ботинок даже шевелить нельзя.

— Уф-ф! — Я успокоил дыхание, вытянул из ботинка руку и осторожно вернулся обратно на дорожку.

— Вечно вы озорничаете, товарищ лейтенант, не живется спокойно. А если бы выскользнула из руки, поминай, як звалы... Нам, между прочим, вас нести пришлось бы. Мало мне этой сволоты Остапчука? Урода этакий! Из двух лет в роте и месяца не пробыл, скотиньяка! — С этими словами он дал затрещину трясущемуся и хнычущему солдату.

— Дубино! Ручонки не распускай! Бери его мешок и шагай к броне! — рывкнул я на сержанта.

Васька подхватил вещи, Томилин — бронежилет, у Остапчука остался только автомат. Солдат еще яростнее всхлипывал, слюни и сопли он уже и не вытирал. Тьфу ты, убожество!

— Послушай, специалист по госпиталям и столовым, не вой и не стони. Ступай, перебирай клешнями, пока я тебя не пристрелил. Нести тебя не собираемся! Понял? — Тряхнул я за ворот гимнастерки убогого солдата.

— Вы меня просто не понимаете. Я болен, я очень болен, — хныкал Остапчук. — В конце концов, просто умру от бессилия.

— Ну, чмо болотное, вот дрянь! По столовой с подносом и тряпкой каждый сумеет бегать! Ты пулемет поноси в горы! Я за таких гадов два роки безвылазно хожу под пулями, — возмутился Томилин.

Действительно, сержанты его, своего сверстника, искренне ненавидели. Остапчук из санчасти каким-то образом попал в госпиталь, из гос-

питался — в медсанбат, оттуда — снова в санчасть. Кто-то из медиков приставил его «к делу»: помогать официанткам в офицерской столовой. Однажды я с удивлением узнал, что этот уборщик — наш солдат, а в рейде пулеметы и гранатомет носить некому, в расчетах — некомплект. Взял его обратно во взвод, а теперь сам с ним мучаюсь.

Немного передохнув, мы двинулись в путь — нагонять уходящую роту.

— Товарищ замполит, чого вы усэ время меня с собой цепляете? — осторожно поинтересовался Дубино. — Ладно, Томилина, ему як медицине, положено при вас быть, а почему я?

— Бульба! Щас дам в рыло! Положено, — возмутился Степан. — Это Муталибову положено, а я, наверное, останний раз иду в рейд! Пора в ридну Украину, в Закарпатье.

— Я, между прочим, «бандера», на три месяца дольше тебя в роте! — огрызнулся Дубино.

— Это по причине природной тупости! Учебку закончить надо было! Тогда попал бы в Афган попозже, эх ты, селянин! — усмехнулся Степан.

Идем, переругиваемся, только Гасан помалкивает. Хороший парнишка пришел к нам в роту. Он прибыл в декабре, с последней партией молодого пополнения. Другие командиры рот взяли дагестанца к себе отказались, а Сбитнева никто не спрашивал — только назначен на должность. Кумык Муталибов оказался тихим, спокойным человеком, даже очень спокойным для жителя Дагестана. Володя произвел его в сержанты. Пока что справляется, лишь бы не сбили с толку земляки.

— Гасан! Возьми у Царегородцева мешок, надо торопиться! Сильно отстаем от роты, — прикрикнул я.

«Вон уже нас комбат догоняет, — подумал я про себя. — Опять начнет придирааться и насмехаться, мол, рота без капитана Кавунадохнет и деградирует. Вначале сам Ивана травил и третировал, а теперь после его замены возводит его на пьедестал и греется в лучах чужой славы».

— Парни, скорее, скорее, не отставать! Остапчук, не прибавишь шаг — верну тебе бронежилет и каску!

Хныканье только усилилось, но скорость движения несколько не увеличилась. Я снял тельняшку, кроссовки, засунул шмотки в мешок и пошел с голым торсом и босиком. Зачем получать лишний выговор?

Вот и Подорожник, идет и сияет.

— О, комиссар! Что, авианосец утонул? Ну ты прямо как с кораблекрушения: почти голый, босой, но с пулеметом! Улыбнись — фотографирую! — И он, вынув из куртки фотоаппарат, сделал снимок.

— Спасибо, но зачем такое внимание и забота? — попытался съязвить я. — А, вообще, первая рота — это лучший корабль в вашей флотилии.

— Не стоит благодарности. Это для документальности выговора. Скажем так, почти для протокола.

— Какого выговора? За что?
— За отсутствие бронжилета и каски.
— Какого, к дьяволу, бронжилета, какой каски? Зачем они мне, только мобильность сковывают. А каска — это консервная банка на голове. Толку от нее никакого, лицо ведь открыто.
— Носи каску с металлическим козырьком.
— У-у-у! — взвыл я от злости.
— Бери пример с капитана Лонгинова, — продолжал ухмыляться Подорожник.
— У него здоровья — на семь мамонтов, — простонал я.
— Для повышения физической кондиции будем проводить ежедневно зарядку с офицерами в бронжилетах. Уговорил!
— Тьфу ты, черт! Еще издевается.
Комбат ушел дальше, а я быстро обулся, натянул тельняшку и вновь подхватил автомат Остапчука.
— Бегом, гад! Скоро уже замыкание полка, состоящее из разведчиков, нас нагонит. Броня уедет, пешком до Кабула пойдешь!

* * *

Техника медленно ползла по шоссе, направляясь к Кабулу. Я и Острогин сидели на башне, жевали галеты и болтали на разные вольные темы.
— Серж, вот подумай, неделю бродили вокруг Пагмана — и ни одного «духа». А ведь их тут должно быть много, как китайцев в Шанхае.
— Это точно, в прошлый раз даже по кавалеристам стреляли. В этот раз тишь и благодать. Спрятались...
— «Зеленые», наверное, информацию «духам» слили, операция ведь совместная, — предположил я.
— Это точно. Как «царандой» на боевых вместе с нами, так либо засады, либо «пустышка».
— Нет, есть одна организация в афганской армии хорошая — полк спецназа госбезопасности. Мы с ними в октябре-ноябре прошлого года три раза работали, помнишь? Особенно уса́тый комбат у них молодец!
— Отлично помню. Это тот, чья кепка у тебя на тумбочке лежит, да, Ник?
— Ага. Отличный мужик, Абдулла! Иван Кавун ему финку подарил, а он нам гору консервов! Мы кепками махнулись на память.
— Что-то ты ее не носишь? Боишься, что опять попутают с «духами»? Не бойся, Грошикова в роте уже нет, невзначай по тебе стрелять некому. Ты теперь в полной безопасности. Если авиация не засомневается, что ты свой, — будешь цел и невредим. В маскхалате, афганской кепке, бородатый, но с русской мордой — вот какой замечательный портрет замполита!

— И так выговор за выговором от Подорожника за внешний вид. А если еще кепку с афганской кокардой нацепить, то он сразу взорвется, и я погибну от его ядовитой слюны.

— Что, опять досталось? — поинтересовался Ветишин. — Кстати, а где мой подарок? Где мои ботиночки?

— Сережка! Они скоростижно скончались, иначе умер бы я вместо них. Пали смертью храбрых в бою за Родину! Ноги почти отвалились под тяжестью прикрученных железяк, тогда я их снял и заминировал.

— Больше я тебе ничего не подарю.

— Да ладно тебе, Сережа, вредничать. Я так измучился в бахилах, ты просто представить себе не можешь как. Одел с горя кроссовки, затем шел босой. Меня догнал комбат и опять издевался.

— Каков итог? Взыскание? — поинтересовался Острогин.

— Увы. Опять! — вздохнул я.

Откуда-то снизу раздалось негромкое: «А я бы три наряда вкатал».

— Эй там, на «шхуне», кто вякнул про наряды? — прикрикнул я на солдат.

— Это я, рядовой Сомов. Олег Викторович.

— А-а, москвич. Ты, как и все жители нашей столицы, очень умный и разговорчивый, даже несмотря на свой юный возраст. Слушай, клоун, сиди и помалкивай.

— А откуда вы узнали, товарищ замполит? — осторожно поинтересовался солдатик.

— Обращаться надо «товарищ лейтенант». Сомов, это тебе понятно? Лей-те-нант!

— Понятно.

— А что «откуда я узнал»?

— Что я клоун.

— На роже у тебя написано, большими буквами: «Я КЛОУН».

— А-а, — разочарованно протянул солдат. — Я думал, вы личное дело читали. Между прочим, меня в армию призвали из училища циркового искусства. Одного-единственного забрили с курса. Жонглеры «закосили», дрессировщики заболели, а я как ни чудил — не прошло. Мне сразу сказали на призывной комиссии: работать под дурака можешь даже не пытаться, не поверим, ты же клоун. Пострадал я из-за искусства, из-за родной профессии.

— Сомов, хочешь тут выжить — шути через раз. Не каждый врубится в твои шуточки, не все поймут юмора. Можно еще сильнее, чем от происков военкомата пострадать.

— Усек. Но куда же более жестоко?

— Для знакомства получи наряд на службу.

— За что?

— За юмор. Выбирай: дневальным по роте или выпуск четырех образцовых боевых листков.

- Уф-ф! Ручка легче, чем швабра! Предпочитаю боевые листки.
- И сатирическая газета, — добавил я оброк.
- Не было такого уговора!
- Уже был! Оле-ег! Выбирай: замполит и фломастеры или старшина и швабра!
- Чувствую: попал я, бедолага, на крючок.
- Ты прав — попал! На огромную блесну или даже в сеть! «Москва», ты теперь наш человек!
- Никогда в жизни еще писарчуком не работал, не доводилось.
- Будем считать, что твоя биография пишется с чистого листа.

Глава 3

Развлечения

На следующее утро, после возвращения из Пагмана, я зашел в казарму и остолбенел. Дневальный Сомов стоял у тумбочки с внушительным сизым фингалом под глазом.

— Олежек, зайди в канцелярию, — строго сказал я. — Что случилось вчера?

— Выпускал боевые листки, — ответил невесело солдат.

— Ты еще скажи, что на тебя упал стенд с наглядной агитацией.

— Что-то вроде того.

— Садись, пиши объяснительную. С Хафизовым подрался или с Керимовым?

— Да ни с кем я не дрался.

— Так кто тебя ударил? Пытались заставить работать за себя, да? Колись солдат, колись.

— Я не стучач, сам разберусь, это мое личное дело.

— Ты мне тут «вендетту» не вздумай организовать.

— Товарищ лейтенант! Я себя и сам в обиду не дам. Я в Москве хулиганом был, а из-за вас у меня будет плохая репутация.

— Прекрати рожи свои клоунские строить. Пиши объяснительную и иди работать. Боевые листки-то готовы?

— Мучился всю ночь, шурился заплывшим глазом, но сделал.

— Молодец!

Я выставил за дверь дневального и взялся за дежурного.

— Сержант Юревич, теперь ты рассказывай, в чем дело! Что за драка была ночью в наряде?

— Я не знаю, товарищ лейтенант. Вчора усе было нормально, а утром смотрю, а у них фингалы под глазами, холера их побери!

— У кого у них? Кто пострадал, кроме Сомова?

— Ешо Хафизов. Ентот папуас зуб выплюнул, и юшка из носа текла.

— Значит, счет боя один-один.

— Вроде того.

— Подвожу итоги. Боевая ничья не в вашу пользу. Сдавай наряд. Сейчас я Грымову доложу, думаю, он возражать не будет. Не хватало нам в роте неприятностей и нареканий от комбата за ваши битые рожи.

— А кто меня сменять будэ?

— Разберемся.

Эдуард появился через пять минут и одобрил мое решение:

— Не будем «дергать тигра за усы», хватит раздражать Подорожника. Всех в парк — работать на технике, а вечером в том же составе вновь дежурить. Хафизов, я тебя на плацу размажу, если еще подобное повторится.

— А что сразу Хафизов, вы разберитесь сначала. Я никого не трогал.

— Уговорил. Но смотри, солдат, как бы после моего разбирательства ребра и почки не заболели! Помнишь случай с Исаковым, когда его телом полы в бытовке натирали, — пообещал строго лейтенант Грымов.

Солдатик побледнел и боком-боком ушел в сторону.

Грымов недовольно поморщился.

— Ник, сегодня в клубе концерт Леонтьева в восемнадцать часов, слышал об этом? — спросил Грымов.

— Нет, а кто сказал?

— Только что командир полка на постановке задач объявил.

— Наконец-то хоть кто-то из артистов нас посетил. За восемь месяцев ни разу в полку не попал ни на один концерт. Когда Кобзон и «Крымские девчата» гастролировали, мы в рейдах были, а когда «Каскад» выступал, я Острогина на горе инспектировал. Главное сегодня — в наряд не попасть.

— Разрешите, товарищ лейтенант? — В канцелярию вошел Юревич. — Я наряд Лебедкову уже сдал.

— Ну и что ты от меня хочешь услышать? — спросил я. — Иди, отдыхай.

— Там какой-то прапорщик или не прапорщик, чисто як генерал, не пойму хто такой. Ходит и боевые листки читает. А до этого он в ленинской комнате плакаты разглядывал. Я его видел раньше где-то, а кто он, не ведаю. В общем, який-то товарищ!

— Сейчас мы посмотрим, какой это «товарищ Сухов».

— Хто, хто? Сухов? — переспросил сержант.

— Тундра! Классика кино — «Белое солнце пустыни».

— Якая пустыня, якое солнце? Я в колгоспе на Гомельщине с утра до ночи пахал. Нас у сямье дятей восемь душ, а я старшой.

— Все, Юрик, иди, отдыхай, готовься к наряду, обслуживай любимую бронетехнику.

Я вышел из канцелярии, огляделся: в коридоре никого не было.

— Дневальный, где гуляет проверяющий? — спросил я у Свекольникова.

— В курилке сидит. Он вовсе не проверяющий, я его знаю, это наш новый «комсомолец батальона».

— А-а-а. Вот кого боятся наши сержанты.

Я вышел из казармы познакомиться с «товарищем инспектирующим». В просторной беседке сидели дружной компанией заменики Чулин и Колобков, а рядом с ними курил и травил анекдоты сменщик Колобка — молодой, кучерявый прапорщик.

— О, приветствуем героическую личность батальона, непобедимого замполита первой роты, истребителя «духовского» спецназа «черные призраки!» — заорал Колобок. — Это лейтенант Никифор Ростовцев. Собственной персоной!

— Вольно, вольно, — снисходительно и смущенно ответил я.

— Нет, честно, я хоть и награжден двумя орденами, но они заработаны моей бестолковой контуженой головой. Один раз осколок уха перерубил, во втором случае орден за шандарахнутую камнем макушку получил. Но чтоб вот так, запросто, в психическую атаку ходить — нет уж, извините. Да еще два раза... Может, ты псих? — поинтересовался Колобок.

— Отставить разговорчики!

— Понял. А вот это, сынок, мой сменщик, — представил мне Колобок нового прапорщика.

Самому Колобкову исполнилось тридцать пять лет, но выглядел он на все пятьдесят! Поэтому Колобок разговаривал с нами как папаша.

— Прапорщик Виктор Бугрим, — усмехнулся в ответ на мое приветствие красавчик. — Приятно познакомиться, товарищ лейтенант.

У прапорщика была кудрявая шевелюра, «фраерские» усики, хитрая улыбка и наглые голубые глаза. Ловелас-сердцеед, гроза женщин.

— Почти что Баграм! Ты попал в «одноименную» дивизию, — заулыбался я. — Будем знакомы, перейдем лучше на ты, мы ведь коллеги.

— Хорошо, будем на ты, — радостно согласился Виктор. — Меня Артюхин отправил наглядную агитацию проверять. У тебя и во второй роте все в плюсах, а в третьей и у минометчиков — одни нули.

— Хороший результат в трудные для нашей роты времена. А то все для начальства в первой роте плохо, плохо, плохо. Пока ротный в госпитале, каждый норовит лягнуть, что-то найти нехорошее. Когда летишь домой, Колобок? — спросил я сочувственно нашего ветерана.

— Да вот отдам-передам бумажки Витьку и сразу в дорогу. Только лететь очень страшно. Чуля (прапорщик Чулин) вчера из командировки вернулся, «груз-200» отвозил в Гродно, припахали заменика. Так такие ужасы рассказывает.

— Какие это ужасы? — заинтересовался я.

— Никифор, шо я пережил позавчера, кошмар какой-то. Слушайте братцы...

Так вот. Сел в Ташкенте в АН-12, разговорился с бортстрелком, а он земляком оказался, из Витебска. Экипаж из Белорусского округа, самолет «крайние» рейсы летает. Вот-вот домой им. Залезли мы в хвост самолета, выпили их бутылку водки за знакомство. У меня с собой была в сумочке трехлитровая банка самогона, под компот вишневый замаскированная. Гостинец вез на замену в роту, угостить коллектив. Я возьми да и проболтайся о ней. Стрелок как узнал о банке, так обрадовался, так развеселился! «Пойдем, говорит, в кабину, чога мы будем мучаться в толпе? Экипаж все свои — земляки, угостишь ребят родным напитком!» Зашли, угостил по-хорошему, по-человечески. Они как давай глушить самогонку стаканами, и почти не закусывая. Крепкие ребята — летчики. Летим, самолет на автопилоте, мы песни поем. Я — почти в хлам, и они уже ничего не соображают. Смотрю, бог ты мой, штурман пьян, бортинженер пьян, второй пилот в хламину нажрался, командир еще более-менее держится, но тоже пьян. Испугался страшно, несмотря на то что был «бухой», даже почти протрезвел от охватившего ужаса. Куда летим? Это неменяемое состояние экипажа из всех пассажиров наблюдаю только я, а так бы паника поднялась на борту. Ну черт с ним, со стрелком-радистом, хрен с ними, со штурманом и инженером, но пилоты-то тоже в хлам! «Ребята, — ору летчикам, — братья, как садиться будем? На автопилоте приземлимся?» «Нет, — говорят, — садиться будем сами, вручную. Сейчас допьем остаток из банки и возьмем управление на себя».

Я паникую еще больше. «Мужики, — заорал я диким голосом, — ни хрена, баста, хватит пить, трезвейте и сажайте самолет!» Отбираю бутылку, там еще больше литра, а они не отдают, сопротивляются. «Трезвейте, сволочи», — говорю им. А хлопцы совсем уже никакие. Песни горланят, матерятся, а на горизонте уже Кабул виднеется. Шо делать, шо делать? Я — в ужасе. Они, гады, садятся в кресла, пристегиваются, выключают автопилот и заходят на город. Один круг, другой, третий, уже взлетно-посадочная полоса внизу, и они явно на нее не попадают. Промазали! Поднялись чуть-чуть над землей, а командир орет: «Штурман и инженер, ко мне, помогайте, будем вместе сажать» Взялись втроем за штурвал (второй пилот к этому времени совсем скис, уснул) и опять пошли на посадку. «Взлетка» аэродрома болтается по курсу, мы качаемся, почти машем крыльями, мне так, по крайней мере, показалось. С трудом сели! Я их обнимать, целовать и материться: «Суки, шо же вы творите, пьете за штурвалом». А командир мне с ухмылкой: «Сам виноват, а ты зачем наливал? Мы чуток для храбрости пригубили, а ты нас своим вкусным „первачом“ соблазнил и с толку сбил». В общем, настоящие негодяи. Но асы! В таком состоянии машинешку-то

легковую не припаркуешь, не то что грузовой самолет посадить. Шо там дальше было, не знаю, я скорей из кабины со своей банкой бежать, а то они ее родимую чуть не отобрали, дескать, отметить удачную посадку. И как они с начальством разговаривали потом?

— Ха-ха-ха! — громко засмеялся Колобок.

— Гы-гы, — деликатно хохотнул Бугрим.

— Вот тебе свезло так свезло, Чуля! Ха-ха!!! — засмеялся я и похлопал по плечу прапорщика. — Запомни теперь на всю жизнь, какими последствиями чревато пьянство в воздухе! Это тебе не в БМП брагу гнать и пить, пока батальон по горам ходит. Дело пахнет керосином! И обломки самолета!

— Нет-нет, с пьянством покончено. Я даже допивать «первач» со своими орлами не стал, отдал все своим офицерам.

Тем временем, весело смеясь, к казарме подошли командиры взводов.

— Чему радуемся? — поинтересовался Грымов, стоящий на крылечке и жмуриящийся под солнечными лучами.

— Жизни! Жизни, дорогой ты наш командир, — воскликнул Острогин. — Каждый новый день — радость! Комбат не вдул — радость. Командир полка матом не покрыл — счастье. «Духи» не убили — верх блаженства.

— Ступай, разбирайся с Хафизовым и готовься к очередному нагоянию, — вздохнул Эдуард.

— Вот черт, такое солнечное утро, весна, трава зазеленела, и так сразу обламывают.

— Граф! Для поддержания настроения, скажу новость дня, — сказал я. — Сегодня концерт звезды эстрады, твоего любимого Валерия Леонтьева!

— Ура, ура! Ох, Ник, ох обрадовал! Иди, занимай места! С меня «Боржоми».

— Концерт вечером, «Боржоми» сейчас!

— Вечно ты строишь взаимоотношения со мной как какой-то рвач и хапуга. Корыстный какой.

— Не как рвач, а как твой спаситель! За спасение под Бамианом ты со мной не считаешься и цистерной минералки! Слишком легко отделаться хочешь. С тебя вагон коньяка!

— Ладно, встречаю вечером тебя в клубе с лимонадом и водичкой, а то ведь в зале, как всегда, будет душно. А коньяк будет уже в Союзе.

— Товарищи офицеры, внимание! — вмешался в беседу Грымов. — Перед концертом совещание в шестнадцать часов, а концерт позже, в восемнадцать. Всем прибыть с рабочими тетрадами.

— Мне тоже идти? — спросил я. — В это время у нас по плану воспитательная работа — беседа с солдатами.

— Ничего не знаю. Приказ прибыть всем офицерам. Пусть беседу с солдатами проведет Бодунов.

Начальник штаба Ошуев подводил итоги боевых действий. Командир полка с места, как всегда, сочным солдатским юмором и сочным матерком сдабривал сухие цифры и факты. Эти вставки-«эпитеты» были неподражаемы, а армейский матерный фольклор уникален. Начфин хвастал, что ведет блокнот с цитатами из репертуара Филатова, их количество давно перевалило за двести — и все нецензурные.

Герой (а он и на самом деле был одним из первых живых Героев Советского Союза на этой войне) морщился, но ровным и четким голосом продолжал подведение итогов, он никогда публично не переходил на мат.

Командира, несмотря на его грубость, любили. Филатов был вспыльчив, но отходчив и добродушен. Начальника штаба, майора Ошуева, уважали, Герой как никак, но не любили. Вот и сейчас он похвалил танкистов и артиллеристов, не сказал ничего плохого про саперов, разведчиков и связистов и опять в пух и прах разнес наш славный батальон. Это у него от ревности. Подорожника он страсть как не любил. Мы пехота, нас много — крайние как всегда. По-другому не бывает!

— Товарищ подполковник, еще в заключение совещания слово просит начальник медицинской службы, — закончил доклад майор Ошуев.

— Что ж, вещай, «шприц-тюбик», — вальяжно произнес «кэп». — Только короче, а то артистов пора встречать.

— Товарищ командир! Срывается план прививок! Офицеры совершенно не хотят их делать. С солдатами проблем нет никаких, а офицеры, особенно первого батальона, саботируют эту процедуру.

— Я им, бл...ям, посаботирую! Строиться в колонну по одному и подходить к столу. Начмед, бегом за аппаратурой, шприцами, лекарством. Я вообще-то и сам для примера руку или плечо подставляю.

— Товарищ командир, руку не надо, нужно штаны спустить.

— Что? Что ты сказал, я должен снять «шприц-тюбик»? — рявкнул кэп.

— Штаны...

— Ну ладно, — убавил тон командир и далее уже миролюбиво продолжил: — Для личного примера этим бездельникам тоже сниму штаны, так и быть, но первым, вне очереди.

— Так точно! Так точно! Пожалуйста, товарищ подполковник, все готово, подходите.

Вытирая пот со лба, жутко волнуясь, капитан-медик подвел командира к автоматическому шприцу-пистолету. Командир крикнул, рыкнул матом и, застегивая штаны, встал у входа. Присутствующие в зале покатались со смеху.

— Все проходят мимо и показывают отметку в медкнижке. Поставил укол — штамп в книжке и свободен! Хватит ржать, спускайте штаны, —

громогласно гаркнул лужёной глоткой Иван Васильевич. — Я вас, бл...й, сачков гребаных, в бараний рог сверну!

Не зря у него прозвище, Иван Грозный. Заслужил! С ним не поспоришь, может и в лоб двинуть. Я и Острогин сразу загрузили. Если Грымов с Ветишиным добросовестно ходили в медпункт, то мы с «графом» медиков игнорировали. У меня вообще была теория: тот, кто соглашается делать уколы, получает инфекцию, но в ослабленной дозе. Но все равно — это зараза для организма. И кто прививается, тот и болеет, а кто сачкует, тот здоров.

У Голубева была другая теория: красные глаза не желтеют, и он заливал печень спиртным. Этой теории придерживались многие, но с переменным успехом. В основном гепатит, тиф и малярия побеждали их ослабленную иммунную систему в первую очередь. Что ни день — новый больной.

Черт! Сейчас нарушится мое правило — всеми силами уклоняться от прививок. Вот и очередь подошла. Я слегка спустил штаны и шагнул к столу.

— Фамилия? — спросил молоденький врач.

— Лейтенант Ростовцев, — буркнул я.

Он порылся в стопке, сделал отметку в моей книжке и переложил в другую пачку.

— Следующий!

— Острогин.

Лейтенант нашел книжку Сергея и, проштамповав, швырнул ее туда же.

Я сделал шаг в сторону со спущенными штанами, осторожно обошел стол, незаметно зацепил рукой наши книжки и, подмигнув Сергею, бочком-бочком отошел в зал. Острогин сделал то же самое движение. Застегивая брюки, мы двинулись к выходу, где стоял командир.

— Прививки сделали, обалдуи?

— Так точно, товарищ подполковник! — взвизгнули мы дружно и показали ему на раскрытой странице штампы.

— Молодцы, свободны! — И он дружески хлопнул меня по спине.

За дверями мы дружно расхохотались.

— Как мы их ловко сделали!!! — орал Серж.

— Нас не проведешь! — вторил ему я. — Голыми руками не возьмешь! Хрен им этим медикам! Не дадим дырывать задницу! Никакой заразы в организм! Но если «кэп» узнает про обман — убьет!

Через полчаса, когда все вышли из клуба после экзекуции на перекур, к нам подошел прапорщик Айзенберг и укоризненно покачал головой:

— Мальчишки! Балбесы несмышленные! Дурачье! Детский сад! Только меня не проведешь, я видел, как вы сбежали, и доложу начмеду.

— «Папа»! Ты что издеваешься, вот книжки с отметками! Иди к черту!

— Может, тебе тут и прямо сейчас зад показать, — усмехнулся Острогин. — Мы чисты перед законом, свободен, дорогой старина.

— В следующий раз вам этот номер так не пройдет, лично сделаю укол и не автоматом, а шприцем с большущей иглой.

— До следующего раза, — улыбнулся я дружелюбно батальонному медику.

* * *

Мы еле-еле нашли свободные места, но почти в самом конце зала. Сергей был возбужден, предвкушая выступление любимого артиста, и, жестикулируя, заранее громко восторгался. К нам подскочил Артюхин и зашипел:

— Острогин, прекратить визжать!

— Уже прекратил! Я теперь буду только кричать и петь.

— Перестань паясничать. Веди себя прилично.

— Договорились.

— Со мной не надо договариваться. Выполняйте приказ.

— Слушаюсь, товарищ старший лейтенант. — И Сергей шутовски приложил два пальца ко лбу.

Артюхин что-то сказал себе под нос и отошел на свое место. Сережка во время исполнения первых двух песен хлопал, сидя на стуле. Но когда зазвучала третья, вскочил на сиденье и заорал, приплясывая и визжа.

Замполит батальона подскочил и схватил за рукав Острогина.

— Я тебя сейчас с позором из зала выведу, — зашипел Артюхин.

— Ты бы меня хоть раз с гор или из «зеленки» вывел, а то вы только в полку герои и указчики.

— Ну ладно, поговорим после концерта, старший лейтенант.

— Поговорим, товарищ старший лейтенант! — ухмыльнулся многообещающе Сергей и поиграл мускулатурой.

Шоу тем временем продолжалось, и на нас со сцены фонтанировал своей энергией Леонтьев.

В зрительном же зале бесновался Сергей. Его эмоции выплескивались через край, он никак не мог усидеть на месте. То притоптывал, то приплясывал, то взвизгивал в экстазе. Я пару раз дернул его за рукав и прошипел:

— Серж, нас сейчас выведут из зала. Из-за тебя и я пострадаю, концерт не досмотрю.

— Отстань, — отмахнулся тот. — Не мешай отдыхать и наслаждаться музыкой, моя душа ликует, черствые вы люди.

Золотарев оглянулся на «галерку» и что-то сказал старшему лейтенанту Артюхину, указывая на нас. Замполит прибежал и сдернул Серегу с сиденья.

— Я сейчас выведу тебя из зала, лейтенант!

— Не тебя, а вас? И напоминаю: не лейтенант я, а старший лейтенант! Я же вам не кричу: «эй, лейтенант», а говорю вежливо, культурно «товарищ старший лейтенант».

— Уймись, товарищ старший лейтенант, в последний раз предупреждаю! — пробурчал Григорий, отходя от нас.

Прошло минут пять, и после очередной зажигательной песни Серж вновь вскочил на стул и принялся прихлопывать в ладоши над головой и орать, подпевая фальцетом.

Примчавшийся Артюхин был мрачнее тучи.

— Я что сказал, слезьте со стула и прекратите безобразничать.

— Я не безобразничаю, а отдыхаю.

— Сейчас выведу из зала, и на этом концерт для вас закончится.

— Ха! Выводильщик нашелся. На боевых я тебя что-то не наблюдаю, а на концерте указывать все горазды.

— Ладно! Разберемся позже, — пригрозил замполит батальона.

— Легко! Очень даже не против, я давно накопил столько отрицательной энергии, не знаю на ком отыграться. — И Серега принялся вновь играть всеми бицепсами и трицепсами и в завершение тирады угрожающе звонко хлопнул кулаком по ладони.

Артюхин злобно еще раз взглянул в нашу сторону и отошел на свое место.

— Серж, он тебе эту выходку еще припомнит, ты явно перегнул палку! — пообещал я. — Он же наш новый замполит батальона.

— Да и черт с ним. Ни в горах, ни в кишлаках я его не видел и близко. А в полку все замполиты такие орлы! Начальники! Меняются как перчатки, всех и не упомнишь. Надолго ли он к нам? — огрызнулся Острогин. — Давай отдыхать дальше.

Сергей так и не унялся до окончания концерта. Все равно накажут.

— Вот это Валера, вот это тудяга! Завел меня, зарядил энергией, — кричал и пел фальцетом Серж в казарме, приплясывая под магнитофон.

На вечернем построении Острогин получил очередной строгий выговор от замполита батальона, а комбат пообещал скорый суд «чести офицеров». Вот и отдохнули...

* * *

Самое замечательное мероприятие, в котором я участвовал, — «братство по оружию». Братание с дружественной армией!

Утром на разводе комбат строго спросил:

— Кто в первой роте из офицеров и прапорщиков действовал совместно с полком спецназа афганской госбезопасности?

— Я два раза на операции ходил с ними вместе, — подал я голос из

стройка и начал перечислять. — Кавун и Грошиков уже заменились, Острогин в карауле. Все, больше никто из офицеров. Санинструктор Томилин их бойцов несколько раз перевязывал, а Зибоев, Мурзаилов все время переводчиками были.

— Ну, вот и хорошо! Четыре человека идут от первой роты, если вы их так хорошо знаете, от второй — Митрашу. Мелентий, с собой берешь сержанта Джабраилова, от третьей — Мелещенко и старшина Заварыч. От отдельных взводов представителем поедет лейтенант Арамов, — распорядился Подорожник.

Офицеры радостно зашумели, всем хотелось развеяться.

— Ну что ты будешь делать! Всегда так получается: как на полигоны, так командиры, а как к афганцам в гости отправляться, то одни замполиты. Нет, не могу я вам все на откуп отдать! Старшим группы поедет капитан Лонгинов. Семен Николаевич, будьте «американцем», строже там с ними.

— Куда же еще строже и что значит «американцем»? — удивился вслух Микола.

— Это образно и без комментариев. А ты, Мелещенко, вообще помалкивай, — оборвал его комбат. — Едешь случайно в этой компании, и радуйся молча, что командир роты дежурным по полку стоит. Не то сейчас Афоней Александровым тебя заменю!

— Мовчу, мовчу!

— Семен Николаевич, построение через полчаса, проверить внешний вид, чтоб подшиты, побриты, начищены были! Оружие не брать, разведрота на двух БМП сопровождает, едете на «Урале», а управление полка — в автобусе. Главное — не зевайте, не потеряйтесь!

* * *

Полк специального назначения размещался рядом с Кабулом, на выезде у дороги на Пагман. Неделю назад группа афганцев из тридцати-сорока человек этого полка болталась с экскурсией по нашим казармам, по парку. Посмотрели фильм в клубе, послушали речь командира и замполита. Скромный обед в столовой завершил это дежурное мероприятие. Теперь ответный визит.

Машины медленно вползали на гору по дорожному серпантину и остановились перед широкими воротами высокого каменного забора. Афганцы высыпали навстречу и радостно обнимались с нашим начальством. Мы выстроились в узком, мощенном булыжником дворике. Толпа собралась довольно приличная. Командир, его замы, начальники служб, весь политаппарат в полном составе, тыловики. Но когда мы воевали вместе с афганцами, то всех этих штабных никто не видел.

Лонгинов, как старый приятель, обнялся со знакомым нам комбатом.
— Абдулло! О, ты настоящий командир! Друг!

— А, командор, салам, здравствуй! — Похлопал афганец после дружеского обнимания по плечу и меня.

— А, доктор! — улыбаясь, пожал он руку Степану. — О, сарбозы! — и спецназовец принялся на своем языке быстро и радостно болтать с Зибоевым и Мурзаиловым. Братья-мусульмане сияли от счастья.

— Командор спрашивает про ротного Кавуна и высокого офицера — про Грошикова, — перевел вопросы Зибоев.

— Скажи ему: они домой уехали, война для них закончилась, с женами отдыхают, живы и здоровы!

— Говорит, что рад за командоров, просит всем передавать от него привет.

— Обязательно передам при встрече. Горячий, пламенный привет, — ухмыльнулся я.

Нас принялись водить по казармам, медпункту, автопарку, спортплощадке. Очень все убого: минимум рассыпающейся мебели, застиранное постельное белье, рваные одеяла, старые автомобили — намного хуже и беднее, чем у нас. В заключение прошел митинг, на котором каждому вручили по наручным электронным часам, а управленцам еще и по сервису. Вот это да! Хорошо-то как, недаром потеряно время. Экскурсия с элементами восточной экзотики, да еще с материальной выгодой.

Их командир полка долго обнимал нашего, они расцеловались, и афганец вручил Филатову магнитофон. Иван Васильевич даже растерялся в первую минуту.

— Это подарок полку?

— Нэт, нэт, это лично вам, моему хорошему советскому другу! Бакшиш (подарок)!

«Иван Грозный» обхватил своими «медвежьими лапами» маленького полковника, и тот исчез в крепких объятиях. Как говорится, едва не убил очередного собственного сына. «КЭп» задумчиво и смущенно почесал затылок (мы афганцам в знак дружбы на всех подарили только самовар и гитару) и, сняв с себя бушлат, одел на афганца и трижды, расчувствовавшись, расцеловал. Пуштун-полковник смущенно покраснел и объявил о начале банкета.

Давненько я так вкусно не ел. Меню достойное запросов гурмана! Плов и мясо, мясо, мясо (все блюда из него различного вкуса и приготовления), а также зелень, овощи, фрукты, немного водки. Полковые начальники ушли в банкетный зал, остальные офицеры сели за стол с афганскими командирами. Солдат и сержантов увели к афганским «сарбосам».

Вот так: сыт, пьян и нос в табаке. Хорошо дружить, замечательная штука — братство по оружию! А еще лучше, если такие встречи будут чаще!

В машине я подозрительно посмотрел на раскрасневшегося медика Томилина.

— Степан, ты что это цветешь? В чем дело, Бандера?

— А вы шо думали, товарищ лейтенант, водки тильки вам нальют? В нас, солдатах, афганцы людей увидели, по пол-литра на двоих выделили. Не зря я их перевязывал, отблагодарили, обезьяны бабайские!

* * *

— Парни, а пойдете, мороженое поедим. Замполит в кафе недавно был, знает, где оно находится, экскурсию организует. Почти год не лакомился, — предложил Острогин. Он уже третий час мучился, заполняя документацию, и заметно утомился. — Надоело все это бумаготворчество, хочется чего-нибудь такого... Эдакого...

— Эх, вспомним детство золотое! — восторженно пискнул Ветишин.

— Могу вас обрадовать. Сегодня Митрашу везет в штаб армии какие-то бумаги, можем с ним туда доехать, а обратно кому как повезет, — предложил я.

— Вот это замполит! Вот это друг! Вник в нужды и чаяния коллектива, — воскликнул Острога.

— А как быть с бойцами? — поинтересовался Игорьь. — Кто в роте остается?

— Бойцов вечером ведет в кино старшина, я с ними договарюсь, а потом Бодунов присмотрит до вечерней проверки. Только как быть с Грымовым? — задумчиво начал рассуждать я.

— Если не желаешь, чтобы заложили, вовлеки человека в авантюру! — философски произнес Марасканов.

— Вот голова! Правильно, так и поступим. Он хоть и гнус, но такой же человек, как и мы. Может быть, позже исправится, когда с небес опустят, — воскликнул я.

— А кто же его вернет в люди-человеки? — вздохнул Ветишин.

— Сбитнев! Вернется и поставит на место, как миленького! — многообещающе произнес я.

* * *

Мелентий выгрузил нас возле кафе. Нам повезло, что не пришлось полчаса плестись пешком по дороге, а проехали в машине с ветерком.

— Через час забрать или вы надолго?

— Не жди, уезжай, — ответил я легкомысленно.

— Ну и ладненько. И он умчался дальше на дребезжащем санитарном уазике по каким-то своим делам.

Кафе оказалось переполненным. Мы потолкались у входа, огляделись и перебрались к барной стойке. В просторном помещении в военной форме не было никого, кроме нас. И женщины, и мужчины — все либо в спортивных костюмах, либо в «джинсе».

Красивая молоденькая буфетчица поинтересовалась насмешливо:

— Ребята, вас каким ветром занесло и откуда?

— Мы ваши соседи, из восьмидесятого, заскучали по мирной жизни, захотелось женского тепла и ласки, — весело, глядя ей в голубые глаза, произнес Острогин. — Решили кутнуть, да и народ, как погляжу, для разгула, разврата собран.

— Думаю, что вы сегодня вечер закончите в комендатуре, — улыбнулась девушка.

— Это почему же? — поинтересовался я. — Мы ребята тихие, спокойные.

— А потому, что вот-вот придет патруль и вас всех заберет.

— А мы не дадимся, — усмехнулся Грымов.

— Тогда примчится целый взвод из комендантской роты, и все равно будете ночевать на гауптвахте.

— А этих вот не заметут? — показал в зал рукой Ветишин.

— Этих нет, потому что они тут свои, здешние, одеты в «гражданку» и распорядок не нарушают.

— Черт, зря приехали. Но думаю, что по рюмке коньяка и мороженому мы употребить успеем. Делаем заказ на всю компанию, — произнес Острогин.

— Коньяк и вино военным не подаем, — строго заявила буфетчица.

— Но они ведь такие же военные, как и мы, по крайней мере большинство из них.

— Ну и что? У них на лбу это не написано, а кто вы такие, я прекрасно вижу.

— Тогда шампанского! Три бутылки! — царственным жестом произнес «граф» Острогин.

— Никакого спиртного. Кофе, лимонад, сок, чай. Мне из-за вас неприятности не нужны.

— Что ж, раз кутеж не удастся, милая девушка, каждому стакан сока, кофе и по две порции мороженого, — вздохнул Ветишин.

— Всегда так! Штабным и тыловым радости и прелести жизни, а пехоте одно дерьмо и грязь! — негодовал граф Острогин.

— Вот-вот, «со свиным рылом и в калашный ряд» полезли. Не в свои сани сесть пытаемся, — подвел я итоги. — Нам же сказано было полковником из штаба армии, что в «воюющей армии выходных не бывает»! А тут не армия, а глубокий тыл. Мы чужие на этом празднике жизни.

На нас, действительно, многие косились и бросали хмурые, почти презрительные взгляды, никто из женщин нам не улыбался.

— Очень хочется драки. Желая кому-нибудь набить физиономию, еще лучше, чтоб не лицо было, а «морда»! Ох, как я зол! Как я замечательно зол! — прорычал Острогин.

— Да!

И чтоб с выбитыми витринами, поломанными столами и стульями, визжащими тетками, — восторженно поддержал его Ветишин.

— Ну просто вестерн! «Дикий запад», — усмехнулся Марасканов. — Ребята, вы что охренели, у меня замена на носу, дайте уехать спокойно через два месяца. Потом опять приходите и все вокруг крушите.

Скушав по четыре порции мороженого, залив его чашечкой кофе, множеством стаканов сока и лимонада, трезвые и сердитые, мы отправились к выходу, где столкнулись лицом к лицу с патрулем.

— Здравствуйте, товарищи офицеры! — остановил нас майор, начальник патруля. — Предъявите, пожалуйста, документы.

Все машинально похлопали себя по карманам, переглянулись и дружно засмеялись. Документов ни у кого не оказалось. Как правило, удостоверения и партбилеты лежали в сейфе у ротного, а служебные загранпаспорта по прибытии в полк сдавали в строевую часть.

— Могу показать жетон с личным номером, — улыбнулся я самой приятной улыбкой.

— Что ж, покажешь его коменданту. Следуйте за мной.

— За что? — угрюмо спросил Грымов.

— За нарушение формы одежды, самовольное убийство из своего гарнизона и отсутствие документов. Вы из какого полка сюда прибыли?

— Да нет, мы не из полка, мы марсиане, — усмехнулся Острогин. — Вдобавок завербованные ЦРУ, а еще и Ахмад Шахом.

— Ну-ну. Шутить будете в другом месте. Я же сказал: на выход! — строго приказал майор.

— А мы и так выходим, — успокоил его Игорь. — Шли себе, не скандалили, не шумели, скромненько так. Ведь правда, ребята, хотели по-хорошему?

— Правда, он нас даже уговаривал, что драки сегодня не нужно, — кивнул я в сторону Марасканова.

— Вы это на что намекаете? — Высокий лоб майора покрылся легкой испариной. — Патрульные, постойте тут, не выпускайте их, я сейчас.

И начальник патруля метнулся к телефону у стойки бара.

Мы молча вытеснили обоих солдат из кафе, и Эдуард обратился к ним:

— Ребята, отойдите в сторону и не дергайтесь, а то замолотим. Стойте молча пять минут, ведь ни нам, ни вам лишний шум ни к чему.

Солдаты были растеряны и явно напуганы. Два щупленьких бойца против пяти офицеров, среди которых трое выглядели внушительными громилами. Силы были явно не равны.

— Да мы ничего, понимаем, конечно, это все майор.

— Вот и хорошо, что такие понятливые, челюсти, руки ломать не придется! — похлопал Острогин худощавого солдата по плечу. — Счастливо оставаться, привет начальнику.

Зайдя за угол, Эдик вскрикнул:

— Ходу! Бежим, а то облаву устроят и КПП перекроют. А по тропам ночью не пройти: либо часовые подстрелят, либо на минное поле наткнемся.

Пробежав триста метров, мы приблизились к первому посту. Дневальный сидел на камне и задумчиво курил, глядя куда-то вдаль, в сторону мерцающего огнями Кабула. Спокойно пройдя мимо него, мы вновь быстро побежали. У второго поста маячил дежурный и весь состав наряда. Темнота сгушалась с каждой минутой. Прапорщик-азиат попытался преградить нам дорогу:

— Товарищи офицеры, ви куда пошоль?

— Не лезь, уйди в сторону, а то опоздаем на трамвай, тогда на твоём топчане спать будем, — пообещал ему Острогин, отодвигая служаку в сторону, и мы вошли в приоткрытые ворота.

— А-а-а, — задумчиво почесал затылок прапорщик и затем заорал нам вслед: — Какой — такой трамвай, панимаешь! Дорогой, тут и рельсы сапсэм нэт! Пошутили, панымаю, да?

— Нет, не пошутили, сейчас рельсы проложим, и он придет. Только никому не говори, что мы на трамвае укатали! Особенно тем, кто нами будет интересоваться. А то как-то нехорошо: выпустил ночью к «духам» за пределы гарнизона неизвестных офицеров. Не порядок! — ответил Серж.

— Стой! Стрелять буду! Мать вашу!

— Я те стрельну! И маму не трогай! Гранату сейчас брошу — всю жизнь на аптеку работать будешь! Не было никого! Понял? У, ишак бухарский... — выругался Грымов.

— Чего ж не понять? Ясно... — притих прапорщик.

И мы, весело смеясь, убежали вниз к кишлаку. У поворота дороги сидел торговец с лотком и при свете керосиновой лампы спорил с покупателем. Он очень удивленно посмотрел на нас и что-то прокричал.

— Что ему надо, чего орет? — спросил Ветишин. — Хоть бы кто-нибудь их язык понимал. В следующий раз Арамова нужно взять для компании.

— В другой раз автомат нужно брать с собой. Тогда и патруль можно пугнуть, и «духов» завалить, если что, — резко оборвал его я. — У кого-нибудь, кроме меня, есть что-либо с собой?

— А что есть у тебя? — поинтересовался удивленно Грымов.

— У меня две РГО в боковых карманах штанов! По костям очень больно стучат, зато не с пустыми руками! Сейчас запалы вверну — и уже вооружен, — и с этими словами я принялся вкручивать запалы.

— Вооружен! Только себя и нас подорвать сможешь, — усмехнулся Марасканов.

— Что-то о возвращении мы не подумали, — задумчиво почесал «черепа» Острогин. — Я даже гранату и ту не захватил. Но кто же знал, кто мог предположить, что мы досрочно вернемся. Такой огромный штаб,

обширный женский контингент, и так бесславно возвращаемся. Мне даже стыдно за себя, а за вас тем более.

— Мужики, я вижу, как Острогин, действительно, краснеет, — объявил Ветишин. — Ему и вправду стыдно за себя.

— Хватит болтать, быстрее идите и молчите, накликаете беду, — забурчал Грымов. — Как бы «торгаш» этот «духов» за нами не послал.

Неожиданно со стены, которая возвышалась вокруг афганского муреза, кто-то громко окликнул нас:

— Тохта (стой)!

— Бача, дусти! Салам, шурави командор буру (друг, здравствуй, русские командиры идут), — крикнул Острогин.

— А, салам алейкум! Буру-буру (идите). Сигарет? Сигарет?

— Нист, нист (нет)! Не курим, — ответил я ему.

— На, друг, кури. У меня есть, — и Ветишин бросил пачку сигарет афганскому солдату.

— Спасибо, карашо, командор.

Весело помахав «сарбосу» руками, вытирая выступивший холодный пот, кинулись мы бежать дальше по дороге к полку.

— А ведь, если бы был сволочью, парой очередей нас мог завалить! Самое интересное, что прокричали набор слов, но друг друга поняли! — воскликнул Острогин, когда мы отошли подальше.

— Мог перестрелять, повезло, хороший солдат попался, душевный, — покачал головой Ветишин. — Ой, как повезло...

— Просто повезло, — согласился я. — Нечего по ночам шастать по большой дороге.

Почти бегом мы проскочили развилку на торговую базу и направились дальше.

— Ребята, а может, завернем к работницам советской торговли. Вдруг нас ждут и скучают, — предложил Ветишин.

— Тебя ждет твой любимый сейф и матрас, на котором ты время от времени спишь, когда в женский модуль не пускают. И твой доблестный взвод тем временем по лейтенанту наверняка скучает, — усмехнулся я.

— Ох, и не говори, замполит мой дорогой. Как они мне надоели, этот Исаков толстомордый, этот Алимов хитрожопый, этот Таджикибаев ленивый. А Кайрымов, Керимов, Эргалиев, Тетрадзе, Васинян. Чертов «интернационал». У всех во взводах какой-нибудь «луч света в темном царстве», а моя пехота как на подбор — одни мамбеки, бамбуки и бабуины.

— Прекрати жаловаться, я тебе Сомова выделил, отличный парень, — возмутился Грымов.

— Парень хороший, но не серьезный, будет ли толк с него. Москвич — он всегда москвич. С ним, правда, весело, не соскучишься: фокусы, шутки, анекдоты, пантомимы. Мимика у парня классная.

— Что-то вы разболтались, — зашипел Острогин. — Идите молча, а то пальнет кто-нибудь на звук разговора из Даруламана.

— Не только афганцы, но и свои могут, даже более вероятно. Как через КПП-то пойдём? На подходе пулеметчик от перепуга из ДШК очередь даст, вот будет хохма! Потом собирай нас по кускам и сшивай для отправки домой, — вздохнул я. — Короче молчим и идем.

Мы ускорили шаг и миновали полк зенитчиков. У ворот стоял прапорщик и молча курил.

— Дружище, звякни на наше КПП, чтобы не стреляли. Скажи, что свои, родные офицеры идут, домой возвращаются.

— Хорошо, позвоню. Опасаетесь своих боевиков?

— Еще как! Жить хочется все больше и больше! Особенно перед заменой, — ответил ему Игорь.

— Перед заменой нечего по ночам шататься, нужно чемоданы паковать и надеяться на мастерство летчиков, чтоб хорошо долететь, — пробурчал прапорщик.

Мы уже подходили к полку, навстречу вышел наш дежурный, окликая нас издали и с опаской:

— Кого черти носят? Это кто тут своими обзывается? А-а, первая рота! — признал прапорщик своих и успокоился. — Ваше счастье, что позвонил дежурный из зенитного полка, а то я бы попрактиковался в стрельбе по движущимся мишеням.

— В полку тихо? Никого не разыскивают? — поинтересовался Грыммов.

— Вроде да. Шагайте быстрее к себе, считаем, что я вас не видел, если что, вы вернулись по тропе, через минные поля.

— А мы куда и не ходили, — улыбнулся Ветишин...

* * *

Никуда не ходили, как же... Кто-то комбату в уши надул про экскурсию в мороженицу, буквально через час после нашего возвращения. Утром следующего дня все мы получили по выговору, кроме Эдуарда. Интересно почему? Мне влепили строгий выговор как организатору похода. А еще говорят, что если пьянка во главе с замполитом, то это уже мероприятие...

— Обещаю первой роте, так как энергия в них кипит и выплескивается, самую трудную задачу в «зеленке», — объявил майор Подорожник. — «Зеленка» большая, и дерьма там много, на вас всех хватит!

Спасибо, вам, «добрый» товарищ комбат, но Баграмка такая дрянь, что смерть может ждать везде. Там нет ни фронта, ни тыла, нет линии обороны, нет вероятных секторов обстрела. Там есть только сплошная бескрайняя ненависть к нам, которую ощущаешь, едва приблизишься к

любому кишлаку. И с каждым разом все труднее выбираться оттуда. Все больше потерь. Боже, помоги нам! Хотя я и не верующий...

Комбат наказать наказал, но не сдал полковому начальству, хотя майор Ошуев после звонка из комендатуры рвал и метал. Пытался дознаться, кто хулиганил, но так и не пронюхал. Дело пахло гауптвахтой: угроза патрулю, нарушение режима комендантского часа...

Глава 4 **«Охота» на ежей**

Весна вступила в свои права. Снега на среднегорье растаяли, в долинах все покрылось зеленью. Только высокие вершины по-прежнему белели шапками ледников.

В армию прибыл новый командующий, а в афганском руководстве сменился президент. Чувствовалось, что грядут большие перемены. Пошли разговоры о возможном выводе войск, сокращении числа боевых операций.

Но эти разговоры оставались лишь разговорами, как всегда была спланирована операция по легкой зачистке территории вокруг постов у Баграма. Летом туда зайти будет практически невозможно из-за труднодоступности территории, а пока стояла ранняя весна и зелень только появлялась, что позволяло немного попутать «духов». Заставы изнывали от недостатка продовольствия, топлива и боеприпасов, шла весенняя замена солдат и сержантов.

Командир полка предупредил о том, что намечается что-то очень серьезное возле границы с Пакистаном. Поэтому, чтобы армии спокойно уйти в рейд, необходимо возле зимних квартир навести порядок.

* * *

Легкая перестрелка завязалась у первых же дувалов. Танкисты прямой наводкой крушили стены заброшенных домов, артиллерия заваливала металлом подступы к дороге и окрестные виноградники. Штурмовики и вертолеты, как хищные птицы, высматривали добычу на земле и по очереди сбрасывали смертоносный груз вниз на бесконечную вереницу мятежных кишлаков. Столбы дыма поднимались высоко в небо, а пыль клубилась и постепенно застилала всю долину.

Редкие группы прикрития мятежников вели огонь из автоматов, но в основном они предпочитали укрываться в кяризах, уходя по ним в сторону Джабаль-Усараджа. Мощные глубинные бомбы продавливали почву, и тот, кто не успел убраться быстрее прочь, находил свою смерть под землей в осыпавшихся ходах-лабиринтах.

Наконец-то двинулась и наша пехота.

Предстоящая неделя не обещала легкой жизни. Бойцов не хватало. Многие болели. Часть сержантов уволились и уехали домой. Прибыла из Союза молодежь. Как всегда совершенно не обученные и не подготовленные. Их не научили ни к войне в горах, ни к боям в «зеленке». Опять курсанты в учебке подметали дорожки, красили бордюры, строили дома туркменам и узбекам, работали в полях. Одна и та же история из года в год. Большинству командиров в Союзе глубоко безразлично, как они будут тут воевать. Пушечное мясо.

Три мины разорвались за арыком среди толпы местных зевак и возле наших тыловых машин. Какой-то мальчуган схлопотал осколок в живот. Айзенберг и Томилин бросились на помощь, но рана у мальчугана была смертельной. Комбат по связи скомандовал: срочно вступать в кишлак, чтобы уйти из-под обстрела, и зачистить развалины. Необходимо было как можно быстрее рассредоточиться, вытянуть скопление машин из зоны обстрела.

Я бежал вдоль длинной стены, прикрываясь за бортом БМП. Пушки и пулеметы строчили по сторонам, бронетехника с лязгом пробиралась все дальше. В ушах стоял сплошной гул, в горле пересохло, к маскировочному халату налипли острые комочки. Изредка стреляя одиночными и короткими очередями, я расстрелял два магазина, пока добрался до долгожданной заставы. Здесь Ветишина обступили знакомые офицер, прапорщик и солдаты, обрадованные появлению старого приятеля.

Сережка и Бодунов со своими группами остались на подступах к заставе и заняли оборону с обеих сторон. Группа управления роты с Грымовым и взвод Острогина заняли большое строение на берегу канала, а я присоединился к третьему взводу. За месяц мы крепко сдружились с Игорем Мараскановым, и поэтому я пошел вместе с ним дальше вглубь кишлака. Постреляв для острастки из пушек, пулеметов, автоматов по виноградникам и развалинам, мы заняли круговую оборону между двух дувалов.

Сзади недружественный кишлак, а впереди канал, за которым повстанцев как блох на бродячей собаке. По сторонам сады, руины. Мы в самом центре этой «черной дыры» под названием Баграмская долина. Сюда можно ввести еще целую армию, посадить по взводу в каждый дом — и все равно полного контроля над ней не добьешься. Днем мужик как мужик — крестьянин-дехканин с мотыгой и киркой, а ночью он же достает автомат, гранатомет — и уже «моджахед», лупит по заставе из укрытия в зарослях виноградника.

Наш участок обороны — четыре стены вокруг небольшого сада, завалившийся сарай, неглубокий арык. Начинаем обживать. С криком «кия!», толкнув стенку в прыжке, Игорь неловко приземлился. Часть стены завалилась, а Марасканов подвернул левую ногу, которая распухла на глазах.

— Ну вот, воевать еще толком не приступили, а уже несем не боевые потери, — ухмыльнулся я. — На кой черт тебе был этот сектор обстрела?

Даже не знаю, докладывать о тяжелой травме, полученной офицером роты, или нет. Нарушение мер безопасности как никак.

— Морда ты неблагодарная, — воскликнул Игорь. — И этого человека я укрывал от холода в своем спальном мешке! Делил кров и стол, отдавал ему последний сухарь, фотографировал и фотографии дарил. А он теперь издевается.

— Ты глубоко заблуждался: не того прикормил.

— Не дам больше ни одной фотографии, можешь не просить.

— Никогда и не попрошу, сам возьму. Когда Острогин или Ветишин снимки печатали, всегда потихоньку реквизирует самые хорошие, особенно те, на которых я запечатлен. У тебя таким же путем сопру.

— Прикажу Якубову, чтоб не кормил тебя сегодня за это.

— Якубов! — крикнул я солдату. — Гурбон, вот скажи мне такую вещь: командиру взвода до замены месяц, а мне чуть больше года, будешь ты кормить замполита или нет?

— Трудная задачка, — расплылся в широкой улыбке солдат. — Приказ не выполнить нельзя, но и если вы умрете от голода, тоже ничего хорошего. Кормить буду тайком, но самыми вкусными, отборными кусками.

— Э-эх, Гурбон! Идешь на поводу у лейтенанта. Этих замполитов отстреливать нужно, а ты ему самое лучшее обещаешь.

— Зачем отстреливать? Лейтенант Ростовцев очень хороший человек, пулемет помогал нести в горах! По душам разговаривает часто, к медали представил, значком наградил, в гости собирается приехать после войны. Нет, не надо другого, он еще и в партию обещал принять.

— Вот видишь, Игорь, как дела обстоят! Не получится уморить меня голодом.

— Гурбонище! За значок проданся?

— Нет, не проданся, а сагитирован!

— Ник, ты что творишь? Из «басмачей» коммунистов лепишь? А за чем тебе, Гурбон, в партию нужно?

— Как за чем? Денег у меня нет, папы богатого нет, калыма нет. Вернусь домой с медалью или орденом, да еще партийным, очень быстро директором ресторана стану! — и он заулыбался еще шире.

Плотно пообедав и слегка вздремнув, мы принялись пытаться усовершенствовать оборону. Вокруг БМП вырыли ячейки, для стрельбы лежа, насыпали брустверы спереди и по бокам, прикрыв гусеницы, а пушки развернули в разные стороны. Я взял Якубова-младшего, и в сумерках мы отправились устанавливать «растяжки». К двум РГО привязали ниточки и протянули их через тропу, идущую к каналу. Хорошая граната для «сюрприза» сразу взрывается при падении, без всякого временного замедления. Такой же «сюрприз» поставили и на тропе, ведущей в сторону кишлака, метрах в ста от него. Лишняя предосторожность не помешает. Надо было

и в винограднике «сюрпризы» понатыкать, но какой-нибудь наш засранец еще голой задницей зацепится, вот будет неприятность-то!

Ночь стояла прекрасная: теплая и тихая. В десанте спать очень душно, и я лег под яблоней, разглядывая свои любимые звезды. В темноте кто-то пробежал возле самых ног, шурша прошлогодней листвой. Этот кто-то осторожно подошел к моему лицу, громко фыркая и любопытно приносясь.

— Кыш, брысь, зараза! — испуганно заорал я взмахнув руками, и дремота мгновенно улетучилась.

Существо испуганно метнулось в сторону, за ним побежал Свекольников.

— Что случилось? — продирая глаза, спросил из правого десантного отделения БМП Игорь. — Никифор, чего орешь?

— Ужас! Привидится же такое сквозь сон! Только чуть-чуть задремал, а перед глазами стоит отвратительная рожа черта. Большие уши, длинный нос, глазница черными пуговками, и обнюхивает мою физиономию. Думал укусит!

— У тебя, наверное, «крыша поехала». Скажешь тоже, черт! Наверное, крыса хотела поужинать кусочком твоего длинного носа.

— Жаль, что ты свой большой шнобель на траву не положил. Я бы тогда посмеялся...

Пока мы переругивались, существо исчезло. Тем временем Витька метался по кустам, с громким шумом и треском ломая ветки.

— Поймал, поймал! — заорал радостно солдат.

— Витька, на кой хрен нам крыса, шашлык из нее делать будешь? — поинтересовался Марасканов. — Это даже не собака и не кот, а мы не корейцы.

— Это не крыса, а ежик, товарищ старший лейтенант.

— Какой еще ежик? Я что ежей никогда не видал?! Нос у этого зверя длинный, как у дятла! Урод был какой-то, — не поверил я Свекольникову.

— Это, товарищ лейтенант, пустынный ежик. Я таких зверьков у нас в Самарканде видел.

С этими словами солдат протянул мне панаму, в которой лежал колючий комок сантиметров двадцать в диаметре.

— Гляди-ка, какой большой! — восхитился я. — А ну, Витек, давай его выпустим в коробку из-под сухих пайков. Попался, черт!

Ежик полежал минут пять, осмелел и потихоньку начал разворачиваться из клубка, затем встал на ножки, которые действительно оказались довольно длинными. Чудной! Большие уши, длинный нос, тонкий хвост, как у крысы. Вот так еж! Ну и ну, пародия! Как в анекдоте про верблюда: «Это кто так лошадь излупил, изуродовал?»

— Свекольников, зачем он тебе, выпусти! — простонал, потирая распухшую ногу, взводный.

— Пусть в казарме крыс и мышей ловит. Хор-ро-ший! Е-е-ежик! — произнес восторженно солдат, протягивая зверьку кусочек сахара, но тот сразу свернулся и угрожающе зашипел.

— Ты к нему со всей душой, а он пока не понимает. Дикий, неукротенный. Дрессируй! Клоун у нас в роте есть, теперь еще дрессировщик ежей будет. Не армия — цирк «Шапито», — подвел итог Игорь и добавил: — Всем спать! Кто на посту — бодрствовать!

Ночью зверек бегал по коробке и пытался найти выход. Чавкал, пережевывая кусочки мяса и каши, сопел, тяжело и грустно вздыхал.

Игорь тем временем мучился от сильной боли в ноге. Утром Грымов приехал для осмотра наших позиций, в сопровождении саперов. С ним был Томилин, который наложил Марасканову тугую повязку. Сержант глубоко вздыхал и, покачивая головой как обычно бурчал, укладывая свою медицинскую сумку после оказания помощи.

— Уеду до дому, кто вас лечить буде? Пропадете зовсим.

— Степа, свято место пусто не бывает! Найдем еще лучше, не бурчащего и не философствующего, — улыбнулся я. — Еще попросишься обратно, Бандера.

— Наплачетесь, попомните «Бандеру», помяните мое слово!

Мы жевали сухпай и ожидали окончания работы саперов. Ребята-мины ушли за канал, поколдовали часа два и, избавившись от «сюрпризов», вернулись обратно.

— Что там, «духов» не видно? Оставили «подарки» врагам? — спросил Марасканов.

— Ага, заминировали выходы из кяризов. Им неприятно, а вам будет спокойнее, — ответил лейтенант-сапер.

Эдуард попил чайку, почти не разговаривая с нами, и вернулся в машину. И снова одни в окружении врагов, и вновь взвод дремлет в тишине и одиночестве.

* * *

Вечером неугомонный Витька, ползая на брюхе в кустарнике, опять поймал ежика. Но сосем другого вида, обыкновенного, как в России. Этот был с нормальными носом и ушками, короткими ножками и без длинного хвоста.

— Витька, ты что собрался всех ежеиков Афганистана переловить? Зачем тебе это надо? — удивился Игорь.

— Прикормлю, будут жить у нас в роте. Они хорошие, интересные. Я их люблю.

— Ежелов! Ты, главное, связь не проспи с командиром роты. А не то этих ежей тебе в задницу засуну!

Свекольников, грустно и тяжело вздыхая, поправил на оттопыренном ухе наушник радиостанции и продолжил наблюдать за зверьками. Вскоре он принес в коробку листьев, травы, набросал сухих груш, вишен и айвы.

Старший лейтенант всплеснул руками и пробормотал:

— Витька, ты бы лучше так заботился о больном командире. Я ни айву сорвать не могу, ни к костру лишний раз сходить чаю попить. Нога ноет, просто жутко. А ты угощенья несешь только ежам. Нужно тебя, наверное, уволить из связистов и отправить часовым к «братьям» Якубовым.

— Нет, нет. Я буду заботиться о вас. Я и так беспокоюсь о вашем здоровье.

— Это в чем интересно выражается? — спросил Игорь.

— Переживаю.

— Переживаешь, это уже хорошо. А то я тебя поменяю, будешь пулемет носить. Наш пулеметчик, хотя и «тормоз», но как истинный узбек, про чай не забудет. Намек понял?

— Понял, отчего же не понять.

Солдат сорвался с места и потрусил в сторону костра. Вскоре Свекольников вернулся с двумя глубокими мисками, до краев наполненными пловом и голубцами в виноградных листьях.

— Кушайте на здоровье, товарищи офицеры!

— Черт, а мы совсем про обед забыли. Молодец! Ладно, оставайся при радиостанции, но не расслабляйся.

Голубцы были замечательными, но по поводу качества плова Игорь высказал ряд замечаний:

— Рис перетомили, не хватает морковочки, довольно суховат.

— Игорек, не гурманствуй. Ешь и радуйся, что это не перловка из банки.

— Ем и радуюсь. Но, как сын этой восьмой дивизии и коренной «азиат», разбираюсь в этом блюде, и сам отменно готовлю его.

— Как это понимать — сын дивизии? Сын полка — знаю, сын дивизии — не слышал. Да и староват ты для этого звания.

— Понимаешь, я родился в этой дивизии. Отец был замначальника дивизионной автошколы в Термезе — учебке автомобилистов. Ведь тогда, в шестидесятых годах, там стояла наша дивизия, оттуда ее в Афган позднее перебросили. Так что мы с ней родственники, а я — настоящий сын дивизии!

— Ну а я, выходит, пасынок. Мне тоже довелось два месяца служить на ее руинах, на базе того, что осталось после ухода частей «за речку». В гарнизоне позднее сформировали центр подготовки «пушечного мяса». Находился я там после окончания училища в пехотном полку, в степи, возле «Моста дружбы». Офицеров в каждой роте было по два человека на должность, и в течение этих двух месяцев половину выпускников посла-

ли воевать, а остальных разбросали по округу. Пришлось почти год еще в Туркменской глуши гнить, «комара-пиндинку» кормить.

— Знаю, слышал про эту гадость. Ох и дрянь! В Кандагаре от этих комариков сам малярию заработал. Такая неприятная вещь, скажу я тебе.

— Верно. Прививки не ставил случайно от нее?

— Делали и много, но кто его знает от чего.

— То-то и оно, ставят уколы, а чего прививают не известно. Верна моя теория! У меня твердое убеждение, что прививки — это основная причина заболевания. Только оно проходит в легких формах. Не делаю уколы — и здоров. Тьфу-тьфу-тьфу, — и я суеверно сплюнул три раза через левое плечо.

Тем временем операция подошла к завершению, и по связи передали приказ быть готовыми к проходу колонны. На блокпостах БМП и пехота постреляли за канал из всех стволов, для морального успокоения руководства и собственного тоже. В ответ — только молчание, слишком много огня, на рожон никто лезть не хочет, это ведь не одинокая застава в центре зеленого моря, тут можно и по шее схлопотать.

Мимо прополз, коптя отработанной соляжкой, танк с командиром танкового батальона на башне, затем пять грузовых машин и в замыкании БМП с Лонгиновым. Бронежилет, как всегда, в каске и тяжелом «панцире».

Все солдаты нашего блока тотчас надели каски на головы и броники на тело. Семен Николаевич притормозил и рывкнул в мою сторону:

— Почему вы, товарищ лейтенант, без «защиты»? Это что за нарушение приказа командира?

— Так у меня его нет! Отдал солдату, забочусь о сохранении жизней личного состава! Без этой обузы по канавам и арыкам прыгать легче и от пуль уворачиваться.

— Опять нарываетесь на взыскание. Разберемся в Баграме, когда выйдем из кишлака, — пообещал Лонгинов.

— Воля ваша, только железо таскать на себе я не буду все равно. У меня столько здоровья, как у вас, нет.

— А как же солдаты одевают, а как же личный пример для них?

— Я еще и всех умирающих, выбившихся из сил подгонять должен и пулеметы за них нести. Поэтому мне нужно быть легким, свободным и мобильным.

— Вот влепит комбат выговор, будешь и свободным и мобильным. — И он уехал на пост. — Не теряйте бдительности! Ждите сигнала на выход!

— Черт! Все настроение испортил, монстр! — рывкнул я, в сердцах пиная пустую банку.

— Что ты так на Семена? Хороший мужик, мне он нравится.

— А что в нем хорошего?

— Мы с ним учились в ЛенВОКУ, только в разные года. Лонгинов ко мне не придирается.

— О! Вот и первый любимчик Бронежилета нашелся! Чудеса! Оказывается, ему не чужды симпатия и приязнь?

* * *

Поздно вечером Витька поставил коробку с ежами в левый десант БМП, предварительно поинтересовавшись, не лягу ли я туда, свободно ли место?

— Нет, Свекольников, не лягу. Тут свежо, небо, звезды, ветерок. А что там? Броня над головой и запах мазута да пороховой гари, да вонь от портянок Кобылина.

— А чего это воняет именно от моих портянок? — обиженно поинтересовался стоящий рядом механик-водитель. — Может, это Сидорчука?

— Да нет, дорогой, это твои портянки, твои. Такой специфический запах не спутать ни с чем другим во взводе. Ноги нужно мыть чаще! Когда мыл их в последний раз?

— Я и так моюсь. Каждый раз, когда в баню хожу, — произнес солдат протяжно, как говорят в Поволжье, почти нараспев.

Стоящие вокруг бойцы дружно рассмеялись над незадачливым бывшим сельским трактористом.

— Кобылин, слушай приказ! — разозлился я на неряху. — Умываться каждый день, регулярно чистить зубы, портянки стирать! Ноги мыть не только раз в неделю в бане, а каждый вечер.

— Уф-ф, — выдохнул солдат. — Постараюсь, очень уж много наговорили, главное — не забыть.

— Якубов Большой! Назначаю тебя над ним старшим и закрепляю за этим балбесом.

— Есть, быть старшим! Кобылин, каждый день будешь со мной вместе в умывальник ходить, я из тебя, неандерталец, цивилизованного человека сделаю.

— Ну ты, повар, даешь! Какие слова умные знаешь, — удивился я.

— Обижаете, товарищ лейтенант! Думаете, узбек не может быть грамотным? Я ведь кулинарный техникум закончил. Еще и не такое заумное могу сказать, — улыбнулся Якубов.

— А откуда знания о неандертальцах? Фирменное блюдо: фаршированный неандерталец?

* * *

Таким образом ежики стали жить в бронемашине. Но однажды что-то им не понравилось, и зверюшки принялись бегать, прыгать, скакать по

всей коробке. Особенно старался длинноухий. Непонятно, каким образом — может, он забрался на маленького ежа и высоко подпрыгнул, — но «пустынник» выскочил из ящика. Свекольников вернулся с поста и обнаружил зверька, обнюхивающего край сиденья и испуганно глядевшего вниз на землю. Все-таки прыгать было довольно высоко, даже для длинноногого.

— Ежик! Ты куда? Иди в коробку, глупенький мой, не бойся. Я тебе кишмиш принес, — ласково заворковал солдатик.

— Свекольников, негодяй! — взвыл проснувшийся Игорь. — Нога ноет страшно, еле-еле заснул, и тут ты разбудил. Воркуешь тут с ежами. Надоел! Пойди прочь с глаз долой. Теперь всю ночь мучиться.

— Я не виноват, ежик сбежать хотел, а я ему еды принес.

— Ты не его, а меня изюмом угости.

— А изюма на всех хватит: и вам, и лейтенанту Ростовцеву.

— Слушай, «студент-недоучка», ты явно готовишься вместо философского факультета перейти на биофак. От гнева взводного тебя может спасти только огромное количество сладостей. Где взял кишмиш? — поинтересовался я у солдата.

— Да Якубов в сарае обнаружил. Целый мешок, соломой присыпанный, замаскированный.

— А «Стингер» случайно в сарае не нашли или китайские «ЭрэСы»? За «Стингер» орден Красного Знамени дают, знаешь или нет? — спросил Игорь.

— Знаю, но там еще только орехи лежали. Больше ничего.

— Жалко, ну что ж, носи орехи, будем лечить старшего лейтенанта Марасканова, — с сожалением произнес я. — Ему бы еще водочный компресс и коньяк для смазки сосудов и внутренностей.

Свекольников принес «деликатесы» и вытащил из отсека на воздух коробку с живностью. Игорь, постанывая, выбрался из машины, и мы занялись орехами и изюмом. Кое-что перепало зверькам, которые, пугливо и осторожно принюхиваясь, поедали угощения.

— Слушай меня, юный натуралист, — строго произнес командир взвода. — Можешь хоть спать вместе с ними в коробке, можешь пыхтеть и фыркать дружно с ежами, но только уйди от меня куда-нибудь подальше. Разрешаю лечь рядом с замполитом, но «клубки колючие» эти, бегающие, с собой заberi и не мешай человеку спокойно болеть. Понял? И про связь не забывай!

— Так точно! Ухожу.

Центр шума и суеты переместился в мою сторону. Около полутора часов, пока была моя очередь бодрствовать и проверять посты, я терпел этот «зоосад». Но затем пришло время моего отдыха, и я тоже возмутился. Зверюшки вздыхали, пыхтели, чихали...

— Витька! Свекольников! Уйми их, ради бога, или уйди с ними прочь.

Не надо буквально дословно воспринимать приказ Марасканова. Вокруг БМП места много, марш под яблоню, что ли.

Мучающийся Игорь радостно прокричал из спальника:

— Вот теперь-то ты понял, как я тут страдал и мучался! Защитник ботаника-биолога, юного натуралиста. Все издеваются над раненым львом...

* * *

Пришло время уходить, и я решил снять растяжки.

— Вначале тропы минируешь от нечего делать, ищешь приключения на свой зад, а теперь их снимать идешь. Зачем? Рисковать-то к чему? Все-таки оборонительная граната — вещь очень опасная, — сморщил нос Игорь.

— Все будет хорошо! Не пидай кипятком! Якубов, за мной!

— Ну-ну, посмотрим, как ты ее снимешь, — вздохнул взводный.

На лице бывшего повара не было заметно никакого желания идти со мной, но, глубоко вздохнув, сержант двинулся следом. Мы пошли вдвоем с Гурбоном в ряды виноградника. Первую ловушку в саду я снял легко и без проблем, но из второй гранаты при первом же прикосновении вылетела в траву чека из запала. Хорошо, что еще сама граната из руки не выскользнула. Перебросив ее через дувал, я пригнул свою голову и прижал Якубова к земле. Ба-бах! За стеной раздался взрыв, и комочки земли и глины ударили по спине и голове. Что ж, неприятно, но не смертельно, все осколки застряли в толстой стене.

Не успели мы отряхнуться от пыли, как послышался дробный топот ног: пары и еще одной. Из-за угла выскочили Свекольников и, чуть приотстав, Марасканов. Игорь прыгал на одной ноге, опираясь на две палки.

— Ну ты и сволочь! — выдохнул, отдышавшись, старший лейтенант. — Меня чуть инфаркт не хватил, я думал: вы подорвались.

— Игорек! Ну что ты, все в порядке. Гранату бросил через дувал. Чека вылетела куда-то в колючки, я и швырнул ее. А то ведь она оборонительная, чего доброго споткнешься и упадешь на руку — и привет, поминай как звали. Проще выкинуть, пусть себе взрывается за арыком.

— Конечно, проще. И товарищу нервы заодно пощекотать, да? Гад, совсем не думаешь о других. Я тебе этой нервотрепки не прошу.

— Игорюха! С меня в Питере два пузырья шампанского!

— Ловлю на слове. Приедешь в Ленинград, с пустыми руками не являйся!

— Лови. Когда это еще свершится? Ну что, можно сваливать, где колонна находится?

— Уже прошла через блоки, можем сниматься.

— Вот и хорошо, главное — ежей не упустить, правда, Витька?

— Правда, — весело улыбнулся солдат. — Будет в нашей казарме зоо-сад. Попугайчиков бы еще поймать...

— Ага, и старшина на порог тебя не пустит! Ежовое «сафари» завершено. По машинам! — воскликнул я.

* * *

Спустя три часа мы выбрались наконец-то с территории кишлака и прибыли к полевому лагерю. Тылы, как всегда, развернулись вширь и заняли всю долину. Вот бы их всех в «зеленку» и чтоб они ее вытоптали и прочесали вдоль и поперек. Но до чего же повезло батальону, просто чудо! Ни убитых, ни раненых. Ранило танкиста, сапера, водителя из ремроты. А у нас опять никого не зацепило...

Глава 5

Герои не гибнут только в кино...

Я блаженствовал, забравшись в пятисотлитровую походную резиновую ванну. Утро началось чудесно: вкусный завтрак, вместо сухого пайка, отличный компот из айвы, новый анекдот. В довершение всех прелестей жизни «бассейн» оказался свободен и был наполнен чистой и теплой водой. Прекрасное утро: все живы, рейд заканчивается. Отдохнул, развеялся. Красота! Сейчас еще немного полежу, покачаюсь на надувном боку «бассейна» и пойду заниматься повседневными делами.

Вдалеке клубилась пыль, и вскоре показались шесть БМП. Две «коробочки» — это машины нашего разведвзвода, а остальные — из разведроты. С крайней спрыгнул лейтенант Пыж и направился к штабной машине на доклад к комбату, устало загребая ногами густую пыль.

Вокруг стояла относительная тишина, насколько может быть тихо в военно-полевом лагере. Просто артиллерия не стреляла, авиация не летала, танки не ползали, и в душе уже появилось ощущение покоя. День без войны...

Бойцы лениво ходили между машин. Кто не спали, те трясли матрасы, одеяла, спальники, мыли посуду, — шла мелкая повседневная суета. Все это происходило как бы помимо меня. В мыслях я уже был в отпуске на Черном море. А пока мечта не превратилась в реальность, довольствовался малым. Я потихоньку отмокал, смывая пыль и грязь. Вода — это жизнь...

Отпуск приближался со всей неотвратимостью. Ура! Я все же сумел дотянуть до лета, несмотря на неоднократные попытки начальства, как и положено молодому лейтенанту, отправить меня отдыхать зимой. Но я их перехитрил и победил.

Сегодня вновь очередная удача! Проснулся пораньше и в результате первый провожу омовение в чистой теплой водичке, и никто не гонит, не

мешает. Жизнь — это постоянная череда удач и неудач, главное, чтобы первых было больше. Возле моего «бассейна» остановился, потягиваясь, заспанный прапорщик Бугрим.

— Когда освободишь ванную?

— Никогда! Витек, скажи лучше, откуда разведка вернулась? — вопросом на вопрос ответил я.

— К Ниджерабу бегали, что-то случилось у разведчиков капитана Ардзинбы, вот Пыж и умчался среди ночи. В эфире у них был режим радиомолчания, сейчас все узнаем.

Вскоре в дверях санитарки показался заспанный Подорожник и поздоровался с взводным. Николай что-то оживленно рассказывал, размахивал руками, а затем пошел в сторону походной кухни.

— Коля! Пыж! — заорал я из ванной. — Подойди на пять минут, будь другом.

— Ну чего орешь, валяешься тут сытый и голый в воде, балдеешь как король, а я устал, измучен и голоден.

— Что случилось, куда унеслись ночью по тревоге, как сумасшедшие?

— Разведроту спасали. Петро Турецкий погиб по глупости нового ротного. Коляда (начальник разведки полка) вызвал на подмогу.

— Твою мать, — выдохнул хрипло я и чуть не захлебнулся, от неожиданности соскользнув с мокрого края в воду.

— Как все произошло? — спросил ошеломленный Бугрим.

— Они небольшой кишлак ночью блокировали. Афганская застава и взвод из второго батальона им помогли. Турецкий и еще два солдата шли в дозоре. Получили от информаторов сведения о том, что банда Керима в этом кишлаке ночует. Керим ведь половину Баграмской «зеленки» контролирует, завалить его было бы большой удачей! Петр застрелил из пистолета с глушителем троих часовых, а четвертого не заметил. «Дух» сквозь дыру в дувале в спину их длинной очередью срезал — не заметили гада. Таджика-переводчика сразу насмерть, Турецкий еще минуту отстреливался, прикрывая раненого солдата. Раненый — Царев. Помнишь, в вашу роту боксер на неделю попал, а потом его забрали разведчики? Он в какой-то сарай заполз и оттуда отстреливался. Роту прижали на северной окраине, а когда мы примчались с противоположной стороны, у них совсем дела были плохи. Мой механик — молодец, Васька-«малыш» двух «духов» дувалом задавил! Еще одного я из «подствольника» снял, а нескольких из пушки замолотили. Царева быстро погрузили в десант, трупы наших и одного «царандоевца» на «ребристый» лист бросили — и ходу! Еле-еле выскочили. Во второй машине дыра в борту от попадания из «безоткатки». «Духи» с окраины кишлака к нам толпой бросились, но нас уже и след простыл — одна пыль. По дороге обратно еще одну машину со второго бата подбили, прапорщик ранен.

— Что у Царева? — спросил Бугрим.

— Дыра в груди и пуля в животе. Возможно, выкарабкается. Молодец парень! Лежал на спине, в одной руке граната с выдернутой чекой зажата, а в другой — автомат с последним полупустым магазином... Разведка сейчас стоит у медсанбата, мы только оттуда. Опознание тел идет. Жрать хочу и спать. Пойду я, ладно, ребята, бывайте...

— Е... мать! — и я замолотил по краю бассейна кулаком в бессильной злобе. — Как же так! Петро!

Мы с Петькой родом из одной области, из соседних городков. В один день оказались в этом полку, в этой долбаной, гребаной чужой стране, за одним столом заменщиков сидели, там и познакомились. Невредимых от компании заменщиков осталось из восьми человек уже только половина.

— Да, дела... — вздохнул Виктор.

— А ведь он с двумя солдатами в прошлом году целый батальон мародеров взял в плен, — грустно сказал я, и мои глаза стали влажными от слез. — Настоящий герой!

Я вспомнил, что Петя обладал огромной силой: разбивал об голову два кирпича, гнул подковы, ломал руками любые доски, в то же время он был спокойным и добродушным парнем.

* * *

В том октябре наша рота взяла в плен у Баркибарак несколько «духов». После проведенной «воспитательной работы» со стороны разведки один сразу скончался, а другой заговорил и вызвался быть проводником, а третьего расстреляли за ненадобностью, пока «царандоевцы» не видят. Им пленного если передать, то они вскоре его из тюрьмы обязательно отпустят. В городке, по словам «языка», расположился дезертировавший в полном составе батальон афганской армии. Что-то порядка восьмидесяти человек. Заняли они под казарму административное здание, а комбат захватил самый большой дом. Мародеры-дезертиры грабили машины на дороге, облагали «данью» всех местных торговцев. Другие малочисленные банды к ним не лезли, а от столкновений с крупными дезертиры уклонялись. Ни с нами, ни с афганской армией старались не конфликтовать. Нападали они на нас очень редко, бывало, похищали солдат-наркоманов, а затем продавали их или обменивали на что-нибудь, бывало, что угоняли машины.

Петр Турецкий и пара бойцов, как всегда, шли в дозоре. Вел их испуганный проводник-пленник, который выбрал вместо допроса с пристрастиями жизнь. Он шел и всю дорогу молился. Его односельчанин умер довольно быстро, через пятнадцать минут после начала «дружеской беседы», этот был менее фанатичен, к Аллаху не торопился, очень хотел жить еще.

Группа углубилась в населенный пункт, окруженный невысокими горными грядами, лежащий в пойме речушки, которая делила это селение пополам. Попадавшиеся на пути местные жители жались к стенам, с удивлением и ужасом наблюдая за передвижением наших бойцов.

Всего трое «шурави» в центре мятежного кишлака! Ни артиллерийского обстрела, ни бомбежки, ни бронетехники вокруг. Это просто беспредельная наглость! Идут не спеша, молча поглядывают по сторонам, не стреляют, никого ни о чем не спрашивают. И куда они идут? Направляются прямо к логову мародеров! Куда лезут? Зачем? Может, не знают: кто там обитает и сколько их? Так, наверное, рассуждали меж собой, недобро поглядывая на разведчиков, «дехкане». Никакого охранения, никаких постов по дороге почему-то не попадалось. Турецкий уже начал сомневаться, не обманул ли проводник, однако в этот момент вышли к большому дому, приспособленному под казарму. Высокая глухая стена забора без окон и большие ворота для входа.

Петр вошел в двери и на мгновение опешил: во дворе суетилась и шумела толпа полураздетых людей. Афганцы переодевались: снимали халаты, шаровары, рубашки и надевали армейскую форму. Видно, прознали о приближении русских и решили замаскироваться. Оружие либо стояло в пирамиде, либо лежало на земле, либо было прислонено к стене. Мятежники остолбенели, и произошло секундное замешательство. Этого хватило для того, чтобы первого рванувшегося к оружию Турецкий застрелил из автомата, еще двоих скосил второй очередью. Затем он скомандовал:

— Строиться лицом к стене! Руки вверх! Кому не хватает места в строю, лечь и руки за голову. Кто тут старший?

Таджик-переводчик громко и быстро переводил команды офицера на «фарси».

— Я командир роты, — ответил один из переодевавшихся и тут же упал, сраженный очередью.

Большой квадратный двор пришел в движение, желающих получить пулю в живот больше не появилось. Один из дезертиров попробовал юркнуть в дверь, но его в проеме догнал выстрел из «подствольника» и вдобавок прошла очередь.

Наконец, когда вся банда была построена, один из разведчиков принялся таскать оружие к воротам и бросать в кучу.

Петр нервничал: остальные бойцы роты, почему-то задерживались. Турецкий, выйдя по связи, потребовал подкрепления. Проводник попытался под шумок скрыться и побежал через пролом в стене в кишлак, но упал, сраженный очередью разведчика-таджика. Пленники даже не шелохнулись и пребывали в полной прострации, ведь все события произошли быстро и неожиданно.

Спустя пять минут во двор этой казармы заглянули два человека и осторожно вошли. Оба были в чалмах, шароварах, но в форменных ар-

мейских курточках. Увидев наших разведчиков, один из них принялся что-то отрывисто говорить на повышенных тонах.

— Говорит, что он начальник штаба этого батальона и требует объяснить, что тут происходит. Предлагает нам сдать оружие, — перевел сержант Азаматов.

Турецкий задумчиво посмотрел на пришедших и по два раза выстрелил из пистолета в каждого. С короткими вскриками афганцы рухнули замертво на землю. Остальные солдаты задрожали от ужаса еще сильнее и что-то заорали.

— Чего шумят? — поинтересовался старший лейтенант.

— Просят, командир, не убивать, они ни в чем не виноваты, их заставляли грабить командиры, — пояснил сержант.

— Объясни, что если будут стоять спокойно, все будут целы. Где их вожак?

— Живет в отдельном доме с охраной, скоро должен появиться.

— Черт! Только этого нам не хватало! Где же рота?

Через пару минут появился первый взвод, за ним второй подъехал на бронетехнике. Кишлак прочесали, но оказалось, главарь сбежал, слышав стрельбу.

Пленных передали полку спецназа «ХАД» (афганская госбезопасность), а Турецкого и обоих разведчиков представили к орденам. Позднее за проявленный героизм в нескольких операциях командир дивизии представил Турецкого к званию Героя. Но это была уже другая история...

...Разведчики вышли в засаду к Пагману и по «наводке» ночью перехватили караван с опиумом. Турецкий возглавлял и эту операцию. Ишаков всех перестреляли, а о дальнейшей судьбе «духов», погонщиков животных, история умалчивает. Трофей представлял собой двенадцать мешков с опиумом и оружие. Но оружие — это мелочь. А вот уничтожить полтонны наркоты — неслыханная удача. На эту дрянь «духами» закупается за границей оружие, этим зельем одурманивают они наших бойцов. После увольнения солдата в запас «чума XX века» расплодится по всем уголкам нашей страны. Беда приходит во многие и многие дома.

Самое загадочное состояло в том, что после подписания акта об уничтожении наркотиков, из закрытой камеры караульного помещения исчез один мешок опиума-сырца. Кто-то решил поживиться, причем все прошло вполне удачно и гладко. Мерзавцы хорошо нагрели руки. Сколько же стоит этот куш? Миллион? И верно не в рублях! Майор Ошуев метался, «рыл землю носом», все-таки за караульную службу он несет персональную ответственность, но крайних так и не нашли. Мешок испарился, растворился. Особый отдел дело замаял, причем очень быстро и непонятно почему. А действительно, почему? Может, так было нужно кому-то наверху? Одиннадцать мешков сложили на полигоне в кучу, облили бензином и

подожгли. Двум солдатам, стоявшим очень близко к костру, стало плохо: отравились ядовитыми, дурманящими парами, пришлось их отправить в госпиталь. Эта «зараза», даже сгорая, в предсмертной агонии, пытается кого-нибудь убить.

* * *

Командир дивизии и начальник политотдела собрали офицеров полка в походную лагерную палатку. Полковник Севостьянов начал совещание с истерического крика.

— Что происходит в полку? Почему разведка полезла туда и нарвалась на засаду? Кто разрешал? Что за самодеятельность? — орал и брызгал слюной начальник политотдела. — Кто-нибудь внятно объяснит мне, что произошло этой ночью?

Встал начальник разведки майор Коляда и, нервно теребя кепку, ответил:

— Никакой самодеятельности, товарищ полковник. Это была внеплановая операция. Получили информацию о совещании комитета ИПА (Исламская партия Афганистана), ну и решили взять их всех тепленькими. Времени было совсем мало на подготовку и согласования. Хотели Карима замочить...

— Кто ответит за гибель сержанта и четырех раненых солдат? А? Я вас спрашиваю? За «пайсой» полезли?

— А сам Турецкий не в счет? Не человек? — возмутился командир второго взвода Кузьминский.

— Замолчать! Грабители-мародеры! Негодяи!

— Сам негодяй! — рявкнул старший лейтенант и сел на лавку. — Мы под пулями ходим, а вы тут жиреете.

— Вон отсюда!!!

Виктор Кузьминский грязно выругался и вышел из палатки. Ему, замешки, было на все наплевать, особенно на политребят.

— Командир полка, привлечь к суду чести офицеров! Начальнику разведки, командиру роты и начальнику штаба полка взыскания объявлю позже.

Филатов встал и, вытирая обильный пот с высокого лба, попытался возразить:

— Зачем вы так грубо, товарищ полковник? Турецкий — отличный офицер, мы же его к званию Героя Советского Союза месяц назад представили!

— Наградной отозвать, обязательно отозвать, — выступил в роли хозяина новый командир дивизии Баринов.

Он прибыл пару недель назад, и вся дивизия говорила: «Барин из Москвы приехал». Внешность соответствовала фамилии.

Полковник вынул из кармана расческу, причесал красивый седой про-

бор, одернул наглаженное до острых стрелок х/б и начал разнос хорошо поставленным голосом:

— Бардак, анархия. Это что тут за деревенщина собралась? Я куда попал, в зачуханный колхоз? Этого офицера я сгною, разжалую! Хам! Так разговаривать с заместителем командира дивизии! Одни лезут неизвестно куда и неизвестно зачем, другие грубят. Это армия или как? Я считаю: командование полка не владеет обстановкой, перехвалили полк. Турецкий — лучший офицер полка? Не смешите меня!

— Он с двумя солдатами батальон мародеров взял, — подал голос Коляда.

— Вы кто, товарищ майор?

— Начальник разведки полка.

— Боюсь, что бывший!

— Нет, только назначенный!

— Ошиблись, значит, поправим, еще не поздно. Армия — это дисциплина и порядок. Что за вид у роты? Одеты кто во что горазд! Какие-то в кроссовки, маскхалаты, в какие-то непонятные куртки. Банда! Ну ничего, исправим дело. Младшие офицеры — свободны!

Когда мы вышли, голос комдива загредел с новой силой. Спустя час Подорожник собрал офицеров батальона и начал разнос. Первому досталось на орехи вместо обещанной награды Пыжу.

— Взвод переодеть, привести в порядок, они у тебя словно шайка с большой дороги! Через два часа строевой смотр. Самому побриться, ты тоже ходишь как настоящий бандит!

Затем комбат повел глазами по нашим рядам и ткнул пальцем в меня, Афоню, Острогина, Бодунова и еще троих.

— Тельняшки — снять. Капитан Лонгинов, порвать эти лохмотья и сжечь. Мы не моряки, а пехотинцы, сколько можно с этим бороться? Кроссовки изъять, бронежилеты надеть. Ну а ты, Ростовцев, маскхалатик-то сними. У меня уже поперек горла эта ваша партизанщина.

— Мне что, голому ходить? Тельняшку, маскхалат, кроссовки выкинуть, и что, прикажете в трусах и бронежилете остаться?

— Интересная мысль! Начальник штаба запиши очередной выговор, формулировку сам придумай.

Майор Степанков, только-только прибывший к нам с Урала, с готовностью взялся за блокнот и карандаш.

— Разойдись! — скомандовал комбат.

— Ростовцев, ко мне, — подозвал Артюхин. — Вернемся домой — сразу в отпуск. Ты мне надоел, езжай на курорт, нервишки подлечи. Зарываешься! Пора тебе отдохнуть.

— Товарищ капитан, вы меня в третий раз в отпуск отправляете. А как же путевка? Я на июнь взял в Кисловодск. А затем у меня по плану Черное море...

— Перебьешься без курорта, у комбата уже на тебя аллергия выработалась.

— В принципе, она у нас взаимная...

* * *

Турецкого увез хоронить в Союз Витя Кузьминский. Этим он спасся от суда чести. Когда вернулся, история с начпо забылась, и он вскоре благополучно заменился. Повезло парню, два года войны истекли.

Свою угрозу начпо выполнил, и наградной лист погибшего Героя вернули из Ташкента. Даже посмертно наградной на второй орден Красной Звезды Турецкого не посылали, все размышляли и ждали разрешения. Лишь спустя два месяца, когда Севостьянов был в отпуске, удалось провести бумаги через штаб дивизии.

* * *

Вторые сутки мы стояли на пустыре, глотая пыль, раздуваемую ветрами. Командование что-то изобретает, но нас в свои планы не посвящает. А нам это возвращение в казармы и ни к чему. Руководители, очевидно, раздумывают, что делать дальше, вроде бы пора по домам, но что-то удерживает всю эту силищу в долине. Наверное, боятся докладывать в штаб армии об отсутствии результатов.

Я сидел в тени, отбрасываемой от БМП и, привалившись спиной к траку, нехотя ковырял в банке овощное ассорти. Красивое название не соответствовало содержанию. То, что наполняло банку, было очень невкусным, просто отвратительным и пахло неаппетитно. Вначале, когда ввели этот новый паек — «горно-зимний» и «горно-летний» — мясной гуляш и овощи были действительно хороши, особенно после привешейся перловки. Но спустя какое-то время, когда консервы перестали быть экспериментальными, они поступали вонючими и отвратительными, кислыми на вкус. Очевидно, картофель, морковь и капуста были третьесортные. Жулье! Но есть хочется, вот и жуем эту дрянь.

Вдруг где-то рядом негромкий взрыв, и, спустя пять минут, мимо промчался взъерошенный ординарец командира полка.

К роте вскоре прибежал посыльный от комбата с приказом об экстренном построении. Грымов отдал распоряжения, и рота выстроилась в две шеренги вдоль позиций.

— Эдуард, что произошло, чего начальство суетится? — кивнул я в сторону бегущих вдоль машин Артюхина и Подорожника.

— А хрен их знает!

Рядом с комбатом мчался с пачкой бумаг заместитель начальника штаба, старший лейтенант Игорек Шведов. Игорёк был командиром взвода

АГС, но в Панджшере не повезло — оказался на пути нескольких осколков средней величины. Один из них, самый маленький, впился в голову, но мозг, к счастью, не задел. На лбу у Шведова остался глубокий шрам и скоба возле темечка, на память о войне. Полгода по госпиталям, отпускам, и какой-то идиот решил, что раз думать уже может и рука срослась, то он вновь годен к дальнейшей службе в Афганистане. Заколдованный круг! Сюда если попал — трудно вырваться из цепких лап системы, этого молоха войны... Место ЗНШ батальона только что освободилось. Должность капитанская, и Игорь с удовольствием ее занял, когда предложили. Все не тяжелый гранатомет на себе тягать.

Шведов вернулся к нашей первой роте раньше командира батальона, он сильно нервничал, отчего из-за последствий контузии сразу начал заикаться.

— П-пров-верили л-людей? В-все в-в роте, н-на месте?

— У нас все, — ответил Грымов. — А в чем дело?

— Битников из разведвзвода прямо возле «салона» командира полка гранатой себя подорвал. Вроде бы сам подорвался, без посторонней помощи, а отчего и почему будем выяснять. Может, по неосторожности, может, специально. Слушайте и исполняйте приказ «кэпа»: запалы из гранат вывернуть, особенно находящиеся в «нагрудниках», и положить отдельно в другие карманы.

— Этак все запалы растеряются, — возмутился Федарович.

— А тебе что за печаль, один хрен, всю россыпь, ту, что не взрываем на боевых, в полку уничтожаем. Живо выполнять поступивший приказ, а я пойду проверять остальные роты.

— Вот это Ватников! Учудил, спортсмен-каратист, разведчик хренов! Помнишь, Сергей, как он при выходе к Чарикару чуть было управление батальона не погубил, зацепившись за «растяжку». Выдохся тогда и совершенно уже ничего не соображал, шел как зомби.

— А, точно! Помню такого, помню, он еще с чеченцами в ленкомнате дрался, а мы с тобой их растаскивали, — воскликнул, припоминая, Острогин. — Совсем сломали парня. Только Пыж отличился, выручая Турецкого, как вдруг такая вот беда! Теперь затерзают разведку.

А произошло следующее. Комбат приказал оборудовать вокруг батальона позиции: окопы для стрельбы из положения лежа, ячейки и щели для стрелков, чтобы солдаты не бездельничали и дурью не маялись. Ватников вырыл свой окопчик и обнаружил, что пропал автомат. Ни рядом, ни в БМП его не было. Накануне он подрался с двумя бойцами старшего призыва и подумал, что это они отомстили. Но Шлыков и Гостенков ответили, что ничего не видели и он сам лопух, не знает, куда автомат бросил. Костя Ватников совсем расстроился и принялся метаться вокруг, громко матерясь, и что-то угрожающе выкрикивать. Пыжу никто ничего не доложил. Совсем растерявшись, солдат побрел куда-то вдоль лагеря. Так он и

пришел к машине командира полка. У дверей сидел скучающий сержант-ординарец и на вопрос: «Тебе чего?» ординарец с удивлением услышал: «Мне необходимо поговорить с командиром полка. По личному вопросу».

Солдат стоял как-то неуверенно, переминаясь с ноги на ногу, к тому же был еще и весь в пыли, грязный.

Ординарец Леха усмехнулся и ответил:

— Шагай отсюда на х... Болтаются тут всякие черти. Короче, ты кто такой и по какому делу?

— Фамилия моя Ватников, на остальные вопросы я отвечу командиру. Пропусти!

Сержант заметил в сжатом кулаке Ватникова «эфку» и испугался, но не растерялся и виду не показал.

— Отдай гранату и катись на все четыре стороны.

— Нет, гранату я тебе не отдам, она мне еще содится, — ответил Костя и тяжело вздохнул.

Он развернулся и понуро, опустив голову, пошел вдоль глубокой канавы, на краю которой стоял салон.

Лешка даже не успел ничего предпринять, так все произошло быстро и неожиданно. Ватников спрыгнул в траншею — и оттуда тотчас раздался оглушительный взрыв. Леха подбежал и заглянул в траншею. Солдат лежал лицом вниз, и его буквально разорвало пополам осколками.

Чего он хотел от Филатова: напугать угрозой взрыва, чтобы перевели, или «закосить» под сумасшедшего? А может быть, от напряжения и стрессов голова действительно перестала соображать и ему пришла в голову мысль о самоубийстве? Автомат нашелся через полчаса. Разбросали землю вокруг его отрытого окопчика и нашли. Возможно, Костя сам забросал его грунтом. Другая версия — злая шутка. Над ним подшутили, спрятали оружие, но получилось неудачно, а потом бойцы испугались результата розыгрыша и сами присыпали автомат землей.

...Кто-то додумался, не заходя в полк, провести зачистку еще одного района. Мы переместились всей бронегруппой, минуя Пагман, к Майданшахру, а затем целый день шагали по горам. Любимое занятие — вверх-вниз, вверх-вниз.

Роте определили несколько точек обороны по обеим сторонам ущелья, в котором протекала бурная речушка вдоль разбитой грунтовой дороги. Вправо от основной трассы уходило ответвление, заканчивающееся тупиком возле высокой скалы. В этом закутке валялось десятка три раскуроченных грузовиков.

Местная банда, очевидно, промышляла разбоем на «большой дороге». Захватывали барбухайки, разгружали товары, разбирали машины на запчасти. Остовы, что оставались после разграбления, обливали бензи-

ном и поджигали. Интересно, водителей и пассажиров отпускали, оставляя живыми, или все свидетели лежат где-то среди камней?

Нам предстояло прочесать небольшой заросший высокими деревьями кишлячок, всего десятка два прижавшихся к берегу хибарок. Из пулеметов мы обработали эти строения, но в кишляке по-прежнему стояла пронзительная нежилая тишина, словно местное население вымерло. Очевидно, ушли еще задолго до нашего появления: кто-то предупредил. Не иначе опять «зеленые» и оповестили.

Бодунов прекратил развлекаться стрельбой из пулеметов, и рота двумя группами спустилась вниз.

— Бодунов! Возьми Постникова, Мурзаилова и марш вон на ту крышу самого высокого дома, — приказал Грымов. — Наблюдайте вокруг, и если что — прекроете от нападения «духов».

— Слушаюсь, командир, — ответил прапорщик. — А пожрать-то будет? Что, зря в кишляк спустились? Может, хоть курятиной полакомимся?

— Полакомимся. Сейчас проверим на наличие «духов» и оружия и организуем жаркое.

В домах было пусто, но в одном дворе под сеном нашли несколько цинков с патронами к крупнокалиберному пулемету, в другом — под сараем мины к миномету и автоматные патроны. Что ж, это дает повод к жестким действиям. Вся эта дрянь в будущем должна была стрелять в нас и, может быть, даже именно в меня.

— Парни! — обратился Грымов к саперам. — А ну-ка, подорвите им тут мостик через речку и еще пару самых подозрительных домиков, может, в них что-нибудь детонирует.

— Это с удовольствием, — заулыбался сапер-лейтенант. — Аристархов! Доставай тротилловые шашки, пластид, запалы, сейчас мы тут фейерверк будем устраивать. Повеселимся.

Сержант-сапер радостно принялся доставать из вещмешка все свое взрывчатое смертельное хозяйство. Обрадовался возможности облегчить свою ношу. Вскоре взлетел на воздух мостик, а затем самый большой сарай.

— Поберегись! — крикнул лейтенант и замкнул электроцепь, приводя в действие «машинкой» мощный заряд.

Мы залегли за широкий дувал, а выбранный в качестве жертвы дом вначале вздрогнул, а затем осыпался внутрь. Этот показательный карательный акт удался благодаря сложенным внутри трофейным минометным минам и выстрелам безоткатного орудия, которые, детонируя, и усилили взрыв.

Позже «кишку» пластида намотали вокруг огромного ствола грецкого ореха — и ба-бах! — дерево в мгновение ока разорвано пополам.

— Все, концерт окончен! — объявил сапер. — Больше хулиганичать нечем. Ищите трофейные боеприпасы, тогда опять будем шалить.

— Ну ладно, сейчас поищем. Дай нам Аристархова в качестве трала впереди группы, а сам можешь отдохнуть, — обратился к нему Грымов.

— Берите, пусть разомнется, а то уже опух ото сна, — не отказал в просьбе лейтенант. — Иди, работай, Сашка, зарабатывай на вторую медаль.

Грымов позвал меня и Острогина составить ему компанию. Взяв еще трех солдат, наша поисковая команда двинулась к стоящему на некотором удалении дому. Это строение было с высокими крепкими стенами, и проникнуть внутрь было возможно лишь сквозь массивные ворота. Однако они оказались заперты изнутри и от наших ударов даже не шелохнулись.

— Хорошо, добротно сделано, на века! — похлопал Эдуард по створке, обветренной и побитой временем, сделанной из половинок обструганных стволов деревьев. — Что ж, проверим, что сильнее, дверь или «муха». Живее отходите назад!

Отбежав метров на двадцать по проулку, мы встали цепочкой вдоль дувала, а Грымов прицелился и выстрелил из гранатомета. Мы пригнулись и зажали руками уши. Бух! И когда я посмотрел вперед, то понял, что, к сожалению, ворота остались стоять на месте.

— Черт! Черт! Черт! Зараза! — принялся ругаться Грымов.

— Куда же ты стрельнул? — удивился я. — Не попасть в такую мишень? Может, граната взвилась вверх?

— Хрен ее знает, — огрызнулся лейтенант.

— Разойдись! Стреляет снайпер! — крикнул Острогин и начал тщательно целиться, выбирая, в какое место выстрелить.

Бах! И створка ворот с грохотом рухнула внутрь дома, повиснув на одной нижней петле.

— Здорово! — воскликнул я и спросил: — Ты куда стрелял, Серж?

— В правую верхнюю петлю, ее, кажется, я и снес. Учитесь, молодежь! — высокомерно и снисходительно объявил взводный.

— А я свою «муху» выпущу во дворе во что-нибудь массивное! — объявил я и перешагнул через упавшие ворота.

Дверца калитки была закрыта на деревянный засов и подперта бревнышком, а подпорка от ворот переломила пополам. Сразу за воротами ваялся неразорвавшийся выстрел из гранатомета. Вот оно что... Мы оглянулись и увидели в левой стороне круглое отверстие — это граната прошла насквозь одну из слабых досок. Забавно...

— Нужно расстрелять эту заразу, а то кто-нибудь из бойцов подумает, что трофей, а она взведена и в руках взорвется, — вслух рассудил Эдуард.

Мы спрятались за невысоким забором и принялись поливать огнем гранату. В конце концов, она с грохотом рванула, и осколки испещрили стены домов, листву и ветки деревьев. Начался листопад.

Дверь дома не поддавалась, тогда я засунул в щель гранату и выдернул кольцо из запала. «Дерни за веревочку — дверь и откроется»... Бах! Дверь

и открылась... Как и во всех подобных жилищах, ужасающая убогость. Глиняный пол, деревянные топчаны, сколоченные из плохо обструганных стволов деревьев, а вместо панцирной сетки — сплетение из виноградной лозы. Стекол на окнах почти нет. Везде какие-то тряпки, лохмотья, никакой мебели (только кое-где самодельные сундуки), минимум посуды. Затхлость, пыль, грязь, паутина. Но люди живут, и им здесь нравится, а другого существования и не представляют. Под тряпьем в чулане сапер отыскал два старых «Бура» (старинная английская винтовка) и несколько коробок с патронами.

— Ну что, докладываем о трофеях, а дом на слом! — принял решение Грымов. — Все они тут бандиты и разбойники. Вон сколько машин в ущелье разграбленных!

Сапер живо откликнулся на приказ:

— Товарищ лейтенант, у меня только одна «кишка» пластида и одна шашка тротила, не хватит дом завалить.

— Ну что ж, подорви тогда входную дверь, внутри весь этот мусор подожги, ну и еще вот этот тополь пластидом снеси!

— Понял, сделаем! — ответил боец и принялся выполнять приказ.

Мы с Острогиным зажгли сено в сарае, и когда вышли за поваленные ворота, неся на плечах ружья, услышали первый взрыв. Крыша сарая провалилась вовнутрь, а от следующих взрывов он рассыпался, только пыль и дым за клубились по двору.

— О, а в сараюшке-то что-то было спрятано, видал, как рвануло! — обрадовался Серж.

— Хорошо, что мы оттуда ушли, а то осколками бы могло зацепить, — усмехнулся я. — Интересно, что там в глубине сена было: мины или выстрелы к гранатомету?

— А не один ли хрен? — спросил Грымов. — Положим, что нашли и то и другое. Кто проверит? Думаю, судя по взрыву, сообщаем о ста единицах. Правильно, орлы?

— Верно, коршун! — усмехнулся я. — Тем более что рвануло действительно хорошо.

— Быстрее возвращаемся, пора на горы, на отдых, — прикрикнул Эдуард.

— А сфотографироваться на фоне развалин? — удивился Бодунов. — Сейчас мы вместе с замполитом быстренько пощелкаем пленку и догоним. Никифор, сними меня для истории.

Бодунов обмотался пулеметными лентами, взял в руки ПК и, приняв свирепую позу оккупанта, начал позировать на фоне развалин и пожара.

Щелк, щелк, щелк... на память о бесшабашной военной молодости.

— А теперь ты, Никифор, изобрази улыбочку для истории. — И Бодунов доснял последние кадры.

Вот и все, а теперь пора домой.

Рейд позади. Как всегда мы бродили по горам и кишлакам, взрывали, поджигали, минировали. Самое главное — в роте все живы и здоровы. Продолжается полоса везения.

А вот разведзвуду батальона фортуна не улыбнулась. На фугасе подорвалась бронемашина, и в результате механик погиб, наводчик-оператор ранен и выживет ли, неизвестно. Хорошо, хоть десанта на броне не было, техника шла к горам забирать пехоту. Так всегда: на всех удачи не хватает.

* * *

Завтра 1 Мая. В стране праздник: демонстрации, банкеты, пикники, гуляния. Но в армии любой праздник — это отлично организованный маразм. Долгий митинг, бесконечные построения, частые проверки и спортивные мероприятия в виде кросса. И конечно, совещания и собрания. Несколько разнообразило всю эту скучищу вручение наград. Комбат, Жилин и Луковкин получили по Красной Звезде, а также несколько солдат — ордена и медали.

Женька и Лука уже паковали чемоданы — скоро домой. Они пригласили нас на двойной праздник. Но нам не повезло и повезло одновременно. Разведбат ушел на Саланг, и командование дивизии осталось без прикрытия. Подъем по тревоге — и первая рота двинулась в путь, обратно в Баграм. Удача, правда, улыбнулась не всем, третий взвод Марасканова отправили охранять посольство, и они оказались в карауле в комендатуре.

* * *

Баграм. КПП дивизии.

— Ребята, вам крупно повезло, — щебетал офицер из оперативного отдела. — Вы нас охраняете, а мы создадим все условия для жизни и отдыха. Молодцы, быстро прибыли! Сейчас в командирскую баньку, там артисты еще моются, после дневного выступления расслабляются. Завтра концерт в нашем клубе послушаете, «Самоцветное пламя» гастролит!

В промежутках между позициями боевого охранения, вплотную к каменной стене, у общежитий поставили технику. Солдаты — в душ и столовую, сами — в парную. На войне баня — это счастье.

На узкой полке лежало рыхлое тело и материлось от избытка чувств, таким образом выражая удовольствие. Мы сели рядом на другую лавку. Эта «машина» била себя веником минут пятнадцать и никак не хотела освободить место. Надоело! Мы не выдержали, вышли в мойку, а там... медики хлопотали над неподвижно лежащим человеком.

— Что случилось? — спросил Острогин.

— Гитарист перепил и перегрелся. Сегодня уже второй артист не сдюжил, — ухмыльнулся фельдшер, ставя укол.

— На носилки и в медпункт, — распорядился штабной начальник, и два солдата, согнувшись под тяжестью стонавшего музыканта, с трудом вывалились из помещения.

— Мужики, заберите еще одного из парилки, а то на этом потери прекратятся, — хохотнул Бодунов, выглядывая из клубов пара.

— Да нет, нашего Леонарда паром и водкой не сломить! Только бабами, а их тут нет. Пусть отдыхает, — опроверг опасения Бодунова какой-то бородатый артист, продолжая пить водку прямо из горлышка бутылки, потому что стаканы были забиты окурками.

— Ну, парни, надолго вас в Афгане не хватит, — усмехнулся Грымов. — Водка и коньяк льются рекой!

— Еще бы, тут так хорошо после Союза. Ни дефицита, ни очередей. Попросили ящик водки, коробку коньяка и упаковку пива — пожалуйста. Еще ящик водки — пожалуйста. Хоть не уезжай домой. У нас впереди месяц этой командировки. Красота! Вы не представляете, как дома со спиртным плохо. А тут прямо рай. — И бородатый очкарик сделал еще огромный плоток.

— Концерт-то завтра состоится? — поинтересовался Ветишин.

— Ой, не знаю, мы сегодня резко стартовали. Постараемся. — Длинноволосый задумчиво посмотрел на нас и одним махом опустошил банку пива. — Хо-ро-шо!

Везет же людям. Халява без ограничений! Интересно, за чей счет этот «коммунизм»?

* * *

Концерт, конечно, не состоялся: сорвался по «техническим причинам». Пришлось обходиться цветным телевизором в комнате отдыха, где время от времени мы могли посмотреть пару часиков какое-нибудь кино или праздничный концерт, как сегодня. Какой-то патлатый гитарист носился по сцене и орал: «Хэй-гей, Спартак!» Мужик на экране пытался «косить» под совсем юного фаната-болельщика, но безуспешно.

Однажды наша дружная компания зарулила к просмотру новостей. В центре комнаты сидела женщина, солистка нахлебавшегося «огненной воды» ансамбля, а в углу — небритый мужчина средних лет, оба они откровенно скучали. Острогин толкнул меня в бок:

— Ник, ты как замполит должен заботиться об отдыхе коллектива. Спроси, будет концерт или нет?

— Вот всегда ты меня на мины толкаешь!

Я смущенно потоптался и обратился к артисту:

— Товарищ, тут вот пехота из Кабула приехала, штаб охранять, а на концерт опоздали, еще одно выступление будет? Герой апрельской рево-

люции, старший лейтенант Острогин, жутко любит поплясать и попеть. Без этого он буквально болеет.

Я тотчас же получил еще один более сильный толчок локтем под ребра.

— Ох, больно же, гад проклятый!

Артист лениво посмотрел на меня и продолжал молчать. Я возобновил расспросы:

— Серж любит «Самоцветных», известная группа, с ними ведь сам Дин Рид пел!

— Ну вы, молодой человек, и сказали — Дин Рид! Тоже мне, знаменитость! Вот если бы они с Бобом Диланом спели — это да, а то подумалось, этот безголовый янки.

— Слушай, а ты сам-то кто будешь? Певец, что ли? — поинтересовался Грымов. — Мне этот длинноволосый американец очень нравится.

Мы с интересом и сомнением рассматривали помятого и потрепанного критикана. Серый засаленный свитер, потрепанные джинсы, жирные волосы с легкой проседью из перхоти.

— Я? — удивленно поднял брови субъект. — Я — Валежик!

Мы переглянулись и пожали плечами. Не слышали...

— Вы что, меня не знаете? — искренне удивился артист.

— Нет, — выдохнул я. — А что за песни поешь?

Певица, слушавшая наш разговор, смотрела на нас с любопытством, как на дикарей, широко открытыми удивленными глазами.

— Ну, ребята, вы даете! Ну вот про «Гнома-лилипута», про э... про гадалку: «двести лет нагадала, нагадай счастья хоть на год».

— А-а-а-а! Дружище, конечно, знаю, так я ведь под твои песни на выпуске скакал! — радостно заорал я, узнав артиста. — Слушай, а не ты вчера про «Спартак» пел на концерте в Москве?

— Я! Но не вчера, а два месяца назад, это шла запись.

— Как запись? — удивился Ветишин. — Мы же видели полный зал народу, прямая трансляция.

Артисты рассмеялись над нашей «серостью»!

— Нет, ребята, это снималось целый месяц, артисты — отдельно, зал — отдельно. В общем, все готовится заранее, довольно сложный и длительный процесс.

— У-у, а я-то гляжу, что ты сильно постарел с того времени, — произнес я.

— Ну это просто я без грима и прически, на мне нет концертного костюма, — смущенно вымолвил Валежик. — Я, честное слово, удивляюсь, что вы не слышали мою фамилию. Я понимаю: кассеты сильно искажают песни. Мой голос, конечно, на них хриплый, но не на столько же! Что, и фамилию ни разу не слышали?

— Нет! Название группы знаем, песни слышали, а фамилию... нет, не знакома, — смущенно признался Ветишин.

— А кто из известных музыкантов был у вас на гастролях раньше?

— Были Леонтьев, «Крымские девчата», Кобзон.

— Кобзон! Ха! Известный музыкант.

— У нас говорят: «легче остановить бегущего бизона, чем поющего Кобзона», — ухмыльнулся Острогин. — Валера — молодец, понравился, а остальные все — так, ерунда. «Крымские девчата», говорят, очень хороши были, народу по душе пришлись, особенно по ночам отлично резвились.

— Нет, ребята, вы определенно юмористы! Жаль, что у нас нет номера эксцентрического жанра, я бы захватил всех с собой, — сказал Валежик и обратился к девушке: — Пойдем, Наташа, повеселим нашу группу смешной историей.

Когда они удалились, я сказал, хмуро оглядывая приятелей:

— Мужики, по-моему, мы выглядим в их глазах полными придурками.

— Никифор, почему мы? В основном говорил ты, — улыбнулся нахально Ветишин. — Получается, ты из нас самый придурковый?

* * *

— Как отмечаем День Победы? — поинтересовался Ветишин. — Заполит будет мероприятия для офицеров организовывать?

— Нет, не будет, денег нет! Только просмотр телепередач. Идем смотреть последнюю серию фильма «Освобождение». «Взятие Берлина»...

— Ну что ж, пойдем, — вздохнул Острогин, надевая полусапожки. — Каждый год одни и те же фильмы смотрим, может, когда-нибудь и про нас снимут?

— Обязательно, если смогут подобрать актера такого же фотогеничного и обаятельного, как ты, Серж! — произнес я с сарказмом. — Кстати, никогда не задумывался о бессмысленности множества жертв войны? При штурме Рейхстага погибла целая дивизия, а во время Берлинской операции сотни тысяч наших солдат и офицеров! Зачем? А все потому, что любят у нас подарки Родине и советскому народу делать! Взять город к Первому Мая — и все тут! Подарок сумасшедшему тирану стоил миллионов никогда не родившихся детей и внуков. Надо было окружить Берлин и ждать, пока фашисты сами сдадутся. Они же в блокаде не будут годы сидеть, как ленинградцы. Вокруг одни наши войска, запасы продовольствия минимальны. Через неделю-другую с поднятыми руками сами бы вышли. Американцы были не дураки «зубы ломать» об такую крепость, уступили это право нам. Вот маршалы расстарались и посылали город штурмовать в последние дни и часы войны. Опять любой ценой. Помнишь, Серж, как Жуков в кинофильме по телефону с командиром дивизии разговаривает: «Медленно, медленно двигаетесь!» А куда торопиться-то? За очередным орденом Победы для полководца? На «окопников» всем наплевать. Мы для них «живая сила», «людские ресурсы», «человеческий материал»...

— Ты, Ник, что-то заговариваться стал! Хорошо, тебя никто не слышит, особенно Грымов. Какая-то сплошная «антисоветчина». Пора в особый отдел доложить...

— А кроме вас, никто не слышит, а если что, в особом отделе откажусь, ничего, мол, такого криминального не говорил. Да и куда можно отсюда сослать?

— Ты ревизионист? — ухмыльнулся Острогин.

— Нет, оппортунист, даже кличка такая в училище была.

— А мой папаня такими, как ты, всю службу занимался, — рассмеялся Ветишин. — Он ведь у меня полковник КГБ, особист!

— Да, я помню. А ты, почему тут с нами гниешь? Рылом в «дзержинские» не вышел? Или же потихоньку готовишься в «железную гвардию» госбезопасности?

— Не знаю даже, морально еще не готов. У меня склад характера не соответствующий. Я добрый, мягкий, пушистый, покладистый, нет ничего от «железного» Феликса.

— Так что, будем дальше о политике болтать или о бабах? — спросил Острогин.

— Вот Грымов идет к нам, о бабах тоже не получится. Он не любит разговоры о них, непонятный какой-то. Просто собираемся и, молча, идем в комнату отдыха к телевизору, — предложил я и увлек друзей за собой.

* * *

Все когда-нибудь кончается, особенно хорошее. Мы пришли домой и, не разгружаясь, снова в дальний путь. Только и успели, что пополнить боеприпасы и получить сухпай. В столовой я встретил сияющего широкой улыбкой Мелентия Митрашу. В гражданке: джинсы, кроссовки.

— Дружище, ты куда? Неужели домой?

— Все, Ник, заменщик на пересылке, шмотки собраны. Продай свой магнитофон, будь другом. В магазине сейчас нет, а ты потом новый купишь.

— Братишка! Я бы рад, не жалко, но его пьяный Серега Грошиков кинжалом слегка рубанул, на передней панельке две зазубрены.

— Хрен с ними, будет память о тебе и контуженом Грошикове. Даю две сотни чеков, минус пятьдесят за шрамы и царапины. Договорились?

— Ладно, давай.

— На, держи свои деньги. Где аппарат?

— У старшины в каптерке, иди, забирай. Счастливо долететь!

— Пошел к черту!

— Спасибо, друг! Вот и попрощались.

— Да, Ник! Представляешь, какая тут ерунда получилась, с должностью меня кинули. Помнишь, я с бумажками по штабам носился, потому

лишний месяц в полку просидел. Хорошо хоть не по горам или в «зеленке» все это время лазил, а продукты для постов на вертолете доставлял.

— А почему кинули?

— Потому что холостяк! И с академией из-за этого же «бортанули». А может, я еще не нашел свою суженую?! Кадровик в штабе армии мне заявил: «Когда найдешь, тогда станешь замполитом батальона, а после и в академию прямая дорога». Что ж, холостяк не человек?

— Получается, в нашей армии нет. А вдруг у тебя что-то не в порядке или весь женский коллектив удаленного гарнизона совратишь? Ха-ха! — и я хлопнул кулаком его по спине.

— Да ну тебя к черту! Никаких больше дыр, я в Молдавию еду!

— Жди в гости! Готовь бочку вина!

— Обязательно буду ждать, приезжай скорее и береги себя, — Митрашу обнял меня за плечи и потрепал ладонью волосы.

— Да что со мной случится? Уже досталось и так через край. Дальше, думаю, будет легче...

— Ну-ну. Дай-то бог. Кто его знает, насколько уже полна чаша испытаний, которую предстоит испытать каждому, и где у нее край. Всем достается по-разному...

Наш разговор услышал топтавшийся в сторонке прапорщик Вуга, заметив деньги в руке, он подскочил и затрещал:

— Товарищ лейтенант! Мне вас сам бог послал!

— Чего? Кто послал? Зачем послал? Куда? — спросил я.

— Я, в смысле, вижу в ваших руках чеки. Нужно сейчас срочно двести пятьдесят чеков, в магазине куртка французская отложена, сегодня рассчитаться требуется.

— А я что собес, что ли?

— Вот так все офицеры. Как кормить в рейде, так Вуга, а как помочь — друзья в сторону.

Прапорщик был командиром взвода обеспечения и действительно пару раз в трудную минуту выручал и кормил как положено. Но ведь не от себя продукты отрывал. Ох и жук!

— Ладно, на. Есть у меня двести пятьдесят, а когда отдашь?

— Сразу после Алихейля! Получку получу и тотчас отдам. За мной не заржавеет, в тот же день...

Больше я своих денег так и не увидел. Через пару месяцев выяснилось, что этот прохода должен две тысячи пятьсот чеков по всему полку. Очередь за его получкой оказалась длиной в пятнадцать человек! Единственное, что удалось сделать, это собраться вместе — я, Афоня и Бодунов — да слегка его попинать. Хоть душу отвели. Полегчало, но не очень. Так у меня не стало ни денег, ни магнитофона. Одновременно грустно и смешно. Один хороший друг, молдаванин,

побитый магнитофон купил, другой молдаванин тут же обжулил и эти же деньги себе прикарманил.

Действительно, все люди разные. Любить и бить надо не по паспорту (национальной принадлежности), а по конкретной физиономии.

Глава 6 Лунная радуга

На лавочке в беседке возле казармы сидел кто-то очень знакомый. Наша ротная курилка была гордостью батальона. Четыре ветвистые березки создавали замечательную тень, и даже в самый знойный день в этой беседке было приятно посидеть, прислонившись к прохладной стенке, подставляя лицо ветерку. Сидишь себе, смотришь по сторонам, отдыхаешь, если командование не мешает. Но мешало оно постоянно. Подорожник облюбовал беседку и использовал как наблюдательный пункт. Его кабинет находился в нашей казарме, но он там бывал за день не больше получаса, а затем, если занятия проходят не на полигоне, то усядется на лавочку и ко всем придирается. Либо не туда пошел, либо не так одет, либо почему тут, а не там! Стой на месте, иди сюда! Раз-два! Гога с появлением Василия Ивановича начинал поливать деревья, вначале сам польет, а потом еще и дневальных пошлет. Вот они и росли вширь и ввысь. Комбат за этот отличный командный пункт старшину всегда нахваливает, говорил, единственное место, где приятно посидеть, даже совещания частенько проводил на свежем воздухе. Опять же ленинская комната наша — самая светлая в батальоне, казарма — самая образцовая, но мы в его глазах все равно обалдуи и разгильдяи.

Вот и сейчас на лавочке в этой беседке у казармы кто-то сидел и дымил. Знакомое лицо. Я с недоверием к собственным глазам всматривался издаലെка в гостя и, подойдя ближе, несказанно обрадовался, убедившись, что это тот, о ком я думал.

— Е... мать! Ротный! Это же Сбитнев! Вовка! — заорал я и побежал вприпрыжку через газон, сгибаясь под тяжестью барахла и автоматов.

— А-а, замполит! Живой еще! Не ждал меня снова увидеть? Скажи честно! — засмеялся, обнимая меня, выздоровевший командир роты.

— Ждал и верил. А ну-ка, свистни через фиксы! — попросил я.

— Это зачем?

— А как в песне: «Шел и насвистывал ежик резиновый, с дырочкой в правом боку! Фью-фью!» Свистни через отверстие в правом боку. В правом или левом боку дырочка, я чего-то запамятовал?

— Пошел к черту, скотина! Нет никакой дырки, все срослось, все зашито, и зубы вставлены новые.

— Оскалься, покажи пасть! — настаивал я.

— На, гляди! У-ы, — и Володя оскалил зубы.

— А как язык, на месте? Не шепелявишь? Подвешен по-прежнему хорошо?

— Не хуже твоего! Жив-здоров, сейчас примусь за тебя с новыми силами!

И мы еще раз крепко обнялись, хлопая друг друга по спинам.

— Вовка, как я рад твоему возвращению! Ты к нам насовсем или проездом домой?

— Нет, я остаюсь с вами, дорогие мои морды! Где Острогин? — спросил Володя.

— В парке. Он сейчас подойдет, видишь волоку его автомат! Значит, все-таки вернулся! Сачковать больше не пытайся, не надо, будем вместе служить до дембеля, до замены! А то надумал подставлять башку под осколки!

— Договорились, больше не буду. Старшина говорит, тут без меня дворцовый переворот намечался? Грымов власть пытается захватить?

— А вон он идет, спроси у самого, но, я думаю, после твоего возвращения комбат свои намерения изменит.

— Интересно! Что произошло?

— Ай, ерунда, мелкие неприятности. В коллективе он не ужился, ни с кем не сложились отношения, даже со своим дружкой Острогиным разругался.

К нам тем временем подошел Эдуард и натянуто улыбнулся недоброй улыбкой. Губы улыбались, а черные глаза излучали злобу и неприязнь.

— О-о, какие люди и без охраны! Ну, раз ты вернулся, то я с чистой совестью могу в отпуск идти. А то я умаялся за себя и за того парня пахать. Разрешишь отдохнуть? Справитесь без меня?

— Разрешим, справимся. Иди, пиши рапорт. Я сейчас подойду, передашь все дела. Но перед отъездом отгонишь три БМП в Хайратон и взамен этих «гробов» получишь новые.

— Володя, а что старшина еще на месте? — спросил я Сбитнева, когда Грымов ушел в казарму.

— Даже в двойном экземпляре, его сменщик прибыл, такой же джигит с Кавказа, только азербайджанец. Неделю в тряпках ковыряются и коньяк по вечерам хлещут, песни гортанные поют. Ну, пошли разбираться, что натворили, как вы тут без меня жили-служили...

* * *

Грымов на следующий день передал дела Сбитневу и уехал в командировку, сказав, что ушел на покой. Подорожник хитро улыбнулся и изрек:

— Дерзай, Володя, в рейде разберемся, как справляешься, не закис ли ты в госпиталях!

У меня гора с плеч свалилась, надоела постоянная конфронтация с Грымвым. Наконец-то вернулся ротный!

* * *

Броня медленно и монотонно двигалась по дороге на Гардез. Порой скорость увеличивалась, но ненадолго, каждые полчаса где-то впереди возникала пробка, и техника снова ползла еле-еле. Вся мощь армии растянулась на десятки километров. Двигалась танки, артиллерия и самоходки, бронемшины, автомобили управления и связи, «Грады», «Ураганы». И бесконечные тылы, тылы, тылы. Грузовые автомобили, «наливняки», «кунги», салоны. Авангард колонны входил в Гардез, мы шли в середине, а «хвост» только выползал из Кабула. Вот такая армада пришла в движение! Ползли целые сутки, а что можно делать сутки в дороге? Разглядывать живописные развалины, безжизненные горы?

Я лежал на башне, задрал ноги на пушку, и считал сгоревшие машины вдоль дороги. Все же занятие для мозга. Вот «Камаз», вот «Зил», вон искореженный «Урал», БТР... Плохое местечко. Проехали какое-то административное здание у дороги с флагом на мачте. Его прокопченные стены испещрены осколками и пробоинами, в некоторых местах стены обрушились. Выглядывая из-за мешков с песком, группа афганцев приветливо махала колонне. Наверное, за день устали руками размахивать. Но кажется, выражают искреннюю радость. Конечно, пока мы тут движемся, ни один наглец не осмелится стрельнуть в их сторону. Двадцать седьмая, двадцать восьмая машина, рядом танк, вернее не весь, башня в стороне валяется, еще одна машина, рядом БРДМ. Техника эта сгорела не сразу и не за один месяц, да и не за один год. Металлолом наслаивается год за годом, множатся останки этих некогда грозных и шумных машин. Так и стоят страшными безмолвными обелисками у дороги. Порой вдоль шоссе виден миниатюрный памятник в форме колеса со звездой или пирамиды из траков с камнем и табличкой. Здесь геройски погиб... в 198... году за свободу афганского народа... Варианты надписей могут немного меняться. И фамилии разные: Петров, Перетадзе, Саидов... А вот прямо на огромном валуне надпись: «В этом месте геройски погиб экипаж БТР №..., и фамилии. Металлические обломки, который год молчаливо напоминают о былой трагедии.

62-я, 63-я, опять БРДМ — со свистом проскакиваем Баракибарак, и все дальше и дальше к границе. Мы притормаживаем, потому что у обочины дороги стоит наша БМП. Копоть, и чад, «ребристый» лист поднят, и в чреве машины ковыряется механик и техник Федарович.

— Тимофей, что случилось? — спросил я.

— Езжай дальше, сами помаленьку разберемся, вроде «коробка» полетела, — невесело ответил прапорщик.

— Ротному по связи сообщил?

— Нет, передай сам, мне некогда.

Вот незадача, технику роты не готовили, не обслуживали, мы просто-ляли десять дней в дивизии, а в это время батальон в машинах ковырялся. 77-я, 78-я... опять танк, лежащий в кювете на боку.

Пыль забивает нос, глаза, горло. Если дорога не разбита, то еще терпимо, но стоит выехать на участок, где практически нет асфальта, как всех обволакивают клубы песчаной пыли. Рассеянно считаю машины, но в голову все равно лезут разные мысли.

* * *

Чем дальше на войне, тем сильнее тоска по женской ласке. Пора, давно пора отдохнуть! Море, девушки, вино! Без женщин дичаешь и сатанеешь! Однажды в прошлом году заговорили по душам с сержантом Назимовым на эту тему. Командир роты капитан Кавун заскучал по семье, начал нам рассказывать о жене и дочери.

— Черт, хочу жену, аж зубы скрипят. Вроде бы и полгода не прошло после отпуска, а можно от застоя умереть. Токсикоз. Ладно, я семь месяцев терплю, а вот как бойцы? Хорошо мальчишке какому-то, совсем «зеленому», не пробовал, а если уже мужик, как вот Назимов? Баха! У тебя женщина до армии была? — спросил ротный.

— Была, товарищ капитан, и не одна. Я ведь не желторотый, только год недоучился в университете. Хороши были студентки! — ответил сержант.

— Да ты, парень, не промах! — усмехнулся я.

— А кто его выбирал себе в помощники? Я — Гога! А Веронян никогда не ошибается в людях. Орел! — встрял в диалог старшина.

— Назимов, ну а ты как решаешь эту проблему? Как тебе без женщин два года, сержант? — продолжил расспросы Иван Кавун.

— А какие проблемы? Никаких. Все время они рядом есть, — ответил Назимов.

— Как никаких? Где они есть? — удивился капитан.

— Да в любом кишлаке, бери их сколько душе угодно! — ухмыльнулся таджик.

— Кого? Афганок? — обалдел ротный.

— Конечно, — утвердительно кивнул головой сержант.

— И каким это образом ты делаешь? — изумился я.

— Да самым обыкновенным. Штаны с нее стянешь, а то и штанов нет, халат на голову закинешь и вперед. Сколько душа требует. А трусы они не носят, очень даже удобно, ноги раздвинул и все дела. К стене прижмешь или через топчан перебросишь и сзадистроишься.

— Твою мать! — только и смогли мы с Иваном вымолвить, пораженные этими речами.

— Назимов! Но это же насилие! — возмутился я.

— Какое-такое насилие? Никакого насилия. Их никто не бьет. Она ведь человек, тоже хочет много любви и ласки, — ухмыльнулся таджик.

— И что, не сопротивляются? — хмурясь спросил Иван.

— Как она будет сопротивляться, видит же, что у меня автомат. Да и привыкли они повиноваться. Мужчина — хозяин. Что ей скажу, то и делает, все по согласию.

— Назимов, но они же грязные! — удивился еще больше Кавун.

— С чего это? Никакие не грязные, очень даже чистые, — возмутился Баха.

— И что, многие такое творят в роте? — начал злиться Кавун.

— Не знаю, Тришкин тоже любил баловаться, сержант во втором взводе был, помните, уволился весной. Вряд ли кто еще, в основном все совсем зеленые пацаны. Хотя раньше было проще: никто за нами не следил, не воспитывал, не то, что теперь, — ответил сержант.

— Под суд тебя за такие дела надо отдать! Если поймаем и докажем, сядешь! Иди-ка отсюда, сержант, будем считать, что ничего нам не рассказывал, а мы не слышали! — приказал Иван.

Назимов, ухмыляясь, вышел из каптерки, а мы долго молчали и ошарашенно переглядывались.

— Понимаешь, Ник, я ему говорю, что они грязные, а для него ханумки свои, он ведь тоже таджик. За речкой в Таджикистане такие же азиатские тетки, только с советским паспортом. А в горных кишлаках вообще никакой цивилизации — дикость. И здесь и там говорят на одном языке, одни и те же обычаи, вера. В общем, кругом сородичи. А мы ему про гигиену, про чистоту.

— Хорошо, не брякнул еще, что они вонючие, — усмехнулся я. — Видишь, Иван, что в роте творится, а мы и не знаем!

— Даже в голове не укладывается. Я и думать такое не мог о наших бойцах. Бродит женщина в засаленной чадре, и под паранджой не видно, какое у нее лицо, а солдата похоть душит. Может, там такой «крокодил на веревочке», но ему плевать, — продолжал возмущаться ротный.

— Он же сказал тебе, Ваня, в лицо не заглядывает, все время «раком»! Ну Назимов! Сволочь наглая!

Старшина дипломатично молчал и о том, какого «орла» себе в помощники подобрал, больше не заикался. Сидел себе в уголке и тихонько варил в турке молотый кофе.

— Готово, садитесь, пожалуйста, товарищ капитан. Напыток богов. Так, как я вару кофэ, никто нэ умеет. По крайней мере, в Кабуле. Вдохните аромат. А? Правда? Восторг чувств! Сказка! Пэсня!

— Ты мне тут басни не рассказывай, не увиливай! Что-нибудь подобное слышал?

— Нэт, — смущенно признался прапорщик.

— А что про этого Тришкина знаешь? — спросил я.

— Кто такой, я что-то не помню, не застал, наверное, — наморщил лоб Кавун.

— Был ординарцем у капитана Беды. Настоящий головорез. В апреле строевой смотр проводился в полку перед рейдом, и полковник из штаба армии, проверяя роту, спросил, что у него в кармане оттопыривается. Тришкин ответил неохотно, мол, ничего особенного, ерунда. Полковник заставил вывернуть карманы, а там ушей штук десять, высушенных и нанизанных на веревочке гирляндой. Проверяющий сразу не понял, что это такое. Взял в руки, а потом как отпрыгнул, на плац их швырнул, сержанта за грудки схватил, трясет, орет. Сам за сердце держится: плохо стало. Связку сушеных ушей выбросили в мусор, Тришкина на «губу». Сержанту тогдашний комбат Цыганок дал в морду. Мне объявили выговор, взводному — выговор, замполиту — выговор, а ротного уже и до этого начали снимать с должности. Командир полка долго обзывал нашу роту ухари-ухорезы. Раньше ужас, что творилось, теперь совсем другие времена, — закончил рассказ Веронян. — В роте порядок...

* * *

Отрезанные уши, изнасилованные женщины... Что еще вдруг можно узнать на войне? Какие новые откровения услышать? А деяния, о которых никто никогда никому не расскажет, может, только перед смертью на исповеди. По крайней мере, моя совесть пока чиста, если я не ошибаюсь. Но мне хочется думать, что нет. На войне много всякого случается — плохого и хорошего. Плохого, конечно, всегда больше.

* * *

Итак, дорога по-прежнему вьется по долине, вдоль гор, я давлю спиной башню брони, отплеываясь от пыли и мошек. Солнце жарит и палит. Но в отпуск почему-то все не едет замполит. А почему? Нельзя же нарушать старую поговорку!

Так, не отвлекаться, не расслабляться. Иначе смерть! Вон она везде вдоль дороги. Опять подорванный БТР. Восемьдесят девятая, девяностая, девяносто первая, девяносто вторая, девяносто третья... цистерны... кучно сгорели! Мощная засада была! Еще не проржавевшие, только сильно прокопченные машины и черно-смолистая почва вокруг свидетельствуют о том, что трагедия произошла совсем недавно. А вот и свежий обелиск с перечнем фамилий... Сколько же еще будет вдоль дороги таких немых свидетелей гибели людей и техники?

В конце подъема, на перевале, у обочины притулилось БМП. Левый борт в нагаре и масле, возле поднятого «ребристого» листа стоял унылый механик и нервно мял шлемофон. О! Это же наша машина!

— Что случилось, «Лошадиная Фамилия»? — спросил я у чумазого бойца.

Солдат всплеснул руками и растер соплю по щекам, из моторного отсека выглянул офицер, это был Игорь Марасканов.

— П...ц, приплыли! Движок перегрелся. У, придурок!

— А что я виноват, что он греется? — загнусил механик Кобылин.

— Кто тебе сказал глушить двигатель, а? Кто и чему тебя в учебке учил, какой ты к черту тракторист? Говнодав сельский! Тебе только хвосты коровам крутить! Никифор, я ему говорю: что-то движок у нас еле тянет, какая температура? А он мне — сто двадцать градусов. Стой, ору, стой! Сбрасываем обороты! Думаю, сейчас немного постоим, на холостом ходу температура упадет, потом заглушу двигатель, поковыряемся, разберемся и поедем. А этот, мурло, взял и сразу заглушил. Двигатель почти заклинило, теперь он воду гонит! Кто будет отвечать? С тебя стоймость двигателя прикажешь высчитывать? — шумел взводный.

— Уф, — тяжело вздохнул солдат и растер масляной рукой по лицу сажу, пот и нагар.

— Километров пятьдесят уже еле-еле ползем, бойцы по очереди с ведром к речушке бегают за водой. Мы ее подливаем, а она, зараза, тотчас вытекает. Кранты движку, урод! — замахнулся Игорь на непутевого солдата.

— Да, дела... Комбат с зампотехом батальона сейчас нас живьем без перца и соли съедят. — Я почесал затылок и предложил: — Игорек, сажай, наверное, пехоту ко мне и поехали. Пусть Кобылин ждет техника. Тимоха пока что с другой машиной там, у поста на дороге, возится. Догонит, подъедет и займется этим обалдуем.

Мимо медленно проезжали автомобили, надрывно гудя перетруженными моторами. Рота сопровождала и охраняла колонну полка связи, состоящую из полусотни машин. Наши восемь БМП шли между «кунгами» и прочей автомобильной техникой. Своей брони у них не густо, всего пара БТРов. «Коробочка», на которой ехал я, была из взвода Марасканова, поэтому он сразу по-хозяйски разместился на машине, слегка потеснив меня на башне.

— Игорь, тут так тесно стало, пойду-ка я лягу спать в десант, — предложил я.

— Очумел? А если подрыв будет? Размажет по броне! — возмутился взводный.

— Я видел подрывы на фугасе, удачные и неудачные. Когда удача была на стороне «духов», то от экипажа осталась только голова взводного, а

после неудачного для «духов» подрыва — только каток улетел. Если будет «хороший» фугас, то где бы ты ни сидел — смерть! А если слабый, то осколки могут зацепить в любом месте.

* * *

Сон прервался окриком.

— Пассажир! Вылезай! Промежуточная остановка, — громко закричал мне почти в лицо Игорь, отворив люк.

— Кто? Где мы? Что? Чего? — спросонья забормотал я.

— Выдрыхался, соня?

— Уморило. Вначале взмок от духоты, думал, не усну, боялся помереть в закрытом пространстве. Главное дело воздуха мало, но все же утрясло, укачало.

Смеркалось, и прохладный вечерний ветерок быстро привел меня в чувство.

— Я пошел на «ковер», комбат вызывает меня и Сбитнева, — сказал Игорь.

— Так серьезно взялся из-за поломки?

— Еще на одной машине главный фрикцион сгорел, в итоге три машины вышли из строя. Их оставляем тут в Гардезе, в десантной бригаде. Машину Федоровича и мою сейчас тягачи поволокут. Сейчас пойду полукать п...дюлины вместо «пряников»...

Вначале комбат орал на одних только Сбитнева и Марасканова, но затем аудитория показалась ему слишком малочисленной и он собрал всех офицеров и прапорщиков.

— Загубили такую славную роту, лучшую в полку. Сбитнев, ты ведь выпускник славного Ташкенского училища, я так на тебя надеялся! А ты... э-эх! Техник лишь умничает и водку пьет, взводные собрались — теоретики. Разгоню бездельников к чертовой матери! Вот при Кавуне был настоящий порядок!

— А Кавуну постоянно говорил, что он развалил боевой коллектив, — буркнул я, повернувшись к Ветишину.

— Замполит! Что это ты там с умным лицом стоишь и ехидничаешь? Ты так же виновен в развале дел, в слабой воспитательной работе. Чего это ты, Ростовцев, шепчешься, когда командир говорит? Да и какой воспитательный процесс может быть в таком расхлестанном виде. Опять дырявый песочный костюм нацепил, тельняшку, наверное, спрятал под застегнутым воротником, да? Все время выделяешься. Шаг вперед сделай! Конечно, я так и думал — в кроссовках! Выговор. Вы-го-вор! А Сбитневу, Марасканову и Федоровичу — строгий выговор. Начальник штаба! Занеси в свой грессбух. Позже «подарки» запротоколируем. Никого не

оставим без внимания. А то все хотят ордена получать, а комбату одни взыскания достаются.

Начальник штаба, холеный, упитанный круглолицый майор, старательно все записывал в блокнот.

— По-моему, все наоборот, — громогласно возразил Афанасий Александров.

— Александров! А ты почему не стрижен? В маскхалате! Что ни нарушитель, то умник! Еще одному выговор. Записывайте, майор Степанков, записывайте. Ладно бы маленький был, неприметный, за другими не видно, а то самый настоящий верзила и еще насмехается, — возмутился Подорожник.

— А я и не прячусь за спинами никогда, откровенно говорю. Какие вы вам орденотпросцы? Ни у кого, кроме вас, нет пока орденов, хотя почти год или больше воюем, — огрызнулся Афоня.

— И не будет, если так станешь продолжать. Стой и молчи! — рявкнул Василий Иванович.

— Понял! Стою и молчу!

— Афоня! Заткни фонтан! Сбил с умной мысли. Все свободны, кроме первой роты, — распорядился комбат.

Офицеры других рот быстренько удалились к походной кухне, а мы продолжали переминаясь в строю.

— Вы что это удумали — устроить вдоль дороги кладбище машин! Мало там их лежит? — Принялся, когда все ушли, орать и топтать ногами Подорожник.

Его широкие густые усы при этом смешно топорщились в разные стороны, а морщины и складки на лице стали еще глубже и резче.

— Что хотите делайте, но к утру техника должна идти в колонне дальше на Алихейль! — приказал Чапай. — Не дошли до района боевых действий, а уже третьей части машин нет. Как после Курской дуги. Технарям не спать, работать всю ночь!

* * *

Но получилось не совсем так, как хотел и задумывал «любимый» руководитель. Не успели толком поужинать, как армада из военной техники, вздрогнув и зарывав, выбрасывая клубы дыма, медленно двинулась направо от магистрали. Через спящий город, по руслу высохшей реки и все дальше и дальше к горам, к границе. Дорога то поднималась вверх, то опускалась вниз. За спиной оставались тревожно спящие кишлаки, только собаки лаяли нам вслед. Кое-где стояли блоки и посты «царандоевцев» или афганских «сарбозов». Они угрюмо провожали нас взглядами, молчали, не приветствовали, но и не ругали. А то бывает, что помашешь им рукой — «привет бача», а какой-нибудь афганец тебе в ответ руку в локте

согнет со сжатым кулаком — «физкульт-привет». Но бывает и наоборот. Афганец кричит: «Шурави, привет!» А ему наш солдат в ответ: «Пошел на х...!» Обидно, да? Такое вот у нас братство по оружию...

Игорь сидел, свесив ноги в люк, а я вновь лежал, положив ноги на пушку. Марасканов клевал носом, да и я глаза то открывал, то закрывал. Чем дальше ехали, тем реже и медленнее открывались мои глаза. Бойцы дремали, кто, держась за автомат, кто — за снайперскую винтовку... Рас-светло.

Я резко проснулся. Машина стояла с заглушенным двигателем, а Лонгинов, не слезая с башни своей БМП, что-то говорил подошедшему Игорю и, продолжая жестикулировать, вскоре уехал.

Взводный вернулся и, вздыхая, пояснил:

— Приказ — остаться тут и охранять перевернутый прицеп трейлера.

— Чего, чего? Какой прицеп?

— А вот он в речке лежит, и рядом валяются ракеты к «Урагану».

Я продрал глаза и спрыгнул на землю. Вдоль дороги был каменный парапет, укрепляющий берег речки и ограждающий дорогу. На асфальте стоял огромный тягач, вокруг которого суетились чьи-то солдаты. Взглянув вниз, я увидел, как они зацепили перевернутый «Камаз». Вначале потянули в одну сторону, и машина встала на колеса, а затем — в другую и вытащили ее на дорогу.

В реке лежали четыре упаковки с шестиметровыми ракетами-сигарами. Мы с Игорем спустились к ним по тропинке. Одна кассета лежала в ручье, еще три — рядышком друг с другом в сторонке. Кое-где металлическая арматура из уголка смялась и погнулась. Мы вдвоем попытались приподнять кассеты за край или хотя бы пошевелить их. Нет, ничего не получается, очень тяжелые. Мимо по грунтовке двигалась и двигалась техника. Вот и комбат, хмуро взглянул на нас сверху вниз и поехал дальше. Мы шутливо вытянулись в струнку, по стойке смирно, приложив руки к кепкам, как бы приветствуя высокое начальство. Чапай, этого жеста не оценил, погрозил нам кулаком и скрылся за поворотом.

По счастью, с нами оказался пулеметчик — таджик Зибоев. Отлично! Есть переводчик — сможем общаться с местными племенами. А они уже начали проявлять искреннее любопытство и восхищение грудой лежащего металла. Мирзо что-то им громко объяснял, оживленно жестикулируя.

— Зибоев, чего им нужно? Кто они такие? Что за банда? — спросил я.

— Говорят, отряд самообороны. Интересуются, что мы тут будем делать, надолго ли приехали. Опасаются, не будем ли взрывать ракеты, товарищ лейтенант, — ответил солдат.

— Успокой аборигенов, взрывать не будем, остальное их не касается, — сказал я.

Игорь принялся распоряжаться, распределяя солдат по постам и объектам, а затем спросил:

— Ник, ты со мной останешься или поедешь к роте на какой-нибудь попутке?

— С тобой, а то еще потеряетесь в тылу среди «духов», — улыбнулся я в ответ.

— Якубовы, оба, марш на вот этот холм, стоящий над развалинами. Гурбон, ты — старший, твой пулемет — это наша главная безопасность. Уми, но чтоб в спину нам никто не стрелял, — принялся наставлять солдат взводный.

— Все понял, товарищ старший лейтенант. Будьте спокойны. А кто станет готовить обед? — спросил Гурбон.

— Шагай, шагай, разберемся, кто будет кашеварить, — отмахнулся старший лейтенант. — Забирайте вещи и быстрее наверх.

Марасканов нашу бронемашину разместил на широкой площадке на краю дороги, напротив лежащих ракет. Еще одну пару солдат с пулеметом отправил к валяющимся на камнях упаковкам.

— Зибоев! Вместе со Свекольниковым стройте стрелковые сооружения в русле реки и охраняйте ракеты. Никого местных не подпускать, только если с ними вместе придем мы: я или замполит, — продолжал командовать Игорь.

— А что делать, если местные мальчишки полезут к нам? — спросил Витька. — Не стрелять же в них.

— Вот для этого Зибоев с тобой и идет, пусть объясняется с туземцами. Еще нарубите веток и забросайте ракеты, чтоб не мозолили глаза дикарям и меньше привлекали внимание посторонних.

Бойцы занялись укрытием машин. Тем временем армейская колонна практически вся прошла мимо, и только иногда проскакивали одиночные отставшие автомобили.

— Игореша, а ты уверен, что про нас не забудут? Сдается мне, что необходимо будет регулярно напоминать о нашем существовании. Не вспомнят или что-нибудь не сложится в планах командования, и просидим тут до выхода колонны обратно из ущелья.

— Да ну, не должны. Про нас забыть можно, а про ракеты — нет, — усмехнулся Марасканов.

— Ай, все может быть. Спишут их, как отстреланные по горам, людей и тех списываем на боевые потери, — вздохнул я.

— А тебе что, не все равно, где сидеть, тут или на скалах?

— Все дело в пайке! У нас, что осталось от продуктов — только на сегодня и на завтра. Барашка никто не приведет, и рис под ногами не валяется. Может, Берендеев крупы и тушенки подбросит, надо на зам по тыла Головского по связи выйти. С харчами мы, конечно, тут до победы можем воевать. До нашей общей победы. Или до окончания операции, по крайней мере. Мы тут, а комбат пусть бьется в горах, — улыбнулся я.

— Товарищ лейтенант, хто-то иде к нам! — крикнул сидящий на башне Дубино.

— Вот черт, кто там идет? — спросил Игорь.

— Та «духи», хто ж ешо туточки може быть! У таком захолусте тильки «духи» обитают.

Мы вскарабкались на бронемашину и огляделись. По дороге медленно и осторожно, приветливо махая руками, шли как-то боком три фигуры. Один человек был с длинным ружьем, одетый в старую, мятую форменную шинель афганской армии, другой — в широком халате и опирался на длинный посох, третий — в новенькой зеленой пакистанской куртке и с автоматом Калашникова.

— Бача буру (уходи)! — замахал я на них руками.

— Шурави, дуст, дуст (русские, мы друзья)! — закричали афганцы.

— Вот черт, свалились нам на голову, что будем делать, Игорь? — спросил я озабоченно.

— А хрен его знает! Может, поговорим?

— Из меня лингвист никакой. Могу сказать на их языке только «привет», да «пошел на х...». Вот и весь словарный запас. Зибоева необходимо сюда и быстрее, — сказал я, тяжело вздохнув.

— А чего с ними балакать, я вот очередь дам и п...ц. Пока они по нам не пальнули, — пробурчал сержант.

— Дубино, дипломат хренов, иди от греха подальше, зови нашего главного «мусульманина». Ты сейчас этих завалишь, а через полчаса целая сотня сбежится. Ни ты, ни я, никто не знает, сколько «духов» вокруг в горах и кишлаках. Не сейчас так ночью полезут. Мирные переговоры будем проводить, на высшем уровне: чай, анекдоты, экскурсия, — ответил я сердито сержанту.

— Куды экскурсия? — ухмыльнулся Васька.

— К ракетам. Пугать будем нашей мощью! — объяснил я. — Советской военной угрозой!

— Точно, пуганем, что, мол, этими ракетами по их хибарам бабахнем, — улыбнулся Игорь. — Хорошая мысль, Никифор, порой приходит даже в голову замполиту.

— Игореша, иди к черту, не подкальвай.

— Шурави, салам, салам! — забормотали, приветствуя нас, подошедшие афганцы.

— Салам, саксаулы-аксакалы!

— Никифор, почему ты их саксаулами назвал? — удивился Марасканов.

— Есть такой анекдот: выходит Брежнев из самолета в Ташкенте и здоровается с встречающими его старейшинами: «Привет, саксаулы!» Его поправляют, что не саксаулы, а аксакалы, а он в ответ: «Саксаулы, аксакалы — какая разница, один черт, чурки деревянные».

— Пусть будут саксаулы, лишь бы не стреляли, — согласился взвод-

ный. Афганцы подошли поближе и принялись здороваться, тыкая в себя пальцами — «сарбос», «сарбос» (солдаты).

— Они хотят мира, — перевел с «фарси» на русский, вернувшийся от выносного поста Зибоев. — Попросят ничего не взрывать, не стрелять, дома не грабить.

— Скажи ему, что мы не грабители, а солдаты, они могут быть спокойны. Мы — их друзья.

— Афганцы говорят, что друзья не приходят без приглашения и не ломают дом хозяина, — продолжал переводчик.

— Лично я тут еще ничего не сломал. Очень они разговорчивые! Скажи, что если будут себя плохо вести, мы выстрелим вон теми ракетами, что в речке валяются. Чтоб никто к нам не лез, — сказал Игорьь.

Афганцы присели на корточки у парапета и что-то оживленно обсуждали.

— Чего галдят, Зибоев? — поинтересовался я.

— Не верят, что это ракеты.

— Ну что же, начнем с экскурсии, чай потом, — предложил Марасканов. — Пойдемте, посмотрите, чем русский «шайтан-миномет» стреляет.

— Зибоев, а чего они тебе с хитрыми рожами «бакланят»? — спросил я у переводчика.

— Спрашивают, почему за русских воюю, почему не с мусульманами? Предлагают с моим пулеметом к ним переходить, в кишлаке ханумка будет, а если захочу, даже две жены получу.

— А ты что им в ответ? — спросил взводный.

— Я сказал, у меня дома уже есть две жены, зачем еще столько? Тут скучно — ни телевизора, ни электричества, что я в их кишлаке забыл?

— А если б и телевизор, и электричество, и две жены в придачу? — подозрительно спросил я.

Зибоев в ответ только хитро улыбнулся и промолчал.

— Вот ведь страна жуликов! Приходят, в дружбе клянутся, их к столу приглашаешь, а они тут же солдата с пулеметом увести хотят! Что ж, подыграем этой шайке! — усмехнулся в усы старший лейтенант. — Бача, покупай большие ракеты, по Пакистану можно стрелять, по Гардезу.

— Спрашивает: неужели в Гардез попадет? — перевел Зибоев.

— Попадет, если хорошо прицелиться, — уверенно ответил Марасканов. — Берешь большую доску, кладешь ее на холм, сверху ракету, аккумулятор подсоединяешь от «барбухайки» — и бабах! Куда хочешь, стреляй, самым уважаемым в округе будет ваш кишлак. Все будут бояться. Ни у кого «огненного шайтана» нет, а у вас есть!

— Дорого? Сколько стоит? — продолжал переводить Зибоев.

— Сто тысяч афгани, — назвал цену товару Игорьь. — Все?

— Каждая упаковка! Всего четыреста тысяч, тебе по дружбе отдам за триста пятьдесят тысяч! — хлопнул я по плечу старого афганца.

— Вах-вах-вах! — закачали головами пуштуны.

— Какой хороший «ЭРЭС»! Спрашивает, унести можно сейчас же? — перевел вопрос афганского командира Зибоев.

— Деньги вперед — и, пожалуйста, неси. Но деньги вперед! — подержал я розыгрыш туземцев.

К нашим собеседникам присоединились еще пара колоритных личностей: один был в старом потертом кителе офицера афганской королевской армии и в шароварах, а другой — в длинной шинели.

Количество местных жителей продолжало увеличиваться с каждой минутой. Все больше «бородачей» подходили к нам, ощупывали арматуру из толстого швеллера, гладили ракеты, втроем-вчетвером пытались приподнять упаковку. Эти их попытки ни к чему не привели, ракеты даже не шевелились. Афганцы, очевидно, догадались, что их разыгрывают и вскоре потеряли коммерческий интерес к ракетам. Громко обсуждая случившуюся аварию, они удалились. Остались лишь первые три афганца. Они сидели на корточках напротив, тихо и в то же время оживленно о чем-то спорили, не сводя с нас глаз.

— Чего хотят? Зибоев, переводы, о чем болтают, — поинтересовался Игорь.

— Да они рассуждают, долго ли мы будем сидеть в их кишлаке или, может, скоро уйдем. Получится ли что-нибудь у «шурави» украсть? Решают, что можно выпросить или обменять.

— Зибоев, ты им объясни, что если будут в нас стрелять, то мы тут построим заставу, и пост здесь будет стоять всегда!

— Да, и скажи, что можем тут все вокруг подорвать к чертовой матери, если будут себя плохо вести. Одной ракеты хватит уничтожить их хижины! — хмуро сказал я.

— Они обещают вести себя хорошо и предлагают торговать.

— Как? Они что нас за матросов Колумба приняли? Жаль, нет «огненной воды», бусы и всякие побрякушки тоже не взяли. А им не нужны пустые цинки и ящики? — спросил Игорь.

— Говорят, нужны, обрадовались. Забрать хотят, — сказал солдат.

— Нет! Просто так, без продуктов, на обмен ничего не получают, и надо быть внимательнее, а то что-нибудь сопрут! Пустые ящики и цинки меняем на рис, — предложил я им.

— Просят на обмен патроны и гранаты.

— Хрен им по всей морде, — воскликнул я. — Сегодня они просят для мирных целей, а завтра в спину стрельнут этими же патронами. Максимум, что можем им дать, — канистру солярки.

Короткое совещание афганцев заканчивалось радостными улыбками в нашу сторону.

Мы всей группой отправились к бронемашине и разгрузили два ящика, распотрошили четыре цинка патронов. Самый молодой афганец сбегал в кишлак и принес мешочек риса. В завершении обмена фотографируемся с пуштунами на фоне БМП.

Они, афганцы, как малые дети, страшно любят фотографироваться, им сам процесс интересен (фотки-то все равно не получают, никто не привезет). Но позируют с удовольствием и обижаются, если не хватает кому-нибудь места во время съемки.

— Местные интересуются: зачем «шурави» сюда пришли, — перевел вопрос аксакала Зибоев.

— Мы навсегда приехали, поселимся тут, нам нравится все: народ хороший, рака, лес, горы. Дукан откроем, белых ханумок для вас привезем, — хитро улыбаясь, ответил Игорь.

— Дукан — хорошо, торговля — хорошо, «шурави»-ханум — хорошо, а солдат — не надо, солдаты — это плохо, — перевел ответ афганца Зибоев.

— Без нас и «шурави»-ханум не будет, — улыбнулся Игорь.

— Жаль, но тогда если с вами, то и ханум не надо, — сердито ответил афганец. — У нас тут работа — дорогу охранять, за каждый километр — мешок риса от правительства.

— А если не пришлют? — поинтересовался я.

— Тогда еще одна колонна грузовиков сторит, — ответил, нагло улыбаясь, бородач. — И мы свою землю вам не отдадим никогда.

— А на кой черт она нам сдалась — одни камни да колючки, — рассмеялся я.

— Зачем тогда явились? — удивился афганец.

— Позвали нас сами, вот и явились, — ответил я.

— Мы вас не звали, кто приглашал, к тому и езжайте. «Шурави» где живут?

— В России, в Москве, в Сибири, очень далеко отсюда. Про Ленина слышал, наверное? — развел я политпросвет.

— Нет, это кто такой?

— Как не слышал? Его весь мир знает. Ты посмотри, Игорь, нам пропаганду еще со школьной скамьи гнали, что портреты нашего вождя даже у африканцев в хижинах висят, а тут люди и про Советский Союз ничего не слышали, — поразился я.

— Ник, прекращай пропаганду вести среди «духов», а то бойцы все политические идеалы растеряют, — ухмыльнулся Марасканов. — Не получается у тебя с аборигенами найти общие интересы, плохой из тебя Джеймс Кук.

— Это хорошо, что Кука из меня не вышло, значит, не съедят, — улыбнулся я в ответ на шутку взводного.

* * *

Угостившись чаем с галетами, счастливые, «духи» разошлись по домам, унося трофеи. И вовремя. Буквально через десять минут подъехали

два БТРа, облепленных офицерами в касках и брониках. На одном из них важно восседали подполковники Байдаковский и Ромашица. Весь политотдел в сборе! Растет Ромашица — уже подполковник! Правда, старшими в этой штабной команде оказались не они, а какой-то незнакомый полковник. Кто такой — черт его знает, но, судя по воплям и матам, большой начальник. Не меньше заместителя командира дивизии. А может, из штаба армии, какой босс.

— Что вы тут вытворяете? Болтаетесь по дороге, как дерьмо в проруби! Костер развели, чай гоняете! Кто вы такие? В чем дело, вашу мать, раздолбаи? Где рота, где батальон? Какого полка подразделение? — выдал тираду полковник. И понесло — мат-перемат, не разбираясь.

— Товарищ полковник, боевое охранение выставлено у рассыпавшихся ракет. Выставлены три поста: один — на этой горке, другой — возле упаковок, третий пост — БМП, — отрапортовал Игорь.

— А сопку с противоположного берега вы контролируете? Нет! Почему там никого? Какой дурак вас тут вообще выставил? Балаган какой-то! — продолжал орать полковник, не слезая с БТРа.

— Пост установил командир дивизии, а в батальоне всего две роты, что ж тут полроты оставлять? — разозлился я, начиная заводиться.

— Сейчас оборудуются СПСы на горе и в долине, БМП уже обложили камнями, сделали укрытия для стрельбы. Если кто прибудет для усиления — выставим пост и с другой стороны, но двух людей отправлять за километр от основных сил — это убийство, — продолжил аргументировать необходимость нашего размещения Марасканов.

Ромашица, видимо, меня сразу узнал и поэтому ткнул пальцем в Игоря:

— Кто такой? Этого лейтенанта я знаю, известный демагог, а вы какую должность занимаете?

— Это кто демагог? — выпалил я, не выдержав оскорбления. — Не нужно старые ссоры и личную неприязнь раздувать с новой силой. Особенно в рейде, товарищ майор.

— Не майор, а подполковник! Протрите глаза! — рыкнул партийный босс.

Я оговорился специально, из желания уколоть секретаря патркомиссии, которого терпеть не мог. Он оказался злопамятен, этот карьерист. Не забыл нашу старую ссору.

— Виноват, вроде в последнюю встречу вы были майором. Растете на глазах, как на дрожжах, воюете, наверное, много! — ухмыльнулся я и съязвил.

— Ну а вы, товарищ лейтенант, на своей должности можете и застрять.

— Это вряд ли. Старшего лейтенанта всегда дадут, — усмехнулся я.

— Ну наглец, ну грубиян!

— А почему наглец? Я вас не трогал и никуда не посылал. Все оскорбления и маты только от вас, товарищ майор, извиняюсь, подполковник.

— Я приеду в полк, проверю документацию в роте. Обязательно! Я ничего никому не прощаю, — угрожающе пообещал он, дыша на нас перегаром. — А то как-то забыл я про вас, лейтенант!

Вот черт, попался на глаза мерзавцу, теперь будет опять доставать. Начальники еще немного поорали на Игоря и умчались дальше.

— Алкаши проклятые, еще поучают, солдат бы постыдились, протрезвели бы вначале, — возмутился Игорь.

— Кому война, а кому ступенька на лестнице головокружительной карьеры, — горько вздохнул я в ответ.

* * *

Едва пыль перестала клубиться на дороге, как показалась следующая группа БТРов. На головном сидел генерал в полевой форме — новый командарм Дубовин. Я его узнал по вставным передним зубам и резкому, скрипучему голосу, напоминавшему скрежет металла по стеклу.

— Иди, твоя очередь отдуваться перед начальством, — подтолкнул меня под «пули» Марасканов.

— Кто вы такие? Что стоите тут столбами? — спросил командарм.

— «Камаз» перевернулся, и ракеты рассыпались, выставлены охранять, — ответил я.

— Чей «Камаз», где он? Кто был старшим машины? — принялся засыпать нас вопросами генерал.

Рядом с ним пристроились «шестерки» с блокнотами и планшетами, с готовностью записывая все, что он говорил.

— Не знаем. Машину вытянули и увезли, мы ждем кран и тягач, чтобы погрузили «упаковки», — ответил Игорь.

— Кто старший?

— Наверное, я — лейтенант Ростовцев, заместитель командира роты. Это командир взвода — старший лейтенант Марасканов и семь бойцов восьмидесятой мотострелковой.

«Писарчуки» все записали, делая особые пометки, и что-то зашептали на ухо командарму. Генерал Дубовин кивнул и проскрипел нам следующее:

— Х-м, наверное, наверное... Бронежилеты и каски никому, в том числе и вам, не снимать, следить, чтобы ракеты не уперли.

— Да их, товарищ командующий, вдесятером не сдвинешь, тяжелые, — ответил я.

— Ну-ну, бдительность и еще раз бдительность, скоро вас сменят, сейчас же вызовем технику.

Хорошо, что мы успели надеть броники, а то еще раз получили бы нагоняй.

И весь этот караван машин, обвешанный радиостанциями и облепленный штабными деятелями, умчался, клубя пылью по горной дороге.

* * *

Пыль улеглась. Все уехали.

— Ты его, откуда знаешь? — поинтересовался Игорь.

— На той неделе какое-то мероприятие в дивизии проводилось, я вместо Артюхина ездил от батальона для массовости. Вот этот «кадр» объявил такую хохму: основные потери у нас оттого происходят, что толпа бойцов сидит сверху брони. Машины, мол, как цыганский табор обвешаны солдатами, и пехоту шальные пули и осколки цепляют. «Приказываю, — говорит, — всех усадить внутрь танков, БМП и БТРов. Каждый должен быть в каске и бронежилете, и если ранили, а защиты не было, то раненому выговор объявить надо вместо награждения медалью или орденом».

— Ну дает! Вот цирк-то! Это как же по такому пеклу сутки трястись в тесноте, да еще и в жестяной коробке? А в Кандагаре — там, вообще, жара за пятьдесят градусов, меньше не бывает! Помрешь через час!

— Кто-то ему попытался сказать и про подрывы на фугасах, и про гранатометы, но Дубовин и слышать этого не хотел. Всех усадить в десанты — и точка! Но, как видишь, сам сидит сверху и толпа «шестерок» вокруг, наверное, уже убедился в глупости своего распоряжения, — улыбнулся я.

— Они все как из Союза свеженькими приедут, то такие умные, но война их быстро обламывает, — констатировал Игорь. — Одно спасение от глупых приказов — их полное неисполнение.

— Все зависит от конкретного человека. Иной негодяй и сам понимает ненужность распоряжения, но продолжает гнуть свою линию. А другой доходит до порога глупости и останавливается, дает отмашку — «оставить». Ошибки признавать всегда тяжело, особенно высокому начальству, если ты много о себе возомнил и считаешь себя личностью исторического масштаба. Вершитель судеб, полководец, титан! Гигант военной мысли — вот головенка и закружилась, — сказал я с горечью.

* * *

Рисовая каша под громким названием «плов» не удалась. Что можно туда добавить? Мелко нарезанное сало из баночки, паштет, сушеные морковь и лук.

— Якубов, где взял сушеные лук и морковь? — спросил я.

— На складе у земляка, отсыпал немного, еще специй захватил, но мяса нет, тушенки тоже нет. Как сделать вкуснее? Может, подстрелим кого-нибудь? — улыбнулся узбек.

— Кого, Гурбон? — тяжело вздохнул я. — Разве что Зибоева: в нем мяса много, гораздо больше, чем в Свекольникове.

— Я предлагаю курицу достать, — сказал повар.

— Где, в кишлаке? Чтобы через полчаса бушующая демонстрация вокруг нас ходила, и позиции камнями забрасывала? Кишлак-то ведь не брошенный, — отказался я от его авантюрной идеи.

— Потихоньку похожу вдоль реки, может, кто и попадетя. Гуси, куры бродят всегда без присмотра, где хотят. Потери одной птицы жители не заметят.

— Зато я замечу потерю тебя самого. Забыл, как за одну корову было четыре ошкуренных и выпотрошенных трупя?

— Нет, не забыл. Но то же корова, а тут всего курица, — продолжал гнуть свою линию Гурбон.

— У азиатов воровство — страшный грех, камнями забьют! Нет! — отказал я в просьбе.

— Я тоже азиат и мусульманин, — широко улыбнулся Якубов.

— Ты — не настоящий, ты — советский узбек, к тому же глупый городской романтик! Прекрати даже мечтать о мясе. Что-нибудь придумаем. Завтра тушенку Берендей привезет. Может быть...

— А может и не приехать, — произнес с сомнением Гурбон.

— Допускаю и такое, вот тогда и пойдем к аборигенам в гости, пусть сами угощают, но без воровства, — поддержал меня взводный.

* * *

Мы с Игорем залегли между поребриком и БМП на расстеленных матрасах и отбивались от вражеских комаров. Ночь, черная и мрачная, спустилась в ущелье, словно демон зла. Вмиг стало тихо и темно. Ни огонька, ни шевеленья. Армия ушла за перевал так далеко, что ее не могло быть слышно, а местные жители ложились спать слишком рано, сразу с заходом солнца. Наверное, от этого у них так много детей. Да и чем еще можно заняться в кромешной тьме, имея гаремы?

Чем хороша ночь, так это прохладой, а ужасна этим липким всюду проникающим страхом. Шорохи, крики птиц, треск веток, шум ветра, завывания собак — все это нервирует. Хуже нет ночевать в кишлаке или вблизи него. Но лучше уж в пустом кишлаке. Покинутые дома и закоулки хотя бы заминировать можно, «сюрпризов» наставить, а что сделаешь, когда вокруг спуют люди и живность? Вскоре взошла и осветила окрестности большая и яркая луна. Собаки осмелели и принялись задорно лаять во дворах. Словно они переговаривались и одновременно успокаивали друг друга. Внезапно поднялся сильный ветер, и вокруг лунного диска возникло яркое свечение, которое все больше расширялось и, наконец, захватило почти весь видимый небосвод. Замычали коровы, заблеяли овцы, проснулись и подняли галдеж птицы, а собаки словно взбесились: одни оглушительно выли, другие лаяли до хрипоты.

— Ни х... себе! Это шо, конец света? — воскликнул испуганно Дубино.

— Твою мать! Мандец дембелю, — крикнул Сидорук.

— Спокойно, балбесы! Это «лунная радуга»! Вы еще и не такое увидите, молодые люди! В прошлом году такой оптический эффект уже был. Редкое явление, но уже второй раз вижу, — попробовал я успокоить бойцов.

С пригорка по радиостанции запросили разрешения спуститься Якубовы. Перепугались... А Зибоев с Ташметовым от охраняемых ракет сбегали безо всякого спроса. Страх парализовал всех.

— Сейчас же успокоиться! Раз замполит говорит «лунная радуга», хрен с ней, пусть будет так! Говорит, значит, знает. Всем по местам, «духи» опаснее! — скомандовал Марасканов. — А ты, Никифор, откуда знаешь про это явление? Где прочитал, что оно так называется?

— Да я не знаю точного названия, Ваня Кавун так называл это в прошлый раз, он где-то читал об этой «радуге». Скоро все закончится.

И действительно, свечение прекратилось, зверье успокоилось, никаких всепланетных космических катаклизмов не произошло, и наступила тишина.

— Скажу честно, думал «летающая тарелка» объявилась! Я в детстве много фантастики читал, — проговорил, волнуясь, с придыханием Свекольников.

— Если связь проспишь, будешь летающей «свеклой», — усмехнулся в усы Игорь.

— В прошлом году я тоже так подумал, — успокоил я солдата. — Инопланетяне и все такое прочее...

— А все же, как было замечательно! Изумительное по красоте явление, сидя в квартире, такое не увидишь! — воскликнул Игорь. — Я человек не впечатлительный, но это что-то невероятное!

— Да, природа загадочна, особенно когда не знаешь объяснения каких-то явлений. Нужно больше читать, правильно, Витька? — спросил я.

— Так точно, товарищ лейтенант! — ответил солдат. — Я люблю узнавать про все таинственное и необычное, будет о чем дома рассказать.

— Тогда слушай занимательную историю, собиратель загадочного! — начал я свой рассказ. — Это было семь лет назад, на Украине. Волею судеб я заканчивал там школу, в городке на родине Брежнева. Как и ты, солдат, много читал фантастики и приключений. Был уверен в присутствии инопланетян и наблюдении ими за нашей жизнью. Вот однажды поздней осенью, как сейчас помню, двадцать седьмого ноября, послала меня вечером мать в магазин за хлебом. Иду по тенистой дорожке, листва с вишен и абрикосов еще не совсем опала, вглядываюсь в звездное небо, мелодию насвистываю веселенькую. И вдруг, что это? Что в небе среди звезд пронеслось?! Я видел секунду или две, как нечто промелькнуло бесшумно, без малейшего звука, в форме огромного дельтаплана, с семью или девятью огнями по периметру силуэта. Таинственный объект был черный, тем-

нее неба, он промелькнул и мгновенно исчез. Ветки помешали дальнейшему наблюдению, закрыли обзор. Выскочил я на широкую дорогу, но все исчезло, беззвучно, как будто ничего и не было. Это был не самолет и не ракета, двигатели не шумели, а высота была лишь пару сотен метров. Не дельтаплан, так как промчался объект очень быстро. Больше километра за секунду! Тогда что это такое? Таинственно и загадочно! Чудеса! Да?

— Ну ты, Ник, даешь, прямо заворожил своим рассказом! — улыбнулся, переводя дыхание, Игорь. — Посмотри, Витька даже рот раскрыл от изумления. Ладно, басни закончились! Свекольников, закрывай «ва-режку» и марш на пост!

— Товарищ лейтенант! Так вы сейчас-то в пришельцев верите или нет? — спросил Гурбон Якубов.

— Гурбонище, если скажу, что верю, старший лейтенант Марасканов завтра в психушку упечет, наступит, чтобы должность мою захватить. Скажет, мол, у замполита крыша от войны поехала!

— Не упрячет! Он хороший и добрый, — улыбнулся Свекольников.

— Хороший! Добрый! А ну марш по пещерам и постам! — выкрикнул Игорь. — Ник, совсем своими фантазиями взвод «разложил».

Бойцы, вздохнув, поднялись и ушли в темноту, а я подбросил веток в костерок, подлил в кружку горячего чая и намочил твердокаменный сухарь, чтобы зубы об него не сломать.

— Ты байку травил или, правда, что-то видел? Не фантазируешь? Не соврал? — спросил взводный.

— Игорь! Хочешь — верь, хочешь — нет, не вру я! Это не плод моей воспаленной фантазии, вызванной прочитанными книгами. Не знаю, что это такое было — секретный военный аппарат или все же НЛО, но что-то летело! К тому же я совсем юный был, спиртного не пил, если ты об этом подумал. На пьяные глаза не свалить. Так-то вот.

— Да, замполит! Ты меня окончательно с толку сбил. Мало нам этой твоей «лунной радуги», так еще пришельцы! Тьфу, черт! Теперь совсем не заснуть!

— Вот и хорошо, не спи, а посты ходи проверяй, пока я буду отдыхать, — улыбнулся я.

— Сколько в тебя сна лезет? Прямо сонная прорва, — удивился Марасканов.

— Игорек, договорились, сам сказал не уснуть, ну и не спи, а через четыре часа, так и быть, поменяемся ролями.

— Ладно, дрыхни, если можешь, — согласился Игорь.

Я обрадовался предоставленной возможности, накрылся спальным мешком и моментально засопел.

Глава 7

Крепость Алихейль

Ни рано утром, ни в обед о нас не вспомнили. Не привезли продуктов и к вечеру. Сухпай давно закончился, рис доели, остались одни сухари и чай с сахаром. Афганцы, догадавшись, что мы над ними подшучиваем, больше интереса к торговле ракетами не проявляли. Несмотря на постоянную охрану, мальчишки или ополченцы сперли подушку и старый шлемофон. Жулье...

Все же Игорь рассердился на такое отношение к нам и велел через переводчика больше не приближаться к посту: ракеты могут взорваться в любую минуту. Аборигенов как ветром сдуло. Ни женщин, полощущих белье в речке, ни пастухов, ни ребятишек. Все обходили нас стороной. Ну и отлично, так спокойнее. Без «духов» хорошо, а без продуктов плохо. Пролетела еще одна ночь. Только следующим утром пришел из Гардеза кран и тягач под охраной десантников, мы быстренько свернулись и помчались догонять свой батальон.

Знакомые пуштуны, хитро улыбаясь в усы, помахали нам на прощание. Пусть лучше машут руками, чем стреляют вслед из гранатометов.

* * *

Подорожник встретил нас неласково.

«Когда же ты подобреешь, Василий Иванович?» — подумал я.

— Ростовцев! Где вы шляли так долго? Оперативный дежурный сообщил, что взвод давным-давно сменили!

— Как прибыл тягач, так мы и уехали, ни минуты не задержались, даже в Пакистан не заскочили.

— Иронизировать и насмеяться будете над своей женой! Марш к роте, строиться! Через полчаса выдвигаемся в горы.

— Мы сутки без еды, поесть бы вначале. Я все ж таки опять исполняю обязанности замполита батальона, должен беречь личный состав.

— Хорошо, быстро есть и строиться! Заместитель непутевый свалился на мою голову! Когда же, наконец, мне попадет нормальный несачкующий политработник. Черт бы вас всех побрал комиссаров, одного другого хлеще. Только языком на собраниях болтать горазды!

— Не понял последнюю фразу, товарищ майор? Какие ко мне претензии, я что когда-то сачковал и не воевал?

— Да при чем здесь это? Ты кто — мой зам? Политработник? А взглядишь, Ростовцев, как анархист и разгильдяй! Приведите себя в порядок, товарищ лейтенант, и в строй! «Махновец»!

Подумаешь, тельняшка, кроссовки, маскхалат и легкая четырехдневная щетина! Ведь ни черного знамени, ни черепа с костями! Просто так удобно воевать, зачем издеваться над собой. Лучше бы и над солдатами не издеваться: сапоги и ботинки в сорокаградусную жару — это бессмысленная пытка. Разрешить кроссовки и масхалаты.

Колонна миновала заставу и спустилась вниз. Грунтовая дорога углублялась все дальше в ущелье. Постепенно деревьев на склонах гор становилось больше и больше. Вдоль ручья, рядом с которым проходила дорога, лежали обгоревшие машины. Видимо, афганская колонна попала в засаду несколько лет назад. Танк без башни, танк без траков и с отпиленным стволом (интересно, кто и зачем его обрезал?), машины, машины, машины. Обломки, остовы, они не поддаются подсчету. Все превратилось в огромную кучу — следствие настоящей бойни. Сколько же здесь было пролито крови? Опять БТР, машина, танк... Вот так ловушку устроили афганской колонне! Уничтожено больше восьмидесяти единиц техники. А людей?

Вдалеке показалась средневековая крепость: массивные стены, высокие башни, бойницы, ров. Современный вид ей придает советская техника: пушки, несколько старых танков Т-54 и БТР-52. На центральной площади стояла пара бронемашин, на которых сидели в афганской форме русские ребята, приветливо и радостно махавшие проезжавшей мимо армии. Вот повезло так повезло ребятам, попасть в эту «дыру». Два года среди «духов» и «сарбосов»...

Не успели мы и передохнуть, как батальоны с ходу бросили в горы. По оперативной обстановке «духов» в этом районе тысяч тридцать, а нас идет в горы чуть более тысячи. Родимый батальон, смешно сказать, выходит на задание всего сотней штыков! Если бы не поддержка авиации и артиллерии, то нас просто бы тут разметали по лесам.

Разбившись на десятки, все двинулись на площадку, где уже садились и откуда взлетали вертолеты. Место выбрано очень неудачно: в песчаном высохшем русле реки при работе винтов пыль поднималась вокруг столбом, и ни черта было не видно. Приходилось идти на шум двигателей, но главное — не промахнуться мимо бокового люка. Что со мной и произошло. Старшие группы шли во главе, а солдаты двигались след в след, держась за мешок впереди идущего, цепочкой. Беспощадный ветер бросал в лицо пыль и песок, который набивался в рот, нос и глаза. Бойцы могли нагнуть голову, а командирам нельзя: нужно как-то разглядеть, куда идти.

Авианаводчик командовал посадкой и распределял группы, предупреждая:

— Осторожно, пригибайтесь, не попадите под большой винт, вертолеты болтают ветром.

В ущелье действительно, вдобавок ко всем неудобствам, дул противный боковой ветер, раскачивающий борта.

— Еще раз напоминаю, будь внимательнее! Пригибайся сильнее, винты качает. Вперед, быстрее, быстрее! — скомандовал мне авиационный капитан.

Накинув капюшон маскхалата на лицо и нагнувшись пониже, я на полусогнутых ногах побежал как можно быстрее. Но вскоре впереди шум резко усилился. Что-то тут не так. Я с трудом приподнял голову и, прищуриваясь, обнаружил, что иду на хвостовой винт, до которого оставалось два-три метра. Ужас! Перед глазами огромная мясорубка!

— Стой! Стоять! Всем влево! — заорал я.

Но никто, конечно, ничего не услышал, и солдаты все напирала сзади и напирала, невольно подталкивая меня вперед.

Схватив сержанта за руку, я с силой потянул его в сторону.

— Якубов! Уходим! За мной. Мы под винт лезем, тащи всех за собой! — заорал я на ухо Гурбону, и мы вдвоем принялись вытягивать всю десятку к десантному люку.

Когда группа забралась в вертушку и мы взлетели, побледневший «бортач» подошел ко мне и прокричал на ухо:

— Думал все — хана, сейчас размажет и разрубит несколько человек. Промохнул, да? Ты кто по званию?

— Лейтенант я. Ни черта не видно! Чуть не обделался, когда увидел у самых глаз эту огромный вращающийся резак. Чудом повезло, что не сделал пару шагов, еще немного — и затынуло бы.

— Счастливчик ты, лейтенант! Ведь ничего нельзя было сделать, ветер задувает. Начни подниматься, качнет и рубанет лопастью по всей цепочке, а добежать до вас я не успел бы. Так и стоял, затаив дыхание: орать бесполезно, три вертолета одновременно шумят.

— Это точно. За то, что повезло и мы выжили, посадите прямо на точку, чтоб меньше по хребтам пришлось бродить.

— Сейчас, пойду командиру расскажу.

Бойцы напряженно вглядывались в иллюминаторы, в основном никто ничего не понял. Лишь Гурбон был немного перепуган, сидел с дрожащими губами, так как видел винты перед глазами. Борттехник вернулся и ободряюще улыбнулся:

— Лейтенант, ты в рубашке родился! На этот раз повезло, увернулся от смерти, обошла в этот раз стороной костлявая! Можешь нажраться по возвращении в полк.

— У нас надерешься, как же! Комбат сожрет с потрохами. Порядки в полку зверские, начальник штаба Ошуев настоящий террор устраивает. В прошлом году в батальоне должность ввели заместителя по тылу бата-

льона. Прибыл капитан Саня Головской. Водку на пересылке выпил, и проставиться перед офицерами оказалось нечем. Он занял двести чеков, почти всю получку следующего месяца. Набрал водки, купил коньяк, консервы, зелень, овощи, фрукты. Тушенку на складе дали, еще кое-что по мелочам, но в основном свои потратил. Управление батальона пригласил. Стол ломится. Головской ходит, стаканы расставляет, весь в предвкушении праздника — душевный подъем и все такое. Ну, сам понимаешь.

— Ага. Понятно, — кивнул летчик.

— Так вот, дверь закрыта на замок, потому что приглашенные знают условный стук. Вдруг кто-то барабанит в дверь, Саня, естественно, не открывает, мало ли кто шарается из халявщиков. Стук повторился, а затем дверь с треском вылетела вместе с выломленным замком: на пороге целая комиссия — Ошуев, Ломако (зам по тылу полка) и Цехмиструк (секретарь парткома). Рейд по борьбе с пьянством и алкоголизмом, а кто-то ведь стуканул из своих, приглашенных участников «автопробега».

— Какой козел! — возмутился бортехник.

— Не то слово!

— В общем, входят в комнату, начинают орать, а Ошуев берет две литрушки водки и разбивает одну об другую. Немая сцена, затем вопль ярости, и Головской, как в кинофильме «Операция „Ы“», с криком: «Мою водку бить, да я тебя убью! Я ее за свои кровные деньги купил», — хватает за грудки начальника штаба. Зам по тылу толстый, как хорошо откормленный кабанчик, поэтому плотно придавил к стене Султана Рустамовича и бац ему в бок кулаком. Тот ему в ответ. Ломако и Цехмиструк разнимают, стол с закуской опрокидывается — комедия! Начальник штаба вызвал разведзвод, и Головской, видя бесполезность дальнейшей борьбы за справедливость, больше не сопротивлялся, ушел на гауптвахту.

— И что дальше-то было?

— А ничего. Командиру полка вроде бы надо наказать людей. Но ведь он знает, что палку перегнули, да и все комбаты полка — участники мероприятия. Сам «кэп» большой любитель «зеленого змия» в отличие от майора Ошуева, регулярно пользуется «огненной водой». Пожурил он собутыльников слегка, да и все. Но народ в полку месяц при виде Головского смеялся: «Водку? Вдребезги! Разбить? Да я тебя!..»

— Да уж, веселый у вас полк. Образцовый дурдом!

— Образцовее некуда.

— Ну давай, подходим к задаче, вперед, с Богом! Удачи вам! — пожелал на мне прощание летчик.

* * *

Вертолетчики обнаружили небольшую полянку на гребне, куда всех и десантировали. Вокруг нее стоял сплошной стеной хвойный лес. Склоны

хребтов густо поросли деревьями: соснами, елями, лиственницами, пихтами. Чудеса! В сотне километров отсюда выжженная пустыня, а тут прямо забайкальская тайга! Ну, в некоторых местах она уже благодаря нам прореживалась лесными пожарами. Может, снарядами зажгли, может, авиабомбами. Ха! Вот хвостовое оперение одной из них, стокилограммовочки, торчит из рыхлого склона. Мягко вошла. Скорее всего какой-то заводской брак. Не работала... Затаившаяся смерть.

— Эй, сапер! Взорви ее как-нибудь! А то еще рванет или «духи» для фугаса используют, — приказал Грымов.

— Нет уж. Я к ней и на пятьдесят метров приближаться не буду. Можно из «подствольника» попасть, но разлет осколков очень большой, не рекомендую, — сказал Алексей. — Пусть себе лежит, лучше уж «духи» пусть подорвутся, если попробуют забрать ее отсюда.

Мы побрели по тропе вдоль склона, все выше и выше. Чуть в стороне двигался огненный вал. Воздух и так раскален, а мы его еще подогреваем и коптим. Огнем были охвачены целые склоны. Главное, чтобы огненный смерч не погнало на пехоту, а то с грузом-то от него далеко не убежишь. Получится шашлык в бронежилетах. Шашлыком быть не хочется.

Ущелье, которое необходимо было прочесать, состояло из нескольких ярусов и террас, заросших деревьями и непроходимыми кустарниками. Двигаться можно было только по тропкам. Достаточно одного пулеметчика в засаде — и деваться будет некуда. Конечно, у «духов» превосходящие силы, но наше преимущество не в численности, а в наличии авиации и артиллерии. Видимо, основные силы противника предпочли спрятаться в Пакистане, до границы несколько километров, а по лесам маскируются разрозненные мелкие группы наблюдателей и диверсантов. Обшарив склоны, наша группа ничего не нашла, и мы с Игорем скомандовали солдатам привал. По связи шумел Ветишин, разыскавший в развалинах овечьей кошары несколько «эрэсов» и минометных мин, а подоспевший Острогин извлек десяток выстрелов к безоткатному оружию. Все же какой-то, но результат. А то третья рота нашла пулеметы, и автоматы, и патроны. Десантники обнаружили огромную базу-склад, с которой вертолеты вывозят большие трофеи. Наши показатели скромнее. Да и черт с ними. Главное — у нас нет потерь. А десантура нарвалась на засаду, кто-то наскочил на мины-«сюрпризы» — опять жертвы.

Рота проверила все, что можно, но больше ничего не нашла. Наши крохи забирать авиацией командование не захотело, сапер эти находки просто подорвал, и мы спустились к технике. Потом целую неделю шли поисковые операции. Утром забросят, день шарахаемся, вечером спускаемся. Из найденных боеприпасов что-то взрывали, что-то вывозили вертолетами. А мы все носили и носили... патроны, мины, гранаты. Сколько же тут заготовлено средств убийства «шурави»?..

Однажды вечером в экстренном порядке построили всю пехоту полка, и майор Ошуев поставил задачу офицерам батальона:

— Без мешков, налегке, только с боеприпасами выдвинуться в сторону границы. Как стемнеет, разведвзвод и саперы уходят вперед минировать пограничный кишлак. Их сопровождает первая рота. Взвод АГС и третья рота прикрывают с высоты ваш последующий отход.

Вот это да! Главное, не заблудиться и не уйти в Пакистан, не углубиться слишком, не увлечься «любимым делом» — пешей прогулкой. Я вглядывался в темноту и дрожал всем телом. Тельняшка промокла насквозь во время быстрого перехода перебежками, а теперь вот опустившаяся ночная прохлада пробирает до костей. Трясутся все мышцы и жилочки, зубы выстукивают морзянку.

Окутавший нас густой и липкий туман спутал карты командованию. Не видно ни черта в пятидесяти метрах. Где-то рядом Пыж с разведчиками и саперами. Но где они — не понятно, должны были углубиться до окраины кишлака и расставить «охоту». Эта минная система срабатывает на частоту человеческих шагов, рассчитана на звук, вес и еще черт знает на что. Говорят, на лошадей, ишаков, баранов не действует, а только на человека.

Лежать в маскхалате на сырой земле довольно неприятно. Ни пошевелиться, ни поерзать и встать нельзя: вдруг заметят. Мы находились в поле перед небольшим бруствером, у арыка. Впереди в дымке виднелся кишлак — хибарок сто, притулившись у склона лесистой горы. Опустел ли он при нашем появлении в Алихейле, или остались какие-то жители — неизвестно. Ясно только то, что это не контролируемая правительством территория. Позади нас стоит выносная застава, передовое охранение крепости, тут отсиживается афганский батальон, человек восемьдесят. Они запуганы так, что практически не высовываются. Дорога к заставе загромождена сгоревшей техникой. Живут под постоянной угрозой штурма, Пакистан-то в двух шагах.

Я слушал тихо потрескивающую радиостанцию, отмахивался от комаров и дрожал.

— Крот, «духи»! Крот, «духи»... Крот, ты слышишь? Крот, «духи». Крот, «духи»...

Что за чертовщина?! Вроде бы голос Пыжа, а он впереди нас всего метрах в пятистах. Ну если сейчас начнется стрельба, то тут будет такая бойня! Мы на открытой местности, а мятежники станут бить с возвышенности. Не уползти и не убежать, замучаешься раненых выносить. Но почему-то вскоре все стихло. Радиостанция замолчала, а спустя пару томительных часов, из тумана появились саперы и разведчики. Грязные, мокрые, злые и напуганные.

Ну вот и все. Комбат по связи дал команду возвращаться (до этого в эфире было гробовое молчание), и рота тихо снялась с позиции, как будто нас тут и не было никогда. А интересно, чей это был кишлак? Афганский или пакистанский?.. Хотя пуштуны везде одинаковые.

Теперь главное — вернуться и не наскочить в тумане на какую-нибудь свою или «духовскую» засаду. Возвращаемся очень долго, медленно и осторожно, офицеры всю дорогу шипят на солдат, чтобы не шумели и не гремели оружием и касками.

* * *

Выбрались в лагерь под утро, уже на рассвете. Техника подъехала к пересохшей речушке, и люди быстро разместились по машинам. Нашей роте на броне стало совсем тесно, все же три БМП в Гардезе ремонтируются. Еще одна по дороге к крепости накрылась, и ее утащили обратно. Да, достанется Федаровичу после боевых.

Мы вернулись к началу завтрака. Головской со своей командой — Берендеем и Соловьем — стояли возле полевой кухни и улыбались белозубыми, сытыми улыбками на широченных физиономиях.

— Берендей! Гони жратву, хватит оскаливаться, не видишь: промокли и замерзли, как собаки, — окликнул командира хоззвезда Бодунов.

— А если бы ты не бросил черпак, как последний дурак, то сидел возле кухни — сытым, обогретым. Поперся за приключениями, — принялся выговаривать толстяк-прапорщик нашему прапорщику, своему бывшему подчиненному.

— Если ты не начнешь шевелиться, я тебя в котел засуну и сам начну проводить раздачу еды!

— Пошел ты... В первую очередь кормлю командиров рот и отдельных взводов, замполитов — им на совещание. А ты постой в стороне, подожди своей очереди.

— Вот черт, дискриминация! Прапорщика притесняют! Ну, погоди, Берендей! Будет и на моей улице праздник, назначат охранять взвод обеспечения — я тебя погоняю, буду стрелять из пулемета прямо над твоей толстой задницей.

— Игорек, ну не суетись! Дай людям покушать, а потом подойдешь отдельно, чайку попьем, поговорим. Не нагоняй волну! — И прапорщик Берендей сыто рыгнул, почесывая волосатый круглый живот, выпирающий из-под тельняшки, и, разгладив усы, начал кормить офицеров.

Бодунов уловил тонкий намек на какую-то халяву и отошел в сторону.

Я присел рядом с усталым разведчиком, медленно жуящим кусок хлеба с маслом и задумчиво катающим хлебный мякиш по столу. Грустный, потерянный, рассеянный взгляд. Николай в мыслях был явно где-то очень далеко отсюда.

- Коля, что случилось? — спросил я, слегка подталкивая лейтенанта.
— А? Что? М-м, я сегодня чуть не убил человека.
— Ну и что? В первый раз, что ли? Сколько их уже на твоём счету?
— Нет, ты, Ник, не понял, почти зарезал человека — нашего солдата.

Как он оказался прямо передо мной? Саперы ушли метров на двести вперед, а я с взводом залег и наблюдаю в ночной бинокль за кишлаком. Вдалеке ковыряются саперы, кишлак спит, и вдруг вижу: прямо метрах в двухстах ползут два «духа». И ползут конкретно, один на меня, а другой в сторону саперов. Я шепчу в радиостанцию: «Сапер — „духи“, сапер — „духи“!» Понимаю: нужно что-то предпринять, стрелять нельзя: близко от кишлака, и не сумеют уйти ребята без потерь. Достал финку и пополз вперед, подрежу, думаю, обоих. Взял чуть правее и подкрадываюсь осторожно к ближайшему. А «дух» сидит как-то странно, наклонившись, спиной ко мне и что-то делает. Я занес над ним нож и потянул руку, чтоб зажать глотку, а он повернулся и поднимает на меня глаза... Свой! Славянин! Меня чуть инфаркт не хватил. Солдат как громко... в общем, ты понял, вонь пошла. Я бы и сам, наверное, обделался. Он сбился с тропы.

— Коля, а если бы был не славянин, а какой-нибудь узбек или туркмен?

— Х-м, тогда, думаю, не сообразил бы сразу и не удержал руку с ножом. Я и так уже мышцы напряг для удара. Какая-то секунда спасла парня. У меня потом руки всю дорогу тряслись, Айзенберг дал пятьдесят грамм спирта, чтоб успокоиться, и промидол вколол, когда сюда пришли. Вот я такой сейчас сижу заторможенный. Я самый счастливый сегодня человек, не взял грех на душу, отвел кто-то мою руку. Может, есть Бог на свете?..

* * *

Вновь комбат построил офицеров и принялся проводить воспитательную работу. Подорожник, словно двуликий Янус, был один в обоих лицах — и комбат, и замполит. Пока мы ночью ползали вдоль границы, он управлял ротами с КП батальона. Чувствовалось, что надвигается «гроза». Василий Иванович нервно прохаживался вдоль строя, крутил, тербил и разглаживал усы, от чего они стали торчать далеко в стороны, будто искусственные. Чистая, отутюженная форма, начищенные туфли, до синевы выбритые щеки, сиявшие румянцем, и даже запах какого-то одеколona.

Мы же представляли собой совсем жалкое зрелище. Лично у меня грязный маскхалат, перепачканный от ночного ползания, разваливающиеся стоптанные ботинки. Я их специально взял на построение у сержанта, во избежание неприятностей с кроссовками. На лице десятидневная щетина, пыльные и грязные включенные волосы на голове с торчащими во

все стороны вихрами, «чернозем» под неподстриженными ногтями. Грязный. Чистые — только лицо, шея и руки. За весь рейд ни разу не попали в полевую баню — не повезло. У других вид был не лучше.

— Товарищи офицеры! В каком вы виде? Это разве пример для подчиненных? Всем помыться, побриться, привести форму в порядок. Никто не удосужился перед построением ботинки почистить! Даю ровно час, затем снова проверяю. Да и личный состав одновременно привести в порядок.

— Чего это он? — спросил я у Шведова. — Белены что ли объелся? Бриться на боевых — самая плохая примета!

— Комбат попал под горячую руку Ошуева, тот на совещании орал, что батальон как сброд болтается по лагерю и позорит полк. Мол, получил орден и можно дурака валять? Пригрозил отпуск «бате» задержать, а ты ведь знаешь, какой наш Герой злопамятный. А у Василия Ивановича уже путевка приобретена в Крым. А тут еще Артюхина нет, начальник штаба батальона — новичок, поэтому комбат за всех крутится. Вот вначале, до вас, меня поймел и приводил в порядок, затем сам брился, а теперь за вас взялся.

— Игорь, ты дуралей, мало тебе одной дырки в башке? Знаешь верно, не хуже меня, что нельзя брить физиономию, куда в полк не вернешься, тем более ты через полгода должен в Союз вернуться.

— Слушай, умник, иди-ка, бери лезвие и выполняй приказ, а я посмотрю, как ты откажешься. Шеф злой, словно раненый медведь, думаешь, ему было легко. Он, когда брился, почти рыдал, хотел выращенную бороду в Союз увезти.

Солдаты принялись бриться и чиститься. В очередь у одной бритвы становилось по десять человек, да им собственно и сбривать-то пока было нечего. Пять волосинок у Свекольниковова, три у Колесникова, гладкие щеки у Тетрадзе. Вот только Зибоев и Мурзаилов мучались по полчаса со своей бурной растительностью.

Естественно, ни я, ни другие офицеры роты одним общим станком пользоваться не стали, а Ветишин со своей редкой светлой щетинкой был не замечен. Ограничились чисткой ботинок, но куда дошли по густой пыли к штабной машине, обувь снова запачкалась.

Арамов оказался хитрее всех, принес щетку и смахнул пыль, стоя в строю, и на подбородке виднелись свежие порезы. Молодец, прогнулся!

— Ну что с вами делать? Сбитнев? Вы можете управлять ротой или нет? В чем дело? — взъярился комбат — Да пока дошли, уже не видно, что чистились, а бриться нечем, — ответил Володя.

— Почему я нашел? Почему у меня х/б чистое всегда в запасе, почему бритва есть? — удивился и возмутился Иванович. — Замполит, в чем дело? Ты вроде бы мой первый помощник в рейде, Артюхин тебя назначал, да?

— Так точно! Но вам, товарищ майор, значительно проще: цыкнули — и Берендей примчался и все принес, а как не принести, попробуй не достать, не приготовить — и вместо Бодунова АГС понесет, — усмехнулся я.

— Разговорчики в строю! — оборвал меня Подорожник.

— Ну вы же сами меня спросили. Я и ответил, ну нет в роте командира взвода обеспечения, а старшина, сами знаете, товарищ майор, в полку должность сдает.

— Ох и мальчишки, ох и зеленые! Сейчас некогда, а позже разберусь и накажу как-нибудь! Поступила команда — выход брони через полчаса. Поэтому быстро собираться и выдвигаться обратно к крепости. Первая рота охраняет тылы полка, взвод Марасканова идет с КП и тылом батальона, вторая рота — охрана полка связи, АГС и разведвзвод сопровождают батарею «Ураганов». Выполнять задачу! Проверить еще раз людей, оружие, подствольники прицепить к автоматам. Главное — никого и ничего не забыть!

Если кого забудем или потеряем, сюда можно вернуться только при проведении армейской операции. Не теряйте никого!

Вот так, как на пожар, в экстренном порядке. А говорили еще об одном десантировании. Что-то не получилось.

Взводы уселись по машинам, Сбитнев вызвал меня и отправил вместе с Бодуновым. Тот о чем-то хотел переговорить.

— Ну, что скажешь, Игорек? — спросил я, усаживаясь на башне.

— Такое дело, я полгода пулемет ношу, — начал издали прапорщик.

—носишь!

— Веду себя прилично?

— В принципе, нормально.

— А почему все командиры ГПВ — старшие прапорщики, а я — просто прапорщик?

— Игорек, честно скажу, пока нет мыслей на эту тему, — почесал я задумчиво затылок.

— Вот! А я хочу в отпуск поехать с лишней звездочкой. Я на Десне раньше служил, там старшего прапорщика получить — это событие вселенского масштаба, и звание давали только «жополизам».

— На Десне? О, я там в восемьдесят втором году на стажировке был. «Дурдом Ромашка» в лесных дебрях. Комдив был Павловский, да?

— Точно! Кличка — Бандит. Рассказываю анекдот, точнее байку. Но на самом деле все это — чистая правда. Нашего комсомольца батальона Бугрима я хорошо помню и знаю, он в соседнем полку служил, может подтвердить достоверность этой истории. Так вот. Полковник Павловский был известная, как бы мягче и поточнее сказать... короче, большая сволочь! Просто зверь красномордый. А когда буйствует, злится, то становится красным, как околыш у фуражки пехотинца. В нашем районе сни-

мали какой-то фильм про красных, белых и зеленых, бандитов и чекистов. А у нас ведь глухомань, развлечений никаких, хотя и рядом Киев, восемьдесят километров всего. Офицеров за пределы гарнизона не выпускают, а членов семей могут выпустить только по письменным разрешениям. Автобус приезжает, а на КПП порой сам комдив пропуска проверяет. И никуда не денешься, личного транспорта почти ни у кого нет. И на радость нам, страдальцам, лесным сидельцам, приезжает на творческую встречу артист Олялин. Рассказ о жизни, отрывки из фильмов, вопросы зрителей, в завершение кино. Все шло гладко и хорошо. Актер у микрофона, на сцене в президиуме комдив и начальник политотдела сидят, улыбаются, головами кивают, культурное мероприятие возглавляют!

Начинаются ответы на записки. Вот кто-то и спросил: «Какие творческие планы, где снимаетесь?» Олялин, не задумываясь, отвечает, что, мол, фильм такой-то, играю в нем одну из главных ролей — бандита Павловского. Раздался легкий смех. Зал забит до отказа, все проходы заполнены. Атмосфера становится напряженная, народ ждет, что будет дальше. Артист понял, что допустил ляпсус и замялся. Командир дивизии краснеет и закипает, начальник политотдела растерялся и не знает, что предпринять. Олялин решил уточнить и внести ясность: «Играю в фильме белогвардейца, бандюгу Павловского». Смех еще более усилился. Ну, он опять поправляется: бандита, полковника Павловского! Зрительный зал грохнул хохотом. Минут десять гомерический смех не смолкал, народ радовался от души. Павловский резко встал, багровый как закат солнца. Стул упал, стол отлетел далеко вперед. Он громко выругался, не глядя ни на кого, вышел из Дома офицеров. Тут же объявил построение дивизии, рвал и метал, а как орал, как орал! А вся дивизия — счастлива! В общем, фильм после выступления артиста смотрели только жены и дети, а мы топтались на плацу. Но после этого самый последний солдат в гарнизоне знал кличку комдива — Белобандит.

Я долго смеялся байке, от души, до боли в животе. Комдив был и, правда, отменный хам и грубиян. Нашу группу курсантов-стажеров встретил с ходу матами и угрозами разогнать всех к чертовой матери. Народ в дивизии старался обходить его стороной, и если где-то территория обезлюдела, значит, там идет Павловский.

— Хорошо, Игорь, что-нибудь, придумаем, будешь старшим прапором! — пообещал я.

* * *

После прохождения техники мимо Алихейля я вновь перебрался на машину к Марасканову. Бронемашина была плотно облеплена пропыленными солдатами. Мое любимое место на башне свободно, и я улегся, положив ноги на пушку и накрыв лицо капюшоном. Клубящаяся пыль окутала

ущелье, местные племена стояли вдоль дороги и напряженно вглядывались в наш гремящий и рычащий караван. Бронемашина, будто маленький корабль, медленно плыла в пыльной дымке, словно в тумане. Ногами на «ребристом» листе лежал и перекашивался с боку на бок Якубов-большой. Дубино дремал позади механика, в башне храпели Савченко и сержант Фадеев. По бортам, держась за автоматы, спали с одной стороны Тетрадзе и Уразбаев, а с другой — Якубов-маленький и Свекольников. Марасканов ругался о чем-то с комбатом, но доказать свою правоту никак не мог.

— Что он хочет? — спросил я, наклоняясь к Игорю.

— Возмущается, что я его бросил и не охраняю.

— Как бросил, его в этом потоке искать все равно, что иголку в стоге сена. Он где-то впереди колонны «Градов» и «Ураганов», а мы сзади. Попробуй их обгони, если эти «монстры» всю дорогу занимают.

— Подорожник вперед рванул, а я его ждал, не двигался, думал, он где-то рядом стоит.

— А зачем ему охрана? Там с ним две БМП связистов, да и он же не один как перст, а рядом идет целая армия, — удивился я.

— Вот придрался и все тут. Он давно меня невзлюбил. Помнишь, еще на стрельбище я его перестрелял на двенадцать очков, а он себя первым снайпером считает в полку, — ответил старший лейтенант.

— Это когда на усы стреляли?

— Ну да.

— Помню, с тех пор я уже месяц не имею право носить усы. Комбату надоели жидкие и жалкие усики отдельных командиров.

Мои усики также попали в этот список. Василий Иванович объявил, что только тот, кто отстреляет из АК-74, как он или лучше, может красоваться с этим предметом мужской гордости.

Я и Афоня набрали на двенадцать очков меньше, Ветишин бил еще хуже, Острогину, как безумному, было наплевать, но он показал одинаковый результат с Иванычем. Грымов на два очка меньше, а Арамов и Пыж на одно. Мелещенко, Луковкин выбили меньше пятидесяти... В итоге с усами остались Марасканов и не участвовавший в стрельбах заменщик Айзенберг. Сбрили свои густые усы даже Артюхин и начштаба батальона! На радость комбату...

— Откуда бывший «комсомол» так хорошо стреляет? — поинтересовался тогда у Игоря майор Подорожник.

— Разрядник по полевой стрельбе в упражнении «бегущий кабан», — ответил Игорь.

— Ну! То есть если запустить в поле Соловья или Берендея, результат будет еще выше? Все пули попадут в цель? — хмыкнул комбат.

— Так точно! В нашем училище огневая подготовка была на высоком уровне. Правда, Семен Николаевич? — обратился Марасканов за поддержкой к Лонгинову.

— Ты прав, Игорь, самое лучшее училище по стрельбе среди общевойсковых.

— Но-но, ленинградцы, не забывайтесь! Вы говорите с выпускником Ташкентского училища, можем поспорить, правда, Арамов?

— Так точно! — ответил Бохадыр, преданно глядя в глаза шефу.

— Вот так-то, наше училище выпускает только орлов! Даже не пытайтесь убедить меня в превосходстве вашей болотной столицы над нами, нарветесь на неприятность, товарищ Марасканов.

С той поры Подорожник и заимел большой зуб на Игорешу, от зависти, наверное...

* * *

— Ну что вы ругаетесь? Что ему надо? Никак не успокоится! — возмутился я непрекращающейся перепалке.

— Ник, комбат пытается определить наше местонахождение, где и за кем идем. Говорю, впереди два наливняка, бензовоз, сзади два «кунга». Черт его знает, чья это техника.

— Орешь, совсем не даешь уснуть. Пойду-ка я в десант кемарить, может, удастся задремать.

— Не боишься подрыва? — задумчиво посмотрел на меня Игорь.

— Ну какой подрыв, если впереди ползут, как стадо слонов, и «Ураганы», и танки, и тягачи. Все будет нормально.

— А выстрел из гранатомета в борт?

— Нет, мне нагадали долгую жизнь. Не будет никакого выстрела. Радуйся, Игорь, что едешь со мной. Это значит, я помощник твоего ангела-хранителя. Довезу до самого Союза.

— Ох, сумасшедший! Псих! Если что-то случится, я за тебя отвечай потом, — возмутился Марасканов.

— Чего? Это ты за меня несешь ответственность? Я работаю на боевых за замполита батальона! Следовательно, за меня отвечает майор Подорожник. Так-то вот.

— Ну, если Подорожник, то иди, спи. Одна радость будет: от твоего ранения вздуют комбата, а не меня.

— Вот-вот. Сиди, жди и желай подрыва. В полночь можем поменяться местами, — предложил я.

— Пошел ты к черту. Не хочешь жить — рискуй.

* * *

Я с трудом заснул в душной «жестяной коробке», а часа через три проснулся от раздавшегося недалеко взрыва. БМП притормозила, я попытался открыть десант изнутри, но ручка не поддавалась. Вот черт! Дей-

ствительно, стальная ловушка. Сверху ящики и бойцы, верхний люк не открыть, а у заднего люка защелку заклинило. Я покричал, просунул руку сквозь щель между башней и десантным отделением и толкнул наводчика-оператора.

— Я вас слушаю, — откликнулся солдат.

— Открой дверь, заклинило ручку. Изнутри не получается.

— Да-да, сейчас, как только остановимся.

Мы все не останавливались, и я вновь задремал, да и боец, видимо, заснул.

Утреннее солнце внезапно брызнуло внутрь машины. Кошмарное, неприятное пробуждение. Снилось что-то нехорошее, голова шумела, и меня качало так, что трудно было стоять на ногах.

— Черт побери! Оператор! Ты где? Почему раньше не открыл люк? — рявкнул я, покачиваясь на ватных ногах.

— Почему не открыл, почему не открыл. Ты радуйся, что своими ногами из машины выходишь. Смотри, что впереди творится, — закричал Игорь Марасканов.

Мы осторожно обошли свою бронемашину, следующий за нами бензовоз оказался с оторванным колесом и волочащимся по земле задним мостом. Подорванный автомобиль тащил на сцепке тягач, и вырванная ось вспахивала землю, словно плугом.

— Однако... — вздохнул я.

— Вот-вот! А могло бы и нам достаться. По какому борту мина «итальянка» била? — насмешливо спросил Игорь.

— По моей стороне. Ну что я тебе скажу, Игорек, повезло! Я же тебе говорил: жизнь у меня будет долгая, и мина эта точно была не наша, не мне предназначалась.

— Ты что фаталист?

— Нет, оптимист и реалист. Я уверен в своей счастливой звезде, мне не суждено сгинуть в этой «вонючей дыре».

— Может, за тебя подержаться, чтобы часть твоей удачи и счастья перешла на меня? — спросил Игорь.

— Ладно, подержись, нет, лучше я за тебя, а то ноги затекли и не гнутся.

* * *

— Товарищ старший лейтенант! Тут такое дело... Как бы это... Ну, в общем... — К нам подошел Дубино и смущенно стал переминаться с ноги на ногу, не зная, как начать доклад.

— Короче, Васька, что случилось? — перебил я его невнятное вступление.

— Тетрадце потерял подствольник, — с тяжелым выдохом вымолвил, как рубанул, зам комвзвода.

— Вместе с автоматом? — осторожно поинтересовался я.

— Та ни, с вещмешком.

— Уф-ф-ф... Немного лучше...

— А почему он был в мешке, а не на стволе? — зарычал шокированный Игорь.

— Не знаю. Я этой чурке гаварыл, ня клади, ня сымай. Урода хренова! — ответил сержант.

— Сюда его, быстро! — хрипло выдохнул Игорь и громко заматерился..

Солдат, понуро опустив голову, приблизился к нам, подталкиваемый сержантом, и молча встал, шмыгая носом.

— Тетрадзе, где подствольник? — спросил взводный.

— Не зналь. Я спаль, он упаль, машина качаль, был пыл, всюду пыл, нэ видана ничего.

— Пыл, был, упал. Идиот!!! Я же приказал: гранатометы не отстеги-вать! — закричал разъяренный Игорь.

— Тяжело, автомат тяжело... Она упал с машины.

— Кто она? — удивился теперь уже я.

— Мешок.

— А ты почему не упал? — спросил Марасканов.

— Я за автомат держаль... А вы хотель, чтоб я упаль?

— Хотель! Очень хотель! Лучше бы ты за вещмешок держался. Тетрадзе, ну почему ты служишь в моем взводе? Тупой, самый тупой! — простонал как от зубной боли Игорь.

— Я нэ тупой...

— Ты идиот! Ты самый тупой грузин! Ты самый тупой из грузин в Грузии! Нет! Ты самый тупой в мире грузин!!! Даже не в мире, а во всей Вселенной самый тупой грузин! — прокричал Игорь.

Солдат удивленно и испуганно слушал эту тираду.

— И он говорит: я не тупой... Нет! Ну скажи, Тетрадзе, почему все более или менее нормальные настоящие грузины откупились от армии и дома сидят, а тебя призвали, да ты еще и в Афган попал. Да еще к нам в роту и в довершение всех бед в мой взвод? Тетрадзе, уйди с глаз моих долой. У-у!!! — завыл в бессильной злобе старший лейтенант.

На Марасканова было страшно глядеть. Вся боль и тоска отразились на его лице.

— Тебе плохо, Игорь? Что с тобой? — крикнул я и затормошил его плечи.

— Ничего, пройдет. Ох, и хреново же мне! Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Движок БМП стуканул, нога болит, а теперь еще и этот Тетрадзе. Убил бы собственными руками. Вот чертова ходячая контузия! Тупость грузинская!

Комбат вышагивал вдоль строя роты, посылая проклятия на нас, бес-толковых и безмозглых юнцов.

— Солдаты и сержанты свободны, остаться только командирам. Федарович, ты куда? — одернул прапорщика Подорожник.

— Дык, ведь я не командир, я техник роты, — ответил техник.

— А именно про тебя отдельный разговор. Начнем с тебя. Вышло восемь машин, в строю осталось пять, это что — вредительство? Чем вы занимаетесь в полку?

— Почему пять, все восемь в строю. Все исправны.

— Как это исправны? У одной движок стукнул, у другой коробка, у третьей главный фрикцион. Что по щучьему велению исправились?

— Нет, вот этими золотыми руками, с мозолями, исправлено, — и Тимоха протянул Василию Иванычу черные с вьевшимся маслом и мазутом костлявые ладони.

— И движок?

— Да, заменили. Так точно!

— Откуда он взялся?

— По старой дружбе в армейской мастерской достал. Начальник бронетанковой службы армии был когда-то моим зампотехом батальона.

— Ну ладно, с тобой майор Ильичев разберется. Ты, Бодунов, тоже свободен, поговорим с офицерами.

Когда прапорщики отошли подальше, комбат, нервно шевели усами, принялся орать и брызгать на нас слюной.

— Это развал, катастрофа! Что с ротой случилось? Во что вы ее превратили? Еще и подствольник потерял! Как это случилось?

— Этот болван, Тетрадзе, полгода сидел в полку дневальным после теплового удара, и вот взяли в рейд на свою голову! — попытался вступить за Игоря Марасканова ротный.

— Вы не способны управлять ротой! — рычал Подорожник прямо в лицо Сбитневу, от чего тот стал бледнее снега. — А воспитательная работа, замполит, запущена до предела. Разгоню всех к чертовой матери и бывших десантников и недесантников.

— А при чем здесь это? — попробовал возразить Марасканов.

— Молчать! Бездельники! Убийцы! Вам людей доверить нельзя, вы же их всех угробите! Таковую прекрасную роту загубили! Что происходит? Когда этот развал прекратится? Техник — пьяница, командиры взводов — бездельники, замполит — разгильдяй! — бесновался комбат.

— Кто пьяница? Вы меня ловили? — возмутился сизоносый Федарович, который отошел лишь на пять шагов в сторону и все время прислушивался.

От него и, правда, метра на три несло перегаром. Багровое лицо вы-

зывало желание прикурить от него сигарету или зажечь спичку. Техник продолжал распалаться.

— С-с-свое дело я знаю отлично, я мастер! — начал заикаться от волнения Тимофей.

— В полку с тебя, мастер, и с других виновных за выведенный из строя двигатель высчитаем. Хватит в бирюльки играть, что ни технарь, то алкоголик, всех на суд чести отправлю!

Стоявший рядом зампотех батальона Ильичев нервно дышал в сторону и хмурился. Было заметно, что тема разговора ему совершенно не нравится, но он не перебивал Подорожника. Комбат же очень уважал этого старого майора и никогда не мешал его образу жизни.

— А за что высчитаете? У меня новый формуляр, все будет оформлено по закону, никаких претензий не будет со стороны бронетанковой службы. Агрегаты установлены, как родные. Какие начеты? Не будет никаких начетов, — продолжал кипятиться прапорщик.

— Разберемся в полку, идите, товарищ прапорщик. Все прапорщики свободны, уходите от греха подальше! Принимаемся за офицерский состав. Где подствольный гранатомет? Молчите? Почему он был в мешке? Почему на машине вашего взвода движок загублен? Работать надо! Это все ваше комсомольское прошлое, товарищ Марасканов. Взводом командовать и воевать — это не на комсомольских собраниях болтать!

— Да что вы все тычете меня этим комсомолом? Я, между прочим, за время службы в десантной роте и спецназе много «духов» завалил, а вы только и знаете — форма, порядок, комсомол... Привыкли тут к показухе!

— Что? Да я вас...! Да ты... Уф-ф-ф, — тяжело задышал, дергая усами, комбат. — Убийцы! Ты не «духов», ты мирных дехкан убил! Один бывший десантник — спецназовец Тарчук — всех подряд стреляет, другой, тьфу ты черт, — плюнул комбат со злостью на землю... — Ужас! Я с вами еще разберусь! Ох, разберусь! Что творится на свете, как жить? У меня сыну десять лет, через восемь, предположим, ему идти в армию, закончит еще через четыре года училище, и к кому он попадет? Ростовцев — начальник политотдела? Грымов, Марасканов, Ветишин, Острогин — командиры полков? В эти руки я отдам своего сыночка? Загубить свою кровиночку?! Нет, ни за что! — рисуясь, воскликнул Василий Иванович.

Наше моральное уничтожение шло к завершению. Офицеры батальона сидели за обеденным столом походной кухни и покатывались со смеху. Бесплатный концерт, театр одного актера.

— Меня успокаивает только то, что есть приличные молодые офицеры, и я надеюсь, Арамов к этому времени уже будет комдивом, — рявкнул комбат и продолжил: — Третья рота! Вы только не обольщайтесь на свой счет! Если вместо Никифора на должности начпо окажется Мелешенко, это будет самый худший вариант.

— Товарищ майор, а как вы оцениваете мои перспективы? — попытался пошутить Шерстнев.

— А твои, экс-разведчик, перспективы еще хуже. С ужасом смотрю и на вас с Афоней, и на всю вторую, и на третью роту. Мальчишки, неумехи. Бедная наша армия. Что с ней будет? — продолжал охать и вздыхать Василий Иванович. — Обедать и к личному составу, приготовиться к маршу!

— Товарищ майор, — обратился я к комбату, двигаясь к кухне, — вот вы срамите нас, ругаете, позорите, но мы ведь не знаем, какая была у майора Подорожника молодость. Бурная — по кабакам и девочкам или вся в службе — полигоны, учения, занятия.

— Ну ты нахал. Ты на мое лицо в глубоких морщинах и на седую голову в тридцать четыре года взгляни. Сразу все станет ясно!

— А что, водка, девочки, папиросы накладывают еще более сильный отпечаток, чем суровые служебные будни, а можно все совместить и делать хорошо одновременно, — попытался сгладить ситуацию шуткой Лука.

— Гы-гы, — хмыкнул Шерстнев.

— А ты, экс-разведчик, лучше бы не смеялся в этот раз. Ну что ты собой представляешь как командир? Ни серьезности, ни требовательности, ни выучки нет. Кто разведзвод развалил, а? Не обижайся, но с мозгами тоже проблемы, не лезь в чужой разговор.

— Да я так, ничего, молчу!

— Правильно. Помалкивай и ступай к роте. Не зли меня! Теперь, что касается вас, первая рота. Считаю, что вы, Сбитнев, до роты еще не доросли! Ростовцевым и Острогиным я займусь после отпуска и гораздо плотнее, думаю, что-то сделать для их воспитания пока не поздно. Что касается Марасканова, то заменщика воспитывать — бесполезная трата времени. А насчет Ветишина, хм-хм, назначить, может, его командиром роты, как самого неиспорченного? Пусть воспитывает Острогина, Ростовцева и Бодунова?

— Интересная мысль, нестандартный ход, очень даже может быть получится. Кто еще не командовал первой ротой, — пробурчал я с сарказмом.

— Вы мне весь будущий отпуск испортили! С каким настроением я буду отдыхать? Разве можно батальон на полтора месяца оставить без моей отеческой опеки? Ох, хлопцы, беда с вами! Семен Николаевич, ты уж не подведи меня, не опозорь! Дай отдохнуть спокойно!

— Василий Иванович! Все будет хорошо! Положитесь на меня! — гаркнул Бронежилет, словно из пушки выстрелил.

— Тяжело тебе будет.

Зампотех не сегодня, так завтра заменится, Артюхин вечно болеет: малярия или простуда, а теперь язва желудка приключилась. Третий замполит с воспалением хитрости. Ростовцев, вас что, уже в училище обучают сачковать?

— Не знаю, я выпускник другого училища. У Миколы спросите. Это его «бурса» — ответил я.

— О, Николай — крупный специалист по халтуре! Думаю, что если выбирать из таких «специалистов» заместителя, то он — кандидат номер один. Куда ни кинь, всюду клин. Митрашу уехал, Жилин, Шведов и Луковкин вот-вот заменятся. Им на смену приходят совсем желторотые юнцы. Опять учи вас и учи. Я уже устал быть командиром и воспитателем в одном лице.

— А никто и не просит, — тихо прошептал Пыж. — Надоел!

Я встретился взглядом с ним и улыбнулся. Первый рейд, когда Николая не втаптывают в грязь, а, наоборот, гладят по головке. Он же относится к этой ласке очень осторожно и с подозрением. Не привык.

* * *

Возвращение в Кабул отложили на сутки, дали возможность заправиться, обслужить технику, отдохнуть. Острогин лениво и с отвращением запихивал в себя пригоревшую кашу.

— Берендей, ты когда научишься готовить? — крикнул я и бросил ложку.

— Не нравится, не ешь, — буркнул прапорщик.

— Эй, милейший, не забывайся! Если ты носишь тушенку и жаркое в санитарку к комбату, это не значит, что можно грубить офицерам.

— Подумаешь, фон-барон нашелся. Жуй сухпай, если не устраивает работа полевой кухни. Готовим, как умеем.

— Я тебе сейчас твое толстое рыло помну! — заявил Сергей и вышел из-за стола. — Ты в горы хотя бы раз пойди, жопу разомни, брюхо растряси, а потом будешь тут высокомерно разговаривать с офицерами.

— Эй, старший лейтенант, успокойся, не то будешь иметь дело со мной, — подскочил к Острогину Соловей, тесня его толстым брюхом.

На шум к кухне заспешил из санитарки зам по тылу.

— Ого, «три толстяка»! — усмехнулся Афоня. — Ну, сейчас устроим корриду. — Жиртрест, успокойтесь, а то мы вам кости помнем и в котел засунем для навара.

— Вот тогда и поедем с удовольствием, — засмеялся я и потащил Серегу за руку подальше от Берендея. — Серж, не связывайся, все равно в дураках останемся, крайним будешь.

— Ресторан закрыт, раз не умеете себя вести! — закричал Головской. — Соловей, выключай освещение! Только драки мне тут еще не хватало. От первой роты одни неприятности и шум.

— А ты бы лучше сел за стол и кашу вот эту съел. Жаркое все горазды жрать и не давиться. Для пятерых за счет всего батальона готовим? Уже по швам скоро треснете.

— Пошли вы все на... — буркнул Головской. — Берендей, первую роту больше не кормить, выдать сухой паек.

— А третью роту? Я тоже желаю морду помять некоторым! — поднялся из-за стола и распрямился двухметровый Луковкин.

— И третью тоже не кормить!

— Правильно! Пусть питаются комбат и прихлебатели, — поддержал бунт минометчик Прошкин.

Соловей выключил свет, и мы сразу остались в кромешной тьме.

— Черт, теперь свою броню не найдешь! Не заблудиться бы! Твою мать! — грязно выругался Афоня и упал, запнувшись за лавку. — Берендей, вруби свет, а не то, ей-ей, твой тыл будет «отметелен»!

— Допивайте чай и расходитесь, через пять минут отключу — распорядился Головской и побежал трусцой к комбату, наверное, закладывать.

В двух шагах от кухни было темно, хоть глаз выколи. Луна не взошла, чернота обволакивала нас со всех сторон, словно у природы закончились все краски, кроме черной.

— Черт, не сломать бы ногу! Почему я фонарик не взял? — возмущался Острогин, осторожно выбирая дорогу.

— Главное — в дерьмо не залезть, а то кроссовки не очистить.

«Гав! Р-р-р», — раздалось прямо возле моих ног, точнее выше колен, и одновременно клацнули крепкие клыки.

— Б...! — только и успел я вымолвить, высоко подпрыгнув и отскакивая назад. Собака, натянув цепь, рвалась и рычала, пытаясь достать до моего ценного хозяйства.

— Ни хрена себе собачка! — произнес Сергей. — Ненавижу овчарок, съест и не подавится. Чуть, Никифор, яйца тебе эта скотина не оттяпала. Смотри, зубы как мясорубка, один фарш остался бы! Майонеза добавить — и деликатес готов!

— Овчарка — не самое страшное, вот встреча боксером, это верная смерть. У меня в детстве боксерчик был, молоденький, так он трех овчарок порвал. Они, глупые, думают, если большие ростом, то сильнее всех собак! А боксер на холку прыгает и душит. Я вообще предпочитаю кошек: мягкая, мурлыкает и не лает.

— Уйди, уйди, скотина! Дай пройти, мы свои, собачка, хорошие, добрые, мы не кошки! — ласково попросил Серж. — Ты русский язык понимаешь или нет?

— Хрен с ней, пусть лает и глотку себе надрыгает. Видишь, поводок крепкий, не сорвется, давай обойдем ее, — сказал я.

— Ну ладно, гавкай себе, миноискатель ходячий! Чего на нас взъелась, врагов нашла, гадина! Ду-у-ура! — передразнил собаку Серж. — Чья это тварь интересно?

— Наверное, саперный батальон дивизии, а может, Чарикарский полк. Нам бы в каждую роту по такой псине!

Ну вот и путь-дорога обратно. Все те же сгоревшие остовы машин и танков, а рядом развалины кишлаков и отдельных хижин. Стеллы и памятники, словно напоминание об опасности, грозящей из-за каждого пригорка, из любого виноградника. И снова пыль, пыль, пыль. Сколько я уже ее пропустил сквозь свои легкие и выплюнул обратно.

Вот и Кабул! Снова улочки-закоулочки, трущобы, мальчишки с рогатками, «барбухайки», повозки — родные места.

* * *

Подорожник рычал на меня минут пятнадцать, и я думаю, в конце концов, он уже забыл причину из-за чего начал разнос. Он раскалялся и раскалялся. Усищи шевелились и подергивались в такт ругани. Ну чего орать, я и сам все понимаю, а что делать, нет у меня другого х/б.

— Новые постиранные брюки кто-то спер из умывальника, а старые выцвели до белизны и стали короче сантиметров на десять. Да и каблуки туфель стоптались до подошвы, так ведь куплю, как только в магазине мой размер появится, — оправдывался я.

Вечером вернулись в полк, а утром строевой смотр. Опять же: тельняшка, а не майка почему? А потому, что так удобно. Кавун вообще носил цветную футболку, несмотря на запреты. Эх, Ваня, когда я к тебе попаду в гости?

— Товарищ майор, ну что вы из меня жилы тянете? Я скоро сбегу из батальона куда-нибудь! Надоел он уже мне вместе с вашим террором.

— Что? Я тебе сбегу, сопляк! Ух ты, разгильдяй! Батальон ему не нравится, устал он!

— Это я от вас устал.

— Этот батальон тебе за восемь месяцев орден сделал, в настоящего офицера превратил! Я тебе покажу, как разбрасываться коллективом! Иди и подумай над тем, что ты говоришь! — комбат брызгал слюной не переставая.

— А что за орден, о котором вы говорили, товарищ майор? — нахально поинтересовался я.

— Ордена пришли в дивизию, говорят, твоя фамилия в списке присутствует, вот так-то! А ты говоришь: комбат не нравится, устал!

— Василий Иванович, а Серега Острогин и капитан Кавун награждены?

— Всему свое время, я и так проболтался, сюрприз не получится теперь. Иди, работай.

Глава 8

Упала первая звезда

Запыленные, чихающие, со слезящимися глазами, я и Марасканов брели в казарму.

— Теперь комбат меня съест в сыром виде, без соли и перца. И зачем я ляпнул про убитых «духов»? Думал сбить с него патетику, а получилось хуже некуда, — вздыхал с грустью Игорь.

— Да не переживай, скоро уже домой, не принимай близко к сердцу, пошел он к черту, — успокаивал его я, как мог. — А ты что, правда, много «духов» грохнул?

— Ай, какие подсчеты! Может, три, может, пять, я ведь первые полгода командиром взвода в «десантуре» был, пару раз в засады попадала рота, пару раз «духи» на нас нарывались. После моих очередей некоторые падали, а убил или ранил, хрен его знает. Мог и пятнадцать сказать — это для красивого словца, громко звучит.

— Теперь точно звучит. Еще как, теперь ты личный враг «Чапая», убийца и мародер. Он «десантуру» на дух не переносит, не знаю почему, может, где по шее навалили? Попал ты, Игорек, под горячую руку, а он хотел тебе наградной на орден после рейда оформить. Подорожник теперь умер, но не пропустит представление, обязательно бумаги порвет.

— Вот черт, дернула меня нелегкая за язык.

— Не переживай, может, что-нибудь придумаем. Комбат на днях в отпуск уезжает, вот тогда и посмотрим, что предпринять.

* * *

На следующий день в полк приехали артисты столичного Театра сатиры. Большой концерт подходил к завершению, когда «пани Моника» взяла со столика бумажку и произнесла:

— Эту песню я хочу исполнить в честь офицеров, награжденных орденами Красная Звезда: Острогина, Ростовцева. Встаньте, пожалуйста, ребята! Поздравляю вас от всей души!

Мы с Сержем встали, смущенные и красные как вареные раки. Очень внезапно все произошло. Оказалось, нарочный привез сегодня пакет, вот командир полка и сделал нам приятный сюрприз.

Артистка спела еще пять песен, сплясала, поздравила других ребят, концерт плавно перешел в торжественное мероприятие по награждению. Командир полка вручил ордена, медали, а когда подошла моя очередь, «батя» лично сам прикрутил орден на х/б, крепко пожал руку, обнял, расцеловал и потрепал по плечу.

— Молодец, так держать!

— Служу Советскому Союзу!

— Всем награжденным фотографироваться, собраться у клуба! —
скомандовал Мусалиев (он же в народе Муссолини).

Сергея гордо расправил плечи, сделал величественную осанку, но я пихнул его в бок.

— Острога, будь проще, меньше напыщенности.

— А сам-то как павлин-мавлин! Сияешь как новый медный пятак.

— Почему пятак? — поинтересовался я.

— Потому что на рубль не тянешь. Не мешай торжествовать и радоваться, может, больше такого события в моей жизни не будет, — огрызнулся Серж.

— Ага, как наградные на тебя за месяц переписывать четыре раза к ряду, так я, а как праздновать, то тебе уже и не мешать!

— Ну хорошо, можешь присоединяться ко мне, но делай умное лицо. Если сумеешь, — улыбнулся Сергей.

— Я-то сумею, но вот ты сегодня сможешь ли раздобыть водку и закуску?

— В девятнадцать часов? По двойной цене! Ты с ума сошел! — воскликнул взводный.

— Тогда беги в дуکان у штаба армии или проси дежурную машину, там в два раза дешевле.

— Прекратите болтать, мешаете фотографу! — рявкнул Ошуев.

— Уже прекратили, — эхом отозвались мы.

— Замечательно, все свободны, за фотографиями подходите к начальнику клуба через неделю, — распорядился замполит-2 Мусалиев.

— Поздравляю, мужики! От всей души! Но что за дела, у всех подчиненных ордена, а где мой орден? — возмутился Сбитнев.

— Награда еще найдет героя. За дырку в башке обязательно награждают. Вот если попадет в задницу, то правительство еще подумает, а выбитых шесть зубов того стоят, чтоб орден дать, — успокоил я командира.

— Хорошо, если так, спасибо на добром слове, за это обеспечу закуску. Ник, пошли на продсклад, начальник склада со мной на Дальнем Востоке служил. А насчет зубов, ты представляешь, какой парадокс, если бы еще один выбило, то комиссовали бы. Шесть снесло — служи, а семь — уже инвалид!

— Вот черт! Знать заранее, я бы тебе седьмой зуб там, в развалинах, расшатал и выдернул. Одним больше, одним меньше, — хмыкнул я в ответ.

— Себе выдерни, развыдергивался.

— Протезировали-то бесплатно? Челюсть золотая?

— Бесплатно, но не золотая, а с напылением. А за мучения во благо Отечества могли бы, конечно, герою войны и раскошелиться на золото, — вздохнул, скривившись от нехороших воспоминаний, Володя.

— А пить и жевать уже не больно? — поинтересовался Ветишин.

— Не больно, а водка особенно полезна, она только дезинфицирует раны старого воина, — улыбнулся ротный.

Мы подошли к закрытому складу-ангару, и Володя принялся тарабанивать в дверь и орать:

— Кладовщик! Васька! Отворяй ворота, пройдоха. Чем быстрее откроешь, тем меньше возьмем.

Дверь с неприятным скрипом открылась, и на пороге появился прапорщик в расстегнутой гимнастерке, почесывающий большой, толстый живот.

— Привет. Чего такой потный? — усмехнулся Володя. — Коробки с тушенкой спрячешь по углам?

— От таких, как ты, пожалуй спрячешь! Здорово, брат! Давно вернулся? Болтали, что тебе полголовенки снесло, а у тебя все на месте. Может, другую голову снесло, что между ног? — И они принялись сжимать друг друга в объятиях.

— Нет, та цела, все нормально, два месяца дома проверял на прочность и эластичность, — хмыкнул ротный.

— Эластично? — заржали я и Ветишин.

— Да, только вот приходилось все делать по ночам, чтобы жену не пугать! Потому что скобы стояли на челюстях, и мое лицо было постоянно со страшным звериным оскалом. Ужас!

Прапорщик мялся на пороге, не желая впускать толпу офицеров.

— Мы чего к тебе пришли, дело у нас, неотложное, — Сбитнев начал продвигаться в глубь склада, тесня Василия.

— А ко мне просто так поболтать не ходят, всем что-то нужно. Корыстные вы, — ответил прапорщик, пытаясь сопротивляться из последних сил.

— Васька, ты из себя ангела бескорыстного не строй. Никифор и Острогин ордена получили, а закусить нечем. Паек в рейде съели, старшина должность сдает, все выпил, гад, и сожрал.

— Идите к Берендею, он остатки не сдал еще, а я никому ничем не обязан.

— К Берендею нельзя, мы ему и Соловью чуть физиономию в Гардезе не намяли. Они сейчас в обиде — ничего не дадут.

— Правильно сделают, не плюйте в колодец, где водицы еще пригодится напиться. Ладно, заходите, так и быть, чего-нибудь соберем, — прекратил сопротивление и смиловился кладовщик.

В ангаре стоял полумрак, и только у стойки с документами светила ночная лампа. Возле нее скакала в тельняшке и с ошейником на шее небольшая обезьяна, привязанная цепочкой к стене.

— Это что за чучело? — удивился я.

— Сам ты чучело. Это Аркашка! Макак! Настоящий мужик! На, сволочь, успокойся, — и Василий засунул окурочек в пасть животному.

Обезьяна судорожно сделала две затяжки, быстро успокоилась и принялась курить с наслаждением, что-то по-своему бормоча себе под нос.

— Ни х... себе, — крикнул Ветишин.

— Это что! Сейчас спектакль будет, специально для вас. Аркадий Михалыч, пить будешь? — поинтересовался прапорщик.

— Угу-уху, — запрыгало и заверещало, обрадовавшись, животное.

— Вот ведь, скотина, все понимает. Водку обожает больше, чем фрукты, а коньяк почему-то не любит, не пьет, — заулыбался Васька и погладил зверя по голове.

— Откуда он у тебя? — спросил Володя.

— Полгода назад разведчики привезли из Джелалабада. Поначалу трескал только апельсины, яблоки и бананы, а теперь жрет все подряд. Голод не тетка, где я ему бананов наберу? Пьяница стал ужасный. Если выпиваем и ему не наливаем, драться лезет, а как напьется, песни свои горланит. Курить научился, окурки ворует.

— Прямо как человек, наверное, Дарвин был прав, мы с обезьянами имеем общего предка, — засмеялся Володя.

— А почему Аркаша? — удивленно поинтересовался я. — Что-то очень знакомое имя, есть ассоциации с кем-то.

— Так ведь начпо Севастьянов Аркадий Михайлович! Он как-то про-верить склад заявился, увидел его и гладить полез. Аркадий этого не любит, тяпнул за палец. Начальник спрашивает: как зовут? Я брякнул, что Аркаша, и чуть язык не проглотил. Шеф сморщился: как-как, почему так назвали? Не понравилось... Мы стали его убеждать, что не Аркаша, а Алкаша. Созвучно, мол, слышалось. Все равно не понравилось полковнику. В итоге объявил выговор за курение в помещении на рабочем месте, говорит, что какой-то приказ был министра обороны пару лет назад.

— Инфаркт не хватил моего шефа, когда макак его за палец укусил? — спросил я.

— Вроде живехонький уехал, да еще коробку тушенки и сгущенки с собой прихватил. Но выговор записал в карточку.

Мы посмеялись. Прапорщик расщедрился и предложил:

— Ребята, давайте бахнем по сто грамм за вашу удачу, и за твое, Вовка, возвращение!

Василий разлил по французским стаканам спирт, достал банку огурцов и Ветишин произнес:

— За замену! Чтоб вернуться всем живыми!

— Вздрогнули! — выдохнул Вовка и громко крикнул. — Чего даешь на закуску?

— Банку тушенки, банку килек и банку лосося, сало в банках, огурцов вон в бочке набирайте и пару банок салатов.

— Вот так да? Начальству целую коробку, а нам по банке... Не густо, на десять ртов.

— Всем давать, так на халяву весь полк сбегится, мне что прикажете, склад настужь распахнуть? Скромнее будьте. Меньше ешьте, больше пейте, скорее свалитесь, тогда точно на всех хватит. Сейчас еще кто-то от комбата Папанова должен подойти, он тоже «Звезду» получил, и Скворцов-танкист звонил. Бери, что дают, и уносите ноги. Считаю до трех.

В этот момент обезьяна допила из чьего-то стакана остатки спирта и пришла в необычайное возбуждение. Она принялась швырять вилки, стаканы, перевернула пепельницу.

— Аркашка, скотина, алкаш проклятый, пошел вон, — заорал прапорщик и дал макаку звучную затрещину.

Макак обиделся, заскочил на жердочку и принялся оттуда плевать, корчить рожи и пронзительно орать.

— Заткнись, скотина, больше не налью! — пожурил макака Василий и кинул ему банан.

Тот схватил его и моментально сжевал.

— Больше корми зверя, а то, не закусывая, сдохнет, — сказал на прощание Володя. — До свидания, Василий! Покудова, Аркаша!

— Уа-ха-ха! — заверещал зверь и бросил в нас от избытка чувств пустую банку.

* * *

Три бутылки водки и бутылка коньяка, купленные по дешевке по двадцать чеков в дукане, быстро подняли настроение. На огонек заглянул Бронжилет, оставшийся старшим за убывшего в отпуск комбата. Лонгинов плавно перемещался по всем ротам. В третьей был его кабинет, и он начал движение оттуда. Там орден отмечал старшина, а во второй — взводный. Теперь добрался, наконец, и до нас. Язык у него уже сильно заплетался, щеки пылали, но держался зам комбата еще довольно бодро.

— Товарищи офицеры, хочу поздравить в-вас от себя лично, от лица к-комбата и лиц у-управления батальона, в-вообщем, от всех нас вас! — выдал он многосложную фразу.

— Ура! — радостно прокричал Ветишин и полез обнимать нас с Острогиным.

— Сережка, оставь свои телячьи нежности для женского модуля! — отстранился Острогин. — Тебе, по-моему, пора отчаливать, ступай, а то совсем налижешься и будешь не боеготовен.

— А вам не пора составить мне компанию туда? — засмеялся Ветишин.

— Нам не пора, мы еще не готовы, — ухмыльнулся Острогин. — Да и вообще, я завтра вас покину, к морю Черному отправляюсь, там сами девки в очередь ко мне будут стоять и все бесплатно.

— А я? Когда же поеду отдыхать? — вопросительно посмотрел я на ротного.

— Понимаешь, Никифор, комбат приказал оставить максимум офицеров, мы ведь на полтора месяца уходим в сторону Файзабада, это почти к границе с Таджикистаном. А у нас уже отдыхать отправляются Острогин и Грымов, они все ж на месяц раньше тебя прибыли в Афган. Марасканов останется заменщика ждать, с кем мне идти в горы? С одним офицером? Два взвода мне и один Ветишину?

— А после Файзабада отпустишь? — уточнил я.

— Обязательно! Август будет твой. Замолчали все! Третий тост! — произнес Сбитнев, мы встали и молча выпили за павших в боях.

Лонгинов после этого распрощался, призвав к умеренности, и удалился.

— Теперь, парни, предлагаю тост за коллектив, за бойцов, которые пашут, как в поле трактора, и в принципе у нас отличная рота! — произнес я, и все залпом выпили.

Курящие закурили, некурящие закашляли, понеслась музыка из магнитофона и началась неофициальная часть с байками и анекдотами. За сдвинутыми в бытовке столами сидели уже не только все офицеры нашей роты, зашли на огонек разведчик Пыж и связист Хмурцев. Плечом к плечу теснились рядышком оба старшины (старый Гога и новый Резван Халитов), технарь Федарович и крепыш Бодунов. Отличная подобралась компания.

— Как один из виновников торжества беру бразды правления в свои руки, и первая байка моя! Всем тихо! Прекратите орать! Слушайте! Острогин, что у тебя в служебной карточке? — спросил я Сергея. — Помнишь свой послужной список?

— Пять выговоров и один строгий выговор, и все от комбата и Грымова.

— Молодец! А поощрения? — продолжил я допрос.

— Одно. Орден! Но это ведь не поощрение, а награда Родины! — ответил Серж.

— Точно! У меня ситуация аналогичная, четыре взыскания, из них одно «за попытку срыва партийной конференции» от секретаря парткомиссии.

— Ни хрена себе! — удивился Марасканов. — Как это умудрился? Клуб поджег?

— Да так, чепуха! А еще в тетради у комбата пять или шесть резервных, не перенесенных в карточку. И ни одного поощрения.

— Выпьем за орденосцев — расп...ев! Таких золотых мужиков сгноить пытаются, — рассмеялся Сбитнев. — Может, теперь в вас нормальных офицеров разглядят.

— Вообще, к каждому можно подойти предвзято и растоптать, — усмехнулся Бодунов. — Вот объявил меня комбат пьяницей, и хотя я уже два месяца не пью, он мнение свое не меняет.

— Два месяца? Ты бы еще сказал, что два дня назад бросил, — саркастически улыбнулся ротный.

— Ребята, наши проступки — это чепуха, семечки. Слушайте о том, что на днях узнал в штабе, когда помощником дежурного по полку стоял, — начал я свой рассказ перекрикивая болтающих.

— Тихо! Слушать рассказ замполита, — прекратил застольный шум ротный.

— Кто помнит прошлогоднюю историю о том, как штабные перепутали покойников? — поинтересовался я. — Не слышали? Ну дайте! Дело было так. Служили два узбека в третьем батальоне в одной роте, по фамилии, ну скажем, Эргашев, оба рядовые. Однофамильцы. Обоих звали, предположим, Мурат, но отчества имели разные. Одного по папе именовали Махмудович, а другого Махамедович. Из одной области Узбекистана. Но служили парни на разных заставах, в разных взводах. И вот случилась беда: подорвался один на фугасе. В полк сообщили, но связь с заставами как всегда плохая, не поймешь, какое отчество. Вот капитан Шалавин взял штатно-должностную книгу полка и двинулся по списку, натывается на одного из Эргашевых, и принимаются оформлять на этого Мурата «груз-200» по этому адресу. Тело истерзано, поэтому «цинк» закрытый, без отверстия у лица. Сопровождающий привез гроб согласно предписанию. Все чин по чину. Военкоматовские, почетный караул, салют, оркестр, венки, цветы, представители власти, родственники. Мать убивалась, сестры рыдали. Оба бойца были старослужащие, а дембеля обычно перед увольнением письма не пишут.

В общем, приезжает наш похороненный Эргашев неожиданно-негаданно домой. Жив-здоров, а от него все родственники шарахаются. Покойник воскрес! Чудо, святой объявился, или это злые духи его из земли подняли. Шайтан! Родственники в драку лезут, за топоры и мотыги хватаются. Солдат плачет, клянется, что не умирал никогда, мол, произошла какая-то ошибка.

Родственники в шоке, местное партийное начальство сообщает в ЦК Узбекистана, те — в ЦК КПСС. Прилетает в марте комиссия в полк, а разбираться-то не с кем. За командира полка тогда был подполковник Петряник, он уже заменился, замполиты и начальник штаба, комбат — все новые, строевиком уже капитан Боченкин. Командир роты в госпитале лежит раненый, вот замполит роты больше всех и пострадал — служебное несоответствие получил. А за что? Во всем штаб виноват! Наказанные офицеры ведь на дороге стояли и ничего не знали, что гроб с бойцом не по адресу уехал. Разгромный приказ все же комиссия составила, наказали всех подряд, штатные книги просмотрели, наградные проверили. Того живого Эргашева ведь посмертно орденом Красной Звезды наградили. Пришлось наградить посмертно орденом и второго.

Потихоньку тело перезахоронили уже по правильному адресу, в другой район вывезли. Тут-то горе пришло в другую семью. И закрутился скандал по второму кругу. Письма в ЦК, в правительство, через месяц, в апреле,

новая комиссия, в этот раз и штабу дивизии досталось. А в дивизии и комдив сменился, и начпо новый, и начальник штаба только прибыл из Союза.

— А я-то думаю, чего это в третий раз за месяц штатную книгу ротную переделывают, — ухмыльнулся Марасканов. — Оказывается, сверка идет по всей дивизии, не ошиблись ли еще с каким-нибудь погибшим.

— У нас, слава богу, с июля прошлого года ни одного погибшего в роте. Обходит стороной костлявая с косой. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Выпьем же за то, чтобы так было и дальше, — предложил Острогин.

— Стоя выпьем, стоя, — пьяно гаркнул Бодунов. — За продолжение полосы везения!

Встали, выпили, сели, и курящие задымили.

— Старшина, ты когда должность передашь? Что-то вы притихли в уголке, молчите, не докладываете, — поинтересовался Сбитнев.

— Почти все готово, осталась пара дней, дорогой, — заверещал Веронян.

— Гога, много украл-продал или нет? — ухмыльнулся я.

— Ай, замполит, обижаешь как всегда и ни за что! Кто тебя в каптерке пригрел, кофеем по-турецки поил? А? Молчишь? Нечего сказать?

— Ты, Веронян, ты! Но кто нам ЧП с п...измом чуть было не организовал? Опять же ты, Гога.

— Ай, ну что ты все вспоминаешь ерунду какую-то, да и не правда это! И при чем тут я?

— А при том! Кто Бадаляна каптером устроил? Кто Армению в миниатюре тут создал? Теперь вместо Бадаляна другой армянин — Васинян с тряпками бегает. Армянское братство, — с сарказмом произнес я.

— А чем плох Васинян?

— Ничем. Хороший солдат, в меру наглый, трудолюбивый. Знаешь, Гога, почему лично я не возражал против него?

— Нет, не знаю.

— А он в «зеленке» как-то с четырьмя узбеками один схватился. Они со всех сторон на него насаждают, а Васинян не сдается, отбивается. Я из дома на шум выхожу, гляжу, а «ара» во дворе к дереву прислонился, пыхтит, потеет и пулеметом отмахивается от них. Схватился за ствол и лупит их прикладом куда попало: Исакову по хребту, Алимову по башке. Они ему: «Убьем „ара“, а он в ответ: «Я вас самих, „чурки“, перестреляю».

Ну я подскочил, пинка Исакову, Тактогулову по яйцам, Васинян обрадовался поддержке и давай пинать лежащего Алимова. Пришлось моему разбушевавшемуся Ашоту оплеуху и пинка за компанию дать.

— За что? Один, как лев, с четырьмя шакалами бился! Он мне жаловался на тэбя, — возмутился Веронян.

— Для профилактики.

— А что за пид...изм был в каптерке? — поинтересовался Марасканов.

— Игорь, это давняя и неприятная история. Ее замаяли за недоказанностью. Слово одного сержанта против слова другого сержанта. Сержант Плахов остался дежурным по роте, когда мы в «зеленку» за украденными бойцами из второго батальона пошли. Постреляли по кишлаку, убитых нам вернули, возвращаемся, а тут в части переполох. Плахов поздно вечером в особый отдел прибежал и говорит, что его склоняет к сожительству Бадалян. Бадалян дембель, а Плахов полтора года прослужил. Привели их к Петрянику, тот Бадаляна избил и на «губу» посадил, а Плахова в санчасти вначале, а затем в медсанбате от других полковых армян спрятали.

— Правильно! Полгода по госпиталям прячется и в роте не показывается! А может, он все специально выдумал, сачок? — воскликнул старшина.

— Если бы он все выдумал, то заодно и на тебя, Гога, показал бы! А прокурор вам групповуху бы приписал! — ответил я.

— Вечно у вас армяне — «жопники»! Опорочили всю нацию эти замполиты! — разозлился старшина.

— Почему замполиты? Особист и командир полка лупили Бадаляна, а Подорожник на два месяца на гауптвахту в комнату допросов пленных определил. Если бы не захваченный караван с опиумом, мешки туда под охрану нужно было сложить, то на дембель из этой камеры бы поехал твой земляк, — ответил я.

— Врачи ведь проверяли! Все у Плахова цело, не повреждено. Не было ничего, — возразил прапорщик.

— А ты хотел, чтобы у него что-то порвали? Заднюю девственную плевру? Ха-ха, — заржал громко Сбитнев.

— Ну, что вы, в самом деле, издеваетесь, я не это совсем имел в виду. Ай, говорить невозможно серьезно. Склонял он его или не склонял, заставлял или не заставлял — расследования не было! — ответил старшина.

— Если расследование провели бы, то Бадалян сел бы в дисбат, а тебя, старшина, за бесконтрольность с должности вышвырнули бы и из армии бы уволили, — воскликнул я.

— Хватит, ребята, о Бадаляне, а? — тяжело вздохнул Гога.

— Хорошо, давайте расскажу историю, где согласия никто и ни у кого не спрашивал, — приступил к своему рассказу Пыж. — Весной прошлого года украли бойца из соседнего полка с заставы на Баграмской дороге. Вышел солдат к «барбухайке», проезжавшей мимо, остановил ее и попросил закурить, а затем спросил «чарз» (наркотик), предложил поменять его на две пачки патронов. В машине оказались «духи», они ему по черепу — и в кузов, под кучу тряпок. Завезли в кишлак, оттуда в горы, в банду. Фамилию его сейчас не помню, Исаков, Петров или Сидорович — не важно. Важно, что досталось «бойчине» по полной программе. Банда человек двадцать, он у них днем носильщиком работал, мешки с едой, боеприпасы таскал. Вечером наркотиками его «наширяют» и в удобную позу: всех

желающих в банде удовлетворять. Баб у них нет, женщины все по домам, проституток в горы калачом не заманишь. Вот он их и выручал полгода. Педики — гомосеки проклятые! Это у «духов» запросто.

— Не может быть! Не врешь? — искренне удивился Ветишин.

— Чистая правда. Я со своим взводом в ноябре ездил за ним, обменивать на пленных. Собрали всех наших разведчиков на операцию. Отпустили десять «духов» в обмен и в придачу полмиллиона афгани за него дали. Ох и задница у бойца стала, врачи ужаснулись. Мятежники его подкармливали, чтоб выносливым был во всех вопросах. И днем и ночью. Когда нам пленного передали, то это был уже законченный дебил. Совсем дурной от лошадиных доз наркоты, совсем ничего не соображающий. Инвалид войны. Особисты его схватили и в разведывательный центр увезли.

— Что за кайф «духам» от мужика? — удивился Ветишин. — Лучше и прекраснее женщины на свете нет ничего!

— Ай, маладой щ-щ-щеловек, пидарастешь, поймешь, как говорят джигиты! — воскликнул, подняв указательный палец над головой, Сбитнев и расхохотался.

— Мужики, я тоже от этой темы пострадал! — нахмурился Марасканов. — У нас повар повара топором рубанул по башке, за одно только предложение такой любви! Так же начал к парню младшего призыва приставать: давай, да давай! Будешь жить, как король, никто не обидит, а я тебя буду защищать. Поваренок ходил угрюмо, что-то себе думал, а затем обухом металлического топора для рубки мяса сзади по голове как долбанет! Прикрыл его белым поварским халатом и ушел бродить по территории бригады. Дежурный смотрит: повар спит на полу, пнул слегка, а тот и не шевелится, сдернул халатик, а там лужа крови вокруг головы! Одного в госпиталь, в реанимацию, другого на гауптвахту, а затем в психушку. Педик ожил, очнулся и говорит, что ничего не помнит, отказывается от всего. Чем все закончилось, не знаю, я уже к вам уехал.

— Да, дела! Армию от этого могут спасти только публичные дома. Как в старину, за войсками двигаются бордели, а в обозе молодые и красивые маркитантки, — улыбнулся, показав покалеченную челюсть, Сбитнев.

— Циник ты, Вова, — сказал я.

— Не циник, а старый солдат, забывший о любви!

— Выпьем, чтоб с нами такого никогда не случилось, ненавижу я этих голубых! — выкрикнул новый тост Бодунов.

— Это все, еще на раз и надо бежать в лавку. А точки давно закрыты, — вздохнул, заглянув на опустевшую посуду, Хмурцев. — Хорошо сидим в первый раз за полгода, может, продолжим?

— Можно, конечно, но как мы будем завтра выглядеть, — вздохнул Сбитнев. — Орденоносцам простят, а нам? Эх, сейчас только в двух местах в стране пить разрешают много и регулярно.

— Это где же? — удивился я.

— В Чернобыле и на атомных подводных лодках вино регулярно дают. А уж в зоне аварии сам бог велел, — вздохнул Володя. — Вы сбрасывались деньгами на ликвидацию последствий?

— Да, после Дня Победы объявили в обстановке секретности о катастрофе. Собрали со всех по пятьдесят чеков и рублей по сто, — ответил я. — Не хотел бы я там оказаться. Сколько ни пей, а яйца все равнофонить и звенеть будут. Какой ты после этого мужик!

— Сочувствую тем, кто там работает. Давайте за них и расходимся спать, — распорядился командир роты.

* * *

Мы готовились к новому рейду, а заменика Марасканова в последний раз поставили начальником караула.

— Ну, Игорь, ходить тебе начкаром, пока замена не приедет, — усмехнулся я на разводе наряда.

— Посмеиваешься надо мной? — спросил он.

— Нет, завидую. По-хорошему завидую тебе.

— Приезжай в гости, обязательно! В отпуск поедешь и заскакивай. Днем — музеи, вечером — кабаки, оторвемся на всю катушку!

— Ловлю на слове! Договорились.

Пока Игорь «тянул ляжку» в карауле и ничего не знал, к нему прибыл сменщик. Он с трудом втащил в казарму огромный потертый чемодан, раздувшийся во все стороны, со сломанными замками и связанный веревками, чтоб не рассыпался.

— Лейтенант Александр Мандресов. Прибыл для дальнейшего прохождения службы, товарищ старший лейтенант! — представился он ротному.

— Шо, хохол, что ли, Манресо? — спросил Сбитнев.

— Нет, грек. Не Манресо, а Мандресов, — поправил он ротного.

— Грек, греческий или российский? — поинтересовался я.

— Осетинский. Из Орджоникидзе.

— О, Саня, я тоже это училище заканчивал! — воскликнул Ветишин. Почти земляки! Ты, какого года выпуска? Я — восемьдесят пятого.

— А я — восемьдесят третьего.

— Хватит щенячьих восторгов, земляки. Сегодня и завтра принимаешь взвод, и послезавтра уходим на боевые действия за Саланг в район Файзабада. Повезло: с корабля на бал, — ухмыльнулся Володя.

— Дарю тебе, Сашка, маскхалат. От щедрот души. А то поедешь воевать в своем повседневном кителе, — ухмыльнулся я.

Смена караула задерживалась. Уже прошли лишних три часа.

— Что там случилось, не пойму? — злился Володя. — Кто наших меняет?

— Ремонтная рота.

— Вот козлы, и без того времени в обрез, а люди не готовы к завтрашнему строевому смотру. Позвони, Ник, узнай в чем дело!

Я вышел в коридор к телефону, чтобы поругаться с ремонтниками, и тут к казарме прибыл караул.

Ворвавшиеся в оружейку Марасканов и Муталибов были свирепы, как львы. Ну что ж, вопрос с поисками пропавшего караула снят. Я вернулся за стол к бумажкам. Писанины на неделю, а показать нужно завтра.

Планы работы на подготовительный период и во время рейда, да еще по этапам. Конспекты, отчеты, партийная, комсомольская работа... Какие собрания, когда всего пять дней между рейдами. Самое главное — это успеть наградные на мужиков оформить, поэтому я заполняю свои тетради и параллельно двум писарям диктую тексты представлений к орденам и медалям. Фразу одному, фразу другому, лишь бы не перепутать, кому и что диктовать.

— Володя! — обратился я к командиру. — Давай оформим наградной на орден Красной Звезды Марасканову. Боевой мужик, не повезло с этим дурацким начпо бригады спецназа, остался ни с чем. Пять рейдов прошел с нами, в принципе, имеем право, давай за Алихейль сделаем.

— А как быть с Подорожником, комбат, я понял, давно сильную неприязнь испытывает к нему?

— Да к кому он ее не испытывает? Только к «стюардессе» и к любимчику Арамову благоволит, и то потому, что с ним одно училище закончили.

— Ха! Я тоже Ташкентское закончил, но любви и доброты не замечал.

— Как же, а кто тебя на роту поставил? Понятно теперь, откуда протекция! Я думал в свое время, что Лука будет ротой командовать.

— Вот еще! «Чапай» не любит никого выше себя ростом, а Лука вытянулся как каланча. Я же маленький, но удаленький.

— Василий Иванович в отпуск уехал, а Лонгинов препятствовать не станет. Они с Игорем в большой дружбе, земляки-ленинградцы, — продолжал я уговаривать.

— Ну если ты ходатайствуешь и все сделаешь, то валяй. Пиши, ходи, подписывай, пробивай, у тебя это получится. А мой наградной оформил правильно? Много раз переделывал?

— Я и палец о палец не ударил, тебе все дела разбитая челюсть протолкнула. Представление прошло по ранению, без сучка и без задоринки.

— Эх! Челюсть, ты моя «краснозвездная»! — пропел Володя, почесывая щеку.

В канцелярию вошел Марасканов который был вне себя.

— Что случилось, Игорь? — спросил я вошедшего взводного, у которого от злости было лицо пепельного цвета.

— Представляете, во время смены караула пришел Ошуев и принялся

орать, что нет порядка. Потребовал описать недостатки, а этим недостаткам и неисправностям уже полгода. Ну и что же, вы думаете, он наковырял? Нет термометра, разбито стекло, сломана форточка, порван линолеум. Составил акт, начет будет сделан. Обсчитали — рублей пятьдесят получится с кратностью. Ну и армия! Воюешь, а с тебя же еще и высчитывают!

— Это был дембельский аккорд! Вот лейтенант Мандресов прибыл тебе на смену, собирай манатки, сдавай взвод, плной на начеты и на всех начальников. Домой! — ободряюще улыбнулся Сбитнев. — Ставь пузырь за замену!

— А я тебе бумаги на орден оформляю, с тебя еще пузырь! — ухмыльнулся я.

— В Ленинграде, когда получу, тогда и поставлю!

— Заметано! — подытожил я, и мы ударили по рукам.

* * *

— Семен Николаевич! — обратился я к Лонгинову. — Подпишите представление к ордену на Марасканова.

— А почему не к комбату несешь? — удивился Лонгинов.

— Но вы же за него остались командовать. Он через час уезжает. Комбат сказал, что его уже нет в полку, он в пути домой, только со «стюардессы» слезет и сразу на аэродром.

— Не хаами. Будем считать, что сегодня — это завтра, хорошо? — спросил утвердительно Бронезилет. — Подписываю завтрашним числом и неси в строевую часть, завтра в шесть утра отчаливаем. А успеешь оформить? Да еще подпиши у Ошуева: он остался исполнять обязанности командира полка. Филатов с сегодняшнего дня тоже в отпуске.

— Черт! Жалко, что «кэп» убыл, с ним проще было бы. Хорошо всем — одни отпускники! А я с февраля никак не уеду.

— Хитрюга! Ты тянул резину до лета, и самого себя перехитрил. Теперь вместо тебя Грымов и Острогин отдохнут.

— Ничего, август будет мой, — успокоил я сам себя.

Я проскользнул к кабинету Ошуева и стал ждать начальство. Когда он появился, я подскочил к нему с протянутым наградным. Герой взглянул на бумаги и молча вернул, не подписывая.

— Товарищ майор, человек два года добросовестно служил в Алихейле, в Баграмке был. Лонгинов прочел и утвердил.

— А в караульном помещении, знаете, какой бардак был вчера?

— Но ведь эти недостатки полгода переходят по списку, он то при чем? Тем более деньги удержат, два раза за одно и то же не наказывают. Да и орден этот не за караульную службу, а за боевые дают.

— Что-то не вижу логики. Ну ладно, сегодня у меня хорошее настроение, подпишу. Завтра такого шанса у тебя уже не будет. Шагай в роту,

«Фурманов»! Как вы без Василия Ивановича справитесь? Не загубите батальон? Кто замполитом батальона выходит в рейд? Артюхин ведь еще болеет малярией?

— Я и за себя и за того парня! Как обычно в этих случаях, — ответил я.

— Ну-ну, дерзай, — похлопал по плечу меня Ошуев и ушел, на ходу продолжая чтение своих бумаг.

* * *

Куда нас черти несут? Надо по карте поглядеть: где это? Мама родная, маршрут через всю эту многострадальную страну! Так далеко от полка нас еще не заносило.

Глава 9 Тепловой удар

Провожая очередного друга на Родину. А когда моя очередь?

— Игорь, как ты считаешь, встретимся когда-нибудь после войны? — спросил я, прощаясь с Мараскановым.

— Не знаю, что сказать, думаю, еще встретимся, главное — не потеряй адрес. — Он крепко пожал мне руку и обнял на прощание, и я побежал на плац в батальонный строй.

* * *

Это надо же было придумать такую дурь! Вчера был последний строевой смотр, а сегодня прибыла комиссия из Ставки Южного направления, и все по новой. Сытые, одетые в новенькое х/б, пузатые, холеные полковники, скучающе ходили вдоль строя и задавали разные нелепые вопросы, отдавали распоряжения, взаимоисключающие друг друга. Ко мне обратился высокий седой полковник:

— Вы кто, офицер?

Оно и понятно, на маскхалате нет погон и знаков различий, нет и звездочек.

— Так точно! Лейтенант Ростовцев, замполит первой роты.

— А я старший офицер службы ракетно-артиллерийского вооружения. Доложите, сколько в мешках у солдат боеприпасов, сколько гранат?

— В каждом рюкзаке мешочек по шестьсот патронов и четыре гранаты. Еще по четыре магазина в лифчике или подсумке.

— Мало, должно ведь быть не менее тысячи! Почему не все берете, как положено?

— Так ведь еще четыре мины привязываем к мешкам, для миномета,

«муха» каждому, лента к гранатомету или «Утесу». А еще воду надо взять и продукты куда-то положить нужно. И как все это в гору вынести?

— Ну и что вы этим хотите мне сказать?

— А то, что есть предел сил человеческих. На бойцах еще каска и бронежилет, а они каждый второй — доходяга полуголодный. Дефицит веса.

— Вот проблемы с пайком и водой меня не интересуют, а патронов приказываю досыпать до тысячи! Можете, если тяжело, одну-две фляжки воды оставить и не нести! Что стоите? Выполняйте! — проявил настойчивость штабной офицер, видя, что я не тороплюсь исполнять приказ.

— Муталибов, ступай в ружкомнату, носи ящик патронов, будем набивать мешки, — прикрикнул я на сержанта и хитро подмигнул ему.

Только отошел этот начальник, как подошел другой и молча уставился на меня. Я сразу доложил:

— Лейтенант Ростовцев.

Пухлый, губастый полковник ткнул пальцем в чей-то дырявый мешок:

— Почему рваный мешок? Почему сплошные дырки? Сколько лет мешку?

— Свекольников, ты давно мешок получил? — спросил я у солдата.

— Полгода, товарищ полковник.

— А почему он в таком состоянии? Дырка на дырке, весь в заплатках! Неряха! — зашумел начальник.

Солдат растерянно взглянул на меня и взвонного, ища поддержки.

— Дело в том, что он несет в нем килограмм тридцать, вот материя и не выдерживает, рвется, — пояснил я полковнику.

— Что же вы туда набиваете? Он рассчитан на десять-пятнадцать.

— Патроны, гранаты, — начал перечислять я, загибая пальцы.

— Стоп! Стоп! Вы, вредители! Кто разрешил носить патроны в мешке, гранатам там тоже не место. Вам для этого подсумки даны! Немедленно выгружайте. Сейчас же!

Солдаты вокруг засмеялись, и офицер, очевидно, понял, что сказал что-то не то.

— Товарищ полковник! Вот тот, из службы вооружения, только что приказал досыпать еще по четыреста патронов, с ним разберитесь вначале.

— Не умничай, лейтенант! Выполняй мое распоряжение!

— А гранаты куда, в подсумок?

— У вас должна быть специальная разгрузка!

— Но ее нет! Что же делать?

— Получайте на складе! Все выгрузить, лишнее оставить, только паек, белье и воду! — и он скучающе отвернулся.

Черт подери! Командиров рот вызвали в штаб для уточнения обстановки. Стоило только Сбитневу уйти — эти налетели как саранча, а мне отдуваться за него.

На меня грозно надвигался очередной «хлыщ», но я сделал вид, что его не замечаю, и нагнулся вроде как завязывать шнурки. Он переговорил с сержантом Юрой Юревичем и окликнул меня:

— Замполит! Товарищ лейтенант, вы почему не докладываете?

— Виноват, не заметил, шнурки на кроссовках развязались.

— Почему рота не помыта перед рейдом? Вы что творите? Преступники! Где командир роты? — разволновался проверяющий.

— Товарищ полковник, баня не работает, воды нет, я вчера доложил зам по тылу, подполковнику Ломако. Он сказал, что когда водовод построят к осени, тогда и будет вода регулярно поступать, а вчера и сегодня ее нет.

— Виктор Михайлович! — заорал проверяющий, крутанув головой и вытягивая шею в поисках тыловика.

Из-за спин солдат вынырнул Ломако.

— Да, я слушаю! Что опять этот Ростовцев болтает?

— Не болтаю, а докладываю: рота не мыта, потому что воды в душевом павильоне нет!

— Что вы такое говорите! Я ведь с утра послал банщика в батальон, и он дежурным по ротам сообщил, что можно помыться! Прямо сразу после строевого смотра и ведите людей. Ох, разгильдяи, ой, низкая исполнительность! Это же надо такое комиссии сказать: нет воды, зам по тылу не работает! По-вашему тыл бездельничает! Бессовестный. Нехорошо...

— Так что, если я сейчас отведу роту в душ, все помоются? Вода есть?

— Конечно! Конечно, все готово, все работает. — Сделал круглые глаза подполковник Ломако и недовольно покачал головой. — Так ведь и поверят, кто не знает, этой чепухе!

И дружески обняв полковника за плечико, повел его в столовую. Пошедший Сбитнев слышал этот разговор и скомандовал:

— Сложить вещи и оружие на плацу! Оставить по одному охраннику от взвода, строиться в баню в колонну по три. Муталимов, потом заменить охрану. Замполит, веди на помывку людей. Молодец, выпросил воду!

Строй роты бегом переместился к душевой, которая оказалась на замке. Якубов быстро отыскал банщика, но солдат удивленно и возмущенно заявил:

— Да нет, не ходил я к вам в роту. Не было воды и не будет, напор в скважине слабый. Кто сказал прийти?

— Ломако, б..! Морда козлияная, прикрыл свой зад, пудрит мозги комиссии! Скотина! — выругался я. — Рота, кругом, назад бегом марш!

Я надеялся разыскать тыловиков и рассказать все, что думаю об этой подлости, но на плацу меня поджидал еще один начальник, теперь уже непосредственно по мою душу. Офицер политуправления, только его мне и не хватало.

— Где ваш план работы на боевые, лейтенант?

Я с тяжелым вздохом достал из полевой сумки тетрадь.

— Так, хорошо, почитаем, полистаем! Вот это зря написано, сюда нужно добавить о работе с местными жителями, тут формулировка некрасивая, — размышлял он вслух. — Что-то мало мероприятий на месяц! Ну ладно, теперь следующее, где ваши лекции политзанятий и тетради рядового состава?

— Всё в машинах находится. Мы ведь конспекты видим, когда с гор спускаемся, а наверху только индивидуальные беседы без писанины.

— Как так? Занятия должны проводиться в любых условиях! А журналы учета проведения занятий?

— Эти документы остаются в роте.

— Нет, обязательно брать с собой! Где походная ленкомната?

— Вот она, расстилай, Фадеев, палатку.

— Так-так. Планшеты старые, где фотографии политбюро?

— Да за ними не уследить, меняются теперь слишком часто, даже в порку-то портретов нет!

— Плохо, очень плохо. Так и запишем, — и он аккуратно что-то записал в блокнотик. — Что ж, плохо работаете! Даже не пойму, как вас держат на этой должности. Разберемся с вами позднее. — И он отошел ко второй роте.

Там шум поднялся еще больше. Шкурдюк только что приехал из Союза, а роту вернули с застав, и, естественно, никакой документации не было. Прибежал Муссолини и что-то начал объяснять. Затем они ушли к Мелещенко, досталось и Колянчу. А у минометчиков оказалось еще хуже, но тут виноватым был назначен Витя Бугрим, так как Артюхин помогал капитану Степушкину.

Политработник, видимо, был совсем какой-то удивленный, наверное, в детстве «ушибленный пыльным мешком из-за угла», раз требует в горах вести конспекты. Они путают Таманскую дивизию в Союзе и войну в Афгане. Поставили знак равенства между мирной жизнью и боевыми действиями. Официально ведь войны-то нет, следовательно, требования должны быть едиными ко всем.

* * *

Наконец комиссия ушла в «греческий зал» на обед, а войска пошли в парк грузиться на технику и ожидать начала марша.

Есть полчаса до выхода, значит, еще успею отдать передачу домой. Ленка, «кубик-рубик», уезжает завтра в отпуск в Союз, обещала отправить посылку из Ташкента.

Я подошел к женскому модулю, постучал в дверь комнаты, которая от прикосновения со скрипом приоткрылась. Войдя внутрь, чуть не рухнул от испытанного потрясения.

На кровати лежала лицом вниз в тоненьком не застегнутом просвечивающем халатике Афонина подружка, Ленка. Черные волосы разметались по подушке, ноги раскинуты и толстый зад без трусов. Вот зараза, какой соблазн! От нее сильно пахло духами и спиртным.

— Ленка! Лен! Проснись! — толкнул я ее за плечо и слегка шлепнул по голой заднице.

Это не произвело ни малейшего эффекта, никакой реакции. Спит, как убитая! Вот черт, одна и та же мысль закрутилась в чумной голове: раздвинуть ноги, раздвинуть ноги, раздвинуть ноги и... Зациклило. Вот дьяволица! Это же любовница моего друга, как же быть, так нельзя! Но мы сейчас уходим в рейд, могут в любую минуту грохнуть. Может, это будет в последний раз? Пульс участился до ста ударов в минуту, грудь сдавил «лифчик-нагрудник», автомат прилип к руке, мешок на спине стал словно бетонная плита, посылка плюхнулась на пол. Бабы — злые искусительницы, но без них жить совершенно не возможно. За год проклятого воздержания крыша едет, так что и до психушки недалеко. Развернуть, раздвинуть и главное — успеть. Соображай быстрее, решайся, времени-то нет: рота пошла в парк загружаться. Подруга друга, подруга друга. Это обстоятельство останавливало от решительных действий. Все мысли спутались, чувствую — еще минута и чокнусь. Животный инстинкт пересиливал разум. Напряжение достигло предела. А если это мой последний шанс, и потом подорвусь, как Быковский или Шипилов? Оторвет ногу или все хозяйство, как у Семина? Как чертовски не хочется умирать. Я хочу домой! Но еще больше я хочу сейчас вот эту дуреху! Кто настоящий мужик: кто не упустит такой шанс или кто не воспользуется беспомощностью женщины? Спорная ситуация Проклятье! Не убьют, через месяц поеду домой и оторвусь на всю катушку! Е... мать! Пошла ты к черту! Я не удержался и ногтем провел по мягкой и гладкой коже от пятки и до конца бедра, а затем с силой шмякнул по пухлой заднице, которая заколыхалась, словно студень. Это развеселило меня, и напряжение спало. Ладно, пусть Александров пользуется в одиночку. Полуголая дура! Тьфу ты! Дурманящий запах женщины, пьяной теплой женщины... На негнущихся и подрагивающих ногах я выбрался из комнаты. Легче в атаку сходить, чем вот так отступать, пересиливая желание. Эх ты, вояка, чуть не кончил... Могли бы те, кто нас сюда загнал, что-нибудь такое организовать за счет правительства...

В последний раз забежал в казарму и обнялся на прощание с уезжающим завтра в Армению Гогой.

— Никифор! Замполит дорогой! Что с тобой, такой потный и красный? — спросил прапорщик.

— А черт, хотел девку приголубить, валяется, понимаешь, голая и пьяная, ничего не слышит и не чувствует, еле удержался!

— Правильно, не надо. Что толку, она, наверное, как брэнно, а ты же нэ дятел долбить по дэреву.

— Тебе хорошо говорить. Ты уже почти дома, а я на пути в Файзабад, куда путь не близкий и не безопасный.

— Нэ переживай, выбрось из головы, пусть лежит, отдыхает женщина, наверное, сегодня на ней много твой друг потрудился.

— Вероятно, Афоня измотал перед дальней дорожкой.

— Вот видишь, твоя совесть чиста, нэ обидел друга. До свидания, до встречи, обязательно приезжай, нэ потеряй адрес! Коньяк будет литься рекой, шашлык-башлык, долма. Гостем будешь дарагим! Все, беги, а то уедут бэз тэбя! Постарайся вижить и вэрнуться!

* * *

Вторая рота была снята с охранения и двинулась в рейд впервые за полгода. Командир роты Габулов психовал и орал на своих подчиненных, суетился и, чтобы успокоить себя, всю дорогу подначивал и задевал меня, Сбитнева, Жилина. Он все эти месяцы без подчиненных привык сутками спать в нашей комнате отдыха, разжирел, килограммов пятнадцать набрал, пока мы мотались по горам. Только теперь я сумел познакомиться с лейтенантом Серегой Шкурдюком, что прибыл вместо Мелентия Митрашу. Парнишке крупно не повезло: едва приехал, принял должность и сразу свалился с гепатитом в острой форме. Вот теперь выздоровел, вернулся из отпуска после госпиталя и в тот же день в рейд. Еле живой, сине-зеленый, изможденный, но ходячий.

Несколько часов ходу — и Кабул за спиной, промчались мимо Баграмской «зеленки», Чарикара, и впереди виднеется Джабаль-Уссарадж. Отсюда начинается подъем на перевал Саланг. Тут я еще ни разу не был. Вокруг этого знаменитого тоннеля бывали частенько, но всегда на вертолетах забрасывали, и только теперь марш на технике. Ох, и серпантин, ох, и круча! Дорога петляла и заводила армейскую армаду все выше, а в глубокой пропасти валялись остовы сорвавшейся техники. Снова и снова памятники и обелиски. Внезапно сверху раздался шум камней, и над обрывом навис «Урал», но водителю повезло, удержал машину на краю обочины. Не вписался в поворот, занесло. Еще часом позже в ущелье улетает «Камаз» — отказали тормоза. Удачно, что обрыв невысокий, кажется, все живы. А горный подъем все круче и круче. Возле самого тоннеля на вершинах горных гребней лежат снега, несмотря на разгар лета. Я даже замерз, ни свитера, ни буслата не взял. Кто же знал об июньских холодах на Саланге?

В тоннеле еще хуже: темно, душно, загазованно, шумно и почти нечем дышать — сплошная гарь. Двигатели машин в начале пути грелись на подъеме, а теперь перегреваются на спуске. Во время торможения на

крутых поворотах пробки, и техника собирается в длинные плотные вереницы, тарыхтит, ревет и трещит.

Армейская колонна грохочет по провинции Баглан, где ее сила и мощь давно не обрушивались на местные банды. Пыль, пыль, пыль. «Если хочешь жить в пыли, то служи в Поли-Хумри». Вот он, этот город, расстилается на бескрайней пыльной равнине, продуваемой со всех сторон песчаными ветрами. Ровно сутки длился этот переход. Что нам уготовило командование?

* * *

Еда, сон, дозаправка техники, сбор отставших и сломавшихся машин. Я попытался немного почиститься, снял «песочник» и принялся выбивать из него накопившуюся пыль об ствол пушки БМП. Ох, и много же ее набилось за время движения, поднялась настоящая пыльная буря вокруг меня, чем я развеселил Сбитнева.

— Тебя самого об ствол надо постучать, чтобы из легких песок вытрясти! Ерундой занимаешься. Двинемся в дорогу и снова пропылимся, прокоптимся, и будешь грязный все равно.

— А у меня в запасе маскхалат. Сейчас на марше пыль собираю в этом, а в горы переоденусь в другой, — ответил я.

— Хитрюга! А у меня только этот автомобильный комбинезон. Ужасно надоел проклятый песок! Все время на зубах скрипит.

— А на каких, вставных или настоящих?

— На всех. И тело зудит — помыться бы.

— Разбаловался ты, Володя, в госпиталях. Белые чистые простыни, стерильные медсестры.

Нет, я предпочитал докториц, люблю женщин-врачей, особенно чтобы носила очки с тонкой металлической оправой, в этом есть свой шарм! Обнаженная и в очках.

— Что, обязательно, не снимая очки, что ли? Не мешают, не царапают?

— Нет, не мешают, а возбуждают, волнуют!

— А они не запотевают? — рассмеялся я над предавшимся воспоминаниям командиром.

— Балбес, чего же им потеть, не на морозе ведь, девушка сама потела, в Ташкенте ранней весной доходило до тридцати пяти градусов жары. А какая женщина была замечательная!

— Всего одна?

— Чудак-человек! Первое время я лежал в хирургии, сам понимаешь, голова болит, зубов нет, все тело в мелких осколках, которые из меня вынимают. А потенции во мне на шестерых! Я к анестезиологу Марише начал подкатывать, но безуспешно. Расстроился! А посмотрел на себя в зеркало критически — оттуда такое мурло взглянуло в ответ — и осознал, что еще рано, не готовы дамы меня такого принять и ласкать. Прошел

месяц, физиомордия зажила, округлилась, рот начал пахнуть не отвратительными лекарствами, а хорошей зубной пастой и коньячком. Когда попал в стоматологию, то без ложной скромности скажу: пользовался успехом. Успевал на двух фронтах: и дома, и в госпитале.

— Врешь ты все, — рассмеялся я с завистью в душе.

— А чего выдумывать, правда чистойшей воды — разрывался на части! И жена, и врач, и медсестричка. Одно спасало: дежурства у них не совпадали, а со своей Марьей еще проще: всегда мог соврать, что голова болит и ничего не получится.

* * *

— Володя, куда двигаемся дальше? — спросил я у вернувшегося с совещания командира роты.

— Сейчас командиры определяются с очередностью десантирования частей в окрестные горы, — ответил задумчиво Сбитнев. — Край непуганых дураков. «Духи» тут вольготно себя чувствуют, у местного полка сил маловато. Немного попугаем аборигенов. Запасаемся водой, берем сухпай на трое суток — и в путь. В горах, я думаю, лучше будет, чем сидеть три дня на броне.

— Горы высокие. На карте задачу уже видел?

— Еще нет. Через час Ошуев снова соберет командиров и будет уточнять задачи. Сейчас ЗНШ полка в дивизии карты рисует, потом мы на своих картах «яйца» нанесем. («Яйца» в обиходе — это круги с задачами, нанесенные на карту местности.)

— Смотри, Вовка, «яйца» большие не рисуй и слишком далеко не планируй, а то потом свои собственные придется тащить черт знает куда!

— Да я уже и забыл, как это их в горы нести. На больничной койке, дома, да в пивнушке я их полгода использовал только по прямому назначению. В Алихейле все время вокруг техники бродили, высоко не забирались, даже ноги не перетрудил. Как неохота лезть к черту на рога!

— Володя, иди, помой физиономию, хотя бы перед вылетом, а то как папуас выглядишь! Ужас!

— Правильно, пока командиры совещаются, замполиты моются, бельишко трясут, газетки читают.

— А я и тебе захватил парочку, буквы еще не забыл?

— Вот это хорошо, а то зад вытирать нечем, что-то про бумагу я совсем не подумал.

— Твоя задница какую предпочитает: «Правду», «Красную звезду» или «Советский спорт»? Вся пресса трехдневной давности.

— Она предпочитает окружную газету!

— Это почему?

— Бумага самая мягкая, и чтением не отвлекает. Не о чем задуматься

из-за полного отсутствия содержания, и снайпер не успеет подстрелить в уязвимой позе. «Окопная правда» поэтому — самая лучшая пресса для солдата!

— Хорошо, что тебя не слышит член Военного Совета.

— «Члену» от Военного Совета могу лично об этом сказать и о многом другом! В частности, о том, что после тяжелого ранения могли бы и в Союзе служить оставить, а вакантные места предоставлять еще не нюхавшим пороха. Взятки давать не умею, своими связями пользоваться тоже и быть в долгу не хочу, а на законном основании, скажу честно, с удовольствием остался бы в Ташкенте. При этом чем дольше я тут после возвращения нахожусь, тем сильнее ощущаю, какой я дурак, и от этого хочется нажраться до поросычьего визга.

— Вовка, вернемся и нажремся! Орден еще раз обмоем, и день рождения мой подойдет, ну и твоя награда к тому времени подоспеет. Разгоним твое уныние!

— Сколько можно обмывать? — удивился Вовка.

— Так это прелюдия была, остальные роты требуют! Я-то, сам знаешь, не сторонник этого дела. Ладно, побалуемся коньячком, — размечтался я.

— Каким коньячком? Надел ты с этими дегустациями! Водяры, обыкновенной водяры! Только водкой можно нажраться, чтоб забыться. Вино и коньяк — это обман зрения, настоящие русские люди пьют только водку.

— Значит, я не настоящий. Ладно, тебе лично будет водка. Иди, умой рожу, а то к серой бородачке пыль налипла, выглядит как перхоть, смотреть противно, — скривился я.

— Ник, не будь педантом, как граф Острогин, тебе это не идет! Ступай-ка, займи место за обеденным столом для командира, а я, так и быть, пойду ополоснусь.

* * *

Над растянутым между двумя бортовыми машинами брезентом Головской навесил маскировочную сетку, и получилось вполне прилично для полевой столовой. За столом сидел в гордом одиночестве Мелешенко и ковырял ложкой кашу.

— Колян, что ты там нашел? В тарелке тушенка присутствует, или Берендей всю Лонгинову скормил?

— Присутствует. Даже мясо трошки, мелкими кусочками нашинкованы, — ответил Николай.

— Коля, ты в курсе, что мы с тобой почти как братья родные?

— Это как понимать? Подмазываешься зачем-то? Шо нужно, Никифор? Говори прямо. Какой опять подвох?

— Брат, ты мне, самый что ни на есть настоящий! Хотя и не очень любимый. У тебя какая группа крови? — спросил я.

— Первая!

— Резус отрицательный?

— Ну и шо такого, — нахмурился Николай. — Отрицательный — это не значит, шо я отрицательный.

— Да знаю, знаю, сам с такой кровью живу. Первая, резус отрицательный.

— Ну! — напряг извилины Мелещенко.

— Вот те ну. А ты знаешь, «килькоед», что в батальоне только у тебя и у меня такая? Это врач-терапевт сказал. Он анализировал списки возможных доноров и группировал по вариантам — кто кому может помочь.

— Мы шо, только двое таких среди усих офицеров на весь батальон? — удивился лейтенант.

— Сержантов и солдат тоже нет. Есть еще сержант в танковом батальоне, но он переболел гепатитом, быть донором не может, только в крайнем случае.

— Двое на весь батальон! Надо же два чудака на пятьсот человек, — задумчиво и зачарованно повторил Мелещенко.

— Да вот, такой у меня неудачный брат по крови оказался, — засмелся я.

— Пошел ты на...! Тоже мне брат. Орден получил, и что можно насмеяться над другими? Я, может, не хуже тебя воюю, только не лезу на рожон. Почему я неудачный?

— Успокойся, я не в этом смысле, а в смысле — не повезло нам обоим. Человеку с первой групповой минус кровь может дать только донор с такой же кровью. Больше никто!

— Ни хрена себе! — выдохнул хрипло Николай. — Совсем никто? А не врешь? Ты постоянно меня разыгрываешь...

Было заметно, что парень не на шутку перепугался и даже покрылся мелкой испариной.

— Подтверждаю, — присоединился к разговору подошедший к кухне прапорщик, фельдшер медпункта. — Первой минус годится только такая же кровь.

— У меня вторая положительная, — встрял в разговор Соловей.

— Тебе первая и вторая положительные подойдут.

— А если я с четвертой группой? — поинтересовался Берендеев.

— Толстячок, тебе даже мочу можно залить или солярку. Все сгодится, главное, чтобы резус присутствовал, подойдет даже кровь обезьяны Аркашки с продклада, — улыбнулся я.

— Ну ты гад! Так оскорбить, с обезьяной сравнил. Больше не буду кормить. Ростовцев, к полевой кухне можешь даже не приближаться. Вот сволочь! Мне — обезьянью кровь! — разозлился Берендеев.

— Это я в смысле, что тебе повезло, Берендей! Поймал любого — и он тебе донор! Не то что нам с Миколой.

— У обезьян отсутствует резус-фактор, поэтому от них кровь тебе, Берендеев, не годится, — усмехнулся фельдшер Сероиван.

— А первая минус — это кровь всех замполитов, что ли? У Артюхина какая, такая же? — съехидничал Соловей.

— Нет, у него самая обыкновенная, вторая. Не повезло только нам с Мелещенко, — вздохнул я.

— Ну почему не повезло? Будэмо считать, что королевских кровей, — грустно усмехнулся Николай.

Он вдруг перестал есть и задумчиво уставился вдаль. Переваривал, видимо, ошеломляющую новость.

— Ник, а насчет Аркашкиной крови, ее перелить уже не получится. — Заулыбался во всю свою широкую усатую физиономию Берендеев. — Издох Аркашка.

— Как издох? Мы со Сбитневым на складе закуску брали, и он с нами спиртыгу пил, — удивился я.

— Вот и допился, за день до выхода помер. Белая горячка, наверное. Пил ведь и курил, как настоящий мужик! Но за человеком угнаться тяжело, особенно за русским. Не сдюжил. В санчасть понесли, что-то вкололи, но не спасли. Медики ругались, сказали, что загубили прапора обезьяну, печень и сердце за год посадили. Не выдержали обезьяньи органы нагрузки. Ваша рюмка оказалась последней, — хмыкнул Берендей.

— Вот черт! — ужаснулся Соловей. — А какой зверь компанейский был! Все ж таки в каких мы суровых условиях тут живем, скотина и та не выдерживает!

— А ты дозу спиртного уменьши, и все будет нормально. Не хлебайте с Берендеем спирт из кружек, а пейте из французских стаканчиков и доживете до замены, — пообещал я.

— Если пить из мелкой посуды, то у нас фантазии на тосты не хватит. Мы заканчиваем после четвертого, как раз литр на двоих, — ухмыльнулся Соловей. — А так пить вроде за что-то надо, да еще сказать что-нибудь придется. Мы же не замполиты, говорим мало.

— Это точно, вы — тыл! Говорите мало, тащите много, вон какие хари втроем наели! — ухмыльнулся я. — У Головского куртка не застегивается, пузо вывалил, и штаны держатся только на подтяжках. Зеркальная болезнь! «Коки» можно почесать только возле зеркала. Вас это тоже касается в полной мере, — рассмеялся я.

— Слушай, ты, доходяга! Жри, что дали, и отваливай отсюда, — вскричал Берендей обиженно. — Вес ему наш не нравится! Да мы, как сиамские близнецы, специально так подобраны. Толстый, значит, добрый.

— Нет, толстяки в тылу — это признак куцей совести и отсутствия неприкосновенных запасов, — возразил подошедший Вадик Хмурцев.

Этот озорной лейтенант с огненно-рыжей шевелюрой приехал из Союза и сменил контуженого, чокнутого командира взвода связи батальона —

Чичина. Парень был большой весельчак и балагур, никогда не унывал. Пока...

— Еще один умник заявился! Что ни лейтенант, то философ или государственный деятель, — сердито произнес Соловей.

— О чем спор, что за шум? — поинтересовался, присаживаясь, Вадим. — Про толстяков это я так, пошутил. Люблю вас, «большие люди», сам давно мечтаю поправиться со своих восьмидесяти до ста килограммов.

— Мы не спорим, — улыбнулся я. — Мы тут о группах крови рассуждаем. У тебя какая?

— У меня вторая минус, — ответил Хмурцев.

— О, почти как у нас с Мыколой, близок к «голубым кровям». Так к чему я всю эту речь завел, Николай! К тому, чтобы ты знал, что делать в случае моего ранения, а?

— Собирать деньги со всех офицеров роты на твои поминки? — ухмыльнулся Николай.

— Дурак! Себе лучше собери заранее! Ты должен мчаться ко мне и кровь сдавать, и как можно больше, до тех пор пока она в тебе не кончится.

— Ага, чуть что, у тебя Мелешенко — «сельпо», «килечник», «килькоед», а как ранят, то беги и кровью выручай, — возмутился Николай.

— Вот пентюх! Если тебя ранят, я так же примчусь к тебе и помогу! Понятно? — пообещал я Миколу. — Мы — единственное спасение друг друга. Покуда этих доноров найдут, пока кровь доставят — помрешь на одном кровезаменителе!

— Значит, не побрезгуешь моей кровянкой? — обрадовался Николай.

— Нет, приму, даже с почтением и уважением. Мы же, говорю тебе, кровные братья!

— Братьями станем только тогда, когда сольемся друг с другом кровью, на брудершафт. А пока ты для меня насмешник-пересмешник. Все время издеваешься...

— Коля, я же шутейно говорю, почти любя.

— Точно, любя, Никифор говорит, не держит он на тебя зла, Микола, — хитро улыбнулся Сбитнев. — Он прав!

— Да, Николай, ты зря обижаешься, что я тебя высмеиваю и «селянином» называю. Хочешь, эксперимент проведем на эрудицию? Тест. Задаю вопросы, ты отвечаешь, суммируем ответы, оцениваем и сразу подводим итог, — предложил я, подмигивая Володе.

— Во! Опять перемигиваются, подмаргивают друг другу. Наверняка подлость какая-то. Ну, хрен с вами, начинайте.

— Микола, скажи, в каком году была Грюнвальдская битва? — спросил я.

— Грюфальская? Не знаю.

— Грюнвальдская! Она произошла в 1410 году между немецкими рыцарями и польско-литовским войском.

— А Куликовская битва?
— Кажется, в 1270, — ответил Николай.
— Нет, в 1380, это же элементарно, Ватсон. Ну ладно, с историей закончили, — сказал я.

— Слабоват, совсем ни черта не знаешь, — засмеялся Володя. — Колян, я тебя по литературе и искусству буду экзаменовать. Кто такие Ремарк, Пруст, Кафка, Стейнбек?

— Кто-кто — музыканты, кажется!

— Темнота! Писатели, всемирно известные. Значит, с мировой литературой ты знаком слабо, а с советской? — поинтересовался Сбитнев.

— Спрашивай, — нахмурился Мелешенко.

— Что ты читал из произведений Трифонова, Бакланова, Астафьева, Распутина, Булгакова, Стругацких? Ничего? Перейдем к следующему разделу. Знаешь, кто такие: Ренуар, Мане, Сезанн, Матисс, Ватто, Дали?

— Даль?

— Не Даль, а Сальвадор Дали! Не знаешь? Это — художники. А Кандинский, Шагал, Малевич, Шилов, Глазунов? Нет? Это русские советские художники различных стилей и направлений. О музыке и скульптуре можно, я так понимаю, не спрашивать, — продолжал ухмыляться Володя.

Николай сидел, и все больше краснел и надувался от гнева и злости.

— Колян, давай отвечай по географии. Где находится остров Реюньон и чей он? А Каргелен? А столица Египта, столицы Марокко, Аргентины, Таиланда? Уф, какой позор! А с астрономией знаком? Сможешь перечислить по порядку планеты Солнечной системы? Или назови спутники Марса. Я счастлив, что мы оканчивали с тобой разные «бурсы»! — сказал я с улыбкой. — Читай книжки, газеты, а лучше заново учишь в школе. Ну ладно, следующий вопрос. Какое удобрение полезнее для почвы? Чем лучше удобрять землю конским навозом или птичьим пометом?

— Конечно, конским! — обрадовался Мелешенко, не подозревая, что попал в точно расставленные нами сети, и ловушка захлопнулась.

За столом покатывались со смеху Хмурцев и Сбитнев, даже Берендес с Соловьем улыбались, предчувствуя розыгрыш.

— Заметь, Николай, тебе задавали вопросы только на гуманитарные темы! Те, в которых ты должен быть подготовлен. Механику, электротехнику, физику, химию, математику не трогали! — ехидно заявил Володя.

— Микола, не обижайся, но резюме такое: ты не разбираешься ни в истории, ни в литературе, ни в искусстве, ни в географии, ни в астрономии, а только в говне! — подытожил я экзамен.

— Ха-ха-ха-ха-ха, — заржали все вокруг. Особенно громко смеялись Берендей и Сбитнев.

— Гуляй, Мелешенко, просвещайся, — хлопнул Николая по спине Сбитнев. — Подготовившись в рамках школьной программы, подходи на тестирование вновь.

Николай резко встал, отбросил тарелку и ложку, и лавочка с шумом упала на деревянный настил.

— Да пошли вы на... козлодой! — и громко матерясь, он ушел от левой кухни в сторону своей роты.

— Твою мать, жлоб хренов! Сельпо! Я с ним полгода служил, он тупой как пробка, — сказал Сбитнев. — Сильно мы его уели! Теперь неделю будет дуться. Это же надо попасться в такую старую ловушку! Ни хрена не знает, что ни спроси. Проще было поставить другое условие: перечисли все, что знаешь. Я даже ответ сразу угадаю: сало, самогон, гармошка.

* * *

Вертолеты не прилетели, и ситуация резко поменялась: к предгорью на технике, а дальше пешком. Армия окружила по вершинам хребтов несколько крошечных высокогорных кишлаков. Мы, пехота и десантники, в горах, а разведка и спецназ прочесывали хибару за хибарой. Пыль из долины доставала нас даже здесь, да и как ей тут не быть, горы совсем плевые, низкие. Ветер и пыль, вонь со стороны трущоб. И, естественно, запахи нашего солдатского дерьма на горе. За три дня все вокруг, как всегда, загадили, эти «ароматы» ветром гоняло по кругу.

Изредка прилетала авиация, что-то бомбила. По сути дела, мы в очередной раз занимались ерундой. Спали, жрали, гадили. Руководство нас на прочесывание почему-то с гор не спустило, а все лавры достались десанникам и разведчикам. Через трое суток по приказу Ошуева подразделения снялись с позиций и отправились за три горных хребта к площадке десантирования полка.

Что же, пеший марш — это всегда тяжелейший труд, особенно в жару. А тут даже на малейшую тень нет и намека, а на солнцепеке термометр, наверное, зашкаливает за пятьдесят градусов. Если бы еще он был под рукой, смерил бы температуру для интереса, узнать, в каком мы находимся пекле. Идешь и потеешь. Ужасно хотелось пить, но нечего, всю воду выпили за время сидения на высоте. Пока добрались до площадки, я уже еле ноги волочил. А ведь сам иду налегке, только помогаю уставшим бойцам. А каково им? Пулеметный взвод буквально умирал, но умирать некогда. «Марш, марш, вперед, быстрее», — подгоняло нас начальство. Вертушками сразу же перебросили нас на более высокие горы, а воды и продуктов не дали. Просто не успели мы воды набрать. С вертолета выгрузили несколько резиновых двухсотлитровых бурдюков с водичкой, а попить некогда.

Миновали кишлак, и через несколько километров новая площадка для взлета. Вновь при нас бурдюки с водой, и вновь нет времени набирать воду во фляжки. Крутой спуск, метров на двести, вниз по зыбучей почве. Вокруг падают от усталости солдаты: заплетаются ноги, трясутся руки, земля уходит из-под ног...

И тут во мне что-то сломалось. Голова начала отделяться от тела, мозг отключился и прекратил работать, мысли исчезли. Глаза просто фиксируют местность, а ноги двигаются сами по себе. Язык распух, как «грелка», и заполнил собою весь рот, губы обметало солью. Шаг, шаг еще шаг. Впереди по дну ущелья протекал мутный ручеек, наполненный глинистой грязной водой. Солдаты и офицеры, добегаая до него, падали в него плашмя, почти без чувств, чтобы хоть немного сбить температуру тела.

Сбитнев лежал в грязной воде и смачивал голову этой мутью и громко матерился. Я с трудом передвигал заплетающиеся ноги, как смертельно пьяный пропойца, и с разбегу плюхнулся рядом без чувств.

— Суки! Стратеги хреновы! Самих бы сюда в это пекло и без воды! Вставай, замполит! Поднимайся и подгоняй умирающую толпу! — прорычал Володя.

— Ой, худо мне, Вовка, совсем плохо!

— Ничем помочь не могу! Ползи, как можешь, сам еле живой. Опять Ошуев по связи орет, что с той стороны высоты, под горкой бой идет. Срочно нужна помощь. Я налегке пойду с «Утесом» и ПК, все мешки тут бросим. И ты давай подгоняй остальных.

Володя, скрипя оставшимися здоровыми родными зубами о вставные железные, преодолая себя, начал карабкаться на вершину. За ним смогли двинуться семеро: Мандресов, Свекольников с радиостанцией и пулеметики. Взяли только оружие и боеприпасы. Рота лежала в грязи, тихонько стонала и выла. Я чувствовал, что мучительно умираю. Голову сцепило, словно стальным обручем, сердце то колотилось, то замирало. Все мышцы обмякли, стали дряблыми, как у старца. Преодолая бессилие, я поднялся и огляделся: жалкие лица солдат. Некоторые пытались процедить эту мутную бурду сквозь марлю, но лучше она от этого не становилась.

— Царегородцев, хр... х... р... — прохрипел я злобно. — Ты что, гад, гепатит хочешь слоновою дозой проглотить? Вылей эту дрянь!

Солдат посмотрел загравленно на меня, потом с тоской во взгляде на бурюю жидкость и заплакал. Да, тяжело парню, всю жизнь прожившему где-то за Сыктывкарком, в этом пекле. Лицо его покрылось коростами и струбцинами, запаршивило от грязи и солнечных ожогов. Зимой он при плюсе двадцати себя чувствовал хорошо, а сейчас прямо чахнет на глазах от изнурительного зноя. Два солдата лежали совсем без движений: у одного шла пена изо рта, у второго закатились зрачки, и он громко стонал.

— Медик! Медик, где ты? Авдеев! Бегом сюда! — заорал я на младшего сержанта, бредущего вдоль ручейка.

Тот повернул ко мне измученное лицо и, медленно передвигая ноги, начал приближаться.

— Давай скорее, промидол коли, что ли? Наверное, сердечный приступ у Ткаченко и Кайрымова, помогай быстрее.

Я взял у сержанта Фадеева радиостанцию и запросил КП полка:

— Нужна срочно помощь! В ручье пластом лежат одиннадцать наших «карандашей» и шесть «карандашей» Пыжа.

— Где Пыж? — спросил Ошуев. — Где остальное ваше хозяйство?

— Остальные поднимаются на задачу, а тут нужно срочно оказать помощь! Воды совсем нет, не иначе сдохнет кто-нибудь, в том числе и я. Ко мне справа, из-за груды камней, подполз Пыж, бледный как полотно.

— Уф, вывернуло только что наизнанку. Какой-то ужас. Бросили в такое пекло без воды! У тебя есть что-нибудь попить?

— Коля, ни капли! У всей роты пустые фляжки. Медик, спасай скорее народ! — прохрипел я Авдееву. — Васинян, помоги санинструктору стащить этих двоих в ручеек!

Мы принялись поливать грязной жижей, лежащих без чувств солдат, и подтягивать к ручью. Сняли с них мешки, гимнастерки, тем временем с КП прибежал медик, прапорщик Сероиван, и еще один солдат-санинструктор.

— Что тут, товарищ лейтенант, кому плохо? — закричал прапорщик.

— Вот эти двое самые тяжелые.

— Авдеев, ты почему до сих пор пострадавшим не вколол кровезаменитель? — возмутился подоспевший Сероиван.

— Я, у меня, в общем... — начал мекать молодой сержант-медик, бледнее все больше и больше.

— Сержант, что случилось? Объясни толком, — рявкнул прапорщик.

— Да вот, разбились бутылки с кровезаменителем, — тяжело вздохнул Авдеев.

— Как разбились? Что обе? — охнул Сероиван.

— Так точно.

— Ну-ка покажи, что у тебя там, — потребовал прапорщик, а, порывшись в медицинской сумке, внимательно и строго посмотрел в глаза медбрата.

— Почему сумка сухая и осколков нет?

— Выпил, урод долбаный! П...рас, — зарычал Муталибов и ударил в челюсть Авдеева.

— Муталибов, а ну прекрати, — прохрипел я, чуть приподнимаясь от земли на локте. — Иди сюда, Авдеев! Присядь! В чем дело, где бутылки?

Сержант хлюпал разбитым носом и громко плакал, размазывая слезы по грязным щекам.

— Отвечай, подонок! Чего молчишь? — воскликнул я, собрав последние силы.

— Выпил, пить очень хотел, я не могу в такую жару, мне плохо, — принялся лепетать санинструктор. — Воды не было, а я чуть не умер от жажды.

— Сволочь ты, из-за тебя вон те мужики, лежащие без сознания, помереть могут.

— А разве лучше, чтобы я умер?

— Ах ты, подонок, слюняй! — возмутился я. И, подогнув ногу, лягнул его пяткой в пах.

— У-у-у! — взвыл сержант.

— Ползи отсюда, гнида, помогай Сероивану и молись, чтобы никто не загнулся. Если хотя бы один умрет — под суд пойдешь. Пшел вон!

* * *

Черт, прав был «Бандера» Томилин, что когда он уйдет на дембель, то мы еще наплачемся без его чуткой медицинской заботы. Я тогда еще спросил: «И какой черт тебя, Степан, ярого „западенца“, в Афган забросил?» А он мне ответил, что не черт, а глупость и жалость. Я, мол, в Ашхабадскую учебку попал с Украины, с группой земляков поездом ехали, хлопцы нажрались, и капитан, старший нашей команды, начал усих усмирять. «Получив пид глаз и по носу, он прямо взбеленился и сломал двоим парубкам челюсти. На капитана того через полгода, по окончании учебки, эти байстрюки жалобу написали в военную прокуратуру. Дело закрутилось; двое стали пострадавшими, а десять пошли як свидетели. Тильки я и Сэмэн из третьей роты не захотели по судам шататься, клепать на офицера. Нормальный ведь капитан, ребята куражились, нас было много, а он не побоялся — усих успокоил. Конечно, бить и ломать челюсти не гарно, но и они ему два ребра тож зломили. Короче говоря, мы с Сэмэном в незнанку ударились, сказали, шо спали, зморило. Ну и нас в Кабул, а парубков в Туркмению дослуживать отправили. Вот так глупость и жалость, доброта, можно сказать, душевная привели к этим бесконечным адским мучениям, прохождению школы мужества и выживания. Я туточки з вами балакаю, а хлопчики усе, землячки, те давно горилку пьют во Львиве! Ох, и затоскуете без мене, як до дому уеду!»

Вот и сбылось предсказание Степана, ему этот медбрат Авдеев сразу не понравился. Угадал в нем гнильцу, как в воду глядел!

* * *

Мне становилось все хуже и хуже, тошнило, голова кружилась, и я время от времени отключался. Когда приходил в сознание, мозг фиксировал суету вокруг лежащих солдат. К Сероивану присоединились полковые медики Дормидович и Ярко, с ними спустились два солдата из комендантского взвода, принесшие воду.

Вскоре ко мне подошел Муталибов с фляжкой воды. Я сделал три глупых глотка и спросил:

— Гасан, сколько нам водички принесли?

— Двадцать литров в бурдюке и еще в двух резиновых сапогах от ОЗК.

— Хм... по литру на нос, не густо. Она сейчас быстро разойдется.

— Да ее уже почти и нет. Отливали Таджикибаева, Кайрымова, Колесникова, Уразбаева, да и остальные совсем плохи. Даже Бодунов у камушка лежит, с трудом в себя приходит.

— Оставь фляжку и ступай, я сам водой с Игорем поделюсь. Полежав еще десять минут и почувствовав, что уже могу немного двигаться, я переползаниями и на четвереньках добрался до командира пулеметного взвода.

— Ну что, Игорь? Преешь?

— Почти умер. Ник, даже глубоко под землей в шахте не было так худо.

— Жара и какие-то непонятные запахи и влажность. Я весь мокрый и липкий, ужасно тошнит, — пожаловался я на недомогание.

— Тепловой удар, — прохрипел прапорщик. — Мы все получили тепловой удар, только разной степени тяжести. Главное, чтоб не помер кто-нибудь. Не знаешь, пулеметы затащили в гору?

— Да, вроде наши пулеметы стреляют. Попил? Отдай фляжку, пойду к Сережке Ветишину, вон он на склоне валяется вместе с клоуном Сомовым.

Собрав силы и глотнув воды еще пару раз, я поднялся по хребту метров на пятьдесят и упал рядом с командиром взвода.

— Ну что, сачок, лежишь, балдеешь? — спросил я у лейтенанта, глядя в его зелено-серое лицо.

— Лежу, но не балдею, а помираю. Ухи прошу! — и Серега слабо улыбнулся.

— Хрен тебе, а не уха! На, пей коктейль, вода с добавлением «аквасепта», «пантацида» и лимонной кислоты. Я всегда так делаю, это рецепт Ваньки Кавуна. Бурда, но говорят, что гепатита не будет, заразу убивает, а лимонная кислота, чтоб питье в рот полезло, а то эти пилюли очень уж хлоркой отдадут и как будто сдобрены дустом.

— Ой, а я их никогда не растворяю в воде, так желудок и кишечник угробишь. Это действительно сплошная хлорка, не известно, из чего эти таблетки состоят, — жалобно простонал Ветишин. — Сил нет совсем никаких, скорее бы вечер! Проклятое солнце!

— Сережка, пойду к ручью, посмотрю, как там дела, а ты попей и Сомова угости.

Опираясь на автомат, я спустился к ручью к «стонущему лазарету», вокруг валялись пустые бутылки и ампулы, медики уже использовали весь кровезаменитель и промидол. Очухались не все, Уразбаева понесли наверх обратно на вертолетную площадку, чтобы отправить в госпиталь. Таджикибаев очень громко стонал, но он был такой большой, что его эвакуировать начмед не захотел. Решили, лучше постараться поставить на ноги на месте, чем всем умереть, неся его в гору. Вкололи промидол и

последнюю порцию кровезаменителя, Дормидович хлопал по щекам, давал нюхать нашатырь еще и еще.

— Солдат, оживай, ты такой огромный, мы тебя не донесем! — воскликнул Сероиван.

— Плехо, очень нехорошо. Сапсем нехорошо, — жалостно ответил солдат.

— Ничего страшного, сейчас мы тебя еще водичкой польем, плащ-палатку растянем, будет тень, к вечеру будешь в норме, — успокоил его начмед.

Скрипя пылью на зубах и глотая налипший песок, Сероиван отпил из протянутой фляжки. С вершины вновь спустились два бойца с водой в бурдюках. Солдаты-водоносы принялись заполнять наши фляжки, по две каждому, чтоб на всех хватило. Я прилег на песок и спрятал голову в жалкое подобие тени, отбрасываемой от камня. Накрыл лицо снятым намоченным в ручье маскхалатом. Уф! Чуть не умер! Жизненные силы постепенно возвращались. Мысли восстанавливали свою стройность и ясность.

Чуть в стороне лежали и постанывали бойцы минометного расчета.

— Радионов! Ты уже ожил? Готов двигаться в гору? — спросил я хрипло.

— Нет еще. Полчаса или даже час необходимы для отдыха, — откликнулся слабым голосом лейтенант.

— А ты что опять желаешь принять участие в войне? — ухмыльнулся лежащий головой на мешке Бодунов. — Вовка только из госпиталя: сил много, дай человеку повоевать. И Мандресов очень энергичный, еще не измотанный, слышишь, как хорошо стреляет. Пулеметы почти не смолкают.

— Игорек, сам понимаешь, раз стрельба идет без перерыва, то у них скоро патроны кончатся. Нужно поднимать народ, некоторые уже ожили и сачкуют, — возразил я.

— Если сам очухался, то лезь в гору, а другим не мешай болеть. Какой же ты нудный и тошный, болеть мешаешь! — энергично возразил Игорь Бодунов.

— И полезу! Вот минут пятнадцать полежу и двинусь, но и тебя с собой прихвачу.

День давно перевалил за полдень. Я закрыл глаза и вновь провалился в забытие. Мерещилась какая-то дрянь, «духи» режут наших на горе. Думал, полежу чуть-чуть, а вышло на сорок минут. Очнулся из-за громкой перебранки Бодунова с сержантом Юревичем.

— Спустился за боеприпасами? Молодец! Вот, бери мешок и ступай обратно к пулемету. Что ты меня теребишь? Сколько осталось патронов? — ругался Бодунов.

— Ня бильше одной ленты у ПК, а «Утес» выстрялит еще разов во-сям-девять, — ответил зам командира взвода. — Бильша нема.

— Неси патроны, Юрик, сейчас соберем ленты и будем выбираться. Замполит рвется к вам на помощь, но что-то заснул, и вроде как желание пропало, — ухмыльнулся взводный.

— Не пропало, я ожил и чувствую, что полностью готов к движению. Альпинисты, подъем! Все встали! Идем, ползем, карабкаемся! — принялся я орать, чувствую, что голос полностью восстановился.

— Ну вот, Бодунов, болван горластый, разбудил замполита, дрыхнул себе лейтенант и нам не мешал. Не буди лихо, пока оно тихо! А теперь нас заставит ползти в гору, — вздохнул лежащий навзничь Ветишин.

— Игорь, все, вставай, хорош сачковать, цепляй на спину АГС и пойдём, — сказал я, довольный реакцией Ветишина на мое пробуждение. — И ты, вставай, Радионов! Родимый, мы что зря твои мины несем, пошли стрелять из миномета. Дорогой, поднимай «трубочистов», пусть тащат свою трубу на вершину!

Понемногу «царство мертвых» пришло в движение. Солдаты, ругаясь и матерясь, собрали вещи и тронулись в путь.

Довольно крутой подъем одолели за полчаса и к шести вечера практически все вылезли.

Взбодрившийся Бодунов даже успел расстрелять запас гранат из АГСа по уходящим из кишлака «духам».

— Ник, ты чего так хреново себя ведешь? — насмешливо спросил Сбитнев. — Такой опытный воин и издох! Не ожидал, не ожидал. Падаешь в моих глазах! Я тут воюю почти в одиночестве, а взводные у ручья прохлаждаются.

— Зато с тобой вон какой джигит с Кавказа! Правильно, Сашка? — отмахнулся я от упрека и похлопал по плечу взводного.

Мандресов криво усмехнулся в ответ и продолжал нервно курить мятую-перемятую сигарету. Руки его сильно дрожали, в первый раз попал в горы, и сразу бой с «духами».

— Понимаешь, Володя, как обухом по башке дало, и словно через центрифугу пропустили. Кости ломают, перекрутило мне все мышцы, думал, помру. Это же надо, сволочи, послали роту без воды в такую адскую жару. У меня лишь на доньшке в одной фляжке было грамм сто и все. Хорошо, никто не умер.

— Как там Уразбаев и Таджикибаев? — поинтересовался командир роты.

— Уразбаев был совсем плох, на КП, когда понесли, был прямо серый, лицо почти землистое. А Таджикибаева в чувство привели, думаю, минут через двадцать подойдет, ему Алимов помогает пулемет нести, — ответил я.

— Только начали операцию, а рота уже редет, — вздохнул Володя.

— Ну а как ты тут, какие результаты дневной перестрелки? — спросил я ротного.

— Да вон, у того дувала, ближайшего к дороге, лежат три или четыре тела. Это из своих ПК Мурзаилов с Зибоевым достали. Молодцы братья-мусульмане! Пора сержантами делать, — улыбнулся Володя и продолжил рассказ: — Арамов со своим взводом, зажал в ущелье каких-то наемников, негров-арабов, человек десять завалили. Утром разведка спустится, разберется, кто такие и сколько их валяется. Сейчас начнется артобстрел долины, и целую ночь в небе будут «факелы» вешать, чтоб «духи» отомстить в темноте к нам не полезли.

— Я думаю, они теперь далеко драпанут, пока мы не уйдем, не вернутся. Они же не ожидали, что их обложит армия со всех сторон. Тут — «край непуганых дураков»! Наверное, оттого они в открытый бой вступили с сидящими сверху «шурави», что воевать не привыкли. А только грабить обучены. Обычно опытные «духи» стараются, чтобы было наоборот. Предпочитают сидеть выше нас.

— А в этот раз не получилось! Мы их топтали и с грязью смешивали, — криво ухмыльнулся Володя. — Что ожил, замполит? Или не совсем? Воды принес командиру?

— Принес, правда, не тебе, а исключительно для себя, но, учитывая твои сегодняшние заслуги, выделю вам с Мандресовым полфляжки на двоих, — ответил я.

— Почему так мало? — возмутился ротный.

— А ты как хотел, чтоб я себе половину оставил, а вам полную? Не жирно? — размышлял я вслух. — Ну ладно, пользуйтесь моей добротой, пейте на здоровье.

Солнце быстро опустилось за горный хребет, и воздух из огненной смеси стал вполне «употребим». Голова еще болела, но тело теперь достаточно хорошо подчинялось командам моего мозга. Я достал три банки с паштетом и стограммовую с яблочным соком. Отпразднуем окончание этого тяжелого дня.

— Как ты, Ник? Жить будешь? Очень тяжело? — участливо спросил Володя.

— Сейчас уже почти чувствую себя человеком, а часа три назад ощущал, что становлюсь шашлыком, суп-набором и бульоном одновременно. Мозги почти закипели в кровавом соусе. Веришь, мочи в организме совсем нет, выпарилась через кожу, отсутствует. А ведь я недавно две литровые фляжки выпил! В глазах помутилось, ни черта не соображал, думал, скончаюсь. Но оклемался. Сероиван сказал, это был тепловой удар, но не в самой тяжелой форме. А вот некоторым очень сильно досталось, особенно Уразбаеву. Жалко, хороший узбеченок пришел с пополнением. А что же день завтрашний нам принесет?

— Завтра будет отдых. По плану — лежим и балдеем, а разведка пойдет вниз, прочешет руины. Давай, угощу тебя соком, а то вид у тебя нику-

дышный, болезненный, витамины, может, оживят, — хмыкнул Сбитнев и крикнул: — Саня, иди к нам, третьим будешь.

Рядом с нами молча присел поужинать Мандресов. Взводный был растрепан и задумчив. Он автоматически ковырялся ложкой в банке, проглатывал еду, жевал, но в мыслях был где-то далеко.

— Ну что, Сашек, как тебе первый бой? Как война? — спросил Володя. — Давай закурим вдвоем хабарик, а то замполит парень не компанейский, старовер какой-то. Не курит, гад, почти не пьет и баб не...

— Зря ты так обо мне. Все тобою перечисленное, кроме курения, хорошее занятие, но в меру. А никотин ни уму, ни сердцу, я что, паровоз, чтобы дымить? — огрызнулся я.

— Ни хрена ты не понимаешь в прелестях жизни. Сесть на камень, затянуться сигареткой вкусной, красота! Выдохнуть несколько колец дыма ртом, пустить красивые клубы через нос — это искусство. А как становится легко, нервы успокаиваются, тело расслабляется, — нравоучительно принялся выговаривать Сбитнев.

Мандресов кивал головой в его поддержку.

— Был бы хорошим человеком, получал бы сигареты на складе и нам отдавал, — уже сердито закончил Володя.

— Да пошли вы к черту, «табашники». Я посмотрю на ваш кайф, через пару недель, когда эта зараза у вас закончится. Вот это будет радость для моей души, бальзам сердцу! Хватит трепаться! Вы можете хоть до утра дымить, а мой ослабевший организм требует восстановления, соно-терапии.

* * *

Утром мы с Володей сидели у обрыва и пили чай с последними галетами и разговаривали о том, о сем: что происходит в ущелье, о бестолковости планов командования, о домашних, о детях. Внизу дымился раздолбленный кишлак, а по тропе вдоль горной и бурной речушки шли разведчики. Вначале прошла разведка дивизии, затем наша разведка и в замыкании Пыж со своими тяжело нагруженными «архаровцами». Весь его взвод — это десять человек. Солдаты медленно и осторожно двигались след в след, вплотную друг к другу.

Тропа возвышалась над бурной рекой метра на три и резко обрывалась у воды. Внезапно дорога, по которой они шли, казавшаяся надежной, обвалилась в нескольких местах, и в быстрый горный поток посыпались нагруженные солдаты. Четверых бойцов, цепляющихся за край выступа, успели подхватить за руки товарищи, а трое упали и закувыркались в ледяной воде. Пару раз то голова, то ноги появились среди брызг и совсем исчезли. Автомат, бронезилет, каска, мешок, ленты, гранатомет все это навешано на каждого и пристегнуто, сразу не сбросишь. Моментально

наглопались воды, вот и ушли ко дну. Несколько солдат бежали вдоль берега еще метров сто, но никто не вынырнул, а быстрое течение не оставило ребятам никаких шансов спастись. Оказалось, в этом месте речушка подмыла песчаный берег, дорога метра на полтора зависла над рекой и не выдержала веса идущих. Все могло обрушиться вчера, час назад, пять минут назад, через полчаса. Не под этой группой, так под другой. Или под духами. Но гибель выпала именно разведчикам. Погиб один солдат из взвода Пыжа и два разведчика разведроты полка. Поиски по руслу до самого захода солнца, но эти усилия не дали никаких результатов. Командование впало в прострацию, и всех оставили на своих местах на три дня без передвижений, а затем вывезли на вертолетах в Поли-Хумри.

* * *

Мы шли по тропе, а на изгибе ручья, на мелководье в камнях лежали тела мятежников. Набегающая мелкая волна шевелила их волосы и бороды, качала руки и ноги, казалось, что они прилегли отдохнуть, спасаясь от изнурительного зноя. Правда, некоторые «охлаждались» лицом вниз, целиком скрывшись в воде. Вот так же и наших утонувших солдат где-нибудь выбросит на отмель или прибьет к валунам, и вряд ли кто похоронит по-людски.

Начала работать комиссия особого отдела армии. Показания, объяснительные, докладные записки, рапорта. Не изъявлял ли кто из утонувших желания дезертировать, перейти на сторону «духов». Тела не найдены, значит, без вести пропавшие. Закрутилась бюрократическая карусель со всякими домыслами вокруг человеческой трагедии. Появились проблемы с похоронами, оповещением родных и донесением в вышестоящие штабы.

Погибли и вроде не погибли. По крайней мере, на бумаге «без вести пропавшие» — этот ярлык отдает душком «сталинизма» и перекликается с другим пережитком той эпохи «враг народа».

Обзовут «без вести пропавшим» и словно грязью перепачкают твое имя!

* * *

Вновь горы, опять прочесывание кишлаков, поиски складов с боеприпасами и оружием, разминирование, минирование. Два дня работы — и новая задача. Володя перенес на свою карту точки десантирования с карты Лонгинова. Затем быстро сложил ее в боковой карман мешка. Планшеты, как в кинофильмах о войне, никто не носит — неудобно, без того все висит и болтается.

Прилетела первая группа вертолетов, и в авангарде отправилась третья рота и разведзвод. Третьей — сам бог велел идти впереди всех, как-

никак горнострелковая рота, любимчики Лонгинова. Горная новенькая экипировка, полный комплект офицеров, обученных скалолазанию.

Внезапно налетевший порыв ветра быстро покати́л полупустой рюкзак Сбитнева на край площадки. В нем, кроме спального мешка и карты, ничего не было. Паек съели, воду выпили, а запасом гранат и патронов Вовка себя отягощать не стал, все в нагруднике. Рюкзак быстро подкатился к обрыву, чуть задержался, и новая волна воздушного потока от винтов очередного вертолета швырнула его вниз, в глубокое ущелье. Ротный захлопал глазами, громко и витиевато выругался и, швырнув панаму на землю, в гнев ее растоптал. Я подошел к краю и взглянул вниз: рюкзак летел и подпрыгивал на каменных уступах. Катился, катился и, наконец, остановился на самом дне. Спуститься за ним пришлось бы метров на триста вниз, а затем нужно еще с ним возвращаться. Присоединившийся ко мне Сбитнев почесал затылок и зло заорал на Сашку Фадеева:

— Сержант, ну чего думаешь? Кто мой связист и ординарец, ты или не ты? Почему не подхватил рюкзак? Теперь дуй вниз за ним! Не успеешь, улетим без тебя, поэтому торопись! Оружие и шмотки оставь тут. Бегом!

Сержант, матерясь на чем свет стоит, принялся спускаться вниз, а подскочивший к нам Лонгинов стал ругаться:

— Какого черта вы туда сержанта отправили? Что из-за Вас десантирование задерживать? На кой хрен этот пустой мешок сдался, Сбитнев?

— Мешок, может, и не нужен, но там карта лежит в боковом кармане, на ней и кодировка и задачи обозначены, — ответил хмуро Володя.

— Товарищ старший лейтенант! Я просто поражен! Вы что себе позволяете? Утрата секретного документа в ходе боевых действий! На территории противника! Как прикажете докладывать? То они «подствольник» прое...ут, то карту! — взбеленился Бронежилет.

— Чего докладывать, чего шуметь? Полчаса — и сержант вернется, он шустрый, — ответил за Володю я.

— Замполит, тебя никто не спрашивает, не вмешивайтесь. Вы хотя бы видели, куда он упал? — продолжал злобствовать Семен Николаевич.

— Мы видим, и сержант видит. Сейчас он почти у цели, я сам с ним последним вертолетом вернусь, — успокаивающе ответил Володя.

— Ну-ну, не успеете, будете с Фадеевым вдвоем пешком по горам возвращаться, — высокомерным тоном закончил разнос Лонгинов и удалился.

— Черт, какая-то неvezуха! — вздохнул Сбитнев, и мы принялись ждать возвращения Сашки, склоняясь над обрывом.

* * *

Вертолеты кружили над ущельем, выгружая одну за другой группы пехоты. Горная гряда была с острыми вершинами, скалистая, с глубокими, крутыми обрывами. Ветер не позволял приземляться винтокрылым

машинам. Поэтому вертушки зависали на краю узенькой площадки в двух-трех шагах от обрыва, а солдаты с высоты трех метров прыгали вниз и отбегали в сторону подальше от работающих винтов.

Я прильнул к иллюминатору и наблюдал высадку второго взвода, следующие мы. Вот «борт» завис над узеньким плато, и солдаты по моей команде принялись десантироваться. Вертолет трясся, словно в горячке, и борттехник всех торопил и выталкивал в люк. Шедший впереди сержант с воплем вывалился вниз и еле-еле удержался на краю обрыва, вцепившись растопыренными пальцами в землю.

Летчик толкнул меня в спину, я сделал шаг вперед, но, взглянув вниз, вернул ногу обратно в вертолет и отпрянул назад, отталкивая «бортача».

— Ты куда, козел долбаный, меня толкаешь? В пропасть? Я тебе что, Карлсон что ли? У меня что, в заднице пропеллер? — начал ругаться я на него.

— Прыгай, солдат, — заорал вертолетчик. — Быстрее выпрыгивай, а то мы улетаем.

— Пошел ты на х...! Я лейтенант, а не солдат! И посмотри, куда ты меня толкаешь!

Борттехник, держась за края люка, взглянул вниз и заматерился. Прижав к горлу ларингофон, по радиосвязи начал давать указания пилоту.

— Извини, брат, ветром чуть-чуть отнесло. Прости, что так получилось. Не обижайся и не сердись!

— Если бы ты меня еще сильнее в спину толкнул, то извинялся бы и говорил свое «прости» моему изуродованному трупу. Я же не олимпийский чемпион Валерий Санеев с загруженным мешком и оружием на три метра вперед прыгать!

— Виноваты, виноваты, но и метеоусловия неважные, что поделать, сносит в сторону, да и пилот молодой, неопытный. Ну все, уже вернулись обратно, сейчас над плато, скорее прыгай.

Я опять осторожно выглянул площадка прямо подо мной.

— Смотри, не загуби кого другого, — крикнул я ему, еще раз оглядевшись. — Головой думать надо, прежде чем выталкивать!

Летчик больше в спину пихать не стал, поэтому я мягко упал на четвереньки и уполз по булыжникам в сторону, подальше от пыльного вихря, вызываемого винтами.

Закрепились, осмотрелись, обстреляли кишлак в долине, «духи» нам ответили тем же. Все, как всегда на войне, обыденно до безобразия: кровь, огонь, смерть.

Мы играли в карты, лежа в просторном укрытии: я, Сбитнев и минометчик Радионов. Хорошее «духовское» укрепление с толстыми стенами, превратилось на неделю в укромное, комфортабельное жилище — век бы в таком сидели и не уходили. Тем временем по радиосвязи творилось что-

то странное. Командир дивизии уточнял у разведроты и взвода Пыжа, заходили ли они в такой-то квадрат, а точнее кишлак в этом квадрате согласно кодировке на карте.

Разведчики, чувствуя какой-то подвох, мялись и докладывали что-то несвязное. Комдив кипел и негодовал. Эти переговоры то прерывались, то возобновлялись. Командир разведроты капитан-десантник, по фамилии Ардзинба, недавно принял должность, но дров уже наломал немало! По его вине погиб и Петя Турецкий, и солдаты. Теперь он сильно нервничал и суетился.

Расспросы комдива закончились и начались переговоры с разведчиками по очереди: на радиосвязь выходили то особысты, то начальник политотдела, то зам командарма. Ошув пол часа Ардзинбу расспрашивал, что-то пытался уяснить для себя лично. Что там стряслось? Непонятно... Внезапно операцию по прочесыванию прекратили, можно сказать, оборвали как песню, на полуслове. Пехоту вернули с гор вертолетами к технике, и возня вокруг разведки продолжилась. Командиров частей собрали на совещание, а когда из кунга Ошуева вернулся Лонгинов, ситуация прояснилась.

Кто-то изнасиловал аборигенку. Совсем молоденькая девчонка, лет шестнадцати, оказалась дочкой то ли вождя, то ли старейшины, то ли представителя местной власти. Да ее и не один «попользовал», а вдвоем. Назревал крупный скандал. В афганских частях забурлило недовольство действиями союзников — «шурави». «Зеленые» могли выйти из-под контроля, а это — срыв спланированной Генштабом грандиозной операции. В широком поле выстроили всех, кто был в кишлачной зоне: разведчиков, несколько рот десантников, роту спецназа. Вдоль строя прошла женщина в парандже и указала на двоих солдат-насильников.

Черт! Один — чеченец, другой — русский, и оба из нашей полковой разведроты. С демонстрационного показа вернулся бледный и взмокший Пыж.

— Мужики, я был в предынфарктном состоянии! Девица минут десять разглядывала взвод. Ну, думаю, хана: кто-то из моих. Нет. Нашла обоих парней у Ардзинбы. Вовка, ты с ним подружился, иди, успокаивай, посочувствуй капитану.

— Что теперь с ними будет? — поинтересовался Володя.

— А хрен его знает. Обоих забрали на гауптвахту в Кундуз, а самого командира роты полковник Баринов минут пятнадцать колотил. Но его недавно назначили, с него как с гуся вода, молодого взводного вместо погибшего Турецкого тоже недавно прислали. Пострадают старшина и замполит роты. Думаю, и Ардзинбу все равно позже снимут или переведут куда-нибудь.

— Неприятная история, — задумчиво произнес я, шокированный этими новостями. — Хороши интернационалисты!

— Ну что ж, в Афгане никто его не расстреляет. Выговор! А выговор — это не триппер, это даже совсем безболезненно. Раз — и все. Не больно. Выговор получить немного неприятно, но не смертельно, — ухмыльнулся Сбитнев.

* * *

Время обеда, и мы двинулись к полевой кухне, рассказывая друг другу анекдоты и различные байки, но на душе было гадко.

В раскрытом десантном отделении БМП разведвзвода на сиденье, лежало несколько книжек, они-то и привлекли мое внимание. Что у нас тут есть интересного? Бондарев «Батальоны просят огня» — когда-то читал. Симонов «Живые и мертвые» — купил в прошлом месяце всю трилогию. Еще всякий мусор из любимых властью и обласканных партийных писателей в стиле соцреализма, скучища одна. Что-то из ЖЗЛ, книжка о командармах, героях Гражданской войны. Ладно, свистну сборник морских повестей Конецкого, будет время в горах, почитаю.

За столом сидела теплая компания, состоящая из Мелешенко, Афони, Пыжа, Луки, Шкурдюка и Габулова. Все посмеивались над незадачливым Миколой, который что-то говорил неласковое в наш со Сбитневым адрес.

— Ну шо, Микола, ты тут опять воду на мельницу империализма льешь, всякие козни замышляешь? Какие претензии к первой роте? — сразу взял «быка за рога» Володя. — Будем продолжать вести интеллектуальные беседы, возобновим тест на тупость?

— Возобновим, но только теперь моя очередь, я буду пытаться твоего зама! А то Никифор очень уж умничает. Так и я могу подготовить десяток вопросов и задач, да умным и образованным себя показать, — ухмыльнулся Мелешенко.

— Начинай, спрашивай, эрудит ты наш. Только уговор: все по гуманитарному профилю. С чего начнем? — решительно ответил я.

— Кто написал «Гранатовый браслет» и «Князь Серебряный»? — хитро улыбаясь, спросил Мелешенко.

— «Гранатовый браслет» — Куприн, а «Князя Серебряного» — Толстой, — ответил я. — А на засыпку встречный вопрос тебе, Николай, а который Толстой автор книги?

— Алексей Николаевич, — ухмыльнулся Мелешенко.

— А вот и ошибся, Алексей Константинович! — поправил я.

— Стыдно такому умнику отчество выдающегося советского писателя не знать, — язвительно начал Мелешенко, но я его тут же оборвал.

— Николаша! Что б ты был в курсе, Алексей Константинович и Алексей Николаевич — это разные писатели и жили в разные времена. Известный русский писатель Алексей Константинович и есть автор «Князя Се-

ребряного», как и соавтор «Козьмы Прутков». «Козьма Прутков» — это как раз про тебя и для тебя, изучай!

Вовка Сбитнев покатывался со смеху, Лука и Афоня откровенно издевательски громко ржали.

— Колян! С литературой ты не в ладах, я тебе гарантирую разгром. Давай к истории, — остановил я Мелешенко.

— Ну к истории так к истории. Ответь мне: кто командовал фронтами Красной Армии в Гражданскую войну?

— Это легко: Каменев, Вацетис, Тухачевский, Егоров, Сытин, Славен, Гиттис. М-м-м... кто еще? Шорин, Смилга, Антонов-Овсеенко. М-м... Может, кого и забыл двух-трех, но вроде бы все. А фронта: Западный, Северный, Южный, Юго-Западный, Украинский, Восточный, Туркестанский, Кавказский. О, еще и Урало-Оренбургский!

— Я даже догадываюсь, откуда ты это про гражданскую войну вопросы задаешь! Вон стоит моя броня, в десанте лежит брошюрка, я ее у Ростовцева перед рейдом в ленкомнате слямзил с бойцами политзанятия проводить. А сегодня наблюдал, что ты ее листал перед тем, как сюда подойти, — ухмыльнулся разведчик Пыж. — И Ростовцев с ней, видно, тоже знаком...

Все сидящие за столом покатывались от смеха, громко смеяться уже не мог никто.

Николай встал, злобно обозвал нас «долбое...», и что-то бурча себе под нос, удалился.

— Ну вот и поговорили, — ухмыльнулся Ветишин. — Закончилось тестирование Николашки. Больше претензий на интеллектуальность он предъявлять не будет. Раз сельпо, значит — сельпо.

Глава 10

Бой под Талуканом

Вся гигантская колонна постепенно выдвигалась из пригорода Кундуза. Тысячи машин взревели моторами и нарушили покой сонного «средневековья». Солнце только недавно взошло, но уже стояла нестерпимая жара.

Лонгинов назначил взвод Мандресова охранять тыл батальона, и я присоединился к нему, чтобы помочь в случае чего советом. Базовый лагерь армейской группировки стоял чуть в стороне от аэродрома на возвышенности, от него шли две дороги в противоположных направлениях. Полк за полком, бригада за бригадой в течение нескольких часов по очереди начинали выдвижение. Техника размещалась огромным табором, повернутая в разные стороны, и «комендачам» стоило большого труда распределить и упорядочить начало марша. Нам предстояло следовать за брига-

дой тыла, ее «Уралы» и «Камазы» дергались взад-вперед, маневрируя, чтобы выстроить колонну, и тем самым поднимали гигантские клубы пыли. Бронемашины дергались одновременно с их перемещениями, чтобы не создавать «пробку» и не мешать идущим за нами частям.

Стоящему рядом авиационному гарнизону было глубоко наплевать на мучения пехоты и на порядок построения. Мимо, прямо через боевые порядки армии, мчались три машины: две с надписями на цистернах «Вода» и БТР сопровождения. Они пропылили поперек поля и сбили с толку одного из водителей. В пыли он потерял ориентацию и помчался вслед на своем «Урале». Как нитка за иголкой, за водовозкой поехала оставшаяся часть колонны. Когда машина поднялась на небольшой пригорок, я увидел, что мы мчимся лишь за несколькими впереди идущими «Уралами». А, оглянувшись, разглядел, что за нами устремилась целая армада, но другая ее часть, причем гораздо бульшая, идет совсем в другом направлении.

— Саня! Мы не туда поехали! — прокричал я в ухо Мандресову, перекрывая шум двигателя.

Сашка вскочил на башню, держась за открытый люк, и громко и витиевато заматерился.

— Что будем делать? — выгарашил он на меня черные, как маслины, глаза.

— Надо попытаться остановить зам по тылу, а если не получится, то развернем остальную колонну. Черт знает куда мы так заедем!!!

— Я сейчас сяду за рычаги вон там, на изгибе дороге, срежу путь, а ты тормози Головского, — крикнул командир взвода и бросился к люку механика водителя.

Машина на мгновение остановилась, а затем, резко рванувшись с места, помчалась еще быстрее через пыльное плато, наперерез, сокращая путь. Вскоре мы поравнялись с машиной зам, по тылу, и я принялся энергично размахивать руками, призывая капитана остановиться. Капитан Головской посмотрел в нашу сторону, протер толстые стекла очков и, ничего не понимая, отмахнулся и еще погрозил кулаком. Самое смешное было то, что он сидел в кабине, надев на голову каску, потный и красный, и в бронежилете на голое тело, а на дверце машины висел еще один броник. Его автомобиль внезапно прибавил скорость и вырвался вперед.

— Бесплезно гнаться, — сказал вернувшийся на башню Мандресов. — Видел сам: у него шары по семь копеек и мчится, ничего не понимая. Разворачиваемся?

— Да! А не то голый Головской с каской на голове заведет нас в голую пустыню, — засмеялся я каламбуру.

— И, по-моему, без мозгов в этой голове, — ухмыльнулся Мандресов и крикнул механику: — Тормози!

— Саша, делай большой разворот и возвращайся на стоянку, откуда уехали.

Мандресов присел возле механика, держась за ствол пушки, и принялся управлять механиком, указывая направление, а я замахал руками следующим за нами машинам.

Пылящая и дымящая техника поползла и медленно разворачивалась. За Головским увязался только «кунг» комбата, а сам он продолжал погону за водовозами.

Ну и черт с ним, балбес слеподырый, у скважины развернется, когда поймет, что едет не туда, и сзади нет никого.

Все увязавшиеся за нами экипажи с удивлением наблюдали за этим странным маневром, но, чертыхаясь и матерясь, проделали то же самое. Вереница машин вытянулась в нужном направлении, и вскоре мы были в недавно покинутом лагере. Кто-то из командиров понял, что двигаться нужно в обратном направлении, и повернул раньше. Поэтому поток встречных машин прекратился. Возвратившиеся по команде регулировщика пристроились за несколькими последними бензовозами и, не спеша, поехали в сторону Талукана.

— Саша, — обратился я на одной из коротких стоянок к Мандресову, — давай распределимся по машинам. Я поеду на третьей, сержант Юревич на второй, а ты на первой. На тех двух БМП сержанты совсем молодые, могут растеряться при обстреле.

— Согласен. Юревич, бери оружие и бегом на шестьсот восьмую, замполит идет на шестьсот девятую, — скомандовал сержанту старший лейтенант.

— Юра, если обстрел, не тушуйся, — наставлял я сержанта. — Открывай во все стороны огонь из всего, что стреляет. Места для нас новые, незнакомые, «духи» тут наглые, непуганые.

— Есть стрелять из всего, — улыбаясь, ответил маленький сержант.

К середине дня мы прошли Талукан, который афганцы и местный разведбат накануне взяли штурмом и очистили от «духов». Вновь короткий привал, но уже на обочине прямо в колонне. Лонгинов собрал офицеров и сразу накинулся на меня:

— Лейтенант, вы почему бросили капитана Головского?

— Мы его не бросили, он сам убежал от нас, — ухмыльнулся я.

— Что за чушь несешь? — возмутился капитан. — Где сейчас зам по тылу?

— А бог его знает. Может быть, воду набирает, а может быть, ищет дорогу в Кабул.

— Какую еще воду? Зачем ему вода?

— Он помчался вслед за водовозками вертолетчиков. Мы его пытались остановить, сигналили, но он ни черта не слушал, а гнался за ними.

Половина колонны увязалась следом, машин сто, не срывать же армейскую операцию из-за слепого тыловика.

— Надо было его как-то остановить!

— Как, очередью из пулемета по колесам? Мы его догнали, я руками махал, чтоб он притормозил, а капитан отмахнулся и, наоборот, скорость прибавил.

— Черт! Вот дурак-то! Куда помчался? Как все произошло?

— Да эти ослы наперерез к колонне поехали на трех машинах, пыль подняли и запутали двух водителей бригады, а он за ними. Разберутся, часа через два-три догонят.

— Лишь бы к «духам» не попали! А то будем перед особистами отчитываться, в трибунале разбираться.

— Зам по тылу просто так не убивают, товарищ капитан, обычно тыловиками торгуют. Правда, такого толстого могут пустить на шашлык.

— Глупые шуточки!

Молись, если умеешь, чтобы все было в порядке!

— Да нет! С ними БТР сопровождения, а у Головского такой угрожающий вид: сидит в кабине в каске, обвешанный бронезилетами! Умора. Кто же в бронике ездит — только последний дурак.

— Вы так действительно считаете? — злобно проговорил сквозь зубы зам, комбата.

— М-м-м, вообще-то, да.

— Вот и хорошо. Объявляю вам выговор за нарушение формы одежды, конкретно за отсутствие бронезилета! Свободен! — рявкнул Лонгинов.

Володя потянул меня за рукав, увлекая подальше от разлившегося и матерившегося Лонгинова. Когда мы отошли, Володя накинулся на меня с упреками:

— Ты почему не доложил о происшествии с Головским?

— Володя, а чего панику поднимать? Чтобы вся армейская верхушка узнала о том, какой Саня бестолочь? Ничего страшного. Поймет, что не туда помчался и вернется. Не потеряется, пристроится к хвосту какого-нибудь полка.

— Ну и с Лонгиновым ты погорячился, — сказал ротный.

— Да вылетело про этот броник случайно, вырвалось, а слово не во робей. Глупо получилось.

— Сначала думай, потом говори! — прорычал Сбитнев.

— Я все время стараюсь поступать таким образом, но не всегда получается. Вырвалось непроизвольно.

— Вот тебе Бронезилет кое-что между ног нечаянно оторвет. Непроизвольно. Иди, прячься на БМП и не появляйся до окончания марша ему на глаза, — толкнул меня в спину ротный. — Быстро исчезай!

Сбитнев коротко рассказал о происшедшем штурме города, о потерях и вернулся к разозленному Лонгинову, чтобы попытаться сгладить конфликт.

Чертыхаясь и бурча проклятия себе под нос, ругая себя, Лонгинова, Головского, войну и «духов», я подошел к своей машине.

— Механик! — заорал я, забарабанив автоматом по крышке люка.

— Я здесь, — высунулся, протирая глаза, Рахмонов. Широкое, заспанное и серое от пыли лицо солдата пересекали полосы высохших подтеков пота. — Слушаю вас.

— Чего наша машина тарахтит, заглуши движок!

— Аккумулятор сопсем плохой! Не заведется.

— Не заводится, не работает, вечно что-нибудь не так, — раскричался я на водителя. — Так и будем газовать до Файзабада?

Механик глупо улыбнулся широкой доброй улыбкой и исчез в люке. Я забрался на башню и вновь принялся орать теперь уже на дремлющих солдат:

— Эй, балбесы! Проснулись! Хватит храпеть! Спите уже вторые сутки напролет, как бурые медведи! Вы бы еще лапу сосали и причмокивали. Быстро ополоснули физиономии! Попрыгать, отряхнуться, почесаться.

Солдаты нехотя слезли с машины и принялись отмывать лица. Занятие, конечно, бесполезное, так как через полчаса движения к влажным лицам вновь прилипнет еще больше пыли. Просто очень захотелось увидеть их лица бодрыми, не хочу ехать один посреди сонного царства. Опять они вцепятся в стволы автоматов и будут дрыхнуть — на все наплевать! Ничто не заставит бодрствовать, даже угроза артобстрела. Удивительно!

— Проснулись? Тут разведчиков из местного разведбата раздолбали, никому не спать!

— Как так раздолбали? — удивленно переспросил Свекольников.

— Обыкновенно! Даже комбат погиб. Убито пять офицеров и с десяток солдат, надо же было придумать — встать истуканами на открытом участке, развернув карты. Их недавно из Туркмении перебросили, неопытные. «Духи» из минометов и безоткатки накрыли квадрат, получилась кошмарная бойня.

Эта новость немного встревожила бойцов, и солдаты принялись перешептываться и озираться. Поэтому, когда колонна вновь поехала, никто уже не спал, солдаты были настороже. Но бдительность все равно со временем притупляется, и когда через четыре часа внезапно раздались первые выстрелы, то оказалось, что почти все бойцы спали. Я тоже дремал.

...Бах, ба-бах, тр-рр-р!

Впереди идущий «газик», резко затормозив, встал поперек дороги, а наша БМП поддала ему в бампер. От удара задняя дверь «санитарки» распахнулась, и оттуда посыпались ящики и коробки.

— Ткаченко, разворачивай башню, огонь из пушки пулемета! — крикнул я наводчику и, стреляя из автомата по зарослям, спрыгнул с машины.

Все солдаты высыпали, как горох, на дорогу и залегли между катков и

в придорожной канаве. Я выглянул из-за брони и увидел суетящиеся в рощице фигуры нападавших. Оттуда летели трассы, раздался выстрел из гранатомета. Граната пролетела чуть выше кабины ехавшего сзади ЗИЛа.

— Огонь! Всем огонь! — закричал я. — Стрелять, не прятаться! Не быть пушечным мясом!

Магазин опустел за пять секунд, второй опустел еще за десять, третий пошел уже одиночными выстрелами. Между фальшбортом и броней лежал гранатомет. Я подтянул за ремешок поближе к себе «муху», взвел гранатомет и прицелился в установленный в винограднике пулемет. ДШК не смолкал. Выстрел. Вроде попал, потому что огонь оттуда прекратился, и раздались пронзительные вопли. Очереди из развернутой автоматической пушки резко ударили по ушам, били по барабанным перепонкам, как будто на голову надели кастрюлю и стучали по ней молотком. Я взглянул на бойцов, и сердце обрадовалось! Снайпер Царегородцев лежал прямо у моих ног и, выбирая жертвы, посылал пулю за пулей в цель. Свекольников, лежа на спине, перезаряжал магазины, а подавал их стреляющим маленький Якубов.

Бойцы вели огонь короткими очередями. Гурбон поливал кустарник свинцом, не экономя патронов. Все идет отлично! Никто не прячется, никто не хнычет, не лежит мордой в землю и не паникует. Даже Тетрадзе в кого-то целится!

Но как же бьет по барабанным перепонкам эта пушка! «Духи», не ожидавшие дружного отпора, прекратили стрелять и теперь уносили раненых и убитых, а мы молотили по дувалам и винограднику. Еще минут пятнадцать.

Наконец пушка и пулемет БМП замолчали, механик Рахмонов, лежа на «ребристом» листе, пару раз выпустил гранату из подствольника в виноградник, и пехота прекратила стрельбу. Наступила относительная тишина, слышны были только хрипы и стоны кого-то рядом, а от «санитарки» раздавался мучительный, душераздирающий вопль.

Ткаченко высунулся из люка и прокричал:

— Одна укладка закончилась, лента в пулемете тоже.

— Ну так заряжай ленту и переключай на вторую укладку, — ответил я ему. — Якубов, заряжайте магазины, я пойду посмотрю, что там случилось.

Пригибаясь и прячась за бортом машины, я добрался до кабины «газика».

Жуткая картина! На асфальте лежал окровавленный сержант и скреб ногами по асфальту, держась за живот. Его рану пытался зажать, чтобы остановить кровь и перевязать, испуганный санинструктор. Я заглянул в кабину: она была вся в сквозных отверстиях, стекла разбиты, а на руле лицом вниз лежал водитель. Кровь! Кровь! Кровь везде — на лице, на руках, на полу. Ужасная дырка в голове шофера, из которой уже не текла и не капала, а лишь чуть сочилась застывшая кровь. Мгновенная смерть. А у второго

солдата раны не менее ужасны, но, может быть, вытянет, главное — быстрее его отсюда вывезти. Подбежавший прапорщик Сероиван принялся колоть промидол раненому, накладывая ему резиновые жгуты, быстро разрезал х/б на руках и ногах и перевязал его. Не тело, а сито, все в осколках!

Я вернулся назад, пригибаясь, подошел к ехавшей сзади машине и осторожно заглянул в открытые двери: кабина пустая, разбитая осколками. Подошел к следующей. Возле переднего колеса лежал бледный солдат, весь перевязанный. Замотана бинтами голова, рука, и нога. Еще одному досталось.

— Кто еще есть раненый? — спросил я у сержанта.

— Нет, только Петьку зацепило, нужно как-то вывезить в госпиталь, — откликнулся тот.

— Сейчас пойду, по связи помощь вызову, не высовывайтесь! Лежите за машиной!

На дороге коптила горевшая машина. Я запросил зам комбата, сообщил о потерях во взводе обеспечения и услышал в ответ сплошной мат.

— Что орать! Я, что ли, их убил? — рявкнул я. — У меня на БМП весь боекомплект закончился, пока отстреливались.

— Ладно, ладно, замполит, не кипятись. Чего орешь? — перешел на нормальный язык Лонгинов.

— А я и не ору, а докладываю. Нужно срочно вертолет вызывать.

— Хорошо, сейчас вызовем.

Вскоре прилетели вертолеты, долбанули по кишлакам, а Ми-8 сел на полянке у дороги, забрал раненых, убитых и умчался в Кундуз.

Где-то вдалеке на шоссе еще что-то дымилось и горело, кое-где еще стреляли, но в основном все успокоилось. Клубы пыли над кишлачной зоной ветерком относил в сторону, и стали видны результаты и нашей «работы». От трассирующих пуль загорелось несколько крыш и стогов сена, появились новые проломы в дувалах. Трудно понять, что в этих ветхих глиняных закоулках разрушилось от попадания снаряда, а что осыпалось от времени. Вскоре подъехали несколько грузовых автомобилей с афганскими солдатами, и командиры принялись организовывать прочесывание зеленой зоны. «Сарбосы» двигались неохотно, «зеленые» вообще не хотят воевать, они предпочитают посидеть у костра, сварить баранину, приготовить плов, помолиться. Они способны только идти вслед за нами и что-нибудь стащить по дороге. Шайка, банда мародеров и жуликов, да и как иначе, если армия набрана путем облав на мужчин призывного возраста от восемнадцати до шестидесяти лет. Некоторые солдаты на вид древние старики, но попадались и совсем мальчишки, прямо дети.

Тем временем колонна медленно двинулась дальше. За руль «санитарки» сел другой водитель, а разбитый ЗИЛ взяли на сцепку. Броня шла очень медленно, вела для профилактики шквальный огонь по всем кустам, разва-

линам и виноградникам. Через час неторопливого движения доехали до изгиба дороги, которая располагалась в глубоком ущелье. У обочины стояла и тарактела, не глуша двигатель, командирская машина, на пушке сидел ротный и махал рукой, делая знаки, чтобы мы остановились.

Я дал команду «вперед» механику, и мы пристроились в трех метрах от кормы. Мы с Володей одновременно прыгнули и пошли друг другу навстречу.

— Ник! Как дела? Живой, чертяка! — улыбнулся, блеснув вставными зубами, Сбитнев.

— Жив-здоров, чего не скажешь о водилах взвода обеспечения.

— Да, неудачно рейд складывается. Два трупa в полковом тылу, у артиллеристов тоже труп, несколько раненых. Только что сообщили: погиб новый командир взвода ГПВ из второй роты. Я его даже в лицо не знаю. Прапорщик приехал из Вологодской области. Первый рейд — и амба! Голову выстрелом гранатомета оторвало! Еще несколько солдат ранено.

— А Афоню и Луку не задело? — озабоченно поинтересовался я.

— Нет, а что так за них переживаешь?

— Денег перед рейдом очень много им занял, а они их пропили. Не хочется без «бабок» в отпуск ехать.

— Ну-ну, один с твоими деньгами сбежал, другие пропили, что-то ты чеками швыряешься, лучше вообще не получай, пусть в кассе лежат или мне займи, — улыбнулся Володя.

— Ага, и потом переживай за тебя: шандарахнет ротного еще раз по башке или нет.

— Значит, если деньги в долг у тебя не возьму, то за здоровье командира роты ты не станешь переживать?

— Нет. Очень сильно переживать не буду. Был один, другой, третий, пришлют четвертого, — ответил я, широко улыбаясь. — Ну, нельзя сказать, что мне совсем на тебя наплевать. Конечно, жалко будет, человек все же, да и привыкли уже, почти любим тебя.

Моя шутка пришлась Сбитневу не по душе, и он сердито сплюнул на дорогу и выругался.

— Вот твоя замполитская сущность и проявилась. На людей наплевать, деньги дороже, да?

— Сказал же, чуть-чуть будет жалко, обещаю, честное слово, — ответил я, продолжая улыбаться. — А тебе меня будет жалко?

— Нет, подрезать бы все замполитовское племя под корень, легче стало б жить. Баба с возу — кобыле легче.

— Ну тогда дохляков в горах сам будешь подгонять и выносить.

— Вынесем как-нибудь.

— А кто тебя газетами и книжками будет снабжать?

— Обойдусь.

— А в карты с тобой играть?

— Перебьемся.

— Коньяк-водку вместе пить?

— Никогда больше пить с тобой не буду, отстань от меня! Ничего мне от тебя не надо. Отлучаю презренного и недостойного от самодержавного тела! Отправляйся-ка с третьим взводом на их задачу. Я тебя разжаловал, будешь в ссылке находиться, пока моя душа не оттаяет.

— Ну и хорошо, иду с Мандресовым. Очень даже рад! — ответил я Сбитневу и хотел уже уходить, но был остановлен.

— Ник, приемничек-то оставь! — широко улыбнулся Володя.

— Это мой!

— Нет, не твой, а имущество роты. «Маяк» на балансе роты состоит, я за него отвечаю.

— А я его на складе с боем доставал и носил на себе всю дорогу!

— Нет, не ты, его БМП возила! Отставить разговорчики, у тебя собственный маленький транзистор есть! — прикрикнул Сбитнев. — Хочу чемпионат мира по футболу услышать...

— Вот так-то, говорил, что ничего от меня не надо, а сам последнее снимаешь, крохобор.

— От крохобора и слышу. Собирай манатки и двигай в гору, вон Мандресов со своими архаровцами по склону идет. Эти бойцы из третьего взвода?

— Да.

— Вот с ними и выдвигайся. Сколько тут с тобой пехоты?

— Пятеро. А машину куда поставить?

— Технику забирает Лонгинов. Я получу у него последние указания и пойду на соседний хребет, а Вертишин правее меня. Всего три задачи держим. Ну, валия отсюда, бывший собутыльник, — ухмыльнулся Сбитнев и хлопнул меня по спине.

— Вовка, а может, ты мне сто чеков займешь? Тогда проверим, насколько ты за меня больше будешь переживать.

— Нет, не дам, я не хочу о тебе беспокоиться. Иди с глаз моих долой, торопись, а то броня с твоим мешком уедет, — засмеялся Сбитнев.

Я заторопился собираться в путь-дорогу. Мешок укомплектован, спальник достать из десанта — минутное дело, привязать его к мешку — и в путь.

— Рахмонов, отдашь транзистор ротному лично в руки! Не забудь, а то если придержишь, потом сам в горы с заставы понесешь. Узнаешь, что значит быть настоящим пехотинцем, а не на машине разъезжать. Не советую!

— Даже в мыслях не было, — усмехнулся хитрый механик.

— Гурбон, строиться с вещами у машины! — скомандовал я пехоте.

— Бегом, построились, чумасось! — эхом откликнулся на мою команду младший сержант.

Я оглядел бойцов и распорядился:

— Взвод поднимается на высоту, мы выдвигаемся к ним через две минуты! Якубов-большой впереди, затем я, Свекольников, ты в замыкании. Идти след в след, ноги по сторонам не разбрасывать и клешнями камни не загребать. А то подорвемся без сапера. Гурбон, бери шуп, будешь дорогу прокладывать. Сегодня твоя очередь работать минным тралом.

— Вах! Вам меня не жалко, да? Кто будет плов готовить взводу? — живо откликнулся с тревогой в голосе Якубов.

— Ничего, если что — Уразбаев сумеет, или твой маленький однофамилец — справятся. Внимание! Идти предельно осторожно, друг за другом, не отставать! Якубов-младший, бери бурдюк с водой!

— Она тяжелый! А я маленький! Может, кто другой.

— «Хитрый глаз», хватит отговариваться, солдат, я твою воду за тебя нести не собираюсь.

Все дружно засмеялись шутке над узкоглазым узбеком, и я продолжил:

— Как водичку пить — ты первый, а как ее нести — так не могу!

— Я маленький, мешок больше меня, однако ж. А воды я почти не пью!

— Значит, будешь пить! Тетрадзе, помоги ему нацепить емкость. Гурбонище, трогаемся, быстрее вперед!

Глава 11

Месяц копчения на солнце

Группа медленно потянулась вдогонку за взводом. Вначале крутой подъем метров пятьдесят, а затем более пологий, но кажущийся бесконечным склон. Мы двигались по осыпи, по выскальзывающим из-под ног камням, загребая обувью пыль и песок. Сбитнев тем временем умчался на машинах дальше по дороге в сторону Файзабада. Час перехода под палящим солнцем — и мы на месте. Сашка развернул карту и принялся «привязываться» к местности.

— Уф-ф, — выдохнул я, сбросив мешок, вытер пот, присел рядом. — Саня, сориентировался?

— Да хрен его знает. Я в горах еще плохо ориентируюсь, для меня все тут одинаково. Черт поймешь, эту местность: горы, хребты — как под копирку. Давай вместе мудрить.

— Давай. Пляшем от дороги, пойдем сядем чуть повыше: оттуда лучше видно.

Через сорок минут споров мы пришли к общему соглашению о нашем местоположении, и Александр доложил Сбитневу о наших координатах по кодировке на карте. Тем временем бойцы быстренько построили укрытия, а Якубов даже кашеварил.

— Товарищи офицеры, идите скорее, пока еда не остыла, все готово, — крикнул он.

И тут подбежал к нам Свекольников с бледным перепуганным лицом, протягивая радиостанцию Мандресову. Александр стал тревожно вслушиваться и комментировать мне происходящее:

— Ник, во втором взводе подрыв! Трое ранено, двое — тяжело.

— Кто? — воскликнул я.

— Черт его знает. Твою мать! Ветишин! Сбитнев говорит: старшего ранило! Сережку!

— Куда?

— Не отвечает.

— Саня, дай поговорю с командиром.

— Он и сам тебя вызывает, — и Александр сунул мне в руки радиостанцию.

— Как у вас дела? — спросил Сбитнев. — Почему не докладываете обстановку?

— Сориентировались и привязались к местности, окопались и закрепились, хотели доложить о построении СПСов, но услышали про потери, молчим и слушаем, — ответил я.

— Ну вот что, слушатель, бери одного «карандаша» и следуй ко мне, как говорится, с вещами на выход!

— «Карандаш» тоже с вещами?

— Да, бери любого и побыстрее! Я поглядел на Сашку.

— Слышал приказ?

Он грустно вздохнул и кивнул.

— Я думал, вдвоем хоть какое-нибудь время повоюем, боюсь что-то не так сделаю, все же в первый раз в рейде.

— Все будет нормально! Гурбон и Юревич подскажут, нормальные сержанты, хоть и молодые. Свекольников хороший связист, взвод что надо, твой предшественник их отлично подготовил. Я у тебя, наверное, Уразбаева заберу, от него проку никакого, большой потери не будет. А то там, во втором, сплошные узбеки, русскому бойцу тяжело будет. Я думаю, Вовка вызывает меня командовать вторым взводом вместо Ветишина. Уразбаев!

— Я, — откликнулся встревоженно солдат.

— Собирай манатки, ты идешь со мной к ротному, — скомандовал я солдату.

— Чего собирать? — переспросил солдат. — Пачаму я?

— Шмотки свои собирай и быстрее! — воскликнул взводный. — Ничего не забудь, а то оставишь тут что-нибудь, потом назад не вернешься! А почему ты? Потому! Замполит тебя выбрал, очень ты умный и смелый.

— Какой умный, какой смелый? Я обыкновенный, не надо меня. Не хочу во второй взвод.

— А, испугался идти к своей узбекской «мафии»? — догадался я и самодовольно улыбнулся. — Ничего не поделаешь, придется!

Солдат о чем-то продолжал скульпить вполголоса, обреченно собираясь в поход.

— Видишь, Саня, не хочет быть на побегушках у Алимова и Исакова. Те страшные бездельники, и ему придется им подчиняться, все за них делать, да, солдат?

— Ага, — уныло соглашался Уразбаев.

— Ну ничего страшного, в обиду не дам, пошли! Пока, Сашка, не грусти, не скучай, — я крепко пожал руку взводному на прощание и зашагал по еле заметной тропе.

Мы спустились в ложбину, поднялись на хребет, снова ложбина, снова хребет, еще спуск, и вот уже взобрались на высоту к КП роты. Пришли мы оба взмокшие, хоть тельняшку выжимай, и соль со спины соскребай.

Нас встретили минометчик Радионов и врач двухгодичник, старший лейтенант.

— О, привет медицине и «богу войны». Как вы тут? Где Володя? Что с Сережкой?

— Здорово, ротный ждет тебя там, во взводе Ветишина. Топай, не задерживайся, — ответил минометчик. — Сереге лицо сильно посекло и ранило осколком руку.

— Сейчас немного передохну, с вами язык почешу и пойду. Хорошо, что с Ветишей все более-менее нормально. Надо дух перевести, прямо качает от зноя. Сил нет, хочется упасть где-нибудь в тень, а ее как всегда нет, — ответил я.

— И еще долго не будет. Сегодня Ошуев поставил задачу Сбитневу — закрепляться как можно основательней, быть готовыми отражать атаки мятежников. Есть вероятность, что будем тут около месяца, — поддержал разговор медик.

— Нечего сказать, хорошенькая перспектива. Пйкло хуже, чем в Кабуле! Одно радует — стоматолог с нами, зубы подлечит, если что. А ты хирургом-то работать сможешь? — поинтересовался я.

— А как же! Я все могу, уже полтора года как в Афгане воюю. Меня, когда из Союза направляли на должность хирурга, я криком кричал, что готов только зубы удалять. А мне ответили: «Ничего две-три руки-ноги отрежешь, четвертую уже сможешь пришить, научишься, практика — критерий истины». Вот так и пошла служба, что-то, может, сначала и не получалось, но вроде бы пострадавшие от моих медицинских опытов не жаловались.

— Наверное, уже просто не могли, — ухмыльнулся Радионов.

— Вот сейчас вернулся после штопанья твоих бойцов, и ни одного мата в мой адрес.

— Проклятый новоявленный «доктор Менгеле», ненавистный продолжатель экспериментов Бухенвальда и Освенцима, — шутивно возмутился я и, устало закрыв глаза, продолжил: — Не дай бог, к такому по-

пасть, зубы не вылечит, потому что разучился, а кишки зашить не сумеет, еще не научился.

— А ты, как настоящий замполит, болтаешь даже с закрытыми глазами и во сне. Твои кишки я пришью к языку. У нас в полку под Читой уникальный случай был в моей практике. Из морга прибегает боец-санитар и кричит: «Я из морга, там труп ожил». Весь бледный, трясется, орет благим матом. Иду с ним в мертвецкую, действительно: лежит покойник синий-синий, а язык высунул изо рта и шевелит. Я солдатику успокаиваю: не переживай, ничего страшного, это же замполит, у него рефлекс, только на пятые сутки язык болтать перестанет. Настоящий был профессионал! Гы-гы, — и он ехидно засмеялся.

— Да пошел ты куда-нибудь подальше, мне не хочется врача нецензурщиной обижать, может, когда пригодится, но ты напрашиваешься. Однако ты, «шприц-тюбик», старые анекдоты за быть не пытайся выдавать. Этот номер у тебя не пройдет, не прокатит. Слышали эти байки сто раз, твоя быть мхом поросла. Ладно, раз вы такие противные и неласковые, уйду я от вас. А что за ранения у солдат, почему молчите?

— Бойцы живы, я уже к стати туда сбежал, перевязал всех, вертолета дождался и обратно вернулся, — ответил врач. — У бойцов положение гораздо хуже: Кайрымова ранило в шею, повезло, что осколок не задел артерию, но немного повредил гортань. Но, думаю, жить будет, а Сомов скорее всего остался без глаза.

— Твою мать, совсем?

— Совсем, там такое месиво: щека разодрана, на лицо страшно смотреть. А у тебя видок что-то неважнецкий, что с тобою, Никифор?

— Башка до сих пор гудит после теплового удара, а тут еще контузило немного! — ответил я.

— Если хочешь в академию поступать, не свети ни тепловой удар, ни тем более контузию. Это ведь головной мозг, очень ревностно мои коллеги к этим травмам относятся, могут забраковать еще до экзаменов. Дураки, сам понимаешь, никому не нужны! Ха-ха-ха! Я это серьезно говорю, подумай! Ну иди, тебе Сбитнев подробности на месте расскажет, — хлопнул меня по плечу доктор и полез обратно в укрытие от солнца, сделанное из двух накидок, растянутых как полог.

Он лег, высунул голову наружу, протер запотевшие очки и принялся отмахиваться от мух, липнувших к потному красному лицу. Доктор всем видом показывал, что желания со мной разговаривать у него больше нет. Жирок медленно плавился и вытекал через поры тела. Чувствовалось, офицер-медик переживает увиденное за сегодняшний день, но виду не подает, крепится. Трупы утром после боя на трассе, перевязка раненых, теперь еще тяжело раненные. Даже у врачей нервы не железные и стойкость не беспредельная.

Я хлопнул минометчика на прощание по плечу и попросил:

— Смотри, точнее с арткорректировкой, опять не перепутай, как в Джелалабаде, «Кутузов»! — и, ругая солнце, двинулся вниз.

Вслед услышал:

— Да пошел ты, умник!

Не понравилось, что я не удержался и напомнил про обстрел нашей роты армейской артиллерией и «Градами», когда Радионов с нами был корректировщиком в Черных горах. Ничего, полезно освежить ему память, может, лишний раз перестраخует, уточнит наше местонахождение.

— Уразбаев! Уразбаев! — закричал я, оглядываясь. Этот хитрец уже куда-то спрятался. Лежит под навесом и молчит, делает вид, что не слышит и что-нибудь жрет. — Уразбаев! Ты где, проклятый гоблин! — рывнул я еще громче.

Из-за полога крайнего укрытия высунулась потная жующая физиономия.

— Товарищ лейтенант, иду сейчас, один минута, чай очень горячая.

— Тридцать секунд, достаточно на два глотка.

— Опять шутите, да? — улыбнулся солдат.

— Нет! Вылей эту бурду, нам через пятнадцать минут нужно быть на месте!

Солдат сделал один судорожный глоток, обжигаясь, выпил жидкость и засеменял следом.

* * *

Еще два распадка и два подъема. У-ф-ф. Кто только придумал эти проклятые горы, черт бы побрал эту жару, рухни небо на эту страну! Будь она проклята!

На краю каменной стены сидел грустный командир роты и грыз зубами стебель сухой колючки, уныло глядя вдаль, где по ущелью шла группа из пяти человек.

— Вот и я! Еще раз привет! Кто это ушел? — тяжело дыша, поинтересовался я, упал рядом, завалившись на правый бок. Пот струился ручьями, маскхалат вместе с тельняшкой прилипли к телу, даже кроссовки взмокли.

— Это был Бронезилет, тебе повезло, что с ним разминул. Всю силу своего гнева он обрушил на мою голову.

— Как все произошло? Как они подорвались?

— Да хрен его знает! Там ни старого окопа, ни СПСа не было. Место удобное, вот и решили оборудовать пулеметную точку. На два штыка лопаты даже не успели углубиться, как раздался взрыв. Серега смотрел в бинокль на дорогу, ему посекло осколками правую сторону симпатичной физиономии и в кисть попало. Бойцам досталось еще крепче. После взрыва я и медик через пять минут были уже здесь. Юрка-медик молодец, кровь, хлеставшую из горла Кайрымова, остановил; сначала думали, Садык до вертолета не доживет. Но ничего, натыкали промидол, перетянули жгута-

ми раны на руках. Это он задел что-то в земле лопатой, и принял на себя большинство осколков. У Юрки золотые руки и стальные нервы. Кровищи вокруг — море, а он что-то шьет, клеит, перевязывает. Мне даже дурно стало с непривычки. А он же окурок изо рта не выпускает и только матерится сквозь зубы.

— У Сомова как дела? — поинтересовался я.

— Сомову меньше досталось, но тоже не лицо, а сплошное месиво. Глаз — одни ошметки, и щека — в клочья.

— Да, бедный клоун. Теперь парню не до смеха. Глаз левый или правый?

— Левый. А какая разница? — удивился Сбитнев.

— Никакой. Просто спросил. Лучше бы оба глаза сохранились. Куда еще попали осколки?

— Обоим немного посекло по ногам до паха.

— Жизненно важные органы какие-нибудь не задеты?

— Какие-нибудь не задеты. Между ног у всех цело, если ты это имел в виду. И грустно, и смешно, но выглядит так, словно у них на яйцах были бронжилеты. Все задело, кроме этого. Так что через неделю Сережка на медсестричках будет скакать, его ранения-то плевые. А бойцов жалко: хорошие солдаты.

— Были. Теперь они уже не солдаты, и вряд ли вернутся обратно, — вздохнул я.

— Это точно, хотя бывает, что и после ранения возвращаются. Пасть зашивают, зубы вставляют — и в строй, — грустно улыбнулся Вовка.

— Тебе лучше знать, ходячий экспонат чудес советской стоматологической и челюстной хирургии.

— Ну ладно, поболтали, теперь о деле. Занимай оборону, строй бойницы, рой окопы, готовь круговую оборону, командуй взводом. Лонгинов, уходя, обещал: около месяца нам предстоит загорать и плавиться на солнышке, пока техника колоннами будет внизу снова туда-сюда. Курорт, мать твою!!! Командование приняло решение — построить взлетную полосу для самолетов на аэродроме в Файзабаде. Чтобы не только вертолеты и «кукурузники» садились, а большегрузные самолеты. Машины станут возить плиты, блоки, кирпич, щебенку, цемент весь месяц. Возможны попытки прорыва «духов» к дороге, задача — не допустить этого. Твой сектор — от половины хребта с левой стороны и до четвертого хребта справа, дальше сидит разведвзвод, и это уже будет его линия обороны. Поставь вокруг сигнальные мины, их вертолетом завезли на всю роту, часть я сейчас заберу, третью часть бойцы от Мандресова придут взять. Поделись по-братски, не жмись. Далеко не устанавливай, а то зверье будет бегать, зацеплять.

— Техника снизу нас поддерживать не будет? — поинтересовался я. — Что-то не видно никого у шоссе.

— Нет, всех забрали, они дальше стоят. Помочь сможет только авиация и артиллерия, не дай бог, до этого дойдет. У тебя один ПК, другой у

Мандресова, а у меня в кулаке АГС и «Утес», ну и миномет, если что — помогу вам обоим, чем смогу. Послезавтра вызову, придешь доложить о проделанной работе. Будь здоров, не кашляй!

— Постараюсь, спасибо на добром слове.

* * *

Командир ушел с солдатами, нагрузившись сигналками, а я принялся озираться по сторонам. Итак, что у меня есть и кто у меня есть?

— Сержанты! Есть кто живой? Всем ко мне! — крикнул я. Загребая пыль ногами, подошли Муталибов и Зайка.

— Гасан, ты как тут оказался? — удивился я. — Если не изменяет память, ты из другого взвода?

— Ротный привел, для усиления этого коллектива, — усмехнулся сержант. — Он сказал, что узбеки меня боятся и я буду помогать вам.

— А где еще один командир отделения?

— Фадеев, он в туалет пошел, — ответил Зайка.

— Обделался с испугу? — усмехнулся я.

— Да нет, что-то сожрал, второй день бегаёт, уже газеты кончились, все извел, — усмехнулся Зайка.

— Ну что ж, определяемся по обороне. Зайка, берешь Фадеева, вот тебе еще Уразбаев, и топаете туда, где был подрыв, там оборудуем выносной пост. Щупом вокруг хорошенько потыкать, вдруг в земле еще что лежит. Грунт не копать, камни ворочать аккуратнее, сигналки ставьте метрах в пятидесяти вниз по склонам. Завтра с утра роете к нам траншею, если нападут, то под обстрелом появится возможность от вас выползти сюда и, наоборот, к вам добраться. Алимов, Тажибабаев, Исаков на самой горке останутся, пусть снайперы наблюдают окрестности. Каждому построить по отдельному укреплению!

Узбеки, стоя в сторонке, прислушивались к разговору, и им явно не нравилось мое распоряжение. Поняли: придется работать и стоять на посту всем.

— Товарищ лэйтенант, — попытался исправить положение Алимов, — дайте нам Уразбаева или Сидорчука.

— Хрен вам на рыло и тебе, Алимов, и особенно на твою, Исаков, толстую морду. На твое наглое мурло, Исаков, персонально! Ты самый неблагодарный, если что, выроешь яму, и перед строем расстреляю! Понял?

— Понял. Опять издеваетесь, — криво улыбнулся Исаков.

— Нет, не издеваюсь, а обещаю. Я никогда не забуду, как ты угрожал взводного Ветишина застрелить. Вот как раз тебе я гарантирую расстрел, если начнешь борзеть! Тажибабаев! Назначаю старшим, будешь проверять часового и докладывать.

— Если я — старший, то надо еще одного на пост!

— Ладно, Ташметова даю!
— Опять узбек! — возмущенно выдохнул Исаков.
— Исаков! А ты что разве узбеков не любишь? — удивился я.
— Как не люблю, я ведь сам узбек. Но что это вы нас всех вместе собрали и отделили? — продолжил удивляться Исаков.
— А потому, что узбек узбеку глаз не выклюет! Мните свое дерьмо между собой! По крайней мере честно поделите смены. Таджикибаев, командуй!

Исаков с Алимовым продолжали о чем-то недовольно переговариваться.
— Что такое? Чем опять недовольны? — поинтересовался я.
— Ничем, всем вполне довольны, — сердито ответил Алимов.
— Вот видишь, Улугбек, даже ты всем доволен! — ухмыльнулся я.
— Я не доволен! — воскликнул Исаков. — Дайте одного русского.
— А зачем? Чтоб было над кем издеваться и заставлять стоять на посту за вас? — ехидно улыбнулся я. — Могу добавить вам еще Васиняна.
— Нэт, спасибо, нэ пойду я к чуркам! — воскликнул армянин-пулеметчик.

— Сам ты чурка! — подскочил к нему Алимов.
— Я не чурка, я с Кавказа! — огрызнулся пулеметчик.
Мне пришлось схватить обоих за шивороты и растащить.
— Эй вы, петухи, успокоились!
— Кто петух? — вскричал Алимов. — Я — петух?
— Уймись, я не то сказал, что ты подумал. Это не касалось целостности твоей задницы, а я имел в виду, что кукарекаешь и перья распускаешь. Пошли отсюда прочь!
— Марш отсюда! — рявкнул Муталибов и принялся раздавать тумаки.

Вся «шайка» узбеков, окончательно загрустив, побрела к указанному им месту.

— Первый фланг обороняете вы четверо, — обратился я к оставшимся солдатам, — Зибоев, Васинян, Царегородцев и ты, Сидорчук. Настоящий интернационал. Ты, Зибоев, старший на посту. Для ПК сделай отдельную бойницу, камней много, на всех хватит. За работу! Потом еще командный пункт подойдете оборудовать.

Солдаты принялись за дело, а я присел на камни и стал ориентироваться на местности и наносить точки на карте. Сережкина карта так и осталась чистой — не успел ничего отметить.

Вечерело. Наконец-то зашло за вершины гор это проклятое солнце. Будь оно проклято, как я его сейчас ненавижу! И еще год, если я останусь жив, оно будет нещадно палить и поджаривать меня. На год вперед загадывать не стоит, но вот на ближайший месяц — это точнее. Какой кошмар! Эх, бляха, как хорошо быть «тыловой крысой»! За месяц тут можно сойти с ума.

— Муталибов! Предлагаю чаю попить. Наверное, пора, как думаешь?

— А чем еще заняться, одно удовольствие в жизни осталось, — вздохнул сержант и принялся поджигать кубики сухого спирта.

Выбросив острые камушки, сушняк, колючки и расстелив в укрытии спальник, я обнаружил у стены два мешка.

— Гасан, это чье здесь барахлишко лежит?

— Лейтенанта Ветишина.

— А оружие его где?

— Оружие погрузили в вертушку, а мешки тут остались. Паек солдаты разделили всем поровну, а доля взводного вам достался.

— Если мне, то, значит, и тебе, поделим по-братски. Давай устраивайся рядом.

— Да я думал к Зибоеву идти, он на двоих лежанку соорудил, — ответил Муталибов.

— Ты что предлагаешь мне месяц в одиночестве мучиться? Тут места троим хватит.

— Хорошо, сейчас переберусь. Там, кстати, у взводного должен быть надувной матрас, на него можно лечь, все мягче спать.

— Хорошая новость, а то я уже приготовился отлеживать себе бока на камнях. Тонкий поролон — это вся прослойка, что есть между телом и землей, жутко неудобно, особенно если рейд будет продолжаться целый месяц!

Внизу виднелся небольшой участок дороги, по которому продолжал двигаться нескончаемый поток наших и афганских машин. Рев двигателей, скрип тормозов, сигналы и ругань водителей, шум стоял, как во время великого переселения народов. Темная ночь сменила короткие вечерние сумерки. Что-то в стороне за речушкой взрывалось, по горам била артиллерия, время от времени над высотами взлетали осветительные ракеты. Но с каждым часом становилось все тише и тише, ночь вступала в свои права.

* * *

Голова страшно болела, ломило виски и затылок, болели уши. Чертова контузия, от многочисленных разрывов заложило уши и теперь все гудит. Шум в ушах, головокружение, тошнота волнами подкатывает к горлу, ломит кости, резь в глазах. Они болят и слезятся.

— Гасан, сейчас двадцать три часа, до трех проверяешь караул, после тебя до утра проверять буду я. Не спи и не давай спать часовым. Я совсем скис, тепловой удар, а теперь еще и слегка контузило. Как барабанные перепонки не лопнули, ума не приложу! Когда взорвалась мина у дороги, подумал, сейчас башка треснет. А пушка замолотила прямо над ухом, так я едва совсем не олох. Хорошо, что еще рот открытый был, смягчило силу удара по ушам.

Я надул матрас, постелил спальник, отбилелся от комаров и москитов, накрылся маскхалатом и, немного поворочавшись, заснул.

Среди ночи Муталибов с трудом сумел заставить меня открыть глаза.
— Тебе чего, сержант?
— Товарищ лейтенант, спать хочу, ваше время проверять посты.
— Твою мать! Так спать хочется, что голову не поднять! Ой, попить бы чего! Вода у тебя есть?
— Нет, вечером закончилась.
И сока нет, а компот только что выпил!
— Черт! И я вчера все опустошил. Ну что ж, будем мучиться.
Я обошел посты и, на счастье, нашел воду. Уразбаев ушел с бурдюком воды на выносной пост Зайки, вот у них-то она только и осталась.
— Ну, «Хитрый Глаз», ну, гад! Почему воду спрятал? — набросился я на солдата.
— Почему спрятал, я не прятал, она лежит на виду, только от солнца прикрыта.
— Она лежит, она лежит! Захватил весь запас и счастлив до безобразия! Наливай всем по фляжке, остальное неси к Муталибову.
Солдат нехотя принялся сцеживать воду из резиновой емкости. Вода была отвратительной на вкус, ужасно вонючей и противной, но пить после нее захотелось еще больше.
— Уразик, зажигай спирт, некипяченая она в горло не идет, просится обратно. Будем пить резиновый чай.
Действительно, в виде чая жидкость оказалась куда лучше, но все равно этим бы напитком да «любимую» тещу напоить!

* * *

Ночь сменило утро, утро перешло в день с его невыносимым пеклом, затем вновь радость от вечерней прохлады и опять ночь. Не осталось ни воды, ни еды. Еще не хватало для полного счастья голодать в трехстах метрах от дороги, по которой целые сутки везут и воду, и продовольствие. Где же этот проклятый тыл?

В пять утра, проверив несколько раз посты, я слегка задремал и был разбужен связистом:

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! Проснитесь!

Солдат теребил меня, но крепкий сон никак не уходил, я словно увяз в болотной жиже: слышу, чувствую, но двигаться не могу, несмотря на все усилия. Это продолжалось около минуты, затем, выматерившись, я наконец-то очнулся.

— Царегородцев! Пошел на х...! Чего тебе надо, вот пристал!

— Сначала пошел на х... а потом спрашиваете, чего надо? — обиженно откликнулся солдат. — Ротный вызывает, я зову-зову, а вы как бесчувственный, я думал, без сознания.

— Что-то с головой у меня стало не в порядке, думал, сейчас задох-

нусь и издохну! Уф-ф, — ответил я, тяжело выдохнув. — На связи «Кобальт-2»! Слушаю! — рявкнул я, нажав тангенту радиостанции.

— Не ори, спишь крепко! Чего долго не отвечаешь? Наверное, пить и есть не хочешь? — спросил Сбитнев. — Прием...

— Хочу, но не могу. А еще через пару дней и не нужно будет присылать, получателей не окажется, выйдем как мамонты, — обиженно ответил я. — Прием...

— Не горюй, в семь утра готовность к получению еды и воды, Головской доставит на БМП. Трех или четырех бойцов ко мне пришлешь, и отсюда вместе пойдут к дороге за провиантом. Как слышно, все понял? Прием...

— Ура! Спасены! — обрадованно воскликнул я.

— Хватит радоваться, собирайте фляжки и ко мне, опездолы! — и командир роты завершил сеанс связи легким матерком.

По холодку вернуться с провизией не получилось. Как всегда, тыловые где-то задержались и приехали по солнцепеку. Солдаты притащили после полудня большие коробки, и полные вещмешки с фляжками. Добрались еле живые.

— Чуть не помер по дороге, — пожаловался, выбравшись наверх, Фадеев. — Тут паек на трое суток, а воды теперь у нас очень много! Мы родник нашли в лощине, случайно наткнулись! Вода вкусная, не то что эти помои, сплошная хлорка!

Эта новость нас обрадовала больше всего, у родника можно не только попить, но и помыться, не нужно экономить и трястись над каждой каплей!

* * *

— Гасан, а кем ты хочешь быть после армии? Куда пойдешь работать? — поинтересовался я у лежащего рядом сержанта.

— Торгашом. Я кооперативный техникум закончил, товароведом или завскладом стану, может, заготовителем, наверняка где-нибудь среди материальных ценностей окажусь. У нас в этой сфере работаешь — большим и уважаемым человек считаешься. Самая лучшая должность — начальник склада.

— По всей стране так, не только у вас. Хотя на Кавказе особенно! Доступ к законам Родины — самое главное дело! И как же ты в армию попал, обычно на такой работе откупиться можно?

— Вокруг слишком многих посадили, некоторых даже расстреляли, кампания началась по переделу сфер влияния, я предпочел два года армии пяти годам тюрьмы. Считаю, что мне крупно повезло, моим друзьям — нет, многие арестованы.

— Понятно. Значит, есть еще бойцы, радующиеся службе в армии на благо Родины! Молодец!

— Гасан, а тебе не кажется, что у нас тут очень уж сильно воняет? А? Загадили всю гору! — возмутился я однажды утром, когда вместо расцветной свежести ветерок принес отвратительный запах выгребной ямы.

— Да, товарищ лейтенант, еще неделя — мы или окончательно задохнемся, или мухи заедят, — ухмыльнулся Муталибов, соглашаясь с моим замечанием.

— Это мы уже более-менее приняхались, а если посторонний, новенький какой прилетит, с ног запахом собьет. Сегодня проводим субботник, как раз суббота по календарю.

— Сегодня пятница, — вяло возразил Фадеев.

— Я сказал суббота, значит, суббота! Не нравится субботник — будет пятничник...

После завтрака я озадачил выносные посты уборкой окружающей территории. Если взглянуть со стороны, то действительно жуткое зрелище, мусорная свалка какая-то: пустые банки, обрывки загаженных газет, упаковки, огрызки и всюду кучи, кучи, кучи и кровавый понос.

— Дристуны! А ну, всем вооружиться саперными лопатами и вниз на двадцать метров вокруг по склону присыпать дерьмецо и отходы жизнедеятельности, банки сбросить в пропасть. Если кто попробует скрытно ночью подойти, то хоть громыхнут, будут исполнять роль второго рубежа сигнализации. Да аккуратнее с сигналками, ногами не зацепите, — распорядился я. Старшим отправил Гасана контролировать выполнение приказа. Но как всегда говоришь одно, а делают совсем другое: две сигнальные мины узбеки зацепили, и осветительные ракеты сериями взметнулись в разные стороны.

— Что случилось, почему сигнальные мины сработали? — запросил меня по связи Сбитнев.

— Зачищаем от мусора гору, боремся с антисанитарией, маскируем фекалии! — отрапортовал я бодрым голосом.

— Боретесь за чистоту — это похвально! А вот военное имущество без толку истребляете — плохо.

— Почему без толку истребляем, все одно тут мины бросим, когда уйдем, — ответил я.

— Пререкаешься? Давай топай к нам, возьми с собой бойца и сейчас же выдвигайся, получишь указания на следующую неделю.

«А чего их получать, — подумал я, — что на этой неделе, что в следующую — будет одно и то же: лежать, наблюдать, загорать, есть, мусорить и гадить!» Нехотя я взял автомат, лифчик с боеприпасами и, тяжело вздыхая, отправился в путь. Вниз-вверх, вниз-вверх — пятнадцать минут неторопливой ходьбы под раскаленным солнцем. Насквозь взмокший я выбрался на командный пункт.

На вершине меня никто не встретил, не окликнул, сплошное сонное царство. Только Колесников приоткрыл глаза и уставился с любопытством на меня. Он дежурил у радиостанции, и спать ему было не положено, поэтому дремал вполглаза.

— Колесо! Где отцы-командиры?

— Там, в своем СПСе.

— Чем занимаются?

— В карты играют, курят, анекдоты рассказывают.

— Как у «Самого» настроение?

— У Сбитнева — хорошее, у врача — не очень, — ответил солдат.

— А у тебя? — продолжил расспросы я.

— У меня еще хуже: зуб болит, и спать хочется, — пожаловался Колесо. — Доктор пообещал зуб без наркоза вырвать, если засну на посту у радиостанции, вот и борюсь со сном!

— Вот и молодец, борись дальше! А то еще рассердится стоматолог да перепутает, вместо больного здоровый зубик удалит, — сказал я солдату.

— Ни хрена себе перспектива, без наркоза да еще здоровый! Ох, солдатская судьба — злодейка!

— Это точно, — ухмыльнулся я. — Тяжела жизнь военного подростка.

Оглядевшись, я посмотрел в сторону своей горки. Позиции взвода абсолютно не видны, они закрыты соседней высотой, и прямой видимости у ротного нет. Это и хорошо, и плохо. Плохо, что друг друга поддержать не сможем, а хорошо то, что Сбитнев не видит, чем я занимаюсь: болтаюсь бесцельно по горе или сутками дрыхну. Поэтому не может и придрататься к организации службы. Нет повода прокомпостировать мне лишний раз мозги.

— Привет, страдальцы! — крикнул я, приподняв палатку, растянутую над укрытием.

— Пошел к черту, — заорал в ответ ротный. — Не тяни полог, а то сейчас стена завалится. Что присесть тяжело и на карачках заползти, обязательно все ломать? Быстро лезь сюда к нам и не пыли! Третьим будешь?

— А что я в вашей конуре забыл, там душно! Третьим быть, а на ком, позвольте полюбопытствовать, мероприятия? — отказался я.

— Преферанс в простое.

— Играть с тобой в карты не хочу — жульничество одно! Ты шулер, Вовка!

— Сгниешь на своей горе, больше не пригласим! — пообещал нахально Сбитнев.

— И ладно.

Я ушел, поднимая пыль, загребая кроссовками песок и мелкие камушки, а несчастные игроки, обсыпанные сигаретным пеплом, словно перхотью, так и остались лежать и потеть под пыльной палаткой. Напоследок я еще посмеялся над ними несчастными. Оба курили, обжигая губы, общий бычок, за неимением сигарет. Они неделю собирали старые окурки в бан-

ку, а теперь доставали их оттуда пинцетом и докуривали. Скоро начнут из мусора сворачивать самокрутки. Бедолаги...

Ночь. На связь вышел Бронежилет. Он переговоривался со всеми постами, запрашивал о том, что нужно бойцам для счастья. Оповестил о грядущем празднике жизни на горе: доставка воды и продуктов вертолетом.

— Замполит, тебе сигареты нужны?

— Нет, я не курю, — ответил я.

— А бойцам сколько забросить «Охотничьих»?

— Лучше бы нисколько, пусть бросают курить.

— Товарищ лейтенант, вы что совсем обалдели? — возмущился оказавшийся поблизости сержант Зайка.

— Иди ты к черту, бросай курить, займись спортом, а то в гору лезешь и дохнешь, хрипишь, как старый дед! — ответил я ему яростно в ответ.

— Товарищ лейтенант! На колени встанем всем коллективом! Умоляю, не отказывайтесь от курева, устали уже в табак, собранный из окурков, чай добавлять, такая гадость, и от этого легким еще хуже. Так туберкулез заработаем!

— Ну ладно, раз такие дураки, продолжайте себя травить, — ответил я сержанту и доложил к зам комбата:

— Народ просит тридцать пачек.

— Каждому! — воскликнул с тоской Юра.

— На всех? — переспросил Лонгинов. — На неделю им хватит?

— Хватит! Здоровее будут, — утвердительно ответил я.

— У-у... — провыл сержант Зайка, и таким же воем, словно эхом, ото-звались сидевшие поодаль узбекские «мафиози».

Сержант что-то тихо проговорил в мой адрес и, матерясь, побрел на свой пост.

— Зайка, если ты что-то плохое сказал про меня или обиду какую затаил, то я сейчас, вообще, заявку отменю!

— Нет, нет, это я на себя. Уговариваю слабовольный организм отказаться от проклятого никотина.

— Вот иди и борись! — напутствовал я сержанта.

Тут меня вызвал Сбитнев и принялся распекать:

— Тебе что, зануда, жалко дряни этой? Почему мало заказал солдатам папирос?

— Нормально. Всем хватит, — ответил я.

— Если тебе было бы лишнее, то отдал бы мне подымить, вернемся, объявлю выговор за недостаток чуткости и отсутствие заботы о личном составе! — заявил Володя.

— Это не черствость, это, наоборот, забота о здоровье, хочу продлить им жизнь на несколько лет.

— «Старовер» проклятый! Из-за таких, как ты, мы тут страдаем и мучаемся! — рывкнул Сбитнев и отключился.

Рано утром над высотой принялся кружить вертолет. Почему-то он выбрал нашу площадку, наверное потому, что она оказалась плоской и самой широкой. Вертолетчики приземлились, из люка высунулась испуганная рожа Берендея, который принялся торопливо выбрасывать коробки с пайками, мешки с газетами, бурдюки с водой, еще какие-то мешки, и через минуту-другую «стрекоза» улетела. На правах хозяина горы я принялся распределять еду, воду, газеты.

— Ник, ты что там делаешь? — опять начал кричать по радиостанции ротный.

— Сортирую и делю продукты на всех.

— Прекрати, я сейчас приду и все поделю! Газеты не трогай, воду не воруй!

— Не понял! Плохо слышно! — ответил я.

— Сейчас приду, уши прочищу, — ответил Сбитнев, и радиостанция замолчала.

Вот черт, не сидится, не доверяет моей честности. А зря не доверяет! Обидел — отомщу.

— Фадеев, Зайка! Хватайте вот этот РД-100 и тащите воду к себе в окопчик, там накройте палаткой. Гасан, бери аккумуляторы к радиостанции, и спрячь вот эту пачку самых интересных газет. Тут и «Советский спорт», и «Известия». А ротный пусть изучает «Красную звезду», «Правду» и «Окопную правду».

— А нам «Красную звезду» взяли? — поинтересовался Гасан. — Там фотографии солдат из третьей роты должны быть и разведчиков!

— Взял, все посмотрим, беги, маскируй прессу, откуда командир роты не конфисковал.

Вскоре показался взмыленный Сбитнев, который в лоснящемся от жирных масляных пятен автомобильном комбезе и без погон походил на зачуханного шофера колымаги.

— Так, признавайся, что украл, что спрятал? — наигранно строго спросил Володя.

— Все по-честному, — уверенно, не моргнув глазом, ответил я, и бойцы дружно закивали головами, подтверждая мои слова.

Командир разделил коробки по взводам, а из холщового мешка выпал мягкие батоны. Свежие настоящие батоны, каждый завернут в отдельную целлофановую упаковку, внутри каждой были видны бумажки, на одной из них я прочитал: «Днепропетровский опытный хлебозавод, дата изготовления 17 мая, упаковщик №...»

— Ни хрена себе! Свеженький... — озадаченно почесал затылок Муталибов. — Больше месяца! Да там такая дрянь должна быть! Сухарь.

Я разорвал упаковку, и в нос ударили пары спирта.

— О-о-о, вот это да! Чистейший спирт! Божественный аромат! Володя, вдохни! Чудесно!

Сбитнев втянул носом запах и изрек:

— Жаль, грамм сто не плещется, а только пахнет. Интересно, если съешь его целиком, забалдеешь?

— Думаю, что капнули туда всего пару капель, только вот зачем? — произнес я.

Мы съели батон на двоих, запив огромным количеством кружек горячей коричневой бурды, называемой чаем.

— Нет, не пробирает, — горестно произнес Сбитнев. — Это только запах, иллюзия, растревожили гады. Напрасные грезы! Не спирт это вовсе, а просто мираж! Сволочи тыловые, так издеваться над страждущими людьми!

— Вова, в такую жару-то пол-литра водки заглотишь — тотчас все сосуды лопнут или сердце остановится! — возразил я. — Лучше бы шампанского со льдом! Можно холодного «Рислинг» или «Токая».

— Прекрати, тебе не идет аристократизм! Ты ведь не граф Острогин! Водяра и бормотуха — вот питье настоящего пехотного офицера! Ладно, пойдем, посмотрим обустройство района обороны, сейчас получишь порцию взысканий!

Состроив на лице скорбную и обиженную мину, я поплелся за командиром по укрепрайону.

— Почему такие низкие и тонкие стены у укрытий? Почему слишком узкая и неглубокая траншея идет к дальнему посту? Где запасные пулеметные гнезда? И главное — никакой маскировки! Колючки собери и между камней понатыкай!

— Володя, у тебя позиции не лучше оборудованы, я ведь наблюдал их, когда на днях приходил.

— Устаревшая информация! Все давным-давно перестроено! Сейчас идешь со мной, и я показываю результаты нашей работы как образец для твоих действий. Вчера Лонгинов инспектировал и повторно осматривал наши позиции, остался доволен.

— А-а! Повторно! Значит, в первый раз он видел то безобразие, что наблюдал я.

— Не умничай, пошли со мной, буду учить фортификации! — приказал командир.

Я всучил командиру самые старые и самые неинтересные газеты, припоминая ему постоянное жульничество в карты, ежедневные придирки и в душе злорадствовал.

— Что только «Правда» и военные газеты? И все старые? Тут ведь ни слова о чемпионате мира по футболу! Признавайся, все спрятал, заныкал для себя?

— Нет ничего больше! Ей-богу! — утвердительно заверил я, как можно правдоподобнее командира роты.

Сбитнев еще раз подозрительно посмотрел в мои наглые глаза, я от-

ветил честнейшим взглядом. Делать нечего — он махнул рукой, и мы двинулись в путь.

Действительно, по периметру КП роты за эти дни были возведены полуметровые стенки, несколько запасных пулеметных гнезд, вокруг позиции миномета — высокий дувал из камней, и все утыкано колючками.

— Учись, студент! — самодовольно похлопал меня по плечу Сбитнев, и под градом шуток и насмешек с его стороны и доктора я двинулся назад, ругая обоих вполголоса.

— Замполит, ты прекращай спать! Завтра проверю устранение недостатков, — пообещал напоследок старший лейтенант, слегка шепелявя.

Вернулся я усталый от жары и страшно злой, поэтому сразу начал громко орать:

— Строиться всем! Бегом! Заспались, закисли, провоняли! Бездельники! Тунеядцы!

— Что такое, что случилось, товарищ лейтенант? «Духи»? — переполошился, проснувшись от моих воплей Муталибов.

— Хуже! Будем укреплять оборону, такая задача поставлена, что за два дня не переделать! Зайка, углубляйте траншею, выкладывайте над ней стенку-бруствер в два камня, постройте два запасных СПСа. Зибоев, сделайте два пулеметных гнезда! «Индейцы»-мафиози, вам три огневые точки высотой по пояс возвести. — Это указание для узбекского поста. — Василян, тебе и Царегородцеву тоже строить большой СПС, ну и мы с тобой, Гасан, с этой стороны стенку слепим. Сейчас такой ужасный зной, прямо в ушах звенит, поэтому начинаем работу в семь вечера и пашем дотемна, а завтра подъем в четыре утра, по холодку доделаем.

Таким образом, мы заняли себя на два дня. А потом вновь тоска и печаль, унылое однообразие будней. Пытка солнцем и скукой. Единственное, что радует, — это возможность спускаться через день к роднику, помыться, почистить зубы, напиться вдоволь вкусной водицы. Аккуратно, чтобы не замутить воду, черпаем из размытого углубления живительную влагу до тех пор, пока вода не заканчивается, и не остаются только муть и пивяки.

Черпаем через день, потому что установлена очередь: сегодня мы, а на другой день ротный и его бойцы, иначе на всех воды не хватает.

Третьему взводу с ручьем не повезло: к роднику ходить далеко. Но его взвод рядом с дорогой, вот Берендей ему водичку лишний раз и подвозил. Мандресов сидел на отшибе, и целый месяц я Сашку не только не видел, но даже голоса его не слышал.

Тоска переходила в беспросветное уныние, и постепенно наступала апатия ко всему. И как это люди на посту два года живут? Чокнуться можно. Что ж, остается одно — чтение газет, завозимых вертолетом каждые

четыре-пять дней вместе с пайком. Самая свежая позавчерашняя! Уже хорошо. Впервые такая забота о нас — газеты с доставкой в горы.

Итак, что сообщает пресса недельной давности? О! Марадона тащит к Олимпу Аргентину! Молодец! В стране идет перетряска руководства, борьба с пьянством, ускорение, перестройка. Что-то слабо верится, что народ пить перестанет. Новая жизнь начинается, если газеты не врут, и умирать тут мне совершенно не хочется. Как давно я не был дома...

— Товарищ лейтенант! Дайте газету! — Это подошел Исаков с хитрой улыбкой, вопрошающе встал возле укрытия.

— Зачем она тебе, ты ведь читать не умеешь! — хмыкнул я в ответ.

— Пачаму так обижаешь, командыр. Пачаму не умею, очень умею.

— И что интересует в первую очередь? Новости из родного кишлака? Новости хорошие — урожай хлопка отличный.

Мы дружно засмеялись с Муталибовым, а Исаков ответил, распалась:

— Какой хлопок? Нет, не интересна про него, интересная мне про футбол!

— А-а-а, про футбол! «Пахтакор» не чемпион, это точно! — пошутил Гасан.

— Муталибов, иди к черту, сам знаешь, чемпионатом мира интересуемся.

— Аргентина — чемпион! — ответил я солдату.

— У-у, шайтан! Я хотел Бразилия! — взвизгнул Исаков и, получив «Советский спорт», пошел к себе обсуждать новости с Алимовым.

Тут же нарисовался Царегородцев.

— А мне газеточку можно?

— Какую тебе? — поинтересовался я. — Тоже спортивную?

— Мне без разницы, я же не читать, а задницу выпирать.

— О! Вот это настоящий интеллигент. Царь! А сидя в позе орла, может, сделаешь хотя бы попытку сложить буквы в слова, а слова в предложения?

— А зачем? — искренне удивился солдат.

— Ну что б знать, что в мире творится, в стране. Новости всякие.

— А мне все едино, без разницы...

— Совсем?

— Совсем. Я и телевизор смотрю редко.

— А книги читаешь? — спросил я.

— Нет, от них голова болит и глаза устают. Зачем? Что умного в книгах найдешь? Брехня одна, как и в газетах.

— И в классике? У Достоевского, Толстого, Гоголя, Тургенева?

— У-у, это совсем мура! Кто же эту ерунду читает? Скука!

— То есть тебя, солдат, книги не волнуют? Ни про любовь, ни про войну, ни фантастика, ни приключения, ни детективы — никакая другая литература не интересует?

— Нет! Совсем! — равнодушно ответил Царегородцев.

— И как же ты в школе учился, хорошо? — усмехнулся я.

— А чего там сложного, ходишь и ходишь, тройку поставят и хорошо.

А если вдруг дождь или снег, так я что за пять километров в соседнее село идти должен? Нет уж, дудки, дома сидел.

— Значит, ты самородок! Гений-самоучка! — рассмеялся я.

— Ага. Я всему сам научился — и на гармошке играть, и плотничать, и слесарить, и лапти плести, и много чего...

— Кулибин и Левша, вместе взятый! Если еще философией займешься, большим человеком станешь, далеко пойдешь, в руководстве любишь таких. Бери газетку, интеллигент, иди, услаждай свой зад, — вздохнул я и выдал несколько старых экземпляров.

* * *

День за днем смертельное пекло под лучами раскаленного солнца, недели мучений и болей во всем теле от камней, на которых спишь. День за днем пыль, принесенная ветром и проникающая везде, да еще эта ужасная ядовитая вонь, висящая над горой.

Можно присыпать песком экскременты каждый день, но толку никакого: все раздувается ветром, осыпается.

А внизу движется караван за караваном, колонна за колонной, едут автомобили. Везут плиты, щебень, металл для взлетной полосы, топливо. Благодаря тому, что мы здесь сидим, мучаемся и страдаем, грузы доставляются бесперебойно и без обстрелов, без потерь.

«Духи» несколько раз появлялись вдали, но приблизиться не успевали, вызывалась авиация, удар — и больше никакого движения. Один раз и мы всей ротой постреляли по какому-то двигавшемуся на горизонте силуэту.

Но все когда-нибудь заканчивается. Даже плохое. И муки не могут быть бесконечными.

Все машины, что проследовали к Файзабаду, поехали порожняком в обратную сторону. Наше мясо и шкуры прожарены до хрустящей корочки. Финиш!

* * *

Однажды рано утром Лонгинов отдал приказ по радиосвязи готовиться к спуску в сторону трассы.

— Ура-ура! — прокричали дружно солдаты, слышав новость.

Всех уже достала эта пытка бесконечным сидением, лежанием, голодом, жаждой, грязью.

Действительно, ура! Я отдал приказ развалить огневые точки, и бойцы с веселым азартом уничтожили свой многодневный труд.

Полк пропускал всех мимо себя и снимался по очереди, пост за постом. Позади уже никого, кроме «духов».

Вместе с Муталибовым я поставил пару «сюрпризов» «духам» в развалинах укрытий. Ф-1 — самый хороший подарок для недругов. Кто-то ведь приготовил ловушку Ветишину! Теперь готова западня для неизвестного, вонючего, грязного аборигена. Мы их ненавидим, они нас ненавидят, какая же тут интернациональная помощь, да еще будто бы «друзьям»? Кто тут видел друзей? Какие мы к черту друг другу друзья? Последний перекур на вещмешках — и в путь.

* * *

Володя смотрел в бинокль на далекий горный склон и торопил рассказывающуюся пехоту;

— Быстрее! Быстрее, чмыри! Скорее! Забрасывайте барахло по машинам, как можно так долго копать! «Духи» на подходе!

— Какие «духи», Володя? — удивился я. — Месяц ни одной твари рядом не показывалось!

— Вон гляди, в километре и конные и пешие двигаются, черт знает что! Откуда только взялись! — ответил ротный, протянув мне бинокль.

— Давай, поможем местному полку навести порядок. Вовремя заметили, значит, наполовину обезопасили себя, — ответил я. — Стреляем?

— А как же! Ближайшую конную группу обязательно накроем! Наводчик-оператор! Ткаченко! Уничтожь вон тех ближайших ковбоев!

Солдат навел автоматическую пушку, чуть выждал, тщательно прицелился и выдал длинную очередь.

— Молодец! — воскликнул Сбитнев, глядяваясь в окуляры. — Уверенно не скажу, сколько завалил, но шестеро, по-моему, готовы! И лошади, и люди скопом валяются. А как они недавно радовались нашему отходу! Трогаем! С Богом!

* * *

Вновь пыль, копоть, рев моторов и узкая лента дороги, петляющая между гор. За Талуканом перед небольшим мостиком дымилась КШМка артиллеристов. Вернее все, что от нее осталось. Траки — в клочья, катки сорваны, броня лопнула, всюду гарь, корпус машины буквально разорван пополам. Фугас! Мощнейший фугас! Фугасище! Вряд ли, кто выжил.

По колонне командиры передали приказ опустить все антенны, пригнуть их к броне, не привлекать внимания. На той взорванной машине болталось штук пять антенн, вот ее и выбрали в качестве мишени. Не повезло ребятам. Хочется, чтобы нам повезло. Очень хочется!

...Пыль, пыль, пыль. Когда же приедем наконец домой? Вот и новое свидание с Салангом, снова гарь и копоть, кислорода в этом многокилометровом тоннеле практически нет. Хорошо бы научиться дышать углекислым газом!

Ну наконец-то и Баграмская дорога! Джабаль, Чарикар. Обратно ехали быстрее и веселей. Живы! Возвращаемся!

И, о ужас! Опять! Двадцать два сгоревших наливняка! Один к одному! Цепочкой! Обуглевшая обочина, разливы сгоревшего топлива на асфальте, по оврагам, по арыкам. Трупы убраны, а остовы машин остались, словно памятники погибшим.

Я притормозил, свернув с дороги возле поста. На этом посту полгода как служит мой однокашник и приятель по училищу Гена Зайцев, а у меня все не было случая встретиться. Проведаю, жив ли, а то такое страшное побоище рядом. Заодно узнаю, что произошло.

Солдат-часовой окликнул меня через ворота:

— Стой! Кто идет?

— Свои! Зайцев на месте?

— Нет, в отпуске вторую неделю!

— Вот дьявольщина! Опять не встретились, — чертыхнулся я. — А кто начальник вместо него?

— Прапорщик, командир ГПВ, — ответил солдат.

— Хорошо, поговорю с ним, проводи.

Боец нехотя отвел меня к блиндажу, где восседал на старом табурете голый по пояс молодой «прапор». Он пил чай с сахаром вопрекиску и слушал магнитофон, подпевая вполголоса.

— Кто такой? Чем обязан? — поинтересовался, не вставая, хозяин.

— Привет! Я из соседнего полка, Генкин друг. Из рейда возвращаюсь, а тут вижу: бойня, — объяснил я, здороваясь. — Что тут случилось за постом?

— Что произошло? Банда Карима вышла к дороге, когда колонна шла в Кабул, и начали палить из гранатометов, из безоткатных орудий, минометов! Все произошло в десять минут. Танк с выносного поста попробовал вмешаться, его тоже подбили, и экипаж сгорел, все погибли! Отсюда бронетранспортер поехал на выручку, но куда там, и сто метров не продвинулись, подожгли. Пока вертушки прилетели, «мясорубка» уже закончилась. Кто успел проскочить — проскочили, кому не повезло — сгорели, погибли. Авиация потом трое суток обрабатывала «зеленку», но кому от этого легче. Мы только трупы и раненых собрали да «горелики» в сторону с обочины спихнули. Не повезло ребятам!

— Черт! И порядок навести, покарать некому! Пехота ушла на Файзабад — у «духов» праздник! — вздохнул я. — Ну ничего, боекомплект пополним и вернемся. Я думаю, командование скоро бросит нас сюда. Привет Генке от лейтенанта Ростовцева!

— Ладно, — ответил лениво разомлевший прапор. — Передам.

Я вернулся обратно к своим бойцам, и мы помчались догонять полковую колонну. Машины шли ходко, все торопились домой на отдых, поэтому нагнать батальон удалось только на узких улочках Кабула. Перед тем как присоединиться к полковой колонне, я нагнал одиночную бортовую машину, которая трещала, тархтела и еле-еле ползла. Я обогнал ее и притормозил.

В кабине сидел мокрый от пота Соловей, который беспрестанно орал на водителя и материл его на чем свет стоит.

— Чего верещишь, толстяк? — усмехнулся я, подходя к ним.

— Орешь-орешь, его убить мало! Месяц пролежал возле машины, а после Саланга начались проблемы.

— Я не автомобилист, я «вертухай», поэтому в автомобилях ничего не понимаю. А остановиться опасно, отстали от своих, боимся ремонтироваться в одиночку, — ответил техник взвода обеспечения.

— Как это «вертухай»? И как не разбираешься в автомобилях, ты ведь технарь? — удивился я.

— «Вертухай» — это контролер на зоне, я служил все время в лагерях и тюрьмах, и жинка моя на женской зоне «вертухайка». Семейный подряд. Но один замполит, придурок лагерный, соблазнил меня тем, что тут год за три, а мне к пенсии стаж позарез необходим. Вот моя «старуха» и давай пилить изо дня в день: поезжай да поезжай. С трудом мне удалось попасть в эту вашу Советскую армию. Вечно, как дурак, вляпаюсь куда-нибудь, а потом волосы на заднице от злости рву: куда попал, зачем?

Мы сели на башню, Соловей закурил и продолжал сокрушаться о своей тяжелой доле, а мой механик полез помогать водителю.

В Кабуле Соловей заскочил в придорожный дукан, купил себе «горячительного» и мне. Обоим по две бутылки коньяка и водки, гулять так гулять.

— Замполит, что же ты нарушаешь партийное постановление? — съехидничал Соловей.

— Это не нарушение, а поддержание славной традиции: обмыть награду, чтоб не «засохли» другие награжденные! Обмыли в роте, сегодня доходит очередь до батальона. Приглашаю: вечером, в двадцать часов, приходи на шум в женский модуль.

— Нет, я туда вообще не вхож, боюсь, если моя «старуха» узнает, убьет! Она у меня жандарм в юбке, рассердится — ушибить может.

— Боишься? — удивился я.

— Еще как боюсь. Если бы ты знал, Ник, какой у нее тяжелый взгляд и суровый характер. А какая силища в руке! Видишь, я здоровяк? А жена мощнее меня в два раза, и если врежет один раз, то второй раз стукнут по крышке твоего гроба.

— Такие страсти рассказываешь! Вовка, ты ведь такой здоровенный, не может быть, чтоб тебя мучила женщина!

— Может! Поэтому я пью только в компании с Берендеем.

На въезде в парк почему-то не играл полковой оркестр. Обычно командир полка выстраивал тут музыкантов, и бравурные торжественные марши звучали в честь возвращающихся усталых бойцов. Удивительно. Какая-то гнетущая и напряженная тишина и пустота. Ну не совсем тишина. Лязг гусениц, рычание двигателей, но нет встречающих женщин и оставшихся штабных офицеров, нет вообще никого, кроме дежурного по парку.

Дежурный по парку с заспанными глазами, прапорщик Юра Колотов, задумчиво дымил сигареткой в курилке. Он был техником второй роты, вернулся из отпуска в наше отсутствие, вот поэтому и мучался по нарядам. Не повезло, наверное, неделю без смены трубит.

Мы с ним земляки, если можно так сказать. Юрка был моим инструктором по вождению в училище, а тут встретились, разговорились и узнали друг друга.

— Юрик, привет! Чего грустишь? — весело поприветствовал я его. — Где оркестр, почему без музыки и торжественного построения, без возбужденных женщин? Никто чепчики-лифчики в небо от радости не бросает.

Он хмуро взглянул на меня, вяло пожал руку и произнес сквозь зубы:

— Не до маршей и оркестров!

ГСМщик застрелился два часа назад.

— Какой? Махмуд-кладовщик?

— Нет! Начальник службы ГСМ, капитан Буреев! Всадил себе очередь из автомата прямо в рот! Башку разнесло, страшно смотреть!

— Несчастный случай?

— Не похоже! Он просидел целый час в дежурке, покурил со мной, помолчал, подумал, а потом вышел за дверь, свернул за угол дежурки, бац-бац — и в дамки!

— Твою мать! — прошипел я.

— Вот-вот! Кровищи на всю стену! Посмотреть хочешь? Угол выщерблен пулями. Показать?

— Нет уж, спасибо! Я лучше пойду умываться и постараюсь поужинать. Ты мне и так аппетит испортил, а я, между прочим, не обедал. А крови и пулевых отверстий видел предостаточно! Будь здоров, не скучай и не грусти!

— Вряд ли скучать получится! Меня уже дрючат два часа, написани-ем объяснительных замучали: пытаются, что да как, не я ли его застрелил, кто-то так, наверное, думает. А на хрен мне это? Валентин — хороший мужик. Алкаш, конечно, но не злой, не вредный, хороший капитан... Был...

— Это точно! Уже был... — грустно согласился я и побрел переодеваться, мыться и бриться. Тьфу ты черт, и угораздило же Буреева сегодня такое учудить! Самоубийство! Сейчас начнут нас строить, проверять, беседы проводить, совещания. А ведь Ошуев обещал целых три дня отдыха! Дьявол!!!

... Действительно, так и получилось. Между двумя боевыми операциями покоя нам не было. Наехали прокуроры, особисты, штабные, полит-

отдельцы. Каждый проводил собственное расследование. Кто только не проверял. Из армии, из дивизии, из особой группы Генерального штаба. Неприятная история. Командир полка в отпуске, и все расхлебывали Ошуев с майором Губиным. То, что доставалось им от начальства, на нас вымещали троекратно. Мат, ругань, вопли. Оказалось, что это второе ЧП за месяц, которое не удалось скрыть. За неделю до возвращения полка, солдат-танкист из боевого охранения поперся торговать к «духам». Украл пару одеял, бушлат и понес менять на наркотики. Но этот дурила отправился в кишлак с оружием! Он стоял часовым на посту, автомат побоялся оставить и взял с собой в дуكان. Аборигены увидели у него за спиной оружие, и даже слюни от жадности пустили! Что там одеяла за пару сотен афгани, а вот автомат с патронами — это уже тысячи! Долбанули его чем-то тяжелым по башке, горло перерезали и сбросили в кяриз. Только к вечеру сообщник убитого признался командиру роты в том, что товарищ не вернулся, пропал в кишлаке. Приехали афганцы из Госбезопасности, наш спецназ, и после допросов с пристрастием акакалы выдали труп. Оружие, само собой, не нашлось. «Духи» с ним ушли. Несколько афганцев арестовали, кого-то в ходе облавы застрелили. Но это не суть. Самое ужасное в этой истории то, что урок дуракам не впрок. Тело убитого вынесли на плац для показа всему личному составу тыла, оставшемуся после выхода полка на боевые действия.

Построили поваров, писарей, кладовщиков, почти все боевое охранение из танкистов, зенитчиков и артиллеристов, женщин, гражданских мужиков. Пронесли труп вдоль строя, ткнули носом каждого, мол, к чему приводят воровство да наркотики, и увезли его в морг при госпитале. Бойцы были в ужасе. В шоке.

И что же?..

На следующее утро другой танкист понес цинк патронов продать «духам». Но без автомата. Оставил оружие на посту, сделал вывод, что так спокойнее, безоружного не тронут. Командир взвода вовремя заметил, догнал, излупил и вернул живым. Но солдат только расстроился, что пойман.

Проклятые наркоманы, ничему их жизнь не учит! Если человек идиот, то, конечно, навсегда. Это стиль жизни.

Наркомания бойцов, пьянство среди офицеров и воровство в тылу — самые главные беды нашей многострадальной и одновременно героической армии...

Глава 12

Звездный дождь

Уразбаев ташил два пыльных матраса и вещмешок, а я взял его радиостанцию и понес к казарме. Было грустно от известия о гибели Валентина. По дороге мы столкнулись с бегущим нам навстречу Ветишиным.

— Сережка! Выздоровел! — заорал я радостно.

— Ник! Все живы? Как я рад вас всех снова видеть! — воскликнул в ответ летеха и бросился мне на шею.

— Серый, как рука, лицо, все зажило?

— Как на собаке. А какие медсестры за мной ухаживали, от их любви я поправился вдвое быстрее. Сюда вернулся, и здесь меня на ноги ставили этим же способом.

— Ну беги, любимец женщин, к ротному, докладывай, жеребец, о возвращении и забирай свой взвод, а то я с этим «интернационалом» за месяц устал.

— Как мои узбеки? Вели себя хорошо?

— Лучше не бывает, только один раз я плющил кулаком толстую физиономию Исакова. Алимов же с Таджибабаевым, вообще, золотыми солдатами стали. А Таджибабаеву стоило сержантское звание пообещать, так он сразу зашугал своих земляков.

— Все, бегу, бегу. Иди в казарму, там тебя Острогин ждет! — весело крикнул Сергей и помчал дальше.

«О! Острогин вернулся, как быстро время летит», — подумал я, вновь погружившись в невеселые размышления, на этот раз о доме, о семье.

Я заскочил в бытовку и остолбенел. За столом сидел и что-то жевал малознакомый человек, отдаленно напоминающий моего друга. В профиль — не узнать!

— Серж! Что с тобой сделали? Ну и харя! — закричал я, разглядывая не в меру располневшего не друга. — Это не ты!

— Нет, это я! — ухмыльнулся он. — Видишь, как я раздобыл в поездках по гостям. В Ленинграде побывал, в Сочи, в Алма-Ате! Круиз! Десять килограмм! Х/б не налезло, вот и сижу голым по пояс, жду, когда старшина принесет новую «афганку».

— Да, парень! Рожа у тебя прямо трещит по швам, как же ты в горы полезешь, а? — посочувствовал я и одновременно позавидовал его отдыху.

— Что, морда, ты посмотри, какие мышцы, какой я торс себе накачал!

— Слушай, культурист несчастный, это все сало — и оно переплавится на солнце! Водку привез? Сегодня назначено обмывание наших орденов.

— Привез. Черт! Я планировал с ней к дядьке съездить, давно уже не виделись.

— Ничего, еще купишь! Я сейчас пойду закусон организовывать. Сало, консервы, все, что есть привезенного домашнего, сам не жри, народ закусит!

— А кто участники мероприятия? — спросил Серж.

— Все наши.

— Хм... на такой коллектив не хватит, — насупился Острогин.

— Кому не хватит, пойдет и еще купит. Наше дело — мероприятие организовать и начать. А дальше, как пойдет.

— А как пойдет? — улыбнулся Серж.

— Пойдет, я думаю, хорошо, и мероприятие грозит затянуться. Будем раскачивать женский модуль до утра. Комбат, к счастью, еще в отпуске, замполит Золотарев и Цехмиструк тоже. Ошуев послезавтра улетает в Ташкент, ему не до нас. Воля! Хотя несколько дней, но расслабимся. А потом вновь зайвится наш «усатый деспот», наш «папа и мама» в одном стакане. Хотя бы Подорожника выдвинули на какую-нибудь вышестоящую должность!

— А Ошуева тоже, в Генштаб — не ближе! — согласился со мной Сергей.

— Бугрим, куда посоветуешь направить коллектив для пьянки? — спросил я подошедшего сдать автомат в оружейку комсомольца. — В какую комнату?

— Настоятельно рекомендую организовать в первой комнате справа. Там парикмахерша живет, — сладко закатил глаза Витюша и облизнулся.

— Ну вот, мы тебя о деле спрашиваем: где лучше сесть, чтоб места на всех хватило, а он о своем — кобелином, — возмутился Сергей.

— Почему о своем? Обо всех, — обиделся прапорщик. — Там несколько девчонок новеньких молодых живет. Элька-одесситка, Ленка, Танька...

— Хватит болтать, иди, озадачивай женскую организацию на приготовление закуски. Через час собираемся, — прекратил я поток его перечислений.

Мы загрузили в каптерке пару больших коробок банками с тушенкой, с салатами, рыбными консервами, овощами, и орденоносный отряд двинулся в путь. К нашему искреннему удивлению четыре стола стояли в коридоре и уже ломались от закуски, а тарелки расставлял лично Берендей.

— Ты что, Саня, с дуба рухнул? Так расщедрился? — удивился я. — Вроде никто у тебя ничего не просил.

— Ник, я же уважаю хороших людей. А для таких орлов, как вы с Сержем, мне ничего казенного не жалко. Кто старое помянет — тому глаз вон! — И усатый прапорщик расплылся в широкой улыбке.

— Да и Соловей за вас замолвил словечко.

— Что ж, Санек, спасибо на добром слове! Садись и отдыхай, теперь мы посуетимся, — поблагодарил его Острогин.

Напевая вполголоса песни, мы дружно принялись вскрывать банки, бутылки, расставлять стаканы. Вскоре объявился Бронезилет. Я онемел, так как не ожидал этого гостя, особенно после последней ссоры.

— Ник, выйди из прострации, — толкнул меня в бок Сбитнев. — Это я его пригласил. Нужно успех операции обмыть! Кроме того, лучше чтоб он тут был за столом, чем примется нас строить в разгар мероприятия. Сейчас еще и Головской тушенку приволочет и спирт выделит из своего запаса.

Народу собралось человек двадцать. В ротях с солдатами остались только новички да те, с кем за столом сидеть никому не хочется. Но это относилось к полковым штабным и тыловикам, поэтому батальон был практически в полном составе.

Лонгинов на правах старшего начальника поднял кружку и провозгласил:

— Опустишь ордена в стаканы и достать их зубами, как положено, осушив для этого стаканы до дна, товарищи офицеры!

— А я свой уже в Союз увез! — воскликнул Острогин.

— Жаль. Значит, орден Ростовцева будете вынимать из кружки зубами и по очереди облизывать!

Я бросил Звезду в кружку, почти до краев наполненную водкой, и мужественно проглотил «огненную жидкость» в четыре глотка, достал двумя пальцами орден и передал Сергею. Он повторил процедуру.

У-ф-ф. В горле запершило, в груди зажгло и перехватило. Давно я лошадиные дозы не пробовал! Сразу в голове зашумело, контрольная планка упала, в голове перегорел предохранитель — и все, что планировалось, забылось. Думал пропустить четыре рюмки — и на боковую, отоспаться на мягкой кровати. Куда там! Все пошло кругом, завертелось, закружилось...

Жара, голодный желудок, ослабевший организм. Все поплыло...

Второй тост, за роту, за батальон, третий тост, стоя, за погибших. А дальше понеслось без организации. Наливали, кто сколько мог и кто что хотел. Постепенно, как всегда на таких мероприятиях, окурки и огрызки заполнили стол, начались песни, пляски, мелкие выяснения отношений. Бутылки опустели, спиртное закончилось, и я с Ветишиным и Бугримом в обнимку, распевая пьяными голосами песни, пошел за коньяком к сантехнику-спекулянту.

Мы брели и горланили песни во всю глотку, наслаждаясь жизнью. Только после тяжелых мучений, ежеминутного риска радуешься тому, что по-прежнему существуешь. И жизнь, даже такая дрянная, становится приятной. Ночь была чернее черного, освещение не горело, и по дороге мы едва не заблудились. Купив водку и коньяк, заполнив руки бутылками, на обратном пути столкнулись нос к носу с Ломако и Муссолини.

— О, вот и наши орлы из первого батальона! — радостно потер руки в предвкушении мести за мой несдержанный язык зам по тылу. — Пьяницы, надо обязательно их примерно наказать! Особенно Ростовцева! За мной к дежурному по полку! Шагом-марш!

— Пусть пока отдыхают, завтра разберемся, — потянул его за руку в сторону командирского модуля замполит полка. — Пусть ребята расслабятся один раз за два месяца. Отстань от них.

Муссолини был навеселе и потому в хорошем настроении. Он слегка покачивался из стороны в сторону, и ему не хотелось рисоваться в штабе «под мухой».

— Миша, ты скоро? — крикнул замполит.

— Иду, иду! — откликнулся кто-то заплетающимся языком и из-за угла на нетвердых ногах вырuling шеф особистов, пытавшийся неслушающимися пальцами застегнуть ширинку.

— Лейтенанты! Шагом марш отсюда! Отдыхать! — повесил голос Мусалимов.

Мы дружно скрылись в темноту, а затем, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, направились к своим собутыльникам.

— Витька, а ты в темноте за лейтенанта тоже сошел! Промолчал, что прапорщик, скрылся за нашими спинами! А завтра, крыса тыловая, будет искать третьего лейтенанта, и им, наверное, окажется Острогин! — засмелся я, теребя за кудрявые волосы, прапорщика.

— А что, прапорщик не человек? — возмущился Бугрим.

— Такой, как ты, конечно, человек, а вот начальники складов. Это все козлы, чмыри! Жулье! — прокричал Сережка в ухо Виктору и полез обниматься.

— Отстаньте, пьяницы, я уже устал вас тащить под руки! Стойте на ногах, а то бутылки разобьем! — отстранился прапорщик.

— Это кто тут хочет пузыри разбить? Где эти негодяи? — раздался зычный командный голос с напускной серьезностью, по которому я узнал командира танкового батальона Романа Ахматова. Он сидел на лавочке у входа в женский модуль и насвистывал.

— Товарищ майор! Здравия желаем! Это мы хулиганим, дисциплину нарушаем! Приглашаем вас к нашему стволу! — расплылся я в счастливой пьяной улыбке.

— Наверное, не к стволу, а к столу? — уточнил сидевший рядом начальник штаба батальона Гена Светлококов.

— О-о-о! Танкисты в полном составе! — закричал Ветишин.

— Пойдемте с нами, с удовольствием приглашаем вас присоединиться. Особенно лично я, как бывший танкист, — пробормотал я заплетающимся языком.

— Нет, мужики! Пойдемте к нам! У вас на столе уже пусто, шаром покати, и пьянка перешла в фазу вялотекущего, но усиливающегося скандала с переходом в драку, — сказал комбат. — А у меня закуска есть, но выпивки уже нет.

Мы попытались робко возразить, что, мол, коллектив ждет, что приглашаем к себе...

— Ерунда! — возразил Роман. — Какой к черту коллектив! Там все попрятались по комнатам или сбежали, когда Ломако с замполитом зашли разогнать этот бедлам. Сейчас кое-кто вернулся, но это уже не мероприятие. Да и потом, не для того мы тут пятнадцать минут вас караулим, чтобы вернуться с пустыми руками. Итак, марш за мной!

И в довершение своей тирады Ахматов схватил нас с Сережкой за руки и повел за собой, подавив последнее сопротивление. Геннадий сломил сопротивление прапорщика и подхватил Бугрима, который нес бутылки.

Мы пришли в модуль к танкистам, где я оказался впервые за год службы. Почему-то не доводилось тут бывать: война, наряды, служба. Довольно уютная комната комбата была перегороджена тремя шкафами и делилась на две части. В одной пили, а в другой спали. Там, где спали, храпел уже «готовый» замполит, а за столом сидел командир роты Скворцов и какая-то брюнетка. На первый взгляд довольно симпатичная, стройная девушка. Правда, после стольких рюмок симпатичной показалась бы, наверное, любая.

— Знакомьтесь, мужики, это Элеонора! Эля, Элька, Элен, если кто не знаком, а это наши славные пехотинцы...

— А я их всех знаю, кроме вот этого лейтенанта, — ткнула она в меня пальцем.

— О, это замполит первой роты Ростовцев. Сейчас мы будем обмывать его орден. Правильно я говорю, лейтенант? Ты ведь сегодня виновник торжества? — больше утвердительно, чем вопросительно произнес комбат.

— Ага, — кивнул я головой и уставился на девушку.

— Наливать — наливай, а на деваху мою не глазей, а то еще одну дырку в ней просверлишь, — громко рассмеялся комбат и похлопал меня по плечу.

— Разливай по бокалам полнее, не стесняйся. Тут все свои! Ик- ик... — пьяно заикал начальник штаба, сел за стол и отключился со стаканом в руке.

Оказывается, он все это время бродил на автопилоте и теперь терял контроль над собой. Делать нечего, я понял, что от танкистов отделаться «малой кровью» не получится и живыми они нас к своим уже не выпустят. Я быстро разлил коньяк по хрустальным французским стаканам. Затем Роман произнес:

— За братство по оружию, за пехоту, которой тут достается больше всех, ну и за тебя, замполит. До дна!

— Пей, пей до дна, до дна, — принялся подбадривать меня Скворцов, пресекая мою попытку не допить.

— Не оставляй зло, посуда должна быть пустой, а то не видать тебе больше наград! — И Ахматов ладонью прижал стакан за доньшко к моим губам.

— Роман, постой, уже в глотку не лезет! — поперхнулся я и закашлял.

— Нэ лизэ! Ты как в анекдоте про парубка в першую брачную ночь, — усмехнулся Бугрим.

— Рассказывай, — распорядился Роман.

— Парубок женился, а шо з молодой жинкой делать, не знает, — начал рассказ Виктор. — Приходит к папане и говорит: «Тату шо з ней робить и как?» Отец отвечает: «Сынку все будэ нормально. Погладь невесту, поцелуй, и пойдет как по маслу». Проходит час, прибегает сынок, весь

взъерошенный и перепуганный: «Тату шо робыть — нэ лизэ, ну ни як!» Отец его успокаивает: «Не волнуйся, кажи, щоб помогла!» Проходит еще час. Вновь сын примчался и будит отца: «Ой тату, нэ лизэ, ну никак! Отец опять успокаивает: пойди в сени там крынка пятилитровая со сметаной, возьми с собой помакнешь — поможет». Парубок убег, еще через час возвращается, потный, усталый, и с порога орет благим матом: «Батька не лизэ, ну никак нэ лизэ!» Отец удивленно спрашивает: «И со сметанкой?» — «Ни тату, в крынку к сметанке никак нэ лизэ!»

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Ахматов. — Так и ты — не лезет! Как это коньяк не лезет! Сделай над собой усилие, постарайся!

— Ха-ха-ха, — засмеялись те из сидящих за столом, кто еще немного соображал.

— Второй тост — за милых дам! Пусть они среди нас в единственном экземпляре, но зато каком! — произнес комбат второй тост на правах хозяина и старшего.

— Предлагаю выпить за друзей танкистов! — произнес Бугрим и взял за очередную бутылку.

— П-попрошу помедленнее, — вымолвил я чуть слышно, выпил, и комната поплыла перед глазами.

— Эх, совсем еще зеленый! Нужно Василию Ивановичу сказать, чтоб его потренировал! — услышал я сквозь густую пелену алкоголя, окутавшего мозг, голос Романа и отключился на полчаса.

* * *

К трем часам ночи, мы довольно крепко набрались. Я очнулся и возобновил участие в торжестве. Вернее меня насильно разбудили и заставили продолжить. Музыка орала во всю мощь, Скворцов размахивал саблей, комбат обнимал и целовал девицу, остальные танкисты спали, сидя за столом. Мы втроем спорили до хрипоты, почему подорвался Сережка: из-за глупости, судьба такая или просто несчастный случай.

Вдруг Элька вырвалась из рук комбата и, смахнув пустую посуду со стола, вскочила на него и зашла в зажигающем танце, при этом медленно, но уверенно раздеваясь. Вначале в угол комнаты полетела футболка, затем юбка. Когда очередь дошла до бюстгальтера, комбат заорал:

— Все, стоп! Пьянка окончена! Пошли все по домам! Элеонора, не смей снимать трусы! Выключите, кто-нибудь эту проклятую музыку! — взвизгнул комбат и стащил за руку с «подиума» девицу, стягивающую с себя последнее белье. — Элька марш в койку!

— Не умер бы комбат от перенапряжения, загоняет она его, — сказал я, смеясь, на выходе из комнаты.

— Не загоняет, он во всем мере знает, — ответил Женька Скворцов, и мы разбрелись по своим «берлогам».

Первые лучи солнца (а может, и не первые), пробившиеся сквозь фольгу светомаскировки, ударили в глаза и бесцеремонно разбудили меня. Эта фольга не очень хорошо держит свет, все же когда-то она была мешками для упаковки трупов, а потом переместилась на окна. Нужно бы их заменить новой упаковкой.

Голова гудела так, как будто ею всю ночь стучали в большой церковный колокол. Во рту творилось что-то ужасное. Все ж трезвость гораздо лучше пьянства. Ох, как прав Михаил Сергеевич!!! Впервые за год, с момента прощания с друзьями-собутельниками в Теджене, со мной такое. Коньяк-водка, коньяк-водка — гремучая смесь получилась. Рука нащупала стоящую в тумбочке банку «Si-Si». Пж-х-хр! Крышка вскрыта, и освежающий напиток тремя глотками исчез в глубокой, почти бездонной яме желудка.

Не помогло! Пришлось достать еще и бутылку «Боржоми». Открыв крышку о край тумбочки, я отпил граммов двести и тупо уставился в сторону висевшего на стуле х/б. Над карманом виднелась свежая просверленная дырочка для ордена, но самой Красной Звезды там не наблюдалось!

Вот черт! А ведь там был орден! Два раза его облизывал вчера. Я, тяжело кряхтя, встал с кровати и поднял валявшиеся на полу штаны. И в карманах брюк было пусто. Помню точно, после тоста я его положил в карман! Выпил с танкистами, достал из стакана и сунул в брюки. Стоп, может быть, в куртке х/б? Нет, после тщательного осмотра всех карманов — ничего. Пропал! Ни на кровати, ни под кроватью, ни под стулом, ни в тумбочке, ни за тумбочкой, ни в туфлях. Нет нигде. Что ж, пойдем, напрягая память, мысленно от кровати к комнате комбата, хотя я шел на автопилоте, но путь возвращения помню более-менее отчетливо. И дубликат никто не выдаст!

С огромным трудом передвигая ноги, добрался до умывальника и устроил себе холодный душ из перевернутого крана для мытья ног. Прохладная вода привела в чувство, но не восстановила душевного равновесия. А еще и тревога за пропажу была молотом по мозгам. Потерять правительственную награду всего через два месяца после вручения — это ЧП. Жалко потерять Звездочку, да и скандал вероятен. Твою мать!

Выйдя из общежития, я грустно побрел к танкистам, глядя под ноги, в надежде, что где-нибудь между камней блеснет ярко-красный металлический предмет. Нет, не повезло, награда не нашлась. Комната майора Ахматова оказалась запертой на замок изнутри, за дверью тишина. На мой стук никто не откликнулся. Я двинулся в столовую, чтобы разыскать Романа, но он вдруг сам окликнул меня. Оглянувшись, я увидел его и командира артдивизиона, стоящих на высоком крыльце перед входом в жилое помещение командира полка и его заместителей.

— Ник! Никифор! Ростовцев! Иди сюда, родной! Чего грустишь? Ничего не хочешь у меня спросить? — поинтересовался, нахально улыбаясь, комбат. — Что потерял?

— Товарищ майор, Роман Романыч, ты его нашел? — обрадовался я.

— Чего его? Кого его? Я нашел ящик коньяка, не меньше, правильно, Володя? — обратился он к артиллеристу.

— Это точно! А за что выгорел ящик? — переспросил майор Скрябнев.

— Да понимаешь, приперлась вчера ко мне в комнату пехота, черти ее принесли! Нажрались, как свиньи, все перевернули, ордена разбросали и ушли. А я бегай, разыскивай их, чтобы находку вернуть! Где справедливость?

— Нет-нет, орден точно тянет на ящик коньяка! — поддержал Романа Скрябнев.

— Лейтенант, проставляйся! — торжествовал Ахматов.

— Черт, это нечестно! Сам приказал зайти в гости, а там меня накачал! Потом всех быстро выгнал, и мы даже деваху вашу не пощупали! А теперь новый приказ — опять проставляться?! Где порядочность? Орден пропал оттого, что нас из комнаты буквально вытолкали! Экстренно разогнал, и завершение просмотра стриптиза сорвал! — запротестовал я.

— Рома, что опять стриптиз? — ухмыльнулся Скрябнев.

— Ага, снова. Никак не отучу эту дуреху. Как выпьет, хлебом не корми, дай ей прелестями своими потрясти, — вздохнул Ахматов. — Ну а ты, Ростовцев, как хочешь, можешь не проставляться. Но подумай, дело твое. Все-таки жалко орден. А нет коньяка — нет и ордена!

Оба майора засмеялись и, выбросив в пепельницу окурки, пошли на доклад к вернувшемуся из отпуска командиру полка.

— Ладно, хрен с тобой, Роман Романыч, будет коньяк, — крикнул я вслед.

— А куда ты денешься, не комбату же его отдавать? А уж Василий Иванович всыплет тебе по первое число! А если еще и закуску добавишь, так и комбат не узнает. И Звезду себе вернешь, да и гульнем еще разок в хорошей компании. И артиллеристов приглашаем, правда, Никифор?

— Правда-правда, куда от вас, старых чертей, денешься? — ответил я, радуясь нашедшейся пропаже.

Они отошли в сторону, и я услышал, как Скрябнев сказал:

— Рома, ты смотри нам по тридцать три года, а нас эти лейтенанты в старики записывают. Дожили...

* * *

«Ну вот, пропажа обнаружена, ящик коньяка — это, конечно, неизбежное зло в этой ситуации», — рассудил я, приводя свои мысли и чувства в порядок. Осталось восстановить желудок и печень, поправить го-

лову. В канцелярии за столом, уставленным пустыми и полупустыми бутылками «Нарзана» и «Боржоми», а также баночками с лимонадом, восседал в клубах сигаретного дыма Сбитнев.

— А, замполит! Очухался? Ну что, в народе говорят, ты просрал свой орден?

— Иди к черту, уже нашел! Вот народ, только что-то случится — и сразу весь полк знает! Дай чего-нибудь глотнуть, — попросил я.

Не дожидаясь разрешения, схватил со стола сразу две уполовиненные бутылки минералки и залпом по очереди опустошил их.

— Нет, брат, ты так беде не поможешь. Нужно сто грамм. Только это является живительным эликсиром.

— Есть у тебя что-нибудь? — спросил с надеждой я.

— Откуда, вчера все до капли высосали! И денег нет, ни одного чека. Сплошной облом, вся надежда на тебя.

— И у меня пусто до получки.

— Ладно, так и быть! Вот так всегда, учить вас, молодежь, и выручать приходится!

Володя достал из сейфа фляжку и плеснул по полрюмки себе и мне.

— Вздрогнули! — воскликнул он, осушил содержимое, крикнул и кашлянул.

Я скривился от одной только мысли о спиртном, но переборол себя и выпил.

— О-о-о, у-у-у!!! — выдохнул шумно я воздух и экстренно запил спиртное минеральной водой. — Спирт! Чего ж не сказал заранее, не предупредил?

— А что сам не догадался? Думал, я тебя «Столичной» поить буду? Обыкновенный спиртыга! Ну как? Полегчало? — заботливо посмотрел на меня старший лейтенант.

Я сделал еще два-три вдоха, подумал, послушал себя — что говорит организм и, наконец, пришел к выводу:

— Полегчало!

— Ну, вот и ладненько! Сейчас за работу! Оформляешь наградные на ордена: себе, мне и Бодунову, а также солдатам-сержантам, на кого подали взводные бумаги, и иди, спи... Отдыхай, после обеда заступаешь в ряд помощником дежурного по полку.

— Черт! А кто дежурный?

— Дежурный — Габулов.

— Нервотрепка обеспечена, — вдохнул я.

— Он завалится дрыхнуть на всю ночь, а потом будет бегать спросонья, психовать, орать. Не люблю с ним дежурить. А почему не его помощник замполит Шкурдюк?

— Ты как не протрезвевший еще не в курсе. Его увезли рано утром с жесточайшей дизентерией. Не повезло парню. Пара месяцев службы — и Серега уже организм посадил инфекциями. А почему? А потому, что трез-

венник, даже больше, чем ты. Да, кстати, тебе звание пришло! Начальник штаба в дивизии выписку видел, с тебя опять причитается, товарищ старший лейтенант!

— Черт! Опять пить!

* * *

Дежурство началось со скандала. Габулов забыл выключить на ночь освещение городка, и проходивший мимо штаба Ошуев окрикнул меня. Я выбежал из душной дежурки и услышал вопль:

— Помощник! Помощник!

— Я, товарищ майор!

— Ростовцев, где дежурный? Почему свет не выключен?

— На территории, по казармам пошел.

— Передай, я его снял с наряда. Доложите Лонгинову, пусть заметит, — распорядился Ошуев и неторопливо пошел на плац.

Я вернулся в дежурку и крикнул никуда не уходившему, дремавшему на топчане капитану:

— Эдуард, тебя Герой только что с наряда снял!

— Что?! Кто?! Меня! За что?

— Ты свет не погасил по периметру. Вон он только что прошел мимо, ругался и распорядился.

— Да я его пристрелю, как собаку, — заорал взбешенно осетин и, сшибая стоящие на пути стулья и табуреты, бросился на выход.

— Убью, пристрелю!

На плацу раздались крики, там началась словесная перепалка Габулова с Ошуевым, перемежавшаяся громким матом и визгом капитана. На эти крики выбежали из здания заместитель начальника штаба, строевик и замполит полка. Они вцепились в Эдуарда, повисли на его руках и плечах, а он бил ногой землю перед начальником штаба, как бык перед тореадором, пытался и пытался боднуть его лбом.

В дежурку прибежал строевик и бросил мне на стол пистолет и кобур с ремнем.

— Спрячь в сейф! Ключи у тебя?

— Да, у меня. Сейчас уберу. Там все люди целы? — поинтересовался я удивленный таким поворотом события.

— Почти. Пропагандист прибежал, в глаз получил, да и у меня вот пару пуговиц на х/б оторвали. Сейчас придет ваше батальонное начальство, и кто-нибудь подежурит. А Габулова повели на гауптвахту, успокоиться и одуматься. До утра. Они у себя дома землю между своими народами поделить не могут и тут, вспоминая про нее, друг друга ненавидят. Черти нерусские!

Замполит полка принес и бросил на кушетку куртку Габулова с оторванными пуговицами и клочьями отодранной материи в борьбе со штаб-

ными. Муссолини принялся материться, а я отвернулся и молчал, делал вид, что меня тут нет.

Через час, когда все успокоилось, и посторонний народ ушел, из темноты внезапно вынырнул Габулов.

— Эдик! Откуда? Ты же на «губе»? — удивился я.

— Ха! Что же, мой взводный стоит начальником караула и меня не выпустит? Я что в тельняшке там буду ночь мерзнуть? Да и деньги с документами в куртке, забрать нужно. А то потеряется что-нибудь.

— Эдуард, и что теперь тебе будет? Что трудно было сдержаться и не бросаться на Ошуева?

— Ты ничего не понимаешь! Сдержаться, ха! Как я его, а? Пусть не задается! Как я орал? А!

— Орел! — усмехнулся я.

— Ты видел! Нет, ты видел, как он от меня побежал?

— Еще бы не побежать, вдруг ты бы, кроме визжания, по нему стрельбу добавил, — съехидничал я.

— Зачем стрелять? Просто хорошо пугнул! Пусть знает, что я его не боюсь! Я плевал на всех этих героев и начальников! Не позволю себя унижать и позорить! — продолжал петушиться Эдуард.

— Ну и чего добился этим? — спросил я, хмурясь.

— Пусть думают, что я такой дурак! Да, дурак! Мне сейчас психушкой грозили! Пусть обследуют! Еще и справку получу, да домой уеду. Разве мне что-то будет? Ни хрена не будет! Чихал я на всех!

Габулов с шумом хлопнул дверь и удалился в темноту.

* * *

Я сидел в дежурке, а штаб опустел. После обеда в полку началось подведение итогов последней операции. Столь масштабные боевые действия были оценены высшим командованием положительно, потери были, но небольшие, и успехи тоже имелись. Теперь сыпались награды и поощрения на нас, участников этой эпопеи.

Начальник штаба полка доложил о ходе операции, замполит полка оценил моральное состояние личного состава, зампотех внес ложку дегтя в бочку меда, констатируя факты разбитой техники, и, наконец, слово взял «кэп»:

— Товарищи офицеры! Я получил подробный отчет и остался доволен ходом боевых действий. Командование удовлетворено результатами боевой работы полка. По итогам этой операции к орденам и медалям представляем более ста пятидесяти человек! И это хорошо! Не надо жалеть этих железок. А то тут создалась занятная ситуация: не кого наградить высокой наградой! Нет выбора! Командование дивизии получило распоряжение представить одного офицера к званию

Героя Советского Союза. Дивизия отдала эту возможность нам как лучшему полку соединения!

В зале раздались оживленные и одобрительные возгласы.

— Мы с управлением посоветовались и решили, что награду получит офицер из первого мотострелкового батальона. Пехота это заслужила. Образцовый батальон, да и самый боевой. Офицер должен быть из звена — командир роты или его заместитель!

Сидящие рядом плечом к плечу Сбитнев, Жилин и Степушкин дружно переглянулись.

— Обязательно, имеющий орден! — продолжил «Иван Грозный» Все посмотрели на Женьку Жилина и дремавшего рядом с ним заместителя Луковкина, а по-простонародному — Луку. Старший лейтенант положил беговую головушку на плечо командира и тихо всхрапывал.

— И последнее условие: служба около года или чуть более в Афгане. То есть, чтобы награду получил в полку и служил тут еще год!

По залу прошел вздох разочарования. Такой кандидатуры не находилось.

— Год службы в полку — главнейшее условие! Чтобы успел еще повоевать...

— Таких нет. Никого. За исключением заменщиков: Жилина и Луковкина, — выкрикнул начальник штаба батальона.

— Товарищ майор, встаньте! Вы, Степанков, я смотрю, плохо изучили людей в батальоне и положение дел ни хрена не знаете! Не владеете обстановкой! Я ничего не имею против Жилина и Луковкина, но ребята через неделю уже в Союзе! В батальоне есть еще два орденосца, которым осталось служить по году! Острогин и Ростовцев!

— А-а-а, — пронеслось по клубу.

— Вот из них и определили кандидатуру! Острогин — взводный, можно, конечно, назначить заместителем командира роты, но нужно время, поэтому его кандидатура отпадает. Остается Ростовцев. Возражений нет? Мы вчера с заместителями обсуждали этот нелегкий выбор. Достойных — много! Начальник штаба и замполит полка его поддержали. Была кандидатура от разведки, но они пусть вначале с насильниками и мародерами разберутся! Кто и что возразит? Ростовцев участвовал за год во всех операциях, ни одной не пропустил. Награжден орденом. За замполита батальона неоднократно работал...

— Я хочу возразить, товарищ полковник, — начал возмущаться Ломако, — очень уж он горяч и болтлив. Комиссия была перед боевыми, а он заявил проверяющим, что баня не работает и паек плохой...

— А что баня до сей поры еще не работает? — взъярился командир полка. — Твою мать! Сколько это будет продолжаться? Зайдите ко мне в кабинет после совещания.

По залу пронесся дружный хохот, и Ломако, густо покраснев, сел обратно на стул.

— Кто еще имеет возражения? Только по существу, по делу. Лично мне он нравится, я его кандидатуру и предложил, — закончил выступление Филатов. — Дело серьезное! Выводим человека на высокую «орбиту», перед ним открываются большие перспективы!

Возражений не поступило, а наоборот, дружно поддержал комбат — танкист Ахматов, артиллеристы и саперы. Наши батальонные начальники соглашаясь, кивали головами.

— И в последнем рейде не подкачал, умело действовал! Верно? — утверждающе уточнил Филатов. — Ну вот на этом и порешили! Будем растить героев из своих рядов! Наград отличившимся офицерам и прапорщикам, сержантам и солдатам не жалеть! Заслужили! Завалить наградными листами строевую часть, пусть работают! Х... знает что! В лучшем воюющем батальоне всего пять награжденных офицеров, включая комбата! Безобразия и свинство. Я и с себя свою долю вины не снимаю. Повторяю, железа не жалеть! Награждать. Строевик! Если своевременно представления оформляться и отправляться не будут, порублю твой конец на пятаки и по плацу разбросаю! — рявкнул Иван Васильевич.

— А что я, при чем тут строевая? — попытался возразить Бочонкин. — Сами вовремя не пишут, задерживают, ошибки допускают, да и в наградном отделе каждый месяц новые требования. То им трофеи нужны, то спасение командира или подчиненного, то малое число боевых операций не устраивает, а то количество уничтоженных «духов». А порой наоборот, никого не убивать, а оказывать помощь в восстановлении дорог и школ. Да сроки прохождения по времени ужесточили — на третий день после боевых отправить из полка, на пятый — из дивизии в армию, не успели — возврат! Дурдом! А я во всем виноват! Первая рота! Вы почему вовремя не оформили бумаги на отличившихся?

— Все сделано еще вчера и лежит у вас в папке! — возразил Сбитнев.

— Не видел, — ответил Боченкин, но был прерван командиром:

— Так глаза протри или протрезвей! Разберись в своем хозяйстве! Закончили пререкания! Свободны!

Зал дружно громыхнул смехом, офицеров уже достала длительная канцелярская канитель и бесконечные возвраты представлений на награды.

Я мужественно боролся с обволакивающей дремой в душной перегретой дежурке, сидя за пультом. Время шло к смене наряда. В штабе стояла мертвая тишина, только часовой в теплом парадном мундире у боевого знамени тяжело вздыхал и переминался с ноги на ногу. Плюс пятьдесят, и два часа стоять с автоматом в парадке — это тяжелейшая пытка.

— Привет, герой! — поздоровался со мной зашедший с совещания Роман Романыч. — Бу-а-а! Ха-ха!

— Привет, — ответил я сонно. — Закончилось совещание?

— Закончилось, закончилось. Ты про ящичек-то не забудь. Долг —

дело чести офицера! И еще одну бутылочку добавь по сегодняшнему событию! — и он, улыбаясь, направился в строевую.

— Какому событию? — переспросил я, не поняв намека, но ответа не получил.

Следом вошли еще офицеры и как-то странно посмотрели на меня. Проходя мимо дежурки, они улыбались и ухмыльнулись.

— Здорово, Никифор! Как жизнь? С тебя причитается! Герой! — ласково заворковал, появившийся Микола Мелещенко.

Но, завидев подходящих к штабу Артюхина и Мусалиева, быстро скрылся за дверью парткома, подальше от начальства.

— Поздравляю! Молодец! Повезло тебе, чертяка! — крепко пожал мне руку замполит батальона Артюхин.

— С чем повезло? С дежурством, что не сняли за компанию с Габуловым? С представлением ко второму ордену? Что тут особенного, половина батальона в списках, да только получают один или два человека. Со званием? Ну и что, не сегодня так завтра, рано или поздно, никуда не делось бы, — лениво возразил я и широко зевнул.

— Ну ты дятел! Чудак-человек! Ты о чем говоришь-то? Кто все-то? Что получают? — И он покрутил указательным пальцем у виска.

— Что-что... Старлейские звездочки все лейтенанты получают. Просто мне первому, потому что училище окончил на неделю раньше, — ответил я.

— Тебе, балда, Героя дают! По крайней мере, оформляют, — рявкнул возмущенный моим равнодушием Артюхин и, чертыхаясь, пошел по коридору.

От неожиданного известия я чуть не упал со стула. Предпринял попытку сообразить, о чем идет речь. Что за глупые шуточки! Но тут с большой тетрадью-«гроссбухом» появился Сбитнев и заорал:

— Открывай дежурку, сейчас будем твою биографию описывать, придумывать несметные подвиги и восстанавливать в подробностях боевой ратный путь! Родина должна знать своих героев! А герои не забывать друзей-товарищей и полнее наливать!

— Вовка! О чем весь этот базар? Ты уже четвертый несешь какую-то околесицу! Объясни толком, что мне дают? Куда и что посылают? Зачем?

— Как чего? Мы из тебя Героя делаем!

— Героя репортажа? Книги, статьи, телепередачи, фельетона?

— Советского Союза! Разрядка пала на тебя. Посудили, порядили, и вышло, что ты — самая подходящая кандидатура, — хмыкнул Володя. — Ну давай рассказывай свою историю, биографию уточняй. Мороки теперь с тобой не оберешься до самого выхода на войну.

Немая сцена. Пауза. Мертвая тишина. Вовка рассмеялся.

— Да, совсем запамятовал! Про отпуск забудь и пока не мечтай. Останешься до особого распоряжения командования! Сегодня срочно материалы на тебя будут печатать, а завтра их в штаб дивизии нарочным повезут!

Посыльным Ветишина отправляю. А ты деньги экономь, а то не хватит на все мероприятия. Каждый день будешь поить, угощать, это ведь событие! В батальоне за всю его историю никому звание Героя не давали. Ох, погуляем!

— Меня Героем Советского Союза!!! — переспросил я недоверчиво.

— Тебя, тебя, — ухмыльнулся Володя.

— Какое покутим! Завтра разберутся, одумаются. Не бывало еще на этой войне, чтоб живому здоровому замполиту роты звание Героя присваивали. Только посмертно, для этого нужно гранатой себя вместе с «духами» подорвать!

— Посмертно двоих наградили! Если понадобится третий случай в моем лице, то я пас! Не хочу!

— Понадобишься покойником — никто и не спросит! Чудак, тебя живым хотят видеть и пропагандировать. Лично я думаю, начальство ошиблось. На партийную икону ты не тянешь. Оппортунист, одним словом! Святости в тебе мало. Посуди сам, ну какой ты к черту пример для подражания?

— А ты пример? — обиделся я на эти слова друга.

— Нет, но меня и не возвышают! Ты начальству, кстати, в Афгане еще не менее года нужен. Условие такое поставлено. Главное! Увеличивается шанс стать покойником. Хотели бы живого и здорового — награждали бы разведчика Суркова. Он не сегодня-завтра в Союз уедет. Гады! Опять хотят потенциального смертника!

Мы посмеялись над этой грустной шуткой, и Володя распорядился:

— Быстрее сдавай наряд и возвращайся в лоно коллектива, будем весь вечер писать о тебе роман!

* * *

В канцелярии, зарывшись в документах, корпели Сбитнев и Острогин. Оба трезвые и озабоченные, перед ними с ворохом бумаг в руках стоял писарь, сержант Фадеев.

— Работай, Фадеев, ночью трудись, заглаживай вину! — проговорил командир и выставил его за дверь.

— Что случилось? — спросил я.

— Да вот, гнусяра, у старшины коробку со сгущенкой перед рейдом увел, будто бы я приказал взять! А старшина возьми да переспроси у меня: для чего. Все и раскрылось! Сученок! Сгною писаниной и по нарядам! Садись, по пятьдесят грамм спиртика хлопнем по твоему торжественному случаю! Угощаю...

Володя вынул из заветной железной шкатулки знакомую фляжку, и мы выпили, крикнув и закусив огурчиками. Немного помолчали, потом Володя сказал:

— В принципе правильно, что тебе выпало. Пашешь, дай боже другим, и все без передышки. Наша рота лучшая в полку, а может, и в дивизии. Не Грымому же давать Героя. Как вариант мог быть Острогин, но должность не та. Я большую часть срока в госпиталях провалялся. Поэтому все верно, и не смущайся. Они тебе аван всучат в виде золотой звездочки, а потом пахать на тебе будут! Это как наживка. Теперь ты, словно последний дурак, станешь стремиться подтвердить, что их выбор был верным. Полезешь во все дыры, будешь совать голову в самое пекло. Знаю я тебя! И шею, в конце концов, точно свернешь! Выслушай совет старого воина, и Острога к нему присоединяется: плюнь на всех, не бери на себя много лишнего, чего не потянуть, не войой за себя и того парня. Выбрали, выдвинули, скажи им мысленно спасибо и служи как служил. Нормально же служил и воевал. А иначе и правда будет третий посмертный Герой — замполит! Из вашего племени политруков ведь только двое были героями?

— Даже трое — все посмертно. Один из них замполит полка.

— Во как мужика угораздило. Бывает, и генералы погибают! Но редко, — усмехнулся ротный.

— Маршалы еще реже, — вставил фразу Сергей.

— Точно. Так что постарайся остаться живым. Живым героем! Будь добр, не выпендриваться, не лезть на рожон. А то из тебя сейчас героизм попрет через край, и коль вовремя не остановят, без башки останешься. Начнешь рвать себя, наломашь дров и еще кого-нибудь загубишь! В общем, дыши ровно, не напрягайся. Я мыслю так: тебе тут «коптиться» под афганским солнцем еще года полтора! Если наградят, то назначат, как Ошуева, на вышестоящую должность. Вот тогда мы уже уедем домой, а ты лишних полгода, как и он, переслужишь.

— Ни х... себе перспективочку дальнейшей службы нарисовал! — возмутился я.

— А ты как хотел! За все нужно платить! Обязательно! Особенно в нашей Совдепии. Будет чудо, если ты не сгоришь в огне войны, они тебя невольно уже подтолкнули. Эх, жалко, что выбрали тебя, не сумеешь ты правильно распорядиться выпавшей удачей. Карьеру ты не сделаешь: подлости и наглости у тебя мало, — задумчиво произнес Сбитнев.

— А может, я попробую — и получится?

— Нет, не выйдет! У тебя глаза не подлые, а чтобы карьеру сделать, нужно гнуться, гнуться и еще раз гнуться, как завещал великий Ленин! Каждый день жопы начальству лизать, и не просто лизать, а вылизывать! А ты, Никифор, все время умничаешь, пререкаешься. Твой максимум — это батальон, и желательно успеть получить его здесь на войне. В Союзе могут уже не дать даже эту должность. Ну а если в академию проскочишь, то по ошибке ЦК. Дадут полк, долго на нем не удержишься. Ордена, конечно, утонуть не дадут, но и толкать вперед не будут! В вашей политконторе жесткий естественный отбор идет, на самом веру — одни мерзавцы

и негодяи. А ваша братия способна выращивать только себе подобных! На уровне дивизии уже в основном придурки, а в армии, округе — законченные негодяи! Впрочем, это не только в вашей политической конторе, а во всей Советской армии, по всей стране. Страна рабов! Но в твоей организации это зоологическая особенность — плодить подлецов!

— Что-то ты разговорился! А ты-то как бы распорядился таким счастливым случаем? — спросил я командира.

— Я бы, получив звездочку золотую, не снимал ее ни с кителя, ни с рубашки, ни с майки! И ни одна чувиха не смогла бы мне ни в чем отказать! — мечтательно улыбнулся Володя. — Понятно?!

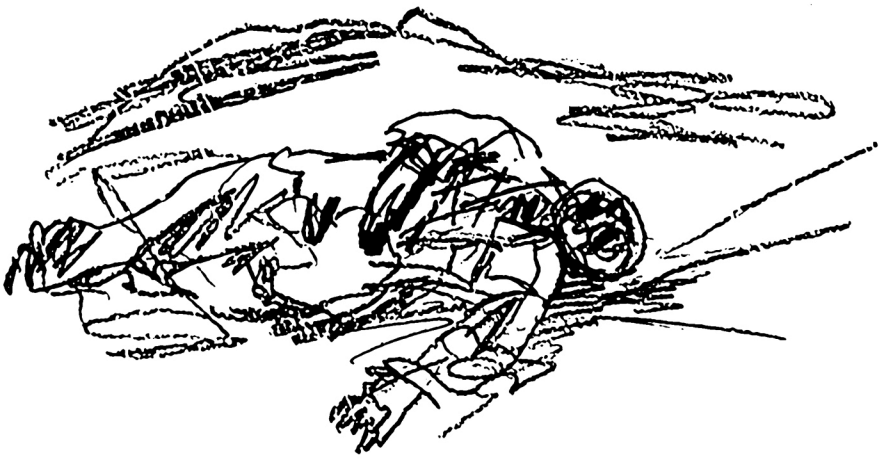
— А может, я тоже попробую? — хмыкнул я.

— Для этого нужна искра божья. Талант! А ты не ловелас, не орел, словом. Романтик ты, идеалист и балбес, в хорошем смысле этих слов. Но попробовать можешь, отчего бы и нет, — улыбнулся Володя.

По прошествии пары часов допроса по биографии он отправил меня отдыхать. Я задумчиво брел по ночному темному полку в свою комнату. Хотелось упасть на койку и привести в порядок перепутавшиеся мысли. Звезды, как всегда, подмигивали мне сверху. Что-то там, на небесах, запуталось, и карта легла очень даже занимательно. Боги «бросили камни», и шанс выпал мне. Удача! Орден, звание, герой! Это уже даже не звездный дождик, а какой-то звездный ливень! Необходимо теперь, чтобы этот ливень не смыл меня! Главная задача остается прежней — постараться вернуться живым! Это — важнейшая награда на войне. И нужно добиться ее. Что ж, постараемся!..

КОНВЕЙЕР СМЕРТИ

Глава 1

Карательная операция

Ночное небо простиралось над землей, словно гигантский черный шатер. На нем мерцали звезды, как всегда холодные и далекие. Легкий ветерок шевелил волосы, освежал лицо. Я постепенно приходил в себя.

Да и как в этой ситуации не разнервничаться, если из ста тысяч возможных претендентов выбрали меня, единственного. Один шанс из ста тысяч. А ну, как и правда, получится? Я — Герой Советского Союза!!! Москва, Кремль, академия...

Тьфу ты, черт! Совсем ум за разум зашел. Иду, куда ноги ведут, дороги совсем не вижу. Удивительно, что о бордюры не запинаясь и в густые колочки не забрел. Шальные мысли надо гнать из головы, а то так и до беды недалеко. Вознесешься в мечтах до самых небес — вот тут-то тебя пуля на земле и срежет. Не летай, не воспаряй. Будь проще! Живи, как раньше жил.

— Эй, лейтенант, ты чего это сам с собой разговариваешь? Пьяный или совсем от войны чокнулся? Завоевался, служивый? — услышал я сзади веселый женский голос.

Я запнулся от неожиданности и чертыхнулся в сердцах:

— Черт побери! Понаставили бордюрных камней, чуть в темноте ногу не сломал.

— А ты ходи и под ноги гляди, меньше мечтай, — насмешливо сказала, поравнявшись со мной, кладовщица Лариска.

— Да, что-то я действительно задумался, устал, наверное, очень. Не живем, а существуем, как собаки, и даже хуже. У собак хоть отдельная будка есть, а нас общаги и той лишили. Из батальонного модуля выселили к бойцам в казарму. Один взводный на сейфе спит, другой — на столе, а я обычно на полу — в ленинской комнате на надувном матрасе.

— Бедненький! Надоела, наверное, жизнь половая? — расхохоталась женщина.

— Жизнь половая не надоела, потому что ее нет совсем, а просто устал спать в спальном мешке на пыльном полу.

— Тебя даже жалко стало, пойдем, чаем напою, хочешь?

— Хочу! Всего хочу-хочу!

— А вот насчет всего ты не угадал, место занято, пролетаешь как фанера над Парижем!

— Ну, чай так чай, — вздохнул я и побрел следом.

В крохотной комнате стояли шкаф, стол и две застеленные кровати. Близость женщины возбудила плоть, взбудоражила и только лишний раз расстроила. Я выпил, обжигаясь, большой бокал крепкого душистого чая с вареньем и на вопрос о втором бокале ответил согласием. Опустошил второй и попросил третий.

— Ты меня глазами съешь и скоро разденешь! Топаи домой. Хватит сидеть и тарачиться. Скоро Сашка должен объявиться. Зайдет, а тут молодой лейтенант меня компрометирует! — рассмеялась Лариска и, потянув меня легонько за руку, вытолкнула за дверь.

«Вот черт, как все нелепо получилось», — рассердился я на себя. Зачем пришел? Сам не знаю. И сердце, вместо того чтобы успокоиться во время прогулки на свежем воздухе, наоборот, еще пуще колотится. Давление, чувствую, поднялось до критических пределов.

Поманили меня большой наградой начальники и сбили с толку. А потом еще мотнула зазывно юбкой ведьма-деваха. Одни душевные расстройства... Ну, хватит напрасно переживать. Конец прогулке — спать пора.

Рано утром стремительная постановка задач и сбор по тревоге. Батальон погрузился на технику и отправился на Баграмскую дорогу проводить карательную операцию. Отольются солдатские слезы тем, кто устроил фейерверк из «наливняков».

Шедший впереди колонны танк с тралом задавил несколько мин. В конце концов, после подрыва мощного фугаса каток трала отлетел в виноградник. Пока танкисты навешивали новый и заменяли контуженую механику, батальон открыл по «джунглям» шквальный огонь из всех стволов. Ветви деревьев, виноградные лозы трещали и падали, скошенные пулями и осколками снарядов. После точных попаданий артиллерии завалились внутрь крыши и стены нескольких строений. В садах, как песчаные фонтаны или гейзеры, десятками взметались вверх взрывы, а затем оседали, барабанив вокруг комьями земли. Над кишлачной зоной нависла сплошная пелена из дыма и пыли, мешающая и дышать и смотреть.

Я залез в башню на место наводчика и принялся посылать очередь за очередью по кромкам высоких дувалов. Сначала бил по развалинам, а потом переключился на самый огромный в кишлаке двухэтажный дом. Довольно занятное времяпрепровождение — высаживание ворот и вы-

шибание остатков стекол. Чувствуешь себя первобытным варваром. Стреления вокруг проселка рушились, осыпались, горели, но людей в них не было — ни одной живой души. Боеукладка в машине вскоре закончилась. Пока оператор занялся прокачкой второй ленты, чтобы продолжить стрельбу, я выбрался из башни. Канонада затихла, перестали свистеть пули и осколки, и можно было оглядеться.

Вдоль проселочной дороги по арыку протекал поток мутной глинистой воды вперемешку с мусором. Вода — это жизнь. А плохая вода — плохая жизнь. Отплеываясь от пыли и мошкар, я присел на глиняный край арыка. Сняв обувь и носки, я окунул ступни в эту жижу. Теплая жидкость освежила ноги, но разглядывая этот грязный поток, я содрогнулся от отвращения при мысли о том количестве гепатита, тифа, дизентерии и холеры, которое протекает сейчас между пальцами ног. Ведь вся эта нечисть только и мечтает, чтобы проникнуть в мой молодой, здоровый организм. А сколько этой заразы витает вокруг нас в воздухе! Бр-р-р! По-хорошему, взять бы территорию этой страны да вымыть с хлоркой, чтоб обезвредить и обеззаразить. Да и аборигенов хорошенько помыть не мешало бы, в русской баньке, с парком и веничком. Правда, отмыть тело от всей грязи, они, возможно, сразу вымрут! С непривычки. Мы тоже постепенно привыкаем к местным условиям, но адаптируемся к антисанитарии плохо. Пьем воду из арыков, едим из грязных котелков немывыми ложками (в горах вода дороже золота) и часто по несколько недель не умываемся. Но вот что странно: я ни разу ничем не заболел! Мучаюсь только с гудящими от усталости ногами, ноющими коленями, да зубы крошатся от отсутствия фтора в воде и от твердокаменных сухарей. Правда, большинство наших бойцов не выдерживают. Медсанбаты и госпитали переполнены страдающими от инфекционных заболеваний.

Я отбросил вместе с водой воображаемых микробов: «Кыш, проклятые!»

К моей БМП подошел озадаченный и хмурый Сбитнев, который вернулся с совещания.

— Ник, хватит балдеть! Обувайся, сейчас твои ноги снова вспотеют! Задач нарезали, мать их! Слева от дороги кишлак — название не выговаривать — прочесать! Одной нашей славной ротой! Справа будет действовать вторая, а развалины впереди штурмует третья. Минометчики и артиллеристы с Баграмки произведут огневой налет, потом авиация отбомбится, и ровно через полчаса начало движения.

— Охренели, что ли, «боссы»? Ротой — на большущий кишлак? — удивился я.

— Так этих кишлаков тут вон сколько! Цепью тянутся на восемьдесят километров! Что-то разведбат на себя берет, что-то восемьдесят первый полк, что-то десантура, и многие дома останутся непроверенными. Прочешем только окраину вдоль дороги. Нам предстоит загнать банду Кари-

ма в кяризы и там дымами отравить. Будем забрасывать лабиринты дымовыми минами и гранатами, минировать выходы из колодцев и, если получится, подрывать.

— С кем мне идти прикажешь? Взводных — полный комплект, поэтому хочу с тобой вместе вползть в «зеленку». Не возражаешь? — спросил я.

— И какой будет наша задача дальше? — поинтересовался вклинившийся в разговор Острогин. — Что нам предстоит тут делать, осваивать виноградные плантации? Помогать дехканам собирать урожай?

— Нет, сейчас не до шуток! Приказ: колодцы, которые мы обнаружим, травить. Пусть угорят к чертовой матери!

— Бедная чертова мама! Ей будет чрезвычайно тяжело унести эти мириады душ, — рассмеялся Острогин. — Доведите план действий, командир! Взвода работают вместе или поврозь? Куда идет мое войско из восьми человек?

— Выстраиваемся в линию и планомерно, не забегая вперед и не отставая, ползем по долине, сметая все на пути. С краю от дороги — первый взвод. Затем второй, дальше третий и ГПВ, — распорядился Сбитнев. — Я пойду с третьим взводом, замполит — с пулеметчиками. Иду с Мандресовым, потому что он после этой операции (раскрою секрет) уходит от нас.

Мы недоуменно переглянулись: куда?! Только прибыл! Опять теряем хорошего парня.

— Грабят! — взвизгнул я.

— Да, да! Уходит на повышение. На отдельный взвод. Будет вместо Арамова командовать гранатометчиками. Никто нас не грабит, — отмахнулся ротный.

— А Бохадыр куда? — удивился Острогин.

— Командир полка назначает Баху на место Габулова. Комбат придет, согласуют с ним, и цепочка назначений двинется. Так что Мандресов как Цезарь: пришел, увидел, вырос! Карьерист!

— А почему не Острогин? — удивился я.

— Сержу нужна рота! Зачем ему взвод? А Мандресов новичок, еще нужно научиться действовать самостоятельно, для дальнейшей перспективы роста. Замполит, тебя же наш Муссолини расспрашивал о Мандресове вчера?

— Ну, спрашивал. Так, между делом интересовался, что за человек. Почему комсомолец, а не коммунист? Я сказал: хороший офицер, а что комсомолец — исправится, «сделаем коммунистом». Долго ли при обоюдном желании и с хорошими товарищами. Если упаковку «Si-Si» к тому же поставит и сверху коньяк!

— Поставишь? — посмотрел вопросительно Сбитнев.

— А надо ли? Может, я еще не созрел, сойду комсомольцем? — засмущался Мандресов.

— Тебе денег жалко или принципиальная позиция: «не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым»? — возмутился Сбитнев.

— Жалко! Тем более что я еще получку в глаза ни разу не видел.

— Увидишь! Ты, между прочим, и в коллектив не влился! После возвращения берешь чеки, вливаешься, а на следующий день — отвальная! Сдашь дела тому, кто тебя сменит, и шагай по ступеням карьерного роста. АГС — это кузница кадров нашего батальона. Оттуда двое роту получали и заместителями начальника штаба становились, и это только на моей памяти, — высказался Сбитнев.

— Он так вскоре нами командовать вернется! — усмехнулся Ветишин. — Санька, дай, пока можно, тебя в бок двину. Когда станешь большим начальником, не получится! — Сережка, смеясь, хлопнул Мандресова кулаком, и офицеры принялись весело мять бока Александру, радуясь возможности подурачиться перед боем. Мы заметно нервничали перед вхождением в «зеленку», таящую постоянную угрозу.

«Зеленка» не подавала признаков жизни. Она была похожа на матерого аллигатора, затаившегося в болотной тине, ожидающего неосторожную, зазевавшуюся антилопу или газель, чтобы схватить ее за горло и утащить на дно. Этой антилопой сегодня предстояло быть нам.

Тишина становилась гнетущей. Казалось, вот она рядом, мирная жизнь: по шоссе торопливо снуют автомобили, стараясь быстрее проскочить в город, женщины спешат с многочисленными детьми по своим делам, птицы щебечут в листве деревьев, солнышко светит. Идиллия! Но спокойствие было обманчивым. Ведь «барбухайки» несутся так быстро, чтобы проскочить до начала стрельбы, а мирное население не просто торопится по своим делам, а спешит подальше уйти от опасной зоны. Скоро и беспечные птицы петь перестанут...

Действительно, все вокруг резко переменялось после первого же артиллерийского выстрела. И тут и там снаряды сплющили, словно гигантским молотом, нехитрые постройки, превратившиеся в пыль, вырвали с корнями вековые деревья, завалили метровой толщины дувалы.

Ну, с богом! Удачи нам...

«Духи», как оказалось, не ушли и не спрятались. Стоило сделать несколько шагов по враждебной территории, как мы попали под шквальный огонь мятежников. Конечно, то, что техника двигалась не одной колонной, а была развернута в линию, помогло прорваться вглубь. Пушки и пулеметы стреляли непрерывно, пока не кончились боеприпасы в боеукладках. Стволы, перегреваясь, шипели. Вот и ближайшая цель: большой высокий дом за широкими стенами посреди густых зарослей виноградника. Лоза трещала, извивалась и наматывалась на гусеницы, мешая продвижению техники.

— Эй, сапер, Курбатов, проверь вход! — приказал солдату Сбитнев.

Этот парнишка мне был знаком еще по прошлому году, когда Острогина окружили «духи». Он и другой сапер Аристархов не бросили нашего

взводного. Так втроем и отстреливались в течение двух часов от наседавших «духов». Аристархову повезло, и он уже уехал домой живой-здоровый, а Курбатову, бедолаге, еще служить и служить...

— Курбатов, ты аккуратнее ходи. Не пропусти растяжку! Ноги береги! — похлопал я его по плечу.

Солдат нервно улыбнулся в ответ на мою заботу, махнул рукой и принялся осторожно проверять щупом тропу и подступы к воротам. Ворота оказались незакрытыми. Да и зачем? Хозяевам же дорожке. Запертые — либо сломаем, либо подорвем, а древесина ой как дорога в этой стране!

Второй взвод начал внимательно осматривать строения, а мы с Бодуновым переместились к следующей хибаре. Стены тут были ниже, тоньше, а сам домик совсем обветшал, и только виноградник был еще гуще, чем везде.

— Бодунов, выбирай позиции пулеметам, а я в окрестностях пошарю, — сказал я прапорщику. — Возьму с собой сапера, пулеметчиков, наберу «дымовушек» и поищу кяризы в зарослях. Нужно заранее обезопасить себя, а то скоро «духи», как тараканы, полезут оттуда на волю!

— Смотри, на засаду не нарвись. Далеко не отходи! Если что, кричи о помощи! Услышу — прибегу, не услышу — не обессудь! Я тебя не послал! — заржал прапорщик.

— Ты тоже кричи, не услышу — не помогу, а услышу — тоже не прибегу. Вас много, нас мало. Если уж тебе станет худо, то и от нашей помощи толку не будет, — рассмеялся я в ответ. — Обживайся, готовь обед, постреливай из «Утеса», но не перепутай меня с врагами!

— Не перепутаю! Сегодня у тебя физиономия без бороды, не ошибусь! Да и как же можно в Героя стрелять! Нет, нельзя, пока живи!

В окрестностях за дувалом я обнаружил два колодца, а Зибоев отыскал еще один, прикрытый досками и засыпанный соломой. Десять дымовых мин улетели в глубокие жерла, туда же отправились осколочные гранаты, гулко громыхнувшие на глубине. Чтобы дым не поднялся весь наверх, а немного задержался внутри и пошел бы гулять по горизонтальным ходам, мы закидали выходы ветками и какими-то лохмотьями. Еще один дымовой столб клубился из глубины двора. Это Игорь шалил, обнаружив очередной потайной лаз.

— Товарищ лейтенант, в кяризе какое-то странное шебуршание! Послушайте! — окликнул меня из зарослей Лебедков.

— Сержант, может быть, вода течет, это ведь своеобразная система водоснабжения. Но могут и «духи» перебежать к нам в тыл. Чего прислушиваться! Тащи две дымовые гранаты и РГО! Сначала гранату кинь, а потом «дымы», — распорядился я. Не дожидаясь, пока он их принесет и не заглядывая внутрь, я бросил во чрево колодца «эфку». Граната, ударяясь о стенки, полетела вниз. Раздалось несколько шлепков по глине, а затем гулкой взрыв.

Лебедков повторил бросок, но более аккуратно. РГОшка взрывается

сразу при ударе, поэтому сержант выпустил гранату из ладони точно над центром жерла кяриза. Мы отскочили за стену. Бух-бух! Гулко охнуло под землей, и следом за эхом вверх взметнулись на излете осколки. Если их выбросило даже сюда, то и «духам» досталось. Не хочется смотреть вниз: есть шанс получить оттуда очередь в лицо. Я вообще не люблю разглядывать, что там, в глубине кяриза. Сооружения, конечно, занятно сделаны. Строились многие века. В мирное время в иной ситуации я бы их исследовал, но только не сейчас.

Юрка проколот дырки в дымовой мине, вставил запал, дернул за шнур дымовую гранату и швырнул вниз. Через пару минут клубы черного и белого дыма поднялись до уровня края колодца, который напоминал проснувшийся вулкан.

— Юрик! Возьмите доски, вон ту рогожу и прикройте выход. А то мы тут задохнемся от этой дряни, — заорал на сержанта спустившийся с крыши Бодунов.

— Нам тут вонь мешает, а представляешь, какой «кайф» ловят в штольнях «духи»! — засмеялся я, похлопав по плечу прапорщика. — Даже вошки и блохи на них подохнут! Вместе с хозяевами! Игорец, все, что есть, дымовые гранаты в подвал и в колодцы, может, вытравим их, как крыс. Оставим без воздуха. И над выходом растяжки надо поставить, а то ночью какая-нибудь сволочь, полуживая, вылезет и нас порежет.

Не торопясь, мы опять осмотрели окрестности. Добавили новых «подарков» для обитателей подземелья, да так много, что от стелящихся по виноградникам дымов и самим дышать стало нечем.

— Где замполит? — услышал я крик радиста.

— Тут я! Чего нужно? — отозвался я, высовываясь из десантного отделения, где лежа переваривал сытный обед и дремал, прячась от полуденного зноя.

— Ротный вызывает на связь!

— Ох-хо. Что ему не спится? Давай наушники. — Я взял радиостанцию и пробормотал: — Слушает «Анкер-300».

— Молодец, что слушаешь. Храпишь, наверное, как сивый мерин? — насмешливо спросил Сбитнев.

— Зачем так, открытым текстом на весь эфир? Тем более что обвиняешь голословно. Нет, не сплю, беседую с бойцами, — ответил я, окончательно очнувшись от сна.

— Хватит болтать с пулеметчиками. Садись быстрее на броню и мчись «пулей» ко мне!

Вот черт, не даст отдохнуть! Садись, езжай! А зачем — не сказал! Не вздремнуть, не отдохнуть, не расслабиться.

— Зибоев! Бери пулемет и забирайся на БМПешку. Будешь меня охранять. Лебедев, заводите машину! — скомандовал я сержанту.

— Понял вас, командир! Вещи с собой брать? — поинтересовался Лебедков.

— Нет! Скорее всего быстро вернемся. Это Сбитневу что-то в голову взбрело! — Я потянулся до хруста в костях и крикнул Бодунову: — Иго-рек, я уезжаю на командный пункт к ротному, без меня не скучай!

Прапорщик оторвался от прицела «Утеса», помахал рукой и вновь припал к окуляру. Он уже битый час высматривал жертву. Но никак не мог найти загаившихся врагов в этой сплошной зеленой массе. Скорее сам дождется ответной пули снайпера.

— Игорь, хватит хищничать, схлопочешь пулю, лечить не будем. Лекарства дорогие! — сказал я, надевая нагрудник и набирая гранаты.

Бодунов помассировал шею, потряс руками, помял плечи и, перекашившись по крыше, прыгнул вниз.

— Никифор! Ты меня бросаешь на произвол судьбы? Надолго?

— А кто его знает, что Сбитневу надо!

— Нас и так только одиннадцать, а ты четверых забираешь! — проворчал взводный.

— Ты предлагаешь мне идти пешком и одному? Или согласен дать провожающим пулеметчика? — ухмыльнулся я.

— Да нет, я ничего не предлагаю. Но с двумя БМП как-то веселее, чем с одной.

— Вот и мне ехать на машине будет весело. Ничего, мы там не заночуем. Скоро вернусь. В карты я с ротным резаться не буду. Вовка — шулер! Всегда норовит обжулить, честно он просто не в состоянии играть. Наверное, донесение какое-нибудь составить и подать нужно, а сам думать и мозги напрягать не хочет. Для этого, вероятно, и вызывает.

— Да, Никифор! Насчет твоей шуточки про дороговизну лекарств: я в них не нуждаюсь, и, думаю, всю жизнь покупать не придется. Год начальником медицинского склада был, для себя, детей и внуков запасы «затарил».

— А спирт был? — поинтересовался я.

— Нет! Чего не было, того не было. Был бы спирт — вы бы меня в Афгане не увидели. Я бы тогда «отмазался» от кадровиков! — вздохнул прапорщик. — Я, кстати, в Союз в командировку уезжаю после рейда. Вызов пришел в прокуратуру явиться.

— Какую прокуратуру? Почему раньше молчал?

— Обыкновенную, военную. Окружную. Недавно этот бывший мой склад сгорел, черт бы его подрал! Я уже в Афгане воевал, и на той должности после меня еще пара человек прослужили. А отчего он сгорел — не понятно, но подозревают всегда хищение. Теперь следствие идет, а я фигурант. Сказать о повестке никак не решался. Честно говоря, складу сам бог велел загореться. Ах! Жалко, что у меня до сих пор нет «Красной Звезды», как у тебя, Ник! Почему я не награжден?

— А ты чаще пьяным начальству попадайся. Мы ведь как только с рейда возвращаемся, так ты в первый же вечер нажираешься и в историю какую-нибудь встреваешь. Сколько твоих наградных листов Ошуев рвал собственноручно?

— Три. Два на медаль и один на орден, — вздохнул прапорщик. — Ох, как пригодился бы орден сейчас! Орденосцы первыми под амнистию попадают.

— А что, действительно много стащил добра? Признавайся!

— Да что я мог оттуда взять? До меня бульшая часть украдена была. Я, не желая оказаться крайним, рапорт написал и в Афган уехал. На проклятом складе лет пятнадцать один старый прохиндей обитал. Стопроцентный хохол! А я, молодой, совсем зеленый, после школы прапорщиков прибыл. Вроде имущество как положено принимал. А недостача оказалась на пять расстрелов! Этот гад после того, как мы днем стеллажи проверяли, ночью с бойцом-кладовщиком ящики и коробки с места на место таскал и переставлял. С караулом договаривался, вскрывал помещение и передвигал, менял местами, создавал видимость полного комплекта. Спиртом там давным-давно и не пахло. В бутылках для спирта вода оказалась! Обманул, сволочь старая! Когда я солдата на дембель провожал, он мне во всем признался. Выпили, поговорили по душам, боец и проболтался. Я, конечно, ему в морду дал, а самому — хоть вешайся! Что-то постепенно сумел списать, что-то восполнить. Осталось недостачи только на две смертные казни. Три года я мучился и решил сбежать. Нашел для замены молодого прапора и обманул его.

— Ну и причем тут тогда ты? Он теперь, получается, стал крайним?

— Нет, — ответил Бодунов. — Вызывают тех, кто складом рулил, и одного за другим трясут. Дошла очередь и до меня. Объект сгорел три месяца назад, а я все это время хожу, дрожу, запойно пью и жду, что дальше будет.

— Не потей, успокойся. Обойдется. Напишем тебе в тюрьму хорошую характеристику, медаль пришлем. Расскажем, как воюешь и под тяжестью пулеметов гнешься в горах. Сразу выпустят. Решат, что ты, сидя в тюрьме, будешь балдеть. А каторга — тут! Вернут назад в батальон, без проволочек. По этапу! Ха-ха-ха! — рассмеялся я.

— Тебе смешно, а мне не очень, — вздохнул Игорь.

— Ну, не вздыхай! У тебя дома обыск, что ли, был?

— Был. Квартиру и сарай перерыли, но ничего не нашли.

— Не там искали? — догадался я.

— Ага! Не там. Искали у жены в квартире, я у нее прописан, а те крохи, какие взял (как не взять, когда нет нигде ничего), у матери лежат. С женой-то я в разводе, в этом отпуске расстались.

— А чего так?

— Да надоела. Хуже горькой редьки. Ну ее.

— И с кем же ты отпуск проводил? На ком резвился?

— С кем, с кем... С ней же, со Стеллой.
— Ну, ты даешь! — рассмеялся я.
— Не я, а она дает.
— Как же так, а говоришь, разошлись?
— Чужак-человек! Я чужой, что ли? Я свой! Мы после того как бумагу в загсе получили, пошли это дело обмывать, — продолжил рассказ Бодунов.
— А почему в загсе разводили?
— Детей не завели, не успели, оба согласны на развод, поэтому все прошло быстро, без проблем, без суда. И ей жить удобно. Пока я тут загораю, она вроде свободная и мужу не изменяет. Независимая, честная женщина. Развлекаться может сколько угодно. И мне хорошо, и я — вольный казак. Пошли мы с ней отметить изменение в семейном положении. Обмыли, потом внезапно обоим захотелось любви. Я говорю: дашь? Она в ответ — дам. Так и провели месяц. Что мне болтаться, кого-то искать? Когда проверенная подруга есть под боком. Да и квартира у нас маленькая, однокомнатная. Кровать одна, общая. Куда деваться?
— А дальше? — спросил я.
— Что дальше? Кино, танцы, пляж, пиво, вино и все та же испытанная общая кровать.
— Ну и зачем разводился-то? — опять непонимающе переспросил я.
— А хрен его знает! Надоела! — отмахнулся Игорь.
— И опять каждый день на Стеллу? Надоела, называется! — улыбнулся я.
— Развелся от нечего делать, потому что так захотелось.
— Чужак. Можно сказать, балбес!
— Можно и так сказать. А можно и грубее обласкать. Несерьезный я человек, — грустно подытожил Бодунов.
— А дальше что делать будете? После войны?
— Может, снова поженимся. Баба она неплохая, симпатичная, хозяйственная. Видно будет, как дальше жизнь пойдет. Для начала вернуться живым нужно! «Зеленка», видишь, впереди какая суровая! Безбрежная и бескрайняя! И «духов» в ней не перечесать. Что судьбой предначертано — никто не знает. Сегодня не стреляют, а завтра пули да осколки засвистят вокруг.
— Ну, ладно, ладно! Не грусти, поешь виноград, говорят, для мозгов сладкое полезно. Особенно тебе!
— Да он кислый какой-то! Дрянь. Только на брагу годится.
— Поищи и найдешь сладкий. Ладно. Не журысь, казак! Все будет хорошо! Поехал я. Не то наше ротное начальство обидится и рассердится.

Бронемашина, медленно покачиваясь на земляных грядках и межах, ползла по винограднику, перемалывая гусеницами стоящую рядами лозу. Плетки трещали и скрипели под натиском тяжелого металла. Они, тормозя движение, тянулись следом, оплетали траки и колеса, но все же обрыва-

лись, не выдерживая напора «стального зверя». Но даже машина не смогла прорваться сквозь тройной ряд изгороди. Большой моток проволоки опутал гусеницу, и мы остановились.

Рахмонов тяжело вздохнул, вылез из-за рычагов и скомандовал наводчику:

— Скляр! Вылезь, помогать будешь. Застряли.

— Быстрее, солдат, быстрее, — прикрикнул я на бойца. — Мы что мишенью торчать будем?

«Тр-р-р. Пак-пак-пак!!!» — раздалась в эту минуту очередь из густого сада, и пули засвистели совсем рядом. Сидящие на броне посыпались на землю, как грибы из лукошка.

— Зибоев! Ты чего пулемет бросил? — заорал я на солдата. — Залазь обратно, стягивай пулемет вниз и лупи сквозь виноградник. Больше огня, больше шума!

Наводчик-оператор Скляр повернул башню и полосонул из пушки короткой очередью по кустарнику.

— Куда стрелять-то?! Никого не вижу! — завопил наводчик из башни.

Напрягая легкие, чтобы перекричать работающий на холостых оборотах двигатель, я проорал ему:

— Солдат, видишь четыре орешника?

— Те, что справа растут?

— Да! Вот туда и расстреляй ленту. Кажется, оттуда били.

«Бум-бум-бум!!!» — застучала пушка, и очереди 30-миллиметровых снарядов отправились искать свою жертву. «Тр-р-р!!!» — огрызнулись еще раз кусты. «Духи» не желали отступать и отстреливались. Главное, чтобы у них не было гранатомета. Сожгут машину, гады! «Та-та-та!!!» — вновь просвистели пули над нами.

Зибоев перебросил с руки на руку для удобства тяжелый пулемет, повесил его на ремень и выпустил длинную-длинную очередь.

Я расстрелял четвертый магазин и понял: пора вызывать подмогу. Только собрался лезть на башню к радиостанции, как обстрел со стороны «духов» прекратился. Наступила напряженная тишина.

— Товарищ лейтенант! Я выдернул эту дурацкую проволоку из гусениц, можно двигаться, — обрадовал нас Рахмонов.

— Заползай в люк и вперед! Бойцы, на машину! Быстро! — приказал я, и машина осторожно двинулась к орешнику.

Со стороны командного пункта роты мчалась БМП, облепленная пехотой. На полпути к обстрелянной рощице мы встретились. Пехота спешила и попряталась в винограднике. Мы с ротным упали в одну канаву.

— Что тут случилось? — поинтересовался Володя. — Бойцы целы?

— Солдат не задело, а почему про меня не спрашиваешь?

— Что с тобой станет — «Кошечем Бессмертным».

— Радует твоя уверенность в моей неуязвимости! Три-четыре «духа»

долбили вот из-за тех деревьев и развалин. Мы им ответили, как смогли. Теперь они спрятались — молчат.

— Машины в линию, пехота сзади, вперед к рошице! Броня, непрерывный огонь! Пехота, бл..., не спать, стрелять! — скомандовал ротный.

Через пять минут мы проверяли место, где была засада. Трупов нет, но следов крови уходящих в кяризы «духов» достаточно много.

— Уползли, гаденыши! — сказал Володя и выругался витиеватым матом. — Никифор, у тебя на машине остались дымовые мины?

— Есть, наверное. Сейчас спрошу. Лебедков, «дымовухи» не закончились?

— Последние, четыре штуки, — ответил сержант.

— Давай одну сюда в кяриз, а другую вон в тот старый колодец. Дыры нужно закрыть чем-нибудь, чтоб наружу дым не выходил и остался внутри.

Солдаты занялись делом, а мы с Володей присели под деревом.

— Чего вызывал? — спросил я.

— Задачу уточнить тебе хотел. От домов до дороги приказано территорию очистить и вытоптать. Чтобы пространство хорошо просматривалось проходящими колоннами. Сломать и разрушить дувалы, взорвать развалины, спилить деревья и задавить виноградники.

— Нормальненько! Тут работенки — на месяц! — возмутился я.

— Да нет, брат, на три дня! Не спи, работай. Сроки — ограничены. И осторожней! Пусть всегда впереди саперы по винограднику ползают, противопехотки ищут. Пешком меньше бродить надо, кустарник машинами давить. Позже приедут дивизионные саперы и взорвут хибары. Сейчас у Ветишина танк поля утюжит, давит лозу, потом ко мне поедет трудиться. Ну, а когда у нас справится, пришлю его сюда.

— Спасибо за задачу! — ответил я.

— Пожалуйста. Но благодарность не ко мне, а к командиру дивизии. Я теперь даже в карты не играю, деревья лично топором подрубаю.

Четвертый день войска топтали поля и виноградники. С восхода до заката танки и БМП утюжили местность, превращая ее в лунный ландшафт.

Солдаты пилили и рубили яблони, груши, айву, орешник. Деревья в два обхвата подрывали пластидом, чтобы долго не мучиться. Подошедший на подмогу тягач заваливал массивные заборы-дувалы. Постепенно мы отвоевывали жизненное пространство для построения «народной» властью социализма в средневековом обществе. Дорога стала хорошо просматриваться через оставшийся реденький кустарник. Но работы еще оставалось непочатый край. Лоза цеплялась за гусеницы, наматывалась вокруг катков, скручивалась в длинный шлейф и тянулась толстыми кишками позади машин.

Бодунов и я по очереди садились на башню и командовали механиком, который укатывал кустарник. Пыль, гарь, мошकारа забивались в гла-

за и рот сквозь накиннутый на лицо капюшон маскхалата. Природа сопротивлялась и боролась за свое существование, словно живой организм. Крупные грозди винограда с хлопаньем разлетались в разные стороны, а скрип лозы напоминал стоны. Жалко, но что делать. Отсюда «духи» ежедневно сеют смерть. Тут их неприступная крепость, убежище, дом родной.

Время от времени то под гусеницами танка, то под моей БМП раздавались громкие хлопки, и я инстинктивно вжимался в броню. Это взрывались противопехотные мины и гранаты на растяжках, не причиняя, к счастью, вреда. Главное — не наскочить на противотанковую мину. Но что ей делать в поле? Ее место на автомобильной дороге. Фугасы обычно закапывают вблизи асфальта. А тут только растяжки, нацеленные против нас, пешеходов, для уничтожения пехоты.

Солдаты день и ночь мучились больными животами. Причина простая: виноград на завтрак, обед и ужин. Да и ночью на посту что можно пожевать от скуки? Его же. Грязными руками, пыльные невымытые плоды. А где их мыть? В мутном арыке? А там на литр воды — килограмм бактерий тифа и гепатита.

Народ обнаглел и заелся до такой степени, что отбирали лишь самые крупные и сочные виноградины, а остальные выбрасывали. Зеленая масса хлопала под ногами. Кроссовки покрылись сладкой оболочкой, превратившись в приманку для пчел и ос. Бойцы порой даже руки мыли виноградом.

Нам — раздолье, а местным дехканам (крестьянам) — горе и слезы. Виноград, конопля и опиумный мак — единственные средства к существованию. На время сбора урожая «духи» даже прекращают вести боевые действия и провоцировать наши войска. Старейшины спешат многочисленными делегациями к командованию, умоляя не стрелять, не проводить крупномасштабные операции. Наступало негласное перемирие.

На этот раз мы пришли раньше сбора урожая, и убирать после нас, скорее всего, будет нечего.

— Замполит! — заорал техник Федарович. — Ну сколько можно издеваться над машиной? Вы с Бодуновым хотя бы меняли бронемашину, а то все одну и ту же гоняете. Сожжете к черту бортовую передачу и фрикцион. Вам-то что, наездникам, слезли и наплевать! А я, старый хрен, опять буду крайним. Вернется из отпуска комбат и примется орать, что технику загубили! Подорожник ведь не спросит, кто именно машину заездил.

— Тимоха! Я же не для удовольствия катаюсь верхом на этой «железке». Знаешь сам, это приказ комдива! Мне бы лучше у костра дремать и на огонь смотреть, наслаждаться дымком и ароматом жареных цыплят, — возразил я прапорщику. — Садись на мое место и катайся.

— У меня другие дела, — ответил прапорщик. — Сейчас поеду в первый взвод. Там что-то случилось. Кажется, двигатель перегрелся. Убью и механика, и взводного.

— Ну-ну! Я думаю, Серж Острогин тебя, словно мамонт, затопчет и не заметит. Справишься, если только сверху камень ему на голову уронишь! А так можешь разве что из-за угла материть и надеяться на свои быстрые ноги. Но как спринтер ты тоже слабоват. Лишь одно есть единоборство, в котором сможешь победить Серегу: перепить его! Тут ты — чемпион роты. Даже Игорь Бодунов со своей шахтерской закалкой спасует.

— Что вы ко мне привязались? Алкашом роты назначили! — возмутился Федарович.

— Никто тебя не назначал, сам вызвался. Ты и сейчас уже где-то браги выпил. Ладно, старый, не обижайся, — похлопал я примирительно по плечу прапорщика.

— А если обидишься, то я буду тебя воспитывать, помогу замполиту, — угрожающе пообещал вклинившийся в разговор Бодунов, поднося пудовый кулак к носу Тимофея.

— Воспитатели хреновы! — обиделся техник. — Когда загубите какой-нибудь агрегат, сами его и чините. — Прапорщик, громко возмущаясь, отошел, забрался на свою броню и уехал.

По широкому двору бродили куры, роясь в пыли и навозе, а в двадцати шагах, спрятавшись за кучей мусора, лежал сержант Постников и тщательно целился.

— Бах! — и одна из кур, громко кудахтая, с перебитой лапой упала на землю.

— Бах! — и вторая запрыгала с перебитой ножкой.

— Бах! — третьей курице пуля попала в голову, разнесла ее, и туловище, пробежав шагов пять, упало замертво.

Остальные птицы, хлопая крыльями, разбежались кто куда.

— Ну вот, на жаркое мясо закуплено! — обрадованно воскликнул Бодунов. — Сейчас отдам Зибоеву, пусть готовит. Смотри, лейтенант, какого я замечательного снайпера вырастил! А из пулемета стреляет, как на скрипке играет!

— Ну, ты сравнил. Еще скажи, Николо Паганини! Пулеметно-скрипичных дел мастер, — усмехнулся я.

— Да! Мастер. Любую мишень покажи в этих «джунглях», он тебе ее из «Утеса» в клочья разнесет! Талант!

— Нужно будет его натаскать, чтоб солдатами командовал, и твоим замом сделать. А Мурзаилову следует звание присвоить и отправить сержантом во второй взвод. Пусть в чувство приводит «исламское братство», — размышлял я вслух.

— Узбеки взвоют. У него не забалуешь. Кулачище-то как у молотобойца, и шуток не понимает, — улыбнулся Бодунов. — Они шелковыми вмиг станут!

— Не жалко будет отдавать?

— Нет! Хороших бойцов растить и выдвигать не жалко, да у меня и остальные как на подбор. Орлы! Гвардейцы!

Доломав придорожные кишлаки, заминировав кяризы и подорвав подозрительные развалины, взводы и роты теперь выползли на шоссе.

Жмущиеся к обочине афганцы с ужасом смотрели на результаты нашего вторжения в «зеленку». Они тревожно переговаривались между собой, видимо, переживали. Детишки шумно возились в пыли, а женщины, закутанные в одежды с головы до пят, безмолвно сидели застывшими, разноцветными столбиками. Паранджа на лице, тюк с вещами на голове, другой тюк в ногах. Рабыни... Конечно, в понимании цивилизованного человека. Однако вот пришли эти цивилизованные люди и разрушили их родные трущобы...

Операция закончилась успешно. Потерь нет. Теперь домой! Мыться, бриться, читать письма, возможно, целую неделю спать в чистых постелях. До новых боевых.

К нашей колонне техники подошел батальон союзников, и афганский офицер спросил разрешения добраться до дороги вместе с нами. Ахматов и Губин посоветовались и решили подбросить союзников. Жалко, что ли? Пусть едут. Главное дело, чтоб не сперли чего-нибудь!

Афганцы, весело болтая, забирались на технику, облепив броню как саранча. Вначале такой «сарбос» забрасывал торбу с вещами, мешок, чайник или какую-нибудь коробку, а затем влезал с помощью товарищей в кузов и бегал по машине в поисках удобного места. Ну, насекомые! Одеты они были кто во что. В куртки, в шинели, в бушлаты. У одного на голове чалма (это сикх), у другого — кепка, у третьего — картуз, у отдельных избранных — каски. На ногах обувка от сапог до драных тапочек и калош.

Больше всего пассажиров уселось на головной танк комбата. Роман Романыч весело покрикивал на разношерстное воинство, призывая быстрее успокоиться. За телами «царандоевцев» было не видно брони танка. В конце концов аборигены разместились и выжидающе поглядывали на нас, надеясь на комфортабельную доставку к своим грузовикам у дороги.

Тронулись. Путь неблизкий. До армейского лагеря километров тридцать, поэтому ехать лучше, чем топтать на солнцепеке.

Колонна миновала подъем, спустилась вниз к пересохшему руслу реки, вновь поднялась на вершину холма. Предстоял длинный, довольно крутой спуск. Механик, собираясь переключиться на пониженную передачу, поставил танк на нейтралку. Что-то заело в коробке передач, и маневр у него не получился.

Танкист делал перегазовку, двигатель громко ревел, а машина стремительно катилась под гору на холостом ходу. Коробка передач скрежетала, но солдату никак не удавалось включить скорость. Молодой водитель, видимо, растерялся и испугался. Танк подбрасывало на ухабах, гусеницы громко колотились по грунту и камням, броня тряслась и вибрировала.

«Царандоевцы» вначале притихли, а затем запаниковали. Они громко заверещали и принялись спрыгивать на обочину, кувyrкаясь при падении.

Танк, бешено стуча траками и теряя пехоту, опустился на дно оврага и начал по инерции закатываться на следующий подъем. Сидевшие на корме афганцы, видя, что скорость снизилась, спрыгнули назад в колею. Двигатель танка заглох, и машина, поднявшись до критической точки инерции, покатилаь обратно, давя на своем пути афганских «сарбосов». Когда танк замер на дороге, то по пути его следования остались лежать с десяток раздавленных тел и по обочинам еще множество травмированных. В воздухе стоял гул от проклятий, воплей и хрипов раненых.

Я бросился к замершему в пыли старлею Шведову. Голова Игорька была залита кровью, посеревшее лицо перепачкано рыжей пылью. Он лежал без движений, без стонов, закатив глаза. Сероиван вколол ему ампулу промидола, разрезал гимнастерку, ощупал голову, руки, ноги.

— Плохо дело! — вздохнул медик-прапорщик. — Голова разбита и, похоже, позвоночник поврежден. Бедняга Игорь, не везет так не везет. Опять сломался!

Тем временем наши санинструкторы оказывали помощь афганцам, которые становились с каждой минутой все более агрессивными. Некоторые направили на нас оружие и принялись клацать затворами. Кто-то бросился к механику, желая с ним расправиться.

Афганские офицеры начали отталкивать солдат от танка, мы решили вступить за своего парнишку. В один момент автоматы оказались направлены друг на друга. Уже нет у афганцев дружеских взглядов и улыбок. Только ненависть с их стороны, а с нашей — досада на случившееся. И горечь. Что сказать? Несчастный случай. Нелепость. Пыл «царандоевцев» охладил направленные на них пушки и наше численное превосходство. Снять напряженность и не допустить перестрелки помогли только уговоры Арамова и Мурзаилова на «фарси» (таджикском языке). Хорошо, что у нас много таджиков! Баха Арамов успокаивал и растаскивал в разные стороны наших солдат и «сарбосов», громко орал на аборигенов, переговаривался с афганскими командирами.

Кровавое, шевелящееся в отдельных местах человеческое «месиво» постепенно затихало. Люди умирали один за другим. И афганцев и наших мы выносили совместными усилиями. Наконец афганцы, ругаясь, построились в стороне от дороги и уныло побрели пешком к шоссе. С нами ехать дальше они не пожелали. Столкновение удалось предотвратить, но вспыхнувшую неприязнь вмиг не погасишь. А как дружно мы недавно ехали! Мирно переговаривались и улыбались друг другу, всего полчаса назад...

Колонна медленно двинулась в сторону Кабула, с осознанием выполненного долга. Я сидел на башне рядом с Острогиным, мы обсуждали его любовные приключения в отпуске. Вдруг Серж громко вскрикнул и схва-

тился за спину, привалившись к крышке люка. Я посмотрел на то место, которое он потирал, изогнув руку: крови нет. Но Сергей громко матерился, кривился от боли и стонал.

— Что это было, Острога? — спросил я. — Что случилось?

— Каменюку бросили или из рогатки стрельнули, гаденыши. Вон те чумазые бачата! Мы только что миновали их беснующийся выводок. Убил бы! Вот черти.

— Это они отомстили тебе за виноградники. Радуйся, что камень, а не пуля попала в позвоночник, — как мог, утешал я взводного.

— Но почему мне, а не тебе. Я — добрейший человек! Ты затоптал кустарников и деревьев раза в два больше моего и еще три хибары спалил! — возмутился Серж.

— Они знают, что будущих Героев Советского Союза обижать не рекомендуется. Героев можно не любить, но ни в коем случае нельзя трогать руками. Разрешается только пылинки сдувать с погон и мух от лица отгонять! А тебя пацанята выбрали как самого фактурного, фигуристого, — весело рассмеялся я.

Сергей мстительно сказал:

— Если в следующий раз поймаю «духа», то привяжу его лицом к дереву и буду устраивать показательную казнь — побитие камнями. И целью будет именно позвоночник!

* * *

После рейда освободилась должность заместителя начальника штаба батальона. Игорешу Шведова эвакуировали в Ташкент. В полку он больше не объявился. Что с ним стало — не ведомо...

Но свято место пусто не бывает. Особенно на нашем конвейере смерти. Молох войны требует новых жертв. Должность Игоря досталась бывшему из резерва капитану Чухвастову.

Глава 2

День рождения

Началось полковое построение.

— Лейтенант Ростовцев! Лейтенант Мелещенко! — скомандовал подполковник Филатов. — Выйти из строя на десять шагов.

Ну вот! Наконец-то свершилось то, о чем говорили штабные еще до карательного похода на Баграмку. Долгожданные «звездочки»!

— Товарищи офицеры! Поздравляю вас с присвоением очередного звания «старший лейтенант»!

— Служу Советскому Союзу! — громко ответил я, и так же громко, словно эхо, отозвался Николай.

Филатов крепко пожал нам руки, похлопал меня по плечу. Ошуев вручил погоны, криво улыбнулся и, окинув меня недобрый взглядом, угрожаяще прошипел:

— Не вздумайте напиться и организовать «обмывание». Я вас обязательно сегодня проверю, и если попадетесь, пощады не ждите!

Замполит номер один — Золотарев, изображая поздравления, что-то промямлил. Сунул свою влажную, вялую руку для рукопожатия и, кося мутными рыбьими глазами, спрятался за спиной командира. Отвратительно! Черт! Даже поздравить по-человечески не может своих подчиненных. Тюфяк!

— Кока! Какие у тебя планы на вечер? — спросил я у Мелещенко, отходя от начальства.

— Нажраться! И причем вусмерть! Пренебреженно! Выбор блюд: водка, спирт, самогон! — широко улыбнулся Николай.

— Микола, а можно отметить, не нажираясь? Может, обмоем совместно? Двумя коллективами рот в офицерской столовой. Посидим тихо, прилично.

— А шо нам с вами сидать? У тебя самогон е?

— Нет, — искренне сожалая, ответил я.

— Во! Ник! А у меня, как у разумного хлопца, три литра приготовлено. И бражку старшина зрбил з винограду! Шо нам з вами, нищетой, делиться прикажешь? Хвосты обрубает! Вы же в первой роте очень умные и правильные да через одного графы и князя. Давитесь коньяком.

— Пошли вы, куркули, к черту! Я и не думал к вам на халяву приходить. Хотел скинуться на спиртное, но раз ты так, то мы люди гордые, на поклон не пойдем. Обойдемся! — отрезал я.

Мы зашагали под оркестровый марш, чеканя шаг, каждый к своей роте.

Жаль, но из-за его жлобства не получится культурного мероприятия с размахом. Опять прятаться по бытовкам и каптеркам.

— Никифор! Ура! Молодец! — схватил меня за плечи и принялся мять Ветишин. А Острогин начал мутузить кулачищами по плечам и спине.

Следом кинулся Бодунов мять уши и шею, а Сбитнев, загадочно улыбувшись, объявил:

— Ну вот, мы тебе преподнесли подарок на день рождения, теперь твоя очередь радовать коллектив.

— Какой это подарок? И при чем тут вы? Я о старлейских звездочках уже две недели знаю, просто выписку долго везли из Баграма. Это подарок Родины и Министра Обороны.

— Мы сопереживали тебе! — ухмыльнулся ротный.

— Сопереживатели хреновы! Денег лучше в долг дайте! — попросил я.

— Замполит, возьми двадцать чеков и бегом в лавку за лимонадом, — рассмеялся Острогин.

— Но-но! Милейший! Я попрошу как можно почтительней. Мы теперь в звании сравнялись. А до моей должности тебе еще расти и расти! — воскликнул я.

— Это точно! До должности замполита мне как до Эвереста. Заоблачная высота, — ехидно улыбнулся Сергей. — Будешь пререкаться со старым старшим лейтенантом — денег не дам. — При этих словах Серж начал складывать купюры обратно в карман.

— Отдай чеки, скотина! — выхватил я бумажки и помчался в магазин.

— От скотины и слышу, — крикнул мне вслед Острогин. — Вот так и делай доброе дело. Еще и сволочью обзовут. Ох уж эти неблагодарные замполиты!

— Сволочь, — поддержал его ротный. — Рота его выращивала, тепличные условия создавала, а он никакого уважения не выказывает.

— Одно слово — гад! Смотрит без подобострастия и преданности в глазах, спину не гнет, челом не бьет. Накостыляем сегодня, наверное, — подытожил Острогин.

Я ворвался в пустой магазин. Продавщицы лениво о чем-то переговаривались и не удостоили меня даже взглядом. Королевы! «Хозяйки Медной горы». Не для нас они тут «трудятся», мы у них только под ногами путаемся и товары мешаем по спекулятивным ценам в дуканы сплавлять.

— Здравствуйте, девушки! — громко поздоровался я.

Одна из «девушек» небрежно кивнула головой, а вторая даже бровью не повела.

— Сударыни, продайте, пожайлуста, упаковку лимонада! — попросил я.

— Нет, нельзя. Правила для всех одни — две баночки в одни руки! Чем ты лучше? — презрительно ответила продавщица.

— У меня сегодня знаменательная дата — двадцать пять лет и звание старшего лейтенанта получил, — попытался я убедить непреступных «девушек».

— У всех каждый день даты и поводы, а потом с этими упаковками бегут в дукаан афганцам сдавать. Спекулянты! — надменно ответила Рита.

— Ах ты, каналья! Как вольняги — гражданские отовариваются каждый день, так это по правилам? — возмутился я. — Продукты ящиками выносят.

— Я же сказала, лишнего ничего! Два «Боржома», две банки «Si-Si», по банке салата и огурчиков, шпроты. И гуляй. А еще командованию доложу, что грубишь.

— Тебя по-человечески просят, — нахмурился я.

— Клава, ну совсем одолели эти просители, — обратилась она к напарнице. — Никакой совести. Надо командиру сообщить.

— Не тебе о совести говорить, — оборвал я ее. — Если спишь с замкомандира, так это не значит, что ты стала «полковой королевой».

— Ах так, вообще ничего не получишь! У нас переучет. Покинь магазин! — рявкнула Клава, и обе продавщицы демонстративно ушли в подсобку.

У, заразы, подстилки! Пользуются своим постельным положением. Одна спит с Губиным, другая — с особистом, ничем их не прошибешь!

Я уныло брел по дорожке, злой и обиженный. Как унизили, дряни! Что с ними сделаешь, не витрины же бить? Шел я, шел и наткнулся на комбата. Столкнулся, можно сказать, нос к носу. Он что-то гневно выговаривал Лонгинову по кличке Бронезилет! Лонгинов нервно мял в руках кепку, правое колено у него дергалось, а лицо постепенно покрывалось багровыми пятнами.

Я резко затормозил и хотел было дать задний ход, чтобы обойти начальство стороной, но оказался в поле бокового зрения Подорожника.

— О-о-о! Комиссар! — воскликнул он громко и начал изображать из себя Тараса Бульбу, залихватски подкручивая при этом длинный ус. — Иди сюда! А поворотись-ка, сынку, дай-ка я на тебя погляжу! Сергей Николаевич, идите и подумайте над тем, что я вам говорил, — сказал комбат, обращаясь к Лонгинову, и вновь накинулся на меня: — Экий ты смешной! В тельняшке, в кроссовках! Совсем лейтенанты распустились!

— Старший лейтенант, — поправил я его осторожно.

— Ага-а-а! Уже и старший лейтенант! О-о! Какие чудеса произошли в мое отсутствие! Я знал Ростовцева как разгильдяя и демагога, а кто-то разглядел в нем Героя Советского Союза! Могли бы и более достойного найти, хотя бы Арамова или Жилина.

— Хотели вас, товарищ майор, а я, так получилось, перебил, перехватил.

— Хамишь? — нахмурился Василий Иванович. — От рук отбились! Только приехал из Союза и сразу на отсутствие уважения нарвался! Забываешься! Зазнаешься, никак?

— Нет. Вы шутите, и я шучу, — вкратчиво ответил я, ожидая взрыва негодования.

— Во-первых, с начальством шутят только после разрешения на это!

— Виноват! — и я приложил руку к козырьку.

— А во-вторых, как говорил мой земляк Тарас Бульба, я тебя породил, я тебя и убью! Кто бы мог подумать полгода назад, шо из тебя Героя станут создавать! А? В самом страшном сне во время отпуска мне такое не привиделось! То-то я думаю, что это мне плохо спится у тещи в Ташкенте. А это, оказывается, сюрприз меня ждет на службе. Когда Артюхин мне эту новость сообщил, я вначале рассмеялся, думал, шутит. Потом поразмыслил на досуге и осознал глубину кризиса в батальоне. Ветераны уходят, и кроме тебя Героем сделать некого... Если бы я в это время находился в полку, а не в отпуске, то такого б, конечно, не случилось. В лепешку разбился бы, но Героем стал бы Баходыр. Но раз так уже случилось, то и соответствуй званию. Приведи себя в порядок, смени х/б, туфли купи новые, брейся каждый день, тельняшку эту старую, дырявую сними. Теперь от меня пощады тем более не жди! Образец для подражания! Ха! — Подорожник, хмыкнув, отошел к стоящим в сторонке и ждущим аудиенции заместителям.

Радуюсь, что комбат от меня отцепился, я широкими прыжками помчался в казарму.

— Где колониальные товары? — встретил меня в дверях канцелярии возмущенный Острогин. — Я ему денег выделил, а он до коллектива ничего не донес! Куда девал еду?

— Никуда я ничего не дел. Не продали.

— Как это так?

— Я хотел взять упаковку «Si-Si», меня обозвали спекулянтom, ну я и обругал торгашек подстилками. Они обиделись и закрылись, — ответил я.

— Тьфу, черт! Ничего замполитам поручить нельзя! — возмутился Сбитнев. — С женщинами нужно ласково, по-доброму! Подход необходим! Такт!

— Ежели ты такой умный и тактичный, то иди и купи все, что нужно. Я сунул чеки в руку командиру роты и, насупившись, принялся писать в многочисленных тетрадях и журналах данные за последний месяц.

Володя вернулся через час. Ворвался в канцелярию с лицом в багровых пятнах и потный как после «марафона».

— Вовка! Ты что этот час на продавщицах скакал? — хохотнул Острогин. — Весь в пене и мыле!

— Ник! Ты почему не предупредил, что Подорожник в полк вернулся? — заорал с порога командир.

— А никто и не спрашивал, — ухмыльнулся я и сделал смелое предположение: — Наверное, не Вовка на девчатах резвился, а комбат на нем. Он вначале трахнул Лонгинова, затем меня, а на десерт, очевидно, Володя попался.

— Ты, Никифор, сам у меня десертом будешь. Мало того, что я унижаюсь перед этими девками, оправдываюсь из-за тебя, теперь еще и от Чапая по полной программе схлопотал. И за твой внешний вид, и за Героя, и за шуточки. Свалился на мою голову «героический подарочек».

— А чем не нравится подарочек-то? — улыбаясь, возразил я. — Еще автографы будете просить и разрешение сфотографироваться вместе на память.

— О! Этого добра у нас и без всяких просьб завались. Твоя физиономия присутствует на каждой фотографии, — пискнул из дальнего угла Ветишин.

— А будешь плохо себя вести, настучим по твоей вывеске, и станешь нефотогеничен, фотографироваться больше не сможешь, — пообещал Острогин.

— Серж! Тебе после таких слов автограф дам не менее чем за ящик «Боржоми». Кстати, где наша обещанная упаковка лимонада? Кто говорил, что я должен учиться у командира роты? — воскликнул я, укоризненно глядя на ротного.

Сбитнев молча достал из пакета по две банки «Si-Si» и минералки, банки с салатами, овощами, мясные и рыбные консервы.

— Жрите, гады, пользуйтесь моей добротой! — мрачно произнес Володя.

— Хорошо быть добреньким за чужой счет, — обиделся Острогин, пытаясь напомнить, за чей счет этот банкет.

— Эх, ты, горе-наставник, неудачник! Такой убогий набор и я бы принес, и без ругани с этими суками, — поддержал я недовольство Сергея.

— Жрите, что дают! Ты испортил отношения с торговлей до такой степени, что роте скоро и сборник речей со съездов партии не продадут. Точно. А уж он наверняка понадобится для проведения политзанятий! — под дружный смех офицеров продолжал язвить Сбитнев.

— Ник! Чего они подкалывают именинника? — притворно возмутился Бодунов. — Дай им по физиономиям. А я тебя поддержу! Одни негодяи вокруг! В отпуск не отправляют, старшего прапорщика не дают, бумаги на орден вернули! Только замполит — душа-человек.

— Мы будем пировать или нет? — подал голос Ветишин. — Или так и будем продолжать насмехаться друг над другом?

— Будем есть! — ответил я. — Налетай на дармовое, точнее на острогинское! Хороший человек наш граф-графин!

— Наконец-то помянули меня добрым словом, — обрадовался Серж. Банки-баночки и бутылки-бутылочки с шумом, скрежетом, треском мигом раскрылись. Их содержимое забулькало, захрустело и в один момент исчезло в желудках.

— Уф-ф! Хорошо! — выдохнул, насытившись, Ветишин. — Что бы мы делали без тебя, Серж?

— Вот-вот, сукины дети. Помните о благодетеле! — воскликнул Острогин.

— Слышь, благодетель! А шампанское, коньяк и сухое вино организуешь? Или слабо? — поинтересовался я. — Ты ведь обещал через сольство достать!

— Опять за мой счет! — В голосе Сержа звучало благородное негодование.

— Да нет, я сейчас пойду у начфина получку вперед попрошу, — успокоил я взводного.

— Беги, получай деньги, организуй транспорт, остальное — мои заботы, — жмурясь как сытый кот, произнес Острогин.

— Уже убежал, — сказал я и вскочил со стула.

— А командира как будто тут и нет! Для приличия разрешения, может, спросите? Отвечать за вас ведь мне придется! — рассердился Сбитнев.

— Спрашиваем разрешения! — произнес я с напускным подобострастием.

— Ну, так и быть, езжайте! — смилостивился ротный.

— Вот спасибо, дорогой! — улыбнулся Острогин. — Век не забудем.

— Интересно, а чего это Лонгинова комбат сегодня драл, как сидоро-

ву козу? — задал я риторический вопрос сам себе. — Меня и Сбитнева — понятно, для порядка и из неприязни. А Бронжелета?

— Да как это за что? — откликнулся вошедший в канцелярию роты командир взвода связи Хмурцев, услышав мой вопрос. — Как за что? А за все! По моему науськиванию. Я настучал! Мало орать — морду бить надо. Если б был уверен, что справлюсь один на один, так и сделал бы. Но больно здоров, скотина!

— А что случилось? — заинтересовался Сбитнев.

— Вчера на марше двигатель на машине греться начал. Я скомандовал Вовке — механику, чтоб тот остановился, сбросил обороты, открыл ребристый лист и постоял немного. Лонгинов вмешался — самый умный ведь! Минут пять прошло, командует механику: «Открывай крышку радиатора, воды доливай». Я останавливаю: мол, двигатель еще не остыл, ошпарится. А Бронжелет орет, что надо быстрее догонять колонну. Погребняк, солдат молодой, испугался, растерялся, крышку открыл, паром лицо и руки ошпарил. Я к нему на помощь бросился и вот тоже ладонь обжег. — Вадик показал перевязанную кисть и продолжил: — Хорошо у бойца глаза целы остались. Вовку в госпиталь отвезли: сильные ожоги. Машину — в ремонт. Подорожник вне себя от злости. Лонгинов его земляка загубил, а Иваныч только что у родителей этого бойца гостил. Нет, Семен — гад, точно в табло от меня получит! Настроение будет, я ему этот случай припомню. Сверну его длинный «клюв» на бок.

— Правильно! — поддержал я Вадика. — Если бить, то только в шнобель. Он ведь не только «бронжилет ходячий», но и «бронеголовый», каску почти не снимает. И надет ли на нем бронник под х/б, не поймешь. Не дай бог, руку об броню сломаешь. Бронжилет — он и есть Бронжилет. Кличка верная на сто процентов, — закончил я обсуждение Лонгинова под смех офицеров.

На санитарной машине мы выехали в Кабул на «экскурсию». Я уговорил врача Сашку Пережогина захватить к советскому посольству, сделать небольшой крюк.

— Нужно потом за вами возвращаться? — поинтересовался лейтенант-медик.

— Конечно! Мы что пешком пойдем? Если нам головы отрежут, тебе доставит удовольствие их пришивать? — спросил Острогин.

— Нет, что вы. Конечно, нет! — замахал руками лейтенант.

— Тогда забери, не забудь! — похлопал я Пережогина по плечу, вылезая из «уазика».

Я второй раз оказался возле советского посольства. Впервые был здесь ровно год назад. Впрочем, ничего не изменилось за это время. Та же стена, тот же БРДМ. Афганские «сарбосы» в блиндаже у ворот, наши солдаты за забором. До стены — Азия и средневековье, за ней — тоже Азия, но

современная, советская. Что ж, подышим воздухом Отечества. На территорию Родины нас, к глубокому сожалению, не пускали. Рылом не вышли. Много тут таких вояк вокруг болтается. «Натопчут и еще что-нибудь стащат», — так, наверное, мыслят дипломаты.

Мимо снуют машины, ходят горожане. На каждой женщине чадра и паранджа разных цветовых гамм. Что-то они, эти цвета, означают, но что — не знаю. Говорят, по ним можно определить возраст и национальность той, что в этом «скафандре» бредет. Может быть, врут. Не поймешь. Чужая культура, иной уклад жизни.

Множество вооруженных аборигенов в форме и в штатском шли по дороге, ехали на машинах. Одни были из госбезопасности, другие — военные или милиция, а третьи — черт знает кто! В халатах, чалмах, галошах на босые ноги и с автоматами. Но никто их не задерживает, не разоружает. Почему мужик идет с оружием? Поставить бы к стене или мордой в пыль положить, да допросить...

Следом за каждым таким мужичком семенит вереница женщин с заматанными до глаз лицами. Тюк в руке, сверточек на голове, детишки за халат держатся. Идет это существо, укутанное в халаты, платки и прочие тряпки, захочет нужду справить, присядет на дороге, сделает свое дело, встанет и дальше идет. Местные мужики на заборы и деревья стоя не мочатся. Они присаживаются на колени лицом к дувалу и справляют нужду. Чудно...

Как нам их понять? Мы даже в этом разные...

Сергей подошел к будке, где сидел мужик в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, в рубашке и галстучке, несмотря на жару, но по роже видно — прапорщик. За те деньги, что тут платят, можно и в шубе помучиться. «Гэбист» кивнул головой на телефон на стене. Острогин позвонил, ему ответили и пропустили. Меня и Сережку Ветишина — нет. Мы остались за пределами посольской цивилизации. Время текло медленно. Под палящими лучами оно казалось бесконечно долгим.

Через три часа приехала «таблетка». Пережогин заметно нервничал, озираясь по сторонам. Минут через пятнадцать врачу надоело ожидание:

— Ребята, или уезжаем сейчас все вместе, или я один отчаливаю. Сколько можно ждать вашего друга?

— Секунду! Сейчас Сержа вызову! — забеспокоился я, испугавшись перспективы добираться в полк самостоятельно, на попутках.

Забежав на КПП, я спросил, как можно вызвать дядю нашего Сержи. Точнее, Сергея от дядюшки. Охранник нехотя позвонил куда-то и передал мне трубку в отверстие заградительного щитка из толстого стекла. В ней зазвучал незнакомый голос, сообщивший, что Острогин уже ушел. И правда, через минуту на пороге нарисовался Сергей с большими сумками в руках.

— Ну, сколько можно болтать? Забыл, что мы выехали на часок, а шахаемся больше трех! Медик хочет бросить нас тут и уехать! Бежим! — прорычал я.

Едва мы заскочили в «таблетку», как машина вихрем помчалась по улице Кабула. Лейтенант нервно теребил ремень на автомате и настороженно озирался по сторонам. Новичок! Мы сидели, крепко вцепившись в откидные сиденья, стараясь не слететь на пол на крутых поворотах. Водитель беспрестанно сигналил, разгоняя толпы перебегающих дорогу пешеходов. Тротуаров, как таковых, не было совсем. Вдоль шоссе жались друг к другу дуканы, лавочки, чайхана, лагманные. Вот продают на вес дрова. Выглядит это довольно забавно: столб, к которому привязано коромысло с веревками, а на них болтаются широкие неглубокие тазы. В один тазик кладется гиря, в другой — поленья. Продажа дров на вес для меня, сибиряка, — это огромное потрясение. В нашей забайкальской и сибирской тайге гниют и сгорают ежегодно миллионы кубометров древесины. А тут приходит человек и покупает пять килограммов дров, заплатив огромные деньги.

Едем дальше. Проехали мясную лавку, в которой на крючьях висят туши коз, овец, коров. Свинины, конечно, не встретишь. Животных забивают у входа или на заднем дворе. Тут же обдирается шкура, разделяется туша, а мясо сразу развешивается. Вокруг мяса и требухи летают мириады мух, ос и шершней. Рядом притулился магазин с «колониальными» товарами из Японии, Кореи, Тайваня и Гонконга. Вот миновали чайхану с низкими столиками на коврах, стульев и скамеек нет.

Но следы нашей цивилизации, как результат присутствия Советской Армии, видны и в этом патриархальном восточном Средневековье. В Кабуле, благодаря общению с советскими специалистами — советниками, военными, — появились афганцы-алкаши и пьяницы. Лет пять назад этого явления и теоретически не могло быть, а теперь уже никто не удивляется... Автобусы и такси, снующие по дорогам, облеплены так, что люди сидят даже на крышах. На каждой подножке, держась за поручни, висят человека по четыре. Такси едут с открытыми багажниками, в которых тоже сидят пассажиры. Это даже забавно. Чудной мир, странный уклад жизни. Мы для них пришельцы из неведомых миров, но и они для нас — инопланетяне.

— Орлы, вы куда запропастились? — встретил нас недовольный Сбитнев.

— Володя, спокойнее, не волнуйся, а то вставную челюсть потеряешь, — улыбнулся я.

— Не хамя, не посмотрю, что без пяти минут Герой, дам в рыло и объявлю выговор за самовольное оставление части.

— Как так, за самовольное? Серж, ты погляди, сам отпустил в надежде на дармовую выпивку, а теперь права качает! — возмутился я.

— Да тут комбат бегаёт, тебя ищет. Что-то надо в штабе опять заполнить. Я сегодня уже три раза написал на тебя служебную характеристику,

штабные каждый раз вносят дополнения и поправки. Устал переписывать, а ты говоришь дармовая! — воскликнул Сбитнев.

— Володя, максимум, что ты сделал, я предполагаю, это сунул листы бумаги Фадееву. Дал ему подзатыльник, заставил писать и сочинять, — рассмеялся я.

— Нет, ты как всегда не прав! Я еще и диктовал!

— Вот! Так я и думал, что ты лично не наказывал ни строчки!

— Нет, нацарапал! Подписи везде поставил и число! С тебя за это коньяк. Скажи спасибо, что не за каждую закорючку, а за все оптом, — широко улыбнулся искалеченной челюстью Володя.

— Спасибо! За это дам «Золотую Звездочку» в руках подержать! Может быть! — улыбнулся я.

— Вот и старайся для него после этого! Привезли чего вкусного или впустую съездили? — облизнулся с надеждой в глазах ротный.

— Привезли! Полный джентльменский набор. Одна бутылка водки, одна коньяка, две шампанского, четыре «пузыря» сухого, — радостно отрапортовал Острогин.

— Тьфу, ты черт! Посылай вас после этого в лавку. Сухое... Шампанское!.. Дураки какие-то! Недотепы.

— Сам дурак, — обиделся Острогин.

— Знаешь, что это за вино, Володя? «Саперави!» «Гаурджани!» «Цинандали!» Шампанское «Брют»! — восторженно перечислил я.

— Ты пойдй попробуй найти «Брют» в России! А вино? Ты где-нибудь встречал такую карту вин? — кипятился Острогин.

— Моча! На две бутылки водки купили шесть флаконов газировки! Что пить будем? Лучше Бодунова отправил бы в дуكان, — в сердцах воскликнул ротный.

— Ой, балбес! Ты знаешь, сколько шампанское стоит в Кабуле? Семьдесят чеков! А в посольстве продают по пять! Коммунизм! — продолжил разъяснительную работу Острогин, удивляясь, что его старания не оценены.

— Мне дипломатом служить нельзя. И Бодунову с Федаровичем тоже. Мы ведь «Цинандалями» баловаться не стали бы! Только любимая и родная водочка. Настоящий русский напиток для русского человека. А насчет твоей, Серж, национальности и замполитовской, я сильно сомневаюсь. Какие-то французы. Только почему-то не картавите и не грассируете на букве «эр».

— Эх, Вова! Мы просто гурманы и ценители прекрасного, — заулыбался я. — А ты серость вологодская. Лаптем щи хлебал и молился колесу. Послужишь с нами, приобщись к культуре. У тебя еще целая жизнь впереди.

В дверь громко постучали, и в канцелярию вошел старший механик роты Кречетов. Широко улыбаясь, сержант доложил ротному:

— Товарищ старший лейтенант, броня из парка боевых машин прибыла. Докладывает младший сержант Кречетов! Владимир Петрович!

— Так-так! — шумно вдохнул воздух носом Сбитнев. — Владимир Петрович, говоришь? Хорош, хорош! Замполит, а ну-ка пригласи сюда остальных недостойных представителей нашей славной роты. Посмотрим на голубчиков. Этот определенно пьян!

Глаза сержанта озорно блестели и были какие-то шальные. Личико розовое, как у молодого поросенка, но пахло от него не молоком, а чем-то кисло-сладким. Я обнюхал сержанта и сделал заключение:

— Бражка! Определенно свеженький «брагульник»! Замострячили где-то, каналы!

— Ветишин и Бодунов, ступайте в парк, разыщите Тимоху. Переройте всё! Пока не найдете брагу, обратно не возвращайтесь. Мы же, вас дожидаясь, с молодыми людьми побеседуем.

Я загнал оставшихся пятнадцать человек в нашу каморку. В канцелярии моментально стало душно до тошноты.

— «Мазута», вы охренели от легкой жизни, что ли? — начал свою речь Сбитнев. — Пьянствуем, делать больше нечего? Техника обслужена, россыпь патронов и снарядов сдана? Машины запровлены?

— Так точно! — еще более заплетающимся языком ответил Кречетов. — Сделано как положено.

— И вы на радостях наеб...сь! — сделал я вывод.

— Как можно? Мы не пили! — и Ткаченко преданно посмотрел мне в глаза.

— Ни грамма! — подтвердил Сидорчук.

— В первой роте не пьют! — взвизгнул Тишанский.

— Мусулмане нэ пьют, — пискнул, блестя глазками, Рахмонов.

Все солдаты загалдели, каждый пытался выразить свое возмущение.

— Заткнуться! — рявкнул Сбитнев. — Можете даже не пытаться оправдываться! В кабинете дышать от перегара нечем! В зеркало на себя полюбуйте. Ну и рожи!

Бойцы, продолжая что-то возмущенно бормотать, машинально взглянули в обшарпанное зеркало, висящее на стене. Некоторые пригладили волосы, некоторые ошупывали свои лица. Воздух с каждой минутой становился тяжелее, гуще и приторнее.

— Застегнуться! — скомандовал Володя. — Почему верхние пуговицы и крючки расстегнуты? Подтянуть расслабленные ремни, а то драгоценное хозяйство бляхами отобьете!

Солдаты, бурча, застегнулись. Наступило гнетущее напряженное молчание, прерываемое усиливающимся сопением солдат. Пот лил частыми струйками по чумазым лицам, испарина плотно покрыла их унылые физиономии. Было заметно, что многих мутит, но бойцы боролись с позывами своих организмов из последних сил.

— Товарищ старший лейтенант! Откройте окошко, дышать нечем! — взмолился, не выдержав, Кречетов.

— Нет! Сейчас мы приступим к написанию объяснительных записок! Все по очереди, спешить нам некуда! — насмешливо произнес ротный. — Первыми садятся и пишут Кречетов и Рахмонов.

Бам! Дверь с треском распахнулась, и в умывальник побежали двое наиболее ослабевших механиков.

— Уа-а-а. Р-р-р. У-у. Ох-ох. Ой! — раздались оттуда громкие стоны и рычание.

Кречетов, как самый сознательный и дисциплинированный, обратился к командиру:

— Товарищ старший лейтенант! Разрешите отлучиться?

— Ну иди, отлучись, — широко улыбнулся Сбитнев. — Отблюешь — уберете за собой! А затем в ленинскую комнату с ручками и бумагой!

Когда облегчившиеся собрались в моей вотчине за письменными столами, я начал воспитательный процесс. Главная задача — выведать, где же спрятана емкость с веселящим зельем под названием брага. Нужно найти ее, пока полуфабрикат не перегнали в гораздо более опасный продукт — самогон.

В пьянстве каялись многие, но тайну хранения остатков поила не выдавали.

— Что ж, пишем одновременно, под диктовку! Слово в слово! Вставляем только каждый свою фамилию и звание. «Я...такой-то... признаю свою вину в употреблении спиртных напитков, точнее браги, в парке боевой техники, в ходе парково-хозяйственных работ. Заявляю, что я являюсь свиньей и алкашом и деградирующей личностью. Если я еще раз напьюсь, прошу командование перевести меня из механиков (наводчиков-операторов) в пехоту, носить пулемет в горы. Пусть мне будет хуже». Подпись. Дата. Сдать бумаги! Молодцы, нечего сказать! Я для чего разрешил собрать виноград и привезти его в полк? Для компота! Витамины жрать. А вы, как последние алкаши, этот десерт пустили на блевотину. Свиньи!

— Никифор, заканчивай разговоры говорить с пьяницами, — сказал, заглядывая в дверь, Сбитнев и распорядился: — Всем взять тряпки, мастику и ведра. Проводим генеральную уборку казармы силами механиков. Остальные бойцы роты будут смотреть в клубе кино. Ваше кино закончилось вместе с последним стаканом.

Я собрал объяснительные, вернулся в канцелярию, где сидели, улыбаясь, офицеры.

— Ну что, нашли «дурь»? — спросил я.

— Угу! У техника на это дело нюх отменнейший. Не человек, а доберман-пинчер! «Старый» прошел вдоль ряда наших машин, потянул носом, спиртного не учуял. Двинулся к каптерке и сразу полез на крышу. Там почти полную бадью браги нашел! Сыщик! — рассмеялся Ветишин. — Верхнее чутье — великая вещь! Словно у охотничьей собаки!

— Володя, а каким образом ты, не нюхая, определил, что они пьяны? — поинтересовался Острогин.

— А ты не понял? — усмехнулся Сбитнев.

— Нет.

— Он воспользовался методом дедукции Холмса! — встрял я в их диалог. — Сержант как доложил? Кречетов Владимир Петрович. Выходит, или чудит, или сильно пьян. Раньше в склонности к шуточкам в сторону командования боец был не замечен!

— Верно! И еще характерный блеск глаз. Он мне очень хорошо знаком, я среди алакашей все детство на севере провел, — объяснил Володя. — Ну что, замполит, происшествие предотвратили, нарушители дисциплины наказаны, пора отдыхать?

— Правильно. Однако пить будем не в канцелярии. Пойдем к нам в комнату. Иначе получится нехорошо. Только что солдат воспитывали, а сами усядемся квасить, — заметил я.

— Будь по-твоему, уходим, — согласился командир. — Но что-то не глянется мне праздновать в нашем жилище. За стенкой обитает дорогой и любимый комбат. Услышит шум, ворвется, скандалить начнет.

— Приглашаю ко мне. В наше спальное помещение технарей он редко заглядывает, — предложил Тимофей.

— О! Это дело! Собирайте «стратегическое сырье» в коробку и вперед! — скомандовал, повеселев, ротный.

В маленькой душевной комнатенке с одним окном стоял спертый отвратительнейший запах грязных портянок, белья, обуви, а также мазута и солярки. Через комнату от стены к стене протянулась обвисшая веревка с прищепленными рубашками, брюками, куртками и кальсонами. В углу высилась горка нестиранных носков. Прелое-перепрелое нижнее белье вперемешку с дырявыми портянками, скомканное, валялось возле шкафа. Стол оказался уставлен пустыми бутылками, стаканами, завален сухими корками и огрызками. Пустые консервные банки были переполнены окурками. Газеты, заменяющие скатерть, усеяны жирными пятнами и размазанной закуской. Обои на стенах оборвались во многих местах и свисали, словно тряпки.

— Да! Обстановка! — вдохнул пораженный интерьером Сбитнев. — Тимоха! Сколько здесь человек живет? Сотня? Надо же так постараться захлупить помещение! Не жилище, а берлога!

— Шестеро. Но еще пришлые ночуют, те, кто своим ходом покинуть помещение не может, — отозвался виновато техник.

— Нет, человеками тут и не пахнет. Здесь «бандерлоги» обитают какие-то! — рассмеялся Ветишин.

— Вот обласкал. «Бандерлога» какая-то! — возмутился Тимофей Федорович. — Я из-под машин не вылезая. А после работы в наряды хожу через сутки. Помыться некогда, не то что порядок наводить. А стаканы чего ж мыть-то — водкой обеззараживаются.

— Бодунов, возьми-ка вещмешок, скидай туда бельишко из угла, отнесем механикам на ветошь. А ты, Тимоха, убирай мусор со стола да иди

отчищай стаканы и вилки! — распорядился Володя. — Знал бы, куда по-падем, не пошел бы!

— Видали? Побрезговал! А мы так обитаем больше года в скотских условиях! И никому дела нет, — горестно вздохнул Федарович.

— Вот именно! Обитаете! Существуете! Кто мешает жить по-человечески? Прибраться, подмести, помыть посуду, пыль протереть! — разозлился я. — К нам постоянно в комнату комиссии водят, показы делают. У нас всюду прибрано, вещи по местам расставлены, полы помыты. И почему это армейский порядок прапорщиков не касается?

— А мы от проверок комнату на засов запираем изнутри и через окно вылезаем. Никто из начальства и не попадает в наши «апартаменты», — улыбнулся Бодунов.

Я открыл шкаф и увидел ящик гранат, россыпь запалов к ним и десятка четыре автоматных магазинов с патронами. Кроме того, лежали сигнальные ракеты и две «мухи».

— Фью-ю-ю! — присвистнул Острогин. — Арсенал!

— Сильно! Впечатляет! — признался Сбитнев. — Даже не прячут по чемоданам! Все на виду! А командиру роты за этот арсенал несоответствие в должности вlepит начштаба полка. Разгильдяи! Бодунов, ты в этой конуре, наверное, и АГС разместил бы, если б я оружейку не проверял?

— Да нет, сюда его тащить далеко. В роту ближе, — криво усмехнулся Игорь и неохотно взялся за веник.

С большим трудом спустя полчаса мы навели относительный порядок. Проветрили комнату, а затем залили углы одеколоном, чтобы можно было сидеть и не испытывать отвращения к окружающей обстановке.

Я выставил коллекцию напитков на стол. Серж открыл пробки и принялся вопрошать, кто что будет пить. Поглощать водку вызвались Сбитнев, Тимофей и Бодунов, коньяк — Халитов и Мандресов, вино и шампанское досталось мне, Острогину и Ветишину.

— Ветишин, ты чего из компании выпадаешь? — поразился Сбитнев. — Тоже перешел на «ослиную мочу»?

— Сам ты моча! — возмутился Острогин. — Алкаши несчастные, что бы вы понимали! Один замполит настоящий самелье!

— Кто я? Как меня ты обозвал? — поразился я.

— Самелье! Человек, разбирающийся в винах. Крупный специалист виноделия. Виночерпий! — разъяснил Острогин.

— Кто такой сионист, я знаю. Кто такой гомосексуалист — тоже. Слышал и про других различных извращенцев, но про таких, Серж, не слышал! — подняв брови, ехидно улыбнулся Сбитнев.

— Дегенераты — пьют денатурат, алкаши — поглощают водяру и спиртягу. А истинные гурманы — дегустируют марочное вино, — обрвал его с важностью в голосе Серж.

— Марочное... Пивал, знаю. Портвейн «Кавказ», портвейн «77», плодово-ягодное, плодово-выгодное! — засмеялся Сбитнев. — Что вы сами-то понимаете в вине. Вы хотя бы представление имеете о процессе виноделия? Какое вино и как получается?

— Нет, — искренне ответил я, разливая содержимое бутылок по стаканам. — Откуда? В Сибири виноград не растет.

— Так вот, слушай, как и что делается. Залезут мужики в огромный чан с виноградом и начинают его топтать грязными ногами. Как первый сок до портов (штанов) дойдет — это «Порт — вейн». Мнут дальше: подступает сок до пояса — «Херес», еще чуть выше поднимется — «Мудера». А как он под горло давитьщиков подступает — это «Рыгачители» и «Рыгатэ». А что на дне останется — разливается под маркой «Вермуть». — Рассказ Володи потонул в дружном хохоте любителей водки.

Серж выругался:

— Настроение испортили, бараны! Обозвать так волшебные, изумительные напитки «Мадера», «Алиготэ», «Ркачители». Темнота!

— Замполит, погоди! Поставь свой стакан! — приказал ротный. — В начале мы обмоем твои звездочки! Ты уже становишься взрослым, старший лейтенант! «Звезды» полагается мыть водкой. Вот тебе кружка, кидаем их туда, достанешь со дна губами, выпив содержимое. А уж потом балуйся винишком за свой день рождения.

Я тяжело вздохнул, поморщился и внутренне содрогнулся, вспомнив аналогичную процедуру, проделанную два года назад. Тогда я приехал в Туркмению молодым лейтенантом и попал на экзекуцию, вступая в должность. Такая же кружка, столько же водки (причем более вонючей и ужасной). Бр-р-р!

— Давай, давай, замполит, не нарушай традиции, — поддержали все ротного.

Делать нечего. Сделав глубокий вдох, я опустошил кружку до дна и выплюнул звездочки на ладонь. В голове зашумело, в горле запершило.

— Рассолу! — рявкнул я и выпил из протянутой мне банки с нарезанным болгарским перцем четверть жидкости.

— Возьми, Никифор, закуси мяском. Ешь, дарагой, закусывай, — ворковал, накладывая тушенку в мою тарелку, старшина-азербайджанец. — Жал, нэт возможность шашлик приготовить. Тушенка — дрян! Разве это мясо? Но раз кроме нее другого нэт, кющай дарагой, а то опьянеешь.

Резван Халитов подкладывал мне закуску, а тем временем мысли в моей голове постепенно расплывались и терялись, и уносились вдаль.

— Ростовцев, а ты между прочим перешел в разряд «кое-что знающих», — ухмыльнулся Сбитнев.

— Поясни, — заинтересовался я.

— Объясняю. Лейтенант — это тот, кто ничего не знает. Старший лейтенант — знает кое-что. Капитан — все умеет. Майор — может показать.

Подполковник — может подписать. Полковник — знает, что подписать, — разложил все по полочкам Сбитнев.

— А генерал? — спросил Ветишин.

— Генерал знает, что нужно что-то подписать, но не помнит где!

— Вот это да. Сам выдумал? — удивился молчавший до этого Мандресов.

— Нет, не я. А военная народная мудрость, — ухмыльнулся Володя. — Мудрость и опыт, накопленные годами и десятилетиями истории Советской Армии.

С этими словами он прикрепил звездочки к моим тряпичным погонам на х/б. Я, переводя дух, уклонился от следующей рюмки и присоединился к третьему тосту за погибших. Встали, молча выпили. В дальнейшем в компании с Острогиным мы наслаждались холодным вином и шампанским. Застолье шло к завершению. Магнитофон извергал поток песен, разгорелись споры, шум постепенно усиливался. Каждый говорил о своем и не слушал соседа. Внезапно дверь кто-то сильно дернул, но она, закрытая на крепкий засов, не поддавалась. По фанерному полотну забарабанили кулаками и ногами, раздалась маты и вопли комбата. Подорожник орал:

— Алкаши проклятые! Пьянчуги! Открывайте дверь, а не то замок высажу! Совсем обнаглели прапорщики! На весь полк орут, не скрываясь! Отворяйте, иначе хуже будет, когда до вас доберусь!

Мы притихли, но магнитофон выключать не стали (вроде он играет сам для себя). Комбат побесновался еще минут пять и, заметив, что кроме музыки больше ничего не слышно, удалился по длинному коридору в свою комнату.

— Что делать дальше? — спросил я у Сбитнева.

— Меня тянет на подвиги! Пойло кончилось, пора к теткам! В окно, за мной! — громким шепотом кинул клич ротный.

Володя вместе с Бодуновым принялись вырывать щеколды и задвижки, отгибать гвозди на заколоченной раме. Мы с Острогиным собрали закуску и взяли две оставшиеся бутылки вина. Другие, выпитые, булькали уже в нас, и пузырьки газа вырывались с шипеньем из гортаней. Федарович демонстративно, не снимая обувь, завалился на кровать.

— Тимоха! Ты что? А приключения, а подвиги? Как же бабы? — рассмеялся Ветишин.

— Я, молодой человек, достиг того возраста, когда отказ женщины радует больше, чем ее согласие. Мне и на трезвую голову тяжело, а после двух стаканов в женском модуле делать совершенно нечего. И под дулом пистолета ничего не поднимаешь.

— Вот старый пес! Вся компанию портит! — осудил Федаровича Бодунов.

— Ну и пусть валяется. Мы сейчас мусор с собой унесем, а если комбат вернется, Тимоха дверь откроет, сделает вид, что ничего не было, —

поддержал техника Сбитнев и, подумав, добавил: — Эх! Если я в тридцать пять, как наш техник, буду таким же ленивым импотентом, то десять лет до этого возраста надо использовать как можно интенсивнее! Черт с ним! Пусть дрыхнет, пескоструйщик!

— Ну, вперед, на штурм женских сердец! — радостно провозгласил Бодунов, и мы, толкаясь, шикая друг на друга, вывалились через окно.

— Тоже мне, штурмовики! — ухмыльнулся презрительно Ветишин. — Я думаю, через час большинство из вас завалится в одиночестве по койкам в своих комнатах, потерпев неудачу. Рухнете на матрасы, словно моряки после кораблекрушения на скалистый берег.

— Иди, смазливый ловелас, тебя-то наверняка бабы заждались. Донжуан несчастный! — Острогин звучно хлопнул по Сережкиной спине, выталкивая его за окно.

Действительно, так и получилось. Бодунов дошел до дверей женского общежития, но, потоптавшись в раздумье, выдавил из себя что-то про забывчивость. Прапорщик ринулся, не разбирая дороги, к полевой кухне, стоящей за полковым магазином. (Видимо, вспомнил о собутыльнице Берендее.)

Старшина Резван на половине пути сделал попытку оторваться от коллектива, что-то промямлив о делах в каптерке.

— Бегом в казарму! А то мы совсем забыли о солдатах! — крикнул ему вслед Сбитнев.

Мандресов сослался на усталость и пошел догонять старшину. Ватага уменьшилась до четырех человек.

— Где тут раздают любовь?! — гаркнул Острогин в коридоре, но в ответ услышал только гулкое эхо.

— Нигде! Это русские придумали любовь, чтобы не платить деньги! — нагло рассмеялся Сбитнев. Володя быстро нырнул в одну из дверей. Вскоре оттуда мы услышали его веселые байки и анекдоты, прерываемые бойким девичьим смехом.

— Что завтра останется от Володи? Загоняет его Нинель! — посочувствовал Ветишин,

— Это та, что вдвоем нужно обнимать? — догадался я.

— Ага! — подтвердил Сережка.

— Здоровенная деваха! Ужас! — содрогнулся Серж.

— Ну и я пошел, — сказал Сережка и удалился в комнату напротив умывальника.

Острогин озадаченно почесал затылок.

— Ну, куда идем? — недоумевал Острога.

— Это ты подскажи, где нас ждут! А если в нас не нуждаются, то бросим якорь прямо тут! — предложил я. Мы уселись на лавочке у входа, на свежем воздухе. Достали из пакета стаканы и бутерброды. Полбутыл-

ки мы выпили быстро и принялись насвистывать в такт разухабистой музыке, доносившейся из чьей-то комнаты.

В глубине общежития вдруг раздались стоны и рычания, выдаваемые за песню: «Ра-а-а-ас-кину-лось мо-оре ши-и-ро-кое и волны бушу-ют вдаль!» На пороге появился уезжающий на днях домой Конев. Бывший зампотех полка дефелировал в шортах, тапочках и дырявой тельняшке. Он играл на огромном баяне, напевая грустную, душераздирающую песню. В основном душу раздирал он себе и своему музыкальному инструменту. Багрово-красное лицо свидетельствовало о большой дозе выпитого сегодня спиртного. Заметив нас, подполковник Конев оживился.

— Ну что, лейтенанты! Чем порадуете старика? Чем душу согреете ветерану, отслужившему в Афгане два года?

— А что ее греть, и так жарко! — ответил Острогин, пряча начатую бутылку под лавочку. — Вам нужно охладиться, а то, не ровен час, сторите.

— И не лейтенанты, а старшие лейтенанты! — поправил я пьяного подполковника.

— Эх! Молодо-зелено! Поучать вздумали старика... А в былые времена я бы вас! Ух! В бараний рог свернул! Силища, знаете, какая в кулаках! Кто хочет помериться силами? С кем побороться на руках? А? — распалился подполковник.

Мы молчали, не желая связываться с пьяным начальником, хотя и бывшим.

— На литр водки слабо? — спросил вновь зампотех.

— На литр? — переспросил Серж и, подумав, ответил: — На литр — слабо!

— Я тоже пасую, — согласился я с товарищем, заметив, что мутный взгляд бывшего начальства, выискивая жертву, переместился на меня.

— Тогда топайте отсюда. Освободите скамейку и не мешайте петь! — рывкнул Конев.

Я достал бутылку, спрятанную за кривую ножку лавочки, и разлил содержимое по трем стаканам. Один в качестве примирения протянул зампотеху. Чокнулись, выпили. Подполковник ругнулся матом и, возмущаясь, швырнул стакан в колючки.

— Что это за дрянь? Пойло какое-то!

— Не пойло, а сухое вино, — возразил я.

— И что за суки пьют сухое! — проревел он обиженно.

— За сук надо было бы в морду дать! Но, учитывая, что вам уже лет сорок пять и годитесь мне в отцы, на первый раз стерплю и прошу, — произнес громко Сергей. — Пошли, Никифор, не будем переводить добро на всякое говно.

Зампотех онемел от нашей наглости. Мы же, пошатываясь, удалились по дорожке к своему модулю, допивая из горлышек бутылок остатки вина.

— «И пошли они, солнцем палимые, повторяя — судья тебе Бог!» — продекламировал с пьяным надрывом Сергей.

Двойной праздник почти удался...

Глава 3 Вверх по служебной лестнице

— Ростовцев, подойди-ка сюда, — громко окликнул меня капитан Артюхин, когда я с друзьями возвращался из столовой после завтрака.

Еда отвратительная, настроение плохое. Похмелье. В голове шумело, во рту пересохло, ноги заплетались, слегка покачивало. А как хорошо было вчера!

— Мужики, я пошел на беседу с начальством, оно что-то задумало! Наверное, опять вышестоящие должности предлагать будут, — усмехнулся я.

— И куда тебя сватают? — поинтересовался Острогин.

— Секретарем комитета комсомола саперного полка. Но я не хочу, — ответил я.

— Зажрался! Капитанскую должность мы уже не принимаем, нам майорскую подавай, — съехидничал Ветишин.

— Правильно делает. Нечего в комсомольскую рутину лезть, пусть ротой занимается, — оскалился длинным рядом железных зубов ротный. — А батальон ему наверняка дадут, не сегодня, так завтра. Звезда идет к звезде, должность за званием, а за наградами еще более солидные награды. Везунчик. Моя «Красная Звезда» за искалеченную челюсть до сих пор где-то бродит по лабиринтам штабов, а этого балбеса наградным «железом» осыпали с ног до головы.

— Осыпали... Скажешь тоже! Тебя послушать, так можно подумать, что мне как Брежневу для орденов пора грудь расширять. Представление к награде — это еще не факт получения, а так, теория... — возразил я Володе и поспешил к начальству.

Замполит батальона сидел на лавочке, вытирая испарину с мокрых залысин, и нервно курил, слушая Шкурдюка. Сергей вчера вернулся из отпуска по болезни и сейчас о чем-то докладывал. Артюхин недовольно махнул рукой, отсылая Сергея в казарму, и принялся за меня.

— Пьянствовал вчера?

— Нет, — ответил я, нагло глядя в глаза шефу.

Лысеющий капитан еще раз протер платочком то место, где совсем недавно присутствовала густая шевелюра. Затем вновь достал пачку сигарет, вынул одну, зажег ее и жадно затянулся. Капитаном Григорий стал на неделю раньше, чем я старшим лейтенантом. Молодой мужик, старше меня на пару лет, но выглядит на все сорок.

— А кого Подорожник гонял из комнаты технарей? — усмехнулся замполит батальона.

— Не знаю. Меня никто никуда не гонял. Я комбата со вчерашнего утра не видел. С ним чем реже встречаешься, тем лучше настроение.

— А хочешь с ним общаться каждый день — утром, вечером, на завтрак, на обед и на ужин? — насмешливо спросил Гриша.

— Это как так? Пристегнуться к Василию Ивановичу наручниками? Спасибо, не хочу.

— Не хочешь, а я желаю. Третий день думаю над тем, кто бы мог занять мое место. Может ты? Начальник политотдела окончательно решил выдвигать будущего Героя на вышестоящую должность. Пора подниматься по служебной лестнице. У тебя теперь начался период должностного роста. На выбор различные батальоны: инженерно-саперный, второй батальон нашего полка или восемьдесят первого полка.

— Как так, второй батальон? Самсонов лишь год как из Союза при- был! — удивился я. — Куда он уходит?

— У них страшное происшествие вчера случилось. Пока вы всей ротой пьянствовали, события мимо вас прошли. А в полк эта информация вечером поступила. На КП батальона шестеро солдат умерли и четверо в госпитале мучаются страшными муками. Отравились антифризом.

— Е... твою мать! — охнул я.

— Да уж! Это точно!

— И как такое случилось, Григорий? Они что, на заставах поголовно придурки?

— Вроде того. Техник роты в канистре привез сдавать остатки антифриза. Но все в ней не поместилось, вот он часть и налил в трехлитровую банку, закрыв крышкой. Какой-то умник увидел банку с жидкостью, стянул ее и приволок в блиндаж. Решили, что это брага или самогон. Антифриз был мутный и действительно что-то подобное напоминал. Разлили по кружкам и долбанули. Кто налил себе побольше, тот умер быстро, кто чуть меньше — помер в госпитале, а самые скромные пока живут и мучаются. Но в дальнейшем останутся инвалидами.

— И что теперь будет? — спросил я, чувствуя, куда клонит Гриша.

— Комдив распорядился снять с должностей и Папанова, и Самсонова, и зампотеха. Ротного уже понизили в должности за небрежное хранение ядовитых жидкостей, техника под суд отдают. Начинается чистка всего батальона.

— Нет, что-то не хочется туда идти. Им нужен, видимо, инквизитор: карать, карать и карать. Я не гожусь.

— Хорошо, а как насчет восемьдесят первого полка или инженерного батальона? — задумчиво спросил Артюхин.

— Тут надо, наверное, соглашаться.

— Ну-ну, думай. Скоро тебе Севостьянов сделает официальное предложение. Готовься и жди. Теперь следующее дело: завтра новый рейд в «зеленку». Идешь вместо меня замполитом батальона.

— Григорий, как же так? Ты на месте, здоров, малярия прошла, желудок не мучает. Почему опять я в двух должностях?

— Мне остался месяц до замены, а заменичку в рейд ходить не положено! Я теперь шагу не сделаю никуда, буду ждать смену. А кроме тебя замещать некому. Сергея Шкурдюка после гепатита ветром качает. Мелещенко я бы не доверил руководить и хранением ящиков с кильками. Остаться ты.

— Вот, спасибочки! — вздохнул я.

— Вот, пожалуйста! Кушай на здоровье! — съехидничал в ответ Артюхин. — Сегодня поеду в дивизию к начальнику политотдела. Поделюсь своими соображениями о тебе. Теперь ступай к Золотареву и получай указания. А я прогуляюсь в магазин, минералочкой побалуюсь, с продавщицами голубоглазыми покалякаю.

— У, змеюки подколенные! Ненавижу их обоих! — выдохнул я.

— Но-но! Ты моих любимых девчат не обижай! Накажу!

Артюхин бросил окурок в пепельницу и побрел по дорожке. Конечно, не обижай! Любимые продавцы! Он с их помощью афганцам в дуكان толкает консервы и лимонад, а выручку — пополам. Все потому, что одна из них зазноба Артюхова еще с того периода, когда он был секретарем комитета комсомола полка и бегал за водкой для Золотарева. Да! Время не идет, а прямо летит. При мне уже третий замполит батальона меняется. Большинство офицеров полка прослужили в Афгане меньше, чем я. А сколько из них уже погибло и скольких искалечило за год!

* * *

Полк вновь пришел в Баграмскую «зеленку», откуда недавно ретировался. Только зря солярку и керосин на переезды извели. Но теперь ротам поставили другую задачу — захватить новый район. Он находился еще дальше на несколько километров. Вновь взрывать, крушить, жечь, топтать.

Бойцы, кто курил, сидя у брони, кто дремал, кто нервно клацал затвором. Мы ждали команды на выдвижение. Но пока нет этого сигнала, работала артиллерия, а самолеты и вертолеты пускали «нурсы», бросали бомбы. От мощных взрывов земля содрогалась и стонала. Запах пороховой гари, дыма и пепла наполнил атмосферу. Опять будет нечем дышать в кишлаке. Ну, да ладно. Чем больше они там разрушат, тем легче пехоте воевать. Меньше безвозвратных потерь.

Авиация использовала бомбы повышенной мощности, с замедленным действием взрывателей, чтобы завалить подземные ходы между кяризами. Давно бы так. А то мы едва сверху начинаем хозяйничать, закрепляться, как вылезает из нор в тылу группа «духов» и стреляет тебе в спину.

Вот в небо взлетела красная ракета — вперед на штурм, в пекло!

Рота заняла три больших строения, отстоящих друг от друга на расстоянии ста — ста пятидесяти метров. Позади зажужжали бензопилы, это полковые и дивизионные саперы заработали, срезая подряд все крупные деревья. Одновременно то тут, то там раздавались оглушительные взрывы. Это взлетали в воздух глинобитные дома. По всей площади поднимались клубы белых и черных дымов. Происходило планомерное вытеснение противника с «временно» контролируемой им территории. А если точнее, то это мы прибыли временно на подконтрольную мятежникам землю. А «духи» тут постоянно живут.

Я и Сбитнев сидели на вынутых из десантов сиденьях и развлекались картишками, лениво жуя мытый перезрелый виноград. Компанию нам в этот раз составлял унылый капитан Василий Чухвастов. Он шел на боевые впервые и не лез руководить. Мужик он был не заносчивый, компанийский.

— Василий, а ты чего долго задержался в капитанах? — спросил, сплевывая виноградные косточки в арык, Сбитнев.

— Так получилось. Выпал из струи, вернее совсем в нее не попал. Пять лет служил за границей командиром взвода. Там не особо вырастешь без блата, а я не блатной. Потом приехал в Белоруссию и начал, можно сказать, все сызнава. Еще два года двигался к должности командира линейной роты, а затем четыре года командовал ею. В Союзе быть в тридцать четыре ротным нормально, а тут все иначе. Вот кадровики на пересыльном пункте и предложили стать замом начальника штаба батальона.

— Ну и как тебе, тяжело у нас? — поинтересовался я.

— Если честно, то да! Хреновато! В такой жаре никогда не бывал! Просто кошмар какой-то! Я худой как тростинка, а тут и вовсе от меня останется одна кожа, натянутая на кости.

— Ничего, привыкнешь. Зима скоро наступит, похолодает, — успокоил я его.

— А когда она тут начинается? — с тоской вздохнул капитан.

— В начале декабря. Будет градусов пятнадцать, — обрадовал я его.

— Что, такой лютый мороз?

— Да какой к черту мороз! Плюс пятнадцать-восемнадцать, а в январе, может быть, до десяти тепла будет. Хотя в прошлом году даже снег один раз ночью выпал. Холодно только в горах. Там и снег, и мороз, особенно поближе к ледникам. Очень противно, когда холодные дожди начинаются. Промозгло, гадко, бр-р... — меня передернуло от неприятных воспоминаний.

— Зато очень шикарно и романтично встречать Новый год в горах, в снегу. Дома разве так отпразднуешь? — рассмеялся Сбитнев.

— Вот спасибо, хорошая перспектива, — тяжело вздохнул Чухвастов, и неожиданно спросил: — Никифор, а как тебе наш замполит полка, Золотарев? Как к нему относишься?

— Говнюк! Мерзкий, липкий, гадкий! Не люблю начальников-алкашей, активно претворяющих в жизнь антиалкогольную кампанию! А почему он тебя интересуется? — спросил я и подозрительно посмотрел на капитана.

— Этот пьянчуга — мой давний знакомый, еще по группе войск. Одно время дружили. («Черт дернул меня за язык», — подумал я, глядя на давящегося от смеха Сбитнева.) Когда находишься за рубежом, вдали от Родины, порой очень быстро сближаешься, — продолжил рассказ Василий. — Мы служили в одной роте, я — взводный, а он — зам по политчасти. Был такой тихий, скромный парень. Молчун. Молчал в основном потому, что сказать нечего, интеллект подкачал. Саня родился в какой-то богом забытой глубинке. Плохое образование, большая многодетная семья.

И вот помалкивал мой приятель, и вдруг выкинул фортель. Подошел однажды к нему «шестерка», полковник-порученец, со следующим предложением: «Шурик, пойдешь на сделку с совестью ради карьеры?» Перед ним открылась шикарная перспектива роста: майорская должность, академия, замполит полка и далее. Требовалось только одно — жениться на молодой машинистке, работавшей у Главнокомандующего группы войск. Смазливая девица была любовницей этого генерала и желала какой-то определенности в жизни. Сам главком жениться на ней не мог, но делал попытки пристроить свою пассию. Вот и предложили ее Золотареву. Шурик подумал и после трехдневного запоя согласился. В миг карьера резко пошла в гору: он возглавил комсомол дивизии, следующая должность — главный комсомольский вожак группы войск. Наконец, не заставило себя ждать и поступление в академию. Очень удобно всем. Эрзац — муж в Москве, а жена осталась за границей со своим шефом. Но тут накладочка вышла. Генерала назначили заместителем Министра Обороны! Понятно, о ком говорю? Соболевцев. Вы его портрет в ленкомнате видите...

— Ага, сам лично недавно переклеивал. В лицо его не помню, но эту фамилию — еще бы не знать! — кивнул я головой.

— Ну, да хрен с ним, рассказывай дальше про эту «шведскую тройку». Хорошее трио у них получилось, — рассмеялся Володя. — Я всю жизнь мечтал любить молодую жену престарелого маршала и регулярно ее иметь. А также с наслаждением наблюдать и любоваться ветвистостью рогов вельможного мужа! И каждую ночь их наращивать!

— Хватит болтать, мечтатель! Что было дальше? — прервал я полет фантазии ротного.

— Пути наши разошлись. Подробно в интимные подробности я не посвящен. Когда сюда прибыл и пришел в штаб представляться, Золотарев как увидел меня, так его прямо перекорежило. Побледнел, что-то промямлил и, ни о чем не спрашивая, ушел в кабинет. Больше ни воспоминаний, ни разговоров. Делает вид, что мы не знакомы. Его личную жизнь, в принципе, знает лучше меня Людмила, командирская любовница. ППЖ («полевая походная жена»).

— Это какая Людмила? — живо заинтересовался Сбитнев.

— Не знаешь Люду? С Луны свалился? Меня и Ветишина весной замкомандира полка Губин из ее комнаты выгонял. Сережка позвал чайку попить, котлет поесть, а тут Иван Грозный, Филатов, посыльного присылает. Она говорит сержанту-вестовому, что у нее гости. В данный момент занята, не хочет быть негостеприимной, невежливой. Ваня подождет. Поднялась буря! Командир полка приказал Губину нас выгнать любым путем. С Губина что возьмешь? После катастрофы вертолета у этого бывшего бравого десантника с нервами не в порядке. Контузия, голову клинит. Вызвал роту к модулю. Муталибов привел бойцов, встали под окнами в два ряда и хором орут: «Лейтенант Ростовцев! Лейтенант Ветишин! На выход!» И так десять раз. Пришлось освободить помещение. Мы с Сережкой оттуда как ошпаренные выскочили, а после целый час нам «кэп» мозги прочищал — не садись не в свои сани, не лезь на чужую кровать! А мы не только не садились, но и не ложились! Ложная тревога. Ха-ха.

— Так вот Люда знает и Золотарева, и его супругу лучше меня. Вместе при штабе служили, подругами были. Она мне при нашей встрече многое рассказала из дальнейшей жизни замполита. Людмила, кстати, моему приезду очень обрадовалась. Вспомнилась молодость. Так вот, наш карьерист отправился учиться в академию, подальше с глаз, да вот напасть — вскоре весь состав «любовного треугольника» последовал за ним. Генерал пошел на повышение в должности, а пассия за ним, как нитка за иголкой. Естественно, по окончании учебы места в Москве нашему «дикорастущему» майору не нашлось. И его сослали в то место, куда семья следом ехать не обязана — в Афганистан. Хотел бы я знать, куда высокопоставленный любовник отправит Золотаря после командировки на эту войну. Может, развяжет новую военную кампанию в Европе? — закончил свое повествование Чухастов.

— Теперь мне понятно, почему он так много пьет и всех на этом свете ненавидит, — ухмыльнулся я. — Это он остатки совести заливает водкой. Заспиртовывает, чтоб наружу не вырывалась.

В этот момент к нам подбежал лейтенант-сапер и доложил:

— Товарищ капитан! Готово. Соседний дом напичкан тротилом, можно подрывать!

— Раз можно, значит, подрывай! Правильно, Володя? — переспросил у ротного Василий, уточняя приказ.

— Согласен. Давно пора что-то подорвать в этом гадюжнике! Сапер! Убери бойцов в укрытие, проконтролируй и крути динамо-машину! — распорядился Сбитнев и предложил: — Можно еще сфотографироваться на фоне взрывов. У меня в фотоаппарате осталось три кадра.

— Конечно! Пошли, запечатлимся на фоне разрушений! — восторженно поддержал я эту идею.

— Нашего замполита хлебом не корми, только дай сфотографироваться

среди разрушений и пожарищ. Придаст себе героический вид и на съемки. То на развалинах, то с душманами в обнимку, то с пулеметом в руках, — бормотал Сбитнев.

— Сам, гад, предложил, а меня тут же и высмеял! Чей фотоаппарат? Твой! Чья идея? Твоя! А я у тебя главный любитель батальонных снимков! Поставь на место вставную челюсть, закрой рот и убери ехидную улыбку! Пошли фоткаться.

— Постараюсь, чтобы твое наглое рыло в кадр не попало! — пообещал мне Володя.

— А я в центре встану с тобой, дружески обнявшись!

Наша компания разместилась напротив подрываемого жилища. Ротный отдал фотоаппарат Свекольникову и скомандовал саперам: «Огонь!» Все приняли воинственные позы. Взрыв! Бах! Бух! То, что называлось домом, взметнулось в воздух десятками тонн глины и земли. В следующее мгновение после сделанных снимков мы невольно оглянулись. Взрыв поднялся метров на тридцать огромным фонтаном. Адская сила втянула в себя стены и грунт. Затем эти обломки устремились вниз с бешеной скоростью.

— Бежим! Скорее в укрытие! — заорал Сбитнев, и бойцы дружно сиганули: кто за дувал, кто упал в арык.

Большие комья глины забарабанили вокруг по земле, словно метеоритный дождь. А потом повисла плотная завеса оседающей пыли и песка.

— У-ф-ф! Больше никаких съемок! — приказал, отряхиваясь, Чухвастов. — С меня хватит! Я думал, что вот этот комок мне голову разможжит!

Капитан пнул ногой только что рухнувший рядом большой комок глины, спрессованный и высушенный многими десятилетиями, бывший минутой назад частью монолитной стены.

— Свекольников! Аппарат цел? — поинтересовался, выплевывая землю изо рта, Сбитнев.

— Цел! Первый кадр получился очень хороший! — успокоил солдат.

— Чем же он так хорош? — удивился я.

— А вы командиру роты рожки над головой поставили, а он — вам! И оба широко улыбаетесь, — ответил Свекольников.

— Вот замполит, зараза! Одни гадости от него! Рога командиру запланировал! А я думал, чего это он обниматься лезет! Скотина! — криво улыбнулся Вовка.

— Око за око! У нас с тобой мысли одинаково коварные, — засмеялся я.

* * *

Следующим утром пробуждение пришло с первыми лучами солнца. Сбитнев растолкал меня и сердито произнес:

— Никифор! Собирайся в путь-дорогу! Как ты меня утомил со своими документами! То характеристики на тебя пиши, то представления, то аттестацию. Теперь фотографироваться вызывают! Фотомодель ты наша!

— Куда? На КП батальона? — зевнул я широко.

— Ага! Специально для тебя корреспондент в «зеленку» приедет, башкой рисковать! Делать ему больше нечего!

— Командир полка приказал взять тебе две «коробочки» (БМП) и отправиться в штаб дивизии. Там тебя ждут к обеду. Нужна фотография на документы в общевоинском кителе, в форме старшего лейтенанта. Смотри на карту: тут мы сидим, вот сухое русло реки, вот штаб дивизии, здесь штабная застава второго батальона. Проедешь мимо нее, выберешься на грунтовку, доедешь до автопарка саперов. Там оставишь технику и солдат. Бежишь в политотдел, позируешь и обратно к нам. Не опаздывай! Тебя ждут к двенадцати ноль-ноль! Севостьянов лично распорядился. Так и быть, дам две машины и в придачу Зибоева с пулеметом.

— За пулемет — отдельное спасибо! — ответил я, громко зевая и потягиваясь в спальнике. — Эх, кто бы меня в машину прямо в мешке отнес! Поднял в такую рань! В пять утра! А что еще раньше нельзя было разбудить и сообщить об этом!

— Можно было, полчаса назад, как только меня оповестили и повопитывали. Командир полка минут десять нотацию читал на мое робкое возражение о множестве других задач. На одно слово — десять матов! Придумали, гады! Две БМП забрать! Третью часть роты!

— Ни треть, а четверть роты! Ты думаешь, я горю желанием по «зеленке» кататься и вдоль кишлаков на броне дефилировать двумя прекрасными мишенями? — вздохнул я, мысленно содрогаясь от предстоящих острых ощущений.

— Вот-вот! Начальство только и дефилирует на этой войне. Особенно чертовы политические руководители. Наверное, думают, что тут курорт! Взять и приехать к двенадцати ноль-ноль. Козлы! — продолжал браниться ротный. — Ну, поспешай, Ник, собирайся. Позавтракаете в пути. Гони по руслу на всех парах! Если «духи» бахнут из гранатомета, может, промажут и не попадут в быстро движущуюся цель. Счастливо доехать и вернуться! Стреляй во все, что шевелится, не раздумывая!

* * *

Две машины, одна за другой, покатили по вражеской земле. На башне первой сидел я и Гурбон Якубов. Второй машиной командовал Муталибов. Там же лежал Зибоев в обнимку с ПК и перекатывался с боку на бок в такт движению БМП по ухабам. Две частички Родины, два островка во враждебном окружении. Так нам тогда казалось.

В небе пролетели параллельно нашему курсу четыре вертолета, летчики, видимо, вглядывались в нас как в потенциальные мишени. Я приветливо помахал им рукой. А им хоть маши, хоть не маши, если что-нибудь взбредет в голову, то и бабахнут по тебе. Не в первый раз. Потом

скажут — промахнулись, видели рядом «духов» или приняли за противника.

Песок и пыль, поднимаемые гусеницами машин, создавали длинный шлейф позади нашей колонны. Треск моторов был слышен на многие километры вокруг. Обнаружить нас было легче легкого.

Механик последней машины вдруг резко сократил дистанцию и в непроглядной пыли, потеряв дорогу, съехал чуть в сторону с твердой накапанной колеи.

— Стоп, машина! Вовка, сдавай назад, зацепим тросом и вытянем Рахронова, — распорядился я.

Другая машина начала объезжать застрявшую и тоже увязла левой гусеницей в забучем песке

— Черт! Бл...! Вы что, совсем охренели! Это называется лучшие водители роты! Обе машины посадили! Зибоев прыгай с брони и замаскируйся с пулеметом в камнях. Пушки влево на кишлак! Операторы, наблюдать! — заорал я солдатам.

Бойцы сняли бревна, привязанные сзади на машинах, и принялись собирать камни, ветки, подкладывая их под гусеницы. Затем в ход пошли лопаты. Работы — непочатый край! Машины накренились в разные стороны и плотно сели на брюхо.

Солнце вошло в зенит и принялось нещадно припекать. Это не самая большая беда, которая может приключиться. Лишь бы из безоткатного орудия или гранатомета не бахнули из-за дувалов. Расстояние до них всего метров двести. Вдруг из зарослей появилась группа вооруженных аборигенов и направилась к нам, размахивая руками и что-то горланно выкрикивая.

— Зибоев, чего они орут? — насторожился я.

— Не слышно, сейчас подойдут поближе, и разберусь, — пообещал пулеметчик, взяв на мушку афганцев.

— Не вздумай! Пока не скажу, огонь не открывать. Сначала ведем переговоры, потом, может быть, стреляем. Кто знает, сколько их там в кустах. Будем надеяться: эти люди не из банды Карима, — вздохнул я и вытер выступивший пот со лба.

— Товарищ старший лейтенант, они говорят, что отряд самообороны, ополченцы, — крикнул Зибоев после переговоров с «бородачами».

Подошедшие к нам афганцы были вооружены кто чем. Двое с «калашниковыми», один с карабином и самый старый с древним «мультиком» (это старинное и длинноствольное ружье). Трое замерли в стороне, держа оружие вниз стволами и всем видом показывая, что намерения у них самые мирные и дружественные. Четвертый приблизился к нам.

— Салам, командир! — поздоровался старик, подойдя ко мне и протягивая руки для приветствия.

— Салам, аксакал! — ответил я и пожал сморщенные, шершавые коричневые руки.

«А ведь тебе лет сорок пять! Но вид — как будто ровесник века», — подумал я, вглядываясь в незванного гостя. Мужичок с понимающим видом посмотрел на машины, присел возле траков и что-то быстро заговорил.

— Просит нас не стрелять по кишлаку и отвернуть пушки. Там — мирные люди. Только друзья! — перевел пулеметчик.

— Пушки не развернем, но стрелять без причины не будем, — успокоил я парламентаря.

— Мужик предлагает проводить к нашему посту, за помощью, — продолжил переводить Зибоев. — Пост близко, за деревьями, метрах в трехстах. Может, сходим, товарищ старший лейтенант?

— Мирзо, скажи ему, что он и еще один останется тут, а двое пойдут со мной проводниками! — распорядился я.

— Они согласны, — сообщил переводчик.

— Это хорошо. Зибоев, идешь за мной, и если засада, вали всех из пулемета! Лебедков, прикрываешь пулеметчика, а я пойду с этими бандитскими мордами. В плен не сдаваться! Себе — последняя граната.

Рожи у наших добровольных помощников действительно были недобрими, хотя афганцы улыбались изо всех сил. Но и улыбки их выглядели натянутыми. Бородатые лица, грязные халаты, ноги в галошах. Ремни и нагрудники увешаны гранатами, снаряженными мопазинами, в которых было полно патронов, за поясами — ножи. «Надежные» проводники, нечего сказать.

Я снял автомат с предохранителя, дослал патрон в патронник и повесил его на плечо, направив ствол в спину ближайшего аборигена.

— Буру! — сказал я афганцам, что означало вперед, и махнул рукой.

Мужчины пошли вперед, оглядываясь время от времени и что-то говоря друг другу. Я достал потихоньку из лифчика гранату, сунул палец в кольцо и разжал усы. Если что — раз и привет! Будет общая могила с этими друзьями. Кто их знает, что у них на уме на самом деле.

Мы шли плотной группой по тропе между деревьями и кустарниками, вдоль высокого дувала. Потом залезли на стену, такую широкую, что можно по ней смело идти, не боясь упасть. На нашем пути из зарослей выглядывали женщины, дети, мужики со злыми лицами. Вот впереди на поляне показался высокий глинобитный дом.

— Шурави. Пост! — сказал один из афганцев, показывая рукой на строение.

На краю дороги стояла табличка: «Осторожно, мины!», рядом другая с надписью: «Стой, назад, стреляют!» и ниже еще что-то по-афгански. Черт! Вот дела! А как же пройти? Мины! Да еще могут от поста очередью полоснуть. Вон пулеметный капонир, рядом танк в окопе, а чуть дальше за высоким бруствером БМП. И вся поляна затянута «паутиной» из проволочного малозаметного препятствия и колючей проволоки.

Проводник на удивление хорошо ориентировался в препятствиях и знал проход. Он кому-то, кого я еще не видел за стеной, заорал на ломаном русском:

— Шурави! Не стреляй! Друзья!

Часовой крикнул:

— Проходи! — и махнул рукой.

Мы подошли к высоким массивным воротам, и афганец дернул за подвешенную связку склянок. Хороший звонок! Калитка отворилась, и высунулся заспанный солдат:

— Чего пришли? Кто такие? Чаво нада?

— Боец, проводи меня к старшему поста, я старший лейтенант из первого батальона! — ответил я хмуро.

— Все, что ли, с первого? — ехидно произнес солдатик.

— Не ухмыляйся, умник, это проводники. Веди к начальству, — подтолкнул я в грудь юмориста.

— Кто тут ко мне пришел? — недовольно спросил вышедший из бункера капитан.

— Ростовцев, замполит первой роты! — представился я, здороваясь с хозяином заставы.

— А-а-а. Привет! — протянул, зевая, офицер.

Это был капитан Самсонов, заместитель командира второго батальона по политчасти.

— Ты мою должность прибыл принимать? — грустно улыбнулся он.

— Да нет. Дорогу в дивизию ищем. Шучу. Техника у реки завязла в песке. Нужен танк или тягач: дернуть машины на дорогу. А должность вашу не буду отрицать, предлагали, но я отказался.

— Жаль, что отказался, я бы в какое-нибудь спокойное место уже уехал. Сижу тут неделю, как отшельник. Комбат в Союз заменился, зам по тылу где-то прячется на складах, зампотеха, беднягу, по прокуратурам затаскали. То в Баграм, то в Кабул. Все из-за халатного отношения к хранению ядовитых жидкостей.

— Слышал о вашей беде. Сочувствую. Ну, так как, танком поможете?

— Нет. Не могу. Аккумуляторов нет. Их зампотех увез в полк на зарядку неделю назад. Там его с должности сняли. Теперь ни зампотеха, ни аккумуляторов. Ступай пешком в дивизию по этой грунтовой дороге. Там помогут. Пойдем покажу, куда и как выбраться.

Мы вышли за ворота, и Самсонов удивленно уставился на сидящих вдоль стены афганцев.

— А что это за «духи»? Ты с ума сошел, с «басмачами» бродишь по «зеленке»! — воскликнул капитан.

— Они уверяли, что отряд самообороны. Дорогу показали и по всем вашим проходам в минных полях провели, — ухмыльнулся я.

Самсонов выругался матом, озадаченно почесал затылок и задумался.

Штабная жизнь дивизии кипела и была ключом. Множество офицеров, переодетых в пятнистые маскхалаты, бегали с бумажками из кабинета в кабинет. Но особенно бурлил политотдел. Машинистки трещали, сидя за печатными машинками, словно пулеметчицы. Кто-то громко диктовал по телефону отчет, ругался из-за задержки новой стенной печати, требовал выпуска листовок с описанием чьего-то подвига. Кто-то возмущался несвоевременному выходу в свет дивизионной многотиражки. Из приоткрытой двери заместителя начпо Бойдукова раздавалась громкая брань по поводу отсутствия политдонесений из района боевых действий. Создавалось ощущение, что вся война и боевые действия шли не в «зеленке», а в штабах. От меня отмахивались, как от назойливой, надоедливой мухи. Варианты ответов: «Отстань, не до тебя!», «Ничего не знаю, не в моей компетенции!»

Я присел на стул в уголке и решил дожидаться начальника политотдела. Наверное, он все знает, по его приказу выдернули меня из района боевых действий. Вызвали словно на пожар.

В приемную заскочил второй заместитель начальника политотдела (а может, первый заместитель, кто их разберет) Жонкин.

— Лейтенант! Ты чего тут расселся? Тебя инструктор Семенов с ног сбился разыскивать! Сказано прибыть в двенадцать часов, а сейчас уже час дня! Ростовцев, непорядок!

— У меня БМП завязли напротив поста командира второго батальона, я пешком сюда добрался, — смущенно оправдывался я в ответ на гневную тираду подполковника.

— Ну, ладно! Молодец, что прибыл! — перестал возмущаться Жонкин. — Беги в клуб быстрее! А где твой повседневный китель?

Глупее вопроса я не ожидал и, естественно, растерялся.

— Китель? А зачем?

— Как зачем? Фотография нужна в повседневной форме! Тебя что не предупредили?

— Нет. Но даже если и предупредили бы, то кто его в кишлак из моего шкафа, который в полку, привезет? Каким образом? — усмехнулся я.

— А, ну да... Мы об этом не подумали. Да, вид у тебя неподобающий. Не побрит, не помыт, в маскхалате. Черт! Ладно, беги к капитану Семенову, приводи себя в порядок, и вдвоем что-нибудь там придумайте. Времени на все, в том числе и на проявку и печать, — полтора часа! — нахмурившись, произнес Жонкин и отправился по своим делам.

Инструктор — «балалаечник» от моего вида просто потерял дар речи. Вообще-то Балалаечник — это кличка. А все потому, что является инструктором политотдела по культурно-массовой работе и заведует средствами пропаганды дивизии, в том числе и музыкальными инструментами. Капитан глубоко вздохнул, покрыл всех матом, не забыв и о непосредственном начальстве.

— Бл...!

— А что я? В чем моя вина? — поинтересовался я, мысленно готовясь вступить в диалог на матерках.

— Уф-ф-ф! — выдохнул капитан и скомандовал, постепенно успокаиваясь: — Раздевайся! Сейчас принесу бритвенный станок, вызову парикмахера и, конечно, разыщу тебе китель. Взвалили на меня чужие проблемы. Я как всегда крайний! Какой размер формы?

— Сорок восьмой. Третий рост, — ответил я, раздеваясь.

— Хоть пятый. Ты мне еще размер обуви и головного убора назови! Фото ведь делаем по пояс. Мне бы китель лейтенантский найти! Вокруг одни майоры, подполковники и полковники!

Семенов, продолжая громко ругаться, убежал. Вскоре пришел сержант-киномеханик и вручил мне станок с тупым лезвием и кусок мыла.

— Солдат, ты лезвие дал, словно палач заключенному перед казнью. Когда человек бреется в последний раз перед экзекуцией. Я сейчас плакать начну навзрыд от боли. Другого чего-нибудь, более острого у тебя нет?

— Есть, но лезвие совсем новое, для себя. Затупите, чем я после бриться буду? А про то, что нужно хорошее лезвие принести, мне никто не сказал.

— У-у, — завыл я, продолжая соскребать неподдающуюся щетину, в некоторых местах удаляя ее вместе с кожей и формируя волевой подбородок багрового цвета, как бы обветренный в боях старым фронтовиком-окопником. Лицо заметно преобразилось. Щеки пылали огнем, шрам на подбородке кровоточил. Этот же солдатик достал машинку для стрижки, накинул мне на плечи простынку и взялся ровнять включенные вихри.

Возвратившийся Семенов, взглянув на меня удовлетворенно, кивнул головой и начал устанавливать фотоаппарат на штатив.

— Виктор! Ты посмотри, что сделалось с моей физиономией после кошмарного бритья! Она красная, как перезрелый помидор! — возмутился я.

— Ничего страшного! Фотография черно-белая. Румянец сойдет за южный загар. Меня больше волнует, куда это медик запропастился с кителем.

Вскоре вошел скромный лейтенант-двухгодичник с кителем, висющим на вешалке-плечиках.

— О-о-о! Я буду медиком? — ухмыльнулся я.

— Черт! Не подумал. Сейчас привинтим другие эмблемы в петлицы и добавим звездочек. — Семенов грубо надорвал петлицы, скрутил «змею в стакане» и заменил на «сизу в кустах и жду героя». Затем шилом проткнул погоны и привинтил еще по звездочке.

— Товарищ капитан! Вы что делаете? Я пиджак всего один раз надевал, в штаб округа, а вы его дырявите и рвете? — взвыл лейтенант.

— Не пидай кипятком, медицина! Не пиджак, а китель! Это ты у нас «пиджак»! Звание тебе через год присвоят, и звездочка пригодится. Не скручивай. А пехотная эмблема или медицинская, какая тебе разница?

— Но я только на два года в армию попал, мне его придется на склад по увольнению сдавать!

— Сдашь. Был бы китель, а на эмблему и не посмотрят. Сейчас вкрутим покрепче, иголочками петлицы пришилим. Готово. Хорош! Ох, как хорош! — Закончив подготовку формы, Семенов принялся суетиться, бегая от штатива ко мне. — Очень даже неплохо! Садись на стул, руки на колени. Выпрями спину, да расслабься, не лом же проглотил! Не хмурься. Теперь убери эту дурацкую улыбку! И не делай страшную рожу! Уф-ф-ф. Устал я с тобой, Ростовцев.

— Это я устал от маскарада. Лучше бы у дувала лежал и мух от себя отгонял, жуя виноград, чем терпеть вот это издевательство надо мной.

— А где виноград? — встрепенулся Балалаечник. — Привез?

— Нет. Я пешком до штаба добрался, через кишлаки. Машины застряли у поста.

— Ну, ладно, будь другом, ящичек набери для меня. Я после рейда заскочу к вам в полк, тебе фото на память завезу! — пообещал капитан.

— А мне виноград будет за эксплуатацию кителя? — оживился медик.

— Тебе? — задумчиво произнес я. — Тебе сколько угодно. Сейчас быстро переобуваешься в кроссовки, получаешь автомат, набираешь патронов, гранат и айда со мной. А там в «зеленке» жри сколько угодно, пока не лопнешь! — засмеялся я, хлопая по плечу лейтенанта.

Откуда ни возьмись в аппаратную ворвался взмокший Артюхин.

— То-о-о-в-а-арищ капитан! Здравия желаю! Вы откуда? Наверное, в «зеленку» вместе поедem? — ухмыльнулся я.

— Иди к черту! — огрызнулся замполит батальона. — Я за тобой. Бегом к начальнику политотдела, скорее!

— Так к черту или к начальнику политотдела? — спросил я, рассмеявшись. — Или он это и есть черт?

— Хватит юмор разводить и шуточки шутить! Дело серьезное! За мной! — Григорий сильно потянул меня за руку.

— Стой! Стой! — взмолился я. — Дай переодеться! Чего я буду туда-сюда пугалом по полку ходить? Китель не по росту с длиннющими рукавами и вместо брюк — массетка! Целый день сегодня бегом и бегом!

— Ладно, быстрее! Севостьянов больше часа нас ждет! Еле-еле тебя нашел! — пожаловался Артюхин.

— Повезло, что нашел. Через пять минут я бы взял ноги в руки и убежал отсюда к батальону. Интересно, зачем меня вызывает высокое руководство?

— Скоро все узнаешь! — загадочно произнес Григорий.

Я быстро переоделся, и мы поспешили в политотдел.

Начальник политотдела сидел за длинным столом, уставленным телефонами и сувенирами. На стенах кабинета висели графики, таблицы, ло-

зунги и плакаты. Настоящий центр политграмотности и эпицентр перестройки.

— А-а-а! Ростовцев! Заходи, дорогой, заходи! — встретил меня полковник протяжным восклицанием. Аркадий Михайлович вскочил, поздоровался, пожав руку, и усадил нас с Артюхиным на стулья. Сам он начал энергично ходить по кабинету из угла в угол, быстро при этом разговаривая. Вскоре шеф стал носиться по кабинету, словно сгусток энергии, только не понятно какой: отрицательной или положительной! — Товарищ старший лейтенант! У командования о вас за год сложилось хорошее мнение, вы это, наверно, заметили.

— Так точно, товарищ полковник! — ответил я, смущаясь. (То, что они знают о моем существовании, я понял всего месяц назад.)

— У нас возникла сложная ситуация. Сменщик капитана Артюхина куда-то пропал. Точнее, Артюхин полгода назад занимал должность секретаря комитета комсомола полка, а кадровая машина не поворотлива. Нам прислали молодого лейтенанта. Мы решили вас, Никифор Никифорович, выдвинуть на вышестоящую должность. Было три варианта с разными батальонами. Но возникла блестящая идея — убить двух зайцев разом. Мы назначаем вас, Ростовцев, заместителем командира родного батальона, а Григорий Николаевич благополучно и своевременно, без дальнейших проволочек едет домой. В результате — все довольны. Я и командир дивизии уверены, что вы справитесь!

— Ох! — охнул я. — Прямо огорошили меня этой новостью. Даже не знаю, что и сказать. Справлюсь ли... Вчера с лейтенантами-взводными я из одного котелка ел, вместе с ними шутил, анекдоты травил, а завтра командовать... Как-то мне не по себе.

— Все будет хорошо. Вы, товарищ старший лейтенант, знаете этот батальон, его проблемы, быт. Досконально изучили людей. Батальон «рейдовый», сложный, я бы даже сказал, тяжелый. Тут не только политические вопросы решать надо, но и постоянно участвовать в боевых действиях. Нужны молодость и здоровье, молодецкая удаль! Значит, так и порешим! Принимайте дела, и в процессе службы будем вас учить, поправлять. Так что перестраивайтесь! Вся страна перестраивается! — Начпо пожал нам обоим руки, похлопывая по спинам, довел до дверей кабинета и еще раз попрощался.

— Черт! Черт! Черт! — завопил я за порогом политотдела.

— Что ты так возмущаешься? — удивился Артюхин.

— Что-что... Как я буду с Подорожником каждый день общаться? Он меня на дух не переносит, целый год третировал как последнего человека. Издевался каждый день. Я, было, обрадовался, что в новом батальоне начну службу с новыми подчиненными, с теми, кого не знаю, с кем не пил! Тяжело это: вчера — друзья, а сегодня — подчиненные.

— Учись. Хочешь дальше расти, нужно учиться быть жестким, даже жестоким, — вздохнул Гриша и, пожав мне руку, отправился восвояси.

Он ушел куда-то по своим делам, а я, захватив на КПП дремавших бойцов, поспешил к саперам за тягачом.

Саперы машину не дали. Вся исправная техника крушила развалины. Удалось достать артиллерийский тягач из батареи «Ураганов». Радость переполняла мое сердце, что не нужно будет вызывать помощь из «зеленки», не придется падать в глазах комбата и ротного. Застрять на двух машинах! К моему удивлению, машины в помощи не нуждались.

Увиденная на дороге картина озадачила. Сидевшие в песке БМП теперь стояли в твердой накатанной колее.

— Кречетов! Как вы выбрались? — изумился я.

— Сами откопались. Набежали «дикари» с лопатами, человек пятнадцать, притащили бревна, сучья, раз-два — и готово. Не захотели, что бы им «кузькину мать» устроили. Побоялись, что на чей-нибудь случайный выстрел ответим шквалом огня. Пушки, направленные на кишлак, — самый лучший аргумент, — объяснил механик.

— Ребята, нам повезло, хорошая банда попалась, душевная, — рассмехался я.

Пришлось извиняться перед капитаном-артиллеристом за доставленные хлопоты. Водитель тягача получил пачку «Охотничьих» и, удовлетворенный отсутствием работы, уехал в Баграм. В обратный путь тронулись и мы.

Подорвав сотню домов, сровняв с землей развалины и дувалы между виноградниками, полки вернулись на базы. Хватит. Хорошего понемногу. Отвели душу за гибель наших ребят. Авиация еще два последующих дня обрабатывала эту территорию бомбами повышенной мощности, глушила «духов» в подземельях, обрушивала кяризы.

Афганская госбезопасность вскоре получила информацию о более шестидесяти захороненных мятежников в результате нашей работы.

Да и сам Керим чуть позже погиб. Без базы, без банды, без складов ему стало очень тяжело воевать. С двумя телохранителями на лошадях «курбаши» куда-то ехал. На его беду всадников заметили вертолетчики. Пара «крокодилов» зашла на штурмовку и накрыла их залпом из неуправляемых ракет. Вот такой бесславный конец грозы и хозяина Баграмской «зеленки». Ну да, свято место пусто не бывает. На место убитого главаря пришел другой, не менее кровожадный и жестокий.

Усилия армии оказались тщетны. То, что мы разрушили, афганцы через месяц восстановили. Это ведь не дворцы и не современные многоэтажные здания. Конструкция простейшая: глина, песок, кизяк, солома и вода. Размешал и лепи, лепи, лепи. А виноградники и кустарники весной следующего года вновь будут стоять зеленой стеной, как будто их и не ломали, и не рубили. Джунгли! Создать в этих местах безопасную зону — сизифов труд! Бессмысленный и чрезвычайно опасный.

Глава 4

Большая трагедия и маленькие драмы

— Ростовцев? Мой заместитель?! Какому идиоту пришла в голову подобная бредовая мысль? Это что, продолжение эксперимента по проверке прочности моих нервов и терпимости? — заорал Подорожник на весь полковой плац, когда Артюхин сообщил комбату решение командования.

Его усищи, топорщившиеся в разные стороны, гневно дрожали, и лоб покрылся испариной. Я скромно потупил глаза в асфальт и ответил, хитро улыбаясь:

— Могу подсказать и фамилии, и должности этих идиотов.

— Василий Иванович! Все решалось на высоком уровне. Я тут не причем. Хотя мое мнение: хуже других он не будет, — вступился за меня Артюхин. — Людей знает, с обстановкой знаком, боевого опыта немерено. А руководить людьми научится.

— Юра, и ты туда же, заступаешься за него? — возмутился Подорожник.

Артюхин молча развел руками, скорчил скорбную гримасу и произнес сакраментальное:

— Замена в опасности, а где она? Один не доехал из Союза, двое увильнули от моей должности в штабе армии. Сколько еще можно ждать?

— А я и не навязываюсь. Не нравлюсь — напишите рапорт комдиву. Меня и первая рота вполне устраивает. Между прочим, Севостьянов другие, более спокойные батальоны предлагал, — подал я голос, окончательно обидевшись на реакцию комбата.

Подорожник гневно сузил глаза и прошипел:

— Опять батальоном разбрасываешься? Мы тебя сделали за год человеком! Почти Героем!

— Я не разбрасываюсь, но реакция ваша не нравится. Конечно, лучше меня люди есть. Мелещенко, к примеру, спит и видит, как бы начальником стать.

— Но-но! Только не надо ерничать. Сами с усами, разберемся! Без сопливых! — рявкнул Подорожник, постепенно сменив гнев на милость.

Чувствовалось, что внутренне он с каждой минутой смирялся с таким поворотом и готовился сделать шаг к примирению. Я же захотел ужалить в отместку будущего шефа и сыронизировал:

— С усами, да еще с какими! Зависть всей афганской армии...

— Вот что верно, то верно. Но это уже не усы, а так, пародия! Были когда-то... — не понял шутки комбат и искренне загрустил: — Никифор, ты помнишь, какие у меня они были прошлым летом и осенью? — Я подумал и кивнул. — Так вот эту мою красоту и гордость, каждый ус по семнадцать сантиметров, при вступлении в должность комбата заставили обрезать!

— А вы их что измеряли линейкой? — улыбнулся я ехидно.

— Тьфу ты! — сплюнул комбат презрительно. — Я ему о серьезном деле, о своей беде и печали! А он шуточки шутит! Да, измерял! Представь себе! Хотел до двадцати вырастить. Сорвали мой эксперимент. Афганцы-то как уважительно всегда разговаривали, восхищались! И что? Начпо твой любимый, Севостьянов, на заседании аттестационной комиссии заявляет: «Подорожник — хороший начальник штаба и неплохо исполняет обязанности комбата. Но доверить батальон офицеру с такими шутовскими усами мы не можем!» Шутовскими! Это же надо было так сказать! Я ваше политплемя после этого окончательно перестал уважать. Подводя итоги собеседования, командир дивизии нахмурился и промолвил, что собственных возражений у него против моих усов нет, но мнения Севостьянова не учесть не может. Дали мне времени два дня на обдумывание. Выпил я два стакана водки и сказал «стюардессе»: «Режь!» Половины усов как и не бывало. Остались жалкие обрезки былой гордости! Пожертвовал ради должности! — Подорожник тяжело вздохнул и, расстроившись, закурил.

Мы с Артюхиным переглянулись, но промолчали. Василий Иванович, нервно притоптывая носком туфли по асфальту, выкурил сигарету и произнес, примиряясь с неизбежным:

— Так тому и быть! Ладно, Ростовцев, тебя я знаю как облупленного, со всех сторон. А кого еще пришлют — неизвестно. Одно условие: сбрей вот эту гадкую растительность под носом. Не даны природой усы и не пытайся вырастить. Борода у тебя бывает неплохая, подходящая. Но эти волосенки — просто гадость, пародия! Удали и приступай к обязанностям. Принимай дела и должность!

Что ж, действительно, раз мои попытки что-то приличное взрастить над верхней губой не удались, значит, я без малейшего сожаления могу сбрить свои усы. Вопрос далеко не принципиальный. Принципиально другое: как вести себя с друзьями-приятелями?

Разглядывая себя в зеркале, я намазали помазок, провел им по щекам, подбородку и начал мужественно снимать растительность с лица.

В душевую, напевая украинскую песню, вошел погрузневший в последние месяцы Мелешенко. Жирок несколькими складками свисал по бокам и перекачивался на стороны, а животик слегка оттопыривался, буд-то на пятом месяце беременности.

— О! Никифор! Избавляешься от мужской гордости? — ухмыльнулся он, намекая на предстоящую потерю усов.

— Чего не сделаешь ради должности замкомбата! Выполняю главное условие для продвижения по служебной лестнице.

— Хм! Я бы не только усы сбрил, но и что-нибудь кому-нибудь лизнул, — вздохнул Микола.

— Лизни мне, и я уступлю должность замполита нашего батальона, — хохотнул я.

— Как! Что я слышу? Ты уже замполит батальона? — вытаращил глаза Мелешенко и шумно выдохнул воздух.

— Расслабься, я тебя еще не имею. Пока... Но впредь веди себя хорошо, — и я похлопал успокаивающе его по широкой спине, довольный произведенным эффектом. — Присесть и гнуть спину при моем появлении не обязательно.

Новость сразила Николая наповал.

— Ну почему такая несправедливость? Ты самый отъявленный оппортунист и антисоветчик, который мне встречался в Советской Армии! Тебе чужды идеалы социализма, постоянно насмехаешься над руководителями партии, над государственным устройством!

— Почему не доложил, не донес, раз так возмущен? — удивился я. — Если тебя это так задевает и раздражает то, что удерживало от этого? И, в конце концов, если ты хотел ускорить свой должностной рост, то не надо жрать водку и самогон каждый день!

— Не знаю, почему не сообщил, куда следует? Определенно надо было настучать особистам. Тогда никому не взбрело бы в голову лепить из тебя Героя Советского Союза! Но я думаю, ты себе шею еще свернешь, — произнес Николай и ушел, громко хлопнув входной дверью. Ну вот, мнение одного из сослуживцев стало известно. Жаль, что произошел такой нехороший разговор. Вместе с Коляном с первого дня войну хлебаю. Парень он малограмотный, туповатый, но не подлый и компанейский.

Реакция Сбитнева была вовсе удивительна. Володя ругался минут пять. Крыл матом начальников, вплоть до Министра Обороны.

— Забрали Мандресова, Грымов сбежал в горы на пост, замполита на повышение выдвигают, Бодунова в Союзе могут в тюрягу упечь! С кем в рейд идти?

— Володя, не гони волну. Приказа о назначении еще нет, и на мое место кто-то придет. Мандресову вот-вот будет замена. Да и я пока никуда не ушел. Вдруг начальство в последний момент передумает.

— А раз приказа нет, то заступаешь сегодня со мной в наряд по полку, помощником дежурного.

— Спасибо за доброту, — с напускным смирением я.

— Пожалуйста. Не подавись, — буркнул Володя и вышел из канцелярии.

— Никифор, ты, наверное, в последний раз «помдежем» заступаешь перед повышением. Поэтому напоследок я над тобой поиздеваюсь, — произнес Володя попивая «Нарзан». Он сидел за пультом дежурного и нахально скалил позолоченные зубы.

— Вова, вряд ли у тебя это получится, могу и послать подальше, — ответил я, глотая прохладный «Боржом».

В дежурку ворвался начальник штаба полка и с порога дико заорал:
— Сбитнев! Тебя из Генерального штаба разыскивают! Сними трубку и ответь!

Ошуев стоял в дверном проеме и пытался вникнуть в смысл разговора с Москвой.

— Здравствуйте, дядя Вася! — поздоровался в трубку смущенный Сбитнев. — У меня все в порядке. Не болит. Нет. Нет. Нет! Не беспокойтесь. Да как-то неудобно просить. Хорошо. Тете Кате привет. Маме скажите, чтоб не переживала. Да. Да. Ну, конечно, берегу себя. Никуда я не лезу, на боевые не хожу, берегу зубы и голову. До свидания!

Начальник штаба, осознав, что это обычный частный разговор, по личным вопросам, молча вышел и закрыл за собой дверь.

— Ну, ты, Вован, даешь! Переполошил штаб полка! Генштаб на проходе! Складывается такое впечатление, что из столицы советуются со старшим лейтенантом Сбитневым по тактике и стратегии ведения войны в Афгане, — произнес я иронично.

— Хм... Могли бы и посоветоваться, я плохого не подскажу. Объясню, как войну окончить и домой убраться целехонькими! — ответил очень серьезно Володя.

— Тебя за этикие речи маршалы сразу разжалуют в рядовые и со службы попрут. Ты только подумай, сколько народа вокруг воюющей армии кормится! Сколько на нашей крови, на солдатском поту карьер выстроено, высоких должностей получено, званий, орденов. Не покидая кабинеты и не выезжая за пределы Кабула, штабные куют свое светлое будущее. Министр Обороны, начальник Генштаба, Главком стали Героями Советского Союза, а помимо них еще десяток генералов. А сколько украдено материальных ценностей? Многие себе и детям будущее обеспечили. Армия в мирное время (по мнению гражданских «шпаков») — это балласт общества. Но вот организовали маленькую войну, напомнили о себе, доказали свою необходимость — и, пожалуйста, расходы на вооруженные силы возрастают на порядок. Штатная численность увеличивается, генеральские и маршальские звания штампуются, заводы гудят от напряжения, загруженные заказами на вооружение, технику и боеприпасы. А гибель одного солдата или даже нескольких тысяч — малозначительный эпизод. В нашей стране руководители всегда говорят: бабы новых солдат еще нарожают. Главное — политическая или идеологическая целесообразность! И она заключается в расширении лагеря социализма любыми путями и по всему миру.

— Никифор! А ты действительно, как любит балакать Мелешенко, диссидент и оппортунист, — улыбнулся ротный.

— Нет, я просто здраво мыслю. Боюсь, что страна надорвется и лопнет. Не выдержим гонки вооружений, не осилим поддержку мирового национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Аме-

рике. Мы считаем своим долгом каждого, кто вчера слез с пальмы, а на завтра объявил о построении социализма, поддерживать изо всех сил. Однажды наша военная мощь может рухнуть.

— Если силы и мощь страны иссякнут, главное — успеть отсюда выбраться. Не то «духи» захватят Саланг или взорвут мост у Хайратона — и абздец! Придется остаток жизни или овец пасти в горах, или каналы рыть, или восстанавливать виноградники. Тебе особенно! Я приму ислам и непременно расскажу афганцам, сколько Ростовцев сжег сараев и хибарок сломал! — рассмеялся Сбитнев.

— Не успеешь! Они тебе обрезание начнут делать с «конца», а закончат в районе горла. Как-никак командир рейдовой роты! Каратель! — улыбнулся я, а затем через пару минут молчания осторожно спросил: — Ты с кем болтал-то по телефону?

— С мужем родной сестры моей мамы. Дядя Вася, адмирал. Служит в Генштабе, в одном из Главных Управлений. Он еще зимой, после моего ранения, вместе с матерью прилетел в госпиталь и предлагал помочь остаться в Ташкенте. Я отказался. Неудобно было перед вами, балбесами. Вы тут будете потеть в горах, жизнью рисковать, а я вроде бы друзей предаю. Бросаю на произвол судьбы свою роту. Отказался. Дядька ругался, материл очень сильно. «Мало одной дырки, — говорит, — в башке, еще хочешь? Мать не переживет твоей смерти, одна останется на белом свете!» Я же улыбался и отшучивался. Шашлыка не наелся из баранины, не все горы покорил, орденов мало получил. Снова сейчас спрашивал: не передумал ли? Нужна помощь или нет? Хотел сказать: нужна! Оставьте замполита в роте, не дайте ему стать моим начальником! Но пожалел тебя, олуха.

— Ах, ты гад! Спишь и видишь, как бы меня извести, замучить! — возмутился я.

— Конечно! Кому охота, чтобы бывший подчиненный командовал. Но мы тебя всегда на место поставим. Найдем способ напомнить, под чьим руководством вырос, кто был первый наставник.

— Не первый, а второй. Первый — капитан Кавун!

— Неважно! А пока служим, как и прежде идем в рейд вместе. Я тобой покомандую напоследок!

Утром как гром среди ясного неба — объявили начало вывода войск! Неужели долгожданный конец войне? Командир полка распорядился о проведении совещания через час и умчался в штаб армии. Убежал к «уазу» на предельной скорости, которую позволяет развить тело массой сто сорок килограммов. По возвращению сообщил офицерам:

— Товарищи! Через два месяца начинается частичный вывод подразделений из Демократической Республики Афганистан!

Далее подполковник Филатов продолжил свою речь, перейдя с возвышенного слога к «человеческой речи»:

— Нас, долбое...в, он не касается.

«Ох-ох!» — прошли по рядам вздохи горечи и сожаления.

— Полку выпадает почетная миссия принять Правительственную комиссию, которая прибудет для контроля над этим торжественным, историческим событием. И если какой-нибудь чужак на букву «эм» на порученном участке работы по встрече комиссии что-либо загубит, то пожалее, что на свет родился. Откуда вылез — туда и засуну обратно!

Из зала послышался тихий голос, и в воздухе повисла вопрошающая фраза: «Интересно куда и как?» Филатов напряженно всматривался в зал.

— Кто посмел п...еть?! А?! Помощник начальника штаба, это ты? — сурово спросил Иван Грозный у худощавого капитана Ковалева.

— Никак нет, — ответил Ковалев, бледнея и съеживаясь.

— Значит, не ты? Но мне показалось, твой умный голосочек раздался из зала. В документах — неразбериха! Штатно-должностная книга полка, словно филькина грамота: ничего не поймешь! А он тут вякает!

— Товарищ подполковник, ШДК заполнена согласно правилам и требованиям. В ней полное соответствие.

— Ах, соответствие?! — рассвирепел Филатов. — Да у вас до сих пор покойный Буреин начальником ГСМ числится! А он месяц назад застрелился, и нового прислали давно! И зам по тылу в полку все еще Ломако! Подполковник Махмутов, штаб не считает вас руководителем тыла! — Командир полка ехидно посмотрел на недавно прибывшего зама по тылу и развел руками: — Вот так-то! И зампотех в полку не Победоносцев! — Командир ткнул пальцем в унылого, длинноносого майора, прибывшего неделю назад. — Я сегодня утром листал «штатку», ужасался и покрывался холодным потом! Опять кого-нибудь не по тому адресу хоронить отправите! Канцелярские крысы!

Иван Васильевич в конце тирады уже не говорил, а рычал, вспоминая служебное несоответствие за прошлогоднее происшествие с похоронами не того солдата. Он тогда оказался без вины виноватым.

— В строевой части все проходит согласно приказам, — робко попытался возразить капитан.

— Бегом! Неси полковую книгу приказов, штатную и свою служебную карточку не забудь. Будем сравнивать, и если я прав, сразу накажу! — рявкнул командир и с силой бросил рабочую тетрадь на стол. — А пока Ковалев бегае, зам по тылу, ставь задачи!

Маленький, шуплый подполковник-татарин вышел на край сцены и, нервно теребя кепку-«афганку», начал путано формулировать свои мысли. Он от волнения слегка заикался, говорил гнусаво через нос. Татарский мягкий акцент от этого еще больше усиливался.

— В полку мною спланирован большой объем работы! Вот перечень того, что необходимо сделать в каждой казарме, в общежитиях, в столовой, на складах. Самое главное — внешний вид полка! Приедут граждан-

ские люди, и ухоженность, благоустройство для них главное! Я наметил следующее: покрасить казармы светло-розовой краской. Стены на солнце выгорели, и сейчас не поймешь, какого они цвета. Мусорные баки сделать черными! Обсерить бандюры! По всему периметру городка!

— Чего сделать? — громко спросил Подорожник, не поняв незнакомую фразу.

— Обсерить бандюры! — еще раз повторил зам по тылу.

Народ в зале тихо засмеялся.

— Фарид Махмутович, поясни, я ни хрена не разобрал последнее выражение. Что за х...ню ты несешь? Я вроде не дурак, но не понял смысла. Какое-то новое ругательство ты ввел в русский язык! — в свойственной ему манере грубо хохотнул Филатов.

— Обсерить бандюры-то? Как? Что непонятного? Ну, бетонные камни вдоль дорожек сделать серыми. Покрасить цементным раствором, — смущаясь и краснея, пояснил Махмутов.

— А-а-а... Обсерить... Ага, бандюры-бордюры... Теперь понял. Хорошо хоть не пересерить! А то пехотинцы, понимаешь ли, дружище, большие мастера все вокруг пересерить! Поясню для бестолковых: покрыть серой краской бордюры. А не то, что вы подумали! Продолжай дальше, — махнул рукой командир, вытирая брызнувшие слезы. Его большое тело сотрясилось от беззвучного хохота, лицо покраснело.

Сидящие в зале давились от смеха. Зам по тылу продолжил:

— Показывать будем казарму артдивизиона, танкистов и первой роты. Офицерское общежитие подготовим одно. Наверное, первого батальона. Сегодня я обошел эти помещения. У артиллеристов в целом хорошо, танкистам нужно будет немного поработать. А в казарме первой роты — кошмар! Захожу в роту: там грязь! Захожу в тумбочку: там бардак и крыса! Мухам по столбам везде сидят.

— Кто сидят? — удивился командир. — Мухам как?

— Мухам летают, по столбам садятся! — растерянно произнес Фарид Махмутович.

— А-а-а... Летают... Сбитнев! Почему мухам у тебя летают и по столбам сидят? В тумбочку войти мешают... — из последних сил сдерживая смех, произнес «кэп».

— Не знаю, — чистосердечно ответил Володя и пошутил: — Постараемся переловить, крылья оборвать и истребить.

Весь зал заливался диким хохотом. Махмутов что-то пытался говорить, но его никто не слушал. С этой минуты кличка «Мухам по столбам» закрепилась за ним навсегда.

Сбитнев толкнул меня в бок и прошипел:

— Если мы по казарме будем бегать и мух бить, времени на службу не останется.

— Володя, нужно внести изменения в штатную структуру роты. Вме-

сто одного снайпера ввести должность забойщика мух, москитов и комаров, — согласился я, весело смеясь.

Тем временем в клуб вернулся Ковалев с книгами приказов и штатно-должностной. Командир полка взял их, развернул на столе и принялся показывать Ошуву и Золотареву на несоответствия.

— Капитан, иди сюда! — рявкнул Филатов, оборвав смех офицеров. Тыкая пальцем в страницы, он произнес: — Смотри вот, вот и вот. Долболоб! Порублю «конец» на пятаки!

Далее последовали самые грубые и сочные варажения. По окончании тирады командир метнул «штатку» в голову осторожно пятившегося к краю сцены капитана. Тот, словно игрушка «ванька-встанька», мгновенно согнулся пополам, а затем вновь выпрямился, как ни в чем не бывало. Разгильдяй сумел увернуться от запущенного в него убойного снаряда. Огромная книга полетела в зал, словно птица, размахивая обложкой будто большими крыльями. Она звучно плюхнулась среди сидящих впереди танкистов, не долетев до нас всего полметра.

Я почесал затылок и тихо произнес, наклонясь к Сбитневу:

— Больше я на совещания не ходок. В следующий раз тут туфли или сапоги метать начнут. Уж лучше я воспитательную работу с бойцами буду проводить в ленкомнате. Там спокойнее.

— Все прекратить п...деть! — рявкнул «кэп», что-то записывая в карточку Ковалева. — Я вам что, клоун? Капитана — под домашний арест, на трое суток! Шагом марш!

Прощтрафовавшийся подобрал штатную книгу и, втянув голову в плечи, понуро сгорбившись, удалился.

Полк покинул свои казармы и двинулся в горы, а на наше место прибыли строители наводить чистоту для очередной показухи. Что ж, каждому свое: одним — строить, другим — все ломать.

Четвертый день рота сидела в горах на указанных задачах, а паек был получен на трое суток. Грустно. Желудок рычал и гневался. Ну не нравился ему суточный пищевой рацион. Банка фруктового компота, банка фруктового супа с рисом и изюмом, банка с пятьюдесятью граммами паштета, банка с пятьюдесятью граммами сосисочного фарша и такая же баночка перченой говядины. К этому набору — пачка галет и несколько сухарей. А еще чай, чай и чай. Его пили, пока была вода во фляжках. Вода, к сожалению, быстро кончилась. Убогие пайки за трое суток истреблены полностью, больше нечем поддерживать полуголодное существование. Как питаться на четвертые сутки? Рано утром, допив последнюю кружку чая, я сидел и рылся в вещмешке в поисках съестного.

А чего исследовать его содержимое? И так знаю — пусто. В нем нет ничего, кроме половины пачки галет, двух конфет и стограммовой баночки сока. Умереть, конечно, не умру, но обидно голодать в пяти километрах

от развернутого полевого лагеря дивизии. Да и кишлак рядом внизу, где бродят куры, овцы, коровы. Но нельзя! Мародерство...

Я лежу в СПСе, жарюсь на солнце и злюсь сам на себя. Пыль, пекло, мухи, грязь, голод. Ведь мог, как белый человек, уже пару недель служить на посту в одном из батальонов, охраняющих дорогу или «зеленку». Предлагали же! Нет, отказался — и вот результат.

Вертолеты пара за парой заходили на штурмовку. Они наносили удар за ударом по горному хребту справа от нас на расстоянии пяти-шести километров. Треск и грохот сверху дублировали разрывы авиабомб и снарядов на земле.

— Муталибов, что у нас с чаем? — поинтересовался я у сержанта.

— Чая только два пакетика осталось. Эти придурки его выкурили, когда сигареты кончились, — сердито ответил Гасан, одновременно отвешивая затрещину курильщику Царегородцеву.

— Царь! Сколько можно говорить вам, дуракам, что курение чая приводит к туберкулезу. Сдохнешь быстрее, чем от никотина, — рассердился я.

— Много раз пытался бросить курить, но не получилось, — грустно ответил солдат, разогревавший воду на костерке в трех банках из-под компота.

— Ну, что ж, мучайся дальше, бедолага-табачник, — похлопал я по плечу солдата.

Свернутой в несколько раз оберткой от салфетки я взялся за отогнутый край горячей баночки. Вытянув губы в трубочку, осторожно начал прихлебывать обжигающий рот и горло желтоватый напиток с легким запахом гари. Последние два кусочка сахара, последняя галета и последняя кружка чая. Далее остается только грусть, наблюдение за горящим кишлаком и бессельное разглядывание неба.

— Гасан, ты чего такой неразговорчивый и хмурый? — поинтересовался я у сержанта.

— Плохие известия получил с дороги из третьего батальона. Кунаки погибли. Узнал буквально перед выходом.

— Коздоев и Эльгамов? — догадался я.

— Да. Я с ними подружился, когда они в батальонном разведзвезде служили и жили в нашей казарме. Хорошие ребята! Почти земляки. Коздоев меня звал к женщинам сходить. Но я без любви не могу. А у него это запросто. Пообещает большие деньги, и многие на все согласны. Первая была библиотекарьша молодая, потом официантка «Унылая Лошадь».

— Ха-ха! Ну, ты сказал! «Унылая Лошадь»! Это Вера, что ли? Вы ей такую кличку дали? — засмеялся я, догадавшись, о ком разговор.

— Угу. А что, прозвище на все сто! У нее до тошноты тоскливый и унылый вид. Не ей за услуги деньги платить, а она должна — за развлечение. За то, что с ней сумели переспать. Башир пообещал две тысячи афгани, но потом прилепил ей между ног двадцатку! В тот момент у нее физиономия была еще унылее обычного.

— И что Верка? Возмушалась?

— А ничего. Пожалуйся, и в двадцать четыре часа в Союз вышлют. Встала, отряхнулась и ушла грустная... Эх, жалко погибших джигитов...

Я не стал расстраивать сержанта рассказом, как встретили смерть его земляки. Эти мерзавцы были бедой батальона, они доводили Подорожника до белого каления. И когда командир разведроты Ардзинба по указанию Ошуева попросил отдать ему обоих «суперменов», то Чапай их с радостью сплавил. Позднее избавилась от них и разведка, негодяев перевели во второй батальон. Затем они оказались в третьем батальоне. Там и погибли.

Эльгамову кто-то из бойцов выдернул чеку из гранаты, лежавшей в кармашке разгрузки. Солдата от взрыва разорвало пополам. Официальная версия: попадание из РГП. А Коздоев схлопотал пулю в затылок. Якобы «духовской» снайпер. (Эта версия предназначалась для командования, а также родным.)

— Гасан, хорошо, что их убрали из батальона. Ты такой приличный парень, эти варнаки сбили бы тебя с толку. Как чеченцы из казармы исчезли, ты изменился в лучшую сторону. Стал самим собой, без придури.

Сержант тяжело вздохнул и отвернулся. Ничего не ответив, он продолжал грустить.

Полк возвращался в Кабул в хорошем настроении. Немного поголодали, но зато все живы и здоровы. В моей роте полоса удачи несколько затянулась. Обычно такой период сменяется чем-то ужасным. Не дай бог!

На душе тревожно... Пора менять место службы...

В казарме меня дождался нервно курящий сигарету Артюхин.

— Ну, где ты болтаешься? Я тебя устал ждать! Забудь о роте и принимай дела батальона!

— Как забыть? Будет приказ, возьмусь за батальон, а пока занят своими бойцами, — огрызнулся я в ответ.

— Приказ есть! Ты второй день как назначен. Поздравляю! А я второй день как исключен из списков части. Завтра улетаю. В основном все бумажки написаны, планы за сентябрь сам сделаешь. Чего тебя учить, постоянно исполняешь чужие обязанности. Торжественно вручаю стопку тетрадей и бумаг. Изучай. Утром доложим Золотареву, и бери бразды правления в свои руки. Вчера заменщика на твою первую роту нашли на пересылке. Вечером привезут. Так-то вот! Дерзай...

* * *

Я крепко и сладко спал. Снилось что-то цветное и красивое. Да и какие могут быть сновидения у человека, только что назначенного неожиданно-негаданно на вышестоящую должность!

Кто-то резко схватил меня за руку и словно выдернул из снов в реальность.

— А? Что? Где? Уф!.. — забормотал я спросонья, протирая глаза.

На будильнике стрелки показывали шесть утра. По комнате энергично и нервно расхаживал Артюхин, громко матерясь.

— Гриша! В чем дело? Мне сегодня не надо на подъем бежать! Очередь зампотеха! Просмотр такого хорошего сна сорвал! Пляж, девки, солнце, шампанское!

— Тебе сейчас будет не до шуток! Вставай быстрее! Сержанта Алаева застрелили, — буркнул Артюхин.

— Алаева? Минометчика?

Холодный пот прошиб меня насквозь. Черт побери! Побыл замполитом батальона одну ночь. Сегодня могут уже снять. Проспал должность...

Артюхин продолжил рассказ:

— Он был дежурным по минометной батарее. В рейд не ходил, казарму охранял. Утром пришел со сторожевого поста у казармы сдавать оружие Рахманкулов. Во время разряжания произошел неосторожный выстрел. Пуля попала сержанту в шею и вышла из левого уха. Наповал.

Я мгновенно натянул форму, и мы побежали к минометчикам.

По казарме ходил, пиная табуретки и громко ругаясь, полковник Рузских, заместитель командира дивизии. Рузских являлся старшим группы офицеров дивизии по подготовке городка к показу, поэтому он нервничал. ЧП в полку, и он вроде бы частично виноват в этом происшествии. А какая его причастность и вина? Никакой!..

Следом за полковником туда-сюда ходил командир полка в огромных солнцезащитных очках-блюдцах. Последними явились замполит Золотарев и полковой «контрик», подполковник Зверев. Оба были растеряны и сильно помяты. После ночной попойки лица у них распухли, а вокруг распространялся крепкий запах перегара.

Особист полка — колоритная фигура! Спирт пил стаканами, а из закусок отдавал предпочтение хорошей русской водке.

Однажды зама по тылу Ломако скрутил гепатит. Когда его на носилках несли в санитарный «уазик», он, поманив пальцем Муссолини, простонал:

— Женья, под моей кроватью стоит канистра со спиртом. Береги ее как зеницу ока!

На что замполит-два ответил:

— Выздоровливай, Виктор, не беспокойся! Сохраним!

Оба политических руководителя (Муссолиев и Золотарев), командир полка Зверев, а также их заезжие друзья-приятели три недели радовались жизни. Счастье закончилось с последней каплей алкоголя. Когда Ломако вернулся из инфекционного госпиталя и заглянул в горлышко канистры, то с ужасом обнаружил, что спирта нет.

— Женя, а где спирт?

Муссолини разгладил усы и, хитро ухмыляясь, ответил:

— Васильич, ты канистру не закрыл. Наверное, забыл в горячке болезни. Она возьми и высохни. Я вчера приподнял ее, а там спирт на доньшке плещется. Усох, зараза! Лучше бы выпили, чем так бездарно добро пропало!

...Большую часть того спирта поглотил контрразведчик.

Мы с Артюхиным не стали приближаться к командованию, а встали у входа, разглядывая мрачную картину.

Сержант лежал ногами к оружейной комнате, а головой упирался в тумбочку дневального. Вокруг затылка образовалось широкое кровавое пятно. Над телом склонился начмед Дормидович, и после недолгих манипуляций он грустно вздохнул, констатируя:

— Мгновенная смерть!

— Где этот стрелок? Какого он призывает? — спросил Артюхин у командира батареи.

— Рахманкулов? Молодой солдат... — ответил Степушкин. — Только прибыл с пополнением.

— Над ним издевались? Неуставняк? Что тебе известно, Виктор, из всей этой истории? — посмотрел я с тоской на Степушкина. — Отчего он стрельнул?

— Да вроде бы не били. Врачи бойца осматривали, на Рахманкулове побоев нет. Черт! Не дожил Алаев месяц до дембеля!

— Куда девали недоумка снайпера? — переспросил Артюхин.

— В особый отдел забрали. Его допрос ведет Растяжкин, — уныло ответил капитан.

Медики уложили тело сержанта на носилки и унесли в медпункт. К нам подошел злой и угрюмый Подорожник, и все замолчали. Он хмуро посмотрел на лужу крови, огляделся вокруг и сказал:

— Степушкин! Кровь убрать, оружейку проверить и запереть! Офицерам и старшине батареи написать рапорта о происшедшем. Доложить, кому что известно. Ответственному по казарме во время происшествия, лейтенанту Прошкину прибыть ко мне в кабинет.

В штабе Прошкин пояснил:

— До подъема ночь прошла спокойно. Солдаты после дороги устали, и отдыхали. Никаких инцидентов не было. В полшестого утра лейтенант отправился в штаб к дежурному по полку и на ЦБУ (помимо ответственного по батарее, он был дежурным по артиллерии). В это время и случилось несчастье.

Подорожника, меня, Артюхина и Степушкина вызвали к Филатову.

В кабинете за длинным столом сидела «инквизиция»: Рузских, «кэп», «особисты», оба замполита полка. Закрывая большой стол, лежали раз-

вернутая карта Кабула и план полка. Рузских хмурился и был явно удручен случившимся.

— Через две недели прибывает комиссия и подобное происшествие нам ни к чему. Для гражданских министров узнать о расстреле будет шоком. Необходимо обставить события, как можно, приличнее. Ваши варианты? — спросил Рузских.

Мы переминались с ноги на ногу и чувствовали себя отвратительно.

— Может быть, обстрел позиций? — подал я несмело голос.

— Ростовцев, какой на хрен обстрел, если в голове пуля от АК-74? — возмутился Филатов. — От казармы до кишлаков больше полутора километров. Не долетела бы.

— За парком до сих пор стоит полковая колонна. Технику вечером заправляли топливом. В принципе, если бы его убили там, то можно было бы рассчитать необходимую траекторию выстрела, — неуверенно продолжил я.

— Так-так. Давайте развивайте свою мысль. Думайте, начальники! — поторопил нас полковник.

— А если сержант пошел проверять дополнительный пост у техники? — выдвинул свою версию Артюхин.

— Он дежурный по батарее, вот и направился осмотреть технику и охрану, — робко высказался Степушкин.

— Хорошо. Уже почти хорошо! — воскликнул замкомдива. — Где колонна? Сколько до Даруламана?

— Оттуда метров четыреста до ближайших афганских строений. Теоретически могли из развалин пальнуть... Могли от заграждений из колючей проволоки, — поддержал версию Подорожник.

— Как на схеме это выглядит? — еще больше заинтересовался Рузских, и «полководцы», тесня друг друга, склонились над планом.

После замеров, подсчетов начальство принялось оживленно обсуждать предполагаемый официальный сценарий для проведения следствия. Замполит полка-один Золотарев махнул рукой, чтоб мы скрылись с глаз. Когда он появился перед нами через полчаса, последние детали были уже уточнены.

— Товарищи офицеры! Понятно, что мы выбираем в качестве официальной — версию с обстрелом. Но за само происшествие спрошу с вас на полную катушку! Теперь решаем, что делать с солдатом. В полку он не жилец. Его азербайджанцы, земляки Алаева, уничтожат. Сегодня Рахманкулов ночует в санчасти, а завтра этого недотепу отправляем в дивизию. В медсанбате подлечит мозги. Подготовить документы, исключить из списков части, экипировать. Вывезти как можно быстрее. И главное — меньше болтать!

Артюхин не стал затягивать с убытием. Он быстро собрал вещи и на следующий день уехал домой в Россию. История с неосторожным убий-

ством Алаева завершилась отправкой тела на Родину и орденом — по-смертно. Повез тело в «Черном тюльпане» наш старшина роты Халитов. Другие офицеры сопровождать «груз-200» в горный азербайджанский аул не решились. Из такой командировки живым и здоровым славянину вернуться проблематично. Изобьют или убьют многочисленные родственники. Армян отвозят прапорщики армяне, грузин — грузины. Если убьют чеченца, придется Ошуеву опять ехать. Коздоева и Эльгамова он отвез лично, другие офицеры отказались.

* * *

Комбат представил меня батальону в новой должности и велел переселяться в его комнату. Я неохотно перебрался на опустевшую койку Артюхина. Что ж, жизнь идет своей чередой. Происшествия, трагедии, праздничные мероприятия. Вот опять запланированная пьянка. А куда денешься — традиция, ритуал... Чапай два дня молчал, ухмылялся, а потом спросил, собираюсь ли я вливаться в коллектив управления батальона?

После полковой вечерней проверки собрались комбаты и офицеры управления батальонов. Сели за столом в нашей комнате. Чествование проводили скрытно, соблюдая маскировку и конспирацию. Как всегда в период развернувшейся кампании борьбы за трезвый образ жизни. После четвертой рюмки слово взял Ахматов:

— Василий Иванович! Ну тебе и заместитель достался! Алкаш и дебошир!

— Рома, ты чего это, обалдел? — удивился Подорожник. — Кто? Ростовцев? Пьяница? Он, конечно, отъявленный разгильдяй, но трезвенник. Это ты напраслину возводишь на парня.

— Самый что ни наесть пьянчуга! А когда напивается, то орденами разбрасывается. Бухарик!

Подорожник удивленно уставился на меня, а я с укором посмотрел на Романа.

— Извини, замполит, но ящичка коньяка я так и не дождался, — усмехнулся танкист. — Дольше правду от своего друга Василия скрывать не могу! Совесть не позволяет! Месяц назад напился Никифор в моей комнате, да так, что не помнил, как ушел и куда орден Красной Звезды бросил!

— Почему не помнил! — возмутился я. — Все отлично помню. Как, Роман Романыч, ты меня к себе тащил, потому что у танкистов спиртное кончилось. Отчетливо припоминаю стриптиз на столе, девку голую в твоей кровати. Помню, не забыл.

— Молодец! — хлопнул меня по плечу Скрябнев. — Уделал «бронелобого». Правильно, нечего стучать на собутыльников.

— А он и сам бывший «бронелобый», танковое училище закончил, — смутился Ахматов. — Порядочные люди за стриптиз, между прочим, день-

ги платят, а мы пехоте бесплатно показали. Эх, хороша была Элька. Огонь-баба!

— Была? А шо так! Куда девалась? — участливо спросил Подорожник.

— Обиделась. Чертова шалава! Застал с начальником штаба, побил маленько, для профилактики. А она теперь из койки Светлоокова не вылазит. Гадина, наглая и бессовестная. — Романыч плеснул коньяка в стакан и с досадой залпом выпил. Офицеры сочувственно и ободряюще улыбались. — А вообще Никифор молодец! — продолжил Ахматов, поставив стакан. — Наконец-то у тебя, Василий Иванович, будет заместитель не только в полку, но и на боевых. Этот и в горы пойдет, и в «зеленку». А то уже четвертого получаешь политука за год. Одни теоретики. Резво ты, старлей, начал! Так дослужишься до начальника Политуправления какого-нибудь военного округа. Дай-то бог! Выпьем за это!

— Жизнь покажет! — нахмурился Подорожник и опустошил рюмку.

— А что со Светлооковым происходит, Рома? Что у него за проблемы? — поинтересовался Скрябнев.

— Гнусная житейская история. Драма, как в кино. Сейчас расскажу. Мне за Эльку на него обидеться нужно, а я его даже жалею. Понимаю: должен же кто-то утешить мужика. Одно обидно: почему утешает моя женщина? Что других баб в полку не мог найти, потащил эту к себе?

— Так что за история? — живо заинтересовался Подорожник.

— Грустно и смешно. Генка копил деньги, покупал жене подарки, почти ничего не пропивал. Пару недель назад он особенно заскучал и отпросился в Кабул. Решил домой позвонить. Международная связь, сами знаете, ужасно дорогая, но Геша не поскупился. Разменял Светлооков сто чеков на афгани, приехал на городскую телефонную станцию, каким-то образом объяснился с телефонистом. Звонил, звонил и дозвонился наконец в Благовещенск. Снимает трубку какой-то мужик. Спрашивает: «Что нужно?» Гена удивился, оторопел и говорит: «Позовите Елену!» А тот: «Ты кто?» «Это ее муж!» — ответил Светлооков. Мужчина на том конце провода засопел и злобно рявкнул в ответ: «Пошел на..., козел! Ее мужик в Афгане! Сейчас я ее муж!» И бросил трубку. Генка опешил. Приехал в полк ни жив, ни мертв. Пришел в комнату, а там Элька одна сидела в тот момент, я на совещании был. Геша поведал о беде. Выпили, покурили, выпили еще. Она расчувствовалась, пожалела и приголубила. Гады и сволочи. Меня-то за что обидели? Прихожу: лежат в кровати голые, пьяные, грустные и курят. Стол бутылками и окурками завален. Даже не смутились, наглецы! Налили мне стакан коньяка. Я выпил, собрал ее шмотки и вышвырнул за дверь. Дал ей сочную оплеуху и пинка под зад. А Генке приказал выметаться в комнату зампотеха. Теперь не разговариваем.

— Поучительная история, — задумчиво вздохнул Подорожник. — Но бывают промашки и хуже. Даже со старыми «зубрами» вроде меня! Гово-

рю всегда «сами с усами», а опростоволосился, словно «зеленый» лейтенант! Рома, помнишь, приезжал в полк ансамбль «Крымские девчата»?

— А как же! — ухмыльнулся Ахматов.

— Улыбаешься? Вот и я недавно улыбался. Хорошие девчатки, ядреные, сочные. Я после банкета Люську-солистку на руках нес к себе. Спьяну загнулся, уронил ее на лестнице. Ох, и пухленькая дивчина! Как она колыхалась со ступеньки на ступеньку! Пампушечка! А в постели хороша! Прислала мне позже из Ялты открытку: «Васенька, никогда не забуду наши жаркие ночи, эти счастливые мгновения. Навеки твоя!» Я, старый дурак, имею привычку читать книги, пользуясь закладками. Эту крамольную открытку, прочитав «Милый друг» Мопассана, случайно оставил на последней странице.

— И что? — засмеялся в предвкушении хохмы Скрябнев.

— А то! Мина замедленного действия! Уезжал домой Папа-Айзенберг, я его попросил пачку книг к тещеньке в Ташкент завести. Жена у меня тоже книголюб. Прочла книжку и ознакомилась с любовным посланием. А я-то думаю, что-то письма получаю уж больно холодные, почти официальные. Приехал, начал к жене моститься, а она и говорит, чтоб я вначале присланный роман прочел. Протягивает книжку, открываю — и сердце замерло. Эта злополучная «улика» на первой странице лежит. Пропал отпуск...

Никто, конечно, смеяться не стал. Присутствующие сочувственно хмыкали или понимающе кивали.

Теперь мне стало понятно, почему Подорожник вернулся из отпуска грустный и ходил словно «пыльным мешком» ушибленный. Не было прежнего командирского задора, рвения и пыла. Сохранилась только злость. Крепко, видимо, жена в отпуске нервы потрепала.

Спиртное, что закупили, выпили, но некоторым показалось этого мало. Роман пригласил меня и Василия Ивановича к себе в гости. Я не хотел идти, но комбаты настояли на своем:

— Никифор, ты знаешь, редко выпадает случай пить с будущим Героем! С нашим нынешним полковым Героем никто не пьет, в силу его нелюдимого характера. Детям и внукам впоследствии дома буду рассказывать про тебя.

— Пошли с нами! — улыбнулся Ахматов и, взяв меня под локоть, увлек за собой. — Не обижай отказом! И не дуйся на то, что я про потерянный орден рассказал.

В комнате Романа комбаты после каждой рюмки затягивались очередной сигаретой, и меня слегка замутило.

— Товарищи майоры! Я выйду, подышу! — сказал я и вышел из модуля.

На лавочке за углом домика сидел Светлооков и что-то грустно насвистывал. Он уставился на меня и спросил:

— Ростовцев! У тебя сто чеков есть с собой?

— Ну, есть! А что? — осторожно поинтересовался я.

— Дай! В займы на неделю! — попросил Гена.

Вспомнив о приключившейся беде Светлоокова, я не смог ему отказать и протянул деньги.

— Ой, спасибо! Выпить жутко хочется, а мы со Скворцовым получку уже прикончили! Быстро заходи к нам в комнату. Я мигом!

В помещении сидели командир роты Женька Скворцов и Элька. Оба дымили «Столичными» и молча слушали магнитофон.

— Никифор, тебе чего? — спросил Женька.

— Гена взял у меня денег, направил сюда, а сам побежал к работягам за водкой.

— А-а-а! Тогда заходи, очень рады!

Светлооков вернулся спустя пять минут и сразу без лишних слов разлил водку по стопкам. Залпом выпил содержимое своего стакана, достал пачку сигарет, закурил и задумался.

— Гена, да не грусти ты. Прекрати себя изводить, — похлопал его по плечу капитан Скворцов. — Совсем себя измучил. Вот посмотри на меня. Я ведь ни капли не печалюсь, хотя знаю наверняка, что жена мне с соседом изменяет.

— С каким соседом? — оживилась Элеонора.

— Да с майором, начмедом полка! Будь он не ладен!

— И ты так спокоен? — удивился я. — Непостижимо!

— А что беспокоиться? Она в надежных руках. Тем более я сам виноват. Мы с начмедом соседи по лестничной площадке семьями раньше дружили. Отправили Семена (соседа) в Афган на два года, а жена у него красавица и знойная женщина. Мимо равнодушно пройти тяжело. Просто невозможно не обратить внимания. Короче говоря, через полгода после отъезда дружка однажды под бутылочку и музыку мы с Валентиной согрешили. Потом еще раз и еще много раз. Полтора года я пахал на два фронта, в двух постелях. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Вернулся начмед, а гарнизон маленький, правду не скроешь, про всех знают. Ехидные бабы любят влезть не в свое дело. Какой-то гадюке приспичило раскрыть глаза мужу на измену жены. У него дома произошло небольшое сражение, побили посуду, цветочные горшки. Валька шикарный синяк под глаз получила.

— Тебе, негодяю, майор морду набил? Признавайся, сволочь! — со злостью в голосе спросил Светлооков.

— Нет, Гена. События развивались совсем по другому сценарию. Я уже получил предписание убыть в Афган. Ну, думаю, пронесло, уеду без скандала. Мне и самому перед Семеном неудобно. Не знаю, как в глаза смотреть, друзьями же были. Собрала жена вещи в чемодан, плачет, провозжая в дорогу, криком кричит. Я ей: «Дура, не хорони раньше времени!» Тут

звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит начмед с бутылкой водки. У меня в груди похолодело. Приглашаю войти, а жену выставляю из квартиры, к соседке. Она единственная, наверное, в городке про нас с Валькой ничего не знала. Сели мы с Семеном за стол, я закуску приготовил. Нарезал сало, колбаски, огурчики соленые, помидорчики, капуста. Грибочки всевозможные: грузди, маслята, рыжики...

— Ух, отменный закусон! — проглотил я слюну, представив все эти яства.

— Пьем, жуем, молчим, — продолжил рассказ Скворцов. — Выпили его бутылку, я достал свою из морозилки. Разливаю по стопкам, и тут сосед говорит: «Женя! Как ты уже понял, я знаю про тебя и Валентину! Нашлись доброжелатели, просветили. Ну, спасибо, удружил, сердешный... Ты эти годы услаждал мою жену, холил ее, лелеял, пока я в Афгане служил. Ну ладно, забудем... Слышал, Женя, ты теперь воевать едешь?» Я киваю головой, а самого в жар и в пот бросает. Понимаю, к чему он клонит! А сосед продолжает: «Ну, теперь, Женя, не обессудь. Моя очередь кобелировать. Служи спокойно, не переживай. Пригляжу за твоей супругой, будет в целости и сохранности». И так уверенно, гад, говорит. Улыбается недобро.

— Жека, не расстраивайся, на понт тебя брал медик, — попробовал я успокоить капитана.

— Если бы... С каждым месяцем письма реже и реже приходят. И те немногие как дежурные отписки. Последняя весточка — почти месяц назад... А раньше пару раз в неделю получал депеши. Мужик он видный и выгодный. Спирт, лекарства... Начмед такая же, как и я, сволочь...

Светлоков внимательно выслушал байку, но не повеселел. Наоборот, еще сильнее пригорюнился, нахмурился и ушел в себя.

Бедняга Генка Светлоков! Нельзя воевать с таким настроением! Пропали сто чеков. Зарекался же я не давать в долг перед рейдом. Гибнут все мои должники! Не везет им...

Глава 5

Расстрелянный стройбат

Тревога! Пропала колонна автомобилей строительной бригады. Стройбат отправился на девятнадцати КАМАЗах за щебнем и исчез. Похоже, заблудились и уехали к «духам». В карьере они не появились. Обратного в Кабул не возвращались. Затерялись в окрестностях Пагмана. Вскоре афганцы сообщили, что видны горящие машины в центре поля, вдали от трассы. Причем совсем в другой стороне от установленного маршрута.

Батальон быстро пополнили боеприпасами, продуктами и без лишних строевых смотров отправили на вертолетную площадку. Вертолеты

сменяли друг друга, унося каждые пять минут в горы очередной взвод. Людей разбили на группы по десять человек. Всевозможные списки и донесения офицеры составляли на ходу, а штабные забирали бумажки прямо на площадке.

Что случилось, никто толком не знает. Остались в живых строители или давно погибли? Примерное количество «духов» не известно, точный район высадки для нас не ясен. Начальство, конечно, основной информацией владеет, но почему-то до нас она не доходит. Одни недомолвки. Не хотят верить в масштабы этой трагедии.

К лежащим на бетонке солдатам подъехал «уазик», и из него выбрался важный начальник. Это был начальник политуправления армии. Я поспешил к нему и представился, доложил обстановку. Генерал махнул рукой и отправил меня обратно, начальство желало прямого общения с бойцами. Ну что ж, беседуйте. Следом за главным политруком армии из машины выбрался еще один не менее важный пассажир, которого не обхватишь и в четыре руки. Он был в отутюженном камуфляже без знаков различия и звезд на погонах, но вид имел начальственный. Ходил этот товарищ степенно, переваливаясь с боку на бок, заложив пухлые руки за спину. Неизвестный остановился возле первой роты, и Сбитнев вскочил для доклада. Солидный поздоровался, похлопал Вовку по плечу и отправился догонять генерала. Я громко расхохотался и ткнул Вовку в бок.

— Не догадываешься, кому ты представлялся?

— Ну? Кому? Полковнику или генералу. А что?

— Да нет, ничего. Это прапорщик Вася или Петя. Холуй-ординарец армейского ЧВСа (Члена Военного Совета). Рыло видишь какое солидное наел за годы совместной службы! Генерал его с собой в Афган привез, с ним и уедет дальше. Тоже ветеран войны будет, как и мы с тобой.

— А ты откуда его знаешь? — с сомнением спросил Володя.

— На сборах видел, он генералу портфель носил и его распоряжения выполнял. Вот умора! Командир боевой роты перед денщиком прогнулся!

— Гад ты! Мог бы предупредить!

— Не успел. Ты так шустро рванулся к нему, даже резина на ботинках задымилась! — рассмеялся я.

— Ну и рыло прапор наел! А солидный, ну прямо маршал! Породистый!

— За то и держат, за представительность, — усмехнулся я.

Батальон разместился по высотам, с которых можно было разглядеть убогие кишлаки, притулившиеся на крутых склонах. Виноградников было мало, но много ореховых деревьев и шелковицы. Витамины! В бинокль хорошо видны дома, дворы, домашний скот. Людей нет. Скрылись. Раз аборигены сбежали, значит, это они сотворили побоище, чувствуют за собой грехи. Первая установка командования: искать кого-нибудь из спасшихся солдат.

Артиллерия с площадки у шоссе обстреляла дальние горные хребты, авиация бомбила и наносила ракетные удары. Дымы от бесчисленных пожарищ в зарослях густого кустарника стелились по горным вершинам и столбами поднимались в небо. Ночь напролет артиллерия выбрасывала смертоносный груз через наши головы по невидимому противнику. Кто знает, попадают они в кого-нибудь или нет? Стрельба приятно радует, потому что понимаешь: ты не один, не брошен на произвол судьбы в «духовском» районе.

Утром десантники вошли в кишлаки со стороны долины, а наши разведчики спустились со стороны гор. Что-то взорвали, что-то подожгли. Изредка происходили скоротечные перестрелки. Авиация теперь летала уже где-то в стороне, и слышны были только доносящиеся издали глухие взрывы бомб.

Время текло медленно и монотонно. Мир вокруг словно замер. На ясном голубом небе ни облачка. Сентябрь в Центральной Азии — это не сентябрь на Урале. Солнечные лучи опаляли камни, колючки, одежду и, конечно, наши тела. Маревое раскаленного воздуха обволакивало укрытия, и не было никакого желания вылезать наружу — прочесывать кишлаки. Брезентовые накидки, натянутые над СПСами, оберегали от прямых солнечных лучей, но не спасали от духоты и зноя.

Новости поступали с каждым часом все ужаснее. Обнаруженные машины были сожжены «духами». Офицеры и солдаты найдены, но живых нет. Убиты, замучены, изуродованы. Многих из них сожгли в стоге сена. Некоторых бросили в огонь живыми. У строителей был один на всех пистолет, и у какого-то водителя под сиденьем лежали две гранаты. Постепенно выяснялись подробности этой жуткой трагедии.

Колонна сбилась с пути, какие-то афганцы указали дорогу, но не к карьере, а в мятежный кишлак. Местные жители, работавшие в поле, увидели легкую добычу и обрадовались. «Духи» схватились за автоматы, гранатометы и принялись расстреливать головной КАМАЗ. Он моментально загорелся. Замыкающие колонну машины попытались развернуться, сдать назад. Но из гранатомета подбили самую последнюю из них. После этого водители бросились врассыпную. Словно загнанную дичь на охоте, их расстреливали в упор. Раненых добивали прикладами, лопатами, мотыгами и прочими орудиями «мирного труда». Многих оскальпировали, кастрировали, некоторым вспороли животы... Лейтенант был скошен очередью, так как расстрелял всю обойму из пистолета. Прапорщик бросил одну гранату, а вторую не успел — застрелили. Машины подожгли, даже грабить не стали.

После этого побоища местные жители быстро покинули кишлаки и ушли, кто в горы, кто в Кабул. Второпях и скотину не увели с собой. Голодные, привязанные к деревьям и столбам ишаки, брошенные в спешке хозяевами, оглашали своим ревом окрестности.

Батальоны на следующий день спустились с гор в аул. Через него шел

маршрут к поджидавшей в долине технике. Жизнь после нашего посещения кишлака замерла окончательно. Коровы, лошади, ослы лежали всюду, тут и там, расстрелянные из автоматов. Это десантники выместили на них накопившуюся злость и ярость. После того как мы покинули поселение, крыши домов и сараев во дворах дымились и горели.

Черт! Эти жилища и не подожжешь толком. Одна глина и камни. Глиняный пол, глиняные стены, глиняные ступени. Горят только циновки на полу да плетенные из виноградной лозы и веток кровати. Убогость и нищета вокруг. Парадокс! По нашей марксистской идеологии тут живут как раз те люди, ради которых затевался пожар мировой революции. Это их интересы Советская Армия прибыла защищать, выполняя интернациональный долг. И все же мы для них оккупанты, чужеземцы и неверные. Собрать бы этих Брежневых, Сусловых, Громыко, Андроповых, Устиновых и т.д., даже тех, кто уже умерли привезти в такой кишлак и ткнуть мордой в этот бессмысленный кошмар. Спросить: зачем? почему? Какой социализм они собрались тут строить? Раскройте глаза! Напрягите старческие мозги!

* * *

Это был мой последний рейд, во время которого я совмещал две должности. Сменщик не прибыл, и я воевал с родной ротой. Офицеры ухмылялись, но были смущены резким изменением моего статуса. Я и сам чувствовал неловкость.

Командование задачу несколько изменило, и полк перебросили в Пагман, в прошлом живописный дачный район Кабула. Когда-то, еще не очень давно, до череды революций, переворотов и мятежей, это был цветущий край. Здесь размещались загородные дома-виллы, принадлежавшие иностранцам и местной знати. Сейчас остались от этого великолепия только остовы плохо сохранившихся зданий. Разруха, одним словом.

Мы вошли в один из дворцов. На отциклеванных паркетных полах рассыпана солома, а на ней разложены помидоры. Большая белая ванна до половины наполнена грецкими орехами. Бак газового титана старательно расстрелян автоматными очередями вдоль и поперек. Высокий зеркальный потолок холла зияет многочисленными выбоинами, а те стекла, что не осыпались, разбиты. Кто-то очень целеустремленно разрушал все вокруг. Оконные рамы вырваны, двери сломаны. В центре большой комнаты, на паркете, потухший очаг и казан на подпорах. Холл выгорел, в кухне нагажено. Вот она — деградация. Закончилась эволюция от обезьяны к цивилизованному человеку! Развитие пошло вспять, обратно к неандертальцу. Нашествие варваров из глубины мрачных веков.

Но стены этого дома были пока еще целы. А другие виллы взорвали или сожгли. Что-то уничтожили мы, что-то — «духи». Сады в запустении, фонтаны загажены. Гнетущая картина. Домой, скорей домой!

Я стоял у казармы и переругивался с Лонгиновым. Он в прошлом году был избран партийным «вождем» батальона. Теперь из-за неоформленной партийной документации его не отпускали домой. Бронежилет пытался эту писанину свалить на меня.

— Товарищ старший лейтенант! Старший лейтенант Калиновский прибыл на должность заместителя командира первой роты по политчасти! — громко доложил подошедший к нам круглолицый, голубоглазый офицер.

— Вот видите, Семен Николаевич! Не могу я доделывать за вас документацию. Сами разбирайтесь с Цехмиструком. Мне и за Артюхина бумажки переписывать и «хвосты» заносить, и за собой подбирать.

Я взял за локоть старшего лейтенанта и отвел в сторону, продолжая ехидно улыбаться Лонгинову.

— Коллега, а как по имени-отчеству? — поинтересовался я.

— Александр Васильевич, — ответил мой сменщик. — Я выпускник Минского училища позапрошлого года.

— Меня зовут Никифор Никифорович! Выходит, выпускались одновременно. Рад твоему прибытию. Такая сложилась ситуация, что я и тут и там, а в итоге нигде не успеваю.

Я подвел старшего лейтенанта к Сбитневу.

— Владимир Сергеевич, вот получите моего наследника и сменщика. Любите и жалуйте.

Сбитнев удивленно посмотрел на меня. Впервые за всю службу я назвал его по имени-отчеству. Он едва выдавил из себя:

— Спасибо, Никифор... м-м-м... Никифорович! Надеюсь, сменщик окажется не хуже предшественника. Возможно, даже лучше.

— Конечно. Будем надеяться, что через год он встанет на мое нынешнее место. Сменит на батальоне, — усмехнулся я в ответ.

В канцелярии я сложил большущей стопкой журналы, тетради, амбарные книги, блокноты, дневники, планы. Хлопнув ими по столу и выбив пыль из «макулатуры», я сказал:

— Вот, мое наследство! Написаны планы за август, сентябрьские составишь сам. Знакомься, осваивайся, обживайся. Дерзай, Александр!

Я пожал новенькому руку и, загрустив, вышел из казармы. Закончилась большая полная тягот, но и счастливая часть моей жизни. Были ведь и удачи. Можно сказать, что фортуна улыбалась мне до этого момента. Что же будет дальше?

Полк поразила эпидемия. До выхода в «зеленку» осталась неделя, а треть батальона скосила инфекция. Санчасть переполнилась. Санитарная машина каждый день увозила в госпиталь очередную партию пациентов. Их место занимали новые больные.

В батальоне заболело большинство офицеров и прапорщиков. Комбат лечился водкой и ежедневными физическими упражнениями на «стюар-

дессе», поэтому не заразился. Я долго боролся, но «вирус» сразил и меня. Поднялась температура, начался кашель.

Помещением для карантина по распоряжению командования стала стоящая на бугре, рядом с горами, казарма. Вышло так, что я болел, не отходя от рабочего места. Общий кабинет заместителей комбата находился тут же, напротив канцелярии роты. Когда Золотарев звонил по телефону, отдавая распоряжения, приходилось вставать с койки, бросать игру в карты и писать бумажки.

Окончательно уяснив, что выход на боевые действия под угрозой срыва, в наш мини-лазарет примчались Филатов и Золотарев вместе со штабной свитой. Командир полка хлопал дверями, топал ногами, разбросал по коридору ротную документацию, крыл больных отборным матом. Затем он сел на табурет у входа и спросил у Подорожника:

— Василий Иванович! Что будем делать, дорогой ты мой? Это катастрофа!

Командир вытирал большим платком пот со лба и лысины и шумно сопел. Подорожник сердито накручивал усы и нервно подергивал правой ногой. Что он мог ответить? Эпидемия — это словно стихия, как снежная лавина. Обрушится, не остановишь, пока не долетит до самой земли. Так и тут. Когда все заразившиеся переболеют, тогда и встанут в строй.

— Рейд нужно отложить на два дня. С кем идти? Ни ротных, ни заместителей! Солдат по половине комплекта. Войти в «зеленку» сумеем, а как потом оттуда выбираться? Надо докладывать командованию.

— Черт! Слушайте мой приказ, обалдуи! Жрать таблетки! Пить микстуры, ставить уколы, выполнять назначенные процедуры, но чтобы через четыре дня чихающие были на ногах! Кто не подыметя на пятый день, станет моим личным врагом, — прорычал Иван Грозный.

Командир отшвырнул табурет и с грациозностью африканского слона, сметая на своем пути мебель, умчался прочь. Золотарев невнятно промямлил что-то о сознательности, долге, чести, затем, переваливаясь с боку на бок, удалился. Штабные еще некоторое время позубоскалили, подшучивая над нами, и тоже ушли. Мы остались один на один со своей непонятной болезнью.

Чтение книг надоело, карты опротивели, анекдоты и байки закончились. Отлежанные спина и бока болели.

Однажды после обеда пришел в лазарет Виктор Бугрим, наш прапорщик. Он вернулся из длительной командировки в Ташкент, со слета комсомольских «вожачков» ТуркВО. Я этого своего ближайшего подчиненного давно ждал, чтобы нагрузить работой.

— Привет доходягам! — поздоровался Витек.

— Эй, прапорщик, не забывайся! — подал голос майор Вересков.

Бугрим заметил дремлющего рядом с зампотехом начальника штаба, приложил руку к груди и, смущаясь, извинился:

— Виноват, товарищи майоры! Это не к вам. Это вот ко всем лейтенантам, старшим лейтенантам и прапорщикам относится.

— И замполитов с нами лежащих касается? — съехидничал Вадик Хмурцев.

Бугрим нагло посмотрел на меня и Мелешенко и кивнул.

— И Ростовцев — доходяга? — продолжал уточнять Вадик.

Бугрим хмыкнул и ответил:

— Герои тоже бывают доходягами. Героями становятся, ими не рождаются. Может быть, он постепенно станет настоящим мужчиной. Вдруг и Героя дадут.

— А у тебя, Витюша, похоже, будущего больше нет. И исключительно по глупости и из-за длинного языка, — улыбнулся связист.

— Вадик, ты чего болтаешь? О чем ты? — удивился прапорщик.

— Виктор, ты сейчас издевался над своим главным и ближайшим начальником, — пояснил Вадим. — Ростовцев назначен замполитом батальона! Люби и жалуй! Ха-ха!

— Ха-ха-ха, — рассмеялись лежащие рядом офицеры и прапорщики.

Виктор растерянно озирался вокруг и непонимающе переспросил:

— Никифор — замполит батальона? Издеваетесь? Ладно, хватит разыгрывать! Он уходит в другой полк! Я точно знаю.

— Нет, Витюша, не Никифор, а теперь Никифор Никифорович! Или товарищ старший лейтенант! — продолжал насмехаться над Бугримом Хмурцев.

— Не может быть... — горестно вздохнул Виктор и сел на свободную койку.

Я завернул майку, почесал волосатую грудь и сказал:

— Ну что, подчиненный, пошли в кабинет, поговорим! Серьезно беседуем!

Бугрим пошел за мной под градом насмешек, обреченно шаркая подошвами ботинок.

— Садитесь, товарищ прапорщик, не стесняйтесь, — радушно предложил я.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант, за приглашение, — поблагодарил смущенный Виктор.

— Как будем дальше жить, Витек? — поинтересовался я, выкладывая из сейфа на стол комсомольскую документацию. Это был не сейф, одно название. Металлический ящик, доставшийся мне по наследству от предшественников. Только и годился, что для тетрадок.

— Как прикажете, так и будем жить, — вздохнул Бугрим. — Не хотите — расстанемся.

Виктор был растерян и не знал, как себя вести. В мою бытность замполитом роты мы частенько ругались. Он имел неосторожность пару раз «стукнуть» начальству на меня. Часто подкалывал и ехидно подшучивал надо

мной. Работа Виктора в батальоне заключалась в основном в организации застолий начальству. Поддай-принеси. Конечно, в рейды с батальоном он ходил, как положено. Но если Артюхин сачковал от войны, оставаясь в полку, то и Бугрима держал возле себя в гарнизоне. Прапорщик деградировал на глазах. Его использовали в качестве посыльного по магазинам и для подвоза девочек с торговой базы, причем пользовались его услугами оба замполита полка и даже партком. Мне такой помощник был не нужен.

— Виктор, главное условие совместной службы — прекращай «шестерить» в штабе.

— А шо, я напрашиваюсь? Вызывают, посылают, приказывают. Артюхин мастер в этих делах — достать, привезти, поднести, в койку подложить.

— Я лизать зад Золотареву не собираюсь и тебе не позволю. Хочешь нормально служить, оставайся. Нет — найду замену. Золотарев себе подыщет других «шестерок». У нас вон какой огромный батальон: пятьсот пятьдесят рыльников.

— Товарищ старший лейтенант! Заберите меня и не отдавайте политбоссам. Я, конечно, хочу остаться.

— Ладно, Виктор, вольно. При народе обращайся официально, по званию или по имени-отчеству. А между собой будем поддерживать по-прежнему товарищеские отношения.

— Уф-ф-ф, — облегченно вздохнул Бугрим, осознав, что «гроза» миновала.

— Бери свои бумажки и иди куда-нибудь, где нет инфекции, заполняй, исправляй, сочиняй, — распорядился я.

Виктор, обрадовавшись, схватил тетради, попрощался и убежал.

— Ну что, трахнул Бугрима? — засмеялся начальник штаба.

— Поиздевался немного. Ему полезно. Вон, какую он ряхку наел в Ташкенте. Теперь будет в горах и «зеленке» худеть. Быстро приведу его в чувство.

Сбитнев хитро улыбнулся и прошептал, обращаясь только ко мне:

— За перехваченную из-под твоего носа парикмахершу Витюше мстить не будешь? Простишь? Или теперь ее уступит тебе?

— Володя, пошел к черту. Кто о чем, а ты сразу все на баб переводишь. Между прочим, и тебе прощаю прошлые издевательства и гадости, — улыбнулся я. — Сегодня я словно Христос, добрый и всепрощающий.

— Это спорный вопрос, кто над кем больше издевался! Значит, мы с тобой на «вы» переходим? Думаю, скоро о нашей дружбе некоторые, высоко воспарившие, забудут.

— Дурак ты, Вовка, и уши холодные.

— Может, и дурак. В ответ оскорблять начальство не буду, промолчу, — сердито сказал Сбитнев и отвернулся к стене.

Лекарства ли, отдых ли помогли или время действия инфекции закончилось, но к установленному командиром сроку офицеры и прапорщики

выздоровели. Большинство солдат тоже поправились. Кое-кто продолжал чихать, но все встали на ноги и отправились в подразделения готовиться к опасному рейду.

В полк пришла трагическая весть. Погиб подполковник Жонкин. Заместителя начальника политотдела застрелила во время проведения стрельб какая-то машинистка. Нелепая и глупая смерть здорового, доброго, жизнерадостного человека.

Жонкин должен был проверить выполнение вольнонаемными женщинами упражнения по стрельбе из пистолета. У одной из стреляющих случилась осечка. Она спросила старшего на огневом рубеже штабного майора: «Почему пистолет не стреляет?» Тот велел перезарядить ей оружие. Но и второй патрон сделал осечку. Девушка крикнула: «У меня не получается! Не стреляет!»

Зам начпо подошел к ней и попытался успокоить: «Пробуйте еще раз!» Она вновь перезарядила с его помощью пистолет, нажала на спусковой крючок — осечка! Повернулась к подполковнику и говорит: «Вот видите, не стреляет!» И при этом вновь нажала на спуск. Бах! Выстрел в живот!

Жонкин скончался через несколько часов в медсанбате. Хороший был мужик. Душевный.

* * *

Мы познакомились с ним ровно год назад. На тот момент я был совсем «зеленым» лейтенантом. Роте во время очередной операции крупно повезло. Солдаты каждый день находили реактивные снаряды, мины, оружие. Извилистое ущелье открывало нам свои тайники с удивительной легкостью. Очевидно, несколько караванов прибыли совсем недавно, так плохо боеприпасы были спрятаны. Скорее всего через какое-то время эта масса смертоносного металла обрушилась бы на города и военные гарнизоны.

Мы осторожно подошли к развалинам домов. На окраине селения у огромного валуна лежали тела двух расстрелянных афганцев. Тут же валялся мертвый ишак. Один из убитых, видимо, сумел отбежать метров на пятнадцать, но не успел спрятаться в кустарнике. Возле окровавленного трупа мятежника валялся спичечный коробок. На этикетке была изображена карикатура: Горбачев колет большим шприцем в голову афганцу вакцину с надписью «коммунизм». Этого нарисованного афганца за руки держит Бабрак Кармаль — лидер НДПА (Народно-демократической партии Афганистана).

Я поднял спички и протянул командиру:

— Иван, взгляни, вот это оперативность пропаганды! У нас пока и портретов Горбачева на стендах нет, а тут уже на коробках рисунки и карикатуры на него.

Капитан Кавун прикурил трофейной спичкой и выбросил коробку.

— Ну ее к черту, а то, не дай бог, особысты заметят, объявят антисоветчиком, припаяют вражескую пропаганду!

— Да прекрати, ерунда все это! Из-за такой мелочи?

— Мелочь? Может быть! Но сейчас после скандала в восемьдесят первом полку контрразведчики взвинчены и напуганы.

— А что за происшествие? — спросил я удивленно. — Ничего не слышал.

— Ты еще много чего не слышал. Командир разведвзвода пьяный вдрызг поздним вечером шел через плац и наткнулся на замкомандира полка. Майор начал воспитывать лейтенанта, назвал его алкашом. Тот в ответ достал из кармана пистолет и выстрелил в грудь начальнику. Лейтенанта скрутили, отвели на гауптвахту, а чуть позже повезли в комендатуру. По дороге лейтенант накинулся на солдат-конвоиров, отбросил их от заднего борта и выпрыгнул из кузова. Проезжали они неподалеку от американского посольства, и, по слухам, «летеха» рванул туда, чтобы укрыться и попросить убежища (не знаю, правда это или нет, за что купил, за то и продал). Догнали беглеца, сбили с ног, связали и повезли дальше. Посадили в камеру. Скандал!

— И что было впоследствии? — спросил я, заинтересовавшись этим рассказом.

— А ничего! Меньше болтай, больше молчи и думай, живее будешь!

Солдаты быстро собрали три больших штабеля из ящиков с патронами и гранатами, выложили в ряд мины, выстрелы к гранатомету, принесли два ДШК и несколько запасных стволов к ним.

Четыре вертолета вывезли трофеи и двух пленных афганцев. Вскоре прилетел еще один борт, сел и тут же взлетел. Из вертушки выскочил кто-то с мешком и автоматом и быстро побежал к развалинам. Вертолет исчез за хребтом, а прибывший пассажир начал испуганно озираться вокруг. Взводы на ночь укрепились на холмах, гость нас не увидел в лучах заходящего солнца и растерялся.

Кавун послушал радиостанцию и, усмехнувшись, сказал мне:

— Это по твою голову проверяющий, по связи передали — замначальника политотдела Жонкин. Иди встречай!

Захватив с собой двух солдат, я спустился к хибаркам и проводил начальника к СПСам. Иван доложил проверяющему о результатах операции, об обстановке и пригласил его на ужин, успев тихо шепнуть мне:

— Шагай к бойцам, изображай политработу. Проводи беседы с ними, пусть начальник радуется.

Я расположился за камнями с тремя солдатами, рассказал последние новости, о которых прочел в газетах, пошутил немного и вернулся. Слышно было, как подполковник спросил, где я, и как ротный ответил, что на занятиях.

Жонкин улыбался, попивая чай вприкуску с сахаром, расспрашивал о роте, о трофеях. Он был тоже, как и я, новичок. В дивизию прибыл накануне рейда. Нашим гостеприимством и радушием он остался доволен. Кавун подарил подполковнику новый трофейный спальник, чем окончательно расположил его к себе.

Утром начальника вызвали на КП дивизии. Для этого предстояло пройти по ущелью несколько километров и подняться на горную вершину. Замначпо попрощался с каждым солдатом и офицером, крепко пожал руку Ивану.

— Товарищ капитан, кто будет сопровождать меня? — спросил у командира Жонкин.

— А замполит и проводит. Пойдет вместе с первым взводом, — ответил, улыбаясь, ротный.

Всю дорогу по извилистому пересохшему руслу реки, прыгая с камня на камень, подполковник инструктировал и наставлял меня. Но делал он это добродушно, с пониманием.

С хребта спустился взвод разведчиков во главе с лейтенантом Кузьминским. Заместитель начпо поздоровался с офицером и пошел наверх. На вопросы Острогина: «Что показали пленные, которых мы поймали? Сказали, где склады?» Витя Кузьминский, ухмыльнувшись, ответил, что почти ничего. Один замерз, а другой пошел пописать и сорвался в пропасть.

— Как замерз? — удивился я. — Жарко ведь?

— А на камнях спать холодно, — пошутил Виктор. — Ха-ха-ха! А если честно, то они не хотели разговаривать. Пришлось первому воткнуть струну в печень. Заговорил, но не с нами, а с Аллахом. Следов допроса от струны не остается, но очень больно. Крови нет, дырочка малюсенькая, но терпеть просто невыносимо. Слабый оказался, не выдержал. Второму — провод от аккумулятора присоединили к «головке» и крутанули ручку телефонного аппарата. Заговорил, но неразборчиво. Вырвался и побежал помочиться. Оступился и долго-долго летел, размахивая клешнями. Не повезло бедняге. Люди не птицы, летать не дано.

— Витя, а без пыток нельзя? Разве можно издеваться над пленными? — удивился я.

— Чудак, кто же сам, добровольно расскажет. Да ты еще трупы наших замученных бойцов не видел. Увидишь — перестанешь удивляться, — сердито ответил разведчик и полез вверх, догонять взвод.

— Черт, как в Азии все противно и непонятно! — вздохнул Серж, лежа за валуном и глядя в небо.

Мы решили подождать, прикрывая группу, пока разведка доберется до вершины. Чтоб начальство видело нашу неустанную заботу.

— Эх, жизнь-судьба! И зачем я здесь? Взял, из Германии добровольно поехал в Афган. Только потому, что перед ребятами неудобно. Я с немцами пиво пью, а многие мои друзья воюют. Вот и выбрал этот солнцепек.

А тут стрельба, убийства, пытки. А еще пыль, мошки, мухи, скорпионы. Черт бы их побрал, насекомых!

— Серж, мне кажется, ты случайный человек в армии! — усмехнулся я. — Не твое это дело — военная служба.

— Угадал. Если в Афгане карьера не сдвинется с мертвой точки, уйду из армии. К черту! Война, Никифор, — единственный шанс служебного роста при отсутствии блата и протекции.

— Я тоже приехал, чтоб никто не попрекал, будто я в тылу отсиживался. На войне служба «в гору не пойдет», уйду на гражданку. Связей у меня нет, да и не службист я.

— Никифор, не переживай, все будет у нас хорошо. Вон, посмотри, Жонкин как будто и не гнусный мужик, а стал заместителем начальника политотдела. Случаются еще исключения из правил.

Теперь это исключение из правил — Жонкин нелепо погиб...

* * *

Вместо рейда в «зеленку» около Мирбачакота я оказался на совещании политработников в дивизии. Впервые батальон воюет, а я сижу в штабе и протираю штаны на стуле. Вначале было выступление инструктора спецпропаганды, затем Балалаечник учил учету и списанию телевизоров и радиоприемников. Далее прибыл Севостьянов и накинулся на нас с упреками. Досталось трем майорам и капитану. Затем начальник политотдела стал задавать каверзные вопросы о происшествиях, преступлениях, неуставных взаимоотношениях, о потерях.

Один из майоров в конце доклада на вопрос Севостьянова о перестройке сообщил: в дивизионе перестроилось десять офицеров, что составляет пятьдесят процентов.

— А у вас сколько перестроилось, товарищ майор? — ласково обратился Аркадий Михайлович к сидящему впереди крупному майору-танкисту.

— Из восемнадцати офицеров — двенадцать! — бодро доложил тот.

— Хорошо, хорошо... — нахмурился полковник и ткнул пальцем в меня. — Что скажете, товарищ старший лейтенант? Перестроились?

Я растерялся от неожиданности: глупость-то какая! ЦК КПСС объявил о перестройке, и за полгода мы должны проделать то, не зная что. Даже высокое руководство не может объяснить, что конкретно мы должны сделать. Перестройка и всё.

— В первом батальоне работа по перестройке стиля руководства началась. Но перестроившихся нет, и я не готов пока что перестроиться. Мы из боевых на боевые. Нам не до этого. Как раньше пили, так, конечно, уже никто не пьянствует, но если кто-то из товарищей погиб или награду, звание обмыть надо — случается. Я сам орден и звание согласно воинской

традиции обмывал. Неуставные взаимоотношения встречаются реже, но не искоренены. Есть проблемы в межнациональных вопросах. Проблемы с оформлением наградных, штабы пачками их обратно возвращают...

Я не успел закончить свой рассказ о том, что накопело, как полковник подскочил ко мне. Вместо ожидаемого с холодком в груди разноса «шеф» обнял меня и воскликнул:

— Люблю я этого парня! За искренность, смелость! Ну не в бровь, а в глаз сказал! Некогда перестраиваться! Я и сам, честно скажу, еще не до конца перестроил стиль работы, а вы уже трещите о процентах! Халтурщики! Стыдно, товарищи политработники! Берите пример с молодежи! Они — наше будущее, наша смена! — Сказав это, полковник Севостьянов троекратно облобызал меня и, похлопав по спине, уселся, широко улыбаясь, в центре зала.

Сзади кто-то негромко произнес:

— Конечно, хорошо ему говорить об отсутствии перестройки! Только назначили на батальон, к Герою представили... Все как с гуся вода. А тут полгода до замены и пять лет в должности замполита батальона.

Я растерянно сидел и молчал. Не такой реакции ожидал я от руководства. Думал, что будет скандал. Я живо представлял себе, как разгневанный полковник возмущенно кричит, брызгает слюной, топает ногами в ответ на мое выступление. Но такого результата...

С хорошим настроением я ехал в полк после двухдневных сборов. Наш БТР, на котором политработники возвращались в Кабул, догнал на въезде в город полковую колонну. Хорошо, что рейд не затянулся.

В полку меня ждало трагическое известие. Погиб Витька Свекольников.

— Вовка! О чем ты говоришь? Как так разбился и упал в кяриз! Ты что с ума сошел? Как Витька оказался в колодце? — орал я на Сбитнева, схватив его за х/б и тряся из стороны в сторону.

— Никифор, отстань! Я виноват! Не уберегли! Глупо получилось, у самого в голове не укладывается, — растерянно оправдывался Сбитнев.

— Товарищ старший лейтенант! Докладывайте по порядку и внятно! — нахмурился комбат. Он еще вчера узнал о гибели солдата, но управление батальона находилось далеко от первой роты, и понять, что случилось на самом деле, ему было трудно.

— Товарищ подполковник! Солдаты увидели прячущегося «духа», бросили гранату в кяриз. Смотрим: автомат валяется, и ноги из бокового хода торчат. Решили достать оружие. Кинули «дымовуху» на всякий случай, чтоб отогнать от тела, если появится рядом кто-то из «бородатых». Свекольников самый худенький, вызвался достать ствол. Стал спускаться по парашютным стропам, сорвался и упал. Разбился. Вытащили, а он уже мертв.

— Подробный рапорт мне на стол через час, товарищ старший лейтенант! — рявкнул Подорожник и выставил Сбитнева из кабинета. — Бес-толочи!

Володя хмуро посмотрел на меня и вышел за дверь.

— Василий Иванович! Год! Нет! Пятнадцать месяцев в роте никто не погибал. Даже дико. Раненые были, но убитых в роте при мне ни одного. Такой замечательный парень был Витька Свекольников! Что теперь делать? С Витькиных рассказов я знаю все о его семье! Маму его жалко. Как ей объяснить, что он служил не под Улан-Батором (так Витька говорил своим), а в Афгане?. Как написать, отчего он погиб возле Баграма и каким образом он тут оказался? Профессорская семья русских интеллигентов.

— А что рабоче-крестьянской семье похоронку получить легче? — возмутился комбат. — Матери-одиночке получить извещение о смерти единственного сыночка проще? Тут мальчишки из простых семей, в основном деревенские парни. Один-единственный сын профессора попал в Афган, погиб, а ты создаешь вселенскую катастрофу. Конец света наступил! Гибель любого солдата — трагедия! Каждый день умирают хорошие парни: все они отличные ребята только оттого, что попали сюда. Подонки — это те, кто струсил, «закошил» и спрятался за их спины.

Комбат замолчал и задумался, глядя в окно. Дымящаяся, догорающая сигарета обожгла ему пальцы, он выругался, затушил ее в пепельнице и быстро выбежал из кабинета.

Глава 6

В «зеленке» танки грохотали, танкисты шли в последний бой...

Полковая колонна застряла в узких улочках убогого кишлака, на перекрестке трех проулков. Знакомый поворот налево. Испытание судьбы в третий раз. А еще говорят, нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Но я в третий раз стою возле этого порога в «зеленый ад». Задницей чувствую: будет жарковато. Головной танк опустил трал и медленно пополз вперед. И сразу взрывы! Один, другой, третий... Танк, шедший вторым, повернул пушку чуть влево и выстрелил. От точного попадания завалилась стена дувала. В ответ прилетела граната из РПГ. Второй выстрел из пушки — и гранатометчик затих. Но, как говорится, еще не вечер, а лишь хмурое осеннее утро.

В этот раз мы вышли из Кабула поздней ночью. Немного постояли возле полевого лагеря дивизии, и в темноте выдвинулись на исходную позицию. И теперь второй час не можем сдвинуться с места. Земля усеяна минами, фугасы через каждые десять метров. Я сидел на башне, примостившись на стволе пушки. Комбат, высунувшись из люка, кричал на командиров рот, злился и хмуро посматривал на меня, как будто я ему мешал. Чувствуя себя неудобно под его колючим взглядом, я спрыгнул вниз, подошел к Чухвастову и сказал:

— Вася, если Иваныч спросит, скажи, что я по ротам пошел.

Тот кивнул головой, не отрываясь от составления донесений, а я отправился к своим. Вот она, моя бывшая рота. Сбитнев хмуро поздоровался и отвернулся. Черт, я ведь теперь для него начальство! Жаль, что стал здесь посторонним. Перекинувшись парой ничего не значащих фраз с Ветишиным, я вернулся обратно. В это время разведчики пошли вперед, пробивать брешь в «духовской» обороне. Через пять минут они скрылись в тумане, и там завязался бой.

Комбат вызывал Пыжа, но его радиостанция почему-то молчала. В нашем тылу начали рваться мины. Танки вновь двинулись вперед. В голове мелькнула глупая и шальная мысль. Поддавшись ей, я трижды поплевал через плечо, поцеловал на счастье свой номерок и, пригнувшись, побежал по арыку под прикрытием брони. Справа высокий дувал, слева танк. Наверняка все должно получиться: доберусь до разведзвода. Если на мину не наступлю. В танк вновь попали из гранатомета, а по мне ударили из кустов автоматчики. Ага! Промахнулись! Я плюхнулся мордой в жижу неглубокой канавы, а когда выполз из скользкой, липкой грязи, то сразу же расстрелял два магазина по кустарнику. Танк встал и тоже несколько раз выстрелил. Я вновь спрятался в арыке и перезарядил магазины. Нельзя в «зеленке» бегать лишь с двумя полными рожками патронов. Хватит только на пять минут боя. Осторожно высунувшись, я начал стрелять прицельно короткими очередями по вспышкам из виноградника. Танкисты бабахнули по зарослям еще несколько раз, а потом открылась крышка командирского люка, и из танка высунулся Светлооков.

— Никифор! Привет! Что в первом батальоне воевать больше некому, кроме замкомбата? Или ты заблудился? — ехидно поинтересовался мой вчерашний собутыльник.

— Выходит, так! — рассмеялся я его колкой шутке. — А у танкистов обязательно начальник штаба впереди?

— Ну не впереди, а вторым иду, за взводным.

— И я не один, там разведзвод в тумане. Ползу к ним.

— Может, подвезти? — предложил Гена.

— Нет, спасибо, я пешком. Танкистом я был в прошлом. Хватит! Слишком много в тебя гранат летит!

— Как хочешь! — ответил Гена и начал управлять огнем обеих машин и палить в кусты из короткоствольного автомата.

Передний Т-62 мужественно принимал на себя удары. Ящики, покрышки, резина фальшбортов от прямых попаданий гранатометчиков отлетали в разные стороны. Ужас! Я взглянул на Светлоокова — и в этот момент он странно дернулся, обмяк и бессильно повис на люке.

— Гена, Генка! — крикнул я в отчаянии, но ответа не последовало.

Я приподнялся над краем дороги и увидел пулевые отверстия в его груди. Чуть ниже шлемофона стекала тонкая струйка крови, по лицу на

броню. Вскоре экипаж затянул тело внутрь машины, и танк начал медленно сдавать назад. Оставшись на дороге в одиночестве, я пополз на четвереньках к разведке. Лишь бы они были живы. А то попаду в лапы к «духам». Нет! Впереди кто-то стрелял из пулемета! В старой воронке от авиабомбы лежал Гостенков и молотил из ПК по развалинам. Молодец, землячок! Второй пулеметчик палил сквозь пролом, в заросшее сорняками поле. В кустарнике сидели бойцы, заряжавшие ленты и магазины.

— Эй, вы, разведка! Почему связь молчит? — завопил я на них.

— Связист убит! Еще двое ранены! Вон они в траве, — сказал Шлыков с горечью.

В высокой полыни лежали окровавленные, перебинтованные тела. Двое стонали, третий молчал.

— Где Пыж? — продолжал я расспрашивать сержанта.

— Пыж с Тарчуком и Вакулой немного дальше, там впереди, сбоку от танка. — Сержант показал рукой место, где не видимые мне прятались остальные разведчики.

— Больше никого? — спросил я.

— Это весь взвод. На броне еще пятеро, но они отстали. Танк им мешает. Он ползет почему-то назад. И чего он уезжает? — удивился сержант.

— Танкист, начальник штаба ранен. Надеюсь, что только ранен, — тяжело вздохнув, пояснил я.

Черт бы побрал этих полководцев! Опять идем одной колонной. Техника растянута в цепочку, машины мешают друг другу, а «духи» отовсюду расстреливают батальон. Неужели нельзя развернуть броню в линию и смести к чертовой бабушке эти хибары? На одни и те же грабли который раз наступаем?! Меняются командармы и комдивы, сохраняется только бестолковая тактика. Каждые полгода пробиваемся к этим заставам у канала, раз за разом теряем людей и технику. Зачем тут эти посты? Какой к черту контроль над территорией? Блеф! Они и себя-то толком оборонять не в состоянии без помощи авиации и артиллерии. «Духи» ходят под самым боком, а наши и носа высунуть не могут: их там по двадцать-двадцать пять штыков. Сила? Смешно!

Если хотим взять власть в свои руки, то танки и БМП — в цепь и крушить все по пути. Сровнять с землей это осиное гнездо. Жечь, взрывать, вырубать, расчищать, подрывать, разрушать. А если нет, то незачем сюда было и приходиться! Вывести ребят — и делу конец. Мои размышления прервал раздавшийся совсем рядом противный визг и следом разрыв мины. Сейчас накроют!

— Эй, вы, прячьтесь! — приказал я молодым солдатам. — Обороняйтесь и охраняйте раненых! Остальные вперед, к Пыжу!

Бойцы нехотя поползли вдоль канавы.

— Что делать с рацией? — спросил связист.

— Дай послушаю, — ответил я, надевая наушники.

Комбат в ярости рвал и метал. Взвод час как исчез из эфира. Молчал, будто полностью погиб.

— Я «Ударник-300», прием! — отозвался я в микрофон своим позывным.

— «Ударник-300», не встрейвай! Чего тебе надо?

— Я нахожусь с «Габоем». — Это был позывной Пыжа.

— Какого хрена? Как там очутился? Где вы находитесь?

— Ногами пришел! Так получилось!

— И что там происходит? Доложи обстановку. Почему они молчали? — продолжал распалиться комбат.

— «Карандаш-связист 021-й» и еще пара «200-х».

Это означало, что солдат-связист убит, и еще пара солдат ранены.

— Дела плохи. Их старший впереди. Ползу к нему, — доложил я.

— Пробирайся быстрее, и пусть он со мной поговорит. Я ему устрою игру в молчанку! — рявкнул Василий Иванович.

Я полз, извиваясь в густой траве и чихая от запаха пыльцы полыни, на звуки выстрелов, а за мной — разведчики.

Пыж нашелся быстро. Он отстреливался из неглубокой ямки от наседавших мятежников. Рядом лежал снайпер, улыбающийся рваными губами. Эти раны обезобразили лицо солдата еще год назад, но он по-прежнему был переполнен жадной мести и страшен в своем воинственном бешенстве.

— Тарчук, много «духов» уложил? — поинтересовался я.

— Четыре — точно покойники, один, кажется, ранен, — отозвался снайпер.

— Неплохо. Спецназ, даже если и бывший, все равно спецназ! — усмехнулся я. — Коля, ответь Подорожнику, он тебя готов убить. Связи не было около часа.

— ... твою мать! Не может быть! — удивился взводный.

— Связиста убили, а остальные бойцы не отвечали. Ты почему к ним обратно не вернулся? — спросил я взводного.

— Бросить танкистов? Им давно была бы крышка. Я устал толпы «духов» от них отгонять.

— Бери рацию и объясняйся, — и я пополз мимо снайпера к узкому перекрестку.

— Гостенков, не отставай от замполита! — приказал Пыж солдату и взялся за микрофон.

Я присел на корточки, чтобы на полусогнутых ногах проскочить открытое пространство, и сразу попал под перекрестный огонь. Стреляли четверо «духов», выбежавших в этот момент из больших ворот. Они хотели подкрасться к нам с правой стороны, но мое появление спутало их планы. Очередь навскидку в центр группы. Один упал. Но и мой автомат перестал стрелять. Дьявол! Патронов в магазине оставалось штук пять. Я упал на спину и перекатился в другой арык. Там, где кончалась эта ка-

нава, лежали «духи», и я был для них как на ладони. Пустой магазин отброшен в сторону, другой я тотчас достал из лифчика. Нет, не успеть перезарядить! В эту секунду у противоположной стены присел на колени выбежавший Гостенков и выстрелил по «бородатым».

Бах-бах! И пулемет смолк. В пулеметной ленте оставалось лишь два три патрона. Гостенков во весь свой огромный рост плашмя шлепнулся в глубокую лужу. «Духи» очередями из автоматов прижимали нас к холодной земле, желая превратить ее в могильную. Третий бородач торопливо перезаряжал гранатомет.

Тр-р-р-р. Длинной пулеметной очередью выскочивший из кустов Лямин скосил гранатометчика и загнал остальных за ворота. Афганцы затащили трупы во двор и закрыли створки. Своих не оставили. Молодцы! Сволочи, но молодцы! За стеной раздался треск сучьев. Я швырнул «эфку» за этот дувал. Бу-бух!!! Вторую надо бы оставить себе напоследок, но в этой «мясорубке» меня найдет и «духовская» пуля. Бросок — и другая граната гулко хлопнула, послышались истошные вопли. Не только мы несем потери. Это радует. Разведчики, словно затравленные охотниками волки, огрызались огнем во все стороны, будто «серые» хищники щелкали клыками. Мои патроны давно закончились, и боец через тропу бросил мне магазины. Расстреляв все, я возвратил их обратно пустыми.

— Товарищ старший лейтенант! Патроны в мешке кончились. Это последний магазин, — предупредил Гостенков, швыряя очередной полный рожок.

— Спасибо за информацию, — ответил я, досадуя.

Пыж перебежал через дорогу и упал рядом со мной. За ним последовали остальные солдаты. У Вакулы в мешке был запечатанный «цинк» патронов, но другого калибра. Для АКМа. Шлыков вскрыл металлическую коробку и принялся набивать магазины. Жаль, но к моему автомату они не подходили. Бойцы выделили мне вместо патронов три гранаты. Разведчики повели беспокоящий огонь короткими очередями. За пятнадцать минут треть запаса улетела в сторону душманов.

На наше счастье, танки вновь двинулись вперед, а за ними пошла броня разведчиков. Огнем из нескольких автоматических пушек большинство очагов сопротивления подавили. Видя, что перевес на нашей стороне, банда снялась с позиций. Головной танк, поддержанный пехотой, пошел вперед гораздо быстрее. Поползли сбоку и мы. Вот он, этот долгожданный поворот к заставе! Сто метров до цели. Башня танка на моих глазах приняла на себя еще один выстрел из гранатомета. В добавок ко всем бедам под траками взорвалась очередная мина. Спустя секунды рядом с гусеницей разорвалась еще мина, выпущенная из миномета. Затем я увидел происходящее как в замедленной съемке: осколок на излете воткнулся в голову механика, и поток крови залил его лицо. Солдат несколько секунд сидел неподвижно, а затем завалился назад. Машина заглохла. Второй танк

объехал неподвижный Т-62 и, стреляя без остановок, двинулся к посту. Остальная колонна последовала за ним. Подбежавшие медики под огнем «духов» вытянули механика из танка и затащили к нам в арык.

Сероиван грустно посмотрел сначала на меня, потом на Пыжа, немало помедлил и произнес:

— Готов! Отмучился. Когда вытаскивали, он еще хрипел, теперь не дышит.

Шальной осколок влетел в приоткрытый люк и нашел свою цель. Очередная жертва войны.

— Почему люк-то был не закрыт? — размышлял вслух медик.

— Да потому, что иначе механика от взрывов мин и фугасов под давлением расплющит о закрытую крышку люка. И так смерть, и иначе, получается, тоже гибель, — вздохнув, пояснил Пыж.

Разведчики побежали дальше, а с ними и я. Вот и долгожданный пост. Солдаты с заставы стреляли за канал, не жалея патронов, обеспечивая нам прорыв. Но «духи» не собирались окончательно уходить, не сделав какую-нибудь пакость на прощание. Они продолжали обстрел из миномета, «безоткатки», гранатометов. Но все в конце концов когда-нибудь заканчивается. Бой стих.

Я положил автомат на борт БМП, снял нагрудник и принялся чистить маскхалат от засохшей грязи и налипших колючек. Разведчики заряжали магазины, набирая горстями патроны из «цинков», и наполняли опустевшие мешки россыпью. Им предстояло вновь идти вперед, к следующей заставе. Солдаты работали быстро, дело спорилось, но лица у них были хмурые и испуганные. Так бывает всегда, когда начинаются потери. А как иначе? Вчера вместе ели, вместе курили, шутили. А сегодня одного в морг, двоих в госпиталь. И кто будет следующий — неизвестно!

Пыж громко матерился, поторапливая бойцов.

— Начало движения запланировано через полчаса. Мартын и Молдован, Шлыков, идете первыми, затем я. Гостенков, берешь радиостанцию, теперь ты основной связист, — распорядился взводный. — Тарчук, Лямин и Вакула в замыкании. — Солдаты, не прерывая работы, слушали и молча кивали головами.

— Замполит, с нами дальше пойдешь или как? — спросил Пыж.

— А я тебе нужен? — усмехнулся я.

— Лишний ствол никогда не помешает. Никифор Никифорыч, если можешь и хочешь, составь компанию! — попросил Николай.

— Хорошо. Сейчас встречусь с комбатом, узнаю его мнение. Сдается, что он будет нами сегодня крайне недоволен, — кивнул я в сторону Василия Ивановича, который с грозным видом надвигался на нас от командирской машины.

Так и получилось. Встреча началась с громкого мата.

— Пыж! Какого х... ты так долго не выходил на связь? Почему станция молчала? Почему Ростовцев за тебя работал?

— Связиста убили, а я был далеко впереди. Лежал под шквальным огнем, — пробормотал, слегка заикаясь, взводный.

— Я не спрашиваю, под «кем» ты лежал и сухие ли у тебя штаны! Все мы были под обстрелом, а не на пляже! Не надо выпячивать свое геройство. Меня интересует: почему не было связи?

— Солдаты растерялись. Рядом со станцией находились молодые ребята, только из учебки. Перепугались, балбесы, — объяснил Николай.

— Я не спрашиваю «почему»! Я требую ответа, отчего не была организована устойчивая связь! — рывкнул комбат. — Я хочу знать, почему на меня орут по очереди Филатов, комдив, командарм, а я не знаю обстановку, не могу доложить! Почему?

— Товарищ майор, я это и пытаюсь вам объяснить! Была такая ужасная бойня! Пекло! У замполита спросите! — оправдывался разведчик.

— Не у замполита, а у старшего лейтенанта Ростовцева! Иногда разрешаю обращаться по имени и отчеству! — оборвал взводного Чапай. — Пора научиться соблюдать дистанцию и субординацию.

— Виноват. Спросите у старшего лейтенанта Ростовцева!

— И спрошу! Ростовцев, за мной! — прорычал Василий Иванович и потянул меня за руку в сторону заставы. Мы отошли к капониру с пулеметной установкой и присели на поваленное дерево.

— Объясни, какого хрена ты оказался с разведвзводом? — понизив голос, спросил комбат, глядя на меня с нескрываемым интересом.

Он достал сигарету, спички, но, сломав подрагивающими руками одну за другой три штуки подряд, бросил это бестолковое занятие. Иваныч вынул из кармана зажигалку и жадно прикурил. Он глубоко затянулся, закашлялся, а затем привалился спиной к стене, пытаясь расслабиться и успокоиться.

— Рассказывай! Почему ты шатался по кишлаку с Пыжом?

— Ну, так получилось! Постоял с управлением, побывал в первой роте, слышу: впереди стрельба. Я ведь и за разведвзвод теперь отвечаю. Связи с ним нет, вот и пробрался к разведчикам. Само собой получилось. Подошел к танку, танк поехал. Я, прикрываясь броней, пошел рядом. Танк стрелял, я стрелял. Танк полз, и я полз. Смотрю — а вот уже и разведка. Связь восстановил и наладил управление, — пересказал я вкратце события прошедшего боя.

Комбат выпустил изо рта клубы дыма и прикрыл глаза. Казалось, он заснул. Сигарета тлела, столбик пепла увеличивался, Чапай молчал, будто задремал. Умолк и я.

— Ну, чего затих, продолжай! — произнес он, не открывая глаз.

— А чего рассказывать... Стрельба, разрывы, обстрел со всех сторон. «Бородатых» — толпы, как тараканов ночью в солдатской столовой. Не

счесть! Ужас! Еле отбились! Светлоокова зацепило насмерть или живой? На моих глазах его ранили.

— Когда повезли в медсанбат, еще дышал. А что будет дальше — неизвестно, — ответил Подорожник. Он стряхнул пепел в траву, затушил о стену окурков и задумчиво посмотрел в сторону афганского кишлака.

— Товарищ майор, мне с кем дальше идти? Разрешите с разведчиками? — спросил я осторожно.

Подорожник прервал свои размышления и удивленно посмотрел на меня.

— Ты это серьезно? Не шутишь? Никифор, тебя назначили на должность замкомбата, а ты хочешь быть замполитом разведвзвода!

— Ну почему же? В отдельных взводах надо работать? Вот я в них и работаю.

— Хорошо, тогда иди работай с «обозом»! Взвод обеспечения — самая большая клоака батальона. Три прапорщика командуют, еще зам по тылу Головской, а толку никакого, — хмуро произнес Подорожник.

Я замолчал, а комбат продолжил отчитывать меня:

— Ты эти свои анархистские штучки брось! Чтобы я в последний раз видел тебя в драном маскхалате бегающего по кустам.

— Понятно. Переоденусь в новый.

— Опять двадцать пять! Издеваешься? Кстати, знаешь, что майора Степушкина ранило?

— Нет, не знаю. Как это получилось? Сильно зацепило?

— Левое бедро осколком располосовано. Я в люке сидел командирском, а он за башней с радиостанцией примостился. Докладывал в дивизию обстановку и вдруг как заорет! Метрах в пятнадцати мина взорвалась, ее осколок отлетел, и мышцы будто бритвой распорол. Ранило на машине только его одного. Тебе лично приказываю — надеть бронежилет, хватит строить из себя бессмертного!

— Товарищ майор! Проанализируйте, кого и куда сегодня ранило? Двоих бойцов в голову, разведчика в шею, Степушкина в бедро. Какой толк от бронежилета? Только бегать мешает. Башку чем защитить?

— Каску одень! — рявкнул Подорожник и демонстративно нахлобучил на себя обшитую масксетью каску. Как будто для примера.

— А Светлоокову в лоб попала пуля, — продолжал я отговариваться.

— Приделай к ней забрало или стальной козырек. Что хочешь делай, но ходи в каске и броннике. Будь образцом для других! Прекрати пререкаться!

— А ноги? Степушкину ногу распорол.

— Можешь и на ноги, и на яйца защиту прицепить, но приказываю воевать как положено! Выполнять требования командования! С тебя теперь пример должны брать, воспитатель батальона! А пока что ты только непутевый образчик дурных привычек.

Я молча сопел и кивал головой, но выполнять все эти дурацкие требо-

вания, конечно, не собирался. Хорошо, что в полусапожках пошел в рейд, не то за рваные кроссовки досталось бы еще больше.

— Так что, можно идти с Пыжом? — продолжал я осторожно гнуть свою линию.

— Черт! Я ему про Фому, а он мне про Ерему! Ступай хоть с самим чертом! Ладно, дойдешь до следующей заставы, и назад. Управление будет тут находиться. Должен же у меня быть хоть какой-то заместитель? Пусть и непутевый. Зам по технике в рембате застрял! Зам по тылу в батальоне обеспечения что-то достает! Зам по строевой в полку бумажки партийной документации заполняет! Заменщика, видите ли, ждет. Деятели! Одни деловые! А воевать кому? Мне?

— Я что, в штаб дивизии отпрашиваюсь уехать? — огрызнулся я. — Вперед иду, под пули!

— Вот я и говорю: бегом, туда и обратно! Хватит заниматься с пятью бойцами! Комиссар! В нашем батальоне пятьсот человек! Не забывай!

— Понял, товарищ майор! Буду работать со всеми. В следующий раз пойду со второй ротой.

— Вот-вот! Арамов только назначен, и Шкурдюк после болезни. Правильно, им и помогай. И перестань ты повторять «товарищ майор, товарищ майор»! Ты — мой первый помощник! В неофициальной обстановке можно Василий Иванович. Да и вообще, я уже неделю как подполковник. Только еще не объявили полку об этом и погоны не вручили.

— Поздравляю, товарищ подполковник, — улыбнулся я и пожал руку комбату.

— Тьфу-тьфу! Я о чем говорил только что? В неофициальной обстановке — по имени-отчеству!

— Виноват. Товарищ майор. То есть подполковник. Тьфу, Василий Иванович, — сплюнул я на землю от досады за свою неловкость в общении с комбатом. Еще месяц назад он меня «топтал» и постоянно «дрючил». А полгода назад буквально «изничтожал и по стенке размазывал». А теперь — Василий Иванович! Чудно и непривычно.

— Ну вот, вдобавок плюнул на меня, — усмехнулся Подорожник на мое произвольное «тьфу».

— Да, не на вас, а в сторону. Это я от неловкости ситуации. Не привык к сокращению дистанции между нами и изменению своего статуса.

— Вот-вот! Быстрее привыкай. Надоело мне за всех работать, — нравоучительным тоном произнес комбат. Он встал и побрел на заставу, сильно сутулясь. Дед! Как есть старый дед!

Сил у «духов» на дальнейшее сопротивление не хватило. Да и зачем драться до победы? Работала обычная их тактика: укусил — убежал. «Укусить» на этот раз удалось многих! Трое убитых, четверо раненых. Но они и сами, пожалуй, с десятков «боевых штыков» лишились.

До второй заставы мы прошли без проблем. Лишь у третьего поста из-за канала несколько раз выстрелил миномет и быстро замолчал, задавленный огнем наших орудий. Армейская и дивизионная артиллерия вновь яростно обрушилась своей мощью на кишлаки за большим каналом. Авиация несла смерть с воздуха несколькими волнами: вертолеты, штурмовики, бомбардировщики наших и дружественных нам афганских ВВС.

Не хотел бы я оказаться на месте «бородатых», под бомбами!

Я вернулся на командный пункт после второй «прогулки» с разведчиками и тихо лег в десант брони на свой матрас. Проспал я почти двенадцать часов. Вставать не хотелось. Я просто лежал, тупо уставившись в бронелист, и размышлял о превратностях жизни. Жутко болела голова, слегка тошнило. Сказывались звуковые удары по ушам и голове во время близких разрывов мин и выстрелов пушек.

Комбат прервал мой затянувшийся отдых и вызвал к себе в «санитарку».

— Комиссар! Не желаешь отправиться во вторую роту? Они сейчас вместе с гранатометным взводом от шоссе заходят в «зеленку». Ты вчера намекал, что мечтаешь об этом. Скоро прибудет зампотех, вместе и отправляйтесь к Араву.

— Всегда готов! Только таблеток возьму у Сероивана и поеду, — ответил я Подорожнику.

— Что, с мозгами не в порядке? — участливо спросил Иваныч.

— С мозгами все в порядке, но голову немного контузило. Болит. Чуть-чуть подташнивает.

— Это пройдет. Чему там болеть? Знаешь, есть такой анекдот. Пассажирский самолет разбивается вблизи аэродрома, земля вокруг дымится, горит. Спасатели примчались и из-под обломков достают только одного живого человека. Генерала, замполита! Он стряхивает с мундира пыль и пепел, а врачи спрашивают: «Пассажир, что у вас, какие ранения?» Он в ответ: «Никаких царапин нет, цел и невредим». — «А голова не болит, товарищ генерал?» Генерал, постучав кулаком себе по лбу: «А чего ей болеть, там же только кость?!» Так и у тебя, комиссар! Голова поболит и пройдет, там ведь просто кость!

— Любите вы, Василий Иванович, над политработниками издеваться! — обиделся я. — К тому же я не генерал. Лобная кость у меня пока тонкая.

— Да нет, это не только тебя касается, а всех нас. Согласен. Моя лобовая броня толще твоей, и намного. Я уже подполковник!

Три миномета били очередями по населенному пункту, расчищая дорогу пехоте. Хорошая штука этот «Василек»! Кассету из мин выплевывает за несколько секунд, знай себе, их меняй — перезаряжай. (Главное — по своим не лупануть.) Разрывы кучно взметались вблизи дороги, скаши-

вая и вырубая виноградники. Земля и зелень поднимались в воздух, а там перемешивались и осыпались, стелясь ровным серым ковром.

«Духи» предпочли уклоняться от открытого боя. Возможно, что по разработанному плану они собрались в один мощный кулак и оказывали сопротивление лишь в первый день.

Рота вошла в «зеленку» двумя колоннами, выставила посты. Мимо нас, проревев моторами бронемашин, ушли к далекой заставе разведрота и танкисты. За ними поехали грузовики с продуктами, боеприпасами, а также молодыми солдатами. Эти юнцы отправились менять увольняемых в запас «дембелей». Бедным парням предстояло просидеть два года безвылазно в «зеленом аду», в окружении врагов. Если, конечно, не ранят или не подхватят какую-нибудь гнусную инфекцию. Госпиталь — единственное разнообразие в армейской жизни. А так, впереди два года «строгого режима». Бедолаги...

* * *

Меня разбудил громкий крик осла и солдатский смех.

— Товарищ старший лейтенант, все нормально, не беспокойтесь, — стал успокаивать меня сержант.

— Абдуллаев! Чего несчастный осел орет? Как будто вы его кастрируете! — ругался я на солдата.

Сегодня, наконец, перестала болеть голова. Это хорошо! Измученное тело понемногу воскресало к жизни. Я думал, что еще раннее утро, а оказалось, что время приближалось к полудню, но почему-то никто меня разбудить не удосужился.

— Абдуллаев, почему не подняли к завтраку? — продолжил я распекать сержанта.

— Не разбудили, потому что взводный не велел. Сказал, что вы устали после боя и голова болит. А ишак этот дурацкий сам не знает, чего орет. Нецивилизованный. Дикая скотина. Фотоаппарата никогда, наверное, не видел. Мы на нем фотографируемся, а он верещит, сволочь безмозглая.

— Не дергайте животное за хвост, он и успокоится. Хлеб есть? — спросил я.

— Есть.

— Неси буханку или сухарей. Он как миленький у нас позировать начнет. И майора Верескова позовите.

Освободив хвост, ишак замолчал, а спустя пять минут окончательно успокоился. Животное принялось пережевывать кусок черствого ржаного хлеба и хрустеть заплесневевшими сухарями.

— Никифор, чего звал? — спросил подошедший Владимир Васильевич.

— Предлагаю сделать фото на память о Востоке. Экзотика! Верхом на осле! — предложил я.

— С удовольствием! А то снимки только на фоне развалин. Мои до-

ченьки просили прислать фотографию с верблюдом. Но и осел подойдет. Достаточно, в принципе, и его.

Животное мучили до тех пор, пока пленка не закончилась. Вечером его подарили, вернее обменяли у «царандого» на консервы. На кой черт он нам сдался? Кормить прожорливого и крикливого надо...

Зампотех впал в сильную меланхолию. Играл на гитаре, негромко пел и что-то записывал в тетрадочку, при этом шевеля губами. Много думал, тяжело вздыхал, разговаривал сам с собой...

— Владимир Васильевич, что вы там пишете? Записки с фронта? Афганская проза?

— Ты будешь смеяться, Никифор, но я сочиняю стихи и, на мой взгляд, неплохие романсы.

— Что-что?

— Романсы. Да и сонеты порой получаются неплохо.

Проклятье! Этого только батальону не хватало! Пропала наша техника! Если зампотех сочиняет сонеты, романсами увлекается, то беда! Я заметил: козь технарь непьющий, трезвенник, значит, машины не любит и заниматься ими не будет. Тем более поэт. Пьяница, этот да! Такой обычно стакан спирта «залудит» — и в двигатель. Ему в железках покопаться — хлебом не корми — в радость. Руки по локоть в масле, сам в мазуте, а машины исправны, обслужены, отремонтированы. Полный порядок! Пусть всегда пьян, но работает. А лирик — это не зампотех, это мэка комбату. Любителя выпить с технарями-прапорщиками, старого зампотеха Ильичева, Подорожник еще не раз вспомнит добрым словом. Эх! Лирик-меланхолик. Глядишь, и за баллады возьмется... Не убили бы рассеянного!

Глава 7

Имитация вывода войск

Ранним утром комбат вернулся из женского модуля. Включил греться электрический чайник, побрился, подстриг у зеркала торчащие усы, сделал зарядку. Эти действия сопровождались украинскими народными песнями в его исполнении. Ох, достал, любитель самодеятельности! Шесть утра, и так хочется выспаться после рейда, а он о «калине», «вишне», «дивчине». Утомил он меня своим песнопением, половой гигант...

— Комиссар, вставай! Чай готов! Утро восхитительное, воздух упоительный! Жизнь чудесна! Зарядку сделай, что ли! Я с утречка пробежку совершил после ночных физических упражнений. Подъем — и марш на кросс! Радуйся окружающему миру!

— Товарищ подполковник! Спать хочу, сил нет! — взмолился я, прося пощады.

— Ну, хорошо, просто вставай и пей чай. Составишь мне компанию, лентяй! — сжалился комбат.

Делать нечего, придется подниматься, определенно не отвяжется, черт усатый. Прощай сладкий сон.

— Никифор, в принципе я даже рад, что тебя назначили моим заместителем, — внезапно и без повода произнес Подорожник, разгрызая карамельку и прихлебывая чай из стакана. — Среди моих предыдущих «убищных», убогих замполитов ты самый боевой. Одни «сачки» попадались, в рейд не выгонишь! Подумать только! Четвертого замполита за год получаю. Меняют вашего брата очень часто. Ты надолго?

— Надеюсь, до замены. Если не снимут с должности. Убить — не убьют, не дождетесь! Мне девяносто семь лет жизни предназначено, — вздохнул я.

— Ого! Однако срок ты себе отхватил. А почему не сто?

— Все задают этот вопрос. Даже я переспрашивал. Гадалка сказала, что в круглую цифру веры мало. Девяносто семь лет — срок более убедительный. В самый раз.

— Ну, что ж, молодец, живи. Ты меня в «зеленке» удивил. Зачем-то полез в самое пекло. Не геройствуй! Все делать по моему разрешению! Не хочу менять тебя на пятого зама! Решил я сегодня собственноручно написать наградной, представить тебя за Баграмку к ордену Красной Звезды. Молодец! Растешь в моих глазах!

— Может, не надо? Разговоры пойдут нехорошие. Героя из меня делают, один орден уже есть, теперь второй хотите дать? — усмехнулся я.

— Плевать на мнения штабных! Пусть вначале влезут с разведкой в кишлак, побегают под шрапнелью, а потом шепчутся за спиной. Пройди по ротам, поторопи с наградными на сержантов, солдат. Да и командиры пусть себя не обделяют. Железа не жалеть! Ну, давай, одевайся и шагай управлять батальоном. Я пока посплю. Не забудь разбудить к совещанию! А то на Наташке умаялся, могу проспять.

Офицеры полка сидели в клубе, травили анекдоты и ожидали нашего Героя. В помещение энергичной походкой ворвался подполковник Ошурев. Он недавно вернулся с окружной комсомольской конференции из Ташкента и был заметно посвежевшим. Там Султан Рустамович пребывал в роли «свадебного генерала», почетным делегатом. Мужик неплохо, видимо, развеялся. Погулял, отдохнул, получил погоны подполковника лично из рук главкома ставки Южного направления. Теперь он с новыми силами и страстью взялся за полк. Все аж взвыли. Мы так надеялись, что он не вернется из Союза, пойдет на повышение. Эх, не вышло. Жаль...

— Товарищи офицеры, — махнул рукой начальник штаба, давая разрешение сесть. — Полку предстоит серьезное, чрезвычайно ответственное политическое задание. Партия и Правительство выражают уверенность в ус-

пешном выполнении операции по частичному выводу войск из Афганистана. Задача: встать на блоки вдоль Баграмской зеленой зоны, провести огневую обработку окрестностей дороги, а затем выдвинуться на Саланг. Можно погибнуть, но операция по выводу полков не должна сорваться. Проверим подготовку первого батальона. Раскрыть карты с нанесенной кодировкой. Лейтенант Ветишин, ко мне! Покажите, что у вас нанесено на карту!

Кодировка была готова с вечера. Район боевых действий, без уточнения конкретики, Чухвастов сразу перенес на карту комбата. Ночью командирам рот писари обстановку перерисовали на карты. Утром взводные в ленкомнате под диктовку рисовали, подписывали, чертили.

Серезка прибежал на совещание прямо из женского модуля. Проспал. Наверное, вчера ночь напролет кутил и развлекался. Кудрявые волосы торчали во все стороны, будто он в стогу ночевал. Лицо заспанное, опухшее, одежда помятая, сам растерянный.

Сергей уныло подошел к столу начальника штаба, развернул на столе карту и сделал пару шагов в сторону. Ошув удивленно уставился на карту, затем посмотрел на взводного. Вновь взглянул на карту и на лейтенанта и злобно зашевелил усами.

— Ветишин! Что это? Где кодировка? Почему нет ничего? Не нанесено ни черточки, ни штриха! Вы ее открывали или нет?

— Нет, не успел, некогда было, — растерянно ответил Сергей замогильным голосом.

Офицеры давились от смеха, глядя на лейтенанта.

— Ветишин! Из-за таких, как ты, Подорожник потом говорит, что мы окончили «Ордженикидзеvскую школу сержантов». Я прав, Василий Иванович? — обратился Герой к комбату.

— Так точно! — громко ответил комбат. — Истинно так! Школа младшего комсостава.

Начальник штаба застонал, поскрипел зубами, испепелил злобным взглядом комбата, влепил Серезке строгий выговор и продолжил постановку задач.

В этот же день в полк приехала проверка из дивизии проконтролировать, что мы сделали к прибытию высокой правительственной комиссии.

Баринов (он же Барин) и его заместители перемещались из казармы в казарму, из модуля в модуль, от объекта к объекту. Вначале посетили казармы. Общий вывод: бардак и беспорядок. Полковник был абсолютно всем недоволен. Здания покрашены плохо, дорожки не подметены, порядка нет.

Наш батальон готовил две казармы первой и второй рот. Подорожник и я встречали начальство у входа. Подорожник подал команду: «Смирно!» и доложил. Комдив, махнув рукой, ответил: «Вольно!» и двинулся по проходу. Свита семенила за ним. Замыкающими шли я, Сбитнев и старшина. Вдруг Барин наткнулся на дыру в линолеуме и простонал:

— О, Боже! Какой ужас! Что это?

— Дирка, маленький дирка, — пискнул, выглядывая из-за спины комбата, старшина Халитов.

— Старшина, бегом ко мне! — рявкнул Баринов. — Почему в полу дыра? Почему линолеум не поменяли?

Прапорщик принялся испуганно озираться по сторонам, а затем пролепетал:

— Как так, поменять? У меня нэт линолеум!

— А что у вас есть? — разозлился полковник. — Мозги у вас есть? Совесьть есть? Чувство долга?

— У меня все это есть! — всхлипнул прапорщик. — Нэт только краска, обоев, линолеум, фанера и гвоздь. И в полку нэт ничего!

— Для каких целей вам гвоздь? Привязать веревку и повеситься? — вскипел командир дивизии.

— Нэт, я в смысле много гвозди. Прибивать стены.

— А что, они у вас в роте падают? Зачем их прибивать?

Халитов окончательно растерялся, пожал плечами и замолчал.

Комдив огляделся по сторонам, скovyрнул с балки подтек краски, взял за уголок отклеившихся обоев и оторвал их. Оглядел нас презрительно и произнес:

— Деревенщина! В какой же зачуханной деревне вы все росли? Кто вас воспитывал? Э-эх!

Я отвел в сторонку старшину и укоризненно произнес:

— Резван! С тобой как в анекдоте: «Кацо! Пачэму у русских такой трудный язык? Нэ пойму! Вилька, тарелька — пишутся бэз мягкого знака, а сол, и фасол с мягким? — Э-э, Гиви! Это нэльзя понять! Это надо запомнить!»

— Э, зачем обижаешь? Если по-азербайджански скажу, он поймет? А вы мой язык знаешь? Не знаешь, так не смейся!

— Все, больше не шучу, извини и не обижайся, — похлопал я по плечу возмущенного прапорщика, а сам отправился догонять начальство для получения следующей порции спесивого неудовольствия.

В конце дня Барин собрал офицеров и прапорщиков в полковом клубе и начался разнос.

— И это лучший полк дивизии? Здесь какое-то сборище диверсантов и саботажников. Худшее положение дел трудно себе представить! Я обошел казармы, столовые, территорию. Везде беспорядок и запустение. Даже мусорные баки не покрашены! Мусоросборники выкрасить в черный цвет! Канализационные люки покрыть ярко-красной краской и нанести по spirали семь белых кругов диаметром пять сантиметров! Траву подрезать, колочки выдрать! Казармы перекрасить, обои заменить, линолеум перестелить! К каждому объекту приставить старшим майора или подполков-

ника из штаба дивизии! Вызвать сюда тыловых бездельников! Ответственным назначаю заместителя командира дивизии полковника Рузских! На устранение недостатков даю три дня! — прокричал на одном дыхании командир дивизии.

Трое суток дневной и ночной работы завершились новым осмотром. Барин и в этот раз остался недоволен, но ни времени, ни материалов больше не было. Утром прибытие комиссии. Эх, не дали душе развернуться! Барин ходил по полку, вздыхал и морщился. Да, это не Таманская дивизия! Нет!

Вечером под открытым небом, в летнем клубе части, давал сольный концерт Кавзонский. Народный артист республики был частым гостем в войсках. За год приехал в третий раз. Его первый концерт мне очень понравился, но в этот раз артист откровенно халтурил. Или большие дозы спиртного мешали гастролям или уже петь надоело. Пыль, песок, полк за полком, банкет за банкетом. Одно и то же. Певец в финале выступления вручил батальону именную гитару, за которой я послал Бугрима. Витек был сильно смущен, пожал руки певцу и, вернувшись на лавочку, попытался всучить мне инструмент.

— Витька, этот инструмент не мне, а солдатам. Мы ее первой роте подарим или взводу АГС. Марабу любит песни петь под гитару, Сидорук мастер играть.

Марабу — это прилепившаяся к Мандресову три месяца назад кличка. Сашка любил ходить вдоль строя солдат, заложив руки за спину и читать нравоучения. При этом он сильно сутулился. Этот черноволосый, черноглазый российский грек был ужасно похож на птицу марабу из мультфильма «Про бегемота, который боялся прививок». Прозвище это дал ему Бугрим. Кличка прижилась, так как была в «десяточку». Командир отдельного взвода АГС — Марабу! Смешно...

Артист уехал, увозя полный автобус «колониальных товаров» из полкового магазина и прочих подарков от командования. А пехота по вечерам в курилке еще долго пела песни под подаренную гитару.

Более шестидесяти важных персон из Правительства, ЦК КПСС, различных ведомств собрались в Кабуле для торжественного начала вывода войск.

Вывод был, в принципе, мифическим и символическим. В Советский Союз уходили три зенитно-ракетных полка, которые и ранее не воевали. Они никогда не двигались, а стояли в гарнизонах, так как у мятежников авиация отсутствовала и сбивать было некого. Кроме того, были собраны еще три полка из строительных частей, да увольняемых в запас солдат из различных подразделений, а также комиссованные по болезни. Для их перемещения была выделена списываемая техника из всех частей армии. «Потешные полки». Шум и треск для прессы, для советского народа и

правительств западных стран. Мир с удовольствием наблюдал за этим военным балаганом. Ура! Ура! Ура! Войска уходят!.. Куда уходят? Кто? Сто тысяч ограниченного контингента?

Для выхода зенитчиков и трех «полнокровных» мотострелковых полков вдоль всей трассы выставлялись блоки и заставы. От Кабула и до Хайратона, от Шинданта и до Герата. Самая трудная задача — пересечение Баграмской «зеленки» и перевал Саланг. Ахмад Шах сделал заявление, что не даст выйти Советской Армии. «Оккупанты» найдут свою смерть в Афганистане!

Это, конечно, серьезное и опасное заявление. Условия на Саланге тяжелые! Из Панжшера к перевалу выдвинулись десятки отрядов боевиков. В зеленой зоне сконцентрировалось множество боевых групп. Политики раструбили на весь мир об операции, а нам теперь хоть костями ложись! «Духи» даже между собой войну прекратили. Междоусобица велась между партиями, племенами, кишлаками и отдельными бандами постоянно, пока не пришла Советская Армия, афганцы люто воевали между собой. Теперь дружно бьются с нами. Зачем мы сюда явились? У них ведь всегда был повод пострелять друг в друга.

Полку предстояла задача — встать от равнины до входа в высокогорный тоннель. Пехоту приказали поднять на высоты, вершины, необходимо занять хребты, а бронемашину, танки, САУ расставить вдоль дороги.

Я отпросился у комбата идти с разведзводом. Людей у Пыжа было мало, а район обороны довольно большой. Николай с пехотой отправился в горы, а я с двумя БМП и «Васильком» должен был оборонять километр трассы. Сегодня мы закрепляемся, а завтра здесь пойдут уходящие. Если получится, как задумало командование, то операция пройдет успешно и быстро. А если нет?

Полковая колонна медленно поднималась по горному серпантину к перевалу Саланг. Двухполосное, узкое, петляющее шоссе блестело в лучах заходящего солнца. Впереди шли танки, затем разведка, мотострелковый батальон, артиллеристы. Пехота медленно занимала высоты вдоль трассы, а артиллерия выбиралась к тоннелю, чтобы оттуда обеспечивать выход на задачи и закрепление в районе. Проход колонны назначен на завтра.

Первая рота десятью машинами растянулась вдоль своей зоны ответственности. Предстояло оборонять участок длиной полтора километра и прилегающие к нему горные вершины.

Сбитнев сидел на башне и переговаривался с комбатом, командирами машин и группой технического замыкания. Рядом лежал солдат с переносной радиостанцией. По ней командир роты поддерживал связь с взводами, выдвигающимися в горы, и командованием полка. Полковой группой в этот раз руководил начальник штаба подполковник Ошуев. Почему-то с новым званием характер у Султана Рустамовича испортился еще боль-

ше. Он становился отчего-то все злее и раздражительнее. Дело, наверное, было в том, что после академии он не получил полк, а витавшие в воздухе слухи о новом назначении никак не могли материализоваться. Вот и сейчас БТР Ошуева застрял где-то внизу, у подножья перевала, а сам он по связи раздраженно ругал командиров подразделений за мелкие недочеты.

Володя нервно курил и злился. На командиров взводов — за то, что очень уж медленно поднимались они в горы. На техника Федаровича — за то, что две БМПшки так и не вышли из автопарка в рейд. На Ошуева — за хамское обращение и высокомерие. На комбата — за мелкие придирки, закончившиеся вчера ссорой. На бывшего замполита роты Ростовцева — за то, что покинул роту и вырос в замполиты батальона. И даже на собственную голову — за то, что разламывалась с похмелья. Наконец, ко всем напастям заболела израненная в боях челюсть. Ныла она ночь напролет. Наверное, погода испортится: вот-вот начнутся осенние дожди.

Солнце клонилось к закату и ослепляло яркими лучами, мешая наблюдать. Откуда-то, громко сигналив, мчалась колонна пустых «наливников». Впереди шел БТР, затем машина с зенитной установкой в кузове и десятка два топливозаправщиков. Проскочив Джабаль, они собирались до захода солнца миновать тоннель и оказаться сегодня же на другой стороне хребта. Завтра через перевал пойдут выводимые полки. Вот машины и спешили...

Бронемашины маневрировали по краю дороги, выбирая места для создания огневых точек, танк с тралом утюжил обочину, обезвреживая фугасы. Все это создавало помехи для быстрого продвижения опаздывающей тыловой колонны. Лучше бы они заночевали у комендатуры...

Внезапно раздалось несколько хлопков, которые гулко отозвались эхом в горах, словно раскатами грома. Передний КАМАЗ с цистерной в прицепе подпрыгнул, как на ухабе, и врезался в уступ скальной стены. Языки пламени охватили промасленные емкости, и раздался громкий взрыв. По лобовому стеклу второй машины полоснула длинная автоматная очередь, которая вспорола топливные баки в кузове и прицепе. Машина, вильнув, перегородила дорогу и замерла.

События происходили, будто в фильме про войну, который смотришь на большом экране кинотеатра. Только смерть была не киношной, а настоящей.

Володя сбросил секундное оцепенение и вышел из замешательства. Прижав ларингофоны к горлу, Сбитнев закричал:

— «Бронелобые»! Всем огонь, огонь! Пушки вверх! Шквал огня по высотам! Подавить гранатометчиков!

Шедшие минуту назад в горы тремя цепочками пехотинцы залегли и начали обстреливать вершину хребта, нависшую прямо над дорогой.

Володя вывел машину из-под стены и открыл огонь по каменным россыпям больших нагроможденных друг на друга валунов. Мятажники продолжали расстреливать бензовозы, несмотря на потери в своих рядах. В не-

бе появились две пары «Ми-24», которые осыпали «нурсами» весь хребет. Разрывы взметнулись на вершине, но «духи» не уходили. Они продолжали свое «черное дело». Загорелся еще КАМАЗ, затем еще один, еще и еще... В небе задымилась вертушка и, оставляя черный дымовой шлейф, камнем устремилась вниз. «Крокодил» упал далеко от дороги за горами, один из вертолетчиков сумел выбраться с парашютом. Над местом падения вертолета встала в карусель новая четверка вертолетов. Бой закручивался в тугую сложную спираль. Он становился все масштабнее и шире. В эфире стояла «какофония» команд начальников генштаба, штаба армии, дивизии. Отдавались приказы, взаимоисключающие друг друга, слышалась ругань или просто громкий отборный мат.

Артиллерия десятками стволов обрабатывала квадрат за квадратом, штурмовики с высоты вспахивали склоны, минометы плевались минами. Вокруг дым, гарь, копоть и гул разрывов. Эхо десятикратно усиливало каждый взрыв по ущелью.

Бой то затихал, то разгорался с новой силой. Бензовозы спрессовались в плотную цепочку и мешали продвижению помощи. Первая рота выпустила вверх последние снаряды из автоматических пушек. Душманы выстрелом из РПГ попали в машину третьего взвода. Никого не зацепило. Граната прошла через десантное отделение, не задев осколками экипаж. Повезло!

Володя выпрыгнул из башни и подбежал к подбитой бронемашине. Из люка наводчика высунулся Калиновский и выкрикнул, что снаряды закончились, а надо заряжать пушку и пулемет. Люди целы, не ранены. Володя и замполит роты, спрятавшись у фальшборта, закурили.

— Ох, Сашка! У меня душа оборвалась! — выдохнул сигаретный дым, Володя. — Я думал, неужели только пришел новый замполит и в первом же бою его накрыло! Повезло тебе, в рубашке родился!

— Я и сам перепугался. Как кувалдой бухнуло по броне. Вокруг еще три мины упали перед этим попаданием. Яйца вмиг покрылись холодным потом, — улыбнулся Калиновский.

— Откуда знаешь, что холодным? Ощупал?

И оба рассмеялись, сбрасывая нервное напряжение.

— Володя, сердце колотится, того и гляди, выскочит из груди! И часто такая бойня случается? — поинтересовался замполит роты.

— Случается. Не сказал бы, что часто, но бывает, — произнес задумчиво ротный, выпуская колечками сигаретный дым.

— Эх, говорила мэнэ мати: не ходи, сынку, на войну! Не послушал! А дома молодая жинка ждет, грустит, у окошка сидит, на дорогу глядит. Весточку от мужа ждет. Дурак я, дурак.

— И я такой же балбес. Жена и дочка в Ташкенте, а я вместо того, чтобы в училище ротой командовать после первого ранения, под пулями ползаю, — сердито сплюнул Володя и резко бросил потухший окурочок.

В это время мимо проехали, коптя двигателями, командирский БТР с сопровождающим танком и затормозили метрах в тридцати. Из люка высунулся озлобленный Ошуев и громко прокричал:

— Сбитнев! Бегом ко мне! — и скрылся в чреве бронетранспортера.

Володя выругался витиевато, не обращаясь, в принципе, ни к кому:

— Да пошли вы все на... п...!

Сашка грустно рассмеялся:

— Хорошо, что джигит тебя не слышит. Сейчас он нам задаст перца. Пять машин на нашем участке горит. Без вины мы виноватые. У нас потерь нет, о проходе колонны не предупредили, а оттрахают роту!

— Ну ладно, я побежал на экзекуцию! — махнул рукой Володя и поспешил легкой трусцой к начальству. Полы незастегнутого бушлата развеивались от встречного ветра. Володя засунул руки в карманы и запахнул бушлат, чтобы не продувало. Он сделал десять шагов — и вдруг, сильно дернувшись, упал навзничь, ударившись затылком об асфальт. Калиновский и механик-водитель подбежали к командиру и, подхватив его под руки, оттащили обратно к броне.

Возле глаза зияло небольшое отверстие. Струйка крови стекла на лицо и залила открытые глаза, рот. Пуля вышла через затылок ниже мозжечка. Лужица крови осталась на асфальте, и красная струйка тянулась к машине, куда отнесли Володю.

Замполит роты подложил шапку под голову командира и растерянно огляделся вокруг.

— Доктора! Врача скорей! — заорал он солдатам и посмотрел на свою окровавленную руку. Это была не его кровь, а Сбитнева.

Из-за пыхтящего БТРа выскочил Дормидович с медицинской сумкой на боку и быстро пересек простреливаемый участок. Начмед пощупал пульс, приложил ухо к груди, потрогал артерию на горле и тяжело вздохнул.

— Ну, что? — испуганно спросил Калиновский.

— А ничего, старлей. Ничего! Мгновенная смерть! Не видишь, что ли? Ты видел живых людей с таким развороченным затылком?

— Я вообще никогда не видел людей с дыркой в голове! — с горечью ответил Александр. — Как же так? Как глупо получилось! Бой вроде уже закончился!

— А что, бывает умная смерть? Смерть всегда глупая! — сердито сказал майор Дормидович.

— Что случилось? Что со Сбитневым? Куда его ранило? — закричал, высунувшись по пояс из люка, Ошуев. В тот же миг он охнул и, завалившись на правый бок, упал на броню. Его быстро затянули вовнутрь. Начмед бросился обратно. Машина развернулась и подъехала к БМП. Из нее выпрыгнули на асфальт комбат-танкист и еще пара офицеров. Через боковой люк быстро затащили тело Сбитнева, и бронетранспортер помчался к Джабалу.

— Куда начальника штаба зацепило? — спросил Калиновский у комбата Ахматова.

— Пуля попала в грудь рядом с сердцем. Султан Русланович в сознании. Надеюсь, выживет, — вздохнул танкист и вытер запекшуюся кровь на х/б. — Это его кровь, не моя, — ответил Роман Романович на вопросительный взгляд Калиновского.

— А на моих руках — Вовкина! — произнес дрожащим голосом Калиновский.

Ахматов махнул рукой и остановил проезжающий мимо танк.

— Пехота! Слушать всем меня! Принимаю командование маневренной группой на себя! Перезарядить оружие! Пополнить боеукладки пушек! Продолжать вести беспокоящий огонь! Может, случайной пулей да завалим этого долбаного снайпера! — распорядился Роман и медленно поехал на танке дальше вверх к перевалу. Но командовал он полчаса, потому что снайпер попал в него чуть выше печени. Примчавшийся с заставы БТР местного полка подобрал его, а также убитых и раненых водителей и поспешил вниз к вертолетной площадке, пока было светло.

Колонну возглавил Скворцов. Вскоре он подъехал к стреляющей бронемашине и, выпрыгнув из башни танка, приказал Калиновскому:

— Замполит, убери БМП на двадцать метров вперед. Я сейчас начну танком сталкивать горящие машины в пропасть. Боюсь, что бензобаки и цистерны могут взорваться. Вас может зацепить!

— Есть, товарищ майор! — ответил Александр. Его машина продвинулась вперед и спряталась за выступом скалы.

Танк столкнул один за другим «наливняки» и прицепы с бочками в пропасть. Часть цистерн взорвалась на дороге от воспламенившихся паров топлива. Некоторые емкости взорвались в ущелье. Через пятнадцать минут дорога была свободна, и уцелевшая половина колонны помчалась дальше, навстречу своей неизвестной судьбе.

В горах в это же время разыгралась другая трагедия.

Саперы проверили щупами грунт в старых «духовских» СПСах, и вторая рота в одном из них установила миномет. После первого же выстрела в земле сдетонировала глубоко закопанная старая мина-«сюрприз». Минометчику Макатону вырвало обе ноги выше коленей, вместе с мужским хозяйством. Молодому же солдату из второй роты, подававшему мины в укрытие, оторвало левую ногу...

* * *

Разведчики неторопливо выкладывали стену из булыжников. Броня стояла на обочине трассы, задрал вверх пушки, направленные на склон хребта. Внизу, далеко в глубине ущелья, протекала речушка. Через нее по камням переправлялся Пыж с разведзводом. Всего восемь штыков. Судя по маршруту им предстояло топтать часа три до горной вершины. Где-то вдали раздавались приглушенные взрывы, в небе висели четыре «кроко-

дила» и плевались «нурсами». Непонятно было: то ли бой ведут, то ли просто горы обрабатывают.

На моей бронемашине только экипаж из двух бойцов, а на другой — два солдата и сержант Шлыков. Сержанту дали передышку. После рейда он уже дембель, поэтому в горы не потянули, оставили командовать огневой точкой. Я тоже взялся за камни, помогая солдатам строить СПС. Чем выше возведем стену, тем надежнее будет защита от пуль и гранат. Если «духи» полезут именно в этом месте, мы, конечно, посопровивляемся, но долго не продержимся. До ближайшего поста около полутора километров, а другой пост еще дальше. За изгибами дороги, за нависшими каменными выступами ничего не видно и не слышно. Захотят нам помочь соседи — не пробьются. Разведка тоже закрепится далеко от нас. Ни мы им не помощники, ни они нам. Каждый за себя. Все будут выживать самостоятельно.

В шлемофоне стояли сплошные шумы. Радиостанция была на дежурном приеме, никто нас не вызывал, не ругал. Забыли — и ладно. Чего лезть с расспросами к начальству, еще попадешь под горячую руку.

Стены толщиной в два камня подрастали на глазах — в высоту и длину. За таким бруствером можно стоять в полный рост. Только голову не высовывай!

Шум за горами утих, лишь иногда тишину нарушали вертолеты и самолеты, они заходили на штурмовку и долбили ракетами горные вершины. Вечерело. Еще час, и наступит полная темнота. В горном ущелье темнеет мгновенно.

С ужасным треском, из-за утеса показалась бронемашина технического замыкания. Вересков, приветствуя, помахал мне рукой.

— Никифор, как у тебя дела? Спокойно? — спросил зампотех, спрыгнув на землю.

— Да, все хорошо! Тишина! Пыж на подходе к задаче, вон его взвод цепочкой растянулся по заснеженному плато. Мы тут от жары изнываем, а Коле сегодня в снегу ночевать предстоит. Парадоксы местного климата! — усмехнулся я.

— Знаешь, что Сбитнева убили? — спросил Вересков.

— Кого? Сбитнева? Как так убили? — воскликнул я.

— Вот так! «Духовский» снайпер, прямо в лицо. Ошуева ранили. Вертолет с экипажем сгорел и пять водителей из бензовозов. — Затем Вересков пересказал происшедший бой в подробностях, какие знал.

— Эх, Вовка! Вовка! Твою мать! Говорил тебе дядя: езжай домой! Навоевался, хватит! Нет, решил дальше судьбу испытать, со смертью играть, — горько вздохнул я.

— Никифор, давай за Володю по пятьдесят грамм. Помянем. У меня есть во фляжке немного спирта, — предложил Василий.

— Давайте, хороший был парень, Володька, настоящий русский офицер! У меня, товарищ майор, есть баночка огурчиков и тушенка, сейчас организую.

Я никак не мог перейти на «ты» с замами комбата. Все же они майоры, а я вчера был «зеленым» лейтенантом.

— Никифор, прекрати ко мне так обращаться. Я даже не первый зам. Ты, если судить по неофициальному ранжиру, выше меня и к комбату ближе.

— Я привыкаю, но с трудом, — ответил я, подставляя кружку под струю спирта.

По телу пробежала нервная дрожь. Я окончательно осознал, что погиб мой близкий друг, настоящий боевой товарищ. Еще вчера вместе балагурили, вместе воевали, выпивали... А сегодня погиб... Дома жена молодая, дочке три года. Единственный сын у матери. Ужасная трагедия.

Мы выпили, хрустнули маринованными огурцами. Не пробрало. Майор взболтнул фляжку, определяя, сколько осталось, и решил добавить.

— Думал, комбату оставить, но этим ему только мараться, губы смочить, — и зампотех разлил остатки спирта по кружкам.

Стоя выпили за погибших, молча закусили. Вересков закурил, а я задумчиво глядел в свинцовое небо. Еще пять-десять минут — и наступит ночь. Василий поднялся с камня и сказал, что поедет дальше. Его пост будет в ста метрах выше, за поворотом.

Бронемашина скрылась за выступом горы, и вскоре наступила тишина. На глазах выступили слезы, горло сжало тисками безотчетного ужаса. Холодный ночной ветер принес сырость, от которой содрогалось все тело. Спирт не успокоил меня, а лишь немного смягчил горе.

Меня охватила тоска. Эх, Вовка, Вовка! Бедная твоя головушка! Всех жалко: и тебя, и Шипилова, и Быковского, и Турецкого! Всех, с кем приехал, дружил и служил. И солдат погибших жаль. Знакомых и незнакомых. И себя жалко, бедолагу. Гадание гаданием, а вдруг «ворожея» ошиблась? Хочется верить, что старая ведьма не обманула и проживу обещанные девяносто семь лет. Но уж больно зыбко это все. Сидит себе «дух» в горах, целится в тебя из винтовки или гранатомета и не ведает, что тебе на роду написано почти век жить. Бахнет и оборвет линию жизни, предначертанную свыше. Верить предсказанию — это, конечно, самообман. Просто хочется надеяться, что смерть обойдет меня, не заденет острой косой.

* * *

Ночью мы ждали налета. Никто не сомкнул глаз. Солдаты снарядили патронами пустые магазины, запалами — гранаты, вскрыли ножами пару «цинков» с запасными патронами, чтобы не мучаться под огнем противника.

Я лежал головой к люку с автоматом в руках. Каждые пятнадцать минут окликал экипаж, чтобы не спали и вызывал на связь вторую машину.

В этой темноте вглядывайся не вглядывайся ни черта не видно. Силует соседнего БМП появлялся только в короткие минуты освещения уще-

ля специальными снарядами. Склоны гор озарились холодным, мрачным светом, а затем на пятнадцать-двадцать минут вновь мрак.

На рассвете силы все же оставили меня. Тревожный сон сомкнул глаза. После бессонной ночи солдаты отдыхали по очереди, один наблюдает и на связи, другой спит.

Колонна выводимых войск почему-то не шла и не шла. Командование ежечасно напоминало о бдительности, объявляло часовую готовность, потом отменяло ее, вновь объявляло и опять отменяло. Наконец пришло распоряжение — «отбой». Прохождение колонн через Саланг откладывалось. Командарм дал время проявить себя авиации и артиллерии. Летчики квадрат за квадратом «засевали» почву свинцом, сталью, огнем. Урожай от этого «посева» не соберешь, наоборот, желательно, чтобы некому было дышать после такой «посевной». «Ураганы» изрыгнули несколько залпов ракет, снаряженных «лепестками». Усеянные ими горные хребты станут совершенно непроходимыми. Добро пожаловать на прогулку, будущие безногие «бородатые» ампутанты! Работы для организации «Врачи без границ» из полевого госпиталя в Паджшере прибавится.

Красивая и занятная мина — «лепесток»! Для пустыни — серая, для «зеленки» — зеленого цвета. Посмотришь на нее и не подумаешь, что это взрывоопасная вещь. А наступишь — и нет стопы. В прошлом году один молодой солдатик из десантной бригады вблизи выносного поста обнаружил эти мины. Не знал, что это за дрянь. Собрал полведра и понес в блиндаж. Издали кричит приятелям: «Мужики, я чего-то нашел чудного! Поглядите!» Метров пятнадцать не дошел, споткнулся, тряхнул грузом — и ба-бах! Сдетонировали «лепестки». Ни ведра, ни бойца. Так-то вот.

Я решил пройти ко второй машине, размять ноги, взбодриться. Нагрудник на плечи, автомат в руки и вперед. Как всегда, словно юный натуралист-путешественник, глазел на горные пейзажи и прочие красоты дикой природы. Шел, шел и обнаружил на обочине противотанковую мину. Не наша. Вроде бы китайская. Провода не видны, поэтому непонятно — управляемая она или нет. Я побежал обратно, растолкал спящего наводчика, забрал у него шлемофон и доложил комбату о находке.

Подорожник вызвал саперов, сообщил командованию. Вместо раненого Ошуева руководить полком прибыл сам Филатов. Было известно, что Иван Грозный после рейда уходил на новую должность — начальником штаба соседней дивизии. Жаль. Вроде бы и грубиян, хам, матюжник, но свой, проверенный, надежный. Привыкли к нему, сроднились.

— Факел-300, что там у тебя, б..., за находка? — рявкнул в наушники Иван Васильевич.

— Подарок от «духов». На обочине лежит, нужны «кроты» убрать «го-стинец», — ответил я командиру.

— Хорошо, «коробочка» подойдет через полчаса. Поставь указку и сам не лезь!

— Есть поставить указку! — отрапортовал я и подумал, что больше мне делать нечего, как самостоятельно разминировать! Прошли пионерские времена сбора металлолома, когда я таскал железяки. Пусть работают, кому положено. И хотя в прошлом я заканчивал учебу радиоминеров, был оператором, сержантом, но это не мое призвание.

Через полчаса подъехал БТР, облепленный саперами во главе с начинжем. Майор Скива прыгнул на землю и, подходя ко мне с хитрой усмешкой, спросил:

— Ну, шо? Где лежит подарок? Гостинчик не украли еще?

— Нет, вон там, в ста метрах. Я ветку рядом воткнул, снимайте. Взрывателя нет, но кто знает, что под ней может быть?

Саперы «кошкой» (приспособление типа маленьких грабель на длинной веревке) зацепили мину и осторожно потянули в сторону от асфальта. Железный блин звякнул несколько раз, ударяясь о камни, и не взорвался. Лейтенант-сапер подошел, осмотрел мину и то место, где она лежала.

— Товарищ майор, — обратился он к Скиве, — проводов нет, вокруг тоже чисто. Ложная тревога!

— Это хорошо! В нашем деле самое главное — бдительность! Лучше перебздеть, чем недобздеть! Солдаты, щупами пошарьте вдоль обочины, чем черт не шутит! Береженого бог бережет! — приветливо улыбаясь и хлопая меня по плечу, сказал майор. — А ты сам-то, Никифор, побоялся саперные навыки применить?

— К черту! Если уж начальники инженерной службы дивизии подрываются, то я могу и подавно кувыркнуться! — ответил я.

— Эх, старлей, ты не путай две вещи: опыт и самоуверенность. Начинж дивизии когда-то был опытный! Но дослужился до высокой должности и навыки потерял. Он только прибыл из Союза, где мины учебные. А где ты тут учебную мину найдешь? Только боевые! Вот и погиб по причине забывчивости.

...Неделю назад в штабе дивизии проводили сборы внештатных саперов. Вызвали из отдельных подразделений (рембата, разведбата, батальона связи) назначенных командованием бойцов для обучения минно-взрывному делу.

Полковник собрал всех в круг возле учебного места и начал показывать, как ставится мина на неизвлекаемость. Привык в мирное время работать на макетах и забылся. Нужно, говорит, вставить запал и взвести по часовой стрелке. Показал правильные действия, как положено. А вот так, в обратную сторону, делать нельзя ни в коем случае! Взорвется! И саперный начальник правильно показал, как делать не нужно.

Начинжа так нашигивало металлом, что буквально разорвало на ча-

сти. Еще девять человек погибли, и семерых тяжело ранило. Нелепость и трагическая случайность, а людей не вернешь...

* * *

В четыре часа утра комбат вышел на связь.

— Как обстановка?

— Спокойная, — ответил я, зевая и борясь со сном.

— Тормози бойцов. Не спать. «Праздник начался!» Как понял, прием? — спросил Подорожник.

— Понял вас, понял! «Праздник начался!» — отозвался я.

Итак, свершилось. Первые выводимые машины и люди спустя несколько часов марша пересекут перевал и устремятся домой.

Вдали, постепенно приближаясь, грозно нарастал шум моторов. Несколько сотен автомобилей, тягачей, бронемашин, зенитных самоходных установок, пусковых машин «КУБ» и «ОСА», коптя воздух, ползли домой. Надрывно ревели моторы, штурмуя горный серпантин. Впереди шел БТР из комендантской роты, затем танк и БРДМ с развернутым знаменем. Проехала бронемашина с руководством по проведению колонны и броня управления нашей дивизии. И пошли, пошли родимые полки...

Домой, скорее домой, на Родину! На каждой дверце у машин висят бронежилеты, водители и старшие машин в касках, лица нахмурены и сосредоточены. Некоторые, более невозмутимые, приветливо машут на прощанье. Через час колонна скрылась за поворотом, и только несколько отставших неисправных машин медленно догоняли ушедших.

Счастливого пути!

Батальон расположился возле Джабаль-Уссараджа, чтобы заправить технику и пополнить боеприпасы, почистить оружие.

Я уселся в санитарной машине на складном стуле за маленьким столиком писать политдонесение в полк об итогах боевых действий, об отличившихся, о трофеях и потерях. Разложив бумажки-рапорты из подразделений, я сразу обратил внимание на крохотный листок, исписанный каракулями, с грубыми орфографическими ошибками. Ага, это из гранатометного взвода принесли. Писал явно сержант или солдат. Вероятно, Гурбон Якубов нацарапал эти вирши вместо Мандресова. Написано в поэтическом стиле. Описания природы только не хватает. А так, одна лирика. Мандресов, уходя из роты, упросил комбата перевести к нему этого сержанта. Теперь будущий узбекский народный поэт пишет донесения на русско-узбекском диалекте.

Дверца машины широко распахнулась, и в проеме появилось испуганное лицо Бугрима.

— Никифор! Постникова подстрелили! Только что.

Я отбросил писанину и выскочил из кунга. Пробежав триста метров до расположения первой роты за считанные секунды, мы увидели растерянных офицеров. Острогин, Калиновский, Ветишин и Бодунов что-то горячо обсуждали, стоя над перевязанным сержантом.

— Откуда была стрельба, мужики? — спросил я, переводя дыхание.

Офицеры растерянно посмотрели на меня и отвели глаза.

— А хрен его знает! — смутился замполит роты.

— Какое-то странное ранение. Может, пуля на излете попала в ногу? — пробормотал Бодунов.

— А куда в ногу? — переспросил я.

— Выше колена. Сильно разворотило мышцы, и кость задета, — вздохнул Бодунов.

— Так что ж это за излет? Может, «духи» из кишлага пульнули? Снайпер?

— Не знаю, — устало ответил Саша.

— Бодунов, это твой замкомвзвода. Отвечай, где он был, когда начал обстрел? Покажи мне это место! — рывкнул я.

Меня подвели к окровавленным камням. Вокруг стояла техника, справа гора, слева БМП.

— Что, горы выстрелили?

Прапорщик отвел взгляд.

— Нет.

— Кто был рядом с ним? — разозлился я еще сильнее.

— Муталибов и Хаджиев, — ответил Ветишин.

— Ко мне их, пусть объяснят, что произошло.

Бугрим сходил к технике и привел обоих сержантов.

— Как все случилось, Гасан? — обратился я к сержанту.

— А сами не поняли. Издалека кто-то выстрелил, и Постников упал, — ответил Муталибов.

— Чем вы тут занимались?

— Оружие чистили, разговаривали, костер жгли.

— А не из своего ли автомата он выстрелил? — У меня начало зреть смутное подозрение.

— Нет! Не было никакого самострела! — обиженно промямлил Муталибов.

По приказу комбата я взял машину и помчался в полковую санчасть объясняться с дознавателем. В санчасти врач-лейтенант смущенно хмыкнул и сказал, что сержанта отвезли в медсанбат, но дело передано в прокуратуру. На теле пороховой ожог. Похоже, самострел.

Вот черт! Час от часу не легче. Сейчас повесят преступление на полк. Самострел, уклонение от службы, членовредительство, дезертирство. Статьи Уголовного кодекса на выбор.

И точно. В кунге меня уже дожидался майор Растяжкин. Особист батальона был очень приличный парень. На глаза нам не лез, мозги не ком-

постиrowал. Может, тихонько информацию и собирал на нас всех, но не тыкал осведомленностью, права не качал.

— Никифор, рассказывай, что произошло? Характеризуй сержанта, ты ведь его хорошо знал.

Только я хотел раскрыть рот для благоприятной характеристики, как тут в машину сунул нос Бугрим и жестами позвал меня выйти.

— Никифорыч, тут такая неприятная история получилась с Постниковым. Это Хаджиев в него из пулемета стрельнул. Муталибов сейчас признался, и Хамзат объяснительную уже написал. Чистил оружие и не проверил на разряжение. Он отсоединил магазин, но не сделал контрольный спуск. А при чистке нажал на курок, и пожалуйста — закон подлости — точно в цель. Хорошо, не убил.

— Что ж хорошего? Инвалид на всю жизнь. Хорошо будет, если ногу спасут. Какая-то напасть на ноги в батальоне в последнее время! — вздохнул я.

Бугрим рассеяно закурил папироску, отвернулся и замолчал.

Выслушав мой рассказ, Растяжкин собрал в полевую сумку свои бумажки, сочувственно похлопал меня по плечу и вышел. Это уже не его тема.

Комбат отправился к командиру полка. Решили так: зачем нам к огромным потерям добавлять и преступление по неосторожности. Обстрел из кишлака — и делу конец. Жаль балбеса Хаджиева: пропадет парень в тюрьме. Дело замяли. Золотарев вместе со мной съездил в медсанбат. Сержант написал объяснительную о ранении снайпером из развалин, дал расписку, что к своим друзьям претензий не имеет. На всякий случай. Замполит полка сумел внести изменения в медкарту и в историю болезни. Фразы о пороховом ожоге в ней больше не фигурировали.

Врач мне попытался доказать, что сержант явно наркоман. Не может терпеть боли, требует дозу за дозой промидола, нервничает. На эти разговоры я ответил капитану, что хотел бы посмотреть на него, если бы ему разворотило ляжку и кость! Как тогда сам будет стонать и орать?!

* * *

Жалко сержанта. Постников еще целый год мог командовать гранатометно-пулеметным взводом. Теперь надо подбирать и готовить нового заместителя командира взвода. Сержант Постников был крепким, мощным парнем, который не боялся ни «националов», ни старослужащих. Самый меткий пулеметчик роты.

В батальон он больше не вернулся. Через три месяца старшина собрал его вещи, мы оформили документы, и сержант прямо из госпиталя на костылях убыл в Союз.

Похромал дальше по жизни...

После подведения итогов за месяц майор Боченкин отозвал нас с комбатом в сторону и то ли насмешливо, то ли виновато произнес:

— Василий Иванович! Ты оформлял наградной на орден Красной Звезды Ростовцеву? Твоя подпись?

— Ну, моя! Оформлял. За Баграмскую «зеленку», он с разведвзводом впереди техники шел, дорогу пробивал. В окружении больше часа сидел, отстреливался от «духов». И что из этого? Я его и за операцию по выводу войск опять оформлю к ордену...

— Из штаба дивизии представление к награде вернули. Начальник штаба велел определиться, что мы хотим! На что посылаем? На Героя? На орден?

— И на то, и на другое! — улыбнулся Подорожник.

— Такой вариант не проходит. Полковник в трубку рычал, что мы охерели, нового Брежнева из него лепим. Хотим с головы до пят «железом» обвесить. Хватит и Золотой Звезды, — ответил майор.

— Если штабные такие умные, пусть с автоматом пешком пройдут хоть к одному посту, расположенному вдоль Баграмского канала. Я посмотрю, что они себе будут после этого требовать! Козлы вонючие! — рявкнул Василий Иванович.

— Ну, козлы и козлы, что делать! Все в их власти! Тебе тоже, Иваныч, второй орден зарезали! «Кэп» послал наградной на медаль «За службу Родине» III степени, возвратили. Резолюция такого содержания: «Слишком часто награждаем! Второй наградной оформить перед заменой!»

— Бл...ство! Я их всех на... видал, что б у них у всех... отсох! — гневно прорычал Чапай.

Я смущенно почесал затылок. Что скажешь? Оформлять вторую подряд награду не скромно. Все верно. Но за Иваныча обидно. В штабе округа большинство офицеров управления с орденами. У кого один, у кого два. А комбат боевого рейдового батальона с трудом получил один.

Боченкин похлопал моего шефа по плечу и успокоил:

— После следующего рейда опять пошлем. Тут еще одна проблема. Сбитневу «Красная Звезда» по ранению пришла, мы ее семье отправили. А посмертно к Герою представить не разрешили, только на «Знамя». Политика! Вывод войск, а командир роты погиб. Значит, были тяжелые бои. Официально объявлено, что войска вышли без потерь! Ошуеву по ранению оформили на «Красное Знамя», и тоже возврат. Кто-то наверху резолюцию написал: «Слишком много высоких наград, достаточно ордена Красной Звезды!» Вот такое отношение! Да, и заберите остальную пачку представлений на подчиненных. Прошло только три наградных. Неверно оформлены! Теперь велено писать о взятых пленными и о трофеях, а тут сплошь убитые мятежники! Никаких уничтоженных врагов быть не должно. Перестройка не отражена, ускорение. Требуют указывать, что человек перестроился. Обязательно! Пришли, Василий Иваныч, своего Чухвастова, я ему новые веяния времени и требования изложу!

— Черт побери! Мудаки штабные! Их требования меняются каждый квартал, — сказал обиженный комбат, когда строевик удалился восвояси.

— Это точно, — согласился я. — А потом у пехоты на х/б одни дырки от осколков. Половина офицеров домой без наград уехали.

— Стоп! Комиссар, что ты меня убеждаешь? Я же не против. Представляй, пиши! Но Бодунов и Берендей пьют?

— Употребляют.

— Афоня дебоширит?

— Всего один раз.

— Степушкин и Радионов по своим стреляли из «Васильков»?

— С кем не бывает... По мне свои уже раз пять долбили.

— А меня что, не чихвостят за эти ваши проказы? Я понимаю твоё желание быть добреньким к друзьям. Но это скоро пройдет, когда начнут тебя иметь за целый батальон, за всех пятьсот пятьдесят человек. Посмотрю через месяц на твою дальнейшую доброту и жалость.

Глава 8

Первые поминки

Подорожник был несколько растерян, удручен и озабочен. Он хмурился и нервничал, что Иванычу было совершенно не свойственно.

— Никифор, сегодня проводим после вечерней проверки поминки по Сбитневу. Пройди в роты и собери деньги на мероприятие. Отправь «комсомольца» с Берендеем на закупку спиртного и закуски. Начало в двадцать два часа в коридоре женского модуля!

— А командование не помешает? — засомневался я. — Цехмиструк вместе с Золотаревым прибегут и траурное мероприятие сорвут.

— С Филатовым сам, лично, договорюсь, приглашу его, тогда другие «шавки» помешать не посмеют! К черту антиалкогольную кампанию. По-человечески проститься должны с лучшим командиром роты! В ротах с бойцами оставить молодых лейтенантов и «зеленых» прапоров. Им еще рано выпивать, пусть работают! — распорядился Подорожник и, сильно сутулясь, зашагал в сторону штаба полка.

Я пошел в казарму первой роты. Дежурный по роте сержант Лебедков бросился докладывать. Но я отмахнулся (не надо!).

— Где офицеры? — спросил я у сержанта.

— В ленинской комнате. Что-то обсуждают!

В ленкомнате, к моему удивлению, совещание проводил старший лейтенант Грымов. Хм! Чудно! Он ведь после отпуска как залез на заставу в горах, так три месяца в полку не появлялся. Не желал работать под командованием Сбитнева. Грымов сморщился, словно от сильной зубной боли,

при моем повлени и скомандовал: «Товарищи офицеры!». Я махнул рукой и коротко рассказал об организации поминального вечера.

— Калиновский, выйди со мной на минуточку! — распорядился я в заключение.

— Слушаю вас, товарищ старший лейтенант! — произнес Александр, затворив за собой дверь.

— Откуда взялся Грымов?

— Приехал вчера, вступил в командование ротой! — ответил Калиновский.

— Почему он командует, а не Острогин?

— Потому что Эдуард — заместитель командира роты.

— Этот заместитель сбежал из роты и, включая отпуск, пять месяцев его абсолютно не интересовался. Ну, да ладно, сегодня комбат решит, кто будет командиром.

— Комиссар, какие у тебя предложения будут по образовавшейся вакансии в первой роте? — спросил, затягиваясь сигаретой, Подорожник.

— Если назначение на усмотрение командования батальона, то Острогин или Мандресов, — ответил я, не раздумывая.

— Конечно. Своих тянешь! — усмехнулся майор Вересков.

— А что, Серж давно готов быть ротным. Мандресов неплохо руководит отдельным взводом АГС, — парировал я реплику зампотеха.

— Нет, Острогин не годится, — возразил комбат. — Не хватает ему серьезности. У меня два варианта: Грымов и Мандресов.

— Но мне Артюхин говорил, что Грымов вас лично просил отправить его на заставу. Что он устал и боится. А как рота освободилась, то он первый кандидат? — возмутился я.

— В тебе говорят уязвленное самолюбие и желание отомстить за его подлые поступки. Хорошо, я подумаю и вечером сообщу свое решение. Все свободны!

Комбат начал листать блокнот и тетрадь с записями, что-то подчеркивать. Ага! Взятая за архив, вспоминает, что у кого за душой. Ну, что ж, пусть Чапай думает, решает. На то он и Чапай.

Золотарев вызвал политаппарат для инструктажа. Обычный набор для нотаций: наглядная агитация, документация, журналы политзанятий, конспекты, наградные документы. И в заключение совещания распорядился:

— Сегодня на построении проверить у личного состава документы. Что у солдат только в них не хранится! И молитвы, и иконки, и даже листовки «духовские»! Некоторые несознательные нательные кресты носят! Начальник политотдела в восемьдесят первом полку на строевом смотре с одного комсомольца крестик снял, а у другого в комсомольском билете

«Спаси и сохрани». Бабушка, говорит, дала, чтобы Бог уберег! Ему, обалдую, мама крест повесила, а выговор получили все политработники.

— Любопытно, солдат, с которого крестик сняли, живой? Не погиб? — спросил задумчиво майор Оладушкин. — Маманин оберег сняли, теперь пропадет боец...

— Стыдно, товарищ майор, а еще замполит артиллерийского дивизиона! — возмущился Золотарев. — Может, вы и в Бога верите?

— Крещен. Не верую, но часто размышляю о душе. Перед Афганом крестился, — сказал тихо Оладушкин. — А тут на войне поневоле задумаешься об этом.

— Ну, вы даете, товарищ майор! Будем считать, я этого не слышал! Товарищи офицеры, свободны! — скомандовал замполит.

Ко мне подскочил Цехмиструк. Он недавно получил звание подполковника, одновременно с обоими замполитами полка, и очень этим гордился.

— Никифор! С тебя причитается! Взгляни, какую статью я про тебя в журнале написал!

Я взял в руки новый номер журнала «Советский воин» и прочитал заголовок «Комиссары наших дней». Фото не мое — пропагандиста, автор заметки секретарь парткома. Обо мне написано только то, что я водил людей два раза в атаку, про рукопашную схватку с мятежниками. Многие переврали, даже имя.

— Эх, товарищ полковник, вы забыли, как меня зовут? Я — Никифор, а не Александр.

Цехмиструк, выпучив глаза, схватил журнал, взглянул в него и укоризненно произнес пропагандисту:

— Саша, ты что же, задумался и про себя писал? Действительно, на фотографии нет Ростовцева и имя не то... — обратился он к Чанову. «Партийный вождь» почесал лысину и вновь укоризненно покачал головой.

— Вы на меня статью взвалили, я еще и виноват! Сами разбирайтесь, товарищ подполковник! — махнул рукой раздраженный пропагандист и убежал прочь.

Оладушкин улыбнулся и шепнул мне на ухо:

— Капитан себя на твоём месте представил. О том, как он красиво встал во весь рост и бросился в атаку на врага! Ура-а-а! Не выходя из кабинета, конечно!

— Молодец, шустрый мужик! Стал досрочно капитаном, не появляясь на боевых действиях! — улыбнулся я в ответ.

— Чего шепчетесь? Задачи получили? Вперед! — гаркнул танкист майор Коваленко. — Я прямо сейчас пойду и осмотрю своих «бронелобых» на позициях! Там у ротного такая замечательная самогонка выгна-на! Не желаете присоединиться?

— Спасибо, у нас сегодня поминки по Сбитневу, — отказался я, нахмурившись.

— А у меня желудок побаливает, — объяснил свой отказ Оладушкин.
— Василь Васильич! Этим лекарством его только и лечить! Ядреный первач! Зря отнекиваешься! — подбодрил товарища замполит-танкист.
— Нет, Витя! Я лучше морс попью, отвар брусничный, шалфеем рот пополощу, — сказал Оладушкин и пошел «медитировать».

Я отвел своих подчиненных в сторону и отдал последние распоряжения на сегодня. Мелешенко насупил, ему явно не нравилось, что я им руковожу. Шкурдюк дружелюбно улыбался, он был доволен и, судя по всему, даже рад. Галиновскому на первых порах, наверное, было безразлично, кто у руля. Бугрим, стоя, дремал, очевидно, не проснулся после бурной ночи с парикмахершей. Черт! Раньше проще было, когда отвечал только за себя!

* * *

— Рахмонов! Это что у тебя такое? — спросил я, заглядывая в люк механика. На сиденье лежала миниатюрная книжица размером десять на десять сантиметров в кожаном футляре, с замком-молнией.

Механик смутился:

— Это ничего, так пустяк! Это сувенир!

Я растегнул застежку и увидел витиеватую вязь арабского алфавита. Коран!

— Э-э-э! Вражеская пропаганда! «Духовская» агитация! Конфискую! И четки эти костяные тоже заберу.

— Но я же мусульманин, я изучаю, — сделал механик робкую попытку вернуть книгу.

— Ты, кажется, в КПСС собрался вступать, заявление написал! Вот и выбирай — партия или медресе! Забираю книжку и молчу о происках идеологического противника, — ухмыльнулся я и зашагал из парка, довольный своей находкой.

Коран! В кожаном футляре! Красивый сувенир!

В нескольких машинах, кроме этого, обнаружилась пачка цветных иллюстрированных журналов Исламской партии Афганистана, листовки, названия. Таких журналов и у меня была целая стопка. Я их сжег весной, когда Артюхин обнаружил ворох этой литературы у меня на столе. Он тогда сказал: «Если не хочешь, чтобы тобой занялся особый отдел, уничтожь! Настучат контрразведчикам „шептуны“, потом будут заставлять писать объяснительные, устанешь оправдываться. Им же нужна отчетность о проделанной работе. Галочку в бумажках поставят, а у тебя судьба сломана».

Журналы я порвал и в урне спалил, на служебных бланках ИПА (Исламская партия Афганистана) письма домой полгода писал. Посылал как сувениры: красивая бумага с эмблемой в виде скрещенных сабель. Детям когда-нибудь покажу. С цензурой большие проблемы. Даже фотографии

на границе отбирают, особенно если с сожженной техникой, с развалинами домов, с оружием. Войны ведь никакой нет.

В коридоре решили не садиться. Вечером становится прохладно, а ветер надует песок и пыль в салаты. Четыре стола пересекали большую комнату, в которой жили три женщины. От окна и до двери стояли тарелки, бутылки, стаканы. Входя в помещение, сразу натыкаешься на угол крайнего стола. Три десятка офицеров и прапорщиков, разбавленные несколькими женщинами, теснились плечом к плечу.

Комбат поднялся и взял стаканчик, наполненный до краев.

— За Володю! Пусть ему земля будет пухом! До дна!

Мы встали, молча выпили, сели. Каждый из нас задумчиво жевал, кусывал, думал о погибшем товарище, о своей судьбе, о войне. Я пребывал в раздумьях, переживал, что в последнюю встречу слегка поссорился с ним. Вовка как бы ревновал к моему быстрому служебному росту. Раздражался. Черт, по-дурацки все вышло. Мужики дружно обвиняли Ошурова в смерти Сбитнева. Какого черта под обстрелом вызвал к себе! Еще и сам пулю схлопотал в грудь...

Второй тост — за успешный вывод, чтоб повезло ребятам на Родине, а третий — за всех погибших. После третьего тоста Подорожник объявил о своем решении назначить командиром роты Мандресова. Большинство собравшихся одобрительно загудели, поддерживая это назначение. Выпили за Мандресова.

— Вместо Александра, если, конечно, утвердят его на роте, на взвод АГС буду предлагать лейтенанта Ветишина.

Одобрительные возгласы были прерваны недовольным высказыванием Мандресова:

— А кто останется в первой роте? Только один взводный?

— В полк прибыли молодые лейтенанты, завтра укомплектуем образовавшиеся вакансии в ротах, — успокоил его комбат.

Выпили за выдвижение Ветишина.

Грымов отставил свою рюмку, молча встал и, не прощаясь, тихонечко вышел из комнаты. На его лице отразилась целая палитра чувств: гнев, ярость, злость и обида.

Я усмехнулся про себя и, случайно встретившись взглядом с Ветишиным, подмигнул ему. Сережка понимающе мигнул в ответ. Обошли должностью Эдуарда, вот он и бесится. Поделом ему.

Последние тосты заглушила громкая музыка, изливаемая магнитофоном. Внимание народа переключилось на женщин. Вспомнили и о них: начались танцы-обнимансы.

Комбат подозвал меня к себе:

— Комиссар, не будешь ли так любезен не появляться в нашей совместной коморке часа два-три? Я хочу немного размяться! Договорились?

Я кивнул головой в знак согласия, а Чапай увлек за собой Наталью. После ранения в ногу начальника штаба в наших «апартаментах» проживали мы вдвоем. Кроме меня помешать комбату развлекаться больше некому.

Едва он растворился за дверью в ночной темноте, как рядом на подоконник присел угрюмый Арамов.

— Никифор Никифорович, есть разговор! Ты зачем отобрал у Рахмонова Коран?

— Конфисковал согласно приказу Золотарева! Подрывная литература.

— Какая подрывная? Он ведь мусульманин!

— А книга на арабском языке. Рахмонов, может, арабский знает, а я нет! Пусть приобретет на русском, чтобы знал содержание. Потом пусть читает на здоровье. А вдруг под видом религиозной книги там антисоветская пропаганда?

— Ну, Ник, брось дурить! Знаешь же, что это не так! Не отдашь солдата книгу?

— Нет, не отдам! Мне она самому понравилась. Трофей!

— Подари лучше мне, я буду читать! Это священная книга. Она не может быть сувениром. Пожалуйста!

— Баха! Я тебе ее подарить не могу, сам говоришь: книга — священная! Но могу обменять. Сейчас только придумаю на что.

Я на минутку задумался. Думать мешал шум. Пьянка постепенно выходила из-под контроля. Мужики начали цепляться друг к другу, тискать девчат в углах, горланить песни. И тут в комнату вихрем ворвался командир полка и покрыл всех трехэтажным матом. Филатов со злостью пнул ближайшую табуретку и выдал еще одну витиеватую фразу из семи непечатных слов. Мастер! Самое благозвучное из всего сказанного было:

— Вон отсюда! Прекратить балаган! Это поминки или что?!!

Кто сидел у раскрытых окон, как я, выпрыгнули в окно. Кто был близко к дверям, прошмыгнул в них. Троицким или четверым, что были ближе к «кэпу» и не увернулись, достались звонкие затрещины. Магнитофон замолчал, получив командирского пинка.

Пробираясь сквозь колючки и репейники, я громко выругался и выразил эмоции вслух:

— Черт! Иван Грозный! Сорвал отдых!

Следом за мной на дорогу из зарослей выбрался Арамов. Мы принялись отчищать от репьев брюки и неожиданно оба громко рассмеялись.

— Да! «Кэп» в гневе страшнее раненого вепря, — сказал Баха.

— И правда, сами виноваты, пустили мероприятие на самотек. Не выдержали нервы у «бати». Нужно было закругляться еще минут двадцать назад, — вздохнул я. — А я уже было положил глаз на новенькую, Ленкой, кажется, зовут, по прозвищу Ногтегрызка (ноги очень худые, а руки еще тоньше). Придется идти в свой модуль спать.

— Но какой стиль! Какой слог! Силен «бугор», силен, ничего не скажешь! Классика жанра! Итак, Никифор, вернемся к нашему разговору: твои условия обмена, на что махнемся?

Я опять задумался. Арамов в мае женился на поварихе-хохлушке, землячке комбата. Она была старше Бахи лет на пять. Мужики отговаривали парня, только Подорожник одобрял: «Хорошая женщина, гарная дивчина, справная. Остепенишься. Правильно, лучше хохлушек жен не бывает». После свадьбы «молодым» выделили отдельную комнату в штабном модуле, в семейном углу. Там жила еще семья помощника начальника штаба.

— Меняю на самовар. Электрический чайник у нас сгорел, покупать неохота. Махнусь на твой семейный самовар! — придумал я вариант обмена.

— Он не мой, а жены. Давай на что-нибудь другое.

— А у тебя больше ничего нет, чего я не имею. Может, на трофейную саблю?

— Фигу! Саблю, коня и жену — не дам никому!

— И я Коран и кинжал — не дам никому.

Баха, обиженный отказом, махнул рукой и побрел домой. К жене. Я же, словно неприкаемый, пришел к дверям своей комнаты. Услышав сладострастные стоны и счастливые всхлипы, я понял, что пока тут лишний. Если курил бы, то сейчас самое время закурить. А так, сидел на ступеньках и глазел в небо, трезвея. Некоторое время философствовал про себя о мимолетности человеческой жизни и всего человечества в многомиллиардной истории Вселенной.

Через час мне надоело ждать окончания «кобелирования» Подорожника, слушать стук кровати. Я отправился обратно, откуда пришел, в поисках развлечений. На лавочке, прислонившись к стене, сидела, дышала и наслаждалась ночной прохладой Татьяна — начальница столовой.

— Танюша, я составлю тебе компанию, не возражаешь?

— Садись, если найдешь свободное место, — ответила толстушка.

Действительно, места было мало даже для меня, худощавого. Берендею не хватило бы места и на одну ягодицу. Я плюхнулся ей под бок на скамью и откинулся к стене модуля, обхватив при этом левой рукой часть талии Татьяны.

— Эй, но-но! Только без рук. Так сегодня устала в этой дурацкой столовой, что ноги до комнаты не дотащить.

— Если бы ты была наполовину меньше, я бы донес тебя до койки, чтоб не утруждала ноги. А так, извини, боюсь, не справлюсь.

— Юморист! Чего бродишь по полку? Не спится?

— Ага. Комната занята комбатом, не попасть — да и гормоны кипят.

— Если негде спать, могу сдать на ночь койку. У нас одна в комнате свободная, а с гормонами ничем не смогу помочь.

— Ну и ладно. Где это ложе, куда я смогу бросить усталые кости?

— Ну, пошли, костлявый герой!

В пустой комнате стояли три кровати, но в помещении почему-то никого не было.

— Продавщица Рита у Губина в гостях, придет утром, поэтому можешь отдыхать спокойно. Блаженствуй, только без глупостей!

— Это хорошо, что соседки нет, мы с ней враги, — обрадованно сказал я и принялся раздеваться в темноте. Бросив х/б на стул и сняв туфли, я протопал босыми ногами к хозяйке «квартиры».

— Эй, эй, ловелас! Не было такого уговора! Шагай на место! Не было дозволения о приставаниях. Ложись к себе, а не то нечаянно зашибу! — Татьяна при этих словах вытянула вперед огромный кулачище.

Вот как интересно распорядилась природа! Красивое миловидное лицо при богатырских размерах тела. Не в моем вкусе, но в темноте, в общем-то, я мог решиться и настроиться. Но такой кулачище отбивает всякое желание.

Я рухнул на кровать, думая, что немного полежу, соберусь с мыслями и повторю попытку. Но, размякнув на перине, мгновенно отключился, словно рухнул в пропасть. Устал.

С первыми лучами солнца кто-то потрянул меня за плечо со словами:

— Эй, героическая личность! Вставай! Выбирайся отсюда, как хочешь! Только не через мое окно. И чтоб никто не видел, а то пойдут глупые, ненужные разговоры.

— Черт! Как нехорошо получилось! Заснул и бездарно провел ночь!

— И хорошо, что не было второй попытки штурмовать меня. Точно бы началась у нас с тобой драка. Мне еще в Союзе мужики надоели, липнут, гады, как мухи. А я этого не люблю! Убить всех готова. Проходу от вас нет.

— За одиночеством нужно было отправляться к амазонкам, а тут здоровый мужской коллектив. Не будет тебе ни сна, ни покоя, — сказал я, смущенно одеваясь, и быстро, не прощаясь, вышел за дверь.

* * *

Дежурным по полку я заступал впервые. Помощником дежурного, начальником караула был, а дежурным — никогда. Начало — развод караулов и наряда — прошло нормально. Хорошо, что нет Ошуева, большого любителя снять состав наряда с дежурства. Не успел принять оружкомнату и документацию у прежнего дежурного, Оладушкина, как уже случилось происшествие. Пришедший сдавать пистолет дежурный по автопарку прострелил задницу (точнее сказать, бедро) «помдежу». А дело было так.

— Коля, ты пистолет разрядил? — спросил Оладушкин Колоколова.

— Ага. Кажется. Сейчас проверю, — ответил лейтенант и, не вынимая обойму, перезарядил пистолет. После этого отвел ствол в сторону и нажал на курок. Выстрел пришелся в стоящего у стены капитана. Раненый Рычагов взвизгнул и подскочил вверх метра на полтора, затем со сто-

ном рухнул на пол, приземлившись на зад. Капитан взвыл, вновь подпрыгнул и упал в объятия Колоколова.

— Скотина! Изверг! Тебе мало коллекции «духовских» ушей, взялся за отстрел наших жоп! — рычал он на Колоколова.

— Прости, брат! — вскрикнул Николай. — Гадом буду, не хотел. Прости! — С этими словами он уронил ПМ на пол, и тот выстрелил еще раз, к счастью, не задев больше никого.

На выстрелы сбежались штабные. Пороховая гарь заполнила узкий коридор, а кровь, хлеставшая из раны, продолжала заливать пол.

— Заткни дырку рукой и в санчасть! — скомандовал начарт.

— Заткнул, все равно течет, — ответил Рычагов, прижимая платком дыру в штанах. — Не хочется умирать в жопу раненым!

— На руки и бегом в медпункт, не то со смехуечками от потери крови помрет. От идиотского ранения! — взвизгнул Оладушкин,

Шесть офицеров бегом поволокли подстреленного в санчасть спасать от потери крови.

Командир раздавал виновнику происшествия затрещины. Вновь орал, что не доживет с такими мудаками до замены и что доведут его до инфаркта.

Один плюс в этой истории для Рычагова все же был. Получил позднее орден по ранению...

Я лежал на кровати и читал газету при свете ночной лампы. В своем углу в полумраке кряхтел, ворочался и пыхтел комбат. Он что-то бормотал себе под нос и несколько раз раздраженно хмыкнул.

— Василий Иванович! Свет мешает? Выключить? Будете спать? — спросил я, чувствуя некоторую неловкость.

— Да нет, нормально. Читай, просвещайся. Я тут молодость вспоминаю, подвожу некоторые жизненные итоги. Не отвлекай.

Ну, что ж, не мешать так не мешать. Я и сам не особо настроен говорить. Искося взглянув на Подорожника, я вдруг заметил, что он загибает пальцы, производя какие-то подсчеты. Дочитав газету, я встал, подошел к электрочайнику, налил себе кружку кипятка и насыпал заварки. Иваныч в это время громко выругался, чертыхнулся и начал что-то быстро писать на листе бумаги. Это продолжалось минут пятнадцать, пока я жевал бутерброд, прихлебывая его чайком.

— Комиссар! Налей и мне кружечку. Выпью, подумаю, может, кого еще забыл.

— А что вы вспоминаете?

— Молодость. Понимаешь, решил вспомнить, сколько в моей жизни было женщин и как их звали. Получается, то ли пятьдесят две, то ли пятьдесят четыре. Два эпизода какие-то смутные, и не могу понять, реальность они или нет. Четырех дивчин не могу вспомнить по именам, а половину лиц вообще не припоминаю. Только смутные очертания.

— Сами себе ничего не прибавили в количестве?

— Да нет. Вроде объективно. Точно, почти как в аптеке. Почти...

— И что, в памяти удерживаете всю полусотню?

— А чего? Имена ведь русские, наши. Правда, была одна чешка, одна узбечка и одна казашка. Но их я как раз помню отчетливо. Экзотика! Сбился в количестве Наташ и Людмил. Много их было: очень имена распространенные.

— И зачем это вам нужно?

— Э-э-э, молодо-зелено! Это моя коллекция! Я ее начал собирать еще в училище. Мне как-то прапорщик-инструктор на стажировке рассказал о своем хобби. Он шел к сотне любовных побед. Не хватало мужику дватри «скальпа». Я вначале подивился чудачеству, а потом принялся и сам на корочку головного мозга откладывать любовные истории. Но я разнообразил это увлечение. Хочу, чтоб не было мною не обласкано и пропущено ни одного имени. Собран венок из имен! А как звучат! Анжелика, Алевтина, Беата, Вероника, Валентина, Галина, Динара, Елизавета, Елена, Жанна, Зинаида, Ирина, Клавдия, Лариса, Марина, Надежда, Наталья, Ольга, Полина, Рита, Светлана, Серафима, Татьяна, Фирюза...

— Василий Иванович! Вы строго по алфавиту их распределяете или еще и по годам знакомств?

— Понимаешь, Никифорыч, по именам интереснее. И самая главная моя сверхзадача, как по Станиславскому, — ни одного года вхолостую, только с пользой! Пока что получается.

— Гм... Рита — это вроде Маргарита. Неувязочка.

— Да, ты прав. На букву «эр» пока пробел. Не было ни Розы, ни Роксаны какой-нибудь. Время есть — полжизни впереди. Коллекция постепенно совершенствуется, пополняется.

— А на какие буквы еще имеются пробелы?

— На «У». Мечтаю познакомиться с Ульяной. Такое в наше время редкое имя! На буквы «Х», «Ц», «Ч», «Ш», «Щ». С последней частью алфавита определенные проблемы. Испробовал я только Элеонору и Эльвиру, Юлию, Яну. А вот на эти проклятые шипящие согласные — загвоздка. Пробел. Где теперь найти Цирцею, Харлампию, Хиврю? Бр-р-р. Какое ужасное имечко! С такой и в постель не ляжешь. Разве что только где-нибудь за стогом. Есть балбесы, которые тупо бьют числом, а я под интерес. С каждым новым именем оживаю. Очередная Наташа или Ира, продублированные, мне уже не интересны и не заводят. Нет пробуждения чувств.

— А эта Наташка-«стюардесса» какая в ряду?

— Шестая Наталья. Но тут, как говорится, не до выбора, а чтоб не усох и не вышел из строя прибор. За инструментом необходимо следить и ухаживать! И у меня к тебе сейчас большая просьба. Ты, я смотрю, газетку дочитал?

— Да. А что?

— Сходи, пожалуйста, в батальон, осмотри казармы, проверь наряд после отбоя. Часика два погуляй. Думал сегодня спокойно поспать, но что-то кровь от этих воспоминаний забурлила, закипела. Интерес поднялся. Будь так любезен — освободи помещение.

Я недовольно вздохнул, но принялся одеваться.

— Не обижайся, но тебе, Никифор Никофорыч, сейчас надо рыть носом землю! Ты в двадцать пять лет достиг того, к чему я пришел после тридцати! Работай! А я уже давно отдыхать должен. Знаешь, какое у меня «золотое правило»? Пахать как папа Карло первый год службы, создать себе имя и репутацию. После этого имя будет долго на тебя работать. Я вот сейчас лишь процентов на тридцать напрягаюсь, а претензий ко мне никаких. Механизм отлажен, крутится-вертится, коллектив сплочен и выдрессирован. Теперь настала пора трудиться моим заместителям, сохранять тщательно созданную структуру.

— Заместителям... Громко сказано. Замкомбата бронезилет к дверям прибил, забаррикадировался и выходит из комнаты только поесть и облегчиться. Начальника штаба после госпиталя и отпуска до Нового года не увидим. Зам по тылу себе новую должность обхаживает, а зампотех не расстается с гитарой и творит сонеты.

— Вот тебе и флаг в руки! Зарабатывай авторитет на новой должности. Ты, конечно, имя уже немного себе сделал, но в основном как «боевик», а не как воспитатель и замкомбата. Иди, трудись! И не стесняйся. Если вдруг понадобится освободить комнату, намекни — сразу уступлю поле битвы, пойду проверять наряд и караул.

— Спасибо за заботу! — Я вздохнул и вышел из комнаты, застегивая куртку на ходу.

* * *

В казарме буянил Бугрим. Разведвзвод был построен в коридоре у каптерок в одну шеренгу, все стояли, потупив взоры. Прапорщик держал за грудки двоих бойцов и тряс так, что они ударялись друг о друга головами, при этом он что-то грозно говорил сквозь зубы.

— Виктор! В чем дело? — спросил я, хмурясь.

— Зайдите к ним в «каморку», товарищ старший лейтенант, сразу увидите это «дело».

Я толкнул ногой дверь и вошел в каптерку. За столом сидел солдат перед чистым листом бумаги, теребя в руках ручку. Лямин — мой недавний спаситель.

— Что случилось? — спросил я громко, и солдат, вздрогнув, поднял голову.

Огромный фингал окрашивал синевой правую половину лица, закрывая глаз опухолью. Бил левша. Левша у них во взводе Гостенков, он всегда

этим козырял. Нос у солдата был как слива. Губа подбита. Вот оно, поле деятельности, о котором говорил Подорожник.

— Дружище, кто тебя так отделал? — поинтересовался я для порядка.

— Никто, упал. Споткнулся в темноте, — пробормотал боец.

— Ага, так я и думал. Три раза подряд и разными частями физиономии! Это работа Гостенкова?

— Нет. Я сам упал.

— Ладно, иди в ленкомнату, там пиши свои воспоминания.

Я выглянул из кабинета и позвал солдата:

— Гостенков! Подь сюда!

Двухметровый громила отделился от стены, вошел в каптерку и доложил:

— Товарищ старший лейтенант! Ефрейтор Гостенков по вашему приказанию прибыл.

И тут же получил по лбу огромной деревянной указкой, лежавшей на столе.

— Ох! За что? — завопил, схватившись за голову, боец.

— За то! За все хорошее! Сам знаешь, за что!

— Убью гада! Вот гнида! Заложил! — завопил, слегка шепелявя, солдат.

В это мгновение он получил еще один удар по плечу, от которого палка, не выдержав, переломилась пополам.

— У-у! Ни за что! Разве так можно? А еще земляк, в одной области живем... Обижаете!

— Послушай ты, «шкаф»! Тебя, негодяя, и меня Лямин в «зеленке» от смерти спас. Это он двух «духов» завалил, когда у тебя, недотепа, патроны в пулемете закончились.

— У вас тоже патронов не было...

— Так вот, недоумок, не будь его, нас обоих упаковали бы в дальнюю дорогу в деревянно-цинковых гробах. И лежал бы ты сейчас в Сибири в промерзлой земле. Но тебе было бы все равно, потому что мертвецы к холоду не чувствительны!

— Ну, зачем вы так злобно?

— А как с тобой, недоноском, разговаривать? Забыл, как я тебя защищал, «дембелей» гонял? Теперь сам «постарел», других обижаешь? Об тебя можно не указку сломать, а ломик согнуть! Я сразу вычислил твою руку. Левша... Удар с левой руки — твой. Кто бил его еще?

— Не знаю, я не бил.

— Гостенков, я сейчас вызову Бугрима и оставлю с ним наедине. Виктор из тебя сделает отбивную.

— Я ничего не знаю.

— Ну и ладно, тебе жить, тебе думать. Сейчас из тебя будем делать инвалида войны.

Приоткрыв дверь, я вызвал «комсомольца», шепнул ему на ухо: «Действуй!» — а сам принялся распекать разведчиков.

— Шлыков, Мочану, Викула, Мартын! Как вам не стыдно! Воюете в «зеленке», друг друга из засад выручаете, раненых товарищей выносите, а в полк возвращаетесь и лупцуете молодежь! Вдруг завтра этот Лямин или другой молодой солдат возьмет и кого-нибудь из вас, не дай бог, раненого не понесет, бросит.

— Пусть только попробует! Я ему не вынесу! — прошипел грозно Мочану.

— Что-то ты разговорился, «молдован». Забыл, как мы за тебя с ченцами воевали?

— А никто и не просил об этом.

— Никто не просит и сейчас, но теперь я возьмусь за вас.

В казарму забежал Пыж и сходу хлопнул ладонью в ухо каждому старослужащему. Они взвыли, потирая лица.

— Пыж! Николай! Без разрешения особо руки не распускай, — возмущился я.

— Разрешите, товарищ старший лейтенант, поговорить с этими болванами? — нахмурился начальник разведки батальона.

— Не возражаю. Но говорить с ними нужно чаще и до того, как они кулаками махать начинают! Ясно, товарищ старший лейтенант? — спросил я гневно.

— Так точно, товарищ старший лейтенант! — отрапортовал Пыж.

Мы разошлись в разные стороны. Я в ленкомнату (допрашивать молодежь), а Пыж в каптерку (пытать совместно с Бугримом «дедов»). Бойцы, как всегда, написали, что никто их не обижает, никто не издевается, все нормально и хорошо. Но Лямин в заключение беседы попросил перевода в другой батальон.

— Эх, солдат, там на дороге тоже не сахар, — обнял я за плечи пулеметчика. — Ты думаешь, там нет старослужащих? И там такие же болваны и негодяи встречаются. Но во втором и третьем батальоне — тоска! Будешь безвылазно сидеть на заставе.

— Прошу перевести куда-нибудь, а то ребята будут думать, что это я стуканул, и жизнь моя станет во взводе невыносимой.

— Ну, давай переведем в АГС.

— Я не хочу оставаться в батальоне. Это же один общий коллектив.

— Я благодарен тебе, дружище, за то, что ты меня спас в Баграмке. Поэтому поговорю с комбатом и постараюсь выполнить твою просьбу.

— Спасибо, — ответил солдат и пожал мою протянутую руку.

Спустя три часа я вернулся в модуль и осторожно открыл ключом дверь. Комбат, как оказалось, не спал, а читал книжку.

— О! Комиссар, что-то задержался! Я просил пару часов, а ты выдержал паузу подольше!

— Разбирались с разведзводом. Лямину физиономию набили и другую молодежь «старички рихтовали». Вот пришлось дурь из них вышибать.

— Черт! Придется завтра Пыжом заняться! Что-то он в последнее время много спит и мышей не ловит. Как старый кот стал. Что еще плохого?

— Лямин просит перевести его в третий батальон. Я пообещал с вами поговорить. Бьют его. Считают «стукачом». Парень неплохой, меня и Гостенкова в рейде выручил, прикрыл. Теперь этот Гостенков, дурила, его мутузит.

— Ах, негодяй! Давно ли «зеленым» сопляком ходил! Ну, я ему завтра устрою веселую жизнь! Ладно, садись, чайком побалуемся, а после я пройдуся по ротам. Распустились!

Я присел на табурет, выбрал большую кружку и вприкуску с сахаром начал пить чай, обжигая губы. После такого расстройства неплохо бы вместо этой бурды полстакана коньяка.

Верхом идиотизма на войне является проведение итоговой осенней проверки. Строевой смотр, политзанятия, строевая подготовка, физическая подготовка, огневая, вождение и, наконец, ротные тактические учения со стрельбой. И это практически сразу после десяти дней боевых действий. На контрольные занятия прибыли офицеры из Ставки Южного направления и какие-то полковники из Москвы. Хрен их разберет, чего им от нас нужно! Может, чтоб мы умерли от истощения на этих тактических учениях?

Как назло стояла дикая жара. Батальон, экипированный с ног до головы, как положено по Уставу, закованный в каски и бронежилеты, выдвинулся на полигон. Даже офицеры шли в полном снаряжении и хромовых сапогах. Душа у проверяющих радовалась...

Я развернул походную ленокмнату на плащ-палатке, разложил конспекты, учебники, поставил агитационные плакаты и встал рядом с указкой в руке. Чухвастов прикрепил на большой фанерный щит план учений, на другой повесил карту, разложил документы и тоже пристроился рядом. Взводные и ротные, обвешанные полевыми сумками, планшетами, ОЗК, противогазами и с конспектами в руках, руководили на учебных местах. Маразм крепчал, показуха шла согласно плану.

Проверяющие верят или делают вид, что верят в правдоподобность происходящего, а мы изображаем, что такой образцово-показательный порядок у нас постоянно.

Взмокший и разомлевший на солнце толстый полковник присел на ящик с учебными пособиями.

— Уф! Жарища! — произнес он и принялся обмахивать себя шитой на заказ фуражкой с высокой тульей. Пот градом лил по спине и щекам, форма его быстро промокала.

В этот момент откуда-то из канавы вылез солдат в тельняшке, в пятнистых штанах, с пулеметом на плече. Смачно сплюнув на землю, он прошествовал мимо нас, кидая презрительные взгляды, а затем ушел через овраг на следующий пригорок. Полковник вскочил на ноги и заорал, что есть сил:

— Эй! Стой! Назад! Ко мне! Кто такой? На-а-аза-а-ад!

Военный оглянулся, почесал затылок и сел в густую пыль. Из колючек вышел еще один вояка. В маскхалате, в кроссовках и со снайперской винтовкой в руках. Ехидно взглянув в нашу сторону, парнишка прошествовал к сидящему товарищу.

— Стойте! Эй, вы, стоять! Ты кто? Ко мне! — вновь закричал начальник, подпрыгивая от злости.

В эту минуту той же тропой проследовала парочка автоматчиков. Один в офицерской защитной рубашке и спортивных штанах, а другой в выцветшем «песочнике».

Полковник потерял дар речи и подскочил к заму командира полка Губину:

— Товарищ подполковник! Наведите порядок! Что это за банда? Кто такие? Почему они мне не подчиняются?

Мимо прошел еще один пулеметчик в тельняшке. Усевшись на пригорке, «банда» дружно закурила, обсуждая ситуацию.

— Старший! Ко мне! — громко позвал Губин.

Ватага собралась в круг и принялась о чем-то громко и яростно спорить. Очевидно, выясняли, кто будет старшим и пойдет объясняться к полковнику. Наконец, после долгих препирательств, минут через пять, от группы отделилась фигура в камуфляже. Но, сделав пару шагов по направлению к нам, солдат опять вернулся к толпе. Бойцы сгрудились возле радиостанции и что-то кому-то доказывали по связи. Затем тот же солдат направился к нам.

— Вы кто? Что за шайка? — накинулся на него полковник.

— Сержант Сайфулин. Командир отделения.

— Это отделение? Это сброд!

Сержант насупился и сплюнул себе под ноги.

— Что за вопиющая наглость? Вы из какого полка? — опять разгневался полковник и, сжав кулаки, приблизился к сержанту, готовый броситься на того.

— Рота глубинной разведки. Мы из штаба армии.

— А-а-а... Товарищ полковник, я сейчас все объясню, — вступил в разговор Губин и потянул за руку полковника: — Это не пехота. Это спецназ. Они даже не совсем Министерство Обороны. ГРУ (Главное разведывательное управление)! Они так воюют. Бывает, передеваются в афганскую одежду. Работают самостоятельно в глубоком тылу противника.

— Гм-гм... А где же ваш командир группы или взвода? — осекся проверяющий.

— Лейтенант идет со вторым отделением по другой стороне хребта. В трех километрах движутся параллельно нам.

— А где командир роты?

— Группа командира роты проводит занятия в другой части города.

— Идите, ребята, занимайтесь, — махнул рукой Губин и принялся убеждать начальство в бесполезности праведного гнева: — Эти нам не подчинены. У них всегда свои особые планы. Эта рота и армии подчинена постольку-поскольку. Спецподразделение. Головорезы!

— Анархия! Как же так? Без единой формы одежды? Без касок? Без бронежилетов? Не понимаю! Бардак какой-то! — пыхтел полковник. — У них и планов и конспектов занятий наверняка нет. Надо как-то выяснить, кто планирует их боевую подготовку, проверяет занятия...

Придурок! Эти парни из «зеленки» неделями не вылезают, а он о конспектах и форме. Это мы, бедолаги, «крайняя задница» в этой армии. Отдуваемся за весь ограниченный контингент. Ехал бы ты, полковник, в Алихейль с проверкой занятий! Если сумеешь добраться туда, многому искренне удивишься!

Глава 9

Неудавшийся штурм

Третьи сутки я лежал и мучился в кишлаке с сильными режями в желудке. Расстелив спальный мешок под раскидистыми ветвями большой айвы, я корчился и страдал. Днем боль немного отпускала, тогда вместе с разведвзводом и второй ротой я бродил по развалинам, выискивая оружие и боеприпасы. Вечером кратковременный сон и вновь ночные мучения. Черт, неужели уже заработал язву желудка? В двадцать пять-то лет! Проклятые консервы и сухари. Будь она неладна эта война, эти горы, этот климат и ужасная вода. Какая мерзость! Меня бросало в дрожь, я покрывался липким потом. Задница болела от беспрестанного поноса. Я перестал есть тушенку, кашу, свинину в консервах. Только чай, компот, сгущенка и айва. Айва валялась повсюду вокруг деревьев, висела на ветках, лежала в корзинках и ящиках под навесом. Витамины! Мучился животом не только я, но и многие другие солдаты и офицеры. У взводного Мигунько начался синдром заменщика. Заболело все одновременно. И тошнота, и понос, даже сердце заныло. Организм паниковал в ожидании чего-нибудь страшного, требовал спокойной жизни.

Мигунько после обеда отозвал меня в сторонку и попросил пять минут для разговора.

— Никифор, мне осталось полгода до замены, хочу написать заявление в партию. Дашь рекомендацию? Если тут не примут, в Союзе вступить будет трудно. А без этого какая карьера? Даже роту не получишь, — смущаясь, произнес лейтенант.

— А в чем проблема? Напиши.

— Проблема есть. У меня мать сидит.

— Как сидит, за что? — удивился я.

— На пять лет упекли, за растрату. Торговля...
— Говорил об этом кому-то еще?
— Нет, не говорил, но Растяжкин в курсе. Особисты все всегда знают.
— Они постоянно знают то, что не нужно. А что надо, не знают. Где «духи»? Сколько их? Где склады с оружием?
— Никифор Никифoryч, не отвлекайся, не философствуй. Не откажешь в моей просьбе? — вновь спросил взводный.
— Отчего же? Конечно, примем. Парень ты достойный. Знаешь, какая основная головная боль Цехмиструка и всего парткома?
— Ну?
— Рост партийных рядов. Будет тебе и кандидатство, и членство. Получишь в Союзе и роту, и батальон. А сейчас отвянь! Отстань от меня, будь добр, я еле живой. Скоро вывернусь через задницу наизнанку!
— Ты не один. Я тоже мучаюсь, не пойму отчего. Рези в желудке и животе. От винограда я отказался, из всего, что готовят, только компот пью. Не сдохнуть бы в этой Азии!
— Не болтай ерунды, выживем. Пойдем лучше в карты играть, отвлекает.

Арамов постоянно мухлевал. Жульничал при раздаче, обманывал при отбое, передергивал карты.

— Баха! Если бы мы играли в старые времена и на деньги, настучали бы тебе канделябрами по башке, — пригрозил я ротному.

— А что заметно? — удивился Арамов.

— Мне стыдно за тебя как за командира роты. А впрочем, вторая рота всегда такая.

— Какая это такая? — возмутился Шкурдюк.

— А такая — хитрожопая! Кто на посту полгода балдел? Вы! И систематически стараетесь впереди себя других пропустить. Кто участвовал на показах? Первая рота! А вторая и третья только со стороны наблюдают, — высказался я возмущенно.

— Эй, Никифор Никифoryч! Не забывайся! Ты сейчас мысленно продолжаешь оставаться замполитом первой роты. Хорошая рота, никто не спорит, но ты должен теперь ко всем относиться одинаково! Обижаешь нас! — нахмурился Арамов.

— Прекрати жульничать, и не буду больше обижать. Да и как тебя обидишь? Ты любимчик комбата, он тебя ценит и уважает больше всех в батальоне.

— Интересно, за что? — ухмыльнулся Баха.

— К тебе целый букет симпатий. Женат на землячке — раз. Училище одно и то же окончили — два. Усатые оба — три. Ну и потом вы оба «сапоги» до мозга костей, службисты. Вот отсюда и симпатия.

— Тогда вы, товарищ старший лейтенант, как бывший разгильдяй, должны симпатизировать Афоне, — ухмыльнулся Арамов.

При этих словах Афанасий расплылся в широкой улыбке.

— А я и так ему симпатизирую. Мне нравятся Ветишин, Острогин, Хмурцев, Афоня Александров. Они такие, как я, очень простые и, на мой взгляд, случайные в армии люди. Но на них эта армия держится. Такие не строят карьеру на чужих костях, на трупах, на подлости и предательстве. Без них Вооруженные Силы превратились бы в ржавого, скрипящего железного монстра. Без разума, без эмоций. В бездушную машину.

— Значит, я машина? Робот? — вновь рассердился Арамов.

— Нет, я же не сказал, что ты окончательно стал бездушным карьеристом. Еще не время. Рано. Пока молодой, эмоциональный, пылкий. Все впереди, если пойдешь предначертанным комбатом путем.

— Ну вот, еще больше обидел, — разозлился Баха.

— Извини, если так. Я же не обижаюсь на разгильдяя, и ты не обижайся на карьериста. Тем более что это не преступление, а образ жизни. Ладно, сдавай карты, будем играть не в «дурака», а в «кинга», и не мухлой!

Шкурдюку разговор не понравился, он нахмурился, а Афоня, симпатизируя родственной душе, начал мне подыгрывать. Афанасий, как и я, только месяц назад дорос до новой должности. Назначили его заместителем командира роты. Еще одна случайность. Но на войне такие «просчеты» военная бюрократия допускает. Война для балбесов и баламутов — возможность показать себя с лучшей стороны. Сашка был обалдуй отменнейший. Раз в квартал он ездил в командировки в Союз. То технику отвозил, то «Груз-200» — «Черным тюльпаном». Каждую поездку заканчивал недельным загулом с полным оттягом. Возвращаясь, объявлял об очередной классной девчонке, на которой собирается жениться. То это официантка из ресторана, то случайная знакомая с двумя детьми, то еще не разведенная жена, из-за которой была шикарная драка с мужем. Со слов Афони, муж был, естественно, размазан по стенке, после чего заливал горе водкой, пока Афоня резвился в соседней спальне. То, что Афанасий побеждал в кулачном бою и пользовался диким успехом у слабого пола, неудивительно. Рост — два метра, плечи — косяя сажень. Русые волосы, голубые глаза, хорошо подвешенный язык, шутник, весельчак и балагур. Настоящий «сорви голова» и везунчик. И в «кинга», даже поддаваясь мне, он нас обыграл три раза подряд.

— Замполит, что с тобой? Шо голос невеселый? — заботливо спросил Василий Иванович в ходе очередного сеанса связи.

— Я умираю. Вернее, почти умер.

— Комиссар! Я тебя спасу. Сейчас к вам приедет Хмурцев, завезет аккумуляторы для радиостанций. С ним отправляю Сероивана, поможет, чем сможет. Надеюсь, спасет. Возвращайся вместе с ним к управлению, на командный пункт. Ты мне нужен живым!

Прапорщик внимательно осмотрел меня, дал пару таблеток, выслушал жалобы.

— Иван, я уже кроме компота и айвы ничего не ем. Но желудок режет, как будто какие-то жернова его изнутри трут.

— Компот из винограда и айвы и еще айва в сыром виде? Какой кошмар! И много айвы?

— Несколько штук в день. Вкусная. Витамины. Разнообразие в рационе.

— Айва очень тяжелая пища для желудка. Это как наждачной бумагой по слизистой оболочке! От нее и рези! Поедем на КП, манная каша, куриный бульон — мучения пройдут. Вот еще микстуру выпейте. — Прапорщик сунул в ладонь порошки в пакетиках. — Только не запивайте компотом! Ради бога! Водой.

— Замена язвы желудка на брюшной тиф? — криво усмехнулся я.

— Вот бутылочка с глюкозой, запейте ею таблетки и микстуры, — протянул прапорщик мне склянку с жидкостью.

— Иван, если выживу, быть вам старшим прапорщиком!

Естественно, я выжил. Без айвы организм быстро пришел в порядок и ожил. Желудок и кишечник восстановились. Зад начал отдыхать. Какое счастье!

* * *

Полк продолжал ломать строения в «зеленке» напротив Черикара. Деревья падали, словно скошенные гигантской косилкой стебли молодой травы. Виноградники трещали под гусеницами нашей техники. Дувалы обрушивались, дома взлетали в воздух и осыпались. Дымы из колодцев поднимались, как из печных труб.

Барбухайки проносились по дороге на бешеной скорости, и афганцы испуганно глядели на наши действия под названием «зачистка местности». Вполне возможно, у кого-либо из них тут живут родственники. Вернее жили...

— Василий Иванович, я почти здоров и готов к боевому употреблению. Пора в бой. Разрешите прогуляться к первой роте? — спросил я у комбата ранним утром, после завтрака.

— Что ж, иди, если не лень. БМП не дам. Оно у меня одно, но можешь взять связиста.

— Спасибо! Беру сержанта Шапкина. Посмотрю, что у них да как, и вернусь к обеду.

— Валяй. Навязался на мою голову, вояка! Вместо того чтобы сидеть и оформлять докладные, прешься неизвестно зачем и непонятно куда.

— Почему непонятно? Работа с людьми, в массах...

— Смотри, в массах не задерживайся! Не затеряйся! У меня по плану сегодня после полудня обыграть тебя в картишки!

— Это мы еще посмотрим, кто кого...

— Комиссар! Не задавайся!

Вадим Хмурцев позвал сержанта и помахал рукой напутствуя:

— Никифорыч, возвращайся скорее, а то я один устану от общения с комбатом. Нотации с утра до вечера, без перерыва. А так он и на тебя будет отвлекаться.

— Нет! Я сам разберусь, долго мне там находиться или нет! Мучайся и не надейся на мою помощь.

Бургим сделал попытку вырваться из лап Чапая вместе со мной.

— Возьми с собой, Никифор Никифорыч! Почему я должен суетиться вокруг «шефа»? Меня от его поучений тошнило еще в полку.

— Если я тебя заберу, то он и меня не отпустит, — пресек я его желание сбежать со мной. — Даю слово: вернусь — разрешу развеяться в третьей роте.

— На хрена мне эта третья рота, одни «скобари». Я вечером к Афоне пойду.

— Отправляйся хоть к черту на кулички! Но после моего возвращения! А сейчас отстань от меня. Задерживаешь! Вдруг Чапай передумает. Марш к Подорожнику. Скоро нас Муссолини вызовет, а никого на связи нет!

Отделавшись от горячо желающего сбежать «комсомольца», я устремился к Мандресову. Полтора километра пешком по ровной дороге в принципе полезно для организма. А то обычно перемещаемся, сидя на БМП, да с неподъемным грузом по горам ходим. Какое уж там удовольствие от прогулки. А сейчас с собой только автомат и лифчик с боеприпасами. Приятно прогуляться, подышать воздухом. И хотя в атмосфере полно выхлопных газов от машин и стоит жуткий запах гари, все равно хорошо.

При моем появлении офицеры роты построили кислые физиономии, но потом проявили радушие. У костра расположились Мандресов, Калиновский, молодой лейтенант Гришук (новый взводный вместо Ветишина). Старшина Халитов сидел в сторонке, надев каску, бронежилет, и грустил.

— О! Рома! Тебя выдернули в рейд! В наручниках привезли или добровольно пошел?

— Товарищ старший лейтенант! Командир роты сказала, что без боевых действий не получу медал! А мне медал нужен. Орден не дадут простому старшине, но медал нужен. «За отвагу» хочу! Очень красивый медал!

— Если проявишь себя, получишь! Видишь, Бодунов год в горах, а без ордена. Не все сразу. Заслужи!

— Будь уверен! Заработаю медал! Что я зря в «зеленку» пришел? Думаю, одын раз хватит для награда? Обязательно отлечусь!

Калиновский протянул мне кружку горячего чая, а Мандресов пообещал, что скоро будет плов.

— Как дела, Саша? Чем сейчас рота занимается? Где остальные взводы? — спросил я, видя, что тут только второй взвод.

— Острогин и ГПВ слева, в трехстах метрах. Чернышев (еще молодой взводный) справа вместе с Федаровичем. Ох, и здоровенный детина пришел на взвод! АГС в полном сборе взгромождает на спину и несет на себе. Илья Муромец! Не человек, а тягач!

Кругом было тихо. Солнце стояло высоко и сильно припекало. Клонило в сон. Отдых на природе. Покой, красота!

Вдалеке, ломая на бегу кустарник, к нам бежал какой-то солдат. Перепрыгивая через плеть виноградной лозы, он зацепился сапогом за ветку и, громко заматерившись, упал. Сидящие у костра солдаты засмеялись над неумехой.

— Товарищи офицеры! Помогите! — громко заверещал лежавший солдат, вызвав очередной приступ массового смеха.

— Иди сюда, поможем, — улыбнулся Калиновский. — Ты только выползи из кустов.

Солдат на четвереньках выбрался из зарослей, сделал еще три прыжка и заголосил, размазывая по щекам слезы.

— Спасите! Спасите!!! Там наших всех убили! Взводный при смерти. Славка и Серега лежат, отстреливаются. Меня за подмогой послали. — Молодой, смертельно испуганный солдат дрожал всем телом и готов был рухнуть замертво.

Мандресов дал бойцу пощечину, приводя в чувство. Плечи его сотрясались от беззвучного плача, а изо рта вырывались только шипение и стоны.

— Объясни толком! Ты кто? Откуда? Кто напал? Где остальные? — так и сыпал вопросами Мандресов.

— Я — сапер, отдельный инженерно-саперный батальон. Наша группа прошла утром мимо вас вместе с «зелеными».

Мы, удивляясь, переглянулись, а солдат продолжил:

— «Царадоевцы» или сговорились с «духами», или сдались в плен, но душманы появились сразу ото всюду. Взводный в этот момент установил «охоту», оставалось два фугаса заложить. Бандиты вдруг вылезли из всех щелей и принялись стрелять. Четверых — наповал, в том числе и лейтенанта. Славка крикнул, чтобы я бежал за вами, а сам остался отстреливаться, прикрывая раненых. Это рядом, идти метров триста пятьдесят.

Мандресов поднял на меня глаза, и в них стоял немой вопрос: «Бежим на помощь?» Я кивнул головой и надел лифчик-нагрудник.

— Сашка, давай заведем в джунгли БМП и лупанем прямой наводкой, — предложил я. — На ней раненых и убитых вывезем.

Ротный кивнул в знак согласия.

— Рота, подъем! Взять оружие и боеприпасы! За мной! — громко заорал Мандресов.

— Ни хрена себе! Банда совсем рядом! Могли и на нас выскочить! — ужаснулся Калиновский.

Я огляделся: сколько тут нас? Четыре офицера, старшина, двенадцать бойцов. Плюс двое — экипаж бронемашин. Теоретически еще три сапера, если они живы. Все равно мало. Кто знает, сколько человек в банде? Рота афганских союзников просто растворилась, как и не было ее. То ли их перебили, то ли они предали нас и переметнулись на сторону мятежников. При втором варианте сил у противника еще больше. Около сотни стволов. Плохо! Одна надежда на БМПэшку.

— Саня, вызывай танкистов, пусть пару танков пришлют. И Остроги-на вызывай к нам, — подсказал я ротному. — Не справимся иначе. Слишком много «духов». Берите больше патронов! Каждому «муху», гранаты!

Я поплевал через левое плечо, поцеловал на счастье свой номерок и шагнул вперед навстречу неизвестной судьбе.

Сапер побежал обратно по тропинке, показывая дорогу в лабиринте дувалов и арыков.

«Черт! Черт! Черт!..» — пульсировало в голове. Ну почему мне так не везет? Сидел бы себе на КП батальона, и все эти события прошли бы мимо меня. А теперь снова угораздит попасть под пули. Подорожник скажет, что я специально лезу на рожон, подтверждая Героя.

Где-то недалеко шла интенсивная стрельба, слышались разрывы гранат. Значит, кто-то живой и отбивается. Пожухлая листва мешала разглядеть, что творится впереди в зарослях. Видимость никакая даже в десяти метрах. Ужасно неприятная ситуация!

— Фадеев, брось гранату за угол, — приказал я сержанту.

Ба-бах! Граната, не перелетев стену, взорвалась метрах в семи в кустах, отскочив обратно от края дувала.

— Писарюга! Ты что совсем очумел! Чуть осколками не зацепило! Хорошо РГД кинул, от «эфки» кого-нибудь точно ранило бы. Опять хочешь орден?

Сержант оскалил зубы в улыбке, но не ответил. Свой орден он получил благодаря осколку от собственной гранаты. По ранению. Стоящий рядом Калиновский швырнул вторую гранату точно за угол. Никто оттуда не стонал, не орал, значит, путь свободен. Свернули за угол. Так и идем двумя цепочками: впереди сапер, за ним я, Калиновский, Шапкин, следом топают бойцы. Вдоль соседнего забора Мандресов со своей группой. БМП рычала двигателем где-то сзади, пробивая, словно бешеный носорог, дорогу в саманных стенах и зарослях. Перед глазами открылся широкий двор, а за ним улочка и опять высокая стена.

Мы наткнулись на сапера Славку, отстреливающегося от невидимого противника. Сбоку, метрах в десяти, лежал, прикрывая фланг, еще один солдат.

— Где «духи»? — спросил у бойцов Мандресов.

— На дальнем конце двора. Несколько «бородатых» за арыком и вон в тех трех разрушенных домах. Наши лежат в центре, возле кяриза.

Я осторожно выглянул и увидел двух солдат, прячущихся в неглубоком арыке и перевязывающих друг другу раны. Рядом лежали двое мертвых и у колодца среди травы и веток еще два тела.

— Кто валяется в кустах? — спросил я у сапера.

— Взводный, а с ним еще Хализаев.

— Сашка! — обратился я к Мандресову. — Давай сделаем так: я с Калиновским и четырьмя бойцами обойду двор с тылу. А ты, когда мы ударим по «духам», иди в атаку. Соединимся и вынесем тела, — предложил я.

Мандресов кивнул головой в знак согласия.

— Фадеев, Хаджиев, Муталибов, вперед с замполитом батальона! — скомандовал Мандресов. — Старшина, ты тоже с ними. Никифор Никифорыч, сейчас броня подойдет, и мы под ее прикрытием атакуем.

Я пропустил вперед в дозор Шапкина с Фадеевым и пошел следом за ними. Пробравшись сквозь виноградник, мы уперлись в стену, в которой оказалась большая дыра. За ней открылась улочка, тянущаяся в глубину кишлака в обе стороны. Проскочив через эту дыру, можно было подкрасться к воротам во двор, где лежали саперы.

Мы осторожно выбрались на дорожку и направились к входу в дом. Тихо вошли в дом и огляделись. «Духи», уверенные в быстром захвате наших бойцов, свое внимание сконцентрировали на дворе, а про этот вход, казалось, забыли. Я перепрыгнул через небольшой арык и прислонился к дувалу. Эти солидные стены не пробьешь, наверное, и выстрелом из танковой пушки. Глина сцементировалась и спрессовалась под обжигающим афганским солнцем. Выглядит такая стена сплошным монолитом.

Я передвигал ноги по узкой бровке с замиранием сердца: вдруг сейчас дойду до угла и получу очередь в грудь. Не хочется лежать с дырками в теле в этой осенней грязи. В принципе, валяться убитым не хочется ни в снегу, ни в песке, ни в траве. Нигде. Сердце бешено стучало, вена лихорадочно пульсировала у виска, руки нервно подрагивали. Вот он, край, и за ним неизвестность. Я пригнулся, присел на колено и чуть подал корпус вперед, высунув ствол автомата. Громадное облегчение: впереди несколько деревьев и пустое поле, за углом никого нет. Параллельно мне, через дорогу по глубокой канаве, втянув голову в плечи, шел Шапкин. Я ему махнул ладонью, показывая, чтоб не высовывался. За поворотом раздался сильный взрыв, и я слегка присел. В это же мгновение в стену ударила автоматная очередь, которая выщербилла несколько кусков глины над головой и на уровне плеча. Инстинктивно упав на спину и затем перевернувшись на бок, я увидел лежащего метрах в двадцати афганца и склонившегося над ним старшину.

— Замполит! Я тэбя спас! — заорал Рома.

— Резван! Дорогой ты мой! Откуда он взялся? — вскричал я.

— Из-за дувала спригнул и начал целиться. Я вистрелал, и он, гад, успел очередь пустить. Но пуля выше пошешь.

— Старшина, не пуля, а длинная очередь! Но если бы не ты, лежать бы мне в арыке, вонять и разлагаться!

Я подошел на ватных, дрожащих ногах к телу врага и повернул носком ноги лицо убитого в свою сторону. Мальчишка, совсем пацаненок, лет четырнадцати-пятнадцати. Рубашка до колен, шаровары, босые ноги в галошах, лифчик с магазинами и автомат. Грязный, чумазый, сопливый. Боевик хренов! Чуть не укукошил меня! В ушах звенело. Я потряс головой, но звон не прекратился.

— Товарищ старший лейтенант! Можно я ему уши агрэжу? — обратился ко мне Мурзаилов, доставая огромный тесак.

— Саид, тебе хотелось бы остаться без ушей?

— Нэт.

— Ну и он этого не хотел. Пусть таким к Аллаху отправляется. С ушами и яйцами. Не уродуй труп.

— Он вас мал-мал не убил, а вы его жалель, — ухмыльнулся прапорщик Халитов.

— Черт с ним, Рома! Не будем уподобляться этим дикарям и вешать уши на веревочку, словно бусы. Понял?

Старшина кивнул, но полного согласия во взгляде не было.

Мандресов выбежал из двора, уставился на труп и трофейный АКМ.

— Ого! Кто его так? Вы, Никифор Никифoryч?

— Да нет, Григорыч! Это твой доблестный старшина приложился, припечатал балбеса к земле. Очередь от шеи до жопы. Почти располовинил. Почаще его в рейд бери. Молодец, не растерялся, меня и Шапкина спас! Заработал-таки орден! — ответил я.

— Вах! Я же говорил, что нэ зря пошешь на войну! — обрадовался прапорщик.

— Что там во дворе? «Духи» где? — спросил я у ротного.

— Ушли по кяризу. Мы их обложили с двух сторон, они и сбежали. Четыре сапера мертвы, двое ранены и контужены. Вовремя мы к ним добрались, у ребят патроны заканчивались.

— Саша, забрасывайте дыру в колодец дымами, пусть там сдохнут!

— Уже закидали.

— Трупы «духов» остались?

— Нет, они раненых и убитых унесли. Пакеты перевязочные, кровь, шприцы, бинты валяются. А тел нет.

— Молодцы, хоть и мерзавцы. Ну, да ладно. Еще рассчитаемся, сочтемся. Где БМП?

— Подошла с той стороны, за стеной стоит, — махнул рукой в сторону двора Мандресов.

— Пусть бьет вдоль поля, прикроет нас чуть-чуть, — громко крикнул я.

— Никифорыч, ты чего орешь? Тебя очень хорошо слышно.

— А я сам себя плохо слышу. Оглоушило немного.

— Впереди в винограднике четверо «духов» валяются. Их из пушки срезал наводчик. Может, сходим за автоматами? — предложил Мандресов. — Трофеи как-никак.

— Сообщи комбату и спроси разрешения. Танк идет сюда или нет?

— Два танка уже подошли к КП роты, сейчас ползут сюда. Приказали обозначиться красными ракетами. У меня только одна осталась. Есть еще?

— На, держи, — я протянул ему сигнальную ракету. — Только артиллерию не вызывай для поддержки. Промахнутся — разнесут нас на куски!

Я присел на поваленное дерево, чтобы унять дрожь в ногах, и начал тереть больные уши.

Мандресов отправил вперед, к следующему дому, трех бойцов с Грищуком. Едва ребята вошли в виноградник, как попали под обстрел.

— Саша! Прикрой! — крикнул я ротному, срываясь с места. — Муталибов, Шапкин, за мной!

Мы перескочили через невысокую стену, и тотчас перед нами, метрах в десяти, разорвались две минометные мины. Виноградник вспороли автоматные очереди, а затем выстрелило безоткатное орудие. Я упал в кустарник, обдирая лицо и руки. Уф-ф, вроде бы осколки просвистели мимо. Ничего не болит. Не задело... Переползанием и перебежками, на четвереньках, мы добрались до развалин. В двухэтажном домике у лестницы стоял Тетрадзе и страховал вход.

— Кто наверху, Роин Александрович?

Молодому грузину очень нравилось, когда его называли по имени-отчеству.

— Ташметов, Алимов, Зибоев. Впереди «духи», много «духи». Адын бандита Ташметов убил.

— Кто кого убил? Ташметов или Ташметова? Тебя сам черт не поймет! — разозлился я, испугавшись за хорошего солдата.

— Нэт! Ташметов жив! «Дух» мертва.

— Уже хорошо! Тетрадзе, стой тут и ни шагу в сторону. Чужих увидишь, сразу стреляй. Не нервничай, ты ведь старый воин, полтора года в армии! Шапкин, останься с ним.

— Всэ будэт харашо, камандыр! — заверил меня Тетрадзе.

Я и Муталибов поднялись по пыльным ступеням на второй этаж. На полу, осторожно выглядывая в окно, лежали солдаты. Пули стучали по стене, осыпая глину и откалывая щепу от деревянных балок потолка. Сидящий на полу Зибоев заряжал пулеметную ленту, что-то напевая.

— Мирзо, о чем поешь? — спросил я солдата.

— Да, мало-мало о девушках пою, успокаивает.

— «Духов» много?

— Очень. Там впереди окоп, блиндаж и штабел выстрелов к безоткат-

ному орудию. В яма миномет стоит. Наверное, скоро сюда гранатой стрелнут. Плехо будет всем нам. Сапсем плехо.

Подняв глаза на уровень края окна, я увидел бородатого главаря, руководящего бандитами. Они разворачивали безоткатное орудие в сторону Мандресова. Прицелившись, я выдал длинную очередь, выпустив половину магазина. Главарь упал, но «безоткатка» успела выстрелить. Зибоев высунул ствол ПК и скосил очередью оставшийся расчет. Из блиндажа выскочил гранатометчик и, не целясь, выстрелил в нашу сторону. Проманхнулся, попал в стену. Пыль, куски глины и дерева посыпались на нас. Я осторожно посмотрел в проем, одновременно перезаряжая пустой магазин. Автоматчики засыпали нас очередями, из окопчика вылез еще один гранатометчик.

— Бойцы! Бегом вниз! Даем деру, сейчас накроют! — заорал я солдатам.

За три секунды мы спрыгнули на среднюю площадку лестницы и укрылись в какой-то нише. Бах-бах!!! Две гранаты завалили крышу и проем между двух окон. Во входную дверь забежал окровавленный сержант. Из открытого рта Ходжаева фонтанчиком брызгала кровь. Над гортанью зиял глубокий порез, а из подбородка торчал осколок.

— Хамзат! Что с тобой, брат! — вскричал Муталибов, подхватив на руки раненого земляка.

Раненый промычал что-то в ответ, вытаращив огромные глаза с маслиновыми зрачками. Он открыл рот и выплюнул ярко-красный фонтан. Кроме того, из перебитой и разодранной руки стекал еще ручеек крови.

— Гасан! На пакет, перевязывай! — скомандовал я Муталибову. — Быстрее, а то кровью истечет.

— Я не могу, у меня руки дрожат! Не смогу, я не люблю, я боюсь кровь! — громко прокричал Гасан. Он схватил за плечи раненого и заорал еще громче: — Брат, не умирай!

— Гасан, жгутом перетяни ему руку! — рявкнул я и приложил тампоны к горлу и подбородку. Это не помогло. Рана очень сложная. Как ее перетянуть? Не на горло же жгут накладывать. Чем дышать тогда будет?

— Медик! Где медик? Ташметов! Тащи сюда Авлеева!

В комнату заскочил Авлеев и принялся перевязывать раненого, намазывая массу бинтов на голову. Сержант-медик бросал на меня испуганные взгляды, помня о своей подлости в рейде под Талуканом.

— Авлеев, Муталибов. Ведите его к броне. Быстрее. Остальные — прикрывать отход. Тетрадзе, чем его зацепило?

— Мина взорвался в кустах, осколка прилетел. Много осколка, — объяснил солдат.

— Тетрадзе, возьми автомат Хаджиева и иди за ними, — распорядился я.

Ребята зашли за дувал, и оттуда внезапно прозвучало несколько взрывов.

— Быстро, уходим к нашим, пока нас не отсекли «духи», — скомандовал я оставшимся.

Три солдата побежали за мной, все время оглядываясь по сторонам и пригибаясь в ожидании пули в спину или осколка. Сильный взрыв ударил по ушам и мозгам, засыпав комьями земли воронку, куда мы успели упасть. Я выскочил из укрытия и наткнулся на лежащие тела и мечущихся раненых. Кровь, всюду кровь.

Выползающий через пролом в стене танк стрелял на ходу в сторону блиндажей и безоткатного орудия. БМПшка стояла кормой к нам, развернув пушку в сторону «бородатых», и била короткими очередями.

В открытое десантное отделение Муталибов и Авдеев усаживали Хаджиева, а Мандресов вел под руку окровавленного лейтенанта Гришука.

— С-саня, как это с-случилось? Что т-тут б-было? — с трудом выговорил я.

— Никифорыч, какой-то кошмар! Мины прилетели и еще из «безоткатки» попали в борт БМП. Тех двух саперов, до этого чудом выживших, — наповал. И Гришу Гришука зацепило.

— А г-где К-Калиновский? — я начал испуганно озираться по сторонам, продолжая заикаться.

Из рыка торчали чьи-то ноги. Мы с Мандресовым бросились туда и вытянули Калиновского. Гимнастерка иссечена осколками, сплошные свисающие окровавленные обрывки ткани. Голова и тело залиты кровью, серозеленое лицо казалось совершенно безжизненным. Щеки и подбородок посечены осколками, а во лбу страшная рваная, кровоточащая рана.

— Саня-я-я! — дико заорал Григорьич и обнял его, прижав к себе.

— М-Мандресов, не ори, м-может еще в-выживет! Я и не т-такие раны на г-голове в-видел! Надо б-быстрее в г-госпиталь! Уходим! К-к черту в-войну! Отходим!

Скворцов спрыгнул с танка и подскочил к нам.

— Парни! У меня осталось пять снарядов. Съеб...м! Иначе всем будет хана, — рявкнул капитан-танкист.

— Ж-женя, с-сейчас раненых г-грузим на м-машину и уходим! — ответил я ему, и мы вместе с Мандресовым начали подгонять солдат.

Четырех мертвых саперов забросили спереди на ребристый лист, Гришу посадили к Хаджиеву в левый десант. Калиновского, аккуратно поддерживая его голову, затащили в правый отсек. Раненые Фадеев и два сапера, которым не нашлось места на этой колеснице смерти, поплелись следом за бронемашинной. Уцелевшие солдаты и офицеры расстреливали магазин за магазином по сторонам. В конце колонны полз танк, развернув назад башню и огрызаясь последними снарядами.

Скорее отсюда, из этого ада, из этого рассадника смерти.

* * *

Комбат стоял на краю дороги и командовал тремя БМП и «Васильками», которые обрабатывали кишлак позади нас. Четыре «крокодила» вста-

ли в карусель, и огненный смерч пронесся по «духовскому» укрепрайону. Вертолеты сменили несколько штурмовиков. На шоссе приземлился «Ми-8», принял раненых, убитых и улетел в Кабул.

Я и Мандресов сбивчиво рассказали о случившемся, о характере ранений, о потерях «духов». Подорожник велел мне садиться на броню и ехать на КП полка с докладом о происшедшем. Первую роту разместили вдоль дороги, организовали оборону. Бойцы повели беглый огонь по кишлакам. Главная задача — не давать покоя мятежникам.

Это какая-то бесконечная череда нелепых трагедий. Постников расстрелял из пулеметов троих «духов». Хаджиев нечаянно тяжело ранил Постникова. «Духи» сделали инвалидом Хаджиева. «Духов» расстреляли из танка. Танк подорвался на mine возле дороги. Уходя, мы заминировали окрестности еще раз. «Сюрприз» в будущем для жителей. И так до бесконечности. Око за око, зуб за зуб, труп за труп. На каждый выстрел — арналет, на каждое нападение — бомбежка, на каждый фугас — карательная операция. Дети подрастают и в двенадцать лет берутся за оружие. Это война до полного уничтожения целых народов.

* * *

— Ну, комиссар, признавайся! Ты что притягиваешь неприятности к себе или сам их ищешь на свою шею и задницу? — усмехнулся вечером, лежа в гамаке, Василий Иванович.

— Черт его з-знает. И в-везет и не в-везет. Не в-везет п-потому, что в-все в-время н-нарываюсь на с-стрельбу, а в-везет, п-потому что ж-жив еще.

— Ладно, отдыхай. С тобой сейчас трудно разговаривать — жужжишь. Будем надеяться, заикание скоро пройдет. А то какой ты к черту комиссар? Заика! Одна комедия. Пока утреннюю политинформацию проведешь, уже обед наступит.

— Я в Т-термезе з-знал одного т-такого з-замполита полка. З-заикался б-больше м-меня и н-ничего — к-командовал. П-поначалу п-посмеивались, а потом п-привыкли, — ответил я, улыбаясь кривой улыбкой.

* * *

Нормальная речь восстановилась через два дня. Сутки сна и сутки отдыха сделали свое дело. Постепенно я ожил.

Пока обретал речь, молчал и много размышлял. Кто мы все? Мы — пыль, зерно в жерновах военной машины, которая перемелет нас в муку и не заметит. Мы — единицы в статистической отчетности. «Погиб при исполнении служебного долга». «Пал смертью храбрых». «Пропал без вести». «Погиб при исполнении воинского долга». «Погиб в боях за Родину». Меняются только формулировки, за которыми не виден человек. Его боль, страдания, несчастья не заметны. Радости, семья, мечты, надежды — пустяк. Маленький пустячок по сравнению с высшими интересами государ-

ства, общества, с великим построением развитого социализма. Была такая мать в России — Степанова. И был у нее муж и десять сыновей. Началась война с фашистами, и один за другим муж и подрастающие сыновья уходили на фронт. И погибали мальцы один за другим. Погиб и муж. Последних двух сыновей убили весной 1945 года. Военная машина Советского Союза и фашисты без малейших эмоций перемололи всех. Не оставила матери ни зернышка, ни семечка. Одни отсиживались в тылу, прятались за «бронью», уклонялись. А у простой крестьянки забрали последнего мужика в роду. Власти выскребли, вырвали для войны, а враги уничтожили. Более сорока лет эта женщина жила страданиями и, наверное, проклинала белый свет. Какими словами можно выразить ее горе? Нет таких слов, я думаю, чтобы выразить эту скорбь. Поставили матери от благодарного Отечества памятник после ее смерти. А лучше бы какой-нибудь тыловой чинуша из военкомата в тот последний год войны оставил бы ей хоть одного сыночка. Одну всего лишь единственную кровиночку, чтоб было, кого лелеять, на кого молиться и на кого надеяться. Кто бы мог вытереть ей слезы и поднести больной кружку воды. Кто дал бы ей внуков и правнуков...

Страшна, безжалостна и бессердечна наша военная машина. Металлический, ржавый бронтозавр, не знающий сострадания. Сложнейший организм по уничтожению всего живого. И своего, и чужого. В самой победоносной, в самой громкой победными реляциями войне умудриться потерять на полях сражений в два с половиной раза больше солдат, чем поверженный противник. Любой ценой! В лобовые атаки! С заградотрядами, с многочисленными штрафбатами! Да и кто она такая, Степанова, в конце концов? Народ. А простого народа всегда было много. И бабы солдат еще нарожают, новых. У нас только мало вождей. Вот их надо оберегать! Потому что они носители «высших идей», «хранители государственности». Настоящие патриоты! А все остальные — песчинки.

Жизнь человека — это просто миг в истории Земли. А история Земли — эпизод в развитии Вселенной. Поэтому боль каждого человека, этой песчинки, незаметна. Умер — и нет твоей боли...

Опять философствую...

* * *

Я был счастлив, что жив, и сладко спал в чистой постели после рейда.

Дверь с ужасным скрипом распахнулась, и в комнату ввалились какие-то люди, при этом гулко грохнувшись головами о шкаф. После удара о дверцу шкафа тела рухнули на пол и засмеялись. Я мгновенно проснулся и прислушался.

— Ах! Черт возьми! Ноги заплетаются. А может, это землетрясение? — услышал я голос комбата.

— Иваныч! Держись за меня! — захихикала Наташка.

— Как же за тебя держаться, если ты упала сверху меня? Сними с лица сиськи, дышать нечем!

— Ну, так вставай!

Послышался стук упавшего плашмя тела.

— Ой! Я не имела в виду, что меня надо сбросить на пол! — послышался женский писк и всхлипывания.

— Ну, прости, радость моя! Не хотел. Ты сама свалилась! — оправдывался Подорожник.

— Прощу за два раза, — ответила та, глупо хихикая.

— А за три?

— Не переломись, комбат! — ехидно сказала Наталья.

— Ты меня разве плохо знаешь! Я еще кое на что гожусь! Эй, замполит! Комис-с-с-ар? Спишь? — прошипел негромко Василий Иванович.

Я скромно промолчал, не желая вступать в ненужные разговоры. Сделал вид, что разбудить меня им не удалось.

— Спит Герой! Как убитый. Устал после рейда, умаялся. И прекрасно! Нехорошо выставлять Никифора из собственной комнаты.

Они поставили бутылку и стаканы на стол, звякнули стеклом, чокаясь, и бросились на койку. Завязалась суэта с раздеванием. На пол полетели штаны, юбка, куртка, нижнее белье. Мне их приход был не по душе. Возня сопровождалась мычанием, чмоканьем, хихиканьем и шиканьем. Свистящий шепот гулким эхом отражался от стен. Наконец стриптиз закончился. Наступила фаза предварительных ласк, которые перешли в активные действия. Кровать одной спинкой упиралась в тумбочку, а второй — в батарею отопления. Что тут началось! Бум-бум-бум-бум! Громкий и ритмичный стук заполнил комнату. Бум-бум-бум. Частота ударов и скрипов постепенно увеличивалась. Это продолжалось минут десять, а затем раздалось негромкое рычание комбата и всхлип Наташки.

— Уф-ф-ф! — выдохнул комбат и самодовольно заурчал. — Уф-ф-ф! Ну как, довольна?

— Нет, только размялась. Наливай! И по новой!

Иваныч прошлепал босыми ногами к столу, булькнул из бутылки в стаканы ароматной жидкости и вернулся обратно. (Коньяк пьют и не предлагают, черти!)

Панцирная сетка кровати вновь жалобно скрипнула под их весом. Они, смеясь, чокнулись стаканчиками и без лишних слов опустошили посуду.

— Васенька! Хватит сачковать! За дело! — раздался нахальный голос «стюардессы».

— Погодь! Нужен перекур!

— Какой перекур? Я только разогрелась! За дело!

— Ой! Сразу за дело, а помочь убеленному сединами воину? Я как-никак старый солдат!

— Сейчас помогу...

Раздались чмоки, пiski, визги... Кровать вновь начала греметь в такт усилий любовников.

Черт бы их побрал! Разрази гром! Обоих! Я полтора года в Афгане, сплю один, как пес на цепи. А эти негодяи резвятся и разрушают мою психику. Кровь прилила к голове, вены вздулись. Особенно сильно пульсировала кровь в висках, гулко ударяя в голову в такт стучащей кровати. Сердце бухало, как набатный колокол, и готово было вырваться из груди. Стало невыносимо тяжело и жарко. Мерзавцы! Я сейчас просто лопну. Труссы натянулись, и одеяло слегка приподнялось. Скорей бы они прекратили. О, боже! Когда это издевательство закончится?! Терпкий запах пота, коньячного перегара, мужских и женских гормонов заполнил комнату. Мне стало казаться, что я вот-вот насмерть задохнусь от этих «ароматов».

Кровать гремела, мучалась и стонала, как живая. Бум-бум-бум. Они явно позабыли обо мне, о соседях и совершенно потерялись в пространстве и времени. Наташка выла и орала. А Иваныч терзал ее и ревел, точно раненый вепрь. Полчаса не наслаждения, а каторжной работы. О-ох! Выдохнули они одновременно и затихли. Я лежал на боку и почти не дышал, боясь выдать себя.

Подорожник распластался на Наташке без сил и надрывно хрипел, будто загнанный скаковой жеребец.

— Вася! Васенька! Сползи с меня! — простонала Наталья. — Не усни! Мне тяжело, дышать нечем!

Комбат перекатился к стене, звучно шлепнувшись задницей о фанерную перегородку. Затем оба поднялись, присели на краю кровати. Чапай вновь булькнул бутылкой.

— Комиссар! — негромко окликнул комбат. — Проснулся? Мы тебя разбудили? Спать мешаем?

Я не знал, что ответить и поэтому молчал.

— Стесняется! — хихикнула Наташка. — Ну его! Выпьем вдвоем.

Они опять хлопнули по стакану, и стюардесса принялась тормозить и гладить Подорожника.

— Отстань! Отстань, зараза! Я ведь не племенной бык! Не могу больше!

— Ну, Вася!

— Уйди, а то убью! Выпьем еще по одной и баста! Пойдем, провожу.

Наконец парочка покинула комнату. Их дробные шаги стихли вдали коридора. Хлопнула дверь на улицу.

Я встал на нетвердые ноги и подошел к столу. Налил стопку коньяку и опустошил для успокоения организма, отправился в умывальник. Негодяи! Сбили сон, разбередили во мне все, что можно разбередить. И как теперь опустить мое приподнятое настроение?

Ополоснув лицо прохладной водичкой, я вернулся в комнату и плюхнулся на койку. Долго ворочался и заснуть сумел только на рассвете. Объявившийся по утру Подорожник молча разделся и свалился без сил на кровать.

Спустя минуту Чапай громко захрапел. «Нахал! — подумал я раздраженно. — Разбудил ночью весь жилой модуль, мешал своей активностью народу отдыхать, а теперь сладко спит». Матерясь под нос, я пошел завтракать.

* * *

— Никифор! — окликнул меня на плацу Вересков. — Я тебе искренне сочувствую! Какие же ты сегодня мучения принял! Мы с Чухом и артиллеристом в карты играли, когда эта оргия началась. Весь фарт перебили. Игра не получилась совсем. После первого раза крепились и пытались за картами следить. Но когда они решили повторить, бросили!!! Мы плюнули на игру, покурили и разошлись. А какой банк я мог сорвать! Отвлекли, и я снес не ту карту. Чухастов меня ободрал как липку. Проигрался в дым!

— Выражаю соболезнования, — сказал я мрачно.

— Как я тебя понимаю! — рассмеялся Вересков.

— Ты специально перешел жить в другую комнату?

— Да нет. Комбат велел. Решил собрать вместе своих замов. Ты — рука правая, начальник штаба — левая.

— Левую руку оторвали (начальника штаба), и теперь Иваныч выкручивает эту последнюю руку (меня) и ломает ее, морально! — горько усмехнулся я. — Надоел!

— Да! Действительно. Что-то комбат пошел в разнос. А ты его превзойди в кобелировании. Он одну водит, а ты двух пригласи! И так каждую ночь! Ладно, Никифор, пойдем, съедим то, что тыловики украсть не сумели или не успели. «Три корочки хлеба»...

Глава 10

Десант в огненный капкан

Колонна дивизии растянулась по узкому шоссе и медленно двигалась вдоль поселков и кишлаков. На горизонте виднелся Чарикар, оттуда предстояло десантироваться в Панджшерское ущелье. Все нервничали. В позапрошлом году там разгромили целый мотострелковый батальон. Прошлогодний июль тоже был тяжелым. Погиб экипаж БМП из нашей первой роты, бронемашина взорвалась и сгорела. Гиблое место. Горы, «духи», укрепрайоны, мины. Ничего хорошего мы не ожидали.

Я сидел сверху башни, расправив плечи, положив ноги на пушку, и подставлял лицо свежему ветерку. Охлаждался. Печет, как будто и не середина ноября, а август.

— Эй, комиссар, хватит гарцевать, словно на коне. Ты же не скульптура императора Николая I. Слезь, не будь мишенью. Слишком часто в тебя стреляют. — Проговорив это, комбат машинально подкрутил усы. Переживает. Он в Панджшере уже бывал и еще раз туда попасть не хотел.

Я вздохнул, послушался совета и спустился вниз, разлегшись возле открытого люка старшего стрелка. На освободившееся место тотчас запрыгнул «комсомолец». Виктор был пониже меня ростом, и когда он сел, то, втянув голову в плечи, не торчал над башней, как я. Внезапно раздавшаяся очередь сбила с прапорщика кепку-афганку, а сам он упал сверху прямо на меня. Впереди раздался взрыв, и загорелся грузовик.

Комбат скомандовал: «Стоп!» Мы спрыгнули и спрятались за броню. Наводчик развернул башню и расстрелял хибару, из которой выстрелил гранатометчик.

«Духов» не было видно, и пехота разрядила магазины наугад в виноградники. Казалось бы, откуда взялась новая зелень? Летом мы уничтожили на двести метров вокруг растительность и завалили дувалы. Но теперь из зарослей стреляют с трехсот метров. Нужно, наверное, сровнять с землей вправо и влево от дороги все кочки, растительность и превратить «зеленку» во взлетно-посадочную полосу. Но тогда начнут бить из минометов и безоткаток. Лишь расстояние чуть увеличится. А с каждым разрушенным домом, с каждым сожженным кишлаком «духов» все больше и больше, воюют от мала до велика. Что нам с ними делать?

— «Комсомол», возьми чепчик, — поднял из пыли головной убор Подорожник. — Витек, тебе повезло, пуля прошла в сантиметре от скальпа. Еще чуть-чуть — и ты покойник. — При этих словах прапорщика передернуло, руки задрожали, и Бугрим обронил кепочку. Виктор присел на асфальт, достал смятую пачку сигарет, вынул одну сигарету и прикурил. Я посмотрел в сторону «зеленки». Где же тот «дух», который мог меня убить? Не сгони меня Василий Иванович вниз, валялся бы я на дороге, прикрытый брезентом.

Подорожник улыбнулся многозначительно и произнес:

— Вот видишь, комиссар, я тебе жизнь спас! А мог бы сейчас лежать с дырками в башке! Скажи спасибо, что я предугадал опасность.

— Спасибо, Василий Иванович! Я ваш должник.

— Пожалуйста. Не за что. С тебя «пузырь». И одень, в конце концов, бронежилет и каску!

— Обязательно! Только подберу по размеру, — отшутился я.

Медик вернулся от сгоревшего грузовика. Ребятам повезло. Граната разворотила кузов, но кабину не задела. Чуть контузило водителя. А Головской был как всегда в каске, ему хоть бы что. Правда, кабину покорежило, дверцу заклинило. Толстый Головской с трудом выбрался через левую сторону, протискиваясь между рулем и сиденьем.

Начало операции не сулило ничего хорошего...

* * *

Вертолет, на котором я летел в район десантирования, бросало из стороны в сторону. Первым бортом высадили разведзвезд с Чухвастовым и

Пыжом, вторым — взвод АГС и комбата. Третий борт вез меня, расчет миномета и взвод связи. Барражирующие в небе «крокодилы» расстреливали «нурсами», для профилактики, горные вершины. Я прильнул к иллюминатору: сквозь легкий туман уже виднелась площадка десантирования. Борт медленно двигался к ней левым боком. В этот миг под ногами солдата, изготовившегося для прыжка, раздался звонкий щелчок, и в днище сверкнул рикошет от пули.

— «Ленинград»! Ты почему не поставил автомат на предохранитель? — рассердился я на Коршунова и дал ему пинка.

— Но я не стрелял! Это не я! — ответил испуганный связист.

И правда, еще одна пуля пробила кабину, но теперь пулевое отверстие обрзовалось в боковой стенке, возле иллюминатора.

— Борtach! Давай быстрее, а то собьют! — заорал я летчику.

Тот и сам увидел пробоины и срочно связался с пилотом. Вертолет завис над самой землей, и мы вместе с бортехником быстренько вытолкнули бойцов вниз. Солдаты, кувыркаясь, с ругательствами и воплями упали на площадку. Громко матерясь, последним спрыгнул я. Десять секунд — и двенадцать человек на земле! Вот это скорость! Жить захочешь — потопишься!

Вертушка легла на бок и, дымя, резко ушла вправо. Потом, заложив крутой вираж, вертолет взмыл в небо. Лежащие вокруг бойцы стреляли куда попало, в направлении противоположного склона. Я тоже расстрелял два магазина. Рядом со мной прошла очередь, и несколько пуль зарылись в каменистую землю.

Следующий вертолет высадил взвод Шведова. В него тотчас ударили пулеметные очереди. И эта вертушка задымила, но удержала высоту и сумела улететь. Подорожник приказал усилить огонь по «духам». К площадке подлетела еще одна пара вертолетов. Первый борт быстро высадил людей и уступил место следующему. Второй завис над вершиной, опираясь на одно колесо, и начал высадку солдат. Выскочили один боец, второй... Вот выпрыгнул Серега Шкурдюк, за ним — пара солдат. И тут раздалась длинная, громкая очередь из крупнокалиберного пулемета. Вертолет, дернувшись, начал медленно заваливаться в ущелье. Звук двигателя стал прерывистым, упали обороты, ему не хватало мощности. Из люка вывалились еще два человека, а затем борт, накренившись, закувыркался в пропасть. Взрыв и удар соединились в один громкий хлопок. Снизу полыхнуло пламя, и поднялось облако дыма. Из ущелья послышался треск горящего дюралюминия.

«Крокодилы» обрушили на противоположный хребет море огня, но пулеметы и автоматы мятежников не смолкали. Я лежал рядом с комбатом, расстреливая магазин за магазином. Во время перезарядки рожка патронами мой взгляд упал на лежащую возле локтя пулю. Она сверкнула сбоку минуту назад, и теперь я ее мог разглядеть. Стальной сердечник длиной сантиметров пять пробил бруствер и застрял в камушках.

— Иваныч, взгляните, из чего по нам лупят! — показал я подполковнику пулю.

— От ДШК! Вот из него они и завалили «Ми-8». Комиссар! Надо доставать людей из ущелья. Может, кто живой на склоне остался.

— А почему опять я? В «зеленке» мне досталось и теперь подставлять задницу?

Василий Иваныч задумчиво поглядел на меня и хмыкнул.

— Согласен. Тогда, Василь, твоя очередь под пулями побегать, — сказал комбат Чухвастову.

Замначальника штаба медленно пополз к месту катастрофы. Он перекатился в ближайшую ложбинку, где его прижали пулеметными очередями. Минут пять мои мысли пребывали в полном смятении. «Жить хочется! К черту войну! Зачем мне это надо? Что, я — один-единственный, кто должен лезть во все дыры? Пусть Шкурдюк ползет, его рота! Но ведь внизу кто-то кричит и зовет, а эти балбесы почему-то залегли и не спускаются на помощь», — размышлял я, терзаемый угрызениями совести

— Василий Иванович, я посмотрю, в чем там заминка. Возьму с собой Шапкина. — Комбат, не глядя на меня, кивнул головой и продолжил стрелять одиночными по зарослям кустарника.

— Сашка! Бери станцию и за мной! — скомандовал я связисту.

Сержант без лишних пререканий поспешил следом. Пули плотно ложились вокруг нас.

— Шапкин, прижми ниже задницу, а то отстрелят! Что, в учебке ползать по-пластунски не учили? — негодовал я на Сашку, потому что тот, не желая пачкаться, не полз, а передвигался на четвереньках.

Раскаленный металл врезался в каменистый гребень горы и с отвратительным визгом рикошетил во все стороны. Хорошо, что стрельба идет только с левого склона. Если «духи» такой же пулемет поставят и справа — нам всем смерть!

Шапкин полз следом за мной и громко матерился после каждой очереди. Конечно, неприятно, когда ежеминутно отлетающие камушки секут по щекам.

Я добрался до глубокой ложбины, в которой сидел бледный и изможденный Шкурдюк. Рядом теснились Чухвастов и четверо растерянных солдат.

— Ну, что там случилось, Серега? Тебя не зацепило осколками? — забеспокоился я.

— Нет. Перелякался дюже, но штаны сухие. К счастью, не задело ничем.

— Кто еще был в вертолете?

— Не знаю, выпрыгнул ли Арамов... Мы вместе с ним летели... Я выскочил, и почти сразу вертолет упал и взорвался... — ответил Сергей медленно, с большими усилиями, делая долгие паузы. Его колотила мелкая дрожь...

Солдаты лежали, прижавшись друг к другу, как испуганные воробьи. Они понимали, что сейчас офицеры станут всех поднимать и гнать вниз к

раненым и убитым. Доставать тела из глубокого ущелья под обстрелом было страшно. Ни у кого не было желания в любую секунду превратиться в окровавленный труп и лежать на земле рядом с мертвым приятелем.

— Вася! Чего ждем-то? Внизу кто-то орет и стонет! Нужно ползти!

— Вот сам и ползи, умный какой! Пулеметы молотят без остановки, головы не поднять!

— А ты ее и не поднимай! По-пластунски, змейкой, мордой в землю! — предложил я капитану.

— Стар я ползать под обстрелами. Помоложе найдутся, — возразил Вася и нахмурился.

— На меня намекаешь? — усмехнулся я.

— Ни на кого не намекаю. Я простой замначальника штаба батальона. Мне по должности не положено водить в атаку людей, воодушевлять бойцов. Другие на это учились...

Я взглянул на Сережку, но того била сильная дрожь. После болезни не окреп, а тут еще такой шок! Черт! Опять мне в передрыгу попадать! До чего не хочется подставлять башку! На какое-то время я закрыл глаза, размышляя о предстоящей вылазке, достал номерок из-под тельняшки и погладил его для удачи. Убьют, как пить дать, убьют! Если послать одних солдат, а самому остаться в этой спасительной ложбинке? Нет, они наверняка где-нибудь залягут и никого искать не станут.

— Что ж, миссию следопыта беру на себя, — сказал я Чухвастову. — Сейчас с Шапкиным спущусь метров на пятнадцать по склону, а вы прикрывайте меня. Огонь из всех стволов! Отвлекайте пулеметчиков!

В этот момент на наши ноги сверху рухнуло тело. Оно было довольно крупных размеров, в шлемофоне вертолетчика, с окровавленным лицом, и громко материлось.

— Ты кто? — удивился Чухвастов. — И откуда свалился?

— Я борттехник! Я же из этого вертолета! Как живой остался, не пойму! — торопливо принялся объяснять «бортач». — Меня выбросило из люка вниз головой. Вот всю морду себе разбил при падении о камни.

— Сколько человек осталось в вертушке? — поинтересовался я.

— Ваших трое, кажется, и экипаж. Там кто-то стонет среди валунов.

— Шапкин, за мной! — рявкнул я, плюнул три раза через левое плечо и выполз из укрытия.

Сержант, чертыхаясь, выбрался следом. Пулеметная очередь взрылила землю метрах в пяти от меня. Плохо! Пристрелялись гады! Справа кто-то громко стонал и звал на помощь. Я перекатился туда и увидел обгорелого, закопченного «летуна».

— Эй, брат, ты кто? — крикнул я ему. — Идти или ползти можешь?

— Нет, не могу. Ноги обожжены. А-а-а-а! — громко с надрывом в голосе прохрипел в ответ вертолетчик. — Я командир эскадрильи подполковник! Помогите кто-нибудь, ради бога!

— Сейчас поможем. Держись! — обнадежил я летчика и взял у связиста радиостанцию. — «Багор», я «Багор-300», докладываю обстановку: найден живой член экипажа. Нужны «карандаши», чтоб выносили. Летчик ранен, обгорели ноги. Срочно сюда на помощь.

— Сейчас пришло. У тебя промедол есть? — спросил комбат.

— Кто на связи? Всем остальным молчать! Что видишь внизу? — перебил Подорожника голос какого-то начальника. — Это с вами говорит «Заря-1», докладывайте обстановку!

Ого! Это комдив вклинился в разговор. А что сказать? Ни хрена не видно: сплошная дымовая завеса. Вертушка коптит горящими колесами и топливом из баков. Дюралюминий с громким треском и шипением полыхает, время от времени стреляя искрами. Но это хорошо, что много копоти: «духовские» пулеметчики потеряли нас из виду.

— Нашли одного раненого! Это командир вертушки. Нужна срочная эвакуация. Других никого пока не вижу. Сейчас спущусь вниз, как только заберут раненого. Докладывает заместитель «Багра», «Багор-300».

— Давай, сынок, действуй! Удачи! — напутствовал полковник.

Ишь, папочка нашелся! Лучше огневые точки «духов» подавите артиллерией. Потому что ползти дальше — значит выбраться из дымового прикрытия. Будем прекрасной мишенью.

Сверху зашуршали камушки, и к нам подползли Шкурдюк, Чухвастов, Сероиван и солдаты.

— Ну, вот и славно! Выносите подполковника, а я пробираюсь к жарнице. Может, и там есть кто живой, — сказал я Чухвастову и, поплевав через левое плечо, направился дальше.

Шапкин, словно нитка за иглой, передвигался за мной. Ползти стало совершенно невозможно. Едкий дым и гарь стелились по земле, вызывая жжение во рту и глазах. Запах разлившегося керосина затруднял дыхание. Вначале я поднялся на четвереньки, затем пошел чуть пригибаясь, а потом и в полный рост. Миновав дымовую завесу, мы с сержантом оказались возле горячей кабины. Внутри нее, поджав руки и ноги, лежало тело пилота. Это была, в общем-то, уже не кабина, а бесформенные, разбросанные повсюду куски обшивки, стекла, пластика, которые продолжали гореть. Летчик сидел в кресле, пристегнутый ремнем, а языки пламени лизали его руки, ноги и закрытый гермошлем. Тело полностью обгорело, оплавилось и пузырилось под действием огромной температуры. Обугленная головешка — это то, что было человеком всего полчаса назад. Живым, здоровым, уверенным в себе молодым офицером.

— Наверное, это «правак». Не успел выпрыгнуть, потому что был пристегнут. Комэск сумел, а этот — нет. Да и кабина на его сторону завалилась. Шансов не было никаких. Как подполковник умудрился выскочить? Непонятно! — рассуждал я вслух. Разговаривал, чтобы успокоить и себя, и этого молодого сержанта. Непривычно для нормального человека ви-

деть обугленное человеческое мясо. На нас пахло кислым, противным запахом.

Шапкин вдохнул, согнулся пополам, и его вывернуло наизнанку прямо в пепелище.

— Прекрати так громко блевать, Сашка! А то и меня вырвет! Я уже и так еле сдерживаюсь! — крикнул я связисту, пытаюсь хоть как-то подбодрить его.

Отойдя чуть в сторону от рычащего, мучающегося бойца, я вышел в эфир и сообщил о своей страшной находке. В этот момент снизу раздался чей-то нечеловеческий вопль. Крик сопровождался проклятиями и многоэтажными ругательствами.

— Шапкин, хватит рычать на обломки вертолета и пугать горы! Внизу кто-то живой орет. Скорее за мной! — приказал я и послал длинную очередь по противоположному склону ущелья, для успокоения нервов.

Вертолет развалился на множество кусков и фрагментов, которыми был усеян весь склон. Кабина пилотов лежала сверху, хвостовая балка — чуть в стороне, а винты и двигатели — далеко внизу в ущелье. Между тремя огромными валунами застряло перевернутое днище с уцелевшим колесом. Вот оттуда и раздавались крики. Лишь бы это не была засада, устроенная «духами». Голос был с акцентом, и человек кричал что-то неразборчивое. Из клубов дыма появился сапер Фролов. Солдат пришел на наши голоса. Он сбился с пути.

— О! Витька! Пойдем с нами вниз. Вдруг там мины! Щуп у тебя с собой? — задал я вопрос саперу.

— Да, сейчас соберу, скручу, — затараторил боец.

Облегчивший желудок Шапкин приободрился. Он взобрался на самый большой камень и осторожно выглянул из-за груды мелких камней.

— Никого не видно: ни наших, ни «духов». Интересно, кто же тут орал? — недоумевал сержант.

Словно эхом откуда-то снизу раздался стон, опровергающий наблюдения Шапкина. Незвестный где-то мучился, и его организм боролся за жизнь. Сапер прокрался за камни, заглянул под дно вертолета и обрадованно сказал:

— Тут он лежит! Весь в крови. Какой-то солдат. Но я его не узнаю.

Мы спустились к телу и ужаснулись. В луже крови лежал боец, лицо которого опознать было просто не возможно. Как он выжил? Изодранное х/б, порванные штаны, одна нога в сапоге, а другая лишь обмотана в портянку. Сапог валялся чуть в стороне. Выходит, этот «счастливчик» долетел до самого дна ущелья! И живой! Я взглянул вверх. Н-да! Как же его вынести-то отсюда? Крутой спуск метров двести! Эвакуировать можно только ползком. Если положить на плащ-палатку, то всех несущих ее сразу расстреляют. Лучшей мишени не придумаешь. Как пить дать, перестреляют! Словно в подтверждение этих мыслей, вражеский пулеметчик вновь переключил свое внимание на нас. Очередь хлестнула по днищу, валунам и пересохшему руслу ручья.

«Не донести нам его, никак не спасти. Если только положить кому на загривок?» — рассуждал я про себя.

— Эй, Шапкин! Ты готов вытащить раненого? Кажется, это Алахвердыев. Сержант из второй роты. Не желаешь спасти товарища?

— Это как я его спасу? — насутился сержант.

— Очень просто. Укладываем его тебе на спину, и ты не спеша ползешь по склону к вершине. Автомат и радиостанцию я возьму себе. Давай берись. Будешь медбратом-спасителем.

— Может быть, у Фролова лучше получится? Я после ранения.

— Дружище, тебя тогда осколками в щеку ранило. Да и было это почти год назад. Вот если б в спину или жопу, тогда другое дело. Хватит отлынивать. Фролов меньше ростом. В тебе здоровья поболее будет!

— Товарищ старший лейтенант! А может, вы сможете? Заодно он вам и спину прикроет, на себя пули примет, в случае чего, — ухмыльнулся сержант.

— Во-во, Шапкин, это он тебе сейчас спину и прикроет. Придумал ты ловко, молодец! Замкомбата ползет с раненым на спине, а вы вдвоем курите и в носу ковыряете!

Сашка, смирившись с неизбежным, лег на щебень, а мы аккуратно положили сверху раненого, скрестив его руки на шее Шапкина. Чтобы тело не свалилось, мы придерживали Алахвердыева с обеих сторон за плечи. Вершина, где сидел комбат, непрерывно изрыгала автоматный и пулеметный огонь. И мы с сапером для самоуспокоения выпускали очередь за очередью. Стреляли, не целясь, в сторону противоположного склона, заросшего кустарником и деревьями. Где-то там хорошо замаскированные блиндажи, пулеметные гнезда врага. Ну, надо же так! Попали в центр укрепрайона! И какой идиот спланировал место десантирования? Еще бы в лагерь к Ахмад Шаху высадили.

Через полчаса Шапкин дополз до середины склона. Стрельба постепенно прекратилась. «Духи» скорее всего, выполнив план по вертолетам и трупам, ушли. Наступило затишье. Взяв тяжело раненого под руки и за ноги, мы стали торопливо ползти вверх. Возле дымящихся развалин нам встретились два солдата. С их помощью дело пошло еще быстрее.

— «Багор», вызывайте «Птичку»! Нужна срочная эвакуация! — общил я комбату. — «Карандаш» почти наверху.

— «Багор-300»! Вытянуть и ноль двадцать первого, а не только «двухсотых», потому что это будет единственный борт. Больше не прилетит ни одна вертушка. Выноси сгоревшего пилота!

Я задумчиво стоял возле пожарища, в центре которого продолжал лежать облизываемый языками пламени пилот. Как его достать из горящей кабины?

— Эй, Фролов, у тебя «кошка» есть с собой? — спросил я у солдата.

— Да, к мешку привязана. Сбегать принести? — откликнулся сапер.

— Беги скорей. Времени совсем мало. Как его потом эвакуируем?

Солдат быстро вернулся. («Кошка» — это крюк с веревкой.) После третьего броска удалось зацепить кресло пилота, и мы совместными усилиями вытянули тело летчика в безопасное место.

А дальше? Солдаты расстелили на камнях плащ-палатку, тлеющее кресло наклонили, и мертвое тело плюхнулось на нее. С высоты спустились на помощь еще трое бойцов из взвода обеспечения. Они взяли брезент за углы, подняли и, сгорбившись под тяжестью, медленно понесли. Палатка пару раз шаркнулась о камни и расплзлась пополам. Тело погибшего летчика было таким горячим, что оно прожгло материал почти сразу.

— Бойцы! Еще одну палатку тащите и плащ от химзащиты. Хрен с ними, если и испортится, после рейда имущество спишем.

Солдаты надели рукавицы, чтобы можно было взяться, не обжигаясь. Затем полили накидку водой из фляжек и перекатали на нее обгоревшее тело.

В моем желудке бушевал гейзер. Я прилагал титанические усилия, удерживая завтрак внутри, чтобы не пустить фонтан на глазах у солдат. Более страшной картины в своей жизни я не видел никогда. Разум протестовал против реальности всего происходящего.

Я вновь вышел на связь с комбатом и попросил отправить ко мне еще людей. Оставалось найти живого или мертвого Арамова. Да и должны быть где-то тела еще двух солдат. К нам спустились Хмурцев и четверо связистов. Мы растянулись в цепь и пошли вправо по склону. Через тридцать метров ребята обнаружили тело бойца. Оно было слегка обгоревшим, лицо обуглено. То, что было недавно военной формой, превратилось в кровавые лохмотья. Солдаты положили убитого на палатку и унесли наверх. Рядом нашелся второй почерневший от огня труп.

— Кажется, это Петров, а тот был Исламов, — задумчиво произнес Шкурдюк.

— Нужно проверить у них патроны-жетончики, — распорядился я. — Если их нет, то вложить в карманы записки. В морге будет понятно, кто есть кто.

— Хорошо, сейчас пойду наверх, займусь этим, — ответил Шкурдюк.

Мой взгляд упал чуть в сторону: из-за камней торчало что-то темное. Я толкнул в бок Сергея, и мы побежали к каменным навалам. За бульжником, раскинув руки и слегка подогнув ноги, лежал на спине старший лейтенант Арамов. Автомат и нагрудник без лямок отброшены в сторону, ключья х/б валялись разбросанные тут и там. Тело Бахадыра было полностью обожжено. Волосяной покров тела обуглился и подпалился. Пустые глазницы смотрели в небо. Кончики пальцев обгорели, а половой орган превратился в маленькую головешку. Кожа выглядела так, словно какая-то сволочь по телу прошла гигантской паяльной лампой. Я в ужасе смотрел на мертвого приятеля. И вновь погладил на счастье номерок и поплевал в «злых духов».

— Баха! — вырвался крик из груди Шкурдюка, и замполит роты громко зарыдал. — Как же так? Почему не выпрыгнул? Он мог выскочить! У двери же сидел. Видимо, выталкивал солдат наружу до последней секунды, а сам не сумел спастись! Но почему он раздетый? Кто с него сорвал одежду?

— Серега! Это от взрыва. Взрывная волна содрала даже «лифчик», видишь, лямки порваны.

На вершине появился комбат и громко скомандовал:

— Эй, вы там, внизу! Скорее поднимайте всех сюда. Сейчас появится вертушка — последняя. Не успеете — на себе понесете ребят к броне.

После этой угрозы вниз спустился Пыж и разведчики. Мы подхватили под руки и ноги мертвого командира роты и быстро вынесли на пятачок для приземления вертолета. Только занесли наверх, как в небе показался «Ми-8», делающий сложный вираж против ветра. Машина камнем устремилась вниз и довольно жестко приземлилась. Во время выполнения маневра по ней откуда-то выпустили зенитную ракету и несколько пулеметных очередей. Промазали.

Очевидно, «духи» прекратили стрельбу, надеясь на крупную добычу. Ждали борт экспедиции спасения и на некоторое время затаились. Теперь они весь огонь сконцентрировали на вертолете. Решили, наверное, удвоить показатели по сбитым летательным аппаратам.

Я вспомнил про лежащий в камнях автомат Арамова и стремглав бросился вниз. Тем временем первыми осторожно погрузили раненых комэска и Алахвердыева, а потом тела убитых. Стояла невообразимая суета. Еще бы! Трудно проводить эвакуацию при работающем двигателе, под крутящимися винтами и под огнем противника.

Я успел вернуться до отлета и протянул автомат борттехнику. Тот схватил его за приклад и сразу захлопнул люк. Вертолет камнем устремился вниз в ущелье, наклонившись на правый бок, а затем резко выровнялся и, петля по распадку, умчался на базу.

* * *

Пыж задумчиво почесал подбородок и спросил у меня:

— Никифорыч, тебе пистолет нужен?

— Какой пистолет? — удивился я.

— Да вот, командира эскадрильи. Автоматический пистолет Стечкина. Я у него из рук забрал, чтоб в бессознательном состоянии не пальнул в кого-нибудь. А когда подполковника на борт подняли и увезли, вспомнил, что кобуру к своему ремню пристегнул. Забыл внутрь вертушки бросить.

— Ладно, сделаем так: спустимся к полку, я поеду в госпиталь к нашим бойцам и завезу пистолет. На броне мне отдашь и все дела. А пока носи. Пойдем, Коля, может, в обломках еще что-то найдется. Летчики просили отыскать «черные ящики» для комиссии по расследованию катастроф.

— Ну что ж, пойдем! — согласился разведчик.

Мы побрели по осыпям к еще дымящимся листам дюралья. Между камней валялись какие-то шестеренки, болты, осколки стекла и рваные куски металла. За нами следом пошли Шкурдюк, Хмурцев, Шапкин и солдат-сапер. Среди дымящегося пепла Фролов разглядел искаженную, оплавленную, оранжевую шкатулку. Это и был один из «черных ящиков».

Что-то блеснуло на дне ущелья. Туда отправились Фролов и Шапкин. Вскоре бойцы вернулись, неся гермошлем, большую сферу зеленого защитного цвета с забралом из плекса. На шлеме белой краской выведен номер борта вертолета и еще какие-то обозначения.

— Наверное, это «сфера» комэска. «Правак» сгорел вместе с шлемаком. Видимо, когда летчик выбросился через свою форточку, он и укатился вниз, — предположил я.

— Расстреляем или сожжем? — спросил Шапкин.

— Нет, Сашка, не расстреляем! Привязывай шлем к мешку, понесешь домой. Будет сувениром. Я его над койкой повешу.

— А почему я? — запротестовал сержант. — Может, сразу заберете?

— Сержант, ты постоянно свои проблемы пытаешься превратить в мои!

— Какие же это мои? Мне эта кастрюля даром не нужна. Лишний вес!

— Отставить разговорчики! — гаркнул я. — А ну, продолжай зарабатывать «очки» на орден!

— Ну, если дадут орден Красной Звезды, то тогда другое дело! — пошутил невесело сержант.

К нам подошел огромный, как монумент, взводный минометчик Волчук. Для этого офицера Панджшер был первым рейдом. Он еще не освоился на войне, тарачил глаза и всему удивлялся.

— Ребята, я с собой взял в горы фотоаппарат! Может, снимемся на память?

— Конечно! Если пленка имеется — фотографируй! — обрадовался Хмурцев. — Только не испорть кадры!

Офицеры принялись позировать на фоне огня и дыма, надевая по очереди гермошлем то у разбитой кабины, то у перевернутого днища. Пленка закончилась быстро. «Духи» молчали, и наша наглость сошла нам с рук. Наверное, мы им порядком надоели, или, что скорее всего, они ожидали другую, более ценную добычу. Ведь за сбитый вертолет стрелок получит миллион афганей, а за наши жизни и сотни тысяч не дадут.

* * *

Комбат сидел в заново отстроенном СПСе с задумчивым видом. Он прихлебывал из большой алюминиевой кружки чай и о чем-то рассуждал с Серованом.

— Ну шо, замполит, проголодался? — встретил мое появление Подорожник. — Сидай, гостем будешь. Покуда ты по ущелью скакал, воевал, трофеи собирал, фотографировался, я нам крепость выстроил! О тебе позаботился, костерок развел, чаек сварганил. Гляди, земляк, — обратился он к Сероивану, — нахлебник явился! Вместо того чтобы быть комбатом «ридной мамою», меня бросил и бегает, в войну играет!

— В смысле? — удивился я.

— В прямом! Я тебе шо казал? Сходить, посмотреть, как там дела, отправить вниз людей на выручку. А ты шо сделал?

— Что я сделал?

— Сам поперся, героя из себя изображаешь.

— Я никого не изображал. Шкурдюк сидел еле живой, отходил от шока, а бойцы морды в землю и ни шагу в сторону. Это был тот самый, пресловутый личный пример. Чтоб комбат не говорил: мол, у замполитов стиль работы «делай, как я сказал», а я не болтаю, а делаю.

— А в результате мы могли тебя потерять. Был шанс стать еще раз Героем Советского Союза. Но посмертно!

— Спасибо за ласку и комплименты, — усмехнулся я.

— Не за что. Вот тебе кружка, вот чайник, сахарок — пара кусков, угошайся. Сидай, не стесняйся.

— А я не стесняюсь, — ответил я и устроился с противоположной стороны, чтобы табачный дым не несло в лицо.

Желудок громко заурчал, напомнив, что с утра в него не попало ни грамма съестного. Я вынул из мешка суточную норму маленьких баночек, вскрыл, подогрел и принялся уплетать.

— Ну, проглот! Ох, ты и жрать горазд, комиссар! — улыбнулся Подорожник.

— Василий Иванович! Я сегодня туда-сюда, на дно ущелья, три раза спулся. Кроссовки полностью разбил. Сил нет совершенно. Ем впервые!

— Ешь, я шучу! А если бы обулся в сапоги, то и не сбивал бы кроссовки. Никак ты не расстанешься с анархией!

— Если бы у меня были такие же, как у вас, товарищ подполковник, австрийские ботинки, я бы в них бегал. А в отечественных «говнодавах» невозможно ходить. Ноги через час отвалятся или в кровь сотрутся.

Я быстро умял дневной рацион и задумался. Почесался, пошевелил пальцами ног, отдыхающих без обуви, шаркнул пятками по гладкому камню. Затем пару раз зевнул и решил прикемарить.

— Эй! Эге-ге! Комиссар, а политинформация командиру? — прервал мой сон комбат. — Ты кто у нас по должности, «рейнджер» или замполит? Кто будет просвещать управление батальона?

— О чем говорить? О внутренней или внешней политике? Можно об армии. Докладываю: грядет очередная перетряска армейской верхушки. Язов производит смену старого руководства на новое. У меня в мешке

свежая газета «Красная звезда» с новыми назначениями генералов. Дать почитать?

— Хм-м. С новым министром, Никифор, я, можно сказать, лично знаком, — усмехнулся Подорожник. — Видел его, как тебя, и за ручку здоровался! В ту пору я служил в Среднеазиатском округе, в гнусной «дыре» возле озера Балхаш. Где только не побывал по молодости... Прошел все убогие гарнизоны, начиная от Эмбы! Как вспомнишь, так вздрогнешь. Я тогда командовал ротой. Приехал в наш полк проверять нас Дмитрий Тимофеевич. Он тогда командовал округом. Ох, он и мажорант! Настоящий фронтовик! Выстроили полк на смотр, генерал прохаживается вдоль строя, осматривает внешний вид офицеров. Рядом со мной в одной шеренге стоял капитан Порфирьев. Не офицер, а бесценный кадр! Древний, как помет мамонта. Каждый день за воротник поллитрушку закладывал. Подходит к нам командующий, я ему представился. Генерал поздоровался, пожал руку и поровнялся с Порфирьевым. Тот докладывает: «Капитан Порфирьев, помощник начальника штаба полка». Генерал улыбнулся, сочувственно хлопал капитана по плечу. Было от чего расчувствоваться: перед ним стоял офицер, седой как лунь, в выгоревшем кителе, с лицом землистого цвета, испещренным глубокими морщинами. Вояка! Службист! Язов взглянул на него и окончательно расчувствовался: «Ну что, дружище, давно, наверное, капитаном? Устал уже в этом звании?» Эти слова генерал произнес, машинально сняв с головы капитана фуражку и проверяя наличие ниток и иголок. А Петя Порфирьев в ответ прохрипел: «Никак нет! Не долго. Долго был майором!» (Петю месяц назад сняли с должности и разжаловали до капитана.) Язов посмотрел на Петра, плюнул в сердцах на плац и швырнул об асфальт выпцвешую повседневную фуражку. Больше Язов ни с кем не разговаривал и никому не сочувствовал. Такое мое знакомство с министром.

— Знакомство довольно «шапочное». Вам, Василий Иванович, не досталось за компанию? Вашу фуражку не топтали? — съехидничал я.

— Ты посмотри, Сероиван, как осмелели молодые офицеры? Еще вчера Никифор и слова против сказать не смел! Бледнел при разговоре со мной, не перечил. А теперь он подшучивает над комбатом. Ладно, прощаю плоские шуточки, отпущенные в мой адрес. Но исключительно учитывая героические заслуги. Иди спи, вояка.

* * *

Итак, что мы имели в этом почти безнадежном положении. Вокруг, как минимум на пятнадцать километров, одни «духи». Первая и третья роты где-то гораздо ниже по руслу реки. До базы десантников в Анаве топтать еще дальше. Моджахедов вокруг тьма, и как выбраться из этой ловушки? Западня какая-то. Впереди, справа и слева — огневые точки мятежников. Сзади «бородатые» пока не стреляют. Пока...

Но кто знает, что будет дальше? Людей для самостоятельного выхода из окружения мало! Десять офицеров, пара прапорщиков, тридцать сержантов и солдат.

Итого: сорок два ствола или штыка. Не густо...

Глава 11

Ловушка

Четыре высотки, на которых мы разместились, запестрели демаскирующими бело-серыми флагами. Это бойцы сушили на солнышке портянки. Куски материи, прижатые по краям камешками, реяли, словно пробитые шрапнелью и обожженные порохом боевые штандарты. Дух, который они источали, мог сбить с ног даже скунса. Этот «постмодернистский натюрморт» вызывал ощущение надвигающейся катастрофы.

Обломки металла давно догорели, дым рассеялся, но по-прежнему оставался устойчивый запах пожарища, разлившегося керосина и паленого человеческого мяса. Время от времени мы спускались к месту падения борта, где лежали россыпи металлических кусков обшивки, пытаясь разыскать еще один «черный ящик». Солдаты собирали на память о войне оплавленные куски стекла и заклепки. Я тоже подобрал пару стальных сердечников. Это были те самые пули из длинной очереди, прошедшей насыпь, но не попавшей в мое брненное тело.

Три дня тревожного ожидания нашей дальнейшей участи тянулись ужасно медленно. Авиация бомбила окрестные горные вершины, артиллерия наносила удары по хребтам и ущельям. Днем солдаты дремали, а по ночам треть из них отдыхали, остальные дежурили, сменяя друг друга по очереди на постах. Офицеры ходили, проверяли часовых, будили их, чтобы не проспали «духов» и чтоб вся наша группа не оказалась однажды ночью вырезанной. Враг, как выяснилось, в этом районе был многочисленным, хорошо подготовленным и коварным. Интересно, какая сволочь сообщила «бородатым» район нашего десантирования, в результате чего мы оказались в этой ловушке. Засада, судя по всему, готовилась заранее и тщательно.

Пулеметы мятежников молчали, на нас не разменивались. Пехота им была не интересна. Затаились и ждали, когда прилетят винтокрылые «птицы», чтобы эвакуировать попавших в беду людей.

Новости поступали к нам одна хуже другой. Учитывая плотную противоздушную оборону противника, командование приняло решение десантирование более не проводить, вертолеты за нами не присылать, а эвакуацию провести иным способом. Это означало: предстоит топтать, топтать и топтать по горным тропам...

Продукты и вода были на исходе, а командиры в штабе армейской группировки продолжали обдумывать, как вывести батальон из окруже-

ния. Смешно сказать, батальон! И роты не наберется! А «духов» в районе Панджшера около десяти тысяч. Вокруг Анавы (кишлака, к которому нам нужно выбираться), несколько тысяч мятежников. Это по самым оптимистическим, приблизительным подсчетам. Вот влипли...

Наконец ранним утром, на четвертые сутки раздумий, командир дивизии Баринов отдал приказ об отходе. Филатов спланировал с Подорожником маршрут движения. Совместно в деталях согласовали переход по гребню хребта, пересечение одного ущелья. Далее, двигаясь по второй горной гряде, мы должны были выйти на соединение с остальными ротами батальона. В то время, когда все было подготовлено и согласовано, кто-то на самом верху поменял замысел в корне. Руководители сообщили: в кишлаке, что располагался в трех километрах от нашей площадки, действует афганский полк. Он на подходе. Мы соединяемся с афганцами, проходим ущелье и затем возвращаемся к дивизии.

— Как так спуститься с гор? — удивился комбат, разговаривая по связи с начальством из штаба. — А кто будет прикрывать нас сверху? У меня мало людей, мы нагружены оружием! Необходимо два взвода сажать на вершины, господствующие над ущельем. Это человек двадцать. А у «духов» несколько ДШК замаскированы. Попробуй-ка забраться на противоположный склон! В бинокль никого не видно, мятежники не показываются, но то, что они не ушли, ясно как день! Выжидают.

— Не обсуждать приказ! Идите на помощь «зеленым»! — последовал начальственный рык.

— Я не пойду в западню! Какой полк у афганцев? Спецназ госбезопасности?

— Пехотный полк. Хороший. Боевые ребята, — успокоил начальник.

— Вы сами видели этих боевых ребят? Сколько штыков? Пятьдесят? Сто пятьдесят? Двести? Какое-нибудь стадо баранов! Разбегутся при первых же выстрелах! — продолжал протестовать Василий Иванович.

— Отставить разговорчики! Начало движения в девять утра. Осмотрите развалины, что находятся вдоль дороги на пути следования батальона! — рявкнул штабной офицер и прекратил пререкания, уйдя из эфира.

— Бл...! Сука штабная! Тварь! Запустить бы эту крысу в ту дыру, куда он нас хочет загнать. Просто мечтаю увидеть бегающими под пулями всех этих теоретиков-педиков! Планируют, мудрят, не выходя из кабинетов, а мы потом башку в пекло суем, — громко возмутился комбат.

Чапай закурил сигарету, несколько раз зло сплюнул на камни, продолжая бурчать под нос ругательства. Пальцы рук, держащие окурок, заметно подрагивали. Комбат много нервничал в последнее время. Я тоже не радовался навязанному нам маршруту. Чтобы успокоиться, я вдыхал полной грудью свежий горный воздух, пытаюсь расслабиться, и разминал пальцы босых ног. Внутренне, конечно, я содрогаюсь от предстоящего рискованного путешествия, но отгонял дурные мысли и надеялся на счастье и удачу.

Никакой душман не принесет большего вреда, чем свой родной советский болван. Наша армия всегда славится дураками. Но дуболом в мирное время не так опасен. Война — это все-таки война. Не прав тот, кто придумал поговорку: «Чем больше в армии дубов — тем крепче оборона». Эти дубы почему-то поголовно пролезли в руководство. И как они только с небольшим набором извилин (и те натертые фуражкой) умудряются пробиваться на самый верх?

— Хватит расслабляться, политрук! Обувайся! Сейчас проверяемся и в путь. Командиры взводов! Пересчитать солдат, проверить наличие оружия. В голове колонны — разведвзвод! — громко скомандовал Иваныч.

Людская масса на вершине закопошилась и пришла в движение. Мой зад и желудок почуяли неприятности...

* * *

У подножья горы теснились три домика, выложенных из серого речного булыжника. Невысокие, узкие террасы одна за другой спускались к речушке. Во время таяния снегов она, может быть, и превращается в реку, но сейчас это тихий журчащий ручеек.

Разведчики пробежались по «избушкам», быстренько осмотрели помещения. Вроде бы все в порядке. Никого нет.

Бойцы залегли за каменными дувалами, переводя дыхание. Подорожник вновь вышел на связь со штабом дивизии.

— Где «зеленые»? Мы заняли окраину населенного пункта. Здесь полнейшая тишина. Ни души! Местных жителей нет, «духов» пока не видно, но и афганского полка тоже.

— Неувязочка получилась, — ответил по связи кто-то из управления дивизии сонным голосом. — Армейское командование что-то переиграло. Афганцы до вас не дошли километров десять. Идите по руслу речки к ним на соединение. Они будут ждать.

— Вот козлы! Десять километров по руслу! Черт знает что! А если зажмут? Ловушка! Западня! — воскликнул Иваныч и распорядился: — Ну, ладно, разглагольствовать некогда. Бегом к реке и как можно быстрее из этого каменного мешка. Разведвзвод, вперед! Затем идут связисты, миномет и вторая рота. В замыкании гранатометчики. Ветишин, не отставай, не задерживайся!

Серезка пребывал в задумчивом состоянии. В принципе, он вполне мог и не оказаться в Панджшере. Перед рейдом лейтенант собирался жениться и должен был ехать в посольство расписываться, бракосочетаться. Но в самый последний момент передумал. Из-за чего-то поругались с невестой, и он сказал, что свадьбы не будет. Мол, иду в рейд, а после рейда посмотрим. Невеста вспылила и разбила в гневе четыре литровые бутылки водки, приготовленные для мероприятия, одна об другую. Разговор их

едва не закончился дракой. Ночью батальон отправился на боевые действия, а утром Золотарев из Центра боевого управления вызвал Ветишину обратно в полк. Девушка умоляла его вернуться.

На вопрос Сергея, что ему делать, Подорожник, хитро глядя на Ветишину, сказал:

— Наломал дров, набедокурил, а теперь не знаешь, как поступить? Делай так, как совесть подсказет. Вернешься в Кабул — Бог тебе судья. Может, там твое счастье. Но взвод останется брошен на сержанта Якубова. Гурбон — только набирающийся опыта, молодой сержант. Справится ли? Не наломал бы дров. У меня лишних офицеров, чтобы тебя заменить, нет.

— Наверное, останусь. Не поеду. Вот отвоюем, а потом, может, помирился. Подумаем еще раз. Что скажешь, Никифор Никифорыч? — спросил Серега, ища поддержки.

— Пошли с нами. В горах будет много свободного времени, там спокойно обмозгуешь. Оставайся, Сережка! — предложил я.

— Решено! Никуда не возвращаюсь! В Панджшер! — махнул рукой Ветишин.

Наверное, это судьба. При десантировании пара пулеметных очередей попали в борт, на котором он летел. Уцелел. Теперь ему выпало выход из этого кошмарного ущелья прикрывать.

Я приветливо помахал Сергею. Он в ответ грустно улыбнулся. Управление торопливо двинулось вслед разведзвуду. Мы спешили покинуть неприветливые, таящие постоянную угрозу места.

Разведчики спустились с террас и по ручью быстрым шагом пересекли кишлак. Теперь наш черед испытать удачу. Едва на краю последней террасы показались связисты и минометчики, как горы «ожили». Со всех сторон ударили автоматы, пулеметы, заработал миномет, и среди камней разорвалось несколько минных фонтанчиков. Взрыв одной из мин бросил нас наземь. Осколки с противнейшим визгом пролетели над моей головой и застучали по камням. В этот раз пронесло. Кусочек металла сбил с головы Подорожника кепку, едва чиркнув по макушке, а большой острый камень рассек лоб. Я прижался затылком и спиной к огромному валуну, а ноги и задница остались без прикрытия. По ним забарабанили камни и земля. Черт! Только бьющих по нам минометов не хватало!

Все быстро спрыгнули с террасы и прильнули к выложенной из камней шершавой стене. Пока что было не понятно, откуда конкретно стреляют. Казалось, огонь велся отовсюду. Мы действительно оказались в огненном мешке. Четыре вросших в землю домика с противоположной стороны были переоборудованы в блиндажи и доты. Узенькие, подслеповатые окошки-бойницы изрыгали из своих недр огневой шквал. Откуда-то с гребня горы, из кустарника, включились в бой крупнокалиберные пулеметы. Издали плевался минами миномет. Цепочка из нашей пехоты, вжимаясь в грязь, поползла от стены в ручей к массивным валунам. Я огля-

нулся назад и понял, что обратной дороги нет. Из тех домов, что проверили разведчики, тоже стреляли автоматчики и гранатометчики. Повывлезали из норок и тайников, гады! Ловушка захлопнулась...

Позади на тропе валялся АГС, рядом вверх ножками — станок, а вокруг раненые солдаты. Гурбон Якубов подтаскивал кого-то в укрытие, а остальные, кто был в сознании и мог стрелять, вели огонь. Кто не мог, бессильно лежал на земле. Их вопли и стоны доносились сквозь автоматный треск.

Я отстрелял «муху» в одно из строений. То же самое сделал Вадик Хмурцев. На минуту помогло, я надеялся: кто-то из «духов» умолк навеки.

Комбат, сидя за камнями, вызывал артиллерию на себя. Минометчики воткнули в землю «трубу» и с руки принялись посылать мину за миной в дальний кустарник. Скорее всего миномет «духов» работал оттуда. А может, если повезет, Волчук зацепит кого из вражеских пулеметчиков.

Бойцы, лежа, передавали мины, которых было немного, штук тридцать. Этого хватило продержаться до открытия огня артиллеристами. Самоходки и гаубицы из-за гор взялись обрабатывать склоны. Снаряды ложились к нам ближе и ближе. От точных попаданий сложились, словно карточные домики, пара хибарок. Но даже из развалин, из полуподвальных помещений кто-то упорно продолжал стрелять. Хорошую встречу тут нам приготовили. Горячую!

Накрытые артиллерией пулеметы и миномет мятежников замолчали, но «духовские» автоматчики только усилили стрельбу.

Гурбон дотащил к нам первого раненого. Это был Ветишин! Надо же, как глупо вышло! Вместо свадьбы получить пулю! Серега лежал перепачканный кровью, которая сочилась сквозь бинты. Глаза закрыты, лицо землистого цвета, он уже не стонал. Без сознания...

— Гурбон! — крикнул я сержанту. — Куда его задело? Он весь в крови!

— Две пули в животе и осколками перебита нога, — объяснил Якубов, растирая по лицу кровь, пот и грязь.

— Тебя задело?

— Нет, это кровь лейтенанта Ветишина.

— Кто еще ранен?

— Почти весь взвод. Вагриса убили, а еще четверо перевязываются. Абдулаев отстреливается, а остальные уже не стрелки. Я поползу Сидорова выносить, ему в грудь попали.

Сержант вернулся обратно, а мы усилили огонь для прикрытия. И вскоре выбрались трое легко раненных, тянувших за собой бездыханное тело друга. Гурбон вытащил еще одного тяжело раненного. Абдулаев притянул за лямки АГС в чехле, громко крича что-то на родном языке и ругаясь по-русски. Из всех фраз я узнал узбекское «джалап» и услышал множество родных выражений. Могуч русский язык! Мощнее и сочнее его ругательств не сыщешь! Сейчас даже афганцы по-русски матерятся.

— Василий Иванович! Станок от гранатомета забирать будем? — спросил я у комбата, продолжавшего вместе с капитаном-минометчиком корректировать артиллеристов.

— На хрен он сдался. Пусть валяется. Не поползем за ним: он под прицелом. Можем еще кого-то потерять. Оставим «духам» трофей для отчетности. Их очередь на себе станок тягать по горам.

В небе появилась четверка штурмовых вертолетов. «Крокодилы» встали в карусель и принялись осыпать «нурсами» ущелье. Металл засвистел осколками повсюду. Рассыпалась еще одна «избушка», загорелся сарай, вспыхнули стожки сена, в которых прятались мятежники. Отпрятались! Комбат отдал приказ на прорыв. Разведвзвод, оседлав господствующую вершину, отбивался от наседавших на них «духов», обеспечивая проход. «Бородатые» буквально на считанные минуты опоздали и не успели опередить Пыжа. Комбат, связисты и «ходячие» раненые, низко пригибаясь, побежали по ручью, то и дело падая в воду. Переползая, перекатываясь, прыгая с места на место, передовая группа добралась до поворота реки. Затем унесли Ветишина и еще двоих тяжело раненных.

— Гурбон, бери убитого и уползай! — скомандовал я Якубову.

— Спасибо, товарищ старший лейтенант! Ухожу, — ответил сержант.

Он взвалил на себя труп и, низко пригибаясь, побрел между валунов. Вместе с ним ушел и Чухвастов с Сероиваном. Остались только минометчики и второй взвод.

— У тебя к миномету есть мины? — поинтересовался я у Волчука.

— Ни одной. Теперь миномет как труба от самовара. Пользы никакой, только еще одна обуза на нашу голову.

— Ну, тогда, Сашка, пусть расчет уходит за комбатом, — предложил я. — Да и ты с ними.

— Никифорыч, а с АГСом что делать будем? Три ленты есть, а гранатомет лежит без толку! — проорал мне в лицо оглушенный офицер-минометчик.

— А что делать без станка? Как стрелять из него? Не удержишь в руках! — воскликнул я, досадуя.

— Это нормальный человек не удержит! Посмотри, как я с ним ловко управляюсь!

Волчук снял чехол, взгромоздил гранатомет на большущий камень, нажал на спуск и не отпустил его, пока не расстрелял ленту. Тут же бросил АГС на землю и запрыгал, дуя на пальцы.

— Сука! Отбил мне пальчики! Вот дергается, зараза! Еле удержал. Прыгает, как мячик. Отдача сильная, не устойчив! Я сейчас его вон на тот высокий пенек положу и оттуда постреляю!

Старший лейтенант перебросил через плечи обе ленты с гранатами, повесил на шею автомат и с гранатометом в руках перебрался к поваленному дереву. Через пару минут Александр принялся молотить по кишлаку. Когда выстрелы прекратились, минометчик заорал:

— Амба! Гранаты кончились! Более прикрывать отход нечем. Надо быстрее отсюда выбираться!

— Сашка, возвращайся! — крикнул я ему в ответ. — Окружат!

— Нет, замполит! Твоя очередь, ты как-никак замкомбата! Иди вперед, мои минометчики следом, а вторая рота прикроет!

«Рота... Восемь человек... Сильное прикрытие!» — подумал я.

— Серега! — обратился я к стреляющему по развалинам Шкурдюку. — Я побежал, а вы по очереди за мной!

Замполит роты кивнул в знак согласия и перезарядил автомат. Пятьдесят метров открытого пространства. Полсотни метров смертельного риска, ожидания пули в спину... На занятиях по физподготовке, при беге в сапогах с низкого старта, это семь-восемь секунд. С мешком на плечах и автоматом в руках секунд пятнадцать-двадцать. Но здесь ускорение придают свистящие вражеские пули.

— Ну, вперед! — скомандовал я сам себе и, пригнувшись, помчался вперед.

Обувь чавкала по воде. Холодные брызги разлетались в стороны. С неба на землю в эти секунды летели ракеты, выпущенные кружащимися «крокодилами». Они веером врезались в землю, истребляя противника на своем пути. Под этот фейерверк я бежал, петляя, к спасительному выступу холмика. Что-то сбило с моей головы кепочку, но поднимать ее и даже оглянуться некогда. Мимо, с правой стороны, вспенив воду, прошла трасса автоматной очереди. Я увеличил длину и частоту прыжков, а с последним прыжком ласточкой метнулся за валун. Ах-х-х. Хы-хы-хы... Дыхание никак не удавалось восстановить. Ноги и руки тряслись от пережитого страха. Повезло. А ведь это была пуля снайпера! Для меня предназначалась! Душман промахнулся совсем чуть-чуть, сбил только кепку. Возьми он чуть ниже, в голове у меня на пару дырок стало бы больше. И не было бы больше на свете старлея Ростовцева. Уф-ф-ф... Опять повезло!

Я осторожно пробрался между камней и выполз на тропу, где комбат у поваленного дерева переговаривался по радиосвязи.

— Василий Иванович! «Духи» вторую роту зажали в ручье! Сам еле еле проскочил! Пулей кепку сбили, гады! Что делать будем дальше? — крикнул я возбужденно.

— Тише, комиссар! Без паники! Не гони волну! Чего орешь? «Духи» стреляют? Бери автомат и иди, стреляй в ответ. — Комбат дымил торчащим в зубах замусоленным окурком.левой рукой он поминутно поправлял сползающую на глаза повязку. Сероиван намотал бинтов на голову Чапая, наверное, на три осколочных ранения. От души.

— Василий Иванович, я не только бегаю, но и стреляю. Зачем такие обвинения? Паники нет. Просто немного страшновато, — обиделся я. — А где наша разведка?

— На этой горке должны сидеть. — Подорожник показал пальцем на вершину. — Пыж в своем репертуаре! Опять радиостанция молчит!

— А за поворотом есть кто, или там «духи»?

— Не знаю! Чего привязался! Сходи, проверь, только возьми кого-нибудь с собой. А то еще, чего доброго, пропадешь.

Я огляделся — и вновь на глаза попался Шапкин. Сержант слышал разговор и, улыбнувшись, отвел глаза в сторону.

— Сашка! Чего физиономию воротить? — насмешливо спросил я.

— Так вы опять на меня свой взгляд кидаете. Что, кроме меня никого нет, чтобы в дозор сходить?

— Ты мне, сержант, нравишься. Не лежишь мордой в землю, закрыв глаза от страха, а воюешь. Пошли.

Сержант вздохнул и взглянул на Хмурцева. Командир взвода связи начал возмущаться для порядка:

— Ну, почему меня никто не спрашивает? Это ведь мой сержант! Заберите его из взвода, товарищ старший лейтенант, и водите за собой. Будет заместителем замполита.

— Старший лейтенант Хмурцев! Выделите мне одного бойца! Быстро!

— Вот это другое дело. Шапкин! Марш за замполитом батальона! Умереть, но защитить его персону от врагов! — улыбнулся Вадик.

Мы звонко хлопнули с Вадимом ладонью о ладонь, и я зашагал по мокрому рыхлому песку. Впереди виднелась овечья кошара, выложенная из плоских камней. В этом сарае вполне могли устроить очередную засаду для отходящего батальона. Если строение займут «духи», мы опять в мешке.

— Шапкин! Стрельни «мухой» в сарай!

Идти напролом не хотелось: вдруг там кто-то ждет недобрый и неласковый... Сержант прицелился и выпустил гранату в прикрытую дверь. Взрыв! Часть стены и крыши завалилась. Ну вот, теперь можно смело шагать дальше. Заглянув вовнутрь, мы никого не обнаружили. Береженого бог бережет!

Дальше открывалась зеленая поляна между двух высоких хребтов. Вдали у следующего поворота росли несколько елей, и опять торчал одинокий домик. Но до него далеко, метров пятьсот. Туда мы попадем скоро. Главное, чтоб дорога к нему была чиста, чтобы не оказалось на нашем пути засад и минных полей. Крутые горные склоны явно без блиндажей и огневых точек. Вот и отлично! Отступление вполне возможно, да и артиллерия хорошо бьет по противнику. Наверное, сумеем выбраться.

Я устало присел за камень и вытянул избитые о камни натруженные ноги.

Только я почувствовал близость спасения, как сразу охватила какая-то необъяснимая усталость. Ступни словно отстегнулись, стали ватными, руки тряслись. Эта же мелкая дрожь прошла по всему телу. Нервы! Паника начинается не вовремя! Дрожь усилием воли удалось унять. Глаза безвольно закрылись, и я впал в минутное забытие. Может, это продолжа-

лось всего минуту, может пять. Сознание отключилось само собой. Как будто перегорел в мозгу предохранитель или щелкнули невидимым тумблером. В памяти всплыли картины недавнего прошлого: бой, горящий вертолет, дым пожарища...

К реальности меня вернул одиночный выстрел. Кто-то невидимый издали прицелился, выбрав меня своей мишенью. «Хороший выбор у стрелка — замкомбата», — мелькнула в голове невеселая мысль.

В той же позе я, как сидел, так и упал на бок, а затем скатился в небольшой арык. Пусть стрелок думает, что попал, второй раз целиться не станет. По этому арыку, прикрываясь каменным бруствером, я отполз метров на пятнадцать и укрылся за краем террасы.

— Шапкин! Сашка! Ты живой? — заорал я что есть мочи.

— Живой! — отозвался издали сержант.

— Ты не видел, откуда эта зараза, снайпер, стреляет?

— Нет. А что, это в вас целились? Я думал рикошет.

— Ты где залег?

— Я за бревном маскируюсь. Что мне делать дальше?

— Переползай сюда к канаве, только быстрее. Вернемся к комбату, надо торопиться с отходом, а не то «духи» подойдут поближе, пристреляются, и не выскочим.

Через несколько секунд Шапкин рухнул сверху мне на шею.

— Черт слеподырый! Не видишь, куда прыгаешь? — возмутился я.

— Какое «видишь», он опять чуть не попал в меня! Пуля шлепнулась куда-то правее, — тяжело дыша, оправдывался связист. — А вы если не позвали б, то я и не свалился б. Мне и там было удобно.

Точно, надо торопиться, а то отрежут отход! Все же, если проскочим этот узенький перешеек, дальше нас будет гораздо труднее прижать и догнать.

Пригибаясь, мы побежали обратно.

— Василий Иванович! «Духи» начинают постреливать в тылу! Надо быстрее сниматься и уходить! — выкрикнул я, еле переводя дух, в лицо комбату, когда вернулся на полянку.

— Чего орешь? Понял, не глухой! — осерчал Подорожник.

— Это я оттого, что торопился сообщить. Задыхаюсь.

— Эти недоделки в штабах не могут никак определить, где «царандой» и как мы с ним соединимся. Сейчас снова буду требовать разрешения на отход. Ох, не вытащить нам всех раненых! Людей не хватит! — вздохнул комбат. — Нужно бросать лишнее барахло.

Василий Иванович вновь принялся объясняться с командованием, а я перебрался на пятачок, откуда вели огонь по «духовским» блиндажам три бойца. Пули щелкали о камни, сшибали ветки, с визгом рикошетили. Казалось, нет от них спасения. Кто-то выбежал из-за камней и упал впереди укрытия. Это был Волчук. Он оглянулся и, увидев меня, заодно крикнул:

— Никифорыч! Ты в рубашке родился! Везучий! Мы за тобой сразу прокочить так и не сумели. Полчаса лежали, пока вертушки «бородатых» не отогнали. Пули прошли за твоими ногами. Если бы у «духа» патроны в магазине не кончились, то следующие пули вошли бы тебе в ногу и задницу.

— Вот мерзавец! Чуть-чуть меня не достал! Но я живучий, увернулся! Пулей только кепку сбили, в ручье осталась, — сказал я минометчику.

— Видели. Мы подождали, когда артиллерия ударит по домам, и поползли следом. Шкурдюк твою кепку подобрал, смотрит, а в ней дырки. Будет дополнительная вентиляция волосам, не облысеешь.

— Хорошо, что не получилась вентиляция в мозгах, — горько усмехнулся я. — Значит, мне опять повезло...

— Шкурдюк то же самое сказал. Еще он отметил, что надо от тебя держаться подальше. В комиссара, говорит, не попадают, а рядом находящихся приятелей-сослуживцев цепляют. Поэтому можно попросить тебя, Никифорыч, отползти чуть подальше в сторону от меня, — улыбнулся Волчук.

— Ха! Испугался! Опасайся меня! — засмеялся я. — Бойся!

Мое обычное бодрое состояние духа постепенно возвращалось. После второго расстрелянного магазина я почувствовал себя еще лучше. Бросив солдату, заряжавшему патронами рожки, свои пустые и получив наполненные, я вновь принялся посылать короткие очереди по окнам покосившейся хибары.

В перерывах ведения огня мы с Волчуком продолжали перекрикиваться.

— Сашка! А чего из АГСa прекратил стрелять?

— Ленты кончились! Ни одного выстрела не осталось. Теперь эта железка рядом валяется. Когда патронов не будет и «духи» попытаются взять меня в плен, начну отмахиваться гранатометом. Если кого им зацеплю — убью наверняка!

— Александр, с твоим ростом и силушкой можно в одну руку трубу миномета взять, а в другую АГС.

— Раньше, года два назад, да! Гирей крестился. Мог! А сейчас здоровье уже не то!

В этот момент, озираясь по сторонам, из кустов выскочили Шкурдюк и щуплый солдат. Они упали возле нас, надрывно хрипя. Едва отдышавшись, Сергей доложил:

— Сзади наших — никого! Только «духи»! Я даже их топот ног слышал и тяжелое дыхание. Сейчас вот-вот появятся среди камней и кустарника.

Действительно, один из мятежников высунулся вдали из густой травы и сразу послал веером несколько неприцельных очередей. «Духи» напролом не пошли. Они поставили 60-миллиметровые минометы и принялись забрасывать минами нашу поляну.

Осознав, что тут больше делать нечего: вот-вот перебьют, мы перебе-

жали к комбату. Я грохнулся на землю возле ног Василия Ивановича. Комбат покосился на меня и заворчал:

— Ты чего такой грязный? Все ползаешь и бегаешь? Детство в жопе играет, никак не успокоишься? Сиди рядом со мной! Уймись!

— Надо отходить! «Духи» минометы притажили. Мы еле ноги унесли. Они скоро огонь сюда, в глубину перенесут.

— Хорошо, я тебя понял. Все вышли? Ты проверил? Никого не оставили среди камней? Раненых точно вынесли? — забросал меня вопросом Чапай.

— Шкурдюк последний отходил. Говорит, сзади только «духи», — ответил я. — А где «зеленые»? Идут к нам на помощь?

— Хрен на нос! Идут, да только не туда! Они где-то по другому ущелью шарохаются. К нам сейчас два взвода первой роты на помощь спустятся. Но для этого нужно проскочить пару километров по этому руслу. Комдив приказал оставить все лишнее! Разрешаю бросить каски, бронежилеты, мешки. Собрать в одну кучу, а саперу заминировать вещи! — отдал приказ Подорожник. — Раненых — на плащ-палатки. Убитого тоже!

Итак, шестеро раненых и погибший. Трое подстреленных дойдут своими ногами, троих надо нести. Убитого тоже уносим. Никогда не бросаем погибших!

Ветишина положили на палатку и понесли первым. Куртка х/б и штаны были разрезаны на куски при перевязке. Надо же, до чего Сережке не везет! До этого в лицо и руки был ранен, теперь — в живот и ногу! Весь в отметинах будет, если... Никаких если! Доживет до свадьбы! Не до этой, так до следующей! Видно было, что он замерзал, его тело сотрясала мелкая дрожь. Слишком много крови потерял! Бедный «летеха». Я снял привязанный к моему мешку бушлат и накрыл Сергея. Шкурдюк накинул свой бушлат на другого тяжело раненного солдата. Бойцы потащили импровизированные носилки, взявшись вчетвером за углы плащей. Трех легко раненных вели под руки. Они пока окончательно не обессилели и могли потихоньку шагать самостоятельно.

Ватные спальные мешки мы изодрали и подожгли. Часть касок разбросали по кустам (теперь, возможно, аборигены станут в них плов варить). Остальные вместе с бронежилетами бросили в кучу. Сапер подложил под них тротилловые шашки, «эфку» с вынутой из запала чекой (еще «сюрприз»). Пусть возьмут добычу...

Первое поле в лучах заходящего солнца миновали быстро. Кто-то несколько раз издали выстрелил по нам. Офицеры и те сержанты, кто не нес раненых, отвечали беспорядочной, беспокоящей стрельбой по склонам хребтов.

— Братцы! Быстрее! Бегом! Ребята, из последних сил, но бегом! —

кричал, подбадривая носильщиков, комбат. — Хлопцы! Не выскочим за уступ горы, все поляжем! Окружат и перестреляют как воробьев!

Солдаты пыхтели, хрипели, пот лил ручьями, а дружный мат не стихал ни на секунду. Мы проскочили узкую горловину ручья, и перед нами показалась другая долина, гораздо более широкая и длинная. Артиллеристы сопровождали прицельным фланговым огнем отступление. Главное, чтоб не было отрыва снаряда. Для нас хватит одного случайного попадания. Две артиллерийские батареи мешали мятежникам преследовать нас, а вертолеты с большой высоты накрывали местность квадрат за квадратом там, где находился противник. Если бы не эта помощь, то нас давно бы взяли в клещи. Отход все больше превращался в бегство. Мы действительно бежали. Не позорно, конечно, ведь враг превосходил нас значительно, но все же бежали, потому что мятежники, несмотря на огневую поддержку наших артиллеристов, продолжали свои попытки обойти нас по склону и отрезать путь к отступлению.

Наконец-то к нам присоединился разведзвод. Среди разведчиков потерь не было, только один легко раненный солдат и Пыж с перевязанной рукой.

— Коля! Что случилось? — спросил я у взводного.

— Резануло чуть по мышцам, но кровищи было много. Однако кость не задело, цела.

— Ну и хорошо! — похлопал я по плечу Николая. — Быть тебе начальником ГРУ!

— Эй, Пыж! Смените своими солдатами носильщиков, а то ребята совсем выбились из сил! — распорядился Подорожник. Солдаты начали нехотя менять уставших товарищей. Скорость движения отряда заметно увеличилась.

В ущелье разведчик заметил в камнях пещерку и двух маленьких людей, быстро метнувшихся к ней. Вся отходящая группа залегла, делая передышку, а Пыж со своими «орлами» осторожно подошел с боку к пещере. Солдаты вскоре выволокли оттуда двух человек. Мы с комбатом подошли к пленным. Это были чумазые старик со старухой, трясущиеся от страха. У обоих текли слезы из глаз, они поднимали руки к небу, что-то быстро-быстро лопотали на своем языке.

— Азимов! Переведи, что болтают эти «духи», — велел Пыж таджику-разведчику.

— Говорят, что они местные жители, совсем мирные. Скотоводы, коз пасут в долине.

— Надо бы их грохнуть! — задумчиво произнес Тарчук и злобно посмотрел на афганцев.

— Тарчук, опять за свое! Мы со стариками не воюем! Товарищ подполковник, может, не надо их убивать! — обратился я к Василию Ивановичу.

— А с чего, комиссар, ты взял, что я собираюсь устраивать расстре-

лы? Не знаешь, что ли, меня? Пыж, ради бога, уйми своего живодера, а то я его грохну! Он мне уже давно надоел. Тарчук, как будешь на гражданке жить? Тебя без наручников на улицу выпускать опасно!

Солдат скривил физиономию в презрительной гримасе, но промолчал в ответ. Дедулю обыскали, оружия при нем не нашли. В пещере тоже не было ничего подозрительного, только тряпье и корзины.

— Ладно, залазьте обратно в свою берлогу! — распорядился Подорожник и махнул рукой, давая команду продолжать движение.

— А я бы их шлепнул, — вздохнул Пыж. — Не такие они и старые. Лет сорок пять мужику. Они все так выглядят, да еще рожи не моют, не бреются специально, чтобы старше казаться.

— Мыколай! Тебе надо другой батальон себе найти и сменить должность. Звереть начинаешь в разведке. Настоятельно рекомендую! — угрюмо произнес комбат и пошел догонять носильщиков.

* * *

Наконец-то вырвались! Я уверен: проскочили и спаслись! Большинство бойцов выбились из сил и хрипели, как загнанные лошади, еле-еле передвигая ноги, шли на последнем издыхании. Но стрельба постепенно стихала, «бородатые» заметно отстали. Теперь не догонят. Наверное, довольны тем, что сегодня нас серьезно потрепали.

Комбат принял сообщение по связи и распорядился:

— Стоп! Перекур. Носилки положить! Сейчас прибудет борт. Вывезут раненых в Баграм, а мы пойдем дальше. Никифор! Бери Шкурдюка, Пыжа и разведчиков, прикройте эвакуацию! Рассредоточиться по периметру! Быстрее!

Десять солдат и три офицера растянулись цепью в густой траве, вглядываясь в надвигающиеся сумерки, и молча ждали вертолета. Машина внезапно появилась из-за горы и резко пошла на снижение к площадке, обозначенной дымами. Пять минут — и дело сделано. Ах! Как было бы здорово улететь в этом вертолете! Запрыгнуть в него и умчаться подальше! А как потом смотреть в глаза своим? Ладно, это секундная слабость... Теперь мы налегке и наверняка оторвемся от преследователей.

Навстречу комбату с холма спустились начальник артиллерии Потапов и лейтенант Куликовский. Подполковник Потапов обнял Подорожника за плечи, да так, что послышался хруст костей. Начарт был огромный, как медведь гризли. Силища в руках невероятная. Только благодаря снайперской стрельбе артиллеристов, корректируемых этими двумя офицерами, мы выскочили из огненного мешка.

Из раненых с нами остался только Пыж. Комбат приказал улетать и ему, но Николай из принципа остался. Проявил характер.

— Куда теперь? — спросил я у комбата. — Темнеет, не уйти бы в сторону от своих. А то заблудимся и нарвемся на засаду.

— А мы и не пойдем дальше. Занимаем круговую оборону и ждем взвод Острогина. С ним поднимемся в горы, — распорядился Подорожник.

Наша оставшаяся группа залегла за камнями, напряженно всматриваясь в даль, и через несколько минут сверху зашуршали камни. Острогин негромко окликнул нас, и вскоре он и еще небольшая группа бойцов оказались рядом. Серега бросился ко мне обниматься, был крайне возбужден и обрадован нашему спасению. Серж рассказал, что утром афганцы, громко галдя, на самом деле вошли в ущелье и скрылись за поворотом. Но либо свернули к другому кишлаку, либо перешли на сторону «духов». Обратный путь этот табор не возвратился.

— Подъем! — скомандовал Василий Иванович. — Минута времени — проверить людей, оружие и в путь. Разведка в замыкании.

Комбат с широкой марлевой повязкой на лбу и рукой на перевязи шел налегке с одним автоматом. Ну, вылитый Щорс! Шагал он быстро, невзирая на ранение, и еще постоянно подгонял остальных.

Действительно. Идти нужно было еще быстрее, потому что на вершине нас дожидается только взвод Бодунова. Больше нет никого, остальные роты снялись и ушли к броне. Полки и бригады с утра сменили позиции. Армия выходила к технике, в сторону крепости. Громко звучит: армия, полки и бригады... А на самом деле в горах и тысячи «штыков» нет.

Ночь сразу вступила в свои права, практически без плавного перехода. Вот только что светило солнышко сквозь тучи, сгущались сумерки, и неожиданно вокруг темень. Облака застилали черный небосвод, и даже звезды не освещали дорогу.

Идем на ощупь, но довольно быстро. Жить хочет каждый! Ноги гудят, ноют... Но надо идти. Осталось всего девять километров. Вскоре показалось далекое зарево и взлетающие в воздух всполохи. Так артиллеристы и минометчики создавали подсветку окрестностей, стреляя «факелами». Термитные заряды медленно опускались на парашютиках, озаряя склоны ущелья бледным холодным светом, а далекие заснеженные вершины высокогорья в это время блестели изумрудными отблесками.

Горы, как седые великаны, угрюмо нависали над нами и давили на психику. Создавалось ощущение, что они отсюда выдавливают непрошенных гостей, как бы говоря: «Уходите, вы тут чужие! Отправляйтесь домой!»

* * *

Нас, оголодавших и еле передвигающих ноги, радостно встретил и бросился обнимать зам по тылу Головской. Саня, недавно ставший майором, в последнее время округлился еще больше. Пока батальон воевал, он опять заметно увеличился в размерах. Его бы в горы загнать пару разочков, жирок растрясти. Но зам по тылу на такое мое предложение месяц назад зая-

вил: «Только вертолетом туда и обратно, и по возвращении сразу орден. Кроме того, двойную порцию пайка! Для меня величайший подвиг, что я до сих пор не сбежал из батальона на склады, в бригаду обеспечения!»

Головской ворковал над ухом комбата:

— Василий Иванович! Обед и ужин подать сразу или чуть позже?

— Подожди, Саша! Сейчас доложу Губину, вернусь — тогда и накрывай на стол.

Я, было, хотел сесть с Чухвастовым и быстро перекусить чего-нибудь вкусенького, пока комбат ходит по начальству, но и про меня не забыли. Посыльный вызвал с докладом в «политорган». Он располагался в автоклубе-кинопередвижке. Там в тесноте сидели замполит номер два (Муссолини), парторг, пропагандист и начальник клуба. Со всех сторон посыпались вопросы, требования об отчете, докладах, списках...

В результате, когда я вернулся, ужин закончился, а что осталось из еды, то давно остыло. Даваясь холодным пловом и застывшим гуляшом, я размышлял о парадоксах жизни. Тут сейчас сидишь и высказываешь неудовольствие по поводу плохой кухни, а ребята уже и такого не попробуют! Их везут в цинковых гробах. Радоваться нужно жизни, каждой ее минуте, любой мелочи. Постоянно. Ведь жизнь дается человеку только раз. А если ее прожить, бурча от недовольства, в злобе, в зависти, то лучше и не жить вообще. Солнце светит — хорошо, птички щебечут — отлично! Звезды мерцают — прекрасно!

Комбат, проверявший готовность рот к маршу, ворвался в кунг и громко крикнул:

— Комиссар! Сколько в тебя лезет? Хватит жрать! Через пару минут начало марша. Ест и ест, а все худой. Ходи в туалет через раз! Задерживай пищу в организме.

— Издеваетесь, Василий Иванович! Если бы я, как Головской, от бачков с кашей и гуляшом не отходил, я бы толстел. А так, что в желудок попадает, через пот и выходит. В туалет можно по три дня не ходить, причина не в этом. Заброшенная в желудок пища перерабатывается в энергию.

— Шучу я, шучу. Доедай и садись на БМП. С кем поедешь? На первой машине я и Чухвастов. Ты, если не наелся, можешь в замыкании отправиться с Вересковым.

— Вот и хорошо! — обрадовался я. — Не надо давиться, спокойно доем.

Вересков пребывал в своем излюбленном состоянии легкой меланхолии.

— Ну, как самочувствие, Никифорыч? В горы больше ни ногой? — спросил он меня с выражением вселенской печали на лице.

— Это точно. Никогда больше! Ни за что! По крайней мере в этом году! Хватит! В отпуск, домой, в деревню!

— А-а-а. Я думал, ты психанул и получил нервный срыв. А ты ниче-

го, молодцом держишься. Отпуск — это хорошее дело. Отдохнешь, нервишки в каком-нибудь санатории подлечишь. Развеешься и обратно, опять на убой.

— Ну, что вы так мрачно. Нельзя с таким настроением воевать. Больше оптимизма! Вам осталось всего полтора года.

— В свете последних событий остатки моего оптимизма иссякли. Сколько хороших мужиков погибло! Да... А еще эта неприятная история у десантников... — задумчиво произнес майор.

— Что за история? — удивился я. — Не слышал. Рассказывай. — Мы все время в разговоре сбивались с ты на вы и обратно.

— Следствие ведется в полку. На выносной заставе солдаты рыли окопы, расширяли по приказу комдива сектор обороны. Делали новую линию ходов сообщения и наткнулись на чей-то истлевший труп. Рядом автомат. Чей труп может быть у стен заставы? Только своего. По номерку на шее определили, кто это был. Оказалось, года два назад пропал командир взвода, начальник заставы. Солдаты в один голос тогда заявляли, что лейтенант вышел с заставы с автоматом в руках в сторону кишлака и не вернулся. Теперь нашелся... Всех в Союзе вылавливают и под следствие. Взводный был новичок. Начал порядок наводить, с наркоманами бороться, они и убили его. Такая версия у следствия вырисовывается.

Вот судьба-злодейка! Прибыл на войну, а погиб от рук своих же негодяев. Бесплезная, бестолковая война и такие же человеческие трагедии, нелепые и ужасные!

* * *

Колонна медленно выползала из Панджшерского ущелья и, дымя двигателями, устремилась к трассе на Кабул. Мы проезжали захудалый кишлак, и оборванцы-мальчишки, сидящие на заборах-дувалах, свистели, швырялись камнями, стреляли из рогаток. Солдаты в ответ направляли на них оружие, кидались сухарями, пустыми банками... На выезде из населенного пункта располагались три больших хороших дома, с ухоженными садами. На крышах телевизионные антенны, окна застекленные, дорожки выложены камнем. У калитки стояли девочки в юбочках, блузках и белоснежных платочках и мальчишки, одетые в рубашки и брючки. Ребятя дружно махала нам руками и улыбалась. Эти дети излучали дружелюбие и симпатию к нам.

— Слушай, комиссар! Ответь мне, как укладывается в ваши идеологические каноны то, что нищета нас люто ненавидит, а сытые и хорошо одетые обожают? — спросил насмешливо Иваныч. — Должно быть наоборот! Мы им равенство, свободу, право на землю несем. Счастье обещали... Социализм планируем построить. А?

Я промолчал и задумался. Рано утром я перебрался к комбату, потому что устал от нравственных терзаний зампотеха, его тягостных творческих раздумий и усталых вздохов. Так и самому загрустить недолго. Теперь я «попал под удар» философствующего комбата. Что сказать? Сам не знаю. Но ради того, чтобы эти девочки ходили в школу и могли жить без паранджи, я готов еще немного повоевать с религиозными шизофрениками.

— Может быть, дети увидят новую цивилизованную жизнь на своей земле? — продолжил комбат размышления вслух. — Заставили ведь мы своих мусульман из среднеазиатских республик жить по нашим законам...

— Василий Иванович! Но чтоб их заставить, пришлось с басмачами воевать двадцать лет! Сколько народу погибло за эти годы! — воскликнул я.

— А думаешь, мы сейчас мало истребили? Пройдет лет десять, и добьем всех недовольных. Заставим улыбаться при встрече с «шурави» не только днем, но и ночью. Отобьем желание держать в руках оружие. Смотри, какая военная мощь сконцентрирована! Не можем не заставить!

— То есть заставим быть счастливыми и загоним штыками в социализм?

— Загоним! Может, не в социализм, но в рамки государственного устройства такого общества, какое мы определим! — решительно воскликнул Подорожник. — Комиссар, эти речи должен не я толкать, а ты.

Я задумался. Н-да! Дорога к счастью по горам трупов. А надо ли это аборигенам? И как их спросишь? Моя-твоя не понимай. Твоя-моя не узнавай. Они для нас все на одно лицо, а мы для них. Обитаем на одной Земле, а образ жизни, словно мы с разных планет!

Подорожник из полевого лагеря уехал лечиться в медсанбат и оставил батальон на нас — заместителей. Вересков на все это пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, я команду техникой.

Головской тотчас умчался пополнять запасы продовольствия для кухни. Остались я и Чухвастов.

— Вася, придется тебе в горы идти. Я еле живой. Мутит, температура поднялась, ноги в узлы скручиваются. Без бушлата погулял и простыл.

— Никифор, вы что, начальнички, охренели? Я не настоящий начальник штаба, а только временно и случайно исполняю эти обязанности, — попытался убедить в своей правоте капитан.

— А это поправимо. Отдадут приказ, и станешь. Я пойду, доложу в полк о возникшей проблеме. Они крупные военно-начальники с большими головами, пусть принимают решение. Пойдем вместе.

Мы вошли в кунг, где о чем-то беседовали Губин с Масалиевым, и изложили нашу ситуацию. Меня качало из стороны в сторону, лицо горело, ноги и руки дрожали. Губин внимательно посмотрел в мои глаза, окинул меня со всех сторон пронизательным взглядом и махнул рукой:

— Хорошо, иди ложись. Без тебя справятся. Дельце легкое, два дня сидеть в горах.

— А кто будет исполнять обязанности замполита батальона? — встре-пенулся Муссолини.

— Шкурдюк. Старший лейтенант Шкурдюк. Честное слово не могу! Ну, не сдохнуть же мне в самом деле в этих проклятых горах! — ответил я с надрывом в голосе, из последних сил пытаюсь убедить начальство в своей правоте. И в результате отправился болеть. Поверили.

Роты улетели к заснеженным вершинам. Я впервые остался валять дурака на броне. В теплой, натопленной санитарной машине сутки трясся в лихорадке, лежа на подвесных носилках почему-то, и терзался угрызениями совести. Вскоре первая рота доложила о столкновении с мятежниками. Обошлось без потерь. Пронесло. Перестрелка велась дольше часа. Наши наскочили на группу противника, отходящую в сторону Панджшерского ущелья. Через день возвратившиеся офицеры рассказали трагикомическую историю.

Я отправил Бугрима с первой ротой. Он, шедший налегке, оказался в голове колонны. Витька забрался на вершину ледника, снял вещмешок, положил его на снег возле валуна. Сверху бросил автомат и оглянулся, лениво потягиваясь. Пехота ползла и хрипела метрах в пятидесяти ниже по склону, проваливаясь по колено в глубокий снег. Прапорщик помахал рукой офицерам. Мандресов и Острогин улыбались в ответ и беззлобно материли «комсомольца». Бугрим достал пачку сигарет, зажигалку и демонстративно прикурил. Выпустив первое кольцо дыма, он крикнул вниз:

— Быстрее, доходяги! — И в ту же секунду раздалась выстрелы.

Виктор как стоял, так плашмя и рухнул лицом в снег. Пули стукнули по камням и, противно взвизгнув, рикошетом ушли в небо. Следующая очередь зарылась в снег слева от его тела. Он на четвереньках сделал два прыжка вправо. Очереди пошли вправо. Бугрим влево — очереди влево. Виктор прыгнул вперед — несколько пуль зарылись в снег прямо перед его лицом. Прапорщик катался по снегу, совершал прыжки, судорожные рывки, но никак не мог добраться до спасительного укрытия. Рота пыталась прикрыть его огнем, но сама попала под пулеметный шквал, и толку от поддержки было мало.

«Бородатые» гоняли «комсомольца», возили мордую по всему заснеженному пятачку. Это напоминало игру «кошки-мышки». Мышке некуда было бежать, а кошка наслаждается своей властью над попавшейся добычей. То поймает, то отпустит.

Как впоследствии рассказал Виктор, он почувствовал, что сейчас силы иссякнут, он упадет, и тогда конец Виктору Бугриму. Вот она — смерть! Собрал он последние силы и что есть мочи сиганул за огромный камень с высоким снежным сугробом сверху. Затем скатился в лощину, ударившись

пару раз головой о булыжники. Очередь с опозданием ударила в этот самый спасительный камень-валун. Витька сделал еще скачок за очередной сугроб. Вновь следом полетели пули. Прапорщик усиленно пытался пробраться к своим, но мятежники отсекали ему путь. Стреляли, не жалея патронов. Наконец, оттолкнувшись ногами от большого валуна, он кувыркнулся, покатился кубарем по склону. В конце концов, в три прыжка на четырех конечностях Витька достиг укрытия. Автомат и вещмешок продолжали маячить на холме и служили ориентиром для той и другой стороны. «Духи» предприняли попытку первыми. Но к тому времени солдаты поднесли мины к «подносу», и выстрелы из миномета отбили всякое желание повторить попытку.

Афганцы в ответ установили на дальней господствующей высоте ДШК и огнем вжали роту в снег. Так продолжалось часа полтора. Близость друг к другу передовых дозоров не позволяла применить артиллерию. Вертолетчики ударили по пулемету и заставили его заткнуться. Повезло, что авианаводчик оказался вместе с ротой. Он показал себя молодцом, скорректировал авиацию. В пятом часу стало смеркаться. «Духи» словно растворились в разряженной горной атмосфере, как призраки, на белом чистом снежном насте остались лишь петляющие следы «комсомольца»... Мятежники быстро собрались и отошли ночевать в какой-то кишлак. Конечно, что они дураки в горах в снегу мерзнуть?! Спят в теплых хижинах, у печек, на сплетенных из лозы кроватях. Это только мы, будто белые медведи, зимуем в снегу.

— Голова до сих болит! В ушах гудит, в глазах рябит, и ноги дрожат, — пожаловался Бугрим мне при встрече.

— Ерунда, Витюша! — усмехнулся я. — У прапорщика главный орган не голова, а руки. А тебе, как комсомольскому вождю, и они не нужны. Выносить нечего: склада не имеешь. И потом, в нашем батальоне у «комсомольца» должна быть контуженая голова. Это наследственное, еще от Колобкова, твоего предшественника.

— Зачем «духи» стреляли по тебе, до сих пор не могу понять! — с улыбкой недоумевал Острогин, поддерживая мои шуточки. — Обычно они ваше племя жуликов не трогают, а даже берегут! Наверное, по запаху учуяли в тебе комсомольского вождя! Распознали, что ты не жулик, не их благодетель, а идеолог. Марксизмом, Витька, от тебя еще пахнет. До сих пор!

— Ха-ха-ха! — загоготали офицеры.

— Никифорыч, мы пытались на следующий день прыгать с разбегу по его следам. Пытались попасть, и не получалось! — поддержал приятеля Мандресов. — Чемпионские прыжки! Девятиметровые! Наверное, Витька реактивную струю пускал...

Ребята смеялись, и Виктор вместе с ними. Но его смех был какой-то невеселый. Хотя чего грустить, повезло ведь. Могло быть и хуже, вместо шуток и подначек произносили бы сейчас третий тост...

Глава 12

Медные трубы. Испытание второе...

Батальон вернулся домой в подавленном настроении. Погиб командир роты, второй за два месяца! А сколько еще раненых и убитых.

Вечером, после проверки, офицеры и прапорщики собрались в женском модуле. Пьянку даже не маскировали. Расставили столы и стулья на центральном проходе, заняв весь коридор. Горе комбата и остальных было столь безмерно, что никто не думал о наказании.

Откуда ни возьмись, вновь объявился Грымов. Приветливо улыбался, вникал в дела батальона, живо интересовался последними событиями.

— Василий Иванович! Грымов словно стервятник! Как кто-то погиб, он тут как тут. Назначите его на должность — буду категорически против. Возражать стану в полку и в дивизии! — заявил я комбату в резкой форме.

— Хм-м. Комиссар! А ты злопамятен! Не переживай, я не собираюсь из него делать командира роты, — усмехнулся комбат. — А кого предложишь ты, комиссар?

— Лучшей кандидатуры, чем Острогин, у нас нет, — ответил я.

— Ладно, возражать не буду, лучше он, чем новичок из Союза, — махнул рукой Подорожник.

— Спасибо, товарищ подполковник! Я тоже так рассуждал и сразу хотел Сергею предложить.

— Тянешь наверх старых дружков по первой роте. Вы оккупировали весь батальон. Только вот сама первая рота от этого заметно сдала. Не загубить бы окончательно лучшее подразделение сороковой армии, — вздохнул Иваныч.

Поминки прошли обыденно. Они стали превращаться в страшную традицию, которая завершала почти каждое возвращение из рейда. Комбат после третьего тоста огласил решение о назначении Острогина командиром роты. Народ воспринял это решение с одобрением, и мы выпили за Сергу.

— А теперь у меня следующее предложение, — обратился к офицерам Подорожник. — Внимание! Всем слушать и не перебивать болтовней! Я думаю, мы не обеднеем, если сбросимся по сорок чеков семьям Сбитнева и Арамова. Вдова Бахи беременная, на шестом месяце. Она завтра уезжает к его родителям, сопровождает гроб. Нас больше пятидесяти человек — соберем тысячу каждому. У Володи Сбитнева дочке три года, надо, чтоб ребенок не нуждался ни в чем, хоть на первых порах. Отец погиб как герой, значит, дочь должна быть одета, обута, с игрушками. Возражений нет?

Коллектив поддержал идею практически без малейших споров.

— Шапку по кругу! — рявкнул опьяневший Бодунов. — Собираем сейчас же!

— Нет, Игорь! Успокойся! Не надо показухи и шума. Все решим на трезвую голову, — остановил я прапорщика. — Завтра пройду по ротам, и тот, кто не против этого предложения, сдаст деньги.

— Правильно говоришь, замполит! — обнял меня за шею опьяневший Чухвастов. — А то сейчас соберем и, не ровен час, потеряем или пропьем!

— Вовка! Хватит пить! Отпусти мою шею! — принялся я вырываться и тотчас попал в объятия Острогина и Шкурдюка.

— Мужики, вы меня нахваливаете, а мне стыдно! — сказал осоловелый Острогин. — Расскажу я вам, что приключилось в Анаве...

И Серега рассказал следующее...

Саперам поставили задачу установить по ущелью «охоту». «Духи» еще не подошли, но они бродили где-то близко. Мой взвод назначили прикрывать работу группы «кротов». В придачу дали минометчика Радионова для арткорректировки. На всякий случай.

— Эй, начальник! Что нам делать? Чем помочь? — спросил я у командира взвода спецминирования.

— А ничего не надо. Сядьте где-нибудь и не мешайтесь под ногами. Много вас тут?

— Шесть человек и три минометчика, — пошутил я.

— А что это ты нас за людей не считаешь?! — возмутился Радионов.

— Конечно, вы же убудочная артиллерия. Трубы самоварные! — усмехнулся я.

Радионов обиделся, не нашел слов, чтобы сказать что-нибудь обидное в ответ, и замолчал. Пехотинцы уселись вдоль каменной стены и безмолвно вглядывались в темноту, вслушиваясь в каждый шорох. Саперы стучали лопатками на тропинке и вдоль русла ручья. Их сопение постепенно удалялось в глубь ущелья. Время шло. «Духи» не появлялись, команды на отход не поступало. Вдруг сверху со склона раздался окрик лейтенанта-минера:

— Пехота! Вы где?

— Мы? Мы здесь! — радостно воскликнул я в ответ.

— Где здесь? — удивился сапер.

— Там, куда ты нас отправил. Вдоль ручья! — отвечаю.

— Вы, что ох...! — воскликнул, матерясь, сапер. — Я «охоту» привел в действие. Она взведена, и теперь минное поле не отключить!

— Не вставайте, ползите! — рявкнул я на бойцов. — За мной! Шустрее! К стене! Ползком! Не вставать, иначе всех осколками посечет!

«Охота» — это такая опасная зараза: если попал в минное поле, живым не выйдешь. Она взводится на частоту шагов и вес человека. Первые мины не взрываются. Пропускают в глубь ловушки, предупреждая и взводя центральные мины. Затем выпрыгивает из земли «мина-лягушка» и, разорвавшись, уничтожает вокруг все живое. Если кто-то бросается на

помощь, вылетает следующая мина, и так до бесконечности. Пока не взорвется последняя.

Холодный пот щипал мне глаза. Я пополз быстро, как ящерица, и у стены оказался первым. Оглянулся: взвод далеко позади. Осторожно встаю, хватаюсь за выступающие из кладки бульжники и начинаю карабкаться. Под подошвой кроссовка оказалась чья-то рука. Это была ладонь Радионова, который тут же схватил меня второй свободной рукой за ногу.

— Серега! Больно, убери ногу с руки, пальцы отдал! — взвыл минометчик.

— Сволочь! Отпусти штанину! Дорогу командиру! — взвизгиваю я, лягнув при этом минометчика. Царапая ногтями практически гладкую стену, цепляясь за трещины, выбираюсь наверх. И только после этого оглядываюсь.

Радионов внизу трясет отдавленной рукой. Тихонько воев от боли, а следом идти не может. Тяжело нагруженные бойцы тоже не сумели подняться по отвесной стене.

Я запаниковал. Сам выбрался, а взвод пропадает!

— Мужики! Ложись! Ложись! — кричу я в панике. — Ползти вдоль стены. Не вставать! Не орать! Аккуратно!

Двести метров заминированной полосы преодолели за час. Повезло, ничего не задело, не включили ни одной мины.

Я шел по краю стены и терзался муками совести. Спрыгнуть к своим — нельзя: мины насторожатся. Вдруг датчики заинтересуются: кто это скачет?.. Бросил солдат, запаниковал, сволочь! Скотина! Сам выбрался, а солдаты пропадают. Если бы они подорвались, хоть стреляйся! Точно бы застрелился! Один ведь не пойдешь к своим. Взвод погиб, а командир жив-здоров...

— Вот такая история... — вздохнул Острогин и вновь полез обниматься от избытка чувств.

— Комиссар! Пошли на улицу, подышим свежим воздухом! — позвал комбат.

Застолье завершилось спокойно, но чего-то не хватало. Интима! Вот чего! Подорожник посмотрел на меня хитрыми глазами и спросил:

— Комиссар, а чего ты в женском модуле почти не бываешь?

— А там девчата в основном заняты. Кто не охвачен вниманием, или «Баба Яга», или «Квазимода».

— Ну, ты скажешь! Разве так говорят о женщинах. Тем более что можно шебуршить при потушенном свете. Мрак смягчает чувства и повышает интерес, — произнес Чапай и разгладил свои гренадерские усы.

Наш путь пролегал мимо модуля полкового руководства. Из него выскользнула неизвестная, шурша просторной юбкой.

— Танюша! Татьяна! — громко позвал ее по имени Иваныч, узнав женщину. Он широко распростер руки и растопырил пальцы. — Стой, красавица! Не спеши!

— Ой, отстань, Василь Иваныч! Я тороплюсь. Зам по тылу надоел своими нравоучениями, зануда чертова, а теперь еще ты хулиганишь! Шутник! — махнула рукой, смеясь, Татьяна.

— А никто и не шутит. Цыпа-цыпа-цыпа! — громко хохотнув, проворковал подполковник, шевеля усами и делая выразительные глаза.

— Я сейчас закричу! Отвяжитесь, кобелины!

— Нет, не отстанем, пойдем с нами. Сейчас Наташку захватим для компании, ох и развлечемся!

Женщина попятилась назад и энергично взбежала по лестнице, вилая широким задом.

— Как крикну, так командир с замполитом полка выйдут и вас накажут!

— Кричи! Ори! — нагло ухмыльнулся Иваныч и продолжил представление. — Комиссар, бери ее на руки, отнесем, раз не идет своим ходом добровольно.

Я с сомнением оглядел массивную «жертву».

— Нет, я пасую, спина заболит, лучше поведем под руки!

Татьяна взвизгнула и забежала еще выше по ступенькам.

— Я сегодня не в настроении развлекаться, отстаньте!

— Василий Иваныч, да ладно! Бог с ней! Раз не хочет коньяка, фруктов и шоколада, пусть идет дальше, по делам службы, — потянул я комбата за рукав х/б.

— Э, нет, комиссар! Так нельзя! Крепости надо брать штурмом! На то они и крепости. Не отступать! И комбат пошел на приступ.

Девушка заскочила вовнутрь, и Чапай увлек меня за собой. Он схватил «пышку» под руки, пощекотал ее, та захихикала. Завязалась мягкая молчаливая борьба, и на шум возни из своих апартаментов вышел рассерженный «кэп».

— Эй, что тут такое? А? Иваныч! Чего ты тут делаешь?

— Да вот, шел к вам, а тут по пути землячка попалась. Шуткуем маенько.

— Таня, иди работай. Готовь столовую для приема комиссии. А вы оба ко мне! — распорядился Филатов.

Моя голова мгновенно просветлела, хмель выветрился. Но делать нечего, и я шагнул за порог в ожидании разноса и нагоняя. В комнату командира я попал впервые. Больше года прослужил, но не доводилось бывать тут. Помещение было оформлено в восточном стиле. На стене висели два скрещенных старинных «мультика» (ружья), под ними сабля в ножнах. Экзотика! В центре зала на полу лежал мягкий персидский ковер, на нем стоял журнальный столик, уставленный снедью, бутылками и стаканами. Вокруг него сидели сильно пьяные Золотарев, Муссолини, особист.

— Ну что, орлы, расслабляетесь? — грозно и насмешливо спросил «кэп». — Теток щупаете под дверью командира! Совсем обнаглели!

— Да мы выпили, в принципе, чисто символически. Помянули. И за победу! — смутился комбат.

— О, за победу нельзя пить символически. За победу мы сегодня еще не пили! Молодец! Пришел к нам с тостом! — обрадовался Иван Грозный. — А то весь вечер пьем за выздоровление Султана Рустамовича! Садитесь, наливайте себе, чего пожелаете. Выбор большой.

Большой выбор состоял из двух напитков: водки и коньяка. Едва разлили огненную жидкость по стаканчикам, бутылки моментально опустели. Встали, молча выпили, и Чапай прошептал мне на ухо:

— Никифорыч, беги за пузырем! Добывай, где хочешь, но без спиртного не возвращайся!

Я тихо выскользнул из модуля и отправился в первую роту. Разбуженный Мандресов дыхнул на меня перегаром, удивленно протер глаза. С трудом соображая, ротный ответил, что совершенно нет ничего. У взводных ни в запасе, ни в заначке не оказалось тоже. Пришлось ломиться в дверь каптерки связистов, «доставать» оттуда Хмурцева. Вадим долго матерился, что ему надоело по ночам бродить к «вольнягам» за водкой. Но все же оделся и через несколько минут достал две бутылки по двойной цене.

— О! Вот это у меня комиссар! — радостно встретил меня Подорожник, увидев бутылки в моих руках. — А я думал, придешь с одной и надо опять бежать.

В стаканы вновь забулькала, наполняя их до краев, «огненная вода». Однако коллектив оказался очень крепким и стойким. Пили начальники почти без пауз и почему-то не пьянели. Очевидно, на этой стадии водка принималась организмами как лимонад и не пробирала. Поллитровки опустели мгновенно. Мутными глазами особист и зампотех опять уныло уставились на стол. Командир полка выразительно оглядел присутствующих и произнес:

— Для продолжения банкета нужно что-то еще. Кажется, у зам по тылу в «загашнике» есть спирт!

— Не даст! — вяло возразил Золотарев. — Я просил, не дает! Жмот! Говорит, комиссию поить предстоит.

— Командир я или не командир! — возмутился Филатов и выскочил за дверь, сшибая на своем пути обувь и табуреты. В комнате получился разгром, словно бегемот прошел по саванне к водопою во время засухи. За тонкой стенкой слышались маты, вопли и визг зама по тылу.

Через пять минут, возбужденный и счастливый, Иван Васильевич вернулся с алюминиевой фляжкой в руках и радостно воскликнул:

— Крыса тыловая! Зажать пытался спиртик! Чуть его по стене не размазал, гада! Нет! Все-таки я командир!

Такое жуткое окончание банкета вышибло из душевного равновесия на два дня. Меня штормило и качало, цвет лица менялся в диапазоне от известково-бледного до травянисто-зеленого с серым отливом.

Комбат ехидно улыбался. Закаленный, усатый черт, и цистерной его не упоишь!

— Комиссар! Не пора ли тебе посетить госпиталь? Там почти взвод раненых лежит! — спросил меня однажды комбат. Подорожник глядел хмуρο и вопросительно.

— Давно собираюсь, но никак не могу решиться, — смутился я, заду-мавшись. — Как представлю искалеченного Калиновского, бойцов без ног — мороз по коже и дрожь в коленях. Третий день откладываю. Ну и с пустыми руками ехать не хочу. А денег нет.

— Мысль верная. Сейчас в ротах наскребем деньжат, купишь соки, «Si-Si», мандарины, бананы, еще чего-нибудь. Берендей со склада стуженку возьмет. Одному, наверное, тяжело будет нести, прихвати для компании Бугрима и Острогина. Можно взять пару солдат. Большую толпу не собирай, занятия сорвешь.

— А вы сами не поедете, что ли?

— Нет. Зачем людям настроение портить? Я ведь для них «цербер», мучитель, службист. Нет. Да и не могу я. После контузии не отошел. Разволнуюсь, еще заплачу... А комбат должен быть кремень! Глыба! Скала! Пожалуйста, без меня. Но привет передай от отца-комбата обязательно! Ну и сам не подавай виду, что страдаешь, жалеешь. Сочувствуй, но будь оптимистичен, добр и жизнерадостен. Поднимай им настроение. Тоски и уныния в госпитале и так предостаточно!

Моей жизнерадостности и оптимизма хватило только до первой палаты, где лежал Гришук. Перебитая рука у лейтенанта срасталась, закованная в гипсе, парень хмурился, но был рад встрече с нами. Запах лекарства стоял в палате плотной стеной и окутывал всякого входящего. В этом офицерском отделении несколько человек были с ампутированными конечностями. Кто без руки, кто без ноги. Отвоевались мужики. Этим несчастным предстояла путь-дорога домой, а не выписка, как Грише, обратно в батальон. Один из инвалидов, без обеих ног, сидел в кресле-каталке у окна и задумчиво смотрел в небо. Что ему еще предстоит хлебнуть в этой жизни?! Хорошо если тыл крепкий и надежная жена. А вдруг совсем наоборот?

В большой палате, где находился Калиновский, стояла тишина. Черепно-мозговые травмы не располагали к разговорам. Большинство либо спали, либо лежали в забытьи. Изредка кто-то тихонько стонал.

— М-м-м... Вы кто такой, молодой человек? — остановил меня у порога врач.

— Я замкомбата из восьмидесятого полка. Тут лежит мой подчиненный — Саня Калиновский. Хотелось бы повидаться. Как его самочувствие? Когда выздоровеет?

— Зайдите ко мне в кабинет, сейчас кое-что объясню! — строго сказал доктор и увлек меня за собой.

Усевшись за стол, он раскрыл какую-то папочку с записями и, крутя в пальцах карандаш, начал не спеша, задумчиво говорить.

— Понимаете, ранение этого пациента очень сложное. Чрезвычайно! Дальнейшие перспективы туманны. Мы ему сделали трепанацию черепа. Что можно подчистили: три осколка в лобной части вынули, но четвертый прошел большой путь и застрял в районе мозжечка. Трогать его никак нельзя.

— Трепанация? Это что же, череп вскрывали?

— Ну, это сложная операция, зачем вам эти тонкости и подробности объяснять. В целом успешно проведен цикл мероприятий реанимационного характера. Теперь дело за ним самим. Организм молодой, крепкий, должен вытянуть. Главное — никаких волнений. Оставшийся осколок еще может много бед принести. Всякое бывает. Один проживет, почесывая много лет разможенный затылок, а у другого — раз и мгновенно летальный исход, случиться это может в любой момент. Не нервничать, повторяю, и не травмировать голову. И о возвращении в ваш батальон не может быть и речи. Только проститься и за вещами. Ему нужно год-полтора, чтобы вернуться к нормальной жизни, восстановиться. Вы его тело видели?

— Конечно, я ж его в десант загружал! — кивнул я.

— Это вы Сашу в х/б видели, а под ней сплошное решето. Мелкие осколки удалили, они не страшны. Ранения пустяковые, но их полсотни. Кровопотеря была огромная. И вообще парень перенес очень много. Не каждому выпадает столько испытать. А вы говорите, когда вернется в строй...

— Ну, это я так, из лучших побуждений, себя успокаиваю.

— Вот и хорошо, а теперь идите и излучайте оптимизм и ободряйте товарища. Только положительные эмоции! Шутки. И умоляю — громко не разговаривайте. В палате находится пара пациентов в состоянии еще более худшем.

Саша лежал с закрытыми глазами, но, услышав рядом движение, открыл глаза и, узнав меня, улыбнулся. Белые застиранные простыни, на которых он лежал, казались чуть бледнее его самого. Тело Калиновского — руки, туловище, пах, шея — было усыпано пятнами зеленки и йода в местах, где удалили мелкие осколки. Я это увидел, когда он откинул простынь и попытался встать. Теперь ранки в основном зарубцевались, и лишь корочки запекшейся, подсохшей крови указывали на места ранений. Гладко выбритая голова слегка покрылась неровным пушком — щетиной подрастающих волос. Кожа на выбритой голове была покрыта рубцами и швами. По лбу шла полоса багрово-синего цвета. Место вскрытия. Комок подкатил к горлу, и его сжало тисками в районе кадыка. Слезы наворачивались на глаза, и я с трудом сдержался. Напрягшись, сумел все же бодро произнести:

— Привет, Санек! Ты молодец! Как огурчик! Свеженький, отдохнувший. Вот тебе бананы, мандарины, сок, минералка!

Саша сделал судорожное движение, пытаясь приподняться.

— Лежи! Дружище, не вставай! Мы с тобой еще погуляем, но в следующий раз. Как дела?

— Я-а-а. Нэ-э м-м-ма-а-гу х-х-о-о-ро-ш-шо го-о-о-о-ово.

— Все-все! Молчи! Молчи. Понял. Не напрягайся. Лежи. Болтать будем через неделю, когда опять приеду. Лучше слушай! — Я начал перечислять новости: — Серега Острогин стал командиром второй роты, прибыло пять молодых лейтенантов, двое в твою роту. Мандресов и Бодунов передают горячий привет. Шкурдюк придет в гости на следующей неделе. Острогин сейчас к тебе зайдет, он у бойцов из второй роты. Мы с ним местами поменяемся, а потом я к Ветишину пойду.

Я еще поболтал минут пять о погоде, о футболе, а потом Саша едва слышно, но внятно произнес:

— С-с-с-па-а-си-бо-о! И-и-ди-и... Я по-о-о-ле-жу-у-у, — и устало закрыл глаза.

Я оставил пачку газет, напитки, фрукты на тумбочке и осторожно вышел.

Какой был красавец, крепкий, здоровый парень! И вот что с ним сделала война. Всего лишь пригоршня осколков в голове, а человек превращается в собственную тень, живет как растение.

Еще страшнее и мрачнее была картина в палате, где лежали два моих солдата, лишившиеся ног. Один молодой солдат постоянно плакал. В лицо я его плохо помнил, а тут и вообще не узнал, так изменило его ужасное ранение.

— Как самочувствие?

— Не знаю! Какое на хрен самочувствие? Что мне делать дальше? Кому я нужен безногий? Обрубок!

— Не дури! Родителям нужен! Родным! Девушка есть?

— Нет! И вряд ли когда будет! Меня отрубили от жизни. Лучше бы я сразу умер!

— Ты это прекрати! Выбрось дурные мысли! Мать будет счастлива, что выжил. Ты знаешь, сколько за эти месяцы погибло?! Их родные были бы рады им и без рук, без ног, лишь бы живы были дети! Все еще образуется! Все будет хорошо! Крепись!

...И так в каждой палате, от койки к койке, от отделения к отделению.

Мои моральные силы иссякли, и я вернулся к «санитарке», где в темноте, за открытой дверцей, сидел и курил Бугрим.

— Витька! Хватит балдеть! Вот тебе список, кого я не смог посетить, иди теперь ты! Я больше не могу, отдохну и подожду тебя тут. К Ветишину нельзя, он в реанимации, а к остальным сходи сам. Теперь твоя очередь нервничать!

На обратном пути мы заехали в дуكان, купили бутылку «Арарата» и тут же, закусив двумя апельсинами, выпили. Почти без разговоров, в три захода, «раздавили пузырь». Полученная моральная встряска требовала дозы успокоительного. Дальнейшую дорогу мы молчали, обдумывали и переживали увиденное.

Ранним утром офицеры управления полка и батальонов отправились в дивизию. Выехали на двух БТРах для подведения итогов вывода войск и

боевых действий. Облепленные офицерами бронемашины мчались по сырому шоссе. Свежий ветер обдувал лица, шевелил волосы и продувал до костей даже сквозь бушлат.

Едва мы добрались, как совещание началось. Комдив учинил разнос полку. Начальник штаба ранен, комбат танкового батальона ранен, два командира рот погибли! Раненых не счесть! Особенно он прошелся по нашему батальону. Выдал гневную тираду:

— Батальон бежал! Отступил как в 41-м. Бросили амуницию! Каски, бронежилеты, вещи! Позор! Некоторым оправданием, конечно, может служить то, что комбат получил контузию. Да, согласен, необходимо было выносить погибшего солдата и раненых. Но сам факт бегства постыден!

Подорожник встал и дрожащим от возмущения голосом попытался протестовать, но Баринов затопал ногами, прервав возражения. Мы сидели так, словно онемели. Стыдно и в то же время досадно. Опозорили нас на всю дивизию... А в конце своего выступления командир дивизии вдруг резко изменил интонацию, словно ему речь разные люди составляли.

— Не могу не отметить в завершение тех, кто отличился на боевых действиях. Подполковника Подорожника за умелое командование батальоном в окружении представляем к ордену Красного Знамени. Далее! Вы знаете, что командование представило лейтенанта Ростовцева, вернее теперь старшего лейтенанта, к высокому званию Героя Советского Союза. Этого офицера назначили замполитом батальоном, и он оправдал доверие командования. Молодец! В Панджшере, когда вертолет был сбит мятежниками, операцию по спасению экипажа возглавил замполит батальона Ростовцев. Под обстрелом из пулеметов и автоматов он вместе с солдатами выносил раненых и убитых, а также обеспечил связь с командованием. Молодец! И где же он? Встаньте, товарищ старший лейтенант!

Я поднялся, красный от смущения, словно вареный рак, а комдив сделал паузу и продолжил:

— Что-то с первым представлением на Героя не получилось. Затерли в вышестоящих штабах. То и дело заставляют кадровики его переоформлять. А мы теперь повторное представление подготовим за последние бои. Отметим в нем предыдущие заслуги. Вы меня поняли, Филатов?

Командир полка встал и ответил: «Так точно!» А комдив распорядился, кроме того, представить документы к званию Героя на командира танкового взвода Расщупкина и кого-нибудь из наиболее отличившихся солдат полка.

Парадокс! Первые полчаса нас пинали, а вторые полчаса расхваливали до небес. Вот так бывает! Возвращаемся со щитом и высоко поднятым флагом! А еще гордо задрал нос, не глядя под ноги. (Шутка!)

— Комиссар! К тебе журналист приехал! — с усмешкой произнес на построении комбат. — Иди, развлекай его байками про героические буд-

ни батальона и свои личные подвиги. Только лишнего много не ври. Вернее ври, но не завирайся! Иди, «звезда» ты наша! «Маяк перестройки»!

— А куда идти-то? — удивился я неожиданному вниманию к своей особе.

— В нашу комнату. Корреспондент там чай пьет. Он, между прочим, полковник! Заместитель главного редактора военного журнала. Будь вежлив и почтителен.

— Опять что-нибудь напутают с именем, отчеством или в фамилии ошибку сделают.

— Так ты по слогам ему ее произнеси, проверь. Обязательно растолкуй наши боевые термины. Да, про комбата не забудь что-нибудь хорошее сказать и правильность написания моей фамилии тоже проконтролируй! — ухмыльнулся Иваныч, подкрутив усищи.

Целый день провел я с полковником, который словно клещами из меня вытягивал рассказы и подвиги. Отвечал я односложно, сухими фразами, потому что его в основном интересовала партийная работа в ходе боев, политические занятия в горах. Желаемого контакта не получилось. Мы остались друг другом недовольны, хотя журналист исписал несколько страниц.

Едва я расстался с полковником, как прибыл фотокорреспондент из «Красной звезды». Этот майор в полк приезжал в третий раз и любил делать воинственные снимки, имитирующие боевые действия. Комбат собрал позировать около пятнадцати человек. Герои фоторепортажа сели на «броню», захватили с собой миномет, пулеметы и отправились на полигон. Все надели на себя бронежилеты, каски, как положено. Построили укрепления, изобразили оборону в горах. Фотограф гонял нас в атаку по горам вслед за бронемашинной, делал групповые снимки: «В дозоре», «На привале», «В засаде», «На марше»... Замучил! Наконец фотографирование для серии «Боевые будни Афганистана» закончилось. Корреспондент попрощался и умчался на «уазике» в штаб, пообещав прислать фото.

Подорожник построил всех и скоординировал экипажам отогнать БМП в парк, а остальным офицерам отправляться на подведение итогов. Бойцы облепили бронемашину и поехали на полигон, а мы с Василием Ивановичем по тропинке направились в полк. Внезапно сбоку раздался скрип тормозов, и рядом остановился «уазик», обдав нас с ног до головы густой пылью. Из него выбрались два полковника и один подполковник, все с недовольными каменными лицами. Такие лица бывают только у проверяющих и больших начальников.

— Вы, кажется, командир батальона? Это ваши люди изображают проведение занятия по тактике? — спросил толстый, красномордый полковник у Подорожника.

— Так точно. Я подполковник Подорожник. Это мой батальон, но они ничего не изображают, — ответил комбат.

— Вот это сборище вы называете батальоном? Этот онанизм — занятиями? Очковиратели!

— Товарищ полковник, что вы такое говорите? Батальон только вернулся после двух тяжелых боевых операций. Люди шесть месяцев без малейшего отдыха. Рейд за рейдом! — попытался объяснить ситуацию Иваныч.

— Молчать! С вами разговаривают офицеры Генерального штаба!

— Если я буду молчать, то зачем со мной разговаривать? — ухмыльнулся в усы Василий Иванович. — Меня может заменить стена или столб.

— Прекратить балаган! — взвизгнул стоящий рядом с дверцей холемный подполковник. — Хватит из себя героев корчить! Вояки...

— Я не герой. Вот замполит почти герой, недавно второй раз представили. А я просто вояка, как вы и сказали. «Пехотная кость»!

— Вас, товарищ подполковник, в горы судьба не заносила, а мы из месяца в месяц по ним ползаем, — встрял я в перепалку начальников. — Не нужно оскорблять хороший батальон, лучший в сороковой армии.

— Тебе слово не давали. Помолчи, старший лейтенант, — рявкнул инспектирующий подполковник.

— Хамить не нужно. Мы же себя ведем корректно, — продолжал я гнуть свою линию.

— Наглец! Как ты смеешь влезать в разговор? — зарычал другой полковник, молчавший до этого. — Сниму с должности!

— А разве идет разговор? Вы же приказали комбату молчать, — снова вступил я в полемику с начальством.

— Никифор, отойди в сторону, от греха подальше. — Подорожник потянул меня за рукав и слегка толкнул в плечо. — Я сам разберусь.

Комбат сделал шаг вперед и вновь спросил оравшего громче других полковника:

— В чем дело, какие недостатки замечены в методике проведения занятий?

— Методика? Методисты хреновы! Вам только людей губить. Душегубы! Бездельники! Конспекты не подписаны, расписание занятий отсутствуют! План не утвержден, указок нет, полевых сумок нет, учебная литература устаревшая! Только и умеете, что в кишлаках кур ощипывать и жарить, да в горах на солнце загорать. Все горы загадили! Знаем, как вы воюете... Дрыхнете и консервы жрете! И за что ордена только дают?

— Приглашаем с нами пожрать гречку и перловку. Орден гарантирован, раз их просто так всем раздают. Да и перегаром от вас тянет, там протрезвеете, — негромко произнес я из-за спины комбата, тут же получил тычок локтем в живот и, ойкнув, замолчал.

Полковники на секунду опешили от такой дерзости и впились в меня взглядом, выпучив налившиеся кровью глаза.

— Замполит у меня контуженый. Он все близко к сердцу принимает, не контролирует себя, когда психует. Никифор Никифорович, иди в полк, я сейчас тебя догоню. — Комбат развернул меня за плечи и легонько подтолкнул в спину.

Подорожник еще минуты две громко ругался с инспекторами из группы Генерального штаба и вскоре нагнал меня.

— Ты зачем лезешь в разговор? Я — старший офицер, они — старшие офицеры, поругались и ладно. Но когда лейтенант, да еще замполит, пререкается — это для них словно для быка красная тряпка. Затопчут.

— А чего они, козлы, юродствуют. Мы бездельники, а они вояки! Нам в месяц двести шестьдесят семь чеков платят, а они по полтиннику в день командировочных получают. В Кабуле легко и хорошо умничать! Пусть попробуют в Чарикарскую «зеленку» на заставу проехать и проверить организацию тактической подготовки.

— Эти гнусы состряпают на тебя донос, такую «бочку дерьма катнут», что и Золотая Звезда не спасет. Снимут с должности! Не лезь, не пререкайся! Шевели пальцами ног и молчи. Нервы успокаивай, — сердито произнес Подорожник.

— А зачем шевелить пальцами ног? — улыбнулся я.

— Рецепт такой есть надежный и проверенный. Его порекомендовал мой приятель. Он сейчас в академии учится! Поступил, потому что умеет расслабляться вовремя! В моей давней молодости нас, двух молодых лейтенантов, командир полка на ковер вызвал. Дерет так, что кожа с португеи слетает. Орет, визжит. Я стою, переживаю, бледнею, краснею. А приятелю — хоть бы хны! Даже бровью не ведет! И только на начищенные до блеска сапоги смотрит. На носки. «Чего он там интересного нашел?» — думаю я про себя. Спросил. Вовка (приятель) отвечает: «Я, пока ты нервничал, шевелил пальцами ног. Очень увлекательное занятие! Вначале большими пальцами, затем большими и средними, потом тремя, после этого мизинцем и предпоследним. А в завершение — разминка всех пальчиков. Отвлекает. Но нужна тренировка, месяцы занятий, это не так просто». — Комбат улыбнулся и похлопал меня по плечу: — Попробуй, комиссар, когда-нибудь на досуге. Этот штабной полковник орал, а я его даже и не слышал! Мне в армии служить еще долго, а нервы нужно беречь. Он, красномордый, орет и мою нервную систему хочет повредить! Работа у него такая — орать и топтать ногами. А я внутренне всегда спокоен! Такой мой метод! И ты знаешь, Никифор, помогает. Я по совету дружка эту систему сразу на себе испытал. Не всегда, конечно, получается. Когда чувствуешь, что закипаешь и можешь сорваться в общении с начальством, то шевели пальцами ног... Психология.

* * *

— Никифор, нужна твоя помощь! — обратился ко мне Подорожник, возвратившись после совещания у командира полка.

— Какая? Работа тяжелая или нет? — спросил я, ожидая какого-то очередного подвоха.

— Да нет, не бойся. Полку дали разрядку на солдата-«Героя». Ну я, естественно, вырвал ее для батальона. Танкисты не сопротивлялись. А раз-

ведчикам я рот быстро заткнул. Представим сержанта Шлыкова, заодно и звание старшины присвоим.

— А что так? Почему его? Я бы лучше Шапкину дал или Муталибову.

— Нет, я уже свое слово сказал! А слово комбата — кремь! Шлыков. Разведчик, замкомвзвода. Меня спас от смерти. Если бы не он, то кости мои уже полтора года гнили бы в сырой земле.

— Это когда было и где? — поинтересовался я.

— У-у-у, страшно вспомнить. Я только-только на должность начальника штаба приехал, как мы поперлись в «зеленку» возле Чарикара. А мне мой предшественник при встрече сказал: «Если выживешь в этом батальоне, значит, ты редкостный счастливчик и везунчик. По два года мало кто выдерживает! Ранят, заболеешь, убьют... Нужно попытаться куда-нибудь „слинять“. Постарайся вырасти по службе или найти местечко спокойное». Я посмеялся в усы, думаю: что ты каркаешь, солидности себе нагоняешь. Подумаешь, война с дикарями, бандитами средневековыми. Мы же Красная Армия — «всех сильнее, от тайги и до Британских морей!» Залезли в какой-то кишлак и нарвались на засаду. Я был с разведвзводом и попал в самое пекло. Взводного ранили, двух солдат сразу убило, еще три бойца рядом со мной лежат, стонут, кровью истекают. У меня патроны быстро кончились. Магазины, что в «лифчике» были, расстрелял минут за десять. А больше ничего нет. Тут выстрел из гранатомета пришелся по дувалу, осколки по сторонам с визгом полетели. Я рухнул на землю. Не зацепило... Повезло! И вдруг замечаю краем глаза, граната ме-е-е-дленно так летит... Как во сне все происходит... Падает она в трех метрах и катится в мою сторону. Мне к ней не успеть. Нужно повернуться и подняться (упал я очень неудобно, на спину). Вокруг стены, а посередине я, трое раненых и Шлыков. Тогда он был совсем молодой боец. Шлыков прыгнул к «эфке» и швырнул ее обратно. Граната еще в воздухе взорвалась. Один осколок мне в сапог попал, другой — по цевью автомата пришелся. Шальной осколок солдата раненого еще раз зацепил. В спину воткнулся. А «духи» нас со всех сторон продолжают очередями поливать. Шлыков прикрывал меня, пока я одного бойца вытащил. Затем за мной следом выполз и другого вынес. Под огнем еще один раненый остался. Он отстреливался и нас прикрывал. Шлыков вновь и вновь обратно возвращался, пока не выволок оставшихся убитых. После за прикрывавшим бойцом вернулся, которому пуля плечо распорола. Шлыков и его вытащил. Вот такая история. Так что я его должник.

Вместо Лонгинова прибыла долгожданная замена в лице майора Котикова. Когда мы его впервые увидели, комбат лишился дара речи и впал в прострацию. Да и было отчего загрустить. Пухленький, кругленький офицер, с шикарным брюшком — «трудовым мозолем», в больших очках с толстыми стеклами на переносице выглядел значительно старше Подорожника. Василий Иванович задумчиво закурил. Пригласил нового заместителя в кабинет и принялся расспрашивать: кто такой, откуда. Тот рас-

сказал о себе: Василий Васильевич Котиков, приехал из самой Москвы, из военного института, где командовал взводом военных переводчиц. Учились в основном внуки маршалов и партийных руководителей. Вуз очень престижный. Майору исполнилось в этом году тридцать восемь лет. Когда поступила разрядка на Афганистан, то самым неблагоприятным и единственным пехотинцем в вузе оказался Котиков. Его и сплывили.

Подорожник, слегка смущаясь, обрисовал задачи батальона, характер регулярных боевых действий...

— Вы, Василий Васильевич, должны понимать, что придется довольно трудно. Взгляните на Ростовцева! Замполит батальона, старший лейтенант, двадцать пять лет! Вот кому в горах бродить в радость и по плечу. А вам будет, вероятно, очень тяжело.

— Ну, ничего, я постараюсь не ударить лицом в грязь, — с виноватым видом ответил майор. — Уж раз прислали, что теперь поделать! Будем служить и воевать. За чужие спины прятаться не приучен.

— А возраст? Не помешает? Хватит здоровья? — продолжал гнуть свою линию Подорожник. — Тут летом жара под пятьдесят, а зимой снег в горах и минус пятнадцать. А когда с полной выкладкой переходы совершаем по двадцать-тридцать километров — это просто кошмар! Сдюжишь?

Замкомбата развел руками и ответил:

— Буду стараться. Служить никогда не отказывался!

— Ну, что ж, принимайте дела! — вздохнул Подорожник и вышел из кабинета.

— Будем знакомиться? — предложил Котиков, когда за комбатом затворилась дверь.

— Будем! Никифор! — ответил я и протянул ладонь.

— А по отчеству?

— Да так же, как и по имени, — ухмыльнулся я.

— Как чудненько. Какое старинное и замечательное старорусское имя! Главное — не перепутать с Никодимом, Никитой или Нестором. И как вам тут, в этой стране? Тяжело?

— Привык... Я сюда из Туркмении приехал, там так же хреново. По этому предварительная адаптация уже была. А вам как?

— Ужас! Третий день плавлюсь, словно масло. Сало по заднице и ногам в ботинки стекает. Килограмма на четыре похудел. Штаны на ремне болтаются. Вот-вот свалятся.

Я с сомнением осмотрел Котикова. Процесс похудания пока что был не заметен. А майор начал дальнейшие расспросы: кто командир полка, кто командует дивизией. Я отвечал, перечисляя также фамилии начальников штабов, политработников. Когда дошел до фамилии Баринов, Васильич встрепенулся и оживился.

— Баринов?! Вот это да! «Отец родной!» Я с ним иду по жизни, как нитка за иголкой! Это как бы мой наставник! Я был курсантом, а Миха-

лыч ротным. В Германии я служил взводным, а он туда прибыл командиром полка. Теперь встречаемся в третий раз. Надо же! Вот будет встреча! Знать такая моя судьба, служить с ним вечно!

— Василь Васильич! Может, вам к нему обратиться и сменить место службы. Пусть подыщут что-нибудь поспокойнее. По знакомству.

— Неудобно. Сам напрашиваться не буду. А что это вы, молодой человек, меня выдавливаете из коллектива, который так расхваливаете?

— Извините, Василь Васильич, но будет чертовски тяжело! Я вам искренне сочувствую. Это предложение я сделал из лучших, гуманных побуждений.

— Вот и ладно. Больше не опекайте меня. Пойдем лучше чего-нибудь перекусим. Жиры тают, энергия иссякает. Есть хочу ужасно!

— Пойдем сейчас в нашей комнате попьем чайку, а через час отправимся обедать. Заодно место ночлега и койку покажу, вещички помогу перенести.

Мы взяли два чемодана и зашагали в модуль.

В этот день в полк приехал Барин и Севостьянов. Как обычно, в начале разнос, крик, шум, а потом раздача подарков. Командир дивизии объявил об издании приказа № 45 «О поощрении особо отличившихся командиров в деле укрепления воинской дисциплины».

— Товарищи! Мы будем награждать не только отличившихся на боевых действиях! Но и за вклад в крепкую дисциплину! Лучшим полком дивизии признан артиллерийский полк, лучшим батальоном — первый батальон вашего полка! Приказываю представить к орденам комбата, начальника штаба, заместителей по политчасти батальона и первой роты, командиров и старшин рот, командира взвода АГС и командира лучшего линейного взвода! — Офицеры хмыкнули, переглянулись, похлопали в ладоши и на этом разошлись.

— Что-то новое в нашей жизни! За боевые действия не награждать, а за «обсеренные бондюры», нарисованные мухоморы на канализационных люках, истребленных «мухам по столбам» — ордена и медали! — восхитился Афоня, выходя из клуба.

— А ты, Александров, об орденах забудь! Кто вчера хулиганил пьяный? Кто обидел заместителя командира дивизии? — взъярился комбат.

— Это еще надо подумать, кто кого обидел! — воскликнул Александров, потирая шишку на лбу и сияя большим лиловым синяком под глазом.

— Так расскажи народу, как было дело. Хочу послушать твою интерпретацию случившегося, — сказал Подорожник. — Одну версию я сегодня утром слышал, стоя на ковре у высокого начальства. Полковник Рузских топал ногами и орал, что я распустил лейтенантов! Рассказывай!

— А ничего особенного не произошло! Посидели, выпили. Пописать захотелось. Я вышел, облегчился, возвращаюсь, никого не трогаю, иду к

себе обратно тихонечко. Тороплюсь, чтобы очередной тост не пропустить. А мне дорогу какой-то маленький «пенек-шпендик» загородил. Идет солидно, важно! Ну, я его легонько за воротник бушлата приподнял и сказал: «Мелюзга, под ногами не мешайся, проход не загораживай!» Я думал, это прапор какой-то... Он как заорет! Оборачивается и... (о, боже!). Я вижу — это Рузских! Полковник подпрыгнул и ка-а-ак врезал мне кулаком в лоб. Искры из глаз. Я шагнул назад, а он подскочил, снова подпрыгнул и — бац! Мне в глаз! Пришлось ретироваться и спастись бегством. Не убивать же полковника. Гад! Маленький, а противный. Понимает, что я большого роста, не достать. Начал скакать передо мной, как попрыгунчик. Еще дуболобом и дебоширом обозвал! Нахал...

— Правильно! Все маленькие — говнистые! — поддержал приятеля такой же верзила Волчук. — Это у них комплекс «неполноценности».

— Хорош комплекс! — улыбнулся я. — Замкомдива. А вы говорите неполноценность!

Из клуба вышли дивизионные начальники, и мы встали по стойке смирно.

— О! Василий! Ты откуда взялся? — спросил, искренне удивившись, Барин, останавливаясь возле Котикова.

— Вот, прибыл для исполнения интернационального долга! — ответил, смущаясь, наш майор.

— Вася! На какую должность приехал?

— Замкомбата. Первый батальон.

— Ты охренел? — оторопел комдив. — Старый черт! В горы с твоей комплекцией! С твоим здоровьем? Ты не мальчик, поди, в войну играть!

— А я что? Я ничего! Служить так служить! — тяжело вздохнул майор, сняв запотевшие очки.

— Нет, Вася! Они тебя заедят! Знаю я этот первый батальон! Нагрузят так, что надорвешься. Погонят в горы, в «зеленку». А сердечко твое и не выдержит. Правду я говорю, Подорожник?

— Никак нет! Будет, как мы все! — ответил комбат.

— Вот-вот! Что я говорил? Загоняют! Ну, да ладно. Месяц-другой и я тебя в штаб дивизии заберу, в оперативный отдел. Будешь их сам умразуму учить! Отыграешься!

Комдив похлопал Котикова по плечу и продолжил шествие по полку. Холеный, значительный, статный и почти величественный. Не человек — а живой монумент!

...Черт, опять останемся без замкомбата!

* * *

...Недели через две очередное совещание по дисциплине в Баграме у начальника политотдела завершилось бенефисом Барина.

Он ворвался в зал заседаний, словно разбушевавшаяся стихия.

— Товарищи офицеры! Политработники! — простер он к нам свои руки в картинной позе. — Пора всерьез заняться дисциплиной! Все должны перестроиться в свете требований партии! Посмотрите, какую заботу мы проявляем о вас, наших первых помощниках в батальонах! Ни на минуту не забываем о тех, кто лучше других работает по претворению в жизнь директив Министра обороны и начальника Главного Политического Управления. Мною издан приказ № 45 «О поощрении лучших офицеров в деле укрепления воинской дисциплины». Вот сидит Ростовцев — замполит первого батальона, он подтвердит, что слова командования не расходятся с делами! Правильно?

Я встал, почесал затылок и спросил:

— Что я должен подтвердить?

— Товарищ старший лейтенант! Офицерам оформили наградные согласно приказу?

— Никак нет. Никто не представлен!

— Хм... Как это никто? Подполковник Подорожник!

— Его представили к «Звезде» по ранению, вместо «Красного Знамени»...

— А вас лично?

— Меня к Герою за Панджшер. И все.

— Нет, это само собой, но еще и Красная Звезда за дисциплину.

— Не представлен...

— Хм! Аркадий Михайлович! Запишите и уточните.

Начпо что-то записал в блокнот. При этом он улыбнулся сидящим в зале классической улыбкой подхалима.

— Далее по списку: начальник штаба! — прочел командир дивизии.

— Представлен к ордену по ранению, — откликнулся я.

— Сбитнев и Арамов!

— Погибли, представлены к орденам — посмертно.

— Мандресов, командир взвода АГС!

— Мы ему послали за операцию по выводу войск на медаль.

— А начальник разведки Пыж?

— По ранению к «Звезде».

— А старшина первой роты?

— За спасение замполита батальона, то есть меня, к ордену. Но в штабе дивизии вернули и разрешили оформить медаль. Резолюция — «малый срок службы в Афгане», — усмехнулся я.

— Безобразие! Это черт знает что! Либо вы, товарищ старший лейтенант, не владеете обстановкой, либо я не команду дивизией! Не может быть такого саботажа! Мы с вами, Аркадий Михайлович, на совещаниях трещим об этом приказе, а меня тыкают носом, что ничего не сделано! Разобраться! Привести приказ в соответствие и оформить офицерам награды! Я вам лично на это указываю и требую контроля за исполнением. А если Ростовцев нас вводит в заблуждение, то его наказать! Примерно наказать! — Баринов чеканными шагами вышел из зала и напоследок громко хлопнул дверью.

Да! Испортил я такое эффектное, отрежиссированное выступление комдива.

Глава 13

Билет на войну за свой счет

Потери за последние месяцы вывели из равновесия не только меня. Моральное состояние офицеров и прапорщиков было крайне подавленное. Погибли два командира роты! Ранены два комбата, начальники штабов полка и батальонов (один впоследствии скончался). Ранен замполит роты, два взводных, командир батареи. Убитых солдат набралось больше двух десятков! Как будто какой-то злой рок обрушился на наши бедные головы.

По возвращении в гарнизон полк запил. Пьянка прерывалась только на построения и боевую учебу. Но занятия в основном проводили молодые офицеры. Командир полка перешел в другую дивизию на повышение, начальник штаба лежал в госпитале. Оба замполита не просыхали. Командование взял на себя Губин. Но его активности не хватало. Везде он успеть не мог, да и перед заменой махнул на все рукой.

Подорожник продолжал колобродить. Я сразу и не заметил, как в нем надломился тот стержень, на котором держалось управление большим воинским коллективом.

Утром строились и отправляли солдат на занятия. Кто-то оформлял документацию, кто-то писал рапорты на списание, кто-то обслуживал технику. Штаб полка без чуткого руководства Героя, злобного прессинга с его стороны практически бездействовал. Обнаглели до такой степени, что половина начальников служб не вставали из-за стола больше недели, так и засыпали со стаканом в руке.

— Никифор, сегодня возвращается из госпиталя Степушкин, думаю, надо встретить его, как полагается. Собираемся у нас в комнате. Позови танкистов и артиллеристов, — распорядился комбат.

— Василий Иванович, может, хватит? Я устал и больше не могу! — взмолился я, подняв глаза к небу.

— Если больше не можешь, пей меньше! — хохотнул Чапай. — Надо, комиссар! Надо! Через не могу! Ты думаешь, мне легко? Тоже тяжело! Но я же не жалею. Скриплю зубами и пью эту гадость! Ты, между прочим, можешь все не выпивать, пропускай некоторые тосты.

— А как их пропустишь? Начнутся речи: за замену, за тех, кто погиб, за родных, которые ждут! Помянуть: Светлоокова, Сбитнева, Арамова... Как не выпить? За выздоровление раненых: Ветишина и Калиновского, Ахматова. Не проигнорировать и не уклониться! — простонал я.

— И что ты предлагаешь? Не пить за здоровье ребят и не поминать погибших? — удивился Иваныч.

— Нет, этого не предлагаю. Может, я вовсе не буду присутствовать на вечеринке? Поберегу желудок и печень?

— Нет! Этого я допустить не могу! Я буду подрывать свое здоровье, а ты начнешь его беречь? Без тебя просто пьянка. С замполитом — мероприятие! Даже и думать не могли уклониться! Вот тебе деньги, добавь еще свои и посылай «комсомольца» в дукан за горячительными напитками. Не переживай о здоровье! Если выживем, то дома оно само помаленьку восстановится!

* * *

— Витя! Возьми сто двадцать чеков, добавь свою двадцатку, езжай в город и купи спиртное, — распорядился я.

— Почему я? Ну почему? Кто говорил, что будем воевать, а не подкладывать начальству баб и бегать за бутылками? — негодовал Бугрим.

— Отставить разговорчики, товарищ прапорщик! А не то никогда не станешь при мне старшим прапорщиком! Я и сам измучен застольями. Дай мне спокойно без ругани с комбатом уехать в отпуск. Пьянствуем сегодня в последний раз! И всё!

— Завтра опять скажете: и всё! И так каждый раз! Почему с меня двадцать чеков?

— Комбат тебя тоже берет на сабантуй.

— Ага, чтоб было кому ночью бежать к работягам за бутылкой. Когда водка закончится. Понятно...

— Не обязательно. Для того и говорю: добавь заранее еще одну двадцатку за свой счет. Чтоб не брать в полку у спекулянтов по сорок чеков.

— Мне комбат и так сороковник должен!

— Это как так? — полюбопытствовал я.

— А так! Сегодня ночью просыпаюсь оттого, что Чапай меня трясет за плечо и говорит: «Витя, вставай, иди за бутылкой. Бери двадцать чеков, добавь, сколько не хватит». Я полез в карман, а Иваныч останавливает: «Не трудись искать! Я там уже взял. Надо найти в другом месте!» Представляешь?! Достал, гад, из моего кармана двадцать чеков и говорит, что нужно еще добавить. Пришлось пойти к Хмурцеву — занимать.

— Вот, черт! Ну, ладно, не переживай, не обижайся. Вы ж земляки! Когда-нибудь отдаст. Салом или пампушками-галушками! Езжай!

За столами собрались около десяти старших офицеров, я и Бугрим. Компанию разбавили Натальей-«стюардессой» и Элей-одесситкой. Часто произносимые тост за тостом способствовали тому, что люди один за другим исчезали из-за стола. Ослабленный госпиталем Степушкин быстро дошел до кондиции и отправился разрядиться к женщинам. Затем, покачиваясь на нетвердых ногах, ушли артиллеристы и Бугрим. Комбат обнял Наташку и тоже удалился. Танкисты весело переглянулись, и Скворцов громко произнес:

— Ну, мы пошли отдыхать. Элеонора, оставляем тебя под крылышком у комиссара. Хочешь попробовать комиссарского тела? Попробуй! Как-никак будущий Герой Советского Союза! Потом расскажешь, каков он. Это тебе наш подарок, Никифор! — «Бронелобые» рассмеялись и выскочили за дверь.

Мы выпили с девушкой на брудершафт, поцеловались раз-другой, потанцевали.

— Может, я пойду, — насмешливо спросила Элька, но глаза ее говорили, что уходить она никуда не собирается.

— Ты что обалдела? Куда ты собралась идти? Мне доверили заботу о тебе. Начинаю заботиться. До утра.

Я потушил свет, и после веселой недолгой возни мы рухнули в койку. Пружины скрипели и стонали в такт движениям. Одежда быстро оказалась на полу за ненадобностью. Руки нежно и ласково прощлись от груди и ниже живота. Она раздвинула ноги, и мы слились в экстазе. Спиртное не смогло помешать ни скорости, ни энергии, плещущей через край. Молодость и задор выплеснулись длинной пулеметной очередью и мощным залпом.

— Дай закурить, — попросила одесситка, тяжело и устало вздыхая.

— Наверное, и сам бы закурил, но нет ничего. Не курю.

Расслабиться и передохнуть не удалось и двух минут. Звук громкой пронзительной сирены заставил выскочить из постели.

— Черт бы их побрал. Час ночи, ни отдыха, ни передышки! Опять что-то случилось! Неужели сбор по тревоге среди ночи? Лежи! Скоро вернусь! Не убегай! — распорядился я и пулей вылетел за дверь, не забыв запереть ее на ключ, чтоб деваха не сбежала спать в свой модуль.

Надевая на ходу китель и застегивая штаны, я добежал до плаца, где строились роты полка. Помощник дежурного выбежал из штаба и крикнул:

— Отбой построению! Нечаянно нажал кто-то на «ревун». Разойтись по казармам! Вот козлы пьяные! Балбесы штабные! Видимо, хулиганил кто-то. Развлекаются от души без Героя.

Я быстро вернулся к себе, открыл дверь, но в комнате стояла подозрительная тишина.

— Эля! Эй! Ты спишь?

В комнате по-прежнему стояла звенящая тишина... Чертовка выбралась через окно, открыв правую створку. Растворилась в темноте, как и не было тут девушки. Остались только запах духов и еще какой-то неуловимый аромат присутствия женщины.

* * *

Итак, долгожданный конец войны! Полтора года я ждал этого момента. Перерыв на пятьдесят дней отпуска... Вначале грузовой самолет до Ташкента, затем пассажирский авиалайнер в Сибирь. Далее прокуренный, шумный железнодорожный вокзал в Новосибирске. Очутился я здесь, словно в другом мире.

Я вошел в хорошо протопленное купе, снял дубленку и повесил ее на крюк. Мужик, сидевший у окна, бросил на меня оценивающий взгляд и заинтересовался джинсовым костюмом.

— Парень, ты где такую обалденную шмотку купил? Сколько стоит? Ни разу такого фасона не видел.

— Где купил? На «Спинзаре».

— Где-где? Фирменный магазин? Америка? Германия?

— В дукане. В Кабуле. Район такой торговый. В Афгане.

— А чего ты там делал? Дипломат?

— Воевал я. Офицер. В отпуск еду.

— Воюешь? Ну, ты и врать горазд, парень! Какая война? По телеку показывали, что войска вывели оттуда. Вы же там в гарнизонах стояли да дороги строили. Трепач.

— Если ты знаешь лучше меня, пусть будет по-твоему. Еще мы там мечети реставрируем и виноградники сажаем.

— Ну не злись. Что слышал и читал, то и говорю. И потом с фронта так не возвращаются. С войны едут в шинелях и бушлатах, а ты в дубленке стоимостью в мою полугодовую зарплату. И в костюмчике за столько же. Платят хорошо?

— За полтора года в моем полку двумстам бойцам шмотки уже никогда не понадобятся. Погибли... Так-то вот.

— Я с ним серьезно, а он опять про войну болтает! Если бы там столько убивали, то в газетах бы написали! У нас в стране теперь гласность! Правительством нынче народу врать не станет. Горбачев не дозволит!

— Ну, если так, то читай газету «Правда» и не приставай.

Я поднял нижнюю полку, поставил в нишу коробку с магнитофоном «Soni», обтянутую брезентом, сложил сверху одежду и переоделся в спортивный костюм. Ехать целую ночь, а хищный взгляд соседа мне совершенно не нравился. Кто знает, что у него на уме, раз он оценил мое барахлишко в годовую зарплату. Хорошо, что магнитофон не виден под чехлом.

— И все же ответь, много платят? — опять поинтересовался сосед, разглядывая мой спортивный костюм.

— Мало. На еду хватает, а на одежду нужно копить.

— Эк, удивил! У нас вся страна так живет. Чтоб холодильник купить, полтора года собираешь рублик к рублику. А шапка в какую цену?

— Мужик, отстань. Я вторые сутки на ногах, хочу подремать. Пожалуйста, будь любезен, веди свою арифметику молча, про себя.

Черт! Скорее бы добраться до дому и выгрузить вещи, не испытывать на себе этих оценивающих взглядов. Кому мы нужны с нашей войной? Хуже всего такая маленькая, необъявленная война.

Отпуск промчался, будто его и не было. Круиз: Сибирь—Одесса—Питер, завершен. Последние недели летели, как гонимые ветром опавшие

осенние листья. Впрочем, какой может быть листопад в феврале? Скорее как снежинки... Время незаметно промелькнуло, и я с ужасом ощутил, что мне осталось всего чуть-чуть до отъезда на войну. Добровольное, сознательное возвращение туда, где льется кровь, ежедневно гибнут люди, смерть витает над выжженной землей. Не хочу, а что делать? Я постоянно надеялся: а вдруг чудо произойдет, повезет, и не нужно будет вновь отправляться в Кабул, вдруг наконец-то подписали наградной на Героя, и вместо Афганистана предстоит поездка в Москву, в Кремль.

Но чуда не произошло. Как всегда и бывает в реальной жизни.

Ну, вот и начало пути обратно. Взял билет до Ташкента, попрощался с Мараскановым и скоро брошусь, словно в море со скалы, в пучину боевых действий.

Перед отъездом спустили мы с Игорем оставшиеся деньги в ресторанах Ленинграда. Халдеи, замечая на нас импортные шмотки и слыша разговоры про Афган, несколько раз пытались крупно обсчитать. Наверное, им это несколько раз удалось, так как деньги таяли на глазах.

— Никифор! Ты куда попадаешь на замену? В какой округ? — спросил Игорь.

— Вроде бы в Ленинградский, если что-то не изменится. Еще встретимся.

— Слушай, неудобно за себя просить, но мое личное дело пришло такое, что хоть в дисбат сажай! В служебной карточке четыре выговора от Подорожника и Ошуева и ни одной благодарности. Нет ни аттестации, ни характеристики! Кто мог такую подлость сделать? Не знаешь?

— Игорь! Приеду, разберусь. Вышлю копию наградного, напишу отличные характеристики. Все что смогу — сделаю!

* * *

После тридцатиградусных морозов Питера жара в Ташкенте немного обрадовала и удивила. Как быстро человек забывает все на свете. А ведь я за эти годы в Азии привык, что в феврале плюс восемнадцать — нормальное явление.

Солнце стояло в зените, легко одетые люди веселились и беззаботно гуляли по центру современного, красивого города. Девушки были в коротких юбках, улыбки и доступны. Но, к сожалению, денег на них уже не было.

Вот он, этот рубеж, отделяющий нас от боевых действий. Грань между миром и войной. Как окно во времени и пространстве. Переступил через него и оказался там, где большинство людей никогда не окажется. Будь оно неладно, это убогое средневековье с его кишлаками, кяризами, дувалами.

На трамвае я доехал до пересыльного пункта. У открытой двери маленького домика галдела очередь возвращающихся отпускников и новичков.

Шмотки я бросил у тещи комбата, которая жила в центре Ташкента, и приехал сюда с пустыми руками, в одном выцветшем х/б. Адрес Марии Ивановны мне дал Подорожник, чтобы я завез его посылочку. Благодаря ей два месяца назад я сумел без проблем выехать в Россию. Не ограбили, не избили, не убили, как частенько бывало с отпускниками. Бабуля встретила и проводила.

За полтора года на пересыльном пункте ничего не изменилось. Те же пыльные улицы вокруг, тот же пьяный гвалт в общаге, тот же сарай по приему документов. Иначе это ветхое одноэтажное строение не назовешь. Комната — пять метров на пять, два окошка, но документы принимают лишь в одном. От этого и постоянная очередь. Человек пятьдесят топчется друг за другом, ругаются, травят анекдоты, трезвеют. Некоторые время от времени отделяются от толпы и выбегают за забор поблевать.

Отчего у нас все так убого и неудобно? Ну что за страна! Даже на войну людей отправляют только после того, как они отстоят огромную очередь за талоном на вылет.

Передо мной до заветного окошка оставалось два человека, когда ворота миновала шумная ватага и вломилась в помещение. Ребята громко галдели, были навеселе и радовались жизни. Краем глаза я заметил в толпе Радионова и Баранова. За их спинами раздавался скрипучий голос Марабу.

— Хлопцы! Я вас заждался, очередь подходит! — крикнул я им и объяснил соседям, что занимал еще и на друзей. Ко мне кинулась вся группа с радостными воплями, протягивая пачку документов. Я рассортировал бумажки, и когда уже было собрался подавать их кассирше, она неожиданно рывкнула:

— Обед! Открою через два часа! И захлопнула створки окошка.

Черт! Черт! Черт! Ну, невезуха. Проторчать четыре часа в духоте — и такая неудача.

Мандресов сказал стоящим позади меня молодым лейтенантам: «Чтоб никуда не уходили!» — и потянул меня за рукав.

— Никифор Никифoryч! Как я рад встрече! А мы со вчерашнего утра гуляем! Прохлаждаемся, сорим деньгами! — закричал, обнимаясь, Сашка.

— Вы каким образом повстречались? — удивился я.

— Гриша после ранения отдыхал. Я в Афган попал, не отгуляв отпуск за прошлый год, из дома возвращаюсь. Минометчики из командировки. В Ташкентском аэропорту случайно встретились.

Я раздал паспорта, удостоверения личности, отпускные билеты и талоны на самолет. Свои документы засунул на ходу в узкий карман куртки и спросил сослуживцев:

— Какие планы на эти два часа, куда вы меня собираетесь увлечь?

— В кабак! Рядом такой шикарный ресторан на открытом воздухе! Там распрекрасное пиво подают. Поехали! — воскликнул Марабу.

— А очередь?

— Да куда она денется? «Летехи» нас запомнили, а они никуда не отойдут, будут стоять до открытия. Успеем!

— Ну, если близко, тогда поехали. Уговорил.

За забором к компании присоединился стоявший у тополя и подпирающий его огромным телом Афоня. Александров икал, видимо, хватил лишнего. Он молча обнял меня, но сказать ничего не мог и только глупо и виновато улыбался. Мы подошли к остановке, сели в трамвай, и тут я почувствовал, что чего-то не хватает. Карман какой-то тонкий. Достав из него содержимое, я обнаружил отсутствие удостоверения личности офицера.

Черт! Я вскочил на ноги и принялся рыться в многочисленных карманах. Два наружных — пустые. Два внутренних, два боковых, два кармана штанов, два на ляжках и два на рукавах... Осмотрел для очистки совести все по новой. Но не на столько же я контужен, чтобы не помнить, куда что положил. Конечно, бывают провалы в памяти, но в этот раз я отчетливо помнил, что документы засунул во внутренний карман. На всякий случай расстегнул ремень и заглянул в брюки. Ничего постороннего там не обнаружил. Только знакомые трусы. Попрыгал на месте, но ничего не упало. Встав на колени, заглянул под сиденье. Документов нет нигде!

— Никифор! Ты чего? — удивленно спросил Марабу. — Тошнит?

— В штаны зачем-то полез. Наверное, что-то потерял, — ухмыльнулся пьяный Афанасий. — Может, «болт» отвалился.

— Пошел к черту! Если бы! Военные перевозочные документы и удостоверение. Как теперь в полк попаду? — огрызнулся я.

— Ну и хрен с ним, с Кабулом! — изрек Мандресов. — Сиди на персылке и жди своего Героя. Отсюда в Москву вызовут, ежели понадобится. Действительно, чего туда-сюда кататься? Один такой, несмотря на ранение, возвратился, и где он теперь? Ни Вовки, ни его вставных зубов. А все могло быть иначе. Это тебе, наверное, знак свыше!

— Напишешь рапорт коменданту, и пусть ищут документы. А ты в Ташкенте холодное пиво попивай, — поддержал его Афоня.

— Нет-нет! Давайте вернемся. Может, найдем? — воскликнул я.

Выйдя на остановке, мы как смогли быстро вернулись обратно. От трамвайных путей до КПП осмотрели и обшарили кусты, траву, бордюры. Ничего! Дошли до заветного окошка — впустую. Дьявол! Как же так? Невезение!

Я случайно бросил взгляд на доску объявлений и прочел еще раз: «Стоимость билета до Кабула — 120 руб., до Кандагара и Шенданта — 150». Эта надпись мне сегодня днем, пока стоял в очереди, мозолила глаза. Вот и сбилось. А я еще про себя насмеялся: зачем здесь эти расценки? Не везет так не везет! «В случае утраты талона на самолет перевозка осуществляется за счет пассажира». С ума сойти! Лететь на войну за свой счет! Я порылся в карманах — негусто. Включая записку из пятидесяти рублей, набралось шестьдесят пять целковых. Эх-ма! Добровольная сдача на фронт откладывается.

— Что «пайсы» не хватает? — спросил насмешливо Мандресов.

— Ерунда! Добавим! — весело пообещал Радионов. — Давай сейчас соберем, сколько нужно и отложим. Иначе загуляем и пропьем, не успеем оглянуться.

Шестьдесят рублей — мелочь для пятерых. Деньги у ребят еще остались.

— А на какие шиши будем пиво пить? — вопросительно посмотрел я на товарищей.

— Вот это мужской разговор! Давно бы так! Угощаем, — обнял меня за плечо Афоня и, повиснув на мне и Мандресове, повел нас к выходу. — А деньги не откладывай. Лучше пропьем! После кабака разберемся. Если не останется — значит не судьба завтра вернуться в Кабул!

Огромные витражи ресторана отбрасывали во все стороны блики, похожие на солнечных зайчиков. Заведение оказалось довольно солидное, но и для таких как мы, в полевой форме, нашлось местечко на террасе. Тенистые плакучие ивы и легкое дуновение воздуха создавали прекрасную успокаивающую обстановку. После третьей кружки я перестал нервничать и почти забыл о потере документов. Черт с ними, как-нибудь разберемся!

— Никифорыч! А как ты собираешься сесть в самолет? У тебя ведь и удостоверения офицера теперь нет! — спросил Мандресов.

— Сашка! Успокойся, таможня, пограничники и наземные службы проверяют только загранпаспорт.

— Паспорт, надеюсь, на месте? — встревожился многоопытный, не раз ездивший в командировки Афоня.

— Паспорт? — Я на всякий случай еще раз ощупал карманы. — На месте. Вот он!

— Ну и лады! Дай мне его, я не посею! — протянул руку Афанасий.

— Александров! Да ты сам сто раз потеряешься. С девками зацепишься — и ищи тебя. Сидишь и глазами стреляешь, как из АГСa по сторонам. «Телки» три уже рухнули замертво от твоих прямых попаданий, — ухмыльнулся я. — Отстань и пей пиво.

Внезапно чья-то тяжелая огромная лапа опустилась сзади на мое плечо и крепко придавила его. Я напрягся в ожидании драки, которые в Ташкенте часто случались между военными и местными жителями. Выдержав плечо из-под чьей-то руки, я резко оглянулся. Вместо ожидаемого скандала с каким-нибудь дебоширом — радостная встреча.

— Ара! Эдик! Арамян! — воскликнул я, вскочил и обнял за широкие плечи подошедшего.

Он до хруста сжал меня в дружеских объятьях. Бывший борец, Эдик чуть не сломал от избытка чувств мне ключицу. Это был приятель по довоенной службе в Туркмении. Он не изменился ни чуть, такой же здоровый, плечистый, крепкий, как скала. Гроза всего слабого пола нашего гарнизона, покоритель женских сердец.

— Как ты тут оказался? Какими судьбами в Ташкенте? — накинудся я на него с расспросами. — Как жизнь? Что нового в учебном полку?

— В полку без особых перемен. Лейтенантов по-прежнему одного за другим сплавляют в Афган. Руководство полка все те же лица. Комбат был крайне удивлен, прочитав о тебе вначале в журнале, а затем увидев фотографию в «Красной звезде». Растешь не по дням, а по часам. Ты еще не майор? Ха-ха-ха!

— Издеваешься? Полгода как старлея дали.

— Вадик Колчановский мне написал о твоих наградах и что ты почти уже Герой.

— Чепуха. Полгода наградные ходят по штабами без реализации. Второй раз послали документы. Но это ерунда. Главное, что я еще жив и радуюсь жизни.

— Вот это точно! — вздохнул Эдик. — Давай выпьем по пятьдесят грамм. Помянем Шурку Пелько!

— Как ты сказал? Помянем?

— Да, Никифор! Ты только уехал, а через неделю в полк пришло известие, что зампотех роты спецназа лейтенант Пелько погиб. Попал в засаду.

У Эдика в дипломате лежала бутылка коньяка, и мы, разлив его по пивным бокалам, выпили за Сашку. Эх! Бедный парень. Нашел чужую смерть. А может, наоборот — это его судьба и была. По идее, Шурка не должен был оказаться в Афгане. В полк пришла разрядка на заместителя командира роты по вооружению. Командир подумал и решил избавиться от пьяницы Гуляцкого. Он полностью соответствовал своей фамилии. Молодой лейтенант спивался на глазах и не мог остановиться. Уходил неделями в загулы и дебоширил с завидным постоянством — не реже раза в месяц. Когда сообщили жене Игоря Гуляцкого, что мужа отправляют в Афган, то она вначале впала в транс, а потом началась истерика. Она схватила четырехмесячную дочку, ворвалась вся в слезах в кабинет командира полка и принялась орать и рыдать.

— Он там погибнет! Погибнет! Его убьют! Вот этого ребенка вы делаете сиротой! Погибнет! Умоляю, Христом Богом прошу, не посылайте моего дурака в Афганистан! Обязательно убьют!

Замполит полка попытался ее урезонить, успокоить: мол, не все так плохо, погибают там редко. Но это вызвало лишь новую бурю эмоций и потоки слез.

— Если пролетит даже одна пуля, она попадет в Игоря. Я знаю, я чувствую, он там погибнет. Убьют моего Игорька!

Этот кошмар продолжался дольше часа. Начальство вновь посоветовалось и решило: какая разница кто поедет? Заменяем одного лейтенанта на другого. Дура-баба, уши прожужжала. Еще угрожает пожаловаться в штаб округа, что ее оставляют одну с грудным ребенком.

— Ладно, пошлем Пелько. Парень молодой, холостой и не возражает сменить обстановку, — подытожило руководство.

Сашка устроил «отвальную» для батальона и уехал... Выходит, что нашел чужую смерть. Как и обещала жена Гуляцкого. Накаркала, зараза!

Вот мы вновь перед стойкой, где выдают билеты в прошлое на «машине времени». Дородная дама приняла документы нашей веселой компании и вопросительно посмотрела на меня:

— Где талон на перелет старшего лейтенанта Ростовцева?

— Ростовцев — это я. Талон потерялся, пока стоял в очереди. Когда мы закрылись на обед, мы отошли, и он выпал из документов. Валяется где-то в пыли. К вам он случайно не залетал?

— Нет, не залетал! Ну и что дальше? — зло посмотрела на меня кассирша.

— В смысле что? — переспросил я.

— Лететь собираетесь? — грозно нахмурилась она.

— Конечно. Честно говоря, не хочу, но приходится.

— Тогда оплатите билет до Кабула. Сто двадцать рублей. И плюс комиссионный сбор. Да побыстрее, не задерживайте. Мой рабочий день заканчивается через полчаса. Вы пьянствуете и прохладжаетесь, а я на работе!

— Вы это серьезно, сударыня? Лететь в Афган за свой счет? Оплатить билет на войну? И еще комиссионные?! Я похож на психа?

— Похож. Очень! Вы все тут чокнутые. Если платить не намерен, то отходи в сторону! Сиди в общаге, жди, когда тебе пришлют перевозочные документы из полка.

Я в замешательстве прислонился к стене и тупо уставился на вывеску с расценками на перелет. (А может, это знак свыше: не лети, дурик?!!) Я читал объявление еще раз и еще раз. Выписка из приказа. Дата, номер, подпись. Дурацкий документ! Чертовщина какая-то! Но коль есть такое распоряжение, то, наверное, подобные прецеденты уже были? За сто двадцать рублей можно до Москвы и обратно два раза слетать!

Я вернулся к окошку и спросил:

— Скажите, пожалуйста, что у вас бывали случаи, как у меня?

Она посмотрела на меня и ухмыльнулась:

— Были. Нажрут, напьются, ни маму, ни папу не помнят, ни как самого себя зовут. Случается, что теряют и отпускной билет, и талон.

— И покупают?

— Нет. Лежат на койке в общаге и ждут, когда им документы пришлют. Неделью, другую бродят. Порой месяцами слоняются.

Я огляделся вокруг: в таком бараке, в этом вонючем, пыльном гадюжнике на койке без простыней валяться пару недель? Нет уж! Ни-за-что!

— Братцы! — вздохнул я, уныло оглядев компанию. — Выделяйте деньги на билет. Быстрее. А то окошечко закроется до завтрашнего утра. А жить тут на что?

Дамочка хмуро отсчитала, сколько нужно, дала десятку на сдачу. Затем проставила штампы и вернула загранпаспорт с остальными бумажками.

— Лети на здоровье. Счастливчик! И быстрее возвращайся живым! — Она сурово посмотрела на меня, покрутила пальцем у виска и захлопнула деревянную форточку. Я сделал шаг через порог душевной комнатухи и побрел к приятелям.

Ну почему так не везет? Полтора месяца я старался забыть о войне. Выбросить из головы роту, батальон, полк, казарму, комбата... проклятые горы, «зеленку», палящее солнце, пыль, жару, песок, виноградники. Всё!

Но не забыл. Я вспоминал о войне каждый день, как только начинал думать о том, что надо про Афган забыть. Я слушал по утрам новости, по вечерам программу «Время» и надеялся, что сегодня объявят о новом, окончательном выводе войск. В кратчайшие сроки. Быстро! Немедленно. Всех до одного! До последнего солдата. Время шло, но ничего не происходило. Чудес не бывает. Пора обратно в реальность, в ужасную, гнусную, отвратительную реальность, где каждый день стреляют и убивают друг друга. Туда, где люди лишались ног и рук с легкостью, как лапки комару или мухе отрывают шалящие дети. Что ж, в путь! Обратно, навстречу судьбе. Все будет хорошо, не зря же мне нагадали девяносто семь лет жизни. Я в это верю! В свою долгую и счастливую жизнь.

Глава 14 Кирпич

— Никифор! Я без тебя пропадаю! Как я устал один бороться с этим ошалевшим батальоном! — встретил меня Чухвастов радостным воплем.

— Почему бороться? — удивился я.

— Комбат в превентивном загуле. Просыхает на пару дней и вновь в запой. Скачет на своей Наташке каждую ночь, как на ездовой кобыле. И откуда здоровье? Так много пить и так много трахаться? Думаю, через пару недель у Чапая остановится «мотор». Он стареет на глазах. Сдает. С тех пор как по башке шандарахнуло камнем, Василий Иванович изменился. Это уже не тот «железный» Подорожник. Вместе с ним рушится батальон. Комбат всегда был словно фундамент. Просел фундамент — и треснул дом. К нам с застав сплавили пять пьяниц-забуддыг. Пьют они, гады, по-черному!

— А почему ты один борешься?

— Потому что даже помощника у меня нет. Как официально назначили две недели назад начальником штаба, так до сей поры заместителя и не дали. Васю Котикова после двух рейдов забрали в дивизию, в оперативный отдел. Взамен пока тоже никого. Зам по тылу сбежал в госпиталь...

— Заболел? — встревожился я.

— Если бы. Да и что ему, толстокожему, будет, сквозь слой сала ни одна бактерия не пробьется. Он теперь зам по тылу «инфекционки».

— А зампотех?

— Вересков в автопарке пишет стихи, а когда возвращается, то до глубокой ночи гитара и романсы. Надоел! В карты играть мешает. У нас тут такая замечательная компания подобралась. Дежурный по ЦБУ, командир артдивизиона и зампотех танкистов Штрейгер.

— Ты еще не в долгах? — спросил я.

— Обижает! В долгах Штрейгер. Начим пробовал войти в коллектив, проигрался и сбежал. Трус! Не хочешь ты с нами поиграть?

— Нет. Мне не везет в карты. Лучше скажи, не слышно, где моя Золотая Звезда?

— Нет. Разговоры ходят, что дело на «мази», документы в Москве. Но официально — пока тишина. Кроме тебя сегодня кто-то еще вернулся?

— Мандресов и целая толпа взводных, — усмехнулся я, вспомнив приключения в Ташкенте — пивной ресторан, пересылку, недоразумение с вылетом из Союза.

— Вот и прекрасно. Теперь ротные на месте. Есть с кого спрашивать. Осталось только дожидаться того, кто будет это делать — командовать ротными. Завтра должен приехать Петя Метлюк. Назначен замом. Был командиром шестой роты. Говорят, очень жесткий мужик. Может быть, он удержит батальон, а не то быть большой беде.

Я вошел в комнату. Комбат оглядел меня мутным взглядом, похлопал по плечу и тотчас ушел развлекаться к бабам. Вот и вся «теплая» встреча. Отдых завершен, наступили боевые будни.

Через неделю объявили грандиозный строевой смотр, который должен проводить командир дивизии. Какая досада! А как же быть с удостоверением личности? У меня, кроме партбилета, никаких документов. Паспорт сдан по приезду в строевую часть. Ну, да ладно, может, ко мне не подойдет Баринов, не проверит.

Не пронесло. Комдив начал осмотр с батальона, а начальник политотдела отправился проконтролировать управление полка. Баринов придирчиво проверял записи в удостоверениях личности. Осмотрел даже штампы об уплате партвзносов у Чухвастова и затем подошел ко мне.

— Заместитель командира батальона по политической части, старший лейтенант Ростовцев. Жалоб и заявлений не имею! — доложил я.

— Ага, здравствуйте, товарищ старший лейтенант! Давненько что-то я вас не видел. Как дела?

— Отлично! Ездил в санаторий.

— Отдохнул? Молодец! А где удостоверение личности, почему суешь мне только партбилет? — удивился полковник.

— Утрачен, товарищ полковник! Сгорел в Панджшере.

— О, как! Плохо, беспорядок! А почему новый не получил? Рапорт написал?

— Никак нет! Был в отпуске. Не успел. Сегодня напишу.

— Командир полка, иди сюда. Бегом! Право слово, чудачки-люди! Ты посмотри, что делается! Ростовцеву не сегодня-завтра в Москву ехать, Героя получать, а у него нет документов! Как он попадет на прием в Кремль? Вы что законченные идиоты? Издеваетесь?

— Но он никому не сказал об этом. Ты почему промолчал? — воскликнул новый командир полка Головлев. Он только второй месяц был к нам назначен, вырос из начальника штаба полка. Подполковник вырвался из Панджшера и наслаждался Кабулом.

— Уезжал в отпуск, опаздывал, решил, что документы восстановлю по возвращении. Но я спрашивал у «строевика», он ответил: бланков нет. Обещал выписать справку вместо удостоверения.

— Что в полку нет чистых бланков удостоверений офицеров? — удивился комдив.

— Так точно, нет, — подтвердил Головлев.

— Командир, запомни! Чтоб я больше к этой теме не возвращался. Добыть удостоверение. Хоть в армии, хоть в дивизии, хоть в округе, — продолжал возмущаться Барин. — Вы позорите дивизию на все Советские Вооруженные Силы! В Кремль по справке! Он что у нас «зэк»? Ну, чудачки-человеки! Исполнить и доложить. Немедля!

Штабные бледнели, краснели, потели, комдив вновь переключился на меня.

— Ростовцев, каково настроение, как моральная обстановка в батальоне?

— Хуже некуда, товарищ полковник, — брякнул я и нахмурился.

— Не понял? В чем дело? Дома что-нибудь случилось? — закидал меня вопросами полковник.

— Вы же спросили про батальон, о нем и докладываю. Послезавтра в рейд, а нас превратили в отстойник, сплывили из других частей наркоманов и алкоголиков. Еще приписали несколько «мертвых душ», из госпиталей не появляющихся. Назначили их командирами взводов. Замкомбата нет, зама по тылу нет, ЗНШ нет, командира разведвзвода нет, замполитов в ротах нет, старшин рот некомплект...

— Стой, стой. Несешь какой-то бред! В отпуске переутомился, что ли? По твоим словам, замполит, батальон не боеготовен. Это что действительно так? — начал кипятиться полковник, глядя то на меня, то на Головлева. — Командир полка! Почему молчите? Им в рейд на днях, а по докладу замполита сложилась удручающая обстановка!

— Товарищ полковник! — стал давать пояснения в ответ на мою гневную речь командир полка. — Поступил приказ усилить заставы на дороге. Вы же сами сказали, что рейдов больше не будет и боевые действия прекращаем. Конец войне!

— Какое на хрен прекращаем! Конец, говоришь... Отпустите свой конец, за который держитесь, и вернитесь к реальности! Подполковник, вы знаете, что в Гардезе потрепали батальон? У десантников погибли два ко-

мандира роты. Двое в один день! Как же было организовано управление боем, если ротные погибли? Представляете, какая тяжелейшая ситуация была? Вот и принято новое решение: в связи с участвовавшими нападениями на посты и гарнизоны возобновить активные боевые действия. На месяц намечено не менее трех операций. Учтите! Езжайте на пересыльный пункт, набирайте лейтенантов. Укомплектовать все должности. Разрешаю выдвигать на вышестоящие должности отличившихся. Приказываю: готовиться к активным боям! А где комбат? — спросил полковник.

— Подорожник болен. В санчасти лежит, — замялся командир полка.

— До такой степени плохо себя чувствует, что на ноги не подняться? — изумился Баринов. — А кто батальон поведет в горы?

Полковые начальники замялись и, смущенные, пожимали плечами.

— Так-так. Понятно! Начался синдром заменщика. Вернуть в строй! Обязательно вернуть! Ему замена когда, замполит?

— В апреле, — доложил я. — В начале апреля.

— Ого! Еще два месяца! Служить и служить! Ко мне на беседу его. Срочно! Доставить хоть на носилках, — распорядился Баринов. — Никакого разгильдяйства не допущу! Я ему усище-то накручу! Ишь хитрющий хохол!

Подорожник действительно решил закончить воевать и велел Чухвастову управлять батальонным хозяйством. Не получилось...

Комбат лежал на кровати и выл. Вой прерывался громким матом.

— Василий Иванович, что случилось? — испугался я.

— Суки! Твари! Поубиваю всех! Ты представляешь, что они наделали? Загубили меня!

— Да бросьте, Василий Иванович, только два месяца осталось. Ничего страшного не случится! — успокаивал я комбата. — Командир дивизии особо и не орал.

— Да на хрен мне твой комдив. Ты разве не видишь, что со мной эти заразы сделали? Ослеп совсем!

Я всмотрелся в лицо Подорожника, ничего не понимая и не замечая, продолжая думать о своих делах и проблемах.

— Ну, что? Не видишь? Ничего не изменилось? — повторил вопрос Подорожник.

Я отбросил посторонние мысли, сосредоточил взгляд на лице Иванныча и прыснул от смеха, догадавшись в чем дело. Черт побери! Один его ус был аккуратно подстрижен, а второй укорочен больше чем на половину.

— Вот так всегда! Тебе наплевать на комбата! Смеешься, издеваешься. Выходит, ты не правая рука, а «левый» замполит! Ну, что смешного? Поругался вчера с этой заразой — «стюардессой», а она затаила злобу. Я хотел расстаться по-хорошему, пришел в гости. Выпил и случайно у нее заснул. И ведь чувствую, что-то со мной делают, а глаза открыть не могу. Сквозь сон слышу смех, и вроде как меня по лицу глядят. Оказалось, эта

змея подкожная обкромсала один ус наполовину. И что теперь? Как быть? Придется укоротить и левый ус. Вот довела меня служба в Афгане. Сюда приехал, помнишь, я тебе рассказывал, какие роскошные были усы? Семнадцать сантиметров! А теперь что остается? Обрубок над губой. Кастрировали, можно сказать.

— И что вы Наташке сказали?

— Я как себя в зеркале увидел, чуть ее не задушил. Схватил за горло, а она отбивается, царапается! Хотел в глаз дать, но одумался, отпустил. Все-таки женщина. Магнитофон «Soni», что ей подарил, об стенку разбил и ушел. Дьявол! Еще два месяца служить! Как выйти к батальону без усов? Может, до замены отрастут?

— Конечно, Василий Иванович! До апреля все будет нормально. Усы вырастут, а Наташкина «шарманка» не восстановится. Она еще десять раз пожалеет, что напакостила.

— Берендею надо не забыть сказать, чтоб ничего больше из продуктов ей не давал. Ни картошки, ни тушенки, ни крупы. А то она за моей широкой спиной как сыр в масле каталась. Теперь пусть язву желудка приобретает. У-у-у! Кляча худая!

Мне было смешно, но я старался изо всех сил не прыснуть. Зачем злить комбата и обижать? Только выйдя из модуля, я расхохотался, дав волю чувствам.

— Никифор, ты чего? — удивился возвратившийся из автопарка Вересков. — Чокнулся?

— Миша! Ни о чем не спрашивай. Это надо видеть. Зайди к комбату переговорить о чем-нибудь. Но не засмейся и ему не ляпни, что я стоял тут и ржал. Посмотришь — и сразу поймешь.

Вечером я доложил офицерам о встрече в Ташкенте с женой Сбитнева и зачитал письмо, в котором она благодарила за деньги, собранные для ее дочери офицерами батальона.

— Никифор Никифорыч! А почему в письме говорится о сумме двести пятьдесят чеков? Денчик передал пятьсот! — удивился Марабу.

— Вот поэтому я и попросил, чтоб она написала нам письмецо.

— И что из этого следует? — уточнил Шкурдюк.

— А то, что она не получила половину суммы, которую мы собрали вдове и дочери, — ответил я.

Мужики переглянулись и посмотрели на прапорщика Денчика. Старшина роты сидел и хлопал глазами. Он не ожидал такого поворота дела. Откуда прапорюга мог знать, что я еще два месяца назад получил первое письмо, в котором она искренне благодарила за деньги. Мы с комбатом какое-то время сомневались, думали, может, Лена ошиблась в сумме. Но когда я с ней поговорил и вскользь уточнил сумму, последние сомнения отпали. Совершилась чудовищная подлость! Я передал ей оставшиеся собранные пятьсот чеков и

попросил написать ребятам письмо. В нем вдова еще раз поблагодарила батальон за заботу, рассказала, как растет Вовкина дочурка...

— Ты что, крыса? Подонок, убью! — вскочил Мандресов из-за стола и набросился на Денчика.

Комбат схватил его за руку, усадил на место и высказался:

— Этого подлеца мы отдадим на суд чести прапорщиков. И отныне его место не в каптерке, а на боевых действиях. И чтоб не на броне оставался, а в горы ходил с мешком за плечами! Надеюсь, Бог накажет тебя за подлость, что ты совершил.

Морду прапорщику все же после совещания набили, а деньги с полочки забрали и передали вдове с очередным отпуском.

Спустя полгода прапорщику оторвало ногу. Наступил на мину, и хирурги в госпитале ее оттяпали выше колена. Все-таки права поговорка: бог все видит и шельму метит!

Из тех «кадров», что нам спихнули другие подразделения, в батальоне остался только Кирпичевский. Этого высокого, широкоплечего красавца выслали из штаба армии за какие-то провинности. У него было прозвище — Кирпич, преследующее его по жизни. Как оказалось, он был сыном командующего одной из армий Киевского округа.

В день, когда полк выходил на боевые действия в Баграмскую «зеленку», из дворца Амина раздался звонок. Выздоровевшему после ранения Ошуеву генерал Хреков пояснил порядок работы с этим взводным. Составился диалог следующего содержания.

— Вы к кому поставили в штат Кирпичевского?

— В первый батальон. Командиром взвода третьей роты, — ответил Ошуев.

— В рейдовый батальон?

— Так точно. Заполнили вакант.

— Идиоты! Хм-м. Вы только не вздумайте с дуру отправить его на боевые! А то у вас хватит ума и сообразительности. Не забывайте, чей это сын!

— И что с ним делать прикажете? — раздраженно спросил Султан Рустамович, потирая занывшую рану (начальство некстати заставило его нервничать). — У нас в полку каждый человек на счету. Куда Кирпичевского деть? Забирайте обратно, товарищ генерал.

— Не учите меня жить! Если этого офицера к вам перевели, значит, так надо! У вас есть, куда его определить на время рейда? Поставьте начальником караула в полку.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — ответил Ошуев и бросил, не глядя, трубку на телефонный аппарат. Герой со злостью пнул стул, швырнул о стену ежедневник и вышел из дежурки. Он не переносил, когда с ним разговаривали в таком тоне. Оставалось гадать, снимет он меня с дежурства или нет под горячую руку.

После Баграмки дивизию направили в Пагман, из Пагмана — на Гардескую дорогу. А затем мы собрались в Черные горы. Кирпичевский же постоянно не вылезал из караулов.

Перед очередным выходом он подошел ко мне:

— Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться. Старший лейтенант Кирпичевский!

— Слушаю вас, товарищ старший лейтенант.

Я неприязненно смотрел в наглые карие глаза этого громила и думал: «Ну что тебе нужно? Сидишь в тепле, в спокойной обстановке, а нам сейчас отправляться к „черту на рога“. Чего еще не хватает?»

— Никифор Никифорыч! Возьмите меня в рейд! Я к комбату подходил, но Чапай отказал. Поговорите с ним. Он боится: вдруг со мной что-то случится, потому что заменяется в армию к моему папаше. А родитель наказал Подорожнику меня беречь как зеницу ока.

— И что тебя сюда к нам занесло?

— Несчастный случай, — еще наглее улыбнулся взводный.

— Что за несчастный случай?

— Это несчастье звали Ольга. Она была любовницей генерала Хрекова, а я ее соблазнил. Разве можно такому орлу отказать?

— Ну, не знаю. Вашей Оле было виднее.

— Ха-ха! Это точно! Нашей! Мой взвод охранял дачу командующего, а эта стерва завела моду в бассейне голышом купаться. Вот я однажды разделся и составил ей компанию. Весело было...

— Представляю! Веселились долго?

— Да нет. Недели две. А потом какой-то козел стукнул. Хреков дал мне в ухо и изгнал из штаба. А за что?

— Ты генерала спросил об этом?

— Нет. Я ему в ответ промеж глаз звезданул. Что из того, что он друг моего бати? Никто не давал право руки распускать! Я к тому же «под газом» был. Мы коктейли целый день пили. Она фруктовый с коньяком, а я «Si-Si» со спиртом. Газ в мозги шибанул, не сдержался. Теперь я тут, а Ольга, зараза, вертихвостка, в Союзе. Она ведь меня специально спровоцировала, в неглиже бродила! Под меня подкладывалась. С Алексея Ивановича ей проку мало: совещания, комиссии, проверки, инспекции. Ну и возраст! А ей генеральского тела раз в неделю мало. Терпела, терпела полгода, да и нашла молодого жеребца. Генерал Ольгу выслал, а жаль. Лучше бы сюда вместе со мной отправил. Над ней можно было еще трудиться и трудиться. Работы — непочатый край! Не женщина, а станок!

— И что ты от меня хочешь? Чтоб мы с комбатом ходатайствовали о возвращении этой отличницы боевой и половой подготовки в полк специально для тебя. Нет жизни без станка?

— Ха-ха-ха, — громко рассмеялся старший лейтенант, показывая красивые белые зубы

— Конечно, нет. Прошу о другом. Я знаю: Хреков запретил брать меня на боевые. Я себя чувствую среди вас последним негодяем. Сiju в полку как чмошник. Неудобно мне перед Афоней, Марабу, Острогиным и остальными. Чем я хуже? Комбат не узнает, он в рейд не идет. Возьмете?

— Ага, значит, замполит батальона должен подставить свою задницу под сочный пинок Хрекова? — насупился я.

— Ну, вы ведь будущий Герой. Чего бояться-то?

Я посмотрел в глаза нахального «старлея» и решил, что нужно сбить гонор с этого генеральского сыночка. Год в Афгане пролежал у бассейна, пора узнать ему, что такое горы и «зеленка». Полезно на будущее.

— Ладно, рискну. Собирайся. Беру ответственность на себя, тем более что взводных не хватает.

Полк в рейд вел Губин. Он собрал офицеров на постановку задач и распорядился:

— Сегодня действуем не как обычно. Никакой колонны. БМП в цепь! Между ротами по танку, сзади развернуть самоходки и «Васильки». Артиллерия накрывает квадраты, а пехота движется вперед, круша дувалы на пути. Три танка с минными тралами прокладывают проходы в минных полях, а потом роты вот тут, — Губин указал на карте рубеж перехода в атаку, — разворачивают машины в линию. Кяризы, попадающиеся на пути, задымить и заминировать. Чтоб сзади «духи» не повылазили и в спину не стреляли. Задача ясна? Вперед!

Вот это дело! Надоело подставлять свою голову под гранатометы! Посмотрим, как «духи» выдержат лобовую атаку!

...Не выдержали! Автоматические пушки разносили в клочья деревья и виноградники, разваливали дувалы и стены. Танки хорошенько «протюжили» попадающиеся на пути развалины. Я сидел за башней БМП и ждал, когда машина подъедет к большому кишлаку, чтобы прыгнуть вниз. Неохота пехом бежать по винограднику. Там легко зацепить ногой минулягушку или наткнуться на растяжку. Вдруг сидевший рядом со мной боец схватился за голову и свалился с брони в арык. Мы с Сероиваном прыгнули следом. Солдат тряс головой и держался за уши.

— «Москва», жив! — закричал я, обрадовавшись. — Что случилось? Ты, словно сноп сена, упавший с воза.

Солдат поднял каску с земли и протянул ее мне:

— Вот тут что-то. Как шарахнуло по башке, аж искры из глаз посыпались!

Мы с прапорщиком взглянули и оба присвистнули. Каску разворотило осколком с двух сторон. Спереди вошел, сзади вышел.

— Чайник цел? — спросил Сероиван, осматривая голову бойца и с сомнением глядя в его глаза. — Внутри черепушки ничего не лопнуло? Какие ощущения?

— Хреновые. В ушах звенит, словно кувалдой саданули.

— Московченко, у тебя ремешок под подбородком лопнул! Вот какая была сила удара! — произнес прапорщик, продолжая рассматривать каску.

— Вскрыло, как ножом консервную банку! — воскликнул я, удивляясь.

У входного отверстия рваные края металла были вогнуты вовнутрь. В другом месте лепестки разреза торчали наружу.

— А ведь тебе везет уже второй раз, да? — спросил я у солдата.

— Ага! Товарищ старший лейтенант, под Талуканом мне пуля в каску попала, прямо выше лба. Ох, старшина материться будет! Вторую каску списывать придется.

— Каску списать — не человека хоронить! Лучше по десять касок выбрасывать каждый рейд, чем хоронить хотя бы одного, — вздохнул я и пошел догонять технику.

Прапорщик дал понюхать нашатыря контуженному и повел его под руку следом за броней. Движение неожиданно прекратилось. Техника уперлась в канал и остановилась. Далее идти было некуда, да и незачем. Слишком малочисленны штурмовые группы.

По дороге мы уничтожили трех или четырех сумасшедших от ненависти «духов», пытавшихся оказать сопротивление. Может, и больше, кто знает. Остальные ушли в кяризы и затаились. Силы дивизии слишком незначительны для такого огромного района. Что у нас есть? Два мотострелковых батальона да разведчики. Без поддержки артиллерии с авиацией мы и на сто метров бы не продвинулись. Пехоты мало. Против наших восьмиста «штыков» впереди в «зеленке» скрываются тысяч пять-шесть мятежников. Эх, скорей бы отсюда уйти. А то они вот-вот смекнут что к чему и подберутся ближе к рубежу обороны. Тогда головы будет не поднять...

За канал переправились саперы и принялись минировать подступы к нему. Вот это хорошо. Нарвутся «духи» на мины и в лобовую атаку не попрут. А вот с тылу атаковать могут. Каждую щель, каждый колодец не проверить. Да и те жители, что остались в нашем тылу и изображают из себя мирных дехкан, ночью могут достать из тайников оружие и ударить в спину.

Пять дней батальон вел огонь по сторонам, расстреливая боеприпасы по бегущим в «джунглях» повстанцам. Разрозненные банды появлялись то спереди, то сзади. Откуда только они брались? Вроде бы каждую щель задымили и заминировали!

Наконец последовала команда «отбой операции»! Как вошли, так и выходим. Быстро, шумно и без особых успехов. Зачем входили? Не понятно... Может, по плану необходимо списать какой-то запас боеприпасов и топлива, чтобы завезти из Союза новые?

Стоящая вдоль дороги колонна БМП трещала сотнями моторов, загаживала воздух вонью от сгоревшей солярки. Возле батальона появился

Золотарев и приказал заглушить двигатели. Через пять минут подбежал Губин и принялся кричать, чтоб немедленно завели машины. Он вопил: «Сейчас трогаемся!»

Завели! Прошло пять минут, не тронулись. Вернувшийся Золотарев вновь приказал не копить и без толку не жечь солярку. Бугрим попытался доказать, что он получил другой приказ. Витька решил развлечься, проехать до Кабула за штурвалом механика. Его не устраивало, что приходится постоянно глушить и заводить машину. Сквозь шум мотора Золотарев услышал фразу с матами в свой адрес:

— С вами, долболобами, сам дураком станешь!

— Что ты сказал, прапорщик? — опешил подполковник.

— Ничего. Все в порядке. Мне надоело выполнять противоречивые распоряжения.

— Ну что ж, мы найдем вам замену. Дальше будешь служить где-нибудь командиром заставы в «зеленке».

— Да хоть к черту на куличики, лишь бы подальше от вашего дурдома! — рывкнул Виктор и, натянув поглубже шлемофон на голову, скрылся в люке.

По возвращении в полк Золотарев порвал наградной Бугрима на орден и приказал искать мне нового «комсомольца».

— А чем плох Виктор?

— Я его сгною на выносном посту. Обнаглел до безобразия.

Позже Бугрим мне пояснил, отчего замполит полка так зол.

— Никифор, ты думаешь, Золотарев почему на меня волком глядит? Это не за то, что я его послал подальше, а за то, что требую отдать мои часы!

— Какие часы? — удивился я.

— А такие. Трофейные! Перед рейдом, когда я проверял порядок в казармах, в три часа ночи зашел к минометчикам. Туда заселили проштрафившихся дембелей с дорожных батальонов. Собрали всех оболтусов, которых должны были в последнюю очередь на увольнение в запас отправить. Они развели в казарме такой бардак! Я вошел, принялся: стоит устойчивый запах наркоты. «Чарз» (наркотик) курят, практически не скрываясь! Собрался я, было, устроить им подъем и заняться воспитанием, но запнулся о грязный ботинок, брошенный на центральном проходе. Поддал его ногой, «чебот» ударился о стену, а плохо запаянный каблук взял да и отвалился. Что-то звякнуло, чуть блеснув в полутьме. Я заинтересовался. Наклоняюсь, а из подошвы торчат часы «Orient», которые стоят не менее трехсот чеков. Больше моей полочки за месяц! Гляжу, а вдоль стены еще пятьдесят «бахил». Чувствую, буду с богатой добычей. Взял у дневального штык-нож, расстелил портянку и начал ковырять каблуки. Из каждого выпадали то «Seiko», то «Rikoh», то «Orient». Я ощутил себя Рокфеллером! Набралось штук двадцать. Интуиция мне подсказывает: «Хватит, Витя, угомонись, забирай часики

и иди спать!» А жадность не отпускает. Продолжаю конфискацию. В это время дверь в казарму тихонько отворилась, и вошел Золотарев. От употребленного алкоголя прямо светится. Запах вокруг распространился, как от винной бочки. Уставился он своими пороссячьими глазами на горку из часов и засиял еще больше. «Бугрим! Славно поработал! Можешь быть свободен! Я сам составлю протокол изъятия». Я остолбенел от этой наглости. Он портянку свернул и направился с добычей на выход. Во мне ярость закипела. Вот это хамство! Злость меня прямо распирает. Я взбеленился. Хватаю его за руку, а он икнул и спокойненько так говорит: «Товарищ прапорщик. Я же сказал: свободен! И забудь об этих часах!»

Хотел я съездить по его наглой роже, да тут в дверях появилась фигура второго собутыльника. Особиста. Я разом сдулся, гонор умерил и уже не дергался. Золотарев показал добычу особисту, они радостно засмеялись и вышли. Сволочи! Мне сантехник-спекулянт на следующий день доверительно рассказал, что обменял этим алкашам одни «Seiko» на пять бутылок водки. Целую неделю к нему являлся по ночам посыльный с часами. Мужик днем не успевал свои запасы пополнять для них. А теперь Золотарев, помня сквозь хмель, что я на него бросился с кулаками, вымещает зло.

— Не переживай, Виктор, мы найдем способ его обойти. Когда Золотарев опять уйдет в запой, я подпишу наградной у Муссолини. Он ведь тоже замполит полка.

* * *

— Комиссар! Хочешь рецепт вечной молодости? Ты его должен запомнить. Раз собираешься прожить до девяноста семи лет. Не интересно ведь последние лет сорок влачить жалкое существование дряхлым старикашкой? — с усмешкой спросил комбат.

— Хочу рецепт! Кто ж не хочет. А какой?

— Я рассказываю один раз, а ты слушай внимательно и запоминай.

— Весь во внимании. Я одно сплошное большое ухо.

— Первое: никогда не кури! Второе: больше движения. Легкие занятия физкультурой, плаванье, ходьба! Третье: много любви. Желательно каждый день. И лучше, чтобы бабы и водка были раздельно. Не совмещай. Четвертое: оптимизм. Будь веселей!

— Г-м-м. Тетки и водка раздельно? Не курить? Это ваш собственный рецепт, вычитанный или украденный? — Я с сомнением оглядел испещренное глубокими морщинами лицо комбата. — А вы не соответствуете своим тридцати пяти годам. Я бы еще лет пятнадцать добавил! — усмехнулся я. — Василий Иванович! Рецепты вечной молодости раздаете, а почему сами не пользуетесь?

— Человек — существо слабое. Я слаб и легко поддаюсь соблазнам. Главное, никак не могу баб и водку не совмещать. Ужасно люблю и то и

другое. Много и одновременно. А еще эта пагубная зависимость от никотина. Двести раз бросал, максимум выдерживал неделю. Не получается.

— Сочувствую.

— Вот-вот, учишь на опыте других и не повторяешь чужих ошибок. Тогда и проживешь до своей глубокой старости бодрым и здоровым.

Глава 15

Круговорот воды в природе

Очередная операция была назначена на начало марта в Черных горах. Будь они неладны! В этом горном массиве полтора года назад мы потеряли несколько вертолетов. Погибло много пехотинцев и десантников. Сутки батальоны безуспешно штурмовали мощный укрепрайон. Эх, черт! Неприятные воспоминания.

Полк возглавлял выздоровевший Ошуев. С ума сойти! Никак не уймется человек. Другой бы до замены в госпитале валялся и «косил» от боевых. А этот сразу в полк и за работу. И не просто идет в рейд, на броню покомандовать, а в горы!

Колонна техники остановилась в трех километрах от горной гряды на дороге, а роты отправились ускоренным маршем на задачу. Первый же уступ был резко вертикальным, градусов восемьдесят. Он представлял собой нерукотворную стену с узкой тропкой. Гора круто вздымалась метров на триста. Как туда занести пулеметы и минометы? Тропинка лишь слегка обозначалась следами козьих копыт. Во многих местах путь обрывался, и двигаться нужно было, подталкивая, придерживая и вытягивая товарища.

Ошуев скомандовал: «Привал!» Артиллерия и авиация, не экономя боезапасов, стреляли по горам и ущельям, которые предстояло захватить. Конечно, громко сказано — захватить. Полк должен постараться укрепиться и осмотреть местность, затем прочесать окрестности, найти оружие и, уходя, заминировать, что возможно.

Начальник штаба уточнил еще раз задачи подразделениям полка и в конце концов распорядился:

— Оставить молодежь, что пришла в феврале из Союза. Кроме того, не брать тех, кто себя плохо чувствует и не может забраться на стену. Вернуть их назад на броню.

Молодежь собрали в общую группу возле старого карагача. Солдаты постарше потоптались, поругались меж собой, и выпадает на долю только несколько человек. Чем меньше останется в строю, тем больше трудностей во время перехода к задачам. Мины, ленты к пулеметам нести-то придется все равно. Тяжелое вооружение не оставишь, его нужно как-то выносить. Главная проблема: мины и ленты, что несли те, которые теперь остаются внизу. Груз бойцов разделили между офицерами и прапорщиками. Я, тяже-

ло вздохнув, подвесил к своему мешку ленту «Утеса». Проклятый «личный пример»! Закомбата, а нагрузился, словно рядовой солдат.

— Разведка, вперед! Пехота, не задерживаться, помогать друг другу! Вперед! Быстрее, вперед! — выкрикивал резкие команды Герой, а мы, как муравьи, поползли по скале.

Ну, для чего природа сотворила такую преграду? Зачем она тут? А ведь есть возможность миновать этот пик, если пройти дальше по ущелью. Там подъем станет более пологим. Но кто-то прочертил на карте черту, нанес пунктиром маршруты движения и ждет доклада о прибытии в заданный район. Как говорится, я прокукарекал, а там хоть не рассветай! Того бы умника да сюда и большой мешок на спину, килограммов тридцать, пусть погуляет с грузом, стратег штабной!

Батальон возглавлял Петя Метлюк. Подорожник неделю лежал в медсанбате. Перед выходом объявился, но остался на броне, сославшись на плохое самочувствие. Сказал: мол, у меня полный комплект заместителей, справятся. Я в этот раз пошел со второй ротой. Шкурдюк в отпуске, я вновь за себя и за товарища. И Мелещенко перед выходом официально уведомил меня, что он уходит на повышение, становится начальником клуба. Хватит, находилась, навоевался! Ну что ж, расти, Коля, становись капитаном.

Острогин передвигался во главе колонны, а я, хоть и закомбата, вновь ползу в хвосте и помогаю умирающей пехоте. Бойцы хрипели, кричали, скрипели зубами, портили воздух, но ползли шаг за шагом выше и выше. Конечно, тяжело. Такая вот «экскурсия» в горы — садистская пытка. Людей крайне мало. Каждый несет за себя и оставшегося внизу молодого парня. Внезапно карабкавшийся чуть впереди солдат пошатнулся и упал навзничь на камни. ПК слетел с плеча и грохнулся о скалу.

— Умаров! Ты чего сачкуешь? Подъем! — рявкнул командир пулеметного взвода. — Не вздумай валять дурака, все перегружены!

Младший сержант лежал на спине, запрокинув голову назад со стекленеющими глазами. Мы с прапорщиком наклонились к нему: парень не дышал. Не подавал абсолютно никаких признаков жизни. Я испугался, сильно испугался. Ни выстрелов, ни взрывов. Человек шел, вдруг упал и умирает на моих глазах. Тихо, беззвучно. Как дряхлый измученный старичок. Солдаты громкими криками вызвали по цепи Сероивана, потому что сержант-санинструктор роты растерялся и не знал, чем помочь. С Умарова стянули вещмешок, броник. Куртка не снималась, и я разрезал ее финкой.

Сероиван воткнул укол с каким-то лекарством, попытался массировать сердце, сделать искусственное дыхание. Все тщетно.

— Нужно вызвать вертолет и срочно сержанта спускать вниз, — произнес виновато медик-прапорщик. — Требуется реанимация.

— Оставьте мешки здесь и выносите Умарова. Сейчас вертушку вызовем, — распорядился Острогин.

Сергей был тоже озадачен. Ни особой жары, ни солнцепека, которые могли бы вызвать тепловой удар, в этот день не наблюдалось. Да, сильно парит и душно, да, маловато воздуха, но в горах такие проблемы бывают почти всегда.

Сержант прослужил больше года — и вот на тебе. Очевидно, организм израсходовал весь запас своего жизненного ресурса.

Камни выскальзывали из-под солдатских сапог, земля осыпалась, но, спотыкаясь и падая, ребята все же спустили тело умирающего товарища вниз.

Хмурые тучи затянули весеннее небо. Солнце исчезло в этом сплошном мутном мареве густых серых облаков. Заморосил мелкий, как пыль, дождик, похожий на густой мокрый туман. Вынырнувший из-за хребта вертолет, прижимаясь к земле, подлетел к сухому руслу реки. Он забрал сержанта и быстро умчался в Кабул. Какой-то шанс выжить, возможно, у него есть. Борт прилетел очень быстро, да и вниз доставили Умарова тоже быстро.

Операция началась трагично. Опять не везет в этих Черных горах!

Ошувек накинудся с руганью на группу управления батальона и на ротного из-за этого «происшествия» с сержантом. Из штаба сообщили: все-таки умер. Не оживили медики ни на земле, ни в воздухе, ни в госпитале. Обширный инфаркт. Пока мы брели по хребту к вершине, Умарова уже доставили в Кабул. Но прибыл туда практически труп. Жалко парня, неплохой был сержант. Был...

— Я же приказал оставить всех слабаков и молодых! — продолжал бсноваться Герой из-за трагической гибели солдата. — Ну, как с вами можно по-хорошему говорить? Убийцы!

— Ну, чего орать! Какие мы убийцы! — огрызнулся в ответ Острогин. — Этот сержант не первый раз в рейде и в горы ходил во время нескольких операций. Черт знает, что произошло. Он никогда не жаловался на слабое здоровье.

— Вы это следователю будете рассказывать! — жестко отрезал Ошувек и пошел к своей задаче.

Мы стояли как оплеванные. Нелепость. Случай, невезение, судьба. Кто виноват в этом? Выбросили бы нас вертушками прямо на плато — и не умер бы парнишка. Видимо, побоялись «Стингеров», приберегли авиацию. Нас не поберегли. А чего беречь? Ходьба по горам — «любимое» занятие пехоты. Ввалил мешок на спину, взял в руки автомат и вперед. Шагай, пока ноги до задницы не стопчешь и не покроется спина от пота коркой соли, в сантиметр толщиной.

Вторая рота выбралась на заветный утес, возвышающийся над несколькими разбросанными по ложине домиками. Возле каждого жилья — овечья кошара (загон), низенькие сарайчики и редкая растительность. А ландшафт — в основном это камни, булыжники, валуны, осыпи из гальки и щебня. Чем тут отары овец питаются? Кажется, колючек и травинок даже для одной худющей козы будет мало. Как люди тут живут? Ни электричества, ни дорог, ни медицины, ни школ. А дикость-то какая! Любопытно, чем они моются, если

нет нигде воды, и умываются ли вообще? Немытые женщины, грязные пастухи, чумазые детишки! Вероятно, от грязи даже микробыдохнут. Иначе как объяснить, что местные жители не вымерли, а мы пришельцы из цивилизации болеем и мрем от антисанитарии, словно мухи. Вот опять живот скрутило! От этого, наверное, мысли такие грустные и сердитые.

Афоня, взмыленный, в пене, будто загнанный конь «тяжеловоз», подошел с последними бойцами и сгрузил с себя альпийскую палатку. Здоровый, чертяка! На нем можно пахать и пахать! Работай он молотобойцем — цены б ему не было!

— Никифoryч! Помогай строить апартаменты! Мне одному не совладать! — пропыхтел Александров. — Палатка двухместная, рассчитана на меня и ротного. Но, учитывая присутствие начальства в двух экземплярах, вроде и на вас нужно место выделять. Я ее ташил, значит, точно буду в ней спать. Ротного обижать нельзя, тебя тоже. Что делаем? Какой выход из ситуации? А?

— Дрыхнуть втроем! Будем тесниться, — улыбнулся я. — Несправедливо оставлять тебя, Афоня, на земле. Ведь тебе ее обратно еще предстоит тащить.

— Ох, спасибо, благородный господин, товарищ старший лейтенант! Ваша искренняя доброта меня тронула до глубины души. Что ж, бери шнур, я тяну вправо, а ты — влево. Работаем быстро, не то промокнем до нитки, что-то дождичек усиливается, — усмехнулся Александров.

Действительно, сырость, падающая с неба, стала превращаться в плотные струи ливня. Острогин прекратил умничать с ориентированием на местности. Он поспешно скомкал карту, засунул ее за голенище сапога и подбежал к нам помогать устанавливать палатку. Насквозь промокнув, мы забрались в укрытие и тут же начали дрожать от холодной сырости. Все было мокрым: одежда, бушлаты, спальники, вещмешки, носки, обувь. Бр-р-р-р!

Солдаты растянули плащ-накидки над СПСами и прилагали усилия, чтобы не утонуть в потоках воды. Лишь часовые, закутавшись в бушлаты, торчали на постах, словно мокрые бугорки. Остальные сидели в укрытиях по двое или по трое. Сопели, чихали и кашляли, жались в кучки, пытались согреться. Дождь превратился в настоящий водопад, который обрушился на нас сверху. А снизу поднимался густой туман — это испарялась влага. Повсюду вокруг нас струилась вода, ручьями стекая между камней вниз. Круговорот воды в природе...

Так под непрерывные звуки дождя прошли вечер, ночь, утро, день, ночь... Все устали от сырости и холода. Еще вчера умирали, изнывая от жары, а сегодня чахнем от холода и влаги. Туман и вода со всех сторон. Муки-мученья!

Дождь прекратился к концу третьего дня...

— Серега! Подъем! — заорал я, вылезая из палатки и сладко потягиваясь. — Афоня! Хватит храпеть! Утро-то какое прекрасное!

Я сладко зевал и шурился. Земля вокруг парила, впервые за три дня прогреваемая теплом. Дождь прекратился с рассветом, ветер разогнал тучи, и к девяти утра началось пекло. Под лучами появившегося солнца солдаты принялись сушить одежду, спальные мешки, греть ноющие кости.

— Эй вы, сонные тетери! Открывайте брату двери! Не спать! Не спать! Завтракать! Совсем провоняли палатку за эти дни! Выползайте, гады! — продолжал я орать и трясти прорезиненный полотно.

— Сволочь! Мерзавец! — застонал Острогин. — Зачем мы только ему дали кров? Зачем запустили эту змею в наше жилище?

— Ага! — поддержал зевающий Афоня. — Кормим, поим, греем своими телами, не даем тощему замерзнуть. А в ответ — одни пакости. Если бы не мы, дрожал бы на камнях, аки собака. А тут создали райские условия. Но он, неблагодарный, изводит друзей.

— Вы мне не друзья! Вы враги! Храпите как африканские носороги ночь напролет. Оба толстозадые, прямо в лепешку смяли с двух сторон. Сегодня, Афоня, будет твоя очередь спать в центре.

— Почему моя?

— Потому что ты — самый младший по должности, — предупредил я возражения лейтенанта.

— «Маленького» всякий обидеть норовит! — возмутился двухметровый Афанасий. — А в кишлак кто из нас пойдет? Тоже я?

— Всенепременно! Возглавишь группу прочесывания. Ладно, составлю тебе компанию. Чтоб не грустил! — усмехнулся я.

С восходом солнца проявило активность начальство. Штабы начали ставить боевые задачи.

— Ну, вот, — оторвался от наушников Острогин, — один взвод оставляем тут, а взводы Стропилина и Гундулина вниз — работать. Искать «Стингеры» и другие зенитные комплексы. Кто найдет — тому орден!

— Пьем чай, едим, пока дождь вновь не хлынул, и отправляемся в путь! — согласился я.

— Никифор! Я с пулеметами буду прикрывать сверху. Шагайте без меня. Кто-то же должен обеспечивать руководство сверху. Этим и займусь! — распорядился Острогин.

— Только не переусердствуй, командуя, не перенапрягись, — улыбнулся я. — К нашему возвращению приготовь вкусный обед.

— Эй, нет, не обед, а ужин! До ужина не возвращаться! Рыскать, разнюхивать и искать трофеи! Без результатов не приходите! — насмешливо наставлял нас Сергей.

Я зашел в старый ветхий домишко. Он был ближайшим к нашему лагерю. Ветер гонял по дворику пыль, солому и комочки помета. Всюду пахло

козьим и овечьим навозом. Этот запах въелся в стены, в камни, деревья и, наверное, даже в каменные тела гор. Стояла такая тишина, как будто вокруг нет ни войны, ни смерти, ни засад, ни нападений, ни бомбардировок. Жители ушли задолго до прихода войск, унеся то, что представляло для них ценность. Скрылись, отогнав скот и оставив «подарки» в виде мин-ловушек.

Саперы на тропе обнаружили пару растяжек, нашли «сюрприз» при входе в жилище. Ребята вышибли тротильным зарядом запертую каким-то образом изнутри дверь, и вновь наступила тишина. Солдаты обшарили дом, но, не найдя более ничего подозрительного, занялись приготовлением обеда. Они развели костерок посреди вытоптанного дворика, пустив на растопку плетенную из виноградной лозы и веток кровать. Цинковки трещали, разбрасывая во все стороны искры.

— Что собрались сварганить? — спросил я у сержанта-узбека.

— Хотим плов сварить. Нашли рис, вкусный рис.

Я махнул рукой в знак согласия и отправился побродить по пыльным развалинам. Этим бы только пожрать. Впрочем, что для солдата может быть важнее сна и еды? Только девчонки. На кой черт бойцам эта непонятная война в чужой стране во имя невнятных идей и целей. Как мы их ни убеждай, что не приди сюда Советская Армия, окопались бы тут американцы, эта пропаганда звучит для них не убедительно. Да я и сам не верю, когда эти байки рассказываю на политических занятиях. Мифы о братстве по оружию, о строительстве народной демократии в центре Азии, о дружбе простых афганцев с советскими воинами развеиваются в первые же месяцы пребывания на этой земле. Ребятам главное — два года быстрее пролетели б! И на дембель.

Я толкнул шупом калитку, ведущую в загон для скота, и вошел туда. Спрессованный овечий помет слегка пружинил под ногами. Если тут оружие и спрятано, то нужно поднимать эту вонючую массу. Неохота ковыряться, да и вряд ли в навозе маскируют оружие. А впрочем, в дерьме живут, может, и тайники в нем делают. На случай, если что-то спрятано в сарае под соломой, ее, не проверяя, подожгли. Ничего не взорвалось. Так, передвигаясь из помещения в помещение, я медленно, не торопясь, обходил сараи, домики, кошары, осторожно ощупывая и осматривая все подозрительное под ногами. Ноги надо беречь! А то, что между них, еще более! Оглядываясь по сторонам, словно турист в экзотической лавке древностей, я размышлял об убогости здешнего быта, о том, как можно так жить в конце XX века. И вдруг наткнулся в одном из сараев на «наскальный» рисунок. Чья-то детская рука гвоздем или каким-то другим острым предметом нацарапала на стене настоящую панораму боя. Тут был изображен танк, самолет и пушки. В центре событий находился вертолет, из которого сыпались бомбы, ракеты, стрелял пулемет. Внизу на земле лежали погибшие маленькие жители. Юный автор, наверное, изображал детей. По вертолету стреляли пулеметы. От одной из прочерченных очередей падал сбитый самолет.

Я отошел на пару шагов назад и, задумавшись, рассматривал панораму боя. Вот он взгляд на войну с другой стороны. Черт! Полтора года назад молодым лейтенантом приехал сюда за романтикой. Какую-никакую, но сделал карьеру. А аборигенам от присутствия «шурави» только разрушения, страдания, боль, смерть.

К черту! Скорее бы домой! С этим интернациональным долгом пора заканчивать. Наивные иллюзии утрачены давно, но вот этот детский рисунок как-то совсем подорвал веру в справедливость наших действий. Он словно окончательно открыл мне глаза.

За спиной раздалось громкое сопение. Оглянувшись, я увидел лейтенанта Стропилина и солдата с пулеметом наперевес.

— Стропилин, как тебе картина? — спросил я.

— Есть такая передача по телику — «Творчество народов мира». Там подобные сюжеты часто показывают, — ответил взводный.

— Боеприпасы нашли? — поинтересовался я, прекратив размышления на нравственные темы и перейдя к делу.

— Ага. Двадцать мин к миномету, ствол к пулемету и десяток цинков с патронами.

— Не густо. Ну что ж, пошли пить чай, — сказал я, направившись к выходу.

За спиной раздалась очередь. Мгновенно обернувшись, я увидел, что пулеметчик выпустил длинную, замысловатую, фигурную очередь по всей стене.

— Дурила картонная! Ты зачем стрелял? Что этим изменишь? — возмутился я.

— А чего только они рисовать могут? Я тоже нарисовал...

...А изобразил ребенок правду. Авиация и артиллерия не разбирает, куда бьет и в кого. С высоты полутора тысяч метров непонятно — дети внизу или вооруженный мятежник. Люди кажутся песчинками. А когда «Грады» стреляют по «квадратам», то совсем непонятно, в кого попадут. Главная трагедия войны — в гибели вот этих безвестных маленьких человечков. Жизнь детишек обрывается непонятно зачем и почему. Или опять цель оправдывает средства? Создавая общее благо для целого народа, можно не обращать внимания на страдания отдельных индивидуумов? Даже если число жертв и пострадавших сотни тысяч и миллионы? Загнать в счастливое будущее пинками, штыком и прикладом, не считаясь с потерями на пути к этому светлому будущему?

Устал я от этой войны, надоело все на хрен!...

Из-под ног Стропилина из норы выскочила лиса и, петляя между камней и высохших коряг, метнулась вниз в ущелье.

Лейтенант (по кличке Жердь) сорвал с плеча автомат и расстрелял в

«чернобурку» весь рожок. Лисичке повезло: взводный бил неприцельно, навскидку, и очереди прошли мимо.

— Эх, Стропилин, упустил самый ценный трофей боевой операции. Нам эти мины и патроны душу слабо согреют. А попади ты в лису, то достался бы твоей жене воротник, — усмехнулся я. — Целиться нужно, что ж ты очередями от бедра пуляешь?

— Да ладно. Пусть живет, — примирился с потерей добычи расстроенный взводный.

До темноты солдаты вели поиски боеприпасов и оружия, но, более ничего не найдя, возвратились.

Острогин встретил наш отряд кривой, недовольной гримасой.

— Ну, вы и поисковики! Разве это результаты? Несколько ржавых мин и изношенный ствол. Вот разведка обнаружила рубиновые копи! Россыпи рубинов валяются под ногами!

— И что они озолотились, обогатились? — усмехнулся я.

— В принципе, наверное, да, но не все, а отдельные высокопоставленные разведчики. Роту в полном составе вывезли вертолетами, построили возле штабных машин и раздели до носков. Что смогли, начальники конфисковали. Армейское и дивизионное руководство теперь радуется трофеям. А что нашли вы? Металлолом?

— А откуда ты о рубинах знаешь, сидя тут, вдали от этих событий? — удивился я.

— Разведвзвод проходил через мою вершину. Жаловались, — ответил Острогин.

— Я стрелял в лису, но не попал, — вздохнул с досадой Жердь. — Не рубины, но тоже кое-что.

— Эх, если б подстрелил... Не умеешь охотиться на лис, ищи слонов: по ним не промажешь. Зачем я вас послал в долину? Чаи гонять? — продолжал возмущаться ротный.

— Слушай, посылальщик, завтра я лягу возле палатки с радиостанцией, а ты ходи со своими бойцами. Ищи рубины и лазуриты! — огрызнулся я. — Серж, ты забываешься. Кто подчиненный? Совмещенный обед с ужином начальнику готов?

— Так точно! Товарищ старший лейтенант! — шутливо вытянулся в струнку Сергей.

— То-то же! Смотри у меня! Корми давай.

— Кормлю. Предлагаю два блюда: вонючее овощное рагу и дрянной чай с добавлением аскорбиновой кислоты.

— С таким меню ноги протянешь. Хорошо, что казанок плова наверху, не то опух бы с голодухи! — возмутился Афоня.

— А мне, отцу-командиру, принес? Нет?! Подчистую стрескал? Вот прорва! Наказываю тебя ночным дежурством! Замполита, сам понима-

ешь, не могу. Не подчинен он мне! — иронично произнес Острогин. — Ладно, раз внизу есть еда, завтра пойду я со спецминерами ставить «охоту». Моя очередь наслаждаться пловом. — Пока нас не было, возле нашего лагеря днем разместились рота саперов.

«Охота» — это группа мин, ставящаяся компактно в нескольких местах. Человек, попавший в район минирования, живым оттуда никогда уже не выйдет. Мина, точнее ее датчики, установлены и рассчитаны на частоту человеческих шагов. Ишак пройдет и, возможно, уцелеет, а на шаги взрослого человека она сработает. Первая мина включит вторую, а взорвется третья или даже четвертая. Тот, кто поспешит на помощь, подорвется совсем в другом месте, не дойдя до жертвы. И так будет продолжаться, пока последний «сюрприз» не бабахнет.

На следующий день перед выходом из кишлака лейтенант Дибажка отыскал головку наведения «Стингера». Ого! Успех! Впервые находим такую вещичку. На прощание «кроты» заминировали тропы и обочины дорог по всей округе. Ну, что ж, если кто придет за ракетой, обратно уже не выйдет. Удачи вам, «духи», в этом безнадежном деле.

Возвращение обратно сразу не заладилось. Ночь напролет опять шел ливень. Под утро этот небесный водопад вроде утих, и нам даже удалось посуху собрать вещи. Но стоило сдвинуться с места, как капли вновь забарабанили по нашим телам. Мой горный костюм какое-то время сдерживал напор воды, но спустя полчаса одежда все же намочила. Внутри обуви мерзко хлюпала вода, и кости пронзительно ныли от сырости. Струйки текли по спине к пояснице, а далее по ногам. Бр-р-р... Отвратительные ощущения. Переобуваешься на коротком привале, выжимаешь носки и снова чвакаешь по грязи промокшими ногами. Так и до ревматизма недалеко. Радикулит наверняка многим из нас обеспечен к возвращению домой. В этой сплошной дождевой облачности авиация не летала, артиллерия не стреляла. И только пехотинцы шагали, временами ползли на четвереньках по липкой глине или скатывались вниз на спине, перепачканные грязью.

Вторая рота уходила последней, прикрывая «кратов». Ребята оставили врагу принесенные в горы мины, устроив ловушки на тропках, и теперь шагали бодро, с чувством выполненного долга.

— Через час будем выжимать мокрую одежду и сушиться на легком ветру, — радостно прокричал Острогин, забравшись на последнюю вершину, за которой начинался спуск к дороге.

— А некоторые, вроде меня, лягут в «санитарке» и будут дремать! — ехидно улыбнулся я.

— Счастливчик! А мне придется подставлять мокрую морду холодному, пыльному ветру, — вздохнул Серж.

— Каждому — свое. Подрастешь, станешь замом по тылу или началь-

ником штаба, и будешь дрыхнуть в «кунге». Всё впереди. Повоюешь еще годик-другой... — нагло рассмеялся я.

— Что ты сказал? Годик?! Другой?! — взвизгнул Острогин под раскатистое ржание Афони. — Да я сегодня в горах, дай бог, в последний или в предпоследний раз! Домой! Навоевались. Я заржавел под сегодняшним дождем. Мой сменщик отпуск, наверное, отгулял и уже чемоданы упаковывает! Он надо мной издевается! Молчи, «зеленый»! Мне остался месяц, а тебе три!

Афоня ничего не говорил, он раскатисто смеялся. Ему до замены осталась уйма времени, чтобы не вернуться обратно домой.

Внизу кто-то громко вскрикнул.

— Эй, саперы! Что случилось? — окликнул их Острогин.

— Что-то с ногой у нашего замполита, — ответил сержант. — Кажется, майор сломал ногу!

Сергей отправил к ним медика для оказания первой помощи. Через пятнадцать минут санинструктор вернулся и подтвердил: нога сломана.

— Открытый перелом! Наложили шину, перевязали, сделали носилки. Сейчас понесут вниз.

— Чертовы замполиты! — выругался Афоня. — Недотепа! Ходить ногами не может, чего в горы поперся!

— За орденом! — хохотнул старлей-сапер, сидящий рядом с нами. — За год в первый раз отправился на войну. Он только в гарнизоне мастер поучать и призывать к сознательности. А в горы и «зеленку» не заманишь показать личный пример.

— Но-но! Попрошу без обобщений и грубости! — возмутился я, обидевшись. — Почти два года по рейдам шарахаюсь!

Сапер виновато посмотрел на меня и выдавил из себя:

— Ну, замполит роты, это само собой. Куда же рота без него? Я замполита батальона имею в виду.

— Вот-вот, меня в виду и имеешь. Я замполит батальона! Но по горам и кишлакам брожу вместе с пехотой.

Старлей смутился, почесал затылок, а мы рассмеялись. Сапер хмыкнул и произнес, переходя на «вы»:

— Вам, наверное, делать не хрен. Сидели бы в ленинской комнате да плакаты рисовали. Может, походная жизнь нравится? Хобби? Иначе, понять не могу...

Я и сам себя не разумею. Дожил, дослужился до замкомбата, а сачковать, как мои предшественники, не получается. Почему? Черт знает...

Благодаря «словавшемуся» майору вторая рота ползла очень медленно и в результате попала под минометный обстрел «духов». Откуда они взялись? Как из-под земли. И расставленная «охота» не остановила, не подорвались они почему-то. Хотя все верно. Эти мины рассчитаны на настоящих людей, а не на стадо оголтелых религиозных фанатиков. Бараны!

Вот так мы и выбирались. Сверху лил дождь, а вокруг сыпались мины. Несколько раз, подскользнувшись, я упал на склоне и проехался на заднице по размокшей глине. Рядом также подскользывались и падали солдаты. Мимо нас по ложбинам текли ручьи, потом они соединялись внизу в мощные потоки. Пересохшее русло речушки, по которому батальон неделю назад шел к горам, теперь превратилось в бурную стремнину с крупными валунами. В ней плыли коряги, деревья, вымытые из почвы вместе с корнями, и различных мусор. И через этот поток нужно было как-то переправиться.

Вот это да! Ну и занятная ситуация! Почти два года жариться на солнце, чтобы перед заменой утонуть в этой грязной жиже? Парадокс!

Рота побрела вдоль русла в надежде на какой-нибудь брод, а время шло. Мы оказались отрезанными от своих. Лишь бы «духи» не стали расстреливать нас с господствующих вершин. Выручили появившиеся на горизонте БМП. Это Вересков примчался на броне, чтоб ускорить возвращение родной затерявшейся пехоты. Техника группировки уже уходила отсюда. Только мы и саперы со своим «сломавшимся» майором задержались.

Броня — хорошо, лучше, чем еще восемь километров топать пешком нагруженными, словно промокшие вьючные животные.

Однажды вечером, после возвращения на «базу», куда-то запропастился Кирпич. На построении его не оказалось. Поиски ни к чему не привели. Мишка бесследно исчез. Комбат был зол до чертиков. Чапая постоянно ругали за этого старшего лейтенанта, а он его не мог наказать, потому что через месяц предстояло ехать служить в ту армию, которой командовал папа этого разгильдяя. Подорожник скрежетал зубами, теребил усы и матерился, получив очередной выговор. Утром на нас с Иванычем опять орало начальство.

С подъема Ошуев отправился проверять несение службы нарядом по полку. После его тяжелейшего ранения народ думал, что Султан Рустамович успокоится, перестанет «рексовать» и терроризировать нас. Но нет, не тут-то было! Начальник штаба стал, наоборот, злее и яростней. Всему виной, говорят, было то, что его долго мурыжили с наградой по ранению. В конце концов, вместо «Красного Знамени» дали «Красную Звезду», которая по статусу гораздо ниже. Вроде бы кто-то наверху решил: слишком много наград на троих братьев. Десяток орденов! (Оба брата Султана Рустамовича отслужили в нашей дивизии и тоже были при наградах.) Того, кто так думает, самого бы в «зеленку» на неделю.

Так вот, подполковник подошел к КПП, проверил дежурного, залез к пулеметчику, осмотрел капонир и оттуда увидел мчащийся к полку в пред-рассветных лучах «уазик». Машина притормозила у ворот. Из нее выбрался разыскиваемый взводный и нетвердой походкой направился в полк. Герой выскочил навстречу и схватил за рукав Кирпича.

— Товарищ старший лейтенант! Вы где были? Кто разрешил покинуть гарнизон?

Михаил громко икнул и, взглянув на начальство сверху вниз мутными глазами, ответил:

— Пьянствовал, товарищ полковник. Ночью пил с генералом Хрековым. Можете позвонить и уточнить!

Ошуев подпрыгнул на месте, заскрежетал зубами и буквально пролаял:

— Пять суток ареста! Шагом марш на гауптвахту!

— Есть, пяток суток ареста! — усмехнулся Мишка и бодрым строевым шагом промаршировал к казарме. Он молодецкато отдавал воинскую честь встречным офицерам, несказанно удивляя этим и вызывая смех.

Сразу до гауптвахты Кирпич, конечно же, не дошел. За поясным ремнем у него были засунуты две бутылки водки. С ними Кирпич пришел в роту и предложил выпить ротному Коршунову. Для компании вызвали к себе Хмурцева и Мандресова. Двух флаконов оказалось недостаточно, и дозу повторили.

Ошуев позвонил в караульное помещение и, узнав, что Кирпичевский не прибыл, отправился за ним в роту лично. В каптерке туманной пеленой стоял дым от сигарет, и на всю катушку гремел магнитофон. Пьяные офицеры начальника уже не узнавали.

Рассвирепевший Султан Рустамович вызвал комбата и меня. Общими усилиями удалось препроводить развеселый коллектив на отдых — трезветь в камере.

Следующим утром генерал Хреков позвонил начальнику штаба полка и поинтересовался самочувствием Кирпича. То, что он сидит на гауптвахте, Ошуев благоразумно сообщать не стал, отрапортовал:

— Со старшим лейтенантом полный порядок.

— Ну и ладно. Дайте мальчику отдохнуть. Он вчера немного перебрал, пусть расслабится после боевых. Вы, знаю, несмотря на мой запрет, начали вытаскивать его на боевые действия! — выразил неудовольствие генерал.

— Он сам попросился, товарищ генерал! Его взял в горы под свою ответственность командир батальона Подорожник.

— Ну, ладно. Раз сам просится в рейд, бог с ним. Не маленький. Но поберегите парня. Сколько раз он был на боевых?

— Два рейда! — ответил Ошуев.

— Хм-хм. Две рейдовые операции.... Не кажется ли, что пора Кирпичевского к ордену представить? Парень-то — орел! Пусть позвонит мне вечером!

— Подумаем о награде, товарищ генерал! — буквально проскрежетал в трубку возмущенный начальник штаба и по окончании разговора вдребезги разбил телефонный аппарат о стену.

Ошуев распорядился выпустить с гауптвахты Кирпичевского, а остальных оставить.

Чухвастов пришел в караулку выпустить на волю дебошира. Володя в ужасе обнаружил, что в камере сабантуй продолжается с новой силой. Водка, закуска, сигареты. Для полного набора удовольствий не хватало только женщин. Начальник караула, молодой взводный, ничего, конечно, поделать не мог.

— Лейтенант Дибаж! В чем дело? — воскликнул Чухвастов. — Почему пьянка в камере?

— А вы ее сами попробуйте прекратить, товарищ капитан. Может, вас послушают.

Растерявшись, Чухвастов задумчиво почесал переносицу. Вступать в сватку с этими обалдуями ему совершенно не хотелось.

— Ну, ладно, допьют, что есть, — и баста! Больше ничего им не носить. Пусть спят. — Приоткрыв дверь, Чухвастов крикнул в глубину камеры, пытаясь разглядеть в клубах дыма того, к кому обращался: — Кирпичевский! На выход! Быстрее освобождай помещение.

— Куда меня? — посмотрел на него осоловелыми глазами Кирпич. — Зачем?

— Свободен! Приказ Ошуева. Иди, отсыпайся к себе в комнату.

— Почему меня одного? — удивился взводный.

— Потому что велено выпустить только тебя, — вздохнул Чухвастов.

— Я не предатель! Нет! Один не выйду! Без братьянов отсюда шагу не сделаю.

Мишка вернулся обратно в камеру и громко крикнул:

— Так и передайте Ошуеву! На волю один не выйду! Либо выпустить всех, либо никого.

Ошуев, услышав доклад Чухвастова об отказе «пленника» выйти из камеры, сказал: «Ну и хрен с ним, пусть сидит». Но вскоре вновь позвонил замкомандующего и потребовал Кирпича к телефону. Герой был взбешен, но вынужден был выпустить приятелей из-под ареста. Мишка так и оставался непреклонен: «Свободу всем!» Событыльники торжествовали, выходя на свободу.

Через неделю загул повторился. Ошуев опять наткнулся в каптерке на пьяную компанию. Наверное, у него был нюх на эти дела.

— Василий Иванович! Коршунов с Кирпичом пьянку в роте устроили. Что будем делать? — спросил я, заходя в кабинет комбата. — Их Ошуев застал! На меня полчаса кричал, что разлагаем батальон.

— Ротных вызывай ко мне! Буду разбираться! Этот запой осточертел. Кирпичевский других взводных и ротных с толку сбивает. Черт его подери!

— Кирпича тоже вызывать? — усмехнулся я.

— Нет, не надо. Чего с ним мучаться?! Я в армию его папы еду служить! Не с руки с сыночком возиться! — ответил комбат и задумался: — Знаешь, комиссар, бери Кирпичевского на себя. Проведи политическую

работу. Ты человек от него не зависимый, заменяешься в другое место. Я же никак не могу с Кирпичом ругаться. Папа — генерал, он четыре раза сюда звонил и разговоры вел о здоровье сына, о службе.

Подорожник искренне обрадовался возможности свалить самое трудное задание на меня. С Коршуновым, казалось ему, было все гораздо проще. Он ранее написал две объяснительные о пьянстве и торжественно обещал в случае еще одного срыва написать рапорт об отстранении от должности. Правда, Коршунов при этом смеялся: «Мой крестный папа — замначальника Генштаба. Боюсь, этот номер с отставкой у вас не пройдет! Ха-ха-ха!»

Я напомнил Коршуну о былом уговоре, и он без лишних пререканий написал рапорт об отстранении от должности и отправился опохмеляться.

С Кирпичом проблем было больше, и они свалились на мою голову.

— Товарищ старший лейтенант! Садитесь! — предложил я вошедшему в кабинет Кирпичевскому.

Лицо старшего лейтенанта было опухшим, багровым (действительно кирпич), а сам он источал устойчивый запах выпитой накануне водки.

— Спасибо! — ответил взводный и сразу произнес следующее: — Никифор Никифорович! Просьба к вам огромная — не воспитывайте меня! Я уже большой мальчик! Пороть и отнимать игрушки поздно. Со мной ведь ни Ошуев, ни Хреков не справляются! Не портите свои молодые нервы! Я отлично понимаю: виноват, мерзавец. Исправлюсь!

— Эх, Миша, Миша. Пропадешь! Сопьешься! — вздохнул я.

— Я?! Не сопьюсь ни в коем разе! Родитель не позволит! — ухмыльнулся Кирпич. — Мое дело в недалеком будущем парады принимать и соединениями командовать. Надо только со взвода на роту шагнуть, а дальше само собой пойдет. Я ведь кремлевский курсант! А это школа генералов! Каждый второй наш выпускник генерал или маршал! Сплошные славные династии! Вот и мне папаня предназначтал, не спросив желания, карьеру генерала. И куда теперь от этого деваться? Еще в училище в выходные по вечерам мы, те, кого в увольнение не пустили, нажремся водки и проводим плац-парады. Встанешь в полный рост на тумбочку и орешь, что есть силы луженой глоткой: «Па-а-а-ара-а-д!!! Р-р-а-а-авня-я-ясь! Сми-и-и-ир-р-р-на!!!» И так далее. В нашей «бурсе» учились только на Жуковых и Рокоссовских. А комбат хитрец! Тебя, Никифорыч, на «амбразуру» толкнул! Не хочет моего папаню обидеть? Жук усатый!

— И что прикажешь делать с тобой, — грустно улыбнулся я. — Расстрелять?

— Нет! Расстреливать не нужно. Обматерить и выгнать спать к чертовой матери. Я беспартийный, не комсомолец, поэтому можете только выговор в служебную карточку записать или строгий выговор.

— Ну что ж! Получай строгий выговор! — объявил я, вставая из-за стола.

— Есть, строгий выговор! — ответил Кирпич и приложил руку к кепке. — Разрешите идти?
— Иди, пропись! «Маршал»-гофмаршал!
— Э-э-э, нет! Маршалом мне не быть! Я лишь сын генерала. Будет все, как положено: у маршалов свои сыновья! Только генералом!

Глава 16

Проводы комбата

Василий Иванович мысленно себя ощущал уже в Прикарпатском округе, на Родине. Появлялся он только на построениях, поэтому проблем становилось все больше и больше. А тут еще, как назло, Роман Ахматов вернулся из отпуска по ранению. Ему, чертяке, пить было совершенно нельзя, но они вдвоем с комбатом схлестнулись и ушли в «штопор». Два комбата в запое — полк без управления. Роману Романычу предстояла сдача экзаменов в академию. Умные книги, учебники и конспекты в результате оказались завалены закуской, пустыми бутылками и табачным пеплом. Тяжело надсадив печень, поджелудочную, желудок, сердце и прочие внутренности израненного организма, Ахматов вырвался из крепких объятий Чапая и, не протрезвев окончательно, умчался в Ташкент. Иваныч с отъездом друга загрустил еще пуще. Он собрал нас, своих заместителей, и распорядился готовить батальон к рейду, а его не тревожить.

— Будя, отвоевал! Теперь сами справляйтесь! Тебе, Петро, нужно опыта управления батальоном набираться, — обратился Василий Иванович к Метлюку. — Уеду — станешь на мое место. Нужен совет по какой-нибудь проблеме — подходи. А по пустякам не тревожь. Касается всех! Не беспокоить ерундой заменщика!

Мы пожали плечами и разошлись. Ситуация ожидания смены монарха состоит в том, что король еще жив, а престолонаследники в растерянности толпятся сзади трона. «Царедворцы» в это смутное время мышей не ловят, спустя рукава выполняют распоряжения короля. А сам властитель больше думает о Боге, чем о государстве. Вот и наши некоторые «деятели» обнаглели окончательно. Один из таких — Грымов, был назначен два месяца назад со взводом охранять комендатуру города. Вел себя скромно, спокойно, без замечаний. Внезапно он объявился в полку и вскоре подошел ко мне с лейтенантом, который сменил Калиновского. Замполит роты Корсунов протянул на подпись стопку наградных. Первым было представление на «Красную Звезду» Грымова. Я с удивлением приподнял брови, нахмурился и принялся читать текст: «Участие в сорока (!!!) боевых операциях! Уничтожены десятки мятежников! Спасение замполита роты (вынес на руках!)».

Я, недоумевая, перевел взгляд на офицеров, переминавшихся с ноги на ногу.

— Понимаю насчет количества боевых — чем больше напишешь, тем лучше. Убил десять «духов» — хрен с ними: не проверит никто. Но Калининского вынес на руках из-под обстрела? Ты ж в Ташкенте в это время был! В командировке.

— Ну и что! Я два года воюю. Пусть не все два года по горам хожу, но многие, из штабов не выходя, ордена получают. Кладовщики и прочие тыловики и те с наградами, — огрызнулся, сверля меня черными глазами, Эдик.

— Только учитывая последний довод, соглашусь подписать. Но согласится ли комбат? — произнес я с сомнением и скрепя сердце поставил на бумаге подпись.

Комбат вечером, ухмыляясь, спросил у меня:

— Никифор, честное слово, я удивлен. Думал, ты более злопамятен и не поставишь свою закорючку. Корсунов вначале ко мне заявился. А я специально к тебе их направил. Думал, припомнишь старые обиды и не подпишешь. Не хороший он человек, этот Грымов. Когда вместо Сбитнева ротой командовал, на тебя кляузничал, просил снять с должности.

— Я знаю, мне говорили.

— А теперь воевать совершенно не хочет, уклоняется. Караулы, командировки... Ну и я не мешаю, пусть подальше от роты будет. Не портит Мандресова и не разлагает коллектив. Никифор, ты съездил бы в комендатуру, проконтролировал, как обстоят дела в карауле! Там собраны десять человек из разных рот. Что-то они подозрительно затихарились. Не к добру. Навести старого товарища. Проверишь, доложишь обстановку, а потом приму окончательное решение по его ордену.

На корме БМП, стоящей возле ворот комендатуры, дремали бойцы. Во внутреннем дворе слонялись еще два сержанта, которые оторопели, увидев меня.

— Муталибов, ко мне! — крикнул я одному из них.

— Сержант Муталибов прибыл по вашему приказанию, — доложил тот, застегивая гимнастерку и приложив ладонь к шапке.

— Гасан, почему воротничок не подшит? Где ремень? Почему в кроссовках бродишь? Хочешь на гауптвахту загреметь?

— Да мы же их и охраняем! Мы тут свои. К нам ни помощник коменданта, ни начальник «губы» не придираются.

— Значит, я придираюсь? Вы вернетесь, а следом «комендачи» донос пришлют, что в карауле был бардак, — рассердился я. — Собрать всех во дворе на построение. Живо!

Через пять минут взвод стоял в одну шеренгу, в которой не хватало двух сержантов и самого Грымова.

— Гасан, где старший лейтенант? Куда подевался ваш начальник караула?

Стоящие в строю потупились, а сержант почесал затылок и, смущаясь, ответил:

— Вроде в полк поехал.

— Что-то я его не встретил по пути.

— Наверное, разминулись.

— Разминулись, говоришь? Может быть. Хорошо, делаю общее замечание — неопрятный внешний вид. Привести себя в порядок! — приказал я и обратился к сержанту: — Гасан, проводи меня в спальное помещение и неси постовую ведомость.

Сержант показал мне помещение с двухъярусными койками. Затем кликнул дневального, чтобы привести все к надлежащему виду, потому что я начал его «тыкать носом» в окурки, огрызки, грязную посуду в тумбочках.

Прибжавший Батранчук принялся подметать пол, выгребать мусор из углов. Когда Муталибов вышел, солдатик настороженно прислушался к удаляющимся шагам и свистящим шепотом сказал:

— Товарищ старший лейтенант! Тут у нас процветает воровство. Грымов торгует всем подряд. Вчера заставил сержантов продать лагерную палатку.

— Что-что? Откуда он ее взял? — опешил я от неприятной новости.

— Еще триплекс продал в дуكان, банки десятикилограммовые со смазкой и два брезента.

— Б...! Ну, дела! Батранчук, ты-то откуда про все знаешь? — удивился я вновь.

— Я ж не тупой. Меня заставляли это имущество в «газик» грузить. Но я точно знаю, что таджики в дуكان продали, а деньги он себе забрал. Сержантам лишь на сигареты дал. Только не выдавайте, что это я рассказал, а то меня прибьют.

— Чудно. Интересно, почему все разгильдяи — отличные вояки, а все стукачи — трусы, мерзавцы и сачки? Ладно, спасибо за наводку, живи дальше мозгляком. Не выдам.

— А в столовую официантом вернете?

— Верну на месяц, а то тебя еще грохнут. Отвечай потом за твою invalidность. Собирай шмотки и садись в машину!

Противно пользоваться услугами доносчика, но вынужден. Возвращаясь, я весь обратный путь матерился. Вот ведь говнюк Грымов! Сам в грязи, а еще и сержантов замарал. В караул послали расслабиться после боевых лучших сержантов батальона. Чтобы парни могли посмотреть город, отдохнуть от полка. Отдохнули!

Комбат выслушал мой доклад и взбеленился:

— Ты посмотри, какая дрянь! Ведь он продал брезент первой роты, а как Мандресову по имуществу отчитываться?

— Предлагаю поменять Грымова на лейтенанта Васькина. Тот все одно контуженый и в рейд ходить не сможет.

— Добро! Так и сделаем. А этого барыгу — сюда! Будем разбираться по полной программе.

Комбат был взбешен. Ему предстояло вскоре сдавать батальонное хозяйство, а тут такое ЧП. Василий Иванович пригласил особиста Растяжкина и нас, заместителей, к шестнадцати часам собраться в его кабинете. Грымов, узнав о моем визите, об отъезде Батранчука, почувал неладное. Он примчался в батальон с объяснительными от остальных солдат, что обиженный боец его оговорил. Однако недостача брезентов уже вскрылась по свежим следам. Повезло! Нашлись даже очевидцы погрузки казенного добра в «газик». Особист увел провинившегося в отдел.

Немного погодя, комбат собрал совещание офицеров и объявил о решении снять Грымова с должности.

— Вы, товарищ старший лейтенант, поедете в Союз взводным. Может быть, даже лейтенантом. Возможно, беспартийным. Это нож в спину нашему славному коллективу. Ладно бы сам воровал, так еще и солдат вовлек в аферу!

Грымов пытался что-то возразить о том, что и другие командиры продают и сдают, что могут.

— Молчать! Я могу сдать в лавку свои сигареты, обменять фотоаппарат на джинсовую куртку. Но я у своих товарищей вещи не ворую! — рявкнул комбат. — Мандресову как прикажешь по замене рогу сдавать? А триплекс зачем «духам» понадобился? Из укрытий наблюдать? Даже неважно, зачем он им, важен сам факт разбазаривания имущества! Оптика в десятикратном размере идет. Мандресов, проверяй, пересчитывай и готовь две или три полочки на возмещение ущерба! И хватит Грымову прохлаждаться в караулах и командировках. В рейд его!

Из партии его не исключили, но строгий выговор с занесением объявили, с должности сняли. Недостачу возместили, вычтя деньги из тех, что лежали на лицевом счете. Наградной я порвал...

От боевых Эдуард опять увильнул, скрывшись в санчасти: якобы последствия гепатита. Так до замены и слег.

Василия Ивановича все же заставили пойти в последний раз в горы. Район, куда забросили батальон на вертолетах, был нами давно не хожен. Прошла информация о прибытии каравана с переносными зенитными комплексами и реактивными снарядами. Поступил приказ — найти оружие противника, а боеприпасы уничтожить. За каждый «Стингер» — орден Красного Знамени, а годом раньше давали Героя. Но в последнее время слишком часто находили «Стингеры», ведь их количество резко увеличилось в Афгане. Ценность этого трофея упала.

Вторая рота и КП батальона заняли широкое высокогорное плато. Туда и сложили все, что нашли в ущелье. А разыскали за три дня немало! Около сотни «РСов» (реактивных снарядов), станковый пулемет, несколько

ящиков с патронами, мины... Настроение было отличное: хорошие трофеи, потерь нет, задача не тяжелая — ходить вокруг площадки и собирать, что найдем. «Духов» не видно нигде. Одно плохо — паек закончился, но с этим обещали помочь.

Ошуев вышел на связь и сообщил:

— Скоро прилетит Берендей с сухпаем, а вы вертушку заполните трофеями. Борт не задерживайте, быстро сгрузить и так же скоренько закинуть оружие. Вертолетчикам за день нужно десятки точек нашей дивизии облететь.

Комбат оглядел трофеи и велел сложить в штабель.

— Сейчас сделаем снимок на память. Как-никак два года войны позади. Отвоевался!

Шапкин намалевал зубной пастой на снарядах: «2 года! ДМБ 1987» — и поставил их вертикально в ряд. Сбоку взгромоздили на постамент из снарядных ящиков пулемет. Бойцы столпились, тесня друг друга и позируя.

— Ура!!! — заорали дружно дембеля, и комбат принялся щелкать затвором фотоаппарата.

В небе тем временем кружила пара «крокодилов», сопровождавших и прикрывавших грузовую вертушку с пайками. Одновременно с нашим раскатистым «ура» за спиной раздался громкий хлопок. Мы оглянулись и с ужасом увидели падающий «Ми-8». Из двигателей тянулся шлейф черного дыма. Вертолет попытался спланировать, но ему это не удалось. Он исчез из виду, и раздался взрыв. Мы подбежали к краю плато. Вертушка врезалась в самую последнюю вершину холма, расположенного на горном хребте. К месту катастрофы тянулась от нашей площадки и далее вниз к горной речушке узкая тропка.

— Острогин! Бегом с людьми вниз, может, кого спасем! — приказал комбат и начал докладывать командиру полка о происшествии.

— Василий Иванович! Спускаюсь с взводом! — крикнул я и помчался следом.

Начальство по связи орало, что на борту было четверо: три пилота и наш новый начальник службы ГСМ. Этот худощавый очкарик в звании лейтенанта недавно прибыл вместо застрелившегося Буреева. Куда его понесло в вертолете?

Вниз к дымящимся обломкам отряд добрался за считанные минуты. К этому ужасу не привыкнешь никогда, хотя вижу подобные катастрофы не впервые. Два пилота лежали на камнях, на верхнем пяточке сопки. Они вылетели через разбитый вдребезги лобовой фонарь. Одежда была изодрана в клочья, шлемы треснули, лица залиты кровью. Оба не шевелились и не подавали признаков жизни. Сероиван разрезал летные костюмы на груди, послушал биение сердца, пощупал пульс.

— Мертвы. Мгновенно умерли от удара! — произнес он расстроено.

— Вася! Ты совсем офонарел! Мы, два старших офицера, станем тащить твоё жалкое, брненное тело беспробудного пьяницы! — окончательно рассердился подполковник и отошел в сторону.

Другой полковник молчал и задумчиво глядел на сложенные в ряд тела вертолетчиков. Он закурил. Чистые холёные руки дрожали. Ему было явно не по себе от этой ужасной картины катастрофы, от запаха паленого человеческого мяса и пылающего керосина. Консервы тоже загорелись, распространяя не менее тошнотворный запах.

— Откуда такая вонь? — поинтересовался подошедший к нам подполковник.

— Это картофельно-овощное рагу в банках. Наверное, уже протухло, когда овощи на заводе консервировали. А нам их жрать пришлось бы. Первая экспериментальная партия была вкусная, а теперь воняет помойкой, — объяснил Афоня и сердито сплюнул в пыль: — Ну что, будем загрывать?

— Нет-нет, — остановил Афоню подполковник. — Сейчас фотосъемку катастрофы проведем, а потом эвакуируем разбившийся экипаж. Нужен общий план, вид сбоку, бортовой номер. Вы четвертое тело нашли?

— Какое на хрен нашли! Если он внутри был, то там и сгорел, дотла.

— А если «бортач» к «духам» сбежал или они его захватили? — подозрительно спросил инспектор-полковник.

— Какие «духи»? — с негодованием отверг я гнусное предположение подпола. — Кто его мог украсть? И куда никто не мог сбежать! Мы тут оказались спустя пять минут после падения! Никаких следов. Если только он в воздухе не выпрыгнул. Но борт падал с высоты трехсот метров, высокомерно для прыжков без парашюта. В ущелье тела нет. Мы осматривали дно оврага. Никого. Значит, он внутри пожарища. Попробуй загляни в кабину — банки взрываются шрапнелью.

— Что прикажете делать? Как докладывать? — нахмурился инспектор.

— Догорит вертушка, осмотрим. Возможно, что-то найдем. Не могут же исчезнуть останки, — вздохнул Афоня.

— Хорошо, завтра сообщите, — согласился «летун». — Сейчас разыщите «черные ящики». Они ярко-оранжевого цвета. И пусть солдаты поддержат нашего фотографа. — (Чудно! «Черный ящик», но оранжевый.)

Мы со Шкурдюком переглянулись и дружно покачали головами. У нас в пехоте такого не случалось. На боевых — пьяными! Один совсем в хлам, двое других крепко поддатые. Да и пилот с бортачом тоже что-то употребили. Ну, орлы! И как с ними после этого летать?

Сергей распорядился, и два солдата подхватили под руки капитана. Тот шелкнул пару кадров и заплетающимся языком велел сместиться чуть вперед. Сделал еще пару снимков. Приказал перенести себя ближе. Затем снимки справа, слева, снизу. Отставил фотоаппарат на вытянутой руке, навел на свое лицо и сделал кадр на фоне пепелища. Остаток пленки ис-

тратил на полковника у обломков вертолета. Погибших положили на плащ-палатки, быстро погрузили в вертолет. Туда же бросили один найденный бортовой самописец.

— Мужики, — обратился к нам бортмеханик. — Вам парашюты нужны?

— Наверное, нет! — пожал я плечами.

— Можно я их заберу с собой? — спросил летчик.

— Забирай, конечно! — утвердительно кивнул Афоня Александров. —

На хрен они нам? Тяжелые, по горам тащить замучаешься.

— Вот и хорошо, — обрадовался лейтенант и подхватил оба парашюта. Третий, подгоревший, он бросил в огонь.

— А зачем тебе парашюты? — удивился Шкурдюк. — У вас ведь это добра полно?

— Эти — спишут. Они уже ничьи. На водку махнем. Афганцы парашютный шелк хорошо берут. Другой к потолку с раскрытым куполом прибью. Красиво. Ну, спасибо, ребята!

Вертолет улетел, оставив нас на голодный желудок томиться в ожидании, когда потухнет пожарище.

На весь следующий день у меня был один сухарь, пачка галет и микробаночка паштета. Пришлось, перебивая аппетит, «обжираться сытным, наваристым» чаем. Чай аж трех видов: горячий, очень горячий и чай обжигающий.

Утром разведчики на соседнем склоне нашли использованную упаковку от английского «Блоупайпа». Судя по внешнему виду, труба-трубой. А вот — бац! — выстрел из нее и нет вертолета с экипажем!

Солдаты из третьей роты на следующий день, проходя мимо продолжавшего тлеть дюралюминия, порылись в углях. Бойцы нашли в пепелище оплавленный ствол автомата, принадлежавший исчезнувшему тыловику. От него самого даже металлической оправы очков не осталось. Горстка пепла.

Вопрос о похищении или пропаже офицера был снят. Этого ствола оказалось достаточно для подтверждения факта смерти. Почему же в вертушке очутился не Берендей, как сообщили вначале, а совсем другой? Когда Сашка подошел к перегруженному борту, и пилот увидал нашего толстяка, он наотрез отказался с ним лететь.

— Лишний вес! Дайте сопровождающего полегче.

К вертолету подошел Соловей, практически такой же по габаритам.

— Вы что, издеваетесь? — воскликнул летчик.

— Пусть возьмут меня! — вызвался худощавый Васильев, не летавший ни разу в вертушке.

Он слетал в первый и последний раз. Берендею, таким образом, дико повезло. Неделю пока продолжалась операция и неделю по ее окончании Саня и Соловей отмечали свое чудесное спасение беспробудным запоем.

Рейд не удался! Вертолет сбили, ребята погибли, а тут еще и бородавку на руке сорвал, и та сильно кровоточила. Медик Саша Пережогин заметил это и спросил:

— Никифор, что с рукой? Дай перевяжу! Не дай бог, инфекцию занесешь.

— Саша! Это бородавка. Достали они меня! По всей руке пошли, уже штук пятнадцать! Не знаю, что с ними делать.

— Что делать? Я тебе помогу! Я ведь дерматолог и венеролог! Вернемся с гор, приходи в медпункт — выжжем эту дрянь.

— Ах! Шурик, ты меня сильно выручишь! Надоели эти заразы, язви их душу! С меня коньяк!

Целую неделю я мысленно готовился к экзекуции и, глядя на бородавки, говорил им: «Ну, что? Кранты вам! Пришел конец, проклятые! Выжгу! Как пить дать, выжгу! Изничтожу!»

Несколько дней после боевых прошли в суете из-за очередной комиссии, и до санчасти было никак не дойти. Но каждый день я обещал себе, что завтра обязательно пойду прижигать. И как-то утром я с удивлением обнаружил, что выводить практически нечего. Бородавки, шелушась, облезли или отвалились. Радости не было предела. Мучения отменялись, все прошло само собой. И позднее как только самая малюсенькая бородавочка где-нибудь появлялась, я ее сразу предупреждал: «Выжгу!» И она, пугаясь, быстро исчезала. Великая вещь — самовнушение!

Я вошел в свою комнату и не узнал ее. Как она изменилась за две недели моего пребывания в горах. Словно по ней прошло стадо мамонтов или пронесся смерч. Во-первых, дверь была снесена с петель. Окно полностью разбито, и ветер шевелил выцветшие занавески и оборванную светомаскировку. Один из карнизов валялся на койке комбата. Оторванная и расколотая дверца шкафа лежала вдоль стены. Лужа запекшейся крови на полу, загаженном, кроме того, остатками закуски и «бычками». В углу рядом стояло штук шесть пустых бутылок коньяка и водки. Из-под кровати торчал мой открытый чемодан, в котором кто-то тщательно порылся. Сбросив на кровать нагрудник с магазинами и гранатами, я устало присел на нее... Что же тут произошло? Погром? Налет? В дверях появился Борис Петрович, дежурный по ЦБУ. Он оглядел обстановку и ехидно хохотнул.

— Петрович, что тут было? — возмутился я.

Старый «лис» Борис Петрович рассказал забавную историю с печальными, и для меня тоже, последствиями. Был не погром, а дебош...

После отпуска по ранению, проездом к новому месту службы в комнату заявился майор Степанцов. Покидая коллектив доблестного первого батальона, он решил устроить банкет, заодно обмыть орден за ранение. В то время пока полк воевал, Степанцов решил обойтись компанией тыловых героев. Саня набрал собутыльников в штабе: Зверева и Боченкина,

начальника оркестра и Гамаюна (Петровича). Для услаждения души и тела пригласил Эльку и «стюардессу». Сашка вскрыл мой красный чемодан, переделался в новенький горный костюм, повесил на портупею АПС (мой трофей). Орел! Герой! Можно теперь рисоваться перед теми, кто в горы не ходил и пороха не нюхал...

После употребления внутрь большей части спиртного, когда включили магнитофон и загрохотала музыка, у Сашки развязался язык.

— Элочка, иди ко мне, ласточка! Дай тебя приголублю! Я тебя очень хочу! — промямлил, шлепая слюнявыми губами, Степанцов.

— Пошел вон, мокрогубый козел! — с презрением крикнула Элеонора. — Если каждому давать, изшоркаюсь, изотрусь.

— Эля! Не бойся! — рассмеялся начальник оркестра, большой весельчак и балагур. — Можешь смело прыгать в койку, когда захочешь.

— Вот именно, когда захочу и с кем захочу, — фыркнула Элеонора. — Я сейчас желаю танцевать, а не ублажать этого потного болвана!

Девчонка отбросила табурет и заскочила на стол, сметая ногами посуду. Вообще у нее был такой бзик. Выпила — душа на распашку, развеселилась и на стол. Танцы, пляски, стриптиз! Безбашенная...

— Одесситка! А ну, марш со стола! — дал ей команду майор Зверев.

Но деваху было не удержать. Она пнула ногой по протянутым рукам Степанцова, поддела туфлей пепельницу, из которой в полете посыпались серым дождем пепел, окурки, спички. Задрала юбку, демонстрируя просвечивающие трусики.

— Ах, ты, стерва! — рявкнул пьяный Зверев. Он схватил танцоршу за руку и, чуть притянув к себе, впил звучную пощечину. Девица упала вниз со стола, ударившись задницей об пол. Ушиблась она не сильно, так как успела сгруппироваться в полете. Эх, не будил бы он лучше лихо, пока оно тихо! Элька в юности была чемпионкой республики по каратэ, о чем пьяный майор не подозревал. (Узнал он об этом только на следующий день в санчасти, где приходил в себя.) Не успел майор опомниться, как получил мощнейший удар ногой в лицо, а затем двумя ногами в грудь. Ему еще повезло, что она не надела туфли на шпильках. Одесситка метнула табурет в голову строевика и нанесла удар кулачком по печени. Боченкин, охнув, свалился. Оркестрант шустро забрался под стол, не желая подставлять физиономию. Степанцов на мгновение схватил Эльку за руку, но тут же получил удар локтем в зубы и пяткой промеж ног. Кто метнул бутылку в окно, кто снес, убегая, двери с петель — точно неизвестно. Штабным досталось по первое число.

Гамаюн сопровождал рассказ о случившемся поглаживанием опухшей щеки и лилового фингала под глазом.

— Вот так посидели, отметили орден. Порезвились, размялись, — грустно закончил «ЦБУшник» свою «сагу».

— Борис Петрович! А не знаешь случайно, где моя тельняшка, горный костюм и пистолет? — поинтересовался я, роясь в чемодане.

— Наверное, у Степанцова. Кроме него взять некому. Он «стволом» хвалился: автоматический, четырнадцать патронов! Генеральский пистолет! Езжай на Суруби, попробуй забрать. Но он не отдаст, не признается.

— Н-да! А Зверев соответствует своей фамилии! — недобро усмехнулся я. — Зачем девку-то в ухо звезданул? Если бы не это, то она бы комнате нам не разгромила!

— Дурак — он и есть дурак! Кто спорит. Он как выпьет лишнего, постоянно драться лезет. Ну ладно, с мужиками, а тут — баба! Эх, ты бы видел, замполит, его лицо! Картина — «ужасы войны». Зайди к нам в комнату, взгляни!

— А что его выписали из санчасти? Так быстро? Повезло. Надо было отделать покрепче.

— «Зверюга» вынужден работать. Он в полку за начальника штаба оставался. Тут комиссия из Ташкента прибыла. Официальная версия: свалился в темноте на камень, проверяя ночью караул.

— А Элька, как она?

— Да что с ней станется, — вздохнул Гамаюн. — Избила четырех мужиков и дальше пьянствовать отправилась в компании со «стюардес-сой». Я велел солдатам немножко прибраться в комнате. Стекла, мусор, окурки вывели, но кто будет окна стеклить и дверь вставлять, не знаю. Разбирайся со Зверевым. Он драку затеял.

Позднее комбат шуганул штабных, тогда окна и дверь быстро вставили.

* * *

Через неделю в полк заявился с дороги Степанцов. Я его поймал в столовой и, прихватив за локоток, сказал пару ласковых.

— Никифор! Как ты смеешь материть старшего по званию? — возмутился майор.

— Саня! Ты почему без спроса взял мои вещи? Роешься в чужих чемоданах, воруешь пистолет трофейный! Коран верни и все остальное тоже!

— Я?! Да. Иди ты к черту! Докажи! Я ничего не трогал у тебя. Замполит, тебе это приснилось! — нагло улыбнулся майор.

— Сашок, не зарывайся, я ведь тебя и на дороге достану! Отдай хорошему. Обещаю, хуже будет.

— Старлей, иди проспись, съешь таблетку от болей в голове. Перегрелся на солнышке, наверное! — нахально ответил Степанцов и ушел.

— Ну, что ж, обижайся на себя! — крикнул я ему в спину.

В столовой в своем излюбленном углу сидел особист нашего батальона Растяжкин и ковырял вилкой малосъедобную пищу.

— Привет, комиссар! Какие проблемы? Вид шибко озабоченный, — усмехнулся майор.

— Нехорошая история произошла, даже неприятно рассказывать. Я из

Панджшера вынес автоматический пистолет, принадлежавший погибшему вертолетчику. Помнишь?

— Ах, так он у тебя оказался тогда? — расплылся в лукавой улыбке контрразведчик. — Нашелся, значит!

— Ага. Давно хотел сдать, но то отпуск, то рейды. Перед выходом на боевые достал из сейфа, но закрутился и не успел принести в службу вооружения. Возвратились, а его у меня украл Степанцов. Если желаешь приобрести пистолет для себя, конфискуй. Коран еще изыми. И желатель-но выговор объявить ему с какой-нибудь гадкой формулировкой. Чтоб воровать было не повадно!

— Спасибо за информацию, Никифор! — Глаза майора жадно заблестели. — Сделаем! АПС, говоришь? Прекрасно, прекрасно. Подарю потом в штабе армии руководству, когда на замену буду уезжать!

Он отставил в сторону тарелку и умчался искать по общагам Степанцова. Но того и след простыл. Через пару дней Растяжкин вернулся с дороги с пистолетом в огромной кобуре, висящей на боку.

— Извини, Никифор, но, сам понимаешь, тебе ничего вернуть не смогу. Коран уничтожен, пистолет конфискован. Выговор объявлен. Степанцов у меня сутки объяснительные писал, негодяй! При этом такими словами тебя материл — не передать! Ха-ха! — загоготал довольный Растяжкин.

* * *

После рейда потрясенный катастрофой вертолета комбат зашвырнул в один угол горные ботинки, в другой лифчик с «магазинами».

— Все! П...ц! Никаких боевых! Ни шагу из гарнизона до замены! — прорычал, матерясь, Чапай. — Прямо сейчас ухожу в санчасть. Залягу на чистые белые простыни, выжру из горла бутылку водки и буду балдеть. Война — никогда больше! Пусть хоть расстреляют! Я нужен семье живым. Тем более что мой сменщик вылетел из Ровно и движется в направлении Ташкента.

— Василий Иванович! Все будет хорошо! — успокаивал я, как мог, комбата. — Самое страшное позади.

Подорожник собрал туалетные принадлежности, тапочки и вышел из комнаты. Отправился «болеть» в санчасть. Неприятная картина. Железный комбат! Гроза для батальона! Сила! Глыба! Кремень! Образец службиста и воспитателя разрушался на глазах. Деградировал. Его раздавили и морально сломили постоянные потери. Прав был Марасканов: «Начнут крепко молотить батальон, погладит смерть по голове, и вся спесь с Чапая слетит».

В принципе, в душе его что-то надломилось еще в ноябре пошлого года, со смертью Арамова. Дальше — больше. Теперь остается только наблюдать за жалким зрелищем да вспоминать о его былом величии.

Иваныч решил закатить в честь благополучного отъезда крутую пьянку. Танкисты, артиллеристы, пехота. Приглашались комбаты и заместители. Употребив солидную дозу спиртного, он подхватил меня за локоть и потащил в женский модуль прощаться. Во второй руке у него была неначатая бутылка водки. К его удивлению, «аэродром» был занят десанниками. Этих ребят разместили за забором в городке, оставленном ушедшим в Союз зенитным полком. Они обнаглели до безобразия. Мало им своих теток, приперлись к нам! А попробуй мы, пехота, там появиться? Будет драка!

В комнате сидели какой-то подполковник (как оказалось — замкомандира полка), майор и старший лейтенант. Странная компания. Все с орденами, медалями, прикрученными к х/б. Вот вырядились! Парни как на подбор: здоровенные, высокие, под два метра. Красавцы! Мы же — маломерки, представляли собой рядом с ними унылые образчики пехоты. Никакого сравнения. К тому же мы явились в дым пьяные. «Стюардесса» сидела на коленях подполковника и весело щебетала, а тот что-то шептал ей на ушко.

— Убью, заразу! — тихо прорычал Подорожник, но, отхлебнув водки из горлышка, сдержался.

— О-о-о! Рады гостям! — приветствовал нас молодой майор и сделал радушный жест руками: мол, проходите, дорогие гости.

— Это вы в гостях! — возразил я. — Хозяева этой территории — мы! Парашютисты тут — незваные гости!

— Ребята, давайте дружить! — миролюбиво предложил старший лейтенант и представился: — Сергей!

Майор тоже назвал себя:

— Александр.

Я в ответ громко буркнул свою любимую фразу:

— Когда у родителей бедная и убогая фантазия, то называют ребенка самым незамысловатым именем — Саша или Сережа!

Десантники покраснели от злости, но промолчали. После первого тоста «за братство по оружию» к нам на помощь внезапно явился Филатов. Он второй день как вернулся зачем-то в полк. А сейчас пришел к своей полковой «маме». Любаша к его приезду давно крутила любовь с генералом. За ней приезжала время от времени машина, и она исчезала в необъятных просторах штаба армии. Я слегка смутился, но бывший «кэп» крепко, с чувством пожал мне руку и даже обнял. Почувствовав моральную поддержку в лице Филатова, комбат повеселел. Налив полный стаканчик водки, Чапай довольно громко произнес:

— Никифор, а ты знаешь, что если вот такому длинному десаннику дать коленом по яйцам, то он переломится пополам.

Я задорно рассмеялся этой шутке, а Иваныч продолжил:

— И когда парашютист опустится низко, в этот момент следует бить его физиономию о колено. Он тогда становится ручным.

Десантники опешили, прекратили мять и гладить теток. Майор примирительно произнес:

— Ребята, давайте не будем ссориться! Мы ведь ходим одними тропами, воюем вместе. Чего вы злитесь?

— А то! Если бы мы с комиссаром вошли в ваш женский модуль, то нас бы оттуда вытурили. А я вас терплю целый час! — воскликнул Чапай. — И если тропы одни и те же в горах, то койки — разные!

Филатов сидел у окна, пыхтел, словно паровоз, и багровел от злости. Десантники сказали, что выйдут покурить и дружно ретировались. Обрато в комнату они больше не возвратились. Женщины надули губы и сердито загалдели на Подорожника.

— Ты чего, Иваныч, раскомандовался? Шагай в свой батальон, там и командуй. Кому хотим, тому и даем! — громче всех возмутилась «стюардесса».

— Ах, ты, дрянь! «Офицерский осколок!» Вот и славно! — воскликнул взбешенный Подорожник. — Живи, как хочешь, я тебя больше знать не желаю. Пойдем, комиссар, отсюда!

Мы вышли прочь и двинулись по дорожке, наслаждаясь вечерней прохладой.

— Василий Иваныч, а чего Филатов в полку объявился? Он ведь теперь начальник штаба дивизии, которая возле иранской границы?

— У Ивана Грозного большие проблемы с особым отделом. Контрразведка за него крепко взялась. Сейчас вызвали в Кабул для разбирательства. Скажу по большому секрету, а ты никому больше!

— Могила! — пообещал я и дыхнул ему в лицо винными парами.

— Мне в штабе по секрету рассказали. Помнишь, Ковзонский осенью приезжал с концертом в полк?

— Ага! Солдаты и сейчас на подаренной гитаре тоскливые песни бречат, — ответил я.

— Тогда певец на банкете подарил Ивану Грозному пластинку с автографом и кассету с новыми записями. «Батя» расчувствовался и ответил подарком — пистолетом ПМ. Тот пистолет был трофейный, со сбитым заводским номером. Разведка в кишлаке на засаде захватила, его не учли и не сдали. Ковзонский обрадовался такому подарку, расцеловал «кэпа» и повез через таможду, не таясь. Сунул как сувенир просто во внутренний карман. А на переходе границы поставили систему контроля. Минуя «звонелку», он прокололся. На вопрос: «Откуда оружие?» — певец ответил, что подарил командир восьмидесятого полка. Теперь третий месяц Филатову мозги пудрят. Шьют статью: контрабанда оружием. Объяснительные, рапорты, докладные. Чем закончится — неизвестно. Глупость, конечно. Медленно-медленно, но дело раскручивается. Филатов уже уехал к новому месту руководить штабом дивизии, а бумажное крючкотворство неторопливо движется к суду. Или, может, ляжет под «сукно», если повезет,

дело-то уголовное. А тут еще одно разбирательство на подходе. Напасть за напастью. Помнишь, год назад солдат погиб? Тогда подрывали россыпь патронов и гранат, в старой штольне.

Я кивнул головой, припоминая старое происшествие.

— Начальник инженерной службы торопился на совещание и поручил произвести взрыв сержанту. Но в том колодце скопился запас гораздо больший, чем рассчитывали. Сапера осколками и кусками земли поранило, слишком близко стоял. Да песком еще и присыпало. Хватились к вечеру, когда он уже остыл. Не забыли и эту историю. Вот Филатов и готовится к самому худшему. Могут даже, если захотят, посадить. Жаль «батю», если пропадет...

... Действительно жаль. Матюжник ужаснейший, грубиян, но вместе с тем добрейшей души человек. Отходчив, не злопамятен, добродушен. Своих в обиду не дает, офицеров растит, солдат бережет, бесцельно людьми не рискует. Глупость с подаренным пистолетом грозит сломать дальнейшую военную карьеру, в худшем случае — жизнь. Вроде бы из-за этого и представление к ордену возвратили.

Начальник политотдела приехал в полк и учинил разнос опухшему от пьянства Золотареву. Раскритиковал в пух и прах работу парткома, прошелся по казармам, ругая устаревшую наглядную агитацию. Я встретил Севостьянова у порога казармы. Представился и поприветствовал начальство.

— О, Ростовцев! Рад тебя видеть во здравии! Как дела, не болеешь синдромом заменщика? — спросил начпо.

— Все нормально, не жалуюсь! — ответил я, хмурясь.

Ничего хорошего от проверки для себя я не ожидал. В первой роте плакаты наглядной агитации постепенно приходили в негодность. В третьей и так было плохо с агитацией, а с уходом в клуб Мелещенко стало еще хуже. Бугрим никак не мог привести в порядок стенды у минометчиков. Единственное светлое пятно — вторая рота. Полковник ходил из помещения в помещение, качал головой, вздыхал, слушал меня, задавал вопросы, возмущался. Золотарев держался от нас на некотором удалении, вытирая пот и незаметно бросая в рот горошинку за горошинкой «антиполиция». Инспектирование давалось ему очень тяжело, видимо, вчера не рассчитал дозу, а начальник нагрязнул внезапно. Неожиданно Севостьянов сменил тон и без всякого плавного перехода от ругани и недовольства спросил:

— Никифор Никифорович! А ты почему до сих пор старший лейтенант, а не капитан?

От такого неожиданного вопроса я опешил и смутился.

— Мне рано быть капитаном. Я лишь полгода назад был лейтенантом.

— Рано, говоришь? Воевать не рано? Героем становиться не рано?

— Ну, это другое дело, — вздохнул я, испытывая неловкость от таких слов.

— Если мы тебя назначили заместителем комбата, значит, солиднее быть капитаном. Не дело, что у старшего лейтенанта в подчинении несколько капитанов. Он оглянулся на замполита полка и поманил его пальцем.

— Завтра подготовить документы к званию «капитан». Досрочно!

— Нет, — глядя в сторону, проямлил Золотарев. — Пусть переделает все стенды в ленкомнатах, а после подумаем.

— Молчать! — взвизгнул полковник Севостьянов. — Я сказал представить документы! Это приказ! А с вами я разберусь отдельно! Иди, Ростовцев, работай.

Я отошел в сторонку, но даже издали были слышны громкие вопли:

— Алкаш! Сниму с должности!

— Тогда хрен тебе, а не академия ГШ! — взвизгнул Золотарев. — Я найду на вас управу!

Севостьянов топал ногами, что-то еще долго орал, а я почел за благо быстро удалиться.

Полковник уехал, а Золотарев сказал, что в течение месяца надо переписать плакаты, а уж потом можно будет вернуться к вопросу о звании. Он подумает. Вместо писанины мы отправились в рейд, затем в другой, третий, а нового звания так и не было. Не проявил, как говорится, настойчивости.

На дороге среди бела дня два бойца остановили «барбухайку» и затеяли обыск. Нашли металлическую шкатулку с афганями. Денег оказалось что-то около миллиона. Солдаты под дулами автоматов и наведенной пушки изъяли ящик и прогнали афганцев. Хорошо, не расстреляли! Аборигены умчались в Джелалабад за поддержкой. Как оказалось, они везли казну племени в Кабул и не ожидали такого поворота дела. Местное руководство вышло на командование батальона, а спецслужбы на особиста батальона. Тот доложил о происшествии начальству в полк.

Афганцы умоляли вернуть деньги. Пусть даже не полностью. Четверть, мол, возьмите себе, но возвратите хотя бы остальное! Комбат прибыл на заставу, перевернул все вверх дном, вытряхнул даже прапорщика из штанов и трусов. Нашли денежки до последнего «афгани». Кочевники, обрадовавшись, забрали деньги, а четверть миллиона в качестве благодарности оставили у наших. Деньги упаковали и направили прапорщика в полк сдать под отчет начфину. Для работы разведки с агентурой и местным населением.

Но молодой «прапор» несколько скорректировал маршрут. Он заехал в дуكان, купил сувениры, шмотки, коробку водки и коньяка, ящик фруктов и овощей, прочей зелени и отправился в женский модуль. Бронетранспортер с солдатами спрятал на позициях охранения. Прапорщик нашел свою землячку Ленку-«ногтегрызку» и устроил бурную оргию, запершись с ней в комнате.

Комбат позвонил в полк и уточнил прибытие денежной «посылки». Посылка не прибыла! В полку начался переполох. Пропал БТР, прапорщик и два солдата! Разведвзвод батальона подняли по тревоге и отправили по пути следования прапора и сотоварищей. Следов сгоревшей машины не было, а на крайней заставе у въезда в город сообщили о том, что броня выехала в Кабул. Обыскали весь путь возможного маршрута — улицы пусты. В комендатуре никого не задерживали, афганские спецслужбы об убитых или взятых в плен советских военных не знали. Пропали! Канули в неизвестность. Командир полка нервничал и пребывал в растерянности. Полк на боевых, что делать? Обращаться к руководству, чтобы вернуть наш батальон из рейда для поисков пропавших или еще подождать? Проблема разрешилась сама собой. У солдат кончились продукты, и они, закрыв машину, пошли в столовую, где попались на глаза офицеру из своей роты.

— Стоять! Негодяи! Вы откуда? — прорычал взводный.

— Мы? Мы из оврага. БТР в овраге стоит. Есть хотим, оголодали. Сухпай кончился, а Сергеич потерялся и не приходит.

— А где он был? — воскликнул лейтенант.

— Хрен его знает! — развел руками водитель. — Он к бабам отправился. Обещал утром вернуться, но не возвратился.

Таким образом, участок поисков сократился до одного модуля. Штабные открыли комнаты, выстроили женщин у асфальтированной дорожки. Не открылась только одна дверь. Ленки среди женщин не было, а в закрытом помещении стояла настороженная тишина и лишь изредка раздавались шорохи.

Начхм выбил дверь ногой. Картина предстала довольно живописная! Огрызки, окурки, бутылки, банки, банановая кожура, стаканы, презервативы. Все беспорядочно валялось на полу. Стол был завален недоеденными яствами и недопитыми поллитровками. В койке копошилась обнаженная парочка, которая не обращала ровно никакого внимания на вошедших. Этот дуэт был уже просто не в состоянии осмысливать реальность происходящего вокруг из-за обильного пьянства и нескончаемого совокупления. Обессилевшего прапорщика, не способного к передвижению, отнесли на гауптвахту. Девицу заперли в комнате и приставили к двери караульного. Утром в камере начался допрос.

На вопрос командира: «Где деньги?» прапорщик, потупив глаза в пол, ответил:

— У Ленки.

Замполит охнул:

— Все!?

— Угу! — подтвердил прапорщик.

— Сильна! Ну, дает девка! — восхитился начальник особого отдела.

— Да уж, дает, и еще как дает, — согласился Золотарев и тотчас распорядился: — А ну, сюда ее! И пусть спрятанные афганы несет.

Ленка явилась опухшая, с помятым лицом и сильным запахом перегара, но с пустыми руками.

— Лена! Где денежки? — вкрадчиво спросил замполит.

— Все там же, не буду говорить грубо где! В том самом месте!

— Лена! Верни деньги! Они не твои! — продолжал настойчиво уговаривать Золотарев.

— Не отдам! — взвизгнула девица. — Я их честно заработала! Неделю пахала под этим жеребцом! Из сил выбилась. Не отдам, хоть расстреливайте. Можете выслать домой за аморалку. Я за год такую зарплату не получу!

— И вышлем! — пообещал особист. — Вышлем за проституцию и хищение денег. Эти афганы принадлежат полку! Общем перед отъездом и конфискуем. Возвращай по-хорошему!

Ленка разрыдалась, впала в истерику, но, поплавав полчаса, смирилась с неизбежностью утраты внезапно приобретенного состояния. Золотарев великодушно разрешил оставить подарки. Забрали только афганы. Девушку отпустили заливать горе водкой и омываться слезами. Прапорщика через неделю выпустили из гауптвахты и вернули на горную заставу. Народ смеялся: мол, одно радовать должно обоих — получили массу удовольствия.

Что стало с «пайсой» далее, об этом история умалчивает. Дошла ли хотя бы часть денег для работы с агентурой по адресу — история умалчивает. Но Золотарев и главный особист не просыхали месяц и в результате очутились в реанимации. Началась «белая горячка».

* * *

Опять очередная нелепая жертва войны! Мы возвращались в полк после рейда в районе Мирбочакота. Боевые действия прошли без потерь. Как всегда броня облеплена солдатами. Муталибов сидел в башне и нечаянно или из любопытства щелкнул тумблером на каком-то пульте (БМП новая, только с завода). Сержант услышал сверху хлопок и какие-то вопли. Он выглянул из люка и остолбенел. Авлеев правой рукой держался за обрывок левого рукава, из которого хлестала кровь, заливая броню. Руки до плеча просто не было. Из обрывков рукава торчала обломленная кость и свисали клочья кожи, жилы и мясо. Мандресов с трудом перетянул жгутом предплечье, пережал вены. На попутке довели парня до инфекционного госпиталя, благо он был рядом. Спасли.

Проклятье! Как много небоевых потерь! Глупых и нелепых. Оказалось, что Муталибов запустил ПТУР, который реактивной струей и оторвал руку у сидящего сзади медика. БМП пришла снаряженная противотанковым комплексом, а ракеты технари почему-то не убрали на склад. Зачем нам ПТУРЫ? Танков-то у «духов» нет! Падая, боевая часть ракеты

разнесла в щепки передвижную ремонтную мастерскую. Будка — в щепки, «Урал» загорелся, водителя контузило. Кошмар! Попали, не целясь. Нарочно не придумаешь! Неосторожные выстрелы обязательно летят точно в цель. А вот если бы метили куда-нибудь конкретно, то неизвестно, попали бы или нет...

Глава 17

Глупость или предательство?

Последняя неделя пребывания Подорожника в полку превратилась в хмельной загул. Это был неиссякаемый источник спиртного, к которому мог припасть любой из гостей комбата: танкисты, артиллеристы, пехотинцы... И когда, казалось бы, источник должен был иссякнуть, из госпиталя выписался начальник артиллерии полка, с которым Чапай тут же схлестнулся, и загул возобновился с новой силой.

Пару раз появившись в казармах, Иваныч оглядывал подчиненных мутным взором и отдавал какие-нибудь бесполезные распоряжения. После этого Подорожник пополнял запас водки, брал свежее белье и вновь исчезал в санчасти. Днем он принимал процедуры, а вечером пировал на позициях боевого охранения. Так продолжалось дней десять, и вдруг, словно по маговению волшебной палочки, «оргия» прекратилась. Прибыл сменщик из Львова, майор Махошин. Он сразу мне не понравился. Круглолицый, гладенький, ухоженный майор излучал самоуверенность и самовлюбленность. С его лица не сходила глупая снисходительная улыбка. Но хуже всего было то, что он совершенно не умел разговаривать с людьми. Речь его звучала обрывисто и бессвязно, порой произносил совершенно нелепые фразы.

Несколько дней комбат передавал дела, и Василию Ивановичу пришлось мужественно бороться с похмельным синдромом. Чапай подписывал накладные, формуляры, рапорты. Подгонял и торопил ротных, старшин, зама по тылу, технарей. В последний день Иваныч выгнал со скандалом из нашей комнаты «стюардессу», которая пришла с повинной, проситься и мириться. Она попыталась высказать ему все, что наболело. Особенно обижало ее прозвище «офицерский осколок», которым наградил ее бывший любовник. Но Подорожник ничего слушать не захотел и остался непреклонен.

Вот и все. Подорожник накрыл стол в нашей комнате и устроил прощальный фуршет. Он с грустью смотрел на собравшихся, натужно шутил, но мыслями был уже в Ташкенте.

— Прощай, комиссар! Не обижайся на мои колкие шуточки в твой адрес. Извини за то, что мучил своим пьянством. Надеюсь, в остальном я был неплохим отцом-командиром. Береги себя, осталось три месяца. Не лезь на рожон! — напутствовал меня Иваныч. — С моим сменщиком дер-

жи ухо остро. Он парень неопытный, комбатом был лишь полгода. Служил только в кадрированной части. Солдат не видел, не знает, как ими руководить. Его специально назначили на должность, чтоб в Афган отправить. Махошину придется полгода учиться, а эта учеба будет окроплена кровью. Никифор! Постарайся, чтоб это оказалась не твоя кровь!

Первый рейд с новым комбатом пришлось совершить в Баграмскую «зеленку». На словах командование дивизии обещало превратить операцию в легкую прогулку. В полк поступил приказ — срочно выдвинуться к штабу дивизии. Экстренно! Два пехотных батальона и дивизионная артиллерия прибыли быстро, как могли. Но затем что-то не сложилось. Начальство, чтобы занять бойцов делом, начало проводить строевые смотры, занятия, совещания.

Постепенно выяснилось, что руководство дивизии вело переговоры с «духами». Разведчики, контрразведчики, полководцы беседовали со старейшинами, с вождями мятежных племен, с какими-то авторитетными бандитами. Тема разговоров: доставка продуктов и воды на осажденные заставы без боев и стрельбы. Наконец договорились. Уговор такой: мы не ломаем дома, не рушим дувалы, не топчем сады и виноградники, не минуем местность. За это нас беспрепятственно пропускают на осажденные посты в «зеленой зоне». Вот, спасибо! Но верится в это счастье с трудом!

Командир дивизии на совещании приказал: оставить большинство солдат тут, на базе в полевом лагере. Роты передвигаются в составе экипажей БМП. На каждой машине помимо экипажа дополнительно только сержант или офицер. Незачем пехоту брать. Вечно с ними проблемы! Солдаты ногами или растяжки собирают, или сожгут что-нибудь, или всю живность в округе съедят.

Офицеры роптали, возмущались, но перечить начальству не стали. Баринов авторитетно заверил, что все будет хорошо. Никаких проблем не возникнет, операция пройдет по намеченному плану. Надо быстро войти и так же быстро выйти. Метлюк, Чухвастов и я заставили комбата взять для подкрепления пулеметчиков и расчеты АГСов. На всякий случай.

Комбат уговорил меня пойти к первой заставе с двумя ротами. Воодушевлять. Настоял на своем: мол, Никифор, замена еще не скоро. Отсидеться в тылах опять не получалось. Жаль, ведь я почти заменик. В результате сам Махохин остался в штабе полка рядом с нервничающим Ошуевым. А в кишлак отправились мы с Метлюком. Иллюзия перемирия исчезла на первых метрах дороги. Отовсюду началась активная стрельба из автоматов и пулеметов. Откуда-то из-за канала ударил миномет, и разорвавшаяся вблизи БМП мина зацепила плечо наводчика. Еще один сержант упал сраженный очередью, а уже вблизи заставы снайпер попал в грудь прапорщику. Окончились мир, дружба и любовь. Системы залпового огня и пушки принялись перемалывать кишлаки, а наши разукомплектованные роты с трудом отби-

вались от наседавших «духов». Идиоты! Нашли с кем договариваться — с отъявленными бандитами! А нам теперь страдать...

БМП двигалась по проселку, а я переползал от кочки к кочке, из арыка в арык. На спину валились сбитые шальными пулями листья и ветки. Рядом упал с шипением небольшой осколок от мины. Повезло, что не в голову и не в спину. Пыль забивалась в нос. Сухая полынь трещала под телом, в горле от ее пыльцы сильно першило. Маскхалат цеплялся за ветки, сучья и постепенно облепился гроздьями колючек и репейников. Пули с шипением ложились рядом, впиваясь в почву. Вот очередь вонзилась в стену, к которой я пробирался. Кто-то целенаправленно пытается меня убить. Я поплевал три раза по три через левое плечо, отгоняя беду. Негодяй, отстань! Мне домой пора! Осталось чуть-чуть. Вспомнились слова Кавуна, что убивают в основном молодых-«зеленых» сопляков, отпускников и заменщиков. «Зеленым» не убили, перед отпуском выжил, теперь хотят угробить в конце второго года службы, перед отъездом. Я выпустил одну, другую, третью очередь по густому кустарнику и быстро перекатился по открытому месту в ямку. Укрытие было хилым и ненадежным, но другого нет.

Чуть впереди полуразрушенный дувал да старое ореховое дерево, прикрывавшее меня ветками и листвой. Кто-то методично стрелял по его зеленой кроне и нервировал укрывшуюся под ней штурмовую группу. В кустарнике лежали Кирпич, Мандресов и Дибажа. Чуть в стороне Муталибов и два бойца. Зибоев из пулемета прореживал листву в винограднике напротив. «Бородатые» были и справа и слева. Повсюду! Их было во много раз больше, чем нас. Хорошо, что с тыла пока не стреляют. Наверное, и оттуда скоро начнут...

Артиллеристы принялись утюжить ближайшие подступы к посту. Спустя полтора часа после огневого налета банда рассеялась, не выдержала нашего напора и, унося раненых, ушла по кяризам.

— Ну как, Саня, пойдем вперед или еще полежим? — спросил я у ротного, вглядываясь в кустарник.

Мандресов непрерывно докладывал обстановку в штаб и получал указания.

— Никифорыч! Ошуев гонит вперед. Требуется быстрее прорыва на заставу, — ответил ротный.

— Не думаю, что это получится легко. Может, пусть авиация поработает? Где вертолеты? — возмутился я.

— Штаб сообщил, что бояться зацепить нас. Большая вероятность того, что «летуны» попутают цели, «духи» слишком близко, — объяснил Мандресов.

— Ну что ж, тогда рискнем. Проси танкистов тралить дорогу, а мы побежим за ними, — предложил я без всякого энтузиазма.

Рядом упал Метлюк и раскричался:

— Мандресов! Хватит прохлаждаться! Ждете, когда вас за ручку переведу через дорогу? Вперед! Быстрее! Во главе первая рота, затем «обоз»

и третья в замыкании. Выходим в обратном порядке! Начало движения через пятнадцать минут.

Мы с Мандресовым влезли на БМП и, распластавшись за башней, расстреливали по сторонам короткими очередями рожок за рожком. Ну, вот они наконец-то, стены долгожданной заставы.

В осажденной крепости нас встретил взводный, он радостно обнимался и пожимал нам руки:

— Мужики! Спасители! Еще неделя — и голодать бы начали! Шагу не ступить за забор! Четырех солдат ранили за месяц вблизи колодца. Когда тяжело раненного вертушкой вывозили, так с воздуха четыре «крокодила» «духов» распугивали от поста. Боеприпасы на исходе, воды мало, консервы кончились. Из съестного остались только пшенка и сухари.

— Ну что ж, бедаги, теперь будет легче, — улыбнулся Мандресов.

— Ага, месяц-другой. А затем вновь пояса затянем, — нахмурился лейтенант. — Когда мой взвод отсюда выведут, не слышно?

— Нет. Не говорят, — пожал я плечами.

— Пойдемте наверх, посмотрим работу авиации.

Штурмовики пара за парой проносились над виноградниками и перемальывали свинцом и раскаленным металлом растительность. Серии взрывов сметали дувалы и глиняные дома, валили фруктовые деревья.

Сашка наклонился к моему уху и что-то прокричал. Я из-за гула разрывов фразу не разобрал.

— Чего орешь? Говори чуть медленнее, не понял! — ответил я, повернув лицо к Мандресову.

В это мгновение за каналом разорвалась мощная авиабомба. Мы оба взглянули в сторону взрыва, резко повернув головы. И в то место, где секунду назад находились наши лица, вонзился большой осколок. Я потрогал его пальцем и обжегся. Горячий, зараза! Вот она, смерть, совсем рядышком. Пронесло. Посмотрим, какая ты...

Вынув из «лифчика» финку, выковырял металл из глиняной стены и подбросил на ладони. Острые, как бритва, рваные края рассекли кожу на пальце. Черт! Огрызается, падла. Обидно железке, что летела впустую, никого не покалечив.

Саня посмотрел на осколок и попросил:

— Никифорыч, отдай мне. Увезу домой на память.

— Саша! Я и сам хочу его сохранить. Это ж надо, смерть пролетела в считанных миллиметрах от нас! Представляешь, эта зараза попала бы в твой греческий нос или в мой римский профиль. Моя физиономия бы треснула вмиг и распалась бы на фрагменты, — задумчиво произнес я и положил «сувенир» в карман нагрудника.

Поздно вечером Ошуев построил офицеров батальона, разведчиков, саперов и хмуро поинтересовался:

— Кто был у второго и третьего поста? Кто когда-нибудь входил в «Баграмку» с этой стороны?

Я поднял руку, вытянув вверх указательный палец, и огляделся по сторонам. Все молчали, переминаясь с ноги на ногу нерешительности.

— Я тоже там был, но до поста не дошел, — подал голос Афоня.

И только! Остальные или совсем молодые офицеры, или те, кому не довелось воевать в этом месте. Ну, дела!

— Н-да, ситуация, — растерялся командир полка Головлев.

— Выдвигаемся колонной. Впереди танк с тралом, затем еще танк. Далее вторая рота и разведка, — принялся ставить задачи Ошуев. — Пройдете полкилометра и закрепляйтесь. У входа в кишлак размещается минометная батарея. «Васильки» задействовать на полную катушку! Ваш участок первые сто пятьдесят метров. Следующие сто пятьдесят метров — оборона танковой роты. Дальше сто метров за ней — гранатометный взвод АГС. За АГСом выстраивается вторая рота и разведвзвод. Разведчики сопровождают автоколонну до поста. Входим, разгружаемся и быстро обратно! Не задерживаться. «Духи» наплевали на этот дурацкий договор о перемирии и стянули сюда школу гранатометчиков. Они где-то на подходе. Завтра утром, может, прорвемся, а через день точно не пропустят.

— Ростовцев, ты идешь старшим от батальона? — спросил командир полка.

— Нет, Чухвастов! — откликнулся я. — Я заменщик. Вообще туда идти и не собирался.

На самом деле, что я там забыл? Чего там не видал? Сколько раз уже бывал, виноградники топтал. Я почесал смущенно переносицу и пригладил взъерошенные пыльные вихры.

— Никифор! Ты говоришь заменщик, да? А я тогда кто? — рявкнул Герой. — После ранения воюю и не выступаю. Я дважды заменщик, потому что второй срок отвоевал! Иду и не отлыниваю!

— Да я и не выступаю, просто напоминаю о замене, — смутился я, устыдившись.

Действительно, этот сумасшедший подполковник отвоевал четыре года и никак не мог успокоиться. Даже после тяжелейшего ранения. Если бы на его месте был кто-то другой, замкомандира или замполит полка, я еще бы поспорил. А с Ошуевым спорить бесполезно. Герой! Придется топтать в «джунгли».

— Я команду взводом АГС. Батальон ведет Чухвастов.

— А почему замкомбата руководит взводом? — удивился Ошуев.

— Ветишин по-прежнему числится на должности. Уедет после госпиталя в Союз, вот тогда и пришлют смену. У меня на сто метров обороны лишь одна машина. Маловато!

— Хорошо, возьми еще одну из второй роты. Разбирайтесь сами. Я вам что, еще броню буду делить и расставлять? — возмутился начальник штаба полка.

Ага! Герой-то тоже нервничает! Беспокоится! И он домой хочет вернуться без «цинкового бушлата», как и мы, простые смертные. Ну-ну...

Я вернулся к взводу и начал набирать гранаты и магазины в лифчик. Гурбон Якубов вскрыл «цинки» с патронами. Надо готовиться сейчас, потом будет поздно открывать и суетиться под огнем.

Ночь прошла спокойно. А с рассветом, когда мы начали собираться в путь, в ужасе я обнаружил отсутствие амулета-номерка. «Убьют! Как пить дать, сегодня убьют!» — подумал я обреченно. Может, не пойти, сказать-ся больным? Два года номерок с шеи не снимал, а тут забыл и оставил в комнате на тумбочке. Проклятье!

На мое удивление, колонна БМП вошла в кишлак легко и без стрельбы. Одну машину я поставил наблюдать за тем, что творится за каналом, а пушку другой направил на развалины в глубине виноградника. Через дорогу, чуть правее, встал со своей броней Шкурдюк. Он приветливо помахал мне, высунувшись из башни, и вновь нырнул внутрь.

Якубов разжег костер, насыпал в пустой «цинк» гороховую смесь, налил воды и принялся варить суп. Молодчина, сержант. Его ничто не проймет. Наверное, на пути к гильотине будет думать об оставленной на плите кастрюле. Повар — он и есть повар, даже в Афгане.

— Гурбон, пострелять не желаешь? — усмехнулся я, проходя мимо импровизированной столовой.

Сержант разложил на пустых перевернутых снаряжных ящиках крупы, соль, приправы. Прокоптившийся чайник, кастрюльки, консервные банки, тарелки, чайхана, да и только! Якубов улыбнулся широкой добродушной улыбкой. Толстые мясистые щеки растянулись и сморщились, а хитрые глаза превратились в щелочки.

— Нет, товарищ старший лейтенант. Какой-такой война? Дембель через неделю-другую! Хватит, навоевался! Вот сейчас шурпу буду делать. Где-нибудь мясо найду, пальчики оближете! Вах, какой будет шурпа! Обьеденье. А стрелять... Вон молодые сейчас гранатомет наведут на кишлак, теперь их очередь. Война — молодым.

— Ну ладно, пойду воевать один, но берегись, если суп будет невкусным. Пушу твою задницу на барабан! — Только я это произнес, как откуда-то из дальних кустов раздалась автоматная очередь. Из-за канала принялись палить многочисленные мятежники.

— Гурбон! Хватит кашеварить! К гранатомету! — рявкнул я и побежал, низко пригибаясь к земле.

Похоже, жратва отменяется. «Духи» открыли стрельбу со всех сторон. Количество их стрелков с каждой минутой увеличивалось. Шкурдюк влупил очередь из пушки в виноградник, и один «дух», кажется, прекратил огонь. Я расстрелял пару магазинов по другому автоматчику и вроде бы тоже заце-

пил. Но вместо выбывших подтягивались все новые и новые силы. Мятажники стреляли так плотно, что мне уже и головы было не поднять. Еще чуть-чуть — и грохнут. Я перекатился от кочки, за которой прятался, поближе к гусеницам БМП. Теперь с одной стороны тело прикрывали траки и колеса. Хорошее укрытие. Но с другой стороны лежу — как на блюдечке. Из башни высунулся Серега, что-то крикнул, махнул рукой и вновь скрылся из вида. Я расстрелял последние два магазина и пополз к ящику за патронами. Едва мое тело скрылось в канаве, как на том месте, откуда я вел бой несколько секунд назад, разорвались две мины. Легли кучно. Хорошо пристрелялись, «бородатые». Повезло!!! Словно почувствовал или внутренний голос подсказал — пора уйти. Вот сволочи, убить решили такого хорошего парня! Негодяи. А мне домой пора. Жить хочу!!! Бача, не стреляй в меня!

Метрах в десяти разорвалась граната, выпущенная из гранатомета.

— Мерзавец! Не хочешь по-хорошему, сейчас заряжу магазины и пристрелю какую-нибудь сволочь! — громко прокричал я, обращаясь неизвестно к кому. «Может быть, если попаду...» — добавил я уже мысленно.

Гурбонище молотил из автоматического гранатомета, а из кустов трещали ответные очереди. Хорошо, что в нашем тылу нет гранатометчиков. Хотя какой к черту тыл? Тут со всех сторон фронт. Наши пушки и пулеметы стреляли без умолку. Но и «духи» не снижали интенсивности огня. Одна граната прожгла фальшборт Серegiной машины, еще одна попала в привязанный к башне пустой ящик. Прошла бы чуть левее или правее — и отскребай останки экипажа от башни.

Я вернулся обратно и залег в маленькой воронке, выбитой разрывом мины. Осколки металла кололи тело сквозь маскхалат. Но, как известно, два раза снаряд в одну воронку не падает. Перетерпим временные неудобства. И так, спереди «духи», сзади «духи». Что творится слева за дувалом, неизвестно. Там лейтенант Ермохин тоже непрерывно молотит из пушки. Значит, и ему нелегко. Ну что ж, будем снова стрелять, благо патронов много. Я захватил с собой в мешочке треть «цинка» патронной россыпи. Пальцы сбились и ныли от непрерывного заряжания магазинов. Жаль, что нет заряжающего.

Крышка люка приоткрылась, в ней вновь показался Шкурдюк. Он издал вопль радости и восхищения.

— Ник! Живой! Начальник мой дорогой! А я думал, что тебя разнесло на куски. В клочья.

— Вот спасибо! Ну ты мне и смерти пожелал, любезный! Скажешь тоже, в клочья, — обиделся я.

— Так ведь мины упали туда, откуда ты стрелял! — пояснил Сергей свои худшие предположения.

— Ага. Но только я тремя секундами раньше откатился в канаву. Уполз магазины заряжать. Представляешь, как удачно закончились патроны! Если бы последнюю очередь выпустил чуть позднее, то мы бы уже не смогли разговаривать сейчас, — возбужденно крикнул я в ответ.

— Не чаял увидеть. Чудеса! Я уже доложил по связи, что ты погиб! Сейчас сообщу, что ошибся. Или не надо? А то вдруг опять, второй раз, докладывать придется? — пошутил Серега.

— Не придется. Не надейся. Мое место еще рано тебе занимать. Потерпи пару месяцев.

— Договорились! — рассмеялся Шкурдюк.

Мы продолжили бой. Перестрелка не прекращалась и без нашего участия. Но ведь мы — два офицера — были четвертью всех штыков на плацдарме. Проклятый договор с «духами»! Чертовы бестолочи, удумавшие послать нас сюда с техникой, но без солдат. Даже оборону по всему периметру не занять. Твою мать! Быть может, это преднамеренное предательство?

Внезапно со страшным грохотом и лязгом из-за высокого дувала выскочила горящая бронемашина. Она зацепила фальшбортом край глиняного забора, завалив его. Задние люки были открыты и болтались туда-сюда в такт движению. В правом отсеке лежало тело: одна нога без сапога торчала из проема, а вторая была подогнута. Другой десант дымил, и оттуда вырывались языки пламени. Огонь, кроме того, пылал на ящиках, разбросанных сверху. За рычагами почему-то сидел Хмурцев. Лицо взводного было такого же цвета, как и ярко-рыжая шевелюра. Вадик что-то прокричал мне и, не останавливаясь, помчался дальше к выходу из «зеленки». Я на секунду растерялся. Что ж там произошло, раз командир взвода управляет машиной вместо механика и несется как ужаленный. И кто, черт подери, лежал мертвый в десанте?!!

Через пару минут в проеме появились два связиста, которые бежали во весь дух, догоняя взводного. Один из них на мгновение обернулся, послал куда-то вдаль очередь и помчался дальше за бронемашинной.

— Стойте! — заорал я. — Куда бежите? Ко мне! Стоять, мудаки! Что за паника!

— Там «духи»! Нас чуть не убили. Стреляют со всех сторон, окружают, — сбивчиво принялся объяснять солдат. — Разведку зажали, они не прорвались.

— Какие «духи»? Позади дувала экипаж БМП вел бой! — изумился я.

— Нет. Она сожжена. Возле нее «бородатые». Бронемашина горит, наших никого вокруг. Четверо проскочить не смогли, лежат на поляне.

— В смысле, лежат? Убитые, что ли?

— Вроде бы, — всхлипнул молодой солдатик и размазал слезы по грязным щекам.

— Нужно выносить тела! — громко зарычал я на него.

Солдат в панике шархнул от меня в кусты. Черт возьми, он сейчас не помощник! Повезло парнишке, но теперь он очумел от ужаса и не верит, что остался жив, вырвался из ловушки. Обратно его не загнать. Я постучал по башне прикладом автомата, вызывая Шкурдюка. Сергей спрыгнул на землю.

— Что случилось?

— Не знаю, но что-то страшное. Там, где был Ермохин, лежат раненые и убитые. Его БМП сгорела. Я сейчас сгоняю туда, разведую, и попробую вытащить бойцов. Усилить огонь за канал. Если минут через пятнадцать не вернусь — выручай.

— Понял, — кивнул Сергей и нахмурился.

Я побежал к своей машине, окликнул Якубова и приказал механику заводить машину.

— Гурбон, сейчас заскочим вон в тот проем, подберем раненых и, возможно, трупы, затем выскакиваем обратно, если повезет. Я за пушкой, а ты садись на место командира, управляй механиком.

Я подошел к механику и скомандовал:

— Васька, вначале едем к машине, что за дувалом. Понял меня?

— Так точно! — отозвался испуганный солдат. — А потом куда?

— Потом будет видно! Далее по обстановке. Я еще сам не знаю, доберемся ли до цели. Быстро по местам!

Машина развернулась и резко рванула с места, круша на пути виноградник. Едва мы миновали пролом, как я увидел силуэты «духов» в кустарнике. Поворачиваю пушку влево — и огонь! Пушку вправо — и вновь огонь! Поворачиваю башню назад! Огонь! Я стоял на сиденье, высунувшись из люка (так обзор лучше), и крутил головой по сторонам, стреляя туда, где появлялись «бородатые», откуда раздавались выстрелы. Вон она, наша машина, впереди дымит! До нее метров пятьдесят. Кусты на мою бешеную стрельбу откликались стонами и воплями раненых врагов. Механик гнал машину, не разбирая дороги, на предельной скорости. Минута — и мы возле пожарища. Всего несколько мгновений, а кажется, целая вечность. Пару раз я боковым зрением замечал, что гранаты врезались в землю, не попав по гусеницам. Одна пролетела впереди машины, разминувшись с ней на доли секунды.

Мы остановились возле горящей брони. Никого живого. Разбитые ящики, порванные чехлы, вещевые мешки, стреляные гильзы и прочий мусор валялся вокруг. Ни души. Гурбон заглянул в люки. Ни раненых, ни убитых. Ладно, разберемся позже, где экипаж. Тут из-за дувала выбежал окровавленный и перепуганный солдат.

— Помогите! — завопил раненый и бросился к нам.

Механик погнал машину к нему поближе. Якубов протянул бойцу руки и втащил его на броню.

— Что там в развалинах происходит? — спросил я.

— Там засада. Я проскочил, а Ваську убили, — с тоской в голосе сказал огненно-рыжий вихрастый солдатик.

— И чего ты бежишь? Где твой автомат? — продолжал я расспрашивать рыжего.

Спасенный растерянно оглянулся по сторонам, посмотрел на свои руки и ничего не ответил.

— Военный, ты чей? Откуда? — тормозил я его.

Парнишка, плохо соображая, с трудом выдавил:

— Я из Подмосквья. Феклистов моя фамилия.

— На хрен мне твоя фамилия. Из какой ты роты? — рывкнул я на него.

— А-а-а! Сапер я, инженерно-саперная рота. Взводный нас прикрывал и приказал прорываться. Он где-то там, за виноградником.

— Механик, — гаркнул я, — гони что есть духу к винограднику. Увидишь лежащих бойцов — тормози! Мы с Якубовым будем подбирать тела. Вперед!

Я продолжил стрельбу из пушки и пулемета, от моего огня крошились кромки стен и прорезивались заросли кустарника. Попадал ли я по мятежникам — неизвестно, важно, что мы заставили некоторых из них замолчать. Кто-то затаился, кто-то умер, кто-то отполз раненым. Когда БМП миновала высокий глиняный дувал, взору открылась страшная картина. На пыльной дороге вдоль колеи лежали три окровавленных тела. Механик остановился возле первого трупа.

Сердце, казалось, колотилось с частотой ударов двести в минуту. Я нажал на спуск в очередной раз, чтобы подавить огневые точки, но вначале услышал щелчок — это кончились выстрелы к пушке, а затем второй щелчок — больше нет патронов и в пулеметной ленте.

— Наводчик! Лента есть еще? — крикнул я, нагнувшись вовнутрь башни.

— Патронов нет, остались снаряды в левой ленте. Но пушку нужно прокачать, — ответил мокрый от пота солдат.

— Ну так прокачивай эту долбаную ленту! А то нам «духи» в задницу что-нибудь накачают! — рывкнул я.

Я расстрелял оставшиеся патроны последнего магазина по густой траве за каналом и повесил автомат на люк. Теперь это бесполезная железка. Годится только для рукопашного боя. Но кто ж пойдет махать автоматом? Они нас расстреляют — и все дела.

— Гурбон, у тебя патроны есть? — с надеждой задал я вопрос сержанту.

— Нет. Магазины пустые, только гранаты остались.

— А у наводчика?

— Его патроны я тоже расстрелял, — виновато сказал сержант. — Я даже «мухи» все выстрелил.

— Черт! Плохо! Механик! Прикрой нас. У тебя-то патроны остались?

Солдат кивнул в ответ, достал изнутри АКСУ и принялся палить по зарослям кустарника. Эх, из этой пукалки только ворон пугать на огороде. Ну да ладно, что есть, то и есть.

Последние здравые мысли покинули мою голову. Остался только всеобъемлющий липкий страх. И все-таки мозг продолжал работать в одном направлении: собрать трупы и мчаться отсюда как можно быстрее и дальше.

Мы с сержантом прыгнули с машины и подскочили к ближайшему телу. Это был Орловский из взвода связи. Машинально я отметил пулевое

отверстие возле горла, рану в бок и перебитые ноги. Серый, пепельный цвет лица указывал на наступление агонии. Вернее, быструю смерть. Я схватил его за руки, Якубов за ноги, и мы бегом понесли его тело. Затолкнули труп в правый десант и захлопнули люк. А вот чуть дальше — второй. Та же операция и бегом к люку. В этот момент из кустов бросился к машине оборванный, окровавленный солдатик. Пули визжали и свистели вокруг. Они ударились о камни, падали в пыль, но не задевали никого из нас.

— Быстрее, братан! Запрыгивай! — скомандовал ему Гурбон, а я подтолкнул его в спину, потянул за воротник и штанину, чтобы солдат оказался внутри десантного отделения.

— На дороге еще убитый лежит, — всхлипнул солдат, обернувшись.

Черт! Я спрыгнул обратно, а боец захлопнул люк изнутри. С левого борта на броню карабкался раненый офицер, которому помогал наводчик. Я заставил себя броситься вновь навстречу опасности, метнувшись в колючую траву. Действительно! Вот он, еще один солдат в окровавленном маскхалате. Я упал рядом. Боец не двигается, не дышит. Значит, мертв.

Меня охватило бешенство. Столько погибших! Как глупо! Проклятые полководцы, стратеги хреновы! Войти в этот ад практически без солдат! Я оглянулся: и внутри все похолодело. Машина отъезжала. Гурбон влезал в башню, а механик торопливо разворачивал БМП, сдавая кормой вправо. Вокруг не оставалось никого из своих. Только мертвое остывающее тело незнакомого солдата. Живые, конечно, рядом были. Но это были враги — «духи», которые принялись дружно и интенсивно поливать нас свинцом. Нас — это меня и погибшего бойца. «Духи» бесились. Почему-то они никак не могли попасть. Несколько пуль впились в покойного. Убили еще раз... Эх, превратиться бы сейчас в хамелеона и слиться с цветом почвы, чтобы стать незаметнее! Я распластался на дороге и вжался в густую пыль. Лифчик оказался подо мной. Теперь даже гранату не метнешь. Мое лицо упиралось в плечо и голову трупа, но сам я, к счастью, пока был живой. Судорожно дышал и соображал, каким образом выпутаться из этой ситуации. Надо как-то выбираться...

«Духи» продолжали бесноваться из-за того, что не могли никак меня достать. Одна очередь вновь прошла лежащего бойца, другая пыльными фонтанчиками вонзилась в обочину. Следующий «веер» из пуль сшиб ветки и листву с наклоненной яблони. Стреляли трое или четверо с обеих сторон этой широкой поляны. Возможно, их было больше.

Мне стало по-настоящему страшно. Я клял себя последними словами. На кой черт я поехал на эту войну? На кой... я полез в эту трижды проклятую «зеленку»? На кой... .. я оказался на этой убийственной поляне-ловушке и теперь вот жду пулю в голову?

Видимо, несколько человек, подъезжая сюда, я скосил из пушки и пулемета, раз они так вцепились в меня. Кровно обидел аборигенов. А может, и не попал ни в кого, только нашумел и разворошил это осиное гнездо...

Долго лежать и выжидать было нельзя. Рано или поздно достанут.

Добьют. Не будут же постоянно попадать в этого парня. Пристреляются. Маскхалат, конечно, немного спасает, но приглядятся и грохнут.

Я сделал над собой усилие воли и совершил кувырок и перекат в ближайшую колену. О чудо, там, где я лежал секунду назад, прошла длинная, прицельная, злобная очередь. Стрелявший, видимо, сильно горячился — целый магазин патронов расстрелял впустую. «Духи» перенесли огонь на мое новое укрытие. Очередь, очередь, пара одиночных выстрелов. Твою мать! Я выкрикнул в сторону зарослей несколько ругательств, сдобренных крепкими матами, и сиганул в небольшую воронку. «Духи» прямо озверели. Свист пуль усиливался. Неужели кроме меня стрельнуть некуда или не в кого? Я что, одна цель во всем кишлаке?! Хотя если б знали, что мишень дважды к Герою представляли, то, наверное, собралось бы еще человек двадцать желающих пострелять. Оркестр из автоматчиков играл блюз, переходящий в какофонию...

Все это произошло за минуту, которая тогда казалась мне вечностью. К моей гордости, я не обделался. Возможно, просто не успел.

БМП уже мчалась к выходу из этой западни, и расстояние до нее увеличивалось. Лежа в воронке, я достал гранату из нагрудника и швырнул подальше, в сторону стреляющих из кустарника. «А теперь беги, беги, черт тебя побери!» — скомандовал я сам себе. Заставить себя это сделать непросто. Вскочить, подняться, мчаться из последних сил. Ямка кажется такой спасительной и надежной! Если бы не выбрался тогда из нее — погиб бы наверняка. Не из автомата, так из гранатомета бы добились.

Я прыгал словно дикий зверь. Бросался то резко вперед, то вправо, то влево, несколько раз падал и перекачивался. Зеленый маскхалат сделался серым, грязным, порвался и лопнул в нескольких местах. Пулей устремился в погоню за машиной и в несколько прыжков догнал ее. Догнать-то догнал, но оба задних люка закрыты! Даже у стоящей бронемашины его открыть — проблема! Дверь обычно удается отпереть ударом ноги по ручке. Рукой и на ходу — нереально. Но ужас и стремление к жизни делали свое дело. О чудо! Резкий рывок за рукоятку — и тяжелая дверца распахнулась, едва не сбив меня с ног. Она застопорилась в открытом положении, бултыхаясь и покачиваясь в такт движению по ухабам. Я судорожно схватился за края люка и забросил свое тело внутрь. О боже! Я упал на труп Орловского, что лежал в этом десанте. Уф-ф-ф! Мое лицо касалось его лица, а живая щека терлась о его мертвую и холодную. По броне барабанили пули, и некоторые, будто злобные шмели, залетали в открытый люк, застревая где-то в глубине машины. Броню подбрасывало на ямах и кочках, но механик гнал не разбирая дороги к спасительному повороту. Там было относительно спокойно. Там были еще две бронемшины и главное — боеприпасы. Тяжело воевать при полном отсутствии патронов! И без бойцов.

Мы за минуту домчались до Шкурдюка и, наконец, затормозили. Я выбрался из люка, чихая и кашляя в клубах поднятой пыли.

— Никифорыч! Жив?! Что с тобой? Ты весь в крови! Куда тебя ранило? — встревожился Серега, подбегая ко мне.

Я машинально попробовал стереть кровь с одежды, но сумел ее только размазать. «Лифчик» и маскхалат от головы до пят были перепачканы кровью.

— Это не моя. Это Орловского, я на нем лежал в десанте. Сережка, в моей машине нет боеприпасов, давай гони на своей машине в сторону кишлака! Там убитый солдат на дороге, а где-то рядом, может быть, еще кто-нибудь умирает! — скомандовал я. — Жми быстрее, но будь осторожнее! Лупят, гады, с двух сторон. Пушка и пулемет пусть не смолкают. Ну, валяй, с богом!

Машина скрылась в клубах пыли, и чуть позже до нас доносились только отголоски стрельбы. Минут через десять Серега вернулся. Когда Шкурдюк соскочил с брони, взъерошенный как черт, я метнулся к нему с расспросами:

— Ну, как, добрался до солдата?

— Да, в десанте лежит, весь изрешеченный. В него, по-моему, кто-то целый «рожок» в упор выпустил. Наверное, после того, как вы уехали. Не тело — решето! Сволочи! Там подальше был еще труп, но его сумели подобрать танкисты. Танк сзади нас едет.

Из-за дувала показался танк, тащивший на буксире подорванный КАМаз. Следом появился еще один, на тросах у него был дымящийся тягач. Я бросился навстречу танкисту зампотеху Штрейгеру:

— Виктор, зацепи сгоревшую БМПшку. Как потом спишем машину?

— Как-нибудь да спишете. Чего ее зацеплять? Решето! В броне дырок от гранат штук двадцать. Дуршлаг. Через нее макароны хорошо промывать! — ответил мне майор невеселой шуткой.

Он махнул рукой, и колонна поползла дальше к дороге. За танкистами выехали колесные машины и броня. В это время из зарослей выбрался Ермохин с перевязанной рукой и за ним два солдата.

— Лейтенант! Сволочь! Ты почему машину бросил? У твоих позиций человек пять погибли, а может, и больше. Шлепнуть бы тебя самого за это! — набросился я на него.

— Меня ранило! Машину подбили, боеприпасы кончились. Я не мог не отступить. Повезло, что мой экипаж выжил. Еле-еле выбрались! — начал оправдываться взводный.

— Там, где был твой рубеж обороны, пятнадцать минут назад было братское кладбище. Учти, если смогу, отправлю тебя под трибунал! За трусость.

Лейтенант шмыгнул носом и вновь показал мне на перевязанную руку:

— А что сейчас с этим-то делать? Мне бы перевязаться.

— Топай за танками вместе с экипажем. На бетонке найдешь медиков. Уйди подальше с глаз долой! — махнул я рукой и пошел к своей машине.

Якубов забрасывал станину от гранатомета на корму. АГС уже лежал на броне.

— Ничего не забыл? Барахлишко упаковал? — Я хмуро посмотрел на сержанта.

— Так точно! Вещи и оружие собраны! Можно двигаться. Ребят, убитых, так и повезут в десанте или перенесем их на грузовики?

— Сами вывезем! — отрезал я и поинтересовался, пристально глядя ему в глаза: — Гурбонище! Ты почто меня в «зеленке» одного бросил на произвол судьбы? Неужто не видел, что я за третьим трупом помчался? Меня, как зайца на охоте, по кочкам гоняли!

— Виноват! Товарищ старший лейтенант, виноват! Я сильно испугался, запаниковал, не заметил, что вы остались! Честное слово, разве б я уехал, если б видел? Думал, вы уже в десанте сидите.

— Я лег в него, только значительно позже! С тебя в Бухаре, при встрече, шикарнейший банкет! Заказываешь персонально для меня главный зал твоего ресторана!

— Хоть два банкета, но после дембеля! Главное дело, нам живыми вернуться! — вздохнул Якубов.

— Вернемся! Обязательно вернемся живыми! По теории вероятности не может на одних и тех же людей сваливаться неисчислимое множество несчастий! Думаю, свою порцию мы съели полностью. Оставим и другим чуть-чуть!

— Халва, халва, халва! Сколько ни говори, сладко не становится. Но буду рад, если гарантируете, что вернемся. Обязуюсь дома устроить той в вашу честь! Пир по-нашему!

— Ловлю на слове! — усмехнулся я и похлопал сержанта по широкой спине, а потом поддал ему коленом под зад (за переживания под перекрестным обстрелом).

Последний «Урал» проехал мимо, и далее поползли БМП с повернутыми вправо пушками, в сторону канала. Интенсивный пушечно-пулеметный огонь не давал «бородатым» обнаглеть окончательно и не подпускал их к дороге.

«А действительно! Отсутствие на шее номерка-амулета едва не привело меня к гибели», — мелькнула в голове неприятная мысль.

Скорей отсюда! Прочь! Надеюсь, что в «Баграмке» я был в последний раз...

Позже напыщенные начальники представят эту трагедию как яркий пример героизма и самопожертвования наших бойцов. Очень удобная позиция: собственные просчеты и бестолковость объявлять всенародным подвигом. Бить в барабаны, трубить в трубы, петь гимны, клясться памятью погибших товарищей. Мертвым и их родителям от этого не легче...

Глава 18

Прощание с товарищами

Колонна бойцов выстроилась на трассе, и командование начало подводить итоги боя, подсчитывать потери. Результаты подсчета оказались трагичными: погибло десять человек. Еще двух не нашли: Юрку Колева-това и Азаматова. Двадцать раненых. Вот такая получилась «мясорубка». Выходит, каждый второй из попавших в кишлак ранен или убит.

Я пытался отряхнуть маскхалат. Чего на нем только нет! Пыль, грязь, кровь, колючки...

— Никифор, кто будет командовать батальоном? — спросил Вересков. — Чухвастова увезли в медсанбат. Ему руку в двух местах осколком раздробило.

— Черт! Как же так? Ну нелепость! Бедняга Вовка! — огорчился я. — Руку сильно покалечило? Какую руку и в каком месте?

— Правую. Возле запястья. На нее было страшно смотреть. Месиво из сухожилий, костей и мяса, — вздохнул зампотех. — Опять остались без начальника штаба.

— Ты — старший по званию, вот и возглавляй колонну. Нехорошо, если старший лейтенант будет майором руководить. Я, кажется, после сегодняшнего дня отвоевался. А где был наш новый комбат?

— Хрен его знает. Где-то при штабе отирался. А Метлюк за каналом остался с третьей ротой, с другой стороны «зеленки». Если командиры отыщутся, тогда будут они «рулить». А не найдутся — ладно, сам поведу батальон домой, — согласился со мной зампотех.

К нам подошел Хмурцев и сообщил, что Ошуев приказал съездить в морг, в Баграм, опознать трупы.

— Но погибшие все из разных подразделений. Кто поедет? Не собирать же команду из пяти офицеров! — поинтересовался Вадик.

Вересков посмотрел на меня вопросительно:

— Никифор! Поедешь? Ты практически всех солдат батальона в лицо знаешь. А я только механиков. Может, сгоняешь?

«Вот черт! Еще одно испытание на прочность и крепость нервной системы!» — подумал я и внутренне содрогнулся, представив то, что увижу... В морге опознать десяток изувеченных солдат!

— Да я там сам останусь при виде этой жуткой картины, лягу рядом! — вскричал я в полном отчаянье.

— Ну и какие предложения? Собрать толпу офицеров и пусть отправляются узнавать своих подчиненных?

— Ладно, хрен с вами! А на чем ехать? — вздохнул я.

— Спроси у Героя или у командира полка, — ответил Хмурцев. — Это они распорядились.

На мой вопрос о транспорте «кэп» указал на два БТРа полковых связистов:

— Бери эти «коробочки» и езжай быстрее!
Я подозвал попавшихся на глаза стоящих в сторонке сержантов.
— Якубов, Муталибов! Парни, поедете со мной. Живо!
— Куда, товарищ старший лейтенант? — с опаской спросил Гурбон.
— В Баграмский морг.
— О, шайтан! — взвизгнул Гасан Муталибов. — Я не могу! Я боюсь мертвецов.
— Эти мертвецы — твои вчерашние приятели, папуас!
— Ну чего вы сразу обзываетесь? Я ведь действительно боюсь крови и мертвых! Вы же помните прошлый год...
— Хорошо, постоишь возле дверей, позову, если кого-то не узнаю или понадобится твоя помощь! — махнул я раздраженно рукой. — Поехали! Кто-то должен меня охранять перед заменой, в конце-то концов!
Психовали не только сержанты, но и я. Тело была сильная нервная дрожь и неприятно сосало под ложечкой. Не вырвало бы при виде крови. Очень этого не хочется...

На окраине медсанбата стояли два ангара. Это и был морг. У ворот на цинковых ящиках сидели и курили три солдата-дембеля, с выбритыми до блеска головами. Чувствовался посторонний подозрительный запах (наверное, анаша). Выглядели они устрашающе и вызывающе нагло: голые по пояс с толстыми серебристыми цепочками на шеях, с огромными наколками на теле. На плечах и груди красовались броские надписи и рисунки: «ОКСВА» (ограниченный контингент советских войск в Афганистане), «2 года под прицелом», «Баграм», «ДМБ 87». Надписи кричали о героической службе парней (очевидно, в этом морге), об их боевых буднях и ежедневном риске. Тыловые герои, от безделья, испещрили себя воинственными надписями с головы до пояса. Под штанами было не видно, есть ли «иероглифы» ниже поясницы или нет. Но наверняка какой-нибудь из обкурившихся балбесов что-то боевое написал и на ягодицах. Чуть в стороне, на земле, прислонившись к забору из аэродромной арматуры, полулежали пятеро дремлющих молодых бойцов. Видимо, похоронная команда.

Гасан присел на корточки в сторонке и закурил папироску. Гурбон схватил за шиворот узбека-земляка, обнял его и затараторил о чем-то быстро-быстро на своем родном языке. Везде у него находятся земляки и родственники!

— Эй, черти! Это морг? — спросил я у бойцов.
— Ну... — издал звук, судя по всему, старший.
— Что «ну»? Морг? — рывкнул я.
— Морг, — ответил самый стройный из них.

В моем батальоне таких здоровяков не было. В горах жирок не нагуляешь! Отожрались на госпитальных харчах, в тишине и покое.

От солдат слегка разило спиртным. В тенечке — я заметил — сто-

яла трехлитровая банка, наполненная какой-то жидкостью и наполовину опустошенная.

— Да вы все пьяны!

— Вовсе нет! А ты по-трезвому делу тут поработай! — стал оправдываться наиболее вменяемый из этой троицы.

— Сопляк! С тобой замкомбата говорит. Повезливее!

— Виноват! — ответил он.

— Кто тут старший?

— Я. Сержант Панков! — представился разговорчивый. — Какие проблемы?

— Нужно опознать десять человек, которых сегодня привезли из «зеленки».

— Тринадцать. Сегодня поступило тринадцать трупов. Может, тут и ваши. Сейчас попытаемся разобраться, кто есть кто. Внутрь пойдете или сюда выносить?

Муталибов при этих словах охнул и побледнел.

— Там в помещении прохладно или духота? Запах ужасный? — поинтересовался я у сержанта. — Тошно?

— Нет, там прохладно и не воняет. Они еще не успели испортиться, свежие. В камере для этого поддерживается холодок. Лучше войти на «склад». Тут вы сразу сомлеете.

— Ну, открывай врата ада, привратник.

...Лучше бы я туда не заходил. Холодный полумрак «некрополя» вселял ужас. Сразу от порога, вдоль стены, стоял длинный ряд стеллажей, на которых лежали носилки. На носилках — мертвецы, скрюченные, в тех позах, в каких их настигла смерть. Только руки и ноги стянуты веревочками, чтоб гробы вместились, иначе окоченеют и не поместятся. Обнаженные обмытые тела молодых парней. Будто бы спящие. Но нет, они были с пулевыми отверстиями и рваными осколочными ранами. Мои солдаты и сержанты. Бывшие...

— Ваши? — участливо задал вопрос сержант.

Я молча кивнул в ответ. Я был в состоянии глубокого шока и с трудом приходил в себя. Руководитель похоронной команды взял в руки планшет, ручку, связку бирок и приготовился к работе.

— Мои! Это Орловский! — показал я пальцем на ближайшего. Сержант что-то написал, а другой солдат повесил одну бирку на шею трупа, а вторую на большой палец ноги. — Вот этот Насонов! Этот Филимонов! Это Гогия. Этот Ахметгалиев. Вот с наколкой на плече Велесов. Этот Башметов, Это Лапин. Тот Исламов. Боец без головы...

— Так точно! Одно тело доставлено без башки, — буркнул санитар.

— Это, наверное, Азимов. Разведвзвод. Взводный говорил, что ему голову гранатометом оторвало. — Я на минуту задумался. — Других таких нет?

— Нет. Но нужно по иным признакам, по приметам определять. Родинки, татуировки...

— Значит, это точно он. Татуировок не было. Родинки — не знаю, какие есть. Были... Маленького роста, смуглолицый, — тихо произнес Якубов. — Без головы стал еще меньше...

— Он таджик. А этот, лежащий, определенно азиат, — предположил я и обернулся для поддержки к Гурбону, тот в знак согласия быстро закивал головой.

Солдаты надели всем бирки, внесли записи во множество журналов и тетрадей и дали мне в них расписаться. Дата, фамилия, подпись.

— Прапорщика не было среди трупов? — спросил я.

— Никто не признался. Мы спрашивали... — ухмыльнулся сержант.

— Ну ты, шутник! Это мой старый приятель! Он сегодня, может быть, погиб! Пропал без вести! В ухо сейчас схлопочешь за хамство.

— Ну как я определю, кто прапорщик, кто офицер! — начал оправдываться и заминать неловкую шутку санитар. — Они молчат, не говорят. Голые люди — все одинаковые. Вот еще три чьих-то тела. Не ваши?

Я заставил себя пройти вдоль стеллажей еще раз, но эти парни были не из нашего батальона. Юрика тут не оказалось.

— Нет. Остальные из других подразделений.

— Ну, значит, ваших подвезут позже. Заезжайте завтра. Сейчас будем разыскивать, чьи эти, неопознанные...

— Пошел ты, знаешь куда, юморист! — разозлился я.

— Уже иду. Меня часто туда посылают. Служба в этом заведении предполагает к юмору, философии. Нам для успокоения нервов нужно выдавать водку и «травку». Иначе крыша съедет, и быстро чокнешься. Думаете, легко покойников каждый день мыть, упаковывать.

Сержант-санитар вышел во двор и прикрикнул на загорающих молодых солдат. Бойцы нехотя погасили окурки и потянулись к ангару. В углу у забора стояли и лежали гробы, чуть в сторонке — цинковые ящики. У ребят началась работа. Неприятная, тоскливая. От такого каждодневного труда, действительно, очень даже легко свихнуться.

Я спросил угрюмого сержанта:

— Ты здесь постоянно или на время прикомандирован?

— Я постоянно. Уже почти год тут загружаю «Черный тюльпан». А пацаны после болезней прикомандированы. Выздоровливающие. От желтухи они очухались, но психику тут наверняка подорвут. Сейчас по стакану самогонки бабахнем и пойдем упаковывать и оформлять по адресам. Спиритик есть и бражка. Не хотите дерябнуть? — вежливо предложил сержант.

— Ты меня удивляешь! Жара! Трупы! После всего увиденного боюсь, что сразу вывернет мой ослабленный желудок наизнанку. Как ты сам-то выдержишь, сержант? Покойники часто снятся?

Парень нервно махнул рукой и побрел к ангару.

Я быстро вернулся назад к дороге, где собиралась полковая колонна. Приехал и почти сразу сцепился с зампотехом, по прозвищу Динозавр, начался неприятный скандал.

— Товарищ замполит! Вы почему взяли без спросу бронетранспортеры? — воскликнул возмущенный подполковник Голенец.

— Что? Взял без спроса БТР? Я не на гулянку катался, а на опознание погибших.

— Прекратить пререкаться, товарищ замполит! Воевать не умеете, к дисциплине не приучены, — продолжал тупо бубнить зампотех полка.

— Что ты сказал? Повтори! — взвизгнул я.

— Не хаами, замполит!

— Да пошел ты... придурук! Научись называть офицеров правильно, по званию, а не по должности! В нашем батальоне даже хреновый последний солдат это умеет.

— Я вас арестую! Под трибунал отправлю.

— Ну-ну! Посади! Крыса штабная! Залезь в «зеленку», сходи в горы, а потом рот разевай. Полгода в полку в штабе просидел и думаешь, ветераном стал!

— Мальчишка! Я тебя быстро обломаю! — и он схватил меня за рукав.

Я перестал себя контролировать. Негодование переполняло меня, и вся накопившаяся ярость выплеснулась наружу.

— Обломай! Попробуй! Чем испугаешь? Я сейчас десятерых пацанов рассматривал, опознавал! Им уже ничего не страшно. А если затеешь разбирательство... — при этих словах я схватил его за ворот х/б и за гимнастерку на груди, — то считай, что проживешь только до первого рейда...

— Наглец! — воскликнул зампотех полка, хватаясь в свою очередь за мое х\б. — Под трибунал! Это угроза старшему начальнику! Все слышали?

Он закрутил головой по сторонам, но наткнулся только на угрюмые взгляды офицеров батальона. Шкурдюк потянул меня за плечи назад, а Хмурцев нахально вызвался лично начистить физиономию Голенцу. Из-за машин выскочил Ошуев, услышавший перебранку. Он притянул зампотеха к себе и что-то злое громко сказал ему на ухо. Затем рывкнул на меня, чтоб я отпустил х/б подполковника и доложил о проведенном опознании. Начальник штаба не без труда оттеснил нас друг от друга и развел в разные стороны.

Я сделал пару вдохов-выдохов, чтоб успокоиться, потому что ярость продолжала кипеть и kloкотать в моей груди. Меня колотило от возмущения и обиды. Сегодня раз десять меня могли убить, потом на опознании в морге я увидел погибших ребят. А теперь этот штабной червь угрожает трибуналом и судом «чести офицеров». Сволочь! Просидел от лейтенанта до подполковника в штабе округа писарем и точильщиком карандашей, а теперь поучает, как надо воевать. «Не умеем воевать!» Мерзавец!

Подполковник Голенец появился в полку одновременно с замом тылу и сразу получил убойную кличку. Если первого прозвали «Мухам по столбам», то второго за первобытную тупость и тугодумное выражение лица окрестили Динозавром. В первые же дни пребывания в полку он «отличился».

Филатов во время подведения итогов боевых действий дал слово Голенцу (тогда еще майору), но лучше бы тот рта не открывал. Динозавр расшумелся:

— Стреляные гильзы ни одна рота не сдала, кольца отстрелянных сигнальных ракет и израсходованных гранат не собраны! Где корпуса расстрелянных «мух»?

— Майор, ты что, ох...! — рявкнул «кэп» со свойственной ему грубостью. — На кой хрен тебе эти кольца? В загс собрался? А если нужны стреляные гильзы, сходи на полигон и собери.

— Как так? — удивился Голенец. — А для отчетности? Ведь израсходованные боеприпасы необходимо списывать.

— Необходимо, значит, списывай. Тебе командиры рот акты представят.

— Что я должен верить бумажке? А если они утаили боеприпасы? Припрятали? Похитили?

— Утаили... Хм-м, хм-м. И что ты предлагаешь? Каждому патроны по счету выдавать и по гильзам принимать?

— Так точно.

— Ну, если «так точно», то ступай в «зеленку» да собирай кольца и гильзы. Я тебе эту возможность предоставлю в следующем рейде!

Майор густо покраснел, замолчал и сел на свое место, смутно догадываясь, что сморозил глупость. Спустя некоторое время он совершил очередной «ляп», проводя показательные занятия с технарями. Зампотех оказался не практиком, а теоретиком. За свою службу научился только писать отчеты да составлять донесения. Однако приехал он майором, а теперь уже подполковник. Вот и сегодня впервые вышел с полком на боевые, скорее всего за орденом, и сразу затеял глупый скандал. Опоздай Ошув на минуту — и офицеры батальона «затоптали» бы балбеса!

— Что с Колотовым? Нашли? — спросил я у Шкурдюка, отходя от штабных машин.

— Нет, — ответил Сергей.

— Кто видел, что его убили?

— Афоня. Он говорит, что очередь прапорщика прошла сверху донизу. Юрка заметил ДШК и решил зайти сбоку, захватить трофей. Прошел с двумя бойцами. Одного из них ранило, перебиты обе ноги. Афоня его вытащил. А к технику и второму убитому солдату было не подползти. Они лежа-

ли в десяти метрах от пулемета. Сам ведь знаешь, Никифорыч, людей было мало. Двадцать человек ранено! — виновато ответил Шкурдюк.

— Н-да, и двенадцать трупов! Такого полтора года не было, со времен гибели группы Масленкина! — воскликнул я и от досады хлопнул себя по лбу кулаком. Голову и так ломило, в ушах звенело, виски сжимало тиска-ми. Опять сегодня контузило...

...Юрку жалко. Всех жалко, но Юрку особенно. Он был моим инструктором в училище. Черт дернул занять ему полтинник на прошлой неделе. Ведь зарекался! Как кому дашь займы, так этого человека и убивают. Но если б Юрка не взял денег в долг, наверное, все равно бы погиб. Видно, у каждого своя судьба.

Вернувшихся из «зеленки» офицеров вызвал в свой кабинет комдив. Мы сели на две БМП и помчались в штаб дивизии, получать нагоняй.

А в чем мы виновны? В том, что начальство пошло на глупый договор с «духами»? Что враги начальничков обманули? В том, что противник бросил в бой школу гранатометчиков для проведения учебных стрельб по малочисленной мотострелковой колонне? Что пятьдесят гранатометчиков лупили по нам из гранатометов, как из автоматов, не жалея боеприпасов? Не мы «духам» подсказали, когда и куда идем...

В результате подбит танк, тягач, дотла сгорели КАМаз и БМП! Еще восемь бронемашин получили пробоины, а нам даже оборону было не с кем занять, без пехоты, без солдат! Три километра сплошного огня! Вошли шестьдесят, а на своих ногах вышли двадцать восемь человек. И все для того, чтобы провести колонну из шести машин. Один какой-то идиот создает посты и заставы в центре «зеленки», а другой, не умнее, договаривается о «перемирии». Можно сказать, что такими действиями заранее предупредили наших противников о проведении операции. Могли бы еще в штаб мятежников телеграмму послать с уведомлением о наших действиях. А напоследок какой-то штабной «стратег» распорядился идти на боевые без достаточных сил! Привыкли на картах стрелки рисовать да донесения писать. Показушники!

— Как вы могли? — воскликнул при виде нас новоиспеченный генерал. Звание генерал-майора командир дивизии получил ко Дню Победы. А эти потери испортили ему празднование торжества. Сорвали мы запланированный банкет.

Начальник политотдела сидел откинувшись в кресле и тупо смотрел в потолок, находясь в глубокой прострации. Шок от всего случившегося сразил полковника наповал. Севостьянов тяжело дышал и громко вздыхал.

— Что за бардак был во время прохода колонны к заставе? — продолжал громко выговаривать нам красивым, хорошо поставленным голосом командир дивизии. При этом он почему-то все время смотрел на меня. — Откуда такая беспомощность?

Грязные, пропыленные, измученные, мы выглядели убого рядом с холеным генералом. Новый комбат стоял, потупив взор, в сторонке, будто его это не касалось. Зампотех вообще не поехал на экзекуцию, а остался возле техники. Держать удар пришлось мне и офицерам роты. Ильшат Гундуллин перед рейдом принял дела у Острогина (Сергея в полку подписывал бумажки, рассчитывался с имуществом, собирался домой, и вот такая беда)...

— Эх, вы-ы-ы! — вновь воскликнул генерал. — Вояки хреновы!

— В чем наша вина? — наконец отозвался я, не выдержав упреков.

Во мне все клокотало, слова и фразы вырывались изо рта будто помимо моей воли. Я вновь потерял контроль над собой, и от гнева меня качало из стороны в сторону. Глаза застилал туман, из них брызнули слезы досады и жалости к погибшим.

— Так в чем мы все виноваты? В том, что на каждые сто метров было по два-три человека и бронемашина? Что по каждой БМП стреляли три-четыре гранатометчика? Почему вы на нас натравили «духов» со всех окрестностей?

— Товарищ старший лейтенант! Приказываю замолчать и не пререкаться! Виноваты! Не уберегли солдат и не оправдываетесь!

— А я и не оправдываюсь! Мне сегодня дико целый день везло! Я вернулся от миномета, не попали в меня четыре автоматчика! Я самолично под огнем с сержантом вынес двух убитых и спас двух раненых. За собой никакой вины не чувствую. Не я организовал эту бойню, не я спланировал. Я только свою дурную башку под пули подставлял!

— Ростовцев, успокойся, — подал из кресла голос Севостьянов. — Никто конкретно вас не обвиняет. Но кто-то ведь виноват!

Я внимательно посмотрел на него и, думаю, начпо по моим глазам понял, кого я считаю главным виновником разыгравшейся трагедии... В этот момент напряженную тишину разорвала громкая телефонная трель аппарата «ЗАС». Командир дивизии подошел к телефону и задумался на секунду. Он быстро причесал расческой волосы, резко поднял трубку и произнес:

— Слушаю, товарищ командующий. Так точно, товарищ командующий! Так точно! Так точно! Это будет для всех нас суровым и жестоким уроком. Так точно! Я готов понести наказание. Так точно! С себя вины не снимаю. — Генерал положил трубку на рычаг, аккуратно вытер пот платком, поправил еще раз пробор и тихо сказал: — Все свободны. Написать объяснительные. Комбату и замполиту составить донесения. Сдать бумаги в штаб дивизии.

Мы вышли от генерала, и в разных кабинетах отдельно друг от друга описали ход боя. Перечислили потери, указали, кто, где и при каких обстоятельствах погиб. Я, кроме того, отметил отличившихся в этом бою и достойных правительственных наград.

В итоге никого, конечно, не наградили. Гробы сколочены, тела уложе-

ны, «цинки» запаяны. Ордена — только погибшим и раненым. Бой закончен — и отдыхайте до следующего рейда. Пушечное мясо — оно и есть пушечное мясо...

На следующее утро две роты разведки после бомбардировки и артобстрела вышли в «зеленку». Они нашли в зарослях густого кустарника обезображенные тела пропавших. Версия, возникшая в воспаленных умах особистов и некоторых политотдельцев о том, что сержант и прапорщик сдались в плен, отпала. А дело было так. Когда Юрка вместе с сержантом попытались прорваться к ДШК, то «духи» их сразу заметили, подпустили обоих поближе и расстреляли из пулемета. Погибли мужики в бою, как герои...

* * *

На «базе» мы простились с убывающими домой Ветишиным и Калиновским. Ребята выжили после тяжелейших ранений. Пора на Родину, налаживать новую мирную жизнь.

Сашка Калиновский выздоровел и мог уже более-менее ходить. Постепенно восстанавливалась речь, но еще были частичные провалы памяти. Он не всех узнавал. У Сашки вынули из головы все осколки, кроме одного, который так и остался торчать под черепной коробкой, почти касаясь мозга. Пошевелится кусочек металла, чиркнет по мозжечку — и ты парализованный инвалид.

Мы проводили Александра до самолета, и он улетел в Ташкент. Из Ташкента он должен был попасть в Москву, а дальше в Минск. Прямого рейса не было. Не долетел...

В Москве какой-то негодяй позарился на его багаж и бушлат. Ударили чем-то тяжелым по затылку. Выгребли из бумажника чеки, украли новенький японский магнитофон. Милиционеры подобрали Калиновского, лежащего на асфальте, подумали: пьяный. По документам определили, что офицер. Спиртным не пахло. Глаза открыл, но не говорит. Только мычит и судорожно дергается. Попал он в итоге снова в госпиталь. Оттуда домой привезли уже недвижимым, на носилках...

...Отблагодарила Родина героя! Встретила ласковым приемом!

Ошув расставался с полком. Банкет для штабных, построение всего личного состава, вынос Боевого Знамени части. Потом он вышел к нашему батальону и начал прощаться с офицерами:

— Товарищи офицеры! Ребята! Мужики! Вы уж простите меня за то, что я порой перегибал палку, свирепствовал, не давал вам житья. Мне было приятно с вами служить и воевать. Я горжусь нашей боевой совместной деятельностью. Вообще, не поминайте лихом. Если в чем виноват, извините. Не держите зла и обиды.

— Да мы все понимаем! — выкрикнул Стропилин.
— Ага, никаких обид! — гаркнул Афоня.
— Все нормально, товарищ подполковник! — воскликнул Мандресов.
— Султан Рустамович! Давайте сфотографируемся на память у обелиска! — предложил я, расчувствовавшись.
— Да, конечно, с удовольствием! — согласился Герой, и мы гурьбой рванули к постаменту, где стояла БМП.

Но что особенно было удивительно, так это то, что Табеев, злейший его враг, шел в обнимку с Ошуевым и что-то говорил ему, словно просил прощения.

Уехали все, с кем я начинал. Вот и Мелещенко собрал чемоданы, найдя на пересыльном пункте себе сменщика на должность начальника клуба. Хитрец! Сваливает на два месяца раньше срока.

— Коля, а как же я? Мы приехали вместе, в один день, а теперь я брошен! — сказал я ему на прощание. — А как быть мне? Ведь ты единственный мой потенциальный донор! Микола, вернись в батальон и не уезжай!!!

— Перебьешься, ты — бессмертный. Сам же говоришь всем, шо гадание було тоби до девяноста семи лет воздух коптить. Вот, живи и мучайся целый век! А кровь понадобится — сварить на самогонном аппарате. Я так кумекаю: горилка или чистый спирт и наша первая группа крови, резус отрицательный, близки по составу. Я целых два года ее таким образом обновлял. По два стакана чистейшего самогона три раза в неделю. Кровь ажа бурлить. Презентую проверенный метод! Ну все, прощуй и не журысь! — Микола хитро прищурился, разгладил недавно выращенные запорожские усы, обнял меня и отчалил.

Когда же мой черед?

Друзья уезжают один за другим. Проводили домой Острогина. Вечером накануне он пригласил меня, Шкурдюка и Афоню прощаться. Две бутылки коньяка, фрукты и «Боржоми». Минералка для Шкурдюка (последствия двух гепатитов выпивать не позволяли).

— Эх, мужики! Честное слово, не чаял вернуться живым с этой войны! Тьфу-тьфу-тьфу! — сплюнул Острогин суеверно через левое плечо. — Тороплюсь радоваться, ведь еще не улетел. Осталось доехать до аэродрома и улететь в Ташкент, будем надеяться: перелет пройдет нормально.

— Не бойсь, Серега! Все будет тип-топ! — успокоил его Афоня и шлепнул ротного по плечу. — Друзья, встретимся все в Союзе.

— Дай бог! — вздохнул Серж. — А как служба тяжело начиналась! Черт меня дернул сюда приехать! Служил в Германии, как у Христа за пазухой! Пиво! Сосиски! Айсбан (тушеные ножки молодого поросенка)! Красивый маленький, тихий немецкий городок! Но совесть точила, и мучила мысль, что все мои друзья по училищу на войне! А я, как «чмо», барствую в центре

Европы. Получил от друга письмо из Гардеза. Он сообщал, что был ранен. Надрался я шнапса и написал спьяну рапорт в Афган. Такой же опус составил мой собутыльник Вася Петров. Утром являемся к командиру полка и приносим свои рапорта на подпись. Доложили. Василий, сын генерала из Генштаба. «Кэп» подписал бумагу, не читая, а затем вдруг поперхнулся и переспросил: «Василий, ты куда собрался?» — «В Афганистан!» — отвечает мой приятель. Командир смял его листок и порвал на мелкие кусочки. «Ты что, хочешь моей погибели? — продолжал возмущаться командир. — Чтобы меня с полка сняли? Иди отсюда!» И выгнал моего дружка за дверь. «А тебе чего, Острогин?» — спрашивает он, вытирая платочком вспотевшую лысину. «Тоже решил в Афган поехать», — отвечаю я. Он взял мой рапорт, поставил размашистую подпись и молча, без возражений вернул его. Вот это было более всего обидно. До глубины души! Выходит, меня, Острогина, не жалко! Катись на все четыре стороны! Ну я и покатился вначале в отпуск, а затем в Ташкент. Приезжаю с предписанием в штаб округа, а моей фамилии в списке на замену для Афганистана нет. И личное дело почему-то еще не пришло. Кадровик разорался и выгнал из кабинета. Сказал, что загонит меня в какую-то Иолотань, пока не разберутся: откуда я взялся, такой проходимец! Ничего себе! Добровольца обозвали проходимцем. Стою в коридоре с предписанием, переживаю, потею. Обидно до слез! Тут полковник проходит, «направленец» на разведку. «Чего переживаешь, лейтенант?» Объясняю. Он мне: «В разведроту пойдешь?» А я хоть к черту на куличики был готов отправиться. Но в Кабуле назначение изменили. В разведке не служил — иди в пехоту, в восьмидесятый полк. А мне без разницы — что восьмидесятый, что восемьдесят первый, что мотострелковая бригада.

Мы прервали душевные излияния Сержа тостом за славный восьмидесятый полк. Он выпил и вновь продолжил свою повесть:

— Не успел я освоиться в полку, как началась Панджшерская операция. Из командиров в строю только ротный Ваня Кавун, я и прапорщик с гранатометного взвода. Остальные в госпиталях, отпусках и черт знает где отираются, замены ждут... Попал я в самое пекло — в штурмовой отряд для обеспечения движения армейской колонны. Впереди танк с тралом, затем еще тягач с «лопатой», грузовик с тротилом, далее мой взвод. Несколько километров прошли спокойно. Едем, а по сторонам лежат сгоревшие машины, бронетехника. Но, не доходя до Писгоранского Креста, попали в ловушку — тралом задела мину.

Подрыв! Часть дороги обрушилась и техника остановилась. Внизу крутой обрыв, не развернуться. Тут же второй подрыв под колесами «Урала». Кабина и капот разлетелись в куски. К счастью для нас, взрывчатка не сдетонировала! Обоим солдатам ноги оторвало прямо по туловище. Те, кто были рядом, бросились вытаскивать ребят из-под остова кабины. А им и помощь не окажешь! Сосуды разорваны, кровь хлещет, и никак не перетянешь. Ужаснейшая картина! У меня сердце остановилось, глаза из

орбит вылезли. Вокруг дикая суета: медики колдуют, солдаты горланят, офицеры по радиосвязи докладывают, машина дымит. Тягач съехал в сторону, разровнял площадку для вертолета. «Ми-8» только начал зависать для посадки, как вдруг он резко рванул вперед и взмыл в небо. В этот пятачок бросили несколько гранат. По колонне забарабанили пули, осколки. Это «духи» из невидимых нами пещер открыли огонь. Там были замаскированы и ДШК, и «безоткатки», и гранатометы.

«Крокодилы» сделали несколько залпов и улетели. «Ми-8» тоже уцелел, задымил, но не рухнул. Я своим солдатам командую, чтоб головы под бронелисты фальшборта прятали от визжащих шальных осколков и рикошетов. У самого ни каски, ни бронежилета. Думаю, черт с ней с задницей, если по ней чиркнет, а вот башку жалко.

Присели, стреляем по склону, по пещерам, а толку нет. «Духов» очень много. На моей машине Ширков ехал, был такой молодой наводчик, растерялся он совсем. Механик к нему в башню через отсек старшего стрелка перебрался, поднял пушку и открыл огонь. Минуты через три «бородатые» разозлились и гранатами прошили башню. Обоим пацанам ноги оторвало кумулятивной струей, и вдобавок все тело иссекло осколками. В конце концов, артиллерия пристрелялась и накрыла гору. «Духи» сделали свое черное дело и, видимо, по норам ушли — в глубь пещер. Позже огнеметам их оттуда выжигали. После «шмелей», думаю, никто не выжил.

— Помню эту кошмарную историю, — вступил я в разговор. — Приезжаю в роту, а погибших бойцов только что увезли на «Черном тюльпане».

— Никифор, ты видел лишь фото тех убитых, а у меня механик на руках умер! — воскликнул Острогин. — Последние слова какие-то бессвязные бормотал. Одно лишь я разобрал: «Надо, лейтенант, к солдатам человечнее подходить, мы тоже люди». Честно говоря, я к своему взводу подошел с мерками образцового полка, расквартированного в Германии, сразу как прибыл. Орал, гонял, строевые занятия, физподготовка. А бойцы — уставшие, измученные после рейда. Одному за пререкания по башке настучал. Они обиделись. Видишь, даже в последних словах перед смертью была обида на меня.

Итог боя: «бородатые» ушли, а четверо бойцов умерли. Два сапера из взорванного «Урала» и мой экипаж. Еще десяток раненых. Ну, думаю, скоро и и ко мне костлявая придет! Неделя в Афгане и такой кошмар, а впереди еще два года! Как выжить в этой «мясорубке»? Ну ничего, выжил! Повезло не всем, но мне счастье улыбнулось!

— Выпьем за удачу! — предложил Афоня, прерывая наступившее молчание. — За твою и нашу! Чтоб нам вернуться домой живыми и здоровыми.

Мы подняли стаканы, чокнулись и задумались. Сережка — счастливчик, одной ногой уже дома. А мне и Афоне еще по два месяца служить, Шкурдюку, бедолаге, целый год. Он и выпить-то не может для снятия стресса. Печень откажет. Глодает «Боржоми»...

Проверка караула — крайне неприятное занятие, когда находишься в полку. Встаешь среди ночи, бредешь в темноте к караульному помещению, спотыкаясь о кочки и камни, дрогнешь на ветру. Бр-р-р. Потом берешь сержанта-разводящего и идешь по постам, разбросанным вокруг городка. Удивительно, но факт! Вокруг враждебная страна, противник, «духи» живут в соседних кишлаках. Ветер заунывно воеет, а часовые спят! Вот и сегодня та же история! Приходим с Муталибовым на склад боеприпасов, а оба часовых спят, завернувшись в караульные плащи. Автоматы лежат рядом, богатырский храп раздается на всю округу. Они даже не шелохнулись при нашем появлении. Не услышали.

Сержант собрал автоматы и отошел чуть в сторону. Я сел на грудь ближайшему к воротам солдату, сжал ему горло рукой и наступил ногой на руку. Лопухий бойчина забился в ужасе, словно раненая птица. Наверное, подумал, что сейчас умрет. Он хрипел и вырывался изо всех сил, пытаясь освободиться от неизвестного душителя. Я чуть-чуть попугал парня и отпустил, а то, чего доброго, умрет от страха. Солдатик вскочил на ноги и, увидев нас, пришел в себя. Второй, тощий как щепка, так и не проснулся, пока Муталибов ему не отвесил сочного пинка по заднице. Спящий тотчас вскочил и получил еще затрепину.

— Сволочи! Негодяи! — заорал я на молодых солдат. — И самих убьют, и полк взорвут этим боезапасом! Половину Кабула разнесет при взрыве складов. Самим жизнь недорога, подумайте о здоровье любимых мамаш. Как они жить без вас будут?!

Щуплый боец, вытирая брызнувшие слезы, простонал:

— Товарищ старший лейтенант! Мы не спали. Мы просто лежали и грелись. Замерзли!

— Грелись, говоришь? А где твой автомат?

Солдаты растерянно огляделись по сторонам.

— Эх вы, вояки...

— Сморило малость, товарищ старший лейтенант, — оправдывался, шмыгая носом, лопухий.

— Тебя сморило, а из-за вашего разгильдяйства другие пострадать могут! — продолжал я ругаться. — Муталибов, вызывай смену! Этих снять с поста! Завтра разберемся!

И так из раза в раз. Старослужащие не спят, они обычно нарушают дисциплину по-другому: курят, сидят, лежат в кустах. А молодежь — дрыхнет, не боясь даже нападения «духов» и гибели. Понятно, что смертельно устают. Война без передышек! Две недели — рейд, затем изматывающая боевая учеба и вновь в рейд. Но надо крепиться. Расслабишься хоть чуть-чуть, тебе смерть и друзьям...

Глава 19

Погиб после замены...

Метлюк предложил сходить в командирскую баню, помыться, попариться, отдохнуть по-человечески.

— Я за три месяца одурел от вашего первого батальона, — грустно признался Петр.

— Это как так, от «вашего» батальона? — возмутился я. — От нашего! Ты ведь наш замкомбата!

— Э-э-э! — махнул он рукой. — Я пришел сюда майорскую должность получить. Уговорили: мол, дел-то на полгода и только. Сглупил! Черт меня дернул поддаться на посулы. Сидел бы сейчас себе на заставе и в ус не дул. А тут проверки, занятия, строевые смотры, дежурства — показуха да еще боевые действия! Трупы, трупы, трупы! А сколько раненых! Того и гляди, самого грохнут! Постоянные бытовые неудобства, ужасная суета. Ноги по колени стоптаны, спину ломит, руки болят!

— Как это — неудобства? Ты хочешь сказать: во втором батальоне в «зеленке» было лучше? — удивился я.

— Конечно! Не сравнить! Я был сам себе хозяин, «царь и бог»! У меня на командном пункте роты построена замечательная банька с парилкой. Глубокий бассейн, пятиметровой длины, вырыт и камнем выложен. Душ! А какая столовая! Овощи и фрукты — круглый год. Повар-мастер! Кушанья — пальчики оближешь! Я с местными дехканами дружил. Всегда с продуктами, с рисом, с мясом. Никаких проблем.

— А какая дружба может быть с ними? На чем основывалась? Вокруг заставы одни враги.

— Никифор, вблизи поста было три кишлака. Я по ним без толку не стрелял, и они меня не обстреливали. Озорничать я бойцам не позволял, поэтому жили спокойно. Обстреливают тех, кто грабит и мародерствует! А дружба... Ну, такой приведу пример. Приходит аксакал и говорит: «У нас свадьба, завтра женю сына. Обязательно весь кишлак соберется на праздник. Мы беспокоимся, что охранение будет плохое, наши соседи обязательно придут грабить. Дай мины, мы на тропах поставим и погуляем спокойно. Я тебе, „командор“, за это — барашка!» Жалко, что ли, добра! Выделил я ему несколько мин противопехотных, он привел в благодарность «живой меканющий шашлык». Красота! День и ночь у них свадьба гуляла, под утро несколько громких хлопков раздалось. Сержант доложил, что слышны вдали взрывы и стрельба. Я успокаиваю по связи батальонное начальство, что обстрел не у меня. Вечером следующего дня приходят из другого кишлака старички: «Командир, нас соседи обидели, дорогу заминировали. Помогите! Дай парочку мин! Поставим на дороге к ручью. Отомстим. Не откажи, друг, мы тебе овощей привезли и десять кур!» Ну спасибо, думаю. Берите, я не жадный! Не поможешь — значит, ты, «шурави», на стороне другого кишлака. Врагом станешь.

Зачем проблемы? Они наверняка догадываются, что соседи мины у меня получили. А так я друг обоим племенам. Третья «делегация» приходит с просьбой пропустить по тропе мимо поста молодежь. Ребята хотят к соседям сходить поздним вечером. Понятно: не на танцы, грабить идут. Ну идите. Пропустили. Они невесту украли и обратно прошли. Отец девушки ко мне бежит: «Выручай, командир, мы в засаде у дороги посидим, не стреляй». Ладно, не будем стрелять. Главное дело, предупреждайте заранее. И так они постоянно воюют меж собой, из года в год на протяжении веков. До нас, при нас и после нашего ухода продолжают друг друга истреблять. А я у них в друзьях, потому что не вмешиваюсь в процесс и помогаю каждому! Курятина, баранина, овощи, виноград на бражку — завсегда. А теперь я в вашем первом батальоне голодный, усталый, немывтый...

— Бедняга! Как я тебе сочувствую! — рассмеялся я. — Мы так не жили, нам не понять! Ничего хорошего не теряли, потому что комфорта не знали. А вот из рая да на раскаленную сковородку к чертям с рогами, конечно, тяжело. И что ты предлагаешь? Сжалиться и организовать тебе помывку?

— Ага! Сходи к командиру части, попроси ключ от его баньки, тебе он не откажет. Протопим, попаримся, а я шашлык организую! — вновь попросил Метлюк.

Командир выслушал мою просьбу и ответил: «Конечно, пожалуйста, для первого батальона ничего не жалко. Только порядок после себя оставьте».

Ну и отлично! «Кэп» позвонил солдату-банщику, и мы пошли мыться. Нам составил компанию Вересков, а комбата мы не позвали. Пусть общается с любимыми молдаванами. Он окружил себя тремя «холуями» из молодых солдат-молдаван и целыми днями о чем-то с ними беседовал. Порой гоняет их за едой, не выходя из комнаты, или посылает за бабами... Удивленный он какой-то! В этот раз снова начудил. Вернувшись после рейда, Махошин отправил посыльного к Элеоноре, видимо решил немно-го душой и телом отдохнуть.

— Стасик! Сходи в четвертую комнату, спроси Элю! Позови ко мне. Скажи, вызывает комбат. Понял?

— Понял, — ответило «дитя молдавского народа» и помчалось выполнять приказ.

Через пять минут «ходок» вернулся и объявил комбату:

— Не пошел.

— Кто не пошел? — удивился майор.

— Элька не пошел! Элька... э-э... это самое... э-э..., сказал... э-э... не дам!

— А еще что она сказала? — не выдержал я и рассмеялся, зная, что у девах характер с перцем.

— Еще он сказал, извиняюсь, пошел комбат на... — ответил, глупо таращась и хлопая длинными ресницами, солдатик. — Много еще чего, но я точно и дословно не запомнил.

Я не выдержал и громко расхохотался, а комбат покраснел и принялся пыхтеть и возмущаться. Махошин надел спортивный костюм и отправился в женский модуль. Зря он пошел. Послали один раз, пошлют и в другой, только в более грубой форме. Я его пытался отговорить, но он побагровел, злобно посмотрел в мою сторону и вышел, хлопнув дверью. Вернулся он быстро. Дверью больше не хлопал, а тихонечко ее прикрыл, разделся, лег на кровать и примолк. Утром я разглядел ссадину на подбородке, распухшее ухо и царапину на лбу. Левый глаз также слегка припух. Ну бой-баба! Пантера!

Через пару дней мне повстречалась Элька в темных очках, за которыми были видны легкие синяки.

— Эля, ты зачем комбата унизила? — рассмеялся я.

— А пусть не лезет и руки не распускает. Явился ко мне, дверь ногой вышиб, пощечину дал, нос разбил. Матерится! Не на ту напал! Я ему ногой сразу в ухо, а дальше уже и не помню, куда еще попала. Передай ему, попадетя на моем пути, обе руки сломаю!

— Хорошо, обязательно предостерегу! А я тебе не мешаю ходить по полку?

— Нет. Можешь даже в гости зайти, — многообещающе улыбнулась она и пошла дальше, гордо подняв голову и грациозно покачивая бедрами.

Баня удалась на славу! Парная, холодный бассейн, шашлык, ящик минералки. Эх, пивка бы, но где его взять? В Кабуле только баночное, а за одну упаковку пива месячную получку отдашь.

— Петя, а чего ты не согласился стать комбатом вместо Подорожника? Говорят, ты наотрез отказался! — удивился я. — Из-за тебя, выходит, мы страдаем с этим балбесом Махошиным. Гибнем из-за твоей несговорчивости!

— А ты предлагаешь мне еще помучиться? Да, уговаривали стать комбатом первого батальона. Но для этого я должен был не в августе замениться, а в феврале-марте следующего года. А где март, там и апрель! Я похож на идиота? Если бы это был родной второй батальон, я подумал бы и, наверное, согласился. А от рейдового первого батальона — увольте!

— Н-да... А вот мне предстоит замена через два месяца, и я ее опасуюсь! — честно признался я. — Боюсь, разучился жить в мирной обстановке. Тут хоть и тяжело, но за два года ко всему привык. Знаю, где упасть, как спрятаться, на что можно наступить, на что нельзя. Понимаю, когда надо стрелять и куда нужно бросить гранату. Как я буду жить без всего этого? Кормят, поят, одежда не нужна, все меня знают, есть авторитет и уважение. А приеду в штаб округа — обычный старлей, без кола и двора, с массой проблем с точки зрения мирной жизни. Не люблю войну, но и как без нее стану жить — неизвестно...

— Ерунда. Не переживай. Приедешь в большой город, все девчата твои. Главное, не торопись делать выбор. Оглядись, подумай хорошенько, не глупи. А то ты что-то в женский модуль зачистил. Одумайся! Твои невесты еще

в школу ходят. Коротенькие юбочки, стройные ножки, ясные глазки, упругая грудь. Эх, где моя молодость! — Петр задумчиво и мечтательно вздохнул.

Тоже мне пожилой. Тридцать три года всего-то! Но с другой стороны, между нами пропасть лет... Петр откупорил еще несколько бутылок «Боржоми» и отхлебнул воды.

— Как тебе послужится без Филатова? — спросил я у сидящего возле камина Леху-сверхсрочника и протянул ему бутылочку. Я знал, что он был дальним родственником бывшего командира полка, но в Шиндант следом за ним почему-то не поехал.

— Нормально. В бане париться не на солнце в горах жариться! — ответил Леха. — Гораздо легче, чем в пехоте. Новый командир полка обещал поставить кладовщиком на склад. Да и тут в бане весело бывает. Недавно «Поющие девчата» приезжали, когда вы возле Баграма воевали. Вот потеха была! Девицы упились до соплей. Развеселились, песни горланят, матом ругаются. Сзади за стеной санчасть — больным спать мешают. Мне начмед позвонил, ругается, что у меня тут шумно. Я вошел в предбанник девчонкам замечание сделать, постучал, а они орут, чтоб заходил. Я дверь открыл, а они абсолютно голые и пьяные. За столом сидят, кричат: «Пацан, заходи, мужиков хотим». Ни одна простынькой не прикрылась. Повскакивали они со своих мест, обниматься полезли, щипаются, целуют меня. Еле вырвался. Растерялся, а сейчас жалею, переживаю, что смутился и убежал. Какой был «малинник»! Балбес!

Мы посмеялись, посочувствовали Лехе, и каждый мысленно представил себя на его месте. Эх, красота! Мечта жизни!

Взводный Васькин прибыл в батальон около года назад. Из спецназа (опять этот спецназ!). Достался он нам после контузии и тяжелой болезни. Учитывая его состояние, парня берегли и в горы не брали. Он то сидел на выносной заставе, то ходил в караулы, то летал в командировки сопровождать «груз-200». Теперь подошло время замены.

Командир роты оформил наградной на Красную Звезду, и мы его под писали. Парень-то неплохой. Завтра он должен был убыть домой, и надо было прощаться, потому что уже прислали лейтенанта-сменщика. Но если отправишься в Союз сейчас, то вернувшийся из-за какой-нибудь ошибки наградной вновь в Москву не отправят. Человек-то заменился! Идиотизм! Свинство какое-то!

Скромняга Васькин подошел к комбату и попросил разрешения остаться на месяц в Афгане.

— Пойми, Игорь, мы не можем держать тебя в полку, не имеем права. Ты выслужил свой срок, — пояснил Махошин.

— А если поставить на довольствие молодого лейтенанта послезавтрашним числом? Утром мы уедем на Алихейль. По документам все законно. Можно я пойду в рейд с батальоном?

— Ты что, дурак? — спросил я. — На кой черт тебе эта железяка? Рисковать жизнью из-за нее глупо! Плохая примета! Опасно идти в последний рейд!

— Ничего не случится. Свою порцию я уже получил. Все будет хорошо. И потом, не хочу я, чтоб мой сын позже спрашивал, воевал ли отец на самом деле? Почему вернулся без награды? Мои друзья-десантники с орденами приехали домой, а я?

— Ну и черт с тобой. Иди. Только никуда не лезь! — разрешил комбат.

— Спасибо, товарищ майор! — обрадовался Васькин и побежал собираться.

— Псих ненормальный! Контуженый! Пыльным мешком из-за угла ударенный! — ругнулся я, но спорить больше не стал, потому что выход к Алихейло омрачило новое ЧП.

Делая последний обход казарм, перед тем как отправиться к колонне техники, я услышал странные звуки. Один из связистов лежал на кровати и спал, укрывшись одеялом, притом он громко-громко храпел. Я подошел и прислушался: это вроде бы не храп, а хрип. Отдернув одеяло, я растерянно поглядел в лицо сержанта Билаша, по кличке Беляш. Из рта вырывались хрипы, из уголков губ вытекала бело-зеленая пена и слизь. А открытые глаза были бессмысленно устремлены в потолок. Он не реагировал на яркий солнечный свет, который ударил ему в глаза.

— Билаш, — окликнул я его и дернул за плечо: — Беляш чертов! Проснись! Очнись!

Никакой реакции на окрик и на движение моей руки перед глазами не было. Лицо его становилось все более зеленым. Если он еще не умер, то, очевидно, скоро умрет.

— Шапкин! Почему Беляш валяется на койке? Что с ним случилось? — рывкнул я.

Сержант замялся и, глядя в сторону, ответил:

— Он вчера простыл, у него жар. Вроде бы заболел.

Я наклонился над лицом хрипевшего. Всмотрелся в открытые глаза: пустые, стеклянные зрачки, в них не было ни единой мысли. Зомби какой-то...

— Что он сожрал? Уколотся, что ли?

— Не знаю, — вздохнул Шапкин. — Мы его положили под одеяло, а что с ним делать, не знаем.

— Сволочи! Он же так издохнет совсем. Он идиот, но и вы придурки! Волоките его в санчасть! Бегом!

На шум появился встревоженный Хмурцев. Вадик держал в руках использованную упаковку «Синдокарпа». Этот сильнейший препарат выдавался механикам для вождения техники ночью и во время длительных маршей по одной-две таблетке.

— Он ведь так помрет! Идиоты! — принялся бушевать я, гоня пинками по кубрику связистов.

Солдаты уворачивались от загрещин, молчали и растерянно озирались по сторонам.

— Хватайте Беляша под руки и бегом в санчасть! — приказал Хмурцев.

— Вадим, как к нему попал «Синдокарп»? — накинулся я на взводного.

— А бог его знает. Может, он механикам не раздал в прошлом рейде, а все таблетки оставил для себя? Возможно, украл новую пачку, которую получили для очередной операции.

— У тебя что, сейфа нет? Как могли украсть?

— Ну не знаю как. Сейчас проверим. Промедел бы не сперли, черти! Не отчитаться перед медиками! — Вадик всплеснул руками и побежал в каптерку проверять лекарства.

Билаш вернулся из госпиталя на следующий день после окончания операции в Алихейле. Он прибыл за документами и вещами перед отправкой в Союз. Функции коры головного мозга затормозились и так не восстановились. Речь была невнятной, медленной, координация движений нарушена. Работа для психиатров и невропатологов на долгие годы. Получил сомнительное минутное удовольствие — теперь мучиться всю оставшуюся жизнь...

* * *

Опять знакомые места, где мы были в прошлом году. Огромная территория вокруг крепости Алихейль. Территория, которую мы никак не могли подчинить.

Я отправился в горы со второй ротой, в густую лесную чащу, подальше от нового комбата. Вырос он по службе в кадрированной части до майора, при этом солдат в глаза не видел. Разговаривать с людьми не мог, управлять ротами не умел. Вот достался подарочек! От фортелей Чапая я стонал, когда он чудил перед заменой, но тогда я и представить себе не мог, что его заменит такой бездарь. Вся жизнь батальона — и это лучшего батальона в дивизии, а возможно, и в армии, — налаженная за два года Подорожником, рушилась на глазах. Новый комбат был, что называется, «ни рыба ни мясо». Соплежуй! Пропадут труды двух лет! Жаль и собственных мучительных усилий по укреплению дисциплины...

Алихейль вновь предстал перед нами во всей своей чудной таежной красотой. Реликтовые еловые, сосновые и пихтовые деревья опоясывали склоны гор. Правда, сейчас не все склоны гор были обрамлены деревьями, больше трети из них выгорели в прошлом году в результате бомбардировок и обстрелов.

С маршрутом движения не повезло. Кто-то в штабе армии нарисовал на карте точки района обороны батальона, а они оказались черт-те где, в

лесу! В пяти метрах ничего не видно: густой кустарник, колючки, деревья, высокая трава. К нам можно спокойно подкрасться и напасть. Придется поработать в этих зарослях дровосеками.

Бойцы кое-как вырубали лопатками проходы в кустарнике и построили СПСы, выжгли траву. Сапер подорвал несколько деревьев, устроив завалы. Гундуллин постепенно оборудовал район обороны. Теперь мы сумеем сдерживать натиск разрозненных групп, но большая банда нас, конечно, просто сметет.

Вертолеты расстреливали вершины ракетами и снарядами, штурмовики бросали бомбы, артиллерия била по площадям. Все как всегда, только вместо голых вершин — густая тайга.

Неделю мы укреплялись, окапывали и рыли окопчики для стрельбы лежа. Прошла информация о выдвижении к нам двух тысяч «духов». Мятажники не дошли, их рассеяли по округе артиллерия и авиация. При этом наш «крокодил» душманы сбили «Стингером». Вертолетчики попытались спастись на парашютах, но один из них разбился о деревья, а второй сломал при приземлении ноги. Марат Гундуллин со взводом отправился на выручку, однако его опередили десантники. «Духов» отогнали, вертолетчика вынесли.

Через неделю Муссолини вызвал меня в полковой лагерь.

— Хватит сидеть в горах. Завтра, когда вертолеты доставят паек и воду, возвращайся к броне. Необходимо срочно составить политдонесения! — шумел по радиосвязи мой начальник.

Черт. Проклятые бумажки, и тут от них спасения нет.

Оперативными дежурными при штабе полка были начальник оркестра и «пан спортсмен» (начальник физподготовки полка). Мужики сидели в будке, играли в преферанс с начальником артиллерии, мучились от безделья и духоты, ожидая обеда.

— О! Таежный человек с гор явился! — воскликнул артиллерист Шаманов. — Как жизнь в горах? Много леса повалили?

— Много. Только эта тайга по-прежнему густая, — ответил я. — Лесные пожары бушуют в центре чащи, лишь бы ветер не погнал огонь на роты. Изжаримся. А как у вас дела? Скучаете?

— Ага, — ухмыльнулся «человек-оркестр». — Мы тут от жары изнываем, вас артиллерией поддерживаем, а в штабе армии каждый день веселятся. Вчера за час до полуночи начали огневой налет по плановым целям. Только пристрелялись, как прибежал какой-то полковник и заорал, что мешаем танцевать! Музыка заглушаем! Представляешь?! У какой-то дамочки день рождения, и по этому поводу в штабе банкет и дискотека.

— Я стрелять перестал. Говорю: «Хорошо, начну артобстрел в полночь!» — продолжил рассказ артиллерист. — После третьего залпа вновь примчался посыльный, теперь кому-то спать не даем. Послал я его подаль-

ше. Козлы! Хочешь спать, сиди в Кабуле и не выезжай на войну за орденом. Устроили тут бордель! Визг, пляски, хохот, музыка — каждый вечер. А мы от скуки режемся в карты и из зависти к начальству стреляем из пушек.

— Вот я сейчас оформлю бумажки для политаппарата и присоединюсь к вам. Вы завидуете армейскому начальству, а мы в горах завидовали вам.

Сгонять партияку не удалось. В первой роте подорвался на mine санитар. Сержант Абрамян сошел с тропы по нужде — и тотчас раздался взрыв. Миной оторвало ему обе ноги выше колен. Ужас! Пока Мандресов вызывал вертолет, медик сам себе наложил повязку, перетянул то, что осталось от ног, жгутами, отрезал скальпелем болтающиеся на жилах и коже куски своего тела, поставил систему кровезаменителя, вколол промедол. Мужественный парень спас себя от верной смерти. Хладнокровие сохранило ему жизнь. Даже офицеры растерялись, а солдаты и вовсе пребывали в шоке от этого кровавого зрелища.

Прошли сутки и новая трагедия! Васькин со своим взводом возвращался с гор к броне. Идущий впереди сапер наткнулся на растяжку. Рядом оказалась противотанковая мина «итальянка». Васькин распорядился, чтобы взвод отошел шагов на десять, а сам вместе с сапером подошел к ловушке. «Сюрприз» оказался очень коварным. Двойным сюрпризом! Когда солдат перерезал провода от растяжки к mine, откопал ее из песка и приподнял, то раздался оглушительный взрыв. Над землей пронесся огненно-стальной смерч. Пыль, гарь и дым рассеялись, и открылась страшная картина: пятеро солдат лежали, сраженные осколками, истекая кровью. На то место, где взорвалась мина и зияла воронка, было страшно смотреть. Нашли лишь окровавленный бронежилет сапера да верхнюю часть туловища Васькина. Опознали старшего лейтенанта по номерку, висевшему на шее. Голова и плечи — это то, что осталось от взводного. Вместо солдата-сапера в цинковый гроб положили лохмотья одежды и куски бронежилета. Да еще груз для веса.

Под миной оказался проводок, шедший то ли к бомбе, то ли к связке «итальянок». И зачем они начали разминирование фугаса? Одному богу известно. Обошли бы стороной — и делу конец. Наших позади них не было. Солдат не разглядел, не обнаружил скрытый замыкатель, а как известно, сапер ошибается один раз...

Вот и дождался Васькин своего ордена. Только семья получит его по-смертно.

Мы ушли, заминировав этот мятежный район. Не знаю, какие будут последствия от ловушек для «духов», но пока счет в минно-взрывной войне был не в нашу пользу. Две недели войны — и каждый день кто-то погиб или ранен.

Перед отъездом вновь фото на память, на котором не поймешь кто с кем: то ли мы с «духами», то ли с отрядом обороны кишлака. По-моему, это одно и то же. Но какие колоритные и злобные физиономии! В темноте и без оружия лучше с такими не встречаться!

Наконец закончился мой последний рейд! Последний выход на войну. Завтра вернусь в полк и начну искать себе замену.

В полку меня постигло очередное разочарование. Представление на присвоение досрочного звания капитана вернули. На возврате стояла резолюция: «Оформлять не менее чем за три месяца до замены». Опоздал, кто ж знал. А хорошо было бы приехать домой капитаном!

Во всем алкоголик Золотарев виноват: компостировал мозги и тормозил бумаги. Он во время нескольких боевых рейдов оставался в полку, беспробудно пил и в конце концов попал в реанимацию вместе с собутыльником особистом. Еле-еле откачали обоих.

* * *

Полк стоял на плацу, когда, визжа тормозами, у штаба остановился «уазик», и из него вывалился пьяный начальник финансовой службы. Он громко рявкнул водителю:

— Отвези девчонок на базу! И не задерживай «блядовозку», я скоро опять поеду в штаб армии резвиться! — А сам побрел по дороге в сторону казарм. Вид у капитана был довольно забавный, даже потешный. Кротов шел в тапочках, в тельняшке и с пистолетом на ремне, волочащимся по асфальту. Это был АПС в деревянной кобуре (генеральский пистолет).

— Сурков! Ко мне! — позвал командир полка.

Капитан, путаясь в ногах и выписывая «крендели», приблизился к строю.

— Прибыл! А что? Не имею права выпить? Я, может быть, сегодня самый счастливый! Мне наконец-то майора присвоили! Досрочно и на ступень выше должности! Заметили мое усердие!

— С чего ты это взял? — удивился командир.

— А вот у меня выписка из приказа! — протянул Сурков какой-то листок.

— Начальник штаба! Ты посылаешь представление?

— Нет, — искренне недоумевал начальник штаба.

— Начфин! Ты откуда взял этот документ? — спросил вновь командир.

— Из штаба армии! Скоро получите подтверждение! А я пойду, посплю. Умаялся сегодня с девчонками! Деньги получены, завтра привезу в полк.

Начальники некоторое время удрученно чесали затылки, изучая бумагу. С утра Сурков ходил уже со звездочками майора.

Через месяц, после того как по настоянию начфина в личное дело вписали новое звание, обман вскрылся. Неизвестно кому и сколько он заплатил в штабе, но присвоенное звание оказалось мистификацией. Но сам Сурков уже уехал по замене майором. Вот прохиндей!

Глава 20

Война, которая никогда не кончается

Итак, вот и конец войне. Двадцать три месяца боевых действий позади. Пошел двадцать четвертый. Месяц замены! Это сладкое слово замена!

Я попрощался с уходящим в рейд батальоном и принялся собирать чемоданы, делать последние покупки. Джинсовые шмотки, масса безделушек-сувениров, жвачки. Когда и где в Союзе их купишь? Эх, один такой кабульский дукан перенести бы в любой областной город, и это вызовет революцию. А всего-то навсего второсортный ширпотреб. Как же мы отстали от остального мира! На этикетках штампы: сделано в Гонконге, Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Тайване, Таиланде, Франции, США, Японии. Вот тебе и средневековый Афганистан! А мы все боремся за существование. К тому же постоянно стремимся раздвинуть границы советского строя. Наши лозунги: «Нет — нищете», но «Да здравствует бедность и усредненность!»

Я собирался в Союз и одновременно продолжал поиски заменщика. Мне сказали, что он уже приехал. Но где же этот офицер, в конце концов?!!

Батальон ушел в сторону Газни, а я поехал на пересылку. Предпринятые розыски сделали свое дело. Вот он! На застланной койке, поверх одеяла, в рубашке и спортивных штанах лежал офицер преклонного возраста, точнее, предпенсионного военного возраста. Он спал и храпел в потолок, не подозревая о том, что судьба его уже предрешена. И судьба эта — первый мотострелковый батальон. Китель с погонами майора, два ряда планок с медалями за «песок» (выслугу лет) подтверждали далеко не молодой возраст заменщика.

Эх, нелегко будет мужичку у нас. Горы стонут и плачут по тебе, «папаша». Жалко тебя, сочувствую, но ничем не могу помочь. Кто-то наверху, в «большом» штабе, давно решил за нас обоих. Майор Маковецкий (такая фамилия значилась в предписании) собственной персоной! Фамилию его я знал из телефонограммы! Меня ждет Питер — тебя Панджшер, Хост, Алихейль, Газни, Чарикар. Счастья и удачи тебе, старый майор. Так же, как и мне. Никифор Никифорович за двадцать три месяца выжил и последние денечки продержится! И возвращаюсь домой не по частям, не в стальном ящике, а целиком и полностью. Без единой царапины, если не считать травмы мозга в виде теплового удара и контузий. Это, конечно, досадное обстоятельство, но в настоящее время голова меня не беспоко-

ит. С возрастом, возможно, что-то изменится и начну страдать, но сейчас — полный порядок. Я счастлив и наслаждаюсь заменой.

Я легонько потряс за плечо майора:

— Алексей Алексеевич? Маковецкий?

Мужчина разомкнул глаза, протер их ладонями, потянулся и резко оторвался от подушки:

— Ну я. А что?

— А то, что вы — мой сменщик в Афгане! С прибытием!

Майор сел, потряс головой, разгоняя сон, и тупо уставился на меня, пытаюсь сообразить, что к чему.

— Моя фамилия Ростовцев. Я замполит первого батальона восьмидесятого полка. Предлагаю сейчас же ехать в полк вместо прозябания на этом пересыльном пункте.

— Ага, вон оно что! — майор окончательно проснулся, начал соображать и, улыбнувшись, представился: — Меня зовут Алексей Алексеевич.

— Я знаю. А меня Никифор.

— А по отчеству?

— Ну я довольно молод для такого общения. Впрочем, Никифор Никифорович. Где ваш чемодан? Собирайтесь, поехали!

В полку я познакомил майора со всеми начальниками, которые не были в настоящее время в рейде. Золотарев, глядя на седины майора и болезненный зеленовато-серый цвет его лица, сморщился словно от зубной боли:

— Товарищ майор! Вам сколько лет?

— Сорок три.

— Два года до пенсии? — охнул замполит полка. — Они что там, дома, с ума все сошли?! Ростовцев, никаких документов не оформлять. Сейчас зам по тылу едет в Баграм, вместе садитесь к нему на БТР и отправляйтесь в штаб дивизии к Севостьянову. Пусть начальник политотдела решает, как быть.

— При чем тут я? Это сменщик, вот его предписание. Я лечу в Союз, а вы разбирайтесь сами, как вам быть! — возмутился я. — Чего я буду по дорогам кататься! На пули шальные нарываться?

— А притом! Кому собираетесь дела передавать? А если майора Маковецкого не утвердят в должности?

Я от досады ожесточенно почесал ухо, переносицу, затылок, шею, ягодицы. Начался какой-то ужасный нервный зуд. Вот это сюрприз! Как говорится... приплыли!

В политотделе неприятности продолжились. Севостьянов, узнав, сколько лет Маковецкому, растерянно уставился на моего сменщика и воскликнул:

— Майор! Ты какого хрена сюда приехал? Ты зачем поперся в Афган? Здесь что, дом престарелых? В тыловом округе перепутали Баграм с богадельней? Тебе завтра мешок в двадцать килограммов на плечи повесят,

дадут автомат в руки и пойдешь в горы. А послезавтра прикажешь похороны заказывать? Ты, вообще, пехотинец?

— Нет. Я оканчивал политическое училище строительных войск.

— Ох! Час от часу не легче! — взвыл полковник.

В кабинет резво и энергично вошел командир дивизии и протянул какие-то документы Аркадию Михайловичу.

— Читай! Смотри, что пишут твои оболтусы в политдонесении. — Генерал раздраженно сунул листы в руки начпо, увидел нас и, не здороваясь, воскликнул: — Ростовцев! Вы почему тут? Батальон на войне, а он в штабе прохлаждается!

— Я заменяюсь домой. Июль — месяц замены. Вот привез представлять свою смену.

— Да! Посмотрите только, кого прислали в рейдовый батальон! Пенсионера! — вскричал Севостьянов, ища поддержки у комдива. — Как он будет воевать? Не ровен час, помрет где-нибудь на перевале! Сорок три года!

— Майор, ты хоть чуть-чуть представляешь, куда попал? Что тебе предстоит вынести? — набросился на Алексея Алексеевича комдив Баринов. — Даже такие пацаны, как Ростовцев, погибают, не выдерживая нагрузок, а уж ты тем более в ящик сыграешь. Надо что-то придумать! Чем болел в последнее время? Что беспокоит?

— У меня язва желудка, давление повышено и сердечко шалит, — ответил Маковецкий, хмуря брови.

— Шалит? Ох, шалуны! Надо его в другое место перевести, Аркадий Михайлович. Какие есть вакансии? Чтоб было полегче.

— Начальником клуба в Джабаль, — предложил начпо.

— Но это капитанская должность! Понижение! — задумался генерал. — Только если он сам пожелает. Желает ли спокойно служить, майор? Хочешь не сбивать ноги в горах и не подставлять башку под пули?

— Согласен! — Шумно выдохнул, освобождаясь от внутреннего напряжения, Алексей Алексеевич.

— Вот и хорошо. Пусть пишет рапорт, а Ростовцеву поискать из резерва другого заменщика. И в донесении в округ отметить низкое качество подбора офицеров для боевых действий!

Генерал посмотрел на меня и спокойно произнес:

— А вы, Ростовцев, поезжайте в полк, продолжайте исполнять обязанности. Ждите другого офицера.

Комдив ушел, а Севостьянов поинтересовался:

— Ростовцев, а ты почему еще не капитан? Что-то я не помню, подписывал ли я тебе представление на досрочное звание.

— Нет. Золотарев документы так и не пропустил, — ответил я и насутился.

«Вот черт! — подумал я. — Заменщика забирают, да и старую обиду со званием напомнили. Обещано много, а реализовано...»

— Так-так! А что у тебя с наградами? С присвоением Золотой Звезды Героя перспективы туманны. Сколько орденов получил?

— Один! Мне целый год этим Героем мозги пудрили и ни разу более не представляли к наградам.

— Непорядок! За последний бой в «зеленке» представим к Красной Звезде! Заслужил! Поправим ошибку.

* * *

Из Ташкента возвратился счастливый Рома Ахматов.

— Мужики! Уезжаю! — радостно заорал он, переступая порог канцелярии танкового батальона. — Прощай, Афган!

Я сидел в гостях у Скворцова и оказался невольным свидетелем приезда комбата-танкиста.

— Поступил? — радостно воскликнул Скворцов.

— Да, приняли! — ответил сияющий от счастья подполковник. — Вы разговариваете с будущим академиком!

— Роман Романович, как же ты умудрился экзамены сдать? Ты ведь с Подорожником вместо подготовки водку глушил! — удивился я.

— Молодо-зелено! Мастерство не пропьешь! — насмешливо сказал Ахматов. — А если честно, то благодаря простреленной груди и орденам! От физподготовки по ранению меня освободили! Иностранный язык молодая училка принимала, выслушала героические военные рассказы и поставила мне троечку. Сочинение я списал: шпаргалка была по теме. А вот тактику устно сдавать — верный завал! Взял билет — вижу, ничего не знаю. А принимать пришел сам председатель комиссии. Генерал! Подошла очередь отвечать, выхожу к доске и несу всякую белиберду. Генерал слушал меня, слушал, прервал и спрашивает: «Вы кто по должности?» — «Командир танкового батальона!» — отвечаю я.

«Эх-хе-хе! — вздохнул председатель. — Как же вы, подполковник, батальоном командуете? Поступать приехали в академию, а знаний нет! Совершенно ничего не знаете, докладываете не по билету! Вынужден вам заявить, что подготовка неудовлетворительна и поэтому рановато в академии учиться...» В этот момент секретарь комиссии трогает генерала за локоток, и слышу громкий шепот: «Товарищ генерал! Это подполковник Ахматов! У него Красное Знамя и Красная Звезда! Тяжелое ранение! Внеконкурсное поступление! Мы его уже приняли и зачислили!» Генерал растерянно взглянул на секретаря — полковника, потом на меня и продолжил: «Гм-гм! Ну, подполковник Ахматов, принимая во внимание вашу героическую службу и образцовое выполнению интернационального долга, ставлю вам твердую четверку и желаю дальнейших успехов в учебе!» Такие дела! — рассмеялся Роман. — А я переживал, трясясь, нервничал! Знать бы наперед, что так получится, время в Ташкенте не терял бы! В рестораны б ходил, на танцы! Спасибо простреленной груди, помогла!

Мы дружно засмеялись, поздравили комбата, а Скворцов помчался за коньяком, чтобы обмыть успех товарища.

Два дня я писал отчеты, донесения, планы. За месяцы беспрестанных рейдов накопилось бумажной работы невпроворот. Поздно вечером меня вызвал к себе дежурный по центру боевого управления. Посыльный при-мчался весь запыхавшийся:

— Скорее, срочно!

Что случилось? Что опять нужно от меня? Мое дело спать и ждать другого, более молодого, замполита батальона. Моя война закончилась! Июльский счетчик заменщика отсчитывает часы до возвращения.

Я спустился в бетонный бункер под штабом полка и услышал тревожные доклады с места боев, увидел нервную суету толпившихся офицеров.

— Кто меня вызывал? Что случилось? — спросил я.

Майор Гамаюн указал рукой на стул:

— Посиди минутку, сейчас освобожусь!

Он еще некоторое время докладывал командиру полка о каких-то цифрах, а затем повернулся ко мне.

— Никифор, беда! Батальон опять нарвался на «духов». Вновь была бойня.

— Какие потери? — забеспокоился я.

— Один солдат погиб и тридцать пять раненых.

— Кто погиб? Фамилия?

— Пока не знаю. Доложат через час, — устало махнул рукой майор. — Кто-то из саперов. Много покалеченных. Оторвало руку Монастырскому.

Черт! Опять ему досталось! В «зеленке» месяц назад чиркнул по спине осколок, а теперь очередная беда!

— Догадываюсь, ты меня сюда вызвал не для информирования о потерях? — нехотя начал я подталкивать дежурного сказать, что он мне не хотел говорить, а я не желал слышать.

— Тебя командир полка сюда вызвал. Комдив в бешенстве! Генерал рвет и мечет! Гневался, почему ты был не с батальоном, а в полку! — ответил дежурный. — Никуда не уходи, сейчас Барин будет тебя лично «иметь».

— Хм! Ну-ну! Пусть попробует! Пока он сюда вернется, я уже с предписанием окажусь за пределами досягаемости, в Ташкенте, или буду в Черном море плескаться. Будя! Отслужили свое! Навоевались! — Последние фразы я выкрикнул не совсем уверенно.

— Вряд ли. Не брызгай оптимизмом. Думаю, ты еще задержишься в этой стране на некоторое время, — возразил Гамаюн. — А вот и комдив!

Дежурный бросился к радиостанции и, встав по стойке «смирно» возле аппарата, начал рублеными, четкими фразами отвечать на вопросы начальства. Через пару минут майор гаркнул: «Так точно, он здесь», и протянул мне микрофон и наушники.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — поздоровался я уныло.

— Ростовцев! Почему бросил батальон на произвол судьбы? — без ответа на приветствие сразу же начал ругаться комдив.

— Я оставил батальон? — искренне удивился я. — Никто никого не бросал! Я отслужил свой срок и собираюсь домой. Вы же видели моего заменщика, теперь я еду на его место. Меня в России танковый батальон ждет.

— Нет, нет и нет! Такой номер у тебя не пройдет! То был не заменщик. Этого майора мы отправили в другой полк.

— Но ведь он был не сном и не привидением! Реальный майор! Если вы с начальником политотдела станете каждую кандидатуру моего заменщика отмечать, я что тут до Нового года буду ноги по горам стаптывать!

— Прекратите пререкаться, товарищ старший лейтенант! Батальон разгромлен! Комбат деморализован! — возмущался генерал. — Собрать оставшихся в казармах солдат и быстро прибыть сюда! Всех хромых, косьих, дистрофиков в строй!

— А на чем добираться? — удивился я опять.

Мысленно я постепенно смирялся с неизбежным участием в очередных боевых действиях. Все равно заставят. Не в госпиталь же бежать прятаться! А то «герой-герой», а в заключение выставят трусом и подлецом, грязью польют.

— Выдвинуться на оставшихся БМП! Наверняка в ремонте есть несколько единиц! — объяснил генерал. — К утру чтобы были восстановлены! Завтра в «Теплом стане» получите подкрепление из дорожных батальонов. Конец связи!

Генерал что-то рывкнул дежурному, но меня это уже не касалось. Вот черт! Я как нагло и одежду раздал! Горник Гундуллину подарил, песочник — Мандресову, маскхалат — Бугриму. В чемодане осталось лежать только новое х/б, которое я собирался увезти домой. На память. Пачкать и рвать его не хотелось. Кроссовки почти развалились, но на один рейд их, наверное, хватит. Еще проблема: автомат я с себя списал, сдал и аттестат на оружие получил из службы вооружения. Автомат я, конечно, возьму, но это — явное нарушение. Он теперь не мой — чужой, если подходить, руководствуясь буквой закона.

В парке меня обрадовал техник роты, что из семи стоящих «гробов» есть три чуть живые БМП. Они, в принципе, должны потихоньку доехать до места боев. Если начнут движки греться, то надо заглушить двигатель, постоять, дать ему остынуть. Потом можно дальше ехать.

— Механики имеются, а наводчиков надо набрать из дневальных и караульных.

— Ладно, набрать экипажи — это моя забота. Ковыряться и ремонтировать, но к утру умри, а мы должны выехать! — распорядился я.

— Слушаюсь! — ответил прапорщик и вновь полез в разобранный двигатель.

Из двадцати оставшихся солдат для несения службы в нарядах половина из них числились больными и выздоравливающими. Половина — ожидающими увольнения в запас дембелями. Эти уже не вояки. Да и у меня совести не хватит их заставлять идти в рейд, а вдруг не вернуться живыми. . .

— Парни, заставить, как меня заставили, я вас не могу, прошу идти добровольно в рейд, — предложил я бойцам, построившимся в шеренгу. — Кто из вас согласен вместе со мной на неделю-другую задержаться в Афгане?

— Мы что, не люди? Кладошники и писаря давно уехали домой, сволочи! — пискнул сержант Шапкин. — Товарищ старший лейтенант! Ну не смотрите вы так на меня! Почему опять я? Шапкин, Шапкин, Шапкин. . .

— Я даже и фамилию твою не произнес!

— Но смотрите на меня выжидающе! — пробурчал сержант и, пнув камушек, вышел из строя.

— Так! Кто еще?

Вперед шагнули Гурбон Якубов и два солдата, которых окликнул Шапкин. Остальные не спешили проявлять инициативу. Я назвал фамилии еще трех наводчиков-операторов, а остальных отправил по караулам.

Меня выручило и придало уверенности возвращение из командировки Афони Александрова. Второй офицер в колонне — это большая удача. Афоня пребывал в прекрасном настроении. Он планировал выспаться, лежа на койке целую неделю, пока батальон бродит в горах. Но я его сильно разочаровал своим появлением.

— Афанасий, собирайся, даю полчаса на сборы. Через два часа нас ждут в восемьдесят первом полку.

— Не навоевался? Никифор, это действительно ты или твой призрак остался и командует? Я думал, более не застану в Кабуле «героя нашего времени».

— Пошел в жопу! Вернее в казарму за автоматом. По дороге расскажу, что случилось, подробно.

— В жопу так в жопу. Это не самое плохое место, где можно оказаться. Но если от меня будет дурно пахнуть, я не виноват, сам туда послал, — хохотнул Афоня.

У ворот полка, на выезде из города, вдоль обочины стояли угрюмые солдаты. Их было человек шестнадцать. Ясное дело, что это оболтусы, от которых избавились другие батальоны. Кто отдаст хороших бойцов? Никто! Значит, или наркоманы, или отъявленные негодяи.

— Есть желающие добровольно служить и воевать в первом батальоне? — спросил я. — Кто имеет представление о войне в «зеленке», о рейдах в горах? Выйти из строя.

Шаг вперед сделали пятеро. Я внимательно вглядывался в их лица. Нравились не все. Ткнул пальцем в грудь одного с наглым взглядом:

— Наркоту употребляешь?

— Употреблял. Но больше месяца «чарзом» не балуюсь.

— Встань обратно в строй. Ты мне не нужен! — Я решительно махнул рукой и добавил, обращаясь к офицерам: — Беру только четверых. Остальных можете отправить обратно на заставы. Я не хочу, уезжая домой, оставить после себя не батальон, а «клоаку».

Офицеры с застав пропotalи, но я наотрез отказался слушать их доводы.

Колонна выехала за пределы Кабула. Техник ночью поработал на совесть. Машины гулко тарахтели, дымили, но бежали без поломок. Мы с Александровым время от времени останавливали нашу колонну, сверялись по картам на местности. Правильной ли едем дорогой, не сбились ли с пути, да и броне давали передышку. Чтобы заблудиться, в принципе, нужно было очень постараться. Просто не съезжай с шоссе, не путай повороты и развилки.

Комдив встретил нас неласково. Выслушал доклад, сказал, что начальник оперативного отдела поставит нам задачи, и ушел в окружении своих помощников.

Вася Котиков, хмыкнув, протер запотевшие очки и после ухода руководителей радостно обнялся с нами.

— Растете, товарищ подполковник! Начопер! — воскликнул я, обрадовавшись встрече со старым товарищем.

— Ай, какое расту. Я только исполняю обязанности. Пока я просто писарь в штабе и точильщик карандашей. Но ходят слухи, стану замкомандира полка! — улыбнулся Василий.

Мимо меня прошел Ромашица, злобно взглянув в нашу сторону.

— Чего это он зыркает так? — спросил я.

— А, это наш ходячий «иконостас», еть. Не обращай внимания. Мне эта собака триста чеков должна и не отдает. Сволочь! Он, когда ты начал спорить с комдивом, тотчас предложил тебя за трусость из партии исключить, еть. Видишь, а ты не оправдал его надежд, сдуру прибыл на войну. Негодяй ты этакий! Ха-ха! Лишил человека удовольствия втоптать тебя в грязь.

— Вася, почему ты его «иконостасом» обозвал? — изумился я.

— Э-э-э! Ты что не знаешь разве, что у него уже три ордена получено и еще два на подходе? Это же первейший герой афганской войны!

— Врешь!

— А чего врать, еть. Говорю, как есть. Наградные отправляем один за другим, еть.

— И когда это он успел за полтора года? — удивился я. — Он что, каждый день «духов» уничтожает, стреляя из окон парткомиссии?

— Никифор, он имеет боевую контузию и ранение. Где-то поцарапал руку — оформили по ранению на первую Красную Звезду, а контузило — получил вторую. С контузией вообще анекдот! В январе он выехал на боевые, возглавить партработу. Баринов выстроил офицеров штаба для указаний, где-то вдали бомба гулко разорвалась. Все невольно оглянулись: взорвалась и взорвалась, черт с ней! Комдив смотрит, а Ромашица на земле лежит и корчится. Тяжелая контузия! Вот такая история. Весь штаб смеялся месяц! Никого взрыв не задел, даже не испугал, а у «партийной мысли» мозги отшибло. Еще две награды получит за рост партийных рядов и укрепление воинской дисциплины в дивизии. А Байдуков в прошлом году упал, сломал палец на руке и наемни, обмывал полученный орден Красного Знамени. Будьте любезны! Учись, студент!

— Эх, Василий! Поздно науку карьеризма постигать! Домой пора! — махнул я рукой. — Указывай, куда ставить технику и что делать. И ради бога, расскажи толком, что за бойня тут произошла!

Котиков показал рукой, где поставить технику, и начал свой грустный рассказ...

Восьмидесятый полк подошел к небольшому кишлаку, расположившемуся в предгорье у входа в ущелье. Ничто не предвещало трагедии. Разведчики вошли в кишлак, перестреляли весь скот. Солдаты нашли немного оружия и боеприпасов. Вроде операция складывалась удачно. Никакого сопротивления со стороны «духов». Но когда наши возвращались и слегка расслабились, откуда ни возьмись повывезали из всех щелей «бородачи». Шквальный огонь из гранатометов и автоматов, заработали минометы...

Монастырскому в самом начале боя оторвало руку осколками гранаты. «Дух» выстрелил в него почти в упор. Того гада завалили, а на его месте другой появился и в гущу взвода вновь бахнул из гранатомета. Несколько бойцов ранил... Монастырь отрезал сам себе искалеченную руку, висящую на жилах и коже, а медик перетянул ее жгутом. Лейтенант не потерял сознание и в шоковом состоянии продолжал стрелять по противнику. «Духов», вылезших из кяризов, было тьма-тьмушая. Больше чем разведчиков. Один из них спрыгнул с крыши на башню танка и бросил в приоткрытый командирский люк гранату. Прапорщик и два солдата получили множественные ранения. Этого «смертника» расстреляли, но тут же другой вышел на дорогу с гранатометом наперевес и начал целиться в БМП. Грохнули и его. Не успел мятежник умереть в муках, как из-за угла выскочил следующий с пулеметом. «Духи» шли в «психическую» атаку, не скрываясь. Возможно, были обдолблены наркотиками. Словно в старом кинофильме «Чапаев», шли в полный рост, не уворачиваясь от пуль.

В ходе боя были подбиты танк, БМП, бронетранспортер, ранено тридцать пять наших солдат и офицеров. Одного разведчика, лежавшего под машиной между гусениц, задавил свой же танк. Механик развернул «коробочку», не зная, что под днищем кто-то свой лежит и отстреливается.

Танкисты и разведбатальон пришли на помощь, отогнали «духов», забрали раненых и отошли. Во время спасательной экспедиции получил нелепые тяжелые травмы Сериован. Чокнутый Габулов развернул башню БМП и пушкой ударил по ногам стоящего на броне медика. Результат — переломы обеих ног... Черт! Ну что за невезуха с новым комбатом! Как рейд, так огромные потери... Убитые и раненые исчисляются десятками! Бугрим с тяжелой контузией в госпитале. Прощай, мой маскхалат, никогда я тебя более не увижу! Придется париться в хэбэ.

Нам предстояло закрепиться на довольно высокой вершине, к которой вел крутой подъем. Я оставил броню под опеку Верескова, а мы с Афоней отправились в горы. Я намеренно решил удалиться отсюда. Не хотелось быть на посылках у политотдельских. Подальше от начальства, целее нервы. Огромный Александров начал задыхаться на середине подъема. Пот струился ручьями по всему лицу, мокрая «хэбэшка» прилипла к спине, лицо стало пунцово-красным.

— Афанасий! Ты чем занимался в командировке? Сколько лишнего веса успел набрать?

— Не знаю. Наверное, во мне теперь больше центнера. Чем занимался, позже расскажу, когда передохнем! — прохрипел старший лейтенант. — Никифор, я пойду потихоньку, а ты, пожалуйста, займи горку без меня. В таком бешеном темпе я сдохну!

Александров выбрался наверх через полчаса и рухнул на песок как подкошенный.

— Уф! Уф! Нет сил! За две недели в командировке отожрался как слон! — стонал Афоня. — Заехал к маме домой, а она меня блинчиками, шанежками, оладушками, пирогами раскормила. Килограммов пятнадцать жирка нагулял. Уф-ф!

Старлей сбросил с себя гимнастерку, тельняшку и начал ею обмахиваться. Он не успевал вытирать струящиеся по большому телу ручейки соленого пота. Туловище и руки Афанасия были покрыты большими буграми на венах и лимфоузлах.

— Афоня! Что это у тебя такое? — поразился я. — Ты удваиваешься делением, как амеба?

— Ай! Ерунда! Уже привык. Тромбы! — нехотя ответил Александров. — Не смертельно, но неприятно.

— Болит, наверное? — спросил я, сочувствуя приятелю.

— Мучительно в горы ходить и напрягаться физически. Но надеюсь, терпеть осталось три месяца. Домочаюсь как-нибудь. Когда вернусь в

Союз, тяжелее ручки ничего поднимать не буду! — сказал Афоня, улыбаясь. — Буду лечиться дома. И вот какая занятная штука: в одном месте шишек нет! Догадайся в каком?

— Догадался! Ха-ха! Не повезло! А ты хотел бы, чтоб он распух? — рассмеялся я.

— Ну, допустим, не распух, а чтоб увеличился! Я бы начал, как Распутин, пользоваться бешеным спросом у баб. Может, поколдуешь?

— Нет, Афанасий, не получится. Известить бородавки я могу, а наслать их на кого-нибудь не выходит! — ответил я. — Думаю, что и тромбы вывести не смогу, тем более переместить по твоему телу из одного конца в другой «конец».

— Жаль! Искренне жаль! Не судьба, значит. Ну ладно, докладывай, Никифор, штабу обстановку, место нашего нахождения, а я организую оборону и обед, — сказал Александров и принялся орать на солдат-добровольцев, впервые попавших в горы: — Доходяги! Бегом! Шевелите клешнями! Что, сдохли? Прошли всего ничего, а уже без сил лежите! Быстрее строить СПСы, маскироваться! И жратву готовьте! Я, что ли, вас буду кормить? Сержанты, за работу!

Прихлебывая вечером чай из железной банки из-под фруктового супа, Афоня поведал о своих приключениях дома.

— Жениться я надумал, Никифор! Такую классную деваху встретил! Сладкий мед, а не девка! Я с ней в кабаке познакомился. Тут же сговорились. В первый раз ее пригласил прямо на ступеньках, у выхода из ресторана. Там был полуподвал и две лестницы в разные стороны. По одной ходят, а у второй ящиками выход закрыт. Вот на ней все и произошло! Ох и девчонка! Огонь!

— Афанасий! Одумайся! Может, пока ты в Афгане, она и другим так же на лестнице не отказывает. Кто же сразу соглашается с первым встречным-поперечным!

— Нет! Это ты брось! У нас любовь!

— И с другими будет любовь!

— Никифор! Обижаешь! Я же чувствую, что Людка меня любит, а не просто так. Ей в жизни не повезло, мужья козлы попадались.

— И много мужей было? — рассмеялся я.

— Двое. И детей у нее двое, — ответил Александров.

— Сколько же ей лет, этой тете?

— Никакая она не тетя! Двадцать два года. Рано замуж вышла, потом тут же развелась и опять замуж.

— Афоня! Потряси головой, постучи лбом об камушек, почеши затылок! Может, мозги на место встанут и голова опять «варить» начнет! И где ты таких подруг находишь, где подбираешь? Ну да ладно, я за тебя спокоен: за три месяца опомнишься, а дома опять кого-нибудь найдешь, — обнадежил я товарища, улыбаясь и потешаясь над Афоней.

Александров широко улыбался, щуря глаза под лучами заходящего солнца, чесал мохнатую грудь и не спорил. Что поделывать, если у человека такое хобби: любовь со шлюхами крутить!

Неделю мы пролежали на горе, время от времени по указанию начальства обстреливая противоположный хребет. Нам лишний раз пальнуть не тяжело, а командованию наш огонь — бальзам на сердце. Прикрываем! Охраняем! Обороняем!

Получив команду на возвращение, я расстрелял свою «муху» по группе нагроможденных валунов, метнул в ущелье гранаты, чтобы спускаться налегке. Донесшиеся звуки разрывов я заглушил громкими криками: «Ура!!! Конец войне!!! Домой!!! Никогда больше!!! Ура!!!»

Афоня за компанию с удовольствием послал в небо несколько очередей, имитируя салют, а затем принялся минировать СПСы. «Духам» на память о нас...

Вот и все! Прощайте, горы! Сколько же здоровья здесь угроблено! В последний раз я сплю на камнях, завернувшись в спальный мешок, в обнимку с автоматом. В последний раз пью из жестянки чай, вскипяченный на костерке. Никогда больше в жизни не пойду в горы с нагруженным вещмешком. Не придется впредь пить воду, экономя каждый глоток. Надеюсь, не суждено в дальнейшей жизни неделями скитаться пыльным и грязным, выполняя чей-то приказ. Зачем же я сюда все-таки отправился? Глупость, может быть, но главное, что никто и никогда не сможет упрекнуть меня, будто я отсиживался в тылу, когда другие воевали в Афгане! Что я тут приобрел? Две контузии, тепловой удар, стертые до задницы ноги, рассыпающиеся зубы, испорченный желудок.

Но основная задача выполнена — возвращаюсь живым!

Не грабил, не мародерствовал, не зверствовал, не издевался, не убивал в мирное время. Солдат берег, воевал, на мой взгляд, честно.

Начальник политотдела сдержал слово и прислал мне сменщика. Это был молодой высокий холеный капитан — москвич. Я сдал ему все дела и с чистой совестью отправился оформлять документы на отъезд.

Капитана хватило ненадолго. Вначале он наорал на солдат из взвода связи и не пустил их в кино. Как-то вечером он нарвался на пьяную ватагу наших офицеров, толкнул Мандресова в плечо, придрался к ребятам, схватил за раненую руку Грищука и моментально получил по физиономии. Они не знали, что перед ними новое начальство. Мандресов, Хмурцев, Грищук от души накостыляли столичному франту. Подбили глаз, расквасили нос, попинали. За компанию накостыляли бросившимся их разнимать пропагандисту и начальнику клуба.

Капитан визжал в штабе полка, что он не может служить там, где его

в первый же день избили подчиненные. Сменщик умчался в Баграм, а следом за ним поехал и я.

— Что у вас там творится? Что за анархия? — в резкой форме выразил мне неудовольствие Севостьянов.

— В чем моя вина? Меня здесь уже нет! — ответил я. — Дела сдал, документы на руках, чемодан собран! До свиданья войне!

— Кому сдал дела? Капитану Коваленко? Он даже под угрозой расстрела отказывается служить в вашем батальоне. Что прикажете устроить смотр-конкурс замполитов для замещения вашей должности, товарищ старший лейтенант? Привезти десяток новичков, чтоб взводные и ротные выбрали себе новое политическое руководство?! Без замены не уедешь!

Я опустил глаза и стоял, потя и все больше смущаясь. Неловкая ситуация. Видимо, не хочет какая-то неведомая сила меня отпускать домой!

— Можно и без конкурса! — наконец нашел я выход из создавшейся ситуации. — Предлагаю старшего лейтенанта Шкурдюка назначить вместо меня. Воюет больше года, опыт у него огромный. Награжден орденом, порядочный и грамотный офицер! Не хуже меня, а может, и лучше!

Начальник политотдела сердито и пронзительно посмотрел в мои глаза и распорядился:

— Ладно! Пусть временно обязанности исполняет Шкурдюк! Передай ему дела, дальше посмотрим! А этих дебоширов строго накажем!

Вот и хорошо. Наконец-то устранено последнее препятствие на пути к дому!

Вскоре вышел приказ командира дивизии № 200. Ребятам крепко досталось за драку. Текст содержал довольно грозные формулировки, но был составлен не без юмора. Смеялся весь полк.

Содержание приблизительно следующее:

1. Снять с должности старших лейтенантов Мандресова, Коршунова, Хмурцева, Грищука.

2. Откомандировать командирами взводов в Панджшер на самые удаленные заставы: Мандресова, Хмурцева, Грищука.

3. Если кто-либо из них спустится с горы, то остальные два собутыльника в этот момент не должны находиться в гарнизоне. Встретиться они не должны ни под каким предлогом.

4. Старшего лейтенанта Коршунова назначить начальником штаба батальона восемьдесят первого полка.

Родство с командующим округа опять выручило Коршунова. Счастливчик Коршун!

Самолет разогнался по бетонке и резко взмыл в воздух. Пилот круто закладывал вираж за виражом над городом, и после трех прощальных кругов над Кабулом машина устремилась на север. После набора высоты лай-

нер взял курс домой, в Ташкент! Двигатели надрывно гудели на пределе мощностей, поднимая машину выше и выше в небо. «Ил-76» шел на подъем, резко задрал нос в небо. Так здесь взлетают всегда. Нет плавного горизонтального подъема, а только резко вверх, на пределе возможностей. Авиалайнер сыпал «отстрелами» (световыми ракетами) во все стороны, чтобы отвести от корпуса и двигателей возможный пуск «Стрелы» или «Стингера». Не хочется мне на прощанье получить такой «подарок» от «духов».

Бородатый мужик приладил трубу зенитного комплекса на плечо и прицелился в стремящийся ввысь грузовой авиалайнер.

— Далеко, не достанешь, Махмуд! Он уже очень высоко! — крикнул напарник, останавливая стрелка.

— Жалко! — ответил зенитчик. — Какой большой самолет можно было сбить! Сколько бы «пайсы» получили! Жен бы купили! Сайдула, может, все же попробовать?

— Если бы был «Стингер», я б попытался. А так ракету впустую израсходуем. Командир в гневе палкой станет бить! Лучше наверняка выстрелим по вертолету, если пролетит! — сказал второй душман, и они продолжили чаепитие.

Эпилог

Чухвастова, занимавшегося мелким бизнесом на российско-белорусской границе, застрелили бандиты. Убили вместе с бухгалтером и сожгли в машине, заметая следы.

Александров умер в Забайкалье, в окружном госпитале. Залечили. Поставили диагноз — воспаление легких, а у него отказала поджелудочная железа.

Ветишин получил звание подполковника и утонул в день рождения, спасая женщину.

Головского подорвали в «Мерседесе» недалеко от собственного супермаркета. Кому-то перешел дорогу.

Подорожник еще семь лет прослужил в разных гарнизонах и уволился с должности комбата.

У *Верескова* родилась четвертая дочь, он продолжал писать романы и баллады. Меланхолия все не проходит.

Бугрим попытался стать колбасным «королем», но разорился.

Острогин не дождался обещанной ему квартиры, уехал с Дальнего Востока. Возглавил дельфинарий, долго мотался со зверями по Африке и объявился в России только через пятнадцать лет.

Якубов стал-таки директором ресторана в Бухаре, растолстел еще больше, оставаясь веселым добряком.

Следы *Муталибова* затерялись в пылающем войнами Кавказе.
Шкурдюк не нашел себя в мирной жизни, мучился от двойной морали и собственной невостребованности в армии.
Ошурев стал президентом небольшой республики.

Генералы, командовавшие нами на той войне, как им и положено, передвигались вверх по служебной лестнице или переходили из кабинета в кабинет, из одного ведомства в другое. Даже крупные финансовые или политические скандалы не могли их утопить. Полководцы всегда на плаву.

Для нас война осталась в далеком прошлом, но Афганистан по-прежнему пылает войной, как и пылал. Мы разожгли этот костер, и теперь весь мир не знает, как его потушить. А я до сих пор помню тропы, по которым ходил, кишлаки, в которых воевал. Война, как и раньше, снится мне по ночам, правда, после написания книги — все реже. Наверное, часть моей боли выплеснулась на эти страницы...

В войну легко ввязаться, но очень трудно ее заканчивать...

Люди, давайте будем долго и много думать, прежде чем начинать войны!

Пояснения

Кяризы — разветвленная ирригационная система колодцев для орошения полей.

БРДМ — боевая разведывательно-дозорная машина.

СПС — стрелково-пулеметное сооружение из камней.

«*Утес НСВ*», *ДШК* — крупнокалиберные 12,7 мм пулеметы.

«*Ураган*», «*Град*» — реактивные системы залпового огня.

«*Крокодил*» — вертолет огневой поддержки «МИ-24».

«*Лепестки*» — противопехотные мины в форме листка.

«*Зеленые*», «*сарбосы*» — солдаты афганской армии.

МОН-100, *МОН-50* — противопехотные мины направленного действия.

АГС — автоматический станковый гранатомет.

Подствольник — подствольный гранатомет.

«*Итальянка*» — противотанковая мина.

«*Охота*» — противопехотная мина.

Безоткатка — безоткатное орудие.

«*Грачи*» — штурмовики.

Ханумка — афганская женщина.

Дувал — стена дома или забора.

БМП — боевая машина пехоты.

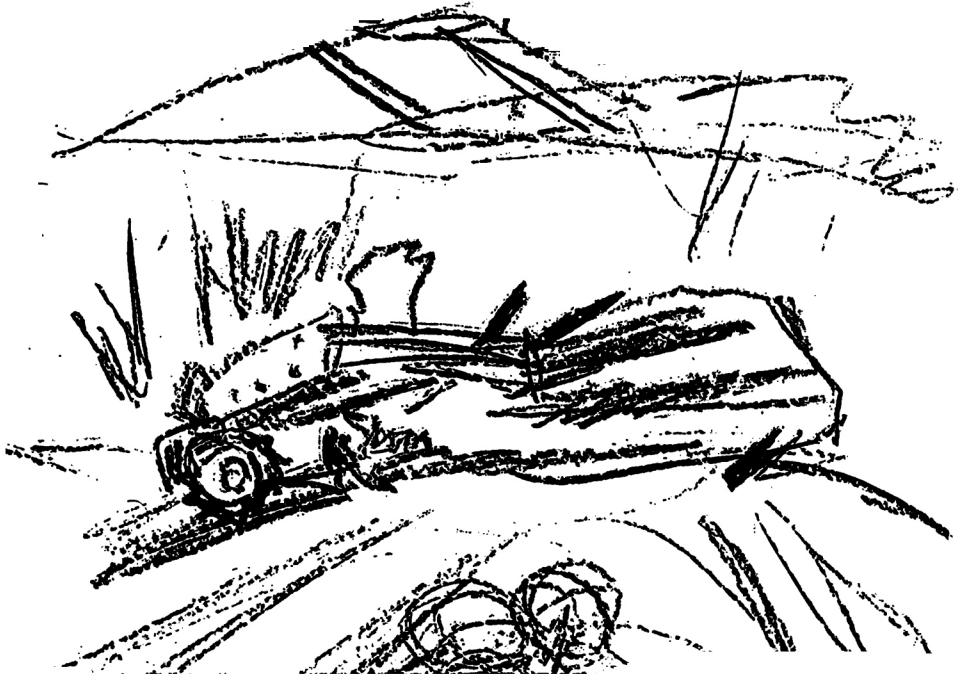
Дукан — афганский магазин.

Бача — афганский мужчина.

БТР — бронетранспортер.

«*Муха*» — одноразовый гранатомет РПГ-18, РПГ-22.

«*Василек*» — 82-мм автоматический миномет, транспортируемый на автомобиле или МТЛБ.

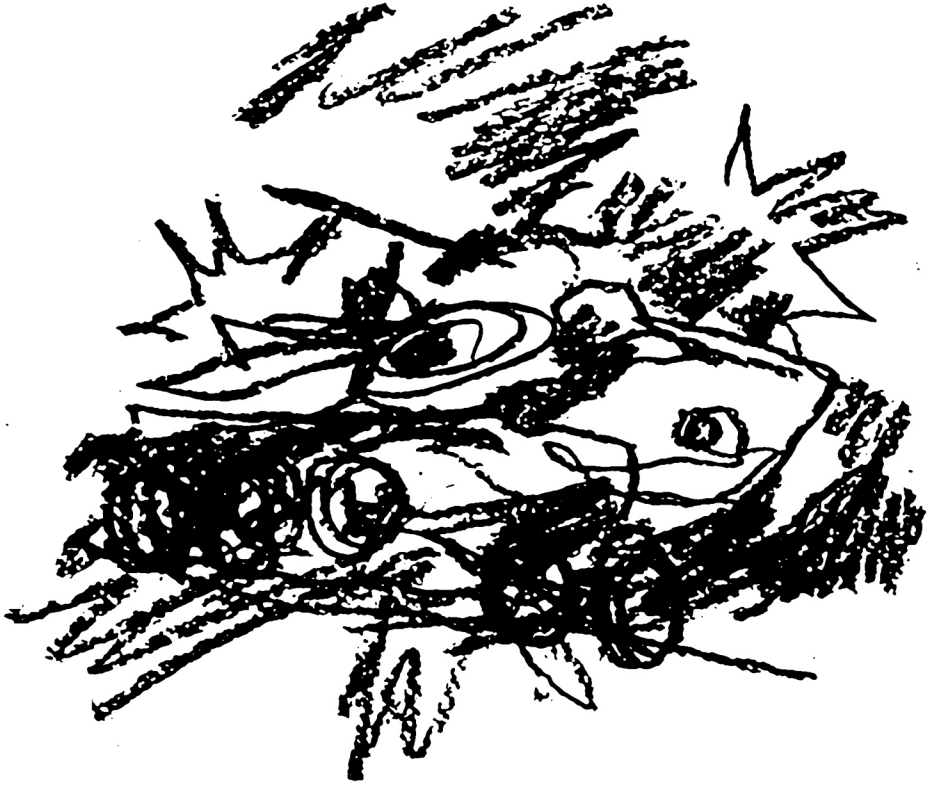

Содержание

Романтик.....	3
Звездопад.....	217
Конвейер смерти	423

Литературно-художественное издание

*30-й годовщине вывода Советских войск
из Афганистана посвящается*

Николай Прокудин (16+)
ВЕРНУТЬСЯ ЖИВЫМ

*Художник Ю. Зверлин
Редактор А. Головин
Корректоры О. Смушко, Т. Кошелева, Я Афанасьева*

ООО «Издательство «Северо-Запад»
197136, г. Санкт-Петербург, ул. Лахтинская, д.28, лит. А, пом. 12-Н.

Подписано в печать 02.06.2019.
Формат 60×90 ¹/₃₂ Усл. печ. л. 45,25.
Бумага офсетная
Тираж 1000 экз
Заказ №

Отпечатано в типографии «Северо-Запад»
97136, г. Санкт-Петербург, ул. Лахтинская, д.28, лит. А, пом. 12-Н.